UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324442 3

СОЧИНЕНІЯ
МАРКЕВИЧА

EX LIBRIS
de SAVITSCH

Rev. C. B. Lindemeyer

Б. М. МАРКЕВИЧЪ.

Markevich, Bolesław Nikhaĭlovich
Polnoe sobranie sochineniĭ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Б. М. МАРКЕВИЧА.

t. 3-4

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Изъ книгъ
№
Н. Н. С. В. Кудашева

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія (бывшая) А. М. Котомина, Фонтанка, д. № 93.
1885.

PG
3467
M327
1885
t.3-4

790587

Содержаніе

ТРЕТЬЯГО ТОМА:

	стран.
Марина изъ Алаго Рога.	1
Княжна тата	257
Лѣсникъ	329

МАРИНА ИЗЪ АЛАГО-РОГА.

МАРИНА ИЗЪ АЛАГО-РОГА.

СОВРЕМЕННАЯ БЫЛЬ *).

(Посвящается графинѣ Соф. Андр. Толстой).

Poor soul!
Hamlet.

I.

Въ большой осьмиугольной залѣ, освѣщенной круглыми, en oeil de boeuf, только-то начисто вымытыми окнами, стояла, наклонясь надъ длиннымъ дубовымъ столомъ, занимавшимъ всю средину покоя, красивая, статная дѣвушка. Разбиваясь о широкіе переплеты оконъ, багровые лучи заката играли причудливыми бликами въ складкахъ широкихъ, узорно расшитыхъ рукавовъ ея бѣлой, украинской рубахи, скользили по ея смуглой, полной шеѣ, и, словно нить расплавленнаго золота, вились по лоснящимся изгибамъ темной, небрежно свитой въ переплетъ, съ пунцовою лентой, длинной и тяжелой косы, которую дѣвушка нетерпѣливымъ движеніемъ руки только-что перекинула себѣ со спины на грудь. Она стояла повернув-

*) Впервые напечатана въ первыхъ трехъ книжкахъ „Русскаго Вѣстника“ за 1873 годъ. Въ слѣдующемъ 1874 году книгопродавецъ-типографъ М. О. Вольфъ издалъ въ трехъ томахъ, подъ названіемъ: „На поворотѣ“, „Забытый вопросъ“ и „Марину изъ Алаго-Рога“ и напечаталъ эту „Современную быль“ въ первомъ томѣ своего изданія.

шись отъ солнца и, упираясь обѣими ладонями о столъ, провѣряла глазами по лежавшему предъ ней каталогу длинный рядъ томовъ дорогихъ, преимущественно англійскихъ изданій, сейчасъ разобранныхъ и уставленныхъ ею въ порядкѣ. То были недавно прибывшія книги, какъ можно было заключить по большому деревянному ящику, стоявшему тутъ же на свѣженавощенномъ паркетѣ, и по цѣлому вороху разорванныхъ листовъ нѣмецкихъ газетъ, въ которыя онѣ были тамъ обернуты. Дѣвушка полугромко читала ихъ названія, произнося англійскія слова какъ французскія, и при этомъ догадливо сжимала свои густыя брови, сознавая чутьемъ, что произноситъ не такъ...

— *History of Greece*, by George Groot esq., читала она.— двѣнадцать томовъ. Всѣ. *Pauperism, its causes and remedias* prof... то-есть *профессоръ*, значитъ Fawcet. Одна толстая книга. Тутъ. *Dissertations and discussios*.... J. S. Mill... Ахъ. это вѣрно сочиненія знаменитаго Милля! съ какою-то ребяческою радостью воскликнула она.

— Что, готово? раздался за нею хриплый, но громкій голосъ, и, мягко вступая по протянутой изъ сосѣдней комнаты холстяной дорожкѣ, вошелъ въ залу плотный, рослый и лысый какъ колѣно мужчина лѣтъ пятидесяти, во фракѣ и лѣтнемъ желтоватаго колера платкѣ на шеѣ. Это былъ Іосифъ Козьмичъ Самойленко, глинскій землевладѣлецъ и главноуправляющій малорусскими имѣніями графа Владиміра Алексѣевича Завалевскаго, котораго съ минуты на минуту ожидали въ Аломъ-Рогу, мѣстѣ настоящаго нашего разсказа.

— Вотъ вы мнѣ никогда не хотѣли нанять англійскаго учителя, молвила вмѣсто отвѣта дѣвушка, не оборачиваясь и перелистывая взятый ею со стола томъ Милля,—изъ десяти фразъ девять не понимаешь... срамъ просто!...

— А ну тебя съ англійскимъ учителемъ! гнѣвно кашлянулъ Іосифъ Козьмичъ.—Спрашиваю: убирать это можно?

Онъ толкнулъ ногой въ пустой ящикъ.

— Можете, все также не отрывая глазъ отъ книгъ отвѣчала она.

Іосифъ Козьмичъ захлопалъ въ ладоши. Двое чисто одѣ-

тыхъ, но довольно растрепанныхъ слугъ выбѣжали изъ передней.

— Тащите вонъ... Да не такъ, стой! Эка порода-то сиволапая! На руки подымай, дурачье! Вамъ вѣдь, ерепеи вы вислоухіе, что̀ мазаный полъ, что̀ паркетъ тысячный—одинъ чортъ!... суетился и ругался господинъ Самойленко.

— Грубо и несовременно! громко замѣтила дѣвушка, приподымая плечи, между тѣмъ какъ „вислоухіе ерепеи“, нескладно переплетая ноги и тѣсно прижимаясь боками къ сторонкамъ тяжелаго ящика, выносили его изъ залы.

— Такъ я и посмотрю на твою современность! отгрызся Іосифъ Козьмичъ, медленно шагая за ними и не покидая ящика озабоченнымъ взглядомъ.

— *Geschichte der neuen Philosophie* von Cuno Fichter, продолжала читать дѣвушка, слѣдя за числомъ книгъ по каталогу.—Есть. *Parerga und Parallelipomena*, von Arthur Schopenhauer, два тома. Тутъ. *History of civilization in England* by Thomas Buckle. Она прочла „Бюкль“—и вдругъ догадалась.—Ахъ, Боже мой, да это *Бокль!* Бокль въ оригиналѣ! повторила она съ торжествомъ, и на ея крупныхъ и какъ спѣлая вишня алыхъ губахъ сложилась мгновенно полуудивленная, полупрезрительная улыбка. Въ ея понятіяхъ Бокль былъ *такая современная и передовая книга*,—сама она впрочемъ никогда не могла осилить „эту книгу,“—что она никакъ не могла себѣ ее представить въ рукахъ заскорузлаго аристократа и капиталиста, какимъ несомнѣнно долженъ былъ быть этотъ *противный графъ*, у котораго въ одномъ ихъ уѣздѣ тридцать тысячъ десятинъ земли и три каменные *дворца*, какъ говорятъ въ ихъ Сѣверской сторонѣ крестьяне... А между тѣмъ нельзя было усомниться, что „этотъ Бокль“ принадлежалъ тому самому графу: она сама вытащила эти два толстые тома вмѣстѣ съ другими изъ ящика и, какъ Пушкина Татьяна, могла даже замѣтить на поляхъ ихъ „слѣды его карандаша“... Она еще разъ дернула плечомъ и равнодушно зѣвнула...

— Что̀ же, онѣ тутъ лежать останутся, или на полки ихъ уставить? спросилъ, возвращаясь изъ передней, Іосифъ Козьмичъ, указывая на книги толстымъ перстомъ, на которомъ

блестѣлъ огромный сердоликовый перстень съ вырѣзаннымъ на немъ гербомъ древняго рода Самойленковъ.—Какъ по-вашему современнѣе, Марина Осиповна? примолвилъ онъ, уже подсмѣиваясь.

— Какъ хотите... Вотъ здѣсь свободно, отвѣчала она, обводя глазами залу, всѣ простѣнки которой заняты были полками огромной старой библіотеки Завалевскихъ, и останавливая ихъ на одномъ пустомъ мѣстѣ.—Только, если уставлять, — позовите кого-нибудь: я свое дѣло сдѣлала и устала ужасно...

— А пусть себѣ на столѣ останутся, рѣшилъ Іосифъ Козьмичъ,—самъ пріѣдетъ, куда захочетъ, туда и ткнетъ... Только что-жь его нѣтъ до сихъ поръ?—Главноуправляющій вынулъ часы. — Поѣздъ приходитъ четвертаго въ половинѣ, а теперича восьмой въ началѣ; неужто-жь имъ 25 верстъ нужно тащиться четыре часа? Собственныхъ своихъ саврасыхъ подъ него послалъ съ Лаврентьемъ... Человѣкъ непьющій... Развѣ самъ не пріѣхалъ, а заставилъ меня даромъ во фракъ наряжиться? Отъ такого шелопута и этого неуваженія, пожалуй, ожидать можно! фыркнулъ въ заключеніе господинъ Самойленко, надменно выпучивая впередъ животъ свой.

— Откудова писалъ онъ, что пріѣдетъ? спросила Марина.

— Изъ Санктъ-Петербурга, и въ письмѣ акуратно обозначилъ день и часъ...

— Такъ онъ въ Петербургѣ теперь живетъ? перебила его дѣвушка.

— А кто его знаетъ! Предпослѣднее письмо изъ Лондона было... А предъ тѣмъ годъ ровно не писалъ ничего. А въ позапрошломъ годѣ изъ Америки получилъ я отъ него цыдулку: выслать ему двѣнадцать тысячъ въ Парижъ.

— Онъ и въ Америкѣ былъ? воскликнула дѣвушка.

— А тамъ бы ему и оставаться! прорвался на это вдругъ Іосифъ Козьмичъ. — На что ему сюда пріѣзжать? Только путать станетъ да мѣшать.

Господинъ Самойленко не договорилъ, но его раздувшіяся ноздри и поджатыя губы говорили достаточно о досадѣ и глу-

бокомъ безпокойствѣ, которыя причинялъ ему этотъ нежданный пріѣздъ его патрона.

Упершись головой на обѣ руки, дѣвушка внимательно слѣдила за выраженіемъ его лица, и странная улыбка блуждала на складкахъ ея рта:

— Какъ же онъ вамъ мѣшать будетъ, сказала она, — когда онъ совсѣмъ не реальный человѣкъ и никакой практической почвы подъ нимъ нѣту?

— Да, толкуй себѣ — практической почвы нѣту! качнулъ головой Іосифъ Козьмичъ.—Всѣ они теперь за практику взялись, какъ и половины у нихъ прежнихъ доходовъ не стало... Только изъ практики-то этой пока все у нихъ одинъ пшикъ выходитъ, домолвилъ онъ, внезапно хихикнувъ.—Вѣдь прочія-то имѣнія онъ чуть не всѣ, говорятъ, передалъ какой-то родственницѣ, княгинѣ Солнцевой; остаются у него теперь одни *мои*...

— А на долго ему вашихъ хватитъ? вдругъ засмѣялась Марина.

Іосифъ Козьмичъ не понялъ и вопросительно обернулся на нее. Но глаза ея были опущены и съ какимъ-то почти печальнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ спросила она:

— Молодъ онъ еще?

— Какое молодъ! Когда я, объяснялъ господинъ Самойленко,—по просьбѣ покойнаго дяди его, графа Константина Владиміровича, вступилъ въ управленіе Алорожской экономіей,—этому теперь двадцать первый годъ пошелъ,—онъ ученіе свое кончалъ въ Москвѣ, въ университетѣ, потому покойный графъ, какъ теперь помню, велѣлъ ему выслать шесть тысячъ на экипировку...

— Такъ онъ теперь ужь совсѣмъ старикъ?

— Ну, не совсѣмъ, возразилъ, крякнувъ, Іосифъ Козьмичъ,—а до моихъ лѣтъ, пожалуй, и не такъ далеко ему...

— И такой-же какъ вы... *облый?* засмѣялась опять Марина, употребляя вычитанное ею гдѣ-то выраженіе, которое ей очень нравилось, и изображая руками по воздуху пространную округлость Іосифа Козьмича.

— Не видалъ я его никогда, а должно-быть пожиже бу-

детъ, самодовольно отозвался господинъ Самойленко,—потому не тотъ ихъ родъ совсѣмъ. Я въ дѣда вышелъ, въ генералъ-поручика...

— Опять, аристократничать начали, про родъ свой и про дѣдушку генералъ-поручика! насмѣшливо воскликнула Марина.

Злобно взглянулъ на нее господинъ Самойленко, и лысина его мгновенно побагровѣла:

— Ты такъ глупо разсуждаешь, закричалъ онъ на дѣвушку, — потому... потому въ тебѣ кровь... И, какъ бы спохватившись, тотчасъ же мягче примолвилъ: сумбуръ одинъ изъ книгъ-то вычитала!...

— Ничего тутъ книги не виноваты, хладнокровно отвѣчала она, хотя лицо ея мгновенно поблѣднѣло, — а только какъ вы себѣ тамъ ни толкуйте, а все же онъ, каковъ ни есть, *графъ*, а вы его управляющій...

— А мнѣ наплевать на этого графа, совсѣмъ ужь разсвирѣпѣлъ Іосифъ Козьмичъ. — Завтра съ нимъ попрощаюсь, такъ, можетъ, почище его самъ графъ буду!...

Онъ обернулся всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ, поймавъ на-лету взглядъ Марины, съ любопытствомъ обращенный къ дверямъ, выходившимъ въ садъ.

Онѣ были раскрыты на половину, и изъ-за нихъ господинъ Самойленко различилъ кого-то ему незнакомаго, подымавшагося по ступенькамъ лѣстницы, что̀ вела изъ сада въ библіотеку.

— Кого вамъ угодно? крикнулъ онъ гнѣвно подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ перемолвки своей съ Мариной.

— Я ищу здѣшняго управляющаго, отвѣчалъ густой и въ то же время мягкій, словно звукъ віолончелевой струны, голосъ, и на порогѣ залы показался человѣкъ довольно высокаго роста, въ изношенномъ сѣромъ пальто, съ блѣднымъ, усталымъ лицомъ и густыми, почти совершенно сѣдыми волосами, падавшими со всѣхъ сторонъ большими взъерошенными кольцами.

— Кого вамъ? повторилъ свысока управляющій.

— Осипа Кузьмича Самойленко, отвѣчалъ нововошедшій, подымая на него большіе и усталые, какъ и вся его наружность, глаза.

— І-о-сифа Ко́зь-мича, поправилъ его господинъ Самойленко:—онъ передъ вами...

— Ахъ, это вы... я очень радъ, проговорилъ тотъ, очевидно нѣсколько озадаченный такимъ пріемомъ.—Я... я графъ Завалевскій...

Іосифа Козьмича точно черепицей съ крыши по головѣ хватило. Онъ совершенно растерялся.

— Ваше сіятельство, помилуйте, захлопоталъ онъ, прижимая обѣ руки къ груди и топоча на мѣстѣ словно помимо его воли заходившими пятками,—какъ же вы такъ... пѣшкомъ... и черезъ садъ?... За вами послана... четверня, въ коляскѣ... Неужели?...

— Очень вамъ благодаренъ, поспѣшилъ сказать графъ, лошади ждали насъ у станціи желѣзной дороги, и мы отлично ѣхали, но тутъ, верстахъ въ четырехъ, на пути, лопнула у насъ шина на колесѣ. Къ счастью, тутъ же недалеко оказалась кузница, куда мы кое-какъ дотащились... Со мною одинъ пріятель ѣдетъ, князь Пужбольскій,— онъ тамъ остался съ людьми, пока наварятъ новую шину, а я предпочелъ дойти сюда пѣшкомъ...

Господинъ Самойленко между тѣмъ успѣлъ овладѣть собою; ему стало ужасно досадно за то невольно овладѣвшее имъ чувство приниженности и страха, которое онъ выразилъ въ первую минуту предъ графомъ, да еще въ присутствіи Марины, и закинувъ голову назадъ:

— Такая непріятность съ каждымъ можетъ случиться, преувеличенно развязнымъ тономъ заговорилъ онъ,—я кучеру своему далъ приказаніе запречь лошадей въ экипажъ, въ которомъ я ѣзжу самъ, и, конечно... очень жалѣю... но провѣрять крѣпость шинъ не входило въ кругъ моихъ соображеній... и, такъ-сказать, обязанностей...

Іосифъ Козьмичъ остался очень доволенъ этимъ изъявленіемъ независимости своей и достоинства и съ торжествомъ на челѣ покосился на Марину. Но она не глядѣла на него и все въ томъ же положеніи, у стола, упершись головой объ обѣ руки, съ какимъ-то нетерпѣливымъ любопытствомъ въ заго-

рѣвшихся глазахъ слѣдила за каждымъ словомъ, за каждымъ движеніемъ Завалевскаго.

А графу понравилась выходка его управляющаго. „Не рабствуетъ по-крайней-мѣрѣ“, подумалъ онъ.

— Мнѣ было бы очень досадно, если бы этого со мною не случилось, весело сказалъ онъ. — Я пошелъ одинъ по дорогѣ... и, вообразите, послѣ двадцати пяти лѣтъ отсутствія, узналъ мѣста, припоминалъ, угадывалъ... Я такъ былъ радъ,— старый дубъ, другъ моего дѣтства, подъ которымъ я заучивалъ mensa, mensae, онъ все тутъ, и я—такъ это крѣпко засѣло у меня въ памяти съ тѣхъ поръ,—отсчиталъ 85 шаговъ отъ него до калитки сада. Вышло ровно такъ, улыбнулся Завалевскій,—и такой доброй, сердечной улыбки никогда еще не видала Марина...

— А не изволили вы замѣтить, смягчаясь вдругъ, спросилъ Іосифъ Козьмичъ, — когда вы остановились у кузницы, въ какомъ видѣ былъ кузнецъ?

— Онъ очень мраченъ, сколько я могъ замѣтить, продолжалъ улыбаться тотъ.

— То-то, ненадеженъ, закапризничаетъ случаемъ, такъ и до самой ночи, пожалуй, провозится съ работой... Я лучше отправлю сейчасъ шарабанъ за княземъ, а вещи привезутъ на подводѣ... Вѣдь и люди съ вами?

— Съ Пужбольскимъ его камердинеръ; со мною никого, отвѣчалъ графъ, опускаясь въ кресло и съ задумчивою улыбкой обводя взоромъ кругомъ себя.

— Я сейчасъ прикажу... И припоминая: — книги ваши прибыли только вчера, сказалъ г. Самойленко,—она вотъ, по порученію моему, разобрала...

Онъ кивнулъ головой на Марину и на столъ съ книгами и вышелъ изъ покоя.

Завалевскій разсѣянно взглянулъ по направленію стола, смутно замѣтилъ женщину, машинально вскочилъ съ мѣста и, пробормотавъ „mille pardons“, такъ же машинально принялся торопливо подвязывать распустившійся галстухъ. Но мысли его были далеко; онъ не замѣтилъ ни небрежнаго до невѣжливости поклона, какой сочла обязанностью своею отпустить

ему Марина, ни разбиравшій ее смѣхъ, когда онъ, постоявъ нѣкоторое время на мѣстѣ, опустился снова въ кресло и, не обращая уже на нее никакого вниманія, принялся бормотать что-то про себя, какіе-то стихи, и даже нѣмецкіе, такъ какъ до ея слуха явственно донеслись слова: „schwankende Gestalten“, и потомъ „Herz“ и затѣмъ что-то еще непонятное...

— Вы устали съ дороги? крикнула она ему неожиданно съ напускною рѣшимостью; въ сущности ей было почему-то очень неловко.

— Я?...

Завалевскій встрепенулся словно отъ сна, поднялъ опущенныя вѣки—и при горячемъ трепетаніи широко падавшаго на нее въ эту минуту столба свѣта увидѣлъ предъ собою странное, поразившее его своею оригинальною красою созданіе. Изъ-подъ почти черныхъ бровей, очерченныхъ красивою и смѣлою дугой, глядѣли прямо на него большіе лучистые голубые глаза, съ выраженіемъ какой-то ребяческой дерзости и простодушнаго недоумѣнія. — Отчего ты такой совсѣмъ особенный? казалось, говорили эти недоумѣвавшіе и умные глаза. Неправильный, нѣсколько грубоватый рисунокъ слегка вздернутаго носа и пышныхъ, молодыхъ губъ, широкія плечи и, изъ-подъ шитой рубашки, роскошныя очертанія бюста, напоминавшія франкфуртскую Аріадну, матовый, безъ тѣни, но яркій, словно позолоченный цвѣтъ кожи и низкій, гладкій лобъ, по обѣимъ сторонамъ котораго, закрывая уши, свободно спускались волны русыхъ волосъ, сливавшихся гдѣ-то сзади въ одну огромную косу,—все это исполнено было такой жизни, силы, своеобразія, въ этомъ молодомъ обликѣ было что-то такое свѣжее, непочатое, — почвенное, внутренно сказалъ себѣ Завалевскій,—что всѣ артистическія струны его существа загремѣли въ немъ вдругъ какимъ-то всезаглушающимъ аккордомъ. Онъ закинулъ голову, ударилъ рукою объ руку и воскликнулъ:

— Ахъ, какъ вы красивы!...

— Что-о? грубо и обиженно отрѣзала она ему въ отвѣтъ метнувъ на него гнѣвнымъ взглядомъ, между тѣмъ какъ все лицо ея озарялось пожаромъ.

Онъ покраснѣлъ еще рѣшительнѣе, чѣмъ она, взъерошилъ въ замѣшательствѣ свои волосы и проговорилъ слегка дрогнувшимъ голосомъ:

— Ради Бога, извините меня... Я бываю иногда разсѣянъ до безобразія... Но вы, смѣю надѣяться, не можете думать, чтобъ я намѣренно... При этомъ свѣтѣ... и вашъ костюмъ... и эти волосы—мнѣ представились...

Марина глянула на него изподлобья и вдругъ разразилась оглушительнымъ, неудержимымъ смѣхомъ.

— Ахъ, какой вы шутъ уморительный! воскликнула она въ свою очередь.

Дико зазвучала въ первую минуту эта примитивная откровенность въ ушахъ графа. Но смѣхъ дѣвушки былъ такъ искрененъ, такъ сообщителенъ, — онъ былъ внѣ всякаго кодекса свѣтскихъ приличій, но за то всѣ приличія, взятыя вмѣстѣ, не стоили этого свободнаго молодаго смѣха. Завалевскій почувствовалъ это — и расхохотался въ одну ноту съ Мариной...

Онъ подошелъ къ столу со стороны противоположной той, у которой она стояла, и взявъ первую попавшуюся ему подъ руку книгу.

— Осипъ... Іосифъ Козьмичъ, поправился онъ,—говорилъ сейчасъ... вашъ батюшка? прервалъ онъ себя, вопросительно поведя на нее взглядомъ.

Она кивнула утвердительно, помаргивая все еще смѣявшимися глазами.

— Онъ говорилъ сейчасъ, продолжалъ графъ, — что вы дали себѣ трудъ привести мои книги въ порядокъ.

— Дала себѣ этотъ трудъ и даже очень утомилась, таская ихъ изъ ящика, насмѣшливо проговорила дѣвушка; она такъ и ожидала, что „смѣшной старичекъ“, какимъ сейчасъ представился ей Завалевскій, подастъ ей немедленно новый поводъ къ смѣху.

Но онъ неожиданно для нея замолкъ мгновенно, и мысль его, — она поняла это, — далеко отлетѣла отъ нея, отъ всего окружавшаго его въ эту минуту. Онъ безсознательно перебиралъ пальцами по книгѣ, оставшейся у него въ рукѣ, и гля-

дѣлъ недвижно въ окно, откуда виднѣлась безконечная лѣсная даль съ ея померкавшими въ тѣняхъ набѣгавшаго вечера вершинами. Его лицо приняло опять свое усталое, чтобы не сказать унылое, выраженіе. Но Марина, одною шириной стола отдѣленная отъ него, успѣла разглядѣть его тонкія черты, его длинные блѣдные пальцы и нѣжную шею подъ помятыми воротничками цвѣтной рубашки и съ удивленіемъ спрашивала она себя: „да старикъ-ли онъ въ самомъ дѣлѣ?“...

— У васъ, къ сожалѣнію, все больше англійскія книги, заговорила она громко, чтобы сказать что-нибудь: не то досаду, не то какую-то странную жалость подымала во днѣ ея души непонятная ей унылость этого человѣка.

Онъ опять словно проснулся и какъ бы совершенно позабылъ все, что̀ было предъ этимъ. Онъ уложилъ локти на столъ и съ доброю своею улыбкой уставился прямо въ лицо Марины.

— А вы по-англійски не читаете?

— Нѣтъ, сказала она:—я по-французски знаю порядочно, по-нѣмецки хуже, а по-англійски совсѣмъ нѣтъ,—не учили...

Онъ помолчалъ, потомъ спросилъ:

— А вообще вы много читаете?

— Да, все, что̀ попадется, я очень люблю...

Онъ покачалъ головой—и ничего не сказалъ.

Но Марина поняла его неодобреніе и отпустила тотчасъ же колкимъ тономъ:

— А по-вашему, разумѣется, женщина должна ничему не учиться и ничего не читать?...

Онъ не отвѣчалъ, какъ бы соображая, и продолжалъ покачивать головою.

Она было вскинулась „развивать ему свои убѣжденія“ относительно „женскаго вопроса“, но вдругъ пріостановилась.—Лучше пусть онъ спрашиваетъ, подумала она, — *доказать* всегда успѣю...

Онъ дѣйствительно спросилъ ее, читала-ли она поэтовъ?

— Да... нѣкоторыхъ, отвѣчала она не сейчасъ, такъ какъ нѣкоторое время прошло въ колебаніи: слѣдуетъ-ли признаться въ этомъ, или нѣтъ?

— И любите? неумолимо допрашивалъ Завалевскій.

— Такъ себѣ, средственно, пояснила она. И бѣлые, ровные какъ подобранная нить жемчуга зубы сверкнули подъ приподнявшеюся верхнею губой Марины.

— Кого-же, напримѣръ?

— Ну, Некрасова, разумѣется...

— Разумѣется, повторилъ онъ съ какою-то невеселою усмѣшкой.—А Пушкина?

На устахъ ея сложилась легкая гримаска.

— Да, онъ мнѣ нравится, сказала она,—только вѣдь онъ не развитъ...

— Что-съ? Какъ вы это сказали? чуть не съ ужасомъ вскрикнулъ графъ,—это Пушкинъ *не развитъ?*..

— Ну, конечно! съ торжествующею улыбкой подтвердила она.

На этотъ разъ графъ подумалъ, что она дѣйствительно его въ глаза дурачитъ. Но онъ ошибался. Бѣдная Марина дѣйствительно была „убѣждена", что Пушкинъ „не развитъ". Ей это преподалъ одинъ учитель изъ семинаристовъ, сосланный въ Глинскъ за участіе въ какой-то „политической агитаціи" и переведенный оттуда „за пропаганду вредныхъ соціалистическихъ ученій" — какъ значилось въ казенной бумагѣ,—въ дальнюю губернію. Когда онъ уѣзжалъ съ жандармами изъ города, уѣздныя почитательницы его поднесли ему у заставы букетъ изъ левкоевъ и булавку для галстуха; булавка изображала кинжалъ, по лезвею котораго микроскопическими буквами вырѣзано было одно таинственное слово: *Гармодію* *). Идея кинжала и надписи принадлежала самому „мученику", а деньги на символическій подарокъ, заказанный одному жиду-мельнику, который въ то же время былъ и часовыхъ, и золотыхъ дѣлъ мастеръ, собраны были по подпискѣ, въ которой участвовала и Марина. Какъ же было ей не повѣрить на слово такому авторитету?.. А иныя стихотворенія Пушкина, какъ нарочно, такъ нравились ей, такъ забирали ее за душу... Но все-же таки „онъ былъ не развитъ", упрямо говорила она себѣ...

---

*) Гармодій, при помощи друга своего Аристогитона, умертвившій Гиппарха, одного изъ двухъ тирановъ аѳинскихъ.

II.

— Шарабанъ и подвода отправлены, возгласилъ г. Самойленко, возвращаясь въ залу, и примолвилъ официальнымъ тономъ:—въ столовой собраны всѣ лица, принадлежащія къ управленію Алорожской экономіи; если вашему сіятельству угодно будетъ...

— Ахъ, нѣтъ, ради Бога, Ос... Іосифъ Козьмичъ! воскликнулъ графъ въ какомъ-то перепугѣ! я ненавижу всякую казенщину... избавьте меня, пожалуйста!.. И—замѣтивъ обиженное выраженіе, которое внезапно изобразилось въ чертахъ г. Самойленка:—Позвольте, позвольте мнѣ прежде всего, поспѣшилъ онъ сказать,—познакомиться, подъ вашимъ руководствомъ, съ самымъ дѣломъ... а затѣмъ вы мнѣ всегда успѣете представить... если это необходимо... подначальныхъ вамъ лицъ...

Іосифъ Козьмичъ самодовольно наклонилъ голову: это было даже болѣе, чѣмъ онъ ожидалъ.

„Ни съ дѣломъ, ни съ людьми во-вѣки вѣковъ не быть тебѣ знакомымъ, милый мой!“ рѣшилъ онъ въ умной головѣ своей.

— Да не угодно-ли вамъ будетъ, Владиміръ Алексѣевичъ, весело и развязно заговорилъ онъ, понявъ какъ-то сразу, en bloc, что за человѣкъ былъ Завалевскій, и почитая вслѣдствіе сего за лучшее не называть его ни „вашимъ сіятельствомъ“, ни „графомъ“,—не хотите-ли съ дороги закусить чего-нибудь?...

— Нѣтъ, я нисколько не голоденъ... Чаю развѣ...

— Сейчасъ устроимъ... Марина, ступай, распорядись!..

— Ахъ, зачѣмъ вамъ безпокоиться! живо обернулся на нее графъ.

— Она у меня хозяйка, съ достоинствомъ произнесъ Іосифъ Козьмичъ, какъ бы желая дать ему почувствовать, что это молъ единственно изъ гостепріимства оказывается тебѣ внимательность.

— Что, вы въ стаканѣ пьете? спросила Марина Завалевскаго, скользнувъ по немъ своимъ лучистымъ взглядомъ.

— Въ чашкѣ, если позволите:—я въ гусарахъ не служилъ, примолвилъ онъ, смѣясь.

Марина такъ и покатилась.

— А кто въ стаканѣ пьетъ, тотъ непремѣнно былъ гусаромъ? спрашивала она, сама удивляясь тому, изъ-за чего сдѣлалось ей такъ вдругъ весело, и указывая пальцемъ на Іосифа Козьмича:—то-то видно сейчасъ, что онъ былъ военнымъ прежде, проговорила она,—стакановъ по пятнадцати дуетъ!

Завалевскаго всего покоробило отъ этого жеста, отъ этого вульгарнаго выраженія. Болѣзненно передернуло у него подъ правымъ глазомъ, точно кто подъ самымъ его ухомъ визгнулъ по стеклу мокрымъ пальцемъ. Онъ конфузливо опустилъ голову, боясь встрѣтиться глазами съ Мариной. Но она все видѣла, отгадала чутьемъ впечатлѣніе, произведенное ею на него, и, заалѣвъ по самый лобъ, сердито сдвинувъ брови и закусивъ нижнюю губу, она прянула съ мѣста и, промолвивъ скороговоркой: „я вамъ сейчасъ пришлю чаю“, выпрыгнула изъ залы, словно испуганная коза...

Іасифъ Козьмичъ также все видѣлъ,—и лукавая улыбка скользнула по его толстымъ губамъ, когда Завалевскій, проводивъ Марину какими-то весьма подозрительными, по мнѣнію г. Самойленка, глазами, поднялъ ихъ на него и сказалъ:

— Замѣчательная наружность у вашей дочери, Іосифъ Козьмичъ!...

— Да-съ, отвѣчалъ онъ, придвигая къ себѣ кресло ногой и усаживаясь въ немъ какъ можно спокойнѣе насупротивъ графа:—красавица, могу сказать безъ лишней скромности... И воспитана,—насколько это только возможно было въ нашей глухой сторонѣ. Покойница жена моя, примолвилъ онъ со вздохомъ,—происходившая изъ рода князей Серебряныхъ-Телеп-

невѣхъ,—въ домѣ даже ихъ воспитаніе получила,—сама была женщина образованная... и съ другой стороны, мы ничего не жалѣли, конечно...

Іосифъ Козмичъ передохнулъ и взглянулъ на графа.

Тотъ молчалъ и загадочно глядѣлъ на него.

— И справедливость требуетъ сказать, началъ опять г. Самойленко, и уже съ нѣкоторымъ паѳосомъ,—сѣмена, посѣянныя такъ-сказать нами, пали не на неблагодарную почву. Училась она прекрасно и отъ природы весьма понятлива... даже прямо надо сказать—умна! И Іосифъ Козьмичъ кивнулъ головой самоувѣренно и рѣшительно...

— Умна? повторилъ графъ, все такъ же загадочно глядя на него.

Г. Самойленкѣ послышалось сомнѣніе въ звукѣ его голоса.

— Конечно, поспѣшилъ онъ добавить, какъ бы извиняясь за Марину,—по первому разговору вы могли... можетъ быть заключить... Но съ этимъ ничего не подѣлаешь... идеи вѣка...

— Идеи вѣка! опять повторилъ Завалевскій и вдругъ засмѣялся: очень забавнымъ зазвучало ему это выраженіе въ устахъ господина Самойленки,—ничего съ этимъ не подѣлаешь, конечно...

Онъ тотчасъ же затѣмъ какъ бы припомнилъ что-то и, какъ бы боясь позабыть это вдругъ вспомянутое, торопливо спросилъ, подымаясь съ мѣста:

— Кабинетъ покойнаго дяди тутъ налѣво, не правда-ли?

— Черезъ корридоръ налѣво, отвѣчалъ озадаченный Іосифъ Козьмичъ, указывая дверь рукою и не трогаясь изъ своего кресла. Но, увидѣвъ, что Завалевскій, не оглядываясь, быстро направился въ сторону кабинета, онъ поднялся покряхтывая съ мѣста и пошелъ за нимъ.

Кабинетъ бывшаго владѣльца Алаго-Рога была пространная четырехъ-угольная подъ высокимъ сводомъ комната, оклеенная темно-малиновыми обоями съ такого же цвѣта кожаною мебелью вокругъ стѣнъ, и большимъ, съ цѣльными стеклами, венеціянскимъ окномъ, обращеннымъ къ широкому плесу—*виру*, по мѣстному выраженію,—свѣтлой и быстрой рѣчки, Алаго-Рога, отъ котораго и вся вотчина Завалевскаго

принимала свое названіе... Чѣмъ-то затхлымъ, сумрачнымъ и суровымъ вѣяло въ этомъ, послѣ многихъ лѣтъ сегодня только, чувствовалось, открытомъ и провѣтренномъ покоѣ. Старинныя, пожелтѣвшія отъ времени гравюры съ Рафаэлевскихъ картинъ въ вычурныхъ, рукою самого покойнаго графа выточенныхъ рамахъ, непривѣтливо глядѣли со стѣнъ. На дубовомъ объемистомъ столѣ, такомъ же, какой стоялъ въ библіотекѣ, сиротливо лежала развернутая книга въ древнемъ пергаментномъ переплетѣ, и рядомъ съ нею бѣлѣлась акуратно сложенная кипка свѣжепереписанныхъ крупною конторскою рукою вѣдомостей и счетовъ, подготовленныхъ г. Самойленкой къ пріѣзду Завалевскаго...

— Ничего здѣсь не тронуто; какъ застала смерть покойнаго, въ самомъ томъ видѣ велѣлъ я все оставить, доложилъ онъ, останавливаясь на порогѣ кабинета, между тѣмъ какъ графъ задумчиво подходилъ къ окну.

— Онъ здѣсь и умеръ?

— На этомъ вотъ самомъ мѣстѣ. Іосифъ Козьмичъ указалъ на кресло, стоявшее у окна.—Вышелъ онъ, по обыкновенію, изъ спальни, послѣ утренняго чаю, сюда, сѣлъ за книгу и...

Но Завалевскій, какъ бы избѣгая тяжелыхъ воспоминаній, или подъ вліяніемъ другой занимавшей его въ эту минуту мысли, прервалъ его приглашеніемъ сѣсть и „вооружиться терпѣніемъ, такъ какъ онъ имѣетъ сообщить ему нѣчто, и посовѣтоваться съ нимъ относительно сего, и что собственно для этого онъ теперь и прибылъ въ Алый-Рогъ“.

„Занимательно будетъ послушать—что онъ мнѣ выкинетъ?“ подумалъ управляющій, не безъ нѣкоторой однако внутренней тревоги, и молча сѣлъ у стола. По другой сторонѣ Завалевскій помѣстился въ креслѣ, въ которомъ скончался, пораженный мгновенно ударомъ, его покойный дядя.

Небо меркло; уже не совсѣмъ ясно рисовались другъ предъ другомъ лица собесѣдниковъ.

— Скажите, пожалуйста, началъ графъ не вполнѣ твердымъ голосомъ, словно перемогалъ въ себѣ внутреннюю

неохоту приступить къ разговору,—сколько у насъ десятинъ лѣсу?

— Лѣсу? переспросилъ г. Самойленко. — То-есть какого именно?

— Ну... хорошаго!...

— То-есть строеваго?

— Да, строеваго.

— Порубки есть... На такомъ пространствѣ... двѣнадцать человѣкъ одной конной стражи держу, — а все не усмотрѣть вездѣ. Народъ теперь какой, сами знаете... Тысячъ пятнадцать десятинъ однако добраго лѣсу пожалуй и найдется, заключилъ Іосифъ Козьмичъ.

— А какъ цѣна?

„Вотъ оно! Спустить хочетъ“, догадался тотчасъ же управляющій.

— Цѣны небольшія, началъ онъ громко, мямля и растягивая, чтобы дать себѣ время соображать свои отвѣты,—вѣдь вся здѣшняя сторона лѣсная... мелкопомѣстные очень сбиваютъ цѣны...

— На триста тысячъ можно будетъ однако продать?

— На триста тысячъ! даже вскрикнулъ г. Самойленко:— на что вамъ такая огромная сумма, Владиміръ Алексѣевичъ?

— Нужно...

— Прокутились? фамиліарно спросилъ управляющій, которому въ голосѣ Завалевскаго слышалось что-то несмѣлое, что онъ объяснялъ себѣ стыдомъ раскаявавшагося въ поступкѣ своемъ человѣка.

— Въ мои годы не кутятъ, Осипъ Кузьмичъ: всему есть предѣлъ въ этой жизни! сухо отвѣчалъ на это графъ. И голова его исчезла въ тѣни боковой подушки кресла, въ спинку котораго онъ откинулся всѣмъ тѣломъ.

— Ваше дѣло-съ!...

И Іосифъ Козьмичъ, такъ безцеремонно разжалованный въ Осипа Кузьмича, сложивъ руки на животѣ, принялся съ достоинствомъ вертѣть пальцемъ о палецъ, въ ожиданіи и соображеніи дальнѣйшихъ объясненій...

Нѣкоторое время прошло въ молчаніи:

— Такъ можно будетъ? раздался наконецъ голосъ графа.

— Чего-съ?

— Получить триста тысячъ отъ продажи лѣса?

— Если желаете продать, холодно промолвилъ г. Самойленко,—покупателей можно найти...

Настало новое молчаніе.

Но вотъ изъ глубины кресла раздался снова голосъ Завалевскаго, и въ этомъ голосѣ звучало что-то,—какая-то тихая печаль и незлобивая и тонкая иронія,—чего никакъ уже не въ силахъ былъ разобрать Іосифъ Козьмичъ.

— Вы впрочемъ весьма естественнымъ образомъ должны были придти къ заключенію, что я „прокутился“, говорилъ графъ.—И даже, съ извѣстной точки зрѣнія, это совершенно справедливо,—жизнь моя дѣйствительно *прокучена*, хотя, засмѣяся онъ,—и не совсѣмъ можетъ быть такъ, какъ понимается обыкновенно подъ этимъ словомъ... Во всякомъ случаѣ я принадлежу къ числу такъ-называемыхъ *безполезныхъ*... къ тѣмъ, которыхъ практическіе люди называютъ коптителями неба. А въ нашъ *реальный* вѣкъ—коптить небо вѣдь это такое страшное преступленіе, что въ сравненіи съ нимъ роднаго отца зарѣзать—дѣтская шалость. Не такъ-ли?...

Но г. Самойленко не отвѣчалъ; онъ глядѣлъ въ упоръ на графа и размышлялъ: что онъ *съ пунктикомъ*, или просто отъ жиру бѣсится?

— Ну, такъ вотъ-съ, продолжалъ все тѣмъ же тономъ Завалевскій,—чтобы спасти нѣсколько мою репутацію во мнѣніи моихъ согражданъ, я задумалъ устроить вещь *полезную*... И для этого мнѣ нужны деньги,—никакъ не менѣе трехсотъ тысячъ, Іосифъ Козьмичъ!

— Что же именно? полюбопытствовалъ узнать тотъ.

— Очень не хитрую вещь: институтъ для образованія народныхъ учителей...

— Я читалъ въ газетахъ, сказалъ г. Самойленко, — что недавно правительствомъ утверждено... въ Тамбовѣ, кажется... такое именно заведеніе, основанное...

— Да, перебилъ его графъ, — но развѣ это исключаетъ возможность другаго подобнаго же заведенія?

— Это такъ-съ, согласился тотъ.

— Къ тому же учителей, которыхъ будетъ готовить Тамбовъ, не хватитъ на всю Россію... А тѣмъ болѣе въ здѣшней сторонѣ, отдаленной отъ большихъ центровъ, образованіе именно *народныхъ* учителей найдетъ для себя, слѣдуетъ думать, условія болѣе благопріятныя, чѣмъ въ иномъ мѣстѣ. Меня въ этомъ, во всякомъ случаѣ, увѣряли всѣ компетентные люди, съ которыми я говорилъ о моемъ предположеніи... Весьма важно и то, что о постройкѣ нечего хлопотать,—зданіе готово.

— А гдѣ именно?

Сердце такъ и ёкнуло у Іосифа Козьмича.

— Да вотъ это самое,—этотъ домъ!

Этотъ домъ!... Предчувствіе не обмануло г. Самойленку. Это жилище, *дворецъ*, который онъ уже такъ давно привыкъ называть „моимъ дворцомъ", гдѣ въ продолженіе четырнадцати лѣтъ хозяйничалъ онъ полнымъ властелиномъ,—все это изъ-за каприза шальнаго человѣка должно поступить теперь подъ какую-то безсмысленную школу; по этимъ паркетнымъ поламъ, вдоль этихъ подъ мраморъ отшлифованныхъ стѣнъ будутъ ступать смазными сапожищами нечесаные хлопцы, стоять грязныя, облитыя чернилами скамьи? Воображеніе неумолимою кистью рисовало все это безобразіе предъ внутренними очами Іосифа Козьмича.

— Этотъ домъ! повторилъ онъ громко.—Помилуйте! Историческій, такъ-сказать, памятникъ вашего рода!...

— Начавшагося съ моего дѣда и кончающагося со мною? тихо засмѣялся Завалевскій.—Плакать не о чемъ!...

„Ну, если ты и родомъ ужь своимъ не дорожишь!"... злобно взглянулъ на него г. Самойленко. — Дай Богъ вамъ успѣха, заговорилъ онъ, едва сдерживая кипѣвшее въ немъ негодованіе,—только, по моей опытности, не предвижу я ничего хорошаго отъ подобнаго заведенія...

— Отчего, отчего? живо воскликнулъ графъ.

— Да вотъ-съ, недалеко за примѣромъ итти,—по вашему предписанію, отпускаю я каждый годъ 2.500 рублей на пять школъ, заведенныхъ въ окружности Алорожской экономіи,—

кромѣ отопленія школъ и ремонта на нашъ счетъ... Сумма, можно сказать, болѣе чѣмъ достаточная, и учитель вполнѣ обезпеченъ, потому, получая въ годъ до 350 рублей, онъ при здѣшней еще дешевизнѣ можетъ жить не только безбѣдно, а даже съ нѣкоторымъ, такъ-сказать, комфортомъ...

— Ну, и что же?...

— А то-съ, ядовито отвѣчалъ управляющій,—что каждый годъ приходится мѣнять учителей, и что ни мѣняй, то хуже прежняго.

— О, Боже мой, все то же! послышался тихій вздохъ Завалевскаго.

А г. Самойленко продолжалъ между тѣмъ съ злорадствомъ.

— Или пьетъ безобразно, или и вовсе нѣтъ его въ школѣ, потому вымазалъ онъ себѣ голову розовымъ масломъ и въ городъ поѣхалъ, на городскомъ валу съ уѣздными мѣщанками таскаться... А то, коли особенно изъ семинаристовъ,—хуже ихъ нѣтъ какъ изъ этого народа!—начнетъ онъ это въ школѣ „*развивать*“ хлопцевъ.... И такое это *развитіе*, я вамъ скажу-съ, примолвилъ въ скобкахъ Іосифъ Козьмичъ,—что у меня, повѣрите, колотья въ животѣ дѣлаются только отъ этого слова одного... Начнетъ онъ перво-на-перво доказывать хлопцамъ, что они и батьки ихъ дурни, потому думаютъ, что свѣтъ на трехъ китахъ стоитъ, а съ этого тотчасъ и перейдетъ на „борьбу за существованіе“... Это у нихъ любимое: *борьба за существованіе*. А то еще про Добролюбова,—писатель былъ такой, очѣнь они его уважаютъ,—такъ онъ это про него девятилѣтнему сопляку толкуетъ! И понесетъ онъ, скажу вамъ, такую ахинею, что слушаешь его, бывало, слушаешь—и, кажется, со злости собственною бы своею рукой его, поганца, и вмѣстѣ со школою съ этою сжегъ! А вѣдь замѣтьте то, что *борьба за существованіе* кончается у него непремѣнно тѣмъ же, что нарѣжется онъ какъ стелька пьянымъ и три дня носа въ школу не кажетъ потомъ...

— Ну, а священники что же? какимъ-то болѣзненно-взволнованнымъ голосомъ спросилъ графъ.

— Священники!.. Іосифъ Козьмичъ только рукой махнулъ.

— Но, можетъ быть, еслибы серьезно, спеціально заняться здѣшними школами, при правильномъ руководствѣ...

— Пробовано, перепробовано! воскликнулъ управляющій.— И самъ я, и вотъ Марина моя—большую охоту имѣла она къ этому дѣлу сначала,—и строгостью, и ласкою, и на всякій манеръ старались мы молодцовъ этихъ облагородить, внушить имъ чувство долга и обязанности...

„А твоя Марина, подумалъ графъ и улыбнулся, вспомнивъ о ней.—должно быть, сама не прочь толковать хлопцамъ о *борьбѣ за существованіе*“...

— И такъ и не добились мы ни до чего! заключилъ межъ тѣмъ г. Самойленко,—причемъ, разумѣется, не счелъ нужнымъ упомянуть, что изъ пяти школъ, содержимыхъ на деньги Завалевскаго, двѣ были закрыты еще въ прошломъ году, вслѣдствіе того, что родители перестали вовсе посылать туда дѣтей своихъ; школы же значились въ вѣдомостяхъ существующими, и ассигнованныя на нихъ деньги шли, въ числѣ другихъ доходовъ, въ бездонный карманъ господина главноуправляющаго.

— Но этотъ самый недостатокъ въ хорошихъ учителяхъ, на которой вы жалуетесь, сказалъ Завалевскій, какъ бы обрадованный представившимся ему аргументомъ,—не говоритъ-ли онъ краснорѣчиво за полезность такого заведенія, которое могло бы подготовлять достойныхъ и надежныхъ наставниковъ для народныхъ школъ?

Достойныхъ и надежныхъ? хихикнулъ г. Самойленко.— Да одно изъ двухъ: или вы дадите ему въ вашемъ институтѣ высшее противъ его сословія образованіе, такъ онъ у васъ полугода въ школѣ не останется, а убѣжитъ въ городъ, на желѣзную дорогу или какое тамъ другое мѣсто... А обяжете вы его, положимъ, по уставу вашему, прослужить сколько-то тамъ лѣтъ сельскимъ учителемъ, такъ онъ или съ ума сойдетъ, или пулю себѣ въ лобъ пуститъ, потому вообразите себѣ образованнаго человѣка въ нашей глуши лѣсной,—каково ему жить съ нашими волками четвероногими и двуногими!... Если жь вы его самого на первоначальной грамотѣ да на четырехъ правилахъ ариѳметики держать будете, такъ вѣдь изъ него

тотъ же пьянчужка ледащій учитель выйдетъ, что и теперь не знаемъ мы какъ съ ними быть. Такъ на что вамъ тогда для расплода этой дряни институтъ заводить!..

— Позвольте однако, пробовалъ защищаться Завалевскій,— вы ставите такую произвольную дилемму...

Но Іосифъ Козьмичъ расходился окончательно.

— Позвольте вамъ сказать, Владиміръ Алексѣевичъ, что народнаго образованія, такъ какъ вы—я очень хорошо понимаю васъ,—такъ какъ *вы* бы желали, не достигнете вы никакими институтами, ниже большимъ даже жалованьемъ учителямъ!.. Человѣкомъ сдѣлать почитай изъ звѣря дикаго, какимъ приходитъ у насъ въ школу мужицкое дитя,—не легкое дѣло, повѣрьте моему слову, и посвятить себя ему наклонность особенная нужна, все равно, что, положимъ, на флейтѣ играть или тамъ къ механикѣ что-ли,—*призваніе* прежде всего нужно...

Завалевскій задумчиво улыбнулся,—онъ словно ждалъ довода и въ душѣ своей не находилъ на него возраженія.

— Апостолатъ нуженъ, да, тихо заговорилъ онъ про себя, забывая о присутствіи г. Самойленки и покачивая головою справа налѣво, какъ онъ это обыкновенно дѣлалъ въ минуты размышленія,—отреченія во имя любви и высшихъ задачъ духа... Создается-ли это искусственно?.. А откуда возьмутся живыя силы тамъ, гдѣ внизу мордовскій богъ, повыше культъ мертвящаго, животнаго матеріализма... и ни традиціи, ни устоя...

Іосифъ Козьмичъ не совсѣмъ разслышалъ, но понялъ такъ, что графъ внутренно сдается на его доводы.

— Трудно-съ, очень трудно, заговорилъ онъ опять,— особенно когда ни съ какой стороны дѣло это надлежащей поддержки не находитъ. Мѣры правительства въ этомъ отношеніи...

— Правительство, такъ! вдругъ горячо прервалъ его Завалевскій,— а вы не чувствуете, какъ смертельно обидно за страну, гдѣ и въ такомъ насущномъ, кровномъ дѣлѣ нужно, чтобы чиновникъ толкалъ васъ въ шею?...

Г. Самойленко и опѣшилъ, и обидѣлся въ одно и то же время.

— Да-съ, язвительно прошипѣлъ онъ,—и, смѣлымъ скачкомъ перекидываясь на противоположную сторону вопроса,— а вотъ что можетъ легко случиться: вы вотъ, напримѣръ, доброхотно и отъ правительства совершенно самостоятельно вздумали учредить образовательный институтъ, и деньги большія на него пожертвовали, и даже самое жилище вашихъ предковъ...

— Il n'en démord pas! засмѣялся внутренно графъ.

А тотъ продолжалъ все злѣе:

— И, разумѣется, почитаете себя въ правѣ разсчитывать, что увѣковѣчили, такъ-сказать, ваше имя такимъ колоссальнымъ пожертвованіемъ на благое просвѣщеніе... Вдругъ-съ послѣ вашей кончины—при жизни вашей этого, пожалуй, не сдѣлаютъ, — вздумается тамъ въ Петербургѣ какому-нибудь департаменту, или совѣту, что институтъ вашъ вовсе никому не нуженъ, а деньги могутъ съ гораздо большею пользою быть употреблены на другое назначеніе. Хлопъ — предписаніе!... И этотъ вашъ *дворецъ* отдается подъ какое-нибудь интендантское депо или сводную конюшню, а капиталъ розданъ большимъ лицамъ въ займы, съ разсрочкою платежа на 37 лѣтъ...

— Да, пожалуй, поручиться нельзя! громко засмѣялся Завалевскій, и подумалъ: „а онъ очень уменъ однако!“...

Еще разъ настало молчаніе.

Завалевскій прервалъ его вопросомъ, который снова озадачилъ его уже, казалось, торжествовавшаго собесѣдника.

— Скажите мнѣ однако, на какое другое учрежденіе могъ бы я съ большею пользою пожертвовать деньги мои и этотъ домъ?

— А вы ужь непремѣнно желаете пожертвовать? растерянно пробормоталъ господинъ Самойленко.

— Да, потому что, не почитая себя способнымъ ни на какую *полезную* задачу, я могу служить такимъ цѣлямъ единственно матеріальными средствами, имѣющимися у меня въ распоряженіи...

— Но почему же, позвольте узнать, Владиміръ Алексѣевичъ, вдругъ началъ Іосифъ Козьмичъ, ласковымъ, льстивымъ

голосомъ, пробуя, en désespoir de cause, и этого фортеля,— почему же въ васъ такое недовѣріе къ собственнымъ вашимъ силамъ? При вашемъ, кажется, положеніи и образованіи польза, которую бы вы могли принести государству...

— Да очень просто, не далъ ему кончить Завалевскій,— потому что я вообще въ *пользу* не вѣрю!...

Уменъ былъ дѣйствительно господинъ Самойленко, но это было рѣшительно выше его пониманія.

Онъ не успѣлъ еще найти слова въ отвѣтъ на это странное признаніе, какъ вдругъ изъ библіотеки донесся шумъ чьихъ-то спѣшныхъ и тяжелыхъ шаговъ, и кто-то, еще невидимый, запыхавшимся и визгливымъ голосомъ прокричалъ:

— Je veux être décapité si je vous céde sur ce point, — никогда Абиссинцы не были Семитами! Mais où diable êtes vous?

— Сюда, сюда! громко отвѣчалъ съ мѣста Завалевскій, засмѣявшись.—Это Пужбольскій, объяснилъ онъ Іосифу Козьмичу,—большой оригиналъ, какъ увидите...

Дѣйствительно, въ дверяхъ кабинета показалась здоровая и рослая фигура, съ выпуклыми грудью и животомъ, огненною, *лопатою,* бородой, въ мягкой, чернаго цвѣта, пуховой шляпѣ, надвинутой на самыя брови, и съ лезвеемъ сѣкиры на длинномъ топорищѣ, тускло блестѣвшемъ при послѣднемъ сіяніи дня надъ его правымъ плечомъ. Словно самъ Ричардъ-Львиное Сердце или одинъ изъ мрачныхъ героевъ Шекспировскихъ историческихъ драмъ ввалился въ комнату...

Іосифъ Козьмичъ, никогда не читавшій Шекспира, глядѣлъ, недоумѣвая, на него и на его топоръ, между тѣмъ какъ Пужбольскій, продолжая начатый съ Завалевскимъ въ коляскѣ, два часа тому назадъ, споръ о происхожденіи абиссинцевъ, возглашалъ писклявымъ фальцетомъ, которымъ, какъ бы въ насмѣшку надъ его богатырскимъ видомъ, надѣлила его причудливая природа:

— Абиссинскія племена имѣютъ два языка, deux idiomes, qui sont le *Ghise* et le *Tigrinia;* эти языки...

— Семитическаго происхожденія, договорилъ, поддразнивая его, Завалевскій.

— C'est faux, c'est faux! завизжалъ князь.—Ни Бурхардъ, ни Saucy...

— За то Роллинсонъ, Форстеръ...

— Mais laissez-moi donc achever, sacrebleu! И Пужбольскій со злостью рванулъ топоръ свой съ плеча и замахалъ имъ по воздуху.

— Да перестань буйствовать, пожалуйста, продолжалъ смѣяться графъ, — непремѣнно кого-нибудь изъ насъ зацѣпишь... Позвольте однако познакомить васъ, господа: князь Александръ Ивановичъ Пужбольскій, — Іосифъ Козьмичъ Самойленко,—здѣшній губернаторъ...

Это шутливое обозначеніе его положенія очень польстило Іосифу Козьмичу: онъ во-вѣки вѣковъ не простилъ бы Завалевскому, если бы тому вдругъ вздумалось попросту сказать: „мой управляющій“.

— Невзначай сорвется, такъ, пожалуй, и... не договаривая, улыбнулся онъ князю, кивая на его орудіе.

— Откуда ты этотъ топоръ притащилъ? спросилъ графъ.

— Во-первыхъ, не топоръ, а сѣкира, поправилъ Пужбольскій и сунулъ ее подъ самые глаза Завалевскаго. — Voyez donc, quelle forme, mon cher, — la vraie hache normande!... Я купилъ ее тамъ, у кузнеца... Очень интересно было бы *слыдить* (русскія глагольныя формы были вѣчно точкою преткновенія для Пужбольскаго, воспитывавшагося за границей и который лишь на осьмнадцатомъ году своей жизни сталъ говорить на родномъ языкѣ,)—какъ пришла эта форма въ Сѣверскую сторону, когда въ Новгородѣ, напримѣръ...

— Ее занесли сюда изъ Польши банды Дмитрія Самозванца, пресерьезно отвѣчалъ ему Завалевскій: — вѣдь мы здѣсь на самомъ историческомъ пути его похода на Москву...

— На Новгородъ-Сѣверскъ, Путивль, Рыльскъ, Трубчевскъ, Брянскъ, тотчасъ же и зарядилъ Пужбольскій. И вдругъ спохватившись:—А что же общаго съ нормандскою сѣкирой les банды Дмитрія Самозванца? запищалъ онъ.

— Очень просто, объяснялъ графъ, котораго страсть была дразнить и сбивать съ толку Пужбольскаго на почвѣ исторіи

и археологіи,—и еслибы ты былъ знакомъ съ учеными трудами польскаго историка Шайнохи.

— Читалъ, читалъ Шайноху! замахалъ тотъ руками.

— А если читалъ, такъ долженъ знать, что Поляки, или, точнѣе,—Ляхи, Лехи, Лехиты,—не что иное какъ Нормандское племя...

— Quelle blague, quelle infâme sottise! И Пужбольскій, выронивъ изъ руки сѣкиру, которая, звякнувъ, грохнулась подъ ноги подскочившаго съ испуга Іосифа Козьмича, схватилъ себя въ отчаяніи за волосы.—*Допускавъ*, что Лехи—et je l'admets, je l'admets, parfaitement!—племя не славянское, а *завоюющее* аборигеновъ страны, Славянъ Poloniae magnae—то это завоеватели, sine dubio, изъ одного происхожденія съ Уграми, завоевателями Панноніи, то-есть, Гунны, des Touraniens purs, mon cher, одного семейства съ Туркмено-Турками и Финскими нашими племенами... И, помимо другихъ доказательствъ, это племенное сродство говорится въ историческихъ, неизмѣнныхъ симпатіяхъ Венгерцевъ и Поляковъ. Но, чтобы Поляки были des Normands! Какъ могъ, нѣтъ, скажи, приставалъ онъ къ графу,—скажи, какъ могъ твой Шайноха *выдумывать* эту безстыдную ложь!...

— А почему не *выдумывать?* передразнилъ его Завалевскій:—поле гипотезы безконечно...

— А Дмитрій Самозванецъ, дѣйствительно, шелъ нашею мѣстностью, поспѣшилъ г. Самойленко заявить и себя не невѣждою по части исторической науки. — И даже пять лѣтъ тому назадъ, сколько помнится, я доставилъ графу за границу вырытый у насъ въ лѣсу крестьяниномъ кожаный кошель съ монетою его царствованія...

— Мелочь,—да, небольшая рѣдкость! съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ отозвался на это князь, — у меня штукъ пять этихъ копѣекъ Самозванца...

— Нѣтъ-съ, тамъ была, я помню, и одна крупная монета...

— Рубль? Рубль Дмитрія Іоанновича? такъ и взвизгнулъ Пужбольскій.—Гдѣ, гдѣ, куда ты его дѣвалъ?

Онъ кинулся къ графу.

— Право не знаю,—кому-то подарилъ... Грегоровіусу въ Римѣ, кажется...

Князь только отчаянно руками всплеснулъ.

— Грегоровіусу! повторилъ онъ задыхаясь: — какъ матеріалъ для его исторіи Рима, probablement! Mais, par la barbe de Jupiter, — на что ему, говори, говори! — que diable peut entendre Gregorovius dans un рубль Лжедмитрія! Да тебѣ за это мало голову *отсѣкнуть!*... Ты знаешь-ли, что такихъ рублей всего три или четыре на свѣтѣ? При императрицѣ Екатеринѣ отысканъ былъ le coin... какъ это по-русски?...

— Штемпель?... чеканъ?...

— C'est cela, чеканъ! Настоящій, его чеканъ, „Дмитрій Іоанновичъ, царь Бѣлыя“ et caetera... И она приказала нарочно нѣсколько экземпляровъ этихъ его рублей выбить. Mais le coin était un peu fendu d'un côté, и эти при Екатеринѣ выбитыя монеты сейчасъ можно узнать. А настоящія...

— Успокойся, успокойся, Пужбольскій! сказалъ графъ, которому это начинало нѣсколько надоѣдать. — Настоящій Дмитрій Іоанновичъ, „царь Бѣлыя“, et caetera,—у меня, въ московскомъ моемъ домѣ, я никому его не отдавалъ, и днесь, въ присутствіи Іосифа Козьмича, я передаю тебѣ его въ вѣчное и потомственное владѣніе: можешь получить, когда вернемся.

Пужбольскій съ радости полѣзъ было обнимать его, но Завалевскій остановилъ его движеніемъ руки, указывая на книгу, лежавшую на столѣ:

— А посмотри вотъ на эту рѣдкость,—только ее тебѣ не подарю: c'est une relique de famille.

Князь такъ и прыгнулъ къ пергаментному переплету—и, поднеся книгу къ окну, ему тотчасъ же кинулся въ глаза типографскій значекъ, по которому онъ узналъ драгоцѣннаго Альда XVI вѣка.

— Un Horatius Flaccus vénitien du cinque cento, editio princeps! крикнулъ онъ,—quelle merveille!...

— А въ библіотекѣ у насъ и инкунабулы найдутся, молвилъ графъ, — и Пужбольскій, бережно опустивъ Альда на

прежнее мѣсто, тотчасъ же сталъ приставать, чтобъ ему показаны были эти инкунабулы.

— Темно, да и не знаю право теперь, какъ мы найдемъ, отговаривался Завалевскій. Но Іосифъ Козьмичъ, которому хотѣлось домой, объявилъ, что *рѣдкія книги* въ особомъ шкафу, ключъ отъ котораго у него спрятанъ, и что онъ сейчасъ отыщетъ его и пришлетъ, а съ нимъ лампу, свѣчъ, чаю и поужинать.

— А затѣмъ честь имѣю кланяться, заключилъ онъ, подавая первый руку графу и Пужбольскому.

— Что̀ онъ, большой мошенникъ, твой управляющій? спросилъ князь, едва успѣлъ исчезнуть тотъ за дверью.

— Немалый, смѣю думать, засмѣялся Завалевскій.

— Et avec cela familier comme la gale, и рука потная...

И Пужбольскій, гадливо̀ отирая свою правую руку о полу пальто, спросилъ:

— Что̀, ты его прогонишь?

— Не намѣренъ.

— А что̀?

— Во-первыхъ тлко̀въ и своеобразенъ,—что̀ я очень цѣню въ людяхъ; во-вторыхъ, какой же у насъ съ тобою управляющій не будетъ мошенникомъ?

— И то правда, вздохнулъ князь.—Какъ подумаешь только, что̀ Горбачевъ, Толкачевъ, Тукмачевъ, Фицтумъ, Розенбаумъ et toute la satanée kyrielle de mes управляющіе наворовали у меня денегъ...

Онъ только свистнулъ въ заключеніе.

А Іосифъ Козьмичъ, вернувшись къ себѣ,—онъ занималъ лѣвое крыло обширнаго Алорожскаго дома,—засталъ въ залѣ Марину, распустившую косу и, съ великолѣпными волосами своими закинутыми за плечи, раздиравшую пальцемъ листы свѣжаго нумера какого-то петербургскаго журнала. Она не читала, а пробѣгала глазами за одно и то же время романъ нѣкоего господина Омнипотенскаго, и помѣщенный вслѣдъ за нимъ какой-то трактатъ о соціальной патологіи, сочиненія доктора Лиссабонскаго, — что̀ впрочемъ оказывалось совершенно тождественнымъ.

„Очень прогрессивно, но ужь очень скучно!“ думала Марина, нетерпѣливо обрывая толстую бумагу, въ надеждѣ, что „дальше лучше пойдетъ“...

Она живо обернулась на шумъ шаговъ Іосифа Козьмича.

— Что тамъ, этотъ князь пріѣхалъ? спросила она. — Я чаю сейчасъ послала...

— Надо ужинъ снарядить, да освѣтить ихъ тамъ чѣмъ-нибудь... Да не помнишь-ли, гдѣ ключъ отъ того шкафа, въ которомъ рѣдкія книги? урывисто пропускалъ сквозь зубы г. Самойленко, сердито шагая по комнатѣ.

Онъ мелькомъ взглянулъ на нее, — она показалась ему какъ-то особенно красива...

— Да ты бы сама туда пошла! сказалъ онъ, останавливаясь на ходу.

— Это еще для чего? надменно фыркнула она.

— Ну, не чванься, матушка. И онъ ласково повелъ на нее глазами. — Недолго намъ, можетъ-быть, оставаться здѣсь, такъ молодцами покажемъ себя ему на-послѣдяхъ, чтобъ онъ не воображалъ, что очень жалѣемъ.

— Что это значитъ? съ удивленіемъ перебила его Марина.

— А то это значитъ, съ новою вспышкою гнѣва зашагалъ Іосифъ Козьмичъ, — что этотъ шальной философъ какой-то отдаетъ триста тысячъ и *дворецъ* свой,—гдѣ мы тутъ живемъ двадцать лѣтъ, на учебное заведеніе!...

— На какое учебное заведеніе? повторила, слѣдя за нимъ блестящими глазами, дѣвушка.

— А на такое, что будутъ въ немъ всякихъ шалопаевъ въ наставники народа приготовлять.

Марина всплеснула руками, и свѣтлая, чистая радость озарила какъ пламенемъ ея молодое, говорящее лицо.

— Триста тысячъ и домъ свой, едва могла проговорить она,—и это онъ жертвуетъ для блага народа? Да онъ послѣ этого великолѣпный господинъ!

— Да, точно, пробурчалъ себѣ подъ носъ г. Самойленко:— великолѣпный дуракъ!...

— Я сейчасъ все имъ устрою, защебетала Марина, свя-

зывая наскоро лентою свои распущенные волосы.—Ну, а князь этотъ каковъ?

— А этотъ шутъ еще какой-то невиданный, рѣшилъ неумолимо про Пужбольскаго практическій Іосифъ Козьмичъ.

Черезъ полчаса Марина, тихо подкравшись къ дверямъ библіотеки, наблюдала за слугами, уставлявшими тарелками и бутылками большой круглый столъ, освѣщенный лампою. За другимъ столомъ, при двухъ свѣчахъ, сидѣли другъ противъ друга Завалевскій и князь, огненная борода котораго напоминала нашей героинѣ не Ричарда Львиное Сердце,—такъ какъ о немъ, и вообще объ историческихъ лицахъ, она въ своемъ качествѣ *современной* дѣвицы имѣла лишь самое слабое понятіе,—а жида-разнощика, у котораго она покупала булавки. Друзья горячо промежь себя спорили. Это былъ все тотъ же, въ третій разъ возобновлявшійся споръ о происхожденіи абиссинцевъ.

— Согласенъ; оставляю тебѣ Пельгрева и о Максѣ Миллерѣ не упомяну, говорилъ графъ;—но вотъ тебѣ самое рудиментарное доказательство: нарѣчіе, на которомъ читаютъ Библію всѣ Абиссинскія племена, къ какому принадлежитъ оно семейству языковъ?

— Къ Семитическому, отвѣчалъ Пужбольскій.

— Что и требовалось доказать, торжествовалъ Завалевскій.

— Да развѣ это доказательство, развѣ имѣетъ какой-нибудь смыслъ подобный силлогизмъ, визжала огненная борода, колотя себѣ въ грудь обѣими руками:—Чехи читаютъ Библію на латинскомъ языкѣ,—ergo чехи Латинскаго племени?...

— Отецъ прислалъ вамъ ключъ отъ книгъ, неожиданно для него проговорила вдругъ Марина, легкою поступью своею незамѣтно скользнувшая тѣмъ временемъ въ залу.

Онъ оторопѣлъ, глянулъ на нее, срывая шляпу, которую до сей минуты, въ пылу неустанно возобновлявшагося пренія, все не успѣвалъ еще стащить съ головы.

Она положила, улыбаясь, ключъ между двумя пріятелями и молча указала рукою на простѣнокъ, въ который вдѣлана была витрина для инкунабулъ.

Пужбольскій схватилъ ключъ и свѣчку со стола и тотчасъ же отправился къ нимъ.

А Марина, какъ стояла, повернула голову, смѣлымъ и ласковымъ взглядомъ глянула въ самые глаза Завалевскаго и проговорила горячо и медленно:

— Вы хо-рошій человѣкъ!

— Почему вы такъ думаете? спросилъ онъ въ изумленіи.

— Я знаю! также медленно промолвила она опять, кивнула головой сверху внизъ, еще разъ улыбнулась ему и—скрылась.

— Mon cher ami, быстрымъ шагомъ переходя къ нему отъ витрины, зашепталъ Пужбольскій тотчасъ вслѣдъ за ея исчезновеніемъ,—ты въ Венеціи, въ церкви Santa Maria Formosa былъ?

— Былъ.

— Святую Варвару Пальма Веккіо помнишь тамъ?

— Очень хорошо помню.

— Эту силу, жизнь, красоту! восклицалъ восторженно Пужбольскій.—И не напоминаетъ тебѣ ее,—avec moins de distinction, peut-être—эта... не хочу знать, не говори кто, зачѣмъ, для чего? но эта прелестная Erscheinung, которую мы съ этой минуты такъ и будемъ называть: la bella Barbara di Corno carmino (Алаго-Рога)!

— Barbara, пожалуй, шутливо отвѣчалъ Завалевскій, на котораго выходка Марины—онъ не могъ объяснить себѣ ея смысла,—нѣсколько непріятно подѣйствовала,—но никакъ уже не великомученица...

III.

Было уже довольно поздно, когда Завалевскій, проводивъ Пужбольскаго въ приготовленную ему комнату, вернулся въ кабинетъ, гдѣ онъ велѣлъ приготовить себѣ постель на диванѣ. Онъ потушилъ принесенную имъ свѣчу и подошелъ къ раскрытому окну...

Майская ночь лежала кругомъ, безмолвная и прозрачная. Широкая полоса тѣни падала справа на землю отъ вѣковыхъ липъ, колоссальною группой подымавшихся съ этой стороны сада, и сквозь какой-то причудливо очерченный прорывъ въ сплошной листвѣ ихъ вершинъ выглядывалъ золотымъ пятномъ щербатый мѣсяцъ, словно лампада изъ глубины пещеры. Изъ сада несся проникающій запахъ жасмина; туманы поднимались надъ рѣкой...

То были знакомые съ дѣтства, съ дѣтства любезные Завалевскому туманы Алаго-Рога. Какъ въ тѣ младенческіе дни, когда изъ этого же окна, погрузивъ въ обѣ ручонки свою кудрявую головку, глядѣлъ онъ за рѣку съ какимъ-то сладкимъ чувствомъ въ трепетно бившемся сердцѣ—и все ждалъ, все чудилось ему... вотъ, вотъ, сейчасъ, поверхъ лѣсу стоячаго, поверхъ той ольховой рощи, выглянетъ лѣшій и нечеловѣческимъ гоготомъ загогочетъ на весь лѣсъ... и онъ заранѣе, въ чаяніи близкаго ужаса, закрывалъ глаза и чувствовалъ на волосахъ своихъ чью-то мягкую руку, руку старика дяди, — и снова жадно глядѣлъ онъ впередъ, и гдѣ-то внутри его сказывалось ему, что пока тутъ эта рука, ничего ему не сдѣлаетъ лѣшій... какъ и въ тѣ дни стлались теперь надъ

рѣкою сизыя пелены тумана, раздвигая ея берега до безконечной дали... Словно изъ лона глубоко дремлющихъ водъ выростали, казалось, стволы ольхъ, серебримые блѣднымъ мѣсячнымъ сіяніемъ... Но вотъ колыхнулся сѣдой паръ и, цѣпляясь за кусты, понесся вверхъ... вотъ вьется онъ среди стволовъ,—вотъ побѣжалъ разорванными клочьями, хватаясь за верховые сучья... Не воздушная-ли семья Виллъ проносится тамъ въ фантастической пляскѣ? .. Но снова темнымъ очеркомъ рисуются лѣсныя вершины на синей чащѣ неба, тяжелѣя падаетъ туманъ и прыгаетъ по землѣ большими бѣлыми клубами,—и снова, тихо волнуясь, заливаетъ даль серебримое луной марево безконечнаго озера...

„Призраки... все тѣ же призраки... какъ и вся жизнь! vitae phantasmata“, прошепталъ Завалевскій, поворачивая къ окну вольтеровское кресло покойнаго дяди и медленно опускаясь въ него.

И изъ толпы этихъ призраковъ его минувшей жизни прежде всего выдѣлялся предъ нимъ суровый, почти аскетическій обликъ этого старика, воспитавшаго его... Завалевскій не помнилъ матери,—она скончалась два года послѣ его рожденія. Отецъ его былъ убитъ подъ Варною, въ турецкую кампанію. Онъ остался сиротою на рукахъ дяди... Заподозрѣнный по дѣлу 14-го декабря, графъ Константинъ Владиміровичъ Завалевскій выпущенъ былъ изъ крѣпости послѣ полуторагодоваго заключенія и сосланъ въ деревню, съ запрещеніемъ въѣзда въ столицу. По прошествіи десяти лѣтъ запрещеніе это было снято съ него, но графъ не пожелалъ самъ воспользоваться дарованнымъ ему прощеніемъ. — „Я чистъ, *обплять* меня безполезно“, отвѣчалъ онъ холодно чиновнику, посланному къ нему отъ генералъ-губернатора съ этою вѣстью. Онъ былъ дѣйствительно чистъ, не участвовалъ ни въ какихъ преступныхъ замыслахъ; онъ остался на вершинахъ и, за распавшимся *Союзомъ Благоденствія*, не поступилъ ни въ одно изъ образовавшихся послѣ того обществъ. Но онъ понесъ бы скорѣе голову свою на плаху, чѣмъ отказаться отъ прежнихъ друзей, чѣмъ, въ виду гибели, отдѣлить судьбу свою отъ ихъ судьбы... Памяти ихъ, тѣмъ *чистымъ*

стремленіямъ нервоначальной связи его съ ними остался онъ вѣренъ до конца... Въ продолженіе двадцати восьми лѣтъ, до смерти, Константинъ Владиміровичъ не выѣзжалъ изъ Алаго-Рога... Да и что было дѣлать ему въ Петербургѣ, въ Москвѣ того времени?—„*Съ нами* порвалась нить“, говорилъ онъ своимъ отрывчатымъ, часто загадочнымъ языкомъ,—„теперь тамъ минотаврово логовище, непроглядная темь... изъ мрака дѣти мрака выйдутъ“...

И Завалевскій вспомнилъ, какъ въ этомъ кабинетѣ, наклонясь надъ этимъ драгоцѣннымъ Альдомъ XVI вѣка, въ длинномъ сѣраго сукна халатѣ, похожемъ на хитонъ, съ бархатною шапочкой на порѣдѣвшихъ волосахъ, читалъ съ нимъ старикъ Artem poëticam:

... Grajis ingeniun,
Grajis dedit ore rotundo
Musa loqui...

раздавался какъ живой въ его ушахъ, не по лѣтамъ одушевленный, слегка дрожавшій голосъ дяди. Константинъ Владиміровичъ самъ преподавалъ племяннику латинскій языкъ; эллинскому обучалъ его ученый филологъ, выписанный старикомъ изъ Германіи. Въ строгія рамы заключена была жизнь юноши; рано привыкъ онъ сосредоточиваться, наблюдать, вдумываться въ предстоявшія ему явленія. Изъ суммы впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ постояннаго общенія съ дядей, въ душѣ его глубоко врѣзались два понятія, засвѣтились лучезарно двѣ звѣзды: *родина и свобода*. И Завалевскій вспоминалъ опять, какъ рано зачитывался онъ всѣмъ, что относилось до Русской Исторіи, вспоминалъ свои раннія, молодыя, до слезъ горькія недоумѣнія...

Когда ему минуло девятнадцать лѣтъ, дядя отправилъ его въ университетъ, въ Москву. — „Пора разстаться, пора тебѣ въ жизнь“, говорилъ онъ ему на прощаньи,—„съ Богомъ,—и не возвращайся безъ нужды... Не напоминай собою обо мнѣ,—за тобой наблюдать будутъ... Учиться будешь хорошо, знаю,—приготовленъ... Да и зачѣмъ?... Свѣта, свѣта и еще свѣта—вотъ что нужно! Времени прошло довольно,—можетъ быть, и *тамъ* успѣли это понять... Свѣта ищи, къ свѣту веди,

если сможется... А нѣтъ, — что же дѣлать! Во мракъ ты не пойдешь, — уходи! Только ко мнѣ не обращайся, не требуй совѣтовъ,—я не отвѣчу"...

И призраки минувшаго проносились одинъ за другимъ предъ духовными очами Завалевскаго. Онъ вспоминалъ свою одинокую жизнь въ университетѣ — товарищи почитали его за „педанта", — и первую любовь... и первые лучи снова загоравшагося тогда въ Москвѣ „свѣта", вспоминалъ *славянъ* и *западниковъ*, свѣтлыя личности, дѣтскую нетерпимость и горячія увлеченія, добросовѣстныя натяжки и яростные до брани споры въ одной извѣстной тогда въ Москвѣ гостиной, на Собачьей-Площадкѣ... И затѣмъ, въ 1848 году, разгромъ университетовъ, безумныя гоненія... А тамъ Петербургъ, свинцовое небо и свинцовыя лица, затянутые воротники, канцелярія многочисленная и вымуштрованная какъ казарма, большой свѣтъ съ его маменьками, назойливо бѣгавшими за Завалевскимъ, какъ за богатымъ женихомъ, съ его офицерами, которые прыткими ногами выплясывали себѣ карьеру, со всякими самомнящими правовѣдами и облизанными дипломатами... Изъ раздушенной и душной атмосферы бала или раута Завалевскій бѣжитъ, алча свѣжаго воздуха, куда нибудь къ Пяти Угламъ, въ тѣсный литературный кружокъ, или на чиновничью сходку, въ третьемъ этажѣ, на Стремянной... Тамъ опять споры, споры безъ конца, но безъ московской искренности, безъ вѣскости московскаго знанія,—за то съ тѣмъ избыткомъ самонадѣянности и желчи, что такъ присущъ петербуржцу, изворотливая діалектика и жидкая культура, презрѣніе къ исторіи, къ преданіямъ быта и, какъ панацея противъ существовавшаго зла, государственныя и экономическія теоріи, цѣликомъ нахватанныя изъ французскихъ книжекъ тридцатыхъ годовъ... Печально слушаетъ Завалевскій — и думаетъ: „нѣтъ, не зажжете вы *свѣта*, друзья мои: ваши высиженныя теоріи, вашъ деревянный канцелярскій либерализмъ—не *свобода*, ваше напускное народолюбіе тѣмъ же Иваномъ Четвертымъ пахнетъ"... А будущіе „общественные дѣятели" — онъ это чувствуетъ, — глубоко презираютъ его, въ свою очередь, какъ „аристократа" и „идеалиста"...

И все тяжелѣе, ненавистнѣе съ каждымъ днемъ становятся для Завалевскаго его канцелярія, и балы high life'a, и маменьки, владѣлицы взрослыхъ дочерей, и демократы-чиновники, и слѣпой космополитизмъ литературныхъ борцовъ.

„Что дѣлать? думаетъ онъ; неужели *уходить*, — уходить такъ рано"...

Крымская война разрѣшила его недоумѣнія: онъ распростился съ Петербургомъ и поскакалъ въ одно изъ своихъ великорусскихъ имѣній. Черезъ мѣсяцъ онъ выступалъ въ походъ съ ополченіемъ той губерніи.

Какъ изстрадался онъ! Чего ни наглядѣлся въ продолженіе этого похода! Бездарность, распущенность, безобразное пьянство, казнокрады, сжигавшіе на свѣчкѣ сторублевыя ассигнаціи, и рядомъ безъ сапогъ солдаты, гибнувшіе въ грязи непроходимыхъ дорогъ, — вся та „мерзость и чернота неправды", которую горькимъ стихомъ громилъ въ тѣ дни поэтъ...

Имъ овладѣвало отчаяніе, ему хотѣлось скорѣе въ бой, онъ жаждалъ непріятельскаго штыка, пули, ядра. Скорѣе, скорѣе *туда*, говорилъ онъ себѣ, гдѣ „безсмысленную ложь" свою искупаетъ теперь Россія потоками чистѣйшей, благороднѣйшей крови своей, гдѣ противъ всего міра, за вчера поднявшимися стѣнами, отстаиваютъ честь ея неслыханные бойцы, безъ словъ, безъ страха и безъ надежды...

Завалевскій кинулъ свою дружину и поступилъ въ пѣхотный полкъ, форсированнымъ маршемъ спѣшившій изъ Москвы въ Севастополь... Но онъ не дошелъ туда: не вражій выстрѣлъ, а злокачественный тифъ лишилъ его памяти, сознанія окружавшаго...

Рядомъ съ нимъ лежалъ ополченецъ Пужбольскій, раненый при Черной. Они сдружились... Вмѣстѣ, по заключеніи мира, уѣхали они за границу... Константина Владиміровича уже не было на свѣтѣ: онъ умеръ, пока племянникъ былъ въ походѣ.

Въ неотразимомъ блескѣ воскресало въ воспоминаніяхъ Завалевскаго его трехлѣтнее пребываніе въ Италіи. Онъ весь ушелъ тамъ въ міръ искусства, въ міръ древности, въ тотъ

обаятельный, вѣчно живой, вѣчно юный міръ... Онъ вспоминалъ еще, какъ, по пути туда, онъ случайно во Франкфуртѣ, за table d'hote'омъ въ Hôtel d'Angleterre, познакомился съ высокимъ, чопорнымъ, саркастически улыбавшимся старикомъ, какъ онъ сошелся съ нимъ, и завязалась затѣмъ между ними переписка, какъ мало-по-малу овладѣвалъ его мыслью своеобразный геній этого случайнаго его знакомца: звали его Артуръ Шопенгауэръ...

Первая вѣсть о готовившемся освобожденіи крестьянъ застала Завалевскаго въ Римѣ. Онъ все кинулъ—и поспѣшилъ на родину...

Живо припоминался ему тогдашній переѣздъ изъ Штетина въ Петербургъ. Погода стояла великолѣпная; онъ по часамъ глядѣлъ, не отрываясь, съ палубы на мелкую, словно рыбья чешуя, морскую зыбь, всю трепетавшую въ нѣгѣ и сіяніи горячаго весенняго солнца... Онъ ожидалъ, онъ говорилъ себѣ, что такимъ же трепетомъ и сіяніемъ жизни должна была теперь, предъ великимъ разсвѣтомъ, быть отъ края до края исполнена его родина...

Онъ по пріѣздѣ не имѣлъ случая замѣтить ничего подобнаго... Тѣ же разговоры, та же діалектика, только еще болѣе прежняго желчи; съ одной стороны безплодныя жалобы и ядовитыя нареканія, съ другой—безпощадная насмѣшка, торжествующее глумленіе, словно весь вопросъ состоялъ въ томъ, какъ бы злѣе насолить тѣмъ, кто почиталъ себя въ правѣ жаловаться, — вотъ что̀ нашелъ въ Петербургѣ Завалевскій... На Васильевскомъ Острову таинственно работали коммиссіи... Старые знакомые приняли его недовѣрчиво, почти враждебно; онъ, извѣстно, былъ „аристократъ“ и „идеалистъ“...

Но онъ, именно въ этомъ своемъ качествѣ „идеалиста“, не стремился ни къ какому вліянію, не примыкалъ ни къ какой партіи, не навязывалъ никакой своей программы. Чьими бы руками ни совершалось великое дѣло, лишь бы совершилось оно,—онъ мысленно заранѣе сжималъ горячо въ своихъ эти благотворныя руки... Для него важнѣе было другое: онъ все прислушивался, тревожно искалъ того усиленнаго пульса жизни, который—упорно надѣялся онъ,—долженъ былъ биться въ

странѣ наканунѣ такого огромнаго событія. Но онъ все не доискивался его...

Насталъ великій день (Завалевскій былъ назначенъ членомъ крестьянскаго присутствія въ одной изъ среднихъ губерній); за этимъ слѣдовалъ цѣлый рядъ коренныхъ преобразованій, измѣнившихъ всю наружную физіономію страны... Но внутри ея, гдѣ, гдѣ то широкое, воскрешающее вѣяніе свободы, та подымающая сила жизни, которую съ юности призывалъ нашъ „идеалистъ“ всѣми голосами души своей? Гдѣ благодарная дѣятельность освобожденнаго труда? Гдѣ тотъ подъемъ *духа* въ народѣ, обрѣтшемъ вновь свои человѣческія права?... Тщетно искалъ вокругъ себя Завалевскій, — внизу прогулъ, шатанье, недоимка, міръ горлановъ и пьяный самосудъ; выше—постыдное, тупое уныніе, безнадежность трутня, выгнаннаго изъ улья... А мысль, *молодая* мысль Россіи—то, что именовало себя тогда „новыми людьми“, — чѣмъ привѣтствовала, чѣмъ праздновала она это великое дѣло освобожденія родины?

Съ ужасомъ и отвращеніемъ раскрывалъ каждый разъ Завалевскій нумера толстыхъ журналовъ, ежемѣсячно получавшихся имъ изъ Петербурга; часто, не довѣряя глазамъ своимъ, знакомился онъ съ ихъ содержаніемъ... Тамъ раздавался какой-то дикій вой,—вой эѳіоповъ, по древнему сказанію, лаявшихъ на солнце... Полудикіе семинаристы, заявлявшіе себя представителями „молодаго поколѣнія“, сталкивали съ вѣковыхъ пьедесталовъ высочайшихъ представителей человѣческой культуры и обзывали ихъ „пошляками“; наглые гаеры въ бѣшеной „свистопляскѣ“ топтали козлиными ногами все великое духовное прошлое человѣка, и съ пѣной у рта, съ поднятыми кулаками, требовали, да возвратится онъ въ образъ звѣриный. Освистанное искусство объявлено было „аристократическимъ тунеядствомъ“, поэзія „пакостнымъ времяпрепровожденіемъ“, исторія оказывалась „не стоящимъ вниманія собраніемъ всякой негодной дряни“... Дерзость этого скоморошества уступала только его неслыханному комизму. Лѣтосчисленіе русской мысли повелѣвалось вести съ какой-то полемической статьи одного изъ „новыхъ людей“, а „дворянскую литерату-

ру", то-есть все то, что̀ по-русски написано было не семинаристами, почитать не существующею. Россіи, оплеванной наперерывъ всѣми этими бѣшеными устами, приговоренной ими на мельчайшіе атомы,—Россіи объявлялось, что у нея и исторіи никакой нѣтъ, что во все продолженіе ея тысячелѣтняго существованія она произвела одного единственно „порядочнаго человѣка", и что этотъ порядочный человѣкъ—Стенька Разинъ!...

Глубоко, всѣми сторонами своего существа, какъ человѣкъ образованія, какъ гражданинъ, какъ сынъ своей земли, возмущенъ былъ Завалевскій, — и воспоминались ему пророческія слова его дяди: „изъ мрака лишь дѣти мрака выйдутъ"... Да, вотъ они, эти исшедшія изъ мрака дѣти! Неразумное прошлое давало свой естественный плодъ... Но гдѣ же, гдѣ же спасеніе?...

Быстро неслись призраки... Завалевскій вспоминалъ 1863 годъ, грозу, подымавшуюся съ Запада на Россію, и могучій взрывъ патріотическаго чувства, охватившій его родину изъ конца въ конецъ... Горячо отдался онъ весь этому спасительному движенію! Онъ уразумѣлъ сразу всю его вѣскость, все его значеніе...

Въ пылу увлеченія нашъ идеалистъ обрекалъ всего себя на дѣло сліянія русскихъ окраинъ съ общимъ отечествомъ; онъ началъ составлять большое общество съ цѣлію пріобрѣтать покупкою имѣнія въ Западномъ краѣ, намѣревался самъ поселиться въ немъ, поступить тамъ на службу... Предпріятіе не удалось,—предложенія его были отклонены... „Благо, что такъ случилось", вспоминалъ теперь Завалевскій, улыбаясь своею унылою улыбкой:—„хорошъ бы я былъ! Считаемый чуть не за самую газету *Вѣсть* въ 1866 году, я, пожалуй, былъ бы выгнанъ оттуда какъ „революціонеръ" и „соціалистъ"...

Онъ почувствовалъ себя безполезнымъ и снова уѣхалъ въ Италію. Но онъ не обрѣлъ въ ней прежнихъ восторговъ, прежняго самозабвенія. Онъ теперь, можетъ быть, еще лучше, тоньше понималъ, цѣнилъ искусство, но онъ уже не чувствовалъ себя способнымъ отдаться ему всецѣло, уйти всѣмъ существомъ своимъ въ этотъ волшебный міръ и, какъ прежде

блаженно замереть въ немъ... Онъ вспоминалъ, какъ однажды въ Венеціи, остановившись предъ Святымъ Маркомъ, перечислялъ онъ мысленно, что̀ генія, человѣческаго труда и навезенныхъ изо всѣхъ странъ земли сокровищъ потрачено было на этотъ исполинскій памятникъ дней славы и величія... „*Что̀* двигало все это“, подумалъ онъ, „*то̀* уже никогда, никогда для человѣка не вернется! И для меня къ этому нѣтъ уже возврата“... Нежданныя, жгучія слезы выступили у него подъ рѣсницами... Онъ на другой же день уѣхалъ въ Гамбургъ, оттуда въ Америку. „Посмотримъ на страну, гдѣ *этого* никогда не бывало“, сказалъ онъ себѣ,—„познакомимся поближе съ *новою* жизнію, съ *новыми* задачами“...

Но самъ онъ не могъ отрѣшить себя отъ *прежняго* человѣка. Въ этой странѣ безпредѣльной свободы,—Завалевскій провелъ тамъ два года,—онъ все отыскивалъ суровыя республиканскія добродѣтели, пуританъ временъ Пенна, героевъ пустынь и дѣвственныхъ лѣсовъ Купера,—и натыкался лишь на эксплуататоровъ и humbug'овъ всякаго рода. Онъ задыхался, какъ задыхался въ немъ Эдгардъ По, въ этомъ мірѣ машинъ, царственнаго мѣщанства, колоссальнаго разсчета и циническаго корыстолюбія. *Новая* жизнь наводила на него невыносимую тоску. Онъ вернулся въ Европу.

Онъ пріѣхалъ въ Парижъ вслѣдъ за вступленіемъ въ него германской арміи... Его настигла тамъ коммуна со всѣмъ ея безумствомъ, со всѣми ея ужасами, со всѣми ужасами версальскаго возмездія... „А вотъ и разрѣшеніе *новыхъ* задачъ!“ говорилъ себѣ Завалевскій,—„пожаръ, кровь и разрушеніе! Чѣмъ же хуже были Неронъ и Гунны?“... Какъ бы въ отвѣтъ ему, какой-то русскій выходецъ посылалъ изъ Женевы свой братскій привѣтъ поджигателямъ Парижа: „Петролеумъ“, восклицалъ онъ въ младенческомъ восторгѣ,—„вотъ тотъ факелъ, которымъ долженъ освѣтиться великій пиръ равенства и братства людей!“ — „Какъ будетъ вонять на этомъ пиру!“ говорилъ по этому поводу Пужбольскій,—Завалевскій засталъ его въ Парижѣ,—Пужбольскій, который, не стѣсняясь, въ самый разгаръ террора отпускалъ громко на улицѣ подобныя же замѣчанія, за что̀ чуть и не былъ разстрѣлянъ однажды

толпою блузниковъ. Его уже тащили къ стѣнѣ. Bon mot спасло ему жизнь.—„Vous allez me fusiller; je veux bien; mais en serez vous plus propres?“ спросилъ онъ вдругъ, указывая на ихъ грязныя лохмотья,—„tenez, j'aime mieux vous payer du savon!“ И онъ вытащилъ два золотыхъ, бывшихъ въ его карманѣ. Его отпустили съ громкимъ смѣхомъ...

И вотъ, послѣ пяти лѣтъ отсутствія, Завалевскій опять на родинѣ... Комедія Нечаевскаго процесса только-что была отыграна, патріотическая струна давно смолкла,—и надъ нею ретроспективно потѣшались теперь фельетонныя балалайки... Внимательно сталъ прислушиваться, приглядываться Завалевскій, и... и прежнею тоской щемило у него въ груди... Преобразованная родина, на свѣжіе глаза, представлялась ему теперь—увы!—какимъ-то нескладнымъ недорослемъ, облеченнымъ въ одежду взрослаго человѣка и безпомощно запутавшимся въ ней... Ничто, казалось ему, не спорилось, не шло въ здоровый ростъ, не складывалось въ строй, въ дѣйственное, живучее сочетаніе... *Старое*, очевидно, вымирало, гнія, но изъ-подъ его опадающихъ стеблей нигдѣ не замѣчалъ Завалевскій свѣжихъ побѣговъ здоровой молодой жизни... Въ темныхъ и нелѣпыхъ краскахъ рисовался предъ нимъ этотъ давно не виданный имъ родной бытъ: города и села представляли собою зрѣлище одного сплошнаго кабака; вѣчно неуловимый *красный петухъ* гулялъ безнаказанно по всему пространству *деревянной* Россіи; жаловались на тѣсноты, на опеку, толковали о расширеніи правъ,—а самоуправленіе не умѣло моста устроить, и земскія дороги утопали въ грязи какъ во времена Михаила Ѳедоровича, а излюбленные люди страны, а представители высшихъ и низшихъ сословій позорили себя то-и-дѣло безстыдною недобросовѣстностью... Сегодня читалъ Завалевскій, какъ нѣкій избранникъ провинціальной юстиціи, надѣвъ на себя посконную ризу, кощунствовалъ, пьяный, предъ пьянымъ мужичьемъ; завтра разсказывалось объ убійствѣ, совершенномъ 18-лѣтними мальчиками въ видѣ опыта, съ цѣлью пріучить себя къ будущимъ убійствамъ! Благодушно выносила изъ камеръ присяжныхъ общественная совѣсть поразительныя оправданія; адвокатъ превращалъ защиту

преступника въ апоѳеозъ преступленія... И ни одного дня безъ новой клеветы, безъ новаго скандала,—безъ новаго случая безсмысленнаго, необъяснимаго на первый взглядъ самоубійства. Юноши, женщины, дѣти лишали себя, не задумываясь, жизни, какъ бы въ мрачномъ сознаніи своей безполезности, своей безысходной душевной нищеты...

— О, бѣдный край мой! восклицалъ съ отчаяніемъ Завалевскій:—неужели отъ твоего азіатскаго сна пробудила тебя нѣкогда дубинка Петра Алексѣевича только затѣмъ, чтобы ты расползся теперь отъ умственной безтолочи, отъ духовнаго безсилія!... За азбуку надо приниматься тебѣ, за настоящую, правильную, строгую азбуку!...

У него давно былъ составленъ проектъ того образовательнаго заведенія, о которомъ, какъ вѣдомо читателю, происходило у него сейчасъ объясненіе съ господиномъ Самойленкой. Онъ съ новою горячностью принялся за это дѣло. Представленныя имъ предложенія, разсмотрѣнныя вчернѣ, были заранѣе одобрены... Оставался денежный вопросъ, который и побудилъ его пріѣхать въ Алый-Рогъ...

Но въ то самое время, когда онъ занимался своею работой, соображалъ, дополнялъ, совѣщался съ такъ-называемыми *компетентными* лицами, имъ овладѣло тяжелое и неодолимое разочарованіе. Недовѣріе къ задуманному имъ заведенію, выраженное ему откровенно его управляющимъ, было только эхомъ его собственныхъ внутреннихъ сомнѣній... „Народная школа, разсуждалъ онъ, стоитъ въ непосредственномъ отношеніи къ общему уровню цивилизаціи въ странѣ и въ прямой зависимости отъ него. Соотвѣтственно каждому данному историческому моменту, культура и нравственный идеалъ народа отражаются въ этой школѣ „какъ солнце въ малой каплѣ водъ“. Во всѣхъ странахъ, гдѣ образованіе не пустое слово,—народный учитель представляетъ собою крайнее звено той цѣпи, по которой, проходя чрезъ всѣ слои общества, спускается сверху внизъ, въ народныя массы, свѣтъ и тепло просвѣщенія... Спрашивается: существуетъ-ли у насъ что-либо подобное такой *цѣпи*,—а, буде есть оно, *что* придется вбирать въ себя сверху и что̀ передавать внизъ, въ

глубь народную, этому приготовленному мною народному учителю, когда прицѣпится онъ своимъ звеномъ къ остальнымъ звеньямъ этой милой цѣпи? *Какой* это культуры, *какого* нравственнаго катихизиса поставленъ онъ будетъ младшимъ представителемъ?... Чѣмъ совершеннѣе, чѣмъ *человѣчнѣе* будетъ дано ему воспитаніе — тѣмъ изолированнѣе, тѣмъ осиротѣлѣе будетъ онъ стоять между этимъ, безсмысленнымъ *верхомъ* quasi-культуры и неосмысленнымъ *низомъ*... Кто же выдержитъ такое положеніе?... Нѣтъ, восклицалъ Завалевскій, — тутъ мало того запаса духовныхъ силъ, съ какимъ выходитъ, напримѣръ, въ Германіи такой учитель изъ своей семинаріи;— тутъ надо создавать миссіонеровъ, бойцовъ на смерть противъ этой мертвечины, крестоносцевъ идеи, какихъ умѣютъ создавать іезуиты-сектанты, нужны фанатики свѣта и любви, какъ были у насъ до сихъ поръ фанатики мрака и ненависти!... Но кто создастъ ихъ, этихъ новыхъ *рыцарей духа*, въ распрекрасной странѣ, гдѣ „образованность“ состоитъ въ отрицаніи всякаго *духа?* Не я-ли самъ, спрашивалъ онъ себя съ горькою улыбкой, — буду этимъ пророкомъ, буду „глаголомъ жечь сердца людей“?

Нѣтъ, онъ не обманывалъ себя,—онъ не годился, не могъ болѣе... Леденящая родная атмосфера сдѣлала свое дѣло: съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, чувствовалъ онъ, изсякалъ въ его душѣ, in imo pectore, прежній живой источникъ энтузіазма... А безъ энтузіазма, говорилъ онъ себѣ,—выйдетъ все та же гниль и прахъ!... Хороши плоды отъ всѣхъ этихъ насажденій нашихъ умниковъ, признающихъ одну всемогущую богиню — *пользу!*... Нѣтъ, *польза* — не сила, не самобытный двигатель, никогда не была имъ, не будетъ! Она ничто, звукъ пустой, если за нею не стоитъ другое, высшее начало, котораго она только послушная раба... Лишь то, что само въ себѣ, an sich, какъ говорятъ нѣмцы, заключаетъ жизнь и питаетъ ее, что не чрезъ возбужденіе извнѣ и не въ виду чего-либо ему посторонняго, а въ самомъ себѣ находитъ причину, цѣль и удовлетвореніе,—то лишь одно плодотворно, то лишь одно творило и подвигало...

Все это было справедливо, — но потому самому не могъ

онъ никакъ выпутаться изъ фальшиваго круга, въ которомъ онъ находился: безъ того одухотворяющаго, въ себѣ самомъ сущаго начала жизни, которое, въ его убѣжденіи, отсутствовало во всемъ, что̀ ни окружало его, въ обществѣ какъ въ учрежденіяхъ, то̀ *полезное*, что̀ могло бы быть имъ совершено, должно было оказаться столь же несостоятельнымъ, сколько и все остальное, совершенное доселѣ въ его отечествѣ; а между тѣмъ, — какого же пробужденія *духа жизни* можно было ожидать отъ этой, какъ энергично выражался онъ, — „всеобщей мертвечины“?... Она могла лишь заразить и то̀ живое, что̀ прикасалось къ ней... Не подрѣзаны-ли были крылья у него самого? Не сознавалъ-ли онъ самъ, какъ все холоднѣе и безнадежнѣе заплескивала его самого эта мертвая волна?...

Бесѣда его съ практическимъ Іосифомъ Козьмичемъ навела на него окончательное уныніе.

И, уже не вѣруя въ него, думалъ онъ теперь объ этомъ задуманномъ имъ дѣлѣ, которое, все же, полагалъ онъ, надо, „для очистки совѣсти“, привести будетъ къ концу, — и съ внутреннею улыбкою горечи и презрѣнія къ собственной немощи, сравнивалъ себя съ нажившимся подрядчикомъ, „предоставляющимъ отъ своихъ избытковъ въ распоряженіе начальства“!...

Тихимъ, больнымъ смѣхомъ засмѣялся вдругъ Завалевскій.

— Что̀, хорошъ я къ тебѣ вернулся, пріятель? проговорилъ онъ полугромко, прикасаясь рукою къ пергаментному корешку лежавшаго на столѣ старинаго Горація, по которому внезапно скользнуло блѣдное сіяніе выплывшаго изъ-за липъ мѣсяца.—По-твоему, вѣдь это все тлѣнъ и суета? Перемелется—все мука будетъ; увѣнчаемся розами, среброчеканную чашу съ старымъ фалернскимъ въ руку — и nunc est bibendum,—и прочая. „Не такъ-ли, старый эгоистъ?... А вотъ, что̀ бы *онъ*, твой прежній хозяинъ, сказалъ?...

И Завалевскій глубоко вздохнулъ.

Мысли его приняли другое направленіе... Онъ поднялся съ мѣста и уложилъ оба локтя на мраморный подоконникъ открытаго окна.

— О чемъ жалѣть? жизнь прошла... Какъ? не все-ль равно?!.. У кого проходитъ она хорошо?... Жизнь — вспоминалъ онъ франкфуртскаго собесѣдника своего Шопенгауэра, призракъ, — отрицаніе, — чего же ждать отъ нея! А тамъ — теперь уже близко — *Нирвана*, вѣчный покой и блаженство небытія, гдѣ...

in deinem Nichts hoff Ich das All zu finden!

Досказалъ онъ себѣ словами Фауста...

Неожиданный яркій свѣтъ блеснулъ прямо въ глаза ему.— Онъ невольно отшатнулся...

Свѣтъ билъ слѣва, изъ одного изъ оконъ одноэтажнаго крыла, примыкавшаго прямымъ угломъ къ главному зданію. На это, настежъ, какъ и у Завалевскаго, раскрытое окно кто-то только-что поставилъ лампу подъ бѣлымъ колпакомъ, и графу прежде всего кинулся въ глаза высоко и объемисто росшій подъ тѣмъ окномъ кустъ *Иванъ-чая;* его густонасаженные красно-лиловые цвѣтки словно вспыхивали подъ падавшимъ на нихъ сверху отвѣсною струею огнемъ.

А выше, въ самомъ окнѣ, виднѣлся женскій обликъ съ распущенными волосами, въ чемъ-то распашномъ и бѣломъ...

„Эта та опять, что по ней „Пушкинъ не развитъ“!... Что она полуночничаетъ?“ сказалъ себѣ съ досадою Завалевскій, усаживаясь такъ, чтобъ она оттуда не могла замѣтить его.

Она и не замѣтила; она была увѣрена, что онъ давно спитъ, и спитъ не въ кабинетѣ, а въ спальнѣ покойнаго графа, что выходила на главный фасадъ, по ту сторону дома.

Ей не спалось: въ маленькой спальнѣ ея было душно, — луна только-что глянула ей въ стекла, какъ бы вызывая ее... Она надѣла пудермантель, зажгла лампу и открыла окно.

И вотъ она стоитъ тутъ и всею высокоподымающеюся, полуобнаженною грудью своей вдыхаетъ въ себя воздухъ ночи... Завалевскому, за низкимъ свѣтомъ лампы, не видать ея явственно. Но онъ слышитъ,—она, кажется, запѣла?...

Да, запѣла,—что-то тихое и протяжное... и знакомое ему; кажется... Да, онъ помнитъ: въ саратовскомъ своемъ имѣніи, въ степи, слышалъ онъ эту пѣсню:

Ужь какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй-тоска въ ретиво сердце;
Не сойдетъ туманъ со синя моря,
Ужь не выйдетъ грусть изъ сердца вонъ...

Ни умѣньемъ, ни особою звучностью не отличалось ея пѣніе. Свѣжій, нѣсколько гортанный и довольно высокій, — прямо русскій голосъ... и все... И ничего личнаго, *субъективнаго*, въ томъ, что̀ сказывала она имъ теперь; вспомнилась ей пѣсня потому развѣ, что тамъ, надъ Алымъ-Рогомъ, рѣдѣя, волновался туманъ предъ разсвѣтомъ, а никакъ—Завалевскій это чуялъ, — не отъ „злодѣя-тоски въ ретивомъ сердцѣ“... И оттого, именно оттого такое нежданное, захватывающее впечатлѣніе производила на него эта пѣсня. Безыскусно и вѣрно передавала ее дѣвушка, передавала ее такъ, какъ вышла она изъ устъ народа,—и никогда еще такъ глубоко и сильно, въ продолженіе всей своей жизни, не чувствовалъ Завалевскій, какъ эти народные звуки были родны, были близки его душѣ... Все, что̀ заключалось въ нихъ, — и это смиреніе вѣковаго страданія, и неизсякаемая жажда лучшей доли, и ширь этой тоски, невѣдомая никакому иному народу въ мірѣ, безпредѣльная какъ степь, какъ воздухъ этой степи, какъ вся эта убѣгающая въ незримую даль русская природа,—все это было *его*, какъ и *ея*, общее, свое; онъ впиталъ все это въ себя съ молокомъ матери, онъ вѣдалъ съ юныхъ дней:

«И помнилъ онъ отъ самой колыбели,
Какъ, темныя свои качая ели,
Вся стономъ стонетъ русская земля»... *).

— Это стоны, припоминалъ онъ далѣе, жадно прислушиваясь въ то же время къ пѣснѣ,—стоны

«Богатыря въ цѣпяхъ»...

Голосъ оборвался внезапно, и лампа Марины исчезла вмѣстѣ съ нею съ окна.

— Куда же это она? совсѣмъ уже громко воскликнулъ

*) Майковъ, *Двѣ судьбы*

графъ, съ такимъ ощущеніемъ, будто въ немъ что-то оборвалось...

Но вслѣдъ за тѣмъ донесся къ нему со двора лязгъ желѣзнаго блока и стукъ хлопнувшей двери. Онъ глянулъ въ окно...

Марина, вся въ бѣлыхъ, колеблемыхъ вѣтромъ складкахъ, вся облитая свѣтомъ майской ночи, подвигалась по двору, по направленію къ рѣкѣ...

— *Каро!* вдругъ кликнула она и обернулась. Завалевскій только отойти успѣлъ...

— *Каро!* повторила она и свистнула пронзительнымъ, ямщичьимъ свистомъ, и на этотъ свистъ, жалобно визжа и скребя передними лапами по желѣзу откоса, показался на окнѣ ея комнаты большой бѣлый пудель, заметался, гавкнулъ— и неустрашимо, головою внизъ, хвостомъ вверхъ, ринулся къ ней изъ окна съ отчаянно-радостнымъ лаемъ...

— Милый ты, милый, князь мой за-алатой бральянтовый! цыганскимъ говоромъ обращалась она къ своему *Каро*, прыгавшему вокругъ нея середь двора, и, поймавъ его за шею, наклонилась цѣловать его, наклонилась такъ низко, что бѣлая голова собаки вся исчезла въ темной волнѣ ея волосъ.

Но вотъ она выпрямилась, нетерпѣливо встряхнула этою волною и, вскинувъ глаза свои на мѣсяцъ, запѣла опять, запѣла теперь во всемъ избыткѣ переполнявшаго ее молодаго, расходившагося веселья:

Полоса-ль моя полосынька,
Полоса-ль моя не паханая,
Не пахана, не бороненая...

Завалевскій словно только ждалъ,—ждалъ именно этой пѣсни...

Не пахана, не бороненая...

повторилъ онъ, опускаясь снова въ кресло.

Чѣмъ-то давно забытымъ, трепетно надежнымъ, молодымъ, какъ этотъ только-что смолкнувшій дѣвичій голосъ, пахнуло на нашего „идеалиста“.

— Ты правъ, „пламенный Квиритъ“: — nunc est pede

libero pulsanda tellus! Перемелется — мука будетъ... И мой институтъ тоже! домолвилъ Завалевскій, вставая и направляясь къ своему ложу.

Онъ уже укладывался подъ одѣяло, какъ къ нему, вмѣстѣ съ ворвавшимся въ покой легкимъ порывомъ вѣтра, донеслись издали слова пѣсни:

Въ темномъ лѣсѣ кто откликнется?

заливалась Марина уже у самаго рѣчнаго берега.

— Спасибо,—вотъ тебѣ откликъ! чуть школьнически не крикнулъ графъ, натянулъ одѣяло по самыя уши и заснулъ крѣпкимъ, давно ему невѣдомымъ сномъ.

IV.

На другой день, часу въ девятомъ утра, хозяинъ и его гость пили чай на примыкавшемъ къ библіотекѣ довольно широкомъ балконѣ, уставленномъ мраморными вазами съ цвѣтами, и съ котораго вели въ садъ нѣсколько широкихъ каменныхъ ступеней.

Утро стояло великолѣпное. За чертою тѣни, падавшей отъ дома и защищавшей нашихъ пріятелей отъ уже горячихъ солнечныхъ лучей, начиналась ослѣпительная игра свѣта и несся оттуда весь тотъ немолчный, пѣвучій и жужжащій гамъ, звенѣла та безконечная гамма счастливыхъ звуковъ, что̀ на очарованныхъ крылахъ приноситъ съ собою молодая весна.

Пріятели были въ отличномъ расположеніи духа; оба они выспались отлично, проснулись бодрые и свѣжіе. Даже обычно усталое лицо Завалевскаго казалось помолодѣвшимъ.

Предъ Пужбольскимъ на скатерти, между большой чашкой похолодѣвшаго чая и блюдомъ только-что взрѣзанной имъ ветчины, лежало нѣсколько книгъ, принадлежавшихъ, судя уже по однимъ переплетамъ ихъ, къ весьма почтенному по отдаленію времени. Онъ читалъ громко ихъ заглавія одно за другимъ—и помиралъ со смѣху.

— Послушай, какая прелесть! *L'histoire aetiopique d'Héliodorus...*

....traitant les amours de Théagène et Charyclée, докончилъ графъ, весело усмѣхнувшись тоже.—Да, это переводъ милаго стараго Amiot,—и прелестно!... Какъ я зачитывался имъ въ молодости! Этотъ старинный французскій языкъ, живописный и наивный, не твоему нынѣшнему чета!

Но Пужбольскій, не слушая, провозглашалъ съ новымъ хохотомъ новое заглавіе:

—*Comédie du pape malade et tirant à sa fin, traduit du vulgaire arabic en bon rouman et intelligible* (sic), *par Thrasibule Phénice.* 1516... Ты читалъ это?

— Не помню.

— Съ наслажденіемъ прочту,—должно-быть восхитительно!... Это, очевидно, памфлетъ,—веселый можетъ-быть, какъ сказка Бокачіо, ou violent comme le fameux sonnet de Pétrarque contre Rome... Онъ еще разъ прочелъ годъ изданія: mil cinq cent seize, положилъ книгу на столъ и, запуская пальцы въ свою огненную бороду, спросилъ:

— Хотѣлъ бы ты жить въ это время, Завалевскій?

— Въ какое? разсѣянно спросилъ графъ. Онъ въ эту минуту думалъ о томъ, какими мѣрами могъ бы быть на вѣчныя времена огражденъ его институтъ, а главное—смыслъ его, отъ всякихъ случайностей.

— En plein cinquo cento? пояснилъ Пужбольскій.

— Да, время будто и хорошее,—на разстояніи отъ него трехсотъ лѣтъ, примолвилъ лукаво Завалевскій, зная, что его пріятель тотчасъ же какъ изъ пушки выстрѣлитъ.

— Какъ, какъ! дѣйствительно такъ и вскинулся тотъ,—ты бы не хотѣлъ жить въ то время, когда искусство *заняло*—„занимало“, поправился онъ,—такое важное мѣсто въ жизни, что папа Юлій II, la Rovere, *объявлялъ* войну Флоренціи за то, что она не хотѣла *уступлять* ему Микель-Анджело?

— А Флоренція, какъ ты думаешь, очень довольна осталась, когда увидѣла себя вынужденною отослать Микель-Анджело твоему воинственному папѣ? поддразнивалъ его Завалевскій.

— Mais, par la barbe de Jupiter! запищалъ князь,—это совсѣмъ другой вопросъ, я говорю про искусство, которое въ то время...

Но Завалевскій его уже не слушалъ и снова погрузился въ соображенія о своемъ институтѣ.

А Пужбольскій между тѣмъ засыпалъ о Львѣ X и о нюренбергскихъ художникахъ, о Цезарѣ Борджіа и о Peter Fischer'ѣ, перескочилъ какимъ-то удивительнымъ, одному ему

возможнымъ скачкомъ, отъ Луки Кранаха къ прекрасной Арсиноѣ, супругѣ Птоломея Филадельфа, которую родная сестра ея, Клеопатра, велѣла отравить изъ зависти къ ея красотѣ, причемъ расхвалилъ Клеопатру и выбранилъ врага ея, Горація, ce plat courtisan d'Auguste, который долженъ былъ однако согласиться, когда узналъ о ея мужественной смерти, что она „non debilis mulier", что̀ будто бы по-русски могло бы быть переведено въ этомъ случаѣ: „не дюжинная женщина"... Все это, невѣдомо уже какъ, кончилось вопросомъ: какого мнѣнія Завалевскій о стихотвореніяхъ Anastasius Grühn'a?

Завалевскій не разслышалъ было...

— Ну, да, Anastasius Grühn, нетерпѣливо повторилъ князь,—псевдонимъ графа Ауерсперга, un pair d'Autriche aujourd'hui... Въ прошломъ году я на Траунзее жилъ въ одномъ отелѣ съ однимъ фельдмаршалъ-лейтенантомъ, старикомъ; такъ тотъ даже плакалъ, говоря о немъ... Я и прочелъ. Dio mio, какая скука!

— Къ чему же ты читалъ?

— Нельзя,—надо!... Я все читаю, нужное и ненужное... Я всѣхъ ихъ *одолѣвалъ*, всѣхъ этихъ Гервеговъ, Платеновъ, Фреймегратовъ.

— Вѣдь ты ничего въ поэзіи не смыслишь, Пужбольскій? сказалъ ему на это графъ съ улыбкой.

— Ну да, не смыслю! отгрызся онъ,— потому что не восхищаюсь, какъ ты, стихами, гдѣ семьдесятъ пять тысячъ существительныхъ и ни одного глагола, твоимъ знаменитымъ „шопотъ, робкое дыханье", или тамъ у Гёте: o Lust, o Wonne, o Erd'.... o Sou'...

Онъ обрѣзалъ вдругъ, на полусловѣ, и уставился на подходившаго въ это время медленными шагами къ балкону пожилаго, сутулаго и прихрамывавшаго человѣка въ синемъ армякѣ и порванной, рыжей отъ времени, мѣховой шапкѣ, надвинутой на самыя брови.

— Это вчерашній кузнецъ, сообщилъ князь Завалевскому, обернувшемуся въ ту же сторону. — Quel type! Настоящій Книппердолингъ!

— Откуда у тебя все это берется! пожалъ плечомъ графъ.

— А ты не помнишь Книппердолингъ—le Малюта Скуратовъ, l'executeur des hautes oeuvres de Jean de Leyde... Погляди на эту скверную харю! уже шопотомъ примолвилъ онъ.

Дѣйствительно, лицо, обезображенное оспой, большіе, далеко другъ отъ друга отстоявшіе, волчьи зубы, сѣрые недобрые глаза, глядѣвшіе угрюмо изъ—не подъ бровей, которыя были у него рѣдки, словно выжжены, — а изъ-подъ низко свисшей со лба на глаза кожи, рѣзкимъ краснымъ цвѣтомъ обозначавшей линіи этихъ бровей, и—когда онъ, не торопясь, снялъ шапку предъ господами,—огромная голова вся въ бурыхъ вихрахъ:—такова была незавидная наружность кузнеца, поднявшагося теперь на третью ступеньку балкона и безъ словъ, словно чего-то ожидая, выглядывавшаго снизу на Завалевскаго.

— Что тебѣ нужно, любезный? спросилъ графъ.

— На счетъ вчерашняго, не тотчасъ же послѣдовалъ отвѣтъ.

— То-есть, что это на счетъ вчерашняго?

— Извѣстно,—шину наваривалъ. Шапка кузнеца заходила въ его рукахъ, и глаза исчезли подъ опустившеюся на нихъ кожей.

— Развѣ ты не получилъ, что тебѣ слѣдуетъ?

— Вѣдомо, что не получалъ, язвительно и уже совсѣмъ отворачиваясь отъ вопрошавшаго, отвѣчалъ онъ.

— Постой, постой, любезный! вмѣшался князь.—Во-первыхъ, какъ тебя звать-величать?

— Осипомъ, угрюмо отрѣзалъ кузнецъ.

— Такъ позвольте же васъ, господинъ Осипъ,—не знаю по отчеству какъ,—позвольте спросить: не я-ли тебѣ вчера собственною рукой моею вручилъ два серебряные рубля въ видѣ двухъ желтенькихъ и притомъ новешенькихъ бумажекъ?

Шапка еще злѣе замоталась между пальцами „Книппердолинга".

— Такъ, можетъ, вы на чай дали... а развѣ шина два цѣлковыхъ стоитъ?

— Именно, именно! запищалъ Пужбольскій:—моей вели-

кой милостью твоей великой лѣности на чай далъ, потому ты меня тамъ изъ дрянной шины три часа *продерживалъ!* Да за сѣкиру взялъ ты съ меня, что захотѣлъ! А за работу тебѣ ни гроша не слѣдуетъ, потому при тебѣ говорилъ мнѣ кучеръ, что везъ насъ, что нанятъ ты управляющимъ погодно, на всѣ работы по экономіи... Такъ ты только обязанность свою *справилъ.*

— Такъ мало-ль что станетъ кучеръ врать! сипло отрѣзалъ кузнецъ, придерживаясь рукой за перила и переступая съ хромой ноги на здоровую.

— А если онъ вралъ, такъ что-жь ты тогда же ему не сказалъ, при мнѣ? а ты съ тѣмъ и ушелъ въ свою дыру, ничего не сказавши!...

— Ты, любезный мой, говори толкомъ, началъ опять графъ,—ты какъ нанятъ на экономію работать: погодно, или поштучно?

— Погодно, отвѣчалъ тотъ не смущаясь,—будто все дѣло не разрѣшалось этимъ.

Пужбольскій чуть не захлебнулся отъ негодованія.

— Ты послушай, послушай, господинъ Осипъ, зашипѣлъ онъ,—ты мнѣ скажи: ты посты соблюдаешь?

Изъ-подъ красной кожи выглянули опять недобрые глаза „Книппердолинга“ и мрачно остановились на князѣ.

— А то какъ же?... Хрестьянинъ тоже! отвѣчалъ онъ.

— И ни разу, ни разу не случалось тебѣ *оскоромлятьсѧ?*

— Богъ миловалъ!...

— Такъ какъ же это ты, какъ же, продолжалъ захлебываться Пужбольскій,—посты блюдешь, въ душеспасительность груздя и сыроѣшки вѣришь, а въ Божьи заповѣди не вѣришь!... Или, можетъ, ты и не знаешь, что говоритъ осьмая заповѣдь?

— Перестань, пожалуйста, сказалъ ему по-французски Завалевскій,—а ты, мой любезный, обратился онъ къ кузнецу,—коли имѣешь какую-нибудь претензію, ступай къ управляющему; ты съ нимъ рядился...

— Что мнѣ къ управляющему ходить! дерзко пробурчалъ Осипъ, спускаясь одною ногой со ступени,—сами князья-гра-

фы, знаете, почитай, что не годится бѣднаго человѣка обижда̀ть...

— И est soûl, le gredin! сверкая глазами, вскочилъ съ мѣста своего Пужбольскій.

— А ты здѣсь на что̀? раздался въ то же время за нимъ басистый и повелительный голосъ,—голосъ господина Самойленки; главноуправляющій только-что вышелъ изъ библіотеки и, ни съ кѣмъ не здороваясь, стоялъ посередь балкона, вложивъ руки въ карманы пальто, уставивъ въ упоръ круглые глаза свои въ лицо кузнеца,—и князь съ изумленіемъ замѣтилъ, какъ подъ этимъ взглядомъ, чѣмъ-то смущеннымъ и трусливымъ смѣнялось наглое выраженіе, только-что изображавшееся на томъ лицѣ.

— За своимъ дѣломъ приходилъ, почти робко проговорилъ „Книппердолингъ“ и убралъ уже обѣ ноги свои со ступени.

— А какія это у тебя нынче „свои дѣла“ завелись, что̀ мнѣ они неизвѣстны? грозно крикнулъ Іосифъ Козьмичъ,—и кузнецъ, не отвѣчая и насунувъ обѣими руками шапку по самыя уши, спустился въ садъ и, ковыляя по дорожкѣ, исчезъ за ближайшимъ поворотомъ.

— А побаивается же онъ васъ однако! съ одобреніемъ и сочувствіемъ взглянулъ на Іосифа Козьмича князь.

— Знаетъ песъ, что на него палка есть, самодовольно проговорилъ тотъ.—Кабы не я, сгнилъ бы онъ давно въ Сибири! примолвилъ онъ,—и жизни сталъ не радъ, что такъ неосторожно уронилъ эти слова...

— Въ Сибири! воскликнулъ немедленно Пужбольскій. — За что̀?...

И онъ, и графъ обернулись на г. Самойленку съ такимъ вопрошающимъ, настоятельнымъ, показалось ему, выраженіемъ, что онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ сказать болѣе, чѣмъ бы желалъ...

— Жена у него была, неохотно, сквозь зубы, пропустилъ онъ наконецъ.

— Ну?...

— Ну... и забилъ онъ ее до смерти, мерзавецъ!...

— И вы... вы это скрыли! съ ужасомъ проговорилъ князь.

— Скрылъ!...—недружелюбно и надменно повелъ на него взоромъ управляющій.—А по-вашему какъ, спросилъ онъ его неожиданно,—Сибирь хуже была бы ему наказаніемъ?... Когда я ему дозволилъ изъ усадьбы, дворовый онъ былъ, въ ту его теперешнюю кузню переселиться, такъ онъ отъ радости мало не обезумѣлъ... а то слонялся какъ тѣнь какая, два года сряду ни одной ночи на томъ же мѣстѣ ночевать не могъ... Скрылъ! повторилъ Іосифъ Козьмичъ и, словно не могъ онъ самъ совладать съ наступавшими на него со всѣхъ сторонъ воспоминаніями,—можетъ быть, пробормоталъ онъ,—такія обстоятельства были, что...

— Онъ не договорилъ и, отойдя на нѣсколько шаговъ отъ князя, наклонился къ кусту жасмина, подымавшемуся поверхъ балкона, очевидно рѣшившись не продолжать разговора.

— Les mystères d'Udolphe, par Anna Radcliffe! съ напускною веселостью молвилъ Пужбольскій, наклоняясь къ пріятелю:—на самомъ дѣлѣ его коробило...

Графъ не отвѣчалъ ни единымъ словомъ.

V.

Кузнецъ тѣмъ временемъ, ковыляя и пошатываясь, — онъ былъ не совсѣмъ трезвъ, — пробирался изъ сада ко двору. Онъ былъ золъ и велъ идучи сердитую бесѣду самъ съ собою:

— Въ кои вѣки... увидѣли!... И пожалѣлъ... Графами также прозываются!... Погодно, говоритъ... А что̀ погодно? Все Лаврентій проклятый! А тотъ... чтобъ его дьявола лысаго!...

Онъ остановился, озираясь кругомъ подозрительными глазами, и, сжавъ кулакъ, потрясъ имъ по воздуху по направленію дома.

— Все взялъ... все!... Дьяволъ!... О—охъ!... Не достать... высоко... не подѣлаешь ничего!... Заповѣди, говорятъ, не знаешь... Точно,—въ грѣхѣ... весь... не вылѣзти...

Онъ добрелъ такимъ образомъ до садовой калитки, отворилъ ее настежъ—и такъ и застрялъ въ проходѣ.

На встрѣчу ему, направляясь къ той же калиткѣ, шла легкими и спѣшными шагами Марина. Она была одѣта тщательнѣе обыкновеннаго, въ лѣтнемъ кисейномъ платьѣ; свѣжая лента вплетена была въ косу, на ноги надѣты ботинки на высокихъ красныхъ каблучкахъ; довольно длинная, расшитая въ-прозолоть черная кофточка, накинутая на плечи, связывалась впереди узломъ толстаго снура съ длинными шелковыми кистями по концамъ...

— Ишь ты! громко вскрикнулъ кузнецъ при видѣ ея.

Она на ходу чуть не наткнулась на него.

Онъ не двигался и продолжалъ глядѣть на нее пристально, съ какою-то странною смѣсью злости и невольнаго восхищенія

въ помаргивавшихъ глазахъ; на сухихъ губахъ складывалась неловкая, кислая улыбка...

— Что же, вы меня пропустите? спросила она, съ видимою неохотой подымая на него глаза.

Онъ отошелъ, не выдержавъ ихъ строгаго выраженія; она прошла въ калитку.

— Залетѣла ворона въ высокія хоромы! словно вырвалось у него ей вслѣдъ.

Она вся какъ полотно поблѣднѣла, обернулась и пошла прямо на него.

— Что такое, что ты сказалъ? дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ спросила она, забывая современное *вы*, съ которымъ почитала она необходимымъ обращаться къ кому бы то ни было изъ „меньшей братіи".

— А ничего, *барышня*, ничего, внезапно переходя въ плаксивость, затянулъ онъ дребезжащимъ голосомъ, — про себя это я, про болѣсть свою... Не пожалуете-ли вотъ, матушка, безпалому, мнѣ, мази какой въ облегченіе?... Правая-то нога у меня отморожена, можетъ слышали?... Такъ маюсь съ нею, и моченьки моей нѣтъ...

— Обратитесь къ фельдшеру, рѣзко отвѣтила она:—нѣтъ у меня мази для грубіяновъ!...

Она ушла, невольно замедляя шаги; сердце высоко подымалось у ней въ груди... Она негодовала на необъяснимую, на ничѣмъ не вызванную ею дерзость этого человѣка, негодовала на себя за свою „негуманность": онъ, можетъ быть, дѣйствительно нуждался въ ея помощи, а она отказала такъ грубо, оскорбительно... Но нѣтъ, это вздоръ, *онъ* оскорбилъ ее, она слышала тѣ обидныя слова... и что хотѣлъ онъ сказать ими?... а мазь и прочее, это ложь, одинъ отводъ... И что она ему сдѣлала?... Это не въ первый разъ замѣчаетъ она нерасположеніе его къ ней... Онъ живетъ далеко и его почти никогда не видать въ усадьбѣ; съ тѣхъ поръ, какъ она воротилась изъ пансіона, изъ города, этому вотъ ужь третій годъ пошелъ, она видѣла его всего-на-все три, четыре раза... Но каждый разъ онъ, какъ вотъ теперь, старался видимо попадать ей на встрѣчу, и каждый разъ, встрѣчаясь, глядѣлъ на

нее этими злыми глазами, улыбался этою скверною усмѣшкой... Его всѣ въ экономіи боятся, бабы *вѣдуномъ* почитаютъ, а Іосифъ Козьмичъ зоветъ „дрянь-человѣкомъ“ и гонитъ прочь, какъ только гдѣ завидитъ... Развѣ изъ злости къ нему, къ Іосифу Козьмичу, ненавидитъ *его дочь* этотъ человѣкъ?... Странное и обидное для нея чувство: она, что, кажется, никого и ничего на свѣтѣ не боится, и гордится сама предъ собою этою своею неустрашимостью, она... да, это она чувствуетъ... ей страшенъ почему-то этотъ хромой кузнецъ!... Она вотъ сейчасъ, когда онъ *это* ей сказалъ,—и что хотѣлъ онъ этимъ сказать?—она не побоялась, прямо пошла на него, какъ на медвѣдя не побоялась бы пойти сейчасъ. А все же,—да, она это чувствуетъ, — она ни за что бы не хотѣла еще разъ встрѣтиться съ нимъ!... Онъ ей страшенъ, да,—она его боится... боится словъ его, сквернаго взгляда...

Такъ разсуждала Марина, подходя къ балкону, на которомъ, завидѣвъ ее издали, издали улыбался ей изъ-подъ рыжихъ усовъ князь Пужбольскій, запустивъ обѣ руки въ свою широкую бороду, — что всегда служило признакомъ розоваго расположенія его мыслей.

А „Книппердолингъ“, не двигаясь съ мѣста, долго слѣдилъ за ея бѣлѣвшимъ и исчезавшимъ въ извилинахъ аллей платьемъ... Отмороженная нога его затекла, и онъ, съ болѣзненною судорогой на обезображенномъ лицѣ, ухватившись рукой за заборъ, перекинулся на другую ногу, продолжительно охнулъ и, махнувъ какъ-то неестественно рукой, пошелъ своею дорогой.

Появленіе Марины, словно вѣтромъ тучи, мгновенно разсѣяло то натянутое положеніе, въ которомъ, послѣ переданнаго нами разговора, чувствовали себя всѣ три лица, находившіяся въ эту минуту на балконѣ.

— Птичка пѣвчая! съ доброю своею улыбкой и какъ бы про себя сказалъ графъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ минувшей ночи.

Она стояла внизу, не подымаясь на балконъ, и не слышала этихъ словъ, — но услышалъ ихъ Іосифъ Козьмичъ и широко и самодовольно осклабился.

— Всю ночь поетъ, людямъ спать не даетъ! съ громкимъ смѣхомъ проговорилъ онъ, ласково взглянувъ на Марину: — его льстило, что она такъ красива и такъ къ лицу одѣлась, и что все это, видимо, производитъ впечатлѣніе на людей, которые двѣ части свѣта, да, пожалуй, и еще какую третью, изъѣздили...

— Что такое? Она сдвинула брови... Къ вамъ Верманъ пріѣхалъ, передала она ему, легкимъ движеніемъ головы отвѣчая на поклонъ графа и Пужбольскаго, какъ бы давая имъ чувствовать, что только потому и видятъ они ее здѣсь, что Верманъ пріѣхалъ...

— А все то же, продолжалъ смѣяться Іосифъ Козьмичъ,— что отъ голоска Марины Осиповны никому во *дворцѣ* спать не приходится...

— А вы развѣ слышали? быстро промолвила она, мелькомъ взглянула на усмѣхавшееся лицо Завалевскаго и зарумянилась вся.

— И не я одинъ, а вотъ и Владиміръ Алексѣевичъ тоже. Вы слышали? обратился г. Самойленко къ графу.

Тотъ утвердительно кивнулъ.

— Ну, вотъ это ужь вы напрасно киваете, *не правда ваша!* воскликнула она, прикрывая замѣшательство свое смѣхомъ:—изъ „графской спальни“ нельзя слышать, что на дворѣ дѣлается...

— Я не въ спальнѣ спалъ, а въ кабинетѣ, сказалъ Завалевскій.

— Въ кабинетѣ! растерянно повторила Марина.—„Боже мой, неужели онъ меня видѣлъ?“ съ ужасомъ подумала она.

— Да что ты тамъ внизу стоишь, не двигаешься? молвилъ Іосифъ Козьмичъ.—Ступай сюда, займи дорогихъ гостей, — а я пойду... Ты говоришь, Верманъ пріѣхалъ... Нашъ здѣшній Ротшильдъ, объяснилъ онъ, обращаясь къ графу, — монополистъ! Всѣхъ здѣшнихъ помѣщиковъ въ крѣпостныхъ своихъ обратилъ: какую цѣну положитъ, такую и берутъ... Со мною вотъ съ однимъ, хвастливо примолвилъ онъ, — не совладать ему! Съ самаго декабря держусь, шерсть не уступаю,—ска-

залъ по девяти рублей за немытую, такъ и будетъ!.. Затѣмъ, должно быть, и пріѣхалъ!...

Величественный главноуправляющій, неуклюже передвигая толстыми ногами своими, сошелъ внизъ, также неуклюже подхватилъ подъ талію Марину, все еще недвижно стоявшую тамъ, приподнялъ ее сильною рукой на ближайшую ступеньку и удалился.

— Не угодно-ли выпить съ нами чаю, Марина Осиповна? спросилъ Завалевскій.

— Чаю?... Я пила... Впрочемъ, я всегда готова пить чай, рѣшила она вдругъ и — какъ вскидываетъ разомъ крыльями испуганная птица и такъ-же разомъ опускается на вѣтку,— перепорхнула черезъ ступени и очутилась на балконѣ, предъ чайнымъ столомъ, въ креслѣ только-что покинутомъ Пужбольскимъ.

— Не помню, представлялъ-ли я уже вамъ моего друга, князя...

— Ну, конечно, перебила она, — мы еще вчера познакомились съ *нимъ*, когда... я вамъ ключъ отъ рѣдкихъ книгъ приносила... Что же вы стоите, господинъ... князь?...

Пужбольскій поклонился и, не садясь, глядѣлъ на нее во всѣ глаза.

— Зачѣмъ вы такъ смотрите? досадливо сдвинула она опять брови.

— Я на вашъ *долманъ* заглядѣлся, поспѣшилъ онъ извиниться.

— Какой долманъ? Это? Она вскинула плечомъ.

— Да,—очень красиво, я нахожу...

— Это молдаванская кофточка; одинъ былъ тутъ грекъ *табаководъ*, —такъ онъ прислалъ мнѣ изъ Бухареста...

— Это не молдавскій, а венгерскій покрой, тотчасъ же замѣтилъ всезнающій Пужбольскій,—все тотъ же типъ длинной куртки, de la veste longue, долмана, который носятъ гонведы, гусары...

— Гусары? засмѣялась Марина—и взглянула на Завалевскаго.

— На венгерскомъ языкѣ *гусъ-ара* значитъ *тысяча копій*, mille lances, объяснилъ князь при семъ удобномъ случаѣ.

— Ну, и прекрасно, перебила его дѣвушка,—а еще лучше, что оно вамъ нравится...

— Да, очень! Женщины всегда должны были-бы носить что-нибудь волнующееся, накинутое на плечи. Это придаетъ какой-то легкій и вмѣстѣ съ тѣмъ гордый видъ...

— Я сама гордая! провозгласила неожиданно Марина.

Пужбольскій нѣсколько смѣшался, — онъ былъ вообще конфузливъ съ женщинами; ему показалось, что дѣвушка съ какимъ-то намѣреніемъ сказала это... но вмѣстѣ съ тѣмъ красота ея производила на него такое неотразимое впечатлѣніе...

— Вы имѣте на это право, проговорилъ онъ не совсѣмъ увѣренно.

— А почему вы думаете? быстро взглянула она на него.

Онъ улыбнулся.

— Еще древній поэтъ сказалъ, что гордость—естественное послѣдствіе красоты *) и...

— И пристала ей — какъ венгерская куртка, докончилъ засмѣявшись графъ.

— Какой же это *древній* сказалъ? сдерживая улыбку, спросила Марина.

— Овидіемъ звали его, отвѣчалъ Пужбольскій.

— Ахъ, это *латинскій?* Она скорчила презрительную гримаску.—Только на такомъ пустомъ языкѣ и можно говорить такія *пошлости*, какъ вы сейчасъ сказали!... А вы, значитъ, классикъ, клас-сикъ! жалостливо глядя на князя, тянула Марина...

— Неужели и вы тоже? вскинула она вдругъ свои большіе искристые глаза на графа,—и вы?...

Онъ улыбался—*самымъ уголкомъ рта*, замѣтила она,—и эта полузадумчивая, полунасмѣшливая улыбка несказанно нравилась ей...

— Вы также занимаетесь этими *лингвистическими ока-*

*) Fastus inest pulchris, sequiturque superbia formam. Ovid.

меньлостями? приставала она къ нему, уже болѣе для того, чтобъ онъ *еще уголкомъ, уголкомъ...*

Пріятели переглянулись и чуть-чуть не покатились оба.

Марина это замѣтила... и вдругъ оскорбилась:

— Вамъ, можетъ-быть, проговорила она надменно и нѣсколько въ носъ,—вамъ совсѣмъ не желательно со мною разговаривать, а вы только такъ... *снисходите?...*

„Боже мой, какъ ихъ всѣхъ бѣдныхъ исковеркали!“ подумалъ Завалевскій.—Подумайте, молвилъ онъ, межъ тѣмъ какъ Пужбольскій, весь красный, принимался было разувѣрять ее,—подумайте, молодая особа,—и онъ строго глянулъ ей въ глаза своими спокойными глазами, имѣетъ-ли какое нибудь здравое основаніе то, что̀ вы сейчасъ сказали?

Она растерялась неожиданно:

— Вѣдь вы же аристократы, титулованные! чуть не со слезами проговорила она въ объясненіе.

Онъ засмѣялся.

— Если это можетъ васъ нѣсколько утѣшить, то я скажу намъ, что дѣдъ мой, первый графъ Завалевскій, былъ статсъ-секретарь и большой человѣкъ при Екатеринѣ; зато отецъ его, а мой прадѣдъ, былъ отъ сохи взятъ въ солдаты... Если-бы мы жили во времена монархической Франціи, я бы въ королевскихъ каретахъ не имѣлъ права ѣздить...

Марина открыла большіе изумленные глаза: — она не поняла...

Пужбольскій торопливо, со всевозможными подробностями, поспѣшилъ объяснить ей, что значило „monter dans les carosses du roi“, и сколько нужно было „quartiers de noblesse“ для этого, и какъ все это происходило при версальскомъ дворѣ...

— Вы точно тамъ жили, со всѣми этими *уродами*, замѣтила ему Марина.

— Его-то повезли бы dans les carosses! все такъ же весело сказалъ графъ:—онъ отъ Рюрика въ прямомъ колѣнѣ летитъ внизъ. Древенъ!..

— Древенъ! повторилъ князь и тотчасъ же вскипятился:

— „И чѣмъ древнѣе ваши пращи,
Тѣмъ больше съѣли батоговъ!“

— Вотъ что сдѣлала изъ русской аристократіи московская татарщина! Есть чѣмъ у насъ хвалиться древностью рода!...

— А не будь этой московщины, которую ты такъ ненавидишь, отрѣзалъ ему на это Завалевскій,—ты былъ бы теперь нѣмецъ или подданный султана.

— Какъ? запищалъ, схватываясь за волосы, пламенный князь,—потому что какой нибудь Калита и всѣ эти *кулаки*...

— Я тебя спрашиваю, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ продолжалъ тотъ,—желалъ-ли бы ты въ эту минуту быть секретаремъ посольства его величества Абдулъ-Азиса при вѣнскомъ дворѣ?

— Mais, par la barbe de Jupiter, laissez moi donc achever!...

— Безъ этихъ „московскихъ кулаковъ“ не было бы Россіи, вотъ тебѣ и весь сказъ! закончилъ графъ.

— А развѣ это такъ нужно? кинула вдругъ Марина. И Пужбольскій, открывавшій ротъ, чтобы раздавить пріятеля силою своихъ аргументовъ, такъ и остался съ раскрытымъ ртомъ и предъ этимъ удивительнымъ вопросомъ.

— То-есть... чего же это именно не нужно? озадаченно спросилъ онъ дѣвушку.

— Россіи! храбро отвѣчала она.

— Вы хотѣли бы... чтобы Россіи не было?...

— Нѣтъ, не то, чтобъ ея совсѣмъ не было, объясняла она пресерьезно,—а для чего быть ей такой огромной... Ѳедорой такой! примолвила она, смѣясь. А чтобъ были все маленькія общины, а главное съ народнымъ правленіемъ, чтобы граждане сами управляли собой...

— Вотъ, напримѣръ, Глинскъ съ его уѣздомъ — первая республика! раздался смѣхъ и басъ вернувшагося Іосифа Козьмича. Онъ поднялся тяжело по ступенямъ и опустился въ кресло, поодаль отъ чайнаго стола, въ углу балкона.

— Ну, Глинскій уѣздъ! и Марина сморщила брови:—тутъ, кажется, ни одного человѣка нѣтъ, чтобы можно было его назвать *гражданиномъ!*...

— А Быстродольскій, а Чернобѣжскій, а Трущовскій, а Прутченскій? пересчитывалъ въ своемъ углу господинъ Са-

мойленко, отирая лысину огромнымъ пестрымъ фуляромъ,—тамъ есть что-ли?... Хоть шаромъ покати!...

— Ну, при такихъ условіяхъ, m-lle Марина, сказалъ смѣясь Пужбольскій,—не то нѣмцы, а какой-нибудь князь Куза проглотилъ бы всѣ ваши *общины* одну за другой, какъ слоеные пирожки.

— А вы бы хотѣли, спросилъ, ласково взглянувъ на нее, графъ,—хотѣли бы вы забыть русскую пѣсню и обратиться въ чужестранку?

— Боже сохрани! горячо вырвалось у нея.—Ради Бога, скажите мнѣ, наклоняясь къ нему и понижая голосъ, спросила она,—неужели вы въ самомъ дѣлѣ, сегодня ночью...

Онъ догадался, чего именно она боялась.

— Я лежалъ въ постели, отвѣчалъ онъ,—и слышалъ женскій голосъ. Я понялъ такъ, что некому было пѣть, кромѣ васъ... И за то великое вамъ спасибо! тепло примолвилъ онъ.

— За что это? живо, съ блестящими глазами воскликнула она.

— Это я вамъ когда-нибудь въ другой разъ скажу...

Завалевскій всталъ и заходилъ вдоль и поперекъ балкона. Весь этотъ разговоръ съ Мариной навелъ его опять на невеселыя размышленія.

Онъ заговорилъ въ разсѣянности, тихо, про себя, забывая о присутствіи другихъ...

— Все съ толку сбито, перепутаны всѣ понятія,—всѣ представленія!... дошло до слуха Марины.

Она ловила эти падавшія изъ устъ его слова, и странная скорбь ихъ выраженія захватывала ее за что-то ей будто ужь давно знакомое, лежащее гдѣ-то глубоко въ душѣ ея и до сихъ поръ никогда еще не всплывавшее на ея поверхность. Эти слова и внезапная печаль его—они были вызваны ею, она это понимала, но чѣмъ, какою именно ея *глупостью*,—развѣ вотъ тѣмъ, что она *про Россію сказала?*—она не умѣла себѣ дать отчета. Но она тоскливо упрекала себя въ этой его внезапной печали... Никто, нѣтъ, во всю ея жизнь, не внушалъ еще ей такого удивительнаго чувства, какъ этотъ *старикъ*, котораго она вчера только въ первый разъ увидала... *Онъ*

весь кругомъ правда, одна правда! говорила она себѣ съ какимъ-то умиленіемъ...

— Это вѣрно, что все съ толку сбито, подхватилъ на-лету Іосифъ Козьмичъ, и даже вздохнулъ, и Маринѣ стало вдругъ ужасно досадно на него за этотъ вздохъ и за то вообще, что онъ заговорилъ въ эту минуту.—Люди, продолжалъ онъ,—ходятъ какъ очумѣлые, сами не вѣдаютъ, что болтаютъ и чего хотятъ!... Не знаю, какъ у васъ тамъ, въ Санктъ-Петербургѣ, а у насъ, въ провинціи, очень это чувствительно...

— Въ *Санктъ*-Петербургѣ! влетѣлъ какъ бомба въ разговоръ Пужбольскій.—А кто же сбиваетъ, путаетъ, *отравитъ* васъ въ провинціи, какъ не этотъ чужеядный, чухонскій, гнилой *Санктъ*-Петербургъ! Кто вамъ вашихъ пророковъ насылаетъ? Кто поставилъ себѣ въ идолы разнузданное невѣжество и велитъ и вамъ кланяться ему какъ силѣ? Кто *повелитъ* молодому поколѣнію не *признать*, не знать ничего добраго, благороднаго, честнаго въ своемъ отечествѣ, а *воспитать себя* на „трезвой правдѣ господина Рѣшетникова“ и ему подобныхъ,—je l'ai lui, de mes propres yeux lu, обратился князь къ Завалевскому,—et c'est à propos du beau roman de *Война* и *Міръ* qu'ils bavaient cela, les crapauds,—другими словами, велитъ питать себя злостью съ самыхъ пеленъ изъ-за того, что какіе-нибудь *Афроська* и *Сысойка* *) отъ дикости своей принуждены древесную кору ѣсть!...

— Не одна дикость! воскликнула Марина.—Я читала! нищета безъисходная! Кормиться нечѣмъ! Развѣ такіе несчастные не заслуживаютъ всякаго участія, помощи?...

— Вѣрно, Марина Осиповна! улыбнулся ей на ходу Завалевскій:—но если у васъ у самихъ ничего свѣтлаго на душѣ не будетъ, *съ чѣмъ* придете вы къ нимъ на утѣшеніе? Если у васъ у самихъ никакого не будетъ здороваго содержанія, *чему* научите вы ихъ, чѣмъ могли бы они сами помочь себѣ, безъ чего ничто имъ не поможетъ? Прусское поморье, подите, обдѣлено природой похуже, чѣмъ вятскіе лѣса,—а тамъ дре-

*) Герои разсказа „Подлиповцы“, соч. Рѣшетникова.

весной коры не ѣстъ никто, и на Рѣшетниковыхъ никто въ Пруссіи не *воспитывается!*

Марина не нашла отвѣта; она и не искала его, она *ему* на-слово повѣрила...

— Нѣтъ, вы себѣ вообразите страну, гдѣ литература выработала бы себѣ единственно типы Афроськи съ Сысойкой! отчаянно топоталъ между тѣмъ предъ ней князь Пужбольскій. Смѣхъ такъ и пронималъ дѣвушку, глядя на него.

— Это даже преудивительно, забасилъ Іосифъ Козьмичъ:— въ резиденціи, въ центрѣ такъ-сказать всего, и кто это тамъ умами руководитъ, камертонъ, скажемъ, въ этомъ кругу газетномъ держитъ!... Жилъ у меня тутъ съ полгода въ конторѣ одинъ изъ университета, сосланный... Ну бывало по вечерамъ, отъ нечего дѣлать, разспрашиваешь его... Такъ, слово вамъ даю, я даже не вѣрилъ сначала! Какой нибудь тамъ „сынъ свободнаго художника“, „купеческій племянникъ“, отставные канцеляристы да семинаристы, всякія „оберъ-офицерскія дѣти“, да „технологи“ какіе-то,—словомъ, что̀ ни газетчикъ, то разночинецъ!...

— Ну, это все равно, какой бы чинъ на нихъ ни былъ! недовольнымъ тономъ замѣтилъ графъ.

— Нѣтъ, позвольте-съ! обидчиво возразилъ г. Самойленко. — Не въ чинѣ дѣло!... Настолько требованія вѣка мнѣ извѣстны, и я не къ тому-съ... А что если на человѣкѣ нѣтъ порядочной общественной клички, — значитъ онъ никакихъ себѣ правъ образованія пріобрѣсти не умѣлъ, нигдѣ, значитъ, не учился...

— Не учился, потому навѣрное не могъ, средствъ не было, все бѣдность! горячо вступилась Марина.

— Такъ онъ и сиди въ своей дырѣ; будь скроменъ! загорячился Пужбольскій; а то вѣдь онъ, *невѣжа* круглый, въ судьи и законодатели лѣзетъ, онъ на русскомъ темномъ царствѣ Адиссона и Лессинга собою изображаетъ!...

— А Лессингъ, между прочимъ, прервалъ себя князь, обращаясь къ дѣвушкѣ, — былъ тотъ же нашъ братъ, славянинъ, изъ Лужичей, и назывался не Лессингъ, а Lessis... такъ и подписывался самъ сначала... то-есть, Лѣсикъ, отъ *Лѣса*...

— Я даже такъ полагаю, продолжалъ разсуждать Іосифъ Козьмичъ,—что такъ какъ самъ онъ, выходитъ, ни рыба, ни птица, то и претитъ, какъ чорту ладанъ, его плебейству всякій благорожденный человѣкъ, а пуще еще того коли съ талантомъ... Ну, и надрывается онъ на него какъ песъ голодный. А что ужь эти они своему брату отчитываютъ, такъ, даю вамъ слово, перечтешь иной разъ, глазамъ не вѣришь!... Вѣдь до того-съ доходитъ, что другъ друга это они „*плевальницами*“, „*гнилыми бутербродами*“ и „*вонючими клопами*“ печатно, не-чат-но-съ потчуютъ!... Тьфу, сволочь! заключилъ надменный г. Самойленко и плюнулъ отъ избытка негодованія въ жасминный кустъ, подлѣ котораго сидѣлъ онъ.

— Да-съ, это некрасиво! вздохнулъ Завалевскій, проводя себя рукой по лицу.—Но, скажите, кого же винить въ этомъ: ихъ-ли, или то общество, которое создаетъ ихъ и поощряетъ? Вѣдь эти молодцы плоть отъ плоти нашей, вѣдь это перлы нашей молдаво-валахской цивилизаціи!... Въ области печатнаго слова, давно сказано, на одного честнаго писателя приходится вообще по десяти Фальстафовъ. Весь вопросъ въ объемѣ того, что можетъ позволить себѣ Фальстафъ. Попробуй онъ въ Англіи, напримѣръ, доказывать, что королева Елисавета, или, положимъ, Нельсонъ, или Веллингтонъ были не что иное какъ „непроходимые пошляки“, или обозвать „дрянью“ такихъ непервостепенныхъ даже поэтовъ, какъ Кольриджъ или Теннисонъ, такъ вѣдь онъ отъ насмѣшекъ и *groan*'а долженъ будетъ дѣйствительно уйти со срамомъ въ свою дыру, какъ выражается Пужбольскій... А у насъ, скажите, воскликнулъ Завалевскій, внезапно зазвенѣвшимъ глубокою грустью голосомъ,—скажите, осталось-ли теперь хотя одно славное и честное національное имя, отъ Пожарскаго и Скопина до Карамзина и Пушкина, которое не было бы оплевано и оболгано самымъ беззастѣнчивымъ, наглымъ образомъ?... А русскій читатель ничего,—ухмыляется себѣ, да бороду поглаживаетъ!..

— Мало того, полное сочувствіе наглецу оказываетъ! снова вскипятился Пужбольскій.—Вотъ, говоритъ, какъ ловко этихъ историческихъ *аристократовъ* пробрали! Потому что милъ онъ ему, русскому читателю, этотъ журнальный капралъ,

взявшій палку въ руки! Онъ и дрожитъ предъ нимъ, и любитъ его, потому что это въ натурѣ его сидитъ,—какъ онъ себя тамъ либерала ни корчи,—любитъ, чтобы палкой били, кто бы ни билъ и за что бы ни били!...

— Это ужъ точно! широко ухмыльнулся и закивалъ головой Іосифъ Козьмичъ.—У меня, молъ, ничего святаго нѣтъ, валяй по всѣмъ!...

— Ничего святаго... да!—глухо, какъ бы испуганно повторилъ Завалевскій.—И ненависть къ родной землѣ... И на этомъ возросло цѣлое поколѣніе!...

Онъ не докончилъ, усталымъ движеніемъ опустилъ голову на грудь и зашагалъ опять по балкону.

Марина слѣдила за нимъ во всѣ глаза...

Онъ вдругъ остановился предъ ней, взглянулъ ей въ лицо и закачалъ головою.

— Бѣдные вы! промолвилъ онъ чуть слышно.

Ей сдѣлалось вдругъ невыразимо жутко... Она хотѣла что-то сказать и не нашла... Онъ опять заходилъ, ероша нервною рукой свои сѣдые кудри...

— Вѣдь въ Хивѣ, пожалуй, хуже,—какъ ты думаешь, Завалевскій? неожиданно буркнулъ Пужбольскій.

Графъ обернулся къ нему и улыбнулся.

— Да, тамъ хуже, сказалъ онъ, подумавъ...

— Ну, вотъ видишь! Воспляшемъ же и возликуемъ, благо наши хивинцы *отъ реализма* не получили еще реальнаго права бить насъ палками по пятамъ!...

Всѣ разсмѣялись.

— А пусть онъ вамъ разскажетъ, сказалъ Маринѣ Завалевскій,—какъ его за подобную же вотъ выходку чуть не разстрѣляли въ Парижѣ коммунисты... Вы не имѣете-ли что сообщить мнѣ, Іосифъ Козьмичъ?...

— Имѣю, дѣйствительно, тяжело приподымаясь съ мѣста, отвѣчалъ тотъ,—и намѣренъ былъ именно просить васъ объ аудіенціи...

Они прошли въ кабинетъ.

VI.

Усѣвшись къ столу, насупротивъ Завалевскаго, Іосифъ Козьмичъ, не говоря ни слова, полѣзъ огромною своею рукой въ боковой карманъ пальто и вытащилъ оттуда нѣсколько акуратно связанныхъ пачекъ ассигнацій.

— Три тысячи пятьсотъ, коротко промолвилъ онъ, пересовывая пачки оконечностію пальцевъ по гладкому столу на сторону Завалевскаго.

— Это что? спросилъ тотъ.

— Задатокъ отъ Вермана,—можетъ получить желаете?... Остальные восемнадцать тысячъ пятьсотъ пятьдесятъ два рубля съ копѣйками въ два срока: первый черезъ десять дней, второй при послѣдней получкѣ шерсти, къ ильинской ярмаркѣ...

— Всего этого мало, Іосифъ Козьмичъ! сказалъ, помолчавъ, графъ.

— То-есть какъ же это мало?... Ахъ, да, спохватился главноуправляющій и благосклонно улыбнулся. — Говорено было и объ лѣсѣ, доложилъ онъ,—и, повидимому, можно будетъ съ нимъ же устроить, по вашему желанію...

— И скоро?

— По возможности скоро, Владиміръ Алексѣевичъ, мягко, чуть не нѣжно отвѣчалъ господинъ Самойленко: ночное размышленіе и утренняя бесѣда съ евреемъ „монополистомъ“ замѣтно измѣнили его вчерашнія воззрѣнія на предпріятіе Завалевскаго.—Черезъ десять дней онъ, то-есть Верманъ, долженъ за шерсть, какъ я вамъ докладывалъ, первую сумму внести, такъ вмѣстѣ съ деньгами обѣщалъ онъ и рѣшительный отвѣтъ привезть... Дѣло сладится, будьте покойны!

— Очень вамъ буду благодаренъ, Іосифъ Козьмичъ, особенно если это не пойдетъ въ долгій ящикъ...

— Будьте покойны! повторилъ управляющій.

Завалевскій откинулся въ спинку кресла и задумался, по обыкновенію. А Іосифъ Козьмичъ, вытащивъ свой огромный фуляръ, высморкался въ него зычно и рѣшительно, засунулъ его опять въ карманъ, качнулъ слегка туловищемъ справа налѣво и вдругъ началъ:

— А у меня къ вамъ просьба, графъ!

— Чѣмъ могу служить? нѣсколько оторопѣло спросилъ тотъ.

— Обстоятельство не совсѣмъ обыкновеннаго свойства...

Іосифъ Козьмичъ при этомъ обернулся на открытую дверь, всталъ и безцеремонно затворилъ дверь на ключъ.

— Не совсѣмъ обыкновеннаго свойства, промолвилъ онъ во второй разъ, усаживаясь на прежнее мѣсто, и передохнулъ.

Графъ молчалъ и съ любопытствомъ глядѣлъ на него...

— Мою Марину вы изволили видѣть...

Господинъ Самойленко поднялъ свои круглые глаза и такъ и уперъ ихъ въ лицо Завалевскаго.

— И даже по разговору судя, что̀ вотъ сейчасъ происходилъ тамъ, на балконѣ, не почитаете ее недостойною вашего вниманія и даже, смѣю думать, вашей благосклонности...

— Конечно, конечно, нѣтъ, Іосифъ Козьмичъ! живо воскликнулъ графъ:—въ ней, очевидно, много сердца... и ума... Можетъ-быть...

— Понимаю, понимаю васъ, не давъ ему кончить, закачалъ одобрительно головою главноуправляющій: — „съ толку сбито“, какъ справедливо выразились вы сейчасъ тамъ. Это точно!... Только, повѣрьте, все съ вѣтру у ней и на поверхности! Тутъ,—онъ ткнулъ себя пальцемъ въ грудь,—какъ въ зеркалѣ чисто!...

— Вполнѣ вамъ вѣрю, съ убѣжденіемъ сказалъ Завалевскій. „Что же дальше будетъ?“ подумалъ онъ.

— Ваше одобреніе дорого, Владиміръ Алексѣевичъ, говорилъ дальше г. Самойленко,—оно, такъ-сказать, усиливаетъ... укрѣпляетъ мой образъ мыслей—и дѣйствій, вѣско примол-

вилъ онъ,—оно, выражусь такъ, дѣлаетъ для меня какъ бы осязательнымъ, что ошибки съ моей стороны не было, когда я рѣшился предоставить ей, то-есть я про Марину говорю, право дочери и наслѣдницы моей...

— А она не дочь ваша? съ изумленіемъ воскликнулъ графъ и невольно пододвинулся ближе къ столу.

Что-то неуловимо странное пробѣжало по лицу Іосифа Козьмича.

— Пріемышъ покойницы жены моей, не сейчасъ отвѣчалъ онъ, и вслѣдъ за тѣмъ прибавилъ:—Двухмѣсячною принята ею за родную дочь...

— И она знаетъ, эта дѣвушка, что она... не дочь ваша?...

— Догадывается, такъ думаю... Вы изволите понимать, вопросъ щекотливый... и разговору у насъ съ нею о томъ не было... Но я сталъ замѣчать, года съ полтора будетъ, съ самой со смерти моей покойницы, — я позволяю себѣ быть совершенно откровеннымъ съ вами, Владиміръ Алексѣевичъ,— замѣчаю нѣкоторое, такъ сказать, съ ея стороны охлажденіе... И это, признаюсь вамъ, мнѣ... мнѣ больно... — неожиданная для Завалевскаго струна искренняго чувства зазвенѣла въ голосѣ Іосифа Козьмича, — потому, понимаете, привязанъ... дѣтей у насъ съ покойницей никогда не было, — дама она была деликатная, болѣзненная... А Марину, дѣйствительно, любила такъ, какъ и родныхъ дѣтей немногіе любятъ. Всегдашнее желаніе ея было предоставить ей права законной, дочери, — и даже въ завѣщаніи своемъ письменно желаніе это выражено ею... Я, съ своей стороны, былъ всегда на это согласенъ, только тутъ представлялось затрудненіе одно, — относительно имѣнія; родовое оно у меня, и прямой наслѣдникъ былъ племянникъ, сынъ роднаго брата, — онъ могъ бы претензію заявить... Да и я самъ, признаюсь вамъ, почиталъ это какъ-то... несогласнымъ съ совѣстью и... и, скажу прямо, противу дворянской обязанности: что отъ роду идетъ, то въ родъ и вернуться должно... Мы же отъ гетмановъ, отъ Самойленки знаменитаго, — безъ сомнѣнія, вамъ извѣстно по исторіи, объяснилъ главноуправляющій, и громко дохнулъ, словно отъ ненаходящей уже себѣ мѣста въ его широкой

груди гордости, — отъ древнѣйшаго, можно сказать, во всей здѣшней сторонѣ и далѣе рода происходимъ... Такъ вы изволите понимать?...

— Понимаю, Іосифъ Козьмичъ; конечно, точка отправленія вѣрная, поспѣшно сказалъ Завалевскій, живо заинтересованный судьбою Марины и желая скорѣе знать, чѣмъ все это должно разрѣшиться.

— Только видно, со вздохомъ началъ опять г. Самойленко,—Всевышнему Промыслу такъ угодно было, чтобы линіи нашей не имѣть продолженія. 7-го августа прошлаго года, племянникъ мой, послѣдній, такъ сказать, представитель фамиліи, служившій поручикомъ въ лейбъ-гусарскомъ Павлоградскомъ полку, волею Божіею помре, въ самыхъ еще, можно сказать, незрѣлыхъ лѣтахъ... Отъ этой незрѣлости его даже, можно сказать, и смерть ему приключилась...

Графъ съ ужасомъ предвидѣлъ, что онъ начнетъ ему исторію своего племянника разсказывать.

— Такъ на счетъ Марины... вы что же? съ подобающею улыбкою приличія спросилъ онъ.

— Такъ вотъ-съ, заговорилъ тотчасъ же Іосифъ Козьмичъ,—какъ только кончина племянника стала мнѣ извѣстна, я, во исполненіе воли, выраженной покойною женою, и по собственному желанію моему, тотчасъ же отнесся къ высшей власти, въ Санктъ-Петербургъ, съ формальною просьбой,— такъ какъ нынче, какъ мнѣ извѣстно, на удовлетвореніе таковыхъ просьбъ прежнихъ затрудненій не имѣется,—о томъ, чтобы мнѣ, на законномъ основаніи, разрѣшено было вотъ такую-то воспитанницу покойной жены моей и мою...

— Такъ вы просьбу ужь подали? прервалъ его графъ.— Въ коммиссію прошеній, такъ? Отвѣтъ оттуда имѣете?

— Въ томъ моя и просьба къ вамъ, графъ, отвѣтилъ тотъ,—чтобы вы вашимъ вліяніемъ и связями помогли мнѣ получить скорѣйшій отвѣтъ, а до сихъ поръ, какъ говорится, ни привѣта, ни отвѣта оттуда никакого!... Знакомствъ также никакихъ въ столицѣ я не имѣю... Хотя мнѣ и совершенно извѣстно, что въ просьбѣ моей не заключается ничего незаконнаго, но я даже начинаю страшиться, не оставлена-ли

она вовсе безъ вниманія, за упущеніемъ мною какихъ-либо невѣдомыхъ формальностей, или...

— Нѣтъ, не можетъ быть, вамъ бы ее тогда возвратили просто съ указаніемъ на эти упущенія... У меня, къ счастію, есть тамъ отношенія—и вѣрныя. Я сегодня же напишу и черезъ недѣлю, много дней десять, мы получимъ обстоятельнѣйшее свѣдѣніе о томъ: доложена-ли ваша просьба, а въ удовлетвореніи ея и сомнѣваться нельзя, я полагаю... Я очень радъ, сердечно радъ, Іосифъ Козьмичъ, быть вамъ полезнымъ въ этомъ хорошемъ дѣлѣ, проговорилъ горячо Завалевскій,— и еслибы, паче чаянія, встрѣтилась какая-либо помѣха или проволочка, мы ее устранимъ, будьте увѣрены...

Іосифъ Козьмичъ весь разцвѣлъ и благодарными, даже нѣсколько влажными глазами взглянулъ на своего патрона.

— Послужу вамъ, послужу вамъ за это, Владиміръ Алексѣевичъ, вѣрою и правдою, насколько силъ только хватитъ! Вотъ какъ вы за вашимъ институтомъ учительскимъ, такъ и я за этимъ дѣломъ... Какъ устрою его—такъ хоть сейчасъ предъ Царя небеснаго! Съ чистою совѣстью предстану!...

„Съ чистою совѣстью?“... невѣрнымъ звукомъ отозвались эти слова въ чуткомъ ухѣ Завалевскаго. „Точно-ли только это дѣло у тебя на совѣсти?“ подумалъ онъ.

Настало долгое молчаніе. Іосифъ Козьмичъ не разъ было пытался заговорить, но графъ сидѣлъ, закрывъ себѣ все лицо рукою, какъ бы для того, чтобы ничто не мѣшало его размышленіямъ, и главноуправляющій не почелъ удобнымъ тревожить его.

— Скажите, пожалуйста, началъ самъ Завалевскій вопросомъ, котораго никакъ не ждалъ въ эту минуту господинъ Самойленко,—скажите, какъ произошла исторія этого Осипа кузнеца?...

— Исторія? переспросилъ тотъ, какъ бы недоумѣвая.

— Да!... Вѣдь это ужасно, что̀ вы намъ разсказали тамъ!... Онъ дѣйствительно убилъ свою жену?...

— Ненамѣренно, пропустилъ сквозь зубы Іосифъ Козьмичъ. — Къ чему ты это опять подымаешь? говорило въ то же время насупившееся его лицо.

— Ненамѣренно? повторилъ графъ.

— Извѣстно — звѣрь! разсвирѣпѣетъ, себя не помнитъ, душитъ во что̀ попало!...

— Пьянъ былъ?...

— Нѣтъ, въ тотъ часъ пьянъ не былъ...

— И какъ же это вышло? поссорились?...

Господинъ Самойленко только плечомъ шевельнулъ; ему, очевидно, досадны были эти разспросы.

— Что̀ она, молодая еще была? спросилъ опять Завалевскій по нѣкоторомъ молчаніи.

— И кра-асавица, Владиміръ Алексѣевичъ! И въ одномъ этомъ, какъ бы безсознательно вырвавшемся словѣ сказалось графу все женолюбивое прошлое „потомка гетмановъ“.

— Да, теперь понятно, тихо проговорилъ онъ, — мужъ ревновалъ ее...

— Ревновалъ! съ какимъ-то ожесточеніемъ воскликнулъ Іосифъ Козьмичъ.—Кто его тамъ знаетъ, кто ему въ душу влѣзетъ, когда самъ онъ себѣ сказать не можетъ, любитъ онъ, или ненавидитъ, или что̀ у него тамъ творится?... Говорю—звѣри!...

— Она также была дворовая? равнодушно промолвилъ графъ.

— Да... швея была у покойницы...

— У супруги вашей?

— Д-да!...

— Странно, началъ опять неумолимый Завалевскій,—что „красавица“ не нашла себѣ лучшей пары, а пошла за... Онъ всегда такимъ звѣремъ глядѣлъ?...

Но главноуправляющій словно не разслышалъ; онъ глядѣлъ куда-то въ окно и не далъ отвѣта...

Завалевскому и не нуженъ былъ этотъ отвѣтъ: онъ настолько помнилъ старый крѣпостной бытъ, чтобы знать, изъ какихъ поводовъ дѣлались въ то время со дня на день дворовыя красавицы женами Богъ-вѣсть какихъ уродовъ...

— Что̀, это еще при дядѣ случилось? спросилъ онъ только.

— Нѣтъ, какъ бы припоминалъ главноуправляющій: — незадолго предъ этимъ скончался графъ... Одинъ я оставался,

а время-то, знаете, самое было горячее: ополченіе!... Вотъ давеча, прервалъ онъ себя, — князь такъ выразился, что мнѣ надо было понять, зачѣмъ молъ я мерзавца этого, Оську, въ каторгу не турнулъ?... Такъ, можетъ, его бы еще по суду не приговорили, а вамъ тутъ изъ вотчины лучшихъ тридцать человѣкъ предоставить слѣдовало на защиту отечества! Я его немедля первымъ долгомъ въ ратники и поставилъ!... Такъ вѣдь надо на бѣду: на первомъ-же переходѣ ногу себѣ правую, дрянь этакая, отморозилъ; изъ госпиталя черезъ три мѣсяца безъ четырехъ пальцевъ домой вернулся, — вотъ и служба его вся!... Съ тѣхъ поръ вотъ и живетъ онъ тамъ одинъ на кузнѣ, какъ Кащей безсмертный, кубышку себѣ набиваетъ!... Жаденъ сталъ—страхъ! А кузнецъ, доложу вамъ, хорошій...

Іосифъ Козьмичъ закончилъ на этомъ словѣ и, поднявшись съ мѣста, объявилъ, что его дѣло ждетъ, — поклонился и торопливо направился къ двери.

— А что, онъ бездѣтенъ послѣ жены остался? услышалъ онъ на-ходу еще вопросъ графа.

— Бездѣтенъ, отвѣчалъ, не оборачиваясь и щелкая ключомъ въ замкѣ; но Завалевскому показалось, что голосъ его не звучалъ при этомъ обычною ему твердостью.

VII.

— Такъ какъ же это васъ, убить или, какъ тамъ, разстрѣлять хотѣли въ Парижѣ? спрашивала Марина князя Пужбольскаго, когда они остались вдвоемъ на балконѣ.

Онъ весело, подсмѣиваясь надъ самимъ собою, en vrai bon enfant, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, передалъ ей подробности этого траги-комическаго эпизода.

Она слушала, облокотясь обнаженными локтями на столъ, глядя ему прямо въ глаза своимъ смѣло невиннымъ взглядомъ, улыбаясь своими полными алыми губами... А онъ смущенно среди своего разсказа глядѣлъ на эти губы, и мысленно, и разумѣется по-французски, спрашивалъ себя: какому счастливцу достанутся эти свѣжія вишни?...

— А знаете, возгласила вдругъ дѣвушка, едва успѣлъ договорить князь,—вѣдь *онъ* лучше васъ!

— Qui ça! озадаченно воскликнулъ Пужбольскій.

— Кто? *Онъ!* засмѣялась Марина, кивая на дверь библіотеки,—другъ вашъ!

— Завалевскій?—Князь засмѣялся въ свою очередь.—Совершенно съ вами согласенъ,—но интересно знать, какъ это формулируется въ вашей мысли? Вы мнѣ можете сказать?

— Онъ *гуманнѣе* васъ! сказала она.

— Въ какомъ же именно отношеніи?

— Извѣстно! нетерпѣливо проговорила она, досадуя, что онъ не понимаетъ ея съ первато слова:—вы *аристократъ*, а онъ *человѣкъ!*

— Это потому, засмѣялся опять князь,—что его прадѣдъ *простолюдинъ* былъ?

— Какія вы все глупости говорите!... И Марина, быстро убравъ локти со стола, сердито откинулась въ спинку кресла. — Это потому, что вы... вы готовы бы были, кажется, съѣсть... вы безпощадны къ *бѣднымъ людямъ!*... А онъ, онъ *все* понимаетъ!...

— Вотъ видите, mademoiselle Марина, отвѣчалъ онъ,—и гораздо хладнокровнѣе даже, чѣмъ можно было ожидать отъ него, — мы съ Завалевскимъ, какъ тотъ двулицый Янусъ, le Janus à deux faces стараго Рима. *Понимаемъ* мы, кажется, одинаково, но... но выражается это у насъ разно: онъ il souffre, lui, онъ, *скорбѣетъ*, удачно перевелъ Пужбольскій,—et moi, je bous! Я сержусь... Вотъ и все!...

— Нѣтъ, не такъ, не все! возразила дѣвушка, — вы еще *презираете*, а вотъ это дурно, очень дурно!...

— Презираю! воскликнулъ Пужбольскій.—Да, и ненавижу! Я воспитывался не здѣсь, не въ Россіи... и до сихъ поръ привыкнуть не могу!... Мнѣ, сколько я себя только помню, всегда были ненавистны двѣ вещи: варварство и притѣсненіе!... Въ какомъ бы видѣ это ни представлялось, я не переношу... Но когда претендуетъ царить грязная толпа, или наглый арлекинъ-*невѣжа* становится вожакомъ и учителемъ общества,—противъ такого деспотизма я, да, я съ ножомъ готовъ полѣзть!...

Марина не отвѣчала, она внезапно задумалась... Что-то опять какъ бы знакомое, какъ бы уже пробѣгавшее въ ея душѣ звучало теперь для нея въ разгнѣванной рѣчи этого *аристократа*... Она вспоминала лохматыхъ и немытыхъ учителей алорожскихъ школъ, и глинскаго „мученика“, *Гармодія*, и гадливое ощущеніе, которое она превозмочь въ себѣ не могла, когда знакомили они всѣ ее съ *современнымъ міровоззрѣніемъ*, и какое тяжелое чувство неудовлетворенія выносила она каждый разъ изъ этихъ бесѣдъ...

Гнѣвъ Пужбольскаго тѣмъ временемъ совершенно соскочилъ съ него. Солнце начинало огибать лѣвый уголъ *дворца;* золотой лучъ, скользя сквозь темные листы сосѣдняго большаго орѣшника, то обводилъ какимъ-то робкимъ и ласковымъ ободомъ опущенную голову дѣвушки, то сверкалъ жгучею

искрой по золотой серьгѣ на кончикѣ ея маленькаго прозрачнаго уха, и Пужбольскій съ какимъ-то ребяческимъ удовольствіемъ слѣдилъ глазами за его перебѣгающимъ сіяніемъ и спрашивалъ себя теперь: дѣйствительно-ли походитъ Марина на Santa Barbara Пальмы Веккіо,—или скорѣе напоминаетъ она свѣтлымъ выраженіемъ молодаго лица тотъ, любимѣйшій его изъ всѣхъ шести или семи портретовъ Елены Фремонъ, второй жены Рубенса, что̀ въ Мюнхенской старой пинакотекѣ, тотъ портретъ, гдѣ старый, влюбленный и счастливый мужъ-художникъ изобразилъ ее въ три четверти, во всемъ блескѣ женственной красоты и роскоши, въ пышной голубой токѣ, съ стоящимъ на ея колѣнѣ пухлымъ, розовымъ, голымъ младенцемъ, въ токѣ же съ краснымъ перомъ на бѣлокурой головкѣ...

— Какое хорошее имя вамъ дано, mademoiselle Марина! сказалъ онъ вдругъ.

Она встрепенулась.

— Что̀ же такого хорошаго? Та же Марья!...

— Да совсѣмъ нѣтъ! словно обидѣли его, воскликнулъ онъ,—вовсе не Марья, а Марина,—marina, то-есть *морская*, отъ mare, море!...

— Въ самомъ дѣлѣ! удивилась она.

— Еще бы! Оттого и говорю, что хорошее, и идетъ вамъ отлично вдобавокъ!...

— Отчего же такъ идетъ? засмѣялась она.

— Оттого, что вся вы, ваша наружность, нравъ вашъ,— все это abyssum maris,—бездна морская!...

— Что̀ же, уже совсѣмъ расхохоталась Марина, — значитъ, я *измѣнчива, какъ волна?* Гдѣ это сказано?...

— Сказано это у Шекспира, — но его „perfid as wave“ вовсе не значитъ „измѣнчивая“, а „коварная“ какъ волна, и это къ вамъ вовсе не относится, и не то̀ хотѣлъ я сказать...

Пужбольскій съ невольною нѣжностью въ заискрившемся взорѣ взглянулъ на дѣвушку...

— Я хотѣлъ сказать, продолжалъ онъ, — ну возьмемъ ваши глаза, напримѣръ: они именно какіе-то всепоглощающіе

и всеотражающіе... глубокіе, голубые и красивые... какъ море...

Марина подняла на него эти „всеотражающіе“ глаза и покраснѣла.

— Вотъ, напримѣръ, этого, промолвила она, сдвинувъ брови,—онъ... графъ... никогда бы мнѣ не сказалъ!...

— Онъ не сказалъ бы вамъ, что вы... красивы?...

— Да, вспомнила она, и широко улыбнулась, вспомнивъ,— можетъ быть... но *не такъ!*...

— Иначе? шутливо сказалъ князь, Богъ знаетъ какъ обрадовавшись ея улыбкѣ, безъ чего онъ бы окончательно растерялся.

— Да! рѣшительнымъ голосомъ отвѣчала Марина: — онъ *хорошій*, не правда-ли? И не ожидая отвѣта:—у него дѣтей нѣтъ? спросила она.

— Нѣтъ; онъ и женатъ никогда не былъ... А къ чему вы это спросили?

— Такъ... И они были бы такія же *хорошія*... А такіе теперь нужны, молодые!... Какое онъ вотъ прекрасное заведеніе хочетъ устроить! Вотъ это называется: *чело-вѣкъ!* протянула Марина.—А скажите, отчего это онъ никогда не женился?

— Ну, das weisst der liebe Kukuk! отвѣчалъ, смѣясь, Пужбольскій.

— Это что̀ значитъ? Я по-нѣмецки швахъ...

— Это значитъ, что надо кукушку спроситъ,—она можетъ быть знаетъ, а я не знаю...

— А *вы* были,—или и теперь женаты?

— Богъ миловалъ!

Она опять расхохоталась.

— Вотъ это правда! женитьба такая гадость!...

— Вы находите?

— А то какъ! Бракъ, извѣстно,—обветшалое, стѣснительное и *цѣленесообразное* учрежденіе!

— О, Господи, даже страшно, какъ вы это все перечислили! комично проговорилъ князь.

— А вы *бракистъ?*

— Что̀-съ? даже испугался Пужбольскій.

— Вы за бракъ? За *церковный* бракъ?...

— Нѣтъ,—я за здравый смыслъ, отвѣчалъ онъ серьезно.

Марина вспыхнула.

— А здравый смыслъ, по-вашему, пылко возразила она,— велитъ стѣснять свое чувство, велитъ *скрипѣть* всю жизнь рядомъ съ человѣкомъ, котораго не любишь или котораго перестала любить?...

— А у Завалевскаго *хорошія* были бы дѣти, вы полагаете? неожиданно отвѣчалъ Пужбольскій вопросомъ на вопросъ.

Она озадаченно взглянула на него.

— Ну, конечно!

— А мать ихъ,—потому я смѣю полагать, что непремѣнно должна быть какая-нибудь мать, чтобы могли быть дѣти...

— Вы опять съ вашимъ вздоромъ! и разсердилась, и засмѣялась Марина.

— Нѣтъ-съ, это не вздоръ, а я только хочу спросить: вообразите, что этой матери вдругъ надоѣло бы *скрипѣть* рядомъ съ *хорошимъ* Завалевскимъ...

— Тогда она была бы нехорошая! воскликнула дѣвушка.

— Отчего же такъ? Она, можетъ быть, нашла бы, или думала бы, что нашла *еще лучше*... Или вы приказали бы ей одной изъ всѣхъ женщинъ въ мірѣ „стѣснять свое чувство“?

— Ну, положимъ, положимъ!... Что же дальше?

— А я это у васъ спрошу: что дѣлать въ такомъ случаѣ?

— Они бы... разошлись! проговорила Марина, смутно чувствуя, что стремится въ ловушку.

— Отлично! Ну, а *хорошихъ* дѣтей кто бы взялъ? Или ихъ на улицѣ оставить?

— Это уже зависѣло бы... отъ...

— Отъ accord mutuel,—отъ любовнаго соглашенія между отцомъ и матерью? помогалъ ей Пужбольскій.

— Ну да!...

— Восхитительно! Дѣтей, положимъ, взяла бы мать?

— Взяла бы! начала уже сердиться Марина...

— Тогда они лишены были бы *хорошаго* отца...

— Онъ бы ихъ не отдалъ ей! воскликнула она:—онъ бы ихъ, навѣрное, слишкомъ любилъ для этого!...

— Въ такомъ случаѣ, дѣти лишились бы матери, разсуждалъ князь, любуясь въ то же время разгорѣвшимся лицомъ дѣвушки; — но тутъ представляется еще третья комбинація: Завалевскій, съ своей стороны, *не стѣсняя своего чувства*, находитъ себѣ новый женскій объектъ, соглашающійся *скрипѣть рядомъ съ нимъ*, но положительно не согласный на то, чтобы скрипѣли рядомъ съ нею *хорошія* дѣти его отъ того прежняго субъекта, отъ той, которая перестала скрипѣть рядомъ съ *хорошимъ* Завалевскимъ. Такимъ образомъ эти бѣдныя *хорошія* дѣти остались бы и безъ *хорошаго*...

— Довольно, довольно! закричала Марина, затыкая уши и топая своими красными каблуками. — А торжествующій Пужбольскій такъ и покатывался въ своемъ креслѣ.

— Ну, и все вздоръ!... Что вы доказали! Что? Ничего не доказали, одинъ сумбуръ! повторила она, и сердясь, и хохоча...

— А хотя бы доказалъ! отвѣчалъ онъ:—что бракъ *необходимое* зло...

— И только-то, вы только до этого отрицательнаго заключенія и пришли?

Пужбольскаго поразило вдумчивое, печально-вопрошающее выраженіе лица дѣвушки въ эту минуту. Она не дождалась его отвѣта и воскликнула:

— А вотъ видите, вашъ другъ,—онъ, я убѣждена... онъ нашелъ бы *положительное* доказательство!... А не то, примолвила она черезъ мигъ,—онъ хоть бы *вѣру далъ!*...

Пужбольскій пристально взглянулъ на нее и задумался самъ.

— Знаете, сказалъ онъ послѣ небольшаго молчанія: — у васъ чрезвычайно вѣрное чутье, vous avez l'instinct.—Завалевскій именно тотъ человѣкъ, про котораго можно сказать, что онъ „даетъ вѣру"!... А между тѣмъ, примолвилъ онъ,—единственная женщина... — Онъ вдругъ спохватился и замолчалъ.

Марина такъ и вскинулась:

— Голубчикъ, милый... какъ васъ звать? только не княземъ, я не люблю...

— Александръ Иванычемъ...

— Александръ Иванычъ, умоляю васъ, договорите, раз-

скажите все!... Какая женщина? Онъ, навѣрное, любилъ ее? Это такъ интересно!...

— Это его тайна, mademoiselle Marina, я не могу, это... Ce serait... это была бы измѣна съ моей стороны...

Но Марина такъ приставала, что Пужбольскій не выдержалъ,—слабъ былъ человѣкъ предъ соблазномъ красоты,—и, взявъ съ нея слово, что она не перадастъ этого никому на свѣтѣ,—разсказалъ ей *все*...

Исторія — мы позволяемъ себѣ познакомить съ нею читателя нѣсколько подробнѣе, чѣмъ могъ это сдѣлать въ ту минуту князь Пужбольскій,—исторія была такого рода:

У Завалевскаго была троюродная сестра, Елизавета Григорьевна Зарницына. Онъ сошелся дружески съ нею, бывши еще студентомъ, въ Москвѣ, и вскорѣ сталъ въ ея домѣ своимъ. Елизавета Григорьевна была умная, живая и высоко честная женщина. Покойный мужъ ея, бывшій товарищъ графа Константина Владиміровича, и болѣе несчастный, чѣмъ онъ, погибъ въ бурѣ 1825 года. Молодая жена поѣхала за нимъ въ Сибирь и вернулась оттуда, уже по смерти его, въ 1842 году, съ двумя сыновьями и дочерью Александрой,—или, вѣрнѣе, какъ звали ее въ семействѣ, *Диной*,—которой было четырнадцать лѣтъ, когда Завалевскій познакомился съ ними. Эта дѣвочка съ первыхъ же дней приковала его къ себѣ. Тоненькая, смугловатая, съ длинными, какъ у египетскихъ сфинксовъ, какими-то никуда не глядящими и все видящими глазами, молчаливая и улыбающаяся странною, словно откуда-то извнѣ прилетавшею на уста ея улыбкой, она, какъ прототипъ ея въ Лермонтовской *Сказкѣ для дѣтей*,

„была одна изъ тѣхъ,
Которымъ рано все понятно“...

Кто-то прозвалъ ее *Preciosa*, и это прозвище за нею осталось: въ ней было дѣйствительно что-то таинственное и невыразимо-манящее этою таинственностью. Она никогда не высказывалась и давала отгадывать себя, заглядывать въ свое

внутреннее *я* лишь ровно настолько, насколько почитала это нужнымъ или почему-либо для себя выгоднымъ... И, Боже мой, какихъ душевныхъ сокровищъ не прозрѣвало воображеніе Завалевскаго за той заповѣдною чертой, за которую, словно въ святую святыхъ Соломонова храма, никому не дозволялось проникнуть?... Съ своей стороны, четырнадцатилѣтняя Дина съ первыхъ дней успѣла побывать во всѣхъ закоулкахъ внутренняго *я* Завалевскаго и овладѣла имъ, будто былъ онъ ея собственное созданіе, будто сама она, своими длинными, худенькими пальцами слѣпила его, дала ему образъ и вздохнула въ него духъ человѣческій. Она умѣла говорить его словами, досказывать ему еще для него самого неясную мысль, угадывать задолго впередъ его мнѣніе, его образъ дѣйствій въ данномъ случаѣ, и заранѣе направлять все это, куда ей хотѣлось... Ему казалось, что эта молодая, невѣдущая душа какъ зеркало отражала его душу, и не догадывался, что самъ онъ былъ не что иное какъ зеркало, въ которомъ отражалась воля Дины... Почти два года жилъ онъ въ какомъ-то очарованномъ мірѣ, насыщаясь томительнымъ и сладкимъ благоуханіемъ первой, чистой, мечтательной любви. Онъ кончалъ курсъ въ университетѣ; Динѣ наступалъ семнадцатый годъ,— на стремительныхъ крыльяхъ неслось къ нему, казалось, на встрѣчу близкое счастіе...

Однажды вечеромъ онъ засидѣлся у Зарницыныхъ позже обыкновеннаго. Дина ушла спать; онъ остался одинъ съ Елизаветою Григорьевной... Они молчали оба: онъ думалъ объ очаровательницѣ, только-что подарившей его какимъ-то блаженнымъ для него словомъ; хозяйка вязала шарфъ на длинныхъ спицахъ и казалась не въ духѣ... Вдругъ она остановилась, быстрымъ движеніемъ воткнула спицу въ свою рано посѣдѣвшую косу, подняла глаза и спросила:

— Владиміръ, неужто ты въ самомъ дѣлѣ думаешь о Динѣ?

— Думаю, отвѣчалъ онъ, смутившись отъ неожиданности вопроса.

— Серьезно?

— Какъ же иначе?...

— Боже мой, какое несчастіе! проговорила Елизавета Григорьевна, закрывая себѣ глаза рукою.

— Несчастіе! едва нашелъ силу повторить онъ, — сердце у него упало...

— Для тебя!... Для нея—мнѣ и во снѣ не приснился бы лучше тебя мужъ!...

— Объяснитесь, ради Бога! умолялъ бѣдный молодой человѣкъ.

Она схватила его за обѣ руки.

— Не про тебя, не про тебя жена, со слезами въ горлѣ прошептала она,—elle est possédée, mon ami!...

— Что вы говорите?... Онъ отшатнулся отъ нея, ему показалось, она въ бреду...

— Она моя дочь, единственная, съ глубокою печалью говорила госпожа Зарницына, — и, кромѣ меня, никто ея не знаетъ... Я тебѣ говорю: elle est possédée... въ ней сидитъ съ измальства какой-то ненасытный, неутомимый демонъ, который движетъ и руководитъ ею... Все, что мы вынесли тамъ, въ Сибири, лишенія, горе, униженія, — все это глубокимъ и, прямо скажу тебѣ, злымъ чувствомъ запало ей въ сердце. И теперь ей нужна une revanche éclatante,—она себѣ это сказала, она добьется этого! нужны деньги, власть, вліяніе, все, что ослѣпляетъ, и вѣситъ, и владѣетъ людьми!... И если все это дастся ей когда-нибудь въ руки, не на добро употребитъ она его, вспомни мое слово! У нея разсчетъ какъ у семидесятилѣтняго ростовщика... Все это можетъ у ней сорваться, пропасть, самонадѣянна она слишкомъ, — но проведетъ она всякаго, кого захочетъ, какъ тебя провела... На бѣду, замѣтила я слишкомъ поздно, я бы не допустила!...

До утренней зари продолжался этотъ странный споръ... Завалевскій горячился, доказывалъ, умолялъ... Елизавета Григорьевна не сдавалась.

— Я властна отдать ее или не отдать, я ей мать родная! Я не согласна. Во всякомъ случаѣ она слишкомъ молода, теперь нечего объ этомъ думать! говорила она.

Рѣшено было наконецъ, что Завалевскій, выдержавъ свой послѣдній экзаменъ, уѣдетъ немедленно въ Петербургъ, что

онъ не вернется въ Москву и не возобновитъ рѣчи о бракѣ съ Диной до тѣхъ поръ, пока Елизавета Григорьевна съ дочерью не пріѣдетъ сама въ Петербугъ, куда она намѣрена была переселиться, чтобы не жить врознь съ сыновьями, которые черезъ два года должны были кончить курсъ въ одномъ изъ тамошнихъ высшихъ заведеній и поступить на службу..

Прошло два, почти три года. Отсутствіе не измѣнило Завалевскаго: все такъ же цѣпко, какъ и вблизи, владѣла его сердцемъ далекая Дина, и чары ея своеобразной прелести еще неотразимѣе, чѣмъ прежде, оковывали страстью все его существо...

Они свидѣлись наконецъ,—и одного взгляда достаточно было для нея, чтобъ убѣдиться, что онъ былъ все тотъ же: прежній, слабый и покорный рабъ ея... Она впрочемъ и до того ни минуты въ этомъ не сомнѣвалась... Предостереженія Елизаветы Григорьевны оказались тщетными; почтенная женщина не могла далѣе упорствовать... Она добилась лишь одного,—и въ этомъ случаѣ оказалась ей горячею союзницей сама Дина: помолвка дочери ея съ Завалевскимъ отлагалась до конца предстоявшаго зимняго сезона и до того времени должна была остаться тайною для всѣхъ, не исключая самыхъ близкихъ...

По рожденію, по связямъ, госпожа Зарницына принадлежала къ такъ-называемому „высшему обществу“. Дина стала *выѣзжать*... „Свѣтъ ее замѣтилъ“,—ея и нельзя было не замѣтить... Съ перваго же бала она была *окружена*, entourée, какъ говорятъ въ свѣтѣ; черезъ три дня не было *элегантной* холостой квартиры въ столичномъ городѣ С.-Петербургѣ и близь лежащемъ Царскомъ Селѣ, гдѣ бы не слышались шумные и восторженные толки о московской *Прециозѣ*; черезъ двѣ недѣли она была кумиромъ всего петербургскаго high life'a...

Поклонниковъ у нея было безъ конца, но заботливая нѣжность Завалевскаго, слѣдившаго за нею по баламъ и раутамъ, не находила поводовъ къ опасеніямъ. Никто въ такой степени какъ Дина не владѣлъ тѣмъ двойственнымъ—столь цѣнимымъ въ свѣтѣ—качествомъ внѣшней привлекательности и внутренней сдержанности, никто не умѣлъ такъ, какъ она,

нравиться всѣмъ и не поощрять замѣтно никого... Еслибъ и ревнивѣе былъ Завалевскій, онъ среди многочисленнаго двора Дины не отыскалъ бы своего соперника... Нуженъ былъ особенный случай...

Зима подходила къ концу; Завалевскій, какъ школьники, считалъ дни, остававшіеся еще до поста; Дина, съ своей стороны, жаловалась на усталость, на „эти скучные, все одни и тѣ же балы“... Но вотъ еще одинъ, у графини Лиговской, un bal pour les élus,—нельзя не ѣхать!... Поѣхали. Балъ прелестный, какъ слѣдуетъ: лакеи въ пудрѣ и басонахъ на лѣстницѣ. Лядовъ съ оркестромъ, buffet ouvert, кавалергарды и духота невыносимая... Послѣ третьей кадрили, которую онъ танцовалъ съ Диной, Завалевскій ушелъ изъ танцовальной залы искать прохлады въ дальнихъ комнатахъ.

Большой кабинетъ вдовы-хозяйки былъ пустъ, и атласныя занавѣси на одномъ изъ его оконъ отдувало какъ парусъ: за ними открыта была форточка. Завалевскій прямо прошелъ къ тому окну, отвернулъ занавѣсь... На дворѣ стояла оттепель,—несло влажнымъ, едва свѣжимъ воздухомъ... Послѣ той жары—какое блаженство!... Завалевскій совсѣмъ ушелъ за драпри.

Ему было хорошо,—и разсѣянъ онъ былъ всегда,—онъ задумался, глядя на звѣздное небо, и остался тамъ.

Смѣхъ, голоса, легкое звяканье шпоръ и шуршанье женскихъ тканей вывели его изъ забытья. Длинною вереницей проходили куда-то пары послѣ новой кадрили... Нѣкоторыя изъ нихъ остались въ кабинетѣ... Рядомъ съ его окномъ, на низенькій, стоявшій въ простѣнкѣ, узорный диванъ опустился кто-то... Заговорили... Онъ отгадалъ присутствіе Дины прежде, чѣмъ услышалъ ея голосъ.

Первымъ движеніемъ его было затворить форточку—чтобы не простудилась она какъ-нибудь,—и выйти къ ней... Что-то необъяснимое—неизбѣжно повторяющееся во всѣхъ подобныхъ случаяхъ—заставило его промедлить одно мгновеніе... А тамъ выходить ему къ ней уже было незачѣмъ.

— ... и повторять то, что я къ вамъ чувствую! договаривалъ прежде начатую фразу мужской по звуку, но, по выраженію, изнѣженный какъ у женщинъ и вялый чей-то голосъ.

— Довольно фразъ; докажите! отвѣчала на это Дина своимъ тихимъ, ровнымъ, невозмутимымъ mezzo-soprano.

— Но, Боже мой, что̀ мнѣ дѣлать,—научите меня!... Завалевскій узналъ этотъ ребячески-молящій голосъ: говорилъ молодой князь Солнцевъ, „un des plus brillants partis de Pétersbourg“.—Папа, съ нимъ еще можно сладить, il est tout simplement amoureux de vous, lui aussi... Mais maman! Съ ней ничего не подѣлаешь, elle vous trouve charmante, но для нея деньги прежде всего!... Avec notre train de maison, она говоритъ,—et puis ma soeur qu'on va mener dans le monde—мы можемъ дать тебѣ, au plus, пятнадцать тысячъ въ годъ; чѣмъ же ты будешь жить, si vous épousez une fille sans dot?

— Ces détails m'intéressent peu, такъ же невозмутимо сказала на это Дина:—что̀ вы рѣшили?

— О, Боже мой, воскликнулъ вмѣсто отвѣта молодой человѣкъ:—если бы у насъ было хоть пятнадцать тысячъ дохода!

— У меня ихъ три, а захочу,—будетъ восемьдесятъ завтра, проговорила она, презрительно роняя слова одно за другимъ.

— Такъ это правда? всплеснулъ замшевыми своими перчатками „блестящій“ офицеръ.—Мнѣ говорили, что у васъ давно есть un aspirant à votre main, и что вы только до сихъ поръ...

— Правда! прервала она его.

— Кто же это, скажите, ради Бога,—vous me fendez le coeur!

— Онъ здѣсь, онъ вамъ знакомъ, отвѣчала *Прециоза*,—графъ Владиміръ Завалевскій.

— Завалевскій!... Солнцева точно прихлопнуло въ первую минуту это имя,—но онъ снова воспрянулъ:—Да, промолвилъ онъ, слегка фыркнувъ,—il est riche, c'est vrai, но онъ никогда карьеры не сдѣлаетъ... c'est un *rouge*! Папа при мнѣ говорилъ: il est très mal vu en haut lieu!

— Да, я это знаю, едва слышно промолвила Дина. Измѣна ея вся объяснялась этимъ словомъ... Въ помутившейся головѣ Завалевскаго пронеслись слова ея матери: „ненасытный, неутолимый демонъ сидитъ въ ней“.

— Послѣ-завтра, говорила она между тѣмъ оторопѣвшему офицеру:—мы ѣдемъ въ бенефисъ Ронкони. Второй бенуаръ съ правой стороны... Вы мнѣ привезете туда рѣшительный отвѣтъ; я долѣе ждать не могу!

Она поднялась съ мѣста. Нервы были такъ напряжены у Завалевскаго, что онъ изъ-за толстой своей занавѣси разслышалъ, какъ звякнули одна о другую длинныя коралловыя подвѣски ея серегъ... Отзвонили! сказалъ онъ себѣ вдругъ — и, приткнувшись лбомъ къ стекольной рамѣ, замеръ, дѣйствительно какъ покойникъ...

Онъ насилу могъ дотащиться до швейцарской... На другой день, когда онъ поднялся съ дивана, на которомъ пролежалъ, одѣтый, до зари, и подошелъ къ туалетному столу, — онъ ужаснулся, увидѣвъ отраженіе свое въ зеркалѣ: онъ былъ желтъ, какъ шафранъ.

Онъ послалъ въ это же утро записку къ Елизаветѣ Григорьевнѣ Зарницыной, въ которой просилъ ее навѣстить его, такъ какъ онъ, по болѣзни, самъ пріѣхать къ ней не можетъ.

Она пріѣхала немедля — и испугалась, увидѣвъ его, но тотчасъ же отгадала:

— Дина? воскликнула она съ перваго слова.

— Вы были правы!... Онъ ей все передалъ.

Она заплакала,—обняла его за голову и поцѣловала.

— Благодари Создателя. — Онъ тебя спасъ!... Въ самомъ дѣлѣ, промолвила Елизавета Григорьевна съ горькимъ смѣхомъ, — что бы она съ однимъ твоимъ богатствомъ сдѣлала? „Vous êtes mal vu, ты карьеры не сдѣлаешь!...“ А онъ, этотъ мальчикъ... онъ просто глупъ, какъ видно, — но онъ сынъ своего отца, а отецъ, кромѣ богатства, въ огромной милости, высокое положеніе, въ родствѣ со всѣмъ Петербургомъ... Этотъ жалкій *ривалъ* твой надняхъ вензеля получитъ, будущее его обезпечено. Гдѣ же тебѣ съ нимъ вровень итти!... Ты слишкомъ небольшая птица pour mademoiselle Dina, бѣдный мой Владиміръ!...

— Каждому свой предѣлъ! сказалъ онъ съ своею тихою улыбкой,—его же не прейдешь... Она не властна надъ собою, ее влечетъ... Что же дѣлать? Надо помочь ей.

— Помочь!—чему? вскрикнула Елизавета Григорьевна.

— Дойти до цѣли, промолвилъ онъ.—Князю Солнцеву нельзя взять жену менѣе чѣмъ съ пятнадцатью тысячами дохода;—вы дайте ей двадцать пять,—цѣль достигнута.

— Откуда я ихъ возьму? засмѣялась она.—Ты знаешь, что у меня всего...

Онъ не далъ ей договорить:

— Послушайте, Lise,—вы знаете, что, въ случаѣ я не оставилъ бы послѣ себя дѣтей, вы и семейство ваше—одни изъ ближайшихъ, по закону, моихъ наслѣдниковъ... Раньше или позже это вамъ достанется, не все-ли равно?... Я никогда не женюсь!...

— Ты не можешь знать этого,—развѣ только одна Дина на свѣтѣ! горячо возражала г-жа Зарницына.

— Я никогда не женюсь! повторилъ онъ. И она чутьемъ почуяла въ эту минуту, что рѣшенія своего онъ не измѣнитъ.

— Я теперь же вамъ передамъ крѣпостною записью мое калужское имѣніе,—крестьяне тамъ на оброкѣ и платятъ въ срокъ, какъ въ банкѣ, двадцать двѣ тысячи семьсотъ рублей, а вы отдадите его въ приданое Динѣ. Съ тѣмъ, что имѣетъ она сама,—цифра круглая; княгинѣ Солнцевой не будетъ причины препятствовать долѣе счастію ея сына.

— Ни за что, ни за что! съ негодованіемъ отказала честная женщина.—За что станешь ты награждать ее?

— Кто знаетъ, задумчиво и печально взглянулъ ей въ глаза Завалевскій,—что выйдетъ изъ этого: награда или наказаніе?

— Для такихъ людей, какъ ты, нѣтъ счастія на землѣ! разрыдавшись, могла только проговорить Елизавета Григорьевна.

Съ пылающими негодованіемъ глазами слушала Марина разсказъ Пужбольскаго.

— И она приняла отъ него этотъ подарокъ? воскликнула она, когда онъ кончилъ.

Князь засмѣялся.

— Приняла,—и такъ, какъ будто она же оказывала одол-

Изъ книгъ кн. С. В. Кудашева

женіе Завалевскому. Она на это молодецъ у насъ. Наивность цинизма доходитъ у нея до какой-то поэзіи...

— Отвращеніе! проговорила Марина:—а онъ, скажите, что̀ за чудо этотъ человѣкъ! онъ... не избѣгаетъ ея, видится съ нею до сихъ поръ?..

— Не избѣгаетъ ея—кто хочетъ, возразилъ хмурясь Пужбольскій,—когда *она* этого не желаетъ; elle l'exploite jusqu'aujourd'hui, примолвилъ онъ сквозь зубы.

— То-есть, какъ же это, что̀ вы хотите сказать?

— Она до сихъ поръ тянетъ съ него, что̀ можетъ, презрительно отрѣзалъ князь.

Марина даже покраснѣла: ей было совѣстно за эту *безстыдную барыню*, и до слезъ жаль *его*...

— Гдѣ она теперь?

— А вотъ вы ее, можетъ-быть, увидите...

— Здѣсь! съ невольнымъ ужасомъ и какою-то внутреннею болью проговорила дѣвушка.

— Да; мнѣ говорилъ Завалевскій, она изъ Петербурга ѣдетъ на лѣто въ мужнино имѣніе, въ Воронежскую губернію, и по пути хотѣла заѣхать сюда...

— Да это совсѣмъ не по пути, Воронежская губернія! прервала Марина.

— А вотъ то-то! опять засмѣялся онъ:—видите молъ, cher cousin, какая я вамъ преданный, нѣжный, всегда вѣрный другъ; съ дороги свернула, на цѣлыя сутки разницы себѣ *сдѣлала* единственно, чтобы взглянуть на васъ! Такъ вы ужь за это...

— Да чего же ей нужно? гадливо произнесла Марина,—вѣдь она же знатна и богата...

— Недостаточно... И богатство, et les grandeurs—все это пошло̀ какъ-то мимо ея... какъ это говорится въ сказкахъ по губамъ *мазало*, въ ротъ не *падало*...

— Какъ же вы сейчасъ разказывали?...

— Да, да, объяснялъ Пужбольскій: — сводъ свой она вывела вѣрно, только одного не замѣтила, что строила она его на пескѣ. Онъ и *разъѣхалъ!*... Во-первыхъ, вслѣдъ за нашими несчастіями въ Крыму, кредитъ старика Солнцева лопнулъ

какъ мыльный пузырь... Онъ даже не выдержалъ, умеръ скоро затѣмъ... Оказалось, что у него долговъ болѣе чѣмъ на половину всего имѣнія... А тутъ l'émancipation—еще половиной меньше! И изъ всего ея echafaudage'а осталось au fond у Дины то, что̀ получила она отъ милостей Завалевскаго, и мужъ, изъ котораго она, pauvre femme, вотъ уже пятнадцать лѣтъ бьется что-нибудь сдѣлать, и не *добивается*...

— А мужъ что̀ же? спросила Марина.

На этотъ разъ Пужбольскій уже совсѣмъ расхохотался.

— Мужъ ничего, сказалъ онъ:—мужъ—князь Солнцевъ, и даже родня мнѣ близкій...

— Такъ вѣдь это что̀ же „князь“! Это только кличка, засмѣялась, въ свою очередь, дѣвушка.

— Оно и есть! Кличка для клички, какъ было прежде искусство для искусства, какъ нынче у вашихъ *либераловъ* самооплеваніе для самооплеванія!... Вообразите себѣ ярлыкъ безъ бутылки, бутылку безъ вина, табачный кисетъ безъ табаку,—вотъ вамъ Солнцевъ depuis que „*papa*“ est mort! Онъ тоже *либералъ*, между прочимъ...

— Я все думаю, заговорила Марина: — какъ это *онъ* дозволяетъ обманывать, или, какъ вы сказали, *эксплуатировать* себя этой женщинѣ!... Онъ или любитъ ее до сихъ поръ, или это слабость, которую онъ какъ *человѣкъ* не въ правѣ себѣ дозволить!...

— Ни первое, ни совсѣмъ послѣднее! возразилъ князь:—она употребляетъ теперь съ нимъ особенный... какъ это говорится? — да, особенный *фортель*, который дѣйствуетъ на Завалевскаго именно потому, что онъ, я употреблю слово въ вашемъ смыслѣ, что онъ *человѣкъ*. Судя по нѣкоторымъ словамъ qui lui sont échappés, она упрекаетъ его теперь въ томъ, что онъ былъ причиной ея несчастія, что онъ не долженъ былъ *дозволить* бракъ ея съ Солнцевымъ, долженъ былъ sobrement... трезво *посмотрѣть* на ея дѣтское увлеченіе, l'entraînement d'une pauvre et naïve enfant éblouie par le monde. А онъ что̀ сдѣлалъ? De la grandeur d'âme и не изъ чувства, а par rancune, par dépit amoureux, чтобы еще злѣе *отомщать* ей...

— И *онъ* этому вѣритъ? съ новымъ негодованіемъ перебила его Марина.

— Вѣритъ, c'est trop dire, но, насколько я могъ замѣтить, говоритъ себѣ, что въ этихъ упрекахъ есть нѣкоторая доля правды,—и это его мучитъ, я знаю... Elle le tient par cette ficelle là! закричалъ князь, пожимая плечами.

Марина глубоко задумалась.

— О, Боже мой! сказала она послѣ долгаго молчанія: — какъ присмотришься только поближе,—въ мірѣ одно коварство!...

— И любовь! добавилъ засмѣявшись Пужбольскій, но въ его выраженіи, опять помимо его воли, было болѣе чѣмъ одна шутка.

— А вы все съ своими глупостями; все съ глупостями! досадливо крикнула на него Марина. — Я съ вами говорить болѣе не хочу!

Она вскочила съ мѣста такъ же быстро, какъ и опустилась на него два часа тому назадъ, и, приподнявъ слегка спереди свою кисейную юбку съ воланами, торопливо сбѣжала со ступенекъ балкона...

— La Judith d'Allori! рѣшилъ съ восторженнымъ вздохомъ князь Пужбольскій, проводивъ ее глазами и очутившись одинъ предъ чашкой своего давно похолодѣвшаго чая.

VIII.

Съ этого дня между нашими друзьями и Мариной установились самыя добрыя пріятельскія отношенія. Каждое утро, часу въ девятомъ, приходила она съ ними чай пить, и до полудня, пока высоко поднявшееся солнце не прогоняло ихъ съ балкона, время проходило въ оживленной, всегда занимательной бесѣдѣ, въ горячихъ или веселыхъ толкахъ, спорахъ и разсказахъ. Это *совмѣстное чаепитіе*, какъ выражалась Марина, живой, дружескій обмѣнъ мыслей, вѣчныя пренія Пужбольскаго съ графомъ о предметахъ совершенно для нея новыхъ, которымъ внимала она съ возрастающимъ съ каждымъ днемъ любопытствомъ,—все это вскорѣ стало для нея такъ же дорого, такъ же необходимо, какъ воздухъ, которымъ она дышала. Весь день ходила она исключительно занятая тѣмъ, о чемъ утромъ была рѣчь за чаемъ; вечеромъ, ложась спать, готовила она вопросы, на которые пріятели ея должны были отвѣтить ей завтра; завтра она, проснувшись, улыбалась новому свѣтлому дню, глядѣвшему въ ея окна, и торопилась скорѣе одѣться и бѣжать на тотъ каменный, обросшій жасминомъ, любезный ей балконъ, гдѣ, она знала, за кипящимъ уже самоваромъ сидятъ друзья и поджидаютъ ее...

Странное дѣло, она будто вѣкъ была съ ними знакома, жизнь свою прожила съ ними, съ этими столь недавними своими пріятелями! Какъ еще ни съ кѣмъ, чувствовала она себя съ ними *„по себѣ"!*... А между тѣмъ,—разсуждала въ первые дни она сама съ собою,—что же общаго у нея съ ними? Вѣдь они *не какъ всѣ*, они *бѣлокостные* (въ числѣ всяческой „современной" россійской ерунды она гдѣ-то вычитала и это, и

удержала въ памяти), они *баре, бѣлоручки*, а она *привыкла уважать однѣ лишь честныя мозолистыя руки!*... Ужь не потому-ли это, что въ ней самой течетъ *кровь Серебряныхъ-Телепневыхъ?*... Но она не хотѣла останавливаться на этой мысли,—ее льстило, напротивъ, то, что вотъ она сама, какъ знаменитый *Рахметовъ* въ знаменитомъ романѣ: *„Что дѣлать“,—по крови важная*, но *по убѣжденіямъ—народъ, демократка*, и не признаетъ никакихъ *сословныхъ отличій*... Отчего же ей такъ *хорошо*, такъ легко дышется съ *ними*, а такъ часто тяжело бывало съ *тѣми*, съ *прежними*, которые *развивали* ее и учили презирать *этихъ* бѣлоручекъ?... Вѣдь *либерализмъ*—развѣ его цѣль не состоитъ именно въ томъ, чтобы каждому жилось легко и свободно? А если, напротивъ, онъ, либерализмъ этотъ, долженъ стѣснять, привязывать какія-то гири къ ногамъ, то какая же цѣль его? Благо всѣхъ? Но развѣ всѣмъ будетъ легче оттого, что у каждаго будетъ по такой гирѣ на ногѣ?

Марина чувствовала, что у нея *уходитъ почва подъ ногами*, что она приходитъ къ заключеніямъ совершенно противоположнымъ тому, что она до сихъ поръ почитала *реальною истиной*, и съ ребяческимъ испугомъ говорила себѣ въ первое время, что она *измѣняетъ своимъ убѣжденіямъ!*... Но вслѣдъ затѣмъ стала она себя допрашивать: въ чемъ же именно расходятся сами друзья ея съ этою *реальною истиной* ея *убѣжденій?* И... и пришла въ недоумѣніе... *Демократизмъ, любовь къ народу?*... Да, дѣйствительно, они не почитаютъ себя *демократами*, никогда этимъ не хвалились предъ ней,—но можетъ-ли она по совѣсти сказать, что не любятъ они народа? О графѣ уже и говорить нечего: онъ весь, кажется, *одна правда,—правда и добро*,—онъ на дѣлѣ доказываетъ эту любовь свою *именно къ народу;* но самъ *Александръ Ивановичъ*, который такъ смѣшно сердится на все и бранится: сколько же разъ слышала она его горячія разсужденія о тяжести теперешнихъ налоговъ, о безобразномъ крестьянскомъ судѣ, гдѣ, какъ сама она не разъ видала,—волостное правленіе вѣдь тутъ, почти рядомъ со *дворцомъ*,—гдѣ кто поднесъ лишній штофъ, тотъ и правъ,—о круговой порукѣ, при кото-

рой труженикъ долженъ платить за пьяницу и лѣнтяя... Не вчера-ли еще такъ забавно смѣялся онъ надъ мнимыми *либералами*, которые „подъ *народомъ* разумѣютъ одни лапти и онучи, а сапоги почитаютъ недостойными шагать съ ними рядомъ. Когда же они отдѣляли себя отъ народа? Могла-ли она замѣтить хотя разъ въ ихъ сужденіяхъ, чтобъ они желали чего-нибудь для себя, *для своего сословія*, помимо блага остальныхъ, всей страны?... *Сословные предразсудки?* Но въ чемъ же? Есть-ли у нихъ что-либо общее съ *тупымъ міровоззрѣніемъ*, напримѣръ, Іосифа Козьмича, который такъ надутъ своимъ *родомъ*, что почитаетъ себя какимъ-то идоломъ, которому подошвы цѣловать—такъ и то еще не каждаго онъ допуститъ?... Александръ Ивановичъ, вспомнила Марина съ улыбкой, на-дняхъ вышелъ въ самый жаръ гулять въ поле; у самаго *Темнаго-Кута* видитъ онъ: на полосѣ баба лежитъ, кровью исходитъ,—мужики кругомъ стоятъ, охаютъ, дѣлать что̀ не знаютъ: за бороной, говорятъ, шла, да и грохнулась,—отъ солнца должно быть... „Такъ что̀-же вы стоите? засуетился онъ,—помочь надо,—воды скорѣе!...“ А ключъ за версту будетъ, и отъ плуговъ да отъ боронъ своихъ никто отойти не хочетъ... Такъ онъ взялъ ее на руки и понесъ къ ключу. Мужиковъ совѣсть разобрала, побѣжали за нимъ: „пусти, батюшка, донесемъ!“ А онъ имъ въ отвѣтъ,—а бабу все несетъ:—„вы, говоритъ,—шутъ этакой,—посты соблюдаете? *Въ душеспасительность сыропѣшки* вѣрите?“—„Какъ же, батюшка, не вѣрить? говорятъ дураки,—вѣримъ!“—„А то, что ближнему помогать нужно,—объ этомъ не слыхали? Убирайтесь же къ чорту!“ И принесъ больную къ водѣ, привелъ въ чувство и оттуда довелъ ее до дому, да за подлѣкаремъ сходилъ самъ же, и не оставилъ, пока совсѣмъ ея на ноги не поставили... Чѣмъ же, спрашивала себя Марина, они *баре, бѣлоручки?* Тѣмъ развѣ, что родились они богатыми?... Такъ неужто-жь, въ самомъ дѣлѣ, у нихъ ихъ богатство отнимать!...

А все же они *аристократы!* говорила она себѣ, но подъ обаяніемъ того, что̀ она теперь понимала подъ этимъ словомъ,—она уже чувствовала всю себя. Это было что̀-то, чего она въ своей глуши не встрѣчала еще никогда, ни въ комъ,

и о чемъ не могли ей дать понятія тѣ русскія изданія, которыми зачитывались въ Глинскомъ уѣздѣ,—что-то не значившееся въ знакомомъ ей *современномъ* словарѣ, далеко не похожее на то, что извѣстно ей было до сихъ поръ подъ знаменитымъ словомъ *развитость*. Это было то, что Завалевскій по какому-то поводу назвалъ однажды при ней *культурою*, нѣчто широкое, свободное, *съ высоты*, какъ выражалась Марина... Ничего условнаго, навязаннаго извнѣ не чувствовала она,—ничего съуженнаго въ приготовленную напередъ рамку, отзывающагося чахоточною работой насилованной мысли, вчера жеванною и непереваренною книгою... Какъ тотъ мальчикъ арабской сказки, побывавшій въ подземномъ чертогѣ геніевъ и принесшій оттуда алмазные и рубиновые плоды, которыхъ цѣнности онъ не вѣдалъ,—друзья Марины,—представлялось ей иной разъ,—пришли изъ какого-то другаго, *свѣтлѣйшаго* міра, и, не давая имъ никакой цѣны, сыпали сокровищами, что принесли съ собою оттуда... Это нѣчто невѣдомое ей до сихъ поръ и неотразимо ее привлекавшее—какъ будто составляло часть ихъ самихъ, ихъ *организма:* это сказывалось въ ихъ пріемахъ, рѣчи, привычкахъ, вкусахъ, въ томъ, какъ *подходили они къ предмету сужденія*, въ безконечной разнообразности того, что они знали, что возбуждало въ нихъ любопытство и интересъ. А знали они *все*, казалось дѣвушкѣ, все привлекало вниманіе ихъ, отъ *какихъ-нибудь* ученыхъ изслѣдованій объ индійскихъ *Ведахъ* и до иллюстрацій Густава Доре къ средневѣковымъ сказкамъ...—А если, можетъ быть, это *дилеттантизмъ* одинъ! вдругъ вспомнила Марина (она что-то *ужасно сильное* прочла въ одномъ изъ своихъ журналокъ противъ *дилеттантизма*)... Но отчего же это *пошлое тунеядство*, какъ выражалось *передовое* изданіе, отчего же отзывалось оно для нея чѣмъ-то такимъ прекраснымъ, возвышеннымъ, *благороднымъ?* Отчего никогда еще такъ не чувствовала она себя *разумнымъ существомъ* какъ въ обществѣ этихъ *дилеттантовъ?*...

— Вотъ вы обо всемъ говорите, сказала она однажды имъ, для очистки совѣсти,—только менѣе всего о *современныхъ задачахъ*. Отчего это такъ?

Пужбольскій привскочилъ даже.

— Это какія такія *современныя задачи?* воскликнулъ онъ:—все тѣ же Шульце-Деличъ и Лассаль, господинъ Карлъ Марксъ и русскіе молодцы въ Женевѣ!...

— Я понимаю, что̀ вы хотите сказать, заговорилъ въ свою очередь Завалевскій:—но изволите видѣть, молодая особа, съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ пересталъ быть *безхвостою обезьяной*, не о „хлѣбѣ единомъ“ мыслилъ онъ въ продолженіе вѣковъ, и все, до чего ни касалась эта человѣческая мысль,—равно свято и дорого для человѣка...

— И дороже всѣхъ вашихъ *современныхъ задачъ*, перебилъ его горячо князь:—должно быть для человѣка то великое хранилище, въ которое въ продолженіе вѣковъ всѣ историческіе народы и страны вносили свои жемчужины—мысль, опытъ, знаніе, — то̀, чего нѣтъ, не можетъ быть выше для него, человѣческое просвѣщеніе, человѣческая *цивилизація.*

— Есть еще выше этого, молвила Марина съ глубокомысленнымъ видомъ,—это *счастіе всѣхъ!*

Пужбольскій съ отчаянія схватился обѣими руками за бороду:

— Mais, par la barbe de Jupiter! запищалъ онъ, — какъ вы, умная дѣвушка, можете повторять такую нелѣпицу! *Счастіе всѣхъ!*... Да развѣ мыслимо такое, общее для всѣхъ, подавляющее, животное счастіе!... Разъ, два, — чихать. И всѣ чихаютъ... Разъ, два, три, — всѣмъ счастливымъ быть! И всѣ тотчасъ же принимаются благоденствовать до поту лица... Помилуйте, вѣдь это только Валаамовы ослицы россійскаго *прогресса* могутъ пророчествовать о такомъ *счастіи* всѣхъ и обѣщать аллюминіевыя стойла будущему человѣчеству! Вѣдь вы подумайте только, — вѣдь это было бы не человѣческое счастіе, а счастіе той, прежней *безхвостой обезьяны;* вѣдь во сто кратъ легче было бы вѣкъ свой кандалы носить, чѣмъ благоденствовать въ этихъ стойлахъ! А пока человѣкъ снова не превратится въ животное, скажите сами, *ваше* счастіе можетъ ли быть счастіемъ, напримѣръ, какого-нибудь петербургскаго директора департамента, или вотъ того злющаго кузнеца, который намедни...

Завалевскій поднялъ въ эту минуту на Пужбольскаго та-

кіе странные, чуть не перепуганные глаза, что тотъ договорить не рѣшился и тотчасъ же перевелъ ихъ на дѣвушку.

Но Марина не слышала,—она сидѣла съ поникшимъ взоромъ, съ морщинкою раздумья на лбу... Она старалась припомнить одинъ нѣмецкій стихъ, слышанный ею недавно отъ графа — и который, думала она въ эту минуту, такъ хорошо относится къ нему самому...

— Ein edler Geist liebt edlere Gestalten! *).

къ немалому удивленію Пужбольскаго воскликнула она вдругъ, подымая на него глаза, и разсмѣялась...

Въ одно прекрасное утро Марина сдѣлала даже одно удивительное открытіе: *раціональность* и даже *разумную необходимость* того аристократизма, который признавала она въ друзьяхъ своихъ, она доказала себѣ *по Дарвину!* Путая въ возбужденной головѣ все, что̀ вычитала она о „подборѣ особей“, объ „условіяхъ развитія организмовъ“, о перерожденіи ихъ изъ низшихъ въ высшія формы, она вывела свое собственное заключеніе *ad hominem* и разсудила такъ, что если въ природѣ существуетъ законъ постояннаго совершенствованія, и ей для произведенія высшаго существа на землѣ, человѣка, нужно было пройти чрезъ многообразнѣйшія формы, начиная отъ одноглазой рыбы и до гориллы, а отъ гориллы, *проходя чрезъ всякихъ островитянъ, краснокожихъ и негровъ*, до чисто-бѣлой кавказской расы, то не слѣдуетъ-ли *индуктивно* заключить, что она не перестаетъ работать и понынѣ, и постоянно стремится выдѣлить изъ себя *особи*, формы, болѣе совершенныя, *тонконервныя*, способныя слѣдовательно къ *высшему развитію* и, такимъ образомъ, превосходящія прочихъ людей, людскую массу... А если это такъ, — а это уже такъ навѣрное! — то такіе люди, какъ ея друзья... какъ *онъ*, графъ,—она именно о немъ думала, — не представляются-ли они именно „высшими формами“, *высшими людьми*, стоящими на вершинѣ, надъ всѣми другими!...

Она такъ обрадовалась этому своему открытію, что прибѣжала въ то утро на балконъ съ намѣреніемъ сообщить его

*) Благородный умъ любитъ благородные образы. *Шиллеръ.*

друзьямъ ранѣе, чѣмъ тѣ еще вышли изъ своихъ комнатъ. Но когда они оба явились, ей стало совѣстно, и она ничего не сообщила; только съ Пужбольскимъ, съ которымъ она обыкновенно *грызлась*, она въ это утро была необычно ласкова, ни разу не говорила ему: „вздоръ“ и „глупости“, и позволяла ему глядѣть на себя, не прерывая его вѣчнымъ: „что вы на меня такъ смотрите?“—что приводило его всегда въ конфузъ и отчаяніе. Съ графомъ она завела бесѣду по поводу его института, а именно, о допущеніи въ него женщинъ, которыя, доказывала она, гораздо болѣе способны, чѣмъ мужчины... Она не успѣла договорить, какъ Пужбольскій влетѣлъ въ разговоръ съ мнѣніемъ какого-то нѣмецкаго спеціалиста, приписывающаго раздражительность и нервность сѣверо-американцевъ тому именно, что народная школа тамъ въ рукахъ женщинъ. Но Завалевскій, къ великому удовольствію дѣвушки, опровергъ этотъ доводъ на основаніи лично ему извѣстныхъ выводовъ и фактовъ и отвѣчалъ Маринѣ, что en principe онъ совершенно съ нею согласенъ и объ этомъ долго думалъ,—но что по отношенію къ его институту затрудненіе представляется въ томъ, во-первыхъ, что въ его мысли это заведеніе должно быть непремѣнно закрытое заведеніе, и во-вторыхъ, что въ него должны поступать исключительно дѣти крестьянъ; что такой интернатъ для крестьянскихъ же дѣвочекъ немыслимъ пока, но что,—и это предвидится и значится въ его уставѣ,—параллельно съ его мужскимъ курсомъ, но, разумѣется, отдѣльно отъ него, можетъ быть открытъ равносильный курсъ для женскихъ особъ всѣхъ сословій, если только начальство заведенія получитъ удостовѣреніе въ томъ, что будетъ не менѣе пятнадцати слушательницъ въ началѣ курса...

— Вдвое больше будетъ! воскликнула Марина. — Сколько тутъ бѣдныхъ дѣвушекъ, жаждущихъ знанія и занятій!

— Серьезно? быстро поднялъ на нее глаза графъ.

Она одумалась.

— Конечно, проговорила она,—очень много *такихъ*... которыя походятъ-походятъ и—бросятъ.

— Русское Ausdauer! усмѣхнулся онъ тѣмъ *уголкомъ*, что такъ нравился Маринѣ.

— Сдѣлайте меня инспектрисой, засмѣялась она:—я имъ *шалопайничать* не дамъ!...

Онъ взглянулъ на нее съ гораздо большею внимательностью, чѣмъ въ ея понятіи заслуживала эта шутка.

— А опытъ? спросилъ онъ.

— Опытъ пріобрѣтается...

— И терпѣніе тоже?...

Она подумала—и не отвѣчала.

— Хорошо, Марина Осиповна, сказалъ Завалевскій съ новою полуулыбкой,—мѣсто вамъ будетъ, какъ только вы сами придете мнѣ сказать, что вы чувствуете себя способною управлять другими...

— Вы правы! отвѣчала она на это, и брови ея мгновенно сдвинулись отъ налетѣвшаго на нее облака печали,—я *пока* еще ни на что не гожусь!... А ужь какъ бы женщины у насъ, примолвила она со вздохомъ,—нуждались въ хорошемъ образованіи!...

— И не однѣ женщины! закачалъ головою графъ. — Подождемъ, можетъ быть и дождемся... А если у насъ установится когда-нибудь основательное образованіе, я не вижу причины, почему бы не допустить къ нему и женщинъ... Особенно славянская женщина,—она, пожалуй, дѣйствительно способна...

Марина не дала ему кончить.

— Не правда-ли, не правда-ли?—захлопала она даже отъ радости въ ладоши.—Какъ вы это справедливо сказали!...

— Да? засмѣялся онъ:—но въ моей мысли образованіе это должно опять-таки прежде всего служить естественному и неизмѣнному призванію женщины — быть *матерью!*... Та, которая будетъ въ состояніи замѣнить сыну своему наставника, будетъ вдвойнѣ мать!...

— А вотъ для этого, должно быть, язвительно воскликнулъ Пужбольскій,—и преподаютъ у насъ чуть не анатомію пятнадцатилѣтнимъ дѣвочкамъ!...

Въ прежнее время Марина такъ и взъѣлась бы на него за такое пренебреженіе къ *реальнымъ знаніямъ*, но тутъ она только шутливо погрозила ему пальцемъ и весело возгласила:

— Погодите, дайте образоваться русскимъ женщинамъ,— онѣ министрами будутъ!

— Ахъ! захлопалъ въ свою очередь въ ладоши Пужбольскій,—дождусь-ли я этого счастливаго времени! У меня дѣдъ былъ,—капитанъ-лейтенантомъ при Екатеринѣ служилъ,—такъ тотъ бывало, какъ вспомнитъ — и вздыхать начнетъ: „бабій вѣкъ, золотой вѣкъ! Такъ и я, Марина Осиповна, такъ и я!... Только вотъ какое я маленькое неудобство при этомъ предвижу: вообразите себѣ,—въ комитетѣ министровъ, или тамъ въ государственномъ совѣтѣ, внесено очень важное дѣло, напримѣръ по военному министерству, а самого министра вдругъ нѣтъ. Гдѣ министръ? спрашиваютъ... А секретарь докладываетъ: онѣ просятъ обождать ихъ немножко, онѣ изволятъ примѣрять новое платье отъ Ворта изъ Парижа... Ну такъ займемся пока дѣломъ министра юстиціи. А секретарь опять: госпожа министръ юстиціи извиняются,—онѣ сегодня ночью изволили произвести на свѣтъ новую гражданку и...

— Ну, скажите на милость, помирая со смѣху обратилась Марина съ жалобой къ Завалевскому,—есть-ли возможность говорить съ нимъ о чемъ-нибудь дѣльномъ!...

— Никакой возможности нѣтъ, молодая особа, подтвердилъ тотъ,—никакой!...

Марина въ этотъ день ушла съ балкона съ особенно свѣтлымъ чувствомъ на душѣ. Она какъ-то сознавала внутренно, что она была... не *естественнѣе*, нѣтъ!... *естественно*—это совсѣмъ другое значитъ,—это, напротивъ, вотъ когда она, напримѣръ, въ первый день знакомства ея съ графомъ, *отпустила*, что „Іосифъ Козьмичъ по пятнадцати чашекъ чаю въ сутки *дуетъ*“, и *онъ* такъ посмотрѣлъ на нее, услыхавъ это, что она, вся красная, убѣжала домой... Нѣтъ, совсѣмъ не то, не *естественнѣе;* она чувствовала, что была сегодня *простѣе*... была какъ бы *къ нимъ ближе*, — и что это очень хорошо какъ-то *выходитъ*...

И съ этой минуты юная *демократка* съ гораздо меньшимъ пренебреженіемъ, чѣмъ прежде, стала думать о томъ, что и она *бѣлокостная* и что въ ней *течетъ кровь князей Серебряныхъ-Телепневыхъ*.

IX.

Какъ хороша была весна въ этомъ году! Какимъ пышнымъ ковромъ послѣ, въ пору выпавшихъ дождей, зеленѣли травы въ поляхъ! А въ береженыхъ аларожскихъ лѣсахъ, на тридцать тысячъ десятинъ кругомъ, что̀ было молодой тѣни, что̀ переливовъ свѣта, что̀ красокъ, что̀ цвѣтовъ!... Весело было Маринѣ, низко наклонясь надъ сѣдломъ, пробираться впереди Завалевскаго по знакомымъ ей лѣснымъ тропинкамъ, неожиданно вывести его на широкую поляну, всю пламенѣвшую прощальнымъ блескомъ солнца, и, сдерживая твердымъ поводомъ своего тонконогаго коня, долгимъ и радостнымъ взглядомъ слѣдить за умиленнымъ выраженіемъ, которое принимало въ эти минуты лицо ея спутника... Онъ узналъ такъ долго невиданныя имъ мѣста, — и дѣтство, и первыя впечатлѣнія, первые восторги воскресали на мгновеніе въ его душѣ, на мгновеніе озаряли ее лучомъ тѣхъ первыхъ дней, тѣхъ блаженныхъ „грезъ первоначальныхъ“... Она никогда не заговаривала съ нимъ въ эти минуты, — она ждала,—она знала: онъ самъ заговоритъ, про себя, по обыкновенію, и затѣмъ, словно проснется и поведетъ съ нею рѣчь, тихо улыбаясь... А эта улыбка — это *весь онъ!* говорила мысленно Марина...

Одно скучно: Іосифъ Козьмичъ сопровождалъ ихъ неизмѣнно въ этихъ прогулкахъ. Во-первыхъ, онъ былъ въ душѣ кавалеристъ и страстный лошадиный охотникъ; къ тому же и самыя лошади были *его* лошади, то-есть шли изъ Аларожскаго — небольшаго, но извѣстнаго по всей странѣ,—завода

чистокровныхъ арабскихъ коней, которымъ „потомокъ гетмановъ“ занимался болѣе, чѣмъ всѣми остальными отраслями ввѣреннаго ему управленія, и даже, благодаря этой его страсти къ лошадямъ, занимался безъ *пользы* для себя. Во-вторыхъ, онъ въ послѣднее время, послѣ того разговора съ графомъ, относился къ Маринѣ съ какою-то особенною, нѣжною внимательностью, какъ-то очень замѣтно старался показать себя *отцомъ*. Но на Марину это производило впечатлѣніе, далеко не отвѣчавшее ожиданіямъ самомнящаго господина Самойленки: его чрезмѣрная заботливость и ласково шутливыя рѣчи, съ которыми онъ постоянно обращался къ ней, теперь только раздражали и стѣсняли ее...

— Отстаньте! не выдержавъ, крикнула она однажды на него, въ присутствіи Завалевскаго, въ отвѣтъ на третій разъ возобновлявшійся его вопросъ, не слишкомъ-ли слабо подтянуты ремни ея сѣдла... Онъ тотчасъ-же и *отсталъ*, то-есть далъ имъ проѣхать, а самъ повернулъ назадъ къ князю Пужбольскому, который, вслѣдствіе полученной имъ при Черной ранѣ въ ногу, ѣздилъ верхомъ съ трудомъ и предпочиталъ для прогулокъ кабріолетъ, въ которомъ и катилъ трухъ-трухъ вслѣдъ за прочими, безпрестанно останавливаясь и взвизгивая отъ радости, когда натыкался взглядомъ на какой-нибудь благообразный бѣлый грибъ или щегольской березовикъ:—къ грибамъ онъ питалъ настоящую страсть... А Завалевскій, оставшись одинъ съ Мариной, только головой закачалъ... Она тотчасъ же догадалась...

— Вы недовольны мною? съ тревогой въ глазахъ обернулась она къ нему.

— Нехорошо, проговорилъ онъ, — *онъ* васъ любитъ.... *Искренно*! настойчиво примолвилъ онъ, замѣтивъ, что она собирается возражать ему...

Губы ея раскрылись еще разъ, она хотѣла что-то сказать,— но, безъ словъ, повернула внезапно лошадь и поскакала къ отставшимъ. У Пужбольскаго глаза засверкали: онъ безъ особаго волненія не могъ смотрѣть на нее въ этой амазонкѣ, стройно охватывавшей ея роскошные члены, подъ этою осѣненною фазановымъ перомъ шляпой, надвинутой на смѣлое

молодое чело, и прибиралъ изъ неисчерпаемаго запаса извѣстныхъ ему царицъ и героинь древняго и новаго міра, съ которою могла бы быть достойно сравнена эта *очаровательница*.

А она, не глядя на него и не смущаясь его присутствіемъ, прямо обратилась къ Іосифу Козьмичу:

— Извините меня,—я сейчасъ была очень груба съ вами!..

— Ну, матушка, не въ первый и не въ послѣдній разъ! Свои люди—сочтемся! засмѣялся онъ, очень польщенный тѣмъ, что она такое покаяніе принесла публично, предъ княземъ.

Марина улыбнулась ему и поскакала назадъ...

А тѣмъ не менѣе она очень обрадовалась, когда самъ Іосифъ Козьмичъ, въ одинъ какой-то особенно тихій и ясный день, предложилъ, вмѣсто обычной послѣ-обѣденной прогулки верхомъ,—катанье на лодкѣ по Алому-Рогу... Она знала, что онъ не поѣдетъ самъ,—онъ воды не долюбливаетъ, да и гдѣ-же ему, такому *облому*, умѣститься въ небольшомъ и довольно узенькомъ *суденушкѣ*, гдѣ она съ графомъ и *Александромъ Ивановичемъ*, да гребецъ четвертый, едва найдутъ мѣсто? Она будетъ одна съ друзьями!.. Друзья, въ свою очередь, изъявили полное согласіе на предложеніе Іосифа Козьмича.

На селѣ давно отзвонили къ вечернѣ, и Тулумбасъ, кухонный мужикъ, наряженный Іосифомъ Козьмичемъ въ красную кумачную рубаху и поярковую шляпу съ лентами по случаю назначенія его гребцомъ, начиналъ уже сильно поклевывать носомъ, сидя со спущенными на воду ногами на прачешномъ плоту, къ которому причалена была, ожидавшая нашихъ пріятелей, лодка,—когда Марина, въ соломенной шляпѣ на головѣ, опоясанная широкимъ алымъ кушакомъ и со своимъ *долманомъ*, накинутымъ на плечи, показалась на отлогомъ скатѣ аллеи, спускавшейся отъ *дворца* къ берегу. Съ веселымъ лаемъ несся впереди большой бѣлый пудель ея, *Каро*...

— Что, никого еще нѣтъ? крикнула она сверху Тулумбасу.

— Нѣ-ту-ти! испуганно грохнулъ онъ какъ изъ трубы, съ-просонья чуть не свалившись въ воду...

— До сихъ поръ сидятъ; несносный *акцизный*, уѣхать не можетъ! проговорила она съ досадою:—и что это они съ нимъ церемонятся!.. Но вотъ, кажется, идутъ они... Да, и

несносный акцизный съ ними, и Іосифъ Козьмичъ,—они только-что изъ-за стола, должно быть...

Марина бѣгомъ сбѣжала съ дорожки, прыгнула въ лодку и усѣлась къ рулю.

— *Каро*, ісі!..

Послушная собака улеглась въ ногахъ ея.

— Вотъ мы какими *фонами* сегодня! весело заговорила она съ Тулумбасомъ, указывая на коверъ, которымъ господинъ Самойленко велѣлъ устлать *суденушко*.

— И зацѣпъ ишь новый приказали сварить,—можетъ гдѣ повылазать захотите, глупо улыбаясь отвѣчалъ гребецъ.

— Повылазать! Ахъ вы, Тулумбасъ, Тулумбасъ! съ хохотомъ повторила она... Она всему-бы разсмѣялась, — такъ *хорошо* было у нея на душѣ!..

Мужское общество подошло къ берегу.

— Да идите же скорѣй! звала она, кивая небрежно головой въ отвѣтъ на поклонъ акцизнаго чиновника, который былъ еще довольно молодой человѣкъ, щеголялъ „образованностью“ и, вслѣдствіе вѣроятно сего, носилъ преогромнѣйшіе, курчавые, какъ у барана, волосы, на которыхъ весьма неизящно торчала его форменная фуражка.

„Неужели же его съ нами повезутъ!“ думала съ испугомъ Марина; *акцизный* ей былъ *противенъ:* онъ былъ страстно влюбленъ въ нее,—и она это знала.

Но *акцизный* пріѣзжалъ „съ первымъ визитомъ“ къ новоприбывшему помѣщику и не почиталъ „согласнымъ съ приличіями свѣта“ протягивать этотъ визитъ. Онъ тутъ же раскланялся и, кинувъ на Марину пламенный прощальный взглядъ, въ-припрыжку отправился вверхъ по аллеѣ.

— Садись, Пужбольскій, говорилъ графъ, бывшій, по-видимому, въ очень хорошемъ настроеніи духа, между тѣмъ какъ господинъ Самойленко, не доходя до плота, кричалъ издали Маринѣ:

— Подымайтесь выше, до самой Карапековой пасѣки, чтобы не ранѣе сумерекъ назадъ быть!... Мы васъ тутъ съ огнями встрѣтимъ!...

Тулумбасъ поплевалъ себѣ въ обѣ руки и взялся за весла. Пріятели усѣлись; суденушко отвалило...

— Спросѝте князя, изъ-за чего изволятъ они гнѣваться, моргнулъ Завалевскій Маринѣ, глядѣвшей недоумѣвая на Пужбольскаго, который до сей минуты, противъ обыкновенія, не произнесъ ни единаго слова и, отвернувшись отъ нихъ, глядѣлъ куда-то въ лѣсъ.

— Что̀ притуманилась, зоренька ясная, пала на землю росой? тотчасъ-же и защебетала она, улыбаясь ему своими пышными устами.

Онъ словно почувствовалъ эту улыбку и быстро обернулся на нее, усмѣхаясь самъ...

— А это, изволите видѣть, пояснялъ тѣмъ временемъ графъ,—Ольга Ѳедоровна, экономка, разобидѣла ихъ сіятельство. Они сегодня утромъ сами изволили набрать къ обѣду березовыхъ грибовъ и принесли ей,—за обѣдомъ же подали будто бы не березовики, а подосинники,—такъ вотъ...

— Ну да, ну да! запищалъ мгновенно Пужбольскій,—это она намѣренно, avec arrière pensée, это она со мной не въ первый разъ дѣлаетъ! C'est pour sauver sa fichue âme, что она подмѣниваетъ мнѣ грибы... Она, видите,—и онъ, пододвинувшись ближе къ Маринѣ, замахалъ руками по воздуху въ пылу объясненія,—она, видите, почитаетъ, что березовикъ душеспасительнѣе, чѣмъ осинникъ,—такъ она ихъ· сушитъ себѣ къ посту, а намъ...

Марина такъ расхохоталась, что выпустила руль изъ рукъ...

— Правѣ, барышня, правѣ держитесь, въ очеретъ вскочимъ! отчаянно заревѣлъ съ носа Тулумбасъ.

Она живо схватилась, налегла, и лодка, описывая широкую дугу, въѣхала въ самую средину теченія...

Смѣхъ смолкъ разомъ у всѣхъ троихъ... Будто въ какое-то очарованное царство попали они...

Все сіяло, пѣло, благоухало вокругъ... Густыми и стройными рядами, словно уставленное *шпалерами* войско, слѣва и справа подымались со дна рѣки тонкіе стебли высокаго тростника, тихо помахивая блѣдно-лиловыми, новорожденными перьями. Шильникъ и душистый аиръ несли вверхъ свои

острыя иглы и смѣлые, какъ лезвее шпаги, языки. Темными пятнами разстилались подъ ними безчисленныя семьи кудрявыхъ хвощей, и сочные кусты зори длинными мысками забирались въ воду,—далеко кругомъ несся въ воздухѣ ея проницающій запахъ... На свѣтлой рѣчной глади глянцовитыми блюдами лежали круглые листы купавокъ и бѣло-бархатныя маковки, задѣтыя весломъ Тулумбаса, исчезали въ струяхъ и выплывали вновь, на мигъ раскрывъ подъ ихъ тяжестью свою какъ золото ярко-желтую сердцевинку... Нескончаемыми извилинами бѣжалъ Алый-Рогъ; то близко сходились высокіе берега, и, спутывая свои вѣтви, низко опускали ихъ съ обѣихъ сторонъ надъ водою дряхлые дубы и изнеможенныя ольхи,—то расходились они въ широкій плесъ, съ полого-скатывавшимися до него холмами...И цѣлый міръ растеній и цвѣтовъ роился на тѣхъ холмахъ, надъ тою водною пустыней... Изъ молодой зелени трифолья и пырея выглядывали темно-алыя чашечки дикаго геранія, и милые колокольчики голубаго погремка, и бѣлая медуница, и лиловый змѣинецъ, и *сонъ и дрема*, красивый и яркій какъ пурпуръ... Благородные цвѣты пѣвника—первообразъ геральдической лиліи—раскидывали водометомъ свои синіе, желтые, перловые лепестки... Изъ камышей, встревоженные плескомъ веселъ, подымались стрекочущими стаями черные дрозды, краснобровыя и красноглазыя курочки; очеретянки, синія какъ яхонтъ, перелетали съ робкимъ свистомъ съ берега на берегъ; кофейно-сѣрыя горленки, съ чернымъ ожерельицемъ кругомъ нѣжной шеи, воркуя неслись парами въ прозрачномъ воздухѣ... И высоко, поверхъ этого пустыннаго, счастливаго міра, свѣтлое майское небо съ бѣгущими по немъ бѣлыми, дымчатыми облаками... Да, это, дѣйствительно, было очарованіе!...

Первый рѣшился заговорить Пужбольскій.

— Одного недостаетъ только — встрѣтить намъ вотъ за тѣмъ заворотомъ спящаго Лоэнгрина, влекомаго своимъ лебедемъ!... Вотъ за что можно любить кару-патрію! съ внезапнымъ взрывомъ восторга воскликнулъ онъ:—это за такіе невѣдомые уголки, гдѣ еще и человѣкомъ не пахнетъ! Вѣдь это настоящая рамка для легенды, для волшебной сказки!...

— А вотъ къ *церковищу* подъѣдемъ, сказала Марина,—тамъ говоритъ народъ...

— Ну, это я напередъ скажу вамъ, что, живо прервалъ онъ ее,—провалилась „скрозь“ землю церковь, а на томъ мѣстѣ вода выступила, и подъ водою колокола слышны... Въ Россіи повсемѣстно наткнетесь вы на этотъ сказъ... Нѣтъ, тутъ русалки должны быть непремѣнно!... Вѣдь есть здѣсь русалки, не правда-ли—есть? приставалъ къ дѣвушкѣ Пужбольскій.

— Спросите Тулумбаса! засмѣялась она въ отвѣтъ.

— Что же вы мнѣ про русалокъ разскажете, господинъ Тулумбасъ? тотчасъ же и обратился къ нему князь.

— А то-жь какія русалки *будутъ?* спросилъ тотъ, приподнимая весла и откидывая головой на затылокъ свою поярковую шляпу.

— *Майки, мавки!* пояснилъ ему графъ, припоминая мѣстное наименованіе....

— А то вы про *мабки!* И Тулубмасъ расхохотался во весь ротъ.—А брешутъ что-сь про нихъ бабы... Такъ буду я ихъ слухать! презрительно дернулъ онъ плечомъ.

— Тоже *прогрессистъ!* съ негодованіемъ проговорилъ князь, поворачивая ему спину.

— Пужбольскій,—тѣшась его разгнѣваннымъ видомъ, поддразнивалъ его графъ:—а вѣдь повѣрье про русалокъ, и самое даже слово...

— *Русло, русло,* вотъ прямой корень, c'est incontestable! не далъ ему кончить Пужбольскій, — но я знаю, что ты хочешь сказать, — c'est même assez ingénieux du reste de le faire dériver de là,—будто миѳъ о русалкахъ и самое имя—не что иное, какъ проникшее къ намъ изъ Италіи и искаженное преданіе о святой Розаліи, и главное доказательство лежитъ будто въ томъ, что у насъ „русальный день“ совпадаетъ съ днемъ, когда на Западѣ *чествуютъ* эту святую...

— Это та, перебила, въ свою очередь, Марина,—которая одѣвалась въ собственные свои волосы?

— Та самая.

— И которую какой-то левъ схоронилъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, вы смѣшали! Эта Розалія, la patronne de Palerme, une sainte immaculée... Но та, про которую вы говорите, знаменитая Марія Египетская, la magna peccatrix de l'épilogue de Faust!...

— И ты спуталъ, замѣтилъ ему графъ, — въ эпилогѣ *Фауста* ихъ двѣ: одна Maria Aegyptiaca, а другая—Magna peccatrix, великая грѣшница, подъ которою разумѣется Марія Магдалина... И какіе божественные стихи влагаетъ имъ въ уста Гёте!...

Глаза его мгновенно оживились, что-то умиленное и сладостное промелькнуло въ нихъ, показалось Маринѣ.

— А чѣмъ же знаменита эта Марія Египетская? робко, стыдясь, что она этого не знаетъ, спросила она.

Завалевскій взглянулъ на нее, тихо улыбнулся, опустилъ голову и заговорилъ съ какою-то необычною ему, безсознательною торжественностью:

— Славилась она красотою своею и нечестною жизнью по всему востоку; покланялись ей какъ царицѣ; ѣздила она по средиземнымъ волнамъ, какъ нѣкогда Клеопатра, въ золотой триремѣ, подъ пурпуровыми парусами; сводила съ ума и разоряла всю молодежь Сиріи и Египта... И вотъ однажды узнаетъ она, что въ Іерусалимѣ готовится неслыханное торжество, неслыханный праздникъ. Въ храмѣ надъ гробомъ Господнимъ воздвигается отысканный царемъ Константиномъ, царицей Еленой честный крестъ Христа Спасителя... Несмѣтными толпами, изо всѣхъ окружныхъ странъ, стремится народъ поклониться тому кресту... И она, красавица, и она за народомъ... И три раза пыталась она войти во храмъ, и три раза невидимая и непреоборимая сила отталкивала ее назадъ!... Съ той минуты никто уже не видалъ ее въ этомъ мірѣ; какъ была она, въ пышной и нескромной одеждѣ своей, такъ и ушла съ порога недоступнаго ей храма — въ пустыню, въ Ливійскую степь... Сорокъ лѣтъ прожила она тамъ одна. Житіе ея говоритъ, что подъ конецъ жизни она сдѣлалась вся прозрачная, насквозь тѣла ея было видно... Умирая, она начертала имя свое на пескѣ пустыни. По этой надписи узналъ ея бренные останки святой отшельникъ Зосима, про-

ходившій по степи со львомъ, который повсюду сопутствовалъ ему... Онъ совершилъ надъ нею отпѣваніе,—а левъ вырылъ когтями для нея могилу и зарылъ подъ пескомъ...

Жадно слушала Марина; какимъ-то благоговѣйнымъ трепетомъ отзывалось въ чуткой душѣ отъ этой суровой поэзіи первыхъ христіанскихъ вѣковъ...

Она отвернулась; она почувствовала, какъ подъ рѣсницами ея задрожали нежданныя слезы...

— Счастливыя, какъ онѣ вѣрили! словно вырвалось у нея съ самаго дна души.—А теперь—что̀ осталось? медленно, про себя, домолвила она...

Пріятели невольно переглянулись... Оба они повторили внутренно восклицаніе дѣвушки: „а теперь—,что осталось?“...

— Ишь закуковала! раздался въ эту минуту дурацкій смѣхъ Тулумбаса.

— Кукушка! какъ-то насильственно встрепенулась Марина... А погодите! Никакъ соловей заурчалъ... пробуетъ...

— Къ вечеру дѣло, во всю глотку зачнетъ заразъ! счелъ нужнымъ пояснить гребецъ, снова приподымая свои весла.

Пужбольскій со злостью взглянулъ на него: онъ возненавидѣлъ Тулумбаса за его презрѣніе къ *майкамъ*.

— А я вотъ совсѣмъ и забыла! воскликнула вдругъ Марина,—у насъ есть здѣсь своя, аларожская сказка!...

— Какая, какая? взвизгнулъ тотчасъ же Пужбольскій.

— Отчего кукушка такъ жалобно кукуетъ, не знаете?

— Не знаемъ.

— Такъ вотъ я вамъ разскажу. Отъ одной старушки здѣшней,—покойница она теперь,—слышала я эту сказку. Когда это было, покрыто мракомъ неизвѣстности,—начала Марина съ напускною насмѣшливостью, исчезавшею по̀ мѣрѣ того, какъ подвигался впередъ ея разсказъ,—а только знаю, что ранѣе было это даже тѣхъ гетмановъ, отъ которыхъ ведутъ родъ свой знаменитые Самойленки... И было тутъ, надъ самымъ Алымъ-Рогомъ, большое село, а въ томъ селѣ, какъ водится, и парней вдосталь, и дѣвчатъ не мало... И вотъ въ одинъ жаркій воскресный день собрались тѣ дѣвчата купаться. Пришли къ рѣкѣ, вотъ на тотъ, можетъ, самый бережокъ, гдѣ,

видите, желтаго пѣвника такъ много въ очеретѣ; пришли, скинули кофты да платки съ головы и сѣли на травку-муравку, ждутъ, пока остынутъ... Сѣли и—бесѣду мудрую промежъ себя повели. А бесѣда мудрая въ томъ состояла, что какая дѣвчина какого парня любитъ, да какой парень изъ себя пригожѣе, и тому подобная чепуха... Только сидитъ одна, молчитъ, ничего не говоритъ... А была это сиротинка одна, Фросей звали, ни отца, ни матери, бѣдная, только изъ себя—заглядѣнье дѣвушка!..

— Какъ ты! чуть не вырвалось у Пужбольскаго, пожиравшаго глазами разсказчицу.

— Видная, бѣлолицая, а глаза синіе, что̀ *соколій перелетъ*,—цвѣтокъ есть здѣсь такой, пояснила Марина.—Сидитъ, губъ не раскрываетъ... А тѣ къ ней пристали: а у тебя, Фросиня, чи есть, чи нѣту милъ-сердечный другъ, да кто онъ, да гдѣ, да смазливъ-ли; да богатъ-ли? — Гдѣ мнѣ-бѣдной, говоритъ она на это,—хорошаго да богатаго! мнѣ, говоритъ,—*ужъ—такъ и тотъ мужъ!...*

— Отъ-то глупая! отозвался на это съ носа увлеченный разсказомъ Тулумбасъ.

— Многоуважаемый гражданинъ, вскинулся на него немедля князь Пужбольскій,—вы бы больше занимались *внутреннею рефлексіею*, чѣмъ внѣшнимъ выраженіемъ вашего *міровоззрѣнія!*

— Не такая глупая, какъ вы думаете, Тулумбасъ, расхохотавшись утѣшала его Марина.—Не успѣла сказать это Фрося, какъ подруги ея, сколько ни было ихъ тутъ, вдругъ всѣ въ голосъ въ одинъ: ахъ, ужъ, ужъ! и давай Богъ ноги... Глядитъ она, озирается... А на ея платкѣ, что̀ положила она на траву, клубкомъ свернувшись, лежитъ большущій черный ужъ!.. Ахнула и она!.. А онъ съ платка о-земь хвостомъ ударился, перевернулся въ распрекраснаго молодца-красавца, стоитъ предъ ней; золота шапочка на кудряхъ волнистыхъ, полымемъ глаза горятъ, изъ устъ рѣчи медовыя льются...

— Въ тонѣ, молодая особа, хорошо, вѣрно! одобрялъ ее Завалевскій, покачивая своею кудрявою, сѣдою головой и

чувствуя опять внутри себя приливъ чего-то, давно имъ не испытаннаго, молодаго, счастливаго.

А лицо Марины подъ золотистою кожей разгоралось все замѣтнѣе: отъ свѣжаго воздуха, отъ движенія руки на рулѣ, отъ этого одобренія, быть можетъ.

— И льются медовыя рѣчи? подгонялъ тѣмъ временемъ разсказъ князь Пужбольскій.

— И говоритъ онъ ей: право-ли слово твое, что за ужа готова ты замужъ пойти? Она и сказать что не знаетъ, глядитъ только на него да думаетъ: отколѣ взялся красавецъ да умница такой? А онъ будто отгадавши: я не ужъ простой, говоритъ, а царь вольнаго воднаго царства, и царство мое тутъ близехонько, въ омутѣ глубокомъ, на пескѣ золотомъ. И увидалъ онъ по глазамъ у нея, что согласна она идти за него... Ухватилъ онъ ее сильною рукой, и погрузились они оба въ то его глубокое водное царство.

— Церковище! прервалъ ее снова глухой, сдержанный возгласъ Тулумбаса.

Изъ камышей лодка выѣзжала въ довольно пространный, округлый и со всѣхъ сторонъ обнесенный сосною и березою *виръ*. Видъ окрестности внезапно измѣнился. Какою-то зловѣщею, стальною синевою отливало теперь отъ водной глади подъ падавшею на нее сплошною тѣнью лѣса; лишь въ одномъ мѣстѣ, по самой серединѣ плеса, прорывалась сквозь чащу и бѣжала къ противоположному берегу, трепеща и горя въ струяхъ, длинная и узкая полоса солнечнаго свѣта. Вѣяло сумракомъ, тайною и тяжелымъ смолистымъ запахомъ.

Questo tristo ruscel..
Al piè delle maligne piagge... *)

проговорилъ Пужбольскій, вспоминая описаніе Стикса въ Дантовомъ *Адѣ* и натягивая свой писклявый дискантъ на діаконскій басъ.

Тулумбасъ глянулъ на него тупо встревоженными глазами и—неожиданно перекрестился...

---

*) Этотъ печальный ручей у ногъ лукавыхъ прибрежій. *Inferno*, canto VII.

— А знаете, сказала Марина,—здѣсь такъ глубоко, что до дна, сколько разъ ни мѣрили, не могли дойти,—и отъ самаго берега обрывомъ идетъ...

—. Это вѣрно, подтвердилъ графъ, — въ дѣтствѣ моемъ, помню, покойный дядя самъ...

— И въ жисть нельзя! прошепталъ гребецъ и налегъ на весла: ему, видимо, хотѣлось скорѣе выбраться изъ этого мѣста.

— Погодите, погодите, просвѣщенный гражданинъ! остановилъ его князь: спѣшить намъ некуда, и на холодкѣ даже очень пріятно здѣсь... А вы намъ скажите, почему нельзя здѣсь дна *измѣрять?*

Тулумбасъ только глазами на него повелъ...

— Зачуровано? спросилъ его усмѣхаясь Завалевскій.

Гребецъ, не отвѣчая и уткнувъ себѣ обѣ ручки веселъ въ животъ, дѣлалъ Маринѣ какіе-то странные знаки головою...

— Что? спросила она, наконецъ замѣтивъ.

— На той березѣ, бачите, барышня? пробормоталъ онъ.

Она взглянула по направленію его руки.

На низко опустившейся березовой вѣтви, у самой воды, висѣлъ свитый, на подобіе *связи* ржанаго снопа, пукъ еще свѣжей, длинной травы.

— *Завивъ!* Она улыбнулась. — Въ это у насъ во всей здѣшней сторонѣ вѣрятъ, объяснила она Пужбольскому,—кто на кого злость имѣетъ, или боленъ, завьетъ вотъ и повѣситъ. Лихорадка у кого-нибудь, кивнула она на березу,—кто сыметъ или притронется, тому и перейдетъ она, а больной выздоровѣетъ.

— Не на *лихоманку!* закачалъ головою Тулумбасъ, — у вира у самого!...

Въ голосѣ его дрожала нота суевѣрнаго страха, которая окончательно помирила съ нимъ Пужбольскаго.

— А не на *лихоманку*, такъ на что же ты думаешь, пріятель? чуть не нѣжно допрашивалъ онъ его теперь.

Но отвѣта онъ не дождался: Тулумбасъ молчалъ и упорно отворачивалъ отъ него свои большіе и красивые, какъ у вола, и какъ у вола глупые глаза.

А Марина между тѣмъ, выпустивъ руль и откинувъ голову за корму, молчаливо и сосредоточенно глядѣла въ воду, будто до этого недосягаемаго дна хотѣлось добѣжать ей лучомъ своего свѣтящагося взгляда...

— А понравилось Фросѣ въ водномъ царствѣ? спросилъ ее смѣясь Пужбольскій.

Она, не оборачиваясь и глядя въ воду попрежнему, заговорила опять:

— И не вѣрила своему счастію Фрося... Онъ такой добрый былъ, умный... не видала она такихъ людей... да и нѣтъ такихъ нигдѣ... нигдѣ... какъ этотъ... какъ тотъ царь вольнаго воднаго царства... И законовъ тамъ нѣтъ тѣхъ... что на землѣ! Вольно было ей любить его!... И только бы на него глядѣть ей да слушать его рѣчи... И не умирать никогда, а все бы глядѣть на него, да слушать!...

Она говорила какъ во снѣ, какимъ-то трепетнымъ, полнымъ непонятнаго волненія голосомъ. Пужбольскій даже испугался.

— Марина Осиповна! потянулся онъ къ ней съ своего мѣста.

— Она внезапно обернулась, слабо вскрикнула — и тутъ же разсмѣялась.

— Лента моя, лента!...

Прищурившись отъ легкой боли, — лента, вплетенная въ конецъ ея косы, зацѣпилась за желѣзный стержень, на которомъ сидѣлъ руль,—она дернула головою впередъ... и, мгновенно разсыпавшись, великолѣпные темно-русые волосы, словно тяжелая шелковая мантія, скатились по плечамъ ея до самыхъ колѣнъ...

— Dio santissimo! въ неудержимомъ восторгѣ вскрикнулъ Пужбольскій.

Сидѣвшій ближе къ ней графъ закинулъ руку достать ленту, но изъ этого ничего не вышло, и онъ, заглянувъ за корму, увидѣлъ алую ткань, однимъ концомъ своимъ печально плескавшуюся въ водѣ, а другимъ приставшую къ дегтю, которымъ осмолено было *суденушко*...

— Была—и нѣтъ ея! весело сказалъ онъ полусмущенной,

полусмѣющейся Маринѣ, — миръ ея праху! И да не будетъ ей преемницы in saecula saeculorum! всплеснулъ ладонями князь.—Оставайтесь отнынѣ навсегда святою Розаліей Алаго-Рога!

— Ну ужь святою не быть мнѣ никогда! отвѣчала она, подбирая обѣими руками волосы свои съ колѣнъ и закидывая ихъ за плечи красивымъ, безсознательно, но строго художественнымъ движеніемъ этихъ рукъ и головы, отъ чего окончательно закружилась голова у Пужбольскаго.—Развѣ въ русалки пойду.

— И полюбите водянаго? съ какою-то забавною, ревнивою тревогой въ голосѣ воскликнулъ онъ.

Не опуская еще рукъ отъ волосъ, быстро обернулась она на него—и такъ и освѣтила его горѣвшими какимъ-то страннымъ пламенемъ глазами.

— А не могу я полюбить—кого мнѣ хочется? пылко выговорила она:—запрещено развѣ мнѣ?

Растерянный Пужбольскій не нашелъ отвѣта... Языкъ у него не ворочался... Онъ только во всѣ глаза глядѣлъ на нее—и чувствовалъ, что кровь какъ молотомъ стучала ему въ виски.

Какъ въ тотъ первый день, когда неожиданно предстала предъ нимъ Марина, будто отъ чьего-то невидимаго прикосновенія, дрогнули артистическія струны въ душѣ Завалевскаго. Чѣмъ-то безмѣрно привлекающимъ показалась ему эта молодая, роскошная жизнь, требующая любви и счастія.

— Нѣтъ, молодая особа, отвѣчалъ онъ за Пужбольскаго,— нѣтъ; счастливъ будетъ тотъ, кого вы полюбите!

Руки ея упали на колѣни, и она мгновенно поблѣднѣла;— только глаза ея теперь засіяли какъ двѣ неотразимыя звѣзды, встрѣтившись съ глазами Завалевскаго.

— Счастливъ? Да? Онъ будетъ счастливъ, вы думаете?... Голосъ ея дрожалъ.

— Не сомнѣваюсь, улыбнулся онъ ей съ какою-то отеческою нѣжностью.

— Какія это все глупости! вдругъ, нежданно, покатилась она со-смѣху... Что-то невыразимо радостное слышалось въ

томъ смѣхѣ...—А все Александръ Иванычъ, все онъ!... Вѣдь выдумалъ, что я водянаго полюблю!... Ну, да, да, полюблю, замужъ за него пойду, — и какую свадьбу мы съ нимъ сыграемъ!... Всѣхъ окуней, лещей, налимовъ на балъ пригласимъ, на кухню стряпать раковъ посадимъ, *ляги* будутъ у насъ на скрыпкѣ играть.

— *Ляга*—лягушка? такъ и встрепенулся Пужбольскій.

— Ну да, продолжала она хохотать,—здѣсь другаго слова нѣтъ.

— Самый корень, прямо отъ санскрита, молвилъ онъ, преисполненный филологическаго удовольствія,—*лягать*, leg—нога по-англійски... А что же сказка, mademoiselle Marina,—что съ вашею Фросей сдѣлалось?

— А Фрося, заговорила все такъ же весело она, — жаль мнѣ вамъ въ этомъ признаться,—а большою дурой оказалась Фрося!... Семь лѣтъ жила она съ *нимъ* въ томъ омутѣ глубокомъ, въ палатахъ хрустальныхъ, и семь лѣтъ какъ одинъ день прошли, и конца бы не было счастію ея! Родились у нея за то время дѣвочка, да мальчикъ... Какъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, затосковала она, — по землѣ соскучилась, захотѣлось село свое родное повидать, подругъ тѣхъ своихъ тараторокъ!... Очень нужно! пожала плечами Марина...

— А онъ ее отпустилъ?

— А вы бы не отпустили? и Марина глянула на Пужбольскаго быстрымъ, лукавымъ, почти кокетливымъ взглядомъ,—бѣдному князю даже въ голову не приходило, что она способна такъ глядѣть:—вы бы отказали женщинѣ, которую вы любите, когда она тоскуетъ, и плачетъ, и умоляетъ васъ?

— Вамъ бы я ни въ чемъ отказать не могъ! едва слышно проговорилъ онъ.

Но Марина не разслышала, или не хотѣла слышать—и продолжала спѣша:

— Отпустилъ онъ ее и съ дѣтьми на три дня срокомъ, взявъ съ нея слово, что ни она, ни дѣти—ни словомъ, ни намекомъ не скажутъ, ни кто мужъ ея, ни какъ живетъ она... Обѣщала она, страшными клятвами обѣщалась... Мужъ провожалъ ее до гребли... Черезъ три дня, наставлялъ онъ ее,—

приходи на это же мѣсто и три раза „*куконъ*“ скажи: я за вами сейчасъ выплыву!...

— Ну, и не выдержалъ женскій язычекъ, выдала она тайну? съ ребяческимъ любопытствомъ допрашивалъ Пужбольскій.

— И совсѣмъ не она,—не правда ваша! передразнила его Марина.—Отъ нея самой ничего не узнали подруги... А за дѣтей ея принялись, просьбами да улащиваніями... Мальчикъ хоть и моложе былъ сестры, да поумнѣе, на всѣ эти спросы отвѣчалъ однимъ словомъ: не знаю!... А дѣвочка не выдержала—разсказала все... Только и нужно было того злымъ завистницамъ-тараторкамъ, — побѣжали онѣ къ мужьямъ, братьямъ, и передали имъ все...

— А тѣ, прервалъ, угадывая конецъ, Пужбольскій,—а тѣ сейчасъ на греблю, завѣтное слово сказали, ужъ изъ-подъ гребла вылѣзъ...

— И убили они его до смерти тѣ *злюки!* молвила печально дѣвушка.—Только предъ самымъ издыханіемъ успѣлъ онъ сказать Фросѣ: благодарю тебя, жена моя милая, что черезъ тебя и дочь нашу смерть я принимаю! Такъ лети же ты теперь за то кукушкой сѣрою, и завѣтное то слово мое „*куконъ*“ повторяй, тоскуя, онъ весны и до Петрова дня, а съ того дня пусть бьетъ тебя и гонитъ каждая большая и малая птица!... А ты, предательница—дочь моя, быть тебѣ *крапивницею*, и пусть та трава-огневица, гдѣ быть тебѣ всегдашнему житью, вѣчно жжетъ тебѣ очи, чтобы вѣчно плакала ты, вспоминаючи отцовскую смерть!... Сыну же моему вѣрному, что̀ приказа отцовскаго не позабылъ,—завѣщаю быть тою пташкой любезною, что̀ живетъ и поетъ въ садахъ и рощахъ тѣнистыхъ—счастливымъ людямъ на радость, печальнымъ въ утѣшеніе...

И не успѣла договорить Марина, какъ надъ рѣкою, въ порѣдѣвшемъ лѣсу, послышалось нѣжное, робкое пленьканье зачинающаго соловья... Какъ бы отвѣчая на вызовъ, на другомъ берегу въ очеретѣ зарокоталъ, ударилъ другой,—и за ними пѣвчею волной полились въ перекличку соловьиные роз-

сыпь и свистъ изо всѣхъ концовъ уходившей въ вечернюю синь окрестности.

— Воистину людямъ на радость, тихо повторилъ Завалевскій, задумчиво благодарными глазами глядя на Марину.

— Несчастнымъ въ утѣшеніе, еще тише вздохнулъ Пужбольскій, свѣсилъ руку за бортъ лодки и, плеща ею въ водѣ, забормоталъ:

Si je vous le disais pourtant que je vous aime,
Qui sait, brune aux yeux bleus, ce que vous en diriez!... *)

Слаще того звенѣвшаго рокота и трелей пѣло счастіе на сердцѣ у Марины. Безмолвная, съ недвижно лежавшею на кормѣ рукою, глядѣла она неотступнымъ и увлаженнымъ взоромъ въ медленно блѣднѣвшее небо. Сознаніе дѣйствительности исчезло въ ней. Сонъ-ли это, волшебная-ли блаженная жизнь, она не понимала... До боли сладостно лилась ей въ уши соловьиная пѣснь... и чувствовала она только, что плыветъ она куда-то по очарованнымъ волнамъ, и что „счастливъ будетъ тотъ, кого полюбитъ она“, и что *въ вольномъ водномъ царствѣ* любви и счастію нѣтъ конца!

И вдругъ вся застыла, вся оцѣпенѣла Марина... Раздирающій, нечеловѣческій крикъ словно остріемъ ножа пронизалъ воздухъ... Пужбольскій привскочилъ какъ ужаленный... Весло выскользнуло изъ задрожавшей руки Тулумбаса,—онъ полѣзъ всѣмъ плечомъ за бортъ ловить его... *Суденышко* страшно накренило... Графъ едва успѣлъ удержать равновѣсіе, перекинувшись на другую сторону и ухвативъ за обѣ руки растерянно закачавшуюся дѣвушку.

Изъ ближняго, тревожно зашелестѣвшаго камыша выскользнуло нѣчто нескладное, сѣроватое и длинноногое, и, вспахнувъ тяжело крылами, взмыло вверхъ, почти надъ самыми головами путниковъ...

— Ишь ты цапля проклятая, чтобъ тя розорвало! гнѣвно вскрикнулъ гребецъ, таща изъ воды пойманное весло...

И, какъ бы въ исполненіе его заклятья, надъ бѣднымъ пер-

*) Alfred de Musset. *A. Ninon.*

натымъ, виновникомъ этого переполоха, зачернѣли внезапно въ воздухѣ невѣдомо откуда взвившіяся и грозно опускавшіяся теперь крылья... Новый пронзительный крикъ огласилъ поднебесную высь,—и цапля съ ударившимъ въ нее грудью ястребомъ полетѣли внизъ, исчезая за лѣсными вершинами...

— Вы испугались? заговорилъ Завалевскій, заботливо заглядывая въ лицо Марины и не выпуская руки ея изъ своей.

— Какой вздоръ! засмѣялась она,—и стыдъ какой, *цапли* испугаться!... Но я задумалась... и меня всполошилъ этотъ нежданный крикъ...

Это была правда,—но отчего же и теперь, когда все объяснилось, когда ей *такъ хорошо* было чувствовать свою руку въ дружески пожимавшей ее рукѣ Завалевскаго,—что-то щемило въ ней и рѣзало ее по сердцу?.. Что значила эта неумолкающая тревога... и еще послѣ тѣхъ, только-что пережитыхъ ею, блаженныхъ мгновеній?..

— Можетъ назадъ прикажете? спрашивалъ тѣмъ временемъ князя Тулумбасъ: онъ глядѣлъ угрюмѣе прежняго и недозрительно оглядывалъ снова близко подступавшіе съ обѣихъ сторонъ къ лодкѣ густые ряды очерета, будто ожидая отъ нихъ новаго непріятнаго сюрприза...

— Мнѣ все равно, отвѣчалъ Пужбольскій, стараясь не глядѣть на Марину: онъ начиналъ ревновать ее къ Завалевскому.

— Слухайте! встрепенулся вдругъ Тулумбасъ, — никакъ насъ кличутъ!..

Дѣйствительно, съ праваго берега доносилось до нихъ отдаленное и протяжное *а-у*, но за высокимъ камышомъ никого видѣть было нельзя.

— Попробуй откликнуться, сказалъ князь.

— Ау! заревѣлъ въ свою очередь Тулумбасъ,—и безмолвный до этой минуты *Каро*, выскочивъ изъ-подъ скамьи, принялся вторить ему отчаяннымъ воемъ.

Испуганные соловьи смолкли въ лѣсу... Въ наставшей затѣмъ тишинѣ послышалось глухое шлепанье конскихъ копытъ по болотистой почвѣ берега,—и невидимый всадникъ крикнулъ издалека:

— Баринъ (въ Аломъ-Рогу иначе не называли Іосифа Козьмича) домой про-сятъ... Гости пріѣ-хали!..

— Какіе гости? взвизгнулъ Пужбольскій, весь съежившись отъ досады.

— Не мо-гу знать! отвѣчалъ надрываясь далекій голосъ,— не здѣш-ні-е!..

Пріятели переглянулись... Завалевскій безсознательнымъ движеніемъ насунулъ себѣ шляпу на самые глаза... У Марины внезапно похолодѣли руки...

— Пора впрочемъ,—поздно, промолвила она, насильно улыбаясь, и положила руль направо.

Тулумбасъ заработалъ веслами... Лодка быстро поплыла внизъ по теченію...

У всѣхъ у нихъ точно языкъ отнялся... Только Пужбольскій съ наморщеннымъ лбомъ и раздувавшимися ноздрями продолжалъ бормотать про себя—и такъ, что со стороны можно было подумать, что онъ бранится:

Si je vous le disais pourtant... que je vous aime...

Суденушко выѣзжало на открытое мѣсто...

— Влѣво, влѣво, ближе держите! крикнула вдругъ Марина гребцу,—тутъ къ берегу пристать можно...

И, прежде чѣмъ пріятели успѣли догадаться о ея намѣреніи, она неожиданнымъ прыжкомъ прыгнула съ мѣста на отлогій берегъ, мимо котораго скользила лодка, и, низко наклонясь всѣмъ тѣломъ, принялась чего-то искать въ росистой травѣ, слабо зеленѣвшей въ мерцаніи потухавшаго дня... Друзья оторопѣло слѣдили за ея движеніями...

— Вотъ и я! заговорила она, такъ же быстро возвращаясь и усаживаясь опять въ лодку.—Извольте каждый вдѣть себѣ въ петличку! И она подала имъ по цвѣточку своеобразной формы, со вздутыми какъ мѣшечки, красными по бокамъ и желтыми по серединѣ лепестками, похожему видомъ на какую-то лилипутскую обувь...—Хотѣла поднести вамъ *кукушкины слезы*, да не нашла, все равно, примите *кукушкинъ башмачокъ!..*

— Это, примолвилъ Пужбольскій, задрожавшею рукой принимая отъ нея цвѣтокъ и взглядываясь въ него,—это

cypripedium, *Кипридина ножка.* Les anciens, засмѣялся онъ,—étaient plus aimables que les modernes, даже для цвѣтовъ...

— А мнѣ свое больше нравится, живо возразила дѣвушка,—и дается это вамъ именно въ память *кукушки*... въ память сегодняшней прогулки!.. Можетъ-быть, никогда ужь болѣе не случится...

Голосъ ея вздрогнулъ помимо воли. Въ горлѣ сперлось... она почувствовала—скажи она еще слово, и она разрыдается какъ капризный ребенокъ...

Ни князь, ни Завалевскій не нашли слова въ отвѣтъ... Обоимъ имъ было необъяснимо тяжко...

И лодка съ замолкнувшими спутниками продолжала быстро спускаться по теченію... Все ближе и ближе надвигались кругомъ вечернія тѣни, пронзительнѣй жужжалъ въ камышахъ безконечный міръ насѣкомыхъ, и проницающимъ до одурѣнія запахомъ благоухали предъ ночью аиръ и болотная зоря...

Неожиданнымъ взрывомъ пламени сверкнуло вдругъ съ праваго берега, и горячимъ потокомъ отлило въ прозрачной рѣчной глади... Словно дрогнулъ очеретъ подъ волною внезапнаго свѣта... Надъ нимъ, будто дрожащія руки какихъ-то встревоженныхъ призраковъ, задвигались огромныя вѣтви ольхъ и дубовъ... Слышалось близкое трещаніе огня; изъ черныхъ клубовъ дыма сверкающими брызгами неслись тысячи искръ, потухая высоко надъ землей,—и шире, и ярче заливало окрестность пламенемъ и свѣтомъ...

— Ишь, костеръ якой дюжой наклали! выразилъ одобреніе свое Тулумбасъ, забывая всѣ свои страхи и весело забирая весломъ къ прачешному плоту, служившему пристанью.

— Доѣхали? проговорилъ графъ, какъ бы съ-просонья, и съ какимъ-то, невыразимо обрадовавшимъ Марину, оттѣнкомъ сожалѣнія въ голосѣ.

— Финалъ! буркнулъ Пужбольскій: онъ со злостью думалъ, что̀ *это* въ самомъ дѣлѣ, и *чортъ знаетъ для чего*, кончено, и что *вотъ теперь все вверхъ дномъ пойдетъ*...

Они еще пристать не успѣли, какъ конторскій прикащикъ, ожидавшій ихъ на плоту, по приказанію г. Самойленки,

доложилъ, что Іосифъ Козьмичъ просятъ всѣхъ въ липовую рощу, къ костру, гдѣ они „и съ гостями“ ожидаютъ ихъ...

— Кто же гости? нерѣшительно, какъ бы боясь ожидаемаго отвѣта, спросилъ графъ, выходя изъ лодки вслѣдъ за Мариною и Пужбольскимъ.

— Князь Солнцевъ и княгиня, изъ Санктъ-Петербурга, ваше сіятельство! объяснилъ съ торжественностью прикащикъ, достойный ученикъ величественнаго „потомка гетмановъ“.

Завалевскій поникъ головою и побрелъ впередъ, не говоря ни слова.

— Permettez moi de vous offrir mon bras, mademoiselle! провозгласилъ громко Пужбольскій, раздувая ноздри и предлагая Маринѣ подогнутую калачикомъ правую свою руку.

— Какъ же я это такъ, съ моими волосами?... возразила она, — но тутъ же съ негодованіемъ подумала: а какое мнѣ дѣло до этой *княгини изъ Петербурга*... — Все равно, пойдемте! рѣшила она.

Пужбольскій невольнымъ страстнымъ движеніемъ прижалъ къ боку руку Марины и повлекъ ее къ липовой рощѣ.

А у бѣдной дѣвушки билось сердце какъ у пойманной птички. — Что это со мною дѣлается? тоскливо допрашивала она себя... Она себя не узнавала...

X.

Подъ высокими, раскидистыми липами съ ихъ фантастически поблѣднѣвшею зеленью отъ свѣта ярко пылавшаго насупротивъ костра, за столомъ, уставленнымъ всякими тарелками, банками и бутылками,—сидѣли „гости“, князь и княгиня Солнцевы, и рядомъ съ ними Іосифъ Козьмичъ, надменный, любезный—и счастливый, какъ никогда еще въ жизни, быть можетъ, не бывалъ. Онъ уже цѣлый часъ провелъ въ обществѣ *настоящей, столичной княгини* и самодовольно сознавалъ, что не ударилъ предъ ней лицомъ въ грязь и даже успѣлъ внушить ей—или онъ очень ошибается,—высокое мнѣніе о себѣ, и что это несомнѣнно явствуетъ изъ той видимой *аттенціи*, какую она ему оказываетъ... Со свойственною ему проницательностію онъ съ перваго же раза смекнулъ, что эта тонкая, гибкая, тихо и сладко, *будто ручей, воркующая* женщина—*сила*, а что состоящій при ней красивый и самоувѣренный супругъ *изъ придворныхъ*—такъ себѣ, ничего, *въ родѣ подкладки жениной юбки*. Въ силу такого соображенія онъ исключительно на ней сосредоточилъ всю свою любезность; Солнцеву же давалъ только отвѣты, когда тотъ обращался къ нему съ какимъ-либо вопросомъ, отвѣчалъ милостиво, снисходительно и съ извѣстнымъ оттѣнкомъ насмѣшливости, вызываемой въ немъ этими вопросами Солнцева...

— Вотъ и наши! замѣтивъ первый подходившихъ, провозгласилъ онъ, не трогаясь впрочемъ съ мѣста и даже съ намѣренною небрежностью развалясь на своемъ стулѣ.

— Владиміръ! воскликнула княгиня, поспѣшно вставая, и

пошла съ обѣими протянутыми руками на встрѣчу графа, — не ожидалъ?...

— Нѣтъ, признаюсь,—по крайней мѣрѣ такъ скоро, отвѣтилъ Завалевскій.—Тѣмъ лучше! промолвилъ онъ учтиво, протягивая руку подбѣжавшему къ нему съ какою-то заискивающею улыбкою Солнцеву...—Въ чемъ вы сюда отъ станціи желѣзной дороги добрались?...

— А мы выслали туда напередъ изъ Москвы нашъ дормезъ... Nous tenions à vous faire une surpise, cher cousin...

Онъ не успѣлъ кончить, какъ Іосифъ Козьмичъ, тяжело привставъ, двинулся впередъ и прервалъ его своимъ басомъ:

— Позвольте, княгиня, представить вамъ дочь мою, Марину Осиповну!...

Княгиня успѣла уже все замѣтить, все сообразить: и рѣдкую красоту Марины, и возбужденный видъ Пужбольскаго, готоваго видимо раскипятиться самымъ откровеннымъ образомъ, еслибы дѣвушкѣ не оказано было должное вниманіе, и безпокойно заморгавшіе глаза Завалевскаго при этомъ представленіи ей Марины господиномъ Самойленкой...

Лицо ея приняло то *очаровательное* выраженіе милоты и искренности, которымъ владѣла она до степени высшаго совершенства... Она протянула обѣ руки, почти насильно схватила ими опущенныя, холодныя руки дѣвушки и, заглядывая ей подъ рѣсницы своими загадочными египетскими глазами:

— Полюбите насъ, проговорила она какимъ-то въ душу просящимся голосомъ,—я смѣю просить васъ объ этомъ, потому что *васъ* нельзя не полюбить съ перваго же раза!... И какъ бы въ объясненіе этой необычной нѣжности перваго привѣта:

— Безукоризненно, какъ древняя нимфа, хороша! слышнымъ шопотомъ, въ полоборота повернувъ голову къ пыхтѣвшему отъ самодовольства Іосифу Козьмичу, сообщила ему княгиня...

— Alexandre! воскликнула она тутъ же, какъ-бы только-что увидавъ Пужбольскаго...—Нѣтъ, нѣтъ, не подходите ко мнѣ, я васъ знать не хочу! Вообрази, обратилась она къ

графу,—онъ, по возвращеніи изъ Рима въ этомъ году цѣлую недѣлю прожилъ въ Петербургѣ, каждый день бывалъ у Anna Zawolski, съ которой мы живемъ на одной улицѣ... а мнѣ хоть-бы карточку забросилъ!...

— На что вамъ, политической женщинѣ, такой безполезный тунеядецъ, какъ я? отшучивался Пужбольскій.

— И вмѣсто извиненія, еще грубости говоритъ! продолжала жаловаться княгиня своимъ пѣвучимъ и ровнымъ голосомъ.

— C'est un vieux-catholique mon cousin, неожиданно прыснулъ со смѣха Солнцевъ,—il ne reconnait pas votre infaillibilité, princesse!... *)

— Солнцевъ, вѣдь это не твое! засмѣялся въ свою очередь Пужбольскій:—у кого ты это подслушалъ, говори, у кого?...

— А вѣдь хорошо! Согласись, что хорошо! продолжалъ Солнцевъ заливаться смѣхомъ.

Княгиня тихо повела взоромъ на мужа, потупилась и закусила нижнюю губу своими бѣлыми и ровными зубами...

— Маринушка,—къ самовару! хозяйничалъ тѣмъ временемъ Іосифъ Козьмичъ:—княгиня никакъ не согласилась кушать чай, прежде чѣмъ вы вернетесь...

Марина молча подошла къ чайному столу. Солнцева, Завалевскій и г. Самойленко послѣдовали за нею...

— Mon cher, d'où avez vous déterré cette splendide créature? **) воскликнулъ Солнцевъ, когда они съ Пужбольскимъ остались, по театральному выраженію, одни на авансценѣ.

Пужбольскій такъ и ощетинился.

— Ты слышалъ, кто она... И совѣтую — не продолжать: предварилъ онъ рѣзко взвизгнувшимъ голосомъ всякую попытку Солнцева продолжать разговоръ на эту тему.

— А ты что же... ревнуешь? оторопѣло ухмыльнулся тотъ.

Глаза Пужбольскаго сверкнули... Онъ поднялъ ихъ на Солнцева,—разглядѣлъ при яркомъ свѣтѣ костра его свѣжее,

---

*) Онъ старо-католикъ, не признаетъ вашей непогрѣшимости, княгиня.
**) Откуда вы выкопали это великолѣпное созданіе?

гладко выбритое лицо, круглую ямочку на подбородкѣ, откладные воротнички à la Gambetta, и гвардейскіе, кверху приподнятые усы,—и безцеремонно расхохотался ему въ носъ.

— Какъ къ тебѣ не ревновать,—ты такъ опасенъ! молвилъ онъ ему сквозь этотъ смѣхъ.—Пойдемъ чай пить!...

Они усѣлись, Солнцевъ рядомъ съ Іосифомъ Козьмичемъ, насупротивъ жены и графа,—Пужбольскій съ противоположной стороны, на углу стола, откуда ему удобно было видѣть Марину и слѣдить за каждымъ ея движеніемъ.

Она, къ великой досадѣ Іосифа Козьмича, какъ воды въ ротъ набрала: поблѣднѣвшія губы ея точно склеились, искристые глаза подернулись туманною пеленой; она какъ улитка будто вся ушла въ свою раковину. Она наливала чай, накладывала сахаръ, изготовляла *сандвичи*, какъ училъ ее дѣлать ихъ Пужбольскій, и передавала, кругомъ безъ словъ, безъ улыбки, безучастная, казалось, ко всѣмъ и ко всему... А межъ тѣмъ и она все видѣла, все замѣчала... Какъ острою булавкой кололо ее каждое слово, произносимое *этою Диной*, этою *безсовѣстною женщиной*, о которой говорилъ ей *Александръ Ивановичъ*,—ее раздражалъ каждый звукъ ея ласкающаго, сдержаннаго, *свѣтскаго* голоса. — Ты лжешь, я для тебя не „нимфа“, а *дикая*, и ты меня не любишь, а презираешь,—и никого ты не любишь, ты и *его* обманула, и до сихъ поръ обманываешь! взмывало у нея на сердцѣ горячими взрывами... И негодующія слова просились у нея на языкъ, и яркими пятнами выступала молодая кровь на матовомъ лицѣ,—и также мгновенно отливала она опять подъ наплывомъ инаго, мучительнаго и неотразимаго чувства... — Да, съ глубокою тоской говорила себѣ бѣдная Марина,—до этой Дины, что̀ сидѣла тутъ, рядомъ съ нею, невозмутимая и стройная, въ какомъ-то удивительномъ дорожномъ платьѣ gris poussière à deux tons, покроя и ткани никогда не виданныхъ Мариною, въ лондонскомъ фѣтрѣ, обвитомъ какъ облакомъ прозрачно серебристою вуалью на темныхъ волосахъ, — до этой изящной Дины ей было такъ же далеко, какъ темной букашкѣ до пестрокрылой бабочки!... Эта женщина, что̀ по лѣтамъ могла бы быть ей матерью,—въ ней была какая-то не-

уловимая и невыразимая словами прелесть, предъ которою, сознавала дѣвушка, блѣднѣли всякая молодость и всякая красота... И она чувствовала, она знала свою силу, эта женщина! Она улыбалась, роняла слова, медленно поводила полузажмуренными глазами, словно дарила, словно благодѣтельствовала имъ окружающихъ...

Ну, и пусть, пусть они всѣ отъ этого съ ума сходятъ! Развѣ не видитъ Марина? *Онъ*, онъ весь поглощенъ *ею*... онъ молчитъ и глядитъ на нее!... онъ прислушивается къ какому-то вздору, что̀ разсказываетъ ей Іосифъ Козьмичъ,—но вѣдь не его же онъ слушаетъ! Онъ ждетъ, когда заговоритъ *она*, ждетъ этого *лукаваго* и все такъ же, какъ прежде, должно быть, сладкаго ему голоса... Ну и пусть! Она неслыханно поступила съ нимъ, разбила всю его жизнь. Что̀ за дѣло! Ему, видно, такую и нужно! Другой онъ уже не любилъ... не полюбитъ никогда!... Да и кого же послѣ *этой* женщины можетъ полюбить онъ? И могъ-ли бы онъ полюбить не *такую* женщину? Развѣ оба они не родились въ той же *тлетворной* средѣ?... Развѣ пойметъ онъ... развѣ существуютъ для него женщины внѣ этого особаго, *презрѣннаго*... и недоступнаго для Марины міра?...

Что̀-то надрывающее, метущее и злое подымалось на душѣ дѣвушки, — что̀-то *личное*, захватывающее уже ее прямо за самыя сокровенныя струны... Такого чувства она еще въ жизни не испытывала: и больно ей было, нестерпимо больно... Въ головѣ ея путалось... „Цапля проклятая“! какимъ-то неотступнымъ и нестерпимымъ звукомъ билъ ей въ ухо голосъ Тулумбаса,—и помнила она только одно: что, вотъ, еще часа не прошло, счастливѣе ея не было, не было существа на землѣ... а теперь, теперь эта безстыдная женщина...

Она опустилась на стулъ — и исчезла за огромнымъ самоваромъ-приданымъ покойной г-жи Самойленковой, по случаю пріѣзда „санктъ-петербургскихъ гостей“ вытребованнымъ Іосифомъ Козьмичемъ изъ кладовой, и который теперь, въ видѣ нѣкоего монумента, подымался надъ чайнымъ столомъ, усердно отражая пламень костра всею доброкачественностью своей красной мѣди.

Не дождавшись отъ Марины ни единаго взгляда, Пужбольскій съ досады принялся за Солнцева:

— Что новаго въ Петербургѣ? спросилъ онъ его.

Тотъ, повидимому, только и ждалъ этого вопроса. Его нѣсколько телячьи черты приняли тотчасъ же выраженіе глубокомыслія, соединеннаго съ нѣкоторымъ ехидствомъ:

— Réaction—en plein! театрально протянулъ онъ первое слово, и выпустилъ второе, какъ изъ револьвера, сопровождая это, для большей значительности, рѣзкимъ и короткимъ движеніемъ руки горизонтально по воздуху,—жестомъ Шнейдеръ въ *Belle Hélène*.

— Вотъ какъ! И Пужбольскій, пропустивъ обѣ руки въ свою огненную бороду, уставился въ лицо Солнцеву лукаво подмигивавшими глазами.—Это очень интересно, что ты разсказываешь... Изъ чего же ты заключаешь?...

Говоря съ Солнцевымъ, Пужбольскій стыдился своей собственной привычки вѣчно примѣшивать къ русской рѣчи французскія фразы и рѣзалъ безъ примѣси по-русски, какъ ни тяжело это бывало ему иногда.

— Il y a d'abord, объяснялъ, хмуря брови, Солнцевъ,—que nous allons honteusement à la remorque de la Prusse *), и что намъ на дняхъ забрѣютъ всѣмъ лбы, pour faire plaisir à monsieur de Bismark...

— Ты давно забритъ, и даже генералъ, засмѣялся Пужбольскій,—ты долженъ быть радъ этой воинственности!

— Je n'en suis plus! возразилъ тотъ.—Indépendance complète, mon cher,—chargé de cour! **) объяснилъ онъ это свое независимое положеніе.

— Жаль, Солнцевъ, жаль,—я все разсчитывалъ, что, въ случаѣ войны, ты меня въ адъютанты возьмешь. Мы бы съ тобою непремѣнно Лейпцигъ покорили!...

— Mon cher, сказалъ Солнцевъ,—on n'a jamais voulu m'employr!... Не моя вина! и онъ презрительно повелъ глазами.

---

*) Мы идемъ на уздечкѣ Пруссіи.

**) Полная независимость,—я въ придворномъ званіи.

— А про гимназіи ты слышалъ? заговорилъ онъ опять, закладывая руки за жилетъ. Очень хорошо въ какой-то газетѣ про это было сказано: систематическая кретинизація несчастныхъ дѣтей... C'est bien ça. Une crétinisation systématique...

— Не твоихъ, во всякомъ случаѣ, смѣялся Пужбольскій,— у тебя ихъ нѣтъ! Или ты, можетъ быть, прячешь?...

— О, фыркнулъ Солнцевъ,—еслибъ у меня были свои дѣти, я бы конечно въ матушкѣ-Россіи ихъ не воспитывалъ!...

— Куда же бы ты ихъ дѣвалъ?

— Куда? и онъ съ сожалѣніемъ взглянулъ на своего собесѣдника.—En Angleterre, mon cher! Я бы сдѣлалъ comme Tata Kargopolski: она своихъ двухъ старшихъ, Sanny et Djinny, посылаетъ въ Оксфордъ...

— Въ Оксфордъ—чтобъ *избавлять* ихъ отъ ужасовъ латыни? воскликнулъ Пужбольскій, такъ и приплясывая отъ удовольствія, которое доставляла ему бесѣда съ просвѣщеннымъ кузеномъ.

— Oui, mon cher, oui,—pour en faire des hommes pratiques! торжественно возгласилъ Солнцевъ,—потому... ты только подумай,—что наша жизнь? Реализмъ!.. Вѣдь ты согласись: жизнь наша—реализмъ, tout ce qu'il y a de plus réalisme!.. И вдругъ нашихъ дѣтей, дѣтей *нашего* вѣка какимъ-то Виргиліямъ будутъ учить!.. Mais c'est donc d'une absurdité réactionnaire au dessous de toute critique!.. *) Вѣдь ты подумай,—мы, *мы*, развѣ этому насъ учили?.. И намъ уже не нужно было!.. Et songez donc que le siècle a encore marché depuis! **).

Пужбольскій какъ сидѣлъ, такъ и повалился въ спинку своего сидѣнья.

— Воинъ, педагогъ и либералъ,—Солнцевъ, будь у меня власть, я бы тебя сейчасъ поставилъ во главѣ русскаго просвѣщенія! крикнулъ онъ ему, чуть не задыхаясь отъ смѣха и посылая ему поцѣлуй рукою.

---

*) Вѣдь это ниже всякой критики, реакціонный абсурдъ.

**) И подумай, что съ тѣхъ поръ вѣкъ еще впередъ ушелъ.

— Eh bien, avec tout cela, mon cher, пресерьезно отвѣчалъ на это тотъ,—avec tout cela on n'a jamais voulu m'employer!.. Lorsque tant d'autres... промолвилъ онъ и, не докончивъ, еще разъ передернулъ плечами.

Ни единое слово этого разговора не ускользнуло отъ княгини Солнцевой. Ея словно отяжелѣвшія вѣки поднялись на графа съ выраженіемъ глубокаго страданія:

„Ты видишь,—суди же: легко-ли мнѣ?“ говорили эти глаза.

Но не понялъ, или не хотѣлъ понять Завалевскій: его глаза остались нѣмы и безучастны.

Дина тотчасъ же перевела свои на Марину.

— Какъ хороши ваши мѣста! заговорила она.—Я ѣхала и все восхищалась... Лѣсовъ такихъ прелестныхъ я не видывала никогда... И югомъ уже вѣетъ у васъ.

Марина не отвѣчала.

— Вы остались довольны вашею прогулкой? начала опять княгиня. Легкая улыбка, блуждавшая на ея губахъ, имѣла такое выраженіе, что она обратилась къ дѣвушкѣ съ первымъ попавшимся вопросомъ не съ цѣлью получить отвѣтъ, а лишь для того, чтобъ имѣть новый случай взглянуть на нее, полюбоваться ея красотой.

— Это *ихъ* надо спросить, кивнула Марина на графа и Пужбольскаго,—мнѣ не въ первый разъ!

Ей было невыносимо.

Іосифъ Козьмичъ покосился на нее—и даже покраснѣлъ слегка.

— Нашъ Алый-Рогъ по живописности пресловутому Пслу не уступитъ, крякнулъ онъ, улыбаясь княгинѣ.

— Пслу?... Пселъ?... повторила та, припоминая.—Ахъ, да, у Гоголя... въ Малороссіи, *Вечера на хуторѣ*... Владиміръ, помнишь,—чтенія наши, въ Москвѣ... тому сто лѣтъ!

Она замолкла вдругъ, словно подавленная нахлынувшими на нее воспоминаніями. Тѣнь ея опустившихся длинныхъ рѣсницъ обозначилась черточкой на ярко освѣщенномъ лицѣ... Но, какъ бы превозмогая невольное смущеніе, она приподняла ихъ и съ новою улыбкой взглянула на дѣвушку:

— Вы, я увѣрена, много читаете? сказала она.

— Почему вы увѣрены? рѣзко отвѣтила на это Марина. Она уже теряла власть надъ собою.

— Потому, объявила такъ же невозмутимо княгиня,—потому что вы здѣсь располагаете тѣмъ безцѣннымъ сокровищемъ, которое никакъ не дается намъ, горожанкамъ,—временемъ!

— Я не свѣтская и время мое отдаю болѣе *реальнымъ* занятіямъ! фыркнула на это Марина, употребляя нарочно выраженіе, отъ котораго, она знала, коробило и Пужбольскаго, и *его*, — и обводя кругомъ стола мгновенно сверкнувшимъ, вызывающимъ взглядомъ... Пропадай все! говорилъ этотъ лихорадочный взглядъ.

У Іосифа Козьмича побагровѣла лысина; круглые зрачки его вытаращились какъ у совы... Пужбольскій сжался весь, будто отъ мороза... Недоумѣвающими, тревожными глазами взглянулъ на дѣвушку графъ...

Солнцевъ всѣхъ выручилъ:

— Вы, я увѣренъ, читали, обратился онъ вдругъ къ Маринѣ,—очень интересный романъ есть по-русски, *Тайна вечерняя* называется...

— „Тайна вечерняя!“ тотчасъ же подхватилъ Пужбольскій, обрадовавшись случаю отвлечь вниманіе отъ Марины.— Что̀ это за романъ? Чей? Я понятія не имѣю...

— Attendez, attendez, я, кажется, ошибся... И Солнцевъ приложилъ себѣ палецъ ко лбу.—Не *Тайна вечерняя*, иначе какъ-то... Да, вспомнилъ: *Жертва вечерняя*—voilà le titre!...

— Заглавія не схожія, но все равно!... Кто же авторъ этой *Тайны вечерней?* съ хохотомъ допрашивалъ обожатель Марины.

— Авторъ?... Ah, voilà! Je ne suis pas fameux pour les noms, moi! Да ты долженъ знать, ты все знаешь? Un nom comme Barbarine, Варварыгинъ... quelque chose de barbare enfin, расхохотался Солнцевъ своему остроумію. — Pita Koubenski dit que c'est le Paul de Kock,—non, je me trompe,— le Paul Féval russe...

— Да въ чемъ содержаніе, *сюжетъ* романа?

— Mon cher, какъ же это тебѣ разсказать? Pita en faisait un soir la lecture chez Nany Бахтеяровъ, — il lit très-

bien, Pita, mais on riait trop. Il y avait là toutes les cocodetes, Titi et Zizi, Cocotte et Boulotte, Sandrinette Ivine, Meringuette Троекуровъ, Vava Vronski, Tata Pronski...

— Какъ интересно! своимъ тихимъ голосомъ и небрежно улыбаясь прервала его княгиня.

— Vous ne les aimez pas, princesse, mais c'est égal, elles sont bien amusantes, ces jeunesses là! *) возразилъ ей на это мужъ.—Elles rient du moins, et elles soupent, онѣ ужинаютъ, что я очень цѣню! промолвилъ Солнцевъ, устремивъ почему-то глаза на Іосифа Козьмича.

— Я... я полагалъ, что вы не привыкли такъ ра-ано ужинать, заикнулся даже господинъ Самойленко, принявшій слова Солнцева за упрекъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не для того говорю! замахалъ руками тотъ. Пужбольскій такъ и покатывался.

— Если вы не читали, я вамъ очень рекомендую этого писателя, il est très amusant, обратился снова Солнцевъ къ потупившейся и безмолвной Маринѣ, болѣе походившей теперь на мраморный обликъ, чѣмъ на живое существо;—у насъ вѣдь прескучно пишутъ вообще, по правдѣ сказать... все какія-то размышленія и описанія... Я не говорю—Тургеневъ, напримѣръ, mais en général!... Это хорошо, la nature, et les études de moeurs, но я, признаюсь, j'aime le... le piquant moi! А это именно—il a cela, Варварыгинъ... Варварыгинъ, c'est bien le nom!... Pita Koubenski, un ami à moi, всѣ его творенія читалъ, и очень хвалитъ. Boulotte Троекуровъ, она очень злая, надо вамъ сказать, она говоритъ, что... qu'il peint le salon au point de vue des filles de chambre qu'il a connues... Но за то il paraît qu'il connaît si bien le monde des turlurettes, qu'on jurerait qu'il a été garçon dans une table d'hôte à Paris **), слегка понизивъ голосъ и подмигивая Пужбольскому, расхохотался Солнцевъ.

---

*) Вы ихъ не любите, княгиня, все равно, онѣ очень забавны, эти молодыя особы.

**) Что онъ рисуетъ гостиную съ точки зрѣнія знакомыхъ ему горничныхъ, но за то, повидимому, такъ знаетъ міръ легкихъ женщинъ, словно служилъ гарсономъ въ парижскомъ табльдотѣ какомъ-нибудь...

— И ты за эти достоинства рекомендуешь читать его дѣвушкѣ! нежданно для цѣнителя „русскаго Поль-де-Кока", прошипѣлъ сквозь стиснутые зубы Пужбольскій, перекидываясь къ нему черезъ столъ и такъ и вонзаясь ему въ лицо разсвирѣпѣвшими глазами.

Солнцевъ въ первую минуту даже назадъ откинулся съ переполоха.

— Mais, mon Dieu, я не зналъ, я думалъ... растерянно бормоталъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы *думали?* съ неподражаемымъ оттѣнкомъ иронiи протянула княгиня, едва замѣтно поворачивая голову въ сторону мужа.—Eh bien vous n'êtes pas heureux pour vôtre début! еще тише примолвила она и поднялась съ мѣста.—Костеръ вашъ гаснетъ, и сыро становится, улыбнулась она Iосифу Козьмичу и, взглянувъ на Пужбольскаго:—vous me donnerez le bras, Alexandre...

— Домой пора, въ самомъ дѣлѣ! поспѣшно всталъ и Завалевскій.

Подавляющая, свинцовая тяжесть словно лежала у него на плечахъ все это время. Встать, перемѣнить мѣсто, пройтись—представлялось ему какимъ-то спасенiемъ. Къ чему *она* здѣсь? пронеслось въ его мысли. Чего ей еще нужно? И когда же наконецъ отрѣшится онъ отъ того страннаго чувства! Онъ не свободенъ, онъ до сихъ поръ точно подчиненъ ей, онъ это чувствуетъ, и сбросить не можетъ! Какая темная сила служитъ ей и даетъ ей это обаяніе?... А эта бѣдная *дѣвочка?* Что сдѣлалось съ нею вдругъ?

Недавнiе образы мелькали предъ нимъ: рѣчная гладь, поросшая водяными лiлiями, тѣнь камышей, и эта *дѣвочка* съ распущенными волосами... ему слышался ея молодой, проницающiй голосъ, въ перерывахъ соловьиной пѣсни... Что сдѣлалось съ нею? думалъ онъ опять. Онъ безпокойно искалъ ее глазами.

Но ея уже не было,—и Пужбольскiй, завоеванный княгинею Солнцевой въ ту самую минуту, когда онъ собирался подойти къ Маринѣ, одинъ успѣлъ замѣтить, къ великому своему горю, какъ, воспользовавшись общимъ движенiемъ,

вскинулась она съ мѣста и исчезла за липами, и на мгновеніе въ погасающемъ пламени костра блеснули подъ низкими вѣтвями золотыя тесьмы на ея долманѣ.

„Ее ужь не увидишь сегодня!“ говорилъ себѣ тоскливо князь, ведя подъ руку къ дому молчаливую Дину и прибирая въ головѣ всякія проклятья по ея адресу...

Нѣтъ, не увидишь!... Марина добѣжала до своей комнаты, кинулась къ окну, закрыла его на задвижки, спустила стору, заперла дверь на ключъ, и одна, въ темнотѣ, добравшись ощупью до кровати, опустилась на полъ, на подушку, на которой спалъ обыкновенно пріятель ея *Карэ*, и, схватившись обѣими руками за голову, разрыдалась жгучими, бѣшеными слезами...

Черезъ часъ времени послышались въ сосѣдней комнатѣ тяжелые и спѣшные шаги,—и въ дверь ея постучалась нетерпѣливая рука.

— Марина! раздался голосъ Іосифа Козьмича.

Она не отвѣчала.

— Марина, спишь ты, что-ли? крикнулъ онъ снова, стуча замкомъ.

— Чего вамъ?

— Да ты никакъ съ ума сошла, матушка?

— Сошла! отозвалась она злобно. — Оставьте меня въ покоѣ!

— Мнѣ переговорить съ тобой нужно. Отвори, коли не спишь...

— Не отворю. Оставьте меня, говорю вамъ! кричала уже она...

Онъ зналъ, что съ нею не совладать въ часы упрямства.

— Ты меня просто срамишь, Марина, заговорилъ онъ тише.—Княгиня такъ внимательна была къ тебѣ, а ты съ чего вдругъ вздумала „реальность“ свою ей выказывать?... Княгиня и сейчасъ про тебя спрашивала, началъ онъ снова, не дождавшись отвѣта.—И *всѣ* тамъ безъ тебя осовѣлые какіе-то сидятъ, примолвилъ онъ уже почти ласково,—ты бы къ ужину пришла?...

— Не пойду! отрѣзала Марина.

Іосифъ Козьмичъ посопѣлъ, посопѣлъ за дверями...

— Вѣдь это же капризъ одинъ твой, пробурчалъ онъ.

— Ну, и капризъ!... Скучно имъ, пусть скучаютъ, я имъ не забавница!...

— „Гордая!... Вся въ меня!“ утѣшалъ себя господинъ Самойленко и, громко вздохнувъ,—впрочемъ уже болѣе для очистки совѣсти,—отошелъ отъ двери.

Іосифъ Козьмичъ не лгалъ впрочемъ; вслѣдствіе-ли отсутствія Марины, или, просто, устали всѣ, но собравшееся въ библіотекѣ общество глядѣло дѣйствительно „осовѣлымъ“. Сконфуженный женою Солнцевъ молчалъ какъ рыба; Пужбольскій былъ золъ и мычалъ про себя какіе-то итальянскіе стихи; княгиня перекидывалась съ Завалевскимъ не интересными ни для одного изъ нихъ рѣчами о прусской политикѣ и о безпорядкахъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Въ десять часовъ, послѣ ужина, за которымъ почти никто ничего не ѣлъ, всѣ отправились по своимъ комнатамъ.

XI.

— Ахъ, якая-жь вы нехорошая сегодня, барышня! замѣтила прислуживавшая Маринѣ дѣвочка изъ крестьянокъ, вошедшая, по обыкновенію, будить ее въ семь часовъ утра и заставшая ее въ постели, съ закинутыми за голову руками, съ устремленными въ потолокъ мутными и покраснѣвшими отъ безсонной ночи глазами.

Почти безсознательно схватила Марина стоявшее на туалетномъ ея столикѣ, подлѣ кровати, небольшое складное зеркало изъ несесера, наслѣдованнаго ею отъ покойной г-жи Самойленковой, взглянулась, покраснѣла и тутъ же кинула обратно зеркало на столъ... Ей стало вдругъ ужасно стыдно предъ собою и за *мелкое чувство, толкнувшее ея руку* къ зеркалу, и за ту *дрянность женской натуры*, о которой свидѣтельствовали ей и эти темные круги подъ ея глазами, и желтизна кожи, и сухія, растрескавшіяся губы...

Она быстро вскочила съ постели и принялась за свой туалетъ.

„Какое мнѣ до всѣхъ ихъ дѣло!“ съ внезапнымъ взрывомъ пробужденной гордости и какъ бы скидывая добровольно наваленную на себя ношу, проговорила она почти громко. „Жила я безъ нихъ, безъ нихъ и жить буду!... *Она* не отыметъ у меня ни этого свѣтлаго солнышка... ни моей молодости“,—и Марина съ судорожною нетерпѣливостію вспрыскивала холодною водой свои опухшія вѣки, — „а *она старая*, да, *старая*, и Богъ знаетъ, что бы дала, чтобы молодой быть, какъ я... Ни тебя, милый, драгоцѣнный, брилліантовый!... И

Марина, въ туфляхъ на босыхъ ногахъ, въ юбкѣ и свѣжей сорочкѣ, спадывавшей къ локтямъ съ ея полныхъ смуглыхъ плечъ, схвативъ за переднія лапы ворвавшагося къ ней въ эту минуту *Каро*, принялась, къ немалой потѣхѣ своей юной прислужницы, кружиться съ нимъ по комнатѣ въ напускномъ припадкѣ отчаянной веселости.

Она одѣлась, надѣла свою большую соломенную шляпку и вышла изъ спальни.

Въ гостиной она наткнулась на Іосифа Козьмича, допивавшаго,—очевидно въ ожиданіи ея,—свой пятый стаканъ чаю.

— Ты куда? спросилъ онъ, пытливо вглядываясь ей въ лицо.

— Куда? повторила она:—*порхать!*

Ей самой показалось забавнымъ употребленное ею на смѣхъ выраженіе: она улыбнулась.

— Умнѣе будешь вчерашняго? молвилъ Іосифъ Козьмичъ, разжимая сдвинутыя брови;—придешь къ завтраку?

— Куда?

— Ну, извѣстно,—къ намъ!

Г. Самойленко кивнулъ по направленію главнаго зданія.

— Нѣтъ, не приду!

— Что же это значитъ? Вѣдь ты же все время ходила туда чай пить?

— То было время... а теперь другое!...

Голосъ ея дрогнулъ.

Іосифъ Козьмичъ снова поглядѣлъ ей въ лицо.

— Да ты говори путно, Марина: обидѣла тебя чѣмъ княгиня, что-ли?...

— Кто же меня можетъ обидѣть? вскрикнула Марина, сверкнувъ широко раскрывшимися зрачками.

— И я такъ думаю! одобрилъ ее „потомокъ гетмановъ“,—такъ, значитъ, съ твоей стороны это больше ничего какъ... капризъ, да!... и... и неучтивость!... Вѣдь княгиня можетъ подумать, что ты... *моя дочь*... не хочешь, такъ-сказать...

Страннымъ показалась Іосифу Козьмичу выраженіе глазъ Марины, когда онъ произнесъ эти слова: „моя дочь“... Онъ невольно смутился...

— Не теперь же объясняться съ нею на счетъ *этого!* подумалъ онъ.

— А я вамъ вотъ что скажу, поспѣшно промолвила она, какъ бы боясь, въ свою очередь, объясненія *на счетъ этого*,— княгиня ваша можетъ про меня думать все, что ей вздумается. Она меня также интересуетъ, какъ снѣгъ прошлогодній!...

— Ну, это напрасно! наставительно молвилъ г. Самойленко:—очень могла бы ты, напротивъ, позаимствоваться отъ нея... на счетъ манеръ...

Марина какъ-то особенно повела плечами:

— А мнѣ на что онѣ? Или вы изъ меня также думаете *титулованную* сдѣлать?

— А почему бы нѣтъ, почему нѣтъ, Марина? задвигался въ своемъ вольтерѣ Іосифъ Козьмичъ... Да что ты стоишь?... Присядь на минутку, успѣешь со своимъ *порханіемъ*, поговоримъ-ка толкомъ!

Онъ потянулся къ ней, словилъ ея руку и привлекъ къ креслу, насупротивъ себя... Марина опустилась въ него, недоумѣвая... Не подлилъ-ли онъ себѣ коньяку въ чай? подумала она. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она съ какимъ-то ужасомъ чувствовала, что кровь приливаетъ въ ея голову, и сердце забилось учащеннымъ біеніемъ...

Іосифъ Козьмичъ торопливо глотнулъ изъ своего стакана, кашлянулъ и, близко наклонясь къ дѣвушкѣ, заговорилъ съ какою-то торжественною таинственностью:

— Я такъ полагаю, Марина Осиповна, что быть вамъ такожде княгиней совершенно отъ васъ зависитъ.

Ея заалѣвшее лицо такъ же мгновенно поблѣднѣло.

— Перестаньте глупости говорить! воскликнула она, порываясь съ мѣста.

Г. Самойленко удержалъ ее за обѣ руки.

— А ты перестань недотрогу-царевну предо мной разыгрывать! Сама лучше меня знаешь...

— Что я знаю! крикнула Марина.

— А то, что онъ въ тебя посюда врѣзался! Іосифъ Козьмичъ показалъ на свое горло.

— Кто *онъ?*

— Коли быть тебѣ княгиней,—значитъ, *князю* должно быть! И широкая грудь г. Самойленки заколыхалась отъ самодовольнаго смѣха...

— Это что же вы — на счетъ Александра Ивановича *прогуливаетесь?* коротко поставила вопросъ дѣвушка.

— Ну, какъ ты тамъ ни зови его, все равно... А только что меня, стараго воробья, не проведешь,—къ тому идетъ...

— Александръ Иванычъ на такую *гадость* неспособенъ! негодующимъ тономъ проговорила Марина.

Іосифъ Козьмичъ такъ и привскочилъ на своемъ мѣстѣ:

— *Гадость*! Жениться на тебѣ—гадость?... Да ты, что же, и дѣйствительно съ реальностью своею съ ума спятила? Вѣдь это выходитъ такъ, что если человѣкъ руку-сердце предлагаетъ, такъ по-вашему значитъ,—онъ оскорбляетъ васъ?.. Смилуйтесь, Марина Осиповна, научите меня, стараго дурака, какъ это мнѣ понимать ваши *современныя воззрѣнія*?...

Она высокомѣрно улыбнулась:

— Очень просто: во-первыхъ, онъ знаетъ, что я не люблю его, а во-вторыхъ, я ему не ровня.

— Такъ-съ! проговорилъ г. Самойленко и съ торжествующею улыбкой повелъ на нее взглядомъ.—Во-первыхъ, любите вы его или не любите, того, я полагаю, вы и сами не знаете; человѣкъ онъ не старый, лѣтъ сорока не болѣе, ученый и опричь того развѣ, что голосомъ визжитъ маленько, да борода красная,—такъ вотъ, онъ же сказывалъ, въ Азіи даже нарочно въ этотъ цвѣтъ красятъ,—опричь сего, и наружностью, можно сказать, представителенъ... Значитъ, любить его можно... Во-вторыхъ, кто кому не ровня—выходитъ еще вопросъ...

Марина вопросительно взглянула на него:

— Это еще какъ?...

— А такъ это, какъ мнѣ хорошо извѣстно, князь этотъ разоренъ въ конецъ... А, *при условіяхъ нашего вѣка*, съ тѣмъ приданымъ, какимъ я намѣренъ наградить тебя...

— Никакого вашего приданаго мнѣ не нужно, пылко перебила его дѣвушка,—и вы никогда не поймете...

— Чего я не пойму? обидѣлся г. Самойленко.

— Долго разсказывать... Только объ одномъ прошу васъ:

не обижать Александра Иваныча!... ему въ голову не можетъ прійти такой вздоръ, потому что это бы значило...

— Ничего бы не значило, прервалъ ее Іосифъ Козьмичъ,— окромѣ того, что влюбленъ онъ по уши...

— Во что̀ ему влюбиться? даже топнула ногою она.

— Такъ вѣдь ты же красива на рѣдкость, Марина, объяснилъ онъ, любовно оглядывая ее,—что̀ мудренаго, что человѣкъ врѣжется...

— Въ *физическую красоту!* воскликнула она, и молодое лицо загорѣлось стыдливостью и гнѣвомъ по самые глаза.— Если бы такъ было, я бы его глубоко презирала! рѣшила дѣвушка... А затѣмъ прощайте!

Она вскочила съ кресла и выпорхнула изъ комнаты.

— Въ меня, вся въ меня нравомъ! сказалъ себѣ еще разъ господинъ Самойленко, проводивъ Марину долгимъ взглядомъ... А выраженіе у нея, глаза вылитые Машины глаза, только у той кротче у бѣдной были... Онъ вздохнулъ и, задумавшись, принялся машинально постукивать ложечкой по своему опорожненному стакану...

— А что она теперь кобенится, сказалъ себѣ послѣ нѣкотораго времени Іосифъ Козьмичъ,—такъ это пустяки! Обойдется!... Главное съ ней—поделикатнѣе... А тотъ...—онъ засмѣялся,—тотъ съ крючка не сорвется... клюнулъ, повидимому, солидно!...

„Потомокъ гетмановъ“ широко еще разъ улыбнулся, всталъ, самодовольно крякнулъ, вздѣлъ свою отставную гусарскую фуражку,—онъ не зналъ другаго головнаго убора, и, вооружившись длиннымъ манежнымъ бичомъ, отправился на конный дворъ, на проводку *своихъ арабчиковъ*.

XII.

Марина почти бѣгомъ пробѣжала садъ, — ее ужасно въ эту минуту пугала мысль, что она можетъ встрѣтиться съ Пужбольскимъ,—и вышла въ поле.

Длиннымъ лоскутомъ тянулся межъ садомъ и ближнею рощей свѣже-вспаханный подъ коноплю *клинъ*. Взворочен-ные пласты чернозема маслянистыми пятнами отливали на солнцѣ, и лакомые до червей грачи весело попрыгивали по комьямъ и стокамъ взрѣзанныхъ полосъ. Вдали на синемъ фонѣ неба отчетливо рисовался очеркъ понурой крестьянской лошадки, съ плетущеюся за нею бороной и мальчикомъ безъ шапки, со звонкимъ крикомъ взмахивающимъ длинными воз-жами... Что-то похожее на зависть промелькнуло въ душѣ Марины:

„Идетъ себѣ, не думаетъ ни о чемъ, лишь бы отборонить ему поскорѣй свою полоску, да бѣжать затѣмъ съ робятками въ бабки играть! Счастливецъ!“...

Но вотъ дубовый лѣсокъ съ давно знакомыми ей утоптан-ными тропинками, съ его молодою, узорчатою тѣнью... Нѣтъ, дальше, въ *настоящій* лѣсъ, въ боръ темный, гдѣ-бъ сплош-нѣе и мрачнѣй падали длинныя древесныя тѣни, гдѣ-бъ *чело-вѣкомъ не пахло*, какъ говорилъ вчера *Александръ Ива-нычъ*... а „пахло бы смолой и земляникой“, съ печальною улыбкой договаривала себѣ Марина, вспоминая стихотвореніе, которое *онъ*, онъ читалъ ей на-дняхъ своимъ *чуднымъ*, *захва-тывающимъ* голосомъ...

И шла она спѣшно, не оглядывалась, выбирая тропинки

поуже, продираясь сквозь дромъ и валежникъ, не зная, куда идетъ она,—и повинуясь лишь безотчетной жаждѣ уйти куда-нибудь подальше, *подальше отъ людей*...

Но и итти ужь словно некуда... Зашла она къ оврагу, въ глушь поросшую цѣпкою жимолостью, можжухой, да папоротникомъ, высокимъ и густымъ. Продора нѣтъ сквозь эти злые сучья, иглы и листву, — а гдѣ-то тамъ, на днѣ обрыва, шумитъ вода какимъ-то недобрымъ плескомъ...

Остановилась, оглянулась Марина... Никогда еще не бывала она здѣсь,—да и едва-ли заходила когда-либо сюда нога человѣческая.

— Не найти меня! проговорила она громко со страннымъ чувствомъ какой-то ѣдкой сладости... „Пустыня, Ливійская степь“, проносилось у нея въ головѣ...

Она опустилась наземь, въ мягкую мураву, у коряваго корня старой сосны, оперлась спиной о широкій стволъ и, полузакрывъ глаза, задумалась, глубоко задумалась.

Два минувшіе дня стояли предъ ея мысленными очами... Они исчезли, они не вернутся, эти дни,—она говорила себѣ это теперь безъ слезъ, безъ злобы, безъ вчерашняго *безумія*,— она это еще болѣе чувствовала, чѣмъ доказывала себѣ разсудкомъ, чувствовала внутреннимъ, неотразимымъ чутьемъ... „Какое дѣло ей до нихъ всѣхъ: жила она безъ нихъ, безъ нихъ и проживетъ!“ утѣшала она себя только-что. Нѣтъ, это не такъ, это неправда! Что-то порвалось, что-то надломилось въ ней... Уѣзжай сейчасъ *эта женщина*,—все равно, ей уже не связать порвавшейся нити! Она уже не найдетъ въ себѣ того, что вчера въ лодкѣ... она неспособна болѣе на то ребяческое, *глупое* самообольщеніе... Ей теперь совершенно ясно, ей очевидно, какая непроходимая пропасть отдѣляетъ ее отъ *него*... И она уже не призираетъ *то*, что вѣчно должно стоять стѣною между ними, — она признаетъ *это*... и безнадежно клонитъ голову, какъ спаленный солнцемъ цвѣтокъ...

Она припоминала свое прошлое дѣтство... И къ странному, къ печальному заключенію приводили ее эти воспоминанія отъ первыхъ дней и до сихъ поръ, до этой встрѣчи ея съ *нимъ*, она еще никого, *никого* не любила! Воспитывала ее сначала

мать, покойница Марѳа Ѳадѣевна Самойленкова, рожденная Богучарова... Мы обязаны познакомить съ нею читателя.

Сирота съ порядочнымъ состояніемъ, Марѳа Ѳадѣевна до двадцать девятой весны своей росла въ домѣ двоюроднаго дяди, князя Серебрянаго-Телепнева, отставнаго генерала Александровскихъ временъ, ушедшаго когда-то отъ преслѣдованій Аракчеева въ глушь родовыхъ своихъ сѣверскихъ лѣсовъ, и который, облѣнившись затѣмъ на широкомъ привольи барской жизни, предпочелъ остаться въ деревнѣ и въ ту пору, когда съ новымъ царствованіемъ палъ временщикъ, его гонитель,—а съ нимъ прекратилась и его немилость. Къ этому дядѣ, недалекому человѣку и отчаянному борзятнику, но который сіялъ въ ея глазахъ ослѣпительной звѣздой въ своемъ тройномъ качествѣ: представителя одного изъ древнѣйшихъ родовъ Россіи, опальника и героя двѣнадцатаго года, — къ семьѣ его экзальтированная и сантиментальная дѣвица Богучарова питала идолопоклонническое обожаніе. Она почитала это призрѣвшее ее семейство своими благодѣтелями и покровителями,—хотя, въ сущности, выходило, что благодѣтельствовала едва-ли не *она*, такъ какъ всѣ доходы съ ея имѣнія, состоявшаго въ управленіи князя-дяди, поступали безотчетно въ его карманъ, а преданной Марѳѣ выдавалось за сіе по два платья въ годъ,—шерстяному къ Рождеству и кисейному къ Пасхѣ, — что̀ принималось ею каждый разъ все съ тѣмъ же взвизгиваніемъ неожиданной радости и съ тѣми же ручьями благодарныхъ слезъ... Кузины ея, княжны, повыходившія гораздо ранѣе ея замужъ за богатыхъ окрестныхъ помѣщиковъ, нещадно потѣшались ей въ глаза надъ ея сантиментальностью, преданностью и страстью къ брату ихъ Анатолю, котораго она боготворила съ ранняго дѣтства. Этотъ Анатоль, единственный сынъ, гордость и вѣчная рана своего родителя, переплачившаго за него кучи денегъ, служилъ въ лейбъ-гусарахъ и жегъ, какъ говорятъ французы, свѣчу съ обоихъ концовъ... Въ этой всю ее поглощавшей, мучительной и безнадежной любви къ безпутному кузену прошла вся молодость Марѳы Ѳадѣевны. Господинъ Самойленко, по выходѣ изъ полка, въ коемъ онъ служилъ казначеемъ, поселившійся въ сосѣднемъ

съ ея имѣніемъ довольно большомъ, но разоренномъ селѣ, доставшемся ему отъ отца, тотчасъ же уразумѣлъ съ врожденною въ немъ практичностью, какая во всѣхъ отношеніяхъ подходящая *партія* представлялась ему въ лицѣ дѣвицы Богучаровой, и, не теряя золотаго времени,—ей въ ту пору уже минуло 24 года,—приступилъ къ осадѣ ея сердца... Но это сердце, въ которомъ царственно владычествовалъ безподобный Анатоль, этотъ блистательный петербургскій Vorländer, „водившій", какъ выражался съ горделивою улыбкой старый князь, „балы въ *Аничковскомъ*",—могло-ли это сердце откликнуться на притязаніе слонообразнаго даже и въ молодости, лысоватого и сиповатаго армейскаго штабъ-ротмистра въ отставкѣ, котораго съ первой же минуты его появленія въ домѣ ихъ отца окрестили *мовешкою* все тѣ же княжны-провинціалки?... Пять лѣтъ добивался Іосифъ Козьмичъ—и добился руки Марѳы Ѳадѣевны лишь тогда, когда со смертью стараго князя настало для нея настоящее сиротство, а самъ Анатоль, прискакавшій на похороны отца, сжалившись надъ ея положеніемъ, потребовалъ отъ нея, *какъ жертвы*, какъ доказательства чувства къ нему, Анатолю, чтобъ она теперь *пристроилась наконецъ какъ всѣ люди*... Съ какими внутренними терзаніями, съ какою улыбкой покорности и смиренія на мертвенно блѣдномъ лицѣ обѣщала ему принести эту жертву злосчастная Марѳа!...

Когда Марина стала помнить ее, это была высокая и худая женщина, съ остатками какой-то давнишней чахоточной красоты, съ вѣчно опухшими глазами и вѣчно подвязанною щекой. Вѣчно страдала чѣмъ-нибудь Марѳа Ѳадѣевна, вѣчно о чемъ-то вздыхала. Несчастною ее, въ строгомъ смыслѣ слова, никакъ нельзя было назвать: Іосифъ Козьмичъ не стѣснялъ ее ни въ чемъ, терпѣливо переносилъ ея всякія болѣсти и маленькіе капризы, относился къ ней заботливо и нѣжно, съ нѣкоторымъ даже оттѣнкомъ почтительности. Она, въ свою очередь, благоволила къ нему, бесѣдовала съ нимъ со стереотипно-доброю улыбкой на изсохшихъ губахъ, и не отзывалась о немъ иначе какъ при помощи эпитета „бѣдный": господинъ Самойленко внушалъ почему-то своей супругѣ какую-

то наивно-высокомѣрную жалостливость къ себѣ, или вѣрнѣе, къ тому, что она называла его „примитивностью“. Узнаетъ, напримѣръ, Марѳа Ѳадѣевна, что примитивный супругъ отдулъ кого-нибудь по скуламъ: „бѣдный!“ промолвитъ она, приподыметъ плечи и прослезится; прибѣжитъ маленькая Марина изъ дѣвичьей и, заикаясь отъ торопливости и смѣха, разскажетъ ей, что „такой смѣшной папаша — все Анютку цѣлуетъ:“ Марѳа Ѳадѣевна слабо улыбнется, поведетъ по потолку своимъ кроличьимъ взоромъ и прошепчетъ: „бѣдный!“ Отношенія ея къ Маринѣ отличались не менѣе страннымъ свойствомъ: она любила дѣвочку какими-то внезапными, истерическими взрывами; схватитъ вдругъ ее, поставитъ предъ собою и, глядя всѣми глазами въ ея свѣтлые глазенки и собираясь прыгнуть въ нихъ, начнетъ взвизгивающимъ, захлебывающимся голосомъ: „ты моя, моя, дочь моего сердца, моя избранница, не такъ-ли? Ты мнѣ скажи: я твоя мать, мать, да?... Моя душка, моя Маря, Маруся, Мариниссима!“ и зацѣлуетъ ее до слезъ, до боли. А въ иное время ворвется въ комнату живая дѣвочка, Марѳа Ѳадѣевна пискнетъ, откинется одною щекой въ подушку дивана, а другую щеку рукой прикроетъ и махать примется: „ступай, ступай, дитя, ты только тоску мою раздражаешь... тебѣ не понять ея... ступай къ сестрамъ твоимъ — бабочкамъ!“ и не видитъ ея по цѣлымъ днямъ... Столь же урывочно занималась она образованіемъ „избранницы своего сердца“; но избранница была понятлива, и ученіе шло успѣшно, а именно: дѣвочка весьма скоро выучилась бойко изъясняться на томъ своеобразномъ нарѣчіи, что въ русской провинціи слыветъ за французскій языкъ и на которомъ привыкла сама Марѳа Ѳадѣевна изъясняться смолоду въ домѣ *князя-дяди*. Едва это было достигнуто, воспитательница заставила избранницу прочесть себѣ вслухъ любимѣйшія свои мѣста изъ *Индіаны* Ж. Санда, „моей настольной книги,“ выражалась госпожа Самойленкова. Изъ этихъ чтеній дѣвочка главнѣйшимъ образомъ узнала то, что ея *мамаша* и кузенъ ея, Анатоль, *когда они были еще очень молоденькіе*, тоже собирались уѣхать въ Америку и тамъ кинуться вмѣстѣ въ пропасть... Не менѣе своевременно началось для Марины зна-

комство и съ русскою литературой: двѣнадцати лѣтъ отъ роду она прочла съ *мамашей Подводный камень*, господина Авдѣева. *Подводный камень*, г. Авдѣева, и *Наканунѣ*, г. Тургенева, Марѳа Ѳадѣевна почитала величайшими произведеніями, вышедшими когда-либо изъ-подъ русскаго пера, — первое потому, что тамъ „такъ деликатно описываются страсть и долгъ въ женскомъ сердцѣ“; второе по той причинѣ, что „эта Елена, она такъ умѣла собой пожертвовать!“ — причемъ интересный эпизодъ избіенія Инсаровымъ нѣмца у Царицынскаго пруда заставляютъ каждый разъ биться до обморока сердце чувствительной дамы, напоминая ей совершенно сходный съ этимъ случай избіенія нѣмца же безподобнымъ княземъ Анатолемъ въ *Красномъ Кабачкѣ*, „увеселительномъ мѣстѣ близъ Санктъ-Петербурга“, объясняла она. За эту штуку безподобный Анатоль чуть не попалъ въ солдаты, но гроза какъ-то прошла мимо, и по этому поводу не разъ пришлось маленькой Маринѣ выслушивать нѣсколько фантастическій разсказъ, прерываемый вздохами и слезами, о томъ, какъ „готовы были уже солдатская фуражка и шинель, и *палачъ готовился сломать шпагу надъ этимъ благороднымъ челомъ*... Но въ то самое время, въ тотъ самый часъ, всѣ петербургскія фрейлины, собравшись во дворецъ, кинулись къ ногамъ Государя— а въ этотъ день, къ счастію, были Его именины,—и всѣ онѣ принялись плакать и молить, чтобъ Онъ въ этотъ радостный для Россіи день сдѣлалъ имъ одинъ подарокъ. — Не плачьте, фрейлины, сказалъ на это Государь,—встаньте и скажите: какой вы отъ меня подарокъ желаете получить?—Отдайте намъ, Ваше Величество, нашего перваго кавалера, князя Анатолія Сергѣевича Серебрянаго-Телепнева! въ одинъ голосъ закричали фрейлины... И Онъ усмѣхнулся и простилъ!!“ заканчивала замирающимъ голосомъ Марѳа Ѳадѣевна, всхлипывая и быстро крестясь подъ толстыми складками шали, въ которую неизмѣнно куталось ея зябкое и дряблое тѣло...

Іосифъ Козьмичъ въ воспитаніе Марины не вмѣшивался, но способствовалъ ему всѣми зависѣвшими отъ него средствами: наряжалъ давать ей уроки учителей алорожскихъ школъ, причемъ строго наказывалъ имъ являться „въ *своемъ*

видъ, отложивъ хоть на это время *свойственное имъ безобразіе*",—выписалъ ей нѣмку-наставницу. Нѣмка-наставница оказалась молодою дѣвицей, съ необычайно алыми щеками и округлостью корсажа, доведенною до размѣровъ почти миѳологическихъ. Въ тайны нѣмецкой рѣчи она свою воспитанницу посвятить успѣла не вполнѣ, такъ какъ большую часть дня проводила на огородѣ, поѣдая свѣжіе стручки гороха, съ тою неуступчивою выдержкой и систематическою жадностью, которыми отличается великая германская раса, а въ интервалахъ обмѣниваясь хихиканьемъ и нѣжными взглядами съ соотечественникомъ своимъ, молодымъ винокуромъ, окна котораго, по счастливому стеченію обстоятельствъ, выходили прямо на огородъ. Достойный господинъ Самойленко, въ свою очередь, пристрастившійся за то время къ гороху, тутъ же разсчиталъ предпріимчиваго винокура, — а чувствительная Марѳа Ѳадѣевна, „pour achever l'éducation de sa fille", отдала Марину въ пансіонъ въ губернскій городъ, оставивъ наставницу ея при себѣ, въ качествѣ компаніонки...

Пансіонъ, въ который поступила Марина, основанъ былъ „съ спеціальною цѣлью образованія русскихъ женщинъ соотвѣтственно новѣйшимъ требованіямъ педагогической науки и общества",—такъ, во всякомъ случаѣ, значилось въ программѣ, отпечатанной на веленевыхъ листкахъ и въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ разосланной предъ открытіемъ заведенія на тысячу верстъ кругомъ. Содержательница его, нѣкая княгиня Коровай-Архалукова, рожденная Бубликова, — какъ вскорѣ стало это извѣстно во всей окружной странѣ,—разошлась съ своимъ супругомъ, почтеннымъ, но *отсталымъ* армейскимъ полковникомъ, единственно въ виду того, чтобы „посвятить себя всецѣло дѣлу общественной пользы", — что, разумѣется, не мало способствовало на первыхъ порахъ успѣху ея пансіона. Служеніе княгинею „новѣйшимъ требованіямъ педагогической науки" и пр. было дѣйствительно изумительно: кромѣ общихъ предметовъ, воспитанницамъ ея преподавались „всѣ новѣйшіе языки Европы, ботаника и химія, минералогія и зоологія, *соціологія въ общихъ чертахъ* и физіологія" (сія послѣдняя, впрочемъ „только по сихъ поръ",

объяснялъ, показывая на оконечность своего жилета и цѣломудренно опуская глаза, старикъ учитель нѣмецкаго языка, котораго „новѣйшія требованія“ приводили постоянно въ нѣкоторое смущеніе, и почитавшій поэтому необходимымъ, въ огражденіе доброй славы заведенія, увѣрять любопытствующихъ, что свѣдѣнія, сообщаемыя воспитанницамъ онаго по части физіологіи, никакъ не распространяются ниже ихъ пояса). Въ старшемъ классѣ — до котораго впрочемъ не дошла ни одна изъ питомицъ княгини Коровай-Архалуковой,—предполагались даже курсы судебной медицины, патологіи и акушерскаго искусства, но на это, къ сожалѣнію, не воспослѣдовало разрѣшенія со стороны начальства.

Марина, безъ экзамена, принята была въ одинъ изъ высшихъ классовъ пансіона и пробыла въ немъ два года; за это время она по-французски говорить отучилась, а нѣмецкій языкъ и вовсе позабыла, изъ исторіи знала хорошо только, что *Лютеръ и Дантонъ были великіе реформаторы и отцы современной свободы*, а изъ математики ничего не помнила; за то удержала въ памяти цѣлый коробъ всякихъ научныхъ и *просто современныхъ* терминовъ, прочла два тома сочиненій Бѣлинскаго и три тома Писарева и исписала мелкимъ почеркомъ четвертушекъ шестьдесятъ кругомъ собственными измышленіями на темы, заданныя ей знаменитѣйшимъ преподавателемъ и краеугольнымъ камнемъ пансіона, учителемъ литературы Левіаѳановымъ, а именно: „о политико-соціальномъ значеніи типа Катерины въ *Грозѣ* Островскаго“, и „о критическомъ отношеніи къ авторитетамъ, какъ необходимомъ условіи всякаго здороваго мозговаго развитія“.

Скоропостижная кончина Марфы Ѳадѣевны — она умерла отъ разрыва сердца,.. иначе ей словно и умереть нельзя было, бѣдной! — вернула Марину въ Алый-Рогъ. Ей едва минуло тогда семнадцать лѣтъ. Іосифа Козьмича она нашла чуть не близкимъ къ отчаянію: онъ по-своему искренно любилъ покойницу. Компаніонка ея, велегрудая дочь Германіи, обливалась по ней неизсякаемыми слезными потоками. Старушка, служившая у нея со временъ ея молодости, лежала безъ языка, сраженная этою смертію. Одна Марина предъ этимъ бѣднымъ,

длиннымъ и изсохшимъ, какъ старая метла, трупомъ стояла недвижная и невозмутимая, не ощущая ничего внутри себя, кромѣ какой-то тайной злобы на то, что вотъ всѣ они плачутъ—и о чемъ плачутъ, когда это *простой, естественный законъ!*—и только одна она не можетъ, не *чувствуетъ*...

И вспоминала она, какъ долго еще потомъ мучилась она этою мыслью и допрашивала себя: права̀ она или нѣтъ въ этомъ своемъ безчувствіи?... и какъ разрѣшила она вопросъ тѣмъ, что *развитое существо свободно отъ всякихъ условныхъ понятій*, что смерть *матери* есть такое же *обыкновенное явленіе*, какъ всякое другое, и что нѣтъ причины не относиться къ нѐму *трезво*. Сто̀итъ только обратить вниманіе на *прочіе организмы*, разсуждала Марина подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ поученій своихъ пансіонскихъ наставниковъ, — развѣ животныя, птицы убиваются и плачутъ, когда при нихъ зарѣжутъ или подстрѣлятъ ихъ мать, отца, брата? Они и не знаютъ, кто ихъ мать и отецъ!...

Но, странное дѣло, въ то самое время, когда разсуждала она такъ правильно и *естественно*, она равнодушно видѣть не могла опечаленныя лица окружавшихъ ее, и уходила изъ дому на цѣлые дни, не зная, какъ совладать съ *безтолково* томившимъ ее недовольствомъ собою. „Назадъ надо, въ пансіонъ, что̀ мнѣ здѣсь дѣлать?“ говорила она себѣ порою,—и тутъ же внутренно сознавалась, что ждетъ ее тамъ та же тоска, что не оставила она тамъ ни одного существа, къ которому бы тянуло ее, съ которымъ сладко было бы свидѣться ей... Пусто и холодно, какъ въ заброшенномъ амбарѣ, было въ этой молодой душѣ!...

Однажды, роясь въ старинномъ рабочемъ столикѣ, въ числѣ другихъ вещей покойницы, переданномъ ей Іосифомъ Козьмичемъ, попался ей клочокъ разорваннаго письма, давнишняго письма, какъ можно было судить по желтизнѣ бумаги и выцвѣтшимъ почти до неразбираемости слѣдамъ чернилъ на ней. Крупный почеркъ Іосифа Козьмича—письмо было писано имъ и очевидно къ Марѳѣ Ѳадѣевнѣ,—помогъ Маринѣ прочесть его кое-какъ.

Вотъ что̀ содержалось на этомъ оторванномъ клочкѣ:

„... и сама религія наставляетъ насъ отпущать вины другъ другу. И письмо твое говоритъ о семъ умилительно! Я отъ слезъ едва могъ оное дочитать, и нѣмѣю! Великое это слово, что̀ ты рѣшилась написать: *Марина моя дочь!* Предъ благородствомъ души безсильно все! Я конечно съ этой минуты не рѣшусь упоминать болѣе даже по имени Двугорскаго (такъ называлось имѣніе Серебряныхъ-Телепневыхъ, въ которомъ взросла Марѳа Ѳадѣевна,), ибо и по-сейчасъ отъ волненія души руки дрожатъ и слезы въ очахъ. Надѣюсь въ скорости покончить со сдачею ратниковъ и вернуться обнять тебя, какъ лучшаго друга. Все прошлое должны мы теперь предать забвенію, и пусть *твоя* (подчеркнуто было въ подлинникѣ,) дочь будетъ отнынѣ нашею дочерью, равно любимою, а когда пріѣду обратно, то устрою и съ той стороны, чтобы..."

Марина прочла разъ, и два, и еще разъ, судорожно сжала бумагу въ похолодѣвшей рукѣ—и спѣшно принялась перерывать ящикъ рабочаго стола, надѣясь найти въ немъ остальные клочки письма... Но тамъ, кромѣ старыхъ счетовъ и аптечныхъ обертокъ отъ пластырей, которыми вѣчно облѣплена была покойная г-жа Самойленкова, ничего не отыскалось...

Но, и того, что̀ прочла она, было довольно... Она не была дочерью Іосифа Козьмича,—это явствовало для нея изъ этихъ строкъ, писанныхъ имъ очевидно тотчасъ вслѣдъ за полученіемъ письма отъ покойной ея матери, въ которомъ та, какъ видно, извѣщала его о рожденіи этой *своей* дочери... *И онъ простилъ, какъ прощала и она ему всю жизнь всякихъ Анютокъ и Матрешекъ*, разсуждала Марина, простилъ за ея „*великое*", *прямое* слово!...

Марину вдругъ прошибло умиленіе. *Мать*, предъ трупомъ которой безчувственно стояла она недавно, которая вызывала въ ея памяти до сихъ поръ лишь какія-то смѣшныя представленія всякихъ сантиментальныхъ чудачествъ,—представилась ей вдругъ въ какомъ-то сіяніи... Эта слабая и больная женщина выростала въ ея воображеніи до величія „Катерины въ *Грозѣ*", ибо и она не затруднилась сказать мужу: да, я согрѣшила *предъ писаннымъ закономъ*, потому что признаю

другой, высшій законъ—*естественное влеченіе!*... Я любила и отдалась свободно тому, кого любила, и не унизила себя ложью и обманомъ, а стою предъ тобою, гордо поднявъ голову, и объявляю, что дочь моя—не твоя дочь!...

Кто былъ отецъ ея, назвать его себѣ было не трудно Маринѣ. Съ дѣтства она одно это имя привыкла слышать въ устахъ Маѳы Ѳадѣевны; этотъ обликъ, насмѣшливый, дерзкій и красивый, онъ воспроизводился тутъ же предъ ней на ея столахъ и окнахъ, во всевозможныхъ, темныхъ, свѣтлыхъ, раскрашенныхъ видахъ, въ рамахъ, рамочкахъ, медальонахъ, браслетахъ, унаслѣдованныхъ ею отъ покойной матери. Это былъ все онъ же, безподобный князь Анатоль, „водившій балы въ Аничковскомъ“ и котораго когда-то спасли отъ Сибири плѣненныя имъ фрейлины... Марина вспоминала, что именно этому времени ея рожденія соотвѣтствовало послѣднее, довольно продолжительное пребываніе Анатолія въ Двугорскомъ, о чемъ столько разъ вздыхая разсказывала ей Маѳа Ѳадѣевна, каждый разъ со слезами добавляя къ этому разсказу, что „послѣ тѣхъ послѣднихъ ихъ дней“, онъ, вернувшись въ Петербургъ, получилъ полкъ и женился вслѣдъ затѣмъ на графинѣ Осовицкой... Въ тѣ послѣдніе ихъ дни, объясняла себѣ Марина, предъ разлукою, они не въ силахъ были сдержать *охватившей ихъ страсти*... и...

Бѣдная Марина, она не знала—Маѳа Ѳадѣевна не признавалась ей въ этомъ,—что всуе произносили имя князя Анатоля ревнивыя уста Іосифа Козьмича въ бесѣдахъ его съ супругою о ея прошломъ въ Двугорскомъ, что отношенія Анатоля къ пламенѣвшей по немъ кузинѣ выразились разъ навсегда въ слѣдующемъ жестоко откровенномъ признаніи, которымъ онъ однажды, во времена еще первой ихъ молодости, отвѣчалъ на одну изъ ея нѣжныхъ выходокъ: „vois-tu, ma chère Martha, je t'aime bien, mais je dois t'avouer que si nous étions restés toi et moi seuls au monde, le monde ne recommencerait plus!“ *)

*) Вотъ видишь-ли, другъ мой Маѳа,—я тебя очень люблю, но долженъ тебѣ признаться, что еслибы въ мірѣ осталось только насъ двое,—міръ бы кончился.

Но не знала этого Марина,—и *честный подвигъ* ея матери. явствовавшій для нея изъ тѣхъ строкъ Іосифа Козьмича. исполнялъ ее какою-то внутреннею гордостью и самодовольствомъ; покойница пріобрѣтала въ ея глазахъ то обаяніе, то значеніе, какія никогда не имѣла для нея при жизни... Да. это была *высоко-уважительная личность!* рѣшила дѣвушка на своемъ *современномъ* языкѣ...

Къ господину Самойленкѣ, послѣ сдѣланнаго ею открытія, она испытывала странное смѣшеніе чувствъ: если, съ одной стороны, радовала ее мысль, что никакія *физическія связи* не обязываютъ ее болѣе относительно *этого эксъ-отца ея*, что она теперь въ правѣ *выражать свободно* свое отвращеніе къ его грубости, *несовременности*, къ цинизму его нравовъ, то, съ другой, она не могла отказать ему въ извѣстномъ благоволеніи за то, что онъ умѣлъ найти въ себѣ достаточно *здоровыхъ началъ*, чтобъ *отрѣшиться отъ заскорузлыхъ предразсудковъ своей среды*, отнесся *вполнѣ гуманно къ высокой нравственной честности той, съ которою связанъ былъ путами церковнаго брака*, и теперь, послѣ смерти ея, какъ бы еще съ большею *деликатностью* исполняетъ данный ей обѣтъ: „пусть твоя дочь будетъ отнынѣ *нашею* дочерью“... Это чувство признательности къ *гуманности* Іосифа Козьмича поднялось у Марины еще на одну степень послѣ того, какъ онъ, по первому ея намеку, поспѣшилъ отпустить изъ Алаго-Рога бывшую наставницу ея, полногрудую нѣмку, хотя, въ понятіяхъ нашей героини, онъ нисколько и не былъ обязанъ къ такой жертвѣ... Она даже рѣшила внутренно, въ благодарность за этотъ его поступокъ, отложить на неопредѣленное время отъѣздъ свой въ Цюрихъ, *въ женскій университетъ*; намѣреніе это принято было ею тотчасъ вслѣдъ за открытіемъ ею тайны своего рожденія,—каковое, по ея разсужденію, прекращало всякія *обязательныя отношенія ея* къ мужу ея матери...

Такимъ образомъ осталась жить въ Аломъ-Рогѣ наша героиня, и между ею и ея „эксъ-отцомъ“ установился modus vivendi, который если и не вполнѣ удовлетворялъ чадолюбію господина Самойленки, какъ могъ замѣтить это читатель изъ

разговора его съ графомъ Завалевскимъ,—то, по крайней мѣрѣ, со стороны Марины не возбуждалъ никакихъ сѣтованій. Она пользовалась полною свободой, выписывала себѣ сколько и какого-бы содержанія ей ни вздумалось книгъ и бродила по лѣсамъ, верхомъ и пѣшкомъ, съ утра и до поздняго вечера.

Это времяпровожденіе предпочитала она всѣмъ другимъ. Попытала было она *педагогической дѣятельности*, стала ходить въ сельскую школу, робятокъ учить,—да ничего изъ этого не вышло... Не легкимъ оказывалось для нея дѣломъ втолковывать ученикамъ своимъ, напримѣръ, „*о равноденствіи, о зимнемъ и лѣтнемъ солнцестояніи*, да *о двойномъ обращеніи земли вокругъ солнца и вокругъ своей оси*“, когда сама она объ этихъ премудростяхъ вынесла самыя слабыя понятія изъ лекцій своего пансіонскаго учителя географіи, который вообще больше напиралъ на счетъ „бѣдственнаго положенія пролетаріата въ Англіи...“ Побилась-побилась Марина и—кинула.

Лѣса,—дубы, сосна, да липа Аларожскихъ лѣсовъ,—тянули ее къ себѣ съ дѣтства. Въ нихъ было что-то ей родное, знакомое... знакомое и родное до того, что ей казалось иногда, что въ ней самой живетъ и дышетъ эта могучая, таинственная и *равнодушная* жизнь лѣса, что она *безчувственна къ людямъ*, потому что никакое *людское чувство* не могло итти въ сравненіе съ тѣмъ, что ощущала она въ безмолвіи и глуши своихъ лѣсовъ... По цѣлымъ часамъ могла она просиживать одна на старомъ пнѣ въ какомъ-то полуснѣ, полудѣніи, безъ мысли въ головѣ и съ безконечною толпой образовъ, въ смутныхъ очертаніяхъ пробѣгавшихъ предъ ея внутренними очами, по цѣлымъ часамъ любила прислушиваться къ дальнему стуку топора, да повторять про себя за прохожею пѣвуньей ея задушевную и унылую пѣсню,—и въ теплыя лѣтнія ночи, набредя средь полянки на огонекъ стараго пастуха, слушать, слушать безъ конца его шамкающіе разсказы про гайдамаковъ, да вѣдьмъ, да про то время, когда еще настоящіе паны жили въ ихъ сторонѣ“.

— И никого, ничего я до сихъ поръ, кромѣ васъ, не любила, старые друзья! говорила теперь себѣ Марина, сидя у корня старой сосны и тоскливо поводя взоромъ кругомъ по

красноватымъ стволамъ великановъ, звенѣвшихъ надъ нею своими длинными свѣжими иглами...

Любила! да знала-ли она до сихъ поръ, что̀ значитъ *любить!*... и кого было ей любить... и за что̀? И тому-ли учили ее до сихъ поръ? Презирать, ненавидѣть, проклинать—въ ожиданіи *новаго строя*, когда водворится общее для всѣхъ людей счастіе — „животное счастіе“, съ горькою улыбкой вспомнила она слова Пужбольскаго,—вотъ что̀ проповѣдывали ей ея наставники, ея книги... Лишь они одни, *старые друзья* ея, никого не проклинали и не обѣщали ничего, но все, что̀ *напускали* люди злобы въ ея душу, смолкало подъ родною ихъ сѣнью, подъ „вѣчный гулъ и сладкій шопотъ ихъ...“

И вотъ она узнала... она встрѣтилась съ *нимъ*... это было воскресенье! Съ перваго дня, съ перваго слова—она *повѣрила!*.. *Повѣрить*—какимъ блаженнымъ ощущеніемъ исполнило ее всю тогда это чувство! Страстно, всею душой, всѣмъ существомъ своимъ *повѣрить*—вотъ оно, то негаданное счастіе, о которомъ съ дѣтства не слыхала она ни отъ кого, никогда, и къ которому безсознательно, какъ былинка къ свѣту, тянулась она въ истомѣ душевной пустоты... Знать лишь одно, знать, что онъ—*правда и добро*,—и радостно... какъ та, какъ Марія Египетская... попрать ногами весь прежній, безсмысленный хламъ, и итти за *нимъ*, за его словомъ, „въ пустыню, въ Ливійскую степь!...“ И ничего болѣе не нужно, ничего иного не требовала она отъ судьбы какъ вѣрить, *ему* вѣрить, какъ внимать *его* его тихому слову, какъ *угадывать его* по его глубокимъ и печальнымъ глазамъ!...

Но кто *она*, что̀ она для *него?*—Леденящимъ, могильнымъ холодомъ обдавало Марину при этомъ помыслѣ...—Случайная встрѣча, *дикая дѣвочка*, возбуждающая въ немъ любопытство и жалость, и которую онъ завтра — уѣдетъ и забудетъ... А онъ не знаетъ, не догадывается, что *пробудилъ онъ въ ней человѣческую душу*, и что не вправѣ кинуть ее теперь *въ ровъ звѣриный*, на жертву отчаянія!

Руки Марины въ изнеможеніи упали на ея колѣни.

А надъ нею подъ набѣжавшимъ вѣтромъ шевелились сосновыя вершины, и непривычнымъ ропотомъ печали отзывался

въ ея ушахъ знакомый ихъ лепетъ. Не убаюкать намъ, какъ прежде, твою тоску, казалось шептали они,—ту жажду, что томитъ тебя теперь, утолить мы безвластны...

Но вотъ среди шелеста вѣтра до чуткаго уха доносятся другіе звуки: кто-то идетъ, близится, тяжело двигаясь, поламывая встрѣчные сучья, продираясь, слышно, сквозь жимолость и можжевеловые кусты... Мирно свернувшійся кренделемъ *Каро* мгновенно вскидываетъ вверхъ свою умную голову, глухо рычитъ—и вдругъ со всѣхъ ногъ кидается на встрѣчу идущему, оглашая лѣсъ встревоженнымъ лаемъ.

Слышится громко проклятіе, болѣзненный визгъ собаки, и новый, отчаянный лай.

— *Каро*, *Каро!*... Назадъ! Ісі!... И Марина безстрашно кинулась къ мѣсту борьбы.

Изъ оврага поднялась голова въ мѣховой шапкѣ, съ воинственно приподнятымъ надъ нею толстымъ сукомъ... Марина узнала хромаго кузнеца. Онъ усердно выкарабкивался теперь изъ цѣпкаго кустарника, съ помощью котораго удалось ему подняться вверхъ по кручѣ, защищаясь въ то же время отъ надрывавшагося на него пуделя...

— Назадъ, назадъ, *Каро!* Не трогать его! кричала Марина, съ ужасомъ представляя себѣ, что разсвирѣпѣвшій кузнецъ убьетъ сейчасъ ея собаку своею дубиной.

Голосъ дѣвушки поразилъ его: онъ обернулся, опустилъ сукъ, между тѣмъ какъ *Каро*, отбѣжавъ отъ него и перемѣняя нападеніе на защиту, храбро уставлялся впереди госпожи своей, готовый по первому ея знаку схватить за горло дерзкаго нарушителя ея покоя...

— Пса жалѣете! съ злымъ укоромъ на лицѣ и не двигаясь съ мѣста, пробормоталъ кузнецъ:—а онъ меня, анаѳема, въ клочья порвалъ, такъ то якъ мнѣ считать?...

И онъ приподнялъ дѣйствительно оторванную пуделемъ часть полы своего дыряваго кафтана.

— Я вамъ заплачу за убытокъ! поспѣшила молвить Марина.

— Коли будетъ на то милость ваша, не обидьте увѣч-

наго! проговорилъ онъ на это тотчасъ же смягчившимся голосомъ.

Но глаза его глядѣли на Марину все тѣмъ же, знакомымъ ей, угрюмымъ и недоброжелательнымъ взглядомъ.

Что-то опять похожее на страхъ предъ непонятною злобой къ ней этого человѣка шевельнулось въ душѣ дѣвушки...

— Ну, пойдемъ, *Каро* милый, пойдемъ, пора намъ! заторопилась она и, продѣвъ платокъ въ его ошейникъ, во избѣжаніе новой войны, двинулась съ нимъ впередъ по первой, едва протоптанной, тропинкѣ, кинувшейся ей въ глаза.

— А куда же вы, барышня, пошли? крикнулъ ей кузнецъ, окончательно выбравшійся тѣмъ временемъ изъ кустовъ.

— Домой, неохотно и не сейчасъ отвѣчала ему Марина.

— Такъ по той тропкѣ не дойти вамъ... по той тропкѣ никуда не дойти... мѣсто не прохожее... И сюды-то якъ прошли—дивиться надо...

Она остановилась въ недоумѣніи: въ самомъ дѣлѣ это было совершенно невѣдомое ей мѣсто; и какъ очутилась она здѣсь, съ какой стороны зашла, она сообразить не могла теперь...

— А вотъ вы же ходите? возразила она тѣмъ не менѣе кузнецу.

— Я-то? молвилъ онъ, подвигаясь къ ней. — Я завсегда тута хожу... Мнѣ сюды-то ближай... съ берега въ гору прямкомъ... Хошь хромой, а окромѣ меня никому не пройти... Потому *знать* надо, промолвилъ кузнецъ, значительно качнувъ головой.

— Вы говорите „берегъ?“ спросила Марина.—Тутъ внизу Алый-Рогъ течетъ?...

— *Церковище* тутъ самое, отвѣчалъ онъ, поглядывая на нее изъ-подъ красныхъ мѣшковъ своихъ вѣкъ.

— Откуда течетъ?

Онъ махнулъ рукой себѣ за спину.

— Благодарствуйте! кивнула она ему головой;—теперь я знаю, куда мнѣ идти.

И, повернувшись правымъ плечомъ къ оврагу, она направилась прямо, отыскивая глазами новую тропинку въ этомъ

направленіи. Она скоро нашла ее и пошла по ней не оглядываясь.

Кузнецъ заковылялъ за нею... Какъ она ни прибавляла шагу, онъ не отставалъ отъ нея, и до слуха ея то-и-дѣло доносились его тяжелое дыханіе и какія-то произносимыя имъ сердитыя междометія...

Досада взяла Марину. Она остановилась, обернулась:

— Куда же это вы за мной? спросила она, сверкнувъ по немъ глазами.

— А за вами, за вами, ваше высокородіе, отвѣчалъ онъ, скидывая шапку и кланяясь ей преувеличенно низкимъ поклономъ, — тропка-то все одна... что̀ мужику, что̀ панамъ, — все одна...

Она вся покраснѣла даже, такъ совѣстно ей сдѣлалось...

— Вы тоже въ усадьбу? пролепетала она, стараясь улыбнуться ему.

— А туда, туда, во *дворецъ*, точно, подтвердилъ кузнецъ.— Отъ *самого* (онъ разумѣлъ Іосифа Козьмича), отъ *самого* прислано... Князья тутъ ще якіе-съ понаѣхали, слыхать... такъ велѣно, чтобы на счетъ экипажевъ... Отколь же это они понаѣхали, знаете? обратился онъ уже съ прямымъ вопросомъ самъ къ Маринѣ.

— Изъ Петербурга, отрѣзала она.

— Такъ, такъ, бормоталъ за нею кузнецъ. — А что̀ же вы, барышня, не съ тѣми князьями теперича, а однѣ, въ бору... почитай и сами не знаете, какъ въ него попали?...

Страннымъ, и не только страннымъ, дерзко̀ насмѣшливымъ выраженіемъ, показалось Маринѣ (въ такомъ ужь настроеніи была она), звучалъ его голосъ при этомъ...

— А если мнѣ больше нравится одной быть, чѣмъ съ ними! досадливо, подъ первымъ впечатлѣніемъ, проговорила она и тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ подумала, что ей не только *это*, а и вовсе не слѣдовало отвѣчать.

Кузнецъ издалъ какой-то неопредѣленный звукъ, похожій на свистъ. Марина чуть не задыхалась отъ быстрой ходьбы: она въ эту минуту готова бы была, кажется, отдать свою лю-

бимую венгерскую куртку для того, чтобы хоть пятью минутами ранѣе избавиться отъ своего нахала-спутника.

Тропинка выводила ихъ снова къ обрыву; съ высокаго хребта его, сквозь частый лѣсъ, блеснули на мгновеніе предъ ними свѣтлыя струи Алаго-Рога.

— А вечоръ-то вы, заговорилъ опять кузнецъ,—далеко съ господами ѣздили... по рѣкѣ-то?...

Онъ точно зналъ, куда и чѣмъ больнѣе уколоть ее.

— А вамъ на что? негодующимъ голосомъ произнесла она, останавливаясь на мигъ перевести дыханіе.

Онъ воспользовался этимъ, чтобы шагнуть ближе къ ней, и пытливо устремилъ на нее снова свои прищуренные, злые глаза.

— А мнѣ ничего, барышня, мнѣ ничего! залепеталъ онъ тутъ же привычнымъ ему въ этихъ случаяхъ, пѣвучимъ и жалостливымъ тономъ.—Я видѣлъ, какъ вы это ѣхали... Такъ потому и спросилъ...

— *Мы* васъ не видали! рѣзко промолвила на это Марина и двинулась опять впередъ.

— Знамо, что не видали, какимъ-то нежданнымъ, таинственнымъ шопотомъ отвѣчалъ на это кузнецъ; Маринѣ даже жутко сдѣлалось;—только я завсегда коло тѣхъ мѣстовъ... Потому близко... близко мнѣ оттелева... до кузни моей, близенько, точно спохватился онъ.

Она не отвѣчала и продолжала подвигаться по узкой тропинкѣ, пробираясь съ наклоненною головой подъ нависшими вѣтвями, отстраняя руками встрѣчные сучья и давая такимъ образомъ время своему преслѣдователю нагонять ее безпрерывно.

— А хотѣлъ я васъ еще спытать, барышня... началъ онъ еще разъ и пріостановился.—Хотѣлъ васъ спытать, повторилъ онъ спустя нѣсколько мгновеній, въ продолженіе которыхъ онъ, приподнявъ шапку, чесалъ въ раздумьи себѣ за затылкомъ,—чи не слыхали вы никогда про Марью Ѳедоровну?...

— Про какую тамъ Марью Ѳедоровну? невольно и сердито спросила дѣвушка.

— Про какую тамъ? протянулъ за нею кузнецъ... Глаза

его мгновенно вынырнули изъ-подъ вѣкъ, какъ у жабы, и устремились ей вслѣдъ. Она ихъ не видѣла, этихъ глазъ; она пришла бы въ ужасъ, встрѣтившись съ ними...

— Была одна... такая, продолжалъ онъ между тѣмъ,—въ горницахъ... у покойной барыни въ пялыцицахъ была... И никогда вамъ про нее покойница, Арина Ивановна, не баила? (Ариной Ивановной звалась та старушка, что̀ не пережила Маѳы Ѳадѣевны, бывшая ея горничная, нянчившая Марину въ дѣтствѣ)...

— Арина Ивановна не болтунья была женщина, нетерпѣливо возразила на это наша героиня; — мало-ли сколько перебывало у покойной матушки служанокъ, такъ что̀ же было мнѣ объ этомъ разсказывать!...

— Мало-ли ихъ было, мало-ли у покойницы, царствіе ей небесное! даже засмѣялся за ея спиной кузнецъ, засмѣялся глухимъ, груднымъ смѣхомъ, отъ котораго всю покоробило Марину;—дворня у насъ большая была... ядреныя все были служанки-то у нея, *у матушки у вашей*, проговорилъ онъ съ особымъ удареніемъ, — на отборъ!... А выбиралъ-то ихъ, знамо, *самъ*... намѣчалъ, погарнѣе да пофорсистѣе чтобъ была!...

— Тутъ идетъ дѣло еще о какой-то жертвѣ Іосифа Козьмича, гадливо начала догадываться Марина... Но какое ей до этого дѣла, и чего хочетъ наконецъ отъ нея этотъ неотвязный *хромой бѣсъ?*...

На ея счастіе, кончилась глушь; широкая проѣзжая дорога выглянула изъ-за ближнихъ липъ... Она стремглавъ выбѣжала на нее.

— Ну, теперь благодарствуйте—и, съ Богомъ, ступайте, куда вамъ надо! молвила она поспѣшавшему за нею *хромому бѣсу*,—а я еще погуляю...

Онъ озадаченно поглядѣлъ на нее, на прыгавшаго вокругъ нея *Каро*, которому она дала волю, скинулъ шапку, отвѣсилъ ей новый преувеличенный поклонъ и пошелъ своею дорогой.

Она дала ему скрыться изъ виду и медленно пошла по дорогѣ, по тому же направленію... Что̀-то, въ чемъ не хотѣ-

лось ей признаться самой себѣ, тянуло ее теперь ко *дворцу*... Увидѣть *его*, на мгновеніе, издали... не говорить съ нимъ, не подходить даже, а только увидѣть, взглянуть... И не поссорилась же вѣдь она съ нимъ, и вѣдь все осталось попрежнему... И она бы теперь преспокойно—вмѣсто этой недоброй встрѣчи въ лѣсу,—могла, еслибы захотѣла, сидѣть *тамъ*, на *миломъ* балконѣ, за чаемъ, *съ нимъ*... Но она не захотѣла, не хочетъ... Нѣтъ, ни за что, ни за что не хочетъ!... Она знаетъ, теперь все кончено!... Но только бы увидѣть *его*, еще разъ увидѣть!...

Медленно, опустивъ голову, подвигалась она по дорогѣ...

— Марина Осиповна! нежданно раздался впереди визгливый, полный радости и тревоги голосъ.

Она инстинктивно вздрогнула вся, вскинула глазами...

На встрѣчу ей несся со всѣхъ ногъ князь Пужбольскій, въ своей черной пуховой шляпѣ, откинутой отъ жара на затылокъ, со своею огненною бородой, горѣвшею какъ мѣдный котелъ подъ падавшимъ на нее плашмя лучомъ солнца... Его выразительное, свѣжее и мужественное лицо показалось ей въ эту минуту *невыносимо-безобразнымъ*...

А онъ подбѣгалъ къ ней между тѣмъ, едва переводя дыханіе, и, безъ спроса схвативъ ея руку, жалъ ее въ своей до боли.

— Наконецъ... наконецъ, прерывающимся отъ усталости и волненія голосомъ пропускалъ онъ сквозь горло,—я два часа ищу васъ... по всему лѣсу... заблудился... насилу *вылизнулъ*... и гдѣ это вы были... ради Бога!...

— Я сама заблудилась, сказала Марина, освобождая свою руку и стараясь не встрѣтиться взглядомъ съ его пытливо и страстно устремленными на нее глазами.

— Вотъ видите, говорилъ онъ,—вѣдь Богъ знаетъ, что можетъ случиться... dans cette foret d'Armide! И что вамъ вздумалось вдругъ?... Я... мы... мы всѣ надѣялись, что вы, какъ всегда... придете къ чаю... И вы такъ жестоко намъ измѣнили!... Et au fond pourquoi, mon Dieu!...

Она не отвѣчала.

— Я знаю, я глупъ, что спрашиваю... я знаю, почему вы

не пришли, завизжалъ опять Пужбольскій,—и хотя намъ было это очень тяжело, но я васъ понимаю... je vous approuve presque! Эта женщина, она... не для васъ!...

— Или я не для нея, тихо, съ какою-то покорною улыбкой промолвила на это Марина.

Его поразила эта улыбка: ему представилось тотчасъ же, что вчера Дина какимъ-нибудь, неуловленнымъ имъ, взглядомъ, намекомъ задѣла самолюбіе дѣвушки, но онъ уже достаточно для этого зналъ Марину: онъ понималъ, что въ гордой душѣ оскорбленіе вызвало бы чувство далеко не похожее на покорность. Что же это значило?

— Почему же вы думаете, что *вы* не для нея? повторилъ онъ ея слова на всякій случай.

— Потому, неожиданно для него отвѣчала Марина,—потому что она *женщина*, а я *дикая*...

Пужбольскій такъ и привскочилъ.

— Вы, вы! залепеталъ онъ въ негодующемъ изумленіи,—и она!... Она безсердечное, до нитки изношенное нравственно существо... une façon de Blanche de Navarre, которую мужъ ея, le roi Louis Dix, dit le Hutin, велѣлъ задушить собственными ея волосами... elle les avait très beaux!... И вы—правда, прелесть, душа!...

Марина круто обернулась—и, сверкая глазами, топнула на него ногой:

— Не смѣйте, не смѣйте мнѣ этого говорить!

И вслѣдъ за этимъ, нежданнымъ для нея самой, безсознательнымъ взрывомъ гнѣва, все, что накипѣло въ ней горя, все, до чего додумалась она въ эту тяжкую ночь, и тамъ, сейчасъ, подъ сосной,—все это неудержимо запросилось у нея наружу...

— Душа! Давно-ли у меня душа, знаете-ли вы?... И кто вамъ сказалъ, что я не такая же была безсердечная, какъ она? Я говорю вамъ, я дикая... Я была дикая... А развѣ у дикихъ есть душа? Какъ у обезьянъ,—инстинктъ, вотъ что у нихъ! И я то же, то же была! Развѣ вы сами этого не видѣли? Говорите, сейчасъ говорите... умоляю васъ, вдругъ послышалась надрывающая нота въ ея голосѣ,—развѣ въ первые дни, когда вы... и... и графъ познакомились съ мною, развѣ вы не

смѣялись между собою, развѣ могли не смѣяться, если только случалось вамъ говорить обо мнѣ,—надъ моею *нечеловѣчностью?*

И она во всѣ глаза глядѣла теперь ему въ лицо, требуя, словно дара, прямаго, безусловнаго, безпощаднаго отвѣта.

— Мы не смѣялись никогда надъ вами, клянусь вамъ! воскликнулъ Пужбольскій:—Мы... мы жалѣли о васъ, Марина Осиповна, примолвилъ онъ тише,—потому что... дѣйствительно, нѣкоторыя ваши понятія...

— Нѣкоторыя! прервала она его короткимъ и горькимъ смѣхомъ.—Все, все, *до нитки*, какъ говорите вы про *нее*, перековеркано было во мнѣ! *Ни одного* здраваго понятія не было... да и теперь такая путаница!... ни одного чувства...

— А ваша необыкновенная прямота, честность, прервалъ ее Пужбольскій,—вы забыли о ней?

Она утвердительно закивала.

— Да, это правда, это всегда было во мнѣ—честность!... Но вѣдь и *Каро* мой честенъ, ни за что ничего не стащитъ со стола, хоть не ѣшь онъ цѣлыя сутки. Значитъ, это еще не *человѣческое* качество!... А знаете-ли вы, что я вотъ здѣсь, въ нашей трущобѣ, гдѣ мы, говорила вчера эта княгиня, счастливые, что имѣемъ время читать книги,—всякія книги читала, только о Евангеліи не имѣла понятія... Да, да, я думала,—мнѣ это говорили, и я вѣрила,—что Евангеліе *пустая, несовременная книга...* и въ рукахъ его никогда не имѣла! Вотъ только недавно нашла и стала каждый день читать... И знаете—почему? Владиміръ Алексѣевичъ, графъ, помните, сказалъ разъ, что вся человѣческая свобода выросла изъ трехъ строкъ этой книги... Такъ мнѣ хотѣлось отыскать, откуда именно выросла, я и читать начала... въ девятнадцать лѣтъ—въ первый разъ!...

— Вы рано лишились матери! невольно вырвалось у Пужбольскаго.

— Матери!...

Ей вдругъ вспомнилось опять равнодушіе къ своей матери и то, что стала она *уважать* ея память лишь съ той минуты,

когда узнала она, что эта мать ея была невѣрною женой... Она улыбнулась горько, горько.

— Я такъ хорошо воспитана была, молвила она,—что гордилась тѣмъ, что̀ другую заставило бы...

— Марина Осиповна, ради Бога, еще разъ прервалъ ее Пужбольскій и опять схватилъ ее за обѣ руки, — что̀ вамъ вздумалось сегодня такъ немилосердно обличать себя? И вы такъ взволнованы, что я даже не воображалъ, чтобы вы могли... Неужели все это вслѣдствіе вашей встрѣчи съ этою женщиной...

Она замотала головой...

— Не женщина... *воспитаніе!* не умѣла она лучше выразить свою мысль.

Онъ понялъ.

— Да, изящная форма... и противное содержаніе! возразилъ онъ,—la Circé d'Homère!...

— Такъ развѣ онѣ всѣ такія? воскликнула Марина,—всѣ испорченныя, потому что воспитаны?... Вотъ вы мнѣ разъ говорили про вашу сестру одну... Хорошая вѣдь она женщина?

— Хорошая, Марина Осиповна, не могъ не сознаться нѣсколько сбитый съ позиціи князь.

— Вотъ видите! А ужь она, навѣрно, на меня не похожа?...

Эти вопросы, смѣлость ея признаній, душевная тревога, видимо всю обнимавшая ее, полны были для впечатлительнаго князя новымъ, неотразимымъ обольщеніемъ... Беатриче Ченче, Аріостовская Брадаманта, Розалинда изъ *As you like it* *), онъ ужь и не зналъ, къ которому изъ этихъ любезныхъ ему и не совсѣмъ другъ на друга похожихъ типовъ подходитъ она ближе...

— Вы сами не знаете себѣ цѣны! воскликнулъ онъ,—не знаете, какой богатый матеріалъ въ васъ содержится!... То, въ чемъ вы себя упрекаете—ну, да положимъ... je vous estime trop pour le nier... все это происходитъ отъ вашего сиротства... vous n'avez pas été guidée отъ русскаго современнаго безсмыслія, отъ безобразій нашего общественнаго воспитанія... Но при вашемъ умѣ, при этой intuition du vrai, du beau,

*) *Какъ вамъ угодно.* Ком. Шекспира.

которою вы такъ богато одарены, о, еслибы вы знали, какъ это легко *поправлять*... Какая можетъ изъ васъ выйти замѣчательная женщина!... Вы и теперь сокровище для артиста!— вылилось у него изъ самой души.

Она взглянула на него большими изумленными глазами. Словно какая-то нежданная искра блеснула въ ея потемкахъ... Губы ея шевельнулись.

— Изъ меня могло бы что-нибудь выйти только тогда...

Она до ужаса испугалась вдругъ этихъ словъ своихъ. Опять, опять безуміе! точно кольнуло ее въ сердце... И она скоро, скоро, не оглядываясь на своего собесѣдника, устремилась опять по дорожкѣ.

А онъ, онъ не понялъ на этотъ разъ: онъ уже весь утопалъ въ страсти...

— Mademoiselle Marina, заговорилъ онъ, догоняя и останавливая ее, — еслибы вы... еслибы вы рѣшились ввѣрить судьбу вашу человѣку... честному человѣку, клянусь вамъ... который всю бы жизнь свою посвятилъ...

— О чемъ это вы говорите? растерянно взглянула она на него.

— Я... я люб-лю васъ, залепеталъ растерявшійся еще болѣе ея Пужбольскій.

Въ ея памяти промелькнулъ утрешній разговоръ ея съ Іосифомъ Козьмичемъ.

— Зачѣмъ вы меня обижаете, Александръ Иванычъ? вскликнула она, закрывая глаза себѣ ладонью.

Бѣднаго князя точно водой облили...

— Я, я васъ обижаю?...

— Да... послѣ того, что̀ я вамъ сказала про себя... и вы сами знаете... За что̀ меня любить?... Вы сами сейчасъ сказали что я... какое-то сокровище *для артиста*... Для артиста только внѣшность... наружная форма... И вы...

Она невольно приподняла рѣсницы: Пужбольскій стоялъ предъ ней съ такимъ сконфуженнымъ видомъ, что ей стало страшно жаль его.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не виноваты!... И не то совсѣмъ!...

Ради Бога, голубчикъ, Александръ Иванычъ, простите меня!... Но *этого* не можетъ быть... никогда!...

— Никогда? едва хватило у него силы переспросить.

— Никогда! проговорила она на-ходу, едва слышно.

Они пошли молча, рядомъ. Марина ничего не видѣла предъ собою и передвигала ноги, не чувствуя ихъ. Пужбольскій все силился припомнить какіе-то стихи изъ Петрарки, подходившіе къ его положенію, и выщипывалъ волосъ за волосомъ изъ своей бороды съ какимъ-то ѣдкимъ наслажденіемъ.

У садовой калитки онъ остановился.

— Это ваше послѣднее слово, Марина Осиповна? сказалъ онъ, пропуская ее.

— Къ чему спрашивать, Александръ Иванычъ?—вы знаете, со страннымъ оттѣнкомъ въ звукѣ прошептала она.

Пужбольскій поглядѣлъ ей вслѣдъ, встряхнулъ волосами отъ внезапно осѣнившей его мысли и хлопнулъ себя по лбу такъ, что шляпа слетѣла у него съ головы...

— Che bestia! чуть не громко крикнулъ онъ.

XIII.

Княгиня Солнцева сидѣла вдвоемъ съ Завалевскимъ въ кабинетѣ покойнаго графа Константина Владиміровича. Они перешли туда съ балкона, на которомъ все общество, включая сюда и господина Самойленку, пило чай. Послѣ чая Пужбольскій немедленно скрылся, а Солнцева увелъ Іосифъ Козьмичъ въ конюшни „на арабчиковъ полюбоваться“. Дина, въ свою очередь, потребовала, чтобы Завалевскій показалъ ей свой домъ.

Онъ повелъ ее по комнатамъ. Войдя въ кабинетъ, она повела кругомъ долгимъ, печально-внимательнымъ взглядомъ, медленно подошла къ окну, прищурилась отъ ударившаго ей въ глаза солнца и, отойдя къ столу, устало опустилась въ кресло.

— Ты говорилъ, онъ здѣсь и умеръ? заговорила она.

Графъ подтвердилъ движеніемъ головы. Онъ сѣлъ спиной къ окну, противъ нея.

— И добровольно восемнадцать лѣтъ не выѣзжалъ изъ деревни?

— Да.

Она откинулась въ спинку своего кресла—и зажмурила глаза.

— Какіе это все люди были! тихо начала она, вздохнувъ, послѣ долгаго молчанія. — И какъ низко упало русское общество съ тѣхъ поръ, послѣ полувѣка, подумать страшно!... Я въ прошломъ году, въ Петербургѣ, присутствовала при этомъ... *политическомъ* процессѣ... Ты поймешь, что я вы-

несла оттуда. Во все время у меня въ головѣ какъ живые стояли *тѣ*, что нянчили меня тамъ, въ Сибири... А предъ глазами *эти*... и въ ушахъ все, что говорилось въ ихъ оправданіе!...

— Красиво было? съ короткою улыбкой спросилъ Завалевскій.

— C'était écoeurant! *) съ отвращеніемъ отвѣчала княгиня.—Знаешь, Владиміръ, промолвила она, помолчавъ опять,—намъ скоро жить будетъ нельзя...

— Будто? улыбнулся онъ попрежнему.

— Нельзя: захлебнемся въ болотѣ...

— Вылѣземъ какъ-нибудь, сказалъ онъ.

Она приподняла на него свои длинные, пронзительные глаза.

— Ты вѣришь въ русское будущее?

— Надо вѣрить, Дина,—коротко отвѣчалъ Завалевскій.

— Надо!... Улыбка мелькнула на ея губахъ.—A la façon de saint Augustin... Какъ бишь ты говорилъ подлинный текстъ?

— Credo quia absurdum.

— C'est cela: *это нелѣпо, а потому* вѣрю... Въ силу развѣ такой логики!...

Графъ не отвѣчалъ ей: ему было тяжело въ разговорахъ съ нею чувствовать, что она попрежнему находила возможность пролѣзать во всѣ закоулки его мысли и играть ею посвоему.

— Нѣтъ, продолжала она,—я давно отложила попеченіе! Не вылѣземъ, потому что не хотимъ, а не хотимъ потому, что хотѣть не умѣемъ. Vice de race,—фосфору у насъ что-ли менѣе, чѣмъ у другихъ народовъ, или азоту, какъ это понынѣшнему?

Онъ пожалъ плечами.

— Какой вздоръ! Воспитай правильно только одно поколѣніе, и мы поговоримъ тогда о расѣ... Весь вопросъ въ воспитателяхъ,—а молодаго способнаго матеріала много: его нельзя отрицать.

---

*) Тошнило.

Дина еле замѣтно моргнула бровью.

— Не знаю, что̀ удастся вамъ выработать изъ этого молодаго матеріала, а пока... очень ужь онъ первобытенъ! Это оригинально во всякомъ случаѣ, улыбнулась княгиня,—ново... для меня по крайней мѣрѣ... Вчера, напримѣръ, эта красавица, дочь твоего управляющаго,—а хороша она, хороша на рѣдкость, par parenthèse! — я просто любовалась тою откровенностью, съ которою она показывала мнѣ, что я не имѣю счастія ей нравиться..

— Да... Все же лучше, чѣмъ лгать! съ разстановкой, задумавшись сказалъ на это Завалевскій.

Быстрымъ взглядомъ скользнула по немъ Дина; но онъ не о ней въ эту минуту думалъ; онъ, по поводу Марины, задумался теперь объ этихъ, дорогихъ ему и гибнущихъ, русскихъ молодыхъ силахъ...

— Неоцѣненное качество, отвѣчала ему его собесѣдница,— которое присуще всѣмъ первобытнымъ, и котораго они тотчасъ же лишаются, какъ только начнете вы ихъ полировать...

— Это парадоксъ, Дина!

— Парадоксъ? пожала она плечами. — Или ты до сихъ поръ еще не замѣтилъ, что какъ только принимаемся мы наше сырье обдѣлывать, такъ оно и становится никуда негоднымъ?... Развѣ ты не видишь, что, кромѣ простаго мужика, все остальное у насъ ложь и призракъ!... Онъ—грубый, противный намъ своею грубостью, но положительный фактъ; его, какъ ты говоришь, нельзя отрицать. Мы же — фантазія на чужую тему, сочиненная, пожалуй, хоть и такимъ Паганини, какъ Петръ Великій, но которую завтра можно вымарать всю какъ есть, а русскій народъ и не догадается объ этомъ...

Завалевскій, въ свою очередь, поднялъ на нее глаза и улыбнулся невыразимо-печально.

— Радикальнѣйшій изъ *радикальныхъ* нашихъ журналовъ, сказалъ онъ,—не выразился бы рѣшительнѣе тебя, принадлежащей къ *сливкамъ* петербургскаго общества!... За что̀ же нападаютъ у насъ на этихъ несчастныхъ... *нигилистовъ*, — терпѣть я не могу этого глупаго слова!—которые въ оправ-

данiе себя могутъ по крайней мѣрѣ сказать, что у нихъ са-поговъ нѣтъ!...

Дина вдругъ засмѣялась, засмѣялась глухимъ, отрывчатымъ злымъ смѣхомъ.

— А! ты только теперь догадался, что настоящiе на Руси нигилисты,—les naifs, les vrais!—это мы, *сливки*, наше общество, нашъ петербургскiй *монд*ъ, notre élégante société, съ какимъ-то желчнымъ наслажденiемъ нанизывала она синонимы одинъ за другимъ. Nihil, rien, ничего,—это мы, прежде всѣхъ другихъ мы!... Я счастiемъ всей моей жизни заплатила за то, что двадцать лѣтъ тому назадъ не знала этой науки такъ же твердо, какъ теперь!...

Голосъ у нея оборвался. Завалевскiй понялъ, что она страдала; онъ невольно опустилъ голову...

Да, она дѣйствительно страдала въ эту минуту: ея неудавшаяся жизнь какъ-то разомъ, яркими бликами выступила предъ нею изъ тьмы прошлаго... ей хотѣлось и терзать себя, и оправдаться, и винить другихъ...

— Мнѣ помнится, говорила она,—наша бревенчатая изба, тамъ... на границахъ Китая... затопленная печь, у которой вѣчно грѣлся больной отецъ мой... и *ихъ* бесѣды, *ихъ* признанiя... Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ. Однажды въ разговорѣ—какъ теперь слышу выраженiе его голоса, вздохъ его при этомъ,—одинъ изъ нихъ припомнилъ слова Пушкина: „не дай намъ Богъ увидѣть русскiй бунтъ, *безсмысленный* и безпощадный“. Отецъ мой, не отрывая глазъ отъ пылающихъ дровъ, сказалъ на это: „да, въ Россiи все съ *верху* и этимъ *верхомъ!...*“ Я рано, какъ ты, начала думать... Я всегда жадно слушала, соображала... Эти слова глубоко запали мнѣ въ душу; я поняла,—*ихъ* путь былъ не вѣренъ: того, что̀ такъ горячо жаждали они для родины, *тѣмъ* путемъ никогда не достигнутъ!... И помню я, какъ, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, сживала я одна по цѣлымъ часамъ, глядя въ окно на этотъ занесенный снѣгомъ сибирскiй городокъ, и неотступно думала: какъ бы мнѣ повыше, поближе къ этому *верху* дойти, и что̀ бы я говорила, какъ бы дѣйствовала, еслибы дошла, была тамъ, гдѣ бы слова мои могли быть услышаны... Силъ и вѣры

въ себя чувствовала я безъ конца; въ головѣ сидѣли у меня всѣ эти историческія женщины, рѣшавшія судьбы народовъ... Я чувствовала себя героиней, une Jeanne d'Arc, горько улыбнулась Дина,—я, дѣвчонка, однимъ моимъ женскимъ вліяніемъ думала сдѣлать для Россіи то, чего *они* не умѣли сдѣлать... Этой завѣтной мысли, не покидавшей меня ни на минуту съ тѣхъ годовъ, я пожертвовала тобою, Владиміръ... ты это знаешь?—рѣзко заключила она.

Что было правды въ ея словахъ? Пужбольскій, Марина, еслибы слышали ихъ, не колеблясь назвали бы ихъ обманомъ... Завалевскій лучше зналъ ее,—онъ не сомнѣвался въ ея искренности; онъ зналъ, что не лгала она... Но сколько въ этихъ ея молодыхъ, великодушныхъ замыслахъ было, невѣдомо для нея самой, рановременной черствости и личнаго властолюбія!

Графъ еще ниже опустилъ голову...

А она, полузакрывъ глаза, свѣсивъ голову на руку, роняла слова одно за другимъ:

— Моимъ замужствомъ открывался мнѣ доступъ au coeur de la place... Я твердою ногой заняла мѣсто въ самомъ центрѣ нашего *хиг-лифа*, иронически коверкая на французскій ладъ англійское high life, примолвила она. — Наступала наконецъ для меня желанная минута: я могла начать *дѣйствовать*... Я прямо начала съ моего beau-père'a; онъ стоялъ такъ высоко, такъ *близко*... Помню какъ сейчасъ, это было у него, послѣ семейнаго обѣда, въ самомъ тѣсномъ кругу, рѣчь зашла о предстоящей тогда войнѣ. Я сказала, что à chances égales, у враговъ нашихъ будетъ всегда одно преимущество надъ нами: это ихъ образованіе и свободное общественное мнѣніе... Надо было видѣть ужасъ, съ какимъ онъ взглянулъ на меня совершенно круглыми глазами, какъ расплеснулъ чашку кофе, которую держалъ въ рукахъ, и, замахавъ облитыми пальцами, вышелъ изъ комнаты, торопливо отирая ихъ носовымъ платкомъ... Это былъ мой дебютъ!...

Княгиня разсмѣялась опять своимъ отрывчатымъ, недобрымъ смѣхомъ.

— Чѣмъ кончилась моя политическая карьера, говорить

тебѣ нечего,—продолжала она ронять слова насмѣшливо, печально и несвязно:—пятнадцать лѣтъ я агитировала... все ту же мысль мою преслѣдовала... И какіе случаи представлялись! Новое царствованіе... Un souverain généreux, libéral, преобразованіе всего государства! Я все мечтала, ждала каждый день: вотъ, вотъ проснутся они, поймутъ, начнутъ работать!... Въ итогѣ вышло вотъ что: друзей у меня нѣтъ, les gens en place удостоиваютъ меня чести называть меня une cyrène politique des plus dangereuses,—а мнѣ еще ни одной здравой мысли во всю мою жизнь не удалось провести своимъ вліяніемъ... и, что забавнѣе всего, величайшіе мои ненавистники—это они, тѣ, о которыхъ я радѣла, *mon parti*, пользамъ которыхъ я думала служить этою безсмысленною моею *агитаціею* въ продолженіе пятнадцати лѣтъ...

— Ты слишкомъ умна была всегда, Дина! невесело улыбнулся графъ.

Она кинула на него взглядомъ изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ.

— Да, ума у насъ никогда не любили: онъ инстинктивно противенъ намъ и грозенъ... Но вѣдь за то ужь... Кто это, не помнишь, Chamfort или Voltaire сказалъ, que „les gens d'esprit font des sottises parce qu'ils ne supposent jamais le monde aussi bête qu'il est?... Вѣдь мы... У насъ даже инстинкта нѣтъ!... Какъ тяжело странѣ, гдѣ нѣтъ руководящаго высшаго сословія, образованнаго и независимаго, это уже всякій теперь видитъ... А мы, понимали-ли мы когда-нибудь серьезно наши прямыя задачи, да хоть просто *интересы* наши?... Мы все изъ рукъ выпустили и умѣемъ только безполезно браниться по уголкамъ нашихъ гостиныхъ... Да чего лучше—вотъ тебѣ самый свѣжій примѣръ: ты слышалъ вчера моего остроумнаго супруга, l'écho de nos salons! съ невыразимымъ презрѣніемъ проговорила княгиня... Они, эти Несторы и Одиссеи *консерватизма*, эти образцовыя маменьки du grand monde, они того даже въ толкъ себѣ взять не могли, что никогда еще, съ начала царствованія, не издавалось у насъ такой разумной и *консервативной* мѣры, какъ эта реформа образованія, что противъ этого *débordement du matérialisme*, о

чемъ пищатъ они съ утра до вечера,—одинъ оплотъ, одно спасеніе для ихъ дѣтей,—это здоровое, *человѣческое* воспитаніе!... Что̀ я крови себѣ испортила, разсуждая съ ними!... Все равно, что̀ воду толкла... Всѣ они хоромъ, faisant le tierce à tous ces sales feuilletons radicaux, кричали au despotisme—и какъ по нотамъ разыгрывали игру отъявленнѣйшихъ враговъ своихъ.

— Они въ райскомъ, до грѣхопаденія, состояніи обрѣтаются, замѣтилъ на это со смѣхомъ графъ,—добра отъ зла отличать не умѣютъ. Блаженные!

— Ни вѣрованій у насъ, ни преданій, ни идеаловъ! какимъ-то надтреснутымъ голосомъ заговорила опять Дина,—ничего не осталось: все позабыто, порвано... Безсмысленное шатаніе за границей, безполезное прозябаніе у себя дома, жизнь au jour le jour, тотъ же грубый прозаизмъ жизни, что̀ у вчера разжившагося жида, des vanités d'antichambre—хорошъ примѣръ, какой подаемъ мы собою русскому обществу!... У насъ даже, въ нашемъ всестороннемъ банкро̀тствѣ, прадѣдовскихъ портретовъ не остается... да и половина изъ насъ не знаетъ, кто и что̀ былъ его прадѣдъ... Мы не русскіе, христіане—à peine... и менѣе всего аристократы!... Мы блаженные, ты правду сказалъ: мы не умѣемъ отли́чить добра отъ зла, пользы отъ вреда, враговъ отъ друзей. Кого мы умѣли привлечь къ себѣ, пригрѣть, обратить, кого не оттолкнули!... Какой русскій художникъ, честный писатель могъ когда-нибудь разсчитывать на нашу поддержку, сочувствіе? Да и знаемъ-ли мы ихъ, знаемъ-ли, кто *нашъ* и кто *не нашъ*, говоря par abstraction, потому что сами мы прежде всего не знаемъ, *кто мы* такіе? Тамъ въ печати, да въ какихъ-то невѣдомыхъ намъ уголкахъ Россіи идетъ тяжелая, часто непосильная можетъ-быть борьба за Бога, за семью, за родину, за все то, что̀ называемъ мы notre acte de foi, а мы зачитываемся *Monsieur, madame et bébé*, да слушаемъ зѣвая Патти—и ни о какой борьбѣ, ни о какой русской мысли знать не хотимъ!... Такъ молчите же, по крайней мѣрѣ,—неожиданно зазвенѣлъ голосъ княгини,—не жалуйтесь, не пищите, не корчите изъ себя нелѣпаго Saint-Germain russe, не вооб-

ражайте, что вы un *parti;* et que vous faites de *l'exclusivisme éclairé*, когда вы соберете у себя въ салонъ трехъ курляндскихъ бароновъ, двухъ непроходимо-глупыхъ генераловъ et Pita KouÐenski, достойнаго друга князя Солнцева, mon seigneur et maître, и начнете съ этими Талейранами отчитывать Россію!...

Она замолкла, встала и, подойдя къ окну, устремилась взглядомъ въ даль, за Алый-Рогъ.

— Не легко тебѣ жить, понимаю!... какъ бы про себя проговорилъ Завалевскій.

— Не легко! повторила она, не оборачивая головы.—Ты этого хотѣлъ! промолвила Дина черезъ мгновеніе.

— Я? не могъ не воскликнуть онъ.

Она отвѣчала не сейчасъ:

— Повторять скучно: объ этомъ не разъ говорено было между нами, кажется.

Говорено было не разъ,—но никогда такъ мало, какъ теперь, не былъ расположенъ Завалевскій выносить эти знакомые упреки. Какимъ-то страннымъ раздраженіемъ отзывалось въ немъ, въ продолженіе всего этого разговора, эхо собственной его мысли въ устахъ Дины.

— Ничего нѣтъ легче посему, отвѣчалъ онъ ей, стараясь придать шутливый тонъ своимъ словамъ,—ничего нѣтъ легче, какъ не касаться уже никогда болѣе этого предмета.

Она вѣроятно разсчитывала на другое впечатлѣніе: нервное содроганіе пробѣжало у нея по щекѣ.. Но она не обернулась, не двинула ни однимъ членомъ,—она продолжала пристально глядѣть въ окно.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— Она въ самомъ дѣлѣ хороша, какъ нимфа лѣсная! воскликнула вдругъ Дина.

— Кто такая? спросилъ почему-то графъ.

Онъ зналъ, о комъ рѣчъ,—онъ видѣлъ самъ, онъ сидѣлъ тутъ же у окна и, обернувшись на слова княгини, замѣтилъ Марину, проходившую по направленію своего флигеля. Онъ ласково закивалъ ей, но она не видѣла, не замѣтила. Она видѣла только Дину, у того же окна, рядомъ съ нимъ, и, низко

опустивъ голову подъ широкою шляпой, пробѣжала въ свою дверь съ быстротою испуганнаго звѣрка.

— Что, она умна? оставляя безъ вниманія ненужный вопросъ Завалевскаго, спросила его княгиня.

— Милая дѣвушка! отвѣтилъ онъ серьезнымъ тономъ.

— D'éducation—point?

Онъ помолчалъ.

— Кто у насъ въ Россіи хорошо воспитанъ, разсѣянно проговорилъ онъ наконецъ, отвѣчая не ей, а своимъ собственнымъ размышленіямъ.

— Mercі! засмѣялась Дина, отошла отъ окна и заняла прежнее свое мѣсто въ креслѣ противъ графа.

— Ты долго думаешь пробыть здѣсь? молвила она, какъ бы лишь для того, чтобы сказать что-нибудь.

— Не знаю право... вотъ какъ удастся лѣсъ продать.

— А ты лѣсъ продаешь? тѣмъ же равнодушнымъ тономъ проговорила княгиня.

— Да... деньги нужны... для моего заведенія, какъ-то неохотно объяснилъ Завалевскій.

— A!... cela tient toujours? съ тончайшимъ какъ волосъ оттѣнкомъ ироніи проговорила она.

Но онъ былъ чутокъ на эти оттѣнки ея, — онъ поднялъ вѣки и взглянулъ на нее строго и пристально.

— Что же могло бы меня заставить измѣнить моей мысли? сказалъ онъ сухо.

Она невозмутимо выдержала его взглядъ; вопроса его какъ будто и не слыхала.

— Все по тому же плану? спросила она.

— По тому же...

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Я тебѣ завидую, заговорила княгиня;—ты нашелъ дѣло, занятіе... ты будешь жить себѣ въ деревнѣ, — хотя годъ проживешь—безъ скуки, безъ тоски... Безъ этой адской моей тоски! такъ и вырвалось у нея...

Никогда еще столь искреннимъ и скорбнымъ звукомъ не звучалъ для Завалевскаго этотъ знакомый ему голосъ: ему вдругъ стало ужасно больно за нее.

— Поѣзжай въ Италію, сказалъ онъ, — меня искусство спасало...

Дина приподняла голову.

— Vous oubliez mon boulet de galérien? *) язвительно прогорила она,—какое *съ нимъ* искусство спасетъ!..

Невольная улыбка скользнула по устамъ графа.

— Оставь его въ Петербургѣ,—поѣзжай одна!

— Оставить его,—одного? Княгиня плечами повела.—Чтобы онъ въ мое отсутствіе и меня ужь самое проигралъ въ карты... если только нашлись бы еще охотники выиграть меня? съ невыразимою горечью улыбнулась она.

— Какъ, опять?... воскликнулъ Завалевскій, останавливаясь предъ ней.

— Онъ не переставалъ никогда... И знаешь — гадко!... Какъ пословица говоритъ: блудливъ какъ кошка, а трусливъ какъ заяцъ... таитъ, лжетъ, сбивается,—а затѣмъ слезы, раскаяніе, лизаніе рукъ... Odieux!...

— Долги? коротко сказалъ графъ, принимаясь опять ходить по комнатѣ.

— Само собою... На-дняхъ срокъ одному векселю,—я поручилась... и если я не найду денегъ въ деревнѣ, я и не знаю.

— Много?

— Пять тысячъ съ чѣмъ-то, пропустила она сквозь зубы— и отвернулась, какъ бы избѣгая встрѣчи съ его глазами.

Онъ походилъ, походилъ...

— Это, кажется, найдется, какимъ-то шепотомъ и еще старательнѣе, чѣмъ она, стараясь не глядѣть на нее, промолвилъ онъ,—сѣлъ къ столу и, потянувъ къ себѣ ящикъ, принялся шарить въ немъ нервно подергивавшимися пальцами.

— Пять... вотъ! не договорилъ онъ, выбрасывая на столъ пачки ассигнацій и быстро подымаясь съ мѣста, чтобы не видѣть, какъ возьметъ ихъ Дина.

Она сунула ихъ въ карманъ сухимъ, какъ бы гнѣвнымъ

*) Ты забылъ мое каторжничье ядро.

движеніемъ, отшатнулась въ спинку кресла и закрыла себѣ оба глаза рукою...

— Владиміръ, тихо промолвила она,—ты меня презирать долженъ!

— Почему же это? весь растерявшись, обернулся онъ къ ней...

— Parce que j'accepte—et que vous ne m'aimez plus!...

Она опустила руку—и такъ и впилася въ него расширенными зрачками... Онъ не отвѣчалъ... До этой минуты она еще могла сомнѣваться... Теперь—нѣтъ: въ его душѣ ничего уже болѣе не оставалось! — потухла послѣдняя, послѣдняя искра... Она поняла.

На ея посинѣвшихъ губахъ заиграла тутъ же послушная усмѣшка:

— А замѣчаешь ты, какъ подъ старость всѣ мы склонны къ сантиментальности? какъ бы глумясь надъ самой собою, сказала она, подымаясь съ мѣста... и, не давъ ему найти отвѣтъ:—Когда у тебя здѣсь на почту посылаютъ?...

— Каждый день можно,—у насъ контора въ селѣ, поспѣшилъ объяснить Завалевскій.

— И прекрасно,—я успѣю сегодня же написать воронежскому моему управляющему, чтобы ждалъ насъ въ субботу. Письмо все же раньше насъ попадетъ; мы въ Орлѣ остановимся...

И она пошла къ дверямъ. Графъ двинулся за нею.

— Et ce pauvre Alexandre! остановилась вдругъ на-ходу и засмѣялась княгиня.

— А что?

— А то, что онъ какъ котъ влюбленъ въ эту вашу красавицу здѣшнюю,—comment l'appelez vous déjà?...

— Въ Марину?

— И что онъ, продолжала княгиня, не видитъ, что эта Марина, въ свою очередь, безумно влюблена въ *тебя*.

— Въ меня! почти испуганно вскрикнулъ Завалевскій;— его такъ и ошеломило...

Дина скользнула по немъ своими египетскими глазами— и ядовито улыбнулась.

— Ça ne serait déjà pas si bête de la part de la donzelle... Берегись!...

XIV.

Глубокимъ, облегчающимъ вздохомъ вздохнула Марина, когда съ трескомъ хлопнула за нею дверь на блокѣ, что̀ вела со двора въ помѣщеніе Іосифа Козьмича, и она наконецъ очутилась дома... Кузнецъ, Пужбольскій, Дина, замѣченная ею у окна, рядомъ съ *нимъ*, разнообразныя впечатлѣнія этихъ встрѣчъ,—все это сливалось у нея въ одно скорбное и удручающее чувство... Ей жадно опять хотѣлось остаться одной, *уйти*, не думать *о людяхъ*...

Она быстро направилась въ свою комнату,—но въ нее ходъ былъ чрезъ гостиную, а въ гостиной слышались голоса и хохотъ... Табачный дымъ такъ и обдалъ ее, едва успѣла она войти...

Она остановилась на порогѣ въ нѣкоторомъ недоумѣніи.

У Іосифа Козьмича были гости: „монополистъ“ Верманъ и еще кто-то, кого Марина не узнала съ перваго раза...

Хозяинъ, развалившись въ своемъ *вольтерѣ*, покуривалъ сигару; гости нещадно дымили папиросками, расхаживая вдоль и поперекъ просторной комнаты.

Верманъ, Самуилъ Исааковичъ, былъ человѣкъ еще молодой, лѣтъ тридцати пяти, и представлялъ собою типъ современнаго *полированнаго* еврея. Въ Варшавѣ онъ несомнѣнно признавалъ бы себя за „поляка Моисеева закона“; призванный обстоятельствами *къ коммерціи* въ центрѣ имперіи, онъ былъ русскій патріотъ и претендовалъ на *развитость*. Выражался онъ по-русски правильно и довольно чисто; лишь при сочетаніи гортанныхъ съ трескучимъ звукомъ *р* выдавала рѣчь его семитическое происхожденіе. Наружность Самуила

Исааковича была совершенно приличная, даже красивая. Одѣтъ онъ былъ щеголемъ, въ свѣтло-сѣрые брюки и тонкій чернаго сукна сюртукъ, безукоризненно петербургскаго покроя. По бѣлому его жилету волновалась толстая золотая цѣпь о двухъ концахъ, а на указательный палецъ правой руки насаженъ былъ большой золотой перстень съ крупнымъ сіяющимъ въ немъ алмазомъ. Эта правая рука Вермана покоилась въ карманѣ его панталонъ, но указательный палецъ выставленъ былъ наружу, и онъ на-ходу, куря, разговаривая и улыбаясь, то-и-дѣло косился на него: видите-молъ какую штуку носимъ— и это намъ нипочемъ!..

Второй собесѣдникъ господина Самойленки ни благообразностью, ни щеголеватостью наружности своей не отличался: однихъ лѣтъ съ Верманомъ, небольшаго роста, угреватый, чернозубый—печка во рту, какъ говорятъ французы,—глаза его исчезали за синими стеклами стальныхъ очковъ, и все выраженіе его лица сосредоточивалось въ узкихъ и длинныхъ губахъ, постоянно складывавшихся въ саркастическую, некрасивую усмѣшку... Говорилъ онъ бойко, складно, необыкновенно самоувѣренно, и *слово-ерикомъ* заканчивалъ чуть не каждую изъ своихъ фразъ, что придавало имъ какую-то особенную, желанную имъ, повидимому, ядовитость. Облеченъ онъ былъ въ просторное коричневатое пальто, изъ рукавовъ котораго выглядывало бѣлье довольно сомнительной опрятности...

Онъ обернулся на скрипъ двери, увидѣлъ входившую Марину — и остановился какъ вкопаный посередь гостиной, не кланяясь и глядя на нее во всѣ глаза изъ-за своихъ синихъ очковъ,—между тѣмъ какъ „монополистъ“ спѣшилъ къ ней, шаркая ножкой и протягивая ей еще издали свою украшенную алмазомъ руку, съ апломбомъ, имѣвшимъ свидѣтельствовать о томъ, что всю жизнь провелъ-де человѣкъ въ свѣтѣ.

— Маринѣ Осиповнѣ мое высокопочитаніе! проговорилъ онъ, пожимая ея пальцы,—привычки своей не измѣняете: все попрежнему какъ роза цвѣтете...

— Ботанику даже въ галантерейность обратилъ-съ! хихикнулъ вдругъ господинъ въ синихъ очкахъ, не измѣняя положенія и продолжая не кланяться ей.

Марина подняла на него глаза...

— Не узнала? кивнувъ на него съ замѣтнымъ пренебреженіемъ, спросилъ Іосифъ Козьмичъ.

Она узнала его по голосу: это былъ ея бывшій пансіонскій учитель, *знаменитый* Левіаѳановъ...

— Евпсихій Дороѳеичъ! пробормотала она: — я, дѣйствительно... Въ васъ какая-то перемѣна?...

— Очки-съ, и какъ баранъ остриженъ, съ новымъ хихиканьемъ объяснилъ ей эту перемѣну Левіаѳановъ, — ближайшіе люди едва узнаютъ-съ...

— Что же это вамъ вздумалось? безучастно спросила она; ее гораздо болѣе занималъ вопросъ, для чего и какимъ образомъ попалъ онъ въ Алый-Рогъ?

— На счетъ очковъ-съ, что вамъ сказать, отвѣчалъ онъ,— инструментъ хорошій-съ!... Ну-съ, а что касается до волосъ, которые вы, какъ бывшая моя ученица, помните при ихъ естественной длинѣ, то я поставленъ былъ въ необходимость возложить оные на алтарь отечества...

Марина взглянула на него недоумѣвая.

— Другими словами, продолжалъ *иронизировать* господинъ Левіаѳановъ, выставля при этомъ на свѣтъ Божій свои черные зубы во всей ихъ *естественной* прелести, — другими словами, я долженъ былъ пожертвовать волосами моими новѣйшимъ требованіямъ россійскаго просвѣщенія-съ...

Верманъ, очутившійся тѣмъ временемъ за спиною Левіаѳанова, насмѣшливо подмигнулъ Маринѣ, какъ бы приглашая ее ко вниманію.

— Все-таки не понимаю! громко сказала она.

— Еще бы! воскликнулъ *знаменитый* учитель:—здоровый мозгъ даже рѣшительно отказывается понимать эти новѣйшіе *абсурды!*... Тѣмъ не менѣе они берутъ верхъ-съ, и развитые люди, которымъ жрать все-таки требуется, принуждены поневолѣ подчиняться имъ... Замѣчаніе отъ попечителя при ревизіи получилъ-съ, ну-съ—и окарнался!... Полагаю, примолвилъ Левіаѳановъ,—вамъ не безъизвѣстно, что въ настоящую минуту въ богоспасаемомъ отечествѣ нашемъ задулъ самый рѣшительный нордъ-остъ-съ!

— Это что же по-вашему означаетъ? довольно грубо спросилъ господинъ Самойленко, пуская вверхъ тонкую струю дыма и не глядя на него.

— А тотъ самый вѣтеръ-съ это означаетъ, что дуетъ изъ „страны, гдѣ ловятъ соболей“... .

Іосифъ Козьмичъ презрительно повелъ на него глазами... Но Верманъ не далъ ему слова промолвить.

— Нѣтъ, Іосифъ Козьмичъ, воскликнулъ онъ, расхохотавшись и закартавивъ уже совсѣмъ по-жидовски отъ избытка удовольствія,—это хорошо, это удачно!... Евпсихій Дорроѳеичъ, они большой мастерръ на эти остхрыя словечки... Мнѣ это очень нхравится, потому очень это смѣшно!...

Марина устало опустилась въ кресло,—она тоскливо предвидѣла, что не скоро придется ей отдѣлаться отъ этой почтенной компаніи.

А *знаменитый* учитель продолжалъ объяснять ей:

— Пансіонъ княгини, какъ вамъ извѣстно, не существуетъ еще съ прошлаго года...

— Очень ужь много вы туда *прогрессу* напустили должно быть, ввернулъ опять ему Іосифъ Козьмичъ.

— При непробудной спячкѣ общества и дикомъ обскурантизмѣ учебнаго начальства, отрѣзалъ на это Левіаѳановъ,—немыслимъ болѣе прогрессъ образованія въ Россіи!...

— И слава те, Господи! безцеремонно отпустилъ, въ свою очередь, г. Самойленко.

Евпсихій Дорроѳеичъ язвительно поджалъ губы, какъ бы готовясь разразиться всесокрушающимъ какимъ-то словомъ... и ничего не сказалъ: онъ вспомнилъ во-время, что ему не разсчетъ враждовать съ Іосифомъ Козьмичемъ, и только плечомъ слегка повелъ.

Но „монополистъ“ еще разъ горячо вступился за него:

— Ахъ, Боже мой, я даже не вѣрю моимъ ушамъ, чтобы такой умный человѣкъ, какъ Іосифъ Козьмичъ, могъ такую идею въ своей головѣ держать!... Какъ же это можно безъ прогресса?... Мы, русскіе, должны имѣть прогрессъ, какъ вся Европа имѣетъ... И Евпсихій Дорроѳеичъ про начальство свое вѣрно сказалъ, повѣрьте моему честному слову, уважаемый

Іосифъ Козьмичъ, потому, за то единственно, что у него самыя новыя убѣжденія *цывилизаціи*, онъ пострадалъ въ своей службѣ,—самую должность свою въ гимназіи потерялъ, вздохнулъ даже Верманъ, въ то же время двусмысленно подмигивая опять Маринѣ.

Она вопросительно взглянула на Левіаѳанова.

— Вѣрно-съ; вынужденъ былъ распроститься съ нашею губернскою *Чехіею*, хихикнулъ тотъ въ отвѣтъ.

Марина еще съ большимъ изумленіемъ открыла глаза.

— А до васъ еще не дошло названіе? Очень удачно придумано-съ оно извѣстнымъ однимъ въ Петербургѣ остроумцемъ: не гимназія, а *Чехія*-съ, тверская чехія, тульская чехія, московская вторая чехія и такъ далѣе-съ; по преобладающему, то-есть, въ нихъ элементу — и соотвѣтственная кличка, злобно смѣялся Левіаѳановъ.

— Очень не нравятся Евпсихію Дороѳеевичу эти *братья-славяне!* подбивалъ съ громкимъ смѣхомъ видимо потѣшавшійся „монополистъ“.

— А чѣмъ они его обидѣли? спросилъ Іосифъ Козьмичъ, не почитая даже нужнымъ обратиться съ этимъ вопросомъ къ самому Левіаѳанову.

— Никогда они меня не обижали, подбирая задрожавшія губы, возразилъ учитель,—потому, во-первыхъ-съ, на то отъ меня еще никому не дано дозволенія, а затѣмъ они и обидыто нанести никому не въ состояніи... Потому это даже не люди-съ, а нѣчто въ родѣ преподавательныхъ машинъ, къ самостоятельному мышленію и критикѣ неспособныхъ-съ... Ты ему толкуешь о современной педагогіи, о реальныхъ требованіяхъ вѣка, а онъ даже, пѣшка этакая, слова тебѣ не возразитъ, а только улыбнется снисходительно, и тутъ же, по первому звонку-съ, пендеритъ въ классъ и добросовѣстнѣйшимъ образомъ душитъ своего Цицерона.

— Къ долгу своему, значитъ, усерденъ, вывелъ заключеніе Іосифъ Козьмичъ.

— Факирствуетъ даже во имя допотопнаго принципа сего-съ! пояснилъ съ своей стороны *знаменитый* учитель.

— Ну, а мѣста-то вы изъ чего лишились?

Левіаѳановъ недружелюбно глянулъ изъ-подъ очковъ на надменнаго г. Самойленку и тутъ же обернулся къ Маринѣ.

— Вы меня поймете-съ, заговорилъ онъ: — во-первыхъ, новый директоръ филологъ... и убѣжденный притомъ... то-есть, другими словами-съ, обскурантъ первѣйшаго нумера; во-вторыхъ, носъ свой совать всюду пошелъ, на уроки ходить-съ... Контроль, словомъ, надо мною завелъ-съ. Намеки пошли, замѣчанія, и ехиднѣйшимъ, знаете, образомъ: у васъ, говоритъ мнѣ разъ, въ шестомъ классѣ двѣ трети учениковъ букву *ять* правильно ставить не умѣютъ; смѣю, говоритъ, думать, что знать это было бы гораздо для нихъ полезнѣе, чѣмъ разсуждать *объ отрицательномъ элементѣ въ русскомъ народномъ эпосѣ;* это онъ-съ на одну изъ моихъ лучшихъ лекцій намекалъ... Я, знаете, даже отвѣтомъ не удостоилъ его... потому на такую пошлость и отвѣчать не стоитъ!.. Обскурантъ, какъ видите-съ, однимъ этимъ замѣчаніемъ весь себя выгравировалъ... Ну-съ и, разумѣется, это молчаливое мое презрѣніе къ нему паче злѣйшей брани засѣло въ его мелкой, классической душонкѣ. Сталъ онъ меня видимо преслѣдовать-съ, а я, знаете, молчать принужденъ, потому буаръ-манже, ничего съ этимъ не подѣлаешь!... Только наконецъ такой случай вышелъ-съ: въ томъ же это шестомъ классѣ было,—долженъ я былъ имъ, знаете-съ, по программѣ, о духовномъ краснорѣчіи, о церковныхъ нашихъ якобы *ораторахъ* читать... Такъ по этому поводу-съ выразилъ я въ классѣ самую элементарную, будничную, такъ-сказать, въ наше время мысль: вѣра въ отвлеченное начало, говорю, а тѣмъ болѣе всякій внѣшнимъ образомъ выражающійся культъ его не совмѣстны, говорю-съ, съ реально-научнымъ направленіемъ современнаго человѣчества... И, можете себѣ представить-съ, за эту невиннѣйшую мою фразу онъ мнѣ вдругъ въ педагогическомъ совѣтѣ формальный выговоръ-съ!... Сдержался я и тутъ, молчу-съ,—жду, знаете,—не можетъ быть, думаю себѣ, чтобы никто изъ присутствующихъ за здравый смыслъ не вступился!.. Держи карманъ! позеленѣлъ даже отъ злости Левіаѳановъ, — сидитъ почтенное сословіе, духомъ низости обуянное-съ глаза опустили... Хоть бы одинъ рѣшился!.. Молчатъ, какъ воды въ ротъ

набрали!.. Ну-съ, тутъ я съ мѣста поднялся: я до сихъ поръ полагалъ, говорю, что прямая задача каждаго педагога-съ есть здоровое развитіе мозговъ ввѣряемаго ему юношества; если же, говорю, вамъ требуется теперь забивать это юношество въ старыя колодки умственнаго крѣпостничества и идолопоклонства, то я такому преступному дѣлу не слуга-съ, и отрясаю прахъ моихъ сандалій... Плюнулъ—и вышелъ...

— Хражданство свое показали, настоящій сынъ отечества нашъ Евпсихій Дороѳеичъ! закартавилъ опять восхищенный Верманъ, Самуилъ Исааковичъ, и треснулъ одобрительно „сына отечества“ по плечу.

— А затѣмъ что же произошло? спросилъ практическій Іосифъ Козьмичъ: — сами вы подали въ отставку, или васъ *того?..*

Онъ досказалъ мысль свою движеніемъ руки...

— Сами, сами! отвѣчалъ за Левіаѳанова „монополистъ“,— плюнули какъ благородный человѣкъ — и вышли сами!... И такъ я удивился, скажу вамъ! Ѣду изъ Харькова—и тутъ на станціи встрѣчаю ихъ. Куда вы, говорю, отправляетесь? А они мнѣ это все разсказали: и теперь, говорятъ, ѣду въ Петербургъ, въ военную гимназію желаю поступить, потому тамъ, говорятъ они, начальство настоящее, либеральное... И это совсѣмъ правда, я слышалъ въ Петербургѣ: самая настоящая либеральная цивилизація теперь въ военномъ вѣдомствѣ... Только у меня сейчасъ эта мысль въ голову,—что вашъ графъ тутъ большое заведеніе начинаетъ, и я подумалъ, что такой ученый, какъ Евпсихій Дороѳеичъ, можетъ у него самое лучшее мѣсто получить, съ большимъ жалованьемъ... Іосифъ Козьмичъ, говорю имъ, самый первый сортъ человѣкъ и мнѣ самый лучшій другъ. Онъ можетъ вамъ, говорю, очень помогать...

— А я вамъ на это вотъ что долженъ сказать, прервалъ его главноуправляющій: — помощь моя въ этомъ дѣлѣ ни причемъ, ибо я вовсе до него не касаюсь, и планы графа насчетъ его этой школы мнѣ даже вовсе незнакомы. Вы переговорите вотъ съ ней, небрежно обращаясь къ Левіаѳанову; кивнулъ на Марину Іосифъ Козьмичъ, — ей по этой части

болѣе извѣстно. А мы съ вами, Самуилъ Исааковичъ, пройдемъ ко мнѣ...

— Пойдемте, пойдемте, почтеннѣйшій другъ! заспѣшилъ Верманъ.

Марина и бывшій ея наставникъ остались одни.

— Что же вы мнѣ скажете „по этой части-съ?“ иронически повторяя слова Іосифа Козьмича, спросилъ дѣвушку Левіаѳановъ, взялъ стулъ и сѣлъ прямо насупротивъ ея, и такъ близко, что колѣни его чуть не касались ея платья...

Она отодвинулась съ кресломъ своимъ назадъ.

— Право, не знаю, что вамъ сказать, отвѣчала она,— кромѣ того, что и вамъ, кажется, такъ же хорошо извѣстно, какъ и мнѣ... Графъ устраиваетъ институтъ, въ которомъ будутъ воспитываться народные учителя...

Ей почуялось, что онъ ея не слушаетъ: онъ глядѣлъ не отрываясь на нее; за его темными очками она не видѣла его глазъ, но на губахъ его складывалась какая-то скверная, влажная улыбка, которая ей была очень противна.

— Организмъ вашъ замѣчательно развился съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ васъ, выговорилъ, дѣйствительно, Левіаѳановъ вслѣдъ за этою скверною улыбкой.

Марина окинула его холоднымъ взглядомъ съ ногъ до головы.

— Я полагаю, что вы пріѣхали сюда не для того, чтобы заниматься моею особой! рѣзко и коротко промолвила она.

Онъ передернулъ плечами, всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— А въ память того, что я нѣкогда имѣлъ честь быть вашимъ преподавателемъ, видимо подавляя свою желчь, молвилъ онъ,—вы не откажете мнѣ въ отвѣтѣ-съ на нѣкоторые... необходимые для меня вопросы?

— Спрашивайте! На что могу, на то отвѣчу.

— Что за человѣкъ такой этотъ вашъ графъ?

Она предвидѣла, что онъ это непремѣнно ее спроситъ, и отвѣчала безъ замѣшательства:

— Очень хорошій человѣкъ.

— Ну это само собою-съ! хихикнулъ тутъ же Левіаѳановъ,—всѣ эти тупицы идеальныя прекрасные люди!

Этого не предвидѣла Марина,—и вся кровь кинулась ей въ голову... Съ какимъ наслажденіемъ швырнула бы она въ эту минуту въ голову *наглеца* тяжелый бронзовый колокольчикъ, стоявшій тутъ, на столѣ, въ ближайшемъ разстояніи отъ ея руки. Но она сдержалась въ свою очередь.

— А чѣмъ онъ вамъ доказалъ, что онъ „тупица идеальная?“ уронила она сквозь сжавшіяся губы.

— Какъ чѣмъ доказалъ? продолжалъ хихикать Левіаѳановъ:—да этимъ самымъ институтомъ своимъ-съ!.. Какой же реалистъ, человѣкъ съ мозгами, станетъ жертвовать своимъ капиталомъ—вѣдь онъ-съ, говорятъ, триста тысячъ ухаетъ на это дѣло!—на дѣло, въ которомъ онъ ни бельмеса не смыслитъ!...

— Вы почемъ знаете, что не смыслитъ? вскрикнула Марина,—онъ въ Америкѣ спеціально изучалъ народныя школы!...

Слово „Америка“ въ первую минуту какъ бы озадачило *знаменитаго* Евпсихія Дороѳеича: „На кой чортъ этакимъ аристократамъ пустѣйшимъ въ Америку ѣздить?“ пронеслось у него въ головѣ.

— Америка-съ въ этомъ вопросѣ не указъ! возразилъ онъ громко,—тамъ-съ давно *люди*, граждане свободные... А у насъ прежде всего надобно знать-съ... ту дурацкую штуку надобно знать-съ, что̀ зовутъ *русскимъ народомъ!*

— А вы его знаете, народъ?

Руку Марины такъ и тянуло къ колокольчику...

— Я, по крайней мѣрѣ, знаю то-съ... *куда* его вести слѣдуетъ! прошипѣлъ Левіаѳановъ, и безобразною, судорожною складкой скривились его уста...

Онъ обернулся на Марину—и почуялъ на этотъ разъ, что не сочувственъ былъ онъ ей со всѣхъ сторонъ, и что далеко стояла теперь отъ него эта бывшая его ученица-воструха, когда-то, такъ бойко и рабски ему вторя, разсуждавшая „о политико-соціальномъ значеніи типа Катерины въ *Грозѣ*...“

„Вляпался маленько“, сознался онъ внутренно. И тутъ же въ цѣломудренномъ соображеніи объяснилъ себѣ, откуда могла произойти въ ней эта перемѣна: „аристократъ, разсудилъ онъ,

клубничникъ, пріударяетъ за нею всеконечно, а ей, дурѣ, лестно!...“

— Нѣтъ спора, заговорилъ онъ вслухъ, довольно ловко заворачивая оглобли, — что люди способные на такія, прямо надо сказать, безкорыстныя жертвы-съ, во всякомъ случаѣ люди почтенные, всякое поощреніе себѣ заслуживающіе... Но все же-съ, стою на томъ, вѣдь это люди не реальные-съ!... Отсюда вижу-съ: витаетъ почтенный человѣкъ въ воздусяхъ, все человѣчество на перси себѣ принять готовъ-съ, любовь эдакая всеобъемлющая, анъ гранъ... Типъ сороковыхъ годовъ, извѣстно. Эстетикъ-съ!...

— А вамъ какихъ еще нужно? съ вызывающею улыбкой спросила Марина.

— И такіе нужны-съ, и такіе! засмѣялся Левіаѳановъ.— Только за этими, за благодѣтелями-то, изволите видѣть-съ, должны стоять настоящіе, реальные люди... которые все вести должны-съ... И это даже гораздо удобнѣе... и безопаснѣе, потому эти эстетики, аристократы эти-съ, они тамъ, наверху, довѣріе внушаютъ... и за ними человѣку, что говорится, какъ у Христа за пазушкой. Теперь не мало такихъ примѣровъ на Руси: аристократъ, знаете, благонамѣренный, вывѣскою, размалеваннымъ этимъ орломъ, что пучитъ грудь на воротахъ-съ... ну-съ, а тамъ, внутри зданія, реалисты настоящее дѣло дѣлаютъ-съ! уже захлебывался и облизывался Левіаѳановъ, рисуя предъ Мариной эту соблазнительную для него картину.

— А кто же лучше по-вашему, гнѣвно задрожалъ голосъ дѣвушки,—эти-ли честные люди на воротахъ, или тѣ, которые ихъ „тамъ, внутри,“ обманываютъ?

— Да кто же вамъ говоритъ про обманъ! словно даже и обидѣлся тотъ: — никакого обмана тутъ нѣтъ-съ, потому что естественнымъ теченіемъ, непобѣдимою силою вещей, эстетикъ-съ всегда, въ каждомъ данномъ случаѣ долженъ подчиняться реалисту, ибо самая великодушная фантазія безсильна предъ фактомъ-съ. А съ фактомъ эстетикъ справиться не въ состояніи-съ, и съ перваго же разу мизернѣйшимъ образомъ пасуетъ предъ нимъ-съ, потому что онъ, извѣстно, орелъ-съ, свысока, анъ гранъ!... А реалистъ—кротъ, руки себѣ марать

онъ не боится, всякіе входы и выходы знаетъ-съ, терпѣніемъ, голодомъ да холодомъ повитъ и вскормленъ, такъ-сказать... Такъ какъ же ему не осѣдлать почтеннаго верхогляда-съ, воздыхающаго о пользѣ народа на тысячномъ матрацѣ и не разумѣющаго даже того, въ чемъ именно эта польза народа состоитъ-съ! Вѣдь вы подумайте только о томъ: вѣдь благодѣтель этотъ съ мужикомъ и говорить-то не умѣетъ-съ, вѣдь, какъ онъ тамъ себѣ ни распинайся и ни гуманничай, вѣдь онъ крестьянскому-то своему воспитаннику во-вѣки-вѣковъ чуждъ останется, и будетъ въ немъ видѣть этотъ сынъ народа все то же *начальство*-съ, которое онъ съ пеленъ пріученъ ненавидѣть!...

— Неправда, пылко заступилась Марина,—онъ этого мальчика, воспитанника своего, любить будетъ, а любовь... это всякій чувствуетъ!...

— Любовь! захихикалъ опять Левіаѳановъ, — любовь во Христѣ?... Ну-съ, эта штука стара, ее бросить пора! На нее босому сапоговъ не сошьешь!... На этой-то штукѣ-съ всѣ они проваливаются, благодѣтели-то!... Какая тутъ христіянская любовь-съ, когда весь общественный порядокъ ни черта не стоитъ, и...

— И вы бы хотѣли мальчикамъ разрушеніе его проповѣдывать! не сдерживаясь болѣе, не дала ему кончить Марина.

„Эге, да какъ она прямо хватаетъ!“ подумалъ нѣсколько озадаченный „сынъ отечества“.

— Я вижу, барышня, сказалъ онъ громко, — что вы не даромъ изволите проводить ваше время въ обществѣ сіятельныхъ лицъ, слишкомъ вы консервативны стали-съ... Только къ чему вы эти жалкія слова говорите: „разрушеніе“ и прочее? Какое тутъ *разрушеніе?* Коли вещь цѣла и здорова, такъ она отъ слова прахомъ не разсыплется... Ну, а если прогнила она вся насквозь, вѣдь вы ее отъ самогибели ничѣмъ не спасете-съ! Я полагаю, что вашъ графъ, какъ умный человѣкъ, самъ за гниль стоять не станетъ-съ...

— Я все это слышала, знаю! еще разъ прервала его дѣвушка.

Глаза ея горѣли какъ въ лихорадкѣ; она едва совладѣвала съ нервною дрожью, пронимавшею всѣ ея члены.

— Я знаю, я сама испытала... все, чему вы насъ учили тамъ, въ пансіонѣ... и они, эти, — Марина кивнула на столъ съ журналами,—*это* гниль... и смерть... да, гниль и смерть!... Я неумѣлая, ничего не знаю, ни за что̀ приняться не умѣю,— такъ хорошо воспитали меня! Но я чувствую, всѣмъ существомъ моимъ чувствую, не *этому* слѣдуетъ учить народъ... что *вы* не учители его, а *презиратели!*... Они, эти „эстетики", надъ которыми вы смѣетесь... такіе люди, какъ графъ,— они тысячу разъ ближе къ бѣдному народу... онъ ихъ всегда въ тысячу разъ будетъ болѣе уважать, любить, чѣмъ васъ, *злюковъ*, ненавистниковъ!...

Левіаѳановъ опѣшилъ... Этотъ горячій, прерывающійся голосъ, эти сверкающіе глаза, негодующія яркія губы,—ему еще и не случалось натыкаться на что-либо столь искреннее, сильное и красивое. Но, главное, онъ понималъ, что она, эта красавица, гораздо глубже проникала въ *суть вещей*, чѣмъ онъ это могъ предполагать, и что это подымалось теперь серьезною преградой къ достиженію имъ тѣхъ *политическихъ* и матеріальныхъ цѣлей, для которыхъ онъ, по иниціативѣ Вермана, пріѣхалъ въ Алый-Рогъ.

— Многоуважаемая эксъ-ученица моя, началъ онъ послѣ довольно продолжительнаго размышленія, стараясь придать теперь какъ можно болѣе игривости своимъ словамъ,—я никакъ не думалъ, чтобы мы съ вами когда-нибудь встрѣтились врагами на пути жизни... А еще менѣе, чтобы вы рѣчамъ моимъ могли придавать *неблагонамѣренное* значеніе-съ. Такія бесѣды-съ, какъ сейчасъ наша съ вами, повторяются теперь ежедневно во всѣхъ пунктахъ пространнаго нашего отечества. Это еще Тургеневымъ въ *Дымѣ* замѣчено-съ очень вѣрно: сойдутся вмѣстѣ два русскихъ человѣка, и тотчасъ же начнутъ о *судьбахъ Россіи*... И высказываются большею частію при этомъ мнѣнія... самыя крайнія-съ, нелѣпыя иногда... Однако это нормальному теченію жизни нисколько не мѣшаетъ-съ, и отъ этихъ разговоровъ никакого *разрушенія*, ниже бунта не происходитъ-съ... Такъ и теперь между нами...

Все, что̀ вы мнѣ выразили о графѣ, — а я не могу не принять въ серьезъ убѣжденія такой умной личности, какъ вы,— доказываетъ мнѣ то, что онъ человѣкъ съ мозгами.... И я увѣренъ, что еслибы мы теперь разсуждали съ нимъ, отправляясь отъ понятій самыхъ противоположныхъ, мы бы непремѣнно сошлись и подали другъ другу руку на одной, равно намъ дорогой идеѣ—на желаніи общей пользы.

— Никогда, никогда бы не сошлись! закачала головой Марина.

— Позвольте однако!... перебилъ ее Левіаѳановъ и—пріостановился.—Вѣдь я васъ настолько знаю... и уважаю, заговорилъ онъ опять, какъ-то насильственно и тревожно усмѣхаясь,—что увѣренъ... вы на доносъ и наушничество не способны...

— Какое наушничество? открыла она большіе глаза.

— Вы не стали бы предостерегать графа... что вотъ это *опасный*, молъ, человѣкъ... агитаторъ, что-ли?...

— Нѣтъ, нѣтъ! поняла Марина и презрительно усмѣхнулась въ свою очередь,—ничего бы я его не предостерегала... потому что онъ самъ...

Она не договорила. Левіаѳановъ съ ненавистью покосился на нее.

— Вы большое вліяніе на него имѣете-съ? пропустилъ онъ, поджимая свои длинныя губы.

Она глянула на него во всѣ зрачки.

— На такого человѣка вліянія я имѣть не могу,—но уважаетъ онъ меня, въ этомъ я убѣждена...

Онъ не выдержалъ этого взгляда и, пробормотавъ: „я увѣренъ, увѣренъ“, пошелъ опять ходить по комнатѣ.

Настало молчаніе... Левіаѳановъ стоялъ у открытаго окна гостиной и глядѣлъ въ садъ.

— Графъ сѣдой? спросилъ онъ. — И голову нѣсколько внизъ держитъ?...

— Д-да...

— Такъ это онъ!... И съ нимъ дама?... Вѣдь онъ не женатъ?

— Н-нѣтъ...

— Такъ позвольте полюбопытствовать: кто же это съ нимъ? обернулся къ Маринѣ Евпсихій Дороѳеичъ.

— Одна его родственница,—княгиня Солнцева.

— Родственница! протянулъ за нею Левіаѳановъ, принимаясь опять глядѣть въ окно.—Ловко одѣта, шельма! выразилъ онъ свое одобреніе, и примолвилъ: — собаку на этомъ съѣли аристократки эти!

Покачиваясь, какъ бы въ раздумьи, съ одной ноги на другую, онъ постоялъ, постоялъ у окна—и вдругъ разомъ повернулъ къ Маринѣ.

— Можете-ли вы мнѣ дать одно ваше честное слово?

— Не дамъ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ отвѣчала она:— пока не узнаю, въ чемъ оно должно состоять.

— Не выражать графу вашего мнѣнія обо мнѣ, ни за, ни противъ?

— Я вамъ сказала: ему не нужно моего мнѣнія.

— Ну, и прекрасно! Такъ я пойду-съ.

— Куда? невольно спросила Марина.

— Отрекомендуюсь ему...

И Левіаѳановъ исчезъ за дверями, открывавшимися изъ гостиной Іосифа Козьмича прямо въ садъ.

— И вотъ кто насъ воспитываетъ! прошептала Марина, въ какомъ-то изнеможеніи опуская голову на грудь.

Между тѣмъ, въ наступившей теперь тишинѣ, до нея довольно явственно стали доноситься изъ-за невплоть притворенной двери кабинета Іосифа Козьмича голоса хозяина и Вермана. Увлеченные интересомъ своей бесѣды, они говорили уже совершенно громко, очевидно не помышляя о томъ, что разговоръ этотъ могъ дойти до постороннихъ ушей...

— Еслибы вы всѣмъ количествомъ, и въ сроки, лѣтъ на шесть! говорилъ „монополистъ“.

— Ловокъ ты, братъ, Самуилъ Исааковичъ! басилъ смѣясь Іосифъ Козьмичъ:—по сорока рублей десятину, чтобъ я тебѣ лучшій мой, береженный лѣсъ отдалъ, когда, какъ только дана будетъ концессія на линію, такъ я за всю дачу кругомъ по сту рублей возьму...

— Не пойдетъ сюда ни за что линія! перебилъ Верманъ:—

я отъ самаго вѣрнаго человѣка въ Петербургѣ знаю: желѣзная дорога на Трущобскъ пойдетъ...

— На Трущобскъ! передразнилъ его г. Самойленко:—въ самомъ дѣлѣ? — Ну, а если я тебѣ сейчасъ письмо принесу къ графу отъ самого управляющаго министерствомъ, что наша линія уже высочайше утверждена?..

Послѣдовало молчаніе: Верманъ очевидно былъ сбитъ съ позиціи.

— Такъ это-жь еще когда концессія, многоуважаемый, заговорилъ онъ опять: — а вы говорите, графу сейчасъ деньги нужны?

— Такъ и не по сту же рублей прошу у тебя, а половину...

— Шестьдесять рублей сказали?...

— Ну, конечно, съ моими коммиссіонными—и всѣ шестьдесять выйдутъ... Такъ вѣдь какой же клинъ продаю тебѣ: Сотникову пустошь!...

— Коммиссіонерскій процентъ гдѣ угодно — два, а не двадцать, многоуважаемый! тономъ шутливаго упрека сказалъ на это Верманъ.

— А мнѣ наплевать на ваше „гдѣ угодно!“ грубо возразилъ „потомокъ гетмановъ“:—какъ сказалъ, такъ и живетъ!...

— Дорого, почтенный другъ! послышался вздохъ „монополиста.“

— А дорого, такъ я съ клинцовскихъ старовѣровъ по семидесяти пяти возьму! Самъ знаешь, не вру... Только не хочется мараться съ ними!...

Верманъ опять отвѣчалъ не сейчасъ:

— Ну, извольте, Іосифъ Козьмичъ,—мы, какъ образованные люди и старые друзья, не будемъ торговаться!... Извольте,—беру все количество, двадцать тысячъ десятинъ, по той же цѣнѣ, платежъ по срокамъ, въ пять лѣтъ!...

— Сказалъ — нѣтъ! отрѣзалъ тотъ, и голосъ его такъ и зазвучалъ чувствомъ глубокаго уваженія къ собственному своему благородству: — интересовъ моего довѣрителя я не продаю!... Ему требуется триста тысячъ: я сбываю тебѣ изъ дачи шесть тысячъ десятинъ по пятидесяти рублей кругомъ, вношу

ему полную сумму, беру свои коммиссіонныя—и баста!... Ни березки лишней не позволю вырубить!... Захочетъ графъ черезъ два года остальное по сту рублей продать,—покупщика ему найду...

— Сами купите! хохоталъ уже Верманъ:—и затѣмъ раздалось громкое чмоканье;—это повершали друзья свою сдѣлку лобызаньемъ...

— И на что̀ вамъ столько денегъ, многоуважаемый? продолжалъ заливаться „монополистъ“ на самыхъ высокихъ нотахъ своего голоса.

— А ты забылъ, что у меня дочь невѣста? весело отвѣчалъ на это Іосифъ Козьмичъ:—на приданое ей нужно!..

Словно волною грязи обдало Марину... Она вскочила съ мѣста не помня себя, кинулась къ двери кабинета...

— Не нужно мнѣ вашихъ краденыхъ денегъ! крикнула она и, хлопнувъ за собою этою дверью, такъ что зазвенѣли всѣ окна гостиной, пробѣжала въ свою комнату—и заперлась въ ней двойнымъ замкомъ.

XV.

Левіаѳановъ, застегнувъ пальто на всѣ пуговицы, подвязавъ распустившійся галстукъ и отряхивая пыль съ рукавовъ своихъ, направлялся по саду искать графа.

— Ишь ты великолѣпіе какое! вскликнулъ онъ про себя, очутившись въ главной широкой аллеѣ, въ глубинѣ которой подымался легкій, изящный, растрелліевскаго стиля фасадъ Алорожскаго дворца:—поселиться бы тутъ, кажется... и умирать не надо!...

Графъ и графиня Солнцева выходили въ это время изъ боковой аллеи.

Левіаѳановъ пріостановился, далъ имъ подойти и, не спѣша, съ приличною учтивостью, снялъ передъ ними шляпу.

— Извините меня за нескромность, обратился онъ къ Завалевскому: — заѣхавъ сюда случайно съ однимъ моимъ знакомымъ, имѣющимъ дѣло до вашего главноуправляющаго,— я самовольно дерзнулъ выйти на прогулку въ вашъ прекрасный садъ...

— Ахъ, сдѣлайте милость! поспѣшилъ отвѣчать Завалевскій,—на то и сдѣланъ садъ, чтобы въ немъ гуляли... И это удовольствіе не часто ему достается, къ сожалѣнію, шутливо примолвилъ онъ—и, слегка двинувшись впередъ, взглянулъ на Левіаѳанова, какъ бы приглашая его этимъ взглядомъ продолжать прогулку вмѣстѣ...

Учитель еще разъ приподнялъ шляпу и повелъ глазами на княгиню... Она, въ свою очередь, поощрительно улыбнулась...

Левіаѳановъ и не подозрѣвалъ, какъ благопріятна была

для него эта избранная имъ для „отрекомендованія себя“ минута... Послѣ приведеннаго нами разговора въ кабинетѣ, Дина и Завалевскій вышли вмѣстѣ въ садъ, машинально: она—потому, что ей нечего было уже дѣлать, нечего сказать въ кабинетѣ; онъ—по простому долгу хозяина, чтобы не оставить ее одну... И уже цѣлый часъ ходили они теперь подъ тѣнью аллей, отъ времени до времени обмѣниваясь вопросами и замѣчаніями, на которые не требовалось отвѣта, тщательно избѣгая взгляда и слова, которые могли бы выдать то, что думалось каждымъ изъ нихъ, и чуть не проклиная другъ друга за это взаимное стѣсненіе, за этотъ свой невыносимый, безсмысленный tête-a-tête... Третье, новое, незнакомое лицо—это былъ для обоихъ ихъ нежданный и вожделѣнный избавитель!...

— Какое это мѣсто прекрасное для вашего будущаго заведенія! началъ прямо избавитель, шагая рядомъ съ графомъ.

— А вы уже слышали про мои затѣи? ласково спросилъ тотъ.

— Какъ не слыхать-съ!.. И какъ русскій—и притомъ самъ вышедшій изъ народа человѣкъ, и педагогъ къ тому жь,—обрадовался имъ несказанно!.. Мѣсто, главное, отлично выбрано... вдали отъ тлетворнаго вліянія городовъ... дающее возможность полнаго сосредоточенія, ближайшаго руководства... Да-съ, даже вздохнулъ Левіаѳановъ,—здѣсь дѣйствительно можетъ, по рецепту нашихъ вѣчныхъ учителей, древнихъ, воспитаться mens sana in corpore sano *).

— А вы были педагогомъ? спросилъ графъ.

— Нѣсколько лѣтъ преподавалъ въ здѣшней губернской гимназіи... и бросилъ!..

— Бросили?

— Да-съ; грудь у меня слабая, чахоткой врачи пугали... Впрочемъ, промолвилъ онъ, стараясь улыбнуться какъ можно добродушнѣе,—самого-то меня пугала не физическая, а такъ-сказать, *духовная* смерть...

— Что же такъ? участливо обернулся на него Завалевскій.

---

*) Здравый умъ въ здравомъ тѣлѣ.

— Да изволите видѣть-съ, заговорилъ опять Левіаѳановъ, придавая тону своихъ словъ оттѣнокъ наивности и добродушія,—у насъ въ Россіи, Богъ уже знаетъ какъ это дѣлается, но какое бы занятіе ни выпало на долю человѣку,—будь онъ ученый или сапожникъ,—онъ непремѣнно, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, обращается въ чиновника... Ну-съ, такъ вотъ мнѣ сапожникомъ подолѣе хотѣлось оставаться!.. Я и удалился.

Графъ и Дина засмѣялись оба: очень не глупымъ человѣкомъ показался имъ обоимъ этотъ невѣдомый господинъ.

— И вы *навсегда* отказались отъ учебной дѣятельности? какъ бы удивился Завалевскій.

„Клюетъ! самодовольно сказалъ себѣ Левіаѳановъ:—страхъ не любитъ чиновниковъ все это аристократство, я зналъ!“...

— Ничего про себя не могу сказать въ эту минуту, отвѣчалъ онъ громко: — потому я весь еще подъ впечатлѣніемъ счастливаго для меня помышленія, что я изъ казенной колеи выбился...

— И что же вы думаете дѣлать? спросила его въ свою очередь Дина.

— Я-съ... въ Одессу пробираюсь... оттуда хотѣлось бы моремъ — ко Святымъ мѣстамъ... На востокъ вообще! поспѣшилъ онъ примолвить, поймавъ на-лету быстрый, проницательный взглядъ, кинутый ему княгинею... „Не ханжа!“ принялъ онъ тотчасъ же къ свѣдѣнію.

— Отчего же именно на востокъ? улыбалась она между тѣмъ.

— Какъ это вамъ сказать-съ! началъ педагогъ ощупью, ловя попеременно на лицѣ графа и Дины впечатлѣніе, какое производили его слова:—я выраженіе *востокъ* понимаю очень широко... хотѣлось бы познакомиться съ единокровными намъ племенами... къ славянству поближе присмотрѣться...

— Для педагогическихъ цѣлей? продолжала усмѣхаться княгиня.

— Ну, конечно! поддакнулъ онъ и разсмѣялся ей подстать:—тамъ, разумѣется, учиться нечему, но...

— Едва-ли такъ! сказалъ неожиданно для него графъ:—

у чеховъ, напримѣръ, мы многому, пожалуй, могли бы научиться.

— „Съ придурью этой московскою, значитъ, баринъ!“ тотчасъ же рѣшилъ про себя Левіаѳановъ. — Да-съ, съ важностью возгласилъ онъ громко, — серьезное образованіе-съ... Это уже никакъ отнять у нихъ нельзя-съ!... И затѣмъ,—что для нашего брата, россіянина, особенно поучительно,—цивилизація, такъ-сказать, сплошная-съ; не съ верху, а отъ корня идетъ-съ,—о чемъ хлопочутъ такъ наши почтенные славянофилы... которые, конечно,—онъ жалостливою гримасой объяснилъ княгинѣ невысокое мнѣніе свое о славянофилахъ, — и немедленно затѣмъ обернувшись къ Завалевскому:—но Хомяковъ, напримѣръ, сказалъ онъ... и пріостановился на мигъ:— „а чортъ ихъ молъ впрочемъ знаетъ, не почитается-ли у нихъ Хомяковъ *краснымъ!*“—нельзя игнорировать-съ такую капитальную, все-таки штуку, какъ Хомяковъ! договорилъ онъ наконецъ.

— „Сплошная цивилизація!“ повторилъ тѣмъ временемъ слова его графъ:—это вами вѣрно замѣчено... Проваловъ нѣтъ между общественными слоями, — слѣдовательно, розни мѣста нѣтъ, коллективность политическихъ, соціальныхъ интересовъ.

— А у насъ, подхватывая на-лету его мысль и начиная развивать ее по-своему, залопоталъ Левіаѳановъ, — у насъ явленіе противоположнаго свойства. У насъ внизу безграмотная, темная масса, сверху искусственная, такъ-сказать, интеллигенція.

— Умственный пролетаріатъ! проронила княгиня.

— Именно такъ-съ, именно! Умственный пролетаріатъ... Элементъ опасный! примолвилъ онъ съ рѣшительностью, съ слишкомъ большою рѣшительностью!

Дина закусила слегка свою нижнюю губу, повела на него избока взглядомъ и спросила только:

— Вы находите?

Онъ тревожно взглянулъ на нее, — чѣмъ-то подозрительнымъ отдался въ его ухѣ этотъ простой, короткій вопросъ.

— Бьетъ-съ въ глаза! какъ бы очень сожалѣя объ этомъ, умильно взглянулъ онъ на нее:—у насъ *среднихъ* людей во-

все нѣтъ, обратился онъ къ графу,—и вслѣдствіе сего страшнѣйшій *провалъ*, какъ вы отлично изволили выразиться, между стихійною народною массой и высшеобразованными людьми, которые, въ свою очередь, вслѣдствіе избытка предложенія и бѣдности спроса, не находятъ соотвѣтствующихъ своему образованію занятій-съ.

— А вы находите, что у насъ слишкомъ много образованныхъ людей? прервалъ его вдругъ чей-то, раздавшійся за ними, рѣзкій по звуку и по выраженію голосъ.

Всѣ обернулись.

— Это пріятель мой, князь Пужбольскій, не могъ не засмѣяться графъ, и вопросительно вмѣстѣ съ тѣмъ взглянулъ на „педагога“: а тебя, же, молъ какъ назвать?

— Левіаѳановъ, Евпсихій Дороѳеичъ, представился тотъ:— имя не совсѣмъ обычное, началъ было онъ съ нѣсколько кислою усмѣшкой...

— Вотъ вы сейчасъ про *провалъ* говорили, не далъ ему досказать Пужбольскій, обращаясь къ нему, словно они вѣкъ были знакомы и сто разъ уже спорили объ этомъ предметѣ,— а чѣмъ вы, позвольте васъ спросить... comment le comblerez-vous... какъ вы его *закидать* будете, этотъ оврагъ?

— Да вотъ-съ уже одно изъ ближайшихъ къ тому средствъ, — образовательное заведеніе, какое предполагаетъ графъ, отвѣчалъ учитель, спрашивая себя въ то же время: это еще что̀ за новое чучело?

— Въ самомъ дѣлѣ! завизжалъ пламенный и раздраженный въ эту минуту противъ всего свѣта князь: — а вотъ въ его мысли — онъ кивнулъ на Завалевскаго, — его заведеніе должно готовить энтузіастовъ, борцовъ за *русскую* правду, за *русскій* идеалъ... И если это должно осуществиться, знаете ли противъ кого итти, кто̀ Юліаны Отступники, съ кѣмъ придется воевать на смерть этимъ его будущимъ борцамъ?... Это вотъ тотъ самый „избытокъ“ soi-disant образованныхъ у насъ людей.

Княгиня Солнцева какимъ-то мимолетнымъ ироническимъ взглядомъ покосилась на Пужбольскаго.

— Вы совершенно правы, замѣтилъ ему, подлаживаясь

подъ этотъ взглядъ, Левіаѳановъ,—если мы подъ „образованными нашими людьми“ будемъ разумѣть исключительно какихъ-то отъявленныхъ Базаровыхъ..

— Отъявленныхъ! повторилъ князь:—mais je vous demande mille pardons, почтеннѣйшій Левіаѳанъ Дороѳеичъ! немилосердно коверкалъ онъ въ пылу негодованія... Наши Базаровы давно перестали лягушекъ рѣзать и на половину сидятъ теперь въ звѣздахъ и толстыхъ эполетахъ... Такъ какіе же у насъ „отъявленные“,—у насъ теперь одни *благонамѣренные* Базаровы остались, mon très-cher Дороѳей Левіаѳановичъ!... И вы себѣ представьте теперь, какъ легко независимому мнѣнію выступать съ ними въ бой, на публичную арену!... Съ одной стороны—Базаровъ въ звѣздахъ, который, если посмѣешь сомнѣваться въ его благонадежности, потребуетъ, чтобы тебѣ административнымъ порядкомъ глотку *зажимали*; съ другой—вся орда Базаровыхъ безъ звѣздъ, которая во всѣ водосточныя трубы свои начинаетъ *поливать гражданскія слезы* и во всѣ свои вороньи горла каркать, что ты мерзостнѣйшій *„обскурантъ, врагъ реформъ,* газета *„Вѣсть“*, доносчикъ и шпіонъ,—excusez du peu!... А судьею надъ тобой сидитъ полишинель qu'on nomme le „русское общественное мнѣніе“, и чешетъ себѣ въ затылкѣ: ишь ты, говоритъ, я было думалъ того... что оно ничего, хорошо даже, а по либеральному-то выходитъ, что это *доносъ*... Ну, такъ *распинай!*...

Пужбольскій на этомъ словѣ поперхнулся и раскашлялся на весь садъ. Завалевскій разсмѣялся. Княгиня усмѣхалась прежнею, загадочною своею улыбкой. Левіаѳанову начинало какъ-то казаться, что относительно чаемаго имъ успѣха *бабушка еще на-двое сказала*, что онъ до сихъ поръ даже не видѣлъ ясно, за что можно было бы ему крѣпко уцѣпиться.

Онъ пустилъ на ва-банкъ:

— Я это главнымъ образомъ отношу-съ, сказалъ онъ,—къ тому прискорбному обстоятельству, что, при совершившемся у насъ общемъ переустройствѣ, высшее, независимое сословіе лишилось, вмѣстѣ съ главенствомъ своимъ и прямымъ вліяніемъ на народныя массы, и подобающаго ему значенія въ государственныхъ сферахъ.

— А-а! протянула вдругъ княгиня,—вы за аристократическій принципъ?...

Левіаѳанова даже передернуло.

— Да что же съ этимъ прикажете дѣлать, поворотилъ онъ на шутливый тонъ, — когда фактъ таковъ, что овцы видимо безъ пастырей остались!

— И имъ вотчинная полиція нужна? огорошилъ его вопросомъ Пужбольскій.

— Да... хоть бы такъ?...

— А пастырямъ право розогъ?

Левіаѳановъ усиленно захихикалъ:

— Что же-съ... въ Англіи сѣкутъ вѣдь...

— И больно! подтвердилъ князь.—А вамъ англійское государственное устройство и исторія его извѣстны?

— Ну, конечно!...

— Вы въ Англіи бывали?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ...

— Гнейста читали?

— Имѣлъ въ рукахъ, не смѣлъ окончательно солгать Левіаѳановъ, который, разумѣется, какъ *передовой* россійскій мыслитель, и понятія не имѣлъ о подобныхъ книгахъ.—„Да что онъ, въ самомъ дѣлѣ, экзаменовать меня хочетъ, этотъ козелъ рыжій?“ злобно спрашивалъ онъ себя между тѣмъ.

— А какъ вы думаете, допекалъ его между тѣмъ Пужбольскій, которому нужно было сорвать на комъ-нибудь сердце за неудачу свою у Марины,—если бы высшее наше сословіе въ томъ или другомъ видѣ получило дѣйствительно „главенство и вліяніе на народныя массы“, какъ вы изволите выражаться, мы такъ бы вотъ всѣ тотчасъ и обратились въ country gentlemen'овъ?... Вы вотъ первый, напримѣръ, какъ помѣщикъ...

— Я не помѣщикъ-съ, я скромный педагогъ, прервалъ его тотъ—и осклабился.

— Пе-да-гогъ! повторилъ озадаченный князь, который до этой минуты искреннѣйше убѣжденъ былъ, что собесѣдникъ его какой-то *уѣздный ретроградъ*, сосѣдъ Завалевскаго...

— Или даже вѣрнѣе того-съ, эксъ-педагогъ! счелъ нужнымъ, на свою бѣду, ближе объяснить Левіаѳановъ.

— Безъ мѣста! тотчасъ же и перевелъ себѣ это Пужбольскій, окинулъ быстрымъ взглядомъ педагога и тихо улыбавшагося подлѣ него Завалевскаго и вдругъ громко расхохотался...—Mais vous vous fichez de nous, mon cher monsieur! пробормоталъ онъ сквозь этотъ смѣхъ.

— Что-съ? спросилъ, не понявъ, Левіаѳановъ.

— А то-съ, что если вы не помѣщикъ, то какой можетъ быть для васъ интересъ жаждать вотчинной полиціи!

Левіаѳановъ не нашелъ отвѣта—и покраснѣлъ, въ первый разъ отъ рожденія...

— А впрочемъ, заговорилъ опять князь Пужбольскій,— если вы желаете укрѣпить себя въ иллюзіяхъ на счетъ того, какъ мы способны „вліять на народныя массы“, то я могу вамъ представить образчикъ...

Онъ не досказалъ и, снова расхохотавшись:

— Cousine, наклонился онъ къ княгинѣ, — je vais lui amener votre mari?...

Она взглянула на него, сдвинувъ брови... и не выдержала, разсмѣялась сама.

— Vous êtes un insolent, Alexandre!... Et pour vous punir—vous alles me donner le bras... и кромѣ того, вы мнѣ отыщете моего мужа. Мы сегодня уѣзжаемъ, надо отдать приказанія... Когда отходитъ поѣздъ? обернулась она къ Завалевскому.

— Въ девять часовъ десять минутъ вечера, отвѣчалъ онъ,—если отсюда выѣхать въ семь...

— Нѣтъ, нѣтъ, я смертельно всегда боюсь опоздать... Отпусти ужь насъ въ шесть, пожалуйста! проговорила она такимъ тономъ, — что „я знаю, конечно, какъ трудно тебѣ съ нами разстаться, но вѣдь что же дѣлать!...“

— Надобно предварить Іосифа Козьмича въ такомъ случаѣ, чтобъ онъ приказалъ къ этому времени лошадей...

— Хорошо, хорошо, я скажу ему! заторопился Пужбольскій подать руку княгинѣ: онъ ласкалъ себя мыслью увидѣть тамъ, у Іосифа Козьмича, Марину... Марину, которая не лю-

битъ его и любитъ другаго... и видъ которой, онъ зналъ, еще больнѣе разбередитъ ему душу... Но *Рыбакъ*, у Гёте, тѣшилъ онъ себя, зналъ также, что его ожидаетъ... и не могъ, не могъ, — полѣзъ въ воду... parcequ'on ne résiste pas à tant d'attraits...

И съ жалобнымъ вздохомъ проговоривъ про себя:

Sie sprach zu ihm, sie sang zu ihm;
Da war's um ihn geschehn,

злополучный князь повлекъ за собою княгиню Солнцеву ко *двору*...

Они исчезли изъ виду прежде, чѣмъ Завалевскій успѣлъ внутренно рѣшить вопросъ: лучше-ли ему итти за Диной или оставаться съ Левіаѳановымъ...

А Левіаѳановъ, читая его недоумѣніе въ чертахъ его лица, рѣшилъ тутъ же, что окончательное объясненіе съ нимъ не изъ чего откладывать въ долгій ящикъ, — и приступилъ къ дѣлу немедленно:

— Скоро вы думаете открыть ваше заведеніе? обернулся онъ къ графу.

— Я ничего вамъ объ этомъ не могу сказать, отвѣчалъ ему тотъ не сейчасъ.

— Я осмѣлюсь васъ просить, развязно проговорилъ Евпсихій Дороѳеичъ,—имѣть меня въ виду для этого дѣла..! Это такое полезное, *реальное* дѣло, вырвалось у него безсознательно, — которому я готовъ посвятить всѣ силы и способности... И я смѣю надѣяться, примолвилъ онъ съ заискивающею, плоскою какою-то улыбкой,—что въ *убѣжденіяхъ* мы вполнѣ сойдемся...

— Не думаю! тихо сказалъ на это графъ.

Левіаѳановъ ушамъ своимъ не совсѣмъ повѣрилъ; онъ въ крайнемъ даже случаѣ такой откровенности не ожидалъ...

— Что вы изволили сказать? переспросилъ онъ.

— Я сказалъ: не думаю! повторилъ такъ же спокойно Завалевскій.

— Вы не полагаете... чтобы наши убѣжденія могли...

— Не полагаю...

— Это однако довольно странно, пробормоталъ „педагогъ“:—и что же могло вамъ подать поводъ?...

— Нашъ разговоръ... сейчасъ... Завалевскій еле замѣтно усмѣхнулся.

— Нашъ разговоръ?... Левіаѳановъ начиналъ теряться. — Что же именно заключили вы изъ него?...

— Что ваши *убѣжденія* недостаточно *реальны!* услышалъ онъ неожиданный отвѣтъ.

Онъ поднялъ глаза и встрѣтилъ глаза Завалевскаго, строго остановившіеся на немъ... Онъ прочелъ въ нихъ себѣ, своему безстыдству, безповоротный приговоръ... Нижнюю губу его такъ и повело отъ злости...

— Позвольте полюбопытствовать, прошипѣлъ онъ сквозь стиснутые зубы,—въ чемъ же состоитъ *реальность* убѣжденій вашей *касты?*

Завалевскій усмѣхнулся невольно.

— Если вамъ подъ „кастой“ угодно разумѣть здравомыслящихъ у насъ людей извѣстнаго общества, то я, кажется, не ошибусь отвѣтить вамъ, что въ понятіяхъ этихъ людей, русскій народъ—не западный пролетарій и не польское *быдло.* Ни опасаться его, ни презирать наши высшія сословія основанія не имѣютъ; исторической розни между нимъ и ими никогда не было; „главенство“ надъ нимъ возлежитъ на нихъ не какъ право, а какъ обязанность, — какъ долгъ старшаго брата учить младшаго... А потому не права розогъ, а образованія, — *здороваго,* органически правильнаго образованія этимъ высшимъ нашимъ сословіямъ желаютъ *прежде всего* благомыслящіе у насъ люди... Безъ этого же такъ-называемое образованіе „народныхъ массъ“ есть колоссальный пуфъ или ядовитое оружіе, данное въ руки всякимъ политическимъ безумцамъ и интриганамъ... Согласны вы со мной? закончилъ графъ все съ тою же безпощадною улыбкою.

Левіаѳановъ поблѣднѣлъ, открылъ широко ротъ для возраженія... и ничего не сказалъ.

— Извините, что обезпокоилъ, круто повернулъ онъ на каблукахъ, и толстыя подошвы его сердито заскрипѣли по свѣженакиданному крупному песку аллеи...

Онъ остановился лишь у дверей Іосифа Козьмича, поглядѣлъ назадъ и въ раздумьи сталъ обгладывать свои ногти.

— Неужто-жь, въ самомъ дѣлѣ, стали они вдругъ такъ умны? промычалъ онъ про себя, покосился еще разъ на *дворецъ* Алаго-Рога, бѣлѣвшій сквозь темную зелень кленовъ и липъ, и улыбнулся своею желчною, безобразною улыбкой. — Петербургъ, военная гимназія, — не пропадемъ! рѣшилъ Левіаѳановъ и твердыми стопами вошелъ въ покинутую имъ за часъ назадъ гостиную...

XVI.

Онъ нашелъ тамъ хозяина, Вермана и незнакомаго ему щеголеватаго господина за ломбернымъ столомъ, разставленнымъ въ самой срединѣ комнаты; они играли въ *табельку*. Незнакомый Левіаѳанову господинъ былъ князь Солнцевъ. Онъ былъ очень веселъ, — ему только-что удалось выиграть очень сомнительный *мизеръ-увертъ*, и онъ повѣствовалъ по этому случаю своимъ партнерамъ, какъ выигралъ онъ однажды подобный же мизеръ съ королемъ и десяткою *бланкъ*.

— *Форсе* игра была? съ достоинствомъ спрашивалъ Верманъ, чувствовавшій себя чрезвычайно счастливымъ въ княжеской компаніи.

— Naturellement! смѣялся Солнцевъ, сдавая: — было это, во дворцѣ, un bal de mille personnes... Музыка, понимаете, дамы, de belles épaules... ну, Государь проходитъ... j'étais distrait... Хотя я всегда рискованно играю—это страсть моя!... но тутъ, дѣйствительно: un roi et dix, songez donc!... Играли мы вчетверомъ: князь Павелъ Павлычъ, баронъ Волкенштейнъ, я и... кто-же четвертый былъ?... Да, да, Печенѣговъ, le fameux Печенѣговъ! добродушно закивалъ онъ Верману, какъ бы въ полномъ убѣжденіи, что Верманъ непремѣнно долженъ знать „le fameux Печенѣгова“.

Верманъ, въ свою очередь, сдержанно улыбнулся и слегка прищурилъ глаза, что въ его намѣреніи должно было изобразить, что „я, молъ, какъ теперь съ тобой играю въ карты, такъ завсегда могу играть и съ le fameux Печенѣговымъ, и съ барономъ, и съ самимъ княземъ Павелъ Павлычемъ, и никогда себя не уроню!...“

— Въ первой рукѣ, надо вамъ сказать, продолжалъ между тѣмъ Солнцевъ,—былъ баронъ Волкенштейнъ. Покупаю, говоритъ онъ, въ...

Но въ чемъ покупалъ баронъ Волкенштейнъ, осталось навсегда недосказаннымъ для партнеровъ князя Солнцева. Дверь изъ передней быстро отворилась, и въ нее вошелъ Пужбольскій. Вошелъ—и тутъ же и накинулся на злополучнаго разскащика.

— Скажите, пожалуйста! Я его по всѣмъ угламъ ищу, а онъ здѣсь, съ утра, картежничаетъ!... И для чего вы его балуете? обратился онъ къ Іосифу Козьмичу, который казался очень не въ духѣ и, наморщась, молча перебиралъ свои карты.

— Что же-съ, отвѣчалъ за него „монополистъ“, пріятно улыбаясь князю,—занятіе не предосудительное и правительствомъ дозволенное, коммерческая игра!...

— Коммерческая, не коммерческая, онъ во всѣ! И во всѣ проигрываетъ! дернулъ плечами на это Пужбольскій.

— Не твои проигрываю, свои! не совсѣмъ откровенно засмѣялся Солнцевъ.

— Ты бы и мои проигралъ, да трудно: у меня ихъ нѣтъ никогда!..

Это „острое словечко“ ужасно понравилось Верману.

— А вѣдь это гхорошо, это удаачно! закартавилъ онъ полушепотомъ, наклоняясь къ сидѣвшему по лѣвой его рукѣ Іосифу Козьмичу и подмигивая ему смѣющимися глазами.

Іосифъ Козьмичъ словно не слышалъ...

— Тебя жена ждетъ, сообщалъ тѣмъ временемъ Пужбольскій кузену.

— Que diable me veut-elle? досадливо пробурчалъ тотъ, подымая на него встревоженные глаза.

— Вы сегодня уѣзжаете...

— Вотъ-те на! вскликнулъ Солнцевъ.

— Вѣдь, кажется, утромъ, за чаемъ, еще ничего положительнаго на счетъ этого княгиня не рѣшила? заговорилъ въ первый разъ господинъ Самойленко, взглянувъ, въ свою очередь, на Пужбольскаго.

— Да,—но вотъ она мнѣ сейчасъ сказала... Она бы желала выѣхать отсюда ровно въ шесть часовъ...

Іосифъ Козьмичъ взглянулъ на часы, стоявшіе на каминѣ.

— А теперь третій въ началѣ... Надо подставу выслать...

Онъ съ лѣнивою важностью шевельнулся въ своемъ креслѣ, повелъ глазами и увидѣлъ Левіаѳанова, который, усѣвшись на стулѣ у окна и ухватившись руками за колѣно, саркастически поглядывалъ на всю эту незамѣчавшую его компанію.

— Позвоните, пожалуйста, сказалъ ему главноуправляющій,—на столѣ тутъ, на большомъ, колокольчикъ... И что же это такъ заторопилась княгиня? обратился онъ снова къ Пужбольскому.

— Est-ce qu'on sait jamais ce qu'elle veut! фыркнулъ, не давъ тому отвѣтить, Солнцевъ. — Вы женаты? спросилъ онъ неожиданно Вермана.

— Вдовый, улыбнулся и вздохнулъ заразъ „монополистъ".

— И не жалѣйте! La liberté, vous savez!..

— Ты милъ, Солнцевъ, я всегда говорилъ, что ты *милъ!*.. C'est votre tact inoui que j'admire toujours! проговорилъ Пужбольскій, стоя противъ него и глядя въ упоръ ему въ лицо.

Солнцевъ немедленно же сконфузился, опустилъ глаза и принялся тасовать свободную колоду.

— У васъ, кажется, поврежденіе какое-то въ экипажѣ? спросилъ его Іосифъ Козьмичъ.

— Да, гайка какая-то...

— За кузнецомъ съ утра послано,—должно быть, давно здѣсь... Вы позвонили? обернулся на Левіаѳанова „потомокъ гетмановъ".

Но тотъ, не удостоивъ его даже взгляда, поднялся съ мѣста и, подойдя къ Верману:

— А вы когда же думаете на чугунку? рѣзкимъ тономъ спросилъ онъ его.

— Не знаю, отвѣчалъ небрежно и не глядя на него „монополистъ":—*при двухъ князьяхъ* онъ почиталъ неприличнымъ допустить фамиліярныя съ собою отношенія такого *незначительнаго человѣка*, какимъ, по его мнѣнію, должны были эти

князья почитать Левіаѳанова;—меня просилъ заѣхать къ нему въ Орѣхово генералъ Суходольскій... такъ я еще, думаю, къ нему сегодня обѣдать поѣду,—а ужь развѣ завтра...

— Ну, и поѣзжайте къ своему генералу, отрѣзалъ ему на это „сынъ отечества“,—а я ужь доберусь до города своими средствами!

— Все равно, завтра я бы васъ довезъ, сказалъ Верманъ.— „Не выгорѣло у тебя, видно, братъ“, подумалъ онъ,—и даже подмигнулъ самому себѣ.

— Нѣтъ, ждать мнѣ некогда! коротко отвѣтилъ Левіаѳановъ—и, никому не поклонившись, вышелъ изъ комнаты, еще тутъ же, въ комнатѣ, напяливъ себѣ шляпу на голову.

— Эка шушера! пробасилъ господинъ Самойленко, не успѣла затвориться за нимъ дверь.

— D'où sort-il ce Rocambole là? удивился въ свою очередь Солнцевъ.

— Изъ милости, скажите, привезъ ихъ, изображая лицомъ своимъ обиду, а плечами презрѣніе, промолвилъ „монополистъ“,—и они же на меня въ претензіи!... Совсѣмъ необразованные люди, можно сказать!...

Пужбольскій даже и не замѣтилъ ничего,—онъ прохаживался по комнатѣ, тревожно заглядывая во всѣ углы и открытыя двери, въ чаяніи увидѣть гдѣ-нибудь свою *очарователь-ницу*...

— Марины Осиповны нѣтъ дома? рѣшился спросить онъ наконецъ Іосифа Козьмича.

— Не знаю! словно отрубилъ тотъ.

— Я ее видѣлъ... она домой шла, проговорилъ несвязно князь.

— Видѣлись съ ней? И господинъ Самойленко пристально взглянулъ на него.

Пужбольскій безотчетно потупился.

Еще мрачнѣе насупились густыя брови надъ круглыми глазами „потомка гетмановъ“...

— По случаю ихъ отъѣзда, мы обѣдаемъ сегодня въ четыре часа, сообщилъ ему князь:—вы будете?... А ты, что же, обратился онъ къ Солнцеву,—пойдешь къ женѣ?...

— Сейчасъ, вотъ сейчасъ кончимъ... Кому сдавать? заторопился злополучный супругъ.

Игра началась снова.

Пужбольскій продолжалъ свою прогулку по гостиной. Онъ успѣлъ сообразить въ головѣ расположеніе квартиры Самойленко—до этого дня онъ никогда не бывалъ въ ней:—онъ уже зналъ навѣрное, что эта, прямо противъ двери ведущей въ кабинетъ Іосифа Козьмича, запертая дверь вела въ комнату Марины, или ближайшую къ той комнату, — и онъ норовилъ все къ этой двери, наставляя ухо, не послышится-ли чего тамъ, за этою дверью, осторожно, какъ воръ, притрогиваясь рукою къ ней, къ замку... и тутъ же принимаясь опять шагать въ противоположную сторону, боясь, какъ воръ, быть пойманнымъ на мѣстѣ преступленія... Но, кромѣ владѣвшаго аргусовыми глазами Іосифа Козьмича, никто изъ играющихъ не замѣчалъ его невинныхъ продѣлокъ,—а Іосифъ Козьмичъ, что̀ говорится, и виду не казалъ... Пужбольскому удалось наконецъ ухватиться всею рукою за замокъ, повернуть его, потянуть къ себѣ... Дверь не подалась,—она очевидно была заперта на ключъ... Для князя не оставалось сомнѣнія: Марина заперлась у себя въ комнатѣ... послѣ *сцены* съ отцомъ,—недаромъ онъ глядѣлъ такимъ свирѣпымъ,—и всего вѣроятнѣе изъ-за него, Пужбольскаго, изъ-за того, что она отказала ему...

Ему стало невыносимо совѣстно—и онъ съ яростью, въ наказаніе себя, принялся выщипывать волосы изъ своей огненной бороды...

— До свиданья! торопливо проговорилъ онъ по адресу хозяина и выбѣжалъ въ садъ.

Онъ обогнулъ флигель и очутился на дворѣ, на который, онъ зналъ, выходило окно комнаты Марины... Окно это было закрыто, и стора съ разрисованнымъ по бѣлому ея фону большимъ, аляповатымъ букетомъ распущена была во всю ея длину... Пужбольскій прошелся раза два предъ этимъ окномъ, сорвалъ съ куста росшаго подъ нимъ *Иванъ-чая* цвѣтокъ и, тутъ же кинувъ этотъ цвѣтокъ въ тотъ же кустъ, отправился къ себѣ въ комнату, гдѣ, повалившись на постель, принялся, съ досады, за чтеніе.

XVII.

Къ обѣду собрались всѣ обитатели Алаго-Рога, за исключеніемъ Марины... Она сидѣла, попрежнему запершись въ своей комнатѣ, и не отозвалась даже на голосъ своей молодой прислужницы, постучавшейся къ ней въ дверь съ вопросомъ: будетъ-ли она обѣдать дома или во *дворцѣ?*... Ей не хотѣлось ѣсть, ей ничего не хотѣлось;—ни о чемъ не думать, ничего не чувствовать, *уничтожиться*, о, какъ сладко было бы это ей въ эту минуту!... Уснуть? Но сонъ не приходилъ, нервы ея были слишкомъ натянуты, слишкомъ чутки...

Іосифъ Козьмичъ не справился о ней, а когда въ столовой, предъ закускою, княгиня Солнцева обратилась къ нему съ любезнымъ вопросомъ: не будетъ-ли она имѣть случая увидѣть еще разъ предъ своимъ отъѣздомъ его *прелестную дочь?* онъ не имѣлъ силы сдержаться и, весь побагровѣвъ, отрѣзалъ": не стоитъ она этой чести, ваше сіятельство!"...

Княгиня съ любопытствомъ повела на него глазами... „Ужь не заперъ-ли онъ ее?" промелькнуло у ней въ мысли, но она тотчасъ же разсудила, что, въ случаѣ чего-либо подобнаго, такія существа какъ Марина въ окошко выскакиваютъ, разбивъ это окно предварительно собственною рукой, не боясь порѣзать ее о стекла, — и что слѣдовательно ни о какомъ насиліи со стороны господина Самойленки нечего думать, и что гнѣвная вспышка его вызвана была тѣмъ, напротивъ, сознаніемъ, что *ничего съ нею не подѣлаешь*...

Изъ-за чего могла произойти размолвка между отцомъ и дочерью, съ первой минуты отгадала это проницательная

Дина. Ей стоило только взглянуть на мрачнаго, раздувавшаго ноздри и отдувавшагося словно въ водѣ Пужбольскаго, который, ни съ кѣмъ не говоря, шагалъ вдоль и поперекъ столовой, въ ожиданіи запоздавшаго супа... *Неудача* прописными буквами начертана была для нея на его лицѣ...

Она значительно взглянула на Іосифа Козьмича—и еле замѣтно моргнула въ сторону князя...

Онъ гнѣвнымъ движеніемъ приподнялъ въ отвѣтъ свои слонообразныя плечи... Они поняли другъ друга.

— Это очень жаль, онъ отличный человѣкъ! сказала ему уже прямо Дина...—И вы не знаете отчего?...

Онъ промычалъ что-то сердитое, чего не разобрала она, и снова пожалъ плечами.

— Нѣтъ-ли тутъ *другаго*, вы не замѣчали? медленно роняя слова, почти шепотомъ проговорила на это княгиня.

Онъ растерянно глянулъ въ ея загадочные, коварные глаза...

— Большое было бы несчастіе! съ тою же выразительною медлительностью пронизала она его какъ иглою и тутъ же, отойдя отъ него, обратилась къ Завалевскому съ какимъ-то ничего не значившимъ вопросомъ.

За обѣдомъ Дина рѣшилась, повидимому, окончательно очаровать господина Самойленку. Она повела рѣчь объ *умныхъ людяхъ* и повела такъ, что каждое ея слово кадило сладостнѣйшимъ ѳиміамомъ прямо въ носъ Іосифа Козьмича; она доказывала, что *умный* человѣкъ есть по преимуществу человѣкъ *практическаго дѣла*, что въ настоящую минуту Россіи нужны даже *исключительно* только эти, практическіе люди; что, къ сожалѣнію, наше *такъ-называемое высшее сословіе* практичнымъ быть никогда не умѣло, а еще менѣе отличается этимъ качествомъ то, что называетъ себя *русскою интеллигенціею*... „Весь этотъ *противный споръ*, говорила княгиня, который ведется въ газетахъ между *консерваторами* и *прогрессистами*, все это безсмысленно, все это *Дымъ* Тургенева, потому что спорятъ люди все того же закала, такіе же все *идеалисты*, съ тою только разницею, что одни преслѣдуютъ призракъ какой-то *уже совсѣмъ не земной чистоты*, а другіе

прозрѣваютъ впереди идола такого же грубаго и неумытаго, какъ они сами... Вся надежда на тѣхъ, немногихъ, *дѣйствительно умныхъ* людей, которые просто занимаются толково своимъ личнымъ, ближайшимъ дѣломъ... Они одни, своимъ трудомъ, опытностью, энергіею, приносятъ пользу, поддерживаютъ другихъ своимъ примѣромъ, одни они спасители и благодѣтели....“

Сладки были такія рѣчи Іосифу Козьмичу: этотъ „дѣйствительно полезный человѣкъ, спаситель и благодѣтель“ — это былъ *онъ:* такой авторитетъ, какъ эта *умнѣйшая столичная дама*, освѣщалъ, такъ сказать, избранный имъ *практическій путь жизни*, оправдывалъ и закрѣплялъ въ его сознаніи то чувство уваженія къ собственной особѣ, которое онъ лелѣялъ въ себѣ съ юныхъ лѣтъ, и не оставлялъ уже въ немъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ его превосходства надъ этими, сидѣвшими съ нимъ теперь за столомъ, безполезными „идеалистами...“

И Іосифъ Козьмичъ, скромно поддакивая „умнѣйшей дамѣ“ то одобрительнымъ кивкомъ, то неопредѣленнымъ, но явно сочувственнымъ мычаньемъ, поглядывалъ избока на своего патрона и Пужбольскаго, стараясь угадать по выраженію ихъ лицъ то впечатлѣніе, какое могли производить на нихъ слова княгини. Но если въ этихъ словахъ ея заключалось тайное желаніе вызвать друзей нашихъ на споръ, или просто уколоть, задѣть ихъ,—то цѣль ея не была достигнута. Оба они едва-ли понимали, слышали, о чемъ говорилось... Далеко бродили мысли Завалевскаго... Предъ Пужбольскимъ неотступно рисовалось окно, завѣшенное бѣлою сторой, съ большимъ на немъ букетомъ розъ, а за нею угадывался слишкомъ хорошо ему вѣдомый, прелестный женскій образъ съ распущенными волосами и неотразимымъ взглядомъ лучезарныхъ голубыхъ очей...

Ничего они оба не слышали, не понимали... За то Іосифъ Козьмичъ апробовалъ безусловно, а Солнцевъ въ подтвержденіе того, что говорилось его женою о пользѣ приносимой практическими людьми, принимался нѣсколько разъ, отъ полноты благодарнаго сердца, приводить въ примѣръ новаго

знакомца своего Вермана, — „монополистъ“ изловчился проиграть ему по грошевой игрѣ сто пятьдесятъ рублей съ полтиной, — но въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ благодарныхъ своихъ отзывовъ былъ каждый разъ останавливаемъ безпощаднымъ взглядомъ своей супруги: — „не интересно и безтактно“, говорилъ ему этотъ взглядъ... Онъ, *въ пику ей*, заговорилъ о томъ, какъ жалѣетъ онъ о предстоящемъ имъ отъѣздѣ, — что такъ мало *дозволено было* ему воспользоваться обществомъ *du cher cousin*, то-есть Завалевскаго, et du cousin *Alexandre*, что не успѣлъ онъ познакомиться ближе *со всѣми прелестями* Алаго-Рога, и такъ далѣе...

— Ты бы хоть проводилъ насъ, обратился онъ къ „cousin Alexandre'у,“ вотъ они — и онъ указалъ на Іосифа Козьмича, — ѣдутъ съ нами до подставы, — всего десять верстъ...

— Непремѣнно! неожиданно поспѣшилъ отвѣчать ему Пужбольскій.

— Мы всѣ поѣдемъ, сказалъ и Завалевскій.

Пужбольскій нахмурился: ни оставаться вдвоемъ, ни ѣхать вмѣстѣ съ Завалевскимъ не желательно было ему въ эту минуту.

— Ни за что, ни за что! вскликнула княгиня, — я не хочу, не позволяю тебѣ трогаться съ мѣста, Владиміръ!...

— За что же такая немилость? шутливо возразилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, умоляю тебя!.. Дальніе проводы — лишнія слезы! примолвила она, какъ бы съ невольнымъ оттѣнкомъ нѣжности, затаенная иронія которой была понятна лишь ему одному...

— Да будетъ воля твоя! безъ улыбки отвѣчалъ онъ ей на это...

Къ назначенному часу выѣзда, запряженная щегольски подобраннымъ воронымъ шестерикомъ, карета Солнцевыхъ и тройка саврасыхъ подъ тарантасомъ Іосифа Козьмича поданы были къ крыльцу. Мужчины, за исключеніемъ графа, тотчасъ же вышли къ экипажамъ на дворъ... На нѣсколько минутъ Дина и графъ остались одни...

Она сидѣла въ дорожномъ платьѣ и шляпкѣ, съ полу-

опущенною на лицо вуалью, натягивая перчатку на тонкую, длинную руку...

— Мы надолго разстаемся, по всѣмъ вѣроятіямъ, заговорила она, не подымая глазъ:—чего же ты мнѣ предъ разставаньемъ пожелаешь?..

Завалевскій невыразимо печально поглядѣлъ на нее,—подошелъ и протянулъ ей руку:

— Дина, тихо улыбнулся онъ,—я могу тебѣ пожелать лишь одного: да возвратится миръ...

Онъ пріостановился—и еще тише докончилъ:

— Въ твою *смущенную и страждущую* душу..!

— У Пушкина въ „*озлобленную* душу“ сказано,—у меня память хорошая! прервала она, оттолкнувъ слегка эту его протянутую руку... Vous avez cru devoir me ménager,—и за то спасибо!...

Она засмѣялась короткимъ, сухимъ смѣхомъ...

— *Тебѣ* этого желать не нужно! продолжала она тутъ же намѣренно безстрастнымъ, ледянымъ голосомъ; — ты и злоба, вы другъ друга не знали никогда... Ты *хотѣлъ*, боролся и страдалъ можетъ-быть очень много,—но, кромѣ тебя самого, никто ни крыльевъ, ни оружія твоего не видалъ... Изъ битвы жизни ты вышелъ *чистъ* и не изломанъ—и кончишь полнымъ смиреніемъ... И слава Богу!

— *Умякнуша словеса ихъ паче елеа, и та суть стрѣлы!* пришелъ на память Завалевскому стихъ псалмопѣвца...

Онъ все также тихо, грустно улыбнулся, закивалъ головой—и опуская ее:

— Дай Богъ, Дина, молвилъ онъ,—дай Богъ! Смиреніе—сила!...

Изъ-за опущенной своей вуали она метнула на него исполненнымъ презрѣнія и ненависти взглядомъ... и не выдержала,—не выдержала безконечной жалости къ ней, съ которою встрѣчали его глаза эту ненависть и презрѣніе... Она отвернулась, встала:

— Одинъ въ полѣ не воинъ, говорятъ... Надѣюсь, графъ Владиміръ Алексѣичъ, что вы по старой дружбѣ не забудете

извѣстить меня, когда вы примитесь за эту вашу „силу смиренія“ *вдвоемъ?*

И, горше слезъ горючихъ, болѣзненно откликнулся въ душѣ Завалевскаго внезапно зазвенѣвшій, безнадежный, проклинающій смѣхъ Дины...

Она направилась къ крыльцу, не оборачивая головы.

Карета съ открытою дверцей и ожидавшимъ ее у этой дверцы камердинеромъ Солнцева стояла у подъѣзда. Она быстро вспорхнула въ нее и тотчасъ же заставила сѣсть подлѣ себя Пужбольскаго, отправивъ мужа въ тарантасъ къ Іосифу Козьмичу.

— Bonne chance! послала она рукою изъ кареты поцѣлуй Завалевскому, подавая въ то же время слугѣ знакъ къ отъѣзду.

— Пошелъ! крикнулъ тотъ, ловко вскакивая на козлы и задѣвая за крючокъ ремень залоснившагося на солнцѣ кожанаго фартука..!

Экипажи тронулись...

Безъ шляпы, съ поникшею головой, какъ стоялъ на крыльцѣ, спустился со ступенекъ его Завалевскій — и прошелъ въ садъ боковою калиткой...

XVIII.

Стукъ колесъ, лошадиное ржанье, громкій говоръ людей на дворѣ пробудили Марину отъ ея оцѣпенѣнія. Она подошла къ окну, подняла стору:—со двора, огибая уголъ дома, выѣзжалъ дормезъ съ привинченными поверхъ и сзади его сундуками... Это экипажъ Солнцевыхъ—подобнаго этому нѣтъ другаго въ Аломъ-Рогѣ, Марина это знаетъ... Что же это значитъ?... Неужели уѣзжаетъ *эта женщина?* Такъ скоро? Сегодня... сейчасъ!... И для чего и какъ же это такъ скоро?... А вотъ и тарантасъ Іосифа Козьмича... Нѣтъ сомнѣнія,—она уѣзжаетъ,—онъ ѣдетъ провожать ее... А можетъ-быть и не одинъ Іосифъ Козьмичъ,—а и *онъ*... всѣ они навѣрное ѣдутъ *ее* провожать!...

„Она уѣзжаетъ... уѣзжаетъ?“ повторяла громко дѣвушка съ какимъ-то недовѣрчивымъ, боязливымъ чувствомъ смутной радости... Да, она боялась радоваться, — да и чему? Какую перемѣну принесетъ за собою для Марины этотъ отъѣздъ? И самый этотъ *фактъ отъѣзда*—онъ вызывалъ въ ней какое-то скорбное ощущеніе. Она и не знала о немъ, онъ произошелъ помимо ея, — она чувствовала себя какъ бы внезапно отрѣзанною отъ этой *общей жизни,* въ которой такъ недавно она была, казалось, необходимымъ звеномъ... Начнется-ли снова *та* жизнь?... Да и самое положеніе ея въ *этомъ домѣ* останется-ли тѣмъ, чѣмъ оно было? То, что сказала она сегодня Іосифу Козьмичу, въ присутствіи Вермана, — это не можетъ пройти безслѣдно... она это чувствуетъ, и она все-таки скажетъ ему опять то же, если вздумается ему объясниться съ нею по этому поводу... Но что тогда?... Тогда...

Но Марина не хотѣла загадывать впередъ... да и не способна была она къ тому теперь,—всѣ опасенія, догадки, соображенія ея ступевывались, исчезали предъ убѣжденіемъ, предъ этимъ все сильнѣе и сильнѣе охватывавшимъ ее чувствомъ радости: „*она* уѣзжаетъ, *она* уѣхала“...

И чутко, всѣмъ слухомъ прислушивалась дѣвушка къ гулкому ходу быстро удалявшагося дормеза Солнцевыхъ, за которымъ, скрыпя слегка свѣжими осями, поспѣшалъ доморощенный тарантасъ господина Самойленки.

Долго еще сидѣла она, прислушиваясь — и все еще не вѣря... Что же могло такое случиться, что побудило эту женщину уѣхать такъ скоро? допрашивала себя Марина — и не находила отвѣта. Звонъ часовъ въ гостинной донесся до нея сквозь запертую дверь... Она машинально считала за боемъ: разъ, два, три, пять, семь...—Какъ поздно! удивилась она.

Она поднялась, подошла къ своей двери, отщелкнула замокъ, прошла въ гостиную... заглянула въ кабинетъ Іосифа Козьмича, — никого нигдѣ, люди побѣжали всѣ на крыльцо *господъ провожать* и не возвращались, — домъ пустъ, двери въ садъ открыты настежь...

Не шелохнется тамъ,—въ саду; сквозь недвижную листву льются стройно косые лучи солнца; искорками горятъ на стволахъ сосенъ длинныя смоляныя капли; иволга выпѣваетъ вдали свое тоскливое колѣнце... Миръ и уединеніе кругомъ,— только воробьи торопливо щебечутъ по липамъ, словно передавая другъ другу только-что выпущенную сплетню.

Марина сошла въ садъ—и глубоко вздохнула; ее въ эту минуту можно было сравнить съ пташкою, только-что попавшею на волю, но у которой сильно еще болятъ крылья отъ спутывавшей ихъ за мигъ предъ этимъ нитки.

Медленно, какъ ходятъ больные, двинулась она по дорожкѣ, улыбаясь, какъ послѣ долгой разлуки, любимымъ своимъ кленамъ, и со страхомъ, чуть не съ отчаяніемъ противясь наплывавшему противъ воли ея въ ея душу какому-то блаженному, *безумному* чувству надежды.

Она вышла въ большую аллею, прошла ее всю вдоль, вплоть до балкона, до *милаго* балкона, остановилась у по-

слѣдней его ступеньки,—вздохнула—и пошла назадъ, уныло понурясь... На первомъ поворотѣ она машинально повернула вправо...

Въ глазахъ у нея потемнѣло... чуть не упала она... На деревянной зеленой скамьѣ, въ трехъ шагахъ отъ нея, сидитъ *онъ*, низко опустивъ голову, съ выраженіемъ какой-то безконечной, безъисходной печали...

Она кинулась къ нему, громко вскликнувъ, и опустилась, безсильная, рядомъ съ нимъ на скамью...

— Что съ вами? что, ради Бога? схватила она его за руку:—вы плакали?

— Я?... Нѣтъ... отчего вы думаете!... Какъ я радъ васъ видѣть! смущенно и ласково моргая вѣками глядѣлъ онъ на нее, силясь улыбнуться.

— Вы о *ней* думали... *которая сейчасъ уѣхала?*

— Да, отвѣчалъ застигнутый врасплохъ Завалевскій.

— Вы ее любите? пылко вскрикнула она.

— Не люблю—нѣтъ! молвилъ онъ качая головой,—изумленный, самъ не понимая, что заставляетъ отвѣчать его этому странному существу, такъ дерзко своими вопросами врывающемуся къ нему прямо въ душу.

— Не любите, замирающимъ отъ волненія голосомъ повторила она, наклонясь къ нему плечомъ къ плечу и заглядывая ему прямо въ глаза своими сверкавшими глазами:—не любите,—а думали о ней!...

— Да, думалъ... о судьбѣ ея думалъ, прошепталъ Завалевскій.

Марина слегка отодвинулась...

— Вамъ жаль ее? Почему? Чѣмъ заслужила она, чтобы вы жалѣли о ней? съ горечью кидала она ему свои слова:—*она* вамъ всю жизнь отравила, эта женщина! Я знаю!...

— Вы знаете? безсознательно повторилъ онъ,—даже не удивился...—Да, словно рѣшившись, примолвилъ Завалевскій,—я любилъ ее—и не любилъ никого больше... вся жизнь моя прошла такъ... Она меня отвергла...

— Безстыдница! вскрикнула Марина.

— Нѣтъ! тоскливо замоталъ онъ головой,—вы не знаете...

не знаете, сколько силъ было въ ней... чего хотѣла она!... Она права была!...

— Права! съ негодующимъ взглядомъ повторила дѣвушка,—и вы за это ее облагодѣтельствовали...

— Я дурно поступилъ, можетъ-быть, скорбно сжались брови Завалевскаго,—но спасти я ее не могъ... ни тогда, ни послѣ. Нѣтъ, не могъ! говорилъ онъ, не глядя на Марину, отвѣчая не ей, а все той долгой, грустной собственной думѣ, что̀ уже давно клонила къ долу его рано посѣдѣвшую голову:—такихъ, какъ она, не спасаютъ...

Недоумѣвая слушала его Марина.

— Не плыть большому кораблю по мелководью, обернулся онъ къ ней улыбкой,— а *она* большой корабль, молодая особа!...

— И Богъ съ нимъ! отозвалась дѣвушка,—не нужно такихъ!

Онъ странно взглянулъ на нее:

— Видно, не нужно, еле слышно проговорилъ онъ,—если судьба ихъ—пропадать въ тинѣ... Не тѣмъ, видно, путемъ нужно, не тѣмъ большимъ ходомъ... На малое, не яркое дѣло отдай себя—смирись, жди... Смирись!...

Она слушала, едва переводя дыханіе...

Онъ всталъ со скамьи, прошелся,—и опять сѣлъ.

— Помните вы, обратился онъ къ ней,—какъ я васъ благодарилъ за ваше пѣніе, послѣ того какъ—ночью...

— Помню;—что̀ же? не дала она ему кончить.

— Я вамъ сказалъ „спасибо“ тогда... И теперь—спасибо! Вашъ голосъ въ ту минуту, то, что̀ вы пѣли,—долго вамъ разсказывать,—двумя словами скажу: огонь потухалъ... вы раздули его опять... да, вы! сказалъ онъ,—и свѣтлая улыбка освѣтила на мигъ его черты,—бываютъ такія минуты... что̀-то внезапное, будто свыше!... И я объ этомъ сейчасъ думалъ: *она* погибла,—я уцѣлѣлъ! Кругомъ ея могильная тьма и гниль...

— Вы все о ней, все о ней! вырвалось у Марины отчаяннымъ кликомъ:—а я... я, чтобы вы только не печалились, чтобъ были вы счастливы... я отдала бы всю себя сжечь, всю...

по кускамъ... Потому, что вы дороже мнѣ чѣмъ сто жизней... и жизни нѣтъ для меня безъ васъ!...

И, скользнувъ со скамьи, она безумнымъ движеніемъ пала къ ногамъ Завалевскаго—и уронила голову ему въ колѣни...

Онъ страшно смутился... Онъ не вѣрилъ, презрѣлъ, забылъ то, о чемъ предваряла его Дина,—это теперь оказывалось правдою, ошеломляющею правдою!...

Онъ приподнялъ ее за плечи, низко наклоняясь къ ея лицу и самъ весь дрожа нервною дрожью:

— Ради Бога, встаньте... встаньте, что съ вами!

А она, всѣмъ охватывающимъ пламенемъ широко раскрывшихся зѣницъ своихъ погружаясь въ его растерянные глаза, говорила ему въ то же время:

— Мнѣ не нужно ничего... я не *она*... ни богатства вашего, ни графства!... Берите меня *какъ есть!*

Цѣлый блаженный міръ пронесся на мгновеніе въ мысли Завалевскаго: восторги, счастіе, любовь, — все, что измѣнило ему, чѣмъ обдѣленъ онъ былъ въ молодые дни, все это обольстительнымъ призракомъ, какъ бы въ насмѣшку, звало его къ себѣ теперь, на закатѣ жизни, устами чистаго и страстнаго созданія, распростертаго у его ногъ...

Онъ пересилилъ себя, отшатнулся, — съ какимъ-то испугомъ отдернулъ отъ нея свои руки.

— Подумайте, что вы дѣлаете! Я старикъ! могъ только проговорить онъ...

Онъ боялся за самаго себя, — и непривычная ему, суровая нота зазвучала въ его голосѣ...

Она вскочила разомъ на ноги, вся выпрямилась, схватила себя обѣими руками за голову—и побѣжала отъ него прочь, словно ужаленная змѣею.

Онъ остался на скамьѣ, безъ словъ, безъ движенія...

— Марина Осиповна, куда вы? въ одно и то же время послышался ему въ большой аллеѣ голосъ Пужбольскаго и тяжелый скрипъ приближавшихся къ нему шаговъ...

Это былъ господинъ Самойленко. Онъ былъ важенъ и сумраченъ—и Завалевскій съ невольною тревогой заглянулъ ему въ лицо: онъ, очевидно, вмѣстѣ съ Пужбольскимъ долженъ

былъ наткнуться сейчасъ на Марину... Не подозрѣваетъ-ли онъ?...

Но непроницаемо было лицо Іосифа Козьмича... Только въ голосѣ его почудилась графу какая-то несвойственная ему офиціальность, когда онъ, подойдя къ скамьѣ и не садясь,—какъ сдѣлалъ бы онъ по всей вѣроятности въ другое время,—остановился предъ своимъ патрономъ и доложилъ ему, что „княгиня съ супругомъ изволили благополучно доѣхать до *Вьюновъ* и оттуда поспѣшили проѣздомъ дальше, поручивъ ему, Самойленкѣ, передать свой сердечный поклонъ графу Владиміру Алексѣевичу".

— Что вы не присядете? сказалъ ему Завалевскій, подвигаясь, чтобы дать ему мѣсто.

— Нѣтъ-съ, я ужь такъ... дома дѣло есть, отвѣчалъ довольно сухо главноуправляющій;—а я собственно хотѣлъ сообщить вамъ два слова насчетъ предполагаемой вами продажи лѣса...

— А что именно? спросилъ графъ, какъ бы непріятно пораженный этимъ извѣстіемъ.

— Верманъ, о коемъ я имѣлъ случай уже говорить вамъ, предлагаетъ очень хорошую, даже небывалую, можно сказать, въ сторонахъ нашихъ цѣну,—по пятидесяти рублей за десятину, и хоть весь лѣсъ кругомъ... Но я не совѣтую вамъ, такъ какъ цѣнность лѣсовъ съ каждымъ годомъ идетъ вверхъ, такъ-сказать баснословно; а потому, если вамъ угодно будетъ, можно было бы теперь тысячъ шесть десятинъ...

Завалевскій безпокойно задвигался на мѣстѣ.

— Нельзя-ли съ этимъ дѣломъ погодить, Іосифъ Козьмичъ?

— То-есть, какъ-же это „погодить"? изумленно и медленно переспросилъ тотъ,—и кровь замѣтно поднялась у него къ лицу.

— Мы всегда успѣемъ продать... а я въ настоящее время... — Завалевскому очевидно не хотѣлось объяснять своему „губернатору" причину такой внезапной перемѣны въ своихъ намѣреніяхъ, — мнѣ теперь большихъ денегъ не нужно... я хочу попробовать въ меньшемъ масштабѣ...

„Врешь ты!“ съ невыразимою злостью сказалъ себѣ г. Самойленко.—Вы, можетъ быть, молвилъ онъ громко:—желали бы сами переговорить съ покупщикомъ,—или даже поручить кому-нибудь, помимо меня, устроить вамъ это дѣло?

— Ни говорить самому, ни поручить что-либо другимъ я не желаю, Іосифъ Козьмичъ, отвѣчалъ тихо, но твердографъ:—повторяю, мнѣ теперь большія деньги не нужны.

— Ваша воля! отрѣзалъ на это „потомокъ гетмановъ“:—но вы мнѣ позвольте, по крайней мѣрѣ, примолвилъ онъ, едва сдерживаясь,—послать сказать Самуилу Исааковичу,—онъ въ настоящее время у генерала Суходольскаго,—чтобъ онъ уже не безпокоился пріѣзжать сюда опять... Напрасно обезпокоили только человѣка!...

— Сдѣлайте милость... мнѣ очень жаль! извинялся Завалевскій.

Іосифъ Козьмичъ дотронулся слегка до своей фуражки и, повернувшись налѣво кругомъ, отправился во-свояси аки левъ рыкаяй...

Завалевскій поднялся вслѣдъ за нимъ съ мѣста и задумчиво направился къ дому.

XIX.

Ужь давно стемнѣло... Онъ сидѣлъ, одинъ, въ кабинетѣ, и думалъ,—думалъ объ этомъ уходящемъ днѣ. Тяжелъ и знаменателенъ былъ для него этотъ день. Утромъ Дина... *Послѣдняя* бесѣда его съ нею — онъ понималъ, что это былъ окончательный, безповоротный разрывъ,—глубоко залегла ему въ душу... Куда, на что ушли ея великія душевныя силы? Какъ въ этой безплодной борьбѣ съ мертвецами, которыхъ мечтала воскресить она, притупилось ея собственное нравственное чутье!... Она колола его „непрактичностью, „идеальничаніемъ“; тѣмъ, что „изъ битвы жизни онъ вышелъ чистъ“... А сама она, цѣною нравственной чистоты своей, — чего она достигла?... Нѣтъ, думалъ Завалевскій,—безплодны тѣ гордые замыслы... не ждать вамъ отъ нихъ воскресенія... *Иже убо смирится яко отроча сіе, той есть болій во царствіи небеснѣмъ.* Съ дѣтскою вѣрой и смиреніемъ примись за свое малое дѣло — и не смущайся призракомъ, что могъ бы ты большое дѣло дѣлать... Нѣтъ большаго дѣла!...

Безполезно прошла вся его жизнь, но онъ не жалѣлъ объ этомъ: — мы уже знаемъ, — онъ не вѣрилъ въ *пользу*... Онъ вѣрилъ въ другое что-то, высшее, само въ себѣ сущее, — въ *духъ* человѣческій онъ вѣрилъ... и тосковалъ онъ теперь о томъ, что такъ много жизни потрачено было имъ на безплодныя исканія... Онъ пріѣхалъ сюда, въ Алый-Рогъ, съ широкою затѣею—и самъ не вѣрилъ въ нее, и нуженъ былъ этотъ молодой, женскій голосъ... „Не пахана, не бороненная“, вспомнились ему слова ея пѣсни... „Запрягись *самъ* въ плугъ“,

говорилъ онъ себѣ теперь съ какимъ-то невольнымъ внутреннимъ паѳосомъ, — въ молодыхъ, непочатыхъ душахъ прорѣзывай неизгладимыя борозды любви и святыхъ упованій, и не ищи ничего инаго,—„ты на землѣ совершилъ все земное“... О, если-бы это всѣ понимали, какъ понимаю это я,—еслибы по всѣмъ уголкамъ бѣдной моей родины такіе же *безполезные* люди какъ я принялись за это *дѣло души*, за это *малое*—и безконечно великое дѣло!“ Институтъ, затѣянный Завалевскимъ, представлялся ему теперь *нестерпимою казенщиной*, рано или поздно обѣтованнымъ удѣломъ *благонамѣренныхъ* Левіаѳановыхъ... Нѣтъ, онъ не предастъ своей мысли на поруганіе, не подготовитъ почвы для враговъ! Онъ самъ приготовитъ бойцовъ... „за Бога, за семью, за родину“, какъ выражалась Дина,—за все то, чему сама она перестала вѣрить! Онъ найдетъ тутъ же, въ бывшей своей вотчинѣ, пять, шесть сиротъ, онъ будетъ самъ ихъ воспитателемъ, учителемъ, онъ отдастъ имъ душу свою... онъ еще не старецъ,—ему сорокъ шесть лѣтъ,—онъ еще можетъ дождаться жатвы! Онъ чувствуетъ — онъ способенъ вліять, благотворно дѣйствовать на чужую душу... Юноши, имъ воспитанные, во всеоружіи пойдутъ, въ свою очередь, на это дѣло жизни, въ свою очередь станутъ готовить крѣпкихъ, доблестныхъ руководителей, учителей народа... Не его деньгами, его духомъ созиждется нерушимое гнѣздо!..

Да, онъ способенъ вліять, онъ не можетъ этого не видѣть... Марина, это странное и прелестное созданіе,—ея обаятельный образъ, колѣнопреклоненный предъ нимъ, возставалъ неустанно въ его памяти и неодолимымъ смущеніемъ наполнялъ его душу,—какъ слѣдуетъ понимать тотъ едва вѣроятный порывъ, что̀ привелъ, что̀ кинулъ ее сейчасъ къ его ногамъ?... Нѣтъ, онъ не повѣритъ, не можетъ, не *долженъ* вѣрить... пора любви прошла для него навсегда... ему-ли, съ его сѣдою головой, съ этими печальными морщинами на усталомъ челѣ,—ему-ли вызывать любовь... любовь, такъ безжалостно посмѣявшуюся надъ нимъ въ лучшіе дни его юности?... То, что̀ говорила она ему,—тѣ слова, что̀ палили ему теперь сердце,—это обманъ одинъ,—обманъ пылкой молодой души,

алчущей *слова* и *свѣта* и въ невѣдѣніи страстнаго стремленія не умѣющей отличить сосудъ отъ хранящагося въ немъ содержанія... Онъ увидится съ нею, объяснитъ... онъ безтолково оттолкнулъ ее сейчасъ, онъ испугался... Чего испугался онъ? И онъ чувствовалъ, какъ блѣдныя его ланиты горѣли отъ приливавшей къ нимъ крови... Онъ чувствовалъ, какъ жадно—и боязливо какъ—хотѣлось бы ему увидѣть ее скорѣе, и что бы онъ далъ, чтобы пережить опять то страшное и блаженное мгновеніе, когда, вся пламень и жизнь, сжимала она его холодныя руки и говорила ему: „Мнѣ ничего не нужно... возьмите меня *какъ есть!*...“

Онъ заходилъ по кабинету, силясь отстранить соблазнъ этихъ представленій и снова приковать смущенную мысль къ тому „гнѣзду“, къ той *смиренной* школѣ, въ которой видѣлъ онъ теперь для себя и лучшую задачу, и спасеніе... Но успокоиться не суждено ему, видно, было.

— Ты здѣсь, Завалевскій? донесся до него изъ другой комнаты громкій голосъ Пужбольскаго.

— Здѣсь.

Князь переступилъ черезъ порогъ, отыскалъ пріятеля глазами въ полутьмѣ покоя и повалился въ первое попавшееся ему кресло, съ видомъ человѣка, который отъ усталости ногъ подъ собою не чувствуетъ.

— Я исходилъ садъ, не останавливаясь, четырнадцать разъ кругомъ, началъ онъ ex abrupto съ видимо напускною развязностію:—садъ имѣетъ въ окружности три тысячи четыреста восемьдесятъ восемь шаговъ; помноживъ это число на четырнадцать...

— Очень много выходитъ, прервалъ его разсчеты графъ,—и ты...

— J'avais besoin de cet exercice pour me calmer *), не далъ ему кончить тотъ,—хотѣлъ получить возможность переговорить съ тобою хладнокровно, промолвилъ онъ, закуривая сигару о зажженную имъ спичку, и, пользуясь мгновен-

*) Мнѣ нужно было это движеніе, чтобъ успокоиться.

нымъ огнемъ этой спички, безпокойно глянулъ въ лицо Завалевскаго.

Графъ тотчасъ же догадался, о чемъ это нужно было Пужбольскому переговорить съ нимъ; сердце у него ёкнуло.

— Говори! сухо проговорилъ онъ.

— Сегодня утромъ, повинова́лся немедленно князь,—между двѣнадцатью и часомъ, въ томъ большомъ лѣсу, гдѣ, ты помнишь, мы такой необыкновенно огромный бѣлый грибъ нашли, я предложилъ дочери твоего управляющаго, mademoiselle Samoïlenko, сердце мое, особу и все, что̀ соблаговолили оставить мнѣ на пропитаніе Толкачевъ, Горбачевъ, et toute la satanée kyrielle que vous savez. Я просилъ ея руки...

— Ты! невольно воскликнулъ Завалевскій!

— Я! пыхнулъ сигарою Пужбольскій, — потому что я глупъ, какъ пробка, что̀ нынѣшнее утро и доказало мнѣ еще разъ до осязаемости.

— И она?... голосъ дрогнулъ у графа.

— Она?... Elle m'a envoyé paître *), что̀ мнѣ слѣдовало предвидѣть, и что̀ я въ сущности и предвидѣлъ... и все-таки полѣзъ, потому что, какъ говоритъ Байронъ: who, alas, can love and then be wise! **) или какъ въ русской пословицѣ: *что у каждой старухи есть своя прорва...*

Какъ ни мало былъ расположенъ къ веселости Завалевскій, онъ не могъ не засмѣяться.

— Vous auriez du être plus généreux! воскликнулъ не безъ горечи князь:—не годится Цезарю глумиться надъ Помпеемъ!...

— Это ты меня Цезаремъ называешь? воскликнулъ, въ свою очередь, графъ.

— Тебя!... И ты отрицать это даже права не имѣешь, потому тебѣ въ этомъ признались прямо, въ лицо!...

Завалевскій, не отвѣчая, склонилъ голову, словно пойманный въ преступленіи.

---

*) Она отказала мнѣ.

**) Кто, увы, можетъ любить и въ то же время быть мудрымъ.

А пріятель его пояснилъ съ какимъ-то злорадствомъ, наслаждаясь его растерянным видомъ:

— Сегодня, между семью и восемью, въ саду, за пять минутъ предъ нашимъ съ отцомъ ея возвращеніемъ сюда!

— Ты видѣлся съ нею? быстро подошелъ къ нему графъ.

— Видѣлся!

— И она тебѣ сказала?...

— Не сказала ничего, я самъ угадалъ... Угадать было не трудно,—elle n'avait pas figure humaine! *)

— Боже мой, вѣдь это безуміе! вырвалось отчаянно у Завалевскаго.

— Безуміе, подтвердилъ съ ироніей князь:—и я говорилъ ей, что это безуміе, и она лучше обоихъ насъ знаетъ, что это безуміе... И поэтому мнѣ безконечно жаль ее! завизжалъ онъ внезапно на самыхъ верхнихъ нотахъ своего голоса, — потому что она прелестнѣйшее существо на свѣтѣ... et que je l'aimerai, quoiqu'elle m'aie envoyé paître, jusqu'à la fin de mes jours!...

И Пужбольскій, безсильный сдерживаться болѣе, пустилъ сигарою своею въ стѣну. Ударъ попалъ въ большую гравюру съ Рафаэлевскаго *Преображенія*... Треснувшее стекло слабо зазвенѣло...

— Не вели вставлять новаго! воскликнулъ онъ, вскакивая съ мѣста:—пусть это останется на вѣки у тебя памятью того дня, когда ты безжалостно оттолкнулъ восхитительное Божіе созданіе... pour l'amour de laquelle я готовъ былъ, кажется, me faire capucin и всю жизнь глотать деревянное масло!... Теперь bonsoir, потому что весь мой запасъ хладнокровія выдохся и мнѣ опять надо четырнадцать разъ обѣжать садъ.

Онъ быстрыми шагами направился къ двери.

Завалевскій кинулся за нимъ, схватилъ его за руку.

— Не до буфонствъ, Пужбольскій!... Ты мнѣ скажи,—ты ее видѣлъ,—какъ нашелъ ты ее?

— А такую я ее нашелъ, отвѣчалъ князь послѣ минут-

*) На ней человѣческаго лица не было.

наго молчанія,—что на первый даже взглядъ недобрымъ чѣмъ-то на меня повѣяло... On ne sait pas, que diable! Особенно теперь, когда они со своимъ „прогрессомъ“ такъ устроили, что жизни человѣческой три гроша цѣна!... Я ей прямо далъ почувствовать, что она... что это... А она подняла на меня свои божественные глаза и говоритъ мнѣ: „смириться надо, не роптать...“

Подъ рѣсницами Завалевскаго набѣжали слезы. Это были *его* слова!... Не одну себя, всю свою гордость повергала она къ его ногамъ!..

Онъ зашагалъ опять по комнатѣ въ невыразимомъ волненіи.

— Вѣдь это же невозможно, Пужбольскій, это было бы преступленіемъ... Вѣдь я чуть не тридцатью годами ея старѣе, вѣдь она мнѣ во внучки годится!... Что общаго между этою молодою жизнью и мною?

— Что общаго? крикнулъ на него князь.—А то именно, что она тебѣ не *дочь*, а *внучка* выходитъ!... *Дѣти* объявили насъ трутнями и болванами, которые иначе дѣлать не умѣли какъ in's Blaue къ звѣздамъ парить, и похѣрили они заодно и звѣзды, и насъ... А *внукамъ* въ отцовскомъ болотѣ нестерпимо темно стало... Звѣздъ опять проситъ молодая жизнь,—довольно ей блудящихъ огней... свѣтилъ проситъ, de vrais astres au ciel!... И ты *ее* не понялъ... не понялъ! завизжалъ онъ, схватываясь за волосы:—куда же *ей*, къ кому, гдѣ свѣтъ, гдѣ тепло? Развѣ ты видишь qu'elle a l'étincelle divine! А кругомъ ея что, что?... Nous les savons par coeur les продукты современнаго огорода, le передовой акцизный чиновникъ, et le либералъ-офицеръ генеральнаго штаба!... Развѣ того душа ея проситъ? Вѣдь она же не меня, *тебя* она избрала,—чуть не рыданіе послышалось въ горлѣ бѣднаго Пужбольскаго,—умѣла же она понять!... А онъ не можетъ, не хочетъ!...

И Пужбольскій, внѣ себя, цѣпляясь дорогой за стулья и столы, побѣжалъ въ свою комнату, расположенную въ противоположномъ концѣ дома.

Черезъ четверть часа пришелъ къ нему Завалевскій... Бесѣда друзей на этотъ разъ продолжалась далеко за полночь... Имъ въ голову не могло прійти, что̀ въ это самое время происходило во флигелѣ, занимаемомъ господиномъ Самойленко...

XX.

Какъ туча грозный вернулся изъ сада Іосифъ Козьмичъ... Къ немалому своему удивленію, онъ засталъ у себя въ столовой, чрезъ которую проходилъ онъ въ кабинетъ, Вермана, котораго ожидалъ никакъ не ранѣе завтрашняго дня. „Монополистъ“ сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ и жадно доѣдалъ какую-то поданную ему половину холодной индѣйки...

— Извините, что безъ васъ распорядился, многоуважаемый, объяснилъ онъ хозяину, — чуть съ голоду не умеръ просто...

— Не застали генерала? коротко спросилъ тотъ.

— Утромъ въ городъ уѣхалъ, какъ нарочно,—и со всѣмъ семействомъ... Хлѣба куска тамъ достать не могъ, повѣрите!... Вернулся къ вамъ и...

— Неудачный для васъ день! отрѣзалъ господинъ Самойленко.

— А что? поднялъ на него глаза Верманъ, встревоженный его тономъ.

— Что!—Пошелъ вонъ! обернулся главноуправляющій къ прислуживавшему гостю слугѣ.—Мимо проѣхало,—вотъ что! объяснилъ онъ Верману, едва остались они вдвоемъ.

„Монополистъ“ только глазами заморгалъ,—онъ не совсѣмъ сообразилъ еще.

— Не продаетъ, — понялъ ты? крикнулъ ему Іосифъ Козьмичъ.

— Какъ не продаетъ? даже поблѣднѣлъ слегка Верманъ.

— А вотъ такъ, что ему большія деньги не нужны теперь...

— Да вѣдь онъ самъ же, говорили вы, въ шею гналъ васъ, чтобы деньги ему скорѣе?...

— Ну, а теперь не нужно!... Въ маломъ, говоритъ, масштабѣ думаю... Да вретъ онъ,—не то совсѣмъ, вретъ! захлебывался г. Самойленко, расхаживая по комнатѣ, какъ въ клѣткѣ разъяренный левъ.

— *Сомнѣвается*—полагаете? смекнулъ „монополистъ“— и выронилъ вилку изъ рукъ.

Іосифъ Козьмичъ внезапнымъ оборотомъ сталъ стоймя предъ нимъ, весь багровый.

— Змѣю за пазухой выростилъ я, пропустилъ онъ сквозь спиравшееся отъ гнѣва горло, — оттуда идетъ, понимаешь?...

Верманъ не на шутку перепугался.

— Выпейте, выпейте, многоуважаемый! захлопоталъ онъ, наскоро наливая полный стаканъ воды и подавая ее пріятелю...

Тотъ выпилъ ее залпомъ и—судорожнымъ движеніемъ рванулъ съ себя галстукъ.

— Змѣю выростилъ! повторилъ онъ глухо.

— Никогда того быть не можетъ, не повѣрю, великодушно вступился „монополистъ“, — чтобы такая благородная и образованная дѣвица какъ...

— А сегодня утромъ, перебилъ его господинъ Самойленко, — не слышалъ ты самъ, какъ она... Кто тамъ? крикнулъ онъ вдругъ на скрипъ осторожно отворявшейся изъ передней двери.

— Я... Осипъ, отвѣчалъ надтреснувшій голосъ — и въ дверь бочкомъ, сгорбясь, пролѣзла жабообразная фигура хромаго кузнеца:—приходить, сказывалъ Лаврентій, приказывали...

— Приходить! такъ и накинулся на него главноуправляющій,—драть тебя, такъ и то мало!...

— Что-жь драть-то! пробормоталъ кузнецъ, перебирая между пальцами свою неизбѣжную мѣховую шапку,—напрасно, за что драть-то!...

— Напрасно! подбѣжалъ къ нему съ поднятыми кулаками „потомокъ гетмановъ“: — а колеса въ тарантасѣ моемъ ты смотрѣлъ?...

— Смотрѣлъ...

— Смотрѣлъ, подлецъ, а что хлябаютъ кругомъ шины, не видалъ?

— Новыя, извѣстно, — ссохлись, объяснялъ Осипъ, конфузливо опуская мѣшки своихъ вѣкъ на глаза.

Іосифъ Козьмичъ такъ и затопалъ на мѣстѣ.

— Такъ на это, распротоканалья ты эдакая, держу я тебя кузнецомъ, чтобы ты, ерепей мерзопакостный...

Голосъ Вермана прервалъ ругательства его на половинѣ.

— Гдѣ у васъ сигары, многоуважаемый? говорилъ онъ,— мои всѣ вышли...

— А вотъ сейчасъ... Погоди меня здѣсь, я съ тобой не кончилъ! крикнулъ кузнецу господинъ Самойленко и направился вслѣдъ за Верманомъ въ кабинетъ.

Дверь за ними затворилась; „хромой бѣсъ“ остался одинъ...

Быстро наступалъ вечеръ. Кузнецъ все ждалъ... но дверь кабинета все такъ же оставалась затворенною... никто не звалъ его. Отмороженная нога его затекла,—онъ осторожно опустился на кончикъ ближайшаго къ передней стула, прикорнулъ головой къ притолкѣ и—тутъ же задремалъ...

Часы въ освѣщенной гостиной Іосифа Козьмича только-что отзвонили одиннадцать ударовъ, когда онъ съ Верманомъ вышли туда изъ полутемнаго кабинета, въ которомъ они до того времени переговаривались о неожиданномъ оборотѣ, принятомъ *ихъ дѣломъ*, и о средствахъ его поправить... Остаться ночевать въ Аломъ-Рогѣ „монополистъ“ не согласился: ему, увѣрялъ онъ, необходимо было захватить въ городѣ одного пріятеля, который съ первымъ утреннимъ поѣздомъ собирался въ Харьковъ ѣхать, такъ что онъ его едва застать успѣетъ... Іосифъ Козьмичъ не настаивалъ...

Онъ проводилъ гостя до крыльца.

— Прощайте, до скораго свиданья, почтеннѣйшій другъ! говорилъ „монополистъ“, усаживаясь въ свой экипажъ: — я увѣренъ, что, при вашемъ умѣ, все устроится къ лучшему по вашей фантазіи... Маринѣ Осиповнѣ мое почтеніе прошу засвидѣтельствовать, заключилъ онъ подъ звонъ бубенцевъ и грохотъ задвигавшихся колесъ...

— Я вотъ ей засвидѣтельствую! пробурчалъ господинъ

Самойленко, оставшись одинъ на крыльцѣ, — и медленными шагами поворотилъ назадъ.

Не успѣлъ онъ войти въ гостиную, какъ на порогѣ дверей, выходившихъ въ садъ, вырисовалась предъ нимъ стройная фигура Марины, вся свѣтлая на темномъ фонѣ сада...

Она увидѣла его, на мигъ остановилась въ дверяхъ и— вошла въ комнату, блѣдная и спокойная.

У Іосифа Козьмича даже губы задрожали...

— Откуда, сударыня? началъ онъ, едва сдерживаясь.

— Изъ саду, какъ видите...

Она опустилась въ кресло и сложила руки на колѣняхъ, какъ бы готовясь слушать... Лицо ея приняло выраженіе чего-то преднамѣреннаго и рѣшительнаго...

Онъ быстро прошелся по комнатѣ—и вдругъ остановился предъ ней.

— Что же вы цѣловались тамъ съ нимъ въ саду?...

Какъ отъ прикосновенія горячаго желѣза, вся вздрогнула Марина.

— Про кого это вы говорите?

— Про кого-жь, какъ не про графа вашего! злобно отрѣзалъ онъ ей въ отвѣтъ.

Она улыбнулась,—чего стоило ей эта улыбка!..

— Вы знаете, что это не можетъ быть;—къ чему же вы говорите? тихо вымолвила она, и руки ея упали снова на ея колѣни.

Господинъ Самойленко никакъ не ожидалъ этого спокойствія,—оно его еще болѣе раздражило.

— Я всего въ правѣ ожидать послѣ вашего *пассажа!* крикнулъ онъ на нее:—дерзости я еще могъ бы простить,— подлости никогда!..

Марина подняла на него свои потускнѣвшіе и изумленные глаза: онъ упрекалъ ее въ *подлости!*..

— Вы осмѣлились передать *ему*, захлебывался межъ тѣмъ Іосифъ Козьмичъ, — передать подслушанное... перевранное вами...

Она только плечами пожала.

Онъ наклонился къ ея креслу, сжимая кулаки...

— Ты меня, сквернавка ты эдакая, захрипѣлъ онъ, забывая уже всякую удержь, — ты меня предъ жидомъ смѣла воромъ назвать... меня, Самойленку!.. Да мало того, шпіонничать пошла, нашептывать на меня своему... чортъ васъ знаетъ, чѣмъ онъ тебѣ приходится!..

Она молчала, недвижимая какъ мраморная глыба... Только пальцы до боли стиснутыхъ ею рукъ хрустѣли въ отвѣтъ его бѣшенымъ ругательствамъ.

— Да говори же, отвѣчай!—его все сильнѣе приводила въ ярость неожиданная ея невозмутимость:—не ты развѣ отсовѣтовала графу лѣсъ продавать?..

— Я ничего не совѣтовала, все такъ же тихо промолвила она.

— Врешь ты, врешь! затопалъ онъ на нее ногами.

Она вскинула на него взглядомъ.

— Солгала-ли я вамъ хотя разъ въ жизни? сказала она только.

— Такъ кто-жь его научилъ! уставился на нее Іосифъ Козьмичъ:—не святымъ же духомъ осѣнило его, чтобъ онъ съ утра на вечеръ съѣхалъ, съ *хочу* на *не хочу?*..

— Развѣ такъ трудно ему самому догадаться... что вы его обманываете? отвѣчала на это Марина.

Искры запрыгали въ зрачкахъ „потомка гетмановъ“... Онъ схватился за стулъ...

— Да какъ ты смѣешь... въ глаза... мнѣ... еще разъ... Знаешь ли ты... что я тебя могу...

Она еще разъ глянула ему въ лицо.

— Что вы можете? спросила она.

— Въ ничтожество, въ холопство обратить тебя могу! заревѣлъ онъ,—и стулъ затрещалъ подъ его сильною рукой...

— Вы можете оскорблять меня, сказала Марина,—я все снесу... *добровольно*... Но права надо мною вы не имѣете... вы мнѣ не отецъ!..

— Я тебѣ не отецъ? озадаченно повторилъ Іосифъ Козьмичъ:—такъ кто же я тебѣ?..

— Мужъ моей покойной матери.

— Мужъ твоей... А твой... твой отецъ кто же, по-твоему?..

— Вы знаете, избѣгая встрѣтиться съ нимъ глазами, отвѣчала она:—отецъ мой князь Анатолій Сергѣичъ Серебряный...

— Анато-лій Серг... Князь Анатолій Сергѣ... Ха, ха, ха! Княжна! Сіятельная!.. Княжна! хохоталъ какъ въ истерическомъ припадкѣ Іосифъ Козьмичъ...

— Моя мать вамъ сама въ этомъ призналась, прервала его Марина,—и вы... вы простили ей... вы хорошо тогда поступили!..

— Твоя мать мнѣ призналась? повторилъ онъ, почти испуганно тараща на нее свои воспламененные круглые глаза:—да ты обезумѣла что-ли совсѣмъ?..

Она, вся блѣдная, недоумѣвающая, воззрилась на него:

— У меня доказательство есть! пробормотала она и кинулась въ свою комнату.

— Ваша рука,—не помните? быстро возвращаясь и протягивая Іосифу Козьмичу бережно хранившійся у нея клочокъ его письма къ Марѳѣ Ѳадѣевнѣ, промолвила Марина.

Онъ вырвалъ у нея листокъ, подошелъ къ лампѣ, пробѣжалъ его... Еще злѣе забѣгали его зрачки... Безобразенъ былъ въ эту минуту Іосифъ Козьмичъ!

— И вы изъ этого,—вы изъ этого вывели, что жена моя... *моя* жена... рога мнѣ наставила... и что ты княжной родилась! Княжной!.. Холопкой родилась ты! зашипѣлъ, зашамкалъ онъ отъ злости,—изъ милости своей безконечной сжалилась покойница надъ тобою... за дочь свою приняла... А ты надъ памятью ея ругаешься... Княжна!..

Марина схватилась за спинку кресла... ноги ея подкашивались... что-то безсвязное, острое и невыносимо-мучительное давило ей голову, ныло до тошноты въ ея груди...

— Кто же они—мать моя... отецъ?.. Гдѣ?.. Кто у меня остался? спрашивала она отрывистымъ, надрывающимъ голосомъ...

Но безжалостенъ былъ господинъ Самойленко... Князь Анатолій,—это былъ послѣдній, невыносимый ударъ для его самолюбія, съ утра, во всѣ больныя мѣста его исколотаго Мариною съ какою-то слѣпою безпощадностью,—князь Анато-

лій, человѣкъ ненавистнѣе котораго не существовало для него никого на свѣтѣ, которому онъ и понынѣ не могъ забыть высокомѣрно-насмѣшливаго обращенія съ нимъ, „потомкомъ гетмановъ“, когда онъ, бѣдный армеецъ въ отставкѣ, искалъ руки Маріи, пренебреженной этимъ блестящимъ гвардейцемъ,—нѣтъ, не въ состояніи былъ Іосифъ Козьмичъ простить Маринѣ это имя, это заблужденіе ея... онъ ненавидѣлъ ее теперь,—ненавидѣлъ наравнѣ съ тѣмъ, котораго она посмѣла почитать своимъ отцомъ!..

— Кто остался у васъ, захихикалъ онъ ей въ отвѣтъ:—а вотъ я вамъ сейчасъ... сейчасъ покажу, кто у васъ остался!.. Не угодно-ли?

Онъ пригласилъ ее рукой слѣдовать за нимъ и направился въ кабинетъ.

Она тупо, безотчетно пошла за нимъ...

Въ кабинетѣ одиноко горѣла свѣча... Онъ сильно дрожавшею рукою зажегъ о нее другую свѣчу и прошелъ съ нею въ столовую.

— Эй ты, сопунъ! Ступай сюда, послышался дѣвушкѣ оттуда его голосъ, и затѣмъ чей-то хриплый, будто испуганный, возгласъ, шумъ упавшаго стула... чьи-то тяжелые шаги близились къ дверямъ...

Вошелъ Іосифъ Козьмичъ—и за нимъ...

Все ясно стало для Марины: та *Марья Ѳедоровна*, на которую намекалъ ей утромъ этотъ ужасный человѣкъ, это была мать ея... А онъ...

— Вотъ онъ, — *мужъ вашей матери*... отецъ вашъ *по закону!* объяснилъ Іосифъ Козьмичъ, поднося свѣчу подъ самые глаза кузнеца и, выронивъ ее изъ рукъ, всѣмъ грузнымъ тѣломъ своимъ упалъ на близъ стоявшій диванъ, какъ бы раздавленный самъ этимъ безжалостнымъ торжествомъ своимъ...

Она шатнулась всѣмъ тѣломъ назадъ, словно въ грудь ее кто ударилъ... И тутъ же, неимовѣрнымъ усиліемъ надъ собой, выпрямилась вся, провела рукой по лицу и прямо направилась къ кузнецу:

— Пойдемте! коротко сказала она ему.

Съ просонковъ, моргая своими красными вѣками отъ вне-

запнаго свѣта, онъ, какъ звѣрь лѣсной, оглядывался во всѣ стороны, не понимая еще, не успѣвъ сообразить...

— Пойдемте! повторила Марина, притрогиваясь къ его плечу.

— Куда? какъ бы невольно проронилъ Іосифъ Козьмичъ.

Она обернулась къ нему:

— Благодарю васъ, твердо проговорила она, и словно сталью блеснули устремившіеся на него глаза ея,—благодарю за прошедшее... И за сегодняшнее благодарю васъ, примолвила она почти ласково,—за то, что гордость мою покарали... Прощайте!...

— Куда? растерянно спросилъ еще разъ господинъ Самойленко.

— Куда мнѣ слѣдуетъ! такъ же рѣшительно отвѣчала Марина, и ухватившись за рукавъ „хромаго бѣса“: — идемте же... вы отецъ мой... я за вами!...

Безмолвно, оторопѣло повиновался онъ ей... Они вышли изъ комнаты... Іосифъ Козьмичъ хотѣлъ вскрикнуть, приподняться, и снова, безъ словъ, упалъ на спинку дивана. Онъ былъ, дѣйствительно, раздавленъ.

XXI.

Безлунная ночь мрачно глядѣла съ неба; накрапывалъ дождикъ. Кузнецъ и Марина выходили за ограду села, въ поле... Впереди какимъ-то страшнымъ чернымъ пятномъ темнѣла предъ ними ближняя опушка лѣса.

— Такъ яжъ же то... вы со мною пойдете? недоумѣвающимъ голосомъ словно рѣшился спросить дѣвушку ея спутникъ: до этой минуты они еще словомъ не обмѣнялись.

— Съ вами, тихо отвѣчала она.

— А куда же мы пойдемъ? остановился онъ вдругъ на-ходу.

— Куда хотите...

— *До меня* пойдете? проговорилъ кузнецъ, какъ бы совсѣмъ не вѣря.

— Вы отецъ мой,—куда прикажете, я туда пойду, сказала она въ свою очередь.

Онъ потянулся головой ближе къ ней, будто пытаясь въ темнотѣ разглядѣть выраженіе ея лица.

— Отецъ! повторилъ онъ сквозь зубы и—вдругъ заковылялъ впередъ такъ быстро, что Марина едва поспѣвала за нимъ. Онъ что-то мычалъ про себя непонятное и сердитое.

Они дошли до лѣса.

— Довелъ-таки до того! неожиданно захихикалъ „хромой бѣсъ“, снова останавливаясь: якъ же то вышло съ нимъ у васъ, кажите?

— Не спрашивайте, прошу васъ, не мучьте меня! вырвалось невольно у Марины.

— Не мучьте! протянулъ онъ страннымъ голосомъ—и примолвилъ:—а якъ онъ меня отцомъ вашимъ назвалъ... за что вы ему спасибо казали?

Она не отвѣчала,—что могла она отвѣчать *ему* на это?

— Отецъ! пробормоталъ онъ еще разъ, и уже безъ слова, безъ остановокъ продолжалъ держать свой путь въ почти непроглядной теми лѣса, не оборачиваясь, какъ бы позабывъ о неотставшей отъ него дѣвушкѣ.

Она упрекала себя въ томъ, что только-что сказала ему: не мучьте меня!... Нѣтъ, именно мученій, мученій алкала ея душа теперь... настоящихъ, грозныхъ... мученій *мучениковъ*, внѣшнихъ, ощутительныхъ болей... И съ любовью приняла бы ихъ она, съ восторгомъ... Среди этихъ пришлыхъ мученій она быть-можетъ позабыла бы хоть на мигъ эту горчайшую снѣдающую ее муку — *его презрѣніе!*... Но она смирится, *смирится, какъ желаетъ онъ*,—она это свое теперешнее униженіе возведетъ себѣ въ утѣшеніе, въ радость!... Она искупитъ имъ все свое прежнее: безобразіе своего воспитанія, свое *фуфырство*, свои безумныя надежды... Она крестьянкой будетъ, *чумичкой*, послѣднею изъ послѣднихъ, — она хлѣбы будетъ печь, борщъ варить этому увѣчному, уродливому, ненавидимому всѣми отцу своему!

Все темнѣй становилось въ лѣсу. Частый дождикъ слышно дробилъ по листамъ,—холодныя капли, скатываясь съ нихъ, капали на голову, за воротъ Марины... Она вздрагивала и жалась, стискивая зубы, чтобы не стучали они, — лихорадка пронимала ее. А кузнецъ все такъ же торопливо шелъ впередъ,—она за нимъ... Онъ неожиданно повернулъ влѣво, въ чащу... Куда же это?... Но не все-ли равно ей?

— Низомъ не пройти вамъ ни за что! счелъ онъ какъ бы нужнымъ объяснить, — трава скользкая... съ горы въ *церковище* свалитесь.

— Ой! вскрикнула Марина: она въ темнотѣ наткнулась лбомъ на какой-то острый сучекъ.

Онъ остановился... Въ чащѣ уже рѣшительно ничего разглядѣть было нельзя.

— За кушакъ держитесь, тутъ недалечко, на дорогу за-

разъ выйдемъ... только на дерева надсадиться можно, потому узко тутъ будетъ.

Онъ развязалъ свой кушакъ и протянулъ конецъ его Маринѣ. Ея рука встрѣтилась съ его грубою какъ сапогъ, мокрою отъ дождя рукою. Она превозмогла себя — и ухватилась не за кушакъ, а за эту отвратительную, мокрую руку.

— Такъ лучше, тихо промолвила она.

— Ну и такъ можно... и такъ!... И такъ можно, повторилъ еще разъ кузнецъ, и какой-то мимолетный мягкій звукъ послышался ей въ его надтреснутомъ голосѣ.

Онъ осторожно сталъ пробираться впередъ по узкой тропѣ между деревьевъ, крѣпко держа ее за руку и бормоча опять про себя что-то несвязное и непонятное. „Дочка“—могла только разслышать Марина: онъ о ней разсуждалъ самъ съ собою.

Тропинка между тѣмъ становилась шире, и впереди, какъ яркая звѣзда, блеснула прямо въ глаза Марины недалекая огненная точка.

— Акуратъ до нея вышли! засмѣялся вдругъ кузнецъ, выпуская сразу руку дѣвушки.

Они вышли къ хаткѣ, одиноко стоявшей на большой дорогѣ, противъ самой опушки лѣса.

— А вотъ я зàразъ, зàразъ, забормоталъ „хромой бѣсъ“, торопливо перебираясь черезъ дорогу.

Марина не отставала отъ него. Онъ подошелъ къ двери избушки и осторожно стукнулъ въ нее своими костлявыми пальцами.

— А кто тамъ? раздался чрезъ мгновеніе за дверью заспанный старушечій голосъ.

— Я, Горпино, я, отмыкай скоро!

Дверь распахнулась. Онъ, не входя, прошепталъ нѣсколько словъ отворившей. Звяканье мѣдныхъ монетъ донеслось до слуха Марины.

Она стояла посередь дороги. Пламя ночника чрезъ окно избушки прямо било на нее, освѣщая ея распустившіеся спутанные волосы, ея порванное о сучья, прилипшее къ тѣлу

отъ дождя кисейное платье. Кузнецъ съ порога повелъ на нее глазами.

— Слухай ты, Горпино, обратился онъ опять къ невидимой старухѣ съ какими-то опять неслышными словами.

— Матерь Божія, барышня! послышался въ отвѣтъ изумленный возгласъ.

— Ну, ну, давай! заговорилъ хромой, загораживая собою дверь, съ очевиднымъ намѣреніемъ не допустить ее выйти изъ хаты.

Онъ взялъ у нея что-то изъ рукъ, поднесъ ко рту, закинувъ голову назадъ, крякнулъ и бережно уложилъ себѣ это за пазуху.

— А вотъ вамъ... чтобъ не мокли! молвилъ онъ, вынося Маринѣ добытую имъ отъ старухи какую-то дырявую свитку.

— Спасибо вамъ! сказала она не поморщась, накидывая себѣ на плечи эти грязныя лохмотья.

Они пошли опять по дорогѣ.

Марина хорошо знала мѣстность: отъ этой „келейки“ Горпины, до которой не разъ—и каждый разъ тщетно—добирался Марининъ обожатель, акцизный чиновникъ, подозрѣвавшій старуху въ тайной продажѣ водки,—отъ этого ея жилища до кузницы оставалось не далѣе версты. Но кузнецъ, повидимому, не спѣшилъ домой; онъ такъ же медленно теперь подвигался впередъ, какъ спѣшилъ за четверть часа предъ этимъ добраться до Горпины, и то-и-дѣло останавливался на ходу, чтобы поднести къ губамъ тотъ завѣтный сосудъ, что хранился у него за пазухой. Сосудъ вскорѣ оказался пустъ. Онъ поднялъ его надъ головой съ намѣреніемъ швырнуть о земь—и вдругъ пріудержался.

— Дочка, держи! съ сиплымъ, пьянымъ хохотомъ крикнулъ онъ нежданно Маринѣ, заходившею во всѣ стороны рукою протягивая ей штофъ.

Марина подошла къ нему. Онъ уцѣпился за ея плечо: онъ еле на ногахъ держался.

Она взяла его подъ руку и повела.

Дождь пересталъ тѣмъ временемъ; становилось свѣтлѣе, кое-гдѣ на расчищенномъ небѣ замигали звѣзды.

Въ лощинкѣ, подъ ракитами, стояла довольно длинная мазанка, крытая соломой и землей, съ пристроенною къ одному изъ боковъ ея на четырехъ деревянныхъ столбахъ стойкою для ковки лошадей: это была *кузня*,—обиталище „хромаго бѣса“.

— *Мой дворецъ* теперь! сказала себѣ Марина, бодрясь и силясь улыбнуться, межь тѣмъ какъ вся она изнемогала подъ тяжестью навалившаго на нее пьянаго.

Они добрели кое-какъ до входа.

— От-мыкай!... Пе-трусь! безсмысленно замахалъ рукой кузнецъ, опускаясь какъ мѣшокъ на *припетокъ* *) мазанки.

Оконце рядомъ съ дверью быстро отворилось; кто-то выглянулъ изъ него и, замѣтивъ Марину, слегка вскрикнулъ... Послышался звонкій ребяческій голосокъ:

— А я зàразъ свичу зàпалю, зàразъ!

Дверь отворилась; на порогѣ ея появился мальчикъ лѣтъ четырнадцати, съ сальнымъ огаркомъ, воткнутымъ въ бутылку въ рукѣ, и съ полусонными, полуиспуганными глазами, устремленными на *барышню*.

Она улыбнулась ему—она знала его въ лицо: онъ когда-то былъ ученикомъ ея въ волостной школѣ,—и, указывая на *отца:*

— Помоги свести его, Петрусь! сказала она тихо мальчику.

Но хромой самъ, безъ помощи ихъ, приподнялся и, держась о стѣнку, вошелъ въ кузню. Онъ оглядѣлся кругомъ мутными глазами и поплелся прямо къ стоявшей за мѣхами большой кадкѣ съ водой, въ которой остуживалось у него при ковкѣ раскаленное желѣзо. Опустившись предъ ней наземь, онъ принялся обливать себѣ водою голову, громко охая, фыркая и икая.

— Веди въ горницу! крикнулъ онъ посреди всего этого мальчику.

Петрусь, свѣтя своимъ огаркомъ, отворилъ едва замѣтную, обтянутую рогожей дверь, что̀ вела во внутренній апартаментъ кузнеца.

---

*) Заваленка.

Марина вошла, низко наклонивъ голову...

Ее такъ и прошибло тройнымъ запахомъ дыма, дубленой кожи и полыни... Какъ и въ кузнѣ, потолка не было въ этой *горницѣ;* ночное небо проглядывало кое-гдѣ сквозь ветхую крышу, подъ которою, встревоженные внезапнымъ свѣтомъ, зарѣяли, при появленіи Марины, пріютившіеся тамъ воробьи и ласточки. На низко опустившіяся тонкія балки навѣшаны были для просушки пучки лѣкарственныхъ и *настоечныхъ* травъ; окна, лавки кругомъ стѣнъ, полуразвалившаяся печь, занимавшая чуть не половину помѣщенія,—все это было загромождено всякою рухлядью, кучами гвоздей, болтовъ, гаекъ, обрѣзками шинъ, неотянутыми колесами, ведрами и грудами угля. Въ углу на гвоздяхъ висѣла цѣлая коллекція смушковыхъ шапокъ, кожуховъ, женскихъ платковъ и понявъ, подъ залогъ которыхъ ссужалъ бѣдный людъ грошами ростовщикъ-кузнецъ... Въ этомъ углу и спалъ онъ на старой попонѣ, разостланной на голомъ полу... Рядомъ съ дверью настланъ былъ ворохъ полусгнившей вонючей соломы, служившей Петрусю ложемъ.

Марина въ изнеможеніи опустилась на это ложе, — она ногъ болѣе подъ собой не чувствовала... Петрусь стоялъ у притолки и глядѣлъ на нее все тѣми же испуганно-изумленными глазами...

— Чаво смотришь, мерзунъ, гнѣвно толкнулъ его кузнецъ, вваливаясь за ними въ *горницу:* — бери, о, свитку, неси до Горшины, *ейная*,—и чтобъ не приходилъ ты до утра,—слухаешь!...

Мальчикъ повиновался. Кузнецъ проводилъ его до входной двери, заперъ ее болтомъ и вернулся къ Маринѣ.

Опьянѣніе какъ бы на половину прошло у него: онъ двигался довольно твердо, и языкъ его не путался какъ за нѣсколько минутъ предъ этимъ... Но при мерцаніи свѣчнаго огарка, который онъ изъ рукъ Петруся принесъ на печь, скинувъ съ него предварительно нагаръ своими корявыми пальцами, Марина могла замѣтить, что губы его судорожно подергивало и что недобрымъ выраженіемъ сверкали глаза его

изъ-подъ приподымавшихся красныхъ вѣкъ... Ей опять становилось страшно съ этимъ... съ этимъ *отцомъ* своимъ...

Онъ смахнулъ съ одного размаха съ лавки все, что было навалено на нее всякаго желѣза, сѣлъ и, уткнувъ себѣ локти въ колѣни, положилъ голову на руки и принялся молча глядѣть на Марину:

— Якъ же мы теперь будемъ жить съ тобою, дочка? спросилъ онъ наконецъ, съ какимъ-то ехиднымъ торжествомъ.

— Я... я не знаю, прошептала она,—какъ хотите...

— Якъ хочу! повторилъ онъ, хихикнувъ...—А якъ захочу я надъ тобою покуражиться,—что тоди? спросилъ онъ, грозно покачивая косматою головой своею.

— Куражьтесь!... Я снесу, отвѣчала покорно Марина... „Княжна!“ сказала она себѣ съ невольно горькою улыбкой.

Онъ опять уставился на нее:

— И не можетъ *онъ* ничего со мною подѣлать,—самъ казалъ... „отецъ твой“, казалъ: „по закону!...“ Жинка мнѣ была... вѣнчанная—Марья Ѳедоровна. Не слыхали,—про мать свою... про Марью Ѳедоровну?... Нѣ, не слыхали, утромъ казали мнѣ—не слыхали!... Ой грѣхъ, грѣхъ... большой грѣхъ!..

Онъ вдругъ закрылъ себѣ глаза руками...

— А таки моя, *моя дочка!* На мое вышло, продолжалъ онъ какъ въ бреду...—Отнялъ, двадцать годовъ не отдавалъ... а на мое-жъ вышло!... Потому—*знаю!* какимъ-то таинственно зловѣщимъ шопотомъ проговорилъ онъ:—двѣнадцать зорь по ту траву ходилъ... поки нашелъ... Завивъ тотъ мой вчирась на *виру* бачили?... казалъ Тулумбасъ—бачили... Нѣту на завивъ тотъ отговора... Нѣту!... Отдалъ дочку, отдалъ! захохоталъ вдругъ дикимъ хохотомъ хромой...

Ужасъ все сильнѣе овладѣвалъ Мариной...

— Въ Сибирь хотѣлъ меня... убогимъ на вѣки сдѣлалъ... дьяволъ лысый!... Онъ приподнялся и опять упалъ на лавку,—винные пары снова подымались ему въ голову, глаза его налились кровью и блуждали свирѣпо кругомъ, какъ бы отыскивая предметъ ненависти его... А за что?.. Простилъ я ей... все простилъ... Богъ съ тобою! сказалъ ей,—только ты па-

предки не подумай... смѣть не подумай съ нимъ возжатись... А онъ, *гадюка* *), чтобъ ему, проклятому...

Въ эту минуту подъ самою кузней слышно раздался жалобный визгъ собаки, и въ оставшееся открытымъ, не высоко надъ землею прорѣзанное оконце однимъ прыжкомъ вскочилъ *Каро*—и съ неистовымъ лаемъ радости и тревоги кинулся къ госпожѣ своей. Онъ, видимо, давно, долго, отчаянно отыскивалъ ее повсюду...

— А чтобъ тебя, песъ анаѳемскій! заревѣлъ кузнецъ, подымая надъ головой тяжелую желѣзную полосу, попавшуюся ему, къ несчастію, подъ руку...

Каро, оскаливъ зубы, неустрашимо кинулся на него...

Не успѣла вскрикнуть Марина, какъ бѣдная собака, съ размозженнымъ черепомъ, лежала истекая кровью у ея ногъ.

— *Каро*, *Каро*... за что, за что убили вы его! съ безумнымъ рыданіемъ упала она наземь, охватывая руками содрогавшееся еще тѣло вѣрнаго друга...

— Убью!... И тебя... убью!... Кровь барскую изъ жилъ выпущу! не помня себя ринулся на нее пьяный...

— Убейте! приподымаясь на колѣняхъ, вскрикнула Марина, простирая къ нему молящія руки. Смерть,—о, какое блаженство было бы это для нея!...

Полоса съ хрохотомъ шлепнулась изъ рукъ его оземь... Онъ зашатался и растерянно ухватился за стѣну...

— Не буду... не буду! вдругъ зарыдалъ онъ истерическимъ страшнымъ воплемъ,—тоди хотѣлъ... якъ въ люлькѣ лежала... съ Марьею... съ Марьей хотѣлъ,—обоимъ одна смерть!... Царство ей небесное, барыня покойница... съ рукъ вырвала... Чуръ его... синій, о-о, чортъ рогатый!... Огнемъ меня... огнемъ...

Онъ повалился на лавку въ судорожномъ припадкѣ.

Марина схватила съ печи бутылку съ огаркомъ—и выбѣжала въ кузню... Зачерпнувъ изъ кадки воды въ жбанъ, она принялась обливать ею голову кузнеца... Она не слыхала, какъ въ это самое время грохотали колеса подъѣзжавшаго экипажа,

*) Змѣя.

какъ вслѣдъ за тѣмъ нетерпѣливая и сильная рука застучала что̀ есть мочи въ дверь кузни...

— Отворяй, отворяй сейчасъ! кричалъ въ окно, уже почти подъ самымъ ея ухомъ, чей-то—она въ первую минуту даже не была въ состояніи признать, чей это былъ угрожающій голосъ:—двери выломаю!..

Она выбѣжала, отомкнула...

— Гдѣ Марина? крикнулъ входя Іосифъ Козьмичъ,—онъ не замѣтилъ ее въ темнотѣ... Первымъ движеніемъ ея было кинуться отъ него прочь, въ *горницу*, къ *отцу* своему...

Этотъ ненавистный голосъ словно привелъ того въ чувство. Онъ сидѣлъ теперь на лавкѣ, низко опустивъ косматую голову, дико поводя кругомъ мутными глазами.

— Марина! крикнулъ съ порога, завидя ее, г. Самойленко,—ѣдемъ!..

— Куда? спросила она, не понимая.

— Со мной!... Не можешь же ты здѣсь оставаться... Онъ шагнулъ впередъ и чуть не упалъ, запнувшись за бездыханное тѣло бѣднаго *Каро*...

Онъ наклонился, узналъ:

— Это твоя работа? крикнулъ онъ бѣшенымъ голосомъ кузнецу.

— Моя, замоталъ тотъ головою:—и дочку хотѣлъ... и дочку!... Въ Сибирь посылай!...

— Онъ пьянъ? испуганно глянулъ на Марину Іосифъ Козьмичъ.

— Пьянъ! вызывающимъ тономъ повторилъ хромой:—пьянъ, посылай въ Сибирь!...

— Марина, заговорилъ опять г. Самойленко,—ты виновата предо мной... Я... я простить тебѣ готовъ... Но не здѣсь объ этомъ разсуждать намъ... Ѣдемъ, скорѣе!...

— Куда я отъ отца уѣду? сказала она.

— Онъ, онъ! возгласилъ Іосифъ Козьмичъ, насильно схватывая ее за руки,—не отецъ онъ, а убійца!... Онъ жену свою... твою мать, вотъ какъ эту собаку несчастную...

— Помилуй мя, помилуй, Господи! застоналъ вдругъ хромой.

— Я, съ глубоко захватывавшимъ его волненіемъ говорилъ между тѣмъ Іосифъ Козьмичъ,—я... ты должна это знать, я любилъ твою мать бѣдную...

— На сносяхъ ее за меня отдалъ! прошипѣлъ кузнецъ.

— Врешь ты, мерзавецъ, врешь! кинулся на него со сжатыми кулаками г. Самойленко: — не отдалъ бы я ее тебѣ на вѣрную смерть!... Сама она, сама... въ мое отсутствіе... Растерялась... скрыть... предъ барыней, предъ покойницей захотѣла... А онъ тутъ, жаба подлая, приставалъ къ ней давно... Она и пошла за него...

— Пошла... На то шла, чтобъ вѣрною быть...

— И была бъ она тебѣ вѣрная, аспидъ ты эдакой, потому душа у нея была ангельская!... Безъ меня все это было, Марина, безъ меня!... Жилъ я всю тогда зиму въ городѣ, ратниковъ сдавалъ... Не зналъ даже, что она замужъ вышла... побоялась она что-ли извѣстить меня... Только за меня покойница жена, по ея просьбѣ, попу обвѣнчать ихъ скорѣй приказала... Какъ вернулся я, да узналъ,—она ужь и родила давно... Захотѣлъ я на младенца... *на тебя* поглядѣть! И всего-то я разъ, разъ одинъ, зашелъ къ ней, предъ самымъ отъѣздомъ опять въ городъ, — всего на три дня пріѣзжалъ я тогда домой... Зашелъ... когда его, мерзавца, дома не было, потому видѣть я его не могъ!... Зашелъ... благословить тебя хотѣлъ, двухмѣсячная была ты тогда, примолвилъ Іосифъ Козьмичъ какимъ-то сконфуженнымъ тономъ... Не успѣлъ я вернуться въ городъ, какъ получаю письмо отъ жены, что злодѣй этотъ въ тотъ самый день, какъ только выѣхалъ я, убилъ Машу до смерти...

— А будь вы всѣ прокляты! промычалъ, прерывая его, кузнецъ и свалился съ лавки на солому, уже совершенно лишенный сознанія.

Раздавленная, уничтоженная стояла Марина предъ этими *двумя отцами* своими, изъ которыхъ одинъ погубилъ, другой убилъ ея мать! Тошно, отвратительно ей было! Оба они равно внушали ей къ себѣ ужасъ и отвращеніе. Ничего у нея теперь не оставалось, ни одной не задѣтой, не помятой струны въ ея душѣ! Она бы все перенесла—нищету, грубость,

униженіе, она отдавала всю себя на жертву своему дочернему долгу. Но предъ кѣмъ теперь этотъ ея *долгъ*, кому изъ этихъ убійцъ нужна ея жертва?...

— Марина, говорилъ ей тѣмъ временемъ Іосифъ Козьмичъ, — позабудемъ все! Побранились съ тобой — и баста! Квитъ... Вспомни: кто жь тебя взлелѣялъ, воспиталъ... Вспомни покойницу жену,—она жь тебѣ за мать была!... А я—я ничего не хотѣлъ до времени говорить тебѣ,—я просилъ правительство, чтобы тебѣ права законной дочери моей предоставить... На дняхъ графъ получилъ письмо изъ Санктъ-Петербурга, что тамъ на это согласны... Поняла ты, — ты теперь моя, моя *законная дочь*, Марина Осиповна Самойленкова.

Она пристально глядѣла на него лихорадочно-сіявшими глазами—и ничего не отвѣчала.

Не того ждалъ господинъ Самойленко; онъ видѣлъ, что далеко не все кончено, что не обрадовалась, не кинулась ему на шею эта „его теперь *законная дочь*“, что недобрымъ пламенемъ горѣли ея устремленные на него глаза, казавшіеся огромными отъ страшно-осунувшагося, потемнѣвшаго за эти два дня лица ея... Безпокойство не на шутку заговорило въ немъ.

— Время намъ нечего терять, Марина, уговаривалъ онъ ее,—ѣдемъ скорѣе домой!... Подумай, — вѣдь это скандалъ!... Что могутъ подумать... что скажутъ обо мнѣ... о тебѣ наконецъ... Ты только размысли хорошенько: первый, *графъ*... Ну, что онъ можетъ подумать?...

Она еще разъ взглянула на него, потомъ на *другаго*... на кузнеца. Онъ лежалъ на соломѣ, какой-то скорченный, безпомощный и жалкій,—и стоналъ во снѣ,—въ томъ мучительномъ снѣ пьянаго, исполненномъ грозныхъ, давящихъ представленій.

Марина кивнула на него и опустилась на лавку.

— Нѣтъ, молвила она Іосифу Козьмичу и улыбнулась невыразимо-презрительною улыбкой,—я съ вами не поѣду... Все же *онъ* лучше васъ!

Онъ даже покачнулся на толстыхъ ногахъ своихъ... Это было слишкомъ, перенести это былъ онъ уже не въ состояніи.

Едва сдержался „потомокъ гетмановъ“.

— Помни же, прерывавшимся отъ бѣшенства голосомъ проговорилъ онъ, — помни: придешь... въ ногахъ будешь валяться... вонъ выгоню!

Онъ плюнулъ всѣмъ ртомъ въ распростертаго на соломѣ, предпочтеннаго ему *соперника*, — и кинулся вонъ изъ кузни въ таратайку, которая привезла его сюда.

Долго не могъ онъ опомниться—и въ неостывавшемъ гнѣвѣ своемъ плевалъ въ воздухъ въ продолженіи всего пути до дому. А думы его въ то же время становились все мрачнѣе, все безотраднѣе...

Подъѣзжая ко *двору*, онъ не безъ удивленія увидѣлъ свѣтъ въ покоѣ, занимаемомъ княземъ Пужбольскимъ.—Не спитъ еще! сказалъ онъ себѣ, судорожно сжимая брови отъ невольной опять мысли о томъ, „что *они* скажутъ...“ И вдругъ, какъ бы осѣненный какимъ-то вдохновеніемъ:

— Стой! крикнулъ онъ своему кучеру, вылѣзъ изъ экипажа и, приказавъ не откладывать, самъ прошелъ на большое крыльцо.

Въ передней встрѣтился ему камердинеръ Пужбольскаго, со свѣчею въ одной рукѣ и только-что скинутымъ барскимъ платьемъ въ другой.

— Что, князь ужь легъ? спросилъ Іосифъ Козьмичъ.

— Книжку въ постели читаютъ, отвѣчалъ слуга съ любопытствомъ глядя ему въ глаза;— графъ сейчасъ отъ нихъ вышли... Прикажете доложить о васъ?..

— Ступай въ свое мѣсто! величественно отрѣзалъ ему на это главноуправляющій;—я самъ о себѣ доложу...

И, отворивъ дверь, онъ направился въ спальню княья.

XXII.

Стукъ таратайки Іосифа Козьмича давно смолкъ на песчанистомъ пригоркѣ; давно погасъ на печи, нестерпимо чадя, сальный огарокъ Петруся, и блѣдный свѣтъ зари уже брежжилъ въ оконца кузни, а Марина все такъ же упорно и безсознательно не отрывала глазъ отъ бездыханнаго *Каро*, отъ рядомъ съ нимъ лежавшаго, въ безчувственный сонъ погруженнаго теперь кузнеца... Способность мыслить словно покинула ее теперь, въ головѣ было пусто, точно что-то вдругъ насѣло, прихлопнуло, вышвырнуло все, что тамъ сейчасъ мучительно сознавало, судило и металось... Я *умерла*... *могила*, проносилось у нея быстрыми, смутными ощущеніями... Но нѣтъ, *она жива*, говорила ей опять ноющая, тягучая боль, что скребла будто кошачьми когтями у нея въ груди, подъ сердцемъ...

Послышались шаги, скрипъ двери... кто-то вошелъ, остановился на порогѣ... Она не подымала головы...

Это былъ Петрусь. Она видѣла, какъ онъ шагнулъ ближе, низко наклонился, протянулъ руку, провелъ ею по волнистой шерсти безжизненнаго *Каро*—и какъ затѣмъ поднялъ на нее перепуганно-вопрошавшіе глаза, и изъ этихъ глазъ двѣ крупныя слезинки выкатились и потекли по загорѣвшимъ щекамъ мальчика.

Нежданными, горючими слезами залилась въ отвѣтъ имъ Марина. Сознаніе вернулось къ ней вмѣстѣ съ ними.

— Петрусь, ты добрый... помоги, — надо похоронить его, едва могла она выговорить.

Мальчикъ, безъ дальнихъ словъ, приподнялъ трупъ собаки и поволочилъ его, ухвативъ обѣими руками, къ двери.

— Онъ тяжелъ, ты не снесешь одинъ.

Они вынесли его вдвоемъ на дорогу.

— А гдѣ же *заховать* его? поднялъ Петрусь на Марину свои темные, сострадательные глаза.

— Куда-нибудь подальше, въ лѣсъ пойдемъ, отвѣчала она.

— Свезти можно... на тачкѣ свезти, сказалъ мальчикъ,— только бы хозяинъ...

Онъ живо кинулся въ кузню, заглянулъ въ *горницу*—и такъ же быстро возвратился.

— Долго спать теперь будетъ! успокоительно закивалъ онъ Маринѣ, выкатилъ на дорогу тачку, служившую для возки угля изъ *ямы* въ топку—и, съ помощью дѣвушки, уложилъ въ нее тѣло пуделя.

— Понятный якой песъ былъ! помянулъ его вздохомъ Петрусь, ухватываясь за ручки и тихо двигая тачку впередъ.

— Онъ всегда такой злой... твой хозяинъ? спросила черезъ мгновеніе Марина, идя за нимъ вслѣдъ.

— Бѣда! прошепталъ въ отвѣтъ мальчикъ.

— Ты его боишься?

— Бо-ю-ся... потому — знахарь! еще тише, осторожнѣе промолвилъ онъ.

— Ты сирота, Петрусь? спросила она опять, помолчавъ.

— Сирота, отвѣчалъ онъ, ни батька не маю, ни матери...

— Какъ и я! сказала Марина.

Мальчикъ пріостановился и обернулся на нее съ выраженіемъ величайшаго изумленія... но допрашивать все же не рѣшался...

— Никого у меня, Петрусь, подтвердила она,—никого на свѣтѣ!

Онъ растерянно глянулъ въ ея блѣдное, больное лицо, стиснулъ сильнѣе пальцами ручки тачки и безмолвно двинулъ ее опять впередъ.

Они перебрались чрезъ закинутое поле, поросшее полынью и дикою ромашкой, къ опушкѣ дремучаго вѣковаго лѣса, раскидывавшагося отсюда вправо и влѣво на необозримое

пространство. Никто, казалось, никогда не проникалъ въ эту грозную лѣсную пустыню... Ни просѣки, ни порубки, ни телѣжнаго слѣда... Только одна, едва замѣтная, узенькая тропка вилась и пропадала межь тѣсно насаженными деревьями; густая темь еще чернѣла подъ ихъ низко свѣсившимися вѣтвями.

Мальчикъ разомъ остановился.

— *Онъ* завсегда тутъ ходитъ, какимъ-то боязливымъ голосомъ проговорилъ онъ.

Марина отыскивала мѣсто глазами.

— Вонъ тутъ можно, подъ сосною, сказала она.

Петрусь подвезъ туда тачку, вытащилъ изъ-подъ трупа припасенную имъ лопату и принялся копать яму для *Каро*.

Земля послѣ дождя была мягка, и мальчикъ скоро кончилъ свою работу. Марина между тѣмъ нарвала ольховыхъ вѣтокъ и уложила ими яму, тѣми же вѣтками покрыла она опущенное туда Петрусемъ тѣло ея друга и сама закидала его землей.

Мальчикъ принялся утаптывать поднявшійся бугорокъ, „чтобы волки не отрыли“... Слезы вновь такъ и душили Марину...

— Петрусь, сказала она, — не знаю, чѣмъ благодарить тебя,—ничего у меня нѣту... Дай хоть поцѣлую тебя!

Она обняла его за шею и крѣпко поцѣловала въ щеку.

— Вези-жь теперь скорѣе тачку назадъ... чтобъ не проснулся *онъ* пока...

— А вы куда-жь теперь, барышня? съ замѣтнымъ безпокойствомъ спросилъ мальчикъ.

— Барышня! повторила она—и уныло улыбнулась;—я не барышня, Петрусь, я такая-жь какъ ты сирота безродная, безпріютная... И куда мнѣ итти—того сама не знаю...

— Я съ вами останусь! весь вспыхнувъ, предложилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что! *Онъ* проснется, хватится тебя... Кто тебя защититъ?.. Я ничего не могу... безсильна теперь я!..

Мальчикъ отвернулся, махнулъ себѣ рукавомъ по глазамъ—и покатилъ тачку по направленію къ кузнѣ.

А Марина, отыскавъ замѣченную ею тропинку, пошла по ней не оборачиваясь...

Чѣмъ далѣе подвигалась она, тѣмъ круче становился склонъ, по которому расположенъ былъ лѣсъ... Скользко было такъ, что она то-и-дѣло принуждена была ухватываться за искалывавшіе ей руки сосновые и можжевеловые сучья, не то опускаться на земь, чтобы не расшибить себѣ на скатѣ лобъ о встрѣчное дерево... Она вспомнила вчерашнія слова кузнеца,—это былъ ближайшій отъ его жилища ко *двору*, имъ однимъ *знаемый*, путь, по которому одинъ „онъ и ходилъ завсегда“, какъ говорилъ Петрусь... Она знала: внизу, подъ этою кручей течетъ Алый-Рогъ,—она затѣмъ и пошла по этой тропинкѣ... Ей хотѣлось еще разъ взглянуть на тѣ свѣтлыя струи, по которымъ плыла она недавно съ *нимъ*, гордая и счастливая,—на которыхъ небесные сны снились ей наяву...

Лѣсъ кончался у самаго *вира;* тропинка выводила къ *церковищу*...

Марина остановилась, тяжело переводя дыханіе...

Въ прозрачномъ свѣтѣ зачинающагося утра тонула окрестность. Надъ водами, надъ боромъ, тихо волнуясь, неслись вверхъ бѣломлечные клубы тумана... Съ противоположнаго берега, блестящими змѣйками віясь между деревъ, добѣгали до *вира* первые, робкіе лучи еще невидимаго солнца... Сладко пѣли въ вѣтвяхъ просыпавшіяся пташки во срѣтеніе идущему свѣтлому дню...

Нѣтъ болѣе свѣтлыхъ дней для Марины... А давно-ли, думала она, не было пташки беззаботнѣй ея!..

Онъ тутъ еще, тутъ—качается на березѣ, чуть не надъ самою головой ея,—зловѣщій *завивъ* таинственной травы, по которую „двѣнадцать зорь сряду“ ходилъ тотъ *ужасный человѣкъ*... Онъ „довелъ до своего“,—онъ побѣдилъ... *все началось* для нея съ той минуты, когда указалъ ей на эту березу Тулумбасъ!..

Она протянула руку и—съ тѣмъ ощущеніемъ, съ какимъ притронулась бы къ пылающему углю,—сорвала *завивъ* съ вѣтви и бросила его въ воду.

Онъ исчезъ на мигъ въ струяхъ... Прилежно слѣдила за

нимъ дѣвушка: вотъ выплылъ онъ, вотъ понесло его теченіе, вотъ онъ натолкнулся на длинный стебель купавки и, описавъ новый кругъ кругомъ себя, застрялъ перехваченный на пути иглами выбѣгавшаго со дна шильника...

Марина опустилась на полусгнившій стволъ сосны, вершиною своей обрушенной въ глубину *вира* .. Ее мучила жажда;—она зачерпнула воды рукой, напилась, обмыла опухшія вѣки, лицо... Ее освѣжило... „Вольное водное царство", припомнились ей слова ея сказки... Она подвинулась ближе, ближе по стволу — и принялась глядѣть въ бездонное *церковище*.

Какъ въ зеркалѣ видитъ она себя—и едва узнаетъ... Какъ измѣнилась она, какъ впали глаза!.. Темная волна ея волосъ скатилась съ плечъ, и плещутся въ струяхъ ихъ длинные концы... Смутилась на мигъ водная гладь... Она закидываетъ волосы назадъ—и опять глядитъ туда: узорною сѣтью опутываютъ ее тамъ склоняющіяся надъ нею древесныя вѣтви,—и подъ нею скользятъ облака безконечною цѣпью...

Она все глядитъ,—глядитъ не отрываясь... все дальше, все глубже проникаетъ взоръ ея въ прозрачное водное лоно... Синѣетъ краше небесной лазури въ глубинѣ,—что-то чудное, тайное совершается тамъ... переливаютъ невиданные цвѣта... тянутся лучи... сыплются алмазные брызги... Опаломъ блещутъ хрустальныя стѣны; замелькали сквозь нихъ чьи-то странные лики... Узнаетъ себя она,—увѣнчаны пѣвникомъ и лиліями ея зеленые волосы... Манитъ ее кто-то изъ подводнаго чертога... и чей-то знакомый, волшебный голосъ ее зоветъ: слышишь, слышишь,—звонятъ мои колокола, зовутъ, зовутъ тебя... Иди, иди,—здѣсь любовь... и забвеніе...

И сладкою волной льется въ уши Марины чудный гулъ подводнаго колокола... Ослѣпительными огнями горитъ глубина... Все настойчивѣе, все неотразимѣй зоветъ ее волшебный голосъ... „Забвеніе, забвеніе!..." шепчетъ она, и ноги ея скользятъ уже съ берега въ воду... вздрогнула она вся отъ холоднаго прикосновенія влаги... Забвеніе! молвитъ она еще разъ.

Рука ея отдѣляется отъ сучка, за который держалась она

до сихъ поръ... Покачнулась Марина... и всѣмъ тѣломъ повисла надъ бездной...

— Марина... Ма-ри-на Оси-повна! донеслось вдругъ до нея, точно съ неба.

Боже мой, это тотъ же опять... Это *его*, это *его* голосъ!...

Она вскрикнула отъ счастія, отъ ужаса... Отчаяннымъ движеніемъ откидывается она назадъ, ловитъ руками спасительный сучекъ...

— Барышня!... слышитъ она подлѣ себя пронзительный крикъ... Кто-то схватилъ ее за плечи и тащитъ къ себѣ, стискивая въ перепугѣ тѣло ея до острой боли...

Это Петрусь. Онъ самъ еле дышетъ отъ волненія... Помертвѣлая, сидитъ она на берегу, не чувствуя подъ собою ногъ, не смѣя повернуться.

— Господа... за вами... пріѣхали, перерывающимся языкомъ говорилъ мальчикъ Маринѣ.

„Они, да!“... Первый, весь изорванный и расцарапанный, десять разъ на скользкомъ скатѣ чуть не свернувшій себѣ шеи, добѣгаетъ до нея Пужбольскій. Въ одной рукѣ у него толстый пледъ, въ другой дорожная фляжка съ виномъ.

— Выпейте... сейчасъ, сейчасъ пейте! суетъ онъ ее въ руку дѣвушки, окутывая въ то же время пледомъ плечи ея, станъ... Руки дрожатъ у него какъ въ сильнѣйшемъ ознобѣ.— Je m'en doutais! какъ бы противъ воли вылетаетъ у него изъ устъ,—слава Богу, поспѣли во-время!...

— Нѣтъ, нѣтъ, клянусь вамъ, воскликнула, понявъ, Марина, — я не хотѣла, не думала!... Я смирилась... смирюсь... до конца! говоритъ она блѣдному какъ смерть Завалевскому, опускающемуся въ изнеможеніи рядомъ съ ней на траву.

Онъ взялъ ея руку и закрылъ себѣ ею глаза.

— Это сонъ опять, говоритъ она себѣ,—блаженный, небесный сонъ!...

И сквозь этотъ сонъ слышитъ она: онъ называетъ ее по имени.—Марина, шепчетъ онъ,—хотите-ли вы быть моею... Онъ не находилъ словъ...

— Да говори же, наконецъ, говори прямо! гнѣвно прервалъ его Пужбольскій.—Вѣдь онъ чуть съ ума не сошелъ

захлебываясь объяснялъ Маринѣ князь, — когда узналъ, что было съ вами... Monsieur Самойленко... Іосифъ Козьмичъ... Вы можете себѣ представить, что было со мною... входитъ онъ ко мнѣ,—я уже былъ въ постели,—и говоритъ: у меня нѣтъ дочери!... Вы одни можете спасти несчастную... И разсказалъ все... Къ счастію, мы могли сейчасъ, не *теряя* ни минуты, поскакать. Par bonheur, не доѣзжая до кузни, nous avons rencontré ce brave garçon,—онъ указалъ на Петруся и тутъ же кивнулъ на Завалевскаго:—а онъ всю дорогу, какъ ребенокъ, лопоталъ Пужбольскій, — все увѣряетъ, что онъ не смѣетъ... что онъ старъ. J'avais beau l'assurer, lui citer des exemples... Вспомни, говорю, Артаксеркса или, вѣрнѣе, Агасѳера, и Астаръ, improprement nommée Esther, Эсѳирь, car le nom est persan и значитъ *звѣзда*, а star по-англійски; вспомни прелестную Догарессу, молодую жену восьмидесятилѣтняго Фаліеро... Ну, наконецъ, Марія Кочубей, „краса черкасскихъ дочерей“,—вы помните у Пушкина, въ *Полтавѣ:*

Не только первый пухъ ланитъ
. . . . . .
Порою и власы сѣдые etc.

Но онъ все сомнѣвается, боится... Онъ трусъ, да, трусъ!... Онъ себѣ не вѣритъ... Скажите же ему une bonne fois, что вы не промѣняете его на весь легіонъ современныхъ молодцовъ, что любить вы можете его, только его!...

Марина ухватилась за его руку, приподнялась:

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы говорите объ этомъ! прошептала она съ упрекомъ.

— Какъ зачѣмъ? воскликнулъ Пужбольскій: — или вы до сихъ поръ не поняли? Ужь это не я, Марина Осиповна, задрожавшимъ невольно голосомъ молвилъ князь,—не я... это онъ, Завалевскій, проситъ васъ быть его женой!

— Женою! проговорила она какъ въ бреду.

— Слово сказано, заговорилъ въ свою очередь графъ, взглянувъ на нее мгновенно запламенѣвшими глазами,—и мы живемъ въ такое странное время, что я начинаю даже вѣрить, что это съ моей стороны не безумство.

— Не безумство, нѣтъ, je proteste! вскипятился Пужбольскій, — старые, вѣчные идеалы, и молодая сила, — это такой союзъ...

Онъ не договорилъ...

Марина растерянно взглянула на него, на солнце, лучезарно выплывшее въ эту минуту изъ-за лѣса, осѣнила себя большимъ крестнымъ знаменіемъ и упала безъ чувствъ на руки Завалевскаго.

КОНЕЦЪ.

КНЯЖНА ТАТА.

КНЯЖНА ТАТА *).

Онъ былъ лѣтъ на восемнадцать слишкомъ старѣе ея, а ей уже шелъ двадцать девятый годъ. Онъ былъ давно женатъ, отецъ семейства...

Какъ это чувство, эта бѣда, какъ оно стряслось, захватило, унесло его, онъ не могъ бы сказать: онъ этого самъ себѣ объяснить не могъ.

Онъ ее зналъ дѣвочкой, ребенкомъ. Онъ былъ другомъ, совѣтникомъ, управляющимъ брата ея, князя Анатолія Васильевича Можайскаго. Она съ дѣтства привыкла видѣть въ немъ довѣренное лицо ея семьи, преданнаго человѣка, который вѣчно, письменно и устно, бранился съ ея братомъ за излишнюю трату денегъ, терпѣливо выслушивалъ воздыханія ея матери и выѣзжалъ ей, княжнѣ Натальѣ Васильевнѣ, подъ верхъ надежныхъ скакуновъ, на которыхъ любила она мчаться по полямъ и лѣсамъ, провожая лѣто въ деревнѣ.

Въ дни молодости онъ чаялъ, онъ имѣлъ право ожидать болѣе блестящей доли. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ офицеровъ одного изъ первыхъ полковъ гвардіи. Въ памяти его современниковъ еще не исчезла память о лихомъ ротмистрѣ Скавронцевѣ, служакѣ, щеголѣ и отчаянномъ театралѣ. У него былъ лучшій *парадёръ* во всей кирасирской дивизіи; не было болѣе его любимаго товарища и „дорогаго собутыльника„ для всей *золотой молодежи* Петербурга; весь

*) Впервые напечатано въ Іюльской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1879 годъ, подписано псевдонимомъ „Мери Бемъ“ и перепечатано здѣсь съ подлинника, исправленнаго карандашемъ самимъ Б. М. Маркевичемъ.

балетъ зналъ его по имени и отчеству; „ужь извѣстно, этотъ Александръ Андреичъ“, съ тою же многозначительною усмѣшкой говорила про него и первая танцовщица, и послѣдняя изъ черненькихъ, прыгающихъ *у воды*,—обѣ разумѣя все то же нѣчто лестное и сочувственное ему этою усмѣшкой и этимъ недоговариваемымъ „ужь извѣстно“...

Онъ ожидалъ, а съ нимъ весь полкъ, аксельбантовъ ко дню полковаго ихъ праздника. Аксельбанты *улыбнулись* ему; они даны были негаданно-нежданно молодому поручику, исправлявшему временно должность заболѣвшаго полковаго адъютанта. А онъ, Скавронцевъ, уже третій годъ командовалъ лейбъ-эскадрономъ!... Полковые комментаторы приписывали этотъ неожиданный случай его излишней популярности и успѣхамъ въ очаровательномъ мірѣ антраша и пируетовъ. Комментаторы могли и ошибаться... А впрочемъ не даромъ говорится: какъ знать, чего не знаешь!

Какъ бы ни было, Скавронцевъ не перенесъ такого удара. Онъ на другой же день отрапортовался больнымъ, черезъ мѣсяцъ подалъ въ безсрочный отпускъ и, получивъ его, уѣхалъ въ деревню, захвативъ себѣ кстати въ спутницы Вѣрочку Миловзорову, быстроокую корифейку, „точеныя“ ноги и рѣзко очерченные контуры которой вызывали неистовыя рукоплесканія *завсегдашнихъ* первыхъ двухъ рядовъ креселъ, когда она, одѣтая мальчикомъ, вылетала во второй парѣ, въ *pas de manteaux*, въ любимомъ въ тѣ дни балетѣ *Пахита*.

Въ деревнѣ Скавронцевъ прежде всего утѣшенъ былъ тѣмъ, что, за надѣломъ крестьянъ своихъ землею (онъ пріѣхалъ какъ разъ вслѣдъ за объявленіемъ воли,) и за уплатой казенныхъ и частныхъ долговъ, сдѣланныхъ имъ во время блестящаго своего гвардейскаго служенія, ему приходилось сказать себѣ какъ древній философъ: *omnia tecum porto*, или нѣчто въ томъ же родѣ: изъ громкаго состоянія въ 800 душъ, завѣщаннаго ему отцомъ, ему оставались какія-то 500 десятинъ кустарника и песку, на которыхъ предоставлялось ему затѣмъ право хоть ананасы разводить. Во-вторыхъ, привезенная имъ съ собою жрица Терпсихоры скучала по Петербургу и лила нескончаемыя, хотя и безмолвныя слезы, сидя по цѣ-

лымъ днямъ у окна, изъ котораго, единственнымъ развлеченіемъ, могла любоваться на драку пѣтуховъ на дворѣ.

Чтобы какъ-нибудь устроиться, Скавронцевъ поступилъ въ должность мироваго посредника. Чтобъ утѣшить Вѣрочку Миловзорову, такъ какъ на отправку ея обратно въ Петербургъ не хватало у него нужныхъ денегъ, онъ рѣшился на ней жениться.

Мировой посредникъ вышелъ изъ Скавронцева отличный. Вѣрочка Миловзорова, обратившись въ госпожу Скавронцеву, тотчасъ же перестала плакать и начала приносить мужу по ребенку каждый годъ. Къ горю или къ счастью нѣжныхъ, но стѣсненныхъ въ средствахъ родителей, ребята эти были не живучи и отходили, по обыкновенію, въ вѣчность до зубковъ. Но не успѣетъ, бывало, похоронить одного Вѣрочка, какъ ужь, глядишь, ходитъ тяжелая другимъ. Въ прокъ, видно, пошла ей танцовальная гимнастика...

Въ участкѣ Скавронцева было большое, въ три тысячи душъ, имѣніе, принадлежавшее князю Можайскому. Имѣніемъ этимъ вѣдалъ управляющій изъ дворовыхъ, пьяница и пройдоха, мутившій крестьянъ подъ предлогомъ „сохранить барскую выгоду“. Уставной грамоты по добровольному соглашенію, какія до тѣхъ поръ удавалось вводить Скавронцеву во всѣхъ почти подлежавшихъ посредничеству его имѣніяхъ,— онъ настойчиво хлопоталъ всегда именно о такого рода грамотахъ, — онъ здѣсь, какъ ни старался, добиться не могъ. Неумѣренныя притязанія, безсмысленное упорство возгарались съ новою силой, то съ одной, то съ другой стороны, въ ту минуту, когда, казалось ему, все было имъ вдосталь разъяснено и улажено и оставалось приложить руки къ бумагѣ... Въ одинъ прекрасный день онъ вдругъ вспомнилъ, что владѣлецъ имѣнія былъ тотъ самый князь Анатоль Можайскій, который поступилъ къ нему юнкеромъ въ эскадронъ во время оно и котораго онъ особенно отличалъ за лихость въ верховой ѣздѣ, а также „и по остальнымъ частямъ гвардейской науки“, въ оныхъ же самъ онъ состоялъ извѣстнымъ докою въ ту пору. Онъ тотчасъ же присѣлъ къ столу и написалъ слѣдующее:

„Любезный князь, не знаю, извѣстно-ли тебѣ, что я нахожусь посредникомъ въ томъ самомъ мировомъ участкѣ, въ коемъ имѣніе твое Большіе Дворы. По случаю введенія въ ономъ уставной грамоты, я, по долгу службы, а также по товариществу, считаю нужнымъ тебя предварить, что ни чорта тутъ подѣлать нельзя, главное потому, что сидитъ у тебя управляющій горькопійца и мошенникъ не хуже питерскаго ростовщика Коха. Прогони его взашей, сдѣлай ты милость, и возьми кого-нибудь другаго, а я, пожалуй, могу и надсмотрѣть за нимъ, такъ какъ, по теперешнимъ моимъ занятіямъ, приглядѣлся къ этому дѣлу достаточно.

„Всему полку мой сердечный поклонъ. Придется-ли опять увидаться съ камрадами, и самъ не знаю. Дѣла мои, братецъ ты мой, совсѣмъ дрянь вышли. Я даже женился и потомство имѣю; семью вижу впрочемъ рѣдко, потому постоянно въ разъѣздахъ и оттого и писать тебѣ пространнѣе не имѣю времени. Будь здоровъ, душа моя.

„Твой А. Скавронцевъ.“

P. C. Все-ли у тебя *Рѣзвый*, или продалъ Топорову? Эхъ, конь былъ!“

Черезъ двѣ недѣли полученъ былъ отвѣтъ такого содержанія:

„Любезнѣйшій Александръ Андреевичъ!

Съ симъ вмѣстѣ препровождаю полную на твое имя довѣренность на распоряженіе Большими Дворами, съ правомъ смѣнить нынѣшняго моего управителя, назначить новаго и вообще дѣлать тамъ все, что тебѣ заблагоразсудится и что ты найдешь нужнымъ и полезнымъ. Кланяюсь тебѣ въ ножки за предложеніе о *присмотрѣ*. Ради Бога, только не откажись отъ него. Я знаю, что я за тобой буду какъ у Христа за пазушкой. Ты понимаешь, что я никакъ не могу оставить теперь полкъ, службу и похорониться въ деревнѣ, а ужь если мы, дѣйствительно, должны лишиться тебя и ты рѣшилъ остаться тамъ, то кого же какъ не тебя могу я избрать, такъ-сказать, попечителемъ надъ моимъ достояніемъ? Дядя мой Хохолковъ, пріѣхавшій сюда изъ твоихъ странъ, говоритъ, что

тебя тамъ просто боготворятъ какъ помѣщики, такъ равно и крестьяне. Да и можетъ-ли быть иначе для каждаго, кто тебя знаетъ?

„Всѣ товарищи en corps поручаютъ мнѣ...“

Слѣдовали двѣ страницы всякихъ пожеланій, полковыхъ новостей и сплетень. Въ другую минуту Скавронцевъ жадно дочиталъ бы ихъ до конца. Но первая часть письма его покоробила. Онъ бросилъ его на столъ, сжалъ брови и фыркнулъ про себя, покраснѣвъ даже при этомъ: „да что онъ, чортъ его дери, вообразилъ въ самомъ дѣлѣ, что я себя въ управляющіе ему предлагаю!...“

Кончилось тѣмъ однако, что онъ, смѣнивъ въ Большихъ Дворахъ, въ силу данной ему довѣренности, съ полдюжины управляющихъ, оказывавшихся одинъ глупѣе или вороватѣе другаго, переѣхалъ туда самъ на воеводство; трехлѣтіе его истекло; онъ вышелъ *въ чистую* и, скинувъ мундиръ, страстно предался сельскому хозяйству, хотя каждый день проклиналъ его и обзывалъ „каторжнымъ дѣломъ“.

Шелъ уже пятнадцатый годъ, какъ онъ занимался имъ. Обстоятельства его перемѣнились тѣмъ временемъ: какая-то старая тетка оставила ему по завѣщанію тысячъ девяносто денегъ. Получивъ эти средства, онъ поспѣшилъ отправить двухъ остававшихся у него въ живыхъ отъ многочисленной семьи мальчиковъ на воспитаніе въ ближайшій университетскій городъ, убѣдивъ и свою непомѣрно расплывшуюся Вѣрочку переселиться туда „для надзора за ребятами.“ Самъ онъ остался управлять Большими Дворами. „Каторжное“ дѣло было уже для него неотразимою потребностью. Онъ велъ его съ непоколебимою настойчивостью и какою-то необыкновенною смѣтливостью. Для рабочаго, для окрестныхъ крестьянъ, онъ былъ именно тотъ „простой“ и справедливый баринъ, котораго любитъ, которому вѣритъ русскій мужикъ. Онъ этимъ довѣріемъ и любовью достигалъ многаго, недостижимаго для другихъ. Патронъ его, князь Можайскій, давно полковникъ и фригель-адъютантъ, побаивался его въ душѣ точно такъ же, какъ въ тѣ дни, когда его, юнкера, строгій эскадронный

командиръ Скавронцевъ посылалъ дежурить съ метлой въ конюшнѣ. Старая княгиня, маленькая, слезливая и недалекая, каждый годъ пріѣзжавшая на лѣто съ дочерью въ Большіе Дворы, молилась на него какъ на Провидѣніе, спеціально назначенное для спасенія сына отъ разоренія. Княжна дразнила ее этимъ обожаніемъ и, въ воспоминаніе одного Диккенсова романа, называла Скавронцева: „нашъ взаимный—и грозный другъ", прибавляла она съ чуть-чуть презрительнымъ движеніемъ губъ.

Онъ звалъ ее, какъ звали ее въ семьѣ, Ташей или Тата, со временъ перваго знакомства съ ней, когда она длинною, худою, двѣнадцатилѣтнею довочкой пріѣхала въ Большіе Дворы съ матерью изъ-за границы, гдѣ онѣ предъ тѣмъ прожили года четыре сряду, и гдѣ она въ продолженіе этого времени „перезабыла свой русскій языкъ". Онъ очень плѣнился тогда этимъ ея галлицизмомъ и забавными оборотами рѣчи и подбивалъ ее постоянно на разговоры, которые лукавая дѣвочка, замѣтивъ это, вела уже нарочно на самомъ изломанномъ русскомъ языкѣ. Позднѣе сталъ онъ учить ее верховой ѣздѣ и доводилъ до слезъ своимъ „педантствомъ", по выраженію ея. Онъ съ своей стороны называлъ ее „бѣшеною" и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ никуда не пускалъ ѣздить безъ себя. А такъ какъ ни единая душа въ Большихъ Дворахъ не рѣшилась бы осѣдлать ей лошади безъ приказанія Александра Андреевича, а самому ему часто некогда было ѣхать съ нею въ то именно время, когда ей вздумывалось, Таша дулась и по цѣлымъ часамъ не говорила съ нимъ, сидя подлѣ матери за какою-нибудь ручною работой, не поднимая глазъ и съ продольною морщинкой между каштановыми, тонко очерченными бровями. Онъ очень любилъ эту морщинку и ея нѣмой гнѣвъ и, въ свою очередь, притворялся обиженнымъ. Робкая, маленькая княгиня-мать испуганно тогда переводила вопрошающіе взгляды съ дочери на Скавронцева и обратно и начинала вздыхать... Кончалось обыкновенно тѣмъ, что Александръ Андреевичъ выпрямится вдругъ во всю длину свою и возгласитъ веселымъ басомъ: „ну, капризница, пожалуйте, лошади поданы, извольте амазонку надѣвать!"

Настало время вывозить ее въ свѣтъ. Въ эту счастливую пору ея первыхъ выѣздовъ, когда послѣ блестящей петербургской зимы онѣ пріѣзжали на лѣто въ Большіе Дворы, Тата очень подружилась со Скавронцевымъ. Голова ея вся полна была молодаго чада, живыми впечатлѣніями едва пережитыхъ петербургскихъ радостей. Ей нуженъ былъ слушатель, наперсникъ, которому могла бъ она говорить о балахъ въ Концертной, о Кавалергардскомъ манежѣ, о каткѣ въ Таврическомъ Саду, и который „не спрашивалъ бы, что это все такое“, кто эти люди, чьи имена постоянно срывались съ ея языка, въ чемъ прелесть того волшебнаго міра, что улыбался ей на зарѣ ея восемнадцати лѣтъ. Неистощимы въ тѣ дни были ея разсказы, ея восторги въ продолженіе безконечныхъ прогулокъ верхомъ, на которые попрежнему отправлялась она каждое послѣ-обѣда въ сопровожденіи своего бывшаго учителя-„педанта“. Скавронцевъ слушалъ ее жадно, съ тайною тоской въ сердцѣ. Да, онъ зналъ этотъ міръ, въ которомъ и ему когда-то отведено было мѣсто,—этихъ людей, сверстниковъ своихъ, или бывшихъ подчиненныхъ, теперь такъ далеко ушедшихъ по пути, съ котораго сошелъ онъ навсегда. Отъ разсказовъ этой „дѣвочки“ вѣяло на него и горечью безплодныхъ сожалѣній, и проницающимъ запахомъ его собственной молодости съ ея золотыми обольщеніями и страстными грезами; онъ переживалъ ихъ опять ощущеніями этой молодой жизни, довѣрчиво раскрывавшейся предъ нимъ...

— Ну, Тата, такъ какъ же? спрашивалъ онъ ее, подавляя вздохъ и принимаясь улыбаться:—ферлакуровъ много?

— Довольно съ меня! хохотомъ отвѣчала она на это,—Гриницынъ, Воротынскій, Функенбергъ...

— Смотрите же, отечески наставлялъ онъ ее, — держите ухо востро, не раскидывайтесь! Выйти *умно* замужъ въ Петербургѣ—штука тонкая!

Но время бѣжало; быстро миновали дни юныхъ обольщеній. Съ каждымъ годомъ все короче становились ихъ верховыя прогулки, все обрывистѣе ихъ бесѣды. Александръ Андреевичъ уже не допрашивалъ, не дѣлалъ отеческихъ наставленій: княжна Тата, чуялъ онъ, сама хорошо знала теперь,

что выйти замужъ въ петербургскомъ свѣтѣ — „штука тонкая“.

Ей, по завѣщанію отца, назначалось при замужствѣ полтораста тысячъ, которыя грошъ ко грошу и накоплены были Скавронцовымъ въ теченіе его управленія изъ доходовъ Большихъ Дворовъ, наслѣдованныхъ ея братомъ. По размѣрамъ жизни того общества, къ которому принадлежала она, для тѣхъ избранныхъ, на кого она мѣтила, это было, конечно, далеко не большое состояніе. Но все же она была не безприданница, носила одну изъ громкихъ фамилій Россіи, была притомъ хороша собой, *элегантна*, особенно отличаема и любима въ высшихъ сферахъ, пользовалась репутаціей ума и образованности, сложившеюся (къ ея несчастію) какъ-то съ перваго появленія ея въ свѣтѣ. Она имѣла право высоко мѣтить... А между тѣмъ... Одинъ изъ большихъ петербургскихъ тузовъ, старикъ наблюдательный и остроумный, глядя на нее однажды сквозь золотые очки на какомъ-то балѣ, сказалъ, обращаясь къ своему сосѣду: „charmante en tous points, mais pas de chance!“ и это слово, тутъ же подхваченное, пристегнуто было съ тѣхъ поръ какимъ-то злымъ девизомъ къ ея имени. Дѣйствительно, княжнѣ Тата не выходило линіи, какъ выражаются купцы въ нашихъ комедіяхъ, не давалась „доля“, какъ поетъ украинская пѣсня. Цвѣты ея свѣтскихъ успѣховъ никакъ не дозрѣвали до ягодъ. У нея много было поклонниковъ, „ферлакуровъ“, были и дѣйствительно влюбленные въ нее; отъ полунасмѣшливаго, полунѣжнаго, салоннаго flirtation и до трепетныхъ звуковъ искренняго чувства ей довелось прослушать всю эту гамму лести и вкрадчивыхъ соблазновъ, что всегда такъ сладко звенитъ женскому уху. Но свѣтская поэзія не переходила для нея въ желанное прозаическое предложеніе „руки и сердца“. Кругомъ ея то-и-дѣло завоевывали завидныхъ жениховъ сверстницы ея, далеко уступавшія ей и рожденіемъ, и прелестью, и даже состояніемъ, а она, все такая же прекрасная и отличаемая, сидѣла пока все у того же берега и ждала погоды. Бываютъ такія судьбы!

Баронесса Крюднеръ въ своемъ знаменитомъ въ оно время

романѣ *Valérie* очень вѣрно замѣтила, что „люди, исключительно отдавшіеся свѣту, кончаютъ тѣмъ обыкновенно, что дѣлаются человѣконенавистниками и умираютъ, клевеща на жизнь“. Тата находились теперь на грани этой ненависти и клеветы. Она уже десятый годъ ѣздила въ свѣтъ и каждымъ нервомъ своего существа болѣзненно ощущала теперь, что она приглядѣлась до оскомины всей это праздно-толкущейся, скучающей и скучной, бездушной и обезличенной толпѣ, среди коей продолжала вращаться она, что она уже представляла собою нѣчто въ родѣ фамильной мебели, старинной, всѣмъ надоѣвшей картины. Она переходила на степень общественнаго авторитета, въ отдѣлѣ „почтенныхъ“. Молоденькія свѣтскія дебютанки спѣшили представляться ей и присѣдали при этомъ низко, низко, будто предъ семидесятилѣтнею статсъ-дамой... О, какъ часто, блѣднѣя и закусывая губу, должна была сдерживать себя наша княжна, чтобы не отвѣчать дерзостью на заискивающія улыбки этихъ свѣжихъ молодыхъ лицъ, на эти глубоко оскорбительныя въ почтительности своей присѣданія!

А растерянные взгляды, а сдержанные вздохи матери,—ея маленькой, чувствительной, вѣчно болѣвшей мигренью матери, отправлявшейся еженедѣльно тайкомъ отъ нея ко „Спасителю“, въ домикъ Петра Великаго, ставить свѣчку, „чтобы Тата нашла un parti convenable“,—а сжатыя брови и безмолвно потягиваемый усъ братца, князя Анатолія Васильевича, послѣ каждаго новаго недочета, когда еще разъ ускользалъ намѣченный „parti convenable“ изъ далеко, тонко и умно закинутой подъ него сѣти! О, это „положеніе товара“, какъ выражалась она,—„котораго никакъ не удается сбыть съ рукъ“,—какъ его было не ненавидѣть, какъ не ненавидѣть эту „завидную, блестящую жизнь, по горло въ сливкахъ петербургскаго high life“! Она припоминала: утренніе визиты, „Англійскій магазинъ“, обѣдъ у дяди министра, Патти, балъ въ Концертной, платье отъ Ворта, пріемный день дома по средамъ, спектакль у princesse Irène, платье отъ Ворта, утренніе визиты, обѣдъ въ австрійскомъ посольствѣ, балъ въ Эрмитажѣ, платье отъ Ворта, „Англійскій магазинъ“, Патти, просто балъ, утренніе визиты, обѣдъ у... И девять лѣтъ,

девять лѣтъ сряду все то же безмысленное колесо, тѣ же плоскія лица, тѣ же „ходы и выходы“, тотъ же книжный французскій языкъ, съ остротами, прочтенными утромъ въ *Figaro*, тѣ же витіеватые по-старинному государственные сановники и натянутые, молчаливые по-новому ихъ будущіе преемники! Лучшіе годы,—„и ни одного свѣжаго, здороваго воспоминанія“ говорила она себѣ, „и ничего во всѣхъ этихъ людяхъ, ничего, кромѣ змѣиной зависти и лакейскаго тщеславія!“...

Другая жизнь?... Но гдѣ-жь она? Тата, презиравшая общество, къ которому принадлежала, была въ душѣ скептикомъ, какъ всѣ почти люди, выросшіе въ этомъ обществѣ. Она не вѣрила ни въ филантропію, ни въ лорда Редстока, ни въ Георгіевскую Общину, ни въ *новыхъ людей*, ни въ *женщинъ науки*, ни въ *соціальныя задачи*, о которыхъ случалось читать ей въ русскихъ газетахъ. На ея глаза все это было „шутовское переодѣванье, гдѣ подъ каждымъ платьемъ узнавалось опять то же: дурацкое или лицемѣрящее тщеславіе, или зависть людей, хуже одѣтыхъ, чѣмъ мы“. Но еслибы кто-нибудь даже и успѣлъ переубѣдить ее въ этомъ, она уже ни въ какомъ случаѣ не была въ состояніи обманываться на счетъ себя самой. Она сознавала себя совершенно неспособною обмывать раны нищихъ или пѣть серьезно англійскіе псалмы, равно какъ надѣть синія очки и закатывать глаза въ потолокъ при словѣ „прогрессъ“. *Другой* жизни для нея не было; она, „какъ устрица“, говорила себѣ наша княжна, „должна была жить и умереть у той скалы, къ которой была прикована, и проклинать эту скалу!“...

Она забывала или, вѣрнѣе, не хотѣла вспомнить, что и въ ея прошломъ промелькнула одна свѣтлая полоса, и сама она не дала ей охватить пожаромъ своего сердца; среди всей этой людской пошлости ей дано было натолкнуться однажды на одно „свѣжее и здоровое“ существо, и сама она испугалась себя и отошла отъ своего счастья. Ей было двадцать лѣтъ, когда она встрѣтилась съ нимъ. Онъ по рожденію и воспи-

танію принадлежалъ къ одному съ нею кругу, носилъ старинную фамилію, но остался послѣ смерти отца и матери безъ гроша за душой и ни въ грошъ не ставилъ оставленныя ему въ наслѣдство вмѣсто денегъ большое вліятельное родство и связи. Бахтеяровъ былъ, дѣйствительно, *новымъ* человѣкомъ среди всего этого общества по гордости своего характера и независимости сужденій, по жаждѣ знанія, по своей энергіи. Онъ блистательно учился въ университетѣ, поступилъ затѣмъ въ гвардейскій полкъ и, также блистательно окончивъ курсъ въ академіи генеральнаго штаба, готовился ѣхать на Кавказъ, гдѣ ему предложено было уже довольно видное мѣсто, когда увидалъ въ первый разъ Тата у какой-то своей тетки. Онъ не поѣхалъ на Кавказъ и принялъ первое попавшееся назначеніе въ Петербургѣ, который ненавидѣлъ всею душой; онъ былъ охваченъ съ перваго раза огнемъ молодой, неудержимой страсти... Онъ нравился княжнѣ,—онъ не могъ не нравиться своимъ оригинальнымъ, цыганскаго типа лицомъ, съ его нѣсколько высокомѣрнымъ выраженіемъ, изящною неловкостью высокаго, нѣсколько сутуловатаго тѣла и своею горячею, иногда черезчуръ рѣзкою, всегда искреннею рѣчью, что̀ такъ мало походило на то, что̀ приходилось ей слышать кругомъ... Онъ ей нравился, она искала встрѣчъ съ нимъ, она пожертвовала тремя балами, не изъ важныхъ — удовольствію просидѣть эти вечера съ нимъ, en petit comité, въ домахъ, куда онъ ѣздилъ. Онъ сгаралъ, блаженствовалъ, строилъ воздушные замки. Это продолжалось почти три мѣсяца. Въ свѣтѣ начали говорить объ этой страсти; Тата упрекали за то, что она поощряетъ ее... Братъ Анатолій начиналъ морщиться, княгиня-мать усиленно вздыхала. Но княжна Тата была сама умна: „онъ, этотъ Бахтеяровъ, avec sa figure sauvage, онъ могъ забавлять ее, она могла имъ *заняться* нѣкоторое время“; еслибъ она была замужемъ, „она любила бы такого *совсѣмъ* съума свести;“ но выйти замужъ за двадцатипятилѣтняго офицера, безъ положенія, живущаго жалованьемъ, — какой вздоръ! Она поняла, что пора было покончить ей съ этою забавой... Она сама испугалась тому, что̀ сдѣлала, когда сказала ему, чтобъ онъ болѣе о ней не думалъ,

что „*этого* никогда не можетъ быть“. Онъ стоялъ въ углу, у камина, въ минуту этого объясненія; она видѣла, какъ лицо его вдругъ стало бѣлѣе полотна; онъ поднялъ руку и схватился за мраморъ какъ бы для того чтобы не упасть. Онъ ни словомъ не отвѣтилъ ей, но только взглянулъ на нее, взглянулъ такимъ взглядомъ, что ей стало холодно. Она хотѣла найти нѣсколько „дружескихъ словъ“ для его утѣшенія, но онъ не далъ ей времени сказать ихъ, поклонился и тутъ-же исчезъ. Она всю ночь не спала: ей представилось, что онъ застрѣлится. Онъ не застрѣлился, но черезъ нѣсколько дней она узнала, что онъ отпросился въ Ташкентъ и уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простясь.

Онъ вернулся черезъ четыре года, въ полковничьихъ эполетахъ и съ блестящею военною репутаціей, пріобрѣтенною имъ въ Хивинскомъ походѣ. Въ продолженіе двухъ недѣль его разрывали по петербургскимъ гостинымъ. Свѣтскія *кокодетки* чуть не дрались изъ-за него, поили и кормили его обѣдами и ужинами и находили, что онъ, какъ двѣ капли воды, напоминаетъ графа Андраши, „mais en jeune et en beau“... Тата нечаянно, на какомъ-то вечерѣ, увидала его и его черные пронзительные глаза подъ боромъ кудрявыхъ волосъ, въ упоръ устремленные на нее. Она чуть-чуть дрогнула и, озаренная горячимъ блескомъ ихъ, невольно опустила рѣсницы. Она все прочла въ этомъ взглядѣ: онъ вернулся тѣмъ же, она не сомнѣвалась въ этомъ. На мгновеніе сперлось у нея дыханіе, и сердце учащенно забилось: она чувствовала себя безконечно любимою этимъ человѣкомъ, и ея собственное чувство, какъ птица изъ клѣтки, рвалося ему на встрѣчу. Оно захватывало ее теперь, это чувство. Ея заискрившіеся глаза, полные отвѣта, готовы были подняться на него... „J'ai l'honneur de vous saluer, princesse“, раздался въ эту минуту чей-то голосъ. Предъ нею стоялъ съ поклономъ и восхищенною улыбкой молоденькій графъ Аваловъ, одинъ изъ богатѣйшихъ женіховъ въ Россіи. Онъ съ самаго начала этой зимы ухаживалъ за нею, и опытная уже Тата влюбляла его въ себя съ каждымъ днемъ все сильнѣе. Дѣло, повидимому, совсѣмъ налаживалось. Мать и братъ княжны ходили съ сіяющими

лицами и чуть не цѣловали ей руки. Препятствія предвидѣлись со стороны матери Авалова, которая говорила громко, что сынъ ея еще слишкомъ молодъ, чтобы думать о женитьбѣ. (Можайскіе знали, что она желала женить его черезъ нѣсколько времени на дочери одной своей двоюродной сестры, которой въ эту минуту едва минуло шестнадцать лѣтъ.) Но препятствіе это не было неодолимо: Аваловъ былъ совершеннолѣтній и состояніе было все его: онъ могъ совершенно обойтись безъ согласія матери. Надо было только довести его до той степени влюбленности, когда человѣкъ уже не видитъ, не признаетъ ничего, кромѣ любимой женщины, кромѣ *ея* воли.

И вотъ, въ это самое время, когда для княжны Тата чуть уже не загорались вѣнчальные огни (свѣтскіе вѣстовщики говорили о ея помолвкѣ какъ о дѣлѣ рѣшенномъ),—опять, опять этотъ Бахтеяровъ, отверженный ею, со своими огненными глазами „et son air plus sauvage que jamais“, Бахтеяровъ, теперь герой дня, изъ-за котораго на дняхъ, разсказывали ей, у Nadine Краснохолмской чуть не вцѣпилась въ шиньонъ Sandrine Беренбергъ маленькая графиня Ваханская. И онъ все тотъ же, все также страстно любитъ ее, а она... Но нѣтъ, нѣтъ, неужели дастъ она себѣ волю, позволитъ себѣ „увлечься романическимъ чувствомъ“?

Ей скоро представился случай „покончить съ этимъ“.

Однажды за интимнымъ обѣдомъ у Léonie Тепловой (это была одна изъ современницъ ея по дебютамъ въ свѣтѣ, давно впрочемъ успѣвшая опередить ее по части матримоніальной карьеры, такъ какъ третій уже годъ состояла замужемъ за своимъ богатымъ и пьяненькимъ „Дини“,) кто-то предложилъ ѣхать вечеромъ на тройкахъ. Предложеніе было принято съ восторгомъ. Маленькая и вездѣсущая графиня Ваханская вскочила съ мѣста и забарабанила ножомъ по тарелкѣ.

— Attention, mes gaillardes! крикнула она на всю столовую:

Всѣ обернулись со смѣхомъ въ ея сторону. Ея „откровенная“ (во всякомъ другомъ кругу ее бы назвали циническою,) рѣчь очень цѣнилась въ мірѣ нашихъ кокодетокъ.

— Насъ здѣсь сколько? начала она: quatre femmes et trois hommes? Nombre impur!

— Impair, счелъ нужнымъ поправить Анатоль Можайскій, одинъ изъ троихъ мужчинъ.

— Je dis *impur*, sacrée bombe! И она ударила ножомъ уже такъ, что тарелка раскололась на куски;—la pureté veut que chacune ait son chacun... pour le moins! прибавила она съ жестомъ Schneider, оттягивая пальцемъ вѣку праваго глаза и прижмуриваясь другимъ.

— Approuvé! крикнулъ подъ общій хохотъ хозяинъ дома Дини, наполовину уже *готовый*.

— Pitou, обратилась черезъ столъ маленькая графиня къ своему, такому же маленькому, съ китайскимъ лицомъ, супругу,—vous allez vous flanquer dans un tape—quelque chose, et vous nous amenerez Бахтеяровъ et Аваловъ.

Она сѣла и ущипнула за локоть сидѣвшую подлѣ нея Тата.

— Ты становишься совершенно невозможною, Lizzy, сказала ей недовольнымъ голосомъ княжна.

— Vous n'êtes qu'une bégueule, ma chère! C'est très chien ce que je viens de dire, dites donc vous autres, отвѣтила та, обѣгая кругомъ глазами и самымъ искреннимъ образомъ удивляясь, что кто-нибудь могъ находить неприличнымъ ея чистѣйшій жаргонъ парижскаго демимонда.

Кромѣ Тата никто и не нашелъ его неприличнымъ: у Lizzy Ваханской было полтораста тысячъ дохода и лучшій поваръ во всемъ Петербургѣ.

Изъ-за стола поднялись часу въ девятомъ. Въ одиннадцатомъ явились Бахтеяровъ, Аваловъ и товарищъ его, кавалергардъ Пронскій, которыхъ Pitou нашелъ въ Яхтъ-клубѣ. Самъ онъ остался тамъ играть въ quindici съ Гадивоновымъ, Половецкимъ и Зубатовымъ, а молодыхъ людей послалъ къ Тепловымъ и наказалъ имъ нанять и привести туда двѣ тройки.

Разсѣлись по рецепту Lizzy Ваханской, „каждая съ каждымъ“: въ первыхъ саняхъ хозяйка дома и напротивъ ея уже второй годъ сильно приволакивавшійся за нею Анатоль Можайскій, а рядомъ съ нею Зина Троекурова, четвертая дама

нашей веселой компаніи, бывшая уже не первой молодости, а потому очень любившая кокетничать „avec les innocents“, къ числу которыхъ причисляла она своего vis-à-vis, только что произведеннаго въ офицеры, еще безусаго и хорошенькаго Пронскаго; во вторыхъ—Lizzy съ Тата, съ которыми поѣхали Бахтеяровъ и Аваловъ. Маленькая графиня, имѣвшая самыя серьезныя претензіи на сердце „дикаго Хивинца“ и знавшая, что Тата съ своей стороны преслѣдуетъ „серьезную цѣль“ относительно Авалова, разсчитывала на прелестнѣйшую partie carrée, въ которой „никто другому мѣшать не будетъ“, на основаніи извѣстнаго правила, что „quand on est quatre on est deux“. Но едва тронулись и поскакали тройки, оказалось, что она ошиблась въ разсчетѣ. „Дикій Хивинецъ“, какъ нарочно, завелъ сразу общій разговоръ и по его оживленному, горячо веселому тону она тотчасъ же поняла, что онъ никакъ не намѣренъ свести его на одну изъ тѣхъ интимныхъ бесѣдъ, которыя такъ удобны въ саняхъ, ночью, когда едва различаешь лицо сосѣда и въ то же время чувствуешь всю его близость къ себѣ, и подъ визгъ полозьевъ и свистъ вѣтра все какъ бы можно сказать, все дать понять и все выслушать безъ смущенія, благодаря этой ночи и визгу, и возбудительному зимнему воздуху, отъ котораго такъ пріятно щиплетъ кожу сквозь вуаль и захватываетъ дыханіе, и такъ хорошо, такъ упоительно весело!.. Ничѣмъ этимъ, она видѣла, не хотѣлъ воспользоваться Бахтеяровъ, тщательно даже поджимавшій назадъ ноги при малѣйшемъ толчкѣ, чтобы не коснуться ими маленькихъ ножекъ Lizzy, противъ которой сидѣлъ онъ. Онъ разсказывалъ какія-то уморительныя вещи, которыя заставляли хохотать невольно и ее, и Тата, но она опять-таки чувствовала, что онъ былъ такъ остеръ и блестящъ не для нея одной... а, можетъ-быть хуже, даже вовсе не для нея. Lizzy начинала сердиться на него и вмѣстѣ съ тѣмъ ревновать Тата. Но наша княжна, съ своей стороны, вовсе не поощряла frais d'esprit „Хивинца“: ее гораздо болѣе занимало угрюмое настроеніе vis-à-vis ея, Авалова. Онъ сидѣлъ, приподнявъ до глазъ бобровый воротникъ шинели и не разжимая губъ, взглядывалъ оттуда на нее изъ-подъ своей бѣлой

фуражки прямо и печально (она это ясно замѣтила, проѣзжая по Дворцовой Набережной, когда падалъ на него свѣтъ фонарей). Она нѣсколько разъ пыталась *завести* его, обращалась къ нему съ вопросами тою тихою, почти шепотливою, проницающею интонаціей голоса, которая была одною изъ тайнъ ея очарованія и которою владѣла она въ совершенствѣ: на лицѣ холодное, небрежное, чуть не презрительное выраженіе, а чуть слышный голосъ такъ и вьется, такъ и льнетъ, такъ и захватываетъ... Она знала, какъ электрически дѣйствовалъ этотъ голосъ на Авалова, какъ загорался онъ весь отъ его бархатныхъ звуковъ и, забывая свою задумчивость, умѣлъ въ свою очередь находить слова, полныя горячаго молодаго чувства... Но на этотъ разъ и этотъ обаяющій голосъ какъ бы потерялъ силу вызвать его изъ его страннаго оцѣпенѣнія. „Баяхтеровъ est trop brillant; le pauvre garçon и робѣетъ предъ нимъ, и ревнуетъ его“, объяснила себѣ мысленно Тата, и тутъ же рѣшила, что слѣдуетъ успокоить и открыто поощрить „бѣднаго мальчика“.

Сани въ это время подскочили, пролетая чрезъ какой-то ухабъ.

— Ouf la-la! воскликнула со смѣхомъ Lizzy.

— Извините, графиня! послышался вслѣдъ за этимъ голосъ Бухтеярова.

— За что?

— Я, кажется, толкнулъ васъ ногою...

— Или я васъ моею... C'est bien heureux! уже совсѣмъ расхохоталась маленькая графиня:—а то вы прячете ваши ноги отъ моихъ avec tant de pudeur, будто увѣрены que j'irai vous faire du pied comme ou fait de l'oeil... C'est la quintessence de l'impertinence, mon cher, savez vous!.. Но вы это, повидимому, не считаете нужнымъ знать, en votre qualité de héros... Тата, любишь ты героевъ? обратилась она, не останавливаясь, къ княжнѣ нашей съ тѣмъ неисчерпаемымъ brio и неожиданностью переходовъ, которые отличали ее.

— Героевъ? небрежно протянула, повторяя, Тата, какъ бы не слыхавъ предыдущаго:—да, сказала она,—люблю... издали, на разстояніи ложи отъ сцены...

Еслибы не безлунная ночь, она ужаснулась бы можетъ-быть отъ выраженія, мгновенно запылавшаго и также быстро покрывшагося смертельною блѣдностью лица Бахтеярова... Но онъ сдержался, отвѣчалъ все тѣмъ же своимъ тономъ безпечной веселости:

— И прелестно дѣлаете, княжна: въ ложѣ гораздо удобнѣе сидѣть въ компаніи Молчалиныхъ, чѣмъ Чацкихъ:—ни смотрѣть, ни слушать не мѣшаютъ и съ мнѣніемъ пристегнувшей ихъ къ себѣ хозяйки неизмѣнно согласны.

Это было зло, и зло вдвойнѣ, поняла Тата, зло и для нея, и для Авалова, который, кромѣ того, еще могъ понять при этомъ все неудобство быть „пристегнутымъ...“

— Молчалины не нашего общества, проговорила она свысока и отчеканивая,—я ихъ не знаю по крайней мѣрѣ... Но Чацкихъ, признаюсь вамъ, я никогда не могла принять au sérieux. Трескъ, блеснетъ, дымъ,—и ничего больше!..

— Mais c'est tout ce que j'adore, ma chère, такъ и вспрыгнула на эти слова маленькая графиня:—дымъ, трескъ et tout le tremblement; для меня только это и жизнь... Tenez, видите эту скверную, черную, старую дачу (они проѣзжали мимо Новой Деревни,) avec son air de vieille sorcière dans le genre de ma tante Софья Сергѣевна? Я бы ее сейчасъ подожгла съ четырехъ сторонъ, чтобы посмотрѣть, какъ наши герои (она кивнула на сидѣвшихъ противъ нихъ молодыхъ людей,) станутъ скакать въ пламя l'un après l'autre и вытащатъ оттуда толстую, претолстую прачку,—mon suisse Ѳедоръ a une belle dans ces proportions... Аваловъ, la прачка, que vous aurez sauvée des flammes, jugera nécessaire par reconnaissance de vous offrir les siennes. Que lui répondrez vous, fleur d'innocence?

— Я ее кину тутъ же тушить себя въ Малую Невку! отвѣтилъ съ какою-то забавною досадой молодой человѣкъ.

Lizzy покатилась такъ сообщительно, что такимъ же смѣхомъ отвѣтили ей и ея спутники, хотя никому ихъ нихъ троихъ далеко весело не было... Довольна была она одна: „Tata l'a aplati avec son Чацкій“, думала съ торжествомъ Lizzy про Бахтеярова,—„онъ этого ей ни, ни, ни, не проститъ никогда!“ И, успокоенная съ этой стороны, она затрещала съ

радости пуще прежняго, увлекая всѣхъ ихъ невольно въ сверкающій водоворотъ своей искристой, своеобразной, никого не щадившей и ни предъ чѣмъ не останавливавшейся болтовни. „Хивинецъ“ ей вторилъ съ лихорадочною злостью въ голосѣ, съ тою безпощадною, „убивающею человѣка однимъ словомъ“ мѣткостью эпиграммы, въ недостаткѣ которой упрекалъ блаженной памяти Печоринъ своего злополучнаго соперника Грушницкаго. Тата испытывала какое-то жуткое чувство отъ этой жгучей страстности злословія, возбудительницею и конечною цѣлью которой была она, она это знала; какое-то смутное чувство страха охватывало ее предъ этимъ „нажитымъ ею себѣ навѣки врагомъ“, который... который, быть можетъ, никогда еще такъ, какъ въ эту самую минуту, когда онъ былъ такъ золъ, а она такъ виновата предъ нимъ, не занималъ, не волновалъ ея воображенія, ея сердца... Но она настойчиво повторяла себѣ внутренно, что ей „*надо* было такъ поступить“, надо было „отрѣзать разъ навсегда съ *нимъ*“, что она этимъ дала теперь совершенно ясно понять Авалову, что она принесла ему въ жертву Бахтеярова, и что онъ слѣдовательно...

Это *слѣдовательно*—она его ожидала въ этотъ же вечеръ, сейчасъ, вотъ когда они вернутся къ Тепловымъ; она его, казалось ей, читала заранѣе въ горячемъ, благодарномъ выраженіи жадно вперившихся въ нее теперь глазъ юнаго офицера (они скакали опять въ это время на обратномъ пути по Набережной, и свѣтъ фонарей снова освѣщалъ его свѣжее миловидное лицо). „Онъ ждетъ не дождется минуты сказать мнѣ все, *что надо*“, объясняла себѣ наша княжна. И она съ кокетливою стыдливостью опускала отъ времени до времени вѣки, какъ бы робѣя предъ этими его слишкомъ жгучими для ея душевнаго спокойствія взглядами...

У Тепловыхъ ждалъ ихъ одинъ изъ тѣхъ petits soupers fins, заказывать которые былъ большой мастеръ хозяинъ дома, „Дини“. Онъ вернулся нарочно къ нему изъ клуба, куда отправился послѣ обѣда съ Pitou и откуда притащилъ съ собою теперь еще съ полдюжины пріятелей. Гамъ и смѣхъ загремѣли съ перваго же блюда. Тата, сидѣвшая рядомъ съ Ава-

ловымъ, повела подъ общій говоръ рѣчь къ желанному объясненію:

— Вы разгулялись наконецъ? спросила она его, улыбаясь, своимъ льнущимъ голосомъ.

— Ахъ, княжна, отвѣчалъ онъ, понявъ и вздыхая,—какія тучи вы не въ состояніи разогнать, пока вы тутъ!

— Et il y en a dans votre ciel? продолжала она шутливо,— много?

Онъ еще разъ вздохнулъ.

— Одна пока, но ужасная!...

— Не съ востока, надѣюсь? сказала она, напирая и обернувшись къ нему.

Онъ опять понялъ, и молодыя черты его освѣтились невольною радостью:

— Нѣтъ, нѣтъ, благодаря вамъ, *эта*, кажется, уйдетъ теперь опять туда, откуда пришла, и не вернется... Нѣтъ, другое...

Онъ не докончилъ.

— Что же такое? У нея слегка забилось сердце...

— Совсѣмъ въ противоположную сторону гонятъ, сказалъ онъ, взглянувъ на нее, и весь поблѣднѣлъ даже.

У Тата дрогнули брови:

— Кто? куда? могла только выговорить она.

— Maman... Меня посылаютъ помощникомъ военнаго агента въ Парижъ,—заговорилъ вдругъ торопливо, съ ребяческимъ гнѣвомъ въ голосѣ Аваловъ; — я ничего, ничего не зналъ, за мною вдругъ послали, и объявляютъ... Это maman, ничего мнѣ не сказавъ, устроила en haut lieu... Она, вы знаете, всю зиму провозилась со своею bronchite, и теперь и Боткинъ, и Эйхвальдъ, и всѣ они говорятъ, что ей надо непремѣнно перемѣнить воздухъ, за границу. А у нея sa cousine, la comtesse de Brahe, qui a une proprieté en Touraine, первый ея другъ, и она очень приглашаетъ maman пріѣхать къ ней туда на цѣлый годъ... И вотъ, чтобъ имѣть меня подъ рукой, она вздумала устроить мнѣ это мѣсто въ Парижѣ, когда... когда мнѣ такъ хорошо въ Петербургѣ, когда тутъ вы!... говорилъ онъ чуть не плача.

Для Тата все было ясно: графиня Браге была именно мать той дѣвушки, на которой графиня Авалова намѣрена была женить сына, и она увозила его теперь съ этою цѣлью отъ нея, отъ Тата, которую почитала слишкомъ старою или слишкомъ самостоятельною для него...

Она медленно, безъ кровинки въ лицѣ, подняла свои глубокіе сѣро-зеленые глаза и остановила ихъ на молодомъ человѣкѣ:

— И вы... поѣдете? протянула она.

Онъ мгновенно покраснѣлъ до самаго лба; судорога передернула его смутившееся лицо:

— Que puis-je faire, назначеніе свыше!... Но я вернусь, какъ только можно будетъ! пробормоталъ онъ заикаясь.

У Тата сердце упало. Она поняла: онъ былъ для нея навсегда потерянъ; онъ изъ-подъ этой своевольной материнской „руки“ не въ состояніи будетъ уйти никогда... Съ выраженіемъ желчнаго презрѣнія въ углахъ нервно сомкнувшихся губъ отвернулась она отъ этого жалкаго „baby въ офицерскихъ эполетахъ“, глянула безцѣльно впередъ и вздрогнула вдругъ, вздрогнула такъ, что едва была въ силахъ это скрыть. Бахтеяровъ сидѣлъ почти напротивъ ея, около Lizzy Ваханской, и прожигалъ ее насквозь своими цыганскими глазами, какъ бы нечаянно упавшими на нее въ этотъ мигъ. Она чутьемъ почуяла, что онъ, занятый свиду разговоромъ съ сосѣдкой, все время слѣдилъ за нею, что онъ угадалъ все, все происшедшее между ею и Аваловымъ, и ликовалъ, „радовался адскою радостью“, сказала она себѣ мысленно... Она была застигнута врасплохъ и, не совладѣвъ съ собою въ первую минуту, отвѣтила ему растеряннымъ взглядомъ, въ которомъ онъ прочелъ отчаянную мольбу о пощадѣ, о прощеніи...

Онъ, въ свою очередь, приподнялъ до высоты лица стоявшій предъ нимъ широкодонный бокалъ тончайшаго хрусталя, сквозь который подъ огнями яркоосвѣщенной столовой сверкала золотая влага шампанскаго, и съ безпощадною ироніей (язвительнаго звука его голоса въ эту минуту не могла уже потомъ никогда забыть она,) проговорилъ громко:

— Пью отъ души за все то, что̀ для васъ не *дымъ*, княжна!

У нея задвоилось въ глазахъ... Но она осилила себя, усмѣхнулась, протянула руку къ своему бокалу...

— Не пей, Тата, не пей! крикнула ей неожиданно съ комическимъ ужасомъ, пораженная выраженіемъ лица „Хивинца“, впечатлительная Lizzy:—il sortirait du feu de votre verre!

Всѣ расхохотались кругомъ. Она схватила со скатерти два золоченные десертные ножа и, сложивъ ихъ крестомъ, простерла вооруженныя ими руки въ сторону Бахтеярова:

— Comme dans le second acte de *Faust*, визгнула она еще разъ:—gare à Mephisto!...

Съ того дня въ жизни княжны Тата, какъ говорится, *заколодило*... Аваловъ съ тѣхъ поръ успѣлъ вернуться въ Петербургъ съ молодою женой, графиней Нелли, безукоризненно воспитанною особой, попавшею тотчасъ же въ число неоспоримыхъ *моделей* свѣтской добродѣтели, и которая на первыхъ же порахъ, познакомившись съ нашею княжной, воспылала къ ней дружбой, исполненною самой изысканной экзальтаціи и суперфинной тонкости въ выраженіи своихъ чувствъ. Бахтеяровъ тогда же (она съ нимъ не встрѣчалась съ того вечера,) уѣхалъ въ свой Туркестанъ и не давалъ о себѣ знать никому. Въ мірѣ кокодетокъ о немъ давно и говорить перестали, а венгерскій графъ Шегединъ, хромавшій какъ лордъ Байронъ и удивительно свиставшій вѣнскія польки подъ аккомпаниментъ цитры, вытѣснилъ и послѣднюю память о „Хивинцѣ“ изъ пылкаго, но зыбкаго сердца Lizzy Ваханской...

Четвертый уже годъ исходилъ съ тѣхъ поръ, и все это теченіе времени, вносившее столько измѣненій въ судьбы знакомыхъ ей людей и сверстницъ ея, проносилось безслѣдно и безцѣльно лишь для одной Тата. Она оставалась все такою же „устрицей, проклинающею скалу, къ которой она была прикована“, и надежда на избавленіе, на счастье, на счастье, жажда котораго все неотступнѣе сказывалась въ ея существѣ, отлетала въ то же время съ каждымъ годомъ, съ каж-

дымъ мѣсяцемъ, все далѣе отъ ея изъязвленной и возмущенной души.

Она старалась теперь сокращать по возможности и время пребыванія своего въ Петербургѣ, и случаи выѣздовъ въ свѣтъ, которому, говорила она мысленно со злою ироніей по собственному адресу, „всѣ ея моральныя и физическія прелести были знакомы до мерзости“. Изъ недочетовъ своихъ матримоніальныхъ комбинацій, Тата вынесла то убѣжденіе, что въ возрастѣ, до котораго дожила теперь она, у нея оставался одинъ только шансъ, что на ней можетъ жениться единственно „un homme sérieux“, человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ и притомъ честолюбивый, который прежде всего будетъ искать въ женѣ „une femme qui sache le servir dans son ambition, женщину въ родѣ Вава Лавинской“, договаривала себѣ она, находя тутъ же и живой образецъ того, что̀ именно требуется такому „homme sérieux“, и намѣчая въ головѣ въ то же время и тѣ два-три холостые экземпляра этой особой петербургской породы людей, которые съ своей стороны могли бы быть расположены искать въ ней, княжнѣ Натальѣ Можайской, вторую Вава Лавинскую. Но такъ какъ ихъ, этихъ „hommes sérieux“, можно встрѣчать въ петербургскихъ салонахъ и подолгу пользоваться удовольствіемъ назидательныхъ бесѣдъ съ ними лишь въ самый разгаръ тамошней зимы, то-есть въ то самое время, когда эти серьезные люди наиболѣе заняты по своимъ должностямъ и озабочены ввѣреннымъ ихъ мудрости благоденствіемъ Россіи, то Тата и положила, что ей съ матерью всего удобнѣе проживать какъ можно долѣе въ деревнѣ, а въ Петербургѣ проводить лишь сезонъ отъ Рождества до вскрытія Невы. Кромѣ получаемой отъ этого значительной экономіи въ расходахъ, въ этой country life имѣлся, по ея мнѣнію, тотъ респектабельный англійскій запахъ, который именно подходилъ къ избранной ею теперь *линіи* серьезности. Маленькая княгиня-мать, само собою, приложила обѣ руки подъ такое рѣшеніе дочери: для нея въ Петербургѣ только и было любезнаго, что Домикъ Петра Великаго, гдѣ ставила она свѣчи „pour que Tata fasse un parti convenable“. Братъ Анатоль, съ своей стороны давно покончившій съ

Léonie Тепловой и самъ теперь помышлявшій о выгодной партіи, успѣлъ за это время такъ разочароваться въ способности сестры „пристроиться“, что охотно согласился бы *сократить* и вовсе пріѣзды ея съ маменькой въ Петербургъ, а потому заведеннымъ ею порядкамъ жизни выражалъ полнѣйшую аппробацію.

Болѣе всѣхъ былъ ими доволенъ Александръ Андреевичъ Скавронцевъ. Восемь мѣсяцевъ въ году проводилъ онъ теперь въ обществѣ этихъ двухъ женщинъ, къ которымъ привязанъ былъ самымъ искреннимъ, родственнымъ чувствомъ. Собственная семья его была едва-ли болѣе, гораздо скорѣй менѣе, дорога ему. Вообще говоря, къ семьѣ своей онъ былъ довольно равнодушенъ. Онъ съ нею и видался только урывками. Его обратившаяся теперь въ сороковую бочку сорокалѣтняя уже Вѣрочка жила по зимамъ въ городѣ, гдѣ сыновья ея ходили учиться въ гимназію, а на каникулы переселялась съ ними въ прекрасное, отстоявшее лишь верстъ на десять отъ этого города имѣніе, которое мужъ ея имѣлъ случай пріобрѣсти весьма выгодно вскорѣ по полученіи завѣщанныхъ ему теткою денегъ, и весь доходъ котораго назначенъ былъ имъ исключительно на ея съ дѣтьми потребы. Самъ онъ *наѣзжалъ* къ нимъ въ городъ и въ деревню по нѣскольку разъ въ годъ, но рѣдко когда въ состояніи былъ выжить съ ними долѣе недѣли. Онъ въ обществѣ ихъ испытывалъ и скуку, и какую-то неловкость. Съ женой, проводившею всю жизнь въ распашной блузѣ за кофе и гаданьемъ на картахъ, у него давно изсякли всякіе предметы разговора. Сыновья его, изъ которыхъ старшему шелъ уже восемнадцатый годъ, были добрые, трудолюбивые ребята, не отличавшіеся особымъ изяществомъ манеръ, ни еще менѣе какимъ-либо аристократическимъ оттѣнкомъ въ складѣ понятій своихъ и рѣчей. Слушая ихъ разговоры, глядя, какъ они ходятъ въ развалку, ѣдятъ съ ножа, кланяются бочкомъ, Скавронцевъ, взросшій въ преданіяхъ благовоспитаннаго щегольства стараго гвардейства, только поморщивался и набиралъ дыму въ ротъ изъ папироски въ удвоенномъ количествѣ, но считалъ безполезнымъ или не умѣлъ вступать съ ними въ словопренія на эту тему. „Нечего грѣха таить, ха-

мовaты", говорилъ онъ себѣ со вздохомъ, думая о нихъ,—„но, по нынѣшнему времени, пожалуй, другаго и не нужно..."

Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ возвращался онъ послѣ каждой такой „побывки у своихъ" подъ любезныя ему сѣни стараго дома Большихъ Дворовъ. Тутъ только, въ этихъ высокихъ, обширныхъ покояхъ, съ ихъ закоптѣлыми расписными плафонами, картинами въ почернѣлыхъ рамахъ и выцвѣтшими, когда-то цѣнными коврами, чувствовалъ онъ себя *дома*. Александръ Андреевичъ дорожилъ всѣми этими остатками минувшаго, которые удалось ему сохранить здѣсь нетронутыми среди повсемѣстнаго разгрома, внесеннаго новымъ временемъ на Руси въ строй ея стародавняго дворянскаго житья. Въ Большихъ Дворахъ этотъ навѣки исчезнувшій барскій міръ будто снова воскресалъ предъ вами. Изстари заведенные порядки жизни блюлись здѣсь какъ святыня. Тѣ же старые дворовые слуги, въ бѣлыхъ галстукахъ, съ угрюмою почтительностью на лицахъ, безшумно ступая по вылощеннымъ какъ зеркало паркетамъ, таинственно вводили посѣтителя въ пріемные „аппартаменты"; съ тою же роскошью стараго массивнаго серебра и свѣжаго столоваго бѣлья неизмѣнно сервировались завтраки, обѣды и ужины, сидѣла-ли за ними въ праздникъ толпа съѣхавшихся сосѣдей, или „*кушали*" въ будній день однѣ лишь княгиня съ княжной. Подобранный шестерикъ все также стоялъ на конюшнѣ на случай „парадnаго выѣзда"; съ наступленіемъ темныхъ ночей зажигались, какъ въ старину, *кенкеты* на всемъ протяженіи комнатъ, отдѣлявшихъ внутренніе покои хозяекъ отъ большой гостиной, съ балкономъ и видомъ на рѣку, въ которой собирались онѣ со Скавронцевымъ по вечерамъ... Эти вечера втроемъ Скавронцевъ называлъ своимъ „бенефисомъ". Соснувъ часика полтора послѣ обѣда, онъ являлся часу въ восьмомъ бодрый и веселый, въ эту ярко освѣщенную гостиную съ ея мягкими и глубокими креслами, крытыми темнымъ трипомъ, въ которыхъ такъ покойно сидѣлось ему, такъ *вкусно* пился чай, налитый рукой Тата, такъ удобно было пробѣгать листы свѣжеполученныхъ газетъ, или читать вслухъ своимъ собесѣдницамъ какую-нибудь новую повѣсть, дѣйствующими ли-

цами которой были „порядочные люди“. Произведеній съ иными героями Александръ Андреевичъ не признавалъ и, не дочтя въ нихъ иной разъ и двухъ страницъ, швырялъ съ мѣста журналъ на ближайшій столъ:—„не могу, такъ и разитъ кутейникомъ“, отвѣчалъ онъ обыкновенно при этомъ княжнѣ, выражавшей желаніе узнать: „Какой тутъ однако сюжетъ“?... Маленькая старая княгиня въ это время нашивала молча кресты изъ галуна на свои старыя юпки, передѣлывала ихъ на ризы отцу Ефиму, ихъ сельскому священнику, и вздыхала отъ времени до времени не то отъ душевнаго смиренія, не то отъ нѣсколько обремененнаго съ обѣда желудка. Тата, за большимъ круглымъ столомъ, освѣщеннымъ четырьмя свѣчами подъ общимъ большимъ зеленымъ абажуромъ, рисовала акварелью цвѣты на большихъ листахъ шероховатой бумаги (рисовала она отлично,) съ букета, погруженнаго въ тутъ же стоявшую японскую вазу. Когда что-либо изъ читаемаго Скавронцевымъ начинало интересовать ее, она, не выпуская кисти изъ руки, отрывала голову отъ работы и медленно поворачивала ее въ его сторону, потомъ также медленно и неслышно опускалась въ спинку своего кресла и, съ упавшею на складки платья рукой, полузакрывъ глаза, слушала недвижно, безмолвно и внимательно. Это всегда очень льстило Скавронцеву и подстрекало его; голосъ его старался находить, и находилъ зачастую, надлежащіе звуки для передачи нѣжности, страсти, всего, что въ этихъ лежавшихъ передъ нимъ страницахъ могло, по его мнѣнію, вызывать сочувствіе и одобреніе дѣвушки... Но она слушала,—и только. То, что изъ этихъ страницъ могло и въ самомъ дѣлѣ отвѣчать тайнымъ голосамъ ея души, что могло вызывать въ ней новую жажду жизни или подымать горечь ядовитыхъ воспоминаній, не находило у нея внѣшняго выраженія. „Отлично схвачено, не правда-ли, отлично?“ вскликнетъ бывало прерывая себя Скавронцевъ, отдаваясь увлеченію иною талантливою сценой, удачно подмѣченною и переданною чертой интереснаго характера... „Да“, чуть процѣдитъ Тата, или даже того не скажетъ: поведетъ развѣ чуть-чуть головой, или улыбнется загадочною улыбкой. Скавронцевъ пробовалъ было вначалѣ вызывать ее

на сужденіе, на споръ, но весьма скоро отказался отъ этого. Онъ понялъ, что ей говорить не хотѣлось, а что не хотѣлось ей говорить потому, что она была горда и бережно хранила отъ самыхъ близкихъ ей людей заповѣдные помыслы свои, чувства и впечатлѣнія. „А тутъ о чемъ-нибудь *подходящемъ* въ романѣ заговоришь, такъ невольно вырвется иной разъ, въ душу себѣ заглянуть дашь: она и молчитъ,—понятно!“ объяснялъ себѣ очень толково Александръ Андреевичъ.

Изъ пространныхъ исповѣдей, которыми каждый разъ награждала его маленькая княгиня, когда они оставались вдвоемъ, онъ зналъ въ подробности всю прошлую петербургскую эпопею Тата и скорбѣлъ о ея недочетахъ, если и не такъ слезливо, то конечно не менѣе искренно, чѣмъ ея мать. Со своимъ былымъ петербургскимъ опытомъ старый гвардеецъ понималъ, что дѣлу помочь трудно, что Тата „отъ фронта отбилась“, что „еще, еще, да и въ *бракъ*, пожалуй, совсѣмъ ее отмѣтятъ“...

„А тутъ ей самая какъ есть пора,“ разсуждалъ онъ самъ съ собою, думая о ней,—„какъ роза, можно сказать, всѣ лепестки свои теперь распустила... Дурачье, глазъ нѣтъ, цѣнить не умѣютъ...“ И онъ глазами уже истаго цѣнителя и знатока женской прелести, пополамъ съ тѣмъ чувствомъ почти отеческой нѣжности, которое она внушала ему съ дѣтства, глядѣлъ теперь на нашу княжну... и самъ, не давая себѣ въ этомъ отчета, заглядывался на нее все чаще и чаще.

Тата, дѣйствительно, достигла теперь полнаго разцвѣта своей красоты. Нѣсколько жидкое въ годы дебютовъ въ свѣтѣ сложеніе ея окрѣпло въ условіяхъ здороваго деревенскаго воздуха, движенія и правильной жизни; очертанія тѣла сложились, округлѣли, между тѣмъ какъ лицо, потерявъ румяную пухлость первой молодости, какъ бы удлиннилось, глаза упали глубже подъ полукруги бровей... И страненъ былъ иногда мгновенный блескъ, загоравшійся въ этихъ холодно и тоскливо глядѣвшихъ обыкновенно глазахъ; презрительно скучающее выраженіе, привычное этому красивому лицу, смѣнялось порой нежданно чѣмъ-то вызывающимъ и манящимъ, будто вся ея неудовлетворенная молодая женская сила насильственно выры-

валась наружу на вызовъ враждебной судьбѣ, на встрѣчу блеснувшему снова на мигъ призраку счастія... Каждый разъ, какъ случалось Скавронцеву подмѣтить у Тата *такое* лицо, онъ, чуть-чуть покачивая головой и наматывая длинный усъ свой на указательный палецъ, повторялъ себѣ подъ носъ: „самая, то-есть, настоящая, пора ей приспѣла, а тутъ, какъ на смѣхъ, и въ виду нѣтъ никого... да и какіе теперь женихи, когда все это на войнѣ и конца ей не видно!“

Все было на войнѣ, и въ эту минуту ей, дѣйствительно, „конца не было видно“. Анатоль Можайскій стоялъ со своею бригадой подъ Плевной, и маленькая княгиня чуть не каждый день теперь заставляла отца Ефима служить о немъ заздравные молебны, за которыми проливала каждый разъ несчетные потоки горячихъ материнскихъ слезъ. Тата устроила въ Большихъ Дворахъ цѣлую мастерскую на дѣло Краснаго Креста. Она было думала стать во главѣ и всего этого дѣла въ уѣздѣ, но встрѣтила сильный отпоръ со стороны жены уѣзднаго предводителя, баронессы Этингенъ, рожденной Ваханской, невѣстки извѣстной намъ Lizzy, женщины характера властолюбиваго и заносчиваго, которая никакъ не намѣрена была уступить нашей княжнѣ принадлежавшей ей по праву главной роли въ завѣдываніи госпиталемъ для раненыхъ, устроеннымъ въ *ея* городѣ, на средства *ея* земства. Обмѣнявшись съ нею на первыхъ же порахъ довольно крупными колкостями, Тата положила себѣ не имѣть никакого дѣла „avec cette femme remuante et mal élevée“, и въ пику ей не отпускала ни единой фуфайки, ни одного чулка изъ работъ своей мастерской на мѣстный госпиталь, отправляя все изготовляемое у нея оптовыми партіями въ главный Петербургскій складъ, съ которымъ вошла въ дѣятельную переписку, хотя Петербургъ отстоялъ отъ Большихъ Дворовъ тысячи на полторы верстъ, а городъ всего на десять...

Занятія по Красному Кресту, „пики“ съ баронессой Этингенъ, тревожные интересы войны, въ продолженіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ поглощали внутреннюю жизнь княжны. Сознаніе своей полезности очень подымало ее въ собственныхъ глазахъ, а главное ей при этомъ некогда было думать о себѣ,

думать свою обычную, невеселую *личную* думу. Это было для нея хорошее, но, къ сожалѣнію, недостаточно продолжительное время. Ея филантропическая дѣятельность изъ первоначально горячечной естественнымъ теченіемъ вещей должна была постепенно перейти въ хроническую, а всякое хроническое состояніе приводитъ людей по большей части къ равнодушному подъ конецъ отношенію къ нему. Устроенная нашею княжной мастерская шла теперь какъ заведенное колесо часовъ, не требуя никакихъ новыхъ спеціальныхъ придумываній и соображеній; баронесса Этингенъ, вздумавшая было, въ свою очередь, устроить нѣчто подобное въ *своемъ* городѣ, подъ названіемъ „артели добровольныхъ труженицъ на пользу русскихъ воиновъ“, сочла нужнымъ тутъ же закрыть ее, такъ какъ Тата успѣла цѣпко удержать кругомъ себя всѣ аристократическія женскія руки уѣзда, и властолюбивой предводительшѣ оставались на долю однѣ городскія мѣщанки и мелкія чиновницы, „возиться“ съ которыми, по ея мнѣнію, „не стоило труда“. Вслѣдствіе этого вышелъ однажды такой случай, что у баронессы не хватило табачныхъ кисетовъ для цѣлой партіи „слабосильныхъ“ ея госпиталя, которыхъ эвакуировали черезъ сутки въ другую мѣстность, и она, не желая отпустить ихъ отъ себя безъ этого, рѣшилась обратиться съ письмомъ къ Тата, прося ее „дать взаймы“ на нѣсколько дней нужное ей количество „de sacs à tabac pour mes pauvres héros“. Княжна на другой же день, въ сопровожденіи Скавронцева, пріѣхала въ городской госпиталь, застала тамъ свою конкуррентку, отнеслась къ ней съ самою изысканною любезностію и, при всемъ персоналѣ бывшихъ тутъ сестеръ и фельдшеровъ, смиренно, съ опущенными глазами, испросивъ у нея на это предварительно дозволеніе, раздала раненымъ отъ себя въ даръ по великолѣпному кисету съ цѣлымъ фунтомъ мѣстнаго табаку и новою трубкой въ каждомъ изъ нихъ, послѣ чего, все тѣмъ же смиреннымъ голосомъ и глубоко вздохнувъ, поблагодарила баронессу за дарованный ей, Тата, „единственный“ случай послужить *ея*, баронессы, „героямъ“, и поклонившись тутъ же вышла, не давъ той времени придумать ни единой колкости ей въ отвѣтъ...

Послѣ такой рѣшительной побѣды исчезалъ уже всякій интересъ борьбы, составляющій такой важный ингредіентъ въ каждой человѣческой дѣятельности. Тата стала затѣмъ окончательно остывать и утомляться...

Осень шла уже на исходъ, но дни стояли прелестные; что-то мягкое, разнѣженное, любовное струилось въ воздухѣ, лилось съ кроткоулыбавшихся небесъ. Пожелтѣвшіе листья лѣниво, какъ бы нехотя, опадали съ древесныхъ вѣтвей, еще блаженно трепетавшихъ подъ послѣднимъ тепломъ удалявшагося солнца... Тата, отбывъ, какъ выражалась она, свои „служебныя дѣла“ до обѣда, любила проводить остававшіеся ей свободными часы до вечерняго чая на широкомъ, крытомъ балконѣ своего покоя въ нижнемъ этажѣ дома. Балконъ этотъ, обращенный на западъ и обвитый до крыши густою листвой дикаго виноградника, весь горѣлъ въ эти часы въ багряномъ свѣтѣ заката...

Въ одинъ изъ такихъ теплыхъ осеннихъ вечеровъ Скавронцевъ, съ кипой только что полученныхъ изъ города газетъ въ рукѣ, проходилъ черезъ садъ мимо этого балкона, по пути изъ своего отдѣльнаго флигеля, въ большой домъ къ княгинѣ.

На шумъ его шаговъ Тата, лежавшая растянувшись во всю длину свою въ откидномъ креслѣ у самой балюстрады, приподняла голову и выпрямила станъ.

— Александръ Андреевичъ?...

Онъ остановился.

— А, вотъ вы!... И, предупреждая ея вопросъ:—хорошія извѣстія сегодня, сказалъ онъ радостно улыбаясь, — славное дѣло подъ... И опять этотъ Бахтеяровъ. Настоящій генералъ виденъ въ этомъ молодомъ человѣкѣ!...

Какая-то искра блеснула въ глазахъ княжны:

— Дайте пожалуста. Она протянула руку къ газетамъ.

Имя Бахтеярова выдвинулось съ самаго начала военныхъ дѣйствій. Съ какимъ-то страннымъ чувствомъ тоски, досады и невольной, глубокозатаенной нѣжности читала это имя Тата, слушала о немъ толки. Этотъ дважды отверженный страстный поклонникъ ея становился знаменитостью; будущ-

ности его, „если только не убьютъ его на этой глупой войнѣ“, говорила она себѣ, и границъ ужь не видать, — и тутъ же, какъ бы смиряясь предъ невозвратнымъ, повторяла мысленно: „онъ меня ненавидитъ теперь, онъ мнѣ не проститъ никогда...“

Она взяла изъ рукъ Скавронцева нумеръ газеты и, перекинувъ листъ черезъ перила, принялась читать телеграмму, сообщавшую о значительномъ успѣхѣ предводимаго генераломъ Бахтеяровымъ отряда, успѣвшаго оттѣснить вчетверо сильнѣйшаго непріятеля и прочно утвердиться въ отбитомъ у него болгарскомъ городѣ. Блестящее это дѣло свидѣтельствовало подробностями своми столько же о неуклонной храбрости, сколько о находчивости и боевыхъ способностяхъ молодаго военачальника.

Тата читала жадно, низко наклонясь надъ строками; пальцы ея, придерживавшіе газетный листъ, шелестившій подъ струями предвечерняго вѣтра, еле замѣтно перебирала легкая нервная дрожь... Скавронцевъ, стоя предъ нею за перилами, любовался ея тонкою маленькою головкой съ подрѣзанными надо лбомъ и кудрявившимися прядями темнорусыхъ волосъ, по которымъ сквозь прогалины раскидывавшейся надъ нею сѣти виноградныхъ листовъ перебѣгали словно въ догонку другъ другу ослѣпительныя искры свѣта...

— Дда, хорошо, медленно проговорила она дочитавъ, отняла руки и опустилась снова въ свое кресло, закинувъ затылокъ назадъ,—но что же это доказываетъ?

— Какъ „что доказываетъ“? вскликнулъ Скавронцевъ.

— *Отбили, заняли, укрѣпились*, съ оттѣнкомъ насмѣшки проговорила она,—а Плевна все также стоитъ и смѣется надъ нами и, когда все это кончится, никто не знаетъ.

Александръ Андреевичъ загорячился и пустился въ толкованія,—его не на шутку сердилъ „петербургскій скептицизмъ“ и „не русскія чувства“ Тата, съ которою онъ и велъ каждый вечеръ за чаемъ безконечные споры по этому поводу.

Тата закрыла глаза и приняла скучающее выраженіе.

— Вы даже и слушать не хотите! досадливо прервалъ онъ себя вдругъ.

Она слегка усмѣхнулась и, не открывая глазъ, отвѣчала ему:

— Слушаю—и нахожу, что вы очень хорошо доказываете. А все-таки вы должны согласиться со мною, что эта война большая гадость!

— Ну, нѣ-ѣ-тсъ! протянулъ Скавронцевъ также досадливо.

Она приподняла вѣки... Онъ стоялъ предъ нею съ загорѣвшимися глазами и выраженіемъ мужественной рѣшимости на чертахъ... „Какъ онъ сохранился однако“, промелькнуло нежданно въ головѣ Тата, будто въ первый разъ въ жизни видѣла она теперь предъ собою эти большіе, живые глаза Скавронцева, его мужественное, красивое и еще свѣжее, не смотря на сорокавосьмилѣтній возрастъ, лицо.

Голосъ ея зазвучалъ вдругъ тѣми бархатными нотами, на неотразимость которыхъ она всегда такъ разсчитывала:

— Вы бы теперь поэтому съ радостью, вмѣстѣ съ этимъ *героемъ*, что-то бы тамъ *отбивали*, *занимали* и покоряли?...

Невольная улыбка скользнула подъ его большими усами. Онъ повелъ на нее взглядомъ изъ-подъ нахмуренныхъ еще бровей:

— И, конечно, „съ радостью“, подтвердилъ онъ тономъ убѣжденія.

— И вы, „конечно“, въ эту минуту, продолжала она все тою же шепотливою, кошачьею интонаціей:—вы ужасно злы на maman и на меня, повторила она упирая, за то, что мы васъ уговорили, умолили чуть не на колѣняхъ, не дѣлать этой глупости ѣхать на войну, гдѣ и безъ васъ много охотниковъ жертвовать жизнью, а оставаться съ нами, съ друзьями, которые безъ васъ, вы это очень хорошо знаете, просто всѣ пропали бы?...

Она не ошиблась въ разсчетѣ: Скавронцевъ растаялъ.

— Ну, и скажите мнѣ пожалуйста, весело говорилъ онъ въ отвѣтъ, укладываясь обоими локтями на перила и прижимаясь къ нимъ своею широкою грудью,—какая мнѣ за это награда? За то, что я люблю васъ всѣхъ, привыкъ, знаю, что, дѣйствительно, полезенъ вамъ, и потому имѣлъ слабость послушаться васъ съ княгиней... и все-таки, признаюсь вамъ откровенно, каждый день мучаюсь мыслью, что мнѣ слѣдо-

вало быть бы не здѣсь, а тамъ, за Дунаемъ... за это вы меня шпигуете и выводите изъ терпѣнія каждый день... Такъ я говорю, а?

Она засмѣялась:

— Вы „любите“, сказали вы.—Въ томъ числѣ и вашу покорную слугу, надѣюсь?

— И даже въ особенности! вырвалось у него какъ-то невольно.

Она вдругъ замолкла, какъ бы охваченная какою-то внезапно налетѣвшею на нее мыслью, и остановила на немъ долгій, лучистый и трепетный взглядъ.

— Развѣ это еще можно? промолвила она наконецъ.

— Что̀ „можно“? повторилъ онъ не понимая.

— Любить меня „особенно“?... Знаете-ли вы, что я уже давно въ этомъ отчаялась!... Александръ Андреевичъ, нѣтъ, безъ шутокъ, скажите мнѣ, положа руку на сердце, можно ли меня *теперь*, такою, какова я и какою вы меня видите и знаете въ настоящую пору, можно-ли меня еще любить... вы понимаете, что̀ называется *любить?*...

— Васъ?... Безъ ума!... вскрикнулъ онъ, въ порывѣ нежданной для него самого страстности, налегая на рѣзное дерево балюстрады такъ, что оно крякнуло подъ его напоромъ.

— Не ломайте моего балкона! ласково улыбаясь ему, проговорила Тата.—А вы это хорошо сказали, промолвила она;—значитъ, на вашъ глазъ отпѣвать мнѣ себя заживо пока еще не нужно?

— Что̀ вамъ въ моемъ глазѣ! внезапно отвѣчалъ онъ: мнѣ, по-настоящему, и глядѣть-то на васъ не слѣдовало бы!

И онъ слегка покраснѣлъ даже. Она расхохоталась.

— Это почему?

— А потому что не въ мои годы... и не вамъ... Я вамъ въ отцы гожусь, а не...

— Ваши годы? прервала Тата;—да еслибъ я разсчитывала еще выйти замужъ, то ужь, конечно, только за человѣка вашихъ лѣтъ... Вы только старите себя напрасно, милый Александръ Андреевичъ, опускаетесь, не обращаете вниманія на вашъ туалетъ; это совсѣмъ ужь не похвально.

Старый гвардеецъ торопливо и растерянно повелъ глазами на свое поношенное пальто, висѣвшее мѣшкомъ кругомъ его высокаго и еще не тучнаго стана, на пыльные, потерявшіе всякую форму сапоги свои, и покраснѣлъ еще разъ, но уже изъ иного побужденія, менѣе похвальнаго пожалуй, по своему мотиву.

— Пойдемте однако, молвила княжна вставая, — maman, я думаю, ждетъ не дождется почты... Объ Анатолѣ ничего нѣтъ сегодня?...

Скавронцевъ на другой же день отправился по желѣзной дорогѣ въ одинъ изъ большихъ городовъ южной Россіи и вернулся оттуда черезъ двое сутокъ съ огромнымъ чемоданомъ, набитымъ съ верху до низу всякимъ зимнимъ и лѣтнимъ платьемъ, бѣльемъ самыхъ модныхъ фасоновъ и обувью всякаго вида. Очень ужь чувствителенъ былъ для него упрекъ княжны въ томъ, что онъ „опускается“. „Тамъ, въ полку, никто рѣшительно лучше меня не одѣвался“, говорилъ онъ себѣ, морщась при этой мысли во все продолженіе своей поѣздки, — „а тутъ дѣйствительно сапожникъ-сапожникомъ сталъ, чортъ меня дери!...“ И вмѣстѣ съ тѣмъ слова дѣвушки, что онъ „напрасно старится“, что еслибъ она еще думала выйти замужъ („да еще какъ думаетъ“, прибавлялъ мысленно Александръ Андреевичъ), то не иначе какъ за „человѣка его лѣтъ“,—не выходило у него изъ головы. „И что я за старикъ и въ самомъ дѣлѣ“, разсуждалъ онъ, „любаго жеребца степнаго подъ собой укрощу, здоровъ, и аппетитъ, и все; *тамъ* („тамъ“ у него неизмѣнно означало Петербургъ,) показали бы мы еще себя, потому вся жизнь кругомъ бодритъ тебя, толкаетъ... а тутъ, конечно, поневолѣ раскиснешь, *опустишься*... Этотъ, какъ бишь его, посланникъ нашъ“, вспоминалъ онъ случай, разсказанный ему тою же Татой нѣсколько лѣтъ предъ этимъ, — „вѣдь тотъ, напримѣръ, на седьмомъ ужь десяткѣ взялъ да и отбилъ жену-красавицу у молоденькаго секретаря; такъ что тутъ считать года!... А удивительная эта Тата, удивительная, и гдѣ у нихъ глаза, у всѣхъ этихъ дураковъ теперешнихъ!“ являлось неизбѣжнымъ вѣнцомъ всѣхъ его такихъ бесѣдъ съ самимъ собою.

Когда послѣ его возвращенія въ Большіе Дворы онъ встрѣтился съ нашею княжной, она съ первой же минуты заключила о вліяніи своемъ на него и по метаморфозѣ въ его наружности, и по чему-то странному, непривычному, оказавшемуся вдругъ въ его отношеніяхъ къ ней. Вмѣстѣ съ замѣной его покойнаго пальто-мѣшка моднымъ пиджакомъ съ таліей, его безцеремонная интимность съ нею перешла какъ-то внезапно въ тотъ дружескій, но нѣсколько холодный тонъ, съ какимъ благовоспитанный свѣтскій человѣкъ обращается съ дѣвушкой близко ему знакомою, но на которой онъ не намѣренъ или не можетъ жениться. Тонъ этотъ какъ-то безсознательно принятъ былъ Скавронцевымъ подъ впечатлѣніемъ воспоминанія о страстномъ его отвѣтѣ на вопросъ Тата, „можно-ли еще любить ее“, въ чемъ онъ очень каялся предъ самимъ собой. „И глупо, и не годится“, говорилъ онъ себѣ; онъ такъ долго почиталъ себя относительно ея чѣмъ-то въ родѣ роднаго дяди, чуть не отца, и вдругъ „ферлакуромъ“ себя поставить, „Сердечкинымъ“, добавлялъ онъ, преувеличивая съ какимъ-то тайнымъ удовольствіемъ значеніе вырвавшагося у него въ ту пору восклицанія и степень проистекавшей оттого въ его глазахъ вины предъ нею... Все это само собою тотчасъ же угадано было Тата—и показалось ей очень забавнымъ. Она сама вызвала его тогда на тотъ отвѣтъ и очень была рада ему, какъ искреннему образчику впечатлѣнія, какое она „вообще“ способна еще внушать мужчинамъ даже такихъ лѣтъ какъ Скавронцевъ,—вызвала потому, что думала тогда о Бахтеяровѣ, думала съ мучительною тоской обо всей этой ея невозвратной „исторіи“ съ нимъ... А онъ, этотъ строгій ворчунъ ея юныхъ лѣтъ, этотъ авторитетъ всей ея семьи, онъ принялъ это по собственному адресу, увлекся, ѣздилъ нарочно „se rendre beau pour elle“, и вмѣстѣ съ тѣмъ боится себя выдать и вздумалъ играть въ сдержанность и холодность... „Погоди же, я тобой займусь!“ рѣшила Тата, обѣщая себѣ отъ этого нѣкоторое веселое развлеченіе въ однообразіи успѣвшихъ уже порядочно опостылѣть ей филантропическихъ своихъ заботъ.

Она начала съ того, что сама заиграла съ нимъ въ сдер-

жанное чувство. Она перестала дразнить его въ спорахъ, не прерывала его рѣчей насмѣшливыми замѣчаніями, какъ въ недавнее время, давала ему договариваться и слушала его внимательно, съ полуопущенными глазами, вскидывая ихъ на него, когда вырывалось у него иной разъ горячее, хорошее слово, и тотчасъ же поникая ими какъ бы для того, чтобы не слишкомъ явно показать ему свое сочувствіе. Какой-то ему одному замѣтный оттѣнокъ робости слышался теперь въ ея голосѣ, когда говорила она съ нимъ. Когда случалось ему при ней завести рѣчь съ ея матерью о дѣлахъ имѣнія, о хозяйскихъ разчетахъ, всегда прежде интересовавшихъ ее, на лицѣ ея теперь изображались затаенное нетерпѣніе и досада. Скавронцевъ видѣлъ это и спѣшилъ тутъ же перейти на тему какого-нибудь только что прочитаннаго имъ въ газетѣ интереснаго факта, или заговорить объ *Аннѣ Карениной*. Тата чуть-чуть взглядывала на него тогда и улыбалась улыбкой, въ которой онъ ясно читалъ благодарность ему за то, что ему вздумалось наконецъ перестать говорить о скучныхъ вещахъ и заняться ею. Эта нѣмая благодарность ему за малѣйшій его знакъ вниманія къ ней, которое, бывало, принималось ею какъ нѣчто совершенно естественное и ей должное, какъ бы невольно вырывалась у нея теперь при всякомъ случаѣ. Скавронцевъ издавна имѣлъ привычку приносить ей къ вечернему чаю букетъ изъ сада или оранжереи, съ котораго рисовала она свои цвѣты: принесетъ, бывало, поставитъ въ вазу, она и не замѣтитъ, не взглянетъ иной разъ даже. Теперь она его ждала съ этимъ букетомъ, молча принимала его изъ рукъ Скавронцева, улыбаясь ему все также, одними глазами, бережно и долго укладывала букетъ въ воду и, выбравъ изъ него цвѣтокъ, втыкала его въ волосы или прикладывала къ груди. „Хорошо такъ?“ спроситъ она только иной разъ, какъ бы во мгновенномъ порывѣ, вся обернувшись къ нему, и тутъ же нахмурится и примолкнетъ, наклоняя голову надъ своимъ рисункомъ, будто въ досадѣ на себя за этотъ порывъ. Она словно ничѣмъ инымъ не занята была, какъ мыслью о немъ, и будто страшно боялась вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ онъ этого не замѣтилъ...

Недоумѣло, но съ сильно бившимся каждый разъ сердцемъ относился Скавронцевъ къ этимъ продѣлкамъ. Онъ не былъ ни фатомъ, ни новичкомъ; но эта женская игра переносила его невольно въ кипень отжитой молодости, воскрешала въ немъ весь былой задоръ воображенія и страсти... „Надуваетъ, тѣшится!“ увѣрялъ онъ себя каждый день при каждомъ новомъ случаѣ и злился, и краснѣлъ, сознавая внутренно, что „это“ составляло для него уже блаженство. Его такъ и подмывало объясниться съ нею, „вывести дѣло на чистоту“, но ему для этого, во-первыхъ, не представлялось никакого случая,—Тата умудрялась теперь такъ, чтобы никогда не бывать вдвоемъ съ нимъ; она даже подъ предлогомъ усталости отказалась на извѣстное время отъ верховыхъ прогулокъ, которыя очень любила и въ которыхъ онъ сопутствовалъ ей обыкновенно,—а кромѣ того, съ чего бы онъ началъ, о чемъ сталъ спрашивать? Да и отвѣтъ ея развѣ не могъ онъ предвидѣть заранѣе? „Я не понимаю, о чемъ вы говорите“... Онъ такъ бы и остался тогда „дуракъ-дуракомъ...“

Какъ-то разъ, за чаемъ, маленькая княгиня-мать заговорила объ одной „большой фавориткѣ“ ея, прелестной женщинѣ, которую всѣ въ Петербургѣ звали уменьшительнымъ именемъ Зизи́на, и отзывалась съ восторгомъ о ея любезности, неотразимыхъ черныхъ глазахъ и остроуміи.

— Я люблю особенно въ ней, сказала къ этому Тата нѣсколько язвительно,—простодушіе и откровенность ея кокетства: для нея не существуетъ ни старыхъ, ни молодыхъ, ни глупыхъ, ни умныхъ, ни безобразныхъ, ни красивыхъ,—существуютъ только неухаживающіе за нею и ухаживающіе. На первыхъ она смотритъ съ глубокимъ презрѣніемъ; съ послѣдними кокетничаетъ равно со всѣми, sans vergogne ni nuances.

— И прекрасно! вскликнула княгиня,—elle s'amuse et ne fait aucun mal.

— Ей-то весело, пожалуй, а вотъ имъ каково? вмѣшался въ разговоръ Скавронцевъ.

Княгиня засмѣялась:

— Что̀ вамъ, мужчинамъ, когда-нибудь дѣлается!..

— Я этой барыни не знаю, а знаю другихъ, сказалъ онъ,

подчеркивая свои слова, — онѣ свои средства очарованія готовы примѣривать на первомъ попавшемся имъ подъ руку человѣкѣ такъ же просто, какъ, вотъ, модистки ваши примѣриваютъ чепцы на картонномъ болванѣ. Годится, чепецъ идетъ, куда ему дѣйствительно слѣдуетъ, а ненужную болѣе картонную голову подъ столъ. Только тутъ разница: отъ такой примѣрки иная человѣческая голова и совсѣмъ разлетѣться готова.

— Вѣдь нашелъ же сравненіе! замѣтила княгиня, покачивая со смѣхомъ головой.

Тата, налившая въ это время чай въ его стаканъ, быстро подняла голову и, опустивъ чайникъ, обернулась на Скавронцева:

— И вы знаете такихъ женщинъ, Александръ Андреевичъ? спросила она какъ бы задрожавшимъ голосомъ.

— Знавалъ, Наталья Васильевна, знавалъ, отвѣтилъ онъ тономъ шутки, развязность котораго не была однако въ состояніи затаить отъ чуткаго слуха дѣвушки прорывавшуюся изъ-подъ него ноту глубокаго внутренняго смущенія.

— Вашъ чай готовъ, сухо вымолвила она послѣ долгой паузы, слѣдовавшей за этимъ отвѣтомъ его, встала, перешла къ своему рисовальному столу и—ни единаго слова затѣмъ не проронила уже въ теченіе вечера.

На другой, на третій день то же. Она не говорила съ нимъ, да и ни съ кѣмъ не говорила: ее будто всю разомъ одолѣло какое-то гнетущее горе.

Маленькая княгиня даже это замѣтила:

— Что ты такая скучная, Тата, молчишь все, не здоровится тебѣ?

— Я вообще не говорливая, maman, вы знаете, отвѣчала она какъ бы разбитымъ голосомъ,—да и веселиться особенно не изъ чего, договорила она ужь чуть слышно, и глаза ея, полные печали и словно упрека, скользнули на мигъ въ сторону Александра Андреевича.

— Ah, oui, cette guerre, cette malheureuse guerre! Et mon pauvre Anatole!... немедленно завздыхала на это княгиня, причемъ слезы ея такъ и закапали на синій муаръ юпки, изъ

которой выкраивала она эпитрахиль отцу Ефиму. Она поспѣшно принялась обтирать ихъ платкомъ...

„Сущее навожденіе, чортъ его бери!“ повторялъ себѣ въ двадцатый разъ Скавронцевъ, лихорадочно шагая среди ночной тиши вдоль и поперекъ комнатъ своего флигеля. Онъ отбился ото сна, отъ ѣды. „Неужели, неужели?“ стоялъ у него неотступно въ головѣ вопросъ, который онъ не рѣшался даже никакъ выговорить до конца. Онъ не вѣрилъ... и вѣрилъ въ какомъ-то затаенномъ уголкѣ своего существа,— вѣрилъ со страхомъ, мукой и стыдомъ... „Ну и что жь-еслибы даже она... развѣ это возможно... развѣ бы я, поддавшись, подлецомъ поступилъ“, энергично выговаривалъ онъ себѣ... А вмѣстѣ съ тѣмъ кровь закипѣла и бурлила въ немъ какъ въ двадцать лѣтъ. Онъ пылалъ тѣмъ же романически плотоядным пламенемъ, какой въ оные дни зажигала въ немъ Вѣрочка-Миловзорова, когда, исправно выдѣлывая свои chassé battu въ pas de cinq втораго дѣйствія *Наяды и рыбака*, стала она „отвѣчать“ ему въ первый разъ со сцены. Но насколько тоньше, изящнѣе, обаятельнѣе былъ теперь предметъ, вызывавшій въ немъ эти давно замолкшія ощущенія! Стройный станъ, аристократическая поступь и движенія Тата, прелестное очертаніе ея плечъ, угадываемое подъ легкими тканями ея лѣтнихъ платьевъ, ея зеленые, русалочьи глаза и этотъ неотразимый шепотъ ея голоса... Голова, дѣйствительно, готова была „разлетѣться“ у него. Это пламя изжитой молодости, придушенное восемнадцатью годами деревенской глуши и житейскихъ заботъ, прорывалось теперь изъ-подъ пепла съ неудержимою, горячечною силой...

„Провѣтриться надо, уѣхать на время!“ рѣшилъ онъ въ концѣ концовъ. И извѣстивъ объ этомъ коротенькою запискою княгиню, не простившись ни съ нею, ни съ Тата, уѣхалъ раннимъ утромъ „на побывку“ къ семьѣ.

Онъ разсчитывалъ пробыть съ нею недѣли двѣ, а не прожилъ и одной. Двойной подбородокъ, жидкія косицы и распашныя блузы госпожи Скавронцевой возбуждали въ немъ чув-

ство близкое къ остервѣненію; сыновья его несли между собою въ разговорѣ такую ахинею объ „антагонизмѣ стараго культа индивидуализма съ современною формулой коллективизма массъ“, что у него то-и-дѣло чесались руки взять ихъ обоихъ за шиворотъ и спустить съ лѣстницы головою внизъ. Количество папиросокъ, выкуренныхъ имъ за это время въ видѣ антидота противъ бушевавшей въ немъ злости, достигло цифры совершенно баснословной...

Онъ вернулся въ Большіе Дворы въ воскресный день, когда мастерская княжны была пуста. Мать ея была у обѣдни. Она гуляла въ саду и первымъ предметомъ попалась ему на встрѣчу въ аллеѣ, по пути къ его флигелю. Онъ этого не ожидалъ и вспыхнулъ отъ радости и смущенія.

— Честь имѣю кланяться! сказалъ онъ съ улыбкой, осиливая себя и скидавая шляпу съ головы.

Она остановилась, пристально взглянула на него, опустила зонтикъ, который держала надъ головой, на высоту своего лица и, послѣ довольно долгаго и томительнаго для него молчанія, проговорила медленно и строго:

— Почему вы уѣхали?

— Нужно было! нѣсколько оторопѣло отвѣчалъ онъ.

— Говорите откровенно, продолжала она, также настойчиво глядя на него во всѣ глаза:—потому что вы вообразили, что на васъ „примѣриваютъ чепчикъ“ и что вы не хотите стать въ положеніе „картонной головы?“ Такъ это, я отгадала?

— А хотя бы и такъ! молвилъ онъ послѣ минутнаго колебанія.

— И вы въ этомъ убѣждены?

— Въ чемъ?...

— Что вы годны только для „примѣриванія?“

Онъ уже не владѣлъ собой; эти глаза жгли его...

— Послушайте... Наталья Васильевна (онъ никакъ не былъ въ состояніи назвать ее въ эту минуту попрежнему „Тата“), что жь это такое?... Я, дѣйствительно, изъ-за того... и уѣхалъ. Я полагалъ... Положимъ, что это не такъ, выговорилъ онъ вдругъ со внезапною рѣшимостью, положимъ, что

напротивъ, вы... Такъ скажите мнѣ, ради Бога, къ чему... къ чему это повести можетъ?..

Тата усмѣхнулась однимъ угломъ губъ:

— А, такъ и вы тоже! Вы также имѣете претензію опредѣлить себѣ совершенно *реально*, что, какъ, для чего, и куда вы идете? Я думала, что это недостатокъ только нынѣшняго поколѣнія; о людахъ вашего времени я была лучшаго мнѣнія,—вы мнѣ такъ искренно, казалось, отвѣтили въ тотъ разъ, ввернула она какъ бы вскользь, скороговоркой,—я думала, что они способны чувствовать безъ разсужденій...

— Иныя чувства себѣ дозволять не слѣдуетъ, пробормоталъ Скавронцевъ.

— Это почему?

— Потому что, кромѣ несчастія, отъ нихъ нечего другаго ждать.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила она загадочнымъ тономъ.

— А вы полагаете нѣтъ? сказалъ онъ, силясь принять шуточный тонъ, между тѣмъ какъ сердце такъ и колотилось въ его груди.

— Я полагаю, что чувство живетъ само по себѣ и для себя, отвѣчала она, — что оно въ самомъ себѣ находитъ и цѣль, и удовлетвореніе, и муку, и счастіе, не спрашивая и не заботясь, почему это и какъ, и что изъ этого можетъ выйти... Вѣдь это азбука, милый Александръ Андреевичъ, или вы ее успѣли забыть?

Она повела на него ласково-упрекающимъ взглядомъ и тутъ же громко засмѣялась:

— И вы серьезно того мнѣнія, что любить кого-нибудь *безъ памяти*, подчеркнула она,—большое несчастіе?

— Вы меня и въ самомъ дѣлѣ съ ума сведете подъ старость лѣтъ! вскликнулъ онъ, весь загораясь.

— Этого отъ васъ вовсе не требуется, — и она холодно покачала своею красивою головой;—а поглядите вонъ на эту большую липу: съ нея не мало опало уже листьевъ, а она все также всѣмъ тѣмъ, что у нея осталось зеленаго, живаго, трепещетъ и нѣжится спокойно и радостно подъ солнцемъ... Совѣтую вамъ взять съ нея примѣръ въ точности.

— Изнывать подъ этимъ солнцемъ, пока и весь облетишь, молвилъ онъ съ комически-горькимъ оттѣнкомъ въ выраженіи,—да и то, прибавилъ онъ, — если ему не вздумается въ тучу спрятаться.

Тата капризнымъ движеніемъ пожала плечами:

— За погоду никогда отвѣчать нельзя, mais cela ne change rien à l'ordre du jour...

Она кивнула ему весело улыбаясь и ушла въ свои комнаты.

Разговоръ этотъ, казалось бы, не могъ оставить въ немъ на малѣйшей иллюзіи. Она „тѣшилась“ и только...

Но онъ былъ уже охваченъ, и трезвое сознаніе того, *чѣмъ* служилъ онъ ей теперь, не было уже въ состояніи удержать его на безумномъ теченіи, которое уносило его невѣдомо куда.

Авторитетное его значеніе въ домѣ, сознаніе своего достоинства, уваженіе къ себѣ, все это какъ-то разомъ рухнуло для него; изъ ментора онъ превратился въ раба и послушника безъ воли, безъ силы противодѣйствія. Старческая страсть прививаетъ что-то женственное самымъ сильнымъ мужскимъ натурамъ; къ ея незаконному пламени примѣшивается всегда какая-то робость, что-то похожее на сознаніе преступности... Скавронцевъ испытывалъ это: онъ каялся въ своей „блажи“, робѣлъ предъ Тата, пытался „порвать“, уйти изъ-подъ ея власти... и не могъ, и чувствовалъ, какъ каждый день все глубже уходитъ въ „этотъ омутъ“. Онъ ей принадлежалъ уже весь; внѣ ея не оставалось ни единаго помысла, ни единаго соображенія въ его мозгу. Онъ вставалъ и ложился съ мыслію о ней; въ головѣ его неотступно стояло послѣднее сказанное ею слово, улыбка, движеніе, поворотъ шеи ея въ данную минуту, съ цѣлымъ роемъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изо всего этого... Тонкій запахъ духовъ, вѣявшій отъ нея, отъ ея бѣлья, приводилъ его въ какое-то экстатическое состояніе. Онъ мальчишествовалъ, кралъ ея старыя перчатки и укладывался на нихъ головою,—засыпая, цѣловалъ ладонь свою, о которую опирала она предъ тѣмъ свою ножку, чтобы сѣсть на лошадь,—прогуливался ночью по цѣлымъ часамъ подъ ея

окнами... Въ тѣ рѣдкія минуты, когда онъ приходилъ въ себя, его проникалъ какой-то суевѣрный ужасъ. „Я ее *запоемъ пью*, и противъ этого никакого снадобья, никакого заговора нѣтъ!“ говорилъ онъ себѣ съ отчаяніемъ...

Тата съ своей стороны очень была довольна своею побѣдой. Бѣдный Скавронцевъ былъ дѣйствительно для нея „картонною головой“, на которой примѣряла она силу своихъ чаръ. „Блажь“ его оказалась для нея лучшимъ реактивнымъ средствомъ противъ того близкаго къ отчаянію душевнаго состоянія, въ которое долго повержена была она неудачами своего прошлаго. Теперь надежды снова начинали свивать гнѣзда въ головѣ ея. „Не все же еще потеряно“, основательно разсуждала она, „если можно довести зрѣлаго человѣка до такой степени влюбленности...“ И она искренно благодарна была за это Скавронцеву и платила ему за его обожаніе всею тою высшею школой утонченнаго кокетства, дешевыя нѣжности и лукавые пріемы котораго имѣютъ по большей части на мужчинъ обаяющую силу, далеко не всегда, увы! обладаемую истинною страстью. Она взглядывала на него, улыбалась, хмурилась, поводила головой, закусывала губы, перегиналась съ мѣста въ его сторону съ какимъ-нибудь вопросомъ—все это извѣстнымъ, разсчитаннымъ на неотразимое на него впечатлѣніе образомъ, и никогда, какъ говорятъ французы, не манкировала своего эффекта. Она его постоянно держала въ какой-то любовной проголоди, если можно такъ выразиться, между надеждой и страхомъ, между горячкой желанія и рыцарствомъ самоотверженія... Доведя его иной разъ до полнѣйшаго отчаянія ею же самой придуманною и созданною ссорой, она неожиданно, оставшись съ нимъ вдвоемъ, подходила къ нему, сама прижимала къ его пересохшимъ отъ волненія губамъ свою блѣдную длинную руку и, тихо затѣмъ высвободивъ ее изъ-подъ его нескончаемыхъ поцѣлуевъ, уходила изъ комнаты, какъ бы для того, чтобы не отдаться самой волнѣ неудержимаго увлеченія... За такія мгновенія Скавронцевъ готовъ былъ бы отдать сто жизней, еслибы были онѣ въ его распоряженіи...

Такъ продолжалось до отъѣзда матери и дочери на зимній сезонъ въ Петербургѣ. Скавронцевъ съ ужасомъ думалъ объ этой минутѣ. Мысль о близкой разлукѣ съ Тата подтачивала ему жизнь; ему представлялось, что онъ не будетъ въ состояніи ее вынести, исчахнетъ, умретъ съ горя. Онъ сталъ придумывать поводы, началъ убѣждать себя въ необходимости ѣхать съ своей стороны въ Петербургъ „по дѣламъ“, по самымъ „неотложнымъ“ будто бы дѣламъ Можайскихъ... Но въ первый разъ, какъ онъ заикнулся было объ этомъ предъ нашею княжной, она взглянула на него такимъ недовольнымъ и высокомѣрнымъ взглядомъ, что у него защемило на сердцѣ. Взглядъ этотъ оскорблялъ и страсть, и самолюбіе его.

— Я бы для васъ тамъ никакою помѣхой не былъ, Наталья Васильевна, сказалъ онъ ей съ горечью подъ этимъ впечатлѣніемъ:—и не показывался бы въ вашемъ обществѣ, и въ домѣ бы у васъ бывалъ рѣдко... Развѣ когда-нибудь, добавилъ онъ дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ,—изъ партера въ театрѣ далъ бы волю „ненасытному взгляду“, какъ сказалъ Лермонтовъ, полюбовался бы незамѣченный вами вечерокъ одинъ, и будетъ, на недѣлю хватило бы радости?...

— Excusez du peu! засмѣялась Тата, сочтя нужнымъ наружно положить, какъ говорится, гнѣвъ на милость.—Да вашихъ *взглядовъ* достаточно было бы, чтобъ обо мнѣ съ вами заговорилъ на другой же день весь Петербургъ. Предваряю васъ, mon cher Александръ Андреевичъ, что глаза у васъ откровеннѣе, и слѣдовательно *ком-про-метантнѣе*, отчеканила она,—чѣмъ у двадцатилѣтняго офицерика.

Волей или неволей Скавронцевъ долженъ былъ и принять это объясненіе, и склониться предъ истекающимъ изъ него рѣшеніемъ. Въ видѣ вознагражденія за его покорство, ему дозволено было сопутствовать отъѣзжавшихъ до Москвы и проводить ихъ затѣмъ на поѣздѣ въ Петербургъ.

Такъ и было исполнено. Онъ ихъ довезъ до Москвы, усадилъ въ вагонъ Николаевской желѣзной дороги... Наклоняясь поцѣловать въ минуту прощанія руку Тата, все кругомъ у него завертѣлось, зазеленѣло; онъ едва удержался на ногахъ въ то время, какъ она холодными губами прикасалась къ его лбу...

Онѣ уѣхали. Онъ на другой же день, послѣ мучительной ночи, проведенной имъ всю напролетъ безъ сна, отправился обратно въ Большіе Дворы, заѣхавъ предварительно къ одному знакомому доктору, и упросилъ его прописать ему опіуму противъ безсонницы. Онъ принялъ разомъ чуть не все количество отпущенныхъ ему порошковъ и, благодаря этому, доѣхалъ до дому въ блаженномъ состояніи полнаго безчувствія: онъ спалъ безъ просыпа ровно двадцать два часа кряду.

Княжна оставила ему на рукахъ свою мастерскую, съ которою предстояла ему большая возня, такъ какъ зима лишила ее большаго числа рукъ, владѣлицы которыхъ разъѣхались изъ своихъ деревень, а дѣла набрано было много, и накупленный матеріалъ не кидать же было даромъ. Но самыя эти затрудненія представлялись для Скавронцева якоремъ спасенія отъ невыносимой тоски, владѣвшей имъ. Онъ принялся за дѣло съ какою-то бѣшеною энергіей. Кромѣ поглощающаго занятія, дѣло это давало ему законное основаніе писать Тата каждую недѣлю, и случай въ этихъ письмахъ, среди дѣловыхъ извѣщеній, ввернуть фразу, слово, въ которыхъ выливалась вся его, исполненная ею, томящаяся и алчущая по ней душа.

Она отвѣчала на все, строго требовавшее отвѣта, не забывала каждый разъ благодарить „любезнаго Александра Андреевича за его заботы и старанія“ и регулярно, съ точностью докторскаго бюллетеня, сообщала при этомъ о состояніи здоровья княгини и своего. Какъ ни жаждалъ бѣдный Скавронцевъ, какъ ни напрягалъ своего воображенія отыскать между этихъ безупречно-приличныхъ строкъ какой-либо хотя бы малѣйшій намекъ на то нѣчто, что было для него теперь первенствующимъ вопросомъ его жизни,—ничего похожаго на это въ нихъ не находилось. Письма къ нему Тата были изъ разряда тѣхъ, которыя вмѣстѣ съ бумагами „за нумеромъ“ *подшиваютъ къ дѣлу*...

Военныя событія между тѣмъ неслись съ неожиданною быстротой. Полтора мѣсяца послѣ сдачи Плевны, русскія войска стояли у воротъ Константинополя... Вмѣстѣ съ газетами, извѣщавшими о заключеніи Санъ-Стефанскаго договора, Скав-

ронцевъ получилъ коротенькое письмо отъ княжны, въ которомъ она говорила ему, что она съ матерью въ половинѣ марта выѣзжаютъ изъ Петербурга, что братъ ея Anatole, „котораго Богъ сохранилъ отъ всякихъ увѣчій въ сраженіяхъ“, заболѣлъ лихорадкою въ Санъ-Стефано и надѣется, при первой возможности, вернуться на излѣченіе въ Россію, и что онѣ пріѣдутъ ждать его въ Большихъ Дворахъ.

Скавронцевъ обезумѣлъ отъ восторга. Онъ никакъ не ждалъ ихъ такъ рано. Какъ благословлялъ онъ эту такъ кстати уложившую друга его Анатоля лихорадку!

Онъ прождалъ ихъ однако лишнія двѣ недѣли, благодаря распутицѣ, боязнь которой удержала княгиню отъ отъѣзда въ назначенный срокъ. Онъ исхудалъ весь за это время отъ томленія.

Южная весна вѣяла съ синихъ небесъ уже во всей неотразимой своей прелести, когда пыхтящій локомотивъ подвезъ къ желѣзнодорожной станціи, ближайшей къ имѣнію Можайскихъ, длинный рядъ вагоновъ ожидаемаго Скавронцевымъ поѣзда. Онъ побѣжалъ на встрѣчу имъ вдоль платформы, не чувствуя ногъ подъ собою. Звенѣвшая кругомъ весна пѣла и въ душѣ его свою волшебную соловьиную пѣснь...

Пѣла она и въ душѣ Тата, показалось ему въ первую минуту встрѣчи. Она такъ и освѣтила его блескомъ своихъ глазъ, счастливымъ выраженіемъ своей улыбки:

— Здравствуйте, Александръ Андреевичъ, какъ я рада васъ видѣть! говорила она, протягивая ему руку въ перчаткѣ, и крѣпко, по-мужски, пожавъ его руку, поспѣшно отняла свою, какъ бы съ тѣмъ, чтобы скорѣе сдѣлать ему вопросъ:

— Письма есть?

— Почта съ вами пришла,—отвѣтилъ онъ, глядя на нее восхищеннымъ взглядомъ и едва находя силу говорить,—сейчасъ разберутъ...

— Нѣтъ, изъ арміи? нетерпѣливо проговорила она на это.

— De mon pauvre Anatole? тутъ же завздыхала въ объясненіе маленькая княгиня, вся шатавшаяся и безпомощно мотавшая головой отъ усталости и тряски желѣзнаго пути.

— Я ничего не получалъ, сказалъ Скавронцевъ, предлагая ей руку, за которую тотчасъ же и уцѣпилась она жестомъ утопающаго, хватающагося за прибережный кустъ;—а вы развѣ ждете?..

— Да, сказала Тата,—я ему писала еще въ мартѣ, когда мы думали выѣхать, чтобъ адресовать впредь письма въ Большіе Дворы...

— Ему лучше, по послѣднимъ нашимъ извѣстіямъ, grâce à Dieu, завздыхала опять княгиня,—но въ этомъ Санъ-Стефано климатъ, говорятъ, такой ужасный! Только и буду спокойна, когда увижу его здѣсь... Отецъ Ефимъ здоровъ? спросила она безъ передышки.

— Здоровъ, княгиня, что ему дѣлается! засмѣялся Александръ Андреевичъ.

— Пожалуйста, cher ami, молвила она уже шепотомъ,—когда пріѣдемъ домой, пошлите ему сейчасъ сказать, что я желала бы сегодня же отслужить молебенъ...

— Пойдемте, однако, maman, притрогиваясь къ локтю матери, сказала княжна,—вотъ и сундуки наши несутъ; пора ѣхать!

Скавронцевъ сѣлъ на передней скамьѣ ихъ просторной четвероместной коляски, и въ продолженіе всего пути (отъ станціи до Большихъ Дворовъ было верстъ пятнадцать,) не отводилъ „ненасытнаго взгляда“ отъ Тата, благо маленькая княгиня тутъ же и заснула, подъ убаюкивающее качаніе рессоръ прочнаго стараго экипажа. Княжна не избѣгала его глазъ, изрѣдка улыбалась имъ даже въ отвѣтъ... Но влюбленный старый гвардеецъ, упоенный счастіемъ ея возвращенія, ея близостью, вѣявшимъ отъ нея знакомымъ и сладкимъ ему тонкимъ запахомъ ириса, не могъ не замѣтить однако съ тайною горечью, что въ улыбкѣ этой было нѣчто гораздо болѣе похожее на какую-то благосклонную снисходительность, чѣмъ на ту манящую загадачность, отъ которой такъ блаженно и такъ мучительно билось сердце его три мѣсяца назадъ. Въ разговорѣ съ нею онъ не нашелъ ни единаго случая намекнуть на это недавнее прошлое, на свое, все также, еще болѣе, казалось ему, горячее чувство къ ней. Она все время

держала этотъ разговоръ на дѣловыхъ мотивахъ, говорила про Красный Крестъ, разспрашивала его про мастерскую, про баронессу Этингенъ, „полезною“ дѣятельностью которой, говорила она Скавронцеву, къ нѣкоторому его удивленію, очень довольны были въ Петербургѣ...

Жизнь въ Большихъ Дворахъ потекла опять по обычному своему руслу, но это было теперь то прежнее, „прозаическое“ теченіе жизни, „безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви“, по которому плылъ Скавронцевъ о бокъ съ этими барынями цѣлыя пятнадцать лѣтъ, и съ котораго вдругъ соскочилъ онъ въ одинъ осенній вечеръ, захваченный и унесенный коварнымъ женскимъ словомъ, обманчивымъ призракомъ невозможной взаимности... Онъ одинъ теперь вспоминалъ объ этомъ, упорствовалъ въ этомъ обманѣ. Для Тата какъ бы никогда не существовали тѣ божественные для него три мѣсяца. Онъ былъ для нея прежній Александръ Андреевичъ, почтенный человѣкъ, другъ ея семьи, на которомъ лежала забота о благосостояніи ихъ всѣхъ, за что она съ своей стороны обязана была быть съ нимъ внимательною и любезною и оказывать ему нѣкоторые petits soins, какъ выраженіе должной ему благодарности, и—ничего, ровно ничего болѣе... Когда онъ смущенно и пытливо искалъ въ глазахъ ея тѣхъ мгновенныхъ лучей, которыми освѣщала она его въ прошлыя блаженныя минуты, глаза эти теперь отвѣчали ему выраженіемъ какого-то наивнаго, чуть не дѣтскаго удивленія. „Чего ты хочешь“? словно спрашивали они...

— Вы все забыли въ Петербургѣ, Наталья Васильевна! вырвалось у него однажды подъ напоромъ невыносимой тоски.

Она чуть-чуть сморщила брови и подняла голову, какъ бы стараясь припомнить:

— Что забыла?.. Я кажется все привезла, что нужно...

Скавронцевъ засмѣялся горестно и желчно:

— Не то совсѣмъ, не то-съ!.. Вы только понять не желаете...

Она уставилась на него невиннѣйшимъ, недоумѣвающимъ взоромъ:

— И не понимаю совсѣмъ. Что такое? Скажите пожалуй-

ста, cher Александръ Андреевичъ, скажите скорѣй, вы знаете, какъ я любопытна!..

Онъ схватился рукой за голову и выбѣжалъ изъ комнаты „дуракъ-дуракомъ“, какъ выражался онъ про себя мысленно...

Скавронцевъ не могъ не замѣтить вмѣстѣ съ тѣмъ, что Тата вернулась изъ Петербурга въ настроеніи какого-то необыкновеннаго благодушія. Никогда еще не знавалъ онъ ее такою кроткою, мягкою, благоволящею ко всѣмъ и ко вся. „Ни злаго слова съ языка, ни прежнихъ вспышекъ тайной досады“, говорилъ онъ себѣ, „райскія чувства какія-то на этомъ лицѣ теперь. Съ Этингеншей даже такую дружбу свела, что та ее до небесъ восхвалять стала“...

„Не даромъ это“! Онъ ее слишкомъ давно зналъ, чтобы не догадываться о чемъ-то, изъ чего должны были истекать это благодушіе и мягкость. „Не нашелся-ли желаемый сановникъ“? иронизовалъ онъ со внутреннею мукой, вспоминая извѣстные ему разсчеты княжны въ послѣднее время. Но кто же именно? И отчего это скрываютъ отъ него? Бывало, если не сама Тата, то старая маленькая княгиня сообщитъ ему непремѣнно, и что̀, и какъ, до малѣйшей подробности. А теперь старушка, вотъ уже вторая недѣля какъ изъ Петербурга, и ему нигугу, и даже какъ будто конфузится и видимо избѣгаетъ прежнихъ „конфиденціальныхъ“ разговоровъ съ нимъ... И Скавронцевъ, думая объ этомъ, невольно морщился и набиралъ усиленно табачнаго дыму въ ротъ; ему представлялось иногда, что Тата разсказала про него „все“ матери, и что та лишила его теперь всякаго довѣрія. „Ну тогда что̀ же“, говорилъ онъ себѣ въ эти минуты, вскакивая съ мѣста и принимаясь быстро ходить по комнатѣ: „кину и—поѣду на Кавказъ служить“...

Пришло наконецъ давно ожидаемое письмо отъ Анатоля изъ Санъ-Стефано (о чемъ отецъ Ефимъ, по заказу княгини, служилъ уже четвертый молебенъ, облекаясь каждый разъ въ новую ризу). Почта приходила въ Большіе Дворы обыкновенно къ концу обѣда, и ее приносили въ столовую. Узнавъ почеркъ сына, княгиня вскрикнула, схватила письмо, поспѣшно сорвала обложку...

— Погодите, maman, остановила ее вдругъ Тата,—сейчасъ кончимъ... пойдемъ прочесть вмѣстѣ.

И онѣ, не притронувшись къ дессерту, торопливо ушли въ комнату княгини.

Очень обидно это показалось Скавронцеву. Онъ былъ такой интимный человѣкъ въ домѣ, что при немъ постоянно читались или даже просто давали ему читать вслухъ письма Анатоля, да и не одного его... А тутъ вдругъ совсѣмъ уже оскорбительныя для него „cachoteries“, шушукканье и тайна...

„Отыскалъ *ей* этотъ Анатоль кого-нибудь въ арміи!“ озарила его внезапно мысль, и чернѣе тучи онъ вышелъ изъ столовой въ садъ, позабывъ даже закурить вынутую имъ машинально изъ портсигара папироску.

Черезъ часъ времени прибѣжалъ къ нему туда слуга звать его ко княгинѣ.

Онъ отправился все также мрачный и взволнованный.

Княгиня была одна и въ самомъ счастливомъ, казалось, состояніи духа.

— Anatole будетъ здѣсь въ концѣ мѣсяца, возгласила она съ перваго слова, sa fièvre l'a quitté, и только слабость осталась. Завтра, по разсчету, онъ долженъ сѣсть на пароходъ, который повезетъ его въ Одессу...

— Очень радъ вашей радости, проговорилъ сквозь зубы Александръ Андреевичъ.

Старушка глянула ему въ лицо и тотчасъ же догадалась объ его *обидѣ* и о поводахъ къ тому.

— Мы сейчасъ съ Тата такъ скоро ушли, заторопилась сказать она;—вы, я думаю, удивились даже, cher Александръ Андреевичъ? Vous êtes un-si vieil et fidèle ami, отъ васъ, конечно, не можетъ быть секретовъ...

— Я такъ думалъ, по крайней мѣрѣ, до этихъ поръ, отвѣчалъ онъ все также холодно на это,—особенно когда и весь секретъ, кажется, состоитъ въ томъ, что Анатоль отправляется сюда такого-то числа.

Она вся сконфузилась вдругъ и покраснѣла.

— Конечно, залепетала она,—есть иногда вещи, которыя...

ну, просто, знаете, не смѣешь сказать... просто, по суевѣрію даже, боишься, что отъ этого не сбудется...

— А вы желаете, чтобъ *это* сбылось? пытливо, съ худо скрываемою тревогой, спросилъ Скавронцевъ.

Маленькое лицо княгини все сморщилось въ выраженіи како-то крайней озабоченности:

— Ecoutez, cher ami, я вамъ все скажу, хотя Тата почему-то все секретничать хочетъ. Но я знаю, что вы ей не скажете... а только порадуетесь отъ души вмѣстѣ со мною... Слава Богу, кажется, на этотъ разъ устраивается для нея уже совершенно серьезное, quelque chose de très bien...

— И объ этомъ вамъ теперь пишетъ Анатоль? прервалъ онъ ее. „Я угадалъ“, думалъ онъ, чувствуя, какъ сердце ходуномъ ходило подъ его рубашкой.

Она оглянулась кругомъ и, наклонившись къ нему, зашептала:

— Онъ намъ объ этомъ еще въ Петербургъ писалъ. Они очень подружились во время кампаніи, и Богу угодно было en outre, чтобъ они въ Санъ-Стефано жили въ одномъ домѣ, оба больные, потому что тотъ былъ раненъ въ руку и лѣчился, а Anatole—въ этой лихорадкѣ...

— Да кто этотъ „онъ“, „тотъ?“ вскрикнулъ чуть не грубо Скавронцевъ въ своемъ волненіи.

— Mais lui, Бахтеяровъ! воскликнула въ свою очередь съ жаромъ княгиня, какъ бы удивляясь, что онъ этого не знаетъ.

— Бахтеяровъ, вотъ этотъ самый, котораго на дняхъ произвели въ генералъ-лейтенанты?

— Ну да, ну да! Вѣдь это старая исторія, я вамъ давно разсказывала! онъ десять лѣтъ влюбленъ въ Тата, она ему два раза отказывала, потому что тогда il n'avait ni position, ni fortune...

— Да, я знаю, пробормоталъ Александръ Андреевичъ,—а теперь...

У княгини нежданно выступили слезы на глазахъ; она подняла ихъ къ потолку, утерла платкомъ и перекрестилась:

— Богъ, cher ami, лучше насъ знаетъ, какъ устраивать нашу судьбу. Видно Его святой милости такъ угодно было!

Кто бы повѣрилъ à des sentiments aussi romanesques въ наше время... въ наше время, когда только однѣ деньги и проза, проза!... Вообразите, что онъ первый заговорилъ съ Анатолемъ о Тата, разспрашивалъ про нее,—я вамъ говорю: они жили въ одномъ домѣ и вмѣстѣ съ утра до вечера,—разспрашивалъ все въ подробности, признался ему, что красивѣе дѣвушки какъ Тата не встрѣчалъ и что никакая женщина не имѣла въ его жизни такое значеніе какъ она, tout ce que dit un amoureux enfin... И наконецъ сказалъ Анатолю, что ничего бы такъ не желалъ какъ увидѣть его сестру хоть на одно мгновеніе, что цѣлые годы только объ этомъ мечтаетъ...

— Ну, а Анатоль что же на это? едва имѣлъ силу пропустить сквозь стиснутые зубы Скавронцевъ.

— Anatole, повторила княгиня,—вы знаете, какъ онъ любитъ сестру и всегда старался qu'elle fasse un parti convenable... А тутъ чего же лучше? Такая карьера—вѣдь онъ еще такъ молодъ!—и скоро, можетъ-быть на дняхъ, огромное состояніе...

Скавронцевъ открылъ большіе глаза:

— Откуда же *это?* Вѣдь изъ-за того самаго, что у него ни назади, ни впереди гроша не было, и отказывали вы ему съ княжной!

Маленькая княгиня торопливо замахала ему обѣими руками:

— Je vous dis, tous les bonheurs à la fois! Когда онъ такъ отличился на войнѣ, дядя его, старикъ Соковнинъ, нашъ здѣшній богачъ...

— Кащей этотъ, скряга? добавилъ, злясь и мучась Скавронцевъ.

— Ну да, сосѣдъ нашъ... Вѣдь ему подъ восемьдесятъ, и онъ бездѣтный... Онъ вдругъ пришелъ въ восторгъ de son héroïsme, и выбралъ Бахтеярова своимъ наслѣдникомъ и написалъ въ его пользу завѣщаніе съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ присоединилъ его фамилію къ своей, назывался бы „Бахтеяровъ-Соковнинъ“.

Скавронцевъ всталъ съ мѣста.

— Чего же лучше, княгиня: и герой, и богатъ, и сосѣдъ,

и двойная фамилія; могу васъ только поздравить съ такимъ рѣдкостнымъ зятемъ!

Но мать Тата чувствовала себя въ эту минуту въ такомъ раю, что и замѣтить была не въ состояніи той желчной иронiи, что̀ говорила въ этихъ словахъ.

— Oui, cher ami, простодушно проговорила она,—Господь услышалъ наконецъ мои молитвы... И за такую милость Его ко мнѣ (она при этомъ весело и даже какъ бы лукаво моргнула своему собесѣднику,) я положила себѣ изъ собственныхъ моихъ грошей весь иконостасъ у насъ въ церкви вызолотить вновь...

— Само собою! промычалъ на это не вѣсть къ чему Александръ Андреевичъ.—Ну, и когда же это должно у васъ окончательно рѣшиться?..

Маленькую особу нежданно обуялъ вдругъ опять суевѣрный страхъ.

— Ахъ, не будемъ такъ говорить ради Бога! Я ничего не знаю, формальнаго предложенія онъ не дѣлалъ, да и кому же?... Дайте имъ еще свидѣться и...

— И свидятся, и вѣроятно скоро? перебилъ онъ.

Она повела на него увлажнившимися снова глазами и утвердительно закачала головой:

— Anatole пишетъ, они уѣзжаютъ на томъ же пароходѣ завтра... Только тотъ по какимъ-то дѣламъ въ Одессѣ дня два остаться долженъ, а Anatole проѣдетъ въ Кіевъ, а потомъ они гдѣ-то съѣдутся и пріѣдутъ сюда вмѣстѣ. Бахтеярову надо къ дядѣ, а въ Соковнино мимо насъ дорога...

— Къ золотому мѣшку на поклонъ...

— Ah oui, cher ami, что̀ же дѣлать, деньги въ нашъ вѣкъ выше славы и почестей! заключила нравоучительно маленькая княгиня, все также не догадываясь о злобѣ и мукѣ, снѣдавшихъ въ эту минуту душу ея бѣднаго „cher ami“.

Скавронцевъ въ тотъ же вечеръ уѣхалъ за тридцать верстъ въ другое имѣніе Можайскихъ подъ предлогомъ какого-то экстреннаго тамъ дѣла.

Но ему нельзя было не вернуться къ пріѣзду Анатоля, своего патрона, воспитанника и пріятеля; это была въ нѣкоторой мѣрѣ обязанность его, долгъ... Онъ поѣхалъ встрѣчать его на станцію...

За послѣдніе дни, вдали отъ Тата, Александръ Андреевичъ успѣлъ одержать нѣкоторую побѣду надъ самимъ собой. Онъ все время настойчиво доказывалъ себѣ всю „непроходимую глупость“ своего увлеченія и при этомъ съ намѣреннымъ, предвзятымъ великодушіемъ обвинялъ въ немъ одного себя. „На то она и женщина“, разсуждалъ онъ, „чтобы насъ морочить и власть свою надъ нами выказывать. Потѣшилась и будетъ; ей что!... А вотъ какъ я, олухъ Царя небеснаго, какъ я на эту удочку въ серьезъ попелъ, далъ себѣ сердце въ куски порвать, подъ старость лѣтъ шута въ ея глазахъ разыгралъ?“... Провозившись съ собою такимъ образомъ съ недѣлю времени, въ полномъ одиночествѣ и усиленномъ движеніи (онъ почти не слѣзалъ съ лошади все это время), онъ пришелъ къ заключенію, что „все это теперь баста, надо единожды навсегда изъ головы и самое воспоминаніе объ этомъ выгнать... Покажу я ихъ сіятельству, что нашего брата, стараго гвардейца, въ конецъ сломить и ей не подъ силу!“...

Онъ пріѣхалъ на встрѣчу Анатолю въ этомъ пріободренномъ настроеніи, спокойный и равнодушный съ виду. Тата съ матерью прибыли еще ранѣе его на станцію, прямо изъ Большихъ Дворовъ... На ней былъ обворожительный весенній туалетъ и прелестная круглая шляпа-feutre съ обмотаннымъ кругомъ такого же цвѣта перомъ. Никогда на его глаза не бывала она такъ хороша, какъ въ эту минуту. Несмотря на весь ея свѣтскій опытъ, на прирожденную способность таить свои ощущенія, зеленые глаза ея горѣли искрами, сквозь нѣжную кожу лица проступалъ живой, необычный ей румянецъ; она улыбалась нѣжно, сосредоточенно и счастливо... Скавронцевъ, глядя на нее, улыбался тоже, улыбался улыбкой, приходившеюся въ извѣстной мѣрѣ сродни тѣмъ, съ какими выступали на смертную арену безтрепетные гладіаторы римскихъ цирковъ...

Онъ продолжалъ все также безтрепетно, также равнодушно

улыбаться и въ ту минуту, когда, вслѣдъ за выскочившимъ изъ вагона и тутъ же исчезнувшимъ въ объятіяхъ матери Анатолемъ Можайскимъ, вышелъ на платформу чернокудрый, высокій и загорѣлый молодой человѣкъ въ бѣломъ кителѣ, съ Георгіевскимъ крестомъ на шеѣ и рукой, подвязанною чернымъ платкомъ, пропущеннымъ подъ золотую рогожку генеральскаго погона съ тремя звѣздочками. Скавронцевъ видѣлъ, какъ пронзительные и блестящіе какъ у Цыгана глаза этого молодаго генерала вонзились мгновенно огненнымъ взглядомъ въ лицо княжны, прижавшейся къ брату въ ожиданіи обнять его въ свою очередь, между тѣмъ какъ рука его учтиво и заблаговременно приподнималась къ козырьку его фуражки. Александра Андреевича всего покоробило отъ этого не то страстнаго, не то лютаго взгляда...

Можайскій, разцѣловавшись съ сестрой, обернулся на половину къ своему спутнику:

— Бахтеяровъ!... Maman, мнѣ, надѣюсь, не зачѣмъ представлять вамъ его, вы его помните, сказалъ онъ и кинулся тутъ же съ распростертыми руками къ подошедшему къ нему Скавронцеву.

Пока они обнимались, Тата и Бахтеяровъ обмѣнивались казенными фразами, которымъ звукъ ихъ голосовъ, долетавшій до Скавронцева, придавалъ въ его разумѣніи совсѣмъ иное значеніе,—значеніе обоюднаго, неудержимаго признанія.

— Прежде всего слѣдовало бы *васъ* спросить, помните-ли вы насъ еще? говорила она своею шепчущею, пронизывающею интонаціей.

— Вы не изъ тѣхъ, которыхъ забываютъ, княжна, отвѣчалъ Бахтеяровъ на какихъ-то бархатныхъ, горловыхъ нотахъ, низко наклоняясь надъ протянутою ему рукой ея.

Пріѣзжихъ дамы взяли съ собой въ коляску. Скавронцевъ поѣхалъ одинъ въ своемъ тарантасѣ. Тройка его сначала то катила за коляской, то, избѣгая колей, еще полныхъ водой выпавшаго наканунѣ дождя, выравнивалась съ ней по другой сторонѣ широкой, обсаженной старыми ракитами дороги; онъ могъ видѣть тогда загорѣвшее и смѣющееся лицо чернокудраго генерала, слегка наклоненное къ сидѣвшей противъ не-

го княжнѣ, могъ угадывать по ея движеніямъ (она прятала лицо отъ солнца за низко спущеннымъ блѣдно-розовымъ парасолемъ), что она сочувственно и счастливо улыбалась его оживленнымъ разсказамъ...

„Пошелъ!“ крикнулъ неожиданно старый гвардеецъ такимъ свирѣпымъ голосомъ, что кучеръ его, молоденькій мальчикъ, даже вздрогнулъ, вытянулъ всю разомъ тройку кнутомъ и тарантасъ помчался впередъ, немилосердно обрызгивая и его, и барина жидкою черною грязью.

Пріѣхали въ Большіе Дворы часу въ восьмомъ, и тотчасъ же сѣли за столъ. Гостя посадили между матерью и дочерью, а по другую сторону княгини долженъ былъ сѣсть Скавронцевъ, по лѣвой рукѣ котораго помѣстился Анатоль. Изъ общаго въ началѣ обѣда разговоръ перешелъ весьма скоро въ частный, вѣрнѣе, распался на двѣ отдѣльныя бесѣды. Мать и сынъ закидывали другъ друга вопросами и разсказами, притягивая къ нимъ то-и-дѣло сидѣвшаго между ними Александра Андреевича, и не замѣчая, повидимому, холоднаго тона его короткихъ, чуть не рѣзкихъ отвѣтовъ (онъ понималъ, что смыслъ этихъ торопливо громкихъ рѣчей состоялъ вовсе не въ томъ, что̀ въ нихъ заключалось, а въ томъ, чтобы подъ звуки ихъ Тата и Бахтеяровъ имѣли возможность свободно и удобно вести свою особую, неслышную рѣчь, полную, судя по выраженію ихъ лицъ, животрепещущаго для обоихъ ихъ интереса). Онъ даже не выдержалъ до конца и на какой-то вопросъ Анатоля, съ любезною заботливостью справлявшагося о его сыновьяхъ, отрѣзалъ, досадливо пожавъ плечами: „И ничего любопытнаго въ этомъ нѣтъ: зубрятъ свою латынь, и, *само собою*, въ эскулапы собираются“, на что̀ Анатоль благодушно засмѣялся, сказавъ: „Дай ихъ Богъ намъ побольше, говорю это по опыту“, и тутъ же началъ длинный и подробный разсказъ о недостаточномъ числѣ врачей въ нашей арміи и объ услугахъ, оказанныхъ ими во время кампаніи.

Кофе перешли пить на большой балконъ съ видомъ на рѣку. Скавронцевъ поспѣшно проглотилъ свою чашку и вслѣдъ за этимъ исчезъ. Минутъ черезъ десять Анатоль, взглянувъ значительно на мать, сказалъ ей:

— Maman, я привезъ вамъ изъ Константинополя un tapis de Smyrne, недуренъ, кажется: хотите посмотрѣть? Я велѣлъ принести его въ зеленую гостиную.

— Ахъ, mercі, mercі, mon cher! воскликнула маленькая княгиня, немедленно вставая съ мѣста,—это такая прелесть ковры турецкіе, les vrais!... Pardon, cher général!

Она любезно улыбнулась гостю, и ушла съ балкона объ руку съ сыномъ. Княжна осталась одна съ Бахтеяровымъ.

Онъ сидѣлъ у самыхъ перилъ, опершись о нихъ локтемъ, съ закинутою подъ затылокъ рукой, и глядѣлъ сіяющими глазами на широкую даль полей, лѣсовъ и деревень, виднѣвшихся верстъ на пятнадцать окружности съ высокой мѣстности Большихъ Дворовъ.

— Какъ хорошъ у васъ видъ, этотъ чисто русскій видъ! заговорилъ онъ,—знаете, княжна, что для меня, проведшаго почти десять лѣтъ жизни въ среднеазіятскихъ степяхъ, подъ безпощаднымъ солнцемъ юга, и теперь тамъ, у Балканъ, эта кроткая природа, съ ея тихо волнующимися линіями, эти мирно плывущія облака — цѣлое откровеніе. Точно, примолвилъ онъ смѣясь,—какъ на старыхъ картинахъ, отверзаются для меня небеса и спускается оттуда въ поученіе мое длинная, узенькая полоса бумаги съ завитушками по концамъ и надписью: „миръ и благоволеніе...“

— Вы остались поэтомъ, молвила на это Тата, тихо улыбаясь и глядя на него изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ.

— Непремѣнно, весело отвѣтилъ онъ,—и даже романтикомъ, и даже хуже того... Я бы, кажется, съ наслажденіемъ теперь сталъ читать пасторальные романы d'Urfé и mademoiselle de Scudéri.

— Это, какъ видно, входитъ dans la spécialité de votre métier, засмѣялась она:—Наполеонъ, говорятъ, возилъ всегда съ собою на войну Оссіана, а Кутузовъ романы madame de Genlis. Отчего же вамъ не читать *l'Astrée* и *le Grand Cyrus*.

Онъ повелъ на нее тѣми же сіяющими глазами.

— Я радъ даже вашимъ насмѣшкамъ, княжна! Такъ давно не доводилось мнѣ быть въ обществѣ женщинъ, *настоящихъ* женщинъ, подчеркнулъ онъ.

— Вы развѣ ни съ одною... *такою* не встрѣчались съ тѣмъ поръ, какъ мы не видѣлись? спросила Тата съ какою-то робкою задержкой въ голосѣ.

Онъ на мигъ воззрился ей въ лице внимательно, почти строго, но также быстро улыбнулся прежнею, веселою улыбкой:

— Да, сказалъ онъ вскользь,—но это совсѣмъ другое дѣло... Я говорю про тѣхъ свѣтскихъ, тонкихъ, блистательныхъ, à mille facettes, какъ говорятъ Французы, женщинъ, о которыхъ тѣ же Французы давно рѣшили: „la femme slave, cette dernière expression de la *femme*, женщинъ какъ вы, княжна...

— Vous ne voyez en moi que la femme du monde... puisque „femme“ il y a? примолвила она со слабою усмѣшкой и тономъ упрека.

— Боже сохрани, еслибы вы были чѣмъ-нибудь инымъ, живо вскликнулъ онъ;—вѣдь это все равно, еслибы колибри ощипалъ себѣ добровольно свои радужныя перья и нарядился бы въ плебейскій мундиръ воробья или чижика.

Она хотѣла возразить и пріостановилась, увидавъ слугу, вышедшаго въ эту минуту изъ комнатъ на балконъ и почтительно остановившагося у дверей въ выжидательной позѣ.

— Что вамъ надобно? спросила она.

— За ихъ превосходительствомъ лошади изъ Соковнина прибыли, доложилъ онъ съ полупоклономъ въ сторону Бахтеярова.

— Что жъ это значитъ, развѣ вы такъ спѣшите? почти испуганно вырвалось у нея.

— Не я, а, какъ видно, нежданный благодѣтель мой и невѣдомый дядя спѣшитъ узрѣть меня скорѣе, отвѣтилъ насмѣшливо Бахтеяровъ;—я ему впрочемъ телеграфировалъ изъ Одессы, что такого-то числа думаю быть у васъ; Анатоль мнѣ говорилъ, что дорога къ нему мимо васъ идетъ, онъ и прислалъ.

— Отошлите ихъ! Когда вамъ вздумается... завтра... васъ отвезутъ на нашихъ лошадяхъ.

— Нѣтъ, все равно... Скажите, что хорошо! отослалъ онъ слугу кивкомъ и, обратившись къ Тата, заговорилъ съ новымъ оживленіемъ:

— Мы тамъ съ вашимъ братомъ, въ этомъ невыносимомъ

Санъ-Стефано, каждый день утѣшали себя говоря о васъ. Мнѣ ужасно хотѣлось васъ видѣть... Писалъ онъ вамъ объ этомъ?

— Писалъ, чуть слышно промолвила она, глядя на него опять изъ-подъ полуопущенныхъ вѣкъ тѣмъ взглядомъ, который, она знала, вмѣстѣ съ ея шепчущимъ голосомъ, составлялъ одну изъ неотразимѣйшихъ прелестей ея.

— Вы всегда, продолжалъ онъ,—были для меня самымъ— какъ бы выразить это точнѣе?.. самымъ мучительнымъ воспоминаніемъ моего прошлаго,—а вы знаете, что ничто такъ не дорого человѣку, какъ его мýки,—казались мнѣ сфинксомъ, разгадки котораго я долго добивался со страстью, всѣми нервами моего существа... И я никогда не могъ забыть того времени... И вотъ вы опять предо мной, и я также жадно хотѣлъ бы узнать теперь, что̀ вы, ка̀къ, какъ жили съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ васъ, что̀ вынесли изъ вашей жизни за это время?...

— Какъ жила? повторила Тата, унесенная горячностью его рѣчи, его цыганскими глазами, всѣмъ его оригинальнымъ, мужественнымъ, блестящимъ складомъ ума и наружности,— что̀ вынесла изъ этой vie du monde, которую вы такъ справедливо ненавидѣли *въ то время*, а теперь вдругъ почему-то находите прелестною, кажется? Я старалась прижаться, сузиться, погасить себя до уровня пониманія каждаго веселаго гусарика или мрачнаго флигель-адъютанта, и дошла чуть не до идіотизма... Вотъ какъ я жила и что̀ вынесла!..

Бахтеяровъ сочувственно закивалъ головой:

— Ну да, ну да! „La femme slave“, которой l'homme slave все до этихъ поръ не достоинъ развязывать ботинки... Очень ужь вы умны были всегда, княжна!

— Умна?... Не знаю, раздумчиво молвила она; — вѣрно только то, что у насъ ума пуще пожара боятся.

— Еще бы! онъ громко разсмѣялся:—мы это *тамъ* боками своими испытали.

Она взглянула на него съ какою-то невольною и счастливою гордостью:

— Къ счастью, вы принудили людей сдѣлать для васъ исключеніе...

Онъ чуть-чуть наклонился въ знакъ благодарности и пожалъ беззаботно плечами:

— Кривая вывезла, говоря нашимъ армейскимъ языкомъ: одинъ изъ вашихъ петербургскихъ умниковъ далъ мнѣ издавна кличку „un frondeur doublé de cerveau brulé“ и подъ нею я успѣлъ бы преспокойно зарости травой, еслибы на мое счастіе, дѣйствительно, не случилось такъ, что въ извѣстную минуту понадобился именно такой „frondeur“ на подкладкѣ сорви-головы. Я былъ, такъ-сказать, Чацкій той минуты...

Онъ прервалъ себя вдругъ и взглянулъ еще разъ на Тата проницающимъ, неласковымъ взглядомъ:

— Вы ихъ всегда очень не жаловали, Чацкихъ, княжна, не правда-ли? спросилъ онъ, засмѣявшись короткимъ, заставившимъ ее вздрогнуть внутренно смѣхомъ.

Но она издавна предчувствовала возможность этого намека на прошлое и изготовила на него отвѣтъ:

— Да, сказала она, глядя какъ бы съ замѣшательствомъ въ сторону, и даже весьма искренно краснѣя при этомъ,— я была слишкомъ горда, можетъ-быть, но никогда не въ состояніи была признать *моими* героями Чацкихъ Lizzy Ваханской.

Бахтеяровъ безсознательно потянулся къ ней своею курчавою головой, какъ бы съ тѣмъ, чтобы ближе выслѣдить игру ея лица; онъ прижмурилъ глаза не то подозрительно, не то недоумѣвая...

— Вы серьезно думали, проговорилъ онъ съ разстановкой,—что маленькая графиня играла для меня роль Софьи Павловны?

Тата разсмѣялась:

— Очень было похоже во всякомъ случаѣ!

— И вы продолжаете это думать? спросилъ онъ почти шепотомъ.

Черты ея тотчасъ же приняли прежнее вдумчивое выраженіе; она повела на него долгимъ взглядомъ и медленно проговорила:

— Нѣтъ, *теперь* я этого не думаю!...

— Вы не думали этого и тогда! пылко вскликнулъ онъ;— вы не могли этого думать! Вы знали, что я любилъ васъ?

— Да, протянула она также тихо,—но... насколько?

— Насколько? съ горечью повторилъ онъ;—на это чувство пошла вся моя молодость, вся, вотъ мой отвѣтъ! А вы... я впрочемъ вовсе не думаю винить васъ, перебилъ онъ себя тутъ же,—напротивъ, я (васъ можетъ-быть удивитъ это признаніе), я вамъ обязанъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ вы меня видите теперь, и меня давно мучило желаніе свидѣться съ вами, чтобъ именно это выразить вамъ... Я не родился честолюбивымъ; во мнѣ, дѣйствительно, было сызмала расположеніе къ дешевому „фрондерству“, которое, по всей вѣроятности, привело бы меня, какъ столь многихъ у насъ, лишь къ полнѣйшему умственному безплодію, еслибъ я не встрѣтился съ вами. Вы стояли далеко отъ меня тогда... Помните этотъ стихъ изъ *Рюи-Блаза:*

„Moi, pauvre ver de terre, amoureux d'une étoile“?

Я себѣ сто разъ на день повторялъ этотъ стихъ въ тѣ дни. Надо было поднять себя, надо было достигнуть до этой „звѣзды“! Это было безуміе, пожалуй: вы десять разъ могли выйти замужъ за другаго прежде, чѣмъ я былъ бы въ состояніи добиться того, что могло мнѣ дать право домогаться васъ. Но все равно, во мнѣ пробудилась тогда такая вѣра, такая сила вѣры въ себя и въ будущее... И это придавало всему, что я ни дѣлалъ, какую-то необыкновенную цѣпкость, твердость и послѣдовательность, всегда увѣнчивавшіяся успѣхомъ. Я шелъ впередъ съ быстротой, примѣры которой рѣдки... И вотъ тогда, послѣ Хивинскаго похода, я вернулся въ Петербургъ... Но всего, что успѣлъ я пріобрѣсти тогда, всего этого въ глазахъ вашихъ было еще недостаточно...

Тата слушала его съ трепетавшимъ сердцемъ; слова его, будто какой-то божественный напитокъ, лились ей въ душу и наполняли ее невыразимо сладостнымъ чувствомъ. Не безвѣстный юноша, не пылкій офицерикъ расточалъ ей теперь признанія, обѣты; говорилъ человѣкъ, котораго имя знала вся Россія, который приносилъ ей съ собою одно изъ самыхъ

завидныхъ положеній въ государствѣ... Да, этотъ блестящій человѣкъ, единственный умѣвшій найти доступъ къ ея мраморному сердцу, онъ все такъ же, какъ и во дни юности, былъ у ея ногъ, она не могла сомнѣваться въ этомъ: вся его жизнь, сказалъ онъ сейчасъ, была какой-то священный культъ „звѣзды“, какою она была для него, неустанное стремленіе „достигнуть“ ея. Да, она имѣла право гордиться и быть счастливою теперь. Еще одно, послѣднее слово въ придачу къ его огненнымъ рѣчамъ, и судьба вознаградитъ ее съ избыткомъ за долгіе годы недочетовъ, тоски, отчаянія... О, скорѣй же, скорѣй понудить его сказать это желанное слово!...

— Недостаточно! повторила она дрожащимъ голосомъ, и поднесла руку къ глазамъ: — для другихъ можетъ-быть... Но вы тогда сами, добровольно, уѣхали, не давъ себѣ труда узнать, что̀ я лично могла думать объ этомъ, договаривала она чуть слышно, склоня голову и отымая руки отъ глазъ. „Вотъ, вотъ, сейчасъ, онъ скажетъ“, проносилось въ головѣ ея; ожиданіе сжимало ей грудь до боли...

Онъ заговорилъ опять, но это было не совсѣмъ то, чего она ждала:

— Я уѣхалъ потому, что мнѣ, къ несчастію, нечего было узнавать отъ васъ, княжна, произнесъ онъ медленно и твердо,—я зналъ... *Вы* могли забыть, понятно, но у меня неумолимая память; я помню все и ничего никогда не забываю... Нѣтъ, то, что̀ вы могли бы мнѣ сказать тогда, было бы для меня *недостаточно*.

Ей вдругъ стало страшно: она уронила руку, вскинула и остановила на немъ глаза.

— Ecoutez général, начала она, силясь улыбнуться и скрыть обнимавшую ее тревогу подъ развязнымъ тономъ шутки,—вы умны и тверды, и герой, все, что̀ хотите, но въ нашемъ женскомъ сердцѣ вы также мало понимаете, какъ и всѣ мужчины! Вы неспособны принять въ разсчетъ, взвѣсить, сколько въ немъ вѣчно бываетъ свойственныхъ намъ однѣмъ сомнѣній, противорѣчій, неожиданныхъ для него самого капризовъ борьбы... борьбы съ другими, близкими, со всякими parti pris и установленными взглядами, съ самимъ собою на-

конецъ... Вотъ вы говорите, что все помните, а помните-ли, что однажды при мнѣ сказала вамъ Lizzi: „Souvent un coeur est tout prêt à se rendre, mais il faut tout de même le prendre d'assaut?...“ Но вы желали брать d'assaut, кажется, одни азіатскіе и турецкіе города...

Бахтеяровъ усмѣхнулся невольно, и нѣкоторое время затѣмъ оставался безмолвнымъ. Онъ пристально глядѣлъ на нее, какъ бы любуясь ею и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы готовя о ней внутри себя какое-то рѣшеніе, которое она въ свою очередь ждала съ тайнымъ содроганіемъ всего своего существа. То „послѣднее“ слово, которое почитала такъ близкимъ она за мгновеніе предъ тѣмъ, уходило теперь, она понимала, въ какую-то смутную, колеблющую даль...

— Можетъ быть, я съ вами спорить не стану, началъ онъ наконецъ,—я былъ, можетъ-быть, слишкомъ робокъ... или слишкомъ требователенъ, какъ вамъ угодно... Но важно дать напиться человѣку, когда онъ умираетъ отъ жажды, а... а не послѣ, словно проглотилъ онъ.

— Послѣ чего? спросила блѣднѣя Тата.

Онъ будто не слышалъ этого вопроса и продолжалъ:

— Какъ бы ни было, я уѣхалъ тогда съ твердымъ намѣреніемъ вырвать все это изъ души, изъ памяти, и... и не могъ... Не могъ заглушить той мучительной жажды любви, счастія, взаимности... Въ азіатской степи, вдали отъ водоворота людскаго, человѣку некуда выкинуть избытокъ своихъ ощущеній; они, какъ рѣдкіе дожди тѣхъ странъ, падаютъ капля за каплей въ тотъ же глубокій колодезь его внутренняго *я*, переполняя его иной разъ до невыносимой муки. Мнѣ очень часто представлялось въ то время, что мнѣ придется непремѣнно кончить самоубійствомъ или сумасшествіемъ.

— И вы никому не писали оттуда, не желали вѣстей ни о комъ? вскликнула наша княжна съ загорѣвшимися опять надеждой глазами.

Бахтеяровъ пожалъ плечомъ.

— Къ чему? Жажда у меня, я сказалъ вамъ, оставалась та же, но надеждъ уже не существовало никакихъ. Въ душевной моей мельницѣ отсутствовало зерно, жернова мололи

a vide и стирали только другъ друга, примолвилъ онъ садясь, и замолкъ.

— И... и что же теперь? замирающимъ голосомъ и со взглядомъ, полнымъ тревоги, проговорила черезъ минуту Тата.

Онъ отвѣчалъ на этотъ взглядъ тѣмъ горячимъ и *лютымъ* взглядомъ, съ какимъ, по впечатлѣнію произведенному имъ на Скавронцева, глядѣлъ онъ на нее въ первую минуту встрѣчи ихъ на станціи, но голосъ его въ то же время зазвучалъ какимъ-то страннымъ, невольнымъ волненіемъ:

— Я женюсь, княжна! сказалъ онъ.

Зрачки ея широко, испуганно раскрылись, губы дрогнули:

— Вы... же... На комъ? словно захлебываясь пролепетала она.

— Вы ея не знаете, она Москвичка, поспѣшно отвѣтилъ онъ;—мы встрѣтились тамъ, въ Болгаріи... Она пріѣхала съ матерью сестрами милосердія. Ей девятнадцать лѣтъ... Раненые называли ее райскою птичкой; она совсѣмъ ребенокъ, кроткая, ясная, голубоглазая...

— Но... Анатоль ничего намъ не писалъ объ этомъ, растерянно молвила Тата.

— Онъ ничего не зналъ... и я самъ... Судьба, княжна! Пока мы были тамъ, за Балканами, она чуть не умерла отъ тифа. Мать едва довезла ее до Одессы. И вотъ, пріѣзжаю я туда теперь и на балконѣ гостиницы, куда меня привезли со станціи, вижу вдругъ это милое, исхудалое личико...

Какая-то проницающая, задушевная нѣжность, на какую казалось ей, никогда не былъ способенъ голосъ этого человѣка, слышалась теперь княжнѣ въ его словахъ. „Онъ любитъ эту дѣвочку, какъ никогда меня не любилъ!“ рѣзнуло ее, какъ ножомъ по сердцу. Она заглушила на мигъ чувство безумнаго отчаянія, палившее ея душу, встряхнулась вся, улыбнулась всѣмъ лицомъ и, протягивая ему руку, вымолвила ровнымъ, звучнымъ голосомъ, безъ иронiи и безъ смущенія:

— Agréez donc, cher général, mes compliments et mes voeux les plus sincères!

Онъ живо наклонился, крѣпко прижалъ къ губамъ эту

протянутую руку и воскликнулъ съ искреннимъ увлеченіемъ,— восхищаясь этою „красивою игрой“:

— Спасибо вамъ, княжна, et vive „la femme slave!...“

Они глянули разомъ другъ другу въ глаза, и оба тутъ же отвернулись... Ему стало вдругъ страшно жаль ее и безконечно стыдно за себя. Горячій румянецъ проступилъ сквозь его смуглую кожу. Тата прищурившись устремила взоръ за рѣку, на даль, озаренную свѣтомъ низко опускавшагося солнца...

Такъ прошло нѣсколько мгновеній.

— Мнѣ нужно было бы однако пріѣхать къ моему старику еще засвѣтло, нѣсколько невѣрнымъ тономъ прервалъ первый молчаніе Бахтеяровъ,—надо отыскать вашего брата...

— До свиданія, надѣюсь, на возвратномъ пути? сказала княжна, учтиво оборачиваясь къ нему.

— Если позволите...

Онъ низко поклонился ей и вышелъ.

Черезъ пять минутъ, едва слышнымъ шагомъ, но ужасно торопясь и еще издали сложивъ свои высохшія уста въ робкую вопросительную улыбку, нырнула на балконъ маленькая княгиня.

— Eh bien, ma chérie? добѣжавъ до кресла дочери и наклоняясь къ самому ея лицу, спросила она таинственно.

— Онъ женится! съ холодною усмѣшкой, отъ которой бѣдная мать въ свою очередь заледенѣла тутъ же отъ головы до пятокъ, выговорила Тата: — не на мнѣ, само собою, soyez tranquille!

И она поднялась съ мѣста.

Княгиня, всплеснувъ руками, готовилась вскрикнуть...

— Maman, пожалуста безъ отчаяній! злобно остановила ее дочь:—однимъ больше, однимъ меньше, не все-ли равно!...

Она направилась къ двери.

— Mais, Tata, ma chère, куда же ты идешь теперь? совсѣмъ растерявшись, вскрикнула княгиня.

— Иду къ себѣ,—и очень прошу васъ и Анатоля не приходить ко мнѣ и не посылать за мной. Я очень хорошо знаю,

что вы оба можете мнѣ сказать въ эту минуту et je ne suis pas d'humeur à l'entendre!

Она ушла, а бѣдная мать, уронивъ свою маленькую, жидкую особу въ кресло, въ которомъ сидѣла княжна, залилась горючими слезами, нажавъ себѣ предварительно для этого батистовый платокъ обѣими руками на глаза.

Ночью, часу въ двѣнадцатомъ, Александръ Андреевичъ Скавронцевъ вышелъ изъ флигеля своего въ садъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Онъ тотчасъ послѣ обѣда велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь и поскакалъ на ней въ степь, откуда, измучивъ бѣдное животное бѣшеною, безцѣльною скачкой, вернулся часа черезъ два и у въѣзда въ Большіе Дворы наткнулся на выѣзжавшаго Бахтеярова. Молодой генералъ сидѣлъ въ коляскѣ, присланной за нимъ изъ Соковнина, и со странно озабоченнымъ, какъ показалось Скавронцеву, лицомъ глядѣлъ на кучера своего и деньщика, суетившихся около одной изъ пристяжныхъ четверки, перекинувшей ногу черезъ постромку. Александръ Андреевичъ машинально пріостановилъ свою лошадь и замѣтилъ, что „постромки коротки". Пришлость отпустить ихъ.

— Cara patria! Нашъ вѣковой неурядъ вездѣ и во всемъ! сказалъ досадливо усмѣхаясь Бахтеяровъ, учтиво въ то же время отвѣчая нъ короткій поклонъ Скавронцева.

— Некому видно присмотрѣть у нихъ тамъ! отвѣтилъ на это неопредѣленно и не сейчасъ старый гвардеецъ, глядя не на него, а на испуганно дрыгавшую ногой пристяжную.

— Славный у васъ конь! замѣтилъ черезъ нѣсколько времени генералъ.

— Д-да, молодой... шестой годъ, небрежно проговорилъ на это тотъ.

Кучеръ справившись полѣзъ на козлы.

— Позвольте попросить васъ, заговорилъ опять Бахтеяровъ,—передать князю Можайскому, что еслибы мнѣ какънибудь нельзя было на возвратномъ пути заѣхать къ нему (я черезъ три дня долженъ быть въ Одессу, а оттуда въ армію),

я прошу его и почтенную его матушку извинить меня и принять искреннюю мою благодарность за ихъ добрый пріемъ.

Александръ Андреевичъ открылъ большіе удивленные глаза, хотѣлъ что-то спросить, но не спросилъ, а только поклонился въ знакъ того, что „не примину, молъ, исполнить...“

Генералъ въ свою очередь поднесъ руку къ своей бѣлой походной фуражкѣ... Коляска покатила.

„Задача!“ со странною смѣсью любопытства, какой-то глухой радости и стыда за эту радость, говорилъ себѣ Скавронцевъ, очутившись у себя дома и шагая обычнымъ своимъ быстрымъ шагомъ вдоль комнатъ, тускнѣвшихъ въ предвечерней мглѣ:—„на объявленнаго жениха далеко не похожъ, да и возвращаться даже, очевидно, не намѣренъ... Сорвалось у нихъ опять что̀-ли?...“

Онъ вдругъ, какъ бы не совладавъ съ хаосомъ давившихъ ощущеній, опустился на диванъ, закинувъ обѣ руки за голову и судорожно прижмуривъ глаза. Онъ просидѣлъ такъ безмолвно и недвижно до самой ночи.

Нарождавшійся мѣсяцъ слабо свѣтилъ на поблѣднѣвшемъ небѣ. Старые клены, точно шевеля пальцами, мѣрно шуршали своими широкими листьями. Соловей, какъ бы нѐ-хотя, прерываясь и обрывая, урчалъ гдѣ-то въ чащѣ...

Въ домѣ, повидимому, все спало, только въ верхнемъ этажѣ, въ кабинетѣ Анатоля, выходившемъ напротивъ флигеля „главноуправляющаго“, виденъ былъ еще свѣтъ.

Александръ Андреевичъ, проходя мимо, безсознательно поднялъ голову и пріостановился. До него донесся говоръ двухъ голосовъ: словъ не слышно было, но онъ по звуку различилъ голоса Анатоля и его матери.

Они тутъ же смолкли, а черезъ нѣсколько мгновеній погасъ и свѣтъ въ кабинетѣ. „Княгиня ушла, онъ пошелъ провожать ее до спальни“, сказалъ себѣ Скавронцевъ, проходя далѣе.

Его тянуло подъ окно Тата. „Что̀ она, какъ?“ хмурясь, упрекая себя въ „глупости“ и то-и-дѣло пріостанавливаясь на пути отъ волненія, заливавшаго ему грудь, говорилъ себѣ Скавронцевъ...

Онъ замеръ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ея балкона. Изъ глубины ближайшей комнаты, сквозь отворенную настежь дверь, пламя одинокой свѣчи добѣгало трепещущимъ лучомъ до длиннаго кресла, въ которомъ она, въ бѣломъ ночномъ пеньюарѣ, полулежала, блѣдная какъ и ея ткани, съ руками безжизненно опущенными на колѣни, устремивъ пронзительно глядѣвшіе впередъ глаза прямо на него, на Скавронцева...

Она слышала издали шаги его, она его видѣла, она словно ожидала его тутъ.

— Ну, что же, вы довольны? проговорила она прежде, чѣмъ онъ успѣлъ разглядѣть ее хорошенько, сообразить, притти въ себя...

Онъ поднялся къ ней на балконъ, остановился... Ноги его дрожали...

— Чѣмъ „доволенъ“, что это вы? проговорилъ онъ въ смущеніи.

— А вы не знаете еще? отвѣтила она кроткимъ, желчнымъ смѣхомъ:—*они* вамъ еще не повѣряли, не плакали, не жаловались?..

— Я никого не видѣлъ...

— А я имѣла удовольствіе... Я просила ихъ оставить меня одну, не мучить... но братецъ, Анатолій Васильевичъ, счелъ долгомъ притти объясняться... и колоть, будто я сама... будто мало мнѣ всего этого униженія...

Голосъ ея оборвался; она глядѣла на Скавронцева сверкающими, злыми глазами:

— Онъ, изволите видѣть, все сдѣлалъ, все подготовилъ, „какъ всегда“, какъ „всю жизнь свою“, но я также, „какъ всегда“, я сумѣла все разстроить, все испортить... Они десять лѣтъ, видите-ли, не могутъ съ рукъ меня сбыть; все такъ хорошо, умно подготовятъ и, не смотря на это, все каждый разъ обрывается по *моей* винѣ... Братецъ теперь рѣшительно отказывается отъ дальнѣйшихъ стараній; „il ne peut plus rien“, онъ предоставляетъ меня моей несчастной судьбѣ“, à mon triste sort“, онъ такъ и сказалъ... Красиво, не правда-ли?... Я его попросила уйти... Еслибъ онъ не послушался, я побѣжала бы кинуться въ рѣку... Вы его видѣли? спросила она вдругъ.

— Кого, Анатоля?

— Нѣтъ, какъ отрѣзала Тата,—*того?*

— Мы встрѣтились, когда онъ уѣзжалъ... Онъ просилъ меня передать Анатолю его благодарность и прочее, если ему не случится самому быть у васъ еще разъ, молвилъ Скавронцевъ, не отрывая отъ нея взгляда;—онъ сказалъ мнѣ при этомъ, что черезъ три дня ѣдетъ обратно въ армію. Я, признаюсь, тутъ же подумалъ...

— Что я ему отказала и теперь, какъ два раза предъ этимъ? не дала ему договорить она и засмѣялась снова своимъ желчнымъ, судорожнымъ смѣхомъ.—Нѣтъ, онъ взялъ свое на этотъ разъ, онъ отомстилъ, скверно, жестоко, подло отомстилъ мнѣ, женщинѣ!.. Lizzy Ваханская предваряла меня: „Gare à Méphisto!“ говорила она. Онъ не умѣетъ прощать, этотъ человѣкъ, онъ... Онъ хорошо сдѣлалъ! неожиданно, голосомъ глубокаго отчаянія, отъ котораго перевернуло всю внутренность у Скавронцева, воскликнула она,—онъ нашелъ себѣ „тихую, ясную, голубоглазую“ дѣвочку, которая, вѣроятно, никогда и не помышляла о такомъ счастіи и будетъ любить просто его, а не его „position sociale“, не наслѣдство Соковнина... Онъ знаетъ, что у *насъ* это иначе ведется, что *насъ* воспитываютъ для того, чтобы мы сами молодость свою, умъ сердце, красоту умѣли предлагать au plus offrant...

Скавронцевъ глядѣлъ на нее, усиленно переводя дыханіе, съ мучительной тоской, съ безконечною любовью...

— Что же вы молчите, воскликнула она съ гнѣвомъ,—развѣ у васъ словъ никакихъ на это нѣтъ?

Онъ какъ былъ, самъ не вѣдая, что дѣлаетъ, упалъ къ ея ногамъ, прижимаясь головою къ ея колѣнямъ:

— Что же мнѣ говорить? шепталъ онъ, весь дрожа въ какомъ-то водоворотѣ охватившаго его неотразимаго чувства;—я не знаю, что это за человѣкъ, что это за люди!... Знаю то, что еслибы былъ я на его мѣстѣ, такъ и схватилъ бы я васъ обѣими руками, прижалъ бы къ себѣ, не выпускалъ бы до самой смерти...

Голова его пылала полымемъ. Не помня себя, онъ охва-

тилъ ея станъ, привлекая ее къ себѣ съ неудержимой уже страстью безумнаго желанія...

— И вы одни... одни любите меня на этомъ свѣтѣ! лепетала она разсѣянно и безмолвно, отдаваясь его дружескимъ поцѣлуямъ...

И вдругъ вспрянула, оттолкнула его всею силою своихъ рукъ:

— Оставьте меня, какъ вы смѣете... вы негодяй!...

На другой день, часу въ девятомъ утра, горничная княжны принесла Александру Андреевичу въ запечатанномъ конвертѣ письмо слѣдующаго содержанія:

„Вы должны понять, что видѣть васъ, жить подъ однимъ кровомъ, я не въ состояніи. Жду отвѣта.“

Губы его чуть-чуть изогнулись въ горькую усмѣшку...

— Хорошо, спокойнымъ голосомъ сказалъ онъ горничной, разрывая какъ бы въ разсѣянности принесенную ею записку въ мелкіе кусочки,—скажите княжнѣ, что я уже велѣлъ запрягать лошадей и выѣзжаю черезъ полчаса, и всѣ ея порученія въ городѣ исполню аккуратно.

Анатоль Можайскій, очень удивившійся внезапному отъѣзду своего управляющаго, не предварившаго его объ этомъ ни единымъ словомъ, пришелъ въ совершенное недоумѣніе, получивъ отъ него дня черезъ три письмо, адресованное изъ города, въ которомъ проживала семья Александра Андреевича, и извѣщавшее, что онъ, Скавронцевъ, узнавъ, что правительство, „въ виду непріятностей, дѣлаемыхъ ему Беконсфильдомъ“, намѣрено отправить „значительныя силы къ границамъ Индіи“, рѣшилъ „попытаться военнаго счастія“, то-есть поступить въ туркестанскую армію. При этомъ упоминалось въ короткихъ словахъ, что подробный отчетъ по управленію имѣніями, приготовленный къ пріѣзду хозяина, равно и состоящія по кассѣ суммы сданы главному конторщику Фирсову, въ чемъ и дана симъ послѣднимъ Скавронцеву прилагаемая къ письму расписка.

„Онъ съ ума сошелъ!“ рѣшилъ Анатоль,—и въ тотъ же

день покатилъ по желѣзной дорогѣ въ *** „отыскать и усовѣстить этого *оригинала*...“ Но онъ его уже тамъ не засталъ...

Улыбнулось-ли „военное счастье“ Александру Андреевичу въ Средней Азіи, невѣдомо никому, такъ какъ онъ никому не пишетъ. Его ожирѣвшая, но неизмѣнно вѣрною ему пребывающая Вѣрочка льетъ о немъ нескончаемыя слезы, какъ о покойникѣ, хотя въ спискахъ объ умершихъ, за которыми трепетно слѣдитъ она по *Русскому Инвалиду*, имя его до сихъ поръ не значилось...

Княжна Тата прошлою зимою собралась было совсѣмъ въ монастырь, но вдругъ отложила намѣреніе, такъ какъ графиня Нелли Авалова, продолжающая „обожать“ ее все съ тою же изысканною и тонкою экзальтаціей чувствъ, придумала сосватать ей „un sien oncle“, графа де-Браге, офранцуженнаго Шведа, владѣющаго замкомъ въ Альзасѣ, человѣка лѣтъ довольно зрѣлыхъ, „mais très bien conservé“, судя по присланной имъ племянницѣ на этотъ предметъ фотографической карточкѣ, получившей полную аппробацію со стороны маленькой княгини и ея сына. Карточку княжны графиня Нелли, въ свою очередь, отправила „en toute confidence“ къ альзасскому дядѣ, который со слѣдующею же почтой заявилъ, что находитъ „изображенную на ней особу aussi distinguée que charmante“. Сватовство путемъ переписки идетъ, кажется, на этотъ разъ серьезно на ладъ. Вопросъ въ послѣднее время стоялъ только на томъ, будетъ-ли назначенное „à la princesse Natalia“ приданое уплачено „en metalliques ou en papier-roubles“, что должно было окончательно рѣшить пріѣздъ или непріѣздъ графа де-Браге въ Россію. Но маленькая княгиня не сомнѣвается, что онъ пріѣдетъ, такъ какъ это теперь зависитъ только отъ „legér sacrifice“ со стороны Анатоля въ пользу сестры, а она очень хорошо знаетъ, что Анатоль „всегда только о томъ и думалъ, чтобы Тата „fasse un parti convenable“.

КОНЕЦЪ.

ЛѢСНИКЪ.

ЛѢСНИКЪ.

РАЗСКАЗЪ *).

(Княгинѣ Софіи Михайловнѣ Голицыной).

I.

Послѣ трехгодичнаго отсутствія, весною 1873 года, Валентинъ Алексѣевичъ Ковержневъ пріѣхалъ въ Черниговское имѣніе свое, Темный Кутъ.

Валентину Алексѣевичу было въ ту пору 36 лѣтъ; онъ былъ богатъ, здоровъ и независимъ, какъ птица въ небѣ, — если только допустить, что человѣкъ вообще, и русскій въ особенности, способенъ быть независимымъ въ этой мѣрѣ...

Во всякомъ случаѣ, условія жизни его и воспитанія и его личныя свойства весьма способствовали этой независимости,— составлявшей (онъ любилъ это говорить иногда,) „и задачу, и сущность его существованія“.

Онъ былъ внукъ по матери одного изъ извѣстныхъ Екатерининскихъ любимцевъ, жалованнаго огромными помѣстьями на югѣ Россіи; дѣтство Ковержнева — его воспитывалъ безо всякаго вмѣшательства и контроля со стороны его родныхъ, прямой, жесткій и отважный характеромъ англичанинъ mister Joshua Fox,—протекло частью за границей, въ Швейцаріи

*) Впервые былъ напечатанъ въ №№ 41, 42, 43, 44 и 45 „Нивы“, за 1880 годъ.

или Римѣ, частью въ Россіи, въ Москвѣ, въ Екатеринославскомъ имѣніи, или въ Темномъ Кутѣ, въ безбрежныхъ лѣсахъ котораго пропадалъ онъ на цѣлые дни со своимъ наставникомъ, страстнымъ любителемъ охоты. На семнадцатомъ году онъ поступилъ въ Петербургскій университетъ на историко-филологическій факультетъ.

Онъ кончилъ тамъ курсъ, когда, почти одновременно, лишился отца своего и матери. Двадцати лѣтъ отъ роду онъ остался одинъ, во главѣ состоянія тысячъ во сто доходу.

Эта пора его первой молодости совпала со временемъ небывалаго до тѣхъ дней возбужденія русскаго общества. Какъ птицы на зарѣ свѣтлаго дня, встрепенулись въ тѣ дни сердца, закипѣла мысль, загремѣли хоры молодыхъ звонкихъ, часто нестройныхъ, почти всегда искреннихъ въ своемъ увлеченіи, голосовъ.

Коверзневъ остался какъ бы въ сторонѣ отъ этого возбужденія. Строже говоря, оно затронуло его не съ той стороны, съ которой отзывалось на него большинство его одногодковъ... Недаромъ воспитанъ онъ былъ англичаниномъ, — чистокровнымъ англичаниномъ-реалистомъ. Ему претило все, что отзывалось, или казалось ему „фразою“,—„*абстрактомъ* и сентиментальною теоріею“, какъ выражался онъ. Онъ искренно былъ радъ, что наслѣдованные имъ пять или шесть тысячъ душъ крестьянъ перестаютъ быть его крѣпостными,— онъ даже отвелъ имъ надѣлы съ неожиданною для нихъ щедростью,—но „гражданское воспитаніе“ этого освобожденнаго народа,—о чемъ такъ много горячихъ толковъ и юношескаго гама было въ тѣ времена, — нисколько не озабочивало его. „Имъ все дано, чтобы сдѣлаться *людьми;* хотятъ — будутъ, а не хотятъ — ихъ дѣло, съ какою-то напускною, не русскою холодностью говорилъ воспитанникъ мистера Фокса. Во всемъ этомъ великомъ дѣлѣ обновленія Россіи для него важнѣе всего было то, что самъ онъ, Валентинъ Коверзневъ, „переставалъ быть крѣпостнымъ“, что прежніе путы традицій, обычая, „условныхъ обязанностей“, связывавшіе до тѣхъ поръ людей „его положенія“, распадались теперь сами собой, силою всѣхъ этихъ „либеральныхъ“ реформъ, что никто теперь

не станетъ принуждать его сдѣлаться конно-гвардейцемъ и камеръ-юнкеромъ, не „запряжетъ его въ службу“. Это понятіе *службы* Коверзневъ ненавидѣлъ чисто англійскою ненавистью: съ нимъ въ его мысли—вѣрнѣе, въ его инстинктѣ,—соединялось неизбѣжно понятіе о ярмѣ, о лжи и приниженіи человѣческаго достоинства, „необходимыхъ послѣдствіяхъ подначалія“. „*Чему*-бы тамъ ни служить“, доказывалъ онъ, „какъ бы это ни называть и во имя чего бы это ни дѣлать, а разъ *слуга*—ты уже не человѣкъ, а *рабъ*“.

Въ силу такихъ своеобразныхъ убѣжденій, Коверзневъ, сдавъ свой послѣдній экзаменъ, уѣхалъ за границу. На первый разъ онъ пробылъ тамъ пять лѣтъ, — вернулся, опять уѣхалъ... Такъ прошли многіе годы, такъ жилъ онъ и до сихъ поръ. Постоянная перемѣна мѣстъ, новыя лица, новыя впечатлѣнія сдѣлались потребностью его существованія. Онъ то охотился на бизоновъ въ американскихъ саваннахъ, или ходилъ облавою на тигровъ въ Индіи, то пристращался къ морю, плылъ на своей яхтѣ изъ Лондона въ Египетъ на Мадеру. Изрѣдка, всегда неожиданно, возвращался онъ въ Россію, оставаясь какъ можно менѣе въ Петербургѣ, гдѣ, онъ уже зналъ по опыту, ему, какъ богатому жениху, въ свою очередь предстояла роль звѣря, на котораго неудержимою облавою пойдетъ вся стая великосвѣтскихъ маменекъ и дочекъ...

II.

Такъ же неожиданно пріѣхалъ онъ и въ Темный Кутъ. Софронъ Артемьичъ Барабашъ, управляющій его, родомъ изъ малороссійскихъ казаковъ, но, какъ выражался онъ, „получившій свое образованіе въ Москвѣ“, гдѣ онъ, дѣйствительно, выучившись читать, писать и считать, провелъ юность свою писцомъ въ состоявшей, при матери Ковернева, ея московской „главной конторѣ“, былъ смышленный малый, который какимъ-то верхнимъ чутьемъ угадывалъ „ндравъ“ барина и „попадалъ въ точку“ его вкусовъ. Онъ встрѣтилъ его, будто вчера съ нимъ разстался, безъ аханья и суеты, ниже малѣйшаго изъявленія удивленія или радости... Ковернев былъ очень этимъ доволенъ и—такъ какъ онъ пріѣхалъ поздно и усталъ отъ путешествія, въ какой-то скверной таратайкѣ, добытой имъ на станціи ближайшей желѣзной дороги, и въ которой пришлось ему проѣхать 70 верстъ по отвратительной, размытой осенними дождями дорогѣ—августъ былъ на исходѣ,—тотчасъ же улегся спать.

Ночью прибылъ съ чемоданами его камердинеръ, итальянецъ, говорящій на всевозможныхъ языкахъ и, первымъ дѣломъ, вынувъ изъ ящика ружья Ковернева, собралъ ихъ, прочистилъ и уставилъ, со всѣмъ принадлежащимъ къ нимъ охотничьимъ приборомъ, на столахъ, у стѣны, въ комнатѣ, сосѣдней съ спальнею.

Ковернев, просыпавшійся всегда самъ, и къ которому никто никогда не смѣлъ входить безъ зова, поднялся на другой день чуть не съ зарею, совершилъ свои омовеніе и туа-

летъ, прошелъ въ слѣдующую комнату и, почти машинально перебросивъ черезъ плечо ружье и патронташъ, направился черезъ заросшій садъ въ прилегавшую къ нему сосновую рощу.

Роща эта была саженая — и не далѣе какъ лѣтъ сорокъ назадъ. Коверзневъ помнилъ еще въ дѣтствѣ ея невысокіе, тонкіе стволы, тѣсными и стройными рядами тянувшіеся въ вышину. Все такъ же тонки и стройны стояли они и теперь въ своей тѣснотѣ, лишь на пятисаженной высотѣ начиная раскидывать кругомъ темно-иглистыя кисти своихъ суковатыхъ вѣтвей. Кое-гдѣ, между соснами, такая же безупречно прямая, будто въ догонку имъ тянулась молодая береза,—и еще робкіе лучи выходящаго осенняго солнца весело переливались по ихъ красной и бѣлой корѣ... Коверзневъ остановился, залюбовавшись невольно; „не то пальмовый лѣсъ“, проносилось въ его головѣ, „не то тѣ тысячи колоннъ Кордуанскаго собора,—тѣ же пальмы, перенесенныя арабами въ архитектуру“...

Онъ прошелъ далѣе, прижмуриваясь и вздрагивая слегка плечами, подъ здоровымъ ощущеніемъ легкаго утренняго холода, и изрѣдка улыбаясь какою-то умильною улыбкою, подъ наплывомъ воспоминаній отрочества, которыя на каждомъ шагу вызывали въ немъ эти мѣста... За рощей начинались его лѣса, верстъ на сто въ окружности. Тамъ когда-то проводили они цѣлыя недѣли съ Фоксомъ. Во время оно, онъ зналъ тутъ каждое урочище, каждую тропинку и каждый оврагъ...

„Тутъ ближе всего на Дерюгино“, сказалъ себѣ Коверзневъ,—тамъ козы водились *тогда*. И онъ повернулъ направо.

Въ разрѣженномъ воздухѣ утра до него явственно донесся голосъ:

— Это должно понимать, потому какъ вы вновѣ...

Коверзневъ повернулъ голову.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги, спиною къ нему, въ сѣрой широкобортной шляпѣ и синихъ очкахъ на носу, стоялъ Софронъ Артемьичъ Барабашъ, похлопывая себя по рукѣ парою перчатокъ, которую онъ считалъ долгомъ неукоснительно

держать при себѣ „для форсу“, но едва-ли когда въ жизни вздѣвалъ на пальцы...

— Потому какъ вы вновѣ, повторилъ онъ еще отчетливѣе, какъ бы смакуя этотъ чисто русскій оборотъ рѣчи. (Говорить чисто московскимъ говоромъ, вклеивая при этомъ самымъ невозможнымъ образомъ первыя попадавшіяся ему на языкъ иностранныя словечки, вычитываемыя имъ въ газетахъ, составляло величайшую претензію Софрона Артемьича.) — Тутъ-съ, можно сказать, мужикъ коварный; сорвать съ хозяина лишнее — это то-есть у него разлюбезнѣйшее дѣло. И завсегда его понимать надо. Потому сами знаете, для чего же ему лишнее, а намъ убытокъ? Это вѣдь ужь до тонкости дойдено: двадцать пять корней на срубъ—за глаза ему!

Тотъ, которому читалась эта нотація, стоялъ передъ управляющимъ, подъ деревомъ, съ непокрытой головой, жмурясь отъ солнца, ярко освѣщавшаго его плотную фигуру, щетинистые усы на выбритомъ, кругломъ лицѣ, и темные глаза подъ такими же круглыми, рѣзко очерченными бровями. Ему было, повидимому, лѣтъ подъ сорокъ. Легкая просѣдь серебрилась въ густыхъ волосахъ, подчесанныхъ по-военному, къ височкамъ. Онъ былъ въ смазныхъ сапогахъ, грубой, посконной, но чистой рубахѣ и крестьянскомъ неказистомъ кафтанѣ, подпоясанномъ ремнемъ. Но на крестьянина онъ не похожъ; Коверзневъ, еще на-ходу, замѣтилъ его мужественную выправку и внимательное, нѣсколько печальное, выраженіе его глазъ, словно прикованныхъ къ синимъ очкамъ управляющаго. Въ опущенной рукѣ держалъ онъ фуражку съ военнымъ околышемъ,—и не солдатскую, а съ козырькомъ.

— Онъ на это говоритъ, послышался его голосъ въ отвѣтъ наставленію Софрона Артемьича, — онъ говоритъ, что ему на *столь* и *мостъ* не хватитъ...

Господинъ Барабашъ поднялъ очки на лобъ, какъ бы для того, чтобы удобнѣе выразить всѣмъ лицомъ своимъ презрительную улыбку:

— На „столь“ и „мостъ“! повторилъ онъ:—это они здѣсь, по невѣжеству своему, замѣсто, какъ по граматикѣ *слѣдуетъ*

сказать, *потолокъ*, значитъ, и *накатъ*. Такъ на это опять вы должны...

Но въ эту минуту онъ, какъ бы нечаянно обернувшись, очутился—какъ бы нечаянно опять—на параллели медленно подвигавшагося по дорогѣ барина (зоркій управляющій еще издали, давно запримѣтилъ его). Онъ опустилъ опять очки на носъ и замолкъ, неторопливо снявъ и тотчасъ же надѣвъ на голову шляпу.

— Накройтесь! покровительственно сказалъ онъ при этомъ своему собесѣднику, чуть-чуть кивнувъ на Ковернзева: —*они* этого не любятъ! (самъ онъ *это* очень любилъ).

Тотъ надѣлъ фуражку и, давъ на каблукахъ полуоборота влѣво, очутился тоже на параллели Ковернзева, съ опущенными, по-фрунтовому, внизъ руками и недвижно обращеннымъ на него взглядомъ.

Валентинъ Алексѣичъ приподнялъ шляпу — и покосился слегка на незнакомое лице...

— Въ Дерюгино изволите? промолвилъ искательно Софронъ Артемьевичъ, не трогаясь впрочемъ съ мѣста.

— Да... Ковернзевъ пріостановился на мигъ.—Не знаете, не перевелись тамъ еще козы?

Барабашъ вышелъ къ нему на дорогу:

— Вѣрно сказать вамъ не могу-съ, потому, какъ самъ къ охотѣ пристрастія не имѣючи... А впрочемъ это сейчасъ узнать можно-съ... Капитанъ! крикнулъ онъ не оборачиваясь.

Зовомый этой кличкою человѣкъ, двумя быстрыми, гимнастическими шагами, проскочилъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ разговаривавшихъ.

Софронъ Артемьичъ повторилъ ему вопросъ барина.

— Не видать-съ. По Дерюгину теперь рубка пошла; звѣрь это робкій, пугливъ... Въ Сотниково, должно полагать, коли и не совсѣмъ въ казенную пущу, перебрались. За Крусановской межей я, дѣйствительно, большаго козла...

Онъ вдругъ оборвалъ, какъ бы испугавшись своихъ лишнихъ противу того, что̀ его спрашивали, словъ.

— Убили? досказалъ Ковернзевъ.

„Какъ-же бы я осмѣлился“! прочелъ онъ въ недоумѣломъ взглядѣ, полученномъ имъ въ отвѣтъ.

— Нѣтъ-съ, я... ходилъ—яму отыскивалъ...

— Еще вновѣ здѣсь, а очень понятливы на счетъ границъ, поощрительно сказалъ на это управляющій.

Валентинъ Алексѣичъ еще разъ приподнялъ шляпу и двинулся съ мѣста, приглашая взглядомъ Барабаша итти за нимъ.

— Кто это? спросилъ онъ, отойдя шаговъ сорокъ.

— А это у меня—съ Покрова взялъ,—лѣсникъ по Дерюгину и Крусанову.

— Вы его, мнѣ послышалось, „капитаномъ“ называли?

Софронъ Артемьичъ усмѣхнулся:

— Точно такъ-съ! Онъ и есть капитанъ настоящій.

— Что же это значитъ: „настоящій“? спросилъ Коверзневъ, не совсѣмъ понявъ.

— Въ полку, то есть это значитъ, ротой командовалъ, въ инфантеріи-съ, Валентинъ Алексѣичъ, снисходительно объяснилъ господинъ Барабашъ. „Ничего-то онъ это настоящаго про русское не знаетъ“! говорилъ онъ себѣ презрительно въ это время про барина.

— И онъ къ вамъ простымъ лѣсникомъ поступилъ?... На какое жалованье?

— Пять въ мѣсяцъ-съ. Служилъ онъ тутъ въ Чепуровѣ, прикащикомъ у графа Клейнгельма. Отошелъ. Такъ я его по началу на испытатіе взялъ-съ...

— А на прежнемъ мѣстѣ сколько онъ получалъ?

— Говорятъ, двадцать пять. И такъ, вѣрно должно быть, потому не лжетъ никогда человѣкъ.

— Странно! сказалъ Коверзневъ.

Софронъ Артемьичъ кашлянулъ—для чего предварительно прикрылъ себѣ ротъ рукою,—передернулъ очки свои и уже съ нѣкоторою таинственностью:

— Грѣшокъ за нимъ нѣкоторый есть, прошепталъ онъ.

— Какой грѣшокъ?

— На счетъ *того*-съ, меланхолически вздохнулъ Софронъ Артемьичъ и легонько щелкнулъ пальцемъ по отложному воротничку своей по модѣ сшитой сорочки.

— А!...

Настало нѣкоторое молчаніе. Коверзневъ шелъ теперь бодрымъ, широкимъ шагомъ человѣка, выходившаго пѣшкомъ чуть не весь *дальній Востокъ* Америки. Изнѣженный правитель Темнаго Кута едва поспѣвалъ за нимъ.

— Человѣкъ съ правиломъ, Валентинъ Алексѣичъ, заговорилъ онъ опять, какъ бы извиняясь, — и въ Чепуровѣ репутацію себѣ настоящую заслужилъ, потому, окромя этой слабости, ни въ какой *марали* не замѣченъ; чистъ человѣкъ, честнѣющій. А въ полку даже очень о немъ жалѣютъ-съ, потому ихъ полкъ стоялъ тутъ въ Стародубѣ и многіе даже у меня офицеры очень знакомые,—первый онъ, повѣрите-ли, нѣтъ-ли, у нихъ по полку считался; на счетъ то-исъ фрунта и поведенія твердый, даже отвращеніе къ вину имѣлъ... И, можетъ, даже теперь самъ бы полкомъ командовалъ,—только случилась тутъ у него одна *манифестація*...

— Что такое?

Софронъ Артемьичъ самодовольно улыбался.

— Большая непріятность у него вышла, объяснилъ онъ.

— Да-а!... Такъ въ чемъ же состояла эта непріятность?

— Жена у него была, молодая, изъ полекъ-съ—и за этимъ словомъ господинъ Барабашъ цѣломудренно опустилъ очи,— и, по истинѣ сказать,—самая нестоющая женщина!... Только онъ къ ней слишкомъ уже большую страсть питалъ, даже, можно сказать, очень глупо съ его стороны. Потому она наконецъ и вовсе покинула его, скрылась... Искалъ онъ ее, ѣздилъ, изъ полка вышелъ изъ-за этого самаго,—нѣтъ, такъ и пропала, потому, говорятъ, панъ одинъ изъ Витебской губерніи за границу ее съ собой увезъ... Тутъ онъ съ горя и...

— Какъ водится, по-русски! процѣдилъ сквозь зубы Коверзневъ, глядя прищуренными глазами вдаль.

— А такъ точно-съ! подтвердилъ управляющій: — все съ себя до чиста спустилъ; теперь въ мужицкомъ кафтанишкѣ ходитъ, изволили видѣть.

— Вы имъ довольны? послѣ новаго молчанія спросилъ Валентинъ Алексѣичъ.

— Что дальше Богъ дастъ, а теперича окромѣ хорошаго,

ничего дурнаго не могу сказать. Лѣсникъ настоящій, солидный. Теперь къ нему въ лѣсъ ни одна душа съ топоромъ не въѣдетъ,—потому у него по-военному, *дисциплина*...

— Ну, а „слабость"-же его какъ?

— По всей истинѣ доложу вамъ, я какъ на это строгъ, и онъ, какъ и прочіе служащіе, это знаетъ, только я, въ бытность его у меня здѣсь, разъ всего замѣтилъ: постомъ дѣло было. Забился онъ въ свою сторожку и три дня не выходилъ...

Они тѣмъ временемъ доходили до Дерюгина; ласково помахивали вершинами его старые дубы подъ рѣзвымъ утреннимъ вѣтромъ. Коверзневъ остановился еще разъ:

— Такъ вотъ что: скажите этому вашему капитану, чтобъ онъ взялъ съ собой Дениса... Что, живъ онъ еще?

— Денисъ, егерь! Помилуйте-съ, въ здравіи пребываетъ! Изъ чего у насъ людямъ умирать! даже позволилъ себѣ хихикнуть по этому случаю „солидный" г-нъ Барабашъ.

— Такъ чтобы они вмѣстѣ отправились на Ситниково и, отъ Мижуева до Крусановской межи, выслѣдили съ точностью, не перебрались-ли и дѣйствительно козы въ казенную пущу. Досадно было бы! Если-жь нѣтъ, я на дняхъ соберусь на нихъ... Народу въ такомъ случаѣ довольно чтобы было, *кликуновъ*...

— Слушаю-съ. Не прикажете-ли... Хотѣлъ было еще спросить управляющій...

Но баринъ уже исчезъ въ чащѣ лѣса.

III.

Коверзневъ явился домой уже къ вечеру, съ ягташемъ полнымъ дичи и прорванною въ чащѣ курткою. Онъ прошагалъ въ этотъ день верстъ тридцать, не чувствуя ни усталости, ни голода, или, вѣрнѣе, пересиливая въ себѣ то и другое и, какъ всегда, самоуслаждаясь этою „побѣдою воли надъ физическою природой“. Онъ пообѣдалъ дома, при свѣчахъ, выпилъ полбутылку портвейна и тотчасъ вслѣдъ за обѣдомъ занялся разборомъ одного изъ нѣсколькихъ толстыхъ портфелей, привезенныхъ имъ въ Темный Кутъ. Слово *India* выгравировано было на мѣдной дощечкѣ надъ замкомъ этого портфеля; въ немъ заключались всякія бумаги, относившіяся ко времени пребыванія Коверзнева въ этой странѣ, и дневникъ, веденный имъ тамъ въ продолженіе двухъ лѣтъ этого пребыванія. Ему давно хотѣлось пересмотрѣть свои эти записки и привести въ порядокъ, съ цѣлью издать ихъ на французскомъ, или скорѣе еще на англійскомъ языкѣ, на которомъ, главнымъ образомъ, и ведены были онѣ. „По-русски кто ихъ читать станетъ!“ разсудилъ онъ давно... Съ этою цѣлью онъ собственно и пріѣхалъ въ Темный Кутъ, гдѣ полнѣйшее уединеніе и тишина обезпечены были ему „вѣрнѣе, чѣмъ къ какихъ нибудь развалинахъ Мемфиса“...

Этотъ трудъ такъ занялъ его, что онъ ни на другой, ни въ послѣдующіе дни не ходилъ на охоту, а писалъ весь день въ комнатѣ, съ закрытыми съ утра ставнями,—онъ никогда иначе не принимался за перо,—при свѣтѣ двухъ спермацетовыхъ свѣчей подъ темнымъ абажуромъ. Привычки его были

извѣстны и, кромѣ слуги его итальянца,—готовившаго ему и обѣдать, и какъ-то изловчавшагося подавать этотъ обѣдъ горячимъ въ какіе бы необычные часы ни потребовалъ его Коверзневъ,—ни единая душа въ Темномъ Кутѣ и не пыталась проникнуть къ нему.

На четвертый день онъ проснулся съ нѣсколько тяжелой головой, отворилъ свои ставни и окна... Утро стояло великолѣпное и по лазуревому небу ходили облака, игра которыхъ ни въ какой странѣ міра не казалась почему-то Валентину Алексѣичу такою красивою и разнообразною, какъ въ родной сторонѣ.

Онъ оперся локтями на подоконникъ и сталъ глядѣть...

Облака подымались какъ горы, одна другой выше, съ снѣговыми вершинами и свѣтлыми озерами, омывающими ихъ темныя подножья; зубчатая башня висѣла надъ пропастью, драконъ съ чешуйчатымъ хребтомъ тянулся, разѣвая все шире и шире бездонную пасть...

— А тамъ будто какое-то стадо готовится свергнуться внизъ, говорилъ самъ себѣ Коверзневъ, невольно улыбаясь...

Фантастическое стадо напомнило ему козъ, на которыхъ собирался онъ охотиться въ Сотниковѣ. Онъ отошелъ отъ окна, позвонилъ и вышедшему на звонъ итальянцу приказалъ позвать Барабаша.

Господинъ Барабашъ вошелъ съ замѣтно возбужденнымъ выраженіемъ въ поступи и лицѣ. Очки его были подняты на лобъ, что̀ для подчиненныхъ его всегда служило признакомъ ближайшей распеканціи.

Коверзневъ, при видѣ этихъ поднятыхъ очковъ, почуялъ, въ свою очередь, что управляющаго его постигла, должно быть, какая-нибудь неожиданная „манифестація“...

Дѣло съ первыхъ словъ объяснилось.

Приказанія Валентина Алексѣича не могли быть исполнены до сихъ поръ. Денисъ, егерь, зашибъ себѣ ногу и встать не можетъ,—а капитанъ лежитъ третій день въ лѣсу, въ своей сторожкѣ, „не въ своемъ видѣ“, и „волкомъ воетъ“. Софронъ Артемьичъ послалъ къ нему сначала своего конторщика, а затѣмъ собственной особой отправился на увѣщаніе его, но

встрѣченъ былъ самъ такими ругательствами, что, „какъ Валентину Алексѣичу угодно, а онъ даже безъ всякой *иллюзіи* не въ силахъ этого вытерпѣть“.

— И какой онъ себѣ ни будь капитанъ, говорилъ уже съ азартомъ оскорбленный управляющій,—а какъ я его, могу сказать, изъ грязи вытащилъ, потому человѣкъ до того опустилъ себя, что даже угла себѣ не имѣлъ, подъ заборами валялся, такъ, что даже его къ себѣ на квартиру никто пущать не хотѣлъ, когда изъ Чепурова выгнали его за самое за это...

Потокомъ лились теперь всѣ эти пункты обвиненія изъ разгнѣванныхъ устъ Софрона Артемьича, совершенно позабывшаго, какъ три дня назадъ рекомендовалъ онъ барину капитана „человѣкомъ съ правиломъ“.

Коверзневъ слушалъ его молча и внимательно.

— Вы его взяли, вы вольны его и отпустить, если онъ оказывается негодяемъ, сказалъ онъ, — но вы мнѣ, кажется, говорили, что онъ „солидный“, усердный и совершенно „чистый“ человѣкъ?

— Это точно, согласился сконфуженный Софронъ Артемьичъ,—а только какъ вамъ угодно...

— И говорили еще, не далъ ему продолжать Валентинъ Алексѣичъ,—что съ тѣхъ поръ, какъ онъ къ вамъ поступилъ, вы его въ слабости замѣтили всего одинъ разъ?

— Разъ, постомъ, справедливо-съ... Такъ вѣдь тогда онъ смиренъ лежалъ, поспѣшилъ возразить управляющій, замѣчая по тону барина, что онъ какъ бы стоитъ на сторонѣ его обидчика,—а теперича онъ, какъ звѣрь какой, даже безъ всякой *линіи*, можно сказать... Мнѣ что-же-съ, примолвилъ Барабашъ,—въ нашей должности, извѣстно, каждый часъ долженъ ждать себѣ непріятностей, особенно когда въ тебѣ совѣсть... А только собственно что я, какъ преданный слуга вамъ и съ измальства еще маменькѣ вашей служилъ, что онѣ благодѣтельницей мнѣ, можно сказать, были,—такъ, какъ вамъ угодно, Валентинъ Алексѣичъ, а такихъ словъ про васъ, какъ моего довѣрителя, никогда терпѣть не могу-съ!...

Валентинъ Алексѣичъ улыбался,—все яснѣе ему припоминалась въ эту минуту мужественная фигура капитана, безъ

шапки, жмурящагося отъ солнца передъ этимъ „преданнымъ слугою“ въ синихъ очкахъ...

— Оказывается, что и мнѣ при сей оказіи досталось? сказалъ онъ.—За что же?

Невозмутимость барина глубоко огорчила Софрона Артемьича:

— Какъ вамъ будетъ угодно, Валентинъ Алексѣичъ, заговорилъ онъ съ новымъ раздраженіемъ,—а только, когда я ему на безпардонныя его, можно сказать, слова говорю, по своей должности, что я не по своей волѣ, а барское приказаніе исполняю, чтобы онъ тотчасъ-же въ Сотниково шелъ насчетъ козъ, такъ онъ даже дозволилъ себѣ такое *неглижа*, что „я молъ на твоего барина пле...вать хочу“, договорилъ, уже словно давясь отъ мерзости этихъ словъ, управляющій.

— Да, это неглижа, дѣйствительно, очень откровенное! проговорилъ на этотъ разъ Ковернзевъ такимъ серьезнымъ тономъ, что чуткій Софронъ Артемьичъ поймался на него—и просіялъ душою.

— У меня свидѣтели есть, Валентинъ Алексѣичъ: какъ со мною былъ Спиридонъ Иванычъ и Асинклитъ, сторожъ, такъ завсегда можно его къ мировому представить, поспѣшно проговорилъ онъ.

Но, весьма нежданно для него, Валентинъ Алексѣичъ на предложеніе это отвѣчалъ ему слѣдующимъ вопросомъ:

— Не извѣстно-ли вамъ, по какому случаю вздумалось такъ, вдругъ, вашему капитану напиться, и одинъ онъ при этомъ пилъ, или съ кѣмъ нибудь?...

Изъ сообщеннаго затѣмъ Софрономъ Артемьичемъ оказалось, что онъ тогда же, получивъ приказъ барина „насчетъ козъ“, передалъ его капитану, и тотъ съ мѣста тронулся было итти въ Крусаново. Но управляющій пригласилъ его зайти съ нимъ предварительно въ контору „забрать“ Дениса—и письмо, полученное наканунѣ въ Трубчевскѣ, на почтѣ, на его, капитана, имя. Такъ они тутъ вдвоемъ и пришли въ усадьбу. Денисъ былъ на селѣ, гдѣ онъ новую избу себѣ ставитъ. Софронъ Артемьичъ послалъ за нимъ, а капитанъ получилъ письмо свое и съ нимъ сейчасъ и ушелъ. Посланный къ Денису

вернулся часа черезъ три, съ извѣстіемъ, что старику пришибло бревномъ колѣно и что онъ двинуться не можетъ. Тогда Софронъ Артемьичъ послалъ конторщика верхомъ въ Дерюгино найти капитана и сказать ему, чтобы онъ Дениса не ждалъ. Конторщикъ проѣзжалъ мимо его сторожки, услыхалъ, что кто-то „рычитъ“,—слѣзъ и вошелъ; глядитъ:—сидитъ на землѣ капитанъ, пустой предъ нимъ штофъ, а самъ онъ, „обѣими руками за голову взявшись, ревмя реветъ.“ Конторщикъ даже испугался и поскакалъ назадъ донести управляющему,—послѣ чего тотъ и отправился туда самъ и „долженъ былъ выслушать тѣ слова, опосля которыхъ онъ, не желая дать замарать свою честь, какъ угодно Валентину Алексѣичу, а будетъ требовать, для впримѣра прочимъ, чтобы того *мерзавца* судья непремѣнно засадилъ...“

Коверзневъ все время слушалъ, обернувшись лицомъ къ окну и глядя на облака, на синіе просвѣты неба, сіявшаго сквозь ихъ капризно-мѣнявшіяся очертанія...

— Вотъ что, сказалъ онъ, когда тотъ кончилъ,—позовите вы его ко мнѣ!

— Кого это-съ? озадаченно спросилъ управляющій.

— Капитана.

— Помилуйте, Валентинъ Алексѣичъ, да онъ по сю пору не въ своемъ видѣ,—какъ это учитель у васъ французъ, когда вы маленькіе были, мусье Ляфишъ, говорилъ:—*кошонъ-кошономъ* въ грязи лежитъ-съ и по сей часъ въ своей сторожкѣ.

— Ну, такъ когда онъ „въ свой видъ“ придетъ.

— Слушаю-съ! по нѣкоторомъ молчаніи выговорилъ Софронъ Артемьичъ, заключивъ изъ выраженія лица барина, что онъ не допуститъ возраженій.

IV.

На другой день утромъ, Ковързневъ просматривалъ у себя конторскія книги, когда его итальянецъ, которому предварительно отдано было имъ на это приказаніе, вошелъ съ докладомъ, что „l'uomo detto“ (означенный человѣкъ) ждетъ въ передней.

— Просите его сюда.

Дверь отворилась на половину и, въ образовавшееся узкое отверстіе, бочкомъ проскользнуло плотное туловище капитана— и тутъ-же остановилось у этой, поспѣшно замкнутой за собою, двери.

Ковързневъ поднялъ глаза. Капитанъ отвѣсилъ ему почтительный поклонъ.

Онъ глядѣлъ на него спокойно и прямо,—все съ тѣмъ-же, очевидно, привычнымъ ему, печальнымъ выраженіемъ лица, которое замѣтилъ Валентинъ Алексѣичъ при первой встрѣчѣ съ нимъ. Только лице это теперь какъ бы поопухло, и глаза были мутны. Но онъ, видимо, приложилъ все стараніе привести себя въ должный порядокъ: приглаженные къ вискамъ волосы еще лоснились отъ обливавшей ихъ воды, вѣникъ замѣтно тщательно прошелъ по его бѣдной, очень бѣдной, но акуратно закутанной крестьянской одеждѣ; огромныя, мускулистыя руки, будто бы два красно-сизыя пятна, скрещавшіяся надъ фуражкою, которую держалъ онъ передъ собою,—были чисто вымыты...

— Садитесь! отвѣчая на его поклонъ, сказалъ Ковързневъ.

Тотъ, какъ бы безсознательно, качнулся впередъ,—но не двинулся далѣе.

— Садитесь, прошу васъ, повторилъ Валентинъ Алексѣичъ мягкимъ, но настойчивымъ голосомъ, указывая рукою на стулъ, у противоположной его собственному креслу стороны старинаго письменнаго стола, съ изящною бронзовою отдѣлкой, за которымъ занимался онъ.

Капитанъ такъ неслышно подошелъ къ указываемому мѣсту, что Ковързневъ невольно обратилъ на это вниманіе:

— На немъ сапоги есть, и онъ ихъ даже только-что дегтемъ смазалъ, подумалъ онъ,—но подошвы подъ ними сомнительны!... И его охватило вдругъ безконечное чувство жалости къ этому человѣку, такъ глубоко „опустившему себя“, какъ выражался господинъ Барабашъ.

Онъ неотступно слѣдилъ за нимъ взглядомъ, пока наконецъ капитанъ не рѣшился сѣсть на кончикъ указаннаго ему стула.

Но, когда онъ сѣлъ, съ опущенными глазами и судорожно комкая фуражку въ своихъ огромныхъ ручищахъ, Ковързневу на мигъ самому сдѣлалось непріятно:—„я будто судить его собираюсь“, пронеслось у него въ мысли...

Онъ сталъ шумно перелистывать широкіе листы лежавшей передъ нимъ разсчетной тетради.

— У васъ непріятности вышли съ управляющимъ? сказалъ онъ, пересиливъ себя.

— Виноватъ! отвѣчено было на это такъ тихо, что онъ переспросилъ.

— Виноватъ-съ! повторилъ капитанъ.

— Не были-ли вы вызваны на... на эту ссору какими-нибудь словами Барабаша, которыя вы почли для себя обидными? какъ бы поспѣшилъ Ковързневъ ссудить его доводомъ къ своему оправданію.

Плечи капитана дрогнули. Понятое имъ намѣреніе, а—главное—тонъ, такъ давно не слышанный имъ, добрый, участливый тонъ этихъ словъ...

— Я и не помню даже, что̀ говорили *они* мнѣ, отвѣтилъ онъ со странною улыбкою: „какое ужь мнѣ оправданіе!“ будто говорила эта улыбка.

Въ поникшихъ глазахъ его пробѣжала искра, какъ бы

отъ нахлынувшаго на него новаго, ѣдкаго, нестерпимаго чувства...

— Я несчастный человѣкъ, Валентинъ Алексѣичъ! нежданно проговорилъ онъ, внезапнымъ движеніемъ подымая ихъ на Коверзнева.

У того глаза заморгали, какъ онъ ни привыкъ владѣть собою.

— Виноватъ, позвольте спросить: какъ васъ зовутъ? промолвилъ онъ, очень упрекая себя въ эту минуту, что не спросилъ этого ранѣе, у Барабаша.

— Отставной капитанъ Переслѣгинъ.

— Имя и отчество?

— Иванъ Николаевъ...

— Благодарю васъ!... Вы мнѣ позволите быть откровеннымъ съ вами, Иванъ Николаичъ?

Капитанъ еще разъ взглянулъ на него:—„никакая твоя откровенность не будетъ такъ жестока, какъ то, что̀ самъ я говорю“, прочелъ Коверзневъ въ этомъ взглядѣ.

Онъ продолжалъ:

— Къ этому „несчастію“, я слышалъ, привели васъ семейныя обстоятельства,—о которыхъ я не желаю, не имѣю права спрашивать, поспѣшно примолвилъ онъ къ этому.

Переслѣгинъ, съ какимъ-то надрывающимъ, судорожнымъ движеніемъ губъ, ерзнулъ на своемъ стулѣ...

— Но вы, повидимому, не употребили всѣхъ силъ, чтобы бороться съ нимъ, говорилъ Валентинъ Алексѣевичъ; отъ душевныхъ страданій лечитъ усиленная работа, дѣло, простой, иногда физическій трудъ. Дѣло у васъ всегда подъ руками. Вы наконецъ были въ полку, командовали ротой, судьба другихъ людей зависѣла отъ васъ...

— Не въ силахъ былъ, точно-съ! послышались въ отвѣтъ будто замиравшія въ горлѣ слова капитана,—стыда своего перенести не могъ!... И забыть... не въ состояніи... и по сей часъ! болѣзненно вырвались эти, запекавшіяся какъ бы у него тамъ, слова...

Коверзневъ слушалъ, подперши голову обѣими руками...

— Самое это, съ Софрономъ Артемьичемъ... Письмо получилъ... пишутъ мнѣ... про нее...

Онъ не договорилъ,—глухое рыданіе вырвалось у него изъ груди.

Валентинъ Алексѣичъ поднялся съ мѣста, стараясь, по всегдашней привычкѣ, сдерживать наружное выраженіе того, что ощущалъ онъ внутренно. Онъ подошелъ къ окну. Спиною къ капитану, онъ, будто вовсе не занятый имъ, глядѣлъ въ даль, на верхушки лѣса, выглядывавшія изъ-за отдѣлявшаго Дерюгино отъ Темнаго Кута косогора.

— Иванъ Николаичъ! сказалъ онъ, наконецъ, оборачиваясь...

Капитанъ поднялъ голову.

— Я хочу сдѣлать вамъ одно предложеніе, Иванъ Николаичъ?

— Слушаю-съ, твердымъ голосомъ произнесъ тотъ.

Глаза его просохли, черты приняли прежнее мужественное и спокойное выраженіе...

Коверзневъ усѣлся на прежнее мѣсто.

— Вамъ прежде всего слѣдуетъ помириться съ Барабашемъ, слегка улыбнувшись сказалъ онъ.

— Я ужь у *нихъ* за свою глупость прощенья просилъ, промолвилъ на это такъ же твердо Переслѣгинъ.

— Вотъ и прекрасно!... А предложеніе мое будетъ состоять въ слѣдующемъ. Здѣсь у меня, какъ вы знаете, земледѣльческаго хозяйства нѣту; земля и оброчныя статьи сданы или сдаются въ аренду на болѣе или менѣе продолжительные сроки, и управляющій мой здѣсь поэтому ничего болѣе какъ конторщикъ, имѣющій акуратно слѣдить за исполненіемъ контрактовъ и сроками платежей, и доставлять мнѣ по нимъ деньги. Барабашъ совершенно честный человѣкъ и это дѣло свое выполняетъ какъ нельзя лучше. Но у меня тутъ одно природное богатство, требующее настоящаго, раціональнаго хозяйства.

— Лѣса-съ? какъ бы подговорилъ капитанъ.

— Да. Эксплуатація ихъ производилась до сихъ поръ самымъ примитивнымъ, варварскимъ, хищническимъ образомъ.

Этому давно надо положить конецъ. Я теперь въ Петербургѣ пригласилъ сюда одного дѣльнаго таксатора, который все это приведетъ въ порядокъ. Но при этомъ мнѣ необходимо имѣть своего довѣреннаго человѣка, который могъ бы и помогать ему въ распоряженіяхъ при работѣ, да и слѣдить за тѣмъ, чтобы самыя работы не откладывались въ долгій ящикъ. Къ тому же всѣ здѣшнія дачи имѣютъ отдѣльныхъ лѣсниковъ, подчиненныхъ теперь единственно конторѣ, т. е. тому же Барабашу, который, при своихъ приходо-расходныхъ занятіяхъ и огромномъ пространствѣ лѣса, не имѣетъ—что онъ мнѣ тамъ ни говори, примолвилъ съ усмѣшкою Валентинъ Алексѣичъ,—физической возможности контролировать ихъ и ѣздить и провѣрять ихъ на мѣстѣ. Изъ этого видно, что надо всѣ отдѣльныя эти лѣсничества подчинить, какъ это и было здѣсь, при матушкѣ, надзору одного, спеціальнаго, главнаго лѣсника... И это мѣсто я желаю предложить вамъ, Иванъ Николаичъ.

— Мнѣ-съ! испуганно вскликнулъ капитанъ... Вѣки его широко были открыты, и дрожь замѣтно пронимала его всего...

— Вамъ, поспѣшно проговорилъ Ковержневъ,—и увѣренъ, что этимъ я обезпечиваю себѣ надзоръ за моими лѣсами, какого лучше и самъ бы имѣть не могъ за ними, а вамъ—доставляю *отвѣтственное* занятіе,—онъ подчеркнулъ это слово,—которое для *хорошаго* человѣка, какимъ я васъ считаю, можетъ служить лучшимъ отводомъ, лѣкарствомъ въ вашемъ душевномъ состояніи... Но, Иванъ Николаичъ,—Ковержневъ пріостановился на мгновеніе,—вы передъ этимъ должны мнѣ дать слово... Вы понимаете, о чемъ я васъ прошу?...

Лицо капитана все побагровѣло, грудь его высоко подымалась...

— Нѣтъ-съ, съ видимо-мучительнымъ усиліемъ отвѣтилъ онъ,—слова я вамъ дать не могу... потому уже разъ... Одно могу обѣщать вамъ, Валентинъ Алексѣичъ,—онъ вскинулъ на него свои печальные глаза,—стараться буду!...

Ковержневъ помолчалъ.

— Хорошо, Иванъ Николаичъ, сказалъ онъ, подымая на него глаза въ свою очередь,—съ нынѣшняго дня я назначаю

васъ главнымъ лѣсникомъ по здѣшней экономіи, съ жалованьемъ, какое получалъ бывшій въ этой должности при матушкѣ,—70 рублей въ мѣсяцъ, кажется,—ну, и лошадь подъ верхъ, кормъ на нее... Вотъ видите, перебилъ себя, широко улыбнувшись Валентинъ Алексѣичъ, не давая растерянному Переслѣгину сказать слова,—я имѣю претензію угадывать людей—и въ васъ я съ перваго раза почуялъ честнаго человѣка. Тѣ, какъ вы мнѣ отвѣтили сейчасъ, служить для меня подтвержденіемъ этому мнѣнію. И я беру васъ теперь безъ всякихъ условій, въ увѣренности, что, въ случаѣ вы бы не нашли въ себѣ силы побѣдить вашу... *слабость*,—вы сами откажетесь отъ вашей должности...

Капитанъ дрогнулъ всѣмъ тѣломъ—и, какъ стоялъ, опустился на колѣни передъ Коверзневымъ.

— Что вы, что вы! вскрикнулъ Валентинъ Алексѣичъ, съ невольнымъ, въ первую минуту, чувствомъ гадливости.

Но не рабское униженіе сказывалось въ этихъ обращенныхъ на него, сіявшихъ теперь, глазахъ, въ судорожномъ движеніи, сжавшемъ на груди эти сильныя руки:

— Валентинъ Алексѣевичъ, какъ передъ Богомъ,—лихорадочно прерывался голосъ капитана,—въ первый разъ... въ первый разъ, послѣ столькихъ лѣтъ... такія слова слышать... Вы... вы опять меня *человѣкомъ* поставили, Валентинъ Алексѣичъ!..

V.

Въ 1876 году Ковързневъ пріѣхалъ опять въ Темный Кутъ. Онъ пріѣхалъ рано, въ началѣ мая,—и о пріѣздѣ своемъ извѣстилъ даже заранѣе, съ приказаніемъ выслать ему экипажъ и лошадей на ближайшую станцію желѣзной дороги.

На желѣзную дорогу, съ экипажемъ, выѣхалъ къ нему на встрѣчу—капитанъ.

Валентинъ Алексѣичъ едва узналъ его.

Капитанъ словно вытянулся, выросъ и—рѣшительно помолодѣлъ. Онъ отпустилъ себѣ бороду, которую подрѣзывалъ клиномъ, удлинявшую его круглое лице; голову держалъ какъ-то особенно прямо, откидывалъ назадъ свои широкія плечи и выставлялъ грудь впередъ. Облеченъ онъ былъ въ плотно охватывающую его охотничью австрійскую куртку съ зелеными отворотами и большими пуговицами, съ изображеніемъ на нихъ кабаньихъ головъ. Гладко остриженные волосы покрывала мягкая, съ высокой тульею, сѣраго цвѣта шляпа, украшенная тремя павлиньими перьями. Во всемъ его обликѣ теперь была какая-то наивная претензія на щеголеватость, которая вызвала невольную улыбку на губы Ковързнева:

— Точно счастливый тиролецъ какой-то, подумалъ онъ.

А капитанъ такъ и сіялъ, глядя на него. Онъ, часовъ за шесть до срока прибытія поѣзда, отправился на станцію, съ провизіею, „на случай Валентину Алексѣичу захочется закусить, такъ какъ буфета на станціи не имѣется“, съ подушками и постельнымъ бѣльемъ, „неравно Валентинъ Алексѣичъ захочетъ послѣ обѣда отдохнуть, а до Темнаго Кута засвѣтло

не доѣхать, съ двумя верховыми, „не дай Богъ что̀ съ экипажемъ случится, такъ чтобъ народъ былъ подъ рукой“...

Коверзневъ на все это только поморщился и сказалъ, что онъ ни ѣсть, ни спать, ни провожатыхъ не желаетъ, а хочетъ сейчасъ-же сѣсть и ѣхать.

Мигомъ велѣлъ подавать капитанъ четверку подъ коляской для Валентина Алексѣича, тарантасъ для его итальянца; мигомъ вынесены были и уложены на телѣгѣ мѣшки и чемоданы,—а самъ капитанъ полѣзъ на козлы экипажа Коверзнева...

— Куда вы, Иванъ Николаевичъ? Садитесь со мной, сказалъ тотъ.

Переслѣгинъ отговорился было, что „ничего-съ, ему и тутъ хорошо,“—однако слѣзъ и помѣстился въ коляскѣ, рядомъ съ Валентиномъ Алексѣичемъ, но бочкомъ къ нему старательно подбиралъ подъ себя ноги при каждомъ толчкѣ, чтобы какъ-нибудь не прикоснуться колѣномъ своимъ о его колѣно.

Дорогой передано было имъ все, что̀ могло интересовать владѣльца Темнаго Кута. Таксаторъ велъ дѣло отлично. Болѣе двадцати тысячъ десятинъ лѣсу были уже разбиты на правильныя лѣсосѣки, проведены широкія просѣки, поставлены столбы и даже въ главнѣйшихъ пунктахъ каменные. Вмѣсто прежнихъ неудобныхъ и холодныхъ сторожекъ на межахъ, имъ выстроены были въ самомъ центрѣ ихъ настоящія, теплыя избы, матеріаломъ для которыхъ пошли деревья, срубленныя, гдѣ лѣсники могли удобно жить съ семьею, и откуда могъ донестись до ихъ слуха стукъ воровскаго топора на любомъ пунктѣ ввѣреннаго имъ лѣснаго пространства. Сами бывшіе лѣсники, изъ мѣстныхъ крестьянъ, которые, уже изъ-за одного кумовства, готовы были всегда давать потачку порубщикамъ, замѣнены были, извѣстными Ивану Николаичу, надежными унтеръ-офицерами изъ отставныхъ и безсрочныхъ, и Софронъ Артемьичъ очень охотно согласился положить этимъ новымъ лѣсникамъ двойное противъ прежняго жалованье и продовольствіе.

— Да, онъ мнѣ писалъ объ этомъ, и я, разумѣется, со своей стороны, очень былъ радъ, сказалъ Коверзневъ.

— Очень они большую тутъ помощь оказали и сами все устраивали, теплымъ тономъ молвилъ Переслѣгинъ.

Валентинъ Алексѣичъ чуть-чуть усмѣхнулся:

— Онъ къ вамъ благоволитъ, значитъ?

— Софронъ Артемьичъ-съ? Могу только съ полною благодарностью... Очень хорошій *они* человѣкъ, и съ совѣстью...

Улыбка пробѣжала опять по губамъ Коверзнева.

— Изо всего этого я могу предположить, что вамъ недурно въ нашемъ царствѣ? спросилъ онъ шутливо.

— И царствія небеснаго не нужно, Валентинъ Алексѣичъ! восторженно и умиленно подымая на него глаза, воскликнулъ на это капитанъ.

О капитанѣ же, по пріѣздѣ въ Темный Кутъ, Коверзневу довелось услышать не менѣе сочувственные и похвальные отзывы со стороны Софрона Артемьича.

„Главный лѣсникъ“ умѣлъ съ большимъ тактомъ пощадить самолюбіе управляющаго, когда, три года назадъ, возведенъ былъ въ эту должность Коверзневымъ. Онъ, очевидно, съ первой же минуты, счелъ наилучшимъ остаться относительно Софрона Артемьича на прежней ногѣ почтительности и наружной подчиненности, предоставляя ему и далѣе чуфариться и относить себѣ въ заслугу все, что дѣлалось Переслѣгинымъ на пользу ввѣреннаго ему дѣла, и къ чему самъ Барабашъ собственно могъ только прилагать никому ненужную апробацію. За то господинъ Барабашъ и говорилъ о капитанѣ съ величайшею благосклонностью, какъ о ретивомъ и полезномъ подчиненномъ, и „даже, можно сказать, человѣкѣ съ *аттенціей*. Впрочемъ, Валентинъ Алексѣичъ сами увидятъ, говорилъ онъ, какъ онъ у *меня* въ акуратѣ по лѣсной части все устроилъ“. О нравственной сторонѣ его Софронъ Артемьичъ отзывался также, что „на счетъ поведенія капитанъ теперь, можно сказать, *маделъ*. О „слабости“, съ тѣхъ поръ, *„какъ онъ тогда у меня прощенья просилъ*, и вотъ третій годъ,—и помину нѣтъ“...

— И даже, можно сказать, горячо росписывалъ управляющій,—это самое вино—онъ теперича его видѣть не можетъ. Повѣрите, нѣтъ-ли, Валентинъ Алексѣичъ, если, къ примѣру, въ праздникъ у меня, за обѣдомъ, рюмку ему одну выпить, такъ и то для него большая *меланхолія*...

Коверзневъ только взглянулъ на него.

— Точно такъ-съ! подтвердилъ Барабашъ, чувствовавшій себя, очевидно, въ ударѣ, и игриво примолвилъ:—особенно-же какъ онъ теперича желаетъ вступить въ *узы Гималая*.

На этотъ разъ Валентинъ Алексѣичъ не выдержалъ.

— То есть это что-же? невольно спросилъ онъ.

— Въ бракъ вступить задумалъ-съ, пояснилъ Софронъ Артемьичъ,—жена его померла вѣдь-съ.

— Померла,—да? А я думалъ... поспѣшилъ сказать Коверзневъ,—давно?

— Второй годъ,—можно сказать-съ, отъ сраму его избавила!..

— И на комъ-же это онъ теперь опять вздумалъ жениться?

— Тутъ-съ... барышня одна есть, отвѣтилъ, уже словно нехотя, Барабашъ, — помѣщицы Мурашкинской, Лизаветы Степановны племянница будетъ.

— Молодая?

— Молода, это первое-съ,—не по лѣтамъ ему; а, окромѣ того, опасаюсь, чтобы не вышла ему изъ этого опять *карамболь* какая нибудь...

— Какой-же вы такой „карамболи“ опасаетесь?

Софронъ Артемьичъ глубокомысленно нахмурился, соображая, какъ ему это объяснить понятнѣе.

— А такъ, Валентинъ Алексѣичъ, что насчетъ *развитія*— это первое сказать надо... Потому онъ извѣстно, по-старинному, читать, писать, *арыхметику*,—и все-съ! А какъ теперича по наукѣ и *прагрессу*—этого онъ не можетъ, сами изволите знать... Ну, а она-съ самое, можно сказать, современное образованіе получила... И къ тому еще надо сказать, примолвилъ онъ раздумчиво, — *эманципація* эта теперешняя очень ужь въ нихъ замѣтна. На охоту это, повѣрите, нѣтъ-ли, въ болото, съ ружьемъ, сапоги высокіе, и даже по-мужски иной разъ *кастюмъ* этотъ на себя надѣнутъ... И бьетъ какъ ловко, сказываютъ.

— А собою какъ?

Господинъ Барабашъ на этотъ вопросъ передернулъ очки

свои, повелъ какъ-то особенно губами — и вдругъ широко осклабился:

— Даже очень не дурная-съ, Валентинъ Алексѣичъ, пропустилъ онъ почему-то шопоткомъ,—и даже, можно сказать, настоящая *бельэмъ*... Становой у насъ тутъ новый, Потужинскій фамилія, Евгеній Игнатьичъ, такъ тотъ даже...

Управляющій оборвалъ вдругъ на полусловѣ...

Коверзневъ вопросительно поднялъ голову.

— Что-же становой?

Господинъ Барабашъ стыдливо потупился.

— Не знаю-съ, какъ это вамъ передать-съ, потому, можетъ быть, вамъ покажется неприличное...

— Что такое, говорите!

— Онъ про эту самую барышню замѣчаетъ-съ, что она въ таліи—комаръ, а въ плечахъ—Волга...

И цѣломудренный управляющій, отвернувъ лицо отъ барина, фыркнулъ въ красный фуляръ, поспѣшно вытащенный имъ изъ кармана на этотъ случай.

— Что-же вы тутъ неприличнаго находите? сказалъ Коверзневъ, разсмѣявшись въ свою очередь;—это даже очень хорошо сказано: „въ таліи комаръ, а въ плечахъ Волга“...

Софронъ Артемьичъ ушелъ отъ барина, совершенно довольный и имъ, и собою.

VI.

Два дня послѣ пріѣзда своего въ Темный Кутъ, Коверзневъ, проснувшись рано утромъ и открывъ ставни своей спальни, откинулся невольнымъ движеніемъ отъ окна, не вѣря въ первую минуту глазамъ своимъ: — вся окрестность покрыта была глубокимъ, сверкающимъ снѣгомъ, какъ въ самое сердце зимы, и прибитый тутъ-же за стекломъ термометръ указывалъ 5° ниже нуля. Это былъ тотъ знаменитый, повсемѣстный морозъ на Николинъ день 1876 года, какого не запомнятъ старожилы, отъ котораго опалъ, въ нѣсколько часовъ времени, весь ранній въ этомъ году цвѣтъ съ плодовыхъ деревьевъ, и лѣса потеряли половину своихъ еще нѣжныхъ, недавно распустившихся листьевъ... Валентина Алексѣича такъ поразило это печальное зрѣлище, что онъ тутъ-же, захлопнувъ скорѣе ставни и зажегши свѣчи, принялся разбирать свои портфели съ лихорадочною поспѣшностью, чтобы „не видѣть этотъ позоръ и насиліе“. Онъ былъ очень воспріимчивъ и страстно любилъ природу:—этотъ холодный, нагло сверкающій зимній саванъ, налегшій нежданно, негаданно на цвѣтущее лоно весны, представлялся ему, дѣйствительно, „насиліемъ“ какой-то грубой, ненавистной стихійной силы надъ вѣчными, божественными правами ея...

Онъ съ досады не выходилъ дней десять сряду, работая при закрытыхъ ставняхъ въ своемъ кабинетѣ, а для движенія отправлялся по вечерамъ на прогулку въ молчаливыя залы верхняго этажа своего обширнаго и пустаго дома. Видъ изъ его окна на огромныя старыя липы посреди двора, сѣженыя

его прадѣдомъ, съ ихъ теперь полуобнаженными вѣтвями, вызывалъ въ немъ каждый разъ какое-то скорбное, почти болѣзненное чувство, — и онъ проходилъ мимо, опустивъ голову и глаза...

Онъ, за это время, никого не видѣлъ, не пускалъ къ себѣ, — и капитанъ, возвращаясь изъ лѣсу, не разъ, съ безпокойствомъ въ лицѣ, допрашивалъ Софрона Артемьича, „состоитъ-ли въ здравіи Валентинъ Алексѣичъ и можно-ли скоро ожидать, что угодно имъ будетъ осмотрѣть новыя лѣсничества?“ — на что̀ управляющій, въ свою очередь, съ значительнымъ и нѣсколько таинственнымъ видомъ, отвѣчалъ обыкновенно, что „собственно судить объ этомъ нельзя, потому у барина, по-прежнему, въ комнатахъ ставни закрыты, и *драпра* (то есть занавѣси) спущены, и такъ, значитъ, полагать надо, что они, по-прежнему, занимаются *политикой*, а только что у нихъ *ндравъ* неожиданный и даже, можно сказать, *натуральный*, какъ завсегда у *людей науки*, а потому *ихъ* каждую минуту *вообще* должно ожидать“...

И дѣйствительно Барабашъ, бывшій самъ ежеминутно начеку, сидя однажды у своего окна въ одинъ изъ тѣхъ палящихъ дней, которыми, какъ бы въ отместку за стужу своихъ первыхъ дней, отличалась вторая половина мая того года, увидѣлъ барина, спускавшагося съ крылечка, пристроеннаго къ его кабинету. Онъ былъ въ охотничьей курткѣ и съ ружьемъ; привезенный имъ съ собою англійскій сетеръ несся визжа внизъ по ступенямъ, словно обезумѣвъ отъ радости... Былъ уже часъ восьмой пополудни, — но воздухъ былъ все также душенъ и сухъ...

— Ну, теперь пропалъ въ лѣсу на недѣлю! сказалъ себѣ управляющій, торопливо скидывая съ плечъ новый сюртукъ и жилетъ, которые онъ все это время воздѣвалъ на себя съ утра, въ ожиданіи, „каждый моментъ“, призыва къ барину;— Лукерья, ставь самоваръ!...

Валентинъ Алексѣичъ прошелъ Дерюгинскими задами на Хомяки, пробираясь къ памятной ему съ дѣтства лѣсной опушкѣ, у Пьяной Лужи, надъ которой искони „тянули“ вальдшнепы. Онъ шелъ теперь опять туда, за тѣмъ же, какъ

въ тѣ дни, когда бѣжалъ со своимъ ружьемъ вслѣдъ за своимъ англичаниномъ, по тѣмъ же тропинкамъ, подъ тѣнью все тѣхъ же темныхъ дубовъ, съ лихорадочно бьющимся сердцемъ, съ безконечнымъ рядомъ подвиговъ въ ребяческомъ воображеніи... А тамъ, на мѣстѣ, что это были за восторги, и трепетъ ожиданія, и до боли сладкія опять замиранія сердца!... Все такъ же живо, той же будто обидой, какъ тогда, звенѣлъ въ ушахъ его гортанный смѣхъ Фокса вслѣдъ за первымъ его промахомъ; вспоминались горячія слезы, вызванныя въ немъ этимъ смѣхомъ, и неудачею, и неодобрительной улыбкой Дениса, егеря, стоявшаго подлѣ него, и который только молча протянулъ руку, чтобы зарядить ему вновь это такъ неудачно выпалившее ружье...

— Что за человѣкъ? окликнулъ его нежданно чей-то голосъ.

Передъ нимъ стоялъ здоровенный усачъ, съ „флинтовкой“ за плечомъ и мѣдною бляхою на лѣвой сторонѣ коротенькаго кафтана „русскаго покроя“, какія носятъ кондуктора на желѣзныхъ дорогахъ; четырехъ-угольная, какъ и у нихъ, шапочка съ такою-же бляхою, на которой читалось вытисненное крупными черными буквами „Хомяки“, покрывала его голову.

— Это изъ новой гвардіи капитана! сказалъ себѣ Коверзневъ, усмѣхнувшись...

Онъ назвалъ себя—и изъ видимаго смущенія на лицѣ лѣсника убѣдился, что въ этой встрѣчѣ не было ничего пріуготовленнаго заранѣе,—что было бы ему очень непріятно.

— А ты меня зачѣмъ остановилъ? спросилъ онъ.

— Потому какъ съ ружьемъ-съ... Стрѣлять у насъ въ лѣсу чтобы отнюдь никто не смѣлъ, приказывали Иванъ Николаичъ, отвѣчалъ усачъ, ободренный улыбкой барина;—и какъ особенно до Петрова дни закономъ строго воспрещено, ваше сіятельство! гаркнулъ онъ вдругъ, какъ бы вспомнивъ.

— Валентинъ Алексѣичъ, просто! поправилъ его Коверзневъ.

— Слушаю, ваше... не договорилъ лѣсникъ, вытянувшись передъ нимъ, руки по швамъ и недоумѣло глядя на него...

— Что ты самъ—охотникъ? спросилъ Коверзневъ.

Лѣсникъ растянулъ широко губы:

— Есть маленечко, ваше с.....

— Не замѣтилъ, тяга хорошо въ этомъ году?

— Не важная-съ, — даже и вовсе по началу не видать было, потому холода все стояли; недавно только тянуть сталъ...

— А гдѣ твоя изба? Я еще не видалъ вашихъ новыхъ помѣщеній.

— Вотъ тутъ сейчасъ, вправо-съ новый просѣкъ пойдетъ, такъ по немъ прямо выйти. Если угодно вашей милости...

Нововыстроенная изба лѣсника по Хомякамъ оказывалась, дѣйствительно, очень удобнымъ, свѣтлымъ и чистымъ помѣщеніемъ. Коверзнева при входѣ въ нее обдало сильнымъ запахомъ сушеныхъ травъ;—усачъ, человѣкъ одинокій и не молодой, составлялъ изъ нихъ какой-то цѣлебный чай, которымъ пользовалъ себя отъ ломоты.

— Кто-же тебя этому научилъ? спросилъ Валентинъ Алексѣичъ.

— Венгерецъ, коновалъ, ваше с... Подъ Дебрегинымъ въ полонъ мы ихъ тогда много забрали.

— А ты венгерскую компанію дѣлалъ?

— Съ генераломъ Лидерсовымъ всю Перансыльхваннію обошли, ваше-съ... браво отрапортовалъ старый служивый.

— Да не прикажите-ли чаю заварить, ваше вскр... вдругъ какъ бы спохватился онъ.

— Твоего? усмѣхнулся Валентинъ Алексѣичъ.

— Помилуйте-съ, у насъ по всѣмъ лѣсничествамъ розданъ настоящій, китайскій на сей случай!

— На какой случай?...

— А собственно, что ежели ваша милость зайдутъ съ охоты, или какъ,—чай, сахаръ и все, какъ слѣдуетъ.

— Это капитанъ распорядился?...

— Сами они-съ!

— „Какая-то женская обо мнѣ заботливость!“ подумалъ Коверзневъ, невольно тронутый... — Давно онъ здѣсь былъ? спросилъ онъ.

— Иванъ Николаичъ? За часъ мѣста передъ вашей милостью проѣзжали.

— Куда, не знаешь?

— Не сказывали, а такъ полагать, что безпремѣнно въ Мурашкахъ теперь они.

— Да, это тамъ, гдѣ „узы Гималая!“ весело вспомнилось Валентину Алексѣичу...

Онъ свистнулъ своего Джима—и направился къ Пьяной Лужѣ.

VII.

Онъ стоялъ уже тутъ давно, на опушкѣ лѣса, прислонясь спиной къ дереву, со взведеннымъ на оба курка ружьемъ— и ожидалъ. Зарево заката отражалось послѣднимъ багрянымъ свѣтомъ на длинной грядѣ синевато-сизыхъ облаковъ, но душный воздухъ висѣлъ еще надъ землею свинцовою тяжестью. Сквозь мертво недвижную листву лѣса высовывался тонкій серпъ нарождавшагося мѣсяца въ струяхъ какого-то молочнаго пара. Птицы смолкли. Тускло-зеленая гладь, лежавшая передъ Ковернзневымъ, лѣснаго прудка отливала угрюмо и грозно...

Угрюмо было и на душѣ его. Внезапная, безпричинная тоска налетѣла на него и давила его, какъ давитъ этотъ угасавшій, палящій день окрестную природу... Прошедшее воскресало передъ нимъ, возставалъ призракъ его собственной, одинокой, равнодушной и безцѣльной жизни. И никогда еще такъ одинокою и безцѣльною не казалась ему эта жизнь его. Онъ разумѣлъ до сихъ поръ счастіе въ независимости „внутри и извнѣ“, въ сознаніи безграничной, отрѣшенной отъ всѣхъ „условностей жизни“ свободы... „Ну, а затѣмъ“, спрашивалъ себя теперь Ковернзневъ, „куда и долго-ли еще будетъ гнести меня эта свобода?“...

Онъ оборвалъ вдругъ и безсознательно скорчилъ гримасу: онъ поймалъ себя на „фразѣ“ и „метафизикѣ“, что всегда казалось ему смѣшнымъ въ другихъ, и въ чемъ онъ поэтому счелъ нужнымъ тутъ же упрекнуть себя...

Знакомый чуткому уху охотника хрипъ пронесся въ это время въ воздухѣ, почти надъ самой его головою.

Коверзневъ, какъ со сна, машинально вскинулъ ружье къ плечу.

Но уже было поздно: вальдшнепъ далъ колѣно—и исчезъ за вершинами лѣса.

Въ тоже время, звучно повторяемый лѣснымъ эхомъ, раздался вдали выстрѣлъ.

— Это же еще кто? спросилъ себя Валентинъ Алексѣичъ, возвращаясь уже весь къ сознанію дѣйствительности; лѣсникъ только-что увѣрялъ меня, что капитанъ строжайше запретилъ стрѣлять въ моихъ лѣсахъ.

Онъ наставилъ ухо, прислушиваясь къ еще перекатывавшемуся гулу выстрѣла.

— Въ казенной пущѣ развѣ?... Нѣтъ, это ближе, — и стоитъ *онъ* на тягѣ на одной линіи со мной, вверхъ къ Хомяковской межѣ. Кто же это можетъ быть?

Новый выстрѣлъ огласилъ даль.

— Должно быть, безъ промаха! досадливо подумалъ Валентинъ Алексѣичъ:—ни полвальдшнепа не тянетъ сюда болѣе.

Онъ опустилъ курки, закинулъ двустволку свою за спину и пошелъ прямо, вдоль опушки, направляясь на эти выстрѣлы.

Онъ прошелъ съ полверсты и никого не встрѣтилъ.

— А вотъ еще и новая просѣка, сказалъ онъ себѣ, останавливаясь у незнакомаго ему большаго каменнаго столба, имѣвшаго, догадался онъ, означать уголъ граничной черты Хомяковскаго лѣса отъ казенной пущи.

По этой просѣкѣ несся теперь топотъ двухъ лошадей.

Коверзневъ остановился.

Навстрѣчу ему быстро катила легонькая телѣжка, изъ рода тѣхъ, которыя на русскомъ югѣ зовутъ польскимъ названіемъ *нетычанокъ*, а въ ней сидѣла и правила кругленькою, ходкою лошадкою молодая женская особа въ черной шляпѣ съ птичьимъ крыломъ на боку. Капитанъ Переслѣгинъ, все въ томъ же своемъ костюмѣ счастливаго тирольца, верхомъ на худомъ, горбоносомъ и нещадно задиравшемъ вверхъ голову, казацкомъ конѣ, уткнувшись въ стремена тѣмъ особымъ аллюромъ пѣхотныхъ офицеровъ, надъ которымъ такъ потѣшаются истые кавалеристы, едва поспѣвалъ за этой осо-

бой, разражавшейся звонкими взрывами смѣха при каждомъ прыжкѣ легкой телѣжки на встрѣчныхъ, неизгнившихъ еще корняхъ срубленнаго лѣса просѣки.

Она первая замѣтила Коверзнева и откинулась спиною въ задокъ *нетычанки*, натягивая возжи—осадить разбѣжавшуюся лошадку.

Капитанъ, усиленно задавая каблуками въ бедра своего коня, вынесся впередъ, вообразивъ, что она уноситъ ее, — и увидѣлъ своего патрона... Онъ торопливо и смущенно соскочилъ съ коня, подхвативъ его подъ уздцы одною рукою, а другою уцѣпился за возжу лошади своей спутницы.

Валентинъ Алексѣичъ поморщился: онъ терпѣть не могъ никакихъ „почтительностей“, ни знаковъ вниманія,—а тутъ, кромѣ того, по всѣмъ вѣроятіямъ, предстоялъ ему еще разговоръ съ этой незнакомкой, остановившейся, очевидно, съ цѣлью „поглазѣть“ на него.

Онъ не ошибся:

— Вы не на тягу-ли, позвольте васъ спросить? обратилась она къ нему звонкимъ, густымъ и нѣсколько горловымъ голосомъ.

Онъ не успѣлъ отвѣтить, какъ она живо наклонилась, подняла со дна *нетычанки* двухъ убитыхъ птицъ и потрясла ими высоко въ воздухѣ:

— А вотъ моя работа! И она при этомъ припрыгнула съ громкимъ смѣхомъ на своемъ мѣстѣ.

— Такъ это вы были? сорвалось невольно у Коверзнева при этомъ видѣ.

— Вы были также на пролетѣ, и я вамъ перебила! воскликнула она, тотчасъ же догадавшись, — извините, пожалуйста?...

— Я вамъ говорилъ-съ, прошепталъ сконфуженно капитанъ, съ упрекомъ глядя на нее.

— Говорили, сто разъ говорили, и я васъ не послушалась, я все-таки увѣрена, что васъ за это не лишатъ жизни, громко отвѣтила она. Ужасно лютъ капитанъ на счетъ вашей собственности! обратилась она уже прямо къ Валентину

Алексѣевичу,—не то дичь, гриба не смѣй присвоить себѣ въ вашихъ владѣніяхъ!...

— Иванъ Николаичъ стоитъ во всякомъ случаѣ на законной почвѣ, сказалъ тотъ на это съ холодною шутливостью.

— Такъ точно-съ! подтвердилъ тѣмъ же шопотомъ капитанъ.

— Ахъ, Боже мой, да вы, можетъ быть, почитаете меня за нигилистку! вскрикнула словообильная особа, прищуриваясь на Ковёрзнева не то высокомѣрно, не то обиженно: — вы очень ошибаетесь, предваряю васъ, monsieur! Я, конечно, сочувствую современному гуманизму и презираю всякій регрессъ, но по убѣжденіямъ своимъ придерживаюсь гораздо болѣе позитивизма...

Она разсмѣялась еще разъ:

— Я и забыла, что вы меня совсѣмъ не знаете... Капитанъ, дѣлайте ваше дѣло,—представьте меня!...

— Позвольте прежде всего представить вамъ себя, учтиво поспѣшилъ сказать Ковёрзневъ, приподымая шляпу и кланяясь.

— Ахъ, я васъ давно знаю! перебила она его:—вы нашъ, такъ сказать, русскій Ливингстонъ и Стенли. Я о вашей книгѣ читала въ *Вѣстникѣ* и успѣла составить уже себѣ о васъ понятіе, какъ о человѣкѣ интеллигентномъ... А вотъ я для васъ ничего болѣе, какъ неожиданная встрѣча, не правда-ли?

— Я, дѣйствительно, не имѣю чести... пробормоталъ онъ, подымая и останавливая на ней неулыбавшіеся глаза.

Это была бѣлокурая, довольно свѣжая „барышня“ (барышня была она по всѣмъ признакамъ) со вздернутымъ, слегка румянымъ носикомъ, алыми губами и широкимъ развитіемъ плечей и груди, при чрезвычайно тонкомъ и длинномъ станѣ („Въ таліи комаръ, а въ плечахъ Волга — и даже въ весеннемъ разливѣ“, сказалъ себѣ Ковёрзневъ, внутренно улыбнувшись). Въ выраженіи лица ея, въ ея движеніяхъ и тонѣ рѣчи была какая-то ребяческая смѣсь прирожденнаго добродушія и напускной самоувѣренности. Она, прищурившись, чуть не дерзко, вся при этомъ невольно краснѣя, глядѣла на

Валентина Алексѣевича, чрезвычайно озабоченная въ глубинѣ души тѣмъ впечатлѣніемъ, какое могла произвести выказанная ею сейчасъ „образованность“ на этого „русскаго Ливингстона и Стенли“.

Онъ, въ свою очередь, производилъ на нее нѣсколько внушительное впечатлѣніе. Но она никакъ не хотѣла поддаться этому „унизительному“ чувству и продолжала еще съ большею развязностью:

— Ну, „не имѣете чести“, такъ отгадайте!... Капитанъ, ни слова! Не умѣли сказать вò-время, теперь молчите! Я хочу, чтобъ monsieur Ковернзневъ отгадалъ... Ну, хоть собственное имя отгадайте!

— Я, право, не могу... молвилъ Валентинъ Алексѣевичъ, какъ бы безсознательно хмурясь.

— Очень трудно отгадать, это правда, у меня премудреное имя. Ну, такъ вотъ: Инна, Пинна, Римма, три дѣвицы, три великомученицы и три Римлянки—выбирайте!

Онъ, молча, только руками развелъ.

— Пинна Афанасьевна Левентюкъ, поспѣшилъ притти ему на помощь Переслѣгинъ. Ему было видимо не по себѣ отъ этого разговора и онъ съ какою-то тайною тревогой переводилъ глаза съ дѣвушки на Ковернзнева и обратно.

— Очень радъ, проговорилъ Ковернзневъ, поспѣшно приподнялъ еще разъ шляпу и разомъ двинулся съ мѣста.

— Куда же это вы? воскликнула дѣвушка,—теперь не до охоты, а домой скорѣй надо: видите, что̀ оттуда несетъ? И она, подобравъ возжи, кивнула подбородкомъ вверхъ.

Онъ моментально обернулся.

Уже охватившая полнеба, ползла съ востока поверхъ лѣсныхъ вершинъ, словно норовя задѣть ихъ своими темными краями, огромная темно-фіолетовая туча.

— Страшнѣющая гроза будетъ! вскинулся вдругъ испуганно капитанъ,—только-только до лѣсника въ Хомякахъ доѣхать!

— И напиться у него вашего чаю? вспомнилъ Ковернзневъ:—спасибо вамъ за это, кстати, Иванъ Николаичъ! ска-

залъ онъ, ласково улыбаясь радостно вспыхнувшему отъ этихъ словъ Переслѣгину.

— Садитесь, monsieur, я васъ подвезу! поспѣшила предложить Пинна Афанасьевна.

Предстоявшій ливень не представлялъ ничего заманчиваго для Валентина Алексѣича, но онъ, съ другой стороны, не чувствовалъ себя въ достаточно хорошемъ настроеніи духа, чтобы слушать дальнѣйшую болтовню „развитой“ дѣвицы, какъ о ней выражался Софронъ Артемьичъ Барабашъ.

— Очень вамъ благодаренъ, сказалъ онъ съ учтивой улыбкой,—не долги эти лѣтнія грозы. Я собрался въ Крусаново,—дойду, авось не растаю.

— Зальетъ-съ... дорогу, Валентинъ Алексѣичъ, глядя ему съ умоляющимъ видомъ въ глаза, возразилъ капитанъ.

Тотъ пожалъ плечами.

— Дѣло бывалое, Иванъ Николаичъ!... Въ Крусановѣ опять сторожка и лѣсникъ, должно быть,—и прямо по просѣкѣ теперь? спросилъ онъ.

— На версту еще прямо пройдетъ, а тамъ дальше, изволите знать, трясина...

— *Вѣдьминъ Логъ*, знаю!

— Такъ точно-съ! Такъ мимо, подъ прямымъ угломъ, мы вправо повели; на прежнюю дорогу выходитъ, а съ нея опять просѣка до полянки, гдѣ тамошняго лѣсника изба. Версты четыре отсюда не менѣе итти надо дотолѣ. Позвольте доложить вамъ, Валентинъ Алексѣичъ, заговорилъ вдругъ капитанъ прерывающимся отъ волненія голосомъ,—не совѣтую вамъ... Пожалуй сейчасъ зги не увидать будетъ, и самое тутъ мѣсто ненадежное, болота кругомъ бездонныя... Не дай Богъ!...

— Съ дѣтства знаю я эти мѣста, Иванъ Николаичъ, не собьюсь, молвилъ Ковержневъ.

— Такъ вы рѣшительно отказываетесь отъ моего предложенія довезти васъ? спросила съ замѣтною досадою Пинна Афанасьевна.

— Искренно благодарю васъ, отвѣчалъ онъ,—но упрямство—мой порокъ...

— Вольному воля! Вы находитесь, очевидно, подъ вліяніемъ

аффекта, но я не желаю попасть подъ ливень по вашему примѣру... Ѣдемте скорѣе, Иванъ Николаичъ.

— Позвольте, Валентинъ Алексѣичъ, предложилъ тотъ, вскарабкиваясь поспѣшно на лошадь,—я вотъ *ихъ* сейчасъ до Хомяковъ довезу и вернусь къ вамъ съ экипажемъ. Не дай Богъ, ночь, гроза, опасно...

— А я знаете, что̀ вамъ скажу, перебила его вдругъ дѣвушка, оборачиваясь на Коверзнева изъ своей *нетычанки*,— все это старобарскіе капризы!

Его такъ и покоробило отъ этого слова. Онъ холодно, коротко поклонился ей, свистнулъ своего сеттера и, не отвѣтивъ ни единымъ словомъ, быстро двинулся съ мѣста.

— А впрочемъ, не успѣвъ отойти и пяти шаговъ, сказалъ онъ себѣ усмѣхаясь,—оно и такъ пожалуй!...

И онъ какъ бы невольно оглянулся. Но телѣжка съ подпрыгивавшимъ на сѣдлѣ за нею капитаномъ быстро удалились въ сторону Хомяковъ.

VIII.

Шумъ колесъ и конскій топотъ уже успѣли смолкнуть. Коверзневъ быстрымъ, гимнастическимъ шагомъ подвигался впередъ, внимательно, привычнымъ къ наблюденію природы взоромъ, оглядывая отъ времени до времени темнѣвшую окрестность. Прямо противъ него, на западѣ, горѣло еще, сквозя межъ лѣса, багряное полымя заката, но все остальное небо уже заволакивалъ мракъ и ненастье. Все ниже и ниже опускались тучи, вершины деревъ уже исчезли въ клубахъ сѣраго тумана и, охваченные внезапно его влажнымъ холодомъ, испуганно слетали съ нихъ вороны и съ зловѣщимъ карканьемъ рѣяли растерянно въ воздухѣ... Глухой, но уже грозный, грохотъ несся изъ какой-то близкой дали; звѣрь не ревѣлъ еще,— онъ сдержанно рычалъ и готовился...

„Собирается не на шутку, кажись“, говорилъ себѣ Валентинъ Алексѣевичъ;—„сухимъ до Крусанова не дойти видно никакъ“... Ему вспомнились Америка, Техасъ, страшная гроза, выдержанная имъ на берегахъ Рio-Браво. Его тогда спасъ спутникъ его, мексиканецъ, отъ вѣрной смерти, оттащивъ своевременно изъ-подъ вѣтвей обрушившагося подъ ударами грома платана, вблизи котораго стояли они...

— Don't be frightened, Jim! *) ласково промолвилъ онъ, останавливаясь на мигъ и наклоняясь къ своей собакѣ, въ какомъ-то странномъ испугѣ жавшейся все время на-ходу къ его колѣнкѣ;—мы съ тобой здѣсь не подъ тропиками...

---

*) Не бойся, Джимъ.

Онъ успѣлъ уже пройти остальную версту той прямой линіи просѣки, которая, какъ сообщено ему было капитаномъ, постепеннымъ наклономъ спускалась до берега *Вѣдьмина Лога*, круто сворачивала затѣмъ вправо и вдоль того же берега шла на соединеніе съ большою дорогою, уже хорошо знакомою Валентину Алексѣевичу. Онъ повернулъ по ней, какъ было указано, едва уже различая дорогу предъ собою. Лѣсъ въ этомъ мѣстѣ замѣтно рѣдѣлъ и понижался. Близость болота, мимо котораго шелъ путь Коверзнева, давала себя чувствовать умягченіемъ почвы, въ которую ноги его уходили индѣ какъ въ какое-то тѣсто.

Въ памяти его пронеслись давнишніе, слышанные имъ въ дѣтствѣ разсказы объ этомъ болотѣ. Это было, дѣйствительно, скверное мѣсто, недаромъ носившее прозвище, данное ему суевѣрнымъ страхомъ окрестнаго народа. Вѣчно цвѣтущее на поверхности какою-то коварно-изумрудною зеленью, оно не выпускало живымъ никого, имѣвшаго несчастіе попасть въ его засасывающую бездну. Тянулось оно версты на три въ окружности. Противоположный берегъ подымался надъ нимъ довольно высокимъ крутымъ скатомъ, и съ этого ската однажды, на памяти Валентина Алексѣевича, сорвался высоко наложенный возъ сѣна и весь, съ лошадью и парубкомъ-возчикомъ, сидѣвшимъ на немъ, ухнулъ и навѣки исчезъ въ этой зеленой хляби... Онъ помнилъ еще блѣдное лицо, съ какимъ воспитатель его, Фоксъ, вернувшись съ верховой прогулки, разсказывалъ ему, какъ, проѣзжая мимо *Вѣдьмина Лога*, скакунъ его увязъ внезапно задними ногами въ трясинѣ и онъ едва успѣлъ вытащить его оттуда, и какъ, „въ ту минуту, когда онъ почувствовалъ, что крупъ Блекбуля изчезаетъ подъ нимъ, и самъ онъ валится назадъ и вотъ сейчасъ, сейчасъ туда опрокинется вмѣстѣ съ лошадью, онъ испыталъ такой смертный страхъ („anguish of death“), какой, думалъ онъ до сихъ поръ въ своей гордости, онъ неспособенъ былъ когда либо испытывать“... Старыя деревенскія бабуси пугали внучатъ своихъ „*Мавками*“, увлекающими въ осеннюю ночь путниковъ въ это свое бездонное логовище...

Но мысль Коверзнева не хотѣла, да и не способна была

останавливаться долго на этихъ представленіяхъ. Не то видалъ онъ въ своей, богатой всякими приключеніями, жизни... Онъ шелъ все такъ же бодро впередъ, среди обнимавшей его теперь уже со всѣхъ сторонъ темноты, держа обѣими руками передъ собою ружье на перевѣсъ, оберегая такимъ образомъ плечи свои и локти отъ толчка о какое нибудь препятствіе... Онъ не жалѣлъ, что не далъ увезти себя отъ непогоды „этой дѣвицѣ“. Во-первыхъ, онъ издавна любилъ всякія необычныя ощущенія и „*такъ называемыя* опасности“, какъ привыкъ онъ презрительно выражаться. А затѣмъ... Какими смѣшными словами, думалъ онъ, обзавелись они теперь бѣдные: „*аффектъ*“, „*регрессъ*“, „*Огюстъ Контъ*“, „*Лассаль*“!... И „пресерьезно, какъ точно орѣхи щелкаютъ“...

Смѣхъ, вызванный въ немъ этимъ нежданно пришедшимъ ему въ голову сравненіемъ, готовъ былъ сорваться съ его устъ... и замеръ. Трескучій, оглушившій на нѣсколько мгновеній Ковернзнева, громовой ударъ грянулъ, показалось ему, въ трехъ шагахъ отъ него. Онъ отскочилъ невольно, невольно сжимая вѣки, опаленныя жгучимъ пламенемъ разразившейся молніи; острый, нестерпимый запахъ сѣры охватилъ его обоняніе, проникалъ въ его горло; крупныя дождевыя капли зашлепали по его шляпѣ, по его спинѣ...

И словно только и ждали они этого сигнала,—завыли, загудѣли, застонали кругомъ чудовищные голоса бури. Лѣсъ дрогнулъ весь и заскрипѣлъ подъ раздирающимъ стономъ налетѣвшаго на него, наклонившаго, сломившаго его разомъ, вихря. Трескъ лома и шлепъ оземь обрушенныхъ деревьевъ, удары грозы, слѣдовавшіе теперь одинъ за другимъ съ ужасающею быстротою, гулъ дождя, падавшаго съ небесъ уже не каплями, а непрерывною, сплошною пеленой, производили какое-то одуряющее, фантастическое впечатлѣніе. Словно какой-то стихійный духъ, неистово мятежный, несся на гибель и разрушеніе всего Божьяго міра. Едва-ли что либо подобное дано было видѣть Ковернзневу и „подъ тропиками“. Но ему некогда было уже сравнивать, вспоминать, онъ и не въ шутку былъ озабоченъ положеніемъ, въ которомъ находился. Блескъ молній слѣпилъ ему глаза, не давая ни времени, ни возмож-

ности разсмотрѣть окружающіе предметы, сообразиться, найти исходъ... Итти прежнимъ путемъ, прямо, представляло уже величайшую трудность: вѣтеръ сбивалъ его съ ногъ и, сверхъ того, онъ съ каждымъ лишнимъ шагомъ чувствовалъ, какъ все болѣе и болѣе размякала подъ нимъ почва, какъ ступни его уходили все глубже въ нее,—до того, что съ большимъ трудомъ онъ могъ вытаскивать уже ихъ оттуда. Онъ попробовалъ повернуть назадъ, но это оказалось еще менѣе возможнымъ: цѣлые потоки неслись ему навстрѣчу, заливали его ноги, подпирали подъ его колѣна. Онъ уже былъ мокръ съ головы до ногъ, мокръ до костей; пронизывающія холодныя брызги дождя хлестали его по лицу, текли за шею, рѣзали ему вѣки... А вода между тѣмъ подымалась все выше и выше: вся масса непрерывнаго ливня стекалась, стремилась сюда, по наклону, въ это нижайшее мѣсто лѣсной окраины. Коверзневъ ощущалъ ея постепенный, растущій съ каждымъ мгновеніемъ, подступъ,—она уже доходила ему до пояса. „Унесетъ въ болото“, пронеслось у него въ головѣ...

Мгновенный блескъ ударившей еще разъ молніи далъ ему увидѣть, что онъ стоитъ среди уже цѣлаго, безбрежнаго озера, изъ глубины котораго подвигались стволы кое-какихъ жидкихъ вербъ и ветелъ. Съ тревогою сказалъ онъ себѣ, что онъ уже не былъ въ состояніи вспомнить направленіе исчезнувшей дороги, не могъ разобрать, съ какой стороны и куда шелъ онъ по ней четверть часа тому назадъ... „Глупо однако и неслыханно погибать отъ какого-нибудь лѣтняго дождя!“ проронилъ онъ тутъ же презрительно и злобно,—„зацѣпиться надо за какое-нибудь дерево и терпѣливо дождаться конца грозы, а тамъ засвѣтлѣетъ на небѣ“... Но въ непроглядной теми, окружавшей его, при вихрѣ и дождѣ, бившемъ ему въ лицо, отыскать это спасительное дерево было нелегко; а при этомъ онъ начиналъ коченѣть отъ сырости и холода... „Jim, where you?“ *) вспомнилъ онъ свою собаку. Слабый визгъ, показалось Валентину Алексѣевичу, отвѣтилъ ему будто съ недалекаго отъ него разстоянія. „Бѣдняжка отыскалъ тутъ чутьемъ какой

*) Джимъ, гдѣ ты?

нибудь взлобокъ, на немъ и спасается", подумалъ онъ—и направился, расплескивая передъ собою воду руками, на этотъ взгъ... Но онъ вдругъ почувствовалъ, что земля будто оборвалась подъ его ногами... Онъ попалъ въ самый напоръ воды,—его сбило, подхватило и понесло.

Куда? Онъ не могъ этого ни понять, ни предчувствовать. Какой-то гадливый ужасъ обнималъ его при одной мысли... Но онъ боролся, плылъ во мракѣ, въ незримой, но ощущаемой имъ кипѣни бурлившихъ волнъ, широко раскидывая руки, въ чаяніи ухватиться за вѣтки какого нибудь дерева, мимо котораго могло проносить его... Такая вѣтка, дѣйствительно, попалась ему подъ пальцы. Онъ судорожно ухватился за нее, чувствуя при этомъ, что тѣло его, увлекаемое потокомъ, описываетъ около нея широкій полукругъ и измѣряя этимъ въ мысли стремительную силу уносившаго его теченія. Онъ невольно рванулъ, подтягиваясь къ нему, этотъ желанный якорь спасенія... Въ пальцахъ его остались содранные его ногтями клейкія, узкія листья обломившейся, хрупкой вербины,—и, описавъ новый полукругъ, онъ понесся дальше, гонимый потокомъ и вѣтромъ... И въ это же время, на крылахъ того же вѣтра, среди бѣшеныхъ звуковъ непогоды, явственно донесся до него голосъ, донеслось его имя: „Валентинъ Алексѣичъ!"... „Это капитанъ... Это спасеніе, можетъ быть", мелькнуло въ головѣ его. Онъ попробовалъ крикнуть въ отвѣтъ, заработалъ сильнѣе руками... Но плыть становилось ему теперь все труднѣе; теченіе, онъ чувствовалъ, теряло все болѣе и болѣе свою стремительность,—ноги его уже задѣвали почву, какая-то растительная склизь попадалась ему то-и-дѣло подъ руки... „Неужели"... „Aguish of death"—вспомнились внезапно слова его воспитателя, а съ ними вся жизнь его, мать, лицей, пароходъ, увозившій его въ Америку, берега Миссисипи, сверкающіе глаза любимой имъ когда-то женщины, и развалины въ Банаресѣ, и старый другъ, англичанинъ, отъ котораго получилъ вчера письмо, и сейчасъ, полчаса тому назадъ, эта встрѣченная имъ „Пинна Афанасьевна", говорившая объ „аффектѣ" и „Лассалѣ"... „Неужели"... повторилъ онъ замирая. Какіе-то зеленые огни замелькали въ его зрачкахъ... „Что же

это"... Подъ нимъ была уже не вода, а какая-то жижа, и онъ уходилъ въ нее. Онъ вскинулся послѣднимъ порывомъ, безсознательно стараясь встать на ноги,—но встать уже было не на чтò! Онъ исчезалъ въ бездонной хляби *Вѣдьмина Лога*...

IX.

Софронъ Артемьичъ Барабашъ чуть не взвизгнулъ, когда, часу въ восьмомъ утра, раскрывъ глаза на скрыпъ широко распахнувшейся двери его спальни, увидѣлъ предъ собою капитана Переслѣгина, одинъ видъ котораго говорилъ о какомъ-то невозможномъ, неслыханномъ несчастіи. Онъ стоялъ предъ управляющимъ въ порванной, мокрой, покрытой какимъ-то зеленымъ иломъ одеждѣ, съ исковерканнымъ лицомъ и раскрытыми, шевелящимися губами, изъ которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ не исходило ни единаго звука.

— Что такое, что случилось, Иванъ Николаичъ? забормоталъ Барабашъ, заранѣе трясясь лихорадкою ужаса.

— Ва... Валентинъ А....лексѣ... началъ—и не могъ договорить тотъ.

— Баринъ! крикнулъ управляющій, вскакивая, какъ былъ въ рубахѣ, съ постели,—Господи! Гдѣ онъ?..

— Не... не знаю... Не нашли...

— Какъ не нашли? Что вы говорите, Иванъ Николаичъ?.. Мать Пресвятая Богородица, да и сами-то вы мало съ ногъ не валитесь... Воды попейте, батюшка... или вотъ, погодите, для крѣпости... пользительно будетъ...

Онъ кинулся о босу ногу къ сосѣднему шкапу, досталъ изъ него бутылку мадеры и, дрожащими, еле попадавшими горлышкомъ въ стаканъ руками, налилъ и поднесъ стаканъ капитану.

Тотъ, не глядя, взялъ и выпилъ залпомъ. Глаза его мгновенно блеснули.

— И не можетъ этого быть! воскликнулъ онъ неожиданно, отвѣчая мысленно чему-то, остававшемуся все-таки невѣдомымъ Софрону Артемьичу; на село за народомъ скорѣе послать надо, кликальщиковъ собрать, мальчишекъ, чтобы всѣ мѣста, какъ есть, изойти... Можетъ онъ уйти успѣлъ, пробродилъ въ чащѣ, истомился, да и въ сонъ впалъ... гдѣ-нибудь подъ кустомъ лежитъ... Только вотъ эта шляпа ихняя, шляпа! вырвалось новымъ, полнымъ отчаянія взрывомъ изъ груди капитана...

— Вы это про нихъ, про Валентина Алексѣевича? спрашивалъ въ тоскѣ и страхѣ Барабашъ, глядя ему въ лицо,— да не томите, Христомъ да Богомъ прошу васъ, Иванъ Николаичъ, что̀ съ *ними* случилось?

Капитанъ передалъ о встрѣчѣ своей съ Валентиномъ Алексѣевичемъ у Хомяковской межи, о томъ, какъ онъ просилъ его, въ виду находившей грозовой тучи, не итти въ Крусаново, гдѣ по новопроведенной линіи дорога идетъ низкими мѣстами, самымъ берегомъ *Вѣдьмина Лога*, какъ онъ не послушалъ, не велѣлъ ему пріѣзжать съ экипажемъ... О предложеніи, сдѣланномъ Коверзневу Пинною Афанасьевной довести его обратно въ Хомяки, капитанъ не упоминалъ: у него коломъ въ головѣ стояло, что „если съ Валентиномъ Алексѣевичемъ, не дай Богъ, что-нибудь случилось“ (онъ все еще никакъ не хотѣлъ допустить это какъ положительный фактъ), то это потому, что „она сказала ему то обидное слово, послѣ котораго онъ ни за что̀ ужь не могъ согласиться ѣхать съ нею вмѣстѣ въ Хомяки“...

— А тутъ самая эта гроза и пошла? подгонялъ его Барабашъ, блѣднѣя и начиная догадываться:—свѣтопреставленіе просто; то-ись такой *манипуляціи* отродясь, могу сказать, и не помню! До утра спать не могъ, маялся, думаю: всѣ крыши у насъ сорветъ!..

— Адъ, адъ сущій! глухимъ голосомъ подтвердилъ Переслѣгинъ.—Какъ увидалъ я это, продолжалъ онъ,—сейчасъ, оставивъ Пинну Афанасьевну въ Хомякахъ, погналъ обратно Валентину Алексѣевичу во слѣдъ по Крусановской просѣкѣ, хоть и запретили они мнѣ! Фонарь даже съ собою взялъ,—

только его сразу тутъ загасило и залило, и самъ не знаю, какъ самого-то меня съ лошадью не унесло. Потому—море! Реветъ, вертитъ, а темень—глазъ выколи, страсти! Ничего не подѣлаешь, вижу. Сталъ я кричать, что̀ горла хватило: думаю, гдѣ-нибудь тутъ по близости стоитъ онъ у дерева, въ сохранѣ, хоть и вымочило, должно быть всего... Нѣтъ, не слыхать голоса!.. Бился я такъ вплоть до зари до самой. Тутъ и утихать стало, прояснивать... Гляжу, повѣрите-ли, мѣстовъ не узнаю, вода кругомъ, озеро озеромъ...

— А *ихъ* нѣту? прошепталъ еле слышно Софронъ Артемьичъ.

Капитанъ продолжалъ, не отвѣчая на вопросъ:

— Подумалъ я себѣ, вспомнивъ, какъ *они* быстро ходятъ всегда: можетъ, пока я туда и назадъ изъ Хомяковъ гналъ, можетъ, онъ успѣлъ до старой дороги на Крусаново пройти; а тамъ мѣсто ужь высокое, не опасное. Туда, молъ, ѣхать надо... Насилу дотащился, крюку верстъ десять далъ,—потому всѣ дороги размыло такъ, что...

Онъ не договорилъ—и только тяжело перевелъ дыханіе.

— Въ Крусаново?.. И тамъ нѣтъ? спросилъ тѣмъ же шопотомъ и дрожа всѣмъ тѣломъ Барабашъ.

Капитанъ качнулъ отрицательно головой и—отвернулся...

— А что̀ шляпа?.. вы про шляпу ихнюю говорили?..

— Шляпа? Да,—голосъ его̀ обрывался,—это мы съ крусановскимъ лѣсникомъ...

— Нашли... Шляпу?..

— Видѣли.

— Гдѣ?

— Плыветъ... Надъ *Вѣдьминымъ Логомъ*, едва былъ въ силахъ проговорить Переслѣгинъ.

Софронъ Артемьичъ всплеснулъ руками и въ совершенномъ безсиліи сѣлъ на свою постель.

— Да можетъ, и не ихняя... почемъ знать? пробормоталъ онъ черезъ мигъ, сознавая самъ, что спрашиваетъ вздоръ.

— Клеенчатая, самая та, въ которой повстрѣчался онъ намъ съ Пинной Афанасьевной, проронилъ капитанъ, продолжая не глядѣть на него.

— Съ ними собака была, *Джимка* ихняя? вспомнилъ вдругъ Барабашъ.

— Была.

— И... и той нѣтъ?

— Нѣтъ...

Барабашъ помолчалъ, поднялъ на него совсѣмъ растерянный взглядъ, развелъ отчаяннымъ движеніемъ руки.

—. Иванъ Николаичъ, прерывающимся голосомъ проговорилъ онъ,—значитъ...

— Значитъ, перебилъ его какимъ-то дикимъ голосомъ тотъ, встрепенувшись вдругъ и кидаясь къ двери,—значитъ, на село надо, за народомъ... искать... найти его надо... благ... благодѣтеля нашего!..

Софронъ Артемьичъ, полуодѣтый, выскочилъ за нимъ черезъ мигъ.

День былъ воскресный. Все населеніе Темнаго Кута было дома, и, по зову управляющаго, человѣкъ полтораста народу отправилось подъ предводительствомъ его и капитана на поиски.

Проискали до самаго вечера, обойдя при этомъ верстъ двадцать въ окружности. Ни Валентина Алексѣевича, ни его собаки, ниже какихъ либо оставленныхъ ими слѣдовъ не нашли: масса натекшей и повсюду еще стоявшей воды все смыла, уравняла и унесла. Зловѣщая тѣнистая зелень *Вѣдьмина Лога* исчезла подъ свѣтлыми, весело рябившими подъ лучами солнца, струями широко разлившагося озера. Къ берегу этого озера, противоположному тому, мимо котораго шелъ накапунѣ Ковердневъ, подогнало теперь вѣтромъ его шляпу, затѣйливое англійское improvement для охотниковъ, изъ легкой гуттаперчевой ткани. Ее вытащили жердью, съ значительнаго разстоянія, такъ какъ никто не рѣшался теперь подойдти къ самой водѣ, хотя всякому видимо было, что разлилась она далеко за предѣлы болота и что опасности быть затянутымъ у этого берега не представлялось никакой... При этомъ крусановскій лѣсникъ шопотомъ передавалъ окружающимъ, что „когда они утресь съ ихъ благородіемъ, съ Иванъ Николаичемъ, впервой увидали евту самую шляпу, плыла

она по самой, то-ись, по середкѣ Лога, какъ понять надо, и такъ ее, почитай какъ въ люлечкѣ, тихохонько качаетъ... А они (т. е. капитанъ), какъ взвидѣли ее, такъ равно очумѣлые сдѣлалися, голосомъ голосятъ, да и сразу въ воду вздумали, достать ее, значитъ. И насилу я ихъ удержалъ, потому, говорю, можетъ шляпу вѣтромъ снесло съ бариновой головы и попала она сюда, а сами они, Богъ дастъ, невредимы инно гдѣ найдутся, а что тутъ къ ней не выплыть ни за что, и безпремѣнно засосетъ, потому по-надъ нимъ, (то есть надъ болотомъ) на четверть воды не больше, а подъ ней самое это хлябище и есть... А они, Иванъ-то Николаичъ, обернулись, глядятъ на меня, глаза-то большущіе такіе у нихъ стали, ажно перепужали... Одначе послушалися меня, изъ воды вылѣзли, своего казака у меня оставили: а на мою лошадь сѣли, „искать, говорятъ, надо“,—и поѣхали себѣ“...

Понуро и безмолвно возвращались при закатѣ солнца Софронъ Артемьичъ и капитанъ. Шедшіе за нимъ крестьяне, кормившіеся въ теченіи дня кое-какими краюхами хлѣба, захваченными ими уходя изъ дома, сильно проголодались и предвидливый управляющій распорядился заранѣе, чтобы на половинѣ пути ихъ въ Темный Кутъ, на полянѣ въ Хомякахъ, передъ избою лѣсника, изготовленъ былъ для всѣхъ ужинъ, или, вѣрнѣе, поздній обѣдъ. Дойдя до мѣста, разсѣлись передъ наскоро сколоченными столами и приступили къ трапезѣ. Софронъ Артемьичъ всѣхъ благодарилъ, угощалъ и собственноручно поилъ виномъ; онъ какъ бы весь, намѣренно, ушелъ въ эту заботу, чтобы не думать о томъ, *что* собрало здѣсь этотъ народъ, на какую *помочь* приглашалъ онъ самъ его утромъ.

Капитанъ, съ дрожавшими отъ устали членами, опустился наземь, едва пришли, и ото всякой ѣды отказался. Онъ былъ страшно блѣденъ и словно на половину худѣе сталъ въ теченіи этихъ сутокъ.

Барабашъ, обходившій кругомъ столовъ съ баклагою вина и чаркою, дошелъ до него и—остановился:

— Иванъ Николаичъ, молвилъ онъ, и голосъ его дрогнулъ при этомъ, — очень вы натрудили себя и, можно ска-

зать, всякаго *форсу* лишились... Хотя вы теперича—не употребляете, однако я полагаю...

Капитанъ поднялъ голову, глянулъ ему въ упоръ въ лицо и, не давъ ему договорить, протянулъ руку къ чаркѣ:

— Давайте! коротко проговорилъ онъ.

Тотъ налилъ. Переслѣгинъ выпилъ ее залпомъ.

— Еще! проговорилъ онъ.

— Иванъ Николаичъ, заговорилъ Барабашъ, подавъ ему вторую чарку, которую капитанъ влилъ себѣ такъ же поспѣшно въ горло, — какъ бы намъ въ отвѣтѣ не быть... потому сами знаете, на счетъ этого по администраціи строго... *дисциплина*...

Переслѣгинъ уставился на него еще разъ мутными глазами.

— Становому надо дать знать и слѣдователю, понижая внезапно голосъ и какъ бы давясь, пробормоталъ Софронъ Артемьичъ,—актъ формальный требуется...

Судорога исказила на мигъ все лицо капитана. Онъ не сказалъ ни слова, поднялся съ мѣста и невѣрнымъ шагомъ направился къ избѣ лѣсника.

— Куда это вы, Иванъ Николаичъ? недоумѣвая воскликнулъ управляющій.

— Спать хочу! отрѣзалъ онъ, не оборачиваясь и подымаясь на крылечко избы.

X.

Мѣстопребываніе становаго отстояло отъ Темнаго Кута всего на 15 верстъ, но конторщикъ, посланный туда въ ту же ночь Софрономъ Артемьичемъ, вернулся утромъ съ извѣстіемъ, что Евгеній Игнатьичъ господинъ Потужинскій вмѣстѣ съ господиномъ судебнымъ слѣдователемъ уѣхали въ уѣздъ. Посланный ихъ не дождался, а, передавъ письмо слугѣ, вернулся обратно.

Душевная тоска, овладѣвшая Софрономъ Артемьичемъ, только удвоилась отъ этой вѣсти. Ему надо было какое-нибудь внѣшнее занятіе, суета, нужны были чужія лица, чтобы оторваться отъ нея и забыться хоть на время. Когда онъ оставался одинъ, у него спирало горло и тѣснило грудь, „какъ клещами“, такъ какъ къ весьма искреннему сожалѣнію о „душѣ-баринѣ“, какимъ зналъ онъ Ковернева съ самыхъ юныхъ лѣтъ, примѣшивалъ и самое серьезное безпокойство о собственной своей судьбѣ, о томъ, кому изъ наслѣдниковъ Валентина Алексѣевича достанется Темный Кутъ и дастъ-ли ему, Барабашу, этотъ невѣдомый наслѣдникъ дожить свой вѣкъ на насиженномъ и дорогомъ ему мѣстѣ...

— А не знаете, вернулся Иванъ Николаичъ изъ Хомяковъ, Спиридонъ Иванычъ? спросилъ онъ конторщика.

— Нѣту-съ. Я сейчасъ мимо ихъ комнатъ проходилъ: на замкѣ.

— Такъ пойдемъ въ контору. Мѣсячный отчетъ это перво-наперво чтобъ былъ наготовѣ, а, окромя того, полугодовой балансъ вывести надо, потому теперича, сами знаете, у

насъ *метаморфозъ*, опеку назначатъ, наслѣдство въ дѣлежъ пойдетъ...

Спиридонъ Иванычъ только вздрогнулъ.

Былъ уже часъ двѣнадцатый. Контора занимала особый флигелекъ на дворѣ усадьбы, и въ ней, у раскрытаго настежъ окна сидѣли теперь другъ противъ друга за покрытымъ клеенкою столомъ Софронъ Артемьичъ и его помощникъ, перекидывая какъ бы въ-перегонку костяжками счетовъ, лежавшихъ у каждаго изъ нихъ по правой рукѣ. Они были такъ поглощены своимъ дѣломъ, что въ первую минуту не обратили вниманія на разговоръ, долетавшій къ нимъ со двора:

— Чтой-то вы, помилуйте, чего мнѣ врать? Говорю, нѣту, вышли, пищалъ женскій голосъ.

— Куда?... Спрашиваю тебя, куда ушелъ? говорилъ кто-то другой, какъ бы путаясь языкомъ.

— Въ контору, такъ... такъ и скажи... баба! И пойду... все одно... контора!..

Барабашъ первый поднялъ голову:

— Да это никакъ Иванъ Николаичъ? спросилъ онъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

Конторщикъ поспѣшно вывѣсилъ съ мѣста голову за окно...

— Они-съ... съ вашей Лукерьей, сказалъ онъ, какъ бы стыдливо помолчавъ передъ тѣмъ и присаживаясь снова къ столу.

Софронъ Артемьичъ внимательно глянулъ ему въ лицо.

Спиридонъ Иванычъ слабо усмѣхнулся и опустилъ глаза.

Въ передней вслѣдъ за тѣмъ раздались тяжелые шаги. Дверь широко распахнулась и въ комнату вошелъ капитанъ.

Онъ остановился, оглянулъ сидѣвшихъ своими круглыми, замѣтно осовѣлыми глазами и, чуть-чуть шатаясь, подошелъ къ столу, кивнулъ Барабашу и тутъ же опустился на ближайшій стулъ.

— Видѣли? Хорошъ? неожиданно захохоталъ онъ;—актъ составьте, формальный... актъ...

Онъ уронилъ голову на грудь и тяжело вздохнулъ.

Барабашъ съ конторщикомъ испуганно переглянулись еще разъ.

— Воды позвольте... воды испить, сказалъ черезъ мигъ Переслѣгинъ, протягивая руку къ графину, стоявшему на столѣ.

Конторщикъ, отличавшійся крайнею услужливостью нрава, поспѣшилъ налить ему воды въ стаканъ.

Онъ жадно выпилъ, обтеръ губы, а съ ними и все влажное отъ жары лицо своею большою красною рукой и—передохнулъ еще разъ.

— Софронъ Артемьичъ, началъ онъ уже довольно твердымъ голосомъ,—кому мнѣ должность сдать прикажете?

Тотъ такъ и всплеснулъ руками:

— Да что это вы вздумали, Иванъ Николаичъ, Богъ съ вами!...

— Спрашиваю: кому сдать? перебилъ его капитанъ, ударивъ кулакомъ по столу,—потому... сами видите...

Барабашъ замахалъ руками:

— И не вижу, и видѣть не хочу, и съ вашей стороны, можно сказать, *иллюзія* одна и воображеніе чувствъ. Можетъ всю ночь опять не спали и *организацію* свою разстроили...

— Пустое вы говорите! перебилъ его еще разъ капитанъ и закачалъ головою; — на тѣхъ условіяхъ шелъ, изъ мозговъ не вышибешь! И онъ треснулъ себя при этомъ по лбу ладонью.

— Про какія это вы условія говорите, въ толкъ не возьмешь, спросилъ, недоумѣвая, управляющій.

— Не знаете?... А когда я у васъ за пять рублей лѣсникомъ простымъ служилъ... въ посконной рубахѣ ходилъ... въ грязи свинья-свиньею лежалъ,—не помните?... И тогда *онъ*... благодѣтель нашъ, судорожно выговорилъ и оборвалъ на мгновеніе капитанъ,—онъ меня... Можете-ли, спросилъ, обѣщаться мнѣ на счетъ вашей слабости?... Нѣтъ, говорю, стараться буду, а навѣрное обѣщаться не смѣю, потому ужь разъ...

Онъ закинулъ нежданно обѣ руки за затылокъ и крѣпко сжалъ ими свою коротко остриженную голову:

— А онъ... онъ мнѣ на честь повѣрилъ... Назначаю, говоритъ васъ, безо всякаго вашего обѣщанія, потому увѣренъ, что сами вы откажетесь, когда почувствуете, „что опять впали“... Ну, вотъ я и... и впалъ...

Онъ всталъ на ноги.

— Такъ вы ужь пожалуйста, Софронъ Артемьичъ, избавьте!... Мой совѣтъ вамъ хомяковскаго, Лавра Ѳадѣева, главнымъ поставить: знаю его съ Севастополя, на 4 бастіонѣ вмѣстѣ служили,—твердый старикъ, сообразительный...

— Да помилуйте, Иванъ Николаичъ, чуть не плакалъ говоря Барабашъ, — въ подобную-ли минуту толковать объ этомъ, когда у насъ такой *камуфлетъ* вышелъ и, можно сказать, общій ударъ!... И всѣ мы не знаемъ теперича, что̀ изъ насъ будетъ, и самая наша *резиденція* какому господину попадетъ, — такъ что-жь намъ заранѣе?... Можетъ, Богъ дастъ, и опять будетъ настоящій баронъ, съ развитіемъ...

Капитанъ покачнулся на ногахъ. Разсѣявшійся у него дурманъ начиналъ, видимо, опять туманить его голову:

— Ну, вы и цѣлуйтесь съ нимъ!... А я ужь не слуга... никому!... Потому все прахомъ! Поняли вы: прахомъ все... Значитъ, не надо молъ... не надо тебѣ ничего...

Голосъ его порвался внезапно: онъ махнулъ отчаянно рукою и направился къ двери.

Барабашъ кинулся за нимъ:

— Вы куда же это, къ себѣ теперича, Иванъ Николаичъ? Становой долженъ быть, *юстиція*, такъ отъ васъ отъ перваго показаніе потребуется...

— Актъ, формальный актъ! захохоталъ на это опять, совсѣмъ уже пьяно, Переслѣгинъ,—а *онъ*... Гдѣ *онъ?* отчаянно вскрикнулъ онъ вдругъ, оборачиваясь на управляющаго.

Тотъ невольно отступилъ на шагъ. Капитанъ вышелъ изъ конторы и зашагалъ по двору въ сторону конюшни, гдѣ привязана была у него къ кольцу лошадь.

— Самаго этого Лавра Хомяковскаго соврасый, сказалъ конторщикъ Спиридонъ Иванычъ, слѣдя за нимъ изъ окна,— туда, стало быть, опять поѣдетъ.

— Проспится тамъ до вечера, одумается, досадливо проговорилъ Софронъ Артемьичъ, садясь снова за свои счеты. И какъ бы „одумавшись“ самъ:

— Съ чувствіемъ человѣкъ! промолвилъ онъ и глубоко вздохнулъ.

— Это точно вы говорите, одобрилъ Спиридонъ Иванычъ, проводя по линейкѣ черту подъ колонной прописанныхъ имъ цифръ, — ибо, Царство имъ Небесное, Валентинъ Алексѣичъ настоящій благотворитель были, прямо такъ сказать надо.

— Изъ послѣднихъ уже вельможъ господинъ былъ, всякаго малаго человѣка понимать могъ! добавилъ къ этому Барабашъ—и вытащилъ платокъ отереть выступившіе на глаза его слезы.

XI.

Часа четыре послѣ этого, во дворъ усадьбы, гдѣ за круглымъ деревяннымъ столомъ, подъ развѣсистою липой, занимались послѣобѣденнымъ чаепитіемъ Софронъ Артемьичъ съ неразлучнымъ теперь съ нимъ конторщикомъ, въѣхала извѣстная намъ *нетычанка* съ сидѣвшею въ ней Пинной Афанасьевной Левентюкъ.

Она осадила лошадку свою у крыльца и заговорила тутъ-же съ лихорадочною поспѣшностью:

— Слышала, слышала, ужасный фактъ, ужасный!... Я впрочемъ прямо въ глаза ему сказала тогда: онъ былъ, очевидно, подъ вліяніемъ аффекта. Это даже случаемъ нельзя назвать, а просто психіатрическій казусъ... Гдѣ Иванъ Николаичъ? перебила она себя разомъ этимъ вопросомъ.

Софронъ Артемьичъ, которому „ученыя слова“ неизмѣнно внушали и нѣкій благоговѣйный трепетъ, и желаніе не ударить, съ своей стороны, лицомъ въ грязь, подошелъ къ дѣвушкѣ и, скинувъ съ головы шляпу, проговорилъ съ видомъ особеннаго достоинства и изысканной сдержанности:

— Не могу въ сей моментъ отвѣтить вамъ, сударыня, съ достаточною фундаментальностью, ибо личность, *которымъ* вы интересуетесь, *былъ* здѣсь, точно передъ полуднемъ, но опосля того не видали,—такъ сказать, улетучился.

Она насмѣшливо прищурилась на него:

— Какъ это вы сказали: „интересуетесь?“ Предваряю васъ, что пренебрегаю этимъ намекомъ. Я держусь простыхъ человѣческихъ отношеній и не допускаю никакой буржуазной сен-

тиментальности. Я ждала сегодня капитана въ Мурашкахъ, а какъ онъ не пріѣхалъ по обѣщанію, то я пожелала узнать о немъ... Что онъ очень разстроенъ? спросила она уже другимъ, болѣе теплымъ и сочувственнымъ тономъ.

Софронъ Артемьичъ вздохнулъ.

— Сами понимаете, Пинна Афанасьевна, какой для всѣхъ насъ капутъ представляетъ такое, можно сказать, ненатуральное и совершенно даже невмѣняемое событіе, котораго вовсе и предвидѣть невозможно никому.

— Ужасно, ужасно! воскликнула она, вздрогнувъ невольно;—гроза эта просто въ Библію заставила меня вѣрить: я поняла легенду о потопѣ... Въ этой избѣ у лѣсника я провела ужасные часы... Иванъ Николаичъ уѣхалъ тутъ-же, оставилъ меня тамъ. Это по буржуазному кодексу общежитія и не совсѣмъ правильно. Но я не претендовала на него за это, находя его поступокъ вполнѣ гуманнымъ...

— И такую *революцію* произвело это на него, можно сказать, заговорилъ шопотомъ Барабашъ,—что онъ, ни съ чѣмъ не сообразно даже, какъ объявилъ сегодня намъ съ Спиридонъ Иванычемъ, вознамѣрился должность свою покинуть.

Пинна Артемьевна такъ и вскинулась:

— Какъ кинуть! Да чѣмъ же онъ жить будетъ?

— Это вы, то есть, именно въ точку попали, мадмуазель,— чѣмъ жить-съ, потому буаръ-манже, это первое-съ, усмѣхнулся Софронъ Артемьичъ.

— Ну, это мы еще увидимъ, какъ онъ кинетъ! воскликнула она высокомѣрно. — Да гдѣ онъ теперь, не знаете вы развѣ?

— Безпремѣнно въ Хомякахъ, Пинна Афанасьевна, должны находиться въ настоящую минуту, сказалъ конторщикъ Спиридонъ Иванычъ, со свойственнымъ ему стыдливымъ и отчасти таинственнымъ видомъ,—они даже на лошади лѣсника тамошняго сюда пріѣзжали...

Дѣвушка кивнула ему, круто дернула возжею одной рукой, другою хлестнула по спинѣ своего пѣгашку, и *нетычанка* ея, описавъ широкій кругъ на дворѣ, запрыгала по дорогѣ

въ Хомяки, гулко расплескивая зеленоватую воду не просохшихъ еще послѣ грязи лужъ.

Она была не на шутку раздосадована и взволнована. Прежде всего, „какъ смѣлъ онъ, не сказавши ей ни слова, заявлять о такомъ *абсурдѣ*, какъ это намѣреніе отказаться отъ своей должности?“ Само собою, слова одни, потому что она „ему никогда не позволитъ“... Она давно успѣла привыкнуть держать капитана, по отношенію къ себѣ, на положеніи полнаго крѣпостничества; давно уже воля ея была для него священнѣйшимъ закономъ. А затѣмъ она безпокоилась о немъ... Любила-ли она его? Она никогда не была въ состояніи отвѣтить себѣ на это серьезно, какъ не въ состояніи была никогда дать положительный отвѣтъ на просьбы его выйти за него замужъ. „Посмотримъ, кто знаетъ, заслужите!“ говорила она съ громкимъ смѣхомъ на его признанія, а когда онъ приходилъ въ слишкомъ большое уныніе отъ ея „жестокости“, подставляла ему подъ губы свои пухлыя ладони, „чтобъ ему терпѣть было легче“, и опять принималась хохотать беззаботно и безпощадно...

Но она „привыкла къ нему“, къ его обожанію, къ тому, чѣмъ обязана она была ему. Онъ былъ для нея источникъ всякой благостыни, нежданно пролившейся на нее по пріѣздѣ ея изъ Петербурга, гдѣ жила она, слушая какіе-то курсы, на 15 рублей въ мѣсяцъ. У вчерашней неряшливой „студентки“ были теперь и красивые обои на стѣнахъ „келейки“, отведенной ей теткою въ Мурашкахъ, и мягкая мебель, и коверъ передъ диваномъ, и розаны на столахъ, и журналы, и *свой* „экипажъ“, и какіе-то фѣтры изъ Лондона и американскіе непромокаемые сапоги, чтобы ходить съ ружьемъ „на бекасовъ“ въ болото. И за все это даже спасибо отъ нея не требовалось, все это подносилось ей какъ должное, съ видимымъ страхомъ, что все это недостаточно хорошо, всего этого мало, съ несомнѣннымъ убѣжденіемъ, что къ ногамъ такой царицы какъ она къ мѣсту повергнуть лишь развѣ сокровища Индійской императрицы...

Она „привыкла къ нему“, да,—и никогда такъ сильно не сказывалось это ей, какъ въ эту минуту. „Революція какая-то

произошла съ нимъ", повторяла она мысленно слова Барабаша; она „могла потерять его", смутно чувствовала она, и какое-то непривычное тоскливое безпокойство мутило ей душу... „И все изъ за какой-то сентиментальной кислятины"!—пробовала она объяснить себѣ „выходку капитана одною изъ тѣхъ *забористыхъ* „радикальныхъ" фразъ, которыхъ, къ сожалѣнію, было слишкомъ много въ ея словахъ,—но внутреннее, не затронутое чувство правды тутъ протестовало противъ такого объясненія, и молодое сердце дѣвушки щемило чувство жалости и уваженія къ тѣмъ поводамъ глубокой скорби, которые прозрѣвала она за образомъ дѣйствій своего обожателя...

— А все-таки дозволить ему сдѣлать эту глупость нельзя! рѣшила она, нетерпѣливо похлестывая возжею свою и такъ очень усердно работавшую ногами лошадку.

Она доѣхала до Хомяковъ. Старикъ лѣсничій, Лавръ Ѳадѣевъ, сидѣлъ на крылечкѣ своей избы и попивалъ изъ глиняной кружки цѣлебный чай, который, какъ мы знаемъ, училъ его изготовлять венгерецъ коновалъ, взятый въ плѣнъ подъ Дебречиномъ. Онъ всталъ и вытянулся, увидавъ „барышню".

— Здѣсь Иванъ Николаичъ? крикнула она ему.

Онъ какъ бы нѣсколько смущенно передернулъ усомъ, показалось ей, и замѣшкалъ отвѣтомъ.

— Здоровъ онъ? поспѣшно спросила она на это.

— Ничего-съ... здоровъ, промямкалъ усачъ.

— Что значитъ: „ничего-съ?" нетерпѣливо вскликнула она;—гдѣ онъ?

— Не могимъ знать...

Пинна Афанасьевна даже въ лицѣ перемѣнилась:

— Это что такое? Вы говорите: „ничего-съ, здоровъ", значитъ, вы его видѣли! Какъ-же вы теперь увѣряете, что не знаете, гдѣ онъ?

Убѣдительность и горячность тона этого разсужденія съ разу сбили съ толку стараго служиваго.

— Я, ваше-с... извините!... Какъ мнѣ приказывали, такъ я и отвѣчать долженъ, забормоталъ онъ.

— Кто приказывалъ, капитанъ? Онъ приказывалъ вамъ говорить, что не знаете, гдѣ онъ? А я сейчасъ изъ Темнаго

Кута; мнѣ тамъ прямо сказали, что онъ здѣсь... Подержите мою лошадь,—я пойду къ нему... Что это за мальчишеское прятанье!

Лѣсникъ поспѣшно сбѣжалъ съ крыльца и взялъ пѣгашку за узду:

— Доподлинно позвольте доложить вамъ, ваше с... нѣту ихъ здѣсь, сказалъ онъ.

— Какъ нѣту, когда я знаю! Онъ сюда поѣхалъ, на вашей лошади, онъ былъ здѣсь...

— Были, да... да ушли, рѣшился наконецъ выговорить старикъ.

— Ушелъ? Пѣшкомъ, значитъ?

Онъ только головою повелъ.

Она подозрительно прищурилась на него:

— Гулять пошелъ?

— Стало быть, что гулять, подтвердилъ онъ, какъ бы обрадовавшись такому объясненію,—потому какъ нѣсколько головой отяжелѣли... словно сорвалось у него съ языка.

Она поняла и примолкла, пасмурно задумавшись...

— Въ какую сторону пошелъ онъ? спросила она черезъ минуту.

Старикъ внезапно поморщился, отвернувъ лицо, и махнулъ неопредѣленно рукою.

— А все туда-же! проговорилъ онъ страннымъ голосомъ.

Пинна Афанасьевна поняла опять:

— Къ *Вѣдьмину Логу?*

Онъ пожалъ плечами и, все такъ же не глядя на нее:

— Со вчерашняго вечера, молвилъ онъ, четвертый разъ ходятъ. Всю ночь хоша бы глазъ сомкнули. Проходили вчерась весь день съ народомъ, а и сегодня покою себѣ не знаютъ... Все это у нихъ въ головѣ, какъ-молъ намъ, Лавра, тѣло оттуда достать, чтобъ по христіянству, значитъ, и какъ они такого большаго званія господинъ были... А какъ его оттолѣ достанешь, сами посудите, когда болото проклятое, можетъ, скрозь всю землю идетъ, и дна ему нѣтъ, и только одно, что самому доставаючи погибать слѣдоваетъ!...

— Я его сейчасъ верну оттуда, вскликнула Пинна Афа-

насьевна,—а если онъ опять какъ-нибудь вздумаетъ, скажите ему, что вы мнѣ пожалуетесь, что я приказывала вамъ не пускать его.

Дорога была такъ размыта третьягодняшнею грязью, что прошло не менѣе часа времени, пока успѣла она добраться до просѣки, гдѣ встрѣтилась она тогда съ Ковержневымъ. Вода, залившая *Вѣдьминъ Логъ*, добѣгала до половины этой просѣки. Она едва узнала мѣсто,—какъ едва узнала капитана, котораго увидѣла сидящимъ на срубленномъ пнѣ, у самой воды, съ головою низко опущенною на грудь. Онъ не только не походилъ на себя, но, какъ говорится, ни на что не походилъ. Онъ третій день не раздѣвался; лохматый, въ порванной въ лохмотья, покрытой грязью одеждѣ, со своею потерявшею теперь всякую форму тирольской шляпой, откинутой на затылокъ, онъ напоминалъ тотъ отталкивающій обликъ бродяги, въ какомъ на провинціальныхъ театрахъ традиціонно выступаетъ въ послѣднемъ актѣ главное дѣйствующее лицо драмы *Тридцать лѣтъ или жизнь игрока*.

Какая-то смѣсь ужаса, отвращенія и состраданія охватила дѣвушку при этомъ видѣ. Но она нашла силу превозмочь свои ощущенія и, осадивъ лошадь, крикнула ему сколь возможно спокойнымъ голосомъ:

— Капитанъ, что вы тутъ дѣлаете?

Онъ вздрогнулъ отъ звука ея голоса—стука телѣжки онъ видимо не слыхалъ,—и подался внезапно впередъ съ такою какъ бы испуганною поспѣшностью, что шляпа свалилась съ его головы, и самъ онъ едва сохранилъ равновѣсіе.

— Иванъ Николаичъ! вырвалось у нея невольно изъ груди скорбнымъ упрекомъ.

Онъ обернулся на нее, понялъ... Воспаленные зрачки его глядѣли на нее не то дико, не то безсознательно. Икота отъ времени до времени прорывалась сквозь его спекшіяся губы, подергивала его лицевые мускулы.

— Ну, да, вотъ... какъ видите... Полюбоваться можно! пролепеталъ онъ съ неестественнымъ харканьемъ и поднялся съ мѣста.

— Послушайте, Иванъ Николаичъ, все это вздоръ, поспѣшила она заговорить,—я пріѣхала увезти васъ отсюда.

Онъ молча, не глядя на нее, закачалъ отрицательно головой.

— Вы не хотите? воскликнула она; — послушайте, вѣдь это абсурдъ!.. Я не понимаю, что съ вами дѣлается... Мнѣ сейчасъ сказалъ вашъ Барабашъ, что вы и отъ мѣста своего отказываться хотите?..

— Вѣрно! произнесъ онъ еле слышно, но съ поразившею ее твердостью интонаціи.

Ее начинала разбирать досада:

— Вы, должно быть, двѣсти тысячъ выиграли, пылко возразила она,—потому что жить, вѣдь, чѣмъ нибудь надо...

— Зачѣмъ? глухо, съ растерянной улыбкой проговорилъ онъ на это.

— Какъ зачѣмъ? повторила она озадаченно,—вѣдь потому что вашъ Валентинъ Алексѣичъ изъ-за своего упрямства...

Она оборвала разомъ, испуганная выраженіемъ его лица. Всего его будто свела безконечная внутренняя мука. Онъ качнулся на ногахъ и какимъ-то судорожнымъ движеніемъ протянулъ руку съ направленнымъ на нее указательнымъ пальцемъ:

— Изъ-за вашего слова!.. Голосъ его хрипѣлъ и прерывался:—зачѣмъ вы ему это слово сказали?

— Какое слово?.. Она вся вспыхнула:—это, за что вы и тогда на меня разсердились, да? Что я ему сказала про барскіе капризы?..

— А! Помните! надрывающимъ смѣхомъ разсмѣялся вдругъ капитанъ;—чѣмъ упрекнуть вздумали... Барство!.. Онъ *человѣкъ* былъ, *настоящій*, Пинна Афанасьевна!.. Изъ мертвыхъ, почитай, воскресилъ меня этотъ человѣкъ... А вы ему сказали что! И эти всѣ слова ваши, сами знаете, кимвалъ одинъ... Только онъ не могъ послѣ этого ѣхать съ вами, и... и гдѣ онъ теперь, гдѣ, Пинна Афан...

Безумное, потрясающее рыданіе вырвалось изъ этой широкой груди и откликнулось какимъ-то нечеловѣческимъ отзвукомъ въ глубинѣ лѣсной чащи. Дѣвушка вздрогнула. Эта истинная, эта святая человѣческая скорбь захватывала ее за

лучшія стороны ея души. Крупныя слезы выступили мгновенно изъ глазъ ея и покатились по щекамъ.

— Иванъ Николаичъ, милый, заговорила она прерывающимся голосомъ,—это ужасно, ужасно!—Но вы сами понимаете, могла-ли я думать, что эти глупыя слова, въ самомъ дѣлѣ, будутъ имѣть такія послѣдствія... Да и точно-ли отъ этихъ словъ? Вѣдь онъ и раньше никакъ не соглашался вернуться въ Хомяки... Но все равно, я виновата, я признаюсь, что вообще говорю, по привычкѣ, многое... ненужное; простите мнѣ!.. И прошу васъ, милый, перестаньте такъ убиваться! На васъ, просто, смотрѣть больно!..

Онъ тѣмъ временемъ какъ бы совладалъ съ собою и, отеревъ лицо свое рукавомъ, молча глядѣлъ на нее отрезвѣвшими и безнадежными глазами:

— Вѣдь какъ вы ни любили этого человѣка, продолжала она,—онъ былъ прекрасный, достойный, я знаю, я понимаю васъ,—но сами вы знаете, каждая человѣческая жизнь есть самоцѣль...

— „Само-цѣль“! съ усиліемъ, медленно повторилъ Переслѣгинъ:—кимвалъ, Пинна Афанасьевна!..

Она покраснѣла слегка, но не разсердилась—и улыбнулась даже, нѣсколько черезъ силу:

— Вамъ и это мое слово не нравится? Извольте, я беру его назадъ. Но сущность остается все-таки та же. Неужели потому что *его* нѣтъ болѣе, для васъ уже ничего не осталось въ жизни, ни радостей, ни привязанности?..

Онъ усмѣхнулся вдругъ горькою, горькою усмѣшкой:

— Должно быть, не надо мнѣ этого ничего... и не бывать!.. Жена была... *Онъ*... Кому я только всю душу... прахомъ все, прахомъ. Не надо!..

— А я, Иванъ Николаичъ, вы меня забыли? вскрикнула въ неудержимомъ порывѣ дѣвушка,—вы говорили мнѣ сто разъ, что любите меня, умоляли быть вашей женою... Ну, хорошо, я согласна, я за васъ пойду... когда хотите... Только придите въ себя, уѣдемте отсюда скорѣй!..

Онъ поднялъ еще разъ на нее глаза, полные тоски и какъ бы испуга:

— Я, дѣйствительно, Пинна Афанасьевна, за... за счастье думалъ, потому... достойнымъ себя почиталъ... А теперь... Сами вы видѣли!..

— Это ничего не значитъ! торопливо возразила она;—съ кѣмъ это не бывало!.. Поѣдемте сейчасъ въ Темный Кутъ, я васъ довезу. Ложитесь спать, а завтра забудемъ оба и думать объ этомъ...

Капитанъ уронилъ голову и прошепталъ дрожащимъ голосомъ:

— Вы, можетъ быть, дѣйствительно, Пинна Афанасьевна, по молодости... и по добротѣ вашей... А мнѣ не забыть-съ... не забыть-съ никогда!..

Она вся измѣнилась въ лицѣ. Слова его имѣли для нея совершенно опредѣленный смыслъ: онъ уже не ожидалъ отъ нея счастья, онъ не въ состояніи будетъ простить ей никогда то, что̀ она сказала покойному Коверзневу и что̀ „въ возбужденной головѣ своей“ почиталъ онъ причиною его трагическаго конца... Ей стало и больно, и обидно до слезъ...

— Послушайте, Иванъ Николаичъ, молвила она,—вы разстроены въ настоящее время, и я поэтому не хочу признавать то, что̀ вы сейчасъ сказали, за ваше послѣднее слово. Если вы не согласны теперь ѣхать со мной, я васъ, конечно, увезти силой не могу; но я увѣрена, что вамъ самимъ сдѣлается стыдно, и что вы завтра пріѣдете просить у меня прощенія за то, что такъ огорчили меня сегодня... И я вамъ прощу, потому что я, можетъ быть, часто и вздоръ говорю, но въ сущности, очень добрая, какъ вы и сами сейчасъ сказали, промолвила она, скрывая душевное волненіе подъ этой напускною шутливостью тона.

Онъ молчалъ и какъ бы насмѣшливо, почудилось ей, покачивалъ головою. Ее взорвало это „пренебреженіе“, котораго ни въ какомъ случаѣ не могла она ожидать отъ него.

— Послушайте, капитанъ, пылко, съ загорѣвшимся взглядомъ воскликнула она,—я васъ буду ожидать завтра цѣлый день въ Мурашкахъ. Если вы не пріѣдете, я послѣ завтра уѣду въ Петербургъ... Вы знаете, что я только изъ-за васъ жила въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Онъ, будто движимый какою-то пружиной, вскинулъ на нее вдругъ съ какою-то жадностью свои большіе, круглые глаза. Выраженіе мучительной борьбы сказалось на мгновеніе въ его чертахъ... Вѣки его заморгали, дрогнули судорожно губы... Но все это такъ же мгновенно исчезло. Онъ взглянулъ въ сторону, махнулъ рукой...

— Что же дѣлать, Пинна Афанасьевна, проговорилъ онъ тихо, тихо, какъ бы про себя,—дай вамъ Богъ!...

Чувство оскорбленія взяло у нея верхъ надо всякими иными соображеніями: она хлестнула свою лошадь обѣими возжами и, не взглянувъ на него, покатила назадъ въ Хомяки.

Но не проѣхала она и двухъ верстъ, какъ вдругъ ей неожиданно сдѣлалось страшно. „Неужели я его болѣе не увижу, и онъ вздумалъ что нибудь сдѣлать надъ собою?“ такъ и гвоздила ей въ голову эта внезапная, только теперь возникшая въ ней мысль...

Телѣжка подпрыгивала, тѣни и яркія пятна солнца мелькали въ ея глазахъ. Какъ-то гулко отдавался стукъ колесъ въ глухой чащѣ лѣса; часто густыя вѣтви, наклоняясь, хлестали по дугѣ, обдавая свѣжими каплями. Она ничего кругомъ не замѣчала,—ей казалось, что теперь, сейчасъ должно случиться что-то важное, что-то такое, что должно было измѣнить всю ея жизнь... Ѣхала она, ужасно волнуясь, негодуя и усиленно мигая, чтобы не дать хлынуть слезамъ, которыя, она чувствовала, такъ и подступали подъ ея вѣки. Лошадка ея, точно чувствуя, въ свою очередь, разстроенное состояніе своей барышни, самымъ усерднымъ образомъ, не жалѣя ногъ, мчалась по рытвинамъ и колеямъ.

XII.

Не доѣзжая Хомяковъ, Пинна Афанасьевна увидѣла вдругъ прямо передъ собою на дорогѣ такую-же быструю лошадку, запряженную въ бѣговыя дрожки, катившія ей навстрѣчу. Она прищурилась, склонивъ на бокъ голову, и узнала черезъ мигъ, въ сидѣвшемъ верхомъ на этихъ дрожкахъ, конторщика Спиридона Ивановича, и въ конѣ его—коренника, изъ хорошо извѣстной ей тройки вятокъ Софрона Артемьича Барабаша.

Онъ тоже узналъ ее издалека и, сорвавъ картузъ съ головы, замахалъ ей, неистово кивая притомъ головою и махая локтями, словно откормленный гусь, намѣревающійся летѣть.

— „Что это за телеграфическіе знаки?“ спрашивала она себя въ изумленіи.

Еще минута — до нея донесся его хриплый отъ спѣха и волненія голосъ:

— Нашлись... Живы! живы, Пинна Афанасьевна!

— Что вы говорите? Кто? растерянная залепетала она, судорожно задерживая возжи.

Онъ докатилъ до нея, остановился:

— Они-съ, баринъ, Валентинъ Алексѣичъ... Чудомъ-съ, просто чудомъ... Живы!...

— Да что вы это!... Въ самомъ дѣлѣ? Вы его видѣли?

— Не видалъ, въ городѣ они... Софронъ Артемьичъ сейчасъ къ нимъ на почтовыхъ поскакали, а мнѣ приказали немедля Ивана Николаича отыскать, передать, значитъ, ему...

— Я его сейчасъ видѣла, перебила Пинна Афанасьевна,—

онъ безумствуетъ, я съ нимъ даже поссорилась и уѣхала... Она вдругъ засмѣялась подъ приливомъ какого-то, всю ее разомъ охватившаго теперь, безконечно радостнаго чувства:— вотъ мы теперь и помиримся... Ахъ, какъ-же будетъ онъ радъ... Да вы это вѣрно, вѣрно, говорите, Спиридонъ Иванычъ? заспѣшила она;—и отчего онъ это въ городѣ очутился, и какъ же два дня его искали всѣмъ селомъ и на слѣдъ не попали, и эта шляпа его тутъ надъ Логомъ, а его нѣтъ...

— Сказываю вамъ, чудомъ, Пинна Афанасьевна; дѣйствительно, что окромѣ Бога, Спаса нашего, никому того не возможно приписать.

Пинна Афанасьевна, какъ извѣстно, смотрѣла свысока на подобнаго рода „предразсудки“. Но въ эту минуту она чувствовала себя такою счастливою, что готова была и въ нихъ повѣрить, да и ужь очень любопытно было ей узнать скорѣе, въ чемъ именно состояло „чудо“.

— Вотъ что, Спиридонъ Иванычъ, сказала она, — привяжите вашу вятку къ задку моей телѣжки, а сами садитесь ко мнѣ. Я сейчасъ оберну. Вы мнѣ дорогой всю эту исторію и разскажете... Господи, какъ-же это хорошо, что онъ нашелся!

— Истинно такъ, Пинна Афанасьевна! А я вамъ съ моимъ удовольствіемъ, какъ слѣдуетъ, передамъ.

— Сидимъ-съ это мы съ Софрономъ Артемьичемъ, началъ онъ, когда, умѣстившись рядомъ съ нею, покатили они по направленію Лога, на берегу котораго заполчаса предъ тѣмъ оставила дѣвушка своего „безумствующаго“ поклонника,—сидимъ-съ, сами изволите понимать, на подоби, можно сказать, такъ какъ у псалмопѣвца сказано: „на рѣкахъ Вавилонскихъ сѣдохомъ и плакахомъ“... И вдругъ-съ раздается колоколецъ, и къ намъ на дворъ пара, и видимъ Николай Дмитричъ, можетъ изволите знать, письмоводитель господина исправника. Сейчасъ къ Софрону Артемьичу,—письмо, а самъ ничего не говоритъ, только этакая усмѣшка лукавая подъ усами и глядитъ намъ прямо въ глаза. А Софронъ Артемьичъ какъ только вскрылъ конвертъ, да по письму повелъ глазами, такъ я, грѣшный человѣкъ, даже подумалъ, что они тутъ, не дай Богъ, ума лишатся...

— Отъ радости, разумѣется? перебила еще разъ Пинна Афанасьевна;—да разсказывайте скорѣе, голубчикъ! подгоняла она его.

Конторщикъ чуть-чуть сконфузился и продолжалъ:

— Дѣло это, собственно говоря, такъ вышло... Управляющаго графа Клейнгельма, Василья Ивановича Брауна изволите знать?

— Нѣтъ, не знаю. А слышала...

— Человѣкъ настоящій, можно сказать, правильный.... Только вотъ этотъ самый господинъ Браунъ, какъ у насъ постоянно бываетъ надобность по дѣламъ въ городъ, и вздумали они поѣхать съ винокуромъ ихнимъ,—тоже изъ нѣмцевъ, фамилія ему Клейстъ. Въ самый, то есть, это вечеръ, когда случилось это самое съ Валентиномъ Алексѣичемъ—третьяго дня значитъ... А дорога имъ отъ графскаго имѣнія мимо нашего Крусанова на Вислоухово,—а оттелева до города еще верстъ пятнадцать и подалѣе будетъ. Только у этого самаго Василья Иваныча Брауна кучеръ—мудреный этакій, знаете, нравный, твердый человѣкъ, а только ужь упрямъ очень. Занялись этто Василій Иванычъ, разговорились съ винокуромъ и не замѣтили, какъ онъ вдругъ, этотъ самый кучеръ, замѣсто какъ всегда по дорогѣ прямо, не доѣзжая Крусанова, да влѣво возьми въ объѣздъ. Только, проѣхамши такъ съ версту, оглянулись: „Ты, говоритъ, куда-жь это теперь прешь?“ А тотъ ему на это: „А тутъ, говоритъ, ближе много будетъ“.—„Да что ты, говорятъ ему, тутъ и дороги проѣзжей нѣтъ“.—„Чего нѣтъ, бормочетъ, проѣдемъ, не извольте безпокоиться“. А оно дѣйствительно, что тутъ крестьяне постоянно проѣзжаютъ зимою, а лѣтомъ избѣгаютъ, потому по-надъ самымъ *Вѣдьминымъ Логомъ*,—съ той его стороны, значитъ, дорога эта ведетъ,—ну, а они, особенно если вечеромъ, опасаются по своему суевѣрію... Такъ и оставилъ Василій Иванычъ, только говоритъ ему: „Смотри, гроза вотъ сейчасъ, какъ бы намъ не засѣсть въ какомъ мѣстѣ“.—„Ничего, говоритъ, проѣдемъ“!.. И по истинѣ, можно сказать, Пинна Афанасьевна (Спиридонъ Иванычъ снялъ картузъ и истово перекрестился), что самъ Творецъ Небесный направилъ ихъ по этой самой дорогѣ. Потому только

они къ этому мѣсту по-надъ *Логомъ* подъѣзжать стали, какъ хлыснетъ вдругъ молнія, да съ этимъ дождище,—ну, ну изволите сами знать, что̀ за страсть въ эту пору была!.. Взлобокъ тутъ есть одинъ, подняться надо, а оттедова спустясь, сейчасъ круто вправо принять требуется, опять на-подъемъ, лѣсомъ. Вотъ взъѣхали они,—спускаться начали... А тутъ повернуть куда—и не видать. Потому чаща, да темь эта вдругъ сдѣлалась, и сверху-то гремитъ, льетъ вода ведрами,—адъ кромѣшный, просто страхота! Ни впередъ, ни взадъ,—не дай Господи!... И Спиридонъ Иванычъ перекрестился еще разъ.

— Ахъ, Господи, какъ вы томительно разсказываете! воскликнула дѣвушка; — винокуръ какой-то, Василій Иванычъ, кучеръ,—при чемъ они тутъ? Я васъ про вашего Валентина Алексѣича просила разсказать...

— А вотъ-съ, вы извольте дослушать, благодушно усмѣхнулся на это многорѣчивый конторщикъ, такъ и все узнаете... Въ этомъ, значитъ, находясь затрудненіи, что ни туда, ни сюда, рѣшились они переждать, пока гроза пройдетъ. Подняли верхъ, фартукъ пристегнули,—хорошая у нихъ бричка, вѣнская, по случаю, знаю, въ Витебскѣ купили отъ одного пана,—ждутъ. Кучеръ передъ лошадьми, до костей промокъ,—а все стоитъ потому опасно, отъ ударовъ этихъ, отъ грома дрожмя ажно дрожатъ кони, такъ чтобы не вскинулись вдругъ, не расшибли... Вотъ-съ такимъ манеромъ и не часъ, не два пришлось имъ тутъ простоять, будто въ колодезѣ какомъ-то, потому вода и сверху и снизу. Берегъ-то тотъ, изволите знать, гораздо возвышеннѣе супротивъ того, что̀ отъ Хомяковъ, по которому Валентинъ Алексѣичъ, по встрѣчѣ съ вами, отправился; одначе отъ того количества воды и его затоплять стало,—до самой почти ихъ брички, повѣрите, приливала, а такъ, сказываютъ они, почитать надо, что отъ самаго этого мѣста, гдѣ стояли они, шаговъ полтораста, если и не болѣе, отъ настоящаго, въ сухое, то есть, время, берега должно быть...

— Ну, а Валентинъ Алексѣичъ гдѣ-же? даже притопнула съ досады ногою по дну своей *нетычанки* нетерпѣливая Пинна Афанасьевна.

— Вотъ-съ, вотъ-съ тутъ самое сейчасъ и о нихъ... Такъ-съ

пока они тутъ въ темнотѣ, да въ сырости и большомъ, можно сказать, страхѣ пребывали, и началъ наконецъ стихать, удаляться громъ сталъ... Вдругъ слышатъ неподалеку отъ нихъ собака визжитъ, да такъ жалостно, говорятъ, будто человѣкъ стонетъ... Василій Иванычъ этто слушалъ, слушалъ:— „Вынь, говоритъ кучеру, фонарь, подь сюда!“—а у нихъ-то, докладывалъ вамъ, бричка хорошая, какъ надо быть, со всѣмъ прибором, съ фонарями. Взялъ онъ его себѣ подъ фартукъ, добылъ спичекъ, и хоть съ трудомъ, потому сами понимаете, мокреть вѣдь, зажегъ свѣчку въ немъ. „На, говоритъ, иди на вой, что за песъ“!—а самъ возжи въ руки взялъ. Вотъ-съ кучеръ, взямши этотъ самый фонарь, да по водѣ по щиколку, говорю, залило все кругомъ,—и побрелъ, значитъ, на этотъ, такъ сказать, гласъ песій... Видитъ, дѣйствительно, пестрое быдто пятно къ дереву прислонилась, носомъ книзу уткнувшись, скулитъ. Онъ ближе,—охотницкая собака въ ошейникѣ, сетерокъ бѣлый съ пятнами...

— Его *Джимъ!* воскликнула дѣвушка.

— Точно такъ-съ! И Спиридонъ Иванычъ съ большой радостью припрыгнулъ всѣмъ тѣломъ на своемъ сидѣньи,— самое вотъ это есть *необнаковенное* обстоятельство. Потому еслибъ не собаченка эта, и что этотъ самый господинъ Браунъ, Василій Иванычъ, по мягкосердью душевному обратилъ вниманіе, то такъ бы...

Онъ не договорилъ, замѣтивъ все болѣе и болѣе возрастающее нетерпѣніе въ чертахъ своей спутницы, и заспѣшилъ опять къ фактической сторонѣ своего разсказа:

— Сталъ ее кучеръ звать,—нейдетъ—визжитъ все также жалостливо, хвостомъ машетъ и носомъ будто что указываетъ. Онъ фонарь свой поднялъ, кругомъ обвелъ... да вдругъ какъ крикнетъ: „Мертвецъ!“ Самъ-то чуть съ ногъ не свалился, говоритъ, такъ испужался... Услышавши это, Василій Иванычъ сейчасъ винокуру возжи передалъ, самъ выскочилъ, подбѣгаетъ... Лежитъ, дѣйствительно, нѣкій человѣкъ ничкомъ, по поясъ въ водѣ, а рука за корень дубовый уцѣпилась, да и замертвѣла на немъ...

— Это былъ Валентинъ Алексѣичъ?

Конторщикъ таинственно и какъ бы даже съ лукавствомъ повелъ головою:

— Неизвѣстное имъ, собственно сказать, лицо-съ.

— Какъ же онъ очутился тутъ?

— А такъ понимать надо, что теченіемъ, а главное вихремъ пронесло его поверхъ *Лога*, да и прибило къ этому самому берегу. И даже просто удивленія достойно, какая это сила воды, что не дала его засосать трясинѣ... Василій Иванычъ, между тѣмъ, какъ человѣкъ образованный, осмотрѣвши тѣло, поняли такъ, что можетъ онъ и не померъ еще вовсе, а только отъ немощи отъ большой чувствъ своихъ лишился. „Давай, говоритъ, кучеру, сейчасъ его изъ воды вытащимъ“. И тутъ, говорятъ, долго-ужасть бились они, пока пальцы-то его, главное, отъ корня отцѣпили... Перенесли на мѣсто повыше, да посуше. Василій Иванычъ растирать велѣлъ да коньякъ — потому что это ужь съ нимъ неразлучно въ дорогѣ, — влилъ ему въ горло, мокрую съ него куртку охотницкую снялъ, въ плэдъ свой обернулъ. Дождь-то на ихъ счастіе въ это самое время пересталъ лить. Запустилъ онъ ему руку подъ сорочку: „Бьется, говоритъ, сердце, живъ.“ И тутъ, какъ тѣло, значитъ, отогрѣваться стало, — глядятъ они, а у него изъ головы и полилась кровь изъ раны; въ первой-то они не замѣтили, оттого что онъ коченѣть начиналъ, и кровь застыла. Василій Иванычъ, какъ умѣлъ, перевязалъ ее платкомъ своимъ. „Ну, говоритъ опять кучеру, безпремѣнно теперь ѣхать надо, лишь бы довести его живаго въ городъ. Ты, говоритъ, иди впередъ пѣшой съ фонаремъ, дорогу показывай, а мы за тобой тихонько поѣдемъ“. Тутъ, говоритъ тотъ, съ полверсты не болѣе низомъ вязко будетъ, а тамъ, какъ подняться только, поля пойдутъ, гладь до самаго города, верстъ пять, почитай, не болѣе. Ну, хорошо; подняли они его опять, въ бричку положили, а съ ними и этого самаго бѣдняжку пса *ихняго*, Джимку. Василій Иванычъ съ ними сѣлъ, а винокура посадили на козлы, поѣхали. Только хотя тотъ ихъ кучеръ говорилъ „проѣдемъ“ да „проѣдемъ“, а они до самаго разсвѣта бились, пока до города доползли. У Василія Иваныча тамъ своя квартира по-

стоянная нанята. Привезъ онъ *ихъ* туда; сейчасъ за докторомъ, за Казиміромъ Степановичемъ, господиномъ Подгурскимъ,—изволите знать?—потому дорогою, къ *нимъ*, можно сказать, жизнь вернулась, дышать стали свободно, только совсѣмъ безъ сознанія, ни говорить, ни глазъ раскрыть. А доктора въ городѣ нѣтъ: уѣхалъ съ слѣдователемъ на слѣдствіе въ Ковровo. Бѣда, да и только! За фельдшеромъ въ больницу, насилу добудились. Пришелъ, говоритъ: крови много потеряли, оттого... Залѣпилъ пластыремъ рану, велѣлъ къ головѣ ледъ въ пузырѣ прикладывать...

— Чего же это вашъ Василій Иванычъ нарочнаго въ Темный Кутъ не прислалъ, извѣстить объ этомъ обо всемъ?

— А чего же ему присылать, возразилъ Спиридонъ Иванычъ,—когда онъ Валентина Алексѣича и въ глаза никогда не видалъ и знать не могъ, кто они и даже совсѣмъ другое сумнѣніе у него было...

— Какое „сумнѣніе“?

Спиридонъ Иванычъ принялъ самый внушительный видъ и, наклонясь къ уху своей спутницы, прошепталъ:

— Такъ, значитъ, полагалъ, что это можетъ не *убивство* ли изъ политики, потому, изволите знать, въ Мглинскомъ уѣздѣ многихъ изъ этихъ самыхъ нигилистовъ недавно жандармы забрали.

— Какая глупость! такъ и фыркнула Пинна Афанасьевна:—изъ чего онъ это вздумалъ?

— Рана эта *ихняя*, главное, и что въ *Логу* найденъ... нечаевскій процессъ изволили читать? Такъ по подобію. Василій Иванычъ въ скорости отказались отъ этихъ мыслей, потому разсудили такъ, что „бѣлье тонкое и руки барскія“...

— Откуда вы все это такъ подробно знаете? спросила дѣвушка.

— А какъ же, помилуйте, господинъ исправникъ нарочито для этого письмоводителя своего, Никодима Дмитрича, къ Софрону Артемьичу прислали, такъ какъ они, въ Ковровѣ будучи, отъ Софрона Артемьича донесеніе получили объ этомъ самомъ, то-ись, про Валентина Алексѣича, а тутъ же, въ городъ вернувшись, отъ господина Брауна, Василія Иваныча, настоящее

услышали, который, въ присутствіи этого самаго Никодима Дмитрича, господину исправнику про все это до малости разсказалъ.

— А что же самъ Валентинъ Алексѣичъ?

— Только нынѣшнимъ утромъ пришли въ себя вполнѣ. А тутъ и докторъ Казиміръ Станиславичъ изъ Коврова тоже вернулись... Слава Творцу Небесному, живы и въ здравіи останутся. А теперь пока очень слабы, только въ полномъ умѣ, но говорятъ еще съ трудомъ. Изъ ихъ непространныхъ словъ такъ понять должно, что ихъ уже (Спиридонъ Иванычъ весь вздрогнулъ при этомъ,) забирало въ самую трясину, какъ вдругъ подхватило опять теченіе, только они ничего ужь этого не помнятъ, окромя того, что почувствовали, какъ во снѣ, сильный ударъ въ голову, а тутъ свѣтъ и совсѣмъ выкатился изъ ихъ глазъ. А Казиміръ Станиславичъ объясняютъ такъ, что ударило ихъ импетомъ въ этотъ самый корень и прошибло голову, — и даже, говоритъ этотъ самый докторъ, господинъ Подгурскій, что это къ ихъ спасенью произошло, потому кровь пошла, а что иначе, говорятъ, сотрясеніе бы мозга къ самому бы худому концу могло привести. А теперича онъ за нихъ ручается и...

Пинна Афанасьевна не дала ему кончить:

— Ну, и слава Богу, пусть живетъ себѣ, а главное, что мой Иванъ Николаичъ опять цвѣткомъ-піономъ разцвѣтетъ у меня... Она расхохоталась вдругъ зазвенѣвшимъ на весь лѣсъ хохотомъ:—поздравьте его, пожалуйста, Спиридонъ Иванычъ, я наконецъ совсѣмъ обѣщала ему выйти за него замужъ.

Учтивый конторщикъ поспѣшилъ снять шляпу:

— Имѣю честь искреннѣйше поздравить, Пинна Афанасьевна!...

— Принимаю, принимаю! продолжала она смѣяться.—Ну, вотъ и доѣхали!... Капитанъ!... Иванъ Николаичъ!...

Она затпрукала, осадила лошадку, обвела взглядомъ кругомъ.

Да, это было то самое мѣсто, гдѣ за часъ передъ тѣмъ происходило ея послѣднее объясненіе съ капитаномъ. Вотъ срубленный пень у самой воды, на которомъ сидѣлъ онъ,

когда она увидѣла его. Вотъ и его, потерявшая всякую форму, старая тирольская шляпа, какъ спала тогда съ его головы, такъ и лежитъ на травѣ... Но самъ онъ... Его нѣтъ... Гдѣ же онъ...

— Капитанъ, Иванъ Николаичъ! съ внезапнымъ, еще смутнымъ ужасомъ повторила она и разъ, и два, и три...

Отвѣта не было...

Она выскочила, кинувъ возжи, изъ своей *нетычанки*, подбѣжала къ водѣ.

Подъ ея отстоявшеюся, прозрачною поверхностью шли отъ берега далѣе въ глубь слѣды, еще ясно отпечатлѣвшихся въ твердомъ глинистомъ грунтѣ, мужскихъ каблуковъ.

Дѣвушка вскрикнула и опустилась въ изнеможеніи на траву. „Зачѣмъ?“ такъ и зазвенѣлъ въ ея ухѣ отвѣтъ капитана, когда она говорила ему просто, что „жить надо“...

Спиридонъ Иванычъ растерянно подбѣжалъ къ ней:

— Пинна Афанасьевна, что же это, Господи!...

Она схватилась обѣими руками за голову и залилась слезами.

— Иванъ Николаичъ, капитанъ! крикнулъ въ свою очередь конторщикъ прерывавшимся отъ перепуга голосомъ.

Но отвѣта не было... да и никакого отвѣта уже быть не могло. Лишь кукушка изъ пустынной чащи слала тоскливый откликъ свой на эти слезы и отчаянный зовъ, да стая вороновъ, пронзительно каркала, несясь поверхъ лѣсныхъ вершинъ, по направленію къ *Вѣдьмину Логу*.

КОНЕЦЪ.

Б. М. МАРКЕВИЧЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Б. М. МАРКЕВИЧА.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія (бывшая) А. М. Котомина, Фонтанка, д. № 93.
1885.

Содержаніе

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА:

	стран.
Четверть вѣка назадъ (часть I)	1—463.

ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ.

ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ *).

Памяти графа Алексѣя Толстаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Увы, гдѣ розы тѣ, которыя такой
Веселой радостью и свѣжестью дышали?
Фетъ.
А *тотъ*, *кому* я въ дружной встрѣчѣ
Страницы первыя читалъ—
Того ужь нѣтъ.....

I.

Свѣтлымъ вечеромъ, въ началѣ мая 1850-го года, дорожная коляска катилась по шоссе, по направленію отъ Москвы къ одному изъ ближайшихъ къ ней губернскихъ городовъ. Въ коляскѣ, съ слугою на козлахъ, сидѣли два молодые человѣка 23—24-хъ лѣтъ, два пріятеля,—и вели между собою оживленный разговоръ:

— Богъ знаетъ, что ты со мною дѣлаешь, Ашанинъ, говорилъ полуозабоченно, полуусмѣхаясь, одинъ изъ нихъ, свѣтловолосый, съ нѣжнымъ цвѣтомъ кожи и большими сѣрыми, красиваго очерка глазами.

*) Впервые была напечатана въ 4, 6, 7, 8, 10, 11 и 12 книжкахъ „Русскаго Вѣстника“ за 1878 годъ, а въ 1879 году выпущена отдѣльнымъ изданіемъ въ двухъ томахъ, Москва (типографія М. Н. Лаврова и К°).

Тотъ, къ которому относились эти слова, былъ то, что̀ называется *писанный* красавецъ, черноглазый и чернокудрый, съ какимъ-то побѣднымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лукавымъ выраженіемъ лица, слывшій въ то время въ Москвѣ неотразимымъ донъ-Жуаномъ.

— А что̀ я съ тобою, съ Казанскимъ сиротою, дѣлаю? передразнивая пріятеля, весело разсмѣялся онъ.

— Ну, съ какой стати ѣду я съ тобою въ Сицкое, къ людямъ, о которыхъ я понятія не имѣю?

— Во-первыхъ, ты ѣдешь не въ Сицкое, а куда тебѣ слѣдуетъ,—то есть въ Сашино, къ себѣ домой, къ милѣйшей тетушкѣ твоей, Софьѣ Ивановнѣ, а въ Сицкое ты только *заѣзжаешь* изъ дружеской услуги,—меня довезти. Во-вторыхъ, самъ ты говоришь,—ты князя Ларіона Васильевича Шастунова знаешь съ дѣтства.

Бѣлокурый молодой человѣкъ — звали его Гундуровымъ,— качнулъ головой:

— Знаю!... Десять лѣтъ тому назадъ, когда я мальчишкою изъ дворянскаго института пріѣзжалъ на каникулы въ Сашино, я его два-три раза видѣлъ у тетушки. Важное знакомство!

— Все одно, онъ съ Софьей Ивановной давно и хорошо знакомъ, а тебя онъ теперь по твоей университетской репутаціи знаетъ... Да и я мало-ли про тебя всѣмъ имъ говорилъ зимою!... Ручаюсь тебѣ, что приметъ онъ вашу милость наилюбезнѣйшимъ образомъ: онъ вообще благоволитъ къ молодымъ людямъ, а тебя, тѣмъ болѣе, оцѣнитъ по первому же разговору.

— Если бы мы еще къ нему собственно ѣхали, молвилъ Гундуровъ, — такъ и быть!... А то вѣдь онъ и самъ гоститъ въ Сицкомъ. Оно вѣдь не его?...

— А невѣстки его, княгини Аглаи Константиновны,— знаю. А князь Ларіонъ—братъ ея мужа и опекунъ ея дѣтей, слѣдовательно не гоститъ, а живетъ по праву въ Сицкомъ... А тамъ театръ, во всей формѣ театръ, съ ложами, говорятъ, съ помѣщеніемъ человѣкъ на четыреста, и княжна Лина, восхитительнѣйшая Офелія, какую себѣ можетъ только предста-

вить самое пламенное воображеніе! горячо расходился черно-кудрый красавецъ.

Пріятель его разсмѣялся.

— Ну, поскакалъ теперь на своемъ конькѣ! сказалъ онъ.

— И ни чуточки!... ты знаешь, барышни не по моей части,—это разъ; а затѣмъ, княжна Лина одно изъ тѣхъ созданій,—есть такія! (какая-то серьозная, чуть не грустная нота зазвучала въ голосѣ Ашанина,)—къ которому ты съ нечистымъ помысломъ и подойти не рѣшишься... и нашъ братъ, отпѣтый ходокъ, чуетъ это вѣрнѣе, чѣмъ всѣ вы, *непорочные*, взятые вмѣстѣ! Я на нее поэтому вовсе и не смотрю, какъ на женщину, а говорю тебѣ, единственно, какъ на *Офелію*...

— И съ талантомъ она, ты думаешь? спросилъ Гундуровъ, невольно увлекаясь.

— Не сомнѣваюсь, хотя она всего разъ, говорила мнѣ, играла за границей, въ какой-то французской пьесѣ. Она не можетъ не быть талантлива!

Бѣлокурый молодой человѣкъ задумался.

— Воля твоя, любезный другъ, заговорилъ онъ нерѣшительно,—а, согласись ты съ этимъ, очень неловко выходитъ, что я у совершенно незнакомыхъ мнѣ людей стану вдругъ ломаться на сценѣ?...

— Ломаться! негодующимъ кликомъ воскликнулъ Ашанинъ,—играть *Гамлета* значитъ у тебя теперь *ломаться*!... Это что-же, ты изъ петербургской твоей жизни почерпнулъ?... Гдѣ-же эта горячая любовь къ искусству, о которой ты намъ постоянно проповѣдывалъ? Развѣ не помнишь, какъ мы съ тобою читали Шекспира, какъ ты не разъ говорилъ мнѣ и Валковскому, что если бы не твои занятія, не университетъ, не каѳедра, къ которой ты готовился, ты бы почелъ себя счастливымъ сыграть роль *Гамлета*, что это было бы для тебя величайшимъ наслажденіемъ!

— Я и теперь такъ думаю! вырвалось у Гундурова.

— Такъ изъ за чего-же ты теперь ломаешься?... Да, засмѣялся Ашанинъ,—*ломанье*-то выходитъ у тебя *теперь*, а не когда ты выйдешь на сцену!... И какой еще тебѣ можетъ луч-

шій случай представиться? Далеко отъ Москвы, никому невѣдомо, въ порядочномъ обществѣ... Каѳедра,—ты самъ говорилъ, что, послѣ того какъ тебѣ отказали въ заграничномъ паспортѣ, о ней пока думать нечего!... Чтò-же, ты киснуть теперь станешь, болѣть, самоглодать себя будешь?... Вѣдь жить надо, Сережа, просто *жить*, жи—ть! протянулъ онъ, схватывая пріятеля за руку, и, наклонившись къ нему, ласково и заботливо глянулъ ему въ лицо.

Гундуровъ пожалъ его руку и замолчалъ: онъ не находилъ внутри себя отвѣта на доводы Ашанина.

Онъ только наканунѣ вечеромъ вернулся изъ Петербурга, гдѣ провелъ всю зиму и откуда наконецъ бѣжалъ подъ гнѣтущимъ впечатлѣніемъ испытанныхъ имъ тамъ недочетовъ. Вотъ чтò съ нимъ было:

Окончивъ, за годъ предъ тѣмъ въ Москвѣ, блистательнымъ образомъ курсъ по филологическому факультету, Гундуровъ, котораго университетъ имѣлъ въ виду для занятія должности адъюнкта по каѳедрѣ славянской филологіи, отправился на берега Невы добывать себѣ заграничный паспортъ „въ Австрію и Турцію, для изученія“—такъ прописано было наивно въ поданной имъ о томъ просьбѣ,—„исторіи и быта славянскихъ племенъ“. Объ этомъ путешествіи, на которое онъ полагалъ посвятить три года, онъ мечталъ во все время пребыванія своего въ университетѣ; безъ этого, безъ живаго изученія на мѣстѣ славянскихъ языковъ, безъ личнаго знакомства съ Ганкою, съ Шафарикомъ, съ апостолами славянскаго возрожденія, „какой я славистъ, какой я буду профессоръ!“ основательно разсуждалъ онъ... Къ ужасу его, послѣ нѣсколькихъ недѣль ожиданія, онъ былъ вызванъ въ паспортную экспедицію, гдѣ поданная имъ просьба была возвращена ему въ копіи, съ копіею же на ней слѣдующей резолюціи: „Славянскій *бытъ*“ — слово это было подчеркнуто,—„можно изучать отъ Петербурга до Камчатки“... Гундуровъ ничего не понялъ и страшно взволновался; онъ кинулся ко всѣмъ, кого только мало-мальски зналъ въ Петербургѣ, жаловался, объяснялся, просилъ... У него былъ дядя, занимавшій довольно видное мѣсто въ тогдашней администраціи; этотъ достойный сановникъ

пришелъ, въ свою очередь, въ ужасъ, частью отъ того, что племянникъ его „губитъ себя въ конецъ“, еще болѣе вслѣдствіе такого соображенія, что и самъ онъ, Петръ Ивановичъ Осмиградскій, тайный совѣтникъ и директоръ департамента, можетъ быть, пожалуй, компрометированъ, если узнаютъ, что у него есть близкій родственникъ съ такимъ опаснымъ образомъ мыслей.—„И въ чью голову ты гнешь, какую стѣну думаешь ты прошибить?“ укорялъ и наставлялъ онъ Гундурова,—„самъ же себѣ дѣло напортилъ, а теперь думаешь крикомъ поправить! Въ просьбу, въ оффиціальную просьбу ввернулъ „*бытъ*“ какой-то дурацкій! Какой тамъ *бытъ* въ Турціи, и кто *въ Турцію* ѣздитъ путешествовать? Понимаешь-ли ты, *какъ* это могло быть понято?!“ Бѣдный молодой человѣкъ совершенно растерялся,—дядя мрачно намекнулъ ему даже на какую-то черную книгу, въ которую онъ „за невоздержность языка“ будто уже успѣлъ попасть, благодаря чему ученая карьера навсегда-де для него закрыта. „И вѣдь нашелъ же время о какой-то своей *славянской* наукѣ говорить“, разсуждалъ Петръ Ивановичъ,—„когда еще недавно мятежники Венгерцы своего законнаго государя чуть съ престола не ссадили!“

—То Венгерцы, пробовалъ возражать Гундуровъ, — а Славяне спасли и престолъ, и династію Габсбурговъ...

Но Петръ Ивановичъ только руками махалъ. „Поступай ты сюда на службу, — это твое единственное спасеніе!...“ Увы, все то, что̀ ни видѣлъ, ни слышалъ Гундуровъ въ Петербургѣ, служило ему лишь роковымъ, неотразимымъ подтвержденіемъ доводовъ дяди. „Какая, дѣйствительно, нужна *имъ*, а для насъ какая возможна наука теперь?“ говорилъ онъ себѣ. Онъ вспоминалъ Москву, Грановскаго, лучшихъ тогдашнихъ людей; — „развѣ они не въ опалѣ, не подъ надзоромъ, не заподозрѣны Богъ знаетъ въ чемъ?...“ Что̀ же однако было ему дѣлать съ собою? Съ отчаянія, и поддаваясь внушеніямъ дяди, онъ поступилъ на службу. Но онъ чуть не задохся въ невыносимой для него, свѣжаго студента и Москвича, духотѣ Петербургской канцеляріи: и люди, и то, что̀ они дѣлали тамъ, было для него глубоко, болѣзненно

ненавистно; его тошнило отъ одного вида синихъ обложекъ *дѣлъ*, изъ которыхъ поручалось ему составить *справку;* ему до злости противны были желтый ротъ и обглоданныя ногти поручавшаго ему составлять эти *справки* Владиміра Егоровича Красноглазова, его ближайшаго начальника... Не прошло шести мѣсяцевъ, и Гундуровъ, добывъ себѣ свидѣтельство о болѣзни, подалъ въ отставку и уѣхалъ въ Москву...

Тетки его не было въ городѣ, — она еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ уѣхала въ деревню. Ему нетерпѣливо хотѣлось увидать ее, и онъ тотчасъ же собрался ѣхать въ Сашино, не повидавшись ни съ кѣмъ изъ московскихъ знакомыхъ. Только Ашанинъ, его пансіонскій товарищъ и большой пріятель, прискакалъ къ нему, узнавъ случайно о его пріѣздѣ.

Ашанинъ, когда-то много обѣщавшій юноша, поступилъ въ университетъ изъ дворянскаго института одновременно съ Гундуровымъ, но на первомъ же курсѣ вышелъ изъ него, чтобы жениться на какой-то перезрѣлой дѣвѣ, которая влюбила его въ себя тѣмъ выраженіемъ, съ какимъ пѣла она Варламовскіе романсы, а черезъ два года ревнивыхъ слезъ и супружескихъ бурь отошла въ вѣчность, оставивъ его двадцатилѣтнимъ вдовцомъ и коптителемъ неба. Добрѣйшій сердцемъ и вѣчно увлекающійся, онъ жилъ теперь въ Москвѣ, ничего не дѣлая, или, вѣрнѣе, дѣлая много долговъ, въ ожиданіи какого-то никакъ не дававшагося ему наслѣдства, вѣчно томясь своимъ бездѣйствіемъ и вѣчно не находя для себя никакого занятія, и все время остававшееся ему отъ безчисленныхъ любовныхъ похожденій отдавалъ театру и любительскимъ спектаклямъ, въ которыхъ неизмѣнно держалъ амплуа перваго любовника.

Эта страсть еще болѣе, чѣмъ пансіонская дружба, служила связью между имъ и Гундуровымъ. Не менѣе пылко любилъ и молодой славистъ драматическое искусство, но разумѣя его и выше, и глубже, и строже, чѣмъ это дѣлалъ Ашанинъ, цѣнившій театральныя произведенія прежде всего со стороны ихъ сценической удобоисполняемости. Серьезныя, поглощавшія почти все его время въ университетѣ занятія по его спеціальности, и боязнь повредить *скоморошествомъ* своей

молодой ученой репутаціи заставляли его налагать строгую узду на свои собственныя театральныя хотѣнія; но онъ понималъ Ашанина, онъ не разъ завидовалъ ему, его „безалаберной свободѣ“, при которой онъ, Гундуровъ, „если бы былъ на его мѣстѣ, непремѣнно поставилъ бы на сцену Шиллеровскаго *Валленштейна*, Шекспировскія драмы!...“ Ашанинъ съ своей стороны находилъ въ этой любви Гундурова къ театру какъ бы оправданіе себѣ и серьезно иной разъ, послѣ бесѣды съ нимъ, возводиль въ собственныхъ глазахъ свои упражненія *перваго любовника* на степень дѣйствительнаго *дѣла*. Онъ при этомъ былъ самаго высокаго понятія о способностяхъ, объ образованности Гундурова, глубоко уважалъ его мнѣніе и любилъ его отъ всей души.

Онъ тотчасъ же со врожденною ему сообразительностью понялъ, что этотъ отказъ Гундурову въ дозволеніи ѣхать за границу, неудавшаяся его попытка найти себѣ другое дѣло, что весь этотъ разгромъ его лучшихъ, чистыхъ, законныхъ желаній припиралъ пріятеля его къ стѣнѣ, оставлялъ его безъ выхода,—но что теперь, сейчасъ, „ничего съ этимъ не подѣлаешь, никакой *изводящей* звѣздочки на небѣ не высмотришь“. *Теперь* представлялась одна задача: не дать объ этомъ пока думать Гундурову, вызвать его на время изъ подъ гнета впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ Нетербурга,—словомъ, говорилъ себѣ Ашанинъ, припоминая чью-то шутовскую выходку: „коли безъ хлѣба, такъ дать хоть маленечко пряничкомъ побаловаться“. Пряничекъ этотъ тотчасъ-же представился Ашанину во образѣ любительскаго спектакля,—единственное „баловань себя“, на которое могъ согласиться Гундуровъ,—спектакль, гдѣ бы пріятель его могъ сыграть „хорошую“, любезную ему роль, въ которую онъ „ушелъ бы весь, ушелъ ото всей этой петербургской мерзости“. А тутъ и случай выходилъ такой великолѣпный: княгиня Шастунова, съ которою Ашанинъ познакомился зимою и въ домѣ которой часто бывалъ, затѣвала у себя въ деревнѣ спектакль, въ которомъ собирались участвовать всѣ почти состоявшіе тогда въ Москвѣ на-лицо актеры-любители. Оказывалось при этомъ, что имѣніе Гундурова, куда онъ уѣзжалъ въ тотъ же день, и Сицкое

Шастуновыхъ находились въ томъ же уѣздѣ, въ какихъ нибудь пятнадцати верстахъ разстоянія, что кромѣ того существовали даже старинныя добрыя отношенія между теткою его пріятеля, Софьею Ивановною Переверзиною, и владѣльцами Сицкаго... „Да это сама благоволящая къ тебѣ судьба такъ удачно устроила“, горячо доказывалъ Ашанинъ;—„вѣдь подумай, Сережа, тамъ можно будетъ *Гамлета* поставить!...“

Онъ попалъ, что говорится, въ самую жилку. *Выйти*, попробовать себя въ *Гамлетѣ*,—какъ пламенно мечталъ объ этомъ Гундуровъ въ оны дни! Во всей человѣческой литературѣ онъ не признавалъ ничего выше *Гамлета*, ни одно великое произведеніе такъ глубоко не „забирало“ его. Онъ зналъ наизусть всю роль датскаго принца и, бывало, увлекаясь до слезъ, читалъ ее въ свободныя минуты Ашанину и общему ихъ пансіонскому товарищу, Вальковскому, бѣдному и малообразованному чиновнику какой-то палаты, но который опять таки былъ дорогъ Гундурову вслѣдствіе уже совершенно фанатической любви своей къ сценѣ...

Къ тому же, поддавался молодой человѣкъ на доводы пріятеля, ему *теперь* дѣйствительно нужно разсѣяться: вѣдь „съума же можно сойти, вертясь, какъ бѣлка въ колесѣ, все на той же мысли: что я съ собой буду дѣлать?...“ Гундурову было двадцать два года:—„не пропадать же въ самомъ дѣлѣ!“ подсказывала ему его здоровая, склонная къ энтузіазму натура... Кончилось тѣмъ, что онъ принялъ предложеніе Ашанина довести его къ Шастуновымъ въ Сицкое, по дорогѣ къ себѣ въ деревню, гдѣ ждала его тетка, воспитавшая его, и къ которой онъ былъ горячо привязанъ,—„а тамъ увидимъ... смотря какъ... я не отказываюсь, но и...“

Ашанину ничего болѣе не нужно было. Онъ мигомъ собрался,—и друзья наши, пообѣдавъ въ Троицкомъ трактирѣ и выпивъ, по предложенію Ашанина, бутылку шампанскаго „во здравіе искусства“, выѣхали, не теряя времени, изъ Москвы.

Они теперь были отъ нея уже довольно далеко; солнце быстро склонялось на западъ...

— Эта твоя княгиня, заговорилъ опять Гундуровъ,—вдова,

должно быть, князя Михаила Васильевича Шастунова, что̀ посланникомъ гдѣ-то былъ. Онъ вѣдь умеръ?...

— Два года тому назадъ. Онъ оставилъ дочь и сына мальчишку. Они всѣ, съ князь Ларіономъ, жили потомъ въ Италіи, а нынѣшнюю зиму провели въ Москвѣ. Княжнѣ Линѣ минетъ 19-ть лѣтъ; ее вывозили въ свѣтъ зимою, но она, говоритъ, на балахъ скучала. Я имъ и предложилъ *„театрикъ“*, какъ выражается Вальковскій...

— Ахъ, что̀ Вальковскій, гдѣ онъ? прервалъ Гундуровъ.

— У нихъ теперь, въ Сицкомъ,—я его познакомилъ,— съ недѣлю какъ туда уѣхалъ съ декораторомъ, полотномъ, красками и цѣлою библіотекою театральныхъ пьесъ, которыя какъ-то умѣлъ добыть изъ Малаго театра.

— Онъ все тотъ-же?

— Неизмѣненъ! молвилъ разсмѣявшись красавецъ;—все также грубъ, та же рожа сорокалѣтняго верблюда и кабаній клыкъ со свистомъ и таже страсть съ этою рожей играть молодыя роли!... Студента *Фортункина* мечтаетъ теперь изобразить въ *Шилъ въ мѣшкѣ не утаишь*. Можешь себѣ представить, какъ милъ будетъ въ этомъ!...

— И ты думаешь, началъ помолчавъ Гундуровъ, — что *Гамлета* дѣйствительно можно будетъ поставить?...

— Еще бы! Какъ разъ по вкусу хозяйки! Она, видишь ты, непремѣнно хочетъ „что-нибудь *классическое*, du Molière ou du Shakespeare, говоритъ, все равно, только que ce soit sérieux“. Она, сказать кстати, молвилъ разсмѣясь Ашанинъ,— княгиня-то Аглая, — глупа какъ курица, а къ тому съ большими претензіями. Ей смерть хочется, чтобы принимали ее за прирожденную большую барыню, а, на ея бѣду, рождена она Раскаталова, дочь милліонера-откупщика, и рожденіе-то ея, несмотря что она всегда въ свѣтѣ жила и даже посланницей была, нѣтъ, нѣтъ, да и скажется... Иной разъ вслѣдствіе этого у князя Ларіона вырываются жесткія слова по ея адресу.

— А что̀ онъ за человѣкъ самъ? спросилъ Гундуровъ, — въ дѣтствѣ онъ мнѣ представлялся всегда какимъ-то очень *важнымъ* и суровымъ.

— Онъ настоящій *баринъ* и рѣдко образованный человѣкъ! Онъ, вѣдь ты знаешь, занималъ большіе посты, за границей и здѣсь; долго въ большой силѣ былъ, говорятъ. Два года тому назадъ, въ 48-мъ году, онъ попалъ въ немилость и вышелъ въ отставку. Въ то же время умеръ его братъ; онъ уѣхалъ къ его семейству, въ Италію, — и вотъ съ тѣхъ поръ живетъ съ ними... Онъ, кажется, княжну очень любитъ, но любезную невѣстушку, видимо, въ душѣ не переноситъ!... И понятно: его барской брезгливости долженъ быть нестерпимъ этотъ—какъ бы тебѣ сказать?—этотъ душокъ Раскаталовскаго подвала, пробивающій сквозь ея англійскій ess bouquet... Къ тому-же... Они, надо тебѣ сказать, съ братомъ, въ молодости, — тебѣ вѣрно разсказывала Софья Ивановна? — очень сильно прожились... Шли они по службѣ очень быстро, состояли при графѣ Каподистріа, въ дипломатической канцеляріи самого Императора Александра, ѣздили съ нимъ въ путешествія, на конгрессы, — и вездѣ жили барами, игру большую вели... А тутъ еще Байронъ со своею свободой Греціи; — филеллинами они были, жертвовали, говорятъ, на это несмѣтными деньгами... Старикъ отецъ ихъ, Екатерининскій генералъ-аншефъ, другъ князя Потемкина, съ своей стороны счета деньгамъ не зналъ. Словомъ, распорядились они втроемъ такъ прекрасно, что все ихъ Шастуновское княжество съ молотка бы пошло, если бы князь Михайло, по приказанію отца, не женился на распрекрасной Аглаѣ. Ея милліонами все было выкуплено; но и она не будь глупа, хотя и была какъ кошка влюблена въ мужа, а это его и князь-Ларіона имѣніе,—старикъ князь тутъ-же кстати и померъ, — выкупила все на свое имя. Мужъ такимъ образомъ очутился по состоянію въ ея зависимости, а князь Ларіонъ остался бы, почитай, безъ гроша, если бы не наслѣдовалъ полуторы тысячъ душъ отъ матери, которая не жила съ его отцомъ и умерла католичкой въ какомъ-то монастырѣ въ Римѣ... Князь Михайлѣ жена его, говорятъ, внушала полное отвращеніе, тѣмъ болѣе, что она всю жизнь преслѣдовала его своими нѣжностями... Все одно что меня моя покойница, комически вздохнулъ красавецъ, — съ тою разницею только,

что *моя* просто пѣла мнѣ: „люби меня, люби меня!“, а Аглая своему мужу припѣвала еще къ этому: „я любовь твою купила“, и никакъ не хотѣла помириться съ тѣмъ, что этотъ купленный ею товаръ никакъ не давался ей въ руки... А князь Михайло былъ, говорятъ, человѣкъ прелестный, необычайно счастливый въ женщинахъ. Аглая бѣсилась, умирала отъ ревности, чуть не по начальству жаловалась, всячески компрометировала своего мужа. Долгое время, говорятъ, супружество ихъ было адъ сущій... Но года за два до смерти онъ вдругъ измѣнился, впалъ въ haute dévotion, какъ это было съ его матерью, и сблизился съ женой христіанскаго смиренія ради... Ну, съ князь Ларіономъ — другая пѣсня! засмѣялся Ашанинъ; — передъ этимъ сама она должна смириться...

— Они что-же, въ Москвѣ теперь станутъ жить по зимамъ? заинтересовался Гундуровъ.

— По неволѣ! Княгинѣ-то смерть хочется въ Петербургъ,— да не рѣшается. Князь Ларіонъ ни за какія сокровища не поѣдетъ теперь въ этотъ „ефрейторскій городъ“ — какъ онъ однажды выразился при мнѣ; — ну, а одной ей тамъ поселиться,—не выходитъ! Личныхъ связей у ней никакихъ тамъ, разумѣется; къ тому же съ замужства все за границей жила, кто ее тамъ изъ Петербургскихъ въ Ганноверѣ помнитъ! Богата она очень, могла бы домъ открыть... Но, первое, денегъ она безъ особаго разсчета кидать не любитъ; а затѣмъ, деньгами Петербургъ не удивишь, надо тамъ еще чего-то,—и она это хорошо понимаетъ. Что въ Петербургѣ за открытый домъ, куда Дворъ не ѣздитъ? Ну-съ, а этого она могла бы достигнуть единственно чрезъ князя Ларіона, если бы онъ былъ въ прежнемъ положеніи. Вотъ она и молится о немъ денно и нощно: „пошли ему Господи поменьше гордости, а свыше побольше къ нему милости“, — и, въ ожиданіи исполненія желаній, возитъ скрѣпя сердце дочь въ Московскій свѣтъ, который почитаетъ нестоющимъ вниманія уже потому, что „dans tout Moscou, говоритъ она, il n'y a pas l'ombre d'un женихъ pour ma fille...“

— Удивительный ты человѣкъ, Ашанинъ, замѣтилъ, улы-

баясь его спутникъ,—чтобы про каждаго, куда только вхожъ, всю подноготную разузнать!...

Ашанинъ весело пожалъ плечами:

— И не стараюсь, само какъ-то въ уши лѣзетъ. У Шастуновыхъ живетъ одна не молодая особа дѣвическаго званія, Надеждой Ѳедоровной Травкиной прозывается, весьма не глупая и, знаешь, это особый родъ старыхъ дѣвъ: иронія снаружи и тщательно скрываемая, безконечная сентиментальность внутри... Она князю газеты читаетъ и пользуется вообще извѣстнымъ значеніемъ въ домѣ... На первыхъ же порахъ моего знакомства съ ними сталъ я замѣчать, что она по мнѣ втайнѣ млѣетъ, — такое ужь у меня счастіе на этихъ особъ!—и Ашанинъ поднялъ глаза къ небу...—Что же однако, думаю, пусть себѣ млѣетъ, меня отъ того не убудетъ. Сталъ я ее, знаешь, поощрять. Она мнѣ всю закулисную про этотъ домъ и выложила... И вотъ эту самую Надежду Ѳедоровну, заключилъ онъ, — я заставлю теперь королеву *Гертруду* сыграть; отлично сыграетъ, ручаюсь тебѣ!...

— А *Клавдіо* кто бы могъ? заволновался опять Гундуровъ.

— Разумѣется, Зяблинъ; такъ и смотритъ театральнымъ злодѣемъ!

— Ты *Лаерта?*

— Или *Горація*, мнѣ все равно. Пусть Лаерта лучше сыграетъ Чижевскій,—онъ съ жаркомъ актеръ. А мнѣ роли поменьше учить!...

— Вальковскій *Полонія!*

— Не выгоритъ у него, боюсь, закачалъ головою Ашанинъ;—онъ его сейчасъ *шаржемъ* возьметъ... А тамъ у нихъ, слышно, есть мѣстный актеръ превосходнѣйшій,—исправникъ, Акулинъ по фамиліи, отставной кавалеристъ; такъ вотъ его надо будетъ попробовать. Дочь у него также отличная актриса, говорятъ, институтка Петербургская,— и съ прелестнымъ голосомъ, хоть оперу ставь, говорятъ...

Друзья опять заговорили о *Гамлетѣ*, объ искусствѣ... Юный, бывалый восторгъ накипалъ постепенно въ душѣ Гундурова. „Что-же, не пропадать въ самомъ дѣлѣ“, все громчѣе

говорилось ему. Ему не дозволяютъ быть ученымъ, — онъ не въ состояніи сдѣлаться чиновникомъ... Но вѣдь вся жизнь впереди; онъ не знаетъ, что будетъ дѣлать; но онъ не сложитъ рукъ, не дастъ себя потопить этимъ мертвящимъ волнамъ, онъ найдетъ... А *пока* онъ *уйдетъ*, какъ говоритъ Ашанинъ, отъ всего этого гнета, отъ тревогъ жизненной заботы въ волшебный, свободный міръ искусства; онъ будетъ переживать сладостнѣйшія минуты, какія дано испытать человѣку: его устами будетъ говорить величайшій поэтъ міра и *человѣчнѣйшій* изо всѣхъ когда-либо созданныхъ искусствомъ человѣческихъ типовъ. Погрузиться еще разъ въ его безконечную глубину, стихъ за стихомъ прослѣдить геніальныя противорѣчія этой изумительно сотканной паутины, немощь, безуміе, скептицизмъ, высокій помыслъ, и каждой чертѣ дать соотвѣтствующее выраженіе, *найти* звукъ, оттѣнокъ, жестъ и *пережить* все это въ себѣ, и воспроизвести въ стройномъ, поразительномъ, *животрепещущемъ* изображеніи, — о, какой это великолѣпный трудъ, и какое наслажденіе!...“

И Гундуровъ, надвинувъ покрѣпче отъ вѣтра мягкую шляпу на брови, уютно уткнувшись въ уголъ коляски, глядѣлъ разгорѣвшимися глазами на бѣжавшее въ даль сѣроватою лентой шоссе, съ подступавшими къ нему зелеными лугами, только-что обрызганными какою-то одиноко пробѣжавшею тучкою... Все тѣ же неслись онѣ ему на встрѣчу, съ дѣтства знакомыя, съ дѣтства ему милыя картины и встрѣчи. По влажной тропкѣ, за канавкою, идетъ о босу ногу солдатикъ, съ фуражкою блиномъ на затылкѣ, съ закинутыми на спину казенными сапогами; кланяются проѣзжимъ въ поясъ прохожія богомолки въ черныхъ платкахъ, подвязанныхъ подъ *душку*, съ высокими посошками въ загорѣлыхъ рукахъ; лѣниво позвякиваетъ колокольчикъ *обратной* тройки, со спящимъ на днѣ ямщикомъ, и осторожные вороны тяжелымъ взмахомъ крылъ слетаютъ съ острыхъ грудъ наваленнаго по краямъ дороги щебня... А солнце заходитъ за кудрявыя вершины недальняго лѣсочка, и синими полосами падаютъ отъ него косыя тѣни на пышные всходы молодой озими... И солнце, и тѣни, и эта волнующаяся тихая даль родной стороны, и теплыя струи несущагося

навстрѣчу вѣтра, — все это какимъ-то торжествующимъ напоромъ врывалось въ наболѣвшую „въ Петербургской мерзости“ душу молодаго человѣка и претворялось въ одно невыразимо сладостное сознаніе бытія, въ безпричинное, но неодолимое чаяніе какого-то сіяющаго впереди, невѣдомаго, но несомнѣннаго счастія...

Онъ съ внезапнымъ порывомъ обернулся къ товарищу:

— Жить надо, а? Жить, просто *жить*, такъ Ашанинъ?

— И на-слаж-дать-ся! отвѣтилъ ему тотъ пятью звучными грудными нотами въ нисходящей гаммѣ, — и тутъ-же сразу затянулъ во всю глотку старо студенческую пѣсню:

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum su-umus.

— Чтò, хорошо? засмѣялся онъ въ отвѣтъ на смѣявшійся же взглядъ обернувшагося на эти звуки ямщика,—это, братъ, по-нашенски: валяй по всѣмъ, пока кровь ключомъ бьетъ!...

— Ахъ вы, соколики! тутъ-же мигомъ встрепенувшись на козлахъ, подобралъ разомъ четверку такой же какъ и Ашанинъ черноглазый и кудрявый ямщикъ,—и коляска, взвизгнувъ широкими шинами по свѣже-настланной щебенкѣ, понеслась стремглавъ подъ гору и взлетѣла на пригорокъ, словно на крыльяхъ разгулявшагося орла...

На другой день, рано утромъ, пріятелей нашихъ, сладко заснувшихъ подъ полночь, разбудилъ старый слуга Гундурова. Они подъѣзжали къ Сицкому.

II.

Большой, бѣлый, Александровскаго времени домъ въ три этажа, съ тяжелыми колоннами подъ широкимъ балкономъ и висячими галлереями, соединявшими его съ двумя, выходившими фасадами на дворъ, длинными флигелями, глядѣлъ если не величественно, то массивно, съ довольно крутой возвышенности, подъ которыми сверкала подъ первыми лучами утра довольно широкая, свѣтлая рѣчка, въ полуверстѣ отсюда впадавшая въ Оку. Темными кущами спускались отъ него по склону съ обѣихъ сторонъ густыя аллеи стариннаго сада, а передъ самымъ домомъ стлался ниспадающимъ ковромъ испещренный цвѣтами лугъ, съ высоко бившимъ фонтаномъ на полу-горѣ. Сквозь деревья нарядно мелькали трельяжи и вычурныя крыши Китайскихъ бесѣдокъ, и свѣжеокрашенныя скамейки бѣлѣли надъ тщательно усыпанными толченымъ кирпичемъ дорожками.

— А вѣдь красиво смотритъ! говорилъ Ашанинъ, любуясь видомъ, въ ожиданіи парома, подтягивавшагося съ того берега.

Гундуровъ еле замѣтно повелъ плечомъ.

— А тебѣ не нравится?

— Не приводитъ въ восторгъ, во всякомъ случаѣ, отвѣчалъ онъ не сейчасъ;—мнѣ, засмѣялся онъ,—какъ сказалъ древній поэтъ,—„болѣе всего *уголки* улыбаются.“

— Вѣрю, замѣтилъ Ашанинъ, — только вотъ бѣда: въ *уголкѣ*-то „театрика“ не устроишь.

— Дда,—не будь этого...

Ашанинъ глянулъ ему прямо въ глаза:

— А знаешь, что̀, Сережа, я тебѣ скажу,—вѣдь ты ужасный гордецъ!

Румянецъ внезапно вспыхнулъ на щекахъ Гундурова:

— Я гордецъ! Изъ чего ты взялъ?..

— А изъ того, голубчикъ, что я тебя лучше самого себя знаю... Только повѣрь, тебя здѣсь ничто не оскорбитъ!

— Да я и не думалъ...

— Ну, ладно!

И Ашанинъ, не продолжая, побѣжалъ на паромъ.

— Колокольчикъ подвяжи! наставлялъ онъ ямщика,—а то мы, пожалуй, тамъ всѣхъ перебудемъ. Бывалъ ты въ Сицкомъ?

— Какъ не бывать, батюшка! Возили!..

— Такъ какъ бы намъ такъ подъѣхать, чтобъ грохоту отъ насъ поменьше было?

— Да вамъ къ кому, къ самимъ господамъ, аль къ управителю? молвилъ на это уже нѣсколько свысока ямщикъ.

— Къ скотнику, милый мой, къ скотнику! расхохотался Ашанинъ.—Трогай!..

Они поднялись по шоссированной, отлогою спиралью огибавшей гору, дорогѣ—и очутились у ограды на каменныхъ столбахъ, съ желѣзными между ними копьями, остріемъ вверхъ, и высокими по серединѣ воротами аркою, надъ которой словно зѣвала разинутая пасть грубо вытесаннаго изъ мѣстнаго камня льва на заднихъ лапахъ, съ передними опиравшимися на большую позолоченную мѣдную доску, на которой изображенъ былъ рельефомъ княжескій гербъ Шастуновыхъ. Все это было ново и рѣзало глаза свѣжею бѣлою краской и рѣзкостью линій...

— Ишь ты, звѣрища-то какого подняли! проговорилъ ямщикъ, осаживая лошадей предъ полупримкнутыми половинками воротъ и заглядываясь на верхъ.

— Въѣзжать, что-ль? спросилъ онъ, оборачиваясь къ господамъ.

— Безвкусица таки порядочная!.. Также поднявъ глаза на каменнаго звѣря, молвилъ Гундуровъ и смутился...

Передъ ними стоялъ только-что вышедшій изъ воротъ высокій и сухой, въ широкополой сѣрой шляпѣ и длинномъ

сюртукѣ à la prorriétaire мужчина, которому по бодрому его виду, едва замѣтной просѣди и живости темныхъ глазъ, свѣтившихъ изъ подъ сѣдоватыхъ, какъ и его волосы, бровей, можно было дать на первый разъ никакъ не болѣе пятидесяти лѣтъ.

Онъ стоялъ, глядя на Гундурова и мягко улыбаясь тонко сложенными губами, какъ бы говорившими: я совершенно съ тобою согласенъ.

— Князь Ларіонъ Васильевичъ! воскликнулъ Ашанинъ, поспѣшно снимая шляпу и выскакивая изъ коляски... Позвольте, заторопился онъ,—представить вамъ спутника моего и лучшаго друга...

— Сергѣя Михайловича Гундурова, не такъ ли? досказалъ самъ князь, съ тою же мягкой улыбкой, и протянулъ этому руку; — Софья Ивановна ждетъ васъ давно, прибавилъ онъ, какъ-то особенно внимательно и привѣтливо продолжая глядѣть въ лицо Гундурову.

— Вы ее видѣли? даже нѣсколько удивился тотъ.

— Непремѣнно-съ! Какъ только узналъ о ея прибытіи въ Сашино, поспѣшилъ навѣстить... Я давно привыкъ любить и уважать вашу тетушку! какъ бы счелъ нужнымъ объяснить князь ту благосклонность, которую онъ теперь видимо оказывалъ незнакомому молодому человѣку.

— Княгиня Аглая Константиновна будетъ очень рада вашему пріѣзду, сказалъ онъ Ашанину, — вы вѣдь, кажется, главный рычагъ въ ея театральной затѣѣ?...

— Позвольте отклонить не подобающую мнѣ честь, весело отвѣчалъ красавецъ,—я только вчинатель, а главная пружина дѣятельности—пріятель нашъ, Вальковскій... Смѣю спросить, ваше сіятельство: какъ онъ ведетъ себя здѣсь? Видите-ли вы его иногда?

Усмѣшка еще разъ скользнула по устамъ князя Ларіона.

— Является къ обѣду, и то не всегда; цѣлый день въ театрѣ,—пилитъ, мажетъ и клеитъ.

— Онъ какъ есть—фанатикъ! засмѣялся Ашанинъ.

— Да, сказалъ на это серьезнымъ тономъ князь,—черта рѣдкая у насъ и всегда говорящая въ пользу человѣка...

Что же ты стоишь, милый мой, онъ глянулъ на ямщика; — въѣзжай!...

— Куда прикажете подъѣхать? спросилъ Ашанинъ.

— Я вамъ укажу.

Онъ вошелъ съ молодыми людьми на дворъ и направился къ одному изъ флигелей.

— Мнѣ говорила почтенная Софья Ивановна, что вы изъ Петербурга бѣжали? обратился онъ снова къ Гундурову, очевидно вызывая молодаго человѣка на откровенный разсказъ.

Гундурову нечего было скрывать; къ тому же этотъ, казавшійся ему въ дѣтствѣ „суровымъ“, человѣкъ влекъ его къ себѣ теперь своею привѣтливостью и обаяніемъ какого-то особаго изящества всей своей особы. Онъ передалъ ему въ короткихъ словахъ все то, что уже извѣстно нашему читателю.

Князь слушалъ внимательно, медленно подвигаясь впередъ и глядя не на него, а куда-то въ сторону, совершенно, казалось, безстрастными глазами; только по изгибу его губъ змѣилось какое-то едва уловимое выраженіе печали...

Гундуровъ давно замолкъ, когда онъ, остановившись посреди двора, проговорилъ вдругъ почти строго:

— Главное—душевная бодрость!... Мнѣ недавно показывали стихи... съ большимъ талантомъ и горечью написанные,— вы ихъ вѣрно знаете?—тамъ говорится: „Разбейтесь силы, вы не нужны“ *). Не вѣрьте, не отдавайтесь этому! Вы молоды!... Рано-ли, поздно-ль, силы эти — онѣ пригодятся... И также внезапно перемѣняя тонъ:—это, кажется, у васъ въ водевилѣ въ какомъ-то поется,—князь обернулся на Ашанина: — „Не все-жь на небѣ будетъ дождь, авось и солнышко проглянетъ!...“

— Не помню-съ, а съ моралью согласенъ! отвѣчалъ смѣясь Ашанинъ, — даже всю дорогу отъ Москвы сюда проповѣдывалъ ее Гундурову... И если, ваше сіятельство, не откажете въ вашемъ согласіи, мы ее тотчасъ же приложимъ къ дѣлу?

---

*) Стихотвореніе И. С. Аксакова.

— Что̀ такое? спросилъ, слегка нахмурясь, князь.

— Я уговариваю Сережу принять участіе въ нашихъ спектакляхъ здѣсь, и именно сыграть роль *Гамлета*, которую онъ наизусть знаетъ и страстно любитъ...

Князь поднялъ вопросительно глаза на Гундурова, затѣмъ перевелъ ихъ на Ашанина, впившагося въ него, въ свою очередь, своими выразительными черными глазами, и тотчасъ же сообразилъ, въ чемъ дѣло...

— Это прекрасная мысль, Сергѣй Михайловичъ, поощрилъ онъ его,—и затѣя Аглаи Константиновны приметъ такимъ образомъ совсѣмъ иной, серьезный характеръ...

— А ужь какая *Офелія* будетъ у насъ княжна Елена Михайловна! вскликнулъ, торжествуя, Ашанинъ.

Подъ нависшими вѣками князя Ларіона что-то мгновенно сверкнуло и погасло.

— *Офелія*... да... она дѣйствительно... проговорилъ она, какъ бы думая о чемъ-то другомъ и не глядя на нашихъ друзей...

Онъ опять остановился.

— Такъ вы хотите играть *Гамлета*, молодые люди?... Я видѣлъ *Гамлета* на всѣхъ сценахъ Европы, и между прочимъ въ Веймарѣ, въ то еще время, когда Гёте былъ тамъ директоромъ театра, заговорилъ князь послѣ минуты молчанія съ какимъ-то внезапнымъ оживленіемъ,—и, признаюсь вамъ, выходилъ каждый разъ изъ театра неудовлетворенный... Вѣдь это удивительное произведеніе, господа, и невообразимо-сложный типъ, и Гизо совершенно справедливо сказалъ, что два вѣка не успѣли еще исчерпать всю его глубину...

— Да, это вѣрно, воскликнулъ Гундуровъ,—и потому, можетъ быть, онъ такъ и манитъ, такъ и влечетъ къ себѣ, что каждый подступающій къ нему находитъ въ немъ какъ бы личныя, родственныя ему черты.

— И можетъ-быть именно вслѣдствіе этого, замѣтилъ въ свою очередь князь Ларіонъ,—онъ въ исполненіи такъ рѣдко удовлетворяетъ всѣхъ... У васъ подходящая къ типу наружность, прервалъ онъ себя, оглядывая Гундурова,—бѣлокурое блѣдное лицо, задумчивый обликъ,—князь усмѣхнулся:—

тонки слишкомъ!... Замѣтьте, какъ глубоко и вѣрно схвачено это у Шекспира: *Гамлетъ* — натура вдумчивая, рефлективная,—„мечтанью преданный безмѣрно“, какъ сказалъ когда-то Пушкинъ про современнаго человѣка, къ которому *Гамлетъ* такъ удивительно, такъ невѣроятно близокъ, что самъ Гейне, его ближайшій представитель, не ближе къ нему; такіе люди мало подвижны, склонны къ раннему ожиренію; онъ тяжелъ на подъемъ, страдаетъ астмомъ,—помните сцену поединка? — „Онъ толстоватъ и дышетъ коротко“ *), говоритъ прямо мать о немъ... Попробуйте, попробуйте себя на этой роли! какъ-то вдругъ оборвалъ князь, словно уставъ или не желая продолжать.

Гундуровымъ овладѣло смущеніе.

— Вы, я вижу, такой знатокъ, князь, проговорилъ онъ робко,—что я, мнѣ кажется, никогда не осмѣлюсь вытти передъ вами...

— А вы какъ-же-съ,—и князь съ тѣмъ же строгимъ, почти повелительнымъ выраженіемъ, съ какимъ онъ глядѣлъ, внушая Гундурову бодрость духа, взглянулъ на него опять,—вы бы хотѣли играть для тѣхъ, которые аза въ глаза не понимаютъ?... Такихъ у васъ будетъ полна зала,—можете быть спокойны!...

— Не слушайте его, князь,—Ашанинъ замахалъ руками,—я слышалъ не разъ, какъ онъ читаетъ роль, и заранѣе увѣряю васъ, что онъ удовлетворитъ васъ болѣе, чѣмъ всѣ слышанные вами въ Европѣ актеры!...

— Вѣрю! искреннимъ тономъ отвѣчалъ князь Ларіонъ на эту наивную пріятельскую похвальбу; — вѣрю, какъ бы про себя повторилъ онъ,—потому что одна изъ принципіальныхъ чертъ этого характера, его колебанія и неустой, никому, кажется, такъ непонятна какъ русскому человѣку...

— Который, подхватилъ на лету со смѣхомъ Ашанинъ,—„на всѣ руки,“ какъ сказалъ Брюловъ, „но всѣ руки коротки“!...

---

*) He's fat and scant of breath. Act. V. Sc. II.

— Да-съ, сухо отвѣтилъ князь,—только объ этомъ, пожалуй, скорѣе въ пору плакать, чѣмъ смѣяться...

Коляска молодыхъ людей подъѣхала тѣмъ временемъ къ крыльцу флигеля, у котораго они сами съ княземъ теперь остановились, и слуга Сергѣя Михайловича принялся стаскивать съ козелъ привязанный тамъ чемоданъ Ашанина.

— Потрудись, любезный, сказалъ ему князь,—зайти сюда къ дежурному, направо, и разбуди его, чтобъ онъ шелъ съ ключами скорѣе комнаты отворять. Какъ вамъ удобнѣе, господа, вмѣстѣ или порознь?

— Вы извините меня, князь, сказалъ Гундуровъ,—но я никакъ не разсчитывалъ встрѣтиться съ вами, и потому у насъ положено было съ Ашанинымъ, что я его только довезу сюда, а самъ тотчасъ-же отправлюсь къ тетушкѣ, которую еще не видалъ...

— Вы всегда успѣете выпить здѣсь чашку чаю, прервалъ его князь Ларіонъ;—вамъ до Сашина никакъ не болѣе часа ѣзды, а теперь—онъ вынулъ часы,—половина седьмаго. Софья Ивановна, при всѣхъ ея качествахъ, примолвилъ онъ шутливо,—не имѣетъ вѣроятно моей привычки вставать зимою и лѣтомъ въ пять часовъ утра...

— Зимою и лѣтомъ! даже вскрикнулъ Ашанинъ.

— Точно такъ-съ,—и совѣтую всѣмъ дѣлать то же. Самъ я веду этотъ образъ жизни съ двадцатипятилѣтняго возраста, по совѣту человѣка, котораго я близко зналъ и высоко цѣнилъ,—Лафатера, и до сихъ поръ благословляю его за это... А вотъ и дежурный!... Показать господамъ комнаты и подать имъ чаю и кофе, куда они прикажутъ!... Вашъ пріятель, господа, живетъ тутъ-же, въ этомъ флигелѣ... Я не прощаюсь съ вами, Сергѣй Михайловичъ, примолвилъ князь,—но вы мнѣ дозволите докончить мою ежедневную двухчасовую прогулку,—это также составляетъ conditionem sine qua non моей гигіены.

И, кивнувъ молодымъ людямъ, онъ удалился.

— Да, онъ дѣйствительно очень уменъ и образованъ! молвилъ Гундуровъ, подымаясь съ Ашанинымъ по лѣстницѣ, вслѣдъ за бѣжавшимъ впереди слугою.

— И ядовитъ! примолвилъ его пріятель: — замѣтилъ ты,

какъ онъ кольнулъ меня моимъ *ничего-недѣланьемъ?*... Что-жь, вдругъ глубоко вздохнулъ красавецъ,—онъ правду сказалъ: плакать надъ этимъ надо, а не смѣяться!..,

Гундуровъ улыбнулся,—ему не впервые приходилось слышать эти ни къ чему не ведшія никогда самобичеванія Ашанина...

Они вошли въ корридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго расположены были комнаты, назначаемыя гостямъ...

Не проспавшійся еще слуга ткнулся о первую попавшуюся ему дверь:

— Пожалуйте! приглашалъ онъ зѣвая.

— Мы бы прежде всего хотѣли увидать господина Вальковскаго, сказалъ Ашанинъ.

— Вальковскаго? Это, то есть, какіе они изъ себя будутъ? недоумѣвалъ сонный дежурный.

— А вотъ я тебѣ объясню: волчьи зубы, на головѣ боръ, и въ театрѣ цѣлый день съ рабочими бранится...

— Знаю-съ! широко осклабился понявшій слуга и протеръ себѣ глаза,—пожалуйте!...

III.

Вальковскій спалъ спиною вверхъ, ухвативъ огромными ручищами подушку, едва выглядывавшую изъ-подъ этихъ его рукъ и раскинувшихся по ней, словно ворохъ надерганной кудели, всклокоченныхъ и какъ лѣсъ густыхъ волосъ.

— Гляди, расхохотался Ашанинъ, входя въ комнату съ Гундуровымъ,—*фанатикъ*-то! Вѣдь спитъ совсѣмъ одѣтый,—только сюртукъ успѣлъ скинуть... Пришелъ, значитъ, изъ „театрика“ безъ ногъ и такъ и повалился... Экой шутъ гороховый!..

— Жаль будить его, бѣднягу! говорилъ Гундуровъ.

Но Вальковскій, прослышавъ сквозь сонъ шаги и голоса, встрепенулся вдругъ, быстро перевернулся на постели, сѣлъ и, не открывая еще глазъ, закричалъ:

— Что, подмалевали подзоры?

— Чучело, чучело, помиралъ со смѣху Ашанинъ,—какіе тебѣ подзоры! Гляди, кто передъ тобою!..

— Гундуровъ, Сережа, мамочка! визгливымъ фальцетомъ отъ преизбытка радости заголосилъ Вальковскій,—разумница ты моя писанная!.. Князь говорилъ мнѣ вчера, что тебя ждутъ... Станешь играть *доктора?* такъ и огорошилъ онъ его съ перваго раза.

— Какого доктора? проговорилъ озадаченный Гундуровъ.

— Да въ *Шилѣ*... Зяблинъ отказывается, дрянь эта салонная! Чижевскій еще, чортъ его знаетъ, пріѣдетъ-ли...

— А я тебѣ говорю, такъ и напустился на него Ашанинъ,—чтобъ ты мнѣ про свое *шило* и заикаться не смѣлъ,

а то я тебѣ имъ брюхо пропорю... Станетъ Сережа объ эту твою мерзость мараться, когда мы вотъ сейчасъ порѣшили съ княземъ *Гамлета* ставить...

— *Гамлета!* Съ княземъ!.. Вальковскій даже въ лицѣ измѣнился и—судорожно началъ ерошить свои сбитые волосы;—какая-жь мнѣ тамъ роль будетъ?.. *Горацію* развѣ сыграть мнѣ? неувѣренно, сквозь зубы проговорилъ онъ, изподлобья поглядывая съ постели на Ашанина.

— Ну, съ твоимъ-ли мурломъ, крикнулъ на него тотъ опять,—лѣзть на молодыя роли, да еще на *резонеровъ*! Или не помнишь, какъ ты провалился въ *Герцогѣ* въ *Скупомъ рыцарѣ?*

Сконфуженный „фанатикъ“ опустилъ голову и принялся натягивать сапоги на ноги.

— *Полоній*, вотъ тебѣ роль! Да и то еще надобно тебя пощупать.

— Нечего меня щупать! огрызся на этотъ разъ Вальковскій,—на репетиціяхъ я себя не покажу... Я актеръ нервный, играю *какъ скажется*...

— И лжешь, лжешь, отъ начала до конца лжешь, доказывалъ ему Ашанинъ:—во-первыхъ, у тебя не нервы, а канаты, которые топоромъ не перерубишь; во-вторыхъ, только то у тебя и выходитъ, что ты у себя въ комнатѣ передъ зеркаломъ продѣлалъ сто разъ, пока добился своего эффекта... А какъ ты только до цыганскаго пота надъ ролью не проработалъ,—такъ и гони тебя вонъ со сцены!..

— И это тебѣ въ похвалу сказывается, Вальковскій, утѣшалъ его Гундуровъ:—роль, что кладъ, дается въ руки лишь тому, кто дороется до нея!..

— Ну вотъ! качнулъ головою „фанатикъ,“ направляясь къ умывальнику,—а Мочаловъ?

У Гундурова заморгали глаза, что всегда служило въ немъ признакомъ охватывавшаго его волненія; онъ опустился въ кресло:

— Мочаловъ, повторилъ онъ,—это я постоянно слышу: Мочаловъ! А я вотъ тебѣ что скажу, Вальковскій—и да проститъ это мнѣ его всѣмъ намъ дорогая память!—Но эта

Мочаловская манера игры „*какъ скажется*," какъ Богъ на душу положитъ, возведенная въ теорію, погубитъ русскую сцену! Вѣдь это опять все то же наше варварское *авоська*, въ примѣненіи къ искусству,—пойми ты это!..

— Погоди, погоди-ка, Сережа! прервалъ его Ашанинъ.— А помнишь,—мы съ тобой вмѣстѣ были тогда, на первомъ это курсѣ было,—какъ однажды въ *Гамлетѣ*, послѣ сцены въ театрѣ, онъ, поднявъ голову съ колѣнъ Орловой—Офеліи, поползъ... помнишь?—да, поползъ на четверенькахъ черезъ всю сцену къ рампѣ и этимъ своимъ чуднымъ, на всю залу слышнымъ шопотомъ проговорилъ:

„Оленя ранили стрѣлой"

и засмѣялся... Господи!... Помню, ты даже привскочилъ!... У меня зубы застучали, и я три ночи послѣ этого не могъ заснуть: все слышался мнѣ этотъ шопотъ и смѣхъ.

— Да, но за то, признайтесь,—Гундуровъ даже вздохнулъ,—сколько приходилось намъ цѣлыми представленіями переносить у него нестерпимой вялости, фальши, непониманія роли?... *Минуты* у него были божественныя!—но однѣ минуты! Полнаго образа, типа, цѣльнаго характера онъ тебѣ никогда не давалъ...

— Что—о? такъ и заревѣлъ Вальковскій, отрываясь мокрымъ лицомъ отъ умывальника, въ которомъ плескался онъ, и кидаясь на середку комнаты съ этимъ мокрымъ лицомъ и неотертыми руками,—въ *Миллерѣ*, въ *Коварствѣ* и *любви*, онъ тебѣ не давалъ *образа?*...

— Въ *Миллерѣ*... началъ было Гундуровъ.

— Что-же ты, въ Петербургѣ Каратыгинымъ объѣлся, видно! Каратыгинъ теперь, по-твоему, великій актеръ? чуть-чуть не съ пѣной у рта подступалъ къ нему тотъ.

— Позволь тебѣ сказать...

— Фельдфебель, трескотня, рутина!... Барабанщикъ французскій,—вотъ онъ что, твой Каратыгинъ! ревѣлъ Вальковскій, ничего не слушая...

— Эко чучело! Эка безобразина! надрывался смѣхомъ Ашанинъ, глядя на него.

— А въ *Заколдованномъ домѣ* видѣлъ ты его? спросилъ Гундуровъ.

— Въ *Заколдованномъ домѣ?* повторилъ „фанатикъ", мгновенно стихая,—видѣлъ!...

— Ну, и что-же?

— Хорошъ былъ, глухимъ баскомъ проговорилъ онъ и, опустивъ голову, опять отошелъ къ своему умывальнику:—король былъ, дѣйствительно, настоящій... страшенъ... правдою страшенъ! отрывисто пропускалъ уже Вальковскій, отфыркиваясь и плеща въ тазу.

— То-то и есть, заговорилъ опять Гундуровъ, — что онъ *образованный* и *думающій* актеръ, и что ты это чувствуешь, какъ только онъ выйдетъ предъ тобою въ подходящей роли. Онъ знаетъ *кого, когда, что* онъ играетъ!... А что ему *Иголкиныхъ*, да *Деньщиковъ* *) приходится вѣчно изображать, такъ въ этомъ, братъ, не онъ виноватъ, а Петербургскія гниль и лакейство...

— Такъ что-же, по-твоему, прервалъ его „фанатикъ", останавливаясь въ раздумьи передъ нимъ съ полотенцемъ въ рукахъ,—вдохновенье актеру надо, значитъ, по боку?...

— Это еще что за вздоръ! горячо воскликнулъ Гундуровъ.—Развѣ мѣшали когда нибудь *вдохновенью* трудъ, подготовка, строгое отношеніе къ своему дарованію? Вспомни Пушкина,—чего тебѣ лучше примѣръ?... Случайное вдохновенье есть и въ дикой калмыцкой пѣсни, и у безобразнаго Третьяковскаго вылились невзначай пять *вдохновенныхъ* стиховъ... **) Но развѣ объ этомъ рѣчь? Мы говоримъ объ искусствѣ, о святынѣ, къ которой нельзя подходить съ неумытыми руками!...

---

*) *Иголкинъ*, драматическое представленіе Полеваго, и 5-ти актная драма Кукольника, *Деньщикъ*, весьма долго, какъ извѣстно, держались на репертуарѣ Александринскаго театра въ прошлое царствованіе.

**) Вонми, о небо, и реку!
Земля да слышитъ устъ глаголы!
Какъ дождь я словомъ потеку,
И снидутъ, какъ роса къ цвѣтку,
Мои вѣщанія на долы!

— Молодчина, Сережа! воскликнулъ увлеченный послѣдними словами Вальковскій.—Дай, влѣплю тебѣ безешку за это!... И онъ полѣзъ обнимать пріятеля, еще весь мокрый...

— А для меня изъ смысла басни сей, комически началъ вздыхать Ашанинъ,—выходитъ тѳ, что вы теперь потребуете отъ меня вызубрить вдолбяшку роль *Лаерта*.

— И вызубришь! засмѣялся Гундуровъ.

— Какже! Держи карманъ! хихикнулъ Вальковскій,—выйдетъ, и, по обыкновенію, ни въ зубъ толконуть!... Онъ у насъ, извѣстно, какъ толстые кучера у купечества, на „фэгурѣ“ выѣзжаетъ!...

Ашанинъ весело головою тряхнулъ, какъ бы не замѣтивъ недобраго взгляда, сопровождавшаго эту выходку его пріятеля:

— Каждому свое, Ваня: — я фигурою, а ты волчьимъ ртомъ...

— И лисьимъ хвостомъ! договорилъ самъ Вальковскій, принимаясь громко хохотать; — а вѣдь точно, братцы, княгиню-то я совсѣмъ объѣхалъ!..,

— Какъ такъ! изумился Гундуровъ.

— Да такъ, что что я ни захочу, тѳ она и дѣлаетъ... Шесть *перемѣнъ* новыхъ у насъ въ театрѣ уже готово: двѣ комнаты, зало съ колоннами, улица, садъ, лѣсъ. Старыя декораціи, какія отъ временъ стараго князя остались, тѣ всѣ подновилъ. И какія декораціи, братцы! Старикъ-то, видно, человѣкъ со вкусомъ былъ и страсть къ искусству имѣлъ, труппа своя постоянная была. Самъ Императоръ Александръ, разсказываютъ тутъ старые дворовые, пріѣзжалъ къ нему сюда гостить и на спектаклѣ былъ. Баринъ былъ важный... Ну, а эта — Вальковскій подмигнулъ и оскалилъ свой волчій клыкъ, — какъ есть жидъ-баба, кулакъ; только очень уже чванна при этомъ, такъ этимъ ее какъ рыбицу на удѣ и водишь. Какъ начали мы здѣсь театръ устраивать, потребовала она отъ декоратора смѣты. Я ему и говорю: „ты, братъ, ее не жалѣй, валяй такъ, чтобъ на славу театрикъ вышелъ“. Онъ и вкаталъ ей смѣту въ полторы тысячи. Она такъ и взвизгнула: „ахъ, говоритъ, *комъ се шеръ* и неужто все это нужно?“ И на меня такъ и уставилась. Я ничего, молчу.

Начинаетъ она улыбаться: „и дешевле нельзя, спрашиваетъ, *монъ шеръ* Иванъ Ильичъ?“—Отчего, говорю, можно; вотъ я въ Замоскворѣчьи у купца Телятникова театрикъ устраивалъ, всего расходу на полтораста цѣлкашей вышло. Такъ повѣрите, ее ажъ всю повело: „потрудитесь, говоритъ Александрову, представить это въ мою контору,—сколько вамъ нужно будетъ денегъ, тамъ получите“... Съ тѣхъ поръ, расхохотался „фанатикъ“,—что ни скажу, то свято!... Да что мы здѣсь дѣлаемъ, вскинулся онъ вдругъ,—ходимъ въ театръ! Сами увидите, что за прелесть!...

— Мнѣ ѣхать домой пора, сказалъ Гундуровъ, — лошади ждутъ...

— Лошадей вашихъ князь велѣлъ отправить, доложилъ слуга, входившій въ ту минуту въ комнату съ чаемъ.

— Какъ отправить?

— Сказывать изволили, что, когда пожелаете, всегда наши лошади могутъ васъ отвезти.

— Молодецъ князь! воскликнулъ Вальковскій.—Любезный, неси намъ чай на сцену, да булокъ побольше, я ѣсть хочу... Ну, Сережа, чего ты осовѣлъ? Напьемся чаю, театрикъ осмотришь, а тамъ уѣдешь себѣ съ Богомъ...

— Ладно, сказалъ за Гундурова Ашанинъ, — только дай намъ себя нѣсколько въ порядокъ привести!

Друзья умылись, перемѣнили бѣлье, причесались и отправились вслѣдъ за Вальковскимъ въ „театрикъ“.

IV.

Люблю тебя, люблю, мечты моей созданье,
Съ очами полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодаго дня
За рощей первое сіянье.

Лермонтовъ.

Помѣщеніе театра занимало почти весь правый, двухъэтажный флигель дома. Гундуровъ такъ и ахнулъ, войдя въ него. Онъ никакъ не воображалъ его себѣ такимъ объемистымъ, удобнымъ, красивымъ. Широкая и глубокая сцена, зала въ два свѣта амфитеатромъ, отставленныя временно къ стѣнамъ кресла, обитыя стариннымъ, еще мало выцвѣтшимъ, малиновымъ тисненымъ барха́томъ, пляшущія нимфы и толстопузые амуры, расписанные по высокому своду плафона, сверкавшія подъ утренними лучами стеклышки спускавшейся съ него большой хрустальной люстры, проницающій запахъ свѣжаго дерева и краски,—все это подымало въ душѣ молодаго любителя цѣлый строй блаженныхъ ощущеній, всю забирающую прелесть которыхъ пойметъ лишь тотъ, кто самъ испытывалъ ихъ, кто самъ пьянѣлъ и замиралъ отъ восторговъ и тревоги подъ вліяніемъ того, что́ Французы называютъ l'enivrante et âcre senteur de la rampe...

И Гундуровъ съ безотчетною, счастливою улыбкою осторожно пробирался теперь, вслѣдъ за Вальковскимъ, промежъ брусковъ, горшковъ съ краско́ю, гвоздей и всякаго хлама, мимо растянутаго на полу залы полотна, на которомъ сохла только что вчера написанная декорація. „Фанатикъ“ трещалъ, какъ канарейка, и отъ преизбытка всего того, что́ хотѣлось ему

сообщить друзьямъ, путался и заикался, безпрестанно перебѣгая отъ одного предмета къ другому. Онъ говорилъ объ оркестрѣ, набранномъ имъ изъ музыкантовъ Малаго театра, съ которыми, какъ и со всѣмъ Московскимъ театральнымъ міромъ, состоялъ *на ты*, и тутъ-же поминалъ крѣпкимъ словомъ дворецкаго княгини, съ которымъ уже успѣлъ два раза выругаться; передавалъ о какой-то старой кладовой, открытой имъ, гдѣ онъ нашелъ „самую подходящую“-де къ *Гамлету* мебель, и о почему-то вздорожавшихъ кобальтѣ и охрѣ; сообщалъ, что первый *театрикъ* имѣетъ быть 3-го іюня, въ день рожденія княжны, которой минетъ 19 лѣтъ, и что къ этому дню наѣдетъ въ Сицкое чуть не полъ-Москвы, и даже изъ Петербурга какіе-то генералы обѣщались быть...

Но вся эта болтовня шла мимо ушей Гундурова. Онъ только видѣлъ предъ собою сцену, на которой онъ появится вотъ изъ-за этой второй налѣво кулисы, изображающей теперь дерево съ тѣми подъ нимъ невиданными желтыми цвѣтами, какіе только пишутся на декораціяхъ, а которая тогда будетъ изображать колонну или пилястръ большой залы въ Эльсинорѣ,—появится съ выраженіемъ „безконечной печали на челѣ“, съ едва держащейся на плечахъ мантіей и спущеннымъ на одной ногѣ чулкомъ, какъ выходилъ Кинъ, и, скрестивъ на груди руки, безмолвно, не подымая глазъ, перейдетъ направо, подальше отъ Клавдіо...

— „Отбрось ночную тѣнь, мой добрый Гамлетъ“, начнетъ *Гертруда*,—

Зачѣмъ искать съ опущенной рѣсницей
Во прахѣ благороднаго отца?
Ты знаешь: все, что̀ живо, то̀ умретъ...

— Да, отвѣтитъ онъ,—и какъ онъ это скажетъ!—...

Да, все умретъ!—„А если такъ,
То что̀-жь тебѣ тутъ кажется такъ странно?“

А онъ... И Гундуровъ, вбѣжавъ на сцену, уже стоялъ съ этими скрещенными на груди руками, на этомъ своемъ мѣстѣ направо, и пробовалъ резонансъ залы:

Нѣтъ, мнѣ не *кажется*, а точно *есть*,
И для меня все *кажется* ничтожно...
Нѣтъ, матушка, ни траурный мой плащъ,
Ни грустный видъ унылаго лица,
Ни слезъ текущій изъ очей потокъ,—
Ничто, ничто изъ этихъ знаковъ скорби
Не скажетъ истины...

читалъ онъ, постепенно повышая голосъ, давая самъ себѣ реплику и безсознательно увлекаясь самъ...

— Вѣрно, хорошо! одобрительно покачивалъ головою глядѣвшій на него снизу Ашанинъ.

— Э, братъ, крикнулъ въ свою очередь Вальковскій,—да ты своего что-ли *Гамлета* читаешь?

— Какъ такъ?

— Я выходъ-то Мочалова хорошо помню,—совсѣмъ не тѣ слова были...

— Ну да, объяснилъ Гундуровъ,—въ театрѣ у насъ играютъ по передѣлкѣ Полеваго, а я читалъ по Кронеберговскому переводу.

— Для чего-же это? недовольнымъ голосомъ спросилъ Вальковскій.

— А потому что онъ и ближе, и изящнѣе...

— А къ тому всѣ привыкли, знаютъ, вся Россія... торговцы въ городѣ его знаютъ, такъ нечего намъ мудровать съ тобою. Тутъ не въ вѣрности дѣло, а чтобы каждый сердцемъ понялъ... запнулся Вальковскій, не умѣя, какъ всегда, договорить свою мысль.

— Да къ тому же и Варламовская музыка, всѣмъ извѣстная, поддерживалъ его Ашанинъ.

И онъ запѣлъ фальцетомъ на всю залу:

Моего-ль вы знали друга?
Онъ былъ бравый молодецъ...

—Въ бѣлыхъ перьяхъ, статный воинъ,
Первый Даніи боецъ,

неожиданно отвѣтилъ ему вблизи чей-то свѣжій, звучный женскій голосъ,—и изъ-за стремительно отворившихся на обѣ половинки ближайшихъ къ сценѣ дверей вылетѣла, останови-

лась на-бѣгу, зардѣлась и вдругъ залилась раскатистымъ не совсѣмъ естественнымъ смѣхомъ быстроглазая, свѣжая и пышная брюнетка, дѣвушка лѣтъ девятнадцати...

— Pardon, заговорила она сквозь смѣхъ пріятнымъ груднымъ голосомъ, — слышу, поютъ знакомое... Я думала... Она не договорила, приподняла длинныя рѣсницы и метнула вызывающими глазами въ недоумѣвающіе глаза Ашанина.—Ахъ, здравствуйте, Иванъ Ильичъ! И она кинулась съ протянутою рукою ка Вальковскому:—это, вѣрно, monsieur Ашанинъ? спросила она его шопотомъ, слышнымъ на всю залу.

— Самъ! нахмурившись пробурчалъ ей въ отвѣтъ „фанатикъ“.

— Я такъ и знала! проговорила она, повела еще разъ на красавца своимъ возбудительнымъ взглядомъ и—побѣжала назадъ въ ту дверь, откуда появилась.—Лина, Лина, слышался ея звонкій смѣхъ въ корридорѣ, въ который вела эта дверь,—что же вы меня оставили одну, на съѣденіе?...

— Что за прелесть! Кто такая? съ загорѣвшимися зрачками обратился Ашанинъ къ Вальковскому.

— Стрекоза! отрѣзалъ тотъ, отворачиваясь.

Гундуровъ глядѣлъ на все это со сцены и ничего не понималъ...

Но вотъ опять изъ тѣхъ же дверей вынеслась быстроглазая особа,—и за нею ступила въ залу...

Ашанинъ былъ правъ, говоря о ней Гундурову: болѣе соотвѣтствовавшей *Офеліи* наружности трудно было себѣ представить. Высокая и стройная, съ золотистымъ отливомъ густыхъ косъ, лежавшихъ вѣнцомъ, по модѣ того времени, кругомъ ея маленькой, словно выточенной головы,—въ ней было что-то невыразимо-дѣвственное и свѣжее, что-то *полевое*, какъ васильки, цвѣта которыхъ были ея длинные, тихіе, никогда не улыбавшіеся глаза,—какъ спѣлый колосъ, къ которому можно было приравнить ея тонкій, красиво и мягко, какъ бы отъ слабости, гнувшійся станъ... Словно вся благоухала этою дѣвственною, полевою свѣжестью княжна Лина—Елена Михайловна—Шастунова.

Она остановилась, съ любопытствомъ обводя вокругъ себя

взглядомъ, и тихо, одною головой, съ какимъ-то застѣнчивымъ достоинствомъ, поклонилась нашимъ друзьямъ...

Самъ суровый „фанатикъ“ размякъ отъ этого появленія.

— Пожалуйте, сіятельная, пожалуйте, гостья будете, привѣтствовалъ онъ ее,—только осторожнѣе подбирайте ноженьки, чтобы башмачечковъ и платьица о красочку не замарать...

— Да какая же вы ранняя пташка, княжна? молвилъ, подходя къ ней, Ашанинъ.

— Это я, я, monsieur Ашанинъ, не давъ той отворить рта, защебетала черноглазая ея спутница, относясь къ молодому человѣку, будто всю жизнь была съ нимъ знакома,—я подняла сегодня Лину спозаранку... Князь вчера дразнилъ насъ непробудными сонями,—такъ вотъ мы ему и доказали!.. Ахъ, вотъ и Надежда Ѳедоровна! Несносная! кинула она въ полголоса не то княжнѣ, не то Ашанину,—и темныя, красиво очерченныя брови сдвинулись надъ еще весело сверкавшими глазами барышни.

Надежда Ѳедоровна Травкина,—та, которую Ашанинъ такъ непочтительно называлъ „особою дѣвическаго званія,“—была дѣвушка далеко не молодая, съ довольно правильными, но не привлекательными, подъ натянутою на нихъ, словно полинялою, кожею, чертами лица, мягкимъ выраженіемъ большихъ, нѣсколько подслѣповатыхъ глазъ, и весьма замѣтною, не то презрительною, не то горькою усмѣшкою, постоянно игравшею въ уголку ея рта. Держала она себя чрезвычайно чинно и опрятно. Сухія очертанія ея тѣла скрывались подъ хорошо скроеннымъ, ловко сидѣвшимъ на ней темнымъ платьемъ. Вся она, въ этомъ скромномъ платьѣ, гладкихъ воротничкахъ и нарукавничкахъ ослѣпительной бѣлизны напоминала собою почтенный, малоизвѣстный въ Россіи, типъ француженки-протестанки.

Она холодно обмѣнялась поклономъ съ бойкой дѣвицей и подошла къ княжнѣ.

— Я сейчасъ отъ васъ, Лина; мнѣ сказали... Владиміръ Петровичъ! съ мгновенно сдержаннымъ взрывомъ радости, не договоривъ, протянула она Ашанину свою руку.

— А вы не знали, что monsieur Ашанинъ здѣсь? И лукаво воззрилась на нее быстроглазая барышня.

— Не знала, Ольга Елпидифоровна,—и тѣмъ болѣе рада... А вы знали видно? спокойно и нѣсколько ядовито промолвила та, между тѣмъ какъ вѣки ея нервно помаргивали.

— И тѣмъ болѣе будете рады, Надежда Ѳедоровна, поспѣшилъ заговорить Ашанинъ, — что счастливая моя звѣзда позволила мнѣ привести сюда того, о комъ я такъ часто вамъ говорилъ... Гундуровъ, представляйся дамамъ! Онъ обернулся къ сценѣ, на которой по-прежнему стоялъ его пріятель, не зная, что̀ съ собою дѣлать.

— Такъ позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, съ подмостковъ сойти, отвѣчалъ онъ, кланяясь и слегка конфузясь, — а то я здѣсь точно звѣрь какой-то, выведенный напоказъ!..

Ольга Елпидифоровна такъ и покатилась. Улыбнулась и княжна, улыбнулась широкою, молодою улыбкою, отъ которой словно все освѣтилось вокругъ нея,—показалось Гундурову.

Вальковскій замахалъ руками:

— Нѣтъ ужь, нѣтъ, пожалуйста! Лучше всѣ вы на сцену переходите,—благо и чай тамъ поданъ... А то вотъ вы мнѣ, накинулся онъ на продолжавшую хохотать барышню,—цѣлую крышу съ декораціи смахнули юбками-то вашими!..

— Ахъ, какой вы дерзкій, какъ я посмотрю! отпарировала Ольга Елпидифоровна, быстро откидывая голову за спину, въ тревогѣ за слѣды этой крыши на ея юбкахъ...

За кулисами оказались три стула, складная лѣстница, какой-то табуретъ и столъ съ чаемъ и огромнымъ количествомъ булокъ, принесенныхъ для Вальковскаго. Общество кое-какъ разсѣлось на сценѣ.

— Прежде всего позвольте извѣстить васъ, княжна, полушутливымъ, полуторжественнымъ тономъ началъ Ашанинъ,— что здѣсь, на этой сценѣ, мы собираемся священнодѣйствовать...

— Что̀ такое? усмѣхнулась она.

— Мы *Гамлета* ставимъ, княжна! объяснилъ онъ.

— *Гамлетъ*, сочиненіе Вильяма Шекспира! проговорила скороговоркой Ольга Елпидифоровна,—мнѣ есть тамъ роль?

— Совершенно справедливо изволили сказать: *Гамлетъ*, сочиненіе Вильяма Шекспира! повторилъ, низко ей кланяясь, Ашанинъ:—и роли для васъ, увы, тамъ не имѣется.

— А почему такъ? Барышня вспыхнула опять и отъ отказа, и отъ нѣжнаго взгляда, который по этому поводу счелъ нужнымъ препроводить ей красавецъ.

— Потому-съ, что тамъ только двѣ роли: *Офеліи*, каковая непремѣнно должна быть блондинка,—вы же очаровательная брюнетка, — и *Гертруды*, матери *Гамлета*, которую мы попросимъ взять на себя милѣйшую Надежду Ѳедоровну.

— Меня! испуганно вскрикнула та: — помилуйте, я въ жизнь свою ни разу не играла!

— Это ничего не значитъ!

— Разумѣется, ничего! поспѣшно подтвердила, слегка заалѣвъ и пожимая ей руку, княжна:—она видимо вся оживилась отъ удовольствія этой предстоявшей ей роли.

— Не радуйтесь заранѣе, Лина, закачала головою Надежда Ѳедоровна:—эти господа рѣшили, но еще невѣдомо, согласится-ли начальство...

— Отчего? живо возразила княжна:—я прочла всего Шекспира, и самъ дядя мнѣ книгу подарилъ.

— Вашъ Шекспиръ съ пропусками,—дѣтское изданіе! съ легкою гримаской замѣтила немолодая дѣвица.

— Что-же, можно и съ пропусками играть, лишь бы княжна могла участвовать! не далъ ей договорить Гундуровъ, самъ не понимая, какъ могъ онъ сдѣлать такую уступку, и чувствуя, какъ кровь выступала у него на щекахъ подъ благодарнымъ взглядомъ, который повела на него за это княжна.

— Позвольте васъ всѣхъ успокоить, вмѣшался Ашанинъ:—*начальство*, въ лицѣ, по крайней мѣрѣ, князь-Ларіона Васильевича, на пьесу согласно: играть ее съ пропусками, или безъ нихъ — вопросъ второстепенный. Намъ-же теперь слѣдуетъ порѣшить распредѣленіе главныхъ ролей. И такъ: *Офелія*—княжна; *Гертруда*—Надежда Ѳедоровна...

— Что вы, что вы! Да я ни за что не буду!...

— Вы не бу-де-те? протянулъ Ашанинъ.

— Нѣтъ, я вамъ сказала, слабо улыбаясь и избѣгая его глазъ, отвѣтила старая дѣва.

— Слушаю-съ! Онъ отвернулся отъ нея.—Такъ не угодно-ли *вамъ* принять эту роль? обратился онъ къ бойкой барышнѣ.

— Что̀ это, я—старуху?—Это было бы оригинально!... А впрочемъ,—и она лукаво закусила губу,—сына моего будетъ играть кто,—вы?

— Къ злополучію моему—нѣтъ: *Гамлета* играетъ Гундуровъ.

Но вѣрное чутье подсказывало, какъ видно, востроглазой дѣвицѣ, что съ этой стороны взять было нечего. Она мелькомъ глянула на бѣлокураго молодаго человѣка и слегка нахмурилась:

— Вѣдь мнѣ главное, чтобъ было пѣніе, — а это драма; тамъ не поютъ?...

— Поетъ одна *Офелія*, сказалъ Ашанинъ.— Ахъ, да, княжна, вѣдь у васъ, не правда-ли, голосъ есть?

— И премиленькій! отвѣчала за нее Ольга Елпидифоровна,—не такой большой, какъ у меня, но...

— Гдѣ-же кому противъ васъ! неожиданно фыркнулъ Вальковскій, все время молча, съ прижатыми между колѣнъ ладонями, поглядывавшій на нее.

Всѣ разсмѣялись невольно; барышня разсердилась было, но вдругъ расхохоталась сама:

— Знаете что̀, на васъ и сердиться нельзя! Вы все равно, что тотъ красный попугай у княгини, который, какъ только кто мимо пройдетъ, и начинаетъ самымъ глупымъ образомъ кричать: а-ра, а-ра!... Что онъ кричитъ, что вы грубите—совершенно все одно!...

— Браво, браво! зааплодировалъ ей Ашанинъ:—такъ ему и нужно, пугалѣ огородному!...

Вальковскій сконфуженно только покосился на нихъ...

V.

Большая входная въ залу дверь, прямо противъ сцены, отворилась. На порогѣ ея показался князь Ларіонъ. Онъ успѣлъ кончить свою прогулку и переодѣться и, въ смѣнившемъ его длинный сюртукъ свѣтломъ, по-лѣтнему, утреннемъ туалетѣ, казался теперь еще моложе, чѣмъ въ первую минуту его встрѣчи съ нашими друзьями.

— Кня-азь! вскрикнула, завидѣвъ его, Ольга Елпидифоровна,—къ намъ, къ намъ, милости просимъ!...

— Да къ вамъ какъ въ Царство Небесное пройти мудрено! смѣялся онъ, пріостановившись передъ растянутыми на полу декораціями.

— А я вашимъ ангеломъ-хранителемъ буду, проведу, крикнула она ему, сбѣжала опрометью со сцены въ залу, къ великому ужасу Вальковскаго, и, подобравъ на сей разъ осторожно свои юбки, стала пробираться на кончикахъ нѣсколько грубоватыхъ формою, но тщательно обутыхъ ногъ по еще не загрунтованнымъ краямъ полотна.

Она добралась до князя, просунула свою руку подъ его руку, слегка прижалась къ нему и, глядя на него снизу вверхъ со своею вызывающею улыбкою, проговорила полушопотомъ:

— Милый, милый князь, какъ бы я хотѣла быть въ самомъ дѣлѣ вашимъ ангеломъ-хранителемъ?... Но вы сами ангелъ! Вы такой, добрый, умный,—ну, милый, совсѣмъ милый!...

— Вы находите? разсѣянно отвѣлилъ онъ, глядя не на нее, а на сцену, и прищуривъ для этого свои нѣскольно близорукіе глаза.

— Еге, вотъ она куда бьетъ! сказалъ себѣ Ашанинъ, отъ зоркаго взгляда котораго ничто не ускользало, — и подошелъ къ Надеждѣ Ѳедоровнѣ, сидѣвшей у кулисы нѣсколько поодаль отъ стола, за которымъ княжна и Гундуровъ пили чай, а „фанатикъ“ пожиралъ булки одну за другою.

— Такъ вы такъ-таки рѣшительно отказываетесь отъ роли? сказалъ онъ.

Она приподняла на него свои большіе, печальные глаза:

— Я вамъ сказала, я не играла никогда... И не хочу наконецъ!... съ внезапной рѣшимостью промолвила она.

— Даже если бы я васъ очень, очень объ этомъ просилъ? вкрадчиво и мягко проговорилъ нашъ Донъ-Жуанъ, глядя на нее не отрываясь.

Некрасивое лицо бѣдной дѣвы слабо зарумянилось подъ этимъ неуступчивымъ взглядомъ...

— Боже мой, отвѣчала она не сразу и какъ бы перемогая пронимавшую ее дрожь,—какой вы удивительный человѣкъ!... Къ чему вамъ я!... Заставьте...—вы все можете! вырвалось у нея,—заставьте играть эту безстыдную дѣвчонку, отъ которой вы уже безъ ума! И она презрительнымъ движеніемъ указала на востроглазую барышню, медленно подвигавшуюся къ сценѣ объ-руку съ княземъ Ларіономъ.

— Я безъ ума! невиннѣйшимъ тономъ воскликнулъ Ашанинъ.—Помилуйте, я въ первый разъ отъ роду вижу ее сегодня, и даже, кто она, не знаю...

— Она дочь здѣшняго исправника Акулина, нехотя объяснила Надежда Ѳедоровна.

— И, какъ кажется, по части князь-Ларіонъ Васильевича... не договорилъ Ашанинъ.

— Какъ видите! Я и не воображала никогда, воскликнула перезрѣлая дѣвица,—чтобы можно было быть такою дерзкою кокеткой въ ея годы!...

— Что-же, это не дурно, Надежда Ѳедоровна!

— Да, съ горечью возразила она,—я знаю, вамъ *такія* нужны, только такія и нравятся!

— И такія нужны, и такія, это точно! поддакнулъ онъ, поддразнивая ее.

— Знаете, заговорила она послѣ минутнаго молчанія, страстно и въ то же время злобно взглянувъ на него,—я не понимаю, какъ можетъ женщина рѣшиться полюбить васъ!

— Такъ никто же изъ нихъ и не рѣшается, Надежда Ѳедоровна! смиренно вздохнулъ на это Ашанинъ:—вы сами знаете, ну, кто меня любитъ?...

— Подите вы отъ меня! проговорила она, отворачиваясь, и невольно усмѣхнулась.

— А все же вы *Гертруду* играть будете! заключилъ онъ, торжествуя...

Она не отвѣчала.

— Тѣмъ временемъ княжна Лина и Гундуровъ вели слѣдующій разговоръ.

— Когда мнѣ Ольга сказала, что monsieur Ашанинъ пріѣхалъ съ какимъ-то еще молодымъ человѣкомъ, я тотчасъ же догадалась, что это непремѣнно вы, говорила она.

Онъ изумился:

— Почему-же такъ, и какъ могли вы знать обо мнѣ, княжна?

— Я знаю чрезъ m-r Ашанина, который безпрестанно говорилъ намъ о васъ зимою,—Лина усмѣхнулась,—что вы его другъ, а ваша тетушка сказала намъ, что вы должны на дняхъ пріѣхать изъ Петербурга.

— Вы знаете мою тетушку? еще болѣе удивленъ былъ Гундуровъ.

— Да. Мы были у нея съ maman. Дядя давно съ нею знакомъ и очень любитъ ее, а теперь повезъ и насъ. Она и папа покойнаго хорошо знала. Я очень рада, что съ нею познакомилась, промолвила княжна съ какимъ-то особымъ оттѣнкомъ серьезности.

— И я понимаю васъ, съ увлеченіемъ сказалъ Гундуровъ,—тетушка моя чудесная женщина!...

Она отвела голову отъ чашки, низко наклонясь къ которой прихлебывала чай своими свѣжими губами:

— Вы это очень хорошо сказали! съ ласковой улыбкой проговорила она.

У нея были какіе-то *лебединые*, медленные — какъ мед-

ленна была и ея рѣчь—повороты шеи, которые приводили въ восторгъ Гундурова.—Какая эта дивная вещь, женская грація! думалъ онъ.

— Я сказалъ, что̀ чувствую, произнесъ онъ громко; — я не помню ни отца, ни матери; тетушка съ пеленъ возрастила меня, спасла мое наслѣдство отъ гибели... Я ей всѣмъ обязанъ!...

Княжна сочувственно покачивала своею осѣненною золотистыми косами головкою:

— Она именно на меня такое впечатлѣніе произвела, ваша тетушка, что она думаетъ и поступаетъ *хорошо*...

— Какъ это ужасно, начала она, помолчавъ, опять,—что васъ за границу не пустили!...

— Да! и глаза Гундурова мгновенно заискрились, — это ударъ для всего моего будущаго! И за что̀, за что̀? вскликнулъ онъ въ неудержимомъ порывѣ:—оторвали человѣка отъ всего, что̀ было для него жизнью, связали по рукамъ и по ногамъ...

Онъ не договорилъ. Княжна внимательно поглядѣла на него...

— Я, тихо промолвила она,—все жила за границей до сихъ поръ, сужу по тамошнимъ понятіямъ, — тамъ даже никому въ голову не придетъ, чтобъ можно было такъ поступить съ невиноватымъ человѣкомъ... Знаете, я очень люблю мое отечество и такъ рада, что мы наконецъ въ Россіи! Но это ужасно, когда...

Она вдругъ задумалась. Гундуровъ, въ свою очередь, поднялъ на нее глаза съ какимъ-то благоговѣніемъ.

— Вы *будете* играть *Гамлета?* спросила она черезъ мигъ.

Онъ помолчалъ, еще разъ глянулъ на ея опущенныя вѣки:

— Буду, княжна! произнесъ онъ, будто только теперь окончательно рѣшившись,—и я какъ-то надѣюсь, что я вамъ отъ этого не покажусь смѣшнымъ... А посмѣетесь, — грѣхъ вамъ будетъ! примолвилъ онъ, налаживаясь на шутливый тонъ и слегка краснѣя. — Признаюсь вамъ, я бы не рѣшился въ другую минуту,—но мнѣ надо уйти отъ тоски... отъ того, что̀

чуть съ ума не свело меня тамъ... въ Петербургѣ... Вотъ тѣмъ оно и дорого, тѣмъ велико искусство, княжна, горячо зазвучалъ голосъ молодаго человѣка, — что въ него, какъ въ святую-святыхъ, можно уйти и позабыть тамъ все, что̀ гложетъ, мутитъ, снѣдаетъ здѣсь наше я...

Онъ остановился вдругъ съ невольнымъ сомнѣніемъ: не покажется-ли ей это слишкомъ горячимъ, *юношескимъ*,—ему вдругъ ужасно страшно стало, что она *не поймет*ъ, не пойметъ того, что̀ именно заставляетъ его рѣшиться выступить на сцену въ незнакомомъ домѣ, приняться за то̀, что̀ обыкновенно почитается дѣломъ однихъ „праздношатающихся пустыхъ свѣтскихъ людей“...

Но въ сосредоточенномъ вниманіи, съ которымъ слушала она его, ему какъ-то разомъ сказалось, что никто въ эту минуту не былъ бы въ состояніи такъ *понять* его, какъ эта *свѣтская* дѣвушка, съ ея спокойнымъ обликомъ и неулыбающимся взглядомъ.

— Постарайтесь сыграть хорошо, сказала она просто, — мнѣ такъ хочется видѣть его на сценѣ. Я читала *Гамлета*... Настоящаго! подчеркнула Лина;—у меня былъ въ Ганноверѣ учитель англійскаго языка, старикъ; онъ меня очень любилъ и подарилъ мнѣ всего Шекспира: „дурное къ вамъ не пристанетъ“, говорилъ онъ. И, въ самомъ дѣлѣ, я всегда такъ думала, что дурное только къ дурнымъ пристаетъ... Вы однако не говорите объ этомъ всѣмъ... многіе не понимаютъ... Да вы и не скажете, — я знаю! своимъ особымъ серьезнымъ тономъ заключила, не договоривъ, княжна,—и пошла навстрѣчу подымавшагося на сцену дяди.

Онъ взялъ ея руку:

— Bonjour Hélène (онъ никогда не называлъ ее уменьшительнымъ именемъ), такъ рано, и здѣсь?... Я никакъ не ожидалъ... Ты здорова? И онъ заботливо, почти тревожно глянулъ ей въ лицо...

— Совершенно здорова! не дала ей отвѣтить Ольга Елпидифоровна,—это мы еще вчера съ Линой сговорились встать въ шесть часовъ,—pour vous faire plaisir, mon prince! низко, по-театральному, присѣла она передъ нимъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Hélène? Онъ блеснувшимъ на мигъ взоромъ обратился снова къ племянницѣ,—ты... вы *для меня* это сдѣлали?...

— Еще бы! крикнула барышня.

— Для васъ, дядя, именно для васъ! И княжна закивала ему улыбаясь.

Онъ сталъ какъ-то чрезвычайно веселъ и шутливъ:

— Сергѣй Михайловичъ, очень радъ видѣть васъ опять!... Вы познакомились съ Еленой Михайловной?... А этой птичкѣ пѣвчей были вы представлены? указалъ онъ на востроглазую дѣвицу, не переставшую вертѣться около него,—рекомендую,—русскіе романсы поетъ восхитительно!...

Черноглазая барышня сжала свои крупные губы:

— Monsieur Гундуровъ не обратилъ на меня никакого вниманія.

— Онъ слишкомъ молодъ, улыбнулся князь Ларіонъ,—чтобы умѣть оцѣнить всѣ ваши совершенства; только такіе старцы, какъ я...

— Вы старикъ, вы! перебила его барышня, воззрясь на него нѣжно упрекающимъ взглядомъ, — вы просто кокетничаете своимъ старчествомъ!

Князь нахмурился и повелъ на нее холодными глазами,— отъ чего она впрочемъ нисколько не смутилась:

— Да, да, кокетничаете! повторила она.

— Что-же, Сергѣй Михайловичъ, отходя отъ нея спросилъ князь Ларіонъ,—вы порѣшили насчетъ *Гамлета?*

— Ахъ да, дядя, пожалуйста, молвила княжна Лина,— мнѣ этого такъ хочется...

Онъ глянулъ ей опять прямо въ лицо, какъ-то задумчиво усмѣхаясь и не отводя отъ нея взгляда:

— Could beauty, my lord, have better commerce than with honesty? *) медленно проговорилъ онъ, — и обернулся къ Гундурову.

— Удивительно говорила это и вела всю эту великолѣп-

*) Офелія: Для красоты, принцъ, не лучшая-ль подруга чистота? Актъ III. Сц. 1.

ную сцену съ принцемъ одна очень молоденькая тогда дѣвочка, дочь, кажется, знаменитой mistriss Siddons, сестры Кембля, которую я видѣлъ въ 1821 г. въ Лондонѣ. До сихъ поръ эти слова, выраженіе ея остались у меня въ памяти...

— Такъ можно будетъ, дядя? спросила его опять княжна.

— Можно, Hélène, можно, — онъ пожалъ ей руку, — и я даже готовъ не пропускать ни одну изъ вашихъ репетицій,— если только присутствіе мое не будетъ въ тягость вашему молодому обществу, любезно примолвилъ князь, обращаясь къ нашимъ друзьямъ...

— Звонятъ! послышался внезапно голосъ Вальковскаго, который тѣмъ временемъ заснулъ „подъ тѣнію кулисъ“ во всемъ безмятежіи непорочной души.

— Къ завтраку, — это, кажется, по вашей части, Иванъ Ильичъ? досказалъ весело князь Ларіонъ.

— Боже мой, вскликнулъ Гундуровъ—а я еще не уѣхалъ!...

Всѣ разсмѣялись.

— И прекрасно сдѣлали,—княгиня Аглая Константиновна вамъ бы этого никогда не простила!... Mesdames, господа, пожалуйте! приглашалъ князь: — Сергѣй Михайловичъ — вашу руку княжнѣ!...

Бойкая барышня шагнула къ нему:

— Ваше сіятельство не откажете мнѣ въ чести быть моимъ кавалеромъ? прощебетала она „птичкой пѣвчею“...

Князь Ларіонъ поглядѣлъ на нее съ полуулыбкой:

— Позвольте вамъ предложить болѣе *подходящаго* для васъ спутника, подчеркнулъ онъ, указывая на Ашанина... — Пойдемте, Иванъ Ильичъ!...

Надежда Ѳедоровна прошла одна, за всѣми, съ поникшимъ челомъ и своею вѣчно-горькою усмѣшкой и—отправилась къ себѣ, въ третій этажъ.

VI.

Хозяйка дома, — расплывшаяся сорокалѣтняя барыня съ крупнымъ, еще свѣжимъ лицомъ и *сладкими*, томно вращавшимися глазами, которымъ какъ-то странно противорѣчилъ весьма замѣтный пушокъ, темнѣвшій надъ ея твердо очерченными полными губами, — уже кушала чай, когда молодое общество съ княземъ вошло въ столовую. Она была не одна. У длиннаго стола, сверкавшаго лоснящимся блескомъ свѣжей узорчатой скатерти и уставленными на ней всякими серебряными мисками, кастрюлями и приборами, занимали мѣста нѣсколько человѣкъ гостей, прибывшихъ въ Сицкое за нѣсколько дней ранѣе нашихъ пріятелей. Одесную княгини, съ понуреннымъ видомъ обмакивая длинно нарѣзанные ломтики хлѣба въ яйцо, сидѣлъ нѣкто Зяблинъ, *разочарованный* и разоренный московскій левъ, господинъ съ большимъ грузинскимъ носомъ и отличными, цвѣта воронья крыла, бакенбардами,—„неудавшійся Калабрскій бригантъ“, говорилъ про него князь Ларіонъ. — По другую ея руку попрыгивалъ на своемъ стулѣ, что-то разсказывая ей и громко хохоча своему собственному разсказу, „шутъ Шигаревъ“, какъ относился о немъ Ашанинъ, — одинъ изъ тѣхъ счастливцевъ, которыхъ щедрая природа одарила способностью воспроизводить съ изумительнымъ сходствомъ жужжанье мухи подъ ловящими ея пальцами, визгъ отворяемой табакерки на деревянныхъ шалнерахъ, блеяніе овцы и мяуканье кота, доставать языкомъ кончикъ собственнаго носа, и тому подобными салонными талантами; комикъ на сценѣ онъ былъ превосходный, а на-

ружностью своей напоминалъ болотную птицу вообще и пигалицу въ особенности... На противоположномъ концѣ стола, рядомъ съ m-me Crébillon, эксъ-гувернанткою самой Аглаи Константиновны, живою старушкою съ густыми сѣдыми буклями подъ тюлевымъ чепцомъ, бѣлѣлась золотушная и чухонская физіономія Ивана Карлыча Мауса, молодаго малаго, выпущеннаго недавно изъ училища правовѣдѣнія, въ которомъ отецъ его былъ докторомъ. Юный Иванъ Карлычъ сознавалъ, повидимому, вполнѣ это двойное преимущество: быть нѣмцемъ,—разъ, и выпущенникомъ заведенія, имѣющаго поставлять на Россію государственныхъ мужей, — два: а потому, хотя пока и занималъ лишь скромную должность губернскаго стряпчаго, держалъ себя такъ внушительно важно и разсѣянно дѣльно, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ былъ уже министромъ юстиціи... Одиноко, межъ незанятыхъ еще стульевъ, ежился, словно боясь притронуться къ своему прибору, длинный, невзрачный уѣздный землемѣръ, вытребованный владѣлицею Сицкаго для какого-то размежеванія. Наслаждаясь его робкимъ видомъ, нагло ухмылялся стоявшій прямо противъ него monsieur Vittorio, не то Итальянецъ, не то Бельгіецъ, рослый и видный изъ себя, лѣтъ сорока, франтъ, бывшій курьеръ покойнаго князя, теперь factotum и мажордомъ княгини.

— Откуда вы? съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросила она, увидавъ дочь объ-руку съ незнакомымъ ей молодымъ человѣкомъ.

— Сергѣй Михайловичъ Гундуровъ, племянникъ Софьи Ивановны Переверзиной, громко и нѣсколько торжественно указывая на него рукою, представилъ его князь.

Востроглазая барышня не дала княгинѣ отвѣтить; она съ-разлета бухнулась на колѣни передъ ея кресломъ, схватила ея руку:

— Мимочка моя, княгинюшка, прелесть моя, хорошо-ли вы провели ночь? проговорила она вкрадчивымъ, шутливо-ребяческимъ голосомъ.

— Mercі, petite, mercі, отвѣчала та жалобнымъ тономъ,— я давно разучилась спать, ce qui s'appele dormir, vous savez... но мнѣ лучше сегодня, mercі!...—Настоящая кошечка!

поощрительно улыбнулась Аглая Константиновна и ласково провела рукой по ея щекѣ,—levez vous donc, petite!

— Enchantée de vous voir chez moi, monsieur, нашла она наконецъ время обратиться ко все еще стоявшему передъ ней въ выжидательной позѣ Гундурову.

— Извините, княгиня, заговорилъ онъ,—что я осмѣливаюсь предстать предъ васъ въ такомъ неприличномъ видѣ, — онъ указалъ на свое дорожное пальто, — но я здѣсь совершенно сюрпризомъ, и на виноватаго въ этомъ я прямо вамъ указываю въ лицѣ князя Ларіона Васильевича, которому угодно было удержать меня на пути...

— Безъ извиненій и садитесь, любезно перебила она его: ей понравились и благообразная наружность молодаго человѣка, и это его извиненіе, которое она находила bien tourné, и даже то, что онъ сказалъ „предстать *предъ васъ*“, а не „передъ вами“, — оборотъ, который, въ ея понятіи, употребленъ былъ имъ для выраженія особой къ ней почтительности.

— А у меня и извиненія никакого нѣтъ! заговорилъ Ашанинъ, также не успѣвшій перемѣнить свой дорожный костюмъ,—кладу на плаху повинную голову! Онъ низко наклонилъ ее къ рукѣ княгини.

— Toujours beau!—И она прижала сама эту руку къ его губамъ: она питала слабость къ Ашанину, какъ вслѣдствіе того, что „онъ такъ хорошъ“ былъ, такъ и потому, что онъ неподражаемо умѣлъ сообщать ей на ухо разные скабрезные анекдотцы, до которыхъ она, какъ всякая нѣсколько пожившая женщина, была in petto большая охотница.

Общество между тѣмъ разсаживалось за столъ.

— Позвольте вамъ предложить мое мѣсто, княжна, молвилъ Зяблинъ беззвучнымъ и мягкимъ, напоминавшимъ о сдобномъ тѣстѣ, голосомъ, странно противорѣчившимъ его наружности „Калабрскаго бригантa“.

— Благодарю васъ, улыбнулась ему, проходя мимо, Лина— и, окинувъ столъ быстрымъ взглядомъ, пошла занять мѣсто рядомъ съ одиноко сидѣвшимъ землемѣромъ, съ которымъ тотчасъ же завела какой-то разговоръ.

Зяблинъ испустилъ глубокій вздохъ—и налилъ себѣ рюмку портвейну.

— Садитесь подлѣ Лины, тамъ свободно!... сказала княгиня Гундурову, искавшему глазами мѣста...

Онъ поспѣшилъ повиноваться... Сердце у него внезапно забилось,—самъ онъ не рѣшился бы пойти сѣсть подлѣ нея, онъ чувствовалъ...

— Видѣли вы меня во снѣ, какъ обѣщались, monsieur Maus? спрашивала Ольга Елпидифоровна, опускаясь на стулъ между нимъ и Ашанинымъ и развертывая свою салфетку.

Правовѣдъ повернулъ голову, и подъ уголъ его зрѣнія попало сразу нѣчто очень красивое, упругою волною ходившее подъ прозрачнымъ кисейнымъ лифомъ его сосѣдки. Онъ вспыхнулъ какъ лучина и такъ и замеръ отъ этого зрѣлища.

— Давно-ли вы онѣмѣли? нѣсколько насильственно засмѣялась, опустивъ глаза, барышня, отъ которой никогда не ускользывали впечатлѣнія, производимыя ея красотами.

— Я сегодня очень крѣпко спалъ, отшутился Маусъ, глядя на нее съ телячью страстностью и внушительно уходя подбородкомъ въ неизмѣримо высокіе воротнички своей рубашки.

— Такъ постарайтесь не спать такъ крѣпко въ другой разъ! Il est bête *donc!* шепнула она, обернувшись къ Ашанину.

— Кого вы дуракомъ не сдѣлаете! отвѣчалъ онъ ей на это такимъ же шопотомъ.

— Ну, пожалуйста, только не васъ!

— Почемъ вы знаете?

— Точно я въ Москвѣ не бываю, не слыхала про васъ? Да мнѣ все про васъ извѣстно!

— А что именно? усмѣхнулся Ашанинъ.

— А то, что вы какъ есть—*прожига*! объяснила барышня съ звонкимъ смѣхомъ;—мнѣ еще надобно будетъ вами спеціально заняться, промолвила она, грозя ему пальцемъ...

Ашанинъ такъ и ожегъ ее горячимъ взглядомъ:

— А вы дадите мнѣ слово заняться мною *спеціально?* едва слышнымъ, проницающе-нѣжнымъ голосомъ подчеркнулъ онъ.

Она взглянула на него... Въ глазахъ ея на мигъ блеснулъ тотъ же пламень, которымъ пылали глаза красавца... Она быстро отвела ихъ отъ него и, вся заалѣвъ:

— Не знаю, какъ бы проронила она...—Только вы мнѣ не мѣшайте! вырвалось у нея вдругъ,—а то онъ, кажется, васъ ревнуетъ... И она еле замѣтно кивнула въ сторону князя Ларіона, безмолвно и ни на кого не глядя прихлебывавшаго въ эту минуту чай изъ большой чашки.

— А вы... надѣетесь?.. не договорилъ Ашанинъ и закусилъ губу, чтобы не разсмѣяться...

— Почему же нѣтъ!.. Онъ старикъ: тѣмъ лучше! Вѣдь вы не женитесь на мнѣ! такъ и озадачила она его этою откровенностью. — Не отговаривайтесь, пожалуйста, засмѣялась бойкая особа его невольному замѣшательству,—я вѣдь умна, — и вы тоже, кажется... Вамъ и не слѣдуетъ! Есть такіе мужчины, которымъ никогда не слѣдуетъ связывать себя...

— А женщины есть такія? спросилъ онъ, усмѣхаясь въ свою очередь.

— Женщина только тогда и свободна, когда замужемъ, отвѣчала безъ улыбки она на это.

— Et où est donc le jeune prince? послышался въ это время громкій вопросъ княгини.

Monsieur Vittorio, къ которому относились эти слова, кинулся было къ дверямъ... Но въ ту же минуту въ столовую вошелъ самъ le jeune prince, то есть сынъ княгини, мальчикъ лѣтъ одиннадцати, съ замѣчательно для его лѣтъ опредѣлившимися, холодными чертами лица, очень напоминавшаго лицо матери, тщательно причесанный и разодѣтый. Его сопровождали два его наставника: молодой, здоровый Англичанинъ, гувернеръ, и еще болѣе молодой студентъ, взятый княгинею изъ Москвы на лѣто „для русскаго языка“.

— Ты всегда опаздываешь, Basile, замѣтила княгиня сыну, цѣлуя его въ щеку.

— Я одѣвался, maman! отозвался онъ съ недовольнымъ тономъ, словно правый.

— Очень заботливъ всегда на счетъ своихъ туалетовъ!

въ полголоса и улыбаясь сообщила княгиня сосѣду своему Шйгареву.

— Мальчикъ, извѣстно, рано встающій, самъ себя умывающій! немедленно загаерничалъ тотъ;—князенька, золота шапочка, шелкова кисточка, дайте свою ручку брильянтовую!

Мальчикъ положилъ нехотя руку въ протянутые пальцы Шйгарева; онъ ихъ тотчасъ-же стинулъ и щелкнулъ языкомъ, изображая звукъ прихлопнувшагося замка.

Князекъ спокойными глазами глянулъ ему въ лицо, высвободилъ руку и пошелъ садиться, въ сопровожденіи своихъ надзирателей.

— Лина, сказалъ онъ прямо противъ него сидѣвшей сестрѣ,—ты въ театрѣ была?

— Почемъ ты знаешь? улыбнулась она.

— Семенъ Петровичъ мнѣ сказалъ,—онъ кивнулъ на усаживавшагося подлѣ него студента,—онъ все время глядѣлъ на тебя изъ-за занавѣски, когда ты шла.

Студентъ покраснѣлъ до самыхъ волосъ и пробормоталъ что-то, чего никто не разслышалъ...

— Да, я была въ театрѣ, сказала княжна—и опять заговорила съ земляемѣромъ.

— И она была! началъ снова мальчикъ, указывая кивкомъ на Ольгу Елпидифоровну;—что вы тамъ всѣ дѣлаете?

— Мы тамъ театръ будемъ играть, душечка! отозвалась бойкая барышня.

— Вы *актерками*, стало быть, будете?

— Актерками, ангелъ мой, актерками. Какая душка! И она расхохоталась на весь столъ.

— А я ни за что не хочу быть актеромъ! съ презрительной гримаской проговорилъ Basile.

— Не актеромъ, бретеромъ будешь, всѣхъ шпагой насквозь, заголосилъ опять Шйгаревъ,—князекъ-пѣтушокъ, золотой гребешокъ... длинь, длинь... И, схвативъ два ножа, онъ принялся подражать сабельному лязгу.

— Я флигель-адъютантъ буду! твердо произнесъ князекъ.

Безмолвный до сихъ поръ князь Ларіонъ поднялъ глаза на племянника:

— А чтобъ выбить это изъ твоей одиннадцатилѣтней головы, протяжно проговорилъ онъ, — я бы тебя сѣкъ по два раза въ недѣлю.

Мальчикъ весь перемѣнился въ лицѣ. Слезы выступили у него на глазахъ и, обернувшись къ студенту:

— Когда я буду большой, прошепталъ онъ со злобою въ горлѣ,—я дядю въ тюрьму посажу!...

— Nonsense! *) отрѣзалъ ему на это съ другой его стороны сидѣвшій mister Knocks—и потянулъ къ себѣ кастрюльку съ картофелемъ.

Княгиня Аглая Константиновна сочла нужнымъ вступиться за сына:

— Я не понимаю, за что вы его разбранили, князь Ларіонъ, молвила она, перегинаясь къ нему черезъ столъ, — le pauvre enfant сказалъ только очень понятное въ его годы... и похвальное, je trouve, желаніе... Мнѣ кажется, bien au contraire, — qu'il faut encourager dès le jeune âge les nobles ambitions...

Князь Ларіонъ поглядѣлъ на нее сверху внизъ:

— У васъ такія единственныя есть словечки, княгиня, проронилъ онъ, насмѣшливо склоняя голову,—что остается только ахнуть и смолкнуть...

Аглая Константиновна растерянно заморгала глазами,—она ничего не поняла!...

— Il est unique, *Larion*, n'est ce pas? попробовала она поискать сочувствія у сосѣда своего Зяблина.

Зяблинъ взглянулъ на нее, опустилъ глаза, потомъ опять взглянулъ,—уже нѣжно,—и испустилъ глубокій вздохъ... Онъ тоже ничего не понялъ.

Княжна до сей минуты еще ни единымъ словомъ не обмѣнялась съ Гундуровымъ. Вдругъ она обернулась къ нему... Лицо ея было блѣдно, вѣки покраснѣли...

— Если бы папа былъ живъ, этого бы не было! проговорила она—и снова отвернулась.

Чего *этого*, спрашивалъ себя Гундуровъ, хотѣла она ска-

*) Вздоръ.

зать? Этого-ли суетнаго направленія воспитанія ея брата, или этихъ оскорбительныхъ для ея матери словъ? И того, и другаго, вѣроятно... Онъ уже настолько угадывалъ ее, что, въ его понятіяхъ, она могла, *должна* была страдать и отъ того, и отъ другаго. Но чѣмъ и какъ помочь ей? Что могъ сдѣлать для этого онъ, Гундуровъ?... А между тѣмъ онъ уже ясно чувствовалъ, онъ готовъ былъ на *все*... чтобы только никогда не дрожали слезы на *этихъ* глазахъ.

— Qu'est-ce que vous allez donc jouer à vôtre théâtre? обратилась черезъ столъ къ княжнѣ старушка m-me Crébillon, которая изо всего предшествовавшаго поняла только то, что рѣчь идетъ о театрахъ и актерахъ.

— Hamlet, madame, получила она въ отвѣтъ.

— Ah bien! la tragédie de Ducis! закивала она, предовольная, сѣдою головой.

— Hoô, hoô! De Dioucis... Hamlet de Dioucis! заходилъ вдругъ весь отъ смѣха мирно до сихъ поръ поѣдавшій картофель mister Knocks.

— Eh ben, qu'a t-il donc à rire comme cela, l'Anglais? закипятилась обиженная Француженка;—je dois, pardié, bien le savoir, moi, puisque feu monsieur Crébillon, mon mari, était un descendant direct de Crébillon, le fameux auteur de *Rhadamante*, dont Ducis était le disciple, et que j'ai moi-même vu jouer la pièce à Paris en dix huit cent dix, — *l'omelette*, comme disaient les rieurs du temps...

— Hamlet de Dioucis, hoô, hoô... de Dioucis!! продолжалъ надрываться mister Knocks.

— Il y a deux tragédies, почелъ нужнымъ объяснить своей сосѣдкѣ господинъ Маусъ—и съ достоинствомъ поглядѣлъ на нее съ высоты своихъ воротничковъ,—une française, et une anglaise.

— Ah, bien! on l'aura traduite en anglais alors! успокоилась старушка,—mais il n'est pas poli toujours, le *jaune boule* (т. е. John Bull), проворчала она, поглядывая искоса на все еще покатывавшагося Англичанина.

— Maman, сказала подымаясь со своего стула княжна,—сегодня воскресенье...

— Ахъ, да-а! протянула княгиня, — надо въ церковь!... Vittorio, les voitures! помолчавъ съ минуту, скомандовала она, словно на погребеніе.

— Я уже далъ приказъ, отвѣчалъ съ поклономъ распорядительный итальянецъ.

Она одобрительно и грустно кивнула ему, обернулась къ Зяблину и вздохнула:

— Какъ это непріятно, когда нѣтъ домовой церкви!...

Зяблинъ приподнялъ свое разбойничье лицо, поглядѣлъ на нее нѣжно и тоже вздохнулъ.

— А ѣхать надо! томно проговорила княгиня и поднялась съ мѣста.

Послышался шумъ отодвигавшихся стульевъ... Гости подходили съ поклономъ къ хозяйкѣ... Княжна и Ольга Елпидифоровна пошли надѣвать шляпки... Проходя мимо князя Ларіона, Лина пріостановилась на мигъ:

— Дядя, а я васъ такъ просила! тихо промолвила она, не подымая глазъ.

Онъ понялъ—и смутился:

— Ты сердишься на меня, Hélène! — его голосъ дрогнулъ;—ну, виноватъ, руби голову! добавилъ онъ какимъ-то невѣрно-шутливымъ тономъ.

Она прошла, не отвѣчая.

Гундуровъ тѣмъ временемъ прощался съ княгинею.

Она съ чрезвычайной любезностью благодарила его за посѣщеніе и изъявила желаніе увидѣть его опять какъ можно скорѣе.

— Кланяйтесь, je vous prie, очень, очень вашей тетушкѣ, говорила она,—я весьма благодарна князь-Ларіону за знакомство съ нею. C'est une personne si comme il faut... Она еще *не была* у меня, слегка подчеркнула Аглая Константиновна,—но я надѣюсь, что вы намъ ее привевете, n'est ce pas?... и что вы примете также участіе въ нашемъ театрѣ? Но, перебила она себя вдругъ,—мы ѣдемъ въ церковь, и объ этомъ не слѣдуетъ говорить! Il ne faut pas mêler le profane au sacré, a dit, je crois, Boileau...

И, давъ такимъ образомъ молодому человѣку достаточное понятіе о своей образованности, она величаво наклонила голову въ знакъ того, что аудіенція его кончена.

Гундуровъ вышелъ на крыльцо съ Ашанинымъ и Вальковскимъ.

VII.

Who ever lov'd who lov'd not at first sight!
Shakspeare.

— Я бы проводилъ, Сережа, тебя до деревни, сказалъ ему первый,—да у васъ-чай съ Софьей Ивановной много есть кое-чего своего перетолковать на первыхъ-то порахъ, такъ чтобъ не помѣшать вамъ?...

— Дда, пожалуй, отвѣчалъ Гундуровъ,—да и тебѣ-то отсюда не хочется? Онъ засмѣялся.

— Ну вотъ! отнѣкивался тотъ.

— А удалая эта дѣвица, брюнетка, какъ ее звать-то?

— Акýлина,—не Акулина, а Ольга, и къ тому-же Елпидифоровна... Да, братъ,—Ашанинъ повелъ губами,—эта особа далеко пойдетъ!..

— Пролазъ-дѣвка, коротко сказать! отрѣзалъ Валькóвскій.

— А ты хаять-то ее погоди, чучело китайское! крикнулъ на него красавецъ. — Какъ ты ее грубостями своими доведешь, что она съ тобой играть на-отрѣзъ откажется, что̀ ты тогда скажешь, чурбанъ эдакой? А мало-ль у васъ съ нею водевилей съ хорошими для обоихъ ролями? *Барская спесь, Хороша и дурна...*

— Ну, что̀ въ этой? перебилъ Валькóвскій: — стряпчаго роль: „Здравствуй, кумъ ты мой любезный, здравствуй кумушка моя!“ Вѣдь и вся тутъ...

— А *Левъ Гурычъ Синичкинъ?*

— Ну, да. Какъ разъ по тебѣ роль!

— *Левъ Гурычъ!* повторилъ, словно осѣненный свыше,

„фанатикъ“... Да, братцы, это роль хорошая... совсѣмъ она у меня изъ головы вонъ! Давно слѣдовало бы мнѣ попробоваться въ ней! Это точно, хорошая роль, братики!..

И расцвѣтшій думою Вальковскій заходилъ по крыльцу, соображая, *что* онъ сдѣлаетъ изъ роли *Синичкина*...

— Ну, а теперь, Сережа, сказалъ Ашанинъ, глянувъ пріятелю прямо въ лицо,—что ты мнѣ про княжну скажешь?

Гундурову стало вдругъ ужасно досадно на него за этотъ вопросъ.

— Ничего не скажу! отрѣзалъ онъ, отворачиваясь.

Брови Ашанина тревожно сжались; онъ хотѣлъ что-то сказать—и не успѣлъ: сама княжна съ Надеждой Ѳедоровной и бойкой барышней выходили на крыльцо въ шляпкахъ и мантильяхъ, готовыя къ отъѣзду.

— Вы съ нами, или домой? спросила Лина, идя къ Гундурову и застегивая на пути перчатку на своей длинной рукѣ.

— Мнѣ *надо* ѣхать, княжна! черезъ силу отвѣчалъ онъ.

— Да, вамъ надо... Поѣзжайте! сказала она, не отрывая глазъ отъ своей перчатки.—А когда назадъ? спросила она, помолчавъ.

— Скоро, очень скоро! вырвалось у Гундурова.

Отъ нея ускользнуло, или не хотѣла она понять, что̀ именно сказывалось за этими вылившимися у него словами;—безмятежно, по-прежнему, подняла она на молодаго человѣка свои длинные синіе глаза и такъ же безмятежно улыбнулась.

„Les voitures,“ какъ торжественно выражалась княгиня Аглая Константиновна, то есть, большая, открытая, четверомѣстная коляска четверкой съ форейторомъ, и *долгуша*, обитая сѣроватымъ солдатскимъ сукномъ съ шерстяными басонами, въ которой могло усѣсться человѣкъ до двадцати, линейка запряженная парою рослыхъ лошадей,—подъѣхали къ крыльцу. За ними вели кровную англійскую кобылу рыжей масти подъ верхъ князю. Коляска Гундурова, со всѣмъ его багажемъ и слугою на козлахъ, слѣдовала позади.

— Me voilà! послышался голосъ самой хозяйки, тяжеловато—она, какъ говорилъ про нее Ашанинъ, была нѣсколько

„тѣломъ обильна“, — спускавшейся съ лѣстницы. Разубрана она была точно сейчасъ съ модной картинки соскочила...

Щегольски одѣтый грумомъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати бѣжалъ передъ нею съ перекинутымъ на одной рукѣ плэдомъ и богато переплетеннымъ въ бархатъ, съ золотымъ на немъ кованымъ вензелемъ ея подъ княжеской короной, съ молитвенникомъ въ другой.

Она подошла къ коляскѣ. Стоявшій у дверецъ видный, высокій лакей въ новешенькой ливреѣ однихъ цвѣтовъ съ грумомъ, и monsieur Vittorio во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, съ обнаженною головою, почтительно съ обѣихъ сторонъ, подсадили ея сіятельство подъ локотки. Грумъ поспѣшно разостлалъ на ея колѣни толстую ткань пестраго плэда и вскочилъ съ молитвенникомъ къ кучеру на козлы; дюжій лакей сановито полѣзъ на заднее сидѣнье...

— Вы за нами? съ любезною улыбкою обратилась княгиня изъ коляски къ вышедшему на крыльцо съ Шйгаревымъ и князькомъ Зяблину, пока подлѣ нея усаживалась Надежда Ѳедоровна и занимали напереди мѣста княжна и дѣвица Акулина.

Зяблинъ нѣжно покосился на нее, уныло кивнулъ головою и испустилъ глубокій вздохъ.

— Et vous, Larion? И Аглая Константиновна заискивающимъ взглядомъ глянула на деверя, садившагося въ это время на лошадь.

— Поручаю себя вашимъ молитвамъ! сухо отвѣтилъ онъ, осаживаясь на стременахъ.

Коляска тронулась. Княжна медленнымъ движеніемъ головы поклонилась Гундурову.

Мужская компанія съ князькомъ и его студентомъ отправились на *долгушу*.

— До свиданья, Сережа, пріѣзжай скорѣе! кричали ему друзья.

Онъ глядѣлъ на удалявшуюся коляску... Онъ ждалъ еще разъ взгляда, „прощальнаго“ взгляда княжны, — точно они на вѣки разставались...

Но коляска заворачивала подъ *льва* и, кромѣ головы ла-

кея въ шляпѣ съ ливрейною кокардой, никого уже въ ней не было ему видно... Онъ отправился къ своему экипажу.

Князь Ларіонъ поглядѣлъ ему вслѣдъ. Какая-то невеселая улыбка заиграла въ устахъ его тонкихъ, поблеклыхъ губъ. Словно что-то давно, давно погибшее, милое и печальное, промелькнуло предъ нимъ... Онъ далъ поводъ и, проѣзжая мимо молодаго человѣка, ласково кивнулъ ему головою.

Гундуровъ поспѣшилъ снять шляпу...

Миновавъ пышно зеленѣвшія на трехверстномъ пространствѣ поля Сицкаго, экипажъ его въѣхалъ въ граничившій съ ними большой казенный лѣсъ, доходившій почти до самаго его Сашина, и о которомъ онъ съ дѣтства хранилъ какое-то жуткое и сладкое воспоминаніе... Лѣсъ весь звенѣлъ теперь весеннимъ гамомъ и птичьимъ свистомъ... Дорога пошла плохая, и коляска пробиралась по ней шажкомъ, хрустя по валежнику, накиданному на топкихъ мѣстахъ. Лошади весело фыркали и потряхивали гривами, потягивая широко раздутыми ноздрями влажный лѣсной воздухъ. Большія мухи, сверкая на солнцѣ изумрудными спинками, прилежно перебирали ножками на листьяхъ еще низкаго лопушника. Межъ корявыхъ сосновыхъ корней роились въ забиравшейся муравѣ бѣлые, какъ снѣгъ, колокольчики ландышей... Гундуровъ велѣлъ остановиться, выскочилъ, нарвалъ ихъ цѣлый пучекъ и жадно погрузилъ въ нихъ лицо. Ихъ раздражающе-свѣжій запахъ кинулся ему какъ вино въ голову... Онъ откинулся затылкомъ въ спинку коляски и сталъ глядѣть вверхъ. Тамъ, надъ нимъ, узкою полоской синѣло небо, бѣжали жемчужныя тучки, и по верхушкамъ березъ, золотимые полднемъ, дрожали нѣжные молодые листы... Ему вдругъ вспомнилась арія, слышанная имъ зимою въ Петербургѣ,—ее вставлялъ Маріо въ какую-то оперу... И Гундуровъ, какъ наканунѣ Ашанинъ, нежданно запѣлъ во весь голосъ:

Jo ti vidie t'adorai!...

Старый Ѳедосей, не привыкшій къ такимъ *пассажамъ* со стороны барина, недоумѣло поглядѣлъ на него съ козелъ... А-і-і... отвѣтило гдѣ-то вдали, въ самой глубинѣ лѣса. Испу-

ганный тетеревъ, словно свалясь съ вѣтки, зашуршалъ въ кустахъ торопливыми крыльями... А запахъ ландышей все такъ же невыносимо-сладко билъ въ голову Гундурову, и лѣсъ гудѣлъ вокругъ него всѣми весенними голосами своими...

О молодость, о невозвратныя мгновенія!...

VIII.

„*Хорошая*“, дѣйствительно, была женщина Софья Ивановна Переверзина, тетка Гундурова. И наружность у нея была соотвѣтствующая,—почтенная и привлекающая. Воспитанница Смольнаго монастыря лучшихъ временъ Императрицы Маріи Ѳедоровны, она, не смотря на долголѣтнюю жизнь въ деревнѣ, сохранила всѣ привычки, вкусы, весь складъ хорошаго воспитанія. Врожденная въ ней живость нрава умѣрялась постоянною привычкою сдержанности и обдуманности, пріобрѣтенною ею въ тяжелой жизненной битвѣ. Софья Ивановна съ-молоду перенесла много горя. Дочь небогатыхъ потомковъ когда-то боярскаго рода Осмиградскихъ, вышла она, лѣтъ подъ тридцать, замужъ за пожилаго, изувѣченнаго генерала, стараго друга ея семейства, къ которому искренно привязалась она въ благодарность за глубокое, богомольное обожаніе, которое онъ съ самаго дѣтства ея питалъ къ ней. Тѣ, что въ этомъ бракѣ замѣняло счастіе, спокойное, безбѣдное существованіе, продолжалось для нея не долго. Мужъ ея занималъ довольно важное мѣсто въ военной администраціи. Довѣрчивый и недалекій, онъ былъ опутанъ своимъ правителемъ канцеляріи, дѣльцомъ и мошенникомъ, и,— что говорится, какъ куръ во щи,—попалъ въ одинъ прекрасный день подъ судъ за растрату въ его управленіи значительной казенной суммы, постепенное исчезновеніе которой виновный умѣлъ необыкновенно ловкими и дерзкими продѣлками, впродолженіе цѣлыхъ годовъ, скрывать отъ близорукаго своего начальства. Бѣдный старикъ не перенесъ павшаго на него

удара, не перенесъ ужасныхъ для него словъ, сказанныхъ ему по этому поводу однимъ очень высокопоставленнымъ лицомъ, покровительствомъ котораго онъ долго пользовался: „Ваше превосходительство, вы обманули *личное* къ вамъ довѣріе Государя Императора;“—онъ скончался скоропостижно, не успѣвъ принять никакихъ мѣръ къ обезпеченію судьбы своей жены. Все его состояніе пошло на удовлетвореніе наложеннаго на него начета... Послѣ трехъ лѣтъ замужства, Софья Ивановна осталась вдовою чуть не нищею. Родителей ея уже не было на свѣтѣ; братъ, человѣкъ семейный, служилъ въ Петербургѣ и, на извѣщеніе сестры о постигшемъ ея горѣ, отвѣчалъ письмомъ на четырехъ страницахъ, исполненнымъ чувствительныхъ фразъ, но въ которомъ ни о помощи, ни о пристанищѣ ни словомъ не упоминалось. Но въ то же время она получила другое, сердечное письмо отъ младшей сестры своей, Гундуровой, горячо звавшей ее къ себѣ, „въ Сашино, въ свой рай земной“, какъ выражалась она. Александра Ивановна Гундурова, почти одновременно съ Софьей Ивановной вышедшая замужъ по любви за молодаго, образованнаго сосѣда-помѣщика, была красивое, восторженное и нѣжное созданіе, страстно любимое мужемъ, для котораго, дѣйствительно, жизнь до тѣхъ поръ была земнымъ раемъ... Не успѣла поселиться у нихъ Софья Ивановна, какъ однажды осеннимъ утромъ Михаила Сергѣевича Гундурова принесли бездыханнаго съ охоты:—онъ самъ застрѣлилъ себя, неосторожно перескакивая чрезъ канаву съ ружьемъ, взведеннымъ на оба курка... Александра Ивановна увидала это безжизненное тѣло, кровь еще сочившуюся сквозь прострѣленную охотничью куртку, — и, не крикнувъ, упала какъ снопъ на трупъ мужа... Черезъ три мѣсяца не стало и ея. Ей было двадцать лѣтъ, мужу двадцать семь. Какъ двѣ падучія звѣзды, мелькнули на мигъ эти молодыя жизни — и исчезли... На рукахъ Софьи Ивановны остался полуторагодовой Сережа... Надъ имѣніемъ малолѣтняго назначена была опека. Въ опекуны напросился и назначенъ былъ двоюродный братъ покойнаго Михаила Сергѣевича, отставной гусаръ, игрокъ и кандидатъ предводителя. Въ три года достойный этотъ родствен-

никъ чуть не разорилъ въ-конецъ ввѣренное ему сиротское имѣніе. Неопытная Софья Ивановна нашла въ сознаніи своего долга, въ любви къ младенцу, котораго она осталась матерью, достаточно силы, чтобы войти съ этимъ господиномъ въ открытую и упорную борьбу. Благодаря отчасти нѣкоторымъ связямъ, имѣвшимся у нея въ Петербургѣ, отчасти старику князю Шастунову, отцу князя Ларіона, пользовавшемуся большимъ вліяніемъ въ губерніи, и котораго заинтересовало положеніе молодой вдовы, побѣда осталась за нею. Опекунъ былъ удаленъ и смѣненъ другимъ, избраннымъ самою Софьею Ивановной, которая, на самомъ дѣлѣ, сдѣлалась единственною управительницею наслѣдства племянника. Обязанностямъ, возлежавшимъ теперь на ней, она отдалась вся,—а обязанности эти были не легки. Въ послѣдніе мѣсяцы своего управленія опекунъ-гусаръ, отчаявшись сохранить долѣе власть въ рукахъ, запуталъ со злости дѣла такъ, „чтобы самъ чортъ“, говорилъ онъ, „концовъ въ нихъ не доискался“. Софья Ивановна послѣ него не нашла въ конторѣ ни гроша денегъ, ни книгъ, ни счетовъ, ни документовъ первой важности по процессу, затѣянному еще дѣду малолѣтняго однимъ крючкотворомъ-сосѣдомъ, и который въ это время находился на разсмотрѣніи сената... Какими чудесами терпѣнія, смѣтливости, бережливости, какимъ неустаннымъ трудомъ, какою ежечасною заботою успѣла выпутаться изъ этого положенія молодая женщина, мы читателю передавать не будемъ. Ему достаточно будетъ знать, что ко времени вступленія Сережи въ отрочество процессъ его былъ выигранъ, и тетка его располагала уже достаточными средствами для широкихъ расходовъ на его образованіе; къ его совершеннолѣтію имѣніе его было чисто отъ долговъ: онъ владѣлъ, по тогдашнему способу опредѣленія, пятью стами незаложенныхъ душъ, и правильное устройство его хозяйства давало отъ восьми до десяти тысячъ рублей серебромъ дохода. Какъ безконечно счастлива была, передавая ему въ этотъ день отчеты, Софья Ивановна!...

Она любила племянника со всѣмъ пыломъ горячей, всю себя сосредоточившей на одномъ предметѣ, души; она гордилась, имъ, его здоровой головою, его чистымъ, гордымъ сердцемъ.

Его успѣхи, карьера имъ избранная были ея дѣломъ, — дѣломъ, неуклонно веденнымъ съ самыхъ юныхъ его лѣтъ. Съ тѣхъ поръ еще изъ деревенской глуши своей Софья Ивановна вѣрнымъ и зоркимъ взглядомъ слѣдила за событіями. 1825-й годъ былъ не далекъ и памятенъ ей; роковыя послѣдствія его для русскаго общества были для нея очевидны. Запуганная мысль пряталась по угламъ; на свѣтъ Божій выступало казарменное, тупое безмолвіе... Не разъ просиживала по цѣлымъ часамъ Софья Ивановна надъ кроватью заснувшаго Сережи, задумавшись надъ вопросомъ: „какъ воспитать въ этомъ ребенкѣ *человѣка* и тѣмъ самымъ въ то же время не приготовить ему гибели въ будущемъ?“ По мѣрѣ того, какъ росъ Сережа—мальчикъ оказывался даровитымъ и прилежнымъ, — возростала и тревога ея за него, за это его будущее... Случайный разговоръ разрѣшилъ ея недоумѣніе. Пріѣхавъ однажды навѣстить больного старика Шастунова, — къ которому сохраняла она доброе чувство со временъ войны, своей съ опекуномъ-гусаромъ, — она застала у него сына его, князя Михайлу, прискакавшаго изъ-за границы по первому извѣщенію о болѣзни отца, съ тѣмъ, чтобы отвезти его въ Карлсбадъ, куда старикъ ѣздилъ каждый годъ, и гдѣ вскорѣ за тѣмъ онъ и умеръ... Молодой тогда еще дипломатъ и Софья Ивановна, видѣвшая его въ тотъ день въ первый разъ, проговорили вдвоемъ цѣлый вечеръ. Онъ былъ недавно женатъ, занималъ уже видное мѣсто при посольствѣ въ Лондонѣ, но изъ-за его небрежно-насмѣшливыхъ рѣчей просвѣчивала какая-то глубокая внутренняя тоска и недовольство своимъ положеніемъ. „Если бы мнѣ теперь приходилось начинать жизнь сначала,“ говорилъ онъ между прочимъ, невесело смѣясь,—„я бы непремѣнно сдѣлалъ изъ себя какого нибудь ученаго геолога и кристаллографа. Во-первыхъ, это благонамѣреннѣйшая изо всѣхъ спеціальностей,—и я еще не знаю ни одного примѣра, чтобы такой господинъ попалъ въ Сибирь иначе, какъ по собственной охотѣ, науки ради; а во-вторыхъ, — и это главное,—человѣкъ поглощается весь интересами абстрактнаго содержанія, которые,... которые не даютъ ему времени додумываться до отчаянія,“ глухо, какъ

бы про себя, примолвилъ князь Михайло... Софья Ивановна вернулась къ себѣ въ этотъ вечеръ, какъ озаренная. „Помоги мнѣ Богъ“, разсуждала она, „направить Сережу къ ученой карьерѣ; наука спасетъ его и отъ отчаянія, и отъ холопства!“... И съ этой минуты всѣ помыслы ея, всѣ силы были устремлены къ достиженію этой цѣли. Постоянно стараясь вызывать любознательность ребенка, она съ лихорадочнымъ вниманіемъ наблюдала за тѣмъ, куда клонились его природные дары, къ какой области вѣдѣнія тянули они его. Скоро должна была она убѣдиться, и не безъ сожалѣнія, что къ точнымъ наукамъ у Сережи было мало расположенія, и что едвали могла она надѣяться увидѣть его когда либо „благонамѣреннымъ кристаллографомъ“, какъ выражался князь Михайло. Мальчикъ за то оказывалъ самыя рѣшительныя лингвистическія способности. „Что же“, подумала Софья Ивановна,—„и это *дѣло*, и это можетъ сдѣлаться „интересною *поглощающею* спеціальностью!“ Надежды ея съ этой стороны осуществились вполнѣ,—и новымъ счастливымъ днемъ въ ея жизни былъ тотъ день, когда Сережа, съ горделивымъ румянцемъ на щекахъ, пришелъ объявить ей, что университетъ имѣетъ его въ виду для занятія каѳедры по Славянской Исторіи...

Громовымъ ударомъ для этой сердечной и мыслившей женщины была вѣсть, полученная ею изъ Петербурга отъ племянника, объ отказѣ ему въ заграничномъ паспортѣ. Она огорчена и поражена была этимъ гораздо болѣе, чѣмъ самъ Гундуровъ,—она была испугана. Всѣ ея упованія, все это зданіе, которое она съ такою любовью, съ такою заботою воздвигала впродолженіи столькихъ лѣтъ,—все это разлеталось въ прахъ отъ одного почерка пера!... „Что онъ будетъ дѣлать теперь?“ спрашивала она себя съ мучительною тревогою,—„чѣмъ наполнитъ жизнь?...“ Не знать, „чѣмъ наполнить жизнь“, чему „отдать душу“,—она, вѣчно дѣятельная и мыслящая,—ничего ужаснѣе она себѣ представить не могла. Отсутствіе живыхъ интересовъ, серьезной задачи, и эта душевная пустота и уныніе, которыя замѣчала она въ лучшихъ людяхъ, съ какими случалось ей встрѣчаться,—что бы ни доводило ихъ до того,—ничего, въ ея понятіяхъ, не существовало болѣе позорнаго и

печальнаго... Боже мой, и неужели *это же* должно ждать Сережу, ея питомца, ея надежду, жизнь ея?...

Извѣщеніе его о томъ, что онъ, по совѣту ея брата, вступилъ на службу въ Петербургѣ, не успокоило ее,—напротивъ! Она лучше, чѣмъ онъ самъ себя, знала его, знала, что это для него не спасеніе, не исходъ, а еще ближе путь къ тому *унынію*, которому она, со своею энергическою натурой, придавала буквально весь тотъ ужасающій смыслъ смертнаго грѣха, въ какомъ его понимаетъ христіанская церковь... Но слѣдовало-ли ей мѣшать ему искать этотъ исходъ, отзывать его изъ Петербурга? Нѣтъ!... У нея еще въ первый разъ въ жизни опускались руки,—нѣтъ, „какъ Богу будетъ угодно“! рѣшила она...

И съ какимъ-то двойнымъ ощущеніемъ радости и тревоги ждала она его теперь, въ Сашинѣ, въ этомъ спасенномъ и возсозданномъ ею гнѣздѣ его, послѣ того какъ получила она отъ него наконецъ извѣстіе, что чиновникомъ онъ рѣшительно быть не въ силахъ, что онъ возвращается къ ней, къ своимъ книгамъ, къ своимъ занятіямъ, что онъ „положилъ терпѣливо ожидать лучшихъ временъ...“

Она сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ, въ своей прохладной и просторной спальнѣ, у окна, выходившаго въ старый, тѣнистый липовый садъ, и провѣряла какіе-то счеты. Ручная канарейка весело попрыгивала по ея столику, взлетала ей на плечо и, поглядывая избока ей въ лицо своими блестящими глазками, усиленно чирикала, будто спрашивала: отчего ты мною такъ мало занимаешься?... Былъ часъ двѣнадцатый. Въ цвѣтникѣ, подъ окномъ, на пышно распускавшіеся шары пунцовыхъ піоновъ падалъ отвѣсно горячій свѣтъ солнца...

Софья Ивановна вдругъ приподняла голову, насторожила ухо... Какой-то далекій гулъ донесся до нея изъ-за сада...

Она не знала, когда именно долженъ пріѣхать племянникъ, не знала даже о прибытіи его въ Москву. Но это былъ *онъ*,—сердце ея такъ сильно не забилось бы, если бы это былъ *не онъ!*...

Она поднялась съ мѣста, перекрестилась широкимъ крестомъ и пошла было къ дверямъ, но не могла. Дрожавшія

ноги отказывались двигаться... Она опустилась снова въ свое кресло, нажимая обѣими руками до боли трепетавшую грудь...

Послышались въ домѣ крики, возгласы, возня... Въ спальню ворвалась горничная Софьи Ивановны. „Баринъ, Сергѣй Михайловичъ!“ визжала она какъ подъ ножемъ... Подъ крыльцомъ уже грохотала подъѣзжавшая его коляска...

Еще мгновеніе—и онъ стоялъ на колѣняхъ на скамеечкѣ у ея кресла и горячо цѣловалъ ея руки...

IX.

Ее точно что-то кольнуло, когда узнала она, что онъ прямо отъ Шастуновыхъ.

— Какъ ты попалъ туда? спрашивала она изумляясь.

Онъ началъ разсказывать подробно,—слишкомъ ужь подробно...

Театръ, Ашанинъ, князь Ларіонъ,—все это странно звучало въ ея ушахъ. Она никакъ не ожидала, что первымъ предметомъ бесѣды ея съ *Сережей* будетъ это. Въ *этомъ* было на ея глаза что-то легкомысленное и необычное ему.

— Онъ знаетъ, что̀ меня тревожитъ, и нарочно отдаляетъ разговоръ, чтобы не навести на меня тоску, на первыхъ же порахъ, объяснила она себѣ *это*.

Но она никогда не отступала передъ тѣмъ, отъ чего ей бывало тяжело и больно.

— Что̀ же ты будешь теперь дѣлать, Сережа? поставила она прямо вопросъ, о которомъ она денно и нощно думала полгода сряду.

— Я вамъ писалъ, тетя... отвѣчалъ онъ какимъ-то разсѣяннымъ тономъ, очень удивившимъ ее.

— Что̀-жь ты писалъ,—я тебя спрашиваю *теперь*, сказала она, съ недоумѣніемъ глядя на него;—неужели же для тебя всѣ надежды на *профессорство* кончены?

— Нѣтъ, молвилъ Гундуровъ, какъ бы цѣпляясь за убѣгавшую отъ него мысль,—я познакомился съ однимъ... я встрѣтился въ послѣднее время случайно... съ однимъ вліятельнымъ человѣкомъ въ министерствѣ...

— Что же этотъ вліятельный человѣкъ? нетерпѣливо подгоняла его Софья Ивановна.

— Онъ говорилъ мнѣ, что если университетъ вступится... то есть, если онъ войдетъ съ рѣшительнымъ ходатайствомъ обо мнѣ, то тогда...

— Фу, какъ ты нескладно разсказываешь! прервала его она;—что-жь, ты видѣлся теперь, въ Москвѣ, съ какимъ нибудь изъ университетскихъ?...

— Ни съ кѣмъ, тетя,—я къ вамъ спѣшилъ...

— И просидѣлъ все утро у Шастуновыхъ! упрекнула она его съ полуулыбкой;—а я видѣлась, говорила... Университетъ ходатайствовать о тебѣ едва-ли рѣшится: каѳедра занята, безъ адъюнкта можно и обойтись, а къ тому, мнѣ говорили навѣрное, есть какое-то предписаніе университетамъ, чтобъ за границу, впредь до новаго повелѣнія, никого изъ молодыхъ людей не посылать...

Гундуровъ пожалъ плечами.

— И ты такъ легко миришься съ этимъ? пылко воскликнула за этимъ движеніемъ Софья Ивановна.

— Что же мнѣ дѣлать! усмѣхнулся онъ слегка,—противъ рожна не прать! Все, что отъ меня зависѣло, я сдѣлалъ, спеціальности своей я не кину,—я и въ Петербургѣ проводилъ полжизни въ Публичной Библіотекѣ за разборомъ славянскихъ рукописей,—къ тому, что я знаю, много, очень много еще могу я добавить и въ Москвѣ... А тамъ... „Не все-жь на небѣ будетъ дождь, тетя,“ вспомнилъ онъ слова князя Ларіона,—„авось и солнышко проглянетъ!...“

Она глядѣла на него, ушамъ своимъ не вѣря... Такъ вотъ какъ *философски* относился онъ теперь къ этой несбывшейся поѣздкѣ въ славянскія земли, къ которой онъ готовился, о которой мечталъ съ такимъ восторгомъ, безъ которой, писалъ онъ ей еще изъ Петербурга, все, что могъ бы еще пріобрѣсти „изъ книгъ“, было бы только однимъ безполезнымъ „ученымъ хламомъ“, безжизненнымъ матеріаломъ, лишеннымъ всякаго плодотворнаго и оплодотворяющаго духа.“ Откуда же вдругъ это равнодушіе, это *поверхностное отношеніе* къ тому, что

было, что̀ должно быть ему такъ дорого?... Неужели Петербургъ успѣлъ его такъ скоро испортить?...

Но относительно самаго факта онъ былъ правъ и не заслуживалъ никакого упрека. Дѣйствительно, имъ было сдѣлано „все, что̀ отъ него зависѣло“, и оставалось единственно ждать, когда „на небѣ опять проглянетъ солнышко“... Тѣмъ не менѣе на душѣ у Софьи Ивановны не было покойно: она боялась *унынія*, а тутъ онъ вернулся вдругъ, весь сіяющій, „сіяющій какою-то непонятною *фривольностью*,“ говорила себѣ она...

Она внимательно слѣдила за нимъ изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ, между тѣмъ какъ онъ, поднявшись съ мѣста, принялся ходить по спальнѣ, останавливаясь передъ шкафами и этажерками, заглядываясь на ея саксонскія куколки, на фарфоровые горшки съ мѣсячными розами, разставленные по окнамъ, на обвитый вѣчной зеленью плюща портретъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ золоченой рамкѣ подъ стекломъ,—самый драгоцѣнный для Софьи Ивановны предметъ въ ея комнатѣ,—и улыбался какою-то умиленною и радостною улыбкою...

— Онъ счастливъ, что вернулся домой, и ни о чемъ другомъ не можетъ думать въ эту минуту! объснила себѣ Софья Ивановна съ успокоеннымъ чувствомъ—и улыбнулась тоже.

— Позвони, Сережа, сказала она,—ты мнѣ пыли нанесъ въ комнату, ужасъ!

Вошедшему слугѣ она приказала отереть пыль съ сапоговъ Сергѣя Михайловича и подмести полъ.

— Вы не измѣнились, милая тетя, весело разсмѣялся Гундуровъ,—все та же у васъ мономанія чистоты!...

— Вотъ ты надо мною трунишь, также весело отвѣчала она,—а я отъ твоей княгини Шастуновой аппробацію за это получила, когда была она здѣсь... И все охала она, громко разсмѣялась Софья Ивановна,—и ахала, удивляясь, какъ это я, не смотря на „провербіальную грязь“ русской прислуги, какъ я успѣваю „obtenir ces effets là“, то-есть, по-просту, какъ достигаю держать домъ въ опрятности. Уморилъ меня князь Ларіонъ; „а это“ пресерьезно объясняетъ онъ ей за меня эти мои „*effets*“, „это иначе не достигается“ говоритъ,

„какъ посредствомъ геометріи; совѣтую“, говоритъ, „вамъ учителя взять“... А она слушаетъ его и ничего не понимаетъ...

— Онъ удивительно что̀ иногда позволяетъ себѣ отпускать ей, сказалъ Гундуровъ,—образъ княжны какъ живой промелькнулъ передъ нимъ въ эту минуту, и онъ передалъ Софьѣ Ивановнѣ эпизодъ съ князькомъ за завтракомъ.

— Да, онъ умный человѣкъ, но... *терпкій*, молвила она, выслушавъ, своимъ обычнымъ, серьезнымъ тономъ и какъ бы отыскивая подходящее выраженіе...

— Князь-Михайлу онъ дѣтямъ его собою не замѣнитъ! примолвила Софья Ивановна, помолчавъ, и вздохнула.

— И какъ это чувствительно для княжны Лины! вырвалось у Гундурова.

Въ звукѣ его голоса было что-то, что̀ опять такъ и кольнуло Софью Ивановну. Она уставилась на него:

— А ты почему думаешь? спросила она, стараясь произнести эти слова какъ можно скокойнѣе.

Но онъ стоялъ къ ней спиною и глядѣлъ въ садъ: она не могла видѣть его лица...

— Княжна въ разговорѣ, отвѣчалъ онъ не сейчасъ на вопросъ тетки,—сказала нѣсколько словъ про отца, и изъ нихъ я могъ заключить...

— Что ей дорога его память, договорила Софья Ивановна, не дождавшись конца фразы племянника,—это ей приноситъ честь!... Онъ стоилъ этого!...

— Вы его любили, тетя? спросилъ Гундуровъ, обращаясь къ ней.

Странное дѣло,—эти слова какъ бы смутили Софью Ивановну. Она нѣсколько времени не находила отвѣта... Кто извѣдаетъ изгибы женскаго сердца? Быть можетъ, въ эту минуту совсѣмъ въ иномъ значеніи представлялся для нея безхитростный вопросъ племянника, и въ душевной глубинѣ своей старалась разобрать она, какое въ дѣйствительности чувство внушалъ ей этотъ человѣкъ, съ которымъ она встрѣчалась на нѣсколько часовъ въ длинные интервалы трехъ, четырехъ лѣтъ, не разумѣя его никогда иначе, какъ за умнаго и пріят-

наго собесѣдника, но котораго каждое слово въ эти рѣдкія ихъ встрѣчи хранила ея память до сихъ поръ, а смерть глубоко и долго щемила ей сердце...

— Онъ такой же былъ, какъ князь Ларіонъ, промолвила она наконецъ,—образованный и блестящій,— они оба очень хорошо учились, сначала въ Англіи, потомъ въ нѣмецкихъ университетахъ,—но болѣе теплоты въ немъ было, сердца... Счастіемъ въ жизни онъ похвалиться не могъ! Эта его женидьба... Они совсѣмъ было разорились; у отца ихъ были счеты со старикомъ Раскаталовымъ,—онъ въ одинъ прекрасный день выписалъ князь-Михайлу изъ-за границы и женилъ его безъ церемоніи... *на этой Аглаѣ*... Тяжела, говорятъ, была ему жизнь съ нею, очень тяжела... да и онъ, по правдѣ, мужъ-то былъ не образцовый... Въ службѣ тоже, — началъ великолѣпно, а кончилъ ничѣмъ. Нѣмецкое начальство давило его всю жизнь, боялось его остраго ума и русской души... Подъ конецъ ужь, года за три до смерти, попалъ онъ посланникомъ къ ничтожному нѣмецкому двору. — „Я похороненный человѣкъ“, говорилъ онъ мнѣ, — мы тогда, передъ его отъѣздомъ туда, видѣлись съ нимъ... ты былъ тогда въ пансіонѣ,—„я похороненный человѣкъ—и могу теперь говорить о себѣ, какъ о мертвомъ и чужомъ. У меня были способности, а—главное—горячее желаніе служить отечеству, служить настоящимъ, *русскимъ* пользамъ. Былъ случай—во время войны Грековъ за независимость,—я имѣлъ возможность сказать свое, положительное слово. На меня было обращено вниманіе. Но съ тѣхъ поръ за то я былъ, повидимому, записанъ въ число *опасныхъ*, и къ *дѣлу* уже меня больше не допускали... Такихъ какъ я много у насъ“, говорилъ онъ по этому случаю;—„такова, должно быть, судьба Россіи, что еще долго должны томиться подъ спудомъ и матеріальныя, и духовныя ея силы!...“ Никогда не видала я его такимъ печальнымъ, какъ въ этотъ—въ послѣдній—разъ... домолвила Софья Ивановна, помолчавъ опять;—„у меня“, говорилъ онъ, „осталась одна радость—дочь! Дай Богъ мнѣ дожить“...

— Да, тетя, перебилъ ее неожиданно Гундуровъ, — она необыкновенная дѣвушка!

— Необыкновенная... повторила безсознательно Софья Ивановна,—и такъ и обмерла...

Эти сверкавшіе глаза, зазвенѣвшій какъ натянутая струна голосъ,—у нея не оставалось сомнѣній... Это былъ пожаръ, всего его разомъ охватившій въ эти два, три часа, проведенные въ Сицкомъ, и съ которымъ—она сейчасъ это почуяла,—приходилось серьезно считаться.

Открытіе это застигло ее совершенно въ-расплохъ. Умная женщина была Софья Ивановна, но, какъ это часто случается съ умными людьми, она въ своихъ соображеніяхъ позабывала о *случайностяхъ*, вѣчнымъ игралищемъ которыхъ бываетъ наша бѣдная человѣческая жизнь. Она въ неустанной заботѣ своей о судьбѣ племянника, казалось ей, все предвидѣла, все, кромѣ *этого!*...

— Сережа! испуганно вскликнула она подъ первымъ впечатлѣніемъ, но тутъ же сдержала себя, — не даромъ была умна... — Она тебѣ очень понравилась? примолвила, улыбаясь ему черезъ силу, Софья Ивановна.

Но онъ былъ насторожѣ. Онъ зналъ тетку такъ же, какъ и она его знала. Вырвавшееся у нея восклицаніе, и теперь эта натянутая улыбка,—онъ понялъ и сжался, какъ цвѣтокъ подъ холоднымъ вѣтромъ.

— Да, проговорилъ онъ почти равнодушно,—она дѣйствительно замѣчательная... я, по крайней мѣрѣ, такой еще не встрѣчалъ, съ такимъ здоровымъ и благороднымъ образомъ мыслей... Мнѣ большое удовольстіе доставило бесѣдовать съ нею...

— Она мнѣ самой очень понравилась, тотчасъ же впадая въ его тонъ, молвила Софья Ивановна, — такая красивая и *порядочная!*...

— И вы, тетя, почелъ не безполезнымъ сообщить ей Сергѣй,—произвели на нее самое лучшее впечатлѣніе!...

— Да? Что же, я очень рада!... Она очень похожа на отца этимъ своимъ изящнымъ спокойствіемъ... Ты говоришь, она его поминаетъ?

— Да....

— Она успѣла тебѣ говорить о немъ?

— Что-же *„успѣла?“* вдругъ заволновался Гундуровъ, — у нея вырвалось невольно... И не *мнѣ* одному, она бы, вѣроятно, всякому сказала... только я ближе къ ней сидѣлъ... Когда князь-Ларіонъ отпустилъ эту колкость ея матери, она сказала, что еслибъ отецъ ея былъ живъ, этого бы не было!...

— Она права!...

Софья Ивановна одобрительно кивнула—и тяжко задумалась. Чѣмъ достойнѣе ея сочувствій могла оказываться эта княжна, тѣмъ страшнѣе была она для нея!...

Прошло довольно долгое молчаніе. Гундуровъ опять заходилъ по комнатѣ.

— Что-же, ты думаешь скоро опять въ Сицкое? спросила его наконецъ тетка.

Онъ остановился:

— Мнѣ говорила княжна, что она ждетъ меня съ *вами*, тетя, проговорилъ онъ чуть не умоляющимъ голосомъ.

— А тебѣ скоро *надо*? подчеркнула она.

— Да, я тамъ играю... *Гамлета*, глухо добавилъ онъ;— онъ себѣ почему-то показался въ эту минуту очень мелкимъ и смѣшнымъ.

— И она... княжна,—тоже играетъ?

— Да, *Офелію*...

— И ты, улыбнулась Софья Ивановна, — будешь просить ее... какъ бишь тамъ: „Сударыня“, или „прекрасная дѣвица, помолитесь о моихъ грѣхахъ?“

— О, нимфа! помяни

Мои грѣхи въ твоихъ святыхъ молитвахъ! *).

процитовалъ онъ.

— Странно какъ-то, и только у Шекспира можно встрѣтить, замѣтила она,—*святая* молитва и *нимфа!*...

— Да, но прелестно! воскликнулъ Гундуровъ.

— Не спорю, улыбнулась она опять. — А не хочешь-ли ты отдохнуть, спросила она его,—послѣ дороги... и этого *визита?* Мы, какъ всегда, будемъ обѣдать въ три часа.

---

*) Nymph, in your orisons,
Be all my sins remember'd!

— Если позволите, тетя, поспѣшно отвѣтилъ онъ,—я дѣйствительно немного усталъ...

Она долго, сжавъ руки, глядѣла ему вслѣдъ. Глубокая морщина сложилась между ея бровями, и нижняя губа слегка шевелилась, будто шептала она что-то про себя... Да, она *это* не предвидѣла, — и глубоко упрекала себя за то... Но чѣмъ могла бы *отвести* она отъ него *это?*... Она уберегала его до сихъ поръ отъ всѣхъ соблазновъ молодости. Чистая и строгая жизнь его не знала до сихъ поръ тѣхъ увлеченій, которымъ отдается обыкновенно юность въ его годы... Ужь не ошибка-ли была это съ ея стороны? спрашивала себя теперь въ тревогѣ Софья Ивановна; то, что такъ легко удавалось ей сдерживать въ немъ, прорвалось и польется теперь кипящимъ, неудержимымъ потокомъ... Она предвидѣла: *онъ весь теперь тамъ будетъ*, онъ отдастся *ей* всѣмъ этимъ дѣвственнымъ сердцемъ своимъ!... И что сказать, какъ упрекнуть его за то? Онъ правъ; къ несчастію правъ,—*она*, эта дѣвушка, она прелестна; она ее, *старуху*, очаровала съ перваго раза; она похожа на отца своего, который... Они стоятъ другъ друга съ Сережей... Но вѣдь это не возможно,—достаточно только разъ взглянуть на *эту Аглаю*, на это дѣтище разбогатѣвшаго кабатчика: можно-ли допустить, чтобы она дочь свою, *княжну*, согласилась когда нибудь отдать за *профессора!* Она къ тому же порѣшила судьбу своей дочери,—Софья Ивановна имѣла основаніе предполагать это... Горе, униженія, одно мучительное горе принесетъ ему эта любовь... И нечѣмъ теперь оторвать, некуда увезти, услать его отъ неотразимаго соблазна! Какъ же спасти его, спасти отъ ожидающаго его отчаянія? Неужели нѣтъ средства?...

Она судорожно хрустнула сжатыми пальцами, обернулась на образа подъ наплывомъ какой-то смертельной тоски — и прошептала:

— Владычица Небесная, осѣни его Твоимъ покровомъ!...

X.

Долѣе трехъ дней не въ силахъ была Софья Ивановна удержать племянника въ Сашинѣ. Онъ видимо томился, скучалъ, избѣгалъ разговоровъ, уходилъ съ утра въ дальнія поля, опаздывалъ къ обѣду... „Онъ весь тамъ, онъ уже весь *ея*, намъ съ тобою уже ничего не осталось отъ него, Биби“, отвѣчала она, подавляя слезы, на вопросительное чириканье своей канарейки, сидя съ ней по цѣлымъ часамъ одна въ уютной свѣжей комнатѣ, въ которой онъ — тутъ, рядомъ съ ея постелью, за этими старыми лаковыми китайскими ширмами,— спалъ до девятилѣтняго возраста въ своей маленькой кроваткѣ, гдѣ каждый уголъ напоминалъ ей его дѣтство, его первый лепетъ и первыя ласки... Но не въ характерѣ Софьи Ивановны было тосковать и плакать. „Волку прямо въ глаза гляди!“ любила говорить она въ трудныя минуты жизни, — и прямо шла на него, на этого волка. И въ этотъ разъ поступила точно также: встрепенулась разомъ, отерла слезы, надѣла свое праздничное, шелковое, не то табачнаго, не то гороховаго цвѣта, платье, которое называлось у нея поэтому „la robe feuille morte de Madame Cottin,“ *) — велѣла зало-

*) Подъ этимъ заглавіемъ помѣщенъ въ книгѣ воспитательнаго характера, пользовавшейся въ 30-хъ годахъ огромною популярностью въ русскихъ семействахъ, *Conseils á ma fille*, соч. *Bouilly*, разсказъ одного эпизода изъ жизни творца знаменитаго Малекъ-Аделя (въ романѣ *Mathilde ou les Croisades*) и мн. др. сентиментальныхъ героевъ и героинь г-жи *Cottin*, женщины весьма благотворительной. Г-жа *Cottin* носила постоянно одно и тоже темное, цвѣта *опавшаго листа* платье, по которому и узнаётъ ее въ этомъ разсказѣ тайно спасенная ею отъ гибели дѣвушка.

жить фаэтонъ и послала горничную сказать Сергѣю Михайловичу, что она собирается въ Сицкое...

Онъ тотчасъ же прибѣжалъ и безъ словъ кинулся обнимать ее. Глядя на его молодое, радостно сіявшее лицо, Софья Ивановна вдругъ упрекнула себя въ эгоизмѣ. „Въ сущности“, молвила она внутренно,—„я во всемъ этомъ болѣе о себѣ чѣмъ о немъ думала, и вслѣдствіе этого преувеличивала, можетъ быть, препятствія, которыя ожидаютъ его *тамъ*... Неодолимы ли-они въ самомъ дѣлѣ? Или это только мнѣ кажется такъ потому, что тогда я лишусь его, лишусь совсѣмъ... Но развѣ эта минута не должна была притти для меня рано или поздно, развѣ я давно не готовилась къ ней?... Нѣтъ, тутъ дѣло идетъ не о моемъ, а о его счастіи, надо дѣйствовать!... А тамъ—посмотримъ!...“

Черезъ часъ тетка и племянникъ выѣхали вдвоемъ въ новенькомъ, легкомъ фаэтонѣ, запряженномъ четверкою молодыхъ, выхоленныхъ караковыхъ лошадокъ въ щегольской сбруѣ, и Гундуровъ съ какимъ-то еще не испытаннымъ имъ доселѣ чувствомъ ребяческаго тщеславія подумалъ, что „вотъ они какъ *парадно* подкатятъ подъ широкое крыльцо Сицкаго,“—и тотчасъ же, слегка покраснѣвъ, сказалъ себѣ; „какъ мелко бываетъ однако на душѣ человѣка, даже въ лучшія его минуты.“ Онъ какъ-то очень ясно сознавалъ, что для него пришли эти „лучшія минуты.“

Добрыя лошадки домчали ихъ безъ передышки до самаго казеннаго лѣса, уже знакомаго нашему читателю, за которымъ начинались владѣнія Шастуновыхъ. Тамъ, по узкой и изрытой подсыхавшими колеями дорогѣ, приходилось по неволѣ плестись шажкомъ.

Громкій крикъ понесся имъ на встрѣчу, едва въѣхали они въ лѣсъ. Чей-то надрывающійся голосъ лился перекатами по лѣсному пространству, еще не внятный, но несомнѣнно грозный... Кто-то гнѣвался противъ кого-то очень сильно.

— Что тамъ такое? привсталъ невольно Гундуровъ.

— *Левизоръ*, стало быть, дѣйствуетъ; на счетъ порубки, стало быть, объяснилъ съ козелъ Ѳедосей. Кучеръ дернулъ возжами, четверня прибавила шагу...

Послышались уже явственно слова:

— Не видишь, распротоканалья ты эдакая, не видишь? А вотъ я тебѣ покажу! звенѣлъ, словно надтреснутая труба, разъяренный начальственный баритонъ.

— Батюшка, ваше благородіе.... помилуйте!... Куда-жь свернуть прикажете? раздался подначальный перепуганный фальцетъ,—кладь свалишь!...

— И вали, сто ершей тебѣ въ глотку, вали, сиволапый чортъ! слышалось все яснѣе и звончѣй.

За ближнимъ уклономъ дороги открылось слѣдующее зрѣлище:

Посередь самаго проѣзда, межъ тѣсно сходившимися здѣсь съ обѣихъ сторонъ стѣнами лѣса, стояли другъ противъ друга тройка въ тарантасѣ и застрявшая колесами въ глубокой колеѣ извощичья телѣга. Высоко нагроможденные на нее деревянные жбаны, миски и кадушки неуклюже торчали и кренили на бокъ изъ-подъ дырявой рогожи и плохо увязанныхъ кругомъ веревокъ. Хозяинъ безъ шапки — явно только-что сброшенной съ его головы,—прижавшись къ своей клади, стоялъ, съ приподнятыми къ лицу, растопыренными ладонями, въ огражденіе его отъ чаемаго немедленно удара подступавшей къ нему руки въ красномъ обшлагѣ... Рука принадлежала господину въ форменномъ сюртукѣ и фуражкѣ, необыкновенно быстрому и зоркому въ своихъ движеніяхъ, хотя животъ начинался у него отъ самаго горла и коротенькія ножки съ трудомъ, казалось, могли поддерживать грузъ насѣдавшаго на нихъ объемистаго туловища. Онъ, видимо, только-что выскочилъ, для кратчайшей расправы, изъ своего экипажа, въ которомъ сидѣлъ спутникъ его, плотный молодой человѣкъ въ сѣромъ плащѣ и бѣлой волосяной фуражкѣ.

— Исправникъ! доложилъ, оборачиваясь къ барину Ѳедосей.

— Я его знаю! проговорила спѣшно Софья Ивановна, которую всю коробило отъ этой сцены.—Господинъ Акулинъ, господинъ Акулинъ! крикнула она громко, между тѣмъ какъ экипажъ ихъ остановился за тарантасомъ исправника.

Рука въ обшлагѣ машинально спустилась съ высоты лица

извощика. Господинъ Акулинъ обернулся. Обернулся и молодой человѣкъ, сидѣвшій въ тарантасѣ.

— А, Гундуровъ, здорово!

— Гнѣвъ, о поэтъ, ты воспой Елпидифора Павлова сына!— крикнулъ онъ, закатываясь оглушительнымъ хихиканьемъ и кивая на исправника.

— Это кто? нахмурясь спросила племянника Софья Ивановна.

— Свищовъ, юристъ бывшій... Нахалъ! примолвилъ онъ сквозь зубы.

— Это видно...

Господинъ Акулинъ тѣмъ временемъ ковылялъ къ фаэтону на своихъ коротенькихъ ножкахъ.

— Ваше превосходительство, Софья Ивановна...

Она не дала ему договорить.

— Драться, можетъ быть, и очень пріятно, отрѣзала она ему прямо,—только это нисколько дѣлу не помогаетъ...

— Pardon, madame, нѣсколько обиженно и слегка сконфузясь отвѣчалъ онъ,—я образованный человѣкъ... mais ces canailles, эти сиволапыя бестіи...

Она прервала его еще разъ:

— Все это прекрасно, только вы видите, что этотъ „сиволапый“ засѣлъ въ колею, и пока онъ тамъ будетъ сидѣть, ни вашему, ни нашему экипажу проѣхать нѣтъ никакой возможности. Слѣдовательно прежде всего вытащить его телѣгу надо, а затѣмъ, можетъ быть, и бить его не окажется нужнымъ.

— Ѳедосей, пойдемъ, поможемъ! молвилъ Гундуровъ, выскакивая изъ фаэтона. Онъ едва сдерживался..

Исправникъ, надувъ губы, быстро отковылялъ къ своему тарантасу. Спутникъ его присоединился къ Гундурову и его слугѣ. Они вчетверомъ съ кучеромъ Акулина долго бились, пытаясь сдвинуть заднія колеса тяжело нагруженной телѣги, между тѣмъ какъ извощикъ, усердно уськая и подхлестывая подъ брюхо свою скользившую въ вязкой глинѣ лошадь, то отчаянно тянулъ ее справа за узду, то, перебѣжавъ налѣво, наваливался всѣмъ тѣломъ на оглоблю... Кончилось тѣмъ, что

бѣдный конь, рванувшись въ бокъ послѣднимъ усиліемъ, вывезъ телѣгу,—и тутъ же свалился съ нею на край дороги, споткнувшись о какой-то корень. Миски и кадушки покатились подъ ноги исправниковой тройки.

— Ну, теперь проѣдемъ; садитесь, Николай Игнатьевичъ, звалъ Акулинъ Свищова. — За уронъ получи! величественно крикнулъ онъ.

Смятая имъ въ комъ красненькая бумажка завертѣлась въ воздухѣ и опустилась къ ногамъ растеряннаго извощика.

— Алкантара—Калатрава, грандъ Испанскій! расхохотался на весь лѣсъ Свищовъ, подсаживаясь къ Акулину въ тарантасъ и подмигивая оттуда на него Гундурову. — Ты также въ Сицкое? тутъ же спросилъ онъ его.

Гундуровъ не безъ удивленія поднялъ глаза: онъ никогда не былъ на *ты* со Свищовымъ.

— Ну, такъ до свиданія! преспокойно кивнулъ ему тотъ, не дождавшись отвѣта.

Тройка покатила, гремя бубенцами наборной сбруи...

— Извольте и ваша милость проѣзжать! обернулся къ нашему герою извощикъ, успѣвшій тѣмъ временемъ съ помощью Ѳедосея отпустить дугу и поднять свою лошадь.

— А какъ же съ кладью-то твоею быть, свалилась вѣдь она вся?

— Ничего батюшка, ваше сіятельство, спасибо вашей милости, самъ управлюсь. Живо справлю... на радостяхъ-то, примолвилъ онъ, улыбнувшись во весь ротъ.

— Грозёнъ, небось, на вашего брата, неисправнаго, исправникъ-то? сострилъ въ свою очередь Ѳедосей.

— Бѣда! Извощикъ тряхнулъ головой;—какъ сорветъ это онъ съ меня шапку... Одначе, дай имъ Богъ здоровья, не обидѣли!...

XI.

На балконѣ Сицкаго, охватывавшемъ весь фасадъ дома со стороны двора и соединявшемся съ боковыми висячими галлереями, которыми, въ свою очередь, соединялись съ главнымъ корпусомъ флигеля его, можно было отличить еще издалека присутствіе цѣлаго общества. У Гундурова такъ и заходило въ груди.—Тутъ-ли княжна? сгаралъ онъ мучительнымъ нетерпѣніемъ, также мучительно стараясь не дать это замѣтить сидѣвшей съ нимъ рядомъ теткѣ, и въ тоже время съ глубокимъ смущеніемъ чувствуя, что тетка „видитъ его насквозь“...

Ни княжны, ни матери ея и дяди тутъ не было, и общество разгуливавшее по балкону—всякіе сосѣди обоего пола,—было едва знакомо Софьѣ Ивановнѣ и ея племяннику. Только Надежда Ѳедоровна, узнавъ ихъ, побѣжала на лѣстницу встрѣчать „генеральшу“. (Софью Ивановну иначе не звали въ уѣздѣ,) и тотчасъ же привела ихъ въ собственный апартаментъ хозяйки, куда допускались, только „порядочные гости (къ мелкой сошкѣ—„le menu fretin“, какъ выражалась она въ *интимите*,—сіятельная Аглая выходила сама, большимъ выходомъ, передъ завтракомъ и обѣдомъ,) и гдѣ она теперь сидѣла вдвоемъ съ „Калабрскимъ бригантомъ“.

Разсыпавшись въ разныхъ любезностяхъ и изъявленіяхъ предъ Софьей Ивановной, импонировавшей ей своимъ спокойнымъ достоинствомъ, а главное тѣмъ, что „она когда-то съ Императрицей Маріей Ѳеодоровной въ перепискѣ была“, княгиня усадила ее въ самое мягкое кресло своего щегольскаго

съ иголочки ситцеваго кабинета, а „monsieur Serge'a“ любезно отослала „къ молодымъ“.

— Васъ давно ждутъ, обратилась она къ нему,—репетиціи начались, и всѣ они теперь въ театрѣ avec Larion. Вамъ гораздо веселѣе тамъ будетъ qu'avec une vieille femme comme moi. Monsieur Зяблинъ, и вы... Ступайте, ступайте! Я васъ не удерживаю...

Зяблинъ вздохнулъ, повелъ на нее телячьимъ взглядомъ, какъ бы говоря: „жестокая!“—и не тронулся съ мѣста.

— Восхитительная женщина! думалъ Гундуровъ тѣмъ временемъ, чуть не со слезами умиленія чмокая жирную руку съ цѣлымъ арсеналомъ колецъ на короткихъ пальцахъ княгини, которую протянула она ему при семъ не безъ нѣкотораго покровительственнаго оттѣнка,—и вышелъ изъ кабинета сдержанно и спокойно.

За то съ лѣстницы онъ чуть не скатился кубаремъ...

Въ театрѣ, дѣйствительно, шла та невообразимая неурядица, что̀ у актеровъ-любителей называется „первая репетиція“. Суетня была страшная, всякаго ненужнаго народу множество; на сценѣ бѣгали, толкались, искали чего-то; смѣхъ, пискъ, горячія слова спора неслись, звуча какимъ-то пронзающимъ звукомъ, подъ высокій сводъ залы. Успѣвшій уже охрипнуть режиссеръ вызывалъ то-и-дѣло, по кличкѣ роли, то одного, то другаго изъ дѣйствующихъ лицъ *Льва Гурыча Синичкина* (шла проба этого водевиля).

— *Раиса Минишна, Борзиковъ! Катя! Надя! Маша! Варя!* перекликалъ онъ имѣвшихъ *выходить* въ эту минуту актеровъ.

Слышались возгласы:

— Развѣ мнѣ выходить?

— Конечно вамъ!...

— Ахъ, виноватъ, я не дослышалъ...

— *Варя! Варя!* Кто *Варя*, mesdames?...

— Нѣтъ ея!...

— Какъ нѣтъ? А ты?

— Я *Надя*.

— Не правда,—я *Надя*...

— Ахъ, Боже мой, я твою роль захватила! А гдѣ же моя?... Не видалъ-ли кто моей роли?

— Шш, ради Бога, господа, ничего рѣшительно не слышно...

— Ни за что, ни за что я этого не скажу! звенѣлъ голосъ Ольги Елпидифоровны,—надо это вычеркнуть!...

— А куда-жь я реплику-то мою дѣну? гудѣлъ Вальковскій.

Всѣ были такъ заняты, что никто не замѣтилъ, какъ вошелъ Гундуровъ.

— Четвертое дѣйствіе... Сударыни, куплетъ! хрипѣлъ выписанный изъ Москвы режиссеръ Малаго театра, ансамбль: *графъ Зефировъ* и дѣвицы... Пожалуйте!

— Я не знаю этой музыки...

— И я не знаю...

— Ха, ха, ха... А вчера цѣлый вечеръ за фортепьяномъ повторяли!

— Позвольте, музыкантъ сейчасъ вамъ подыграетъ.

Одинокая скрипка запиликала мотивъ вальса.

— *Графъ Зефировъ*, вамъ!...

Шигаревъ, занимавшій сцену съ какими-то четырьмя барышнями, на которыхъ онъ каррикатурно выпучилъ глаза, запѣлъ, подражая разбитому старческому голосу:

„А! это вы, мои пулярки!.."

Хохотъ отвѣчалъ ему изо всѣхъ угловъ.

— Извольте, вамъ-съ!—Сейчасъ же за графомъ всѣ вмѣстѣ:

— „Спѣшила каждая изъ насъ..."

кричалъ барышнямъ режиссеръ, хлопая себя въ тактъ по ладони рукописью пьэсы.

Барышни сбились всѣ въ одну кучку и, выглядывая изъ-за спины одна другой, открыли рты, собираясь пѣть...

— Позвольте, позвольте-съ! кинулся между нихъ несчастный распорядитель, — такъ невозможно! Вы должны кружкомъ стоять около графа!...

— И даже „присѣдать съ граціозностью", сказано у Ленъ-

скаго! кричалъ имъ снизу Свищовъ, бывшій тутъ же и что-то очень суетившійся.

— Хи, хи, какъ смѣшно, хи, хи! заголосили ему въ-ладъ барышни, которыхъ успѣли кое-какъ разстановить кругомъ Шѝгарева.

— Извольте же сначала!

— „А, это вы, мои пулярки!
А это что̀ у васъ? подарки?“

запѣлъ опять Шѝгаревъ.

— „Спѣшила каждая изъ насъ
Съ днемъ ангела поздравить васъ...“

немилосердно запищали хоромъ *Катя*, *Маша*, *Варя* и *Надя*.

— Ай, ай, ай, ай, какъ рѣжутъ насъ!

запищалъ, въ подраженіе имъ, Свищовъ, затыкая себѣ пальцами уши.

Хохотъ въ за́лѣ раздался пуще прежняго...

Одна изъ *пулярокъ* сильно разобидѣлась:

— Что̀ же это? Просятъ, а потомъ смѣются!... Я не буду играть!...

— И я!... И я! О-охъ! О-о-охъ!...

— Ни... за что̀... не бу-у-демъ! принялись онѣ хныкать уже все вчетверомъ.

Режиссеръ растерянно поглядѣлъ на зрителей.

Изъ перваго ряда креселъ отдѣлилась высокая, полная барыня, жена окружнаго начальника государственныхъ имуществъ, игравшая роль *Раисы Минишны*, самая „образованная дама“ въ уѣздѣ, и побѣжала къ сценѣ:

— Феничка, Eulampe, finissez, quelle honte! Je vous ai *donc* amenées ici! (Двѣ изъ *пулярокъ* были ея племянницы)...

Но Eulampe, — Евлампія-то-жь — и Феничка оставались глухи на ея внушенія:

— Потому что мы не свѣтскія... не графини!... всхлипывали онѣ.

Вальковскій, стоявшій все время въ кулисѣ, весь поглощенный, повидимому, чтеніемъ своей роли *Синичкина*, однимъ прыжкомъ очутился у рампы:

— Вонъ! Пошелъ вонъ! съ расширившимися не въ мѣру зрачками и дрожавшею губою вскинулся онъ на Свищова, главнаго виновника этихъ слезъ, который, со свойственнымъ ему нахальнымъ спокойствіемъ лица, глядѣлъ ухмыляясь на разобиженныхъ барышень.

— Ты съ ума сошелъ! вскликнулъ онъ, поднявъ блѣднѣя на Вальковскаго свою, коротко à la malcontent остриженную голову.

— Ты разстраивать, ты только разстраивать! бѣшено кричалъ на него тотъ.

Все переполошилось въ залѣ...

— Господинъ Вальковскій! раздался вдругъ рѣзкимъ и отчетливымъ звукомъ голосъ князя Ларіона Васильевича,— вы въ домѣ княгини Шастуновой!...

„Фанатика“ точно чѣмъ-то приплюснуло; онъ покосился на уголъ, откуда донесся до него этотъ голосъ, повернулся на длинныхъ ногахъ и, безъ словъ, опустивъ голову, какъ перепуганный волкъ, отправился назадъ въ свою кулису.

Гундуровъ воспользовался смятеніемъ, чтобы незамѣченно пододвинуться ближе къ диванчику у окна, на которомъ сидѣла княжна, рядомъ съ Ашанинымъ. Оба они, показалось нашему герою, такъ увлечены были своею бесѣдою, что ничего того, что происходило вокругъ, не достигало ни до слуха ихъ, ни до зрѣнія. Подойти прямо къ Линѣ,—„а это была его прямая обязанность, какъ къ хозяйкѣ,“ говорилъ онъ себѣ,—мѣшало ему овладѣвшее имъ вдругъ чувство какой-то неодолимой робости. Ему было невыразимо досадно на Ашанина за то, что онъ такъ всецѣло поглощаетъ ея вниманіе,— и въ то же время онъ какимъ-то необъяснимымъ чутьемъ отгадывалъ, *былъ увѣренъ*, что Ашанинъ говорилъ о немъ, Сергѣѣ Гундуровѣ, и что у Ашанина съ нею никакого серьезнаго разговора и быть не можетъ, кромѣ о *немъ*, Гундуровѣ...

— Да вотъ и онъ, легокъ на поминѣ! какъ бы въ явное

подтвержденіе его догадокъ, обернувшись и увидавъ его, кивнулъ на него княжнѣ Ашанинъ.

Она поклонилась ему съ мѣста своимъ милымъ долгимъ поклономъ сверху внизъ.

Гундуровъ подошелъ.

— Здравствуйте! сказала она, улыбаясь, какъ всегда, однѣми губами, и не подавая ему руки (онъ замѣтилъ, что она никому не подавала руки, и это ему очень нравилось въ ней: „женщина“, разсуждалъ онъ, „никогда ни съ кѣмъ не должна быть *фамильярна*“).

— Ты только-что пріѣхалъ? спросилъ, обнимаясь съ нимъ его пріятель.

— Да, съ полчаса... съ тетушкою...

— А, и ваша тетушка здѣсь? молвила Лина съ какимъ-то оживленіемъ и прибавила: — вы теперь совсѣмъ сюда... *играть!*...

— У насъ все устроилось, и еслибы ты самъ не явился, я сегодня долженъ былъ ѣхать за тобою, спѣшилъ передать ему новости Ашанинъ. — Въ воскресенье, послѣ того какъ ты уѣхалъ, прибыло сюда много народу: Чижевскій, Духонинъ изъ Москвы, сосѣди здѣшніе... Вотъ эта крупная дама— онъ кивнулъ на жену окружнаго, — очень хорошая актриса оказывается... Мы съ Вальковскимъ воспользовались этимъ и, съ разрѣшенія и при помощи княгини и княжны Елены Михайловны, набрали полную труппу и на драму, и на водевиль. Это все, что, видишь, сидитъ въ креслахъ, — родственницы и родственники, близкіе и дальніе, актеровъ нашихъ и актрисъ, съѣхались на репетицію посмотрѣть.

— И maman, вы знаете, согласилась на *Гамлета*, съ тѣми только пропусками, какіе нужными сочтетъ сдѣлать дядя, сообщила въ свою очередь княжна; — я почти уже всю роль свою знаю.

— И *Гертруда* будетъ? спросилъ Гундуровъ Ашанина.

— Есть,—Надежда Ѳедоровна... Но чего это мнѣ стоило! быстрымъ шопотомъ проговорилъ ему тотъ на ухо, — только для пріятеля можно это сдѣлать!...

Въ это время къ княжнѣ, расшаркиваясь и крутя усомъ,

съ ловкостью бывалаго и *прожженаго* гусара, прошмыгнулъ мимо толпившихся у сцены толстый исправникъ Елпидифоръ Акулинъ.

— Позвольте пожелать вамъ добраго утра, princesse, заговорилъ онъ сладкимъ, искательнымъ голосомъ, раздувая свои отвислыя щеки, — и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ человѣку прежде всего откровенному и *страстному*, засмѣялся онъ вдругъ, — прямо обратиться къ вамъ съ просьбой: позвольте мнѣ посоперничать съ моею Ольгой, пользующейся, къ чести ея, а моему неизреченному счастію, благорасположеніемъ княгини-матушки вашей и, осмѣливаюсь думать, и вашимъ собственнымъ...

— Что такое? слегка смѣшавшись и не понимая, взглянула на него Лина.

— Ролькн прошу-съ, самую крошечную ролечку! Что дѣлать, страсть-съ, съ дѣтства... неодолимая! Родился актеромъ... а насмѣшница-судьба вотъ чѣмъ повелѣла быть!...

И господинъ Акулинъ негодующимъ движеніемъ вытянулъ впередъ красные обшлага своего полицейскаго мундира.

— Ваша артистическая слава здѣсь извѣстна, поспѣшилъ отвѣтить за княжну находчивый Ашанинъ, любезно улыбаясь исправнику, между тѣмъ какъ Гундуровъ морщилъ лобъ, вспоминая свѣжую сцену въ лѣсу, — и вы съ самаго начала имѣлись у насъ въ виду на роль *Полонія* въ *Гамлетѣ*... если только вы не предпочитаете водевильныя роли...

— Да какъ же это можно-съ! съ искреннимъ увлеченіемъ воскликнулъ на это исправникъ; — Шекспиръ!... Да это мой богъ, моя единственная религія!

Брови у княжны какъ-то болѣзненно сжались вдругъ, — она отвернулась...

— Искренно, душевно благодарю васъ! Осчастливили, можно сказать, вскликнулъ, схвативъ руку Ашанина и принимаясь горячо мять ее въ толстыхъ пальцахъ своихъ, Акулинъ; — а Полонія я вамъ *выражу-съ*, смѣю думать, въ настоящемъ видѣ...

— Я хочу вашу тетушку повидать, сказала, вставая съ мѣста, княжна Гундурову и вышла изъ залы.

Молодой человѣкъ чуть не съ ненавистью глянулъ на отдувшіяся ланиты господина Акулина. „Это онъ заставилъ ее уйти“, не могъ онъ простить ему...

Исправникъ самъ замѣтилъ непріятное впечатлѣніе, произведенное имъ на дѣвушку, хотя еще менѣе, чѣмъ Гундуровъ, способенъ былъ объяснить себѣ *чѣмъ* именно.

Онъ отошелъ отъ нашихъ друзей и проковылялъ прежнимъ путемъ на противоположный конецъ залы, гдѣ, рядомъ съ княземъ Ларіономъ, сидѣла его дочь и щебетала не умолкая, заглядывая ему въ самые зрачки своими вызывающими глазами.

Остановившись отъ нихъ въ нѣсколькихъ шагахъ, господинъ Акулинъ принялся изподтишка слѣдить за всей этой продѣлкой съ наслажденіемъ настоящаго артиста, — какимъ онъ на самомъ дѣлѣ и былъ.

— *Лиза!* Гдѣ *Лиза?* раздалось со сцены.

— Я? отозвалась, вскакивая съ мѣста, Ольга Елпидифоровна,—увидала отца и направилась въ его сторону.

— Ну что, клюетъ? кинулъ онъ ей въ полголоса.

— Да вотъ, подите, попробуйте! И она прошла мимо, досадливо дернувъ плечемъ.

— А ты не плошай! наставлялъ ее достойный родитель.

— Намъ сейчасъ выходить будетъ! объявилъ, подбѣгая къ барышнѣ, Маусъ,—онъ игралъ въ *Синичкинѣ* роль *Борзикова*,—слѣдившій со сцены ревнивыми глазами за нею во все продолженіе ея разговора съ княземъ.

— Иду!...

Взбунтовавшихся *пулярокъ* успѣли тѣмъ временемъ укротить. Онѣ стояли опять на сценѣ въ позиціи, окружая Шигарева и хихикая въ-перегонку фиглярничаньямъ, которыя выдѣлывалъ онъ теперь съ сугубымъ усердіемъ, ради вящаго поощренія ихъ.

— Я вамъ связала ко-ше-лечекъ,

шептала „говоркомъ“ по совѣту Вальковскаго, и все-таки заикаясь отъ робости, *Надя*.

— Спасибо миленькій дружочекъ,

пѣлъ въ отвѣтъ ей Шѝгаревъ, сѣменя ножками и подбѣгая къ ней *пѣтушкомъ*.

— Вамъ пецышко связала я,

завизжала тономъ выше скрипки картавая *Варя*, приподымая чуть не къ самымъ волосамъ огромныя черныя брови.

— Спасибо, косецька моя!

сюсюкнулъ ей въ отвѣтъ графъ Зефировъ и обнялъ ее за талію.

— Ахъ, ахъ, что̀ это, какъ вы смѣете! визгнула она уже совсѣмъ неестественно.

— Я по пьесѣ, я *долженъ* васъ цѣловать; и васъ, и васъ, и васъ, всѣхъ долженъ перецѣловать!...

— Неправда, неправда, мы не позволимъ! заголосили онѣ опять всѣ.

— Это точно-съ, въ пьесѣ! заявилъ, кидаясь къ нимъ съ тетрадью режиссеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что̀! Мы лучше совсѣмъ пѣть не будемъ.

Новый, чреватый грозами, бунтъ цѣломудренныхъ *пулярокъ* усмиренъ былъ на этотъ разъ мудростью „образованной“ *окружной:* она согласила ихъ на томъ, что *Зефировъ*-Шѝгаревъ „долженъ только *faire semblant* ихъ цѣловать“, и что такимъ образомъ „*и ситуація* будетъ соблюдена, и *конвенансы* спасены“.

— А на представленіи я все же васъ *по-настоящему* чмокну, обѣщалъ имъ вполголоса Шѝгаревъ.

— А я васъ за это тогда тресну! обѣщала ему, въ свою очередь, Eulampe, самая рѣшительная изъ *пулярокъ*...

— Пойдемъ въ садъ покурить, сказалъ Гундурову Ашанинъ,—князь здѣсь, при дамахъ, не позволяетъ. Они сейчасъ кончатъ *Синичкина*, а затѣмъ наша репетиція: хорошо, что ты пріѣхалъ, а то мы хотѣли ужъ безъ тебя считку сдѣлать; время дорого...

— Но княжна ушла... съ нѣкоторымъ усиліемъ проговорилъ Гундуровъ.

— Придетъ! коротко отвѣтилъ красавецъ, направляясь къ дверямъ.

Они вышли въ садъ.

XII.

Гундуровъ втайнѣ надѣялся, что пріятель его непремѣнно начнетъ съ того, что перескажетъ ему свой разговоръ о немъ съ княжною. Но тотъ, къ его удивленію, не только не началъ съ этого, но какъ будто старался даже обходить все, что̀ касалось княжны въ томъ перечнѣ театральныхъ новостей, который онъ торопился теперь досказать ему. Нашему герою показалось даже, что Ашанинъ какъ бы избѣгалъ смотрѣть ему въ лицо, и что его обычный смѣхъ не звучалъ прежнею его искренностью. Что̀-то кольнуло въ сердце Гундурова. „Ужь не самъ-ли онъ?...“ зашевелилось—и не досказалось въ его встревоженной мысли. И онъ безпокойными глазами ловилъ эти, казалось ему, избѣгавшіе ихъ глаза Ашанина.

А тотъ дѣйствительно торопясь, какъ бы съ намѣреніемъ не давать Гундурову времени заговорить о чемъ-то другомъ, подробно передавалъ ему о костюмахъ для *Гамлета*, за которыми съ письмомъ отъ него и отъ Вальковскаго къ Петру Степанову *) посланъ былъ наканунѣ нарочный отъ княгини въ Москву.

— Прошлой зимою, когда дворъ былъ въ Москвѣ, объяснялъ Ашанинъ, — на ряженомъ балу́ у *графа* (тогдашняго главнаго начальника столицы,) была *Россія въ костюмахъ*, и *дворъ Елисаветы* изъ Вальтеръ-Скоттовскаго *Кенильворта*. Я вспомнилъ, что англійскіе костюмы почти всѣ теперь не-

*) Извѣстный тогда, весьма даровитый актеръ Малаго театра; онъ держалъ на Чистыхъ Прудахъ большой костюмерный магазинъ.

рѣшли къ Степанову; я ему такъ и написалъ, чтобы прислалъ *всѣ*, какіе только у него есть. Онъ, по дружбѣ, дастъ ихъ на прокатъ намъ за самую сходную цѣну; какъ разъ что̀ намъ нужно,—костюмы Шекспировскаго времени, именно такіе, въ какихъ, по всей вѣроятности, играли въ *Гамлетѣ* онъ и его товарищи, — свѣжіе, всего два раза надѣванные. Тамъ какъ разъ для тебя костюмъ есть старика *Суссекса* *), весь черный, бархатъ и атласъ. А я возьму костюмъ Четвертинскаго,—онъ *Лейчестера* **) изображалъ,—пунцовый съ бѣлымъ. Прелесть!... У Чижевскаго его синій съ золотомъ остался отъ бала, онъ не продавалъ его... Одѣты всѣ мы будемъ великолѣпно! Только вотъ не знаю, туша эта исправникъ, которому я сейчасъ *Полонія* отдалъ, найдется-ли для него что-нибудь по мѣркѣ? Въ трико-то онъ ужь, навѣрно, ни въ чье не влѣзетъ...

— Да роли всѣ-ли распредѣлены? спрашивалъ Гундуровъ, все продолжая ловить нырявшіе по сторонамъ глаза Ашанина.

— Всѣ, всѣ... придется, можетъ быть, какого нибудь *Волтиманда* или *Франческо* похѣрить, да и то найдутся и на нихъ. Вальковскій въ восторгѣ, — я ему *Розенкранца* далъ, *молодую роль!*... Могильщики будутъ у насъ превосходные, одного играетъ Посниковъ, — землемѣръ тутъ есть одинъ,—онъ мнѣ вчера роль читалъ, — талантъ, настоящій талантъ! Другаго — студентъ при князькѣ, Факирскій по фамиліи, не глупый малый и рьяный Жоржъ-Сандистъ...

— Это тотъ, неловко улыбаясь промолвилъ Гундуровъ,—что̀ изъ-за занавѣски княжну высматриваетъ?

— Можетъ быть... И кто же ему можетъ помѣшать! какъ-то нетерпѣливо повелъ плечами его пріятель.—Однако, словно спохватился онъ, кидая свою папироску,—мнѣ надо въ контору за ролями, актерамъ роздать...

— И только? такъ и вырвалось у Гундурова.

— Что̀ только? спросилъ тотъ, останавливаясь на-ходу.

— Отзвонилъ—и съ колокольни долой!... Тебѣ... тебѣ нечего болѣе передать мнѣ? робко договорилъ онъ.

---

*) Count Sussex,—Суссексъ, первый Министръ Елисаветы.

**) Dadley count of Leicester—Лейчестеръ, извѣстный фаворитъ ея.

— Ахъ, да! засмѣялся красавецъ, возвращаясь, — я тебѣ говорилъ про *Гертруду*, чего мнѣ стоило...

— Ну?

— Я вѣдь опять вляпался, Сережа!...

— Какъ такъ?

— Да такъ что... Ну, не хочетъ женщина, ни за что не соглашается играть! А я чую, вижу, что лучшей *Гертруды* намъ не сыскать!... Я ей и посвятилъ два дня, два цѣлыхъ дня посвятилъ ей исключительно... Вотъ, вчера это вечеромъ случилось, вздохнулъ Ашанинъ, — ночь была такая чудесная, вышелъ я послѣ ужина сюда, въ садъ погулять... Сѣлъ на скамью, соловьи такъ и заливаются, воздухъ нѣжитъ... Только слышу, чьи-то шаги скрипятъ по песку. Она, моя Надежда Ѳедоровна идетъ, прогуливаетъ свои обветшалыя красы... „Ахъ, ахъ, это вы?“—Ахъ, ахъ, это я! отвѣчаю ей въ тонъ... Гляжу, она и дрожитъ, и улыбается... Взялъ я ее подъ руку,—пошли. Я опять про *Гертруду*, внушительныя рѣчи ей держу: „что за ночь, за луна, когда друга я жду“, и такъ далѣе... А тутъ, на бѣду, бесѣдка,—зашли, сѣли... Вотъ она слушала меня, слушала, да вдругъ голову мнѣ на плечо, и такъ и залилась... А я, ты знаешь, женскихъ слезъ видѣть не могу... Ну и...

— Господи! даже вскрикнулъ Гундуровъ.

Московскій Донъ-Жуанъ комически вздохнулъ опять:

— Должно-быть на-роду ей уже такъ написано; любила она, говоритъ, впервой какого-то учителя; обѣщалъ онъ ей жениться, — надулъ, подлецъ! Она возьми да и отравись!... Да, самымъ настоящимъ манеромъ отравилась, — мышьяку хватила... „Пятнадцать лѣтъ, говоритъ, замаливала я этотъ грѣхъ... А теперь, говоритъ, я не снесу! Если ты, говоритъ, меня обманешь, для меня все кончено!...“ Помилуйте-скажите, вдругъ разгнѣванно вскликнулъ Ашанинъ,—да вѣдь я же ее непремѣнно обману, да вѣдь я же ни одной еще женщинѣ въ мірѣ не оставался вѣрнымъ! Помилуйте, да вѣдь это хуже, чѣмъ съ моею покойницей!...

— Ты ее съ толку сбилъ, несчастную, и на нее же сердишься! строго и озабоченно говорилъ Гундуровъ; — что ты будешь дѣлать теперь?

— Что̀ буду дѣлать? повторилъ тотъ; — ярмо надѣла она на меня, пока не отбудемъ спектакль,—вотъ бѣда! Такія натуры не шутятъ: пожалуй, въ самомъ дѣлѣ, съ-дуру въ воду кинется... Поневолѣ оглядываться приходится!... А тутъ какъ на смѣхъ, эта черноокая Акѵлина... Замѣтилъ ты ея глаза, а? Вѣдь мертваго поднять способны!... И какъ подумаю, что влѣзъ я въ эту штуку единственно изъ-за того, чтобы *Гамлетъ* нашъ не разстроился... между тѣмъ какъ...

И Ашанинъ, съ такимъ только-что легкомысліемъ относившійся къ судьбѣ бѣдной перезрѣлой дѣвы, имѣвшей несчастіе полюбить его, воззрился вдругъ теперь на пріятеля съ выраженіемъ какой-то глубокой тревоги о немъ въ большихъ, говорившихъ глазахъ...

А Гундуровъ, въ свою очередь, съ тою болѣзненною чуткостью, что̀, рядомъ со слѣпотою, дана въ удѣлъ влюбленнымъ, тотчасъ же понялъ, что̀ говорили эти глаза, и также испугался теперь, чтобы Ашанинъ не произнесъ имени княжны, какъ за минуту предъ тѣмъ страстно желалъ услышать изъ устъ его это имя.

— Что̀-же наша *считка*, поспѣшно заговорилъ онъ,—ты говорилъ, надо роли роздать?...

— Господа, васъ просятъ на сцену! въ то же время раздался за ними чей-то голосъ.

Это былъ тотъ студентъ, „Жоржъ-Сандистъ“, юноша лѣтъ двадцати, въ которомъ чуялъ себѣ соперника Гундуровъ. Скажемъ здѣсь кстати, что онъ смотрѣлъ прямымъ московскимъ студентомъ тѣхъ временъ: что̀-то заразъ открытое и вдумчивое, серьезное и мягкое въ пошибѣ, чертахъ, во взглядѣ большихъ карихъ глазъ, неряшливо падавшіе на лобъ волосы, и потертый уже на швахъ рукавовъ *новый* сюртукъ съ синимъ воротникомъ и форменными съ орлами пуговицами...

Онъ, съ своей стороны, не чуялъ, видимо, ничего похожаго на нерасположеніе къ себѣ въ нашемъ героѣ:

— Позвольте вамъ себя представить,—Факирскій, молвилъ онъ ему, подходя и кланяясь,—кланяясь даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ почтительности, — я также былъ филологъ, теперь на юридическій перешелъ, но вы меня вѣроятно не

помните; я былъ на первомъ курсѣ, когда вы кончали... Только я васъ очень уважаю! скороговоркой добавилъ онъ, какъ-то неловко отворачиваясь и въ тоже время протягивая свою руку Гундурову.

— Я вамъ очень благодаренъ, сказалъ тотъ, пожимая ее,— но не знаю, чѣмъ заслужилъ...

— Я вашу кандидатскую диссертацію имѣлъ случай прочесть, пояснилъ студентъ,—превосходная вещь-съ! Хотя я и не славистъ, а истинное наслажденіе мнѣ доставила. Ученость ученостью, а пріемъ у васъ такой... теплый... Тамъ, гдѣ вы это о братствѣ народовъ по поводу славянъ развиваете...

— То есть о племенной славянской связи, поправилъ улыбаясь Гундуровъ.

— Да-съ, да-съ, закивалъ головой Факирскій,—только это у васъ гораздо шире понимать слѣдуетъ... Я, по крайней мѣрѣ, такъ понялъ. Тутъ между строкъ прямо выясняется вашъ идеалъ: чтобы „народы, распри позабывъ“, — *всѣ* народы-съ, не одни славянскіе, — „въ великую семью соединились.“ Такъ говорилъ великій Пушкинъ со словъ великаго Мицкевича, такъ думаютъ въ наше время и всѣ великіе мыслители на Западѣ... И изъ вашей диссертаціи я понялъ, что вы именно проводите мысль объ этомъ братствѣ народовъ на началахъ свободы и равен...

— Конечно, если угодно вамъ такъ понимать... перебилъ его нашъ герой, который въ эту минуту всѣ народы и всѣхъ мыслителей Запада отдалъ бы за то, чтобъ отъ него поскорѣе отдѣлаться;—но вы, кажется, звали насъ на сцену?...

— Да-съ, тамъ князь и княжна просили всѣхъ участвующихъ въ *Гамлетѣ*... Да вотъ-съ уже прямо, искусство, ухватился опять студентъ за видимо любезную ему мысль,—вотъ-съ уже первая и неразрывная международная связь! Шекспиръ, возьмемте, развѣ онъ исключительно *англійскій*, а не общечеловѣческій поэтъ? Вѣдь онъ для Нѣмцевъ еще дороже и выше, чѣмъ для Англичанъ, а для насъ...

Но Гундуровъ уже не слушалъ его болѣе и, вслѣдъ за Ашанинымъ, направился въ театральную залу.

XIII.

Репетиція *Синичкина* отошла. На сценѣ не оставалось уже никого, кромѣ режиссера и Вальковскаго, отмѣчавшихъ по экземпляру *Гамлета* нужныя для драмы бутафорскія принадлежности. Участвовавшіе въ ней актеры разбирали свои роли, только-что принесенныя изъ домовой конторы. Въ залу зрителей набралось еще болѣе прежняго, но смѣха и говора слышно уже не было; на всѣхъ лицахъ ясно читалось нетерпѣніе, съ примѣсью какой-то торжественности, словно, дѣйствительно, готовилось, по выраженію Ашанина, „священнодѣйствіе“. Но, увы, долгъ правдиваго повѣствователя заставляетъ насъ признаться, что великій Шекспиръ былъ тутъ не при чемъ: общее любопытство относилось не къ *Гамлету*, а къ княжнѣ Линѣ, которая должна была принять въ немъ участіе,—о чемъ много было тогда рѣчей по окрестнымъ весямъ и селамъ. Мужчины, въ особенности пріѣзжіе Москвичи, готовы были заранѣе отвѣчать за ея талантъ; провинціальныя барыни и барышни, сжавъ губы сердечкомъ, ожидали, въ свою очередь, выхода „заграничнаго чуда“...

Въ переднихъ креслахъ возсѣдала сама хозяйка между неизбѣжнымъ Зяблинымъ и Софьей Ивановной. Княжна, стоя передъ ними со свернутою трубочкою ролью своею въ рукѣ, равнодушно улыбалась, отвѣчая на какія-то, очевидно любезныя рѣчи „бригадира“...

При видѣ тетки Гундурова передернуло; присутствіе ея его смущало. Для нея все *это*—„скоморошество“; онъ зналъ... онъ чувствовалъ, что она все *это* осуждаетъ, что ей „совѣстно“ за него...

— Сергѣй Михайловичъ, обратился къ нему тутъ же

князь Ларіонъ, сидѣвшій у столика, спиною къ сценѣ и перелистывавшій лежавшую передъ нимъ книгу, — согласны ли вы будете на нѣкоторыя купюры?

— На что именно? спросилъ, подходя, молодой человѣкъ, на котораго тотчасъ же и обратились глаза всей залы.

— Это требуетъ нѣкотораго изъясненія, заговорилъ князь своимъ изысканно изящнымъ тономъ,—и прежде всего прошу вѣрить въ глубокое мое уваженіе къ великому произведенію, которое мы взялись теперь исполнить. Я бы не рѣшился выкинуть изъ него ни іоты, если бы, во-первыхъ, это уже не было сдѣлано господиномъ Полевымъ,—князь, слегка скрививъ губы, кивнулъ на свою книгу,—а главное, еслибъ я не могъ сослаться на другой, посильнѣе этого, авторитетъ...

— На Гёте? улыбнулся Гундуровъ.

— Вы сказали! улыбнулся и князь, слегка наклонивъ голову;—благодаря вашей доброй затѣѣ, я въ эти два послѣдніе дня доставилъ себѣ наслажденіе перечесть самого *Гамлета*, и всѣ мѣста въ *Вильгельмѣ Мейстерѣ*, гдѣ о немъ идетъ рѣчь...

— Il est si savant, Larion, онъ *все знаетъ!* прислушавшись къ этимъ словамъ, сочла нужнымъ вздыхая сообщить княгиня Софьѣ Ивановнѣ.

— Très savant! бровью не моргнувъ, отвѣчала ей та.

— Вы помните, продолжалъ тѣмъ временемъ князь Ларіонъ, — что Гёте устами своего героя говоритъ о тѣхъ „внѣшнихъ, не истекающихъ изъ *внутреннихъ* отношеній лицъ и событій мотивахъ“ въ Гамлетѣ, къ которымъ онъ относитъ всю эту скучную исторію Фортинбраса, посольство къ его дядѣ, походъ его въ Польшу и возвращеніе... Вильгельмъ Мейстеръ признаетъ все это „ошибками“ Шекспира и предлагаетъ даже цѣлый планъ передѣлки драмы...

— Это совершенно такъ, возразилъ Гундуровъ.—Но этотъ предлагаемый Гёте планъ никогда никѣмъ исполненъ не былъ, и мнѣ кажется...

Онъ заикнулся, замѣтивъ какой-то, показалось ему, неодобрительный взглядъ княжны Лины: она незамѣтно подошла къ столику, за которымъ сидѣлъ дядя, и внимательно слушала...

И князь Ларіонъ замѣтилъ этотъ взглядъ.

— Прекрасно-съ, отрывисто проговорилъ онъ,—но надо сообразоваться со средствами нашего персонала, а—главное—съ публикой, понизилъ голосъ князь: — наскучитъ, зѣвать начнутъ... Я предлагаю исключить *Фортинбраса* и все, что до него относится... Первую сцену съ *Тѣнью* можно также вонъ; non bis in idem: о ней подробно докладываютъ *Гамлету Горацію* съ товарищами, и затѣмъ она повторяется при его участіи...

Новое движеніе княжны остановило возраженіе на устахъ Гундурова.

— И отлично будетъ, молвилъ подходя Ашанинъ, — начнемъ прямо съ выхода двора... Я воображаю заранѣе, какъ вы будете величественно возсѣдать на тронѣ? Онъ обернулся смѣясь къ Зяблину.

„Калабрскій бригантъ“ уныло усмѣхнулся и скромно потупилъ очи.

— C'est vrai, vous serez très bien en costume! поощрила его княгиня Аглая, устремивъ на него свои круглые глаза.

— Mon Dieu, шопотомъ проговорилъ онъ, осторожно наклоняясь къ ея плечу,—если бы только *вы*...

Онъ не досказалъ, но намѣреніе его дошло по адресу: княгиня подарила его снова поощрительно сладкимъ взглядомъ.

— А *Тѣнь*-то у насъ кто же играетъ? чуть не злобно обратился со сцены къ Ашанину Вальковскій, подходя къ рампѣ съ режиссеромъ.

— А то нѣтъ развѣ?

— Извѣстно нѣтъ, буркнулъ „фанатикъ,“—на то у тебя и дворянская голова, чтобы ею не думать никогда!

— А нѣту, такъ мы сейчасъ кличъ кликнемъ, беззаботно засмѣялся красавецъ.—Господа, обернулся онъ къ кресламъ:—кому угодно взять на себя роль *Тѣни отца Гамлета*? Она, какъ извѣстно, должна походить на свой портретъ *) и имѣть слѣдовательно:

„И Марса взоръ, и кудри Аполлона...“

*) Сцена *Гамлета* съ матерью. Дѣйствіе III.

Ему отвѣчали дружнымъ хохотомъ.

— Какъ разъ по васъ роль! молвила въ унисонъ этому смѣху Ольга Елпидифоровна сидѣвшему подлѣ нея на кончикѣ стула здоровому молодцу въ новенькомъ фракѣ, гладко причесанные височки котораго, подфабренные усы и вздрагивавшія плечи свидѣтельствовали съ перваго взгляда о его недавней принадлежности къ доблестнымъ рядамъ россійской арміи.

— Чего-съ? переспросилъ онъ, не понявъ, и выпрямился на своемъ стулѣ.

— Я говорю, вамъ надо предложить себя на роль *Тѣни отца Гамлета*.

— Вы полагаете-съ?...

— Еще бы! Кудрей у васъ, правда, нѣтъ, за то настоящій „Марса взоръ“.—Марсъ былъ богъ войны, вы знаете?

— Какже-съ, проходили еще въ корпусѣ!...

— Вотъ видите!... Ну, и наружность... и самая фамилія у васъ даже воинственная...

— Это дѣйствительно-съ, весело разсмѣялся и онъ:—Ранцовъ,—у каждаго рядоваго, извѣстно, *ранецъ* бываетъ... Что-же-съ, если только прикажете, я всегда... съ покорностью, примолвилъ онъ внезапно дрогнувшимъ голосомъ—и робко поднялъ на нее такъ же мгновенно загорѣвшіеся глаза.

Отставной капитанъ Ранцовъ,—еще недавно изъ бѣднаго пѣхотнаго офицера неожиданно превратившійся, вслѣдствіе смерти дальняго, невѣдомаго ему, родственника, въ помѣщика одного изъ лучшихъ по устройству имѣній въ уѣздѣ,—былъ уже годъ цѣлый страстно влюбленъ въ быстроглазую Ольгу Елпидифовну, жилъ изъ-за нея гораздо чаще въ городѣ, чѣмъ въ наслѣдованномъ имъ прекрасномъ помѣстьи, и находилъ средство вѣчно какъ изъ-подъ земли вырости вездѣ, гдѣ бы она ни находилась. Такъ и теперь, къ немалому ея удивленію, очутился онъ въ Сицкомъ, куда, вздѣвъ съ утра новый фракъ, являлся „съ первымъ визитомъ“ въ качествѣ „сосѣда“... Окончательнаго признанія бравый капитанъ „своему предмету“ дѣлать до сихъ поръ не рѣшался: бойкая барышня обращалась съ нимъ свысока, въ лицо глумилась надъ нимъ,

дѣлала изъ него чуть не шута. Онъ сносилъ ея насмѣшки и фырканья со смиреніемъ лягавой собаки, ниспадалъ въ прахъ предъ ея „умомъ и образованіемъ“ и, когда оставался „одинъ со своею мечтою“, вздыхалъ такъ громко, что вдова-купчиха, у которой онъ нанималъ квартиру въ городѣ, и до которой долетали его вздохи сквозь стѣну, каждый разъ вздрагивала и крестилась...

— Monsieur Ашанинъ, громко крикнула съ мѣста Ольга Елпидифоровна,—Владиміръ Петровичъ!...

Словно остріе шпаги сверкнули по направленію бойкой особы два глаза,—глаза Надежды Ѳедоровны, одиноко сидѣвшей въ дальнемъ углу, — и тревожно тутъ же перекинулись на красавца.

— Что прикажете? отозвался онъ на кликавшій его голосъ.

— Вотъ, извольте познакомиться: господинъ Ранцовъ, Никаноръ Ильичъ Ранцовъ! Онъ, по скромности своей, не рѣшается самъ сказать, но, какъ мнѣ извѣстно, сграетъ желаніемъ изобразить собою тѣнь *Гамлета*... папеньки *Гамлета* то-есть, поправилась барышня съ новымъ хохотомъ.

Бѣдный капитанъ вскочилъ на ноги и покраснѣлъ до самыхъ бровей:

— Помилуйте-съ, Ольга Елпидифоровна, залепеталъ онъ,— какъ же это мнѣ сграть-съ, когда я, можетъ быть, и вовсе не въ состояніи, а единственно изъ-за вашего желанія.

Барышня только покатывалась.

— Такъ роль прикажете считать за вами? оффиціальнымъ тономъ спросилъ Ашанинъ.

— Ну, разумѣется! отвѣчала за капитана все та же барышня.

Тотъ поклонился въ подтвержденіе.

— Значитъ, теперь, всѣ на лицо! обернулся Ашанинъ къ сценѣ.

Вальковскаго всего даже повело отъ злости. Онъ круто повернулъ на каблукахъ и ушелъ въ кулиссу, чуть не громко фыркая:

— Этакихъ капраловъ въ труппу набирать... Тьфу!...

— Такъ можно бы теперь записать, Владиміръ Петро-

вичъ? спросилъ режиссеръ,—предварительную афишечку составили бы?...

— Сдѣлайте милость!... Господа участвующіе въ *Гамлетѣ*, позвольте легкую перекличку!

Изъ креселъ поднялись, зашаркали...

Режиссеръ сталъ читать наскоро набросанную имъ афишу. Актеры отвѣчали съ мѣста: „я“, или „здѣсь“.

— *Тѣнь отца Гамлета*... Господинъ, господинъ... запамятовалъ режиссеръ.

— Ранцовъ, Никаноръ Ильичъ, герой Венгерскій! визгнула съ мѣста опять бойкая барышня.

— Помилуйте-съ, за что̀ конфузите! прошепталъ зардѣвшись еще разъ бѣдный капитанъ, — дѣйствительно получившій свой чинъ за отличіе въ прошлогоднюю Венгерскую кампанію.

Толстый исправникъ, безмолвно погруженный все время въ чтеніе своей роли *Полонія*, поднялъ голову и воззрился издали на дочь, какъ будто побить ее собирался:

— Дура! пропустилъ онъ про себя по ея адресу, — и снова погрузился въ *Полонія*.

— Господа, кто участвуетъ̀ въ первомъ выходѣ, не угодно ли на сцену! звалъ Ашанинъ;—*Клавдіо*, руку вашу Надеждѣ Ѳедоровнѣ, *Гамлетъ*, *Полоній*, *Лаертъ*, дворъ, — за ними. Пожалуйте!...

Проба началась.

XIV.

Съ перваго выступа *Полонія* на сцену, вслѣдъ за королевскою четою, оказалось, что толстый Елпидифоръ Акулинъ дѣйствительно „родился актеромъ“. Онъ былъ изъ тѣхъ нервныхъ исполнителей, которые *сказываются* съ первой репетиціи, которыхъ съ первой же минуты охватываетъ и уноситъ горячая волна лицедѣйства. Онъ еще не зналъ слова изъ своей роли и прищуренными глазами пробѣгалъ ее по высоко-приподнятой къ лицу тетрадкѣ, но онъ *игралъ* уже каждымъ фибромъ этого лица, каждымъ движеніемъ своего громоздкаго, но удивительно поворотливаго туловища. Онъ былъ комиченъ съ головы до ногъ, но ни тѣни буфонства не было въ этомъ комизмѣ. Старый, преданный и *убѣжденный* царедворецъ, взросшій и искушенный въ дворскихъ обычаяхъ и передѣлкахъ, — петербургскія воспоминанія, очевидно, помогали отставному гвардейцу, — суетливый и осторожный, простодушно-лукавый и лукаво-простоватый, пустой болтунъ, глубоко-вѣрующій въ непогрѣшимость своей дюжинной морали и придворной своей тонкости, тонкій на столько, чтобы всегда быть мнѣнія сильнаго и не замѣчать, когда этотъ сильный дѣлаетъ изъ него шута, полуплутъ и полудобрякъ,— такимъ уже ясно, понятно для каждаго, обрисовывался *Полоній* въ исполненіи Акулина. Онъ сразу завоевалъ себѣ „сочувствіе публики“: при каждомъ его появленіи слышался смѣхъ, возгласы одобренія... Восторгу Вальковскаго не было конца: онъ замеръ за кулисою, прислушиваясь и хрустя пальцами до боли, — и не выдержалъ наконецъ, кинулся къ

исправнику (съ которымъ даже знакомъ не былъ), схватилъ его за плечи:

— Ну, и чортъ тебя возьми, какъ хорошъ! прохрипѣлъ онъ задыхающимся голосомъ,—и поцѣловалъ его въ самыя губы...

Какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, *игра* Акулина *подняла* всѣхъ остальныхъ актеровъ. Камертонъ былъ данъ. Самолюбіе каждаго изъ участвующихъ было возбуждено: въ чаяніи *такого* исполненія относиться къ своей роли спустя рукава становилось невозможнымъ. Оживленіе стало всеобщимъ; то, что предполагалось быть простою, первою *считкою*, вышло настоящею репетиціею; актеры становились въ позы, читали съ жестами, старались *давать настоящій тонъ*...

— Гляди-ко, какъ ихъ всѣхъ поддуваетъ! говорилъ, потирая себѣ руку, „фанатикъ“ исправнику, съ которымъ съ перваго разу сталъ на *ты*.

Для такихъ опытныхъ театраловъ-любителей, какими были онъ и Ашанинъ, успѣхъ *Гамлета* въ Сицкомъ былъ съ этой первой репетиціи обезпеченъ.

Одинъ, сначала, Гундуровъ не чувствовалъ „приближенія бога“. Присутствіе Софьи Ивановны леденило его. Она это понимала и старалась не глядѣть на него, поддерживая разговоръ съ словоохотливою сосѣдкой,—но это еще болѣе его смущало. Онъ читалъ вяло, запинался,—чувствовалъ это и безконечно досадовалъ на себя,—но не былъ въ состояніи встряхнуться. Его сбивалъ къ тому же незнакомый ему текстъ Полеваго, по которому онъ долженъ былъ говорить роль, между тѣмъ какъ вся она сидѣла у него въ памяти по Кронеберговскому переводу...

Такъ продолжалось до перваго выхода *Офеліи*. Княжна въ этотъ день была въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ, и, когда она, объ руку съ Чижевскимъ—*Лаертомъ*, выступивъ изъ темной глубины сцены, подошла къ рампѣ, горячій свѣтъ солнца обвилъ, какъ вѣнцомъ, ея золотистые волосы. Обаятельная прелесть ея лебединой красоты какъ бы впервые открывалась всѣмъ въ это мгновеніе. Въ залѣ заахали; „какъ изящна!“ громко вскликнула *образованная окружная*...

Она успѣла уже выучить роль и отвѣчала наизусть на прощальныя наставленія *Лаерта:*

— А о Гамлѣтѣ и его любви
Забудь,

говорилъ ей братъ,

„Повѣрь, что это все мечта,
Игрушка дѣтская, цвѣтокъ весенній,
Который пропадетъ какъ тѣнь,
Не болѣе.—
— Не болѣе?“

повторила Офелія, поднявъ глаза, и такъ искренно сказалось это ею,—сказалась тревога, и молодая грусть, и неизсякаемое упованіе въ эту „мечту“, въ этотъ „цвѣтокъ весенній“,—что ей невольнымъ взрывомъ откликнулись со всѣхъ сторонъ рукоплесканія... А полный той же грусти и тревоги взглядъ княжны, скользнувъ по *Лаерту,* пробѣжалъ далѣе, остановился на мигъ на внимавшемъ ей въ кулисѣ Гундуровѣ и— потухъ... Сердце ходуномъ заходило у молодаго человѣка. „Нѣтъ, не можетъ быть! Этотъ взглядъ! Это случайность, случайность одна!“ спѣшилъ онъ отогнать отъ себя обольстительный помыселъ... А въ то же время онъ весь замиралъ отъ неизъяснимаго блаженства и слушалъ, — слушалъ, упиваясь звуками ея тихаго голоса:

— „Онъ о любви мнѣ говорилъ,

печально признавалась отцу Офелія,

— Но такъ былъ нѣженъ, такъ почтителенъ и робокъ!...“

И неотразимо лились ему въ грудь эти слова... *Онъ* былъ Гамлетъ,—о *немъ* говорила *Офелія!...*

Не онъ одинъ внималъ ей съ этимъ трепетомъ, съ этимъ замираніемъ. Повернувшись бокомъ къ зрителямъ, опершись локтемъ о стоявшій подлѣ него столикъ, безмолвно и недвижно сидѣлъ князь Ларіонъ, прикрывъ лицо свое рукою. Онъ видимо избѣгалъ докучныхъ взглядовъ, но зоркій глазъ исправника Акулина разглядѣлъ со сцены, какъ слегка дро-

жали длинные пальцы этой руки, а сквозь нихъ пылали устремленные на княжну неотступные зрачки...

Все смущеніе теперь соскочило съ Гундурова; сильною, вѣрною, полною живыхъ драматическихъ оттѣнковъ, интонаціею повелъ онъ слѣдующую за тѣмъ сцену свою съ *Тьнью*, не смотря на то, что эта бѣдная *Тьнь* устами храбраго капитана Ранцова читала такимъ дубоватымъ и могильнымъ голосомъ, будто не для того являлась она на землю, чтобъ возбудить сына ко мщенію, а за тѣмъ, чтобы прочесть надъ нимъ отходную. Храбрый капитанъ ужасно старался и чѣмъ болѣе старался, тѣмъ хуже выходило; онъ не дочитывалъ, пропускалъ цѣлые стихи, обрывалъ на полусловѣ, кашлялъ и сморкался,—все это къ невыразимому негодованію Вальковскаго и къ немалой потѣхѣ бойкой барышни, помиравшей на своемъ диванчикѣ, безо всякой жалости къ своему пламенному обожателю. Она смѣялась впрочемъ не столько потому, что ей было смѣшно, сколько для того, чтобы приковывать вниманіе Ашанина, который, въ свою очередь, пожиралъ ее украдкою со сцены. Вся эта игра, какъ ни былъ остороженъ нашъ Донъ-Жуанъ, не ускользала отъ ревнивыхъ взоровъ Надежды Ѳедоровны. Цѣлый адъ кипѣлъ въ душѣ бѣдной дѣвы... На минуту очутились они вдвоемъ за кулисами:

— Скажи мнѣ, вскинулась она вдругъ, схватывая его за руку, — скажи хотя разъ въ жизни правду: любишь-ли ты меня, или съ твоей стороны *все это* было обманъ, одинъ обманъ?...

— Прочь, мой другъ, слова!
Къ чему клятвы, обѣщанья?

пропѣлъ онъ ей на это въ отвѣтъ словами романса Глинки, глядя ей прямо въ лицо и освобождая свою руку.

— Безъ шутовства, прошу васъ! блѣднѣя и дрожа, заговорила она опять;—отвѣчайте, вы меня затѣмъ лишь погубили, чтобы кинуть меня къ ногамъ этой презрѣнной дѣвчонки?

— Прекрасный другъ мой, комически вздохнулъ красавецъ,—послѣ пьянства запоемъ я не знаю порока хуже ревности!

Слезы брызнули изъ глазъ перезрѣлой дѣвицы:

— О, это ужасно! всхлипнула она, едва сдерживая истерическое рыданіе...

— Да, ужасно! повторилъ внутренно Ашанинъ,—и чортъ меня дернулъ!...

Репетиція шла своимъ чередомъ. Пройдены были два первые акта. Гундуровъ сознавалъ себя все болѣе и болѣе хозяиномъ своей роли. Монологи свои онъ читалъ наизусть, по заученному имъ тексту; его молодой, гибкій голосъ послушно передавалъ безконечные извивы, переходы и противорѣчія, по которымъ, какъ корабль межъ коралловыхъ острововъ, бѣжитъ Гамлетовская мысль. Ему уже жадно внимали слушатели; князь Ларіонъ покачивалъ одобрительно головою; сама Софья Ивановна пріосанилась и не отводила болѣе отъ него глазъ. Всѣми чувствовалось, что онъ давно освоился съ этою передаваемою имъ мыслью, съ этихъ своеобразнымъ языкомъ, что онъ вдумался въ эту скорбную иронію, прикрывающую какъ блестящимъ щитомъ глубокую язву внутренней немощи... Но самъ онъ въ эту минуту исполненъ былъ ощущеній, такъ далеко не ладившихъ съ безысходнымъ отчаяніемъ Датскаго принца!... Княжна была тутъ, онъ чувствовалъ на себѣ взглядъ ея, она внимала ему какъ другіе, — болѣе чѣмъ другіе, сказывалось въ тайникѣ его души... И, помимо его воли, прорывались у него въ голосѣ звенящія ноты, и не разъ не тоскою безмѣрной, а торжествующимъ чувствомъ звучала въ его устахъ иронія Гамлета...

— Не забудьте классическаго опредѣленія характера, который вы изображаете, замѣтилъ ему князь Ларіонъ послѣ монолога, слѣдующаго за сценой съ актерами:—„въ драгоцѣнный сосудъ, созданный быть вмѣстилищемъ однихъ лишь нѣжныхъ цвѣтовъ, посажено дубовое дерево; корни его раздаются,—сосудъ разбитъ“ *). У васъ слишкомъ много *силы;* при такой энергіи, усмѣхнулся князь, вы бы, не задумавшись, тутъ же зарѣзали господина Зяблина, если бы онъ имѣлъ

*) Wilhelm Meisters Lehrjahre. Dreizehntes Capitel.

несчастіе быть вашимъ отчимомъ; а вотъ на это-то именно *Гамлетъ* не способенъ...

Гундуровъ только склонилъ голову; князь былъ тысячу разъ правъ, и самъ онъ это зналъ точно такъ же хорошо, какъ князь... Но гдѣ же взять ему было безсилія, когда въ глазахъ его еще горѣло отраженіе *того* взгляда тѣхъ лазоревыхъ глазъ?...

— Ne vous offensez pas, успокоивала тѣмъ временемъ Зяблина княгиня Аглая Константиновна, — il plaisante toujours comme cela, Larion!

— У васъ сейчасъ, кажется, будетъ сцена съ *Офеліею*, какъ бы вспомнилъ князь Ларіонъ; — тамъ есть нѣкоторыя... *неудобныя* мѣста... Ее надо было бы предварительно почистить...

— Я хотѣлъ только-что напомнить вамъ объ этомъ, сказалъ Гундуровъ,—и покраснѣлъ до самыхъ ушей.

Лицо князя словно передернуло...

— Oui, oui, Larion, залепетала, услышавъ, княгиня Аглая,—je vous prie qu'il n'y ait rien de scabreux!...

— Господа, обратился онъ къ сценѣ, — я предлагаю отложить продолженіе вашей пробы до вечера. Во всякомъ случаѣ, до обѣда не далеко, кончить не успѣли бы. — Пройдемъ ко мнѣ, Сергѣй Михайловичъ!

Нашъ герой послѣдовалъ за нимъ съ Ашанинымъ.

XV.

Was ist der langen Rede kurzer Sinn?

Князь Ларіонъ Васильевичъ занималъ въ Сицкомъ бывшіе покои своего покойнаго отца. Это былъ цѣлый рядъ комнатъ, омеблированныхъ въ началѣ нынѣшняго вѣка, во вкусѣ того времени, и съ того времени остававшихся нетронутыми. Длинноватые размѣры и узкія очертанія столовъ, консолей и диванова на ножкахъ въ видѣ львиныхъ лапъ, золоченые сфинксы и орлы полукруглыхъ креселъ въ подражаніе консульскимъ сѣдалищамъ древняго Рима, вычурныя вырѣзки тяжелыхъ штофныхъ занавѣсей съ бахрамою изъ перебранныхъ золотымъ снуркомъ и синелью продолговатыхъ витушекъ, чернобронзовыя туловища, поддерживающія на головахъ изогнутые рукава свѣтлыхъ канделябръ,—все это невольно приводило на память походъ Бонапарта въ Египетъ, нагихъ гладіаторовъ и Ахиллесовъ академиста Давида, Тальму въ Корнелевомъ Циннѣ и пардмъ Тильзитскаго свиданія въ описаніи Дениса Давыдова... Ото всего этого вѣяло чѣмъ-то сухимъ, но важнымъ,—поблеклымъ, но внушительнымъ. Кабинетомъ служила огромнаа библіотека въ два свѣта, въ которой собрана была цѣнная наслѣдственная движимость Шастуновыхъ, доставшаяся лично князю Ларіону по раздѣлу съ братомъ. Тутъ, между старинными рѣзными баютами и шкафами чернаго дуба, полными рѣдкихъ, дорогихъ изданій, висѣлъ большой портретъ стараго князя на боевомъ конѣ, въ генералъ-аншефскомъ мундирѣ, со шпагою въ рукѣ и Андреевскою лентой, волнующеюся по бѣлому камзолу. Рядомъ съ

нимъ, глядѣли изъ почернѣлыхъ рамъ товарищи его по Ларгѣ и Италіянской кампаніи: Румянцевъ, Суворовъ, Кутузовъ, Багратіонъ... Мраморный Потемкинъ, красивый и надменный, стоялъ на высокомъ цоколѣ изъ чернаго дерева, на которомъ, въ вѣнкѣ изъ серебряныхъ лавровъ, читались, начертанные такими же серебряными буквами, два извѣстные стиха Державина:

Се ты-ли счастья, славы сынъ.
Великолѣпный князь Тавриды?

—а на противоположной стѣнѣ сама „Великая жена", въ фижмахъ, на высокихъ каблукахъ, съ брильянтовымъ орденомъ на лѣвомъ плечѣ, писанная Лампи, улыбалась съ полотна своего очаровательною улыбкой.... Нѣсколько картинъ миѳологическаго содержанія опускались надъ карнизами библіотеки. Копія съ *Психеи* Кановы, дѣланная имъ самимъ, отражалась въ зеркалѣ на яшмовомъ каминѣ. На глянцовыхъ доскахъ столовъ тончайшей флорентійской мозаики разставлена была цѣлая коллекція фамильныхъ женскихъ портретовъ,—прелестныя акварели на кости, работы Изабея и Петитѳ, темноокія красавицы въ высокихъ пудреныхъ прическахъ à la jardinière, или съ разсыпанными, à la Récamier, кудрями по обнаженной груди и плечамъ...

Глаза Ашанина такъ и разбѣжались на роскошныхъ нимфъ и Кипридъ, словно возрадовавшихся ему со стѣнъ, какъ своему человѣку, едва вошли они вслѣдъ за хозяиномъ въ его покои...

— Ваше сіятельство, засмѣялся онъ,—это навѣрное вамъ писалъ Пушкинъ:

„Книгохранилище, кумиры и картины"

И *прочее тутъ все*, прибавилъ отъ себя Ашанинъ, обводя кругомъ рукою,—

„Свидѣтельствуютъ мнѣ,
Что благосклонствуешь ты музамъ въ тишинѣ!"

— Къ сожалѣнію, не мнѣ, улыбнулся и князь;—а музамъ, не скрываю, служилъ и я когда-то... Время наше было

таково,—я старый Арзамасецъ!... Гдѣ бы намъ удобнѣе усѣсться, господа? спросилъ онъ, окидывая взглядомъ кругомъ.

— Да не прикажете-ли вотъ тутъ? указалъ Ашанинъ на большой, покрытый до-полу сукномъ рабочій столъ князя, приставленный къ одному изъ оконъ и уложенный портфелями и кипами всякаго печатнаго и писаннаго матеріала,—тамъ, кажется, все, что̀ намъ нужно, карандаши, бумага...

Онъ не договорилъ: и въ синей бархатной рамѣ большой, очевидно, женскій, акварельный портретъ,—на который ужасно манило его взглянуть поближе.

— Пожалуй! съ видимою неохотою согласился князь, направляясь къ столу.

— Княжна! вскликнулъ Ашанинъ, подойдя;—какъ хорошъ, и какое удивительное сходство! Это вѣрно въ Римѣ дѣлано?

Гундуровъ не смѣлъ поднять глазъ...

— Въ Римѣ! отвѣчалъ князь Ларіонъ тономъ, явно не допускавшимъ продолженія разговора объ этомъ... Онъ усѣлся на свое плетеное кресло передъ столомъ.—И такъ, господа...

Они принялись „*очищать Гамлета*—ad usum Delphini“, съ несовсѣмъ искреннею насмѣшливостью говорилъ князь. Но Гундуровъ оказался здѣсь еще болѣе строгимъ, чѣмъ онъ самъ: онъ урѣзалъ въ своей роли всѣ слова, всѣ намеки, которыми Гамлетъ въ уныломъ разочарованіи оскорбляетъ чистоту *Офеліи*. Въ первомъ разговорѣ его съ нею выкинуты были двусмысленныя его рѣчи о несовмѣстимости женской красоты съ „*добродѣтелью*“ (слово—неправильно передающее въ русскихъ переводахъ англійское *honesty*). Въ сценѣ *театра* герой нашъ безжалостно пожертвовалъ традиціонною, со временъ Гаррика, и эффектнѣйшею для актера, позою *Гамлета*, который слушаетъ представленіе, откинувшись затылкомъ на колѣни *Офеліи*. Положено было, что вмѣсто словъ, „могу ли прикоснуться къ вашимъ колѣнямъ?“ *Гамлетъ* скажетъ: „позволите-ли мнѣ прилечь къ вашимъ ногамъ“, и, вслѣдъ за ея согласіемъ, тотчасъ же перейдетъ къ репликѣ: „и какое наслажденіе покоиться у ногъ прелестной дѣвушки!“ и усядется, какъ указано въ драмѣ, у ея ногъ,

но не прямо передъ нею, а нѣсколько сбоку,—такъ, какъ онъ представленъ на соотвѣтствующемъ рисункѣ въ извѣстномъ *Гамлетовскомъ* альбомѣ *Ретча*. Такимъ порядкомъ, употребляя выраженіе *образованной окружной*, „и ситуація была соблюдена, и конвенансы спасены...“ Князь Ларіонъ, знакомый съ *Гамлетомъ* только по англійскому тексту, напомнилъ было о пѣсни про *Валентиновъ день*, которую поетъ въ безуміи своемъ *Офелія*,—но выходило, что въ передѣлкѣ Полеваго изъ пѣсни этой изъятъ былъ тотъ „скабрезный“ смыслъ, какой она имѣетъ у Шекспира, и, благодаря хорошенькой музыкѣ Варламова, она пѣлась въ то время россійскими дѣвицами во всѣхъ углахъ государства:

„Милый другъ, съ разсвѣтомъ яснымъ
Я пришла къ тебѣ тайкомъ.
Валентиномъ будь прекраснымъ,
Выглянь,—здѣсь я, подъ окномъ!
Онъ поспѣшно одѣвался,
Тихо двери растворилъ,
Быть ей вѣрнымъ страшно клялся,
Обманулъ и разлюбилъ!“ и т. д.

Покончивъ съ этимъ,—Ашанинъ отмѣчалъ на режиссерскомъ экземплярѣ урѣзанныя ими мѣста,—собесѣдники на мигъ замолкли. Князь слегка откатилъ свое плетеное кресло отъ стола и повернулся всѣмъ лицомъ къ Гундурову:

— Къ дѣлу отъ бездѣлья, началъ онъ неожиданно, очевидно, наладивъ свои уста на улыбку;—что вы думаете изъ себя дѣлать теперь, Сергѣй Михайловичъ?

Какъ потокомъ холодной воды обдало Гундурова. Изъ міра золотыхъ сновъ его сразу опрокидывало въ самую неприглядную дѣйствительность. Онъ остался безъ отвѣта.

— Смѣю надѣяться, продолжалъ князь Ларіонъ съ тою же дѣланною улыбкой,—что вы не почтете мой вопросъ за нескромное любопытство. Я зналъ еще вашего покойнаго батюшку,—и очень цѣнилъ его... Старыя отношенія нашихъ семей... наконецъ мои годы,—я вамъ чуть не дѣдомъ могъ бы быть,—все это, если не даетъ мнѣ правъ, то въ нѣкоторой мѣрѣ можетъ служить мнѣ извиненіемъ. Къ тому же

сегодня, изъ нѣсколькихъ словъ, которыми я успѣлъ обмѣняться съ Софьей Ивановной, я могъ предположить, что она очень о васъ безпокоится...

Онъ пріостановился. Гундуровъ сосредоточенно внималъ ему... Еще внимательнѣе слушалъ Ашанинъ.

— Я самъ не знаю, что̀ мнѣ предпринять! сжавъ брови, проговорилъ наконецъ герой.

— Я думалъ о васъ эти дни, заговорилъ снова князь.— Когда я, въ тотъ разъ, имѣлъ удовольствіе бесѣдовать съ вами, я вамъ говорилъ: терпѣніе и душевная бодрость!... Сегодня повторяю вамъ то же. Теперешнее...—онъ искалъ слово,—теперешнее... *теченіе* должно наконецъ измѣниться... такъ или инако... Ненормальныя положенія долго не длятся, словно проглотилъ онъ.—Но не въ этомъ дѣло. Прося о заграничномъ паспортѣ въ той формѣ, въ какой вы это сдѣлали, вы поступили, какъ неопытный юноша, обратили на себя вниманіе, когда теперь у насъ только тому и жить можно, кто проходитъ не замѣченнымъ. Дѣло вашей профессуры можетъ отъ этого пострадать, я отъ васъ не скрою... Все это однако дѣло поправимое. Мнѣ не нужно вамъ говорить, что я и... отношенія мои въ Петербургѣ къ вашимъ услугамъ съ этой же минуты... Но я прямо вамъ говорю, что ранѣе года возобновить дѣло о вашей поѣздкѣ за границу и думать нельзя...

— Если бы еще черезъ годъ! вскликнулъ Гундуровъ.

— Вы имѣете для этого, по-моему, въ рукахъ вѣрное средство.

— Я? какое? съ изумленіемъ спросилъ тотъ.

— Отправляйтесь, не медля, путешествовать по Россіи!

Ашанинъ закусилъ себѣ губы до боли. Пріятель его растерянно поглядѣлъ на князя:

— По Россіи? могъ только повторить онъ.

— Точно такъ-съ! Формально повинуясь резолюціи, воспослѣдовавшей на вашей просьбѣ; тамъ—какъ бишь было сказано: „изучать славянскій бытъ можно отъ Москвы и до Камчатки?...“ До Камчатки доѣзжать вамъ, разумѣется, не для чего, усмѣхнулся князь Ларіонъ,—а побывать на Уралѣ, въ Оренбургскомъ краѣ и на Кавказѣ, увѣряю васъ, принесло

бы вамъ столько же удовольствія, сколько и пользы. А черезъ годъ,—я берусь за это,—о васъ будетъ сдѣлано представленіе, въ которомъ пропишется, что вотъ вы, съ покорностью пріемля сдѣланное вамъ указаніе, совершили этнографическую поѣздку по Россіи, а теперь прòситесь, для той же цѣли, въ славянскія земли... И повѣрьте моей старой опытности,—это будетъ очень хорошо принято, и васъ не только отпустятъ, но будутъ имѣть въ виду какъ молодаго человѣка *благонадежнаго*...

— Конечно, это можетъ быть, бормоталъ Гундуровъ, не успѣвъ еще собрать свои мысли,—но ѣхать такъ, безъ опредѣленной цѣли... У меня есть спеціальность...

— Спеціальность ваша остается при васъ, возразилъ ему князь, и еще разъ дѣланная улыбка зазмѣилась вдоль его длинныхъ губъ;—но позвольте одно замѣчаніе: вамъ двадцать-три года, вы носите старинную фамилію, у васъ хорошее состояніе; — думаете-ли вы отдать всю вашу жизнь этой вашей спеціальности?

— Почему же нѣтъ?

— Просто потому, что это, я полагаю, васъ удовлетворить не можетъ,—да еще потому, что не таковъ еще у насъ общій уровень просвѣщенія, чтобы вообще наука могла быть у насъ для человѣка тѣмъ, что̀ называютъ карьерой. И въ Германіи Савиньи и Бунзены мѣняли свои каѳедры на министерскія кресла; а въ Россіи подавно для молодыхъ людей, какъ вы, каѳедра можетъ быть только ступенью...

— Я не честолюбивъ, сказалъ сухо Гундуровъ, — и на министерское кресло не претендую.

— Прекрасно-съ, — и губы князя словно судорожно повело, — вы не честолюбивы, вы единственно желаете быть профессоромъ; но профессуры вамъ пока не даютъ, и вы можете получить ее лишь при извѣстной разстановкѣ шашекъ, которую я имѣлъ сейчасъ честь представить вамъ, но пользу которой, какъ кажется, вы не совсѣмъ признаѣте. Затѣмъ, любезнѣйшій Сергѣй Михайловичъ, примолвилъ онъ, видимо сдерживаясь,—я позволю себѣ спросить васъ: что̀ же предстоитъ вамъ теперь въ Москвѣ, какая дѣятельность, ка-

кіе живые интересы? Ваши книги, „спеціальность“ ваша, какъ вы говорите; — чудесно! Спеціальность эта, кстати замѣтить, имѣетъ, такъ сказать, два фаса: съ одной стороны, тò, чтò у васъ называется „славянская наука“; съ другой—политическаго рода стремленія, которыя разумѣются теперь подъ именемъ *славянскаго вопроса*. Тамъ, гдѣ все это имѣетъ положительное, разумное значеніе,—въ славянскихъ земляхъ, въ Прагѣ,—на первомъ планѣ стоитъ, разумѣется, послѣднее, а не первое. Сама эта „славянская наука“—послѣдствіе пробудившагося тамъ національнаго самосознанія, а не наоборотъ... Вы русскій, имѣющій корни въ русской землѣ, а не на берегахъ Валдавы... Тò, чтò тамъ — живая дѣйствительность, для васъ — насилованная фантазія и дилеттантизмъ!... И мечтаете-то вы всѣ здѣсь по этому поводу вовсе не о томъ, о чемъ *они тамъ* мечтаютъ!...

Онъ говорилъ спѣшно, отрывисто, нѣсколько желчно и только изрѣдка взглядывая на своего собесѣдника:

— Стихи Алексѣя Степановича *) прелестны, и самъ онъ замѣчательно умный человѣкъ, съ которымъ я имѣлъ случай довольно часто бесѣдовать нынѣшнею зимой... Но вѣдь все это — одна поэзія, къ несчастію!... Славянское *единство!* Кто его хочетъ въ дѣйствительности?... Какъ у насъ на это глядятъ *сверху*, лучшимъ отвѣтомъ можетъ вамъ послужить резолюція на вашемъ прошеніи... А *они тамъ*, я полагаю, „на яркій свѣтъ“ *нашей* „свободы“ **) не согласятся промѣнять свои, даже австрійскіе, порядки! снова точно проглотилъ князь и, нахмурясь, отвернулся къ окну, какъ бы недовольный собою...

— Я не могу съ вами согласиться, началъ было возражать Гундуровъ, — славянское единство, это все будущее наше!...

---

*) Хомяковъ.

**) О, вспомни ихъ, орелъ полночи,
Пошли имъ звонкій свой привѣтъ,
Да ихъ утѣшитъ въ мрачной ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ.
Сѣверный орелъ. Стихотв. Хомякова.

— Виноватъ-съ, прервалъ его князь,—объ этомъ мы когда нибудь съ вами въ другой разъ... Я совершенно напрасно уклонился въ сторону... Мы говорили о васъ, о томъ, что васъ ожидаетъ. Я хотѣлъ только сказать, что для васъ, какъ для русскаго, отпадаетъ самая интересная, живая сторона вашей „спеціальности“. Остаются вамъ, слѣдовательно, — не совсѣмъ естественно засмѣялся князь Ларіонъ, — *Любушинъ Судъ* и историческіе памятники Святаго Вячеслава... Воля ваша, этимъ нельзя наполнить жизнь въ ваши лѣта? Что же-съ затѣмъ, въ теперешнемъ положеніи вашемъ, дастъ вамъ Москва? Что вы будете дѣлать? Изнывать въ безполезныхъ сѣтованіяхъ въ тѣсномъ кружкѣ друзей, слушать каждый вечеръ все ту же болтовню московскихъ умницъ, играть въ *дѣтской* въ Англійскомъ клубѣ?... Не думаете же вы, я полагаю, съ новымъ смѣхомъ примолвилъ онъ,—*обзавестись своимъ домкомъ* отъ скуки, жениться, какъ женятся въ Москвѣ, въ 23 года отъ роду, не создавъ себѣ положенія, ничего еще не сдѣлавъ ни для общества, ни для себя самого?...

И старый дипломатъ временъ Вѣнскаго конгресса—словно только и ждалъ онъ этой минуты,—остановилъ теперь на молодомъ человѣкѣ долгій, пристальный взглядъ.

— Вотъ онъ, „длинной рѣчи краткій смыслъ!“ проговорилъ внутренно Ашанинъ и, въ свою очередь, съ безпокойствомъ воззрился въ лицо пріятелю.

Но ни онъ, ни князь не прочли на немъ того, чего ожидали. Гундурокъ не понялъ; — пойми онъ, его молодое самолюбіе разразилось бы, вѣроятно, какимъ нибудь горячимъ, неосторожнымъ отвѣтомъ... Но развѣ онъ думалъ о „женитьбѣ,“ развѣ у него были какіе нибудь планы, какая нибудь опредѣленная мысль? „Ловкій подходъ“ князя, какъ говорилъ себѣ въ эту минуту Ашанинъ, прошелъ мимо, даже незамѣченный нашимъ героемъ. Въ прослушанныхъ имъ рѣчахъ для Гундурова звучало лишь отраженіе мнѣній и доводовъ его тетки, съ которою, надо быть, объяснялъ онъ себѣ, князь говорилъ о немъ, пока они съ Ашанинымъ курили въ саду... Никакихъ личныхъ намѣреній онъ со стороны князя не предполагалъ,—да и что онъ могъ предполагать? Князь говорилъ

дѣло, — кромѣ развѣ о „славянскомъ вопросѣ“, который онъ „разумѣлъ по-Меттерниховски“, на что у Гундурова и были готовы возраженія „на будущій разъ“. А затѣмъ то, какъ предлагалъ князь „разставить шашки“, чтобы устроить на будущій годъ его поѣздку за границу, даже очень понравилось Гундурову... Только „не теперь, не теперь, и поскорѣе кончить съ этимъ разговоромъ!“ внутренно восклицалъ онъ...

— Князь, сказалъ онъ громко, — я поставленъ теперь въ такое положеніе, что мнѣ, дѣйствительно, кажется, ничего болѣе не остается, какъ послѣдовать вашему совѣту. Я переговорю съ тетушкою, и она, вѣроятно, ничего не будетъ имѣть противъ такого моего путешествія... А на будущій годъ позвольте ужь мнѣ серьезно разсчитывать на ваше содѣйствіе?...

Морщины разомъ сгладились съ чела князя Ларіона. Онъ всталъ и протянулъ руку Гундурову.

— Я вамъ отъ души добра желаю, Сергѣй Михайловичъ, знайте это! искренно, почти горячо, проговорилъ онъ.

Молодой человѣкъ былъ тронутъ—и съ безмолвнымъ поклономъ пожалъ поданную руку...

Въ это время по всему дому раздался трескучій звонъ китайскаго гонга.

— Одѣваться! весело и насмѣшливо объяснилъ князь;—я долженъ предварить васъ, Сергѣй Михайловичъ, что княгиня Аглая Константиновна бывала въ англійскихъ замкахъ и ихъ обычаи перенесла теперь въ Сицкое: къ обѣду у нея являются не иначе, какъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ. Звонъ этого гонга обозначаетъ: къ туалету; черезъ часъ позвонятъ на дворѣ — къ обѣду. Соображайтесь....

Пріятели наши поклонились и вышли.

Князь Ларіонъ прошелъ за ними нѣсколько шаговъ, медленно оборотился и, когда они изчезли въ сосѣдней комнатѣ, вернулся къ своему рабочему столу, сѣлъ противъ портрета племянницы и, подперевъ голову обѣими руками, погрузился въ глубокую, сладкую и мучительную, старческую думу...

XVI.

— Каково ядовитъ старикъ-то этотъ? заговорилъ Ашанинъ, какъ только сошли они съ лѣстницы на дворъ, по пути къ своимъ комнатамъ.

Гундуровъ съ изумленіемъ поднялъ голову...

— Да что ты, лицемѣръ, или простофиля? даже разсердился его пріятель. — Ты въ самомъ дѣлѣ не разобралъ, къ чему онъ велъ рѣчь?

— Къ чему? разсѣянно повторилъ нашъ герой:—онъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать по всей Россіи...

— Боже мой, какъ безтолковъ этотъ ученый народъ! воскликнулъ Ашанинъ, — да вѣдь это-жь онъ тебѣ въ ротъ положилъ! Весь этотъ разговоръ о его участіи къ тебѣ, о старыхъ связяхъ, о Славянофилахъ, о твоей карьерѣ, и чего онъ тутъ не наплелъ? — неужто-жь онъ даромъ сталъ бы кидать свои слова?... Вѣдь все-же это подведено было къ тому, чтобы какъ можно любезнѣе предварить тебя заранѣе, что „княжну не выдадутъ за 23-хъ-лѣтняго человѣка“, который „не создалъ себѣ еще никакого положенія“—и чтобъ ты, значитъ, отложивъ всякое попеченіе, отправился „не медля“ путешествовать по Киргизскимъ степямъ!... Или ты пропустилъ мимо ушей его слова?...

Гнѣвомъ, стыдомъ и страданіемъ исказилось все лицо Гундурова.

— Къ чему ты мнѣ это говоришь? обернулся онъ на пріятеля съ поблѣднѣвшими губами.

— Какъ къ чему, Сережа?...

— Да, къ чему? Вѣдь ты знаешь... что я никакихъ намѣреній... княженъ сватать не... имѣю, едва находилъ онъ силу выговаривать.

— Я знаю, Сережа, но...

— Ты... ты привезъ меня сюда играть... играть, а не... Ты... или этотъ князь... вы... Что вы хотите отъ меня на конецъ! почти взвизгнулъ Гундуровъ.

— Да ничего же отъ тебя не хотятъ... Сумасшедшій!

— А не хотите, такъ оставьте вы меня всѣ въ покоѣ!...

И, махнувъ отчаянно рукою, онъ побѣжалъ ко флигелю, на крыльцѣ котораго давно его ждалъ Ѳедосей.

Чернокудрый пріятель его остановился посреди двора, не зная, итти-ли за нимъ, или дать простыть его первому пылу.

— Однако, говорилъ онъ себѣ мысленно,—какъ онъ врѣзался, бѣдняга!... И это съ двухъ... чего? — съ одного разу! Вотъ эти *дѣвственные*, загорятся сразу, какъ копна горятъ!... И отвести его теперь поздно... Станетъ онъ теперь мучиться, безумствовать,—и я вѣдь знаю его, онъ на все способенъ; я помню, какъ въ пансіонѣ онъ изъ втораго этажа выскочить хотѣлъ, когда его вздумалъ высѣчь инспекторъ... Весь вопросъ теперь въ томъ, что *она*, раздѣляетъ-ли?... Сегодня она меня что-то очень подробно разспрашивала о немъ... Съ другой стороны, эта нотація князя... Такъ или иначе, Жаръ-птицу по-моему добыть легче!... Эхъ, Сережа мой бѣдный, надо же... И это они называютъ жизнью? Нѣтъ! И въ подвижномъ воображеніи Ашанина закопошились тутъ-же обычныя представленія, — нѣтъ; вотъ эту быстроглазую Акулину, напримѣръ, „къ груди прижать во тьмѣ ночной“—дѣло будетъ другое!... А все же такъ этого оставить нельзя! Разъ Сережа избѣгаетъ даже говорить со мной, надо предварить его тетушку.

И Ашанинъ вернулся въ домъ — отыскивать г-жу Переверзину.

Въ это же время, въ одной изъ садовыхъ бесѣдокъ, куда, по выходѣ изъ театральной залы, исправникъ Акулинъ увелъ свою дочь, происходилъ между ними слѣдующій разговоръ:

— Потрудитесь объяснить мнѣ, сударыня, говорилъ роди-

тель, отдуваясь отъ спѣшной ходьбы, — на что тебѣ нужно Ранцова предъ всѣмъ обществомъ шутомъ выставлять,—а?

— А вамъ-то что до этого? отвѣчала на это дочка, — и для этого только вы меня сюда и увели? Я даже понять не могла, что за смѣхъ такой!...

— А что я тебѣ скажу? возразилъ исправникъ,—что онъ, видя твое грубіянство, плюнетъ и откланяется тебѣ!...

— Во-первыхъ, не говорите „плюнетъ“, потому что это въ высшей степени mauvais genre, и вы, какъ сами служили въ гвардіи, должны знать это! Во-вторыхъ, мой капиташка откажется отъ меня только, когда я сама этого захочу. Въ-третьихъ, ну, онъ откажется: что-жь за бѣда такая?

— А такая, что послѣ кащея этого, Тарусова, что ему четвероюродным какимъ-то приходился, досталось ему нежданно-негаданно богатѣйшее имѣніе, да тысячъ сто на старыя ассигнаціи денегъ, что онъ любую княжну въ Москвѣ за себя можетъ взять, — вотъ что! А у насъ съ тобой жаворонки въ небѣ поютъ, да и вся тутъ!...

Бойкая барышня вспыхнула, какъ піонъ:

— Что-жь, это вы мнѣ никого лучше найти не могли, какъ армейскаго, необразованнаго *Ваше Благородіе?* Развѣ я на то воспитывалась въ Институтѣ, чтобъ *капитаншею* быть? Развѣ...

— И, матушка! перебилъ ее, махая руками, толстый Елпидифоръ, — васъ тамъ, что цыплятъ у ярославскаго курятника, штукъ шестьсотъ заразъ воспитывается; такъ на всѣхъ-то на васъ, пожалуй, *Вашихъ Свѣтлостей* и не хватитъ.

— Да развѣ я была какъ всѣ, какъ всѣ *шестьсотъ?* Когда вы меня брали, вы не помните развѣ, что вамъ сказала maman? назвала она институтскимъ языкомъ начальницу заведенія. — „Notre cher rossignol“, сказала она вамъ про меня; она чуть не плакала, что вы меня взяли до выпуска... Я на виду бывала! Меня всѣ знали, баловали, всѣ изъ grand monde'а, кто ни пріѣзжалъ... Сама Государыня сколько разъ заставляла пѣть!... Если бы вы не взяли меня тогда, я могла съ шифромъ выйти, я изъ первыхъ училась, — могла бы ко

двору попасть за голосъ, какъ фрейлина Бартенева; grande dame была бы теперь!... И послѣ этого я должна, по-вашему, *отставною капитаншею* сдѣлаться.

Она чуть не рыдала; но вдругъ вспомнила, оборвала — и, подступая ближе къ отцу:

— Да что вамъ вздумалось мнѣ теперь про него говорить, спросила она,—когда вы знаете, *кого* я имѣю въ предметѣ?

— Вотъ то-то, матушка, вздохнулъ на это исправникъ,— когда-бъ ты не такъ пылка была, да не закидывала меня твоими *грандъ-дамами*, такъ у насъ, пожалуй, ладъ бы вышелъ иной.—Ты съ чего взяла, во-первыхъ, что *онъ* къ тебѣ склонность имѣетъ?

— Я же говорила вамъ:—когда я сюда пріѣхала гостить, въ первый же день *старуха* (увы, что сказала бы княгиня Аглая Константиновна, если бы знала, какъ ее обзывала барышня!) заставила меня пѣть, и я спѣла: „я помню чудное мгновенье“. Онъ былъ внѣ себя отъ восторга, подошелъ, нѣсколько разъ жалъ мнѣ руку, даже поцѣловалъ одинъ разъ, кажется, и потомъ каждый вечеръ заставлялъ пѣть, — все опять „я помню“, шутилъ, любезенъ былъ... Ну, извѣстно, какъ когда человѣкъ занятъ женщиною... Вы тогда пріѣхали, и я вамъ разсказала... И вы тогда сами мнѣ сказали: „гляди, Оля, умна будешь, большаго осетра можно выловить!“ Вѣдь говорили вы?

— Говорить говорилъ, не отказываюсь, — Елпидифоръ Павлычъ почесалъ себѣ за ухомъ,—говорилъ потому, что эту Шастуновскую породу знаю, — слышалъ! Покойный князь Михайло Васильевичъ въ свое время пропадалъ изъ-за женщинъ... *Этотъ* опять, когда товарищемъ министра былъ,—я въ Лейбъ-Уланскомъ полку еще служилъ,—въ Петергофѣ по лѣтамъ жила его тогдашній предметъ, замужняя, одного доктора жена, красавица!... Я всю эту исторію зналъ... Мужъ ни за что разводной ей дать не хотѣлъ, а то бы онъ на ней непремѣнно женился. Всѣмъ пренебрегъ, имя свое, мѣсто, въ фаворѣ какомъ былъ тогда,—все это ему было ни почемъ! Всѣмъ жертвовать былъ готовъ ей... Только она въ скорости

тутъ умерла; такъ его самъ Государь, говорятъ, послѣ этого за границу послалъ, а то мало съ ума не сошелъ отъ горя... Такъ вотъ, зная, разъ, какіе они люди страстные; во-вторыхъ, что подъ старость еще сильнѣй бываетъ эта слабость,— что-жь, думаю, попытка не пытка; авось и съ нашей удочки клюнетъ!... Ты же у меня уродилась такая, что у тебя на мужчину въ каждомъ глазу по семи чертей сидитъ...

— Я васъ и послушалась, молвила Ольга Елпидифоровна, невольно усмѣхнувшись такому неожиданному опредѣленію ея средствъ очарованія,—и все повела, какъ слѣдуетъ...

— Ну, и...? крякнулъ, подмигнувъ, исправникъ.

— Что „ну?“...

— Ни съ мѣста?...

— Да, дѣйствительно, сжавъ въ раздумьи брови, созналась барышня,—я въ эти послѣдніе дни стала замѣчать...

— То-то!... И, по-твоему, какъ это понимать надо?

— Старъ... выдохся! Она презрительно повела плечомъ.

— Анъ и ошиблась!... И я ошибся, повинился достойный родитель.

— Что же, по-вашему? Она остановила на немъ разширенные зрачки.

— И не выдохся, и даже очень пылаетъ... да только не про насъ!...

— Что-о? протянула Ольга Елпидифоровна, — онъ влюбленъ... въ другую?...

— А сама-то и не замѣтила! Онъ закачалъ головою. — Эхъ вы! Прозорливы, только пока самолюбіемъ глаза вамъ не застелетъ!...

— Да въ кого, въ кого же, говорите? И она нетерпѣливо задергала отца за рукавъ.

Толстый Елпидифоръ поднялся со скамьи, обошелъ кругомъ бесѣдки, заглянулъ въ сосѣдніе кусты, сѣлъ опять, привлекъ къ себѣ за руку дочь и шепнулъ ей на ухо:

— Въ княжну!

— Въ племянницу? вскрикнула барышня. — Не можетъ быть!...

Исправникъ зажмурилъ глаза и повелъ головою сверху внизъ:

— Есть! прошепталъ онъ:—по полицейской части не даромъ двѣнадцатый годъ служу, съ меня одного взгляда довольно!...

— Ахъ онъ противный! еще разъ вскрикнула Ольга Елпидифоровна.

— Ссс!... Halt's Maul! говорятъ нѣмцы. И Боже тебя сохрани хотя видомъ показать, что ты объ этомъ прочуяла!.. Ты тамъ себѣ, матушка, *гранддамствуй* сколько тебѣ угодно, только помни одно, что отецъ у тебя — горшокъ глиняный; такъ чугунные-то ему, только притронься, всѣ бока протычутъ... А брюхо у меня объемное, сама видишь, ѣсть много проситъ...

Барышня примолкла и опустила голову. И у нея теперь, какъ у Лафонтеновской *Перреты*, лежала въ ногахъ разбитая молочная кринка, на которой строила она свое воздушное княжество...

— Какъ же быть теперь? проговорила она озабоченно.

— Какъ быть? повторилъ толстякъ;—очень просто! я тебѣ сейчасъ...

— Нѣтъ! перебила она и топнула ногою, — вы мнѣ про Ранцова и говорить не смѣйте!... Хоть бы сами подумали: ну, *что* я изъ него могла бы сдѣлать?... Нѣтъ, я ужь лучше за Мауса пошла бы!...

— За стряпчаго-то? Исправникъ скорчилъ гримасу.

— Онъ не стряпчій просто,—онъ правовѣдъ! На тридцать первомъ году онъ будетъ статскій совѣтникъ, онъ мнѣ самъ на бумажкѣ высчиталъ. Я всѣ чины знаю, и производство,— выходило вѣрно!... И у отца его большая практика, и онъ одинъ сынъ...

— Какъ знаешь! пожалъ плечами Акулинъ:—только вотъ что, Оля, примолвилъ онъ какъ-то странно помаргивая своими заплывшими глазками, — ты ужь Ранцева не срами!... Для меня хоть!...

Она глянула ему прямо въ лицо:

— Опять профершпилились?

— Такое чертовское несчастье! вскрикнулъ онъ, ударяя

себя что-мочи по боку; — третьяго дня у Волжинскаго пять талій сряду,—въ лоскъ!... Послѣдніе десять цѣлкашей, сюда ѣдучи, отдалъ... То есть, à la lettre, ни гроша!...

— Вы капитану сколько ужь должны? спросила барышня.

— Семьсотъ... кажется! неувѣренно пробормоталъ онъ.

— А теперь сколько вамъ надо?

— Да еслибъ... полтысячки далъ...

— Хорошо, я ему скажу.

— Ахъ ты мой министръ финансовъ! восторженно возгласилъ толстый Елпидифоръ, схватилъ обѣими руками дочь за голову и звучно чмокнулъ ее въ лобъ.

— То-то министръ! досадливо промолвила она, поправляя прическу, — а вы-то... Она не договорила и ушла изъ бесѣдки...

— А ты все-же погоди, старикашка противный, утѣшала она себя по пути,—я тебѣ отомщу!...

Какъ она ему отомститъ, она, разумѣется, не знала...

XVII.

Ашанинъ стоялъ передъ Софьей Ивановной въ комнатѣ, которую она занимала въ большомъ домѣ, со шляпою въ рукѣ, готовый уйти. Онъ только-что успѣлъ передать ей разговоръ ихъ съ княземъ, „припадокъ“ Сергѣя и свои опасенія за него...

На умномъ лицѣ Софьи Ивановны читалось заботливое раздумье;—она обсуждала и соображала:

— Что онъ (то-есть, князь Ларіонъ), говорила она,—сказалъ это въ *томъ* намѣреніи, вы не ошибаетесь, и я даже не могу на него за это сердиться... Предварилъ заранѣе—дѣло сдѣлалъ!... хотя я опять таки не пойму, изъ-за чего онъ такъ заранѣе обезпокоился!... Вѣдь не могъ же Сережа дать ему повода... Я его знаю,—что бы ни происходило у него теперь на душѣ, онъ слишкомъ благовоспитанъ, чтобы показать...

— Онъ ничѣмъ и не показывалъ, завѣрилъ Ашанинъ,—и ни бровью не моргнулъ; мы же все вмѣстѣ на сценѣ были... а вы изъ залы видѣли...

— Такъ съ чего же вздумалъ этотъ старый мудрецъ?... размышляла Софья Ивановна.

— Я начинаю подозрѣвать... не замѣтилъ-ли онъ чего нибудь со стороны...

— Со стороны княжны! договорила она, быстро вскинувъ глазами на молодаго человѣка: — едва-ли!... Она такъ сдержанна!... Да и много-ли они видались-то съ Сережей?... А мила-то она, ужь какъ мила! вздохнула, помолчавъ, тетка Гундурова; — нѣтъ, это онъ такъ, съ большой хитрости... Каподистрію вспомнилъ! засмѣялась она привычнымъ своимъ, короткимъ, обрывистымъ смѣхомъ.

Ашанинъ положилъ шляпу, пододвинулъ стулъ и сѣлъ подлѣ нея:

— Софья Ивановна, началъ онъ шопоткомъ,—а что же... если бы княжна дѣйствительно... отчего же бы?...

— И, милый мой, махнула она рукой,—развѣ объ этомъ возможно думать? Развѣ они такіе люди? *Эта Аглая* — ну, само собою!... А то, вы видите, и онъ... бояринъ опальный,— и онъ туда же!...

— Я все это очень хорошо знаю и понялъ съ перваго раза, молвилъ красавецъ; — но вѣдь, если посмотрѣть поближе, съ фанаберіею этой можно же и сладить. Вѣдь ничего же существеннаго они противъ Сережи сказать не могутъ. „Положеніе?“ Да какое тамъ „положеніе“ бываетъ въ наши года?... А если только княжна захочетъ, чѣмъ же Сережа ей...

— А тѣмъ, не давъ ему договорить, съ сердцемъ возразила Софья Ивановна, — что такая ужь у насъ безобразная страна вышла, что *Гундуровъ* — а Гундуровы-то, вы знаете, все одно, что Всеволожскіе, да Татищевы, только титла не носятъ, а тѣ же Рюриковичи, — Гундуровъ не *партія* для княжны Шастуновой; а вотъ какой нибудь Фитюлькинъ въ аксельбантахъ—тотъ женихъ, и аристократъ, потому что повезетъ жену на балъ въ Концертную залу!...

— На то онъ и Фитюлькинъ; зазмѣялся Ашанинъ, — у насъ, извѣстно, „чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй!“

— „Тѣмъ знатнѣй,“ машинально повторила Софья Ивановна:—кто бишь это сказалъ?

— Пушкинъ.

— Да, да!... Прекрасно сказано... Очень ужь ихъ любятъ *тамъ*, этихъ новыхъ!... Они надежнѣе, видите-ли, вѣрнѣе старыхъ родовъ... Мы, видите-ли, революціонеры!...

Софья Ивановна пожала плечеми и торопливо нюхнула табаку изъ крошечной золотой табакерки, которую носила подъ перчаткой; перчатки же, по старой привычкѣ, — и не иныя какъ *шведскія*,—никогда не сымала, когда была въ гостяхъ.

— И чутьемъ чую, продолжала она,—да и вскользь слышала даже отъ кого-то въ Москвѣ, не помню, что какого-

либо такого да непремѣнно ужь имѣютъ они въ предметѣ для княжны... *Эта Аглая*, то-есть! поправилась Софья Ивановна. Она хоть и сердилась на князя Ларіона и въ душѣ чувствовала себя очень оскорбленною имъ за племянника, но все-жь онъ былъ для нея не „*Эта Аглая...*“

— А мы съ Фитюлькинымъ *прю* заведемъ! сказалъ смѣясь Ашанинъ, почитывавшій иногда издававшійся въ тѣ годы покойнымъ Погодинымъ *Москвитянинъ*.

Софья Ивановна не весело закачала головой:

— Бѣдный мой Сережа!... Вы говорите, онъ и не догодался?... Чистъ — и простъ! коротко засмѣялась она, — какъ голубь!... И совѣтъ о путешествіи принялъ съ благодарностью? Что же? Это хорошо, очень хорошо! Только скорѣе бы, скорѣе его отправить!... Знаете, мой милый, я чѣмъ болѣе думаю... я даже очень рада, что князь Ларіонъ прочелъ ему эту, какъ вы говорите, „нотацію“. И вы очень хорошо сдѣлали, что ему объяснили... Только ужь теперь ни слова болѣе! На него насѣдать не надо! Онъ гордъ и самолюбивъ до крайности... вы ужь оставьте его со всѣмъ съ этимъ, пусть онъ самъ... И я, сегодня же, сейчасъ послѣ обѣда, уѣзжаю къ себѣ въ Сашино,—мнѣ къ тому же *эта Аглая* не по силамъ... Это важничанье, глупость!... Предоставимъ его себѣ, его собственному разсудку, вотъ какъ Mentor, когда онъ оставилъ Телемака на островѣ Калипсо, улыбнулась милая женщина:—я такъ думаю, что съ нимъ произойдетъ... какъ это говорится?—une réaction. Ахъ, еслибъ этотъ не вашъ дурацкій спектакль, я бы его, кажется, завтра же въ дорогу снарядила!...

— Однако мнѣ пора, Софья Ивановна, сказалъ, подымаясь, Ашанинъ, — одѣваться; да и вамъ также... Здѣсь, вы знаете, къ обѣду—какъ на балъ!...

— У меня моя robe feuille-morte неизмѣнно, живо возразила она,—другаго для beaux yeux Аглаи не надѣну!...

Она встала проводить его...

— Сережа влюбленъ! начала она опять, останавливаясь у дверей; — признаюсь вамъ, я до сихъ поръ помириться съ этой мыслью не могу. Съ каждымъ молодымъ человѣкомъ это бываетъ, но при его характерѣ... это можетъ быть опасно...

очень опасно!... Мнѣ даже представляется теперь, что, кажется, лучше было бы, если бы онъ...

— На меня походилъ? договорилъ со смѣхомъ Ашанинъ;— признайтесь, генеральша, что вы именно объ этомъ подумали въ эту минуту?

— Ну, нѣтъ, полушутливо, полусурьезно отвѣчала она,— отъ этого Боже сохрани каждаго! Очень ужь вы безнравственны, мой милый! Только Богъ васъ знаетъ, какъ это вы дѣлаете, что на васъ сердиться нельзя... Сердце-то у васъ золотое, вотъ что! И я вамъ отъ сердца благодарна за вашу дружбу къ Сережѣ...

— Нѣтъ, генеральша, комически вздохнулъ неисправимый шалунъ,—я больше за добродѣтель мою погибаю! И тяжкія наказанія за это несу, очень тяжкія!...

Софья Ивановна взглянула на него:

— Господи, да ужь не напѣли-ли вы чего гувернанткѣ здѣшней? внезапно пришла ей эта мысль.

— Вы почемъ знаете? съ удивленіемъ спросилъ онъ.

— Да она тутъ сейчасъ была: Аглая ее ко мнѣ приставила, и она меня устраивала въ этой комнатѣ... Гляжу, а на ней лица нѣтъ.—Что съ вами, говорю, моя милая? Вы, кажется, чѣмъ-то разстроены? А она—въ слезы и выбѣжала вонъ...

— Въ слезы, непремѣнно-съ! закивалъ утвердительно Ашанинъ,—слезъ у нея много! Вотъ если-бъ у меня столько же денегъ было!...

— Ахъ, вы, негодникъ! Да вѣдь она и не молода ужь?

— Не молода, Софья Ивановна! повторилъ онъ съ новымъ вздохомъ.

— И даже не очень хороша?

— Даже очень не хороша, Софья Ивановна!

— Никому-то у него пощады нѣтъ, безсовѣстный человѣкъ! Ну, на что она вамъ, несчастная, нужна была?

— А у насъ, видите-ли, матери *Гамлета* не было, и некому кромѣ нея играть. А она уперлась какъ коза: не хочу, да и все тутъ!... Я собою и пожертвовалъ!...

Софья Ивановна не на шутку разсердилась:

— Подите вы отъ меня съ вашими гадостями! И хороша

причина — *Гамлетъ*! Да если бы вы этого вздора здѣсь не затѣяли, Сережѣ поводу не было-бъ безумствовать!...

— Чему быть, тому не миновать, Софья Ивановна, смиренно замѣтилъ на это Ашанинъ,—не здѣсь, такъ у васъ въ Сашинѣ встрѣтился бы онъ съ княжною.

Она не нашла возраженія на этотъ доводъ.

— А все же вы безстыдникъ! проговорила она еще сердито.

Шалунъ отвѣчалъ ей глубокимъ поклономъ и побѣжалъ въ свою комнату. Гундурова онъ уже не засталъ; по словамъ Ѳедосѣя, онъ, одѣвшись, ушелъ въ садъ прогуляться до обѣда.

XVIII.

Vanity's fair!

Княгиня Аглая Константиновна съ жизнью англійскихъ замковъ была, дѣйствительно, какъ говорилъ князь Ларіонъ, знакома; то есть, въ сущности, она была однажды въ *Шипмоунткаслѣ*, замкѣ лорда Динмора, въ Кемберлендѣ, куда приглашена была „на восемь дней“ *) съ мужемъ, состоявшимъ тогда при Лондонскомъ посольствѣ, года полтора послѣ своего замужства. Но эти восемь дней, проведенные въ обществѣ чистокровнѣйшихъ *вискоунтовъ* и элегантнѣйшихъ marchionesses (маркизъ), остались навсегда лучезарнѣйшимъ воспоминаніемъ ея жизни, и она гордилась имъ болѣе, чѣмъ всѣми почестями, довлѣвшими ей впослѣдствіи при томъ маленькомъ германскомъ дворѣ, при которомъ князь Михайло Шастуновъ состоялъ представителемъ Россіи... Не на розовомъ ложѣ, сказать кстати, прошло для новобрачной Аглаи пребываніе ея въ Лондонѣ. Князь Михайло, самъ воспитанный въ Англіи, принятый тамъ въ обществѣ какъ свой, не измѣнилъ ни своего образа жизни, ни отношеній, женившись противъ воли на россійской дѣвицѣ Раскаталовой; онъ, на первыхъ же порахъ, предоставилъ ей проводить жизнь, какъ ей заблагоразсудится, а самъ проводилъ ее у ногъ одной, тогда весьма извѣстной, обаятельной умомъ и красотою и эксцентричной лэди,—которая, упомянемъ мимоходомъ, послѣ двухлѣтней съ нимъ связи, въ одинъ прекрасный Божій день уле-

*) Такія приглашенія въ Англіи бываютъ всегда на срокъ, по истеченіи котораго гостившіе уступаютъ мѣсто новымъ приглашеннымъ.

тѣла отъ него въ Италію, вышла тамъ отъ живаго мужа за немолодаго уже, но еще сладкозвучнаго тенора, кинула его черезъ полгода, вступила въ третій бракъ съ однимъ очень красивымъ, но очень глупымъ греческимъ офицеромъ, дала ему плюху на другой же день послѣ свадьбы за то, что онъ ѣлъ оливки руками, бросила и его и умерла наконецъ отъ побоевъ четвертаго супруга, шейха одного Бедуинскаго племени, заставшаго въ своемъ кочевомъ шатрѣ in criminal conversation съ какимъ-то Французомъ, путешествовавшимъ по Аравійской степи... Дерзость и насмѣшки этой сумасбродной, но блестящей женщины, съ которою ревнивая Аглая имѣла неосторожность гдѣ-то сцѣпиться, оскорбленное самолюбіе, скука одиночества, неудовлетворенная страсть къ красавцу-мужу чуть было совсѣмъ съ ума не свели ее тогда. Но за то она провела „восемь дней“ въ Шипмоунткаслѣ и во всѣ эти восемь дней, въ своемъ качествѣ princess, *) брала, по іерархическимъ обычаямъ англійскаго peerage, шагъ къ обѣду надо всѣми тутъ бывшими герцогинями и маркизами, и—что въ ея Раскаталовскихъ понятіяхъ было гораздо для нея лестнѣе,—даже надъ женою одного изъ тогдашнихъ англійскихъ министровъ,—„figurez Vous cela, ma chère!“ долго еще потомъ удивлялась она, разсказывая объ этомъ пріятельницамъ своимъ на континентѣ... Политическая и культурная Англія ничего не прибавила къ умственному запасу нашей princess'ы; проживъ тамъ болѣе трехъ лѣтъ, она трехъ фразъ не могла сложить по-англійски; для чего, „когда есть тамъ свой король“, собираются еще люди въ какой-то *парламентъ*, значеніе котораго, когда она еще дѣвочкой была, madame Crébillon, воспитательница ея и бонапартистка, объясняла ей такими словами: „*un parlement*, ma chère amie,—ainsi nommé parcequ'on y *parle* et qu'on y *ment*“, и какъ этотъ англійскій король позволяетъ этимъ людямъ „болтать и лгать“ въ этомъ парламентѣ,—она до конца уяснить себѣ не могла. Разница между *вигами* и *торіями*, почему *лордъ-мэръ* „не настоящій

*) *Съ княжескимъ* титуломъ въ Англіи, какъ и вообще на Западѣ, всегда соединяется понятіе царственнаго происхожденія.

лордъ, когда онъ называется лордомъ", что значитъ „Оранскій домъ", и „что такого хорошаго въ этомъ Байронѣ, dont parle toujours Michel", т. е. ея мужъ,—всѣ эти хитросплетенныя мудрости такъ и остались для нея на всю жизнь не разобранными гіероглифами. Но за то въ эти незабвенные восемь дней, проведенные ею въ Шипмоунткаслѣ, Аглая Константиновна постигла высшимъ наитіемъ всѣ тайны внѣшняго облика англійской аристократической жизни, уразумѣла всѣ порядки богатаго англійскаго дома, отъ drawing room'a (гостиной) и до конюшни, отъ столовой *сервировки* и до покроя выѣздныхъ ливрей. Чинный, чопорный, важный складъ этихъ порядковъ, эта широкая, преемственная, величавая обстановка существованія, презрительно относящаяся ко всякой эффектности, но въ которой, отъ стараго слуги и до игорной щетки, все носитъ на себѣ характеръ какой-то незыблемости и почтенности (respectabillty), поразили ее своимъ глубокимъ противорѣчіемъ съ безалаберною, полутатарскою, шероховатою, всегда словно случайною и вчерашнею, русскою роскошью, — тою дикою роскошью, среди которой взросла она сама подъ раззолоченными карнизами своего отчаянно икавшаго послѣ обѣда „папаши"... Въ силу какихъ историческихъ и нравственныхъ условій все это сложилось и могло держаться тамъ такъ величаво и почтенно и такъ безтолково и распущенно въ родныхъ палестинахъ, Аглая сообразить была не въ состояніи, да и не думала объ этомъ. Вся сумма ея впечатлѣній выразилась въ одной мысли: „вотъ какъ должны жить les gens comme nous!"... И съ этой минуты, съ этихъ блаженныхъ „восьми дней" въ Шипмоунткаслѣ, предъ нею выросъ идеалъ: „поставить домъ мой на англійскую ногу". Каждому свое, сказалъ древній мудрецъ. Кто знаетъ, какъ безъ этого идеала совладала бы Аглая съ муками своей ревности, съ тѣмъ „délaissement", какъ выражалась она, въ какомъ оставлялъ ее мужъ до того дня, когда, почувствовавъ въ груди первые признаки унесшей его два года потомъ болѣзни, онъ воротился, усмиренный и кающійся, къ семейному очагу,—къ очагу, устроенному ею „на англійскую ногу"? Кто знаетъ, отъ какихъ соблазновъ спа-

сали Аглаю глубокомысленныя соображенія о выборѣ вензеля на новый фарфоровый сервизъ къ столу, или цвѣта матеріи для заказаннаго въ Лондонѣ кэба? А сколько несказанныхъ утѣшеній доставляло ей изумленіе и тотъ даже нѣкоторый терроръ, которые, бывши уже посланницей, внушала она пышнымъ устройствомъ своего дома разсчетливымъ нѣмцамъ, при которыхъ мужъ ея былъ аккредитованъ, и корресподенціи изъ обитаемаго ею города въ парижскія газеты, въ которыхъ говорилось: „la grande existence, le luxe intelligent de monsieur le prince de Szastounof, ministre de Russie“, или уже прямо о ней, о томъ, что было ей такъ близко: „la tenue *toute anglaise* de la maison de madame la princesse de Szastounof„, и т. п....

Въ Сицкомъ, еще до пріѣзда, приняты были ею мѣры для устройства жизни въ то же подобіе незабвеннаго Шипмоунткасля. Заказаны были новая каменная ограда и левъ съ гербомъ на воротахъ, знакомые уже нашему читателю. Многочисленная, оплывшая отъ бездѣйствія въ продолженіе долгаго отсутствія господъ, дворня была заранѣе обмыта, выбрита, острижена, облечена въ безукоризненные черные и ливрейные фраки, обута въ сапоги безъ каблуковъ, — „чтобъ на-ходу не стучали“, писала княгиня своему управляющему,—и мягко выступала теперь по коврамъ и паркетамъ, внимательная, степенная и безмолвная... Изъ-за границы ожидались оставленные тамъ всякіе экипажи. Присланнымъ изъ Москвы живописцемъ изготовлена была для большой гостиной копія съ портрета старика князя Шастунова, такъ какъ князь Ларіонъ не соглашался на перенесеніе оригинала изъ своихъ покоевъ, а по понятію Аглаи Константиновны „dans un premier salon надо непремѣнно un portrait d'ancêtrs“... Monsieur Vittorio, главный исполнитель ея распоряженій и мажордомъ, велъ бдительный надзоръ за порученными наемнымъ и дворовымъ мастеровымъ всякими передѣлками и починками по дому, и ходилъ каждое утро со своими книгами и доносами къ княгинѣ, которая провѣряла первыя до малѣйшей копѣйки, а по вторымъ клала собственноручныя, большею частію строгія, резолюціи... Распредѣленіе вре-

мени „однажды навсегда“ велось по хронометру покойнаго князя Михаила Васильевича, который Vittorio приказано было носить въ карманѣ жилета „въ особомъ кожаномъ мѣшечкѣ“, и по которому повѣрялись черезъ день всѣ часы дома. Трапезы имѣли чисто англійскій характеръ: утромъ въ 10 часовъ сервировался первый завтракъ, breaufast — чай, масло, яйца, картофель и холодная говядина; въ 2 часа пополудни подавали второй завтракъ, luncheon,—вѣрнѣе, цѣлый обѣдъ изъ 4 блюдъ, только безъ супа и безъ сладкаго. Обѣдали въ шесть, „car ces estomacs russes ne pourraient jamais attendre plus longtemps“, разсудила Аглая Константиновна. Между завтраками предоставлялось каждому дѣлать изъ себя, что̀ угодно; отъ 3-хъ часовъ до обѣда предполагались прогулки или поѣздки „en commun, любоваться на виды“, — время это теперь занято было репетиціями. „Для серьезныхъ людей“ подлѣ столовой устроена была readingroom, читальня, гдѣ на большомъ кругломъ столѣ разложены были *Indépendance* belge и *Journal de St. Petersburg*, какія-то выписываемыя по старой памяти бывшею посланницей *Hannoversnachrichten*, и изъ русскихъ *Сѣверная пчела* и *Современникъ*, „pour être au courant de la littérature national“, покровительственно говорила владѣлица Сицкаго...

Но англійскіе порядки княгини Аглаи Константиновны приходились, видно, „не по зубамъ“, какъ выражался исправникъ Акулинъ, большинству соотечественниковъ, подъ предлогомъ репетиціи наѣхавшихъ къ ней изъ окрестностей, въ разсчетѣ на безцеремонные обычаи стародавняго барскаго хлѣбосольства. Пораженные вѣстью о бѣлыхъ галстукахъ и платьяхъ *декольте* къ обѣду, отяжелѣвшіе помѣщики и распустившіяся въ деревенской лѣни сосѣдки поспѣшили убраться по домамъ и, трясясь въ своихъ доморощенныхъ бричкахъ, долго и злобно, съ высоты своего оскорбленнаго дворянскаго достоинства, обзывали бывшую посланницу *„кабацкою павой“* и „зазнавшимся *Раскаталовскимъ отродьемъ*“, — что̀ впрочемъ нисколько не помѣшало тому, что въ тотъ же вечеръ, на двадцать пять верстъ кругомъ, вытаскивались изъ старыхъ сундуковъ залежалые фраки и отстав-

ные мундиры, и всякія Аришки и Палашки кроили при свѣтѣ сальной свѣчи разновиднѣйшихъ фасоновъ кисейныя и барежевыя платья, „на случай“, приказывали имъ господа, „соберемся какъ нибудь къ Шастуновымъ опять“... Въ Сицкомъ остались обѣдать почти исключительно участвовавшіе въ спектаклѣ. *Пулярки*, во избѣжаніе новой обиды ихъ, или новаго скандала съ ихъ стороны, заботливо поручены были отъѣзжавшими мамашами ближайшему надзору и покровительству *образованной окружной*.

XIX.

Люблю я часъ
Опредѣлять обѣдомъ, чаемъ...
Пушкинъ.

Обѣдъ былъ отличный, а сервировка его еще лучше. Хозяйка, сидѣвшая между Чижевскимъ, генералъ-губернаторскимъ чиновникомъ и Зяблинымъ, съ самодовольною улыбкою поглядывала на свое великолѣпное серебро отъ *Стора* и *Мортимера* *), богемское стекло и саксонскія тарелки, на безупречную tenue своихъ гостей и переносилась мыслью къ далекому Шипмоунткаслю: „c'est presque aussi *cossu* chez moi que chez les Deanmore!“ думала она свою ежедневную въ эту пору думу, въ то же время приклоняя ухо къ сладкимъ рѣчамъ, которыя нашептывалъ ей слѣва „Калабрскій бригантъ...“ Разоренный московскій левъ, много денегъ и трудовъ положившій въ свое время на успѣшное впрочемъ *Печоринство* въ московскихъ салонахъ, велъ съ самой зимы правильную осаду милліонамъ княгини Аглаи Константиновны. Представленный ей вскорѣ послѣ возвращенія ея изъ-за границы, онъ направилъ было баттареи свои на княжну Лину, но, весьма скоро сообразивъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, началъ громить ими самое маменьку и, какъ имѣлъ онъ поводы думать, не безуспѣшно. Сорокалѣтней барынѣ нравились его разочарованные аллюры, его молчаливыя улыбки и сдержанные вздохи, сопровождаемые косыми взглядами направляе-

*) Въ то время особенно славившіеся лондонскіе фабриканты серебряныхъ издѣлій.

мыхъ на нее, нѣсколько воловьихъ, глазъ. И когда князь Ларіонъ, который терпѣть его не могъ, спросилъ ее однажды: „что вамъ очень весело бываетъ съ господиномъ Зяблинымъ?— она покраснѣла и недовольнымъ тономъ отвѣчала: ne le touchez pas, Larion, je vous prie, c'est un être incompris!“ Князь прикусилъ губу, покосился на нее съ тою сардоническою усмѣшкой, какую постояно вызывали въ немъ ея трюизмы, и отрѣзалъ: „болванъ и тунеядецъ, ищущій приданаго!“ Съ тѣхъ поръ онъ вовсе пересталъ замѣчать „бриганта“; Зяблинъ уже не отставалъ отъ княгини и съ каждымъ днемъ почиталъ себя ближе и ближе къ своей цѣли... Онъ былъ теперь особенно въ ударѣ, послѣ того какъ она сказала ему въ театрѣ, что онъ будетъ очень хорошъ въ костюмѣ *Клавдіо*, и отпускалъ ей нѣжность за нѣжностью.

Чижевскій, высокій, рыжеватый, молодой человѣкъ лѣтъ 26-ти, со смѣлыми карими глазами и высоко приподнятою головою, вслѣдствіе чего почитался московскими *львицами* за непроходимаго фата, былъ на самомъ дѣлѣ *душа-малый*, веселый и въ то же время мечтательный, вѣчно влюбленный платонически въ какую нибудь женщину и всегда готовый выпить бутылку шампанскаго съ хорошимъ пріятелемъ. Неистощимый разсказчикъ, онъ передавалъ сосѣдкѣ своей, Софьѣ Ивановнѣ, одинъ изъ удачнѣйшихъ своихъ анекдотовъ и внутренно удивлялся, что, вмѣсто ожидаемаго имъ громкаго смѣха, на лицѣ ея едва скользила снисходительная улыбка. Но Софьѣ Ивановнѣ было не до анекдотовъ. Она украдкою слѣдила взглядомъ за племянникомъ, сидѣвшимъ на концѣ длиннаго обѣденнаго стола, и тосковала всею той тоскою, которую читала на его лицѣ. Онъ сидѣлъ между Духонинымъ и Факирскимъ, блѣдный и безмолвный, не подымая ни на кого глазъ и едва притрогиваясь къ своей тарелкѣ, и безучастно внималъ какому-то оживленному спору, затѣявшемуся, казалось, между его сосѣдями.

Болѣе счастливая, чѣмъ Чижевскому, доля выпала Шигареву, котораго хозяйка, съ тайною мыслью обезпечить за собою любезность „Калабрскаго бриганта“ на все время обѣда, посадила по другую сторону одной московской тридцатилѣтней

княжны, своей пріятельницы, только-что передъ самымъ столомъ пріѣхавшей въ Сицкое. Шѝгаревъ, слышавшій о ней, какъ объ очень умной дѣвушкѣ, счелъ нужнымъ повести съ нею „серьезный“ разговоръ. Темъ для такого „серьезнаго“ разговора было у него исключительно двѣ: о томъ, во-первыхъ, что у него „тысяча безъ одной,“ т. е. 999 душъ и конскій заводъ въ Харьковской губерніи, а, во-вторыхъ, о его родномъ братѣ, который такъ же былъ харьковскій помѣщикъ и тоже имѣлъ тысячу душъ и заводъ, но не конскій, а мыловаренный. Шѝгаревъ былъ чрезвычайно братолюбивъ и объ этомъ братѣ разсказывалъ съ такими подробностями и такъ нѣжно, что слушателей его обыкновенно начинало въ это время тошнить. Но, вслѣдствіе-ли того, что предварительно было имъ сообщено о числѣ владѣемыхъ имъ душъ, или просто потому, что для тридцатилѣтней дѣвицы и Шѝгаревъ—человѣкъ, только умная московская княжна внимательно глядѣла на него маленькими прищуренными глазками и поощрительно улыбалась. На этотъ разъ варіація на тему брата заключалась въ томъ, что у этого брата необыкновенно развиты были мускулы правой руки, такъ что „когда онъ протянетъ ее крѣпко, сейчасъ и выскочитъ у него на ней клубокъ величиною съ апельсинъ.“

— Да, я слышала, подтвердила княжна,—это бываетъ... у мущинъ, словно захлебнулась она.

— Не у всѣхъ! горячо возражалъ Шѝгаревъ,—у брата моего, да! Но не у всѣхъ... Вотъ на моемъ заводѣ у двухъ моихъ лошадей сдѣлались такія же, какъ апельсинъ, гули у самыхъ ноздрей... Онъ не выдержалъ и вдругъ загаерничалъ: — *гуля*, вы не знаете, это у насъ такъ по-хохлацки... а вы думали, голубей кличутъ? Гули, гули, гуленьки, гули, гули, голубокъ... Онъ заходилъ носомъ, губами, изображая голубиное воркованье...

И московская княжна, закрывъ уже совсѣмъ свои маленькіе глазки, смѣялась до-упаду, восхищаясь этимъ милымъ „оригинальничаньемъ...“

Въ сторонѣ молодежи велся инаго рода разговоръ!

— Да-съ, въ Одессѣ вышла небольшая книжка, говорилъ

Факирскому маленькій господинъ, котораго звали Духонинымъ, — онъ принадлежалъ къ „соку московской умной молодежи,“—поправляя золотые очки на носу,—имя совершенно неизвѣстное: какой-то *Щербина*... Общее заглавіе — просто: *Греческія стихотворенія*.

— Знаю! крикнулъ ему черезъ столъ Свищовъ,—со мною даже есть она, изъ Одессы получилъ... Хорошо!

— Это, что̀ мы съ вами вечеромъ вчера читали? спросилъ сидѣвшій подлѣ Свищова толстый Елпидифоръ,—первый сортъ, скажу вамъ-съ! Наизусть даже помню...

И онъ не громко сталъ декламировать:

Я всему здѣсь повѣрить готовъ,
Въ семъ чудесномъ жилищѣ боговъ,
Подсмотрѣвъ, какъ склонялись ціаны,
Будто смятые ножкой Діаны,
Пробѣжавшей незримо на ловъ.
Я всему здѣсь повѣрить готовъ...

— Да, да, такъ! закивалъ Духонинъ, до котораго донеслись нѣкоторыя рифмы, не безъ нѣкотораго удивленія глядя на этого страстнаго къ искусству уѣзднаго капитанъ-исправника.

— Каковъ Эпикуреецъ? подмигнулъ, съ своей стороны, Свищовъ?

— Ну-съ, и что̀ же эти стихотворенія? пожелалъ узнать Факирскій.

— А то „*ну-съ*,“ нѣсколько обидчиво отвѣтилъ благовоспитанный Духонинъ,—что это прелесть!

— Антологія-съ! съ пренебреженіемъ сказалъ студентъ.

— Да-съ, новая мысль въ античной формѣ, то̀ именно, чего желалъ Шенье:

Sur des penseurs nouveaux faisons des vers antiques!

— Не знаю-съ, сказалъ студентъ, — только нынѣшнему человѣку пѣть на античный ладъ не приходится.

— Это почему-съ?

— Да потому... Студентъ искалъ, какъ бы ему яснѣе выразиться,—потому что ему тогда *сузить* себя надо...

— Ахъ, сдѣлайте милость, засмѣялся Духонинъ, — подите, *сузьтесь* до Гомера!...

— Современному человѣку Жоржъ-Санды нужны, а не Гомеры! со всѣмъ пыломъ и искренностью молодаго увлеченія возгласилъ Факирскій.

— Скриба ему нужно! громко хихикнулъ ему на это Свищовъ,—и именно Скриба *на музыку* Обера!.!.

Студентъ ужасно оскорбился за своего кумира:

— Это что же-съ! проговорилъ онъ, подергивая плечами,— вѣдь такъ, пожалуй, можно и роднаго отца на площади охаять!...

— Совсѣмъ нѣтъ-съ, это я, напротивъ, въ смыслѣ вашемъ же говорю, замигалъ ему Свищовъ и правымъ, и лѣвымъ глазомъ;—вамъ извѣстно, или нѣтъ, что въ Брюсселѣ, послѣ перваго представленія Фенеллы *), толпа вышла изъ театра, поя хоромъ: „amour sacré de le patrie“, дуэтъ втораго дѣйствія, и въ ту же ночь выгнала изъ города Голландцевъ?... Вотъ-съ они каковы, Скрибъ-то съ Оберомъ!...

— А вы, батенька, потише при мнѣ, шепнулъ, толкнувъ его слегка въ бокъ, исправникъ: — я вѣдь здѣсь въ нѣкоторомъ родѣ правительственная власть!...

— Ну, какая вы власть! расхохотался Свищовъ, не безъ нѣкоторой тревоги, впрочемъ, заглядывая въ лицо Акулину;— вы у насъ *жуиръ*, а не власть!...

— Нельзя, услышитъ пожалуй! объяснилъ толстый Елпидифоръ, кивнувъ на князя Ларіона.

А князь Ларіонъ, сидѣвшій по другую сторону Софьи Ивановны, говорилъ ей тѣмъ временемъ:

— Не знаю, успѣлъ-ли передать вамъ Сергѣй Михайловичъ о нашемъ сегодня съ нимъ разговорѣ и о моемъ совѣтѣ ему?

— Знаю;—очень вамъ благодарна! отвѣтила она.

Онъ взглянулъ на нее, нѣсколько удивленный сухостью, показалось ему, ея тона.

— Очень! повторила она, кивая головой:—вы правы, ему

*) La muette de Portici.

здѣсь нечего дѣлать! подчеркнула она... Особенно если вы устроите ему потомъ...

— Это непремѣнно! не далъ онъ ей кончить:—и это мы въ Москвѣ же устроимъ. Не понимаю даже, для чего вашъ племянникъ ѣздилъ въ Петербургъ подавать свою просьбу: вашъ главноначальствующій, при дружбѣ своей съ... — князь назвалъ одного очень высокопоставленнаго въ то время сановника,—все можетъ теперь... Я черезъ него обдѣлаю...

Софья Ивановна наклонила голову въ знакъ признательности.

— Я очень интересуюсь вашимъ племянникомъ, заговорилъ опять князь Ларіонъ;—мнѣ много говорили въ Москвѣ зимою о его блестящихъ способностяхъ и познаніяхъ, и, сколько я могъ самъ судить за это короткое время, онъ, дѣйствительно, далеко не дюжинный молодой человѣкъ. Если бы я былъ еще во власти, я бы непремѣнно...

— Ничего для него бы не сдѣлали! быстро промолвила Софья Ивановна, которую уже давно подмывало сказать ему что-нибудь непріятное.

— Почему же вы такъ думаете? недовольнымъ тономъ спросилъ онъ.

Она поспѣшила обратить слова свои въ шутку:

— Я Писанія держусь: *не уповай ни на князя, ни на сына человѣческаго*...

— Я не могу вамъ воспрепятствовать почитать меня за эгоиста, сказалъ, слегка усмѣхаясь, князь Ларіонъ,—но прошу васъ вѣрить только въ то, что я *по принципу* старался бы проложить Сергѣю Михайловичу дорогу. Мудрое правительство должно было бы всегда, по-моему, имѣть такихъ *намѣченныхъ* имъ, такъ сказать, заранѣе, для занятія въ будущемъ высшихъ должностей въ государствѣ, молодыхъ людей, которые, какъ вашъ племянникъ, къ счастливой случайности рожденія и независимости по состоянію присоединяютъ еще пріобрѣтенное самими ими солидное высшее образованіе.

— „Очень красно, только ты племянницы-то своей этому „намѣченному“ дать не намѣренъ!“ подумала Софья Ивановна,

и опять неудержимо захотѣлось ей кольнуть чѣмъ нибудь „стараго лукавца...“

— Я о правительствѣ не сужу, громко проговорила она,— но у насъ, по Писанію тоже, и *своя своихъ не познаша*!...

Захотѣлъ-ли, или нѣтъ, понять князь Ларіонъ этотъ намекъ, но онъ прекратилъ разговоръ справа и обратился съ какимъ-то вопросомъ къ сидѣвшей у него по лѣвую руку *образованной окружной*.

Глаза еще взволнованной Софьи Ивановны обѣжали кругомъ стола и съ какою-то безсознательною, но глубокою нѣжностью остановились на княжнѣ Линѣ, съ обѣхъ сторонъ которой двѣ изъ *пулярокъ*, чуть не повисши ей на плечи, ужасно торопясь и перерывая другъ друга, передавали ей какой-то вздоръ. Софьѣ Ивановнѣ самой себѣ не хотѣлось признаться въ томъ чувствѣ, которое неотразимо влекло ее къ этой дѣвушкѣ. Давно-ли, когда Сергѣй пріѣхалъ изъ Сицкаго, и она его исповѣдывала, она не только ужасалась мысли предстоявшихъ ему недочетовъ, но и самый успѣхъ его, думала она, былъ бы, кажется, для нея тягостенъ? Тогда она обѣими руками, не задумавшись, подписалась бы подъ разумнымъ приговоромъ князя Ларіона: „не женятся въ 23 года, не создавъ себѣ никакого положенія, не сдѣлавъ ничего ни для общества, ни для себя...“ Теперь всѣ соображенія ея перепутывала и смущала одна упорно, неотступно набѣгавшая ей въ голову мысль: „а что же, если и *она*, это милое созданіе, полюбитъ Сережу, что же тогда?...“ И она, сама себѣ въ этомъ не давая отчета, досадливо отгоняя этотъ „соблазнъ“ каждый разъ, когда представалъ онъ передъ нею, страстно, съ какимъ-то молодымъ біеніемъ сердца, жаждала теперь, чтобъ это случилось... чтобъ „это милое созданіе“, эта синеокая, изящная, тихая дѣвушка... такъ напоминающая его, отца своего, чтобъ и она... да... И Софья Ивановна отуманенными глазами глядѣла, любуясь на тонкій обликъ Лины, и въ головѣ ея проносилось, что, „если бы ужь *на то* была воля Божья“, она и не знаетъ, кого бы изъ „нихъ двухъ“ она болѣе любила!...

Княжна какъ бы почувствовала на себѣ проникающую

струю этого взгляда: она подняла голову, встрѣтилась глазами съ Софьей Ивановной и улыбнулась... „Да, люби меня, я хорошая!“ такъ и говорила эта улыбка.

У Софьи Ивановны забилось въ груди, какъ въ двадцать лѣтъ...

— Господи, точно я сама влюблена въ нее! подумала она, дружески кивая ей черезъ столъ.

Княжна тихо отвела отъ нея глаза, вскинула ихъ на мгновеніе въ сторону, гдѣ сидѣлъ Гундуровъ, и опять, вопросительно будто, взглянула на нее:

— „О чемъ *онъ* тоскуетъ?“ прочла въ нихъ ясно Софья Ивановна...

Старый офиціантъ съ сѣдыми бакенбардами и строгою физіономіей, наклонясь тѣмъ временемъ къ уху исправника, передавалъ ему на тарелкѣ продолговатый конвертъ подъ казенною печатью и шепталъ ему таинственно и внушительно:

— Сею минутою изъ города къ вамъ разсыльный; наказывалъ-съ, что очень нужное...

Исправникъ торопливо вскрылъ на колѣняхъ конвертъ, вынулъ изъ него бумагу и какое-то вложенное въ нее письмо, прочелъ надписанный на немъ адресъ и, такъ же торопливо обернувшись къ слугѣ:

— Князю Ларіону Васильевичу сейчасъ! передалъ онъ ему письмо и, слегка дрожащими руками развернувъ подъ столомъ полученную имъ бумагу, принялся читалъ ее.

Слуга съ тѣмъ же таинственнымъ видомъ и молча поднесъ письмо по назначенію.

Князь съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянулъ на него, узналъ почеркъ на адресѣ, тотчасъ же взялъ его съ тарелки и спросилъ:

— Кѣмъ доставлено?

— Господинъ капитанъ-исправникъ приказали вашему сіятельству вручить-съ, отчетливо, нѣвуче и протяжно доложилъ старый дворовый, отъ преизбытка почтительности совсѣмъ ужь неестественно приподымая сѣдыя брови.

— Вамъ съ нарочнымъ прислано? громко обратился черезъ столъ князь къ Акулину.

— Точно такъ-съ, приподымаясь на половину со своего стула, отвѣчалъ толстый Елпидифоръ:—получилъ сейчасъ въ пакетѣ, съ извѣщеніемъ, что ихъ сіятельство изволятъ прослѣдовать чрезъ нашъ уѣздъ въ сосѣднюю губернію,—въ имѣніе свое, въ Нарцесово, надо полагать, ѣхать изволятъ. Отъѣздъ изъ Москвы назначенъ по маршруту въ пятницу, 19-го числа, а въ субботу утромъ *они* намѣреваются быть здѣсь въ Сицкомъ-съ...

— Le comte? Къ намъ? вопросительно протянула княгиня Аглая Константиновна, скрывая причиняемое ей этой вѣстью удовольствіе подъ равнодушною улыбкой.

— Oui, ваше сіятельство, поспѣшилъ подтвердить исправникъ.

— Офиціальности, офиціальности-то на себя что̀ напустилъ! хихикнулъ вполголоса Свищовъ, подмигивая черезъ столъ Духонину,—эпикуреецъ, а?

— Отстаньте, служба! такимъ же, но сердитымъ шопотомъ осадилъ его Акулинъ.

— Я его знаю — *графа!* громко возгласила Ольга Елпидифоровна, которая сидѣла между двумя обожателями своими, Ранцовымъ и Маусомъ, и въ продолженіе всего обѣда занималась тѣмъ, что дразнила и натравливала ихъ другъ на друга;—когда я была на балѣ въ Благородномъ Собраніи съ генеральшей Дьябловой, она меня познакомила... Онъ очень добрый старикъ и смѣшной такой: голова точно арбузъ, лысая вся кругомъ. Онъ мнѣ руку далъ, любезный очень былъ и сказалъ мнѣ, чтобы я чаще пріѣзжала въ Москву, домолвила самодовольно барышня,—при чемъ почтеннаго родителя ея такъ и повело, такъ какъ *графъ* (чего не сказала вслухъ Ольга), приглашая ее чаще бывать въ Москвѣ, прибавилъ къ этому: „а отцу скажите, чтобы въ карты меньше игралъ“!...

— А мнѣ придется отсюда скрыться куда нибудь на время, засмѣялся Чижевскій: — я у него насилу выпросился

на 28 дней, родныхъ повидать,—и вдругъ онъ меня найдетъ здѣсь на сценѣ... Бѣда какого дастъ нагоняя!...

— Ne craignez pas, я ему скажу et il ne vous fera rien! обнадежила его съ высоты своего величія княгиня.

Князь Ларіонъ читалъ тѣмъ временемъ письмо отъ *графа*. Оно писано было крупными растянутыми буквами, какъ пишутъ начинающія дѣти и грамотные лавочники, и занимало всѣ четыре страницы большаго почтоваго листа. Содержаніе его, повидимому, представляло значительный интересъ, потому что князь то хмурился, то разжималъ брови и сосредоточенно вникалъ, казалось, въ смыслъ каждой строки. Онъ добрался до конца, сложилъ письмо.

— Извините за мою неучтивость, своимъ любезнымъ и повеселѣвшимъ тономъ проговорилъ онъ, обводя легкимъ поклономъ своихъ сосѣдокъ, — я такъ безцеремонно занялся чтеніемъ... Вотъ и ближайшій случай обдѣлать дѣла Сергѣя Михайловича, шепнулъ онъ тутъ же Софьѣ Ивановнѣ. И, поднявъ голову:

— Нарочный вашъ еще здѣсь? спросилъ онъ опять громко у исправника.

— Здѣсь еще, ваше сіятельство!...

— И можетъ подождать нѣсколько?

— Сколько прикажете-съ!

— Такъ я послѣ обѣда напишу и попрошу васъ письмо мое распорядиться доставить скорѣе на почту...

— Я самъ, если дозволите, ваше сіятельство, доставлю его въ городъ сегодня же, отвѣчалъ Акулинъ, — и для большей скорости не прикажете-ли отправить его съ эстафетою?

— Очень хорошо-съ!...

— А *Полонія* что-жь, по-боку, значитъ? раздался вдругъ какъ изъ бочки, къ общему смѣху, встревоженный и раздраженный голосъ, — голосъ „фанатика“, безмолвно до сихъ поръ лишь отваливавшаго себѣ огромные куски съ блюдъ, которые пожиралъ съ алчностью, достойною Гомеровскаго Полиѳема.

— Я вернусь завтра же къ полудню, сказалъ смѣючись

исправникъ, — а на сегодня ужь извините: служба прежде всего-съ...

— Дороги не въ исправности? шутливо спросилъ князь Ларіонъ.

— На этотъ счетъ смѣю просить извиненія вашего сіятельства, возразилъ почтительно-обиженнымъ тономъ толстый Елпидифоръ:—по губерніи, смѣло могу сказать-съ, нѣтъ дорогъ исправнѣе моихъ! А пароѣмъ на рѣкѣ Нарѣ осмотрѣть нужно. Съ торговъ отдается, изволите знать; возятъ, не жалуются... Только подъ проѣздъ ихъ сіятельства, чтобъ не задержали какъ-нибудь, заранѣе приказаніе отдать, чтобы къ 19-му числу народъ нагнать на рѣку на всякій случай...

Князь Ларіонъ усмѣхнулся съ тѣмъ полупрезрительнымъ, полускучающимъ видомъ человѣка, которому изъ долголѣтней практики службы въ высшихъ чинахъ до тошноты вѣдома вся эта исторія начальническихъ поѣздокъ по только-что закиданнымъ колеямъ отечественныхъ дорогъ, съ бѣшено скачущимъ впереди на тройкѣ исправникомъ и „нагнаннымъ“ народомъ на переправахъ,—но который изъ той же практики давно убѣдился, что ничего съ этимъ не подѣлаешь, и что этими порядками стояла и будетъ стоять Святая Русь до скончанія вѣковъ...

XX.

Любви всѣ возрасты покорны...
Пушкинъ.

Тотчасъ же послѣ обѣда князь ушелъ къ себѣ, попросивъ прислать кофе къ нему наверхъ. Это значило, что онъ не скоро намѣренъ вернуться къ обществу... То, что имѣлъ онъ отвѣтить на полученное имъ письмо, требовало размышленія. *Графъ*—съ которымъ онъ былъ въ дружескихъ связяхъ еще со временъ Отечественной войны, когда, юношею, прямо со скамьи Лейпцигскаго университета, онъ поступилъ дипломатическимъ чиновникомъ въ походную канцелярію князя Кутузова,—писалъ ему о *предложеніяхъ*, имѣющихъ быть ему сдѣланными изъ Петербурга, и о которыхъ онъ, т. е. *графъ*, передастъ ему подробнѣе при личномъ свиданіи въ Сицкомъ, но что его, *графа*, просятъ заранѣе узнать: согласенъ-ли будетъ вообще князь снова вступить въ службу, „потому", говорилось въ письмѣ,—„если *вообще перемѣнить* своего покоя не хочешь то *нѣчево тебѣ* и предлагать. А потому отпиши сейчасъ, *штобъ* и я могъ *нѣмѣдля* про тебя *што просютъ* отвѣчать..." Князь зналъ, *кто* проситъ объ этомъ его отвѣтѣ его почтеннаго, хотя и не очень грамотнаго, стараго друга: онъ зналъ, что оттуда могли итти лишь вѣскія по своему источнику *предложенія*... Онъ могъ опять попасть во власть,—и невольно проносились у него въ головѣ знакомыя имена облеченныхъ въ высшія должности государства... „Кого же думаютъ *тамъ* замѣнить мною?" спрашивалъ онъ себя съ безотчетнымъ любопытствомъ, медленными шагами подымаясь

по лѣстницѣ въ свои покои... Онъ еще далеко не зналъ, какого рода отвѣтъ онъ дастъ *графу*. Власть?... Онъ сознательно, потому что признавалъ долгомъ своей совѣсти, отказался отъ нея два года тому назадъ... Ему было тяжело тогда: этотъ міръ власти, въ которомъ съ юныхъ лѣтъ было предназначено ему мѣсто, въ которомъ онъ такъ долго былъ *своимъ*,—онъ былъ ему дорогъ... Но онъ отказался отъ нея и уѣхалъ въ Италію... Въ воспоминаніи князя мелькали подробности этого отъѣзда: скверный октябрьскій петербургскій вечеръ съ пронзительнымъ вѣтромъ и дождемъ, полуосвѣщенное зало въ зданіи почтовыхъ каретъ въ Большой Морской, два исполненные гражданскаго мужества бывшіе его чиновника, пришедшіе проводить его, охрипшая труба кондуктора... Затѣмъ опять дождь, свинцовое небо, нескончаемый путь до Таурогена, безсонныя ночи въ тѣсномъ экипажѣ, упреки и сожалѣнія незасыпавшаго честолюбія и на границѣ равнодушный голосъ таможеннаго чиновника, провѣрявшаго паспорты,—голосъ, словно и теперь звенѣвшій въ его ухѣ и показавшійся ему тогда такимъ дерзкимъ: „князь Шастуновъ, отставной тайный совѣтникъ, не угодно-ли получить!...“

Онъ проѣзжалъ черезъ Германію,—Германію, почти ему родную во времена Тугендбунда и пѣсней Кёрнера... Она вся теперь, отъ Одера до Майна и Дуная, горѣла огнемъ междоусобія. „Отъ нашихъ пергаменовъ священнаго союза вскорѣ, можетъ быть, не останется ни клочка“, думалъ князь Ларіонъ... „Но что же до этого *намъ*? Развѣ мы свою, *русскую*, политику преслѣдовали тамъ, на Вѣнскомъ конгрессѣ, удивляя міръ нашимъ великодушіемъ?...“ Родина необъятнымъ исполиномъ вставала передъ нимъ... „Colosse aux pieds d'argile?“ вспоминалъ онъ слово Mauguin'a... „Нѣтъ, у насъ одна задача—просвѣщеніе, одинъ опасный врагъ—невѣжество, и мы его-же теперь призываемъ въ помощь себѣ на борьбу съ тѣмъ, что, въ ребяческомъ перепугѣ мнимъ мы, грозитъ намъ отсюда!...“ И снова закипали на душѣ его недавнія волненія, пробѣгали въ памяти живые образы его петербургскихъ враговъ, и точно слышались ему звуки пререканій ихъ съ нимъ въ совѣтахъ и гостиныхъ въ тѣ дни, когда все темнѣе и

темнѣй набѣгали тучи безсмысленнаго страха, и надъ бѣднымъ русскимъ образованіемъ висѣлъ неминуемый ударъ...

Да, тяжело ему было тогда... И вотъ онъ достигъ цѣли своего пути,—пріѣхалъ въ Ниццу и велѣлъ вести себя въ Hôtel Victoria, гдѣ, онъ зналъ по письмамъ, стояла семья его недавно умершаго брата. Vittorio, котораго онъ помнилъ курьеромъ у князя Михайлы, встрѣтился съ нимъ на лѣстницѣ, узналъ и побѣжалъ доложить... Дверь отворилась, онъ вошелъ... „Larion!“ вскрикнула княгиня Аглая—и за нею высокая дѣвушка, въ черномъ съ головы до ногъ, съ глухимъ рыданіемъ упала ему головой на плечо...

Какъ живо теперь припоминалъ онъ это мгновеніе?... Онъ не видалъ ея лѣтъ шесть. Какъ мало походило на тогдашнюю впалогрудую, длинную дѣвочку это стройное созданіе, блѣдное и прекрасное въ своей нѣмой печали, какъ мраморъ Ніобеи, съ тихимъ пламенемъ мысли въ васильковыхъ глазахъ!... Она его прежде всего поразила сходствомъ своимъ съ его братомъ, съ которымъ онъ всегда былъ очень друженъ и который всегда съ глубокою любовью говорилъ о ней въ своихъ письмахъ къ нему. Тотъ же неулыбавшійся взглядъ, то же изящное спокойствіе внѣшняго облика, подъ которымъ у князя Михайлы скрывалась въ молодости неудержимая страстность... „А дальше“? спрашивалъ себя въ первые дни налаженный на сомнѣнія князь Ларіонъ,—„насколько тутъ къ той чистой крови примѣси отъ грубой натуры ея матери?...“

Не долго задавалъ онъ себѣ подобные вопросы... Ихъ сблизила прежде всего эта дорогая имъ обоимъ память о князѣ Михайлѣ. Они каждый день говорили о немъ... Онъ умиралъ, медленно угасая, въ полномъ сознаніи своего состоянія, переписывался съ пасторомъ Навилемъ въ Женевѣ и въ то же время съ однимъ старымъ итальянскимъ аббатомъ, бывшимъ духовникомъ его матери, о будущей жизни, читалъ каждый день Евангеліе и молился по цѣлымъ часамъ. „Онъ былъ чрезвычайно ласковъ и *покоренъ* татап, но никогда ничего не говорилъ ей о себѣ, чтобы не испугать ее“, объясняла Лина,—„только когда мы оставались съ нимъ вдвоемъ онъ

не таился, и будто легче бывало ему оттого...“ Князь Ларіонъ договаривалъ себѣ то, чего не поняла, или не хотѣла сказать ему Лина: „покоряясь“, его бѣдный братъ до послѣдней минуты не могъ побѣдить того чувства, которое въ продолженіе всей его жизни удаляло его отъ этой женщины, связанной съ нимъ невольными узами. Онъ томился ею до конца и въ набожномъ настроеніи своемъ тѣмъ мучительнѣе тосковалъ и каялся въ винахъ своихъ передъ нею. Въ полубреду предсмертныхъ часовъ, онъ, уцѣпившись костенѣвшими пальцами за поледенѣвшую отъ ужаса руку Лины, говорилъ ей: „мать... не огорчай... Искупи... искупи меня, грѣшнаго!...“ Онъ не вѣдалъ, умирая, на что обрекалъ этимъ ея молодую жизнь!...

А князь Ларіонъ былъ вскорѣ весь охваченъ благоуханіемъ этой разцвѣтающей жизни. Чѣмъ-то невыразимо-чистымъ, свѣтлымъ, примиряющимъ вѣяло отъ нея на его наболѣвшую и возмущенную душу. Онъ уже не разсуждалъ, онъ отдавался этому обаянію... Итти объ руку съ племянницей къ морскому берегу, куда нибудь подалѣе отъ promenade des Anglais *) и, усѣвшись на камнѣ у самаго прибоя, глядѣть по цѣлымъ часамъ на паруса, скользившіе вдали по голубому простору средиземныхъ волнъ, читать съ нею по вечерамъ Уордсворда и Уланда, а по утрамъ учиться вмѣстѣ итальянскому языку у стараго, смѣшнаго учителя, на длинныхъ, дрябленькихъ ножкахъ, который при каждомъ объясненіи лукаво моргалъ глазами и таинственно спрашивалъ ихъ: „sentiano, Eccelenze? **),—такова была идиллія, которую переживалъ теперь, на склонѣ лѣтъ, этотъ посѣдѣвшій въ тревогахъ и разочарованіяхъ дѣловой жизни человѣкъ. И то, что теперь замѣняло, въ силу чего забывалъ онъ все свое прежнее, недавнее былое, казалось ему то тихое, святое отцовское чувство, котораго онъ, одинокій самолюбецъ, не зналъ всю жизнь, и которое за то исполняло его теперь какою-то никогда имъ еще не испытанною, безпредѣльно захватывавшею его нѣжностью... Да, говорилъ онъ себѣ, онъ любилъ ее, какъ

*) Главное мѣсто гулянья въ Ниццѣ.
**) Понимаете, ваши сіятельства?

родную дочь, и не могъ бы желать, не могъ бы создать въ воображеніи лучшей себѣ дочери: ничего, ничего *Аглаинаго*, а вся грація, изящество, тонкость воспрининманія и вдумчивая сдержанность избранныхъ натуръ... Какъ глубоко она чувствуетъ и какъ гордо-стыдливо хоронитъ отъ чужаго взгляда завѣтный кладъ чувствъ своихъ и мысли! „Счастливецъ тотъ, кому...“

Князь Ларіонъ не договаривалъ и все чаще задумывался о *ней*... и о томъ „счастливцѣ...“ И что-то еще темное, но уже мучительное все сильнѣй примѣшивалось къ этимъ помысламъ, вливало какую-то тайную горечь въ ту чашу чистаго счастья, къ которой въ первые дни приникалъ онъ неотступными устами...

А время бѣжало, трауръ по его братѣ приходилъ уже къ концу; княгиня Аглая заговорила о „devoirs de société“, о необходимыхъ выѣздахъ, о Россіи... На князя Ларіона это произвело впечатлѣніе нежданнаго и сокрушительнаго удара; въ уносившемъ его теченіи онъ какъ бы никогда не думалъ о томъ, что эта блаженная, одинокая, почти вдвоемъ съ Линой, жизнь его въ Ниццѣ должна была измѣниться не сегодня, такъ завтра; ему какъ бы въ голову не приходило, что *ее* могутъ *отнять* у него... А теперь—завѣса падала съ его глазъ,—а теперь *отдать ее* значило для него вырвать у себя сердце!...

Въ первую минуту онъ не повѣрилъ себѣ, онъ хотѣлъ вѣрить въ право свое на то, что жгучимъ огнемъ палило теперь его душу. Онъ спрашивалъ себя: не то-ли же самое испыталъ бы князь Михайло на его мѣстѣ, не тою-ли же тревогой исполнился бы онъ, если бы его тѣснымъ, нѣжнымъ, счастливымъ отношеніямъ къ дочери грозило чье-либо мертвящее вмѣшательство?... Увы, внутренній голосъ отвѣчалъ ему, что отцовская нѣжность не вѣдала бы подобныхъ опасеній, что это чувство все даетъ и ничего не требуетъ, что ему не грозно никакое соперничество, потому что соперниковъ у этого чувства быть не можетъ... А онъ,—онъ весь исполненъ былъ тоски и страданія, и подъ устремленными на нее горячечно пылавшими его глазами Лина однажды, вся

заалѣвъ и опустивъ вѣки, почти испуганно спросила его: „что съ вами, дядя, зачѣмъ смотрите вы на меня такъ?...“

Онъ ужаснулся, дрогнулъ... „Бѣжать, бѣжать скорѣе!“ было его первою мыслью...

— Намъ, вѣроятно, скоро придется разстаться, сказалъ онъ ей, перемогая себя и потухая взоромъ,—твоя мать желаетъ ѣхать въ Россію, а мнѣ... мнѣ тамъ нечего дѣлать,—я уѣду въ Римъ...

Она съ новымъ испугомъ подняла теперь голову:

— Дядя, что же мы безъ васъ дѣлать будемъ?...

Онъ понялъ: что ей было бы дѣлать одной съ матерью, которой она съ такимъ смиреніемъ покорялась и съ которой у нея было такъ мало общаго?...

Князь Ларіонъ ожилъ... Онъ „былъ нуженъ ей, онъ былъ необходимый *ингредіентъ* въ ея жизни, онъ былъ для нея преемникомъ всего того высшаго, сочувственнаго, просвѣтительнаго, что представлялось Линѣ въ ея покойномъ отцѣ, что связывало ее съ нимъ духовными неразрывными узами, и безъ чего ей жить нельзя...“ Онъ жадно уцѣпился за эту мысль: да, онъ ей нуженъ и *„не имѣетъ по этому права ее оставить*; онъ будетъ, онъ *долженъ* оберегать это нѣжное растеніе отъ грубыхъ, невѣжественныхъ прикосновеній, будетъ ревниво охранять тотъ священный огонь, возженный братомъ его въ душѣ дочери; онъ по праву единственный ея покровитель; онъ же одинъ и въ состояніи понять, чего стоитъ эта душа...“ А ему,—что ему нужно? Чего проситъ онъ отъ судьбы? Продолжить, по возможности, на нѣсколько мѣсяцевъ, на нѣсколько недѣль, эту блаженную, одинокую жизнь подъ италіанскимъ небомъ, на берегахъ сіяющаго моря, гдѣ заслушивался онъ ея тихихъ рѣчей объ отцѣ, о Богѣ, о дальней, холодной родинѣ, которую едва помнила Лина, и о которой не позволяла она никогда „говорить дурно“ дядѣ,—и забывать весь міръ, внимая этимъ рѣчамъ, погружаясь украдкой въ эти глаза, глубокіе и лазурные, какъ глубь и лазурь того моря, того неба...

Онъ остался,—и весь старый свой дипломатическій опытъ употребилъ онъ теперь въ дѣло, чтобы отсрочить отъѣздъ ихъ

изъ Италіи, чтобы не дать разыграться воскресавшимъ свѣтскимъ вожделѣніямъ своей невѣстки. Онъ пугалъ ее русскими холодами, петербургскою сыростью, опасными для ея дѣтей, взросшихъ подъ умѣреннымъ небомъ Германіи; племянницѣ онъ говорилъ о тщетѣ свѣтской жизни, о безсмысленномъ тщеславіи Петербурга; индифферентъ, онъ поощрялъ замѣченную имъ въ ней религіозную восторженность; онъ растравливалъ горечь и безъ того живучихъ сожалѣній ея о страстно любимомъ отцѣ: на этой почвѣ, онъ зналъ, у него не могло быть соперниковъ...

Онъ достигъ своей цѣли: еще годъ оттянулъ онъ у Аглаи Константиновны. Вмѣсто Россіи онъ увезъ ее съ дѣтьми въ Римъ... Какъ наслаждался онъ тамъ сосредоточенными восторгами Лины предъ чудесами Святаго Петра и Ватикана! Какъ сама она своимъ чистымъ и задумчивымъ обликомъ подходила въ его глазахъ къ этому міру католическаго искусства, которое единственно было ей понятно и влекло ее въ Римъ!... Но за то среди тѣхъ чудесъ ея красота была какъ бы еще замѣтнѣе: жадные молодые взоры чаще останавливались на ней, чѣмъ среди больнаго населенія Ниццы... „Ее отымутъ отъ меня!“ все мучительнѣе отдавалось въ сердцѣ князя Ларіона...

А свѣтская жизнь уже забирала свои права. Княгиня Аглая завела много знакомствъ, между прочимъ съ одною графинею Анисьевой, петербургскою дамой, жившею въ Римѣ для своего здоровья. Князь Ларіонъ очень не жаловалъ ея и чуялъ въ ней „интригантку.“ Аглаѣ Константиновнѣ она, напротивъ, пришлась очень по вкусу: онѣ безпрестанно видались и вѣчно о чемъ-то шушукались. Лину графиня не звала иначе, какъ „mon idole,“ и томно вздыхала, глядючи на нее, въ изъявленіе своего восхищенія ею. Все это коробило князя Ларіона... А княгиня въ то же время все настоятельнѣе приставала къ нему вернуться въ Россію. „Ея дѣла... et puis Lina va avoir dix-huit ans“, многозначительно намекала она,—и ея сынъ, Basile... „онъ долженъ получить une éducation russe“... Подъ „éducation russe“ она разумѣла Пажескій корпусъ, а подъ „Россіею“ Петербургъ,—и ужасно

поражена была, когда „Larion“ на отрѣзъ объявилъ ей, что въ Петербургъ онъ не поѣдетъ. Безъ него, она понимала, „ce n'est plus du tout la même chose *тамъ*...“ Много было по этому поводу у нея *интимныхъ* совѣщаній съ графинею Анисьевой, результатомъ которыхъ было то, что она, тяжело при этомъ вздыхая, предложила князю ѣхать на зиму „s'établir à Moscou...“ Онъ могъ бы еще на время отдалить, отсрочить, но сама *она*, Лина, всей душою рвалась въ Россію...

Онъ согласился съ сокрушеннымъ сердцемъ...

Они пріѣхали, стали *принимать*. Княжну повезли на первый балъ къ *графу*... О, какъ сказать, что почувствовалъ князь Ларіонъ, когда въ первый разъ рукавъ гвардейскаго офицера обвилъ дѣвственный станъ Лины, и самъ онъ съ казенною улыбкой подъ форменными усами помчалъ ее съ собою по залѣ!... Древній жрецъ съ такимъ мучительнымъ ужасомъ не глядѣлъ бы на поруганіе своего кумира!... „Да, вотъ оно, *настоящее*,—вотъ ta via dolorosa“, скорбный путь, по которому суждено было ему брести отнынѣ до той минуты—вся внутренность переворачивалась у него, думая объ этомъ,—когда ее, *Hélène*, совсѣмъ, совсѣмъ *отымутъ*... *вырвутъ* у него, кинутъ въ объятія... предадутъ поцѣлуямъ молодаго, заранѣе ненавистнаго ему, „счастливца...“ Что же съ нимъ, съ нимъ что тогда будетъ!...“ Сердечныхъ бурь не избѣжалъ въ свое время князь Ларіонъ: у него было нѣсколько связей, двѣ, три привязанности, которымъ онъ тогда готовъ былъ пожертвовать всѣмъ дорогимъ въ жизни... Но теперь онъ спрашивалъ себя, какъ Шекспировскій Ромео: „любило-ль сердце мое до сихъ поръ?“ *) и ничего въ своемъ прошедшемъ не находилъ онъ подобнаго пламени и мукамъ этой послѣдней, безумной, чуть не преступной страсти...

Догадывалась-ли о ней Лина? Онъ боялся этого пуще грома небеснаго. Одно необдуманное слово, невольный взглядъ могли замутить тотъ чистый міръ родственныхъ, довѣрчивыхъ отношеній, въ которомъ единственно возможно было для него близкое общеніе съ нею... И такъ уже, казалось ему иногда,

*) Did my heart love till now? Act. 1 Sc. III.

она не прежнимъ, яснымъ взглядомъ глядѣла ему въ лицо,—говоря съ нимъ, улыбалась еще сдержаннѣе на его ласковыя рѣчи... Нѣтъ, онъ былъ обреченъ на одинокое, безмолвное, нескончаемое страданіе...

И вотъ неожиданно извѣщаютъ его о какихъ-то *предложеніяхъ*... зовутъ его опять къ дѣлу, къ власти, отъ которой онъ ушелъ тому два года... Не спасеніе-ли это? Въ *томъ* омутѣ заботъ, интригъ и треволненій онъ можетъ отдохнуть, забыться отъ этой теперешней, неустанно гложущей его муки; подъ тяжестью дѣловаго труда уляжется поневолѣ его эта бунтующая не по лѣтамъ кровь; онъ найдетъ силу смириться передъ неизбѣжнымъ... Да, но какъ понимать этотъ призывъ его обратно. Перемѣнилось-ли „теченіе,“ какъ онъ выражался, или думаютъ *тамъ*, что онъ, *получивъ урокъ*, подчинится теперь безусловно тому, что̀ порицалъ онъ *тогда?*... „Въ этомъ случаѣ—нѣтъ, онъ не пойдетъ, разсуждалъ съ собою князь Ларіонъ,—онъ вѣрный слуга, а не рабъ нѣмой; въ саду хозяина онъ не станетъ косить тамъ, гдѣ очевидно слѣдуетъ насаждать!...“ Онъ невольно усмѣхнулся, вспомнивъ, что эти именно слова, сказанныя имъ въ одной гостиной въ Петербургѣ, были главною причиной неудовольствія на него, и, вслѣдствіе того, выхода его въ отставку. „Какимъ былъ, такимъ онъ и умретъ,—Шастуновы не податливы!... За то Бирономъ и отсѣкъ имъ цѣлымъ троимъ головы,“ еще разъ усмѣхнулся онъ, вспомнивъ опять...

Но, такъ или инако, отвѣта отъ него ждутъ,—и надо дать его!...

Что̀ же онъ напишетъ?

Онъ снова сѣлъ за свой письменный столъ, передъ портретомъ племянницы, и, опершись головой объ руку, снова задумался крѣпкою и невеселою думою.

XXI.

Общество послѣ обѣда перешло пить кофе на балконъ, обращенный въ садъ. Въ Шипмоунткаслѣ лэди Динморъ всегда готовила кофе сама послѣ обѣда и готовила по-арабски—съ гущею, какъ научилъ ее это дѣлать мужъ, долго странствовавшій по востоку. По этому и у княгини Аглаи Константиновны кофе не подавался готовый, а готовился при всѣхъ и разливался въ великолѣпныя севрскія чашки, съ гербомъ Шастуновыхъ на неизбѣжномъ голубомъ фонѣ, но только безъ гущи, въ уваженіе все тѣхъ же „estomacs russes", не разумѣющихъ такихъ гастрономическихъ квинтэссенцій; готовить же его, вслѣдствіе прирожденной лѣни и неуклюжести своей, княгиня предоставляла „à cette bonne Надежда Ѳедоровна", которая и вообще завѣдывала всѣмъ *маленькимъ хозяйствомъ* дома.

Надежда Ѳедоровна принялась за свое дѣло съ особеннымъ оживленіемъ. Розы цвѣли у нея на душѣ: подлѣ нея за обѣдомъ сидѣлъ Ашанинъ и, послѣ нѣсколькихъ успокоительныхъ увѣреній, пролившихъ сладостный елей въ ея взволнованную грудь, все время затѣмъ, къ довершенію ея благополучія, нещадно глумился надъ бойкой барышней и сидѣвшими по бокамъ ея обожателями, сравнивалъ ее съ московскимъ гербомъ „на грудяхъ друглаваго орла", съ господиномъ, сидящимъ на двухъ стульяхъ, и тому подобнымъ вздоромъ. Смѣялся онъ такъ искренно и просто, что задней мысли бѣдная влюбленная въ него дѣва—а „кто любитъ, хочетъ вѣрить", сказано давно,—предположить въ немъ была не въ

состояніи и простодушно разсудила, что она, дѣйствительно, должно быть, ошиблась, и что такая „пустая дѣвчонка, какъ эта исправникова дочь", не можетъ *серьезно* нравиться такому умному человѣку, какъ *ея Владиміръ*". А между тѣмъ *ея* Владиміръ руководился при этомъ двумя побужденіями: прежде всего, въ виду дальнѣйшихъ соображеній, надо было ему отдалить подозрѣнія и усыпить ея ревность; во-вторыхъ, онъ дѣйствительно злобствовалъ на барышню за то, что она такъ возбудительно глядѣла въ глаза своимъ сосѣдямъ, такъ весело сверкала своими блестящими зубами, такъ откровенно шевелила свои пышныя плечи... А злобствовалъ онъ потому, что никогда еще такъ, какъ въ эту минуту, не нравилась она ему, — а нравилась она ему такъ вслѣдствіе того, что у самого его были въ эту минуту крылья связаны, и занималась она другими, а не имъ. Соперники и препятствія, — это давало ей двойную цѣну въ его глазахъ.

Онъ продолжалъ, усѣвшись за столомъ, за которымъ готовили кофе, потѣшать на ту же тему свою перезрѣлую жертву.

— Мнѣ очень хочется спросить эту дѣвицу, заговорилъ онъ ей, — подъ какимъ вѣнкомъ желаетъ она, чтобъ ей воздвигло статую благодарное потомство: подъ лавровымъ или подъ оливковымъ?

— Она не пойметъ, что̀ это значитъ? съ высоты своей начитанности улыбнулась Надежда Ѳедоровна, раскладывая сахаръ въ чашки.

— Я ей объясню: Ранцовъ, воинъ, — это лавръ; Маусъ, судейскій,—олива! И затѣмъ спрошу: что̀ вы, сударыня, предпочитаете: оливковое масло, или лавровый листъ?

Та разсмѣялась до того, что уронила щипцы на подносъ...

— Подите, подите, спросите! попавшись въ ловушку, послала она его сама къ своей соперницѣ.

Ашанину только того и нужно было.

Онъ медленно привсталъ, отыскалъ глазами Ольгу Елпидифоровну,—она стояла, опершись о перила балкона, и болтала съ Eulampe, *самою рѣшительною* изъ *пулярокъ*,—подошелъ къ ней и, уставившись ей прямо въ глаза:

— Прошу васъ сейчасъ же громко разсмѣяться! сказалъ онъ.

— Это что такое? чуть не привскочила барышня.

— Смѣйтесь, повторилъ онъ торжественно, — отъ смѣха вашего зависитъ счастье мое и самая жизнь!

Она, а за нею Eulampe, расхохотались не въ шутку.

Онъ избока глянулъ на чайный столъ: — Надежда Ѳедоровна довѣрчиво смѣялась тоже этому доносившемуся до нея смѣху.

— Жизнь мою вы спасли, продолжалъ Ашанинъ;—теперь вопросъ о счастіи: *который* изъ двухъ?

И онъ кивнулъ съ балкона внизъ, гдѣ на ступенькахъ спускавшейся съ него лѣстницы, въ числѣ другихъ молодыхъ людей, дымили папиросками, на благородномъ разстояніи другъ отъ друга, Ранцовъ—*лавръ и Маусъ—олива.*

Она тотчасъ же поняла:

— Евлаша, душечка, обернулась она къ ней, — мнѣ холодно въ кисейномъ; сбѣгай, ангелъ мой, въ столовую: тамъ бурнусъ мой лежитъ, ты знаешь...

Пуляркa слегка поморщилась,—Ашанинъ казался ей очень „интересенъ,“—однако побѣжала за бурнусомъ, неуклюже перебирая ступнями, и съ *развальцемъ* на-ходу...

— Къ чему вашъ вопросъ? спросила тогда Ольга Елпидифоровна.

— Къ тому, молвилъ Донъ-Жуанъ, сопровождая слова свои комическимъ жестомъ,—чтобы убить того, *который*...

— Что за вздоръ! засмѣялась она;—я вамъ въ тотъ разъ еще говорила: вѣдь вы на мнѣ не женитесь?

— Не смѣю... Страшно! засмѣялся онъ.

— И не нужно! промолвила она съ невольной вспышкою досады.

— Вѣрно! подтвердилъ онъ.

— Что-о?

— И я говорю: *не нужно!* подчеркнулъ Ашанинъ.

Она опять разсмѣялась:

— Вы съ ума сошли!...

— Совершенно такъ изволили сказать!

И онъ принялся вполголоса пѣть изъ какого-то водевиля, подражая обрывистой манерѣ и хриплому голосу бывшаго тог-

да на московской сценѣ на роляхъ комическихъ любовниковъ актера Востокова:

Э-ти глаз-ки, какъ хо-ти-те,
Хоть ко-го съ у-ма све-дутъ!...

— Знаете что̀, сказала она, помолчавъ, — я такого, какъ вы, еще и не встрѣчала!

— И я такой, какъ вы, не встрѣчалъ! вздохнулъ Ашанинъ. Шутовство въ сторону, — онъ не могъ смотрѣть на нее равнодушно.

— Чего-же вы отъ меня хотите? спросила Ольга, закусывая алую губу.

— Это я вамъ предоставляю угадать!...

Она повела глазами въ сторону Надежды Ѳедоровны:

— А тамъ же что̀?...

— Тамъ—неволя; здѣсь—магометовъ рай! отвѣтилъ онъ, не смущаясь.

— Какая неволя?

— *Она* все, что̀ дѣлается въ домѣ, передаетъ княгинѣ, безсовѣстно сочинилъ Ашанинъ, — я ея боюсь и потому задобриваю, и вамъ то же совѣтую дѣлать...

— Вы все лжете, я вижу! молвила со смѣхомъ быстроглазая дѣвица.

— Кромѣ того, что̀ вы внушаете мнѣ!...

Eulampe запыхавшись бѣжала къ нимъ съ бурнусомъ.

— А теперь довольно! сказала Ашанину Ольга.

— Когда это вы мнѣ скажете: *еще?* отвѣчалъ онъ ей на это долгимъ, говорящимъ взглядомъ, и отправился назадъ къ Надеждѣ Ѳедоровнѣ.

— Ну что̀, сказали? спросила та, передавая ему чашку кофе.

— Сказалъ.

— Что̀ же она?

— А она говоритъ: „это, вѣрно, не вы сочинили,—а эта злющая Травкина?“

— Какъ глупа! И она презрительно повела плечами.

— И я то же замѣтилъ! подтвердилъ Ашанинъ, преспо-

койно пошевеливая ложечкой въ своемъ кофе;—съ нею прескучно!..

Только послѣ того, какъ онъ отошелъ отъ нея, сообразила ясно быстроглазая Ольга прямой смыслъ тѣхъ рѣчей, которыя онъ держалъ ей, и когда вернувшаяся Eulampe съ жаднымъ любопытствомъ въ глазахъ спросила ее:

— Скажи душка, что онъ говорилъ тебѣ?

— Онъ дерзкій! отвѣчала она и покраснѣла.

— Всѣ мужчины — дерзкіе! замѣтила на это опытная, какъ видно, *пулярка*.

Онѣ обѣ громко разсмѣялись...

Посреди гостинной, выходившей на балконъ тремя большими, настежь открытыми дверями, ставили ломберный столъ. Княгиня, со времени пріѣзда своего въ Россію, пристрастившаяся къ преферансу, собиралась играть. Софья Ивановна, которой она предложила карту, отказалась было, говоря, что она до ночи хочетъ вернуться домой, но потомъ уступила. Княжна ее окончательно очаровывала и, словно сознавая это, не отходила отъ нея. Когда она сѣла за партію съ хозяйкой, московской княжной и неизбѣжнымъ „бригантомъ“, Лина умѣстилась подлѣ нея и, глядя ей въ карты, очень смѣшила ее, давая ей совѣты вкривь и вкось.

Чрезъ нѣсколько минутъ она поднялась съ мѣста... Софья Ивановна безсознательно подняла глаза по направленію открытыхъ противъ нея дверей и отгадала скорѣй, чѣмъ различила, унылую фигуру проходившаго мимо племянника. Княжна его также увидала, Софья Ивановна не сомнѣвалась...

— Господи, что изо всего этого выйдетъ! съ новымъ взрывомъ тревоги промолвила она мысленно, безпощадно покрывая тузомъ короля вистовавшаго вмѣстѣ съ нею противъ княгини Зяблина... Тотъ только очи къ небу воздѣлъ.

Княжна прошла на балконъ.

Тамъ было людно и шумно. Курившая молодежь вернулась изъ саду. Сидѣли кружками... Слышался звонкій голосъ анекдотиста Чижевскаго и провинціальныя взвизги потѣшаемыхъ имъ барышень. Въ углу Факирскій и Духонинъ продолжали горячо препираться объ искусствѣ и о Жоржъ-

Сандѣ. Исправникъ тихо совѣщался со Свищовымъ; оба они были записные игроки, и оба въ эту минуту безъ гроша: рѣчь между ними шла о томъ, какъ бы имъ отыграться у Волжинскаго, постоянно обиравшаго ихъ въ пухъ, и котораго оба они знали за отъявленнаго шулера... Гундуровъ одинъ сидѣлъ ото всѣхъ поодаль и, обернувшись къ саду, разсѣянно глядѣлъ на виднѣвшуюся съ балкона рѣку, по которой, крадучись изъ-подъ тучи, бѣжалъ золотою полосой сверкавшій лучъ солнца... Онъ былъ угрюмъ до злости и до сихъ поръ не могъ справиться съ тѣмъ подавляющимъ впечатлѣніемъ, какое произвели на него слова Ашанина въ объясненіе рѣчей князя Ларіона. И чувство его, и самолюбіе были задѣты за живое. „Онъ разгорячился, наговорилъ вздору пріятелю, открывшему ему глаза. Чѣмъ же тотъ виноватъ, что онъ ребенокъ до сихъ поръ, что самъ онъ не понялъ, далъ поводъ прочесть ему это *наставленіе*, не понялъ, что“... Да развѣ я подавалъ въ самомъ дѣлѣ поводъ? вскипало у него снова на душѣ, требовалъ-ли чего нибудь, просилъ, надѣялся? Развѣ и *смотрѣть* ужь на *нее* нельзя?... Вѣдь вотъ это вѣчное солнце, оно свѣтитъ и мнѣ, и вотъ этой чайкѣ, что̀ взвилась сейчасъ тамъ, надъ рѣкою, и послѣднему червяку въ лужѣ... И наконецъ, если бы я даже... Скорѣе уѣхать изъ этихъ мѣстъ, сказывалось у него внезапными взрывами, и пріѣзжать совсѣмъ не нужно было! Я не хотѣлъ, все Ашанинъ... Привезъ, а теперь самъ... Кину я все это, скажу, что не здоровъ, Богъ съ нимъ и съ *Гамлетомъ!* Видно не судьба!... И нужно было тетушкѣ сѣсть за карты,— такъ бы сейчасъ и уѣхали въ Сашино“!...

Лина пошла прямо къ нему:

— Сергѣй Михайловичъ!

Онъ вздрогнулъ отъ неосторожнаго звука этого голоса, обернулся, поднялся съ мѣста!...

Она сѣла... Онъ съ тревогой въ сердцѣ опустился снова на стулъ.

— Вы не здоровы! заговорила она, участливо глядя ему въ лицо.

— Я?... Нѣтъ... Я здоровъ... совершенно здоровъ...

— Что съ вами, Сергѣй Михайловичъ, скажите! настойчиво начала она опять, продолжая смотрѣть ему въ лицо.

— Ничего, княжна, увѣряю васъ; я не знаю...

— Вы на репетиціи... совсѣмъ другой были! Потомъ вы ушли, съ дядей, да?

— Точно такъ.

— Къ нему на верхъ?

— Къ нему.

— И что же вы дѣлали у него?

— Мы условливались на счетъ урѣзокъ...

— Да, я знаю... И больше ничего? спросила Лина.

— Нѣтъ, мы еще... бесѣдовали, черезъ силу проговорилъ Гундуровъ, у котораго при этомъ воспоминаніи вся кровь кинулась въ голову.

Она примолкла.

— И вы *такой* сдѣлались послѣ этой... *бесѣды?* начала она послѣ довольно долгаго молчанія.

Онъ не находилъ отвѣта...

— Онъ очень добрый, дядя Ларіонъ, заговорила опять княжна,—только слова его могутъ иногда показаться...

— Нѣтъ, напротивъ, я ему долженъ быть очень благодаренъ за совѣтъ, примолвилъ съ невольною ироническою улыбкою Гундуровъ.

— Какой совѣтъ? Она съ необычною ей живостью подняла на него вопрошающіе глаза.

— Онъ обѣщалъ выхлопотать мнѣ паспортъ за границу на будущій годъ, а для этого совѣтовалъ мнѣ теперь ѣхать путешествовать по Россіи.

— По Россіи, медленно повторила Лина,—скоро?...

— Онъ говорилъ: „не медля“...

— И вы поѣдете? еще тише спросила она.

— Да, отвѣчалъ Гундуровъ твердымъ голосомъ и избѣгая въ то же время ея глазъ,—поѣду!

— А нашъ Гамлетъ? промолвила она съ какимъ-то особымъ удареніемъ.

— Послѣ... Онъ не договорилъ.

Она опять замолкла и опустила голову.

— Что же, подняла она ее опять и тихо улыбнулась,— по крайней мѣрѣ, *Гамлета отыграемъ!...*

— Это мигъ одинъ! вырвалось у молодаго человѣка.

— Все въ жизни—мигъ... И сама она—мигъ одинъ! зазвенѣлъ какою-то еще неслыханною имъ нотою голосъ Лины.

Онъ недоумѣло поглядѣлъ на нее:

— Да, но тогда жить не стоитъ?...

— Слѣдуетъ! тономъ глубокаго убѣжденія молвила она,— *нести* надо!...

— Бороться надо! сказалось у него какъ-то невольно опять.

— Да, и бороться! раздумчиво закивала она золотистою головкой... И вдругъ перемѣнила разговоръ:

— Это должно быть очень интересно — путешествіе по Россіи... Какъ бы я была рада, если-бъ сама могла...

— Да, сквозь зубы промолвилъ Гундуровъ,—въ этнографическомъ отношеніи интересно...

Она не поняла, что онъ хотѣлъ сказать:

— Мнѣ кажется... кто только любитъ свое... отечество...

Глаза Гундурова заморгали:

— Именно тотъ... Въ другихъ странахъ любовь къ родинѣ—гордость; у насъ она — мука, княжна! досказалъ онъ свою мысль.

Она, въ свою очередь, удивленно остановила на немъ взглядъ, пораженная горечью его тона.

Онъ понялъ, что она требовала объясненія.

— Куда бы вы ни направили путь, заговорилъ онъ съ возрастающимъ оживленіемъ, — все то же зрѣлище представитъ вамъ русская земля. Отъ моря до моря, отъ Нѣмана и до Урала, все тотъ же позоръ рабства и тягота неволи!...

Голосъ его теперь былъ почти грубъ, но онъ глубоко проникалъ въ душу дѣвушки; въ немъ звучали теперь, она чувствовала, лучшія струны этой молодой мужской души, и на нихъ откликалось все лучшее въ ея существѣ...

— Ахъ, какъ часто, почти вскрикнула она,—какъ часто съ тѣхъ поръ, какъ я живу въ Россіи, приходили мнѣ эти мысли въ голову!... И скажите, неужели вотъ только вы...

и я—краска на мигъ вспыхнула въ ея лицѣ: въ другую минуту она не прибавила бы этого „я“,—думаемъ объ этомъ?... Мнѣ никогда не случалось слышать ни отъ кого... будто это совсѣмъ не нужно... Я разъ говорила объ этомъ съ дядей, онъ мнѣ отвѣтилъ что-то, что, я помню, меня не удовлетворило... Онъ какъ-то говорилъ, что „разомъ нельзя; что надо готовить ис... „исподволь“, произнесла съ нѣкоторымъ усиліемъ Лина необычное ей слово.

— Желѣзная рука Петра, сказалъ на это Гундуровъ, — оторвала насъ отъ народа. Мы, высшее, такъ называемое образованное, сословіе, мы давно перестали быть Русскими!... Мы давно стали нѣмы на его вѣковой стонъ, глухи къ его вѣковымъ страданіямъ... Мы сыты отъ голода его... Что же васъ удивляетъ это общее кругомъ васъ равнодушіе къ нему, княжна?...

— Но вѣдь тогда онъ самъ, сказала она, — самъ можетъ потребовать наконецъ...

— Какъ на Западѣ? возразилъ молодой славистъ.—Нѣтъ. Онъ закачалъ головою.—Нѣтъ народа въ мірѣ, который былъ бы такъ чутокъ къ своему историческому предопредѣленію. Въ немъ лежитъ инстинктъ своего великаго будущаго. Онъ вѣритъ въ него, вѣритъ въ исконную связь свою со своимъ законнымъ, *земскимъ* Царемъ, подчеркнулъ Гундуровъ, — и ждетъ... Онъ перетерпѣлъ удѣльную усобицу, татарскую неволю, перетерпѣлъ Петровскій разгромъ. Онъ перетерпитъ со своимъ святымъ смиреніемъ и нынѣшнее неразуміе, нынѣшнюю постыдную близорукость...

— Вотъ видите, *смиреніе!* произнесла неожиданно княжна;—покойный папа всегда говорилъ: „смиреніе—сила...“

Она какъ бы уличила его въ противорѣчіи его личнаго, бунтующаго при первой неудачѣ, чувства съ этимъ вѣковымъ „святымъ смиреніемъ“ народа... Гундуровъ такъ понялъ это, по крайней мѣрѣ, и нѣсколько смутился.

— Да, сказалъ онъ, не совсѣмъ справясь съ собою, — а между тѣмъ, эта бѣдная... великая и бѣдная родина наша, повторилъ онъ,—вся она изнемогла подъ гнетомъ крѣпостнаго [illegible]ава, вся она кругомъ изъязвлена неправдою, насиліемъ...

до мозга костей ея уже проникла и пожираетъ ее эта проказа рабства... А годы летятъ, крыльи связаны, и знаешь, ничѣмъ, ничѣмъ не въ силахъ послужить ей, ничѣмъ, даже въ виду отдаленнаго, лучшаго будущаго. Вѣдь вотъ что̀ ужасно, чего нѣтъ иногда силъ вынести, княжна!...

— Знаете,—Лина тихо улыбнулась,—я вѣрю въ предчувствія; мнѣ что̀-то говоритъ, что не всегда будутъ у васъ... у всѣхъ... крылья связаны, какъ вы говорите. Вы такъ молоды, вы еще можете увидѣть это „лучшее время“...

— Оковы рухнутъ, и свобода
Васъ встрѣтитъ радостно у входа,

пронеслась въ памяти Гундурова запрещенная Пушкинская строфа...

— О, если бы вашими устами, да медъ пить, Елена Михайловна! вскликнулъ онъ съ мимолетной улыбкой.—Вотъ дядюшка вашъ, онъ *государственный* все-таки человѣкъ, говоритъ также, что это „теченіе должно измѣниться...“ О, еслибы суждено мнѣ было когда-нибудь послужить освобожденію моего народа!... Но когда, когда вздумается этому „теченію измѣниться?“ Князь Ларіонъ Васильевичъ сегодня показался мнѣ удивленнымъ, когда я сказалъ ему, что я не честолюбивъ. Но, скажите сами, какое же честолюбіе достойно честнаго человѣка,—я говорю о людяхъ моего поколѣнія и понятій,—когда оно должно итти въ разрѣзъ съ тѣмъ, что̀ дороже, что̀ *должно быть* дороже ему всего на свѣтѣ?... У меня было свое, скромное дѣло, но все же, хотя побочнымъ, не близкимъ путемъ, оно могло служить... Я надѣялся, многое могло быть разъяснено, дойти, перейти въ общее сознаніе... И то̀ вырвали изъ рукъ!... Поневолѣ теперь, закончилъ онъ, тяжело вздохнувъ, — приходится стиснуть зубы и искать забвенія въ *Гамлетѣ!*

— Бѣдный *Гамлетъ!* робкимъ какъ бы упрекомъ послышалось ему въ голосѣ Лины...

У Гундурова ёкнуло въ груди...

Но княжна какъ будто не хотѣла дать ему случая къ от-

вѣту. Она заговорила о своей роли *Офеліи*. Роль эта ей очень нравилась.

— Во всемъ Шекспирѣ, кажется, нѣтъ болѣе поэтическаго женскаго характера... Да, *Корделія!* вспомнила она.

— А *Джульета?* сказалъ Гундуровъ.

— Нѣтъ,—она покачала головой,—они тамъ оба съ *нимъ* такіе... она искала слова и не находила его, — такіе *безумные!* И она засмѣялась; — можно-ли представить себѣ *ихъ* стариками? Оттого Шекспиръ, можетъ быть, и заставляетъ ихъ умереть такъ рано...

— Отчего же, возразилъ онъ,—и у стариковъ можетъ такъ же горячо биться кровь...

Она вдругъ задумалась.

— Да, это правда!... Только все же мнѣ больше нравится *Офелія*... Какой поэтъ этотъ Шекспиръ! Какъ умираетъ она у него чудесно! молвила она, устремивъ безотчетно глаза впередъ, въ тотъ уголъ, гдѣ препирались Духонинъ, Факирскій и подсѣвшій къ нимъ Свищовъ.

А изъ того угла, не прерывая разговора, жадными глазами слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ студентъ:

— Читали вы ея послѣдній романъ? спрашивалъ онъ у Духонина.

— Какой?

— *Le compagnon du tour de France*, проговорилъ онъ заглавіе коверканнымъ французскимъ произношеніемъ.

— Нѣтъ, не читалъ. Онъ, кажется, запрещенъ?

— У насъ, извѣстно, всѣ хорошія вещи запрещаютъ! Я его все-таки имѣю!..

— Здѣсь?

— Да. Желаете прочесть?

— Одолжите, если можно.

— Съ моимъ удовольствіемъ... Эта вещь тѣмъ замѣчательна, пояснилъ Факирскій,—что кромѣ обычныхъ качествъ этого великаго передоваго таланта, на значеніе котораго такъ горячо указывалъ незабвенный Виссаріонъ Бѣлинскій...

— Ну! скорчилъ гримасу Духонинъ.

— Что-съ? Вы не уважаете Бѣлинскаго? вскликнулъ студентъ.

— Уважаю-ль? повторилъ тотъ: — ничего, человѣкъ былъ хорошій... горячій... Только въ сущности, одно то у него и было — горячность!... Остальное вѣдь все съ чужаго голоса: Станкевичъ разъ, Боткинъ два, Герценъ три!... Кто послѣднее сказалъ, съ трубы того и трубилъ! Вспомните, что онъ писалъ въ *Молвѣ* и до чего договорился въ Петербургѣ?...

— Учи-тель-съ! внушительно протянулъ на это Факирскій,—вѣдь только и есть у насъ, что онъ, да *Тимоѳей Николаевичъ* *), и тому теперь ротъ зажали... Такъ вотъ-съ я началъ говорить про *компаньенъ дю туръ де-Франсъ*. Тѣмъ-съ эта вещь замѣчательна, что показываетъ намъ, какъ далеко успѣло уйти образованное французское общество на пути новыхъ соціальныхъ идей.

— Разсказывайте! скорчилъ опять гримасу неугомонный Духонинъ, поправляя очки на носу.—Но я по этому поводу не желаю спорить... Вы начали о романѣ. И такъ...

— И такъ, подхватилъ на-лету студентъ, метнувъ новымъ взглядомъ по направленію княжны,—два такіе *компаньона*, то есть, странствующіе ремесленники, *Пьеръ* и пріятель его, приглашаются работать,—они мастерствомъ столяры,—въ замокъ одного богатѣйшаго стараго графа... У этого стараго, вдоваго графа — внучка, *Изельта*, произнесъ по-своему Факирскій французское амя *Изё* (Iseult), — и эта дѣвушка, героиня романа, влюбляется въ Пьера.

— Какъ! вскликнулъ Свищовъ, — такъ-таки графиня, въ простаго рабочаго, столяра?

— Да-съ, именно, и что же вы находите въ этомъ удивительнаго? закипятился вдругъ пылкій поклонникъ Жоржъ-Санда, — этотъ столяръ, это французскій *увріеръ*, человѣкъ, можетъ быть, сто разъ образованнѣе какого нибудь нашего губернатора!...

— Ну, ужь какъ вамъ угодно, а только онъ непремѣнно

---

*) Грановскій.

долженъ былъ клеемъ вонять, вашъ *увріеръ*, расхохотался вовсю мочь Свищовъ.

Студентъ разсердился не на шутку:

— Съ вами говорить нельзя-съ! Вы все прекрасное и высокое готовы изъ легкомыслія закидать грязью... Такъ нельзя-съ!... нельзя такъ-съ! едва могъ онъ выговорить отъ волненія.

Свищовъ принялся унимать его:

— Ну, полно, душечка, полно, ну, пошутилъ... А вы плюньте. Плюньте и продолжайте!

Факирскій передохнулъ и еще не успокоеннымъ голосомъ:

— Изельта, заговорилъ онъ снова, — выражаетъ собою тотъ идеалъ, до котораго додумываются теперь благороднѣйшіе умы Запада. Богатая, она презираетъ свое богатство; аристократка, она хочетъ равенства, да-съ!... Дѣвственная, она первая рѣшается сказать Пьеру, что она его любитъ и хочетъ за него итти замужъ, потому что онъ „*изъ народа*“, и „я, говоритъ она ему, хочу быть *народомъ*“, — понимаете-съ?...

— А столяръ, поддразнилъ его Духонинъ, — соглашается жениться на ней и, въ свою очередь, изъ „народа“ дѣлается *графомъ?*

— Вы ошибаетесь, вы очень ошибаетесь! Тутъ-то и сказывается вся сила Жоржъ-Санда и вся мощь изображаемыхъ ею характеровъ! Пьеръ любитъ *Изельту* страстно, безконечно, всею душой и всею мыслію своей, но онъ отказывается отъ нея. „Пока мнѣ невѣдомо“, говоритъ онъ,—„дѣйствительно-ли богатство—право, а бѣдность—долгъ, я хочу оставаться бѣднымъ...“ И онъ жертвуетъ всѣмъ, любовью своею, счастіемъ — слезы слышались почти въ голосѣ студента,—во имя своей бѣдности, своей *святой* бѣдности!

— Удивительное дѣло-съ, безпощадно возразилъ на это Духонинъ,—какъ эти всѣ герои „*изъ народа*“, алчущіе „равенства“, не ищутъ себѣ героинь между своей сестрой—швеями и корсетницами, а все облюбливаютъ графинь какихъ-то, да маркизъ!...

— Что же-съ, запнулся Факирскій, — это несомнѣнно,

что пока... аристократическое, такъ сказать, воспитаніе даетъ это... эту прелесть внѣшней формы... манеры, — и глаза его невольно опять устремились на княжну, — а это не можетъ не цѣнить всякій... всякій эстетически развитый человѣкъ...

Свищовъ подмигнулъ Духонину, какъ бы приглашая его ко вниманію.

— „Несомнѣнно“ во всякомъ случаѣ то, сказалъ онъ, что очень было бы пріятно быть — какъ бишь вы называете столяра вашего? глянулъ онъ въ глаза Факирскому, — да, *Пьеръ*,—очень было бы пріятно быть *Пьеромъ* княжны здѣшней, напримѣръ,—какъ вы полагаете?...

Бѣдный юноша не выдержалъ: онъ сорвался съ мѣста, словно готовясь кинуться на зубоскала, но сдержался и, красный какъ ракъ:

— Я съ вами говорить не хочу-съ! вскрикнулъ онъ и побѣжалъ вонъ съ балкона.

— Эко молодо,—зелено! расхохотался ему вслѣдъ Свищовъ.

— И охота же вамъ! недовольнымъ тономъ промолвилъ Духонинъ.

— Ничего-съ, осторожнѣе будетъ! Вѣдь туда же, о княжнахъ мечтаетъ!... Довольно съ нея и этого педанта! кивнулъ онъ въ сторону Гундурова.—Эхъ, вотъ до кого бы добраться! неожиданно вырвалось у него...

Духонинъ съ удивленіемъ глянулъ на него изъ-подъ очковъ:

— А что онъ вамъ сдѣлалъ? спросилъ онъ.

— Ничего, нагло оскалилъ зубы тотъ, — а учинять пакость ближнему никогда не мѣшаетъ.

— Гм! промычалъ Духонинъ, всталъ и пошелъ къ кружку ликовавшихъ отъ анекдотовъ Чижевскаго *пулярокъ*.

— Ну, и убирайся! проговорилъ себѣ подъ носъ Свищовъ, продолжая наблюдать изъ своего угла за Гундуровымъ и княжной и становясь все злѣе, по мѣрѣ того, какъ все очевиднѣе дѣлалось ему, что она находитъ удовольствіе въ бесѣдѣ съ нашимъ героемъ.

Свищовъ его ненавидѣлъ. За что? Между ними не было ничего общаго: нечего имъ было дѣлить, не о чемъ соперн-

ничать. Но Свищовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ безалаберныхъ Яго, которыхъ такъ много на Руси: онъ ненавидѣлъ людей „здорово *живешь*“, за то, что̀ есть у этихъ людей, и чего ему самому вовсе не нужно было, а слѣдовательно чему, казалось бы, онъ не имѣлъ никакой причины завидовать. Самъ онъ, напримѣръ, смахивалъ наружностью на короткошейнаго, грудастаго испанскаго быка и очень гордился этимъ выраженіемъ силы въ своей наружности; но Гундуровъ былъ тонокъ, строенъ и нѣсколько тщедушенъ съ виду, и Свищовъ его ненавидѣлъ за это. Гундуровъ готовился на каѳедру, а Свищовъ, кромѣ картъ и московскаго балета, ни о чемъ знать не хотѣлъ и за это ненавидѣлъ Гундурова... Въ настоящую минуту онъ несказанно злился на него за то, что вотъ онъ бесѣдуетъ съ княжной Шастуновой, и она слушаетъ его съ видимымъ вниманіемъ, а ему, Свищову, никогда въ голову не приходило вступить съ нею въ бесѣду, и въ Сицкое-то онъ пріѣхалъ, привезенный Акулинымъ, въ качествѣ любителя-актера, единственно потому, что былъ въ эту минуту безъ гроша и не на что̀ было ему вернуться въ Москву...

Онъ отправился изливать свою желчь предъ пріятелемъ своимъ Елпидифоромъ.

— Поглядите-ка, батенька, началъ было Свищовъ, какъ въ эту минуту подошла къ отцу бойкая барышня:

— Можете получить! коротко сказала она ему.

— Что̀? не понялъ сразу отяжелѣвшій послѣ обѣда исправникъ.

— Ступайте къ капитану!...

— Даетъ? Онъ радостно вскочилъ со стула.

— Еще бы смѣлъ не дать! отвѣчали приподнявшіяся плечи Ольги.

— Ахъ, ты моя разумница!... Сейчасъ?...

— Идите, говорю вамъ...

Онъ поспѣшно заковылялъ на своихъ коротенькихъ ножкахъ. Она за нимъ...

— Ольга Елпидифоровна! остановилъ ее Свищовъ.

— Чего вамъ? спросила она его черезъ плечо: она его терпѣть не могла.

— Спектакль сей изволили видѣть? И онъ осторожно повелъ глазами по направленію княжны и Гундурова.

— Какой же тутъ спектакль?

— Воркуютъ-то какъ! хихикнулъ онъ.

— А вамъ до этого что?

— А мнѣ ничего; какъ другимъ, а мнѣ даже пріятно, нагло посмѣивался Свищовъ, — даже поучительно: вотъ оно, значитъ, иностранное воспитаніе...

— А у васъ языкъ слишкомъ длиненъ, отрѣзала ему на это Ольга;—Лина—мой другъ, и вы не смѣйте!... А то я разскажу княгинѣ, что вы ея дочь браните, и васъ попросятъ отсюда вонъ... Можете къ вашему Волжинскому отправляться!...

Она повернула ему спину и ушла.

— А чортъ бы ихъ побралъ всѣхъ! рѣшилъ послѣ такой неудачи Свищовъ, — хоть бы съ кѣмъ-нибудь по маленькой въ пикетецъ сразиться...

Но замѣчаніе его не прошло мимо ушей смышленой особы. Она пристально, на-ходу, воззрилась на забывавшаго весь міръ въ эту минуту Гундурова, на „друга своего Лину“, и довольная улыбка пробѣжала по ея губамъ:

— Вотъ оно, чѣмъ тебя допечь, противный старикашка! послала она мысленно по адресу князя Ларіона.

XXII.

А голосъ самого князя послышался въ это время въ дверяхъ гостинной.

— Господинъ Акулинъ? Елпидифоръ Павлычъ?

— Здѣсь! отвѣчалъ исправникъ, торопливо засовывая подъ мундиръ деньги, только-что полученныя имъ отъ „капиташки“.

Князь Ларіонъ отдалъ ему написанное имъ къ *графу* письмо. Исправникъ тотчасъ же собрался ѣхать и, откланявшись княгинѣ, вышелъ изъ гостинной.

Свищовъ побѣжалъ за нимъ:

— Что, батенька, не заѣдемъ-ли по пути? подмигнулъ онъ ему, разумѣя усадьбу Волжинскаго, въ которой съ утра до вечера велась игра.

— Что вы, что вы,—толстый Елпидифоръ отмахнулся отъ него обѣими руками; — и васъ съ собою не возьму... отъ соблазна подальше! Тысячу дѣловъ, *графъ*, *Полонія* учить надо, а онъ съ чѣмъ подъѣхалъ!... Сидите, сударикъ, здѣсь, да рольку проглядите, а я завтра сюда на репетиціи... Ранѣе полудня, полагаю, не начнется...

И онъ поспѣшно спустился съ лѣстницы.

— Вотъ поди-на! подумалъ Свищовъ, — *хапуга* вѣдь завзятый, а тоже себя артистомъ мнитъ... И артистъ, дѣйствительно, чортъ его возьми! злобно хихикнулъ онъ въ заключеніе.

За отъѣздомъ Акулина продолженіе репетиціи *Гамлета*, предполагавшееся въ тотъ же вечеръ, отложено было на

завтра. Кромѣ Вальковскаго, который, услыхавъ о такомъ рѣшеніи, воспылалъ негодованіемъ и ушелъ со злости пить чай въ пустой театръ, захвативъ съ собою туда пріятеля своего, режиссера, никто изъ молодежи на это не ропталъ...

— Не поѣхать-ли намъ кататься? предложила Лина, прерывая бесѣду свою съ Гундуровымъ и подымаясь съ мѣста.

— Поѣдемъ, поѣдемъ! вскинулись разомъ всѣ.

— Дождь сейчасъ пойдетъ! сказалъ кто-то.

— Что вы, откуда? запищали *пулярки*.

— Откуда онъ всегда идетъ, сверху! загаерничалъ Шйгаревъ, принимаясь подражать языкомъ звуку барабанившихъ уже по ступенькамъ лѣстницы дождевыхъ капель...

Черезъ минуту крупный весенній дождь полилъ, какъ изъ ведра.

— Ай, ай, ай! Съ визгомъ и хохотомъ побѣжало молодое общество съ балкона въ гостиную.

— Mon управляющій sera très content, объявила своимъ партнерамъ княгиня Аглая Константиновна,—онъ говоритъ, что дождь c'est excellent pour les посѣвы.

— Et pour l' исправникъ, котораго теперь мочитъ до костей, подшутилъ „бригантъ,“ которому ужасно везло въ преферансъ.

— Вы такой злой всегда, такой злой! также шутливо погрозила она ему толстымъ своимъ пальцемъ.

Онъ нѣжно покосился на нее...

— Я очень радъ этому случаю заполонить васъ, молодая особа, весело молвилъ, подходя къ бойкой барышнѣ, князь Ларіонъ:—вы противъ соловья имѣете то преимущество, что можете пѣть и въ ненастье. А мы вотъ ужъ третій день какъ не слышали васъ...

— Ah, oui Olga, faites nous de la musique! крикнула ей, въ свою очередь, княгиня.

— Слушаю-съ. Барышня присѣла передъ ней танцмейстерскимъ присѣданіемъ и, обернувшись къ князю:

— И пѣть все то же опять? спросила она, лукаво глядя на него.

— Непремѣнно! засмѣялся онъ.

— „Я помню чудное мгновенье?“

— Само собою.

— Вы это очень любите, ваше сіятельство?

— Чрезвычайно!

— И что̀ именно: музыку, или слова?

— И то, и другое. Я нахожу, что мысль поэта передается здѣсь музыкою въ такомъ совершенствѣ, что иной и нельзя написать на это стихотвореніе...

— А сами вы?...

— Что̀ „самъ?“

— Сами вы при этомъ не вспоминаете какого нибудь „чуднаго мгновенья?“

Онъ засмѣялся опять:

— Непремѣнно вспоминаю:—то́, когда вы мнѣ это въ первый разъ пропѣли.

— Ни, ни, ни! Она медленно закачала головой,—меня провести не легко! Что̀ вы *вспоминаете*, это я знаю; что вспоминать вамъ сладко, оттого вы такъ часто заставляете меня это пѣть... Но что не я, а кто-то другой тотъ „геній *чистой* красоты“, о которомъ вы вспоминаете, подчеркнула Ольга,—я тоже знаю...

Она подняла на него глаза—и обомлѣла... Онъ былъ блѣденъ, какъ холстъ; судорога кривила его губы...

— Про кого это вы говорите? еле-слышнымъ голосомъ промолвилъ онъ.

Бойкая барышня страшно перепугалась: слова отца про глиняный горшокъ пришли ей на память; она полѣзла въ бой, не справившись со своими силами, и только теперь поняла, какимъ разгромомъ могло это кончиться для такихъ горшка и горшечка, каковы были отецъ ея и сама она сравнительно съ людьми, какъ Шастуновы...

Но она была находчива:

— Сказать? Она смѣло взглянула на него еще разъ.

— Говорите! пропустилъ онъ сквозь стиснутые зубы.

— Далеко отсюда это воспоминаніе, молвила она, сопровождая эти слова соотвѣтствующимъ движеніемъ руки,—къ *Сампсону*, въ Петергофъ надо бѣжать...

— Въ Петергофъ? повторилъ онъ недоумѣло, впился въ нее глазами... вспомнилъ и вздохнулъ, — вздохнулъ своей грудью, какъ вздыхаетъ человѣкъ, котораго только-что миновала смертельная опасность...

— Отгадала? спрашивала его между тѣмъ смышленая особа.

— Вы что объ этомъ можете знать? сказалъ онъ, хмуря брови.

— Мало-ль что я знаю! уже свободно расхохоталась она.

— Это я вижу, съ язвительною усмѣшкою вымолвилъ ей на это князь Ларіонъ,—и, къ сожалѣнію, не могу васъ никакъ съ этимъ поздравить!

Онъ нагнулся въ знакъ поклона и отошелъ отъ нея.

Она нѣсколько растерянно глянула ему вслѣдъ: „глупость“ ея совсѣмъ не такъ удачно сходила ей съ рукъ, какъ она вообразила себѣ это въ первую минуту.

— Eh bien, Olga? раздался снова голосъ княгини.

Она побѣжала къ фортепіано, на которомъ съ пріѣзда ея въ Сицкое лежала папка съ ея нотами.

— А Надежда Ѳедоровна гдѣ-же? спросила она, обведя кругомъ глазами,—я не могу сама себѣ аккомпанировать...

— Если позволите, вызвался подбѣгая Чижевскій,—я музицирую довольно порядочно...

Онъ сѣлъ за фортепіано. Она запѣла: „я помню чудное мгновенье.“

Пѣла она, дѣйствительно, такъ, что, какъ говорилъ про глаза ея Ашанинъ, „мертваго могла бы воскресить.“ Неутихшее еще въ ней волненіе сказывалось въ ея слегка дрожавшемъ, но никогда еще, можетъ быть, такою проницательною силою не звучавшемъ, густомъ и *яркомъ* контральтовомъ голосѣ. Онъ, казалось, звенѣлъ въ молодой шири своей изо всѣхъ концовъ пространной гостиной, лился неотразимымъ обаяніемъ въ ухо каждаго изъ слушателей... Пѣла она *по-своему*, какъ поютъ иныя чисто русскія пѣвицы, какъ пѣла знаменитая въ то время исполнительница Глинки и Даргомыжскаго, Марья Васильевна III-ая, съ тою сладко-томительною, неотступною, насквозь прожигающею страстностью,

тѣмъ особымъ, капризнымъ, полуцыганскимъ пошибомъ, что̀ прямо хватаетъ и бьетъ по всѣмъ живымъ струнамъ русской души...

— „И сердце бьется въ упоеньи,
И для него настали вновь
И божество-о... и вдохно-венье,
И жизнь, и слезы, и—и любовь!...

Все примолкло, все слушало... У аккомпанировавшаго ее Чижевскаго дрожали отъ волненья руки. Ашанина—когда-то женившагося изъ-за Варламовскаго романса—била лихорадка...

Онъ первый кинулся къ ней, когда она кончила:

— Что̀ хотите, то и дѣлайте со мною! бормоталъ онъ, самъ себя не помня... Никогда еще такъ всевластно не говорили въ немъ восторгъ и желаніе!...

Но ее уже обступали всѣ... *Образованная окружная* душила ее въ своихъ жирныхъ объятіяхъ. Чижевскій безъ словъ жалъ ея руки...

— Charmant, charmant! словно ходъ фагота въ визгѣ маленькихъ флейтъ слышался поощрительный голосъ княгини Аглаи въ хорѣ возгласовъ восхищенныхъ *пулярокъ*.

— Віардо нумеръ второй! подбѣжалъ къ ней Маусъ съ фразою, которую неукоснительно повторялъ онъ ей каждый разъ, когда она при немъ пѣла.

— Не знаю-съ, не слыхалъ, отрѣзалъ ему на это тутъ же очутившійся храбрый капитанъ Ранцовъ, у котораго отъ пробиравшаго его чувства всѣ усы, какъ у кота, взъерошены были кверху,—а только что онъ лучше Ольги Елпидифоровны пѣть не въ состояніи, я за это готовъ прозакласть мою честь!...

— *Она*, а не „онъ“—Віардо! презрительно отпустилъ ему правовѣдъ.

— Все равно „она“-съ, или *онъ*-съ, а только что не можетъ спѣть лучше-съ! И капитанъ поглядѣлъ на Мауса такъ, что „вотъ молъ я тебя, чухонца, сейчасъ и съ косточками проглочу!...“

„Олива“, какъ и слѣдуетъ, стушевалась предъ „лавромъ“.

Маусъ только плечами пожалъ и величественно ушелъ въ глубину своихъ нескончаемыхъ воротничковъ.

— А вы, капитанъ, не бурлите! И барышня повела на него строгимъ взглядомъ;—что это вы въ своихъ казармахъ выучились такъ неприлично выражать ваши восторги?

— И не живалъ въ нихъ никогда-съ, мы все по деревнямъ квартировали, сконфуженно и покорно объяснилъ влюбленный воинъ,—только ужь позвольте мнѣ, Ольга Елпидифоровна, всею моею душою и сердцемъ вѣрить, что такъ, какъ вы, никто не споетъ-съ, никто!...

Но она не слушала его и, прищурившись, отыскивала глазами князя Ларіона.

Онъ сидѣлъ поодаль отъ всѣхъ, на угловомъ диванѣ, и разсѣянно игралъ большою кистью подушки, положенной имъ себѣ подъ бокъ... „Магнетизмъ воли“ ея не дѣйствовалъ: онъ не подымалъ головы...

Досада и тревога опять завладѣли Ольгою. Она повела взглядомъ кругомъ...

Ашанинъ, опершись локтемъ о фортепіано, не сводилъ съ нея глазъ...

Она шагнула къ нему:

— Мнѣ нужно будетъ вамъ сказать два слова!

— Развѣ вы еще не будете пѣть? воскликнулъ, словно обиженный, Маусъ.

— Потомъ... потомъ... А теперь надо Лину попросить...

Княжна опять сидѣла подлѣ Софьи Ивановны и глядѣла ей въ карты. Съ приходомъ князя Ларіона, Гундуровъ все мучился желаніемъ подойти къ ней и все не рѣшался...

— Лина, милая, за вами теперь очередь... всѣ просятъ! говорила, подбѣжавъ къ ней, Ольга.

— Oui, ma chère, chantez nous quelque chose! предписала и княгиня.

Чижевскій предложилъ опять свои услуги...

Она запѣла очень извѣстный, тогда еще новый, романсъ Гордиджіани: „O Santissima Vergine Maria!“ Тихою, несложною модуляціею словно журчитъ сквозь слезы молитва бѣдной поселянки къ Пречистой Дѣвѣ Маріи. Она проситъ о

своемъ *Дженнаро*, объ исцѣленіи ея „poverino“, ея опасно заболѣвшаго Дженнаро: „исцѣли его, Пресвятая,—и за то, обѣщаетъ она, я отдамъ тебѣ ту ленту, что̀ мнѣ подарила мама, и каждую субботу передъ Твоимъ Пречистымъ Ликомъ будетъ горѣть зажженная мною свѣча...“

Точно откуда-то сверху, изъ воздушныхъ пространствъ, несся нѣжный и трогательный какъ у ребенка, чистый какъ звонъ стекла голосъ Лины. Онъ не возбуждалъ восторговъ, не вызывалъ невольныхъ рукоплесканій... Но князь Ларіонъ, откинувшись головой въ спину своего дивана, едва переводилъ дыханье... Слезы туманили глаза Софьи Ивановны. Гундуровъ кусалъ себѣ губы до боли...

— Да, молитва, чистое... *неземное*... Это все *ея!*... Другаго она не понимаетъ,—и не пойметъ... говорилъ онъ себѣ съ какимъ-то смѣшаннымъ чувствомъ благоговѣнія и печали,—нѣтъ, я не встрѣчалъ, да и есть-ли еще на свѣтѣ подобное созданье?... Она совсѣмъ особенная, непонятная... недосягаемая...

А Лина, допѣвъ свой романсъ, и ласково проговоривъ „спасибо“ Чижевскому, поспѣшно отошла отъ фортепіано.

— Княжна, больше и не будетъ? сказалъ ей съ улыбкою Гундуровъ, мимо котораго она проходила.

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста!...

Она слегка покраснѣла:

— А вы не любите пѣть?

— При другихъ—нѣтъ, не люблю... Для чего?...

— Для того... началъ было онъ—и пріостановился...— Знаете-ли, княжна, о чемъ я думалъ, слушая ваше пѣніе? заговорилъ онъ опять съ какою-то самого его удивившею смѣлостью.

— Что я плохо пою? усмѣхнулась она въ отвѣтъ.

— Нѣтъ, и вы сами знаете, что я *этого* не могъ думать... Я думалъ послѣ нашего разговора... Мнѣ представлялось, что васъ влечетъ какъ будто къ себѣ одно печальное въ жизни, а всѣ ея радости, ея свѣтлую сторону вы какъ бы намѣренно желаете обойти...

— Я... обойти? повторила она и тихо опустилась въ крес-

ло подлѣ него, — нѣтъ, я не святая... Но гдѣ онѣ, эти радости? задумчиво примолвила Лина.

— Въ осьмнадцать лѣтъ, и вы спрашиваете? воскликнулъ Гундуровъ... Вы впрочемъ *Джульеты* не понимаете! замѣтилъ онъ съ нѣсколько натянутою улыбкою.

— Не понимаю? Она подняла и остановила на немъ свои никогда не улыбавшіеся глаза;—я вамъ этого не говорила...

Фортепіано зазвучало снова. Послышалась ритурнель извѣстнаго романса Глинки на слова Павлова:

— „Она безгрѣшныхъ сновидѣній
Тебѣ на ложе не пошлетъ,
И для небесъ, какъ добрый геній,
Твоей души не сбережетъ,—

пѣла Ольга своимъ страстнымъ, забористымъ голосомъ;

Съ ней міръ иной, но міръ чудесный!
Съ ней гибнетъ вѣра въ лучшій край...
Не называй ее небесной,
И отъ земли не отрывай!...

Княжна, примолкнувъ, слушала...

— Вотъ *этого* я не понимаю, это правда! вся заалѣвъ, сказала она Гундурову по окончаніи куплета, — и отошла къ карточному столу.

— Ты очень хорошо пѣла, Hélène, молвилъ подойдя къ ней князь Ларіонъ.

— Mercі, oncle! Она шутливо кивнула ему въ знакъ благодарности.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ... И знаешь, пѣла даже съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, котораго я и не подозрѣвалъ въ тебѣ, прибавилъ онъ, видимо налаживая себя также на шутливый тонъ.

— А именно? спросила Лина.

— Да ты будто дѣйствительно молилась о чьемъ-то исцѣленіи? Онъ засмѣялся дѣланнымъ смѣхомъ.

Что-то неуловимое пробѣжало у нея по лицу.

— У меня, слава Богу, никого больнаго нѣтъ! сухо отвѣтила она.

— Elle aurait bien dû prier le bon Dieu de vous guérir

de vôtre antipathie pour Petersbourg! отпустила неожиданно княгиня Аглая тоже въ видѣ шутки.

Князь Ларіонъ закусилъ языкъ, чтобы не отвѣтить ей грубостью. У него было не хорошо, очень не хорошо на сердцѣ...

Ольга въ это время, пропѣвъ свой послѣдній куплетъ и объявивъ кругомъ, что „на сегодня баста, пѣть больше не буду,—и не просите!"—поманила рукою Ашанина:

— Владиміръ Петровичъ, пожалуйте!...

У Мауса и у Ранцова запрыгали искры въ глазахъ... Они почти нѣжно глянули другъ на друга въ виду этого, новаго, для обоихъ ихъ грознаго соперника...

Бойкая барышня взглянула на нихъ, въ свою очередь, какъ бы спрашивая: ну, чего вамъ еще нужно?...

Они послушно отошли. Она усѣлась съ Ашанинымъ около инструмента, на которомъ замечтавшійся Чижевскій переводилъ изъ тона въ тонъ мотивъ только-что спѣтаго ею романса... Онъ никакъ не могъ рѣшить въ головѣ своей, *кто* ему больше нравится: княжна, или эта соблазнительная пѣвица?...

— Послушайте, быстро заговорила Ольга, — вы, я знаю, очень *тонкій* человѣкъ; вы можете мнѣ дать совѣтъ. Я, вотъ видите, совсѣмъ, кажется, поссорилась съ моимъ старикомъ...

. . . . . .

Ашанинъ не отвѣчалъ и только жадно глядѣлъ на нее.

— Не смотрите на меня такъ! Она нетерпѣливо отвернула свое лицо отъ него;—я вамъ о дѣлѣ говорю...

— Не могу! прошепталъ онъ черезъ силу.

— Послѣ, послѣ! невольно засмѣялась барышня; — а теперь вы мнѣ скажите, какъ мнѣ быть: я, кажется, оскорбила его...

Она передала Ашанину разговоръ свой съ княземъ Ларіономъ, намекъ на его „петергофскую" привязанность, его ѣдкій отвѣтъ ей... О томъ, что побудило ее къ этому намеку, *кого* она первоначально имѣла въ виду, дѣлая его, она не сообщила. Она боялась сдѣлать новую неосторожность... Въ сущности она сама не знала, къ чему передавала все это Ашанину и какого „совѣта" могла ждать отъ него; но она

тревожилась и чувствовала потребность высказаться передъ кѣмъ-нибудь...

— Сердится, пересердится,—и сердиться-то будетъ недолго, смѣясь отвѣчалъ на ея торопливыя рѣчи Ашанинъ;—какой гнѣвъ устоитъ передъ этими глазами! ..

— Нѣтъ, перебила его Ольга Елпидифоровна, — онъ обо мнѣ не думаетъ... Я теперь знаю! утвердительно кивнула она, какъ бы желая сказать, что это вопросъ внѣ спора...

— Если такъ, то вамъ еще менѣе причинъ безпокоиться, замѣтилъ молодой человѣкъ.

— Я не о себѣ... и какое мнѣ до него дѣло! съ горячимъ взрывомъ досады возразила она, — но онъ можетъ повредить моему отцу...

— Полноте! Ашанинъ пожалъ плечами,—онъ слишкомъ порядочный человѣкъ для этого.

— Да, вы думаете? быстро проговорила Ольга; — я сама думаю... онъ не способенъ на гадость... Боже мой, какъ это все унизительно! вырвалось у нея вдругъ.

Красавецъ въ свою очередь вопросительно на нее взглянулъ.

— Да, продолжала она, высказывая громко все, что въ эту минуту неудержимо всплывало у нея со дна души, — быть *дочь исправника*, отъ всѣхъ зависѣть, во всѣхъ искать... этого я переносить не могу!... Я не для этого рождена... Да, не для этого! Я рождена для блеска,—она чуть не плакала,— мнѣ надобно une position... О, дайте мнѣ только быть *знатною!*... Взгляните на эту Лину... она княжна, за нею полмилліона приданаго. Къ чему ей это все? Она тяготится своимъ богатствомъ; если бы не княгиня, она бы каждый день ходила въ одномъ и томъ же платьѣ; посмотрите на ея комнату,—точно келья въ монастырѣ!... А я!... Для чего же ей *все*, а мнѣ ничего? Отчего эти несправедливости?... О, если бы мнѣ только половину, половину только, я знаю, *что* бы я сдѣлала и *чѣмъ* была бы! восклицала Ольга, сверкая глазами...

— И я знаю, прервалъ ее страстнымъ взрывомъ Ашанинъ,—знаю, что вы меня съ ума сведете!...

— Перестаньте, пожалуйста, вы мною увлечены,—вѣрю... всѣ мною увлекаются. Ольга засмѣялась вдругъ, — но вы сейчасъ сами, на балконѣ, говорили мнѣ...

— Я говорилъ вздоръ! горячо вскликнулъ онъ,—я не слыхалъ, какъ вы поете... я не зналъ васъ!... А теперь,—голосъ у него прерывался, — теперь скажите слово, и я васъ... завтра же... поведу къ вѣнцу!...

Она вскинула на него свои блестящіе глаза и опустила ихъ опять подъ огнемъ его взгляда... Самодовольная, почти счастливая улыбка заиграла на ея губахъ. Ашанинъ видѣлъ, какъ подъ прозрачною кисеею заходила волной ея молодая грудь... Онъ ждалъ...

— Нѣтъ, сказала она наконецъ,—вы мнѣ не мужъ!...

Онъ чуть не вскрикнулъ...

— Нѣтъ, повторила она, и, еще разъ поднявъ на него глаза, окутала его такимъ взглядомъ, что у него сердце запрыгало, — я бы васъ слишкомъ любила... а вы бы меня измучили! Ваша любовь на одинъ часъ!...

— И часъ цѣлый рай! вскликнулъ Ашанинъ.

Она закачала головой и, полувздохнувъ, полуулыбнувшись:

— Нѣтъ, и я для васъ не *подходящая*... слишкомъ *дорогая* была бы для васъ жена... Вы, кажется, не богаты?...

Онъ, забывшись, схватилъ ее за руку:

— Но это невозможно! Такъ между нами не можетъ кончиться!

Ольга тихо отдернула изъ руки его свою...

— Я и не говорю... чтобъ это кончилось, проговорила она какъ бы безсознательно, и горячею краскою покрылось все ея лицо; — но объ этомъ послѣ... послѣ!... *Она* насъ увидитъ! кивнула она по направленію двери, откуда выходила Надежда Ѳедоровна съ пачкою писемъ и газетъ, только-что привезенныхъ изъ города...

Въ этотъ вечеръ Софья Ивановна уѣхала изъ Сицкаго въ такомъ состояніи духа, въ какомъ себя еще никогда не помнила. Она не знала, чего хотѣла, чего въ данномъ положеніи

вещей слѣдовало ей желать, что̀ должна она была теперь дѣлать, или не дѣлать... Нравъ у нея былъ не менѣе пылокъ, чѣмъ у ея племянника. Одаренная силою для сопротивленія, она была безсильна противъ обольщенія чувства. Она была безсильна — и сознавала это — противъ обаянія Лины... „Она *его* любитъ, или близка къ тому!“ говорила она себѣ и съ ужасомъ спрашивала себя: „а потомъ что̀ же, — что̀ ждетъ *ихъ*?... Но оторвать *его* отъ *нея* она была не въ состояніи... Нервы были у нея возбуждены до крайности; прощаясь въ передней съ Сергѣемъ, при всѣхъ, она призвала на помощь всю власть свою надъ собою, чтобы не разразиться слезами, и только шепнула ему на ухо: „да хранитъ тебя Царица Небесная!“... Но едва отъѣхали отъ крыльца ея лошади, она прижалась къ углу приподнятаго фаетона и зарыдала... Съ Ашанина передъ отъѣздомъ взято было ею слово внимательно наблюдать за пріятелемъ и, „въ случаѣ малѣйшей важности“, тотчасъ же извѣстить ее въ Сашино, или, еще лучше, „урваться и пріѣхать самому, хотя бы ночью“... Себѣ она обѣщала, „если Богъ благословитъ *ихъ* на добрый конецъ“, сходить пѣшкомъ изъ Сашина къ Троицѣ,—полтораста верстъ...

XXIV.

Die Engel, die nennen es Himmelsfreud,
Die Teufel, die nennen es Höllenleid,
Die Menschen, die nennen es Liebe!
Heine.

Мучительные дни настали для князя Ларіона. Онъ угадывалъ, онъ чуялъ встревоженнымъ чутьемъ, что племянница его, Лина, *уходитъ* отъ него. Между имъ и ею что-то внезапно стало невидимою, но неодолимою стѣною, — и въ то же время, говорило ему это чутье, между ею и тѣмъ молодымъ человѣкомъ, котораго онъ, въ виду грядущихъ случайностей, удалялъ изъ Сицкаго, что-то уже спѣлось, и пѣло на душѣ каждаго изъ нихъ несомнѣннымъ и, можетъ быть,— онъ содрогался при этой мысли, — уже неразрывнымъ созвучіемъ... И тѣмъ сильнѣе сказывалось ему это *что-то*, чѣмъ неуловимѣе, неосязательнѣе были его признаки... Лина казалась еще холоднѣе, еще сдержаннѣе, чѣмъ прежде. Съ Гундуровымъ она говорила не болѣе, — менѣе, быть можетъ, чѣмъ съ другими; спокойные глаза ея такъ же безмятежно, казалось, останавливались на немъ, какъ на Ольгѣ, на Ашанинѣ, на Шигаревѣ... Но князь Ларіонъ съ глубокой тоскою замѣчалъ, что она избѣгала *его* глазъ... избѣгала разговоровъ съ *нимъ*. Давно уже, съ самаго возвращенія въ Россію, перестали они быть неразлучными; давно долженъ онъ былъ отказаться отъ тѣхъ долгихъ, дружныхъ, блаженныхъ для него бесѣдъ, что вели они въ Ниццѣ, сидя вдвоемъ на камнѣ у морскаго берега... Но до сихъ поръ все же урывались на дню хотя нѣсколько мгновеній, когда они оставались наединѣ, когда свѣтлая душа ея раскрывалась передъ

нимъ съ прежнимъ довѣріемъ и нѣжностью... Теперь она закрывалась для него, — она *уходила*, уходила... И онъ уже не смѣлъ спросить, не смѣлъ болѣе допытываться. Онъ зналъ ее, эту чуткую и гордую душу; онъ *тогда*, тѣмъ намекомъ на выразительность ея пѣнія—а тогда онъ не въ силахъ былъ сдержаться,—нанесъ себѣ самъ неисцѣлимый ударъ: въ отвѣтѣ ея онъ прочелъ надолго, навсегда, быть можетъ, конецъ всему *прежнему*. Теперь она укутывалась въ свою холодность и безмолвіе, какъ то растеніе, что боязливо сжимаетъ лепестки свои при отдаленномъ шумѣ идущей непогоды. Ему не было уже тамъ мѣста, и другой... другой... Кто онъ, зачѣмъ, какими обольщеніями, въ силу какого права завладѣетъ онъ ею? Безпощадныя змѣи немощной старческой ревности сосали сердце князя Ларіона... И онъ долженъ былъ молчать, таиться, не замѣчать... А онъ все видѣлъ, все угадывалъ!... Онъ видѣлъ, когда на сценѣ Гундуровъ читалъ свои монологи, какъ каждый разъ поникала взоромъ Лина, чтобы никто не могъ прочесть того, что сказали бы, можетъ быть, ея глаза,—какъ одному его неотступному взору замѣтнымъ трепетомъ вздрагивали ея плечи отъ горячаго взрыва, отъ инаго вырывавшагося у *Гамлета* слова... Онъ блѣднѣлъ каждый разъ отъ выраженія ихъ голосовъ, когда въ первой сценѣ своей съ *Офеліей*, Гундуровъ говорилъ ей: „я любилъ тебя когда-то“,—а она ему отвѣчала: „я вѣрила этому, принцъ!“— Неправда! готовъ онъ былъ бѣшено крикнуть имъ,—твой голосъ говоритъ ей: *я люблю* тебя, а ея: я тебѣ *вѣрю;* вы по-своему передаете Шекспира... А онъ улыбался, и ободрялъ, и искалъ случая къ поправкѣ, къ замѣчанію, чтобы хотя на мгновеніе остановились на немъ эти теперь нѣмые для него глаза...

Онъ страдалъ невыносимо — а все сидѣлъ тутъ, на репетиціяхъ, глотая каплю за каплей изъ этого отравленнаго кубка... „*Онъ* уѣдетъ“,—инде прорвались у него лучи надежды,— „черезъ двѣ недѣли отойдетъ это проклятое представленіе... а затѣмъ *ему* дадутъ понять... И сама Лина,—она знаетъ, что мать ея никогда не согласится, — она пойметъ“... Но развѣ онъ, князь Ларіонъ Шастуновъ, то же, что ея мать! подыма-

лась у него на душѣ прежняя буря,—развѣ у него съ нею тѣ же побужденія, то же чувство къ *ней*, къ Линѣ. *Онъ* уѣдетъ, этотъ молодой человѣкъ, все равно,—нѣтъ, еще хуже, — онъ унесетъ съ собою *ея* душу... Князь Ларіонъ зналъ *ее:* она не забудетъ *его*, какъ не забыла отца, и, подчиняясь материнской волѣ, съ памятью о князѣ Михаилѣ будетъ хранить память о *немъ* до самого гроба!... Легче-ли отъ того будетъ ему, князю Ларіону?...

„Театрикъ“ между тѣмъ шелъ впередъ и впередъ. То, что на языкѣ сцены называется *ансамблемъ*, уже достаточно обрисовывалось—и обрисовывалось удачно: исполненію драмы можно было заранѣе предсказать несомнѣнный успѣхъ. Роли уже всѣ были разучены; участвовавшіе относились къ дѣлу своему съ добросовѣстностью и прилежаніемъ, рѣдко встрѣчаемыми между любителями... Но вѣдь къ чему они и приступали, за что брались! сказывалось невольно въ сознаніи каждаго изъ нихъ. Шекспиръ, Гамлетъ,—„каждый торговецъ въ *городѣ*“, какъ справедливо говорилъ Вальковскій, зналъ эти имена тогда и валилъ за толпою въ театръ, прочтя ихъ на афишѣ,—это были въ тѣ дни такія вѣскія, обаятельныя, царственныя имена!... Самъ храбрый капитанъ Ранцовъ, впродолженіи всей своей жизни, кромѣ *Устава о пѣхотной службѣ* и *Таинственнаго Монаха* Рафаила Зотова, ничего не читавшій, бредилъ теперь съ утра до ночи своею ролью *Тѣни* и обѣщалъ режиссеру золотую цѣпочку къ часамъ, если онъ его „на настоящую актерскую точку поставитъ.“ По счастливой случайности, роли приходились по вкусу и по способности почти каждаго изъ актеровъ. Княжна была идеальная *Офелія*. Въ игрѣ Гундурова съ каждымъ днемъ все шире и глубже выяснялся изображавшійся имъ характеръ, съ каждой пробой становился онъ все сдержаннѣе, нервнѣе,—*инсистивнѣе*, какъ выражался князь Ларіонъ... *Полоній*-Акулинъ былъ превосходенъ. Чижевскій былъ самъ *Лаертъ*, пылкій, ловкій, блестящій, и каждый разъ вызывалъ рукоплесканія товарищей, когда, въ сценѣ *возмущенія*, вбѣгалъ, требуя кровавой мести за смерть отца“, и звенящимъ, какъ натянутая струна, голосомъ восклицалъ:

„Оба мира
Зову на бой,—и будь со мной что̀ будетъ!“...

Надежда Ѳедоровна-*Гертруда* не портила, хотя нѣсколько мямлила и, съ непривычки, не знала, куда дѣвать руки. Въ знаменитой сценѣ съ сыномъ, она была холодна и холодила Гундурова, что̀ приводило его въ отчаянье. — „Погоди“, утѣшалъ его Ашанинъ,—„я вотъ ее въ самый день представленія самымъ жестокимъ образомъ разогорчу, и она будетъ тебѣ ныть отъ начала и до конца роли“... Онъ и не предчувствовалъ, какъ пророчески должно было сбыться его обѣщаніе!...

Зяблинъ въ роли *Клавдіо* былъ почти хорошъ. Его Печоринскіе взгляды изъ-подъ-низу, *сдобный* голосъ и изнѣженные пріемы при разбойничьемъ лицѣ довольно близко подходили подъ типъ того лицемѣрнаго сластолюбца, игрока и бражника, „благочестивымъ видомъ сумѣвшаго обсахарить скрытаго въ немъ дьявола“, какимъ Шекспиръ изобразилъ *Гамлетова* отчима. Но, этого сахара перепускалъ онъ подчасъ уже столько, что „фанатикъ“ Вальковскій не выдержалъ однажды и крикнулъ ему изъ кулисы: „да что̀ вы, батюшка, *злодѣя* играете, или патоку сосете?“—на что̀ Зяблинъ только уныло плечами повелъ и глянулъ на бывшую тутъ княгиню, а она, въ свою очередь, обиженно вздохнула, глянула на князя Ларіона и проговорила, раздувъ ноздри: „ne remarquez vous pas, Larion, que ce monsieur est très mal élevé?... Самъ „фанатикъ“ въ *„молодой роли“ Розенкранца* былъ невыразимо смѣшонъ и потѣшалъ Ашанина до истерики: онъ сжималъ губы сердечкомъ, щурилъ глаза, подбоченивался фертомъ и напускалъ удали и молодечества тамъ, гдѣ ни по характеру лица, которое онъ игралъ, ни по смыслу положенія и тѣни не требовалось чего-либо подобнаго.—„Эко чучело, эка безобразина!“ хохоталъ Ашанинъ послѣ каждаго выхода его на сцену. Но Вальковскій не смущался: „погоди, братъ“, отвѣчалъ онъ ему съ торжествующей улыбкой,—„пріѣдетъ Василій Тимофѣевъ, онъ меня не хуже тебя красавцемъ распишетъ!“ Василій Тимофѣевъ былъ театральный парикмахеръ, большой искусникъ своего ремесла и закадычный другъ Вальковскаго, возлагавшаго на него на время своихъ отсутствій по театри-

камъ „всѣ свои дѣла,—а въ томъ числѣ и надзоръ за „Маргоренькой“, ужасно рябою и столь же легковѣрною швеей, которую „фанатикъ“ готовилъ на сцену, на роли свѣтскихъ кокотокъ...

Извѣстно, что ничто такъ скоро и коротко не сближаетъ молодежь, какъ любительскіе спектакли. Короткости между нашими актерами содѣйствовало еще и это ихъ совмѣстное житье въ Сицкомъ, въ богатомъ, привольномъ домѣ, гдѣ каждому предоставлялось брать на свою долю настолько удовольствія, насколько хватало у него на это силъ и желанія. Княгиня Аглая, въ подраженіе своимъ англійскимъ образцамъ, предоставляла гостямъ своимъ полную свободу:—они цѣлымъ обществомъ, дамы и мужчины, катались верхами, удили рыбу, ѣздили по вечерамъ въ дальнія прогулки, въ которыхъ не всегда принималъ участіе князь Ларіонъ, а сама хозяйка никогда. Лѣнивая и отяжелѣвшая, она почти не выходила изъ своего будуара, гдѣ съ утра до вечера пила чай въ компаніи неизбѣжнаго Зяблина, и куда, разумѣется, никому не приходила охота итти ее тревожить. Только по утрамъ Лина являлась съ „bonjour, maman“, цѣловала ей ручку,—и почти тотчасъ же уходила. Мать почти никогда не говорила съ ней, не потому, чтобы имѣла какія-нибудь причины недовольства ею, а просто потому, что не находила предметовъ разговора съ дочерью. — „Elle est trop sérieuse“, повѣряла она „бригану“, вздыхая и томно улыбаясь,—„elle n'a pas d'enjouement dans le caractère, comme moi“!... Потомъ приходилъ князекъ, сынъ ея, разодѣтый какъ на картинкѣ, съ mister Knocks'омъ, который ни на какомъ, кромѣ англійскаго, языкѣ не говорилъ, и котораго она, и съ воспитанникомъ его, отпускала также очень скоро, потому что никакъ не могла сказать ему того, что хотѣла, — да Ольга Елпидифоровна по нѣсколько разъ въ день забѣгала къ ней подъ разными предлогами, тѣша ее своими *жантильесами*. Смышленая барышня, отчаявшись вернуть себѣ расположеніе князя Ларіона,—онъ вовсе пересталъ даже говорить съ нею,—заискивала и юлила теперь передъ княгиней болѣе, чѣмъ когда-нибудь... Въ то же время она всячески набивалась въ наперсницы къ „другу своему, Линѣ“, и хотя

это ей очень мало удавалось,—княжна, какъ она ни билась, не дѣлала ей никакихъ *конфидансовъ*, — она сама отъ себя, изъ злости къ „противному старикашкѣ“, употребляла всякія усилія и средства, чтобы „сближать“ Лину съ Гундуровымъ: старалась находить случаи, когда-бъ они могли быть подолѣе вмѣстѣ; искусно отводила тѣхъ, которые могли бы помѣшать ихъ бесѣдѣ, когда представлялись такіе случаи; распоряжалась такъ, чтобъ нашему герою непремѣнно досталось мѣсто подлѣ княжны на линейкѣ, которая везла ихъ въ лѣсъ или на тоню, на Оку... Княжна, повидимому, не замѣчала этихъ услугъ и даже большею частью не пользовалась тѣми „удобными“ случаями, которые ловкая особа доставляла ей въ возможномъ изобиліи,—но не всегда же она отъ нихъ уходила, не всегда же находила силу избѣгать ихъ... Иногда, на-лету, глаза ея встрѣчались съ глазами Сергѣя,—съ глазами, полными безконечной мольбы,—и безвластно шла она занять подлѣ него мѣсто въ экипажѣ, и долго потомъ ѣхали они, молча и не смѣя уже болѣе поднять глазъ другъ на друга. И что бы въ эти минуты могли они другъ другу сказать? За нихъ говорила вся эта молодая природа, что цвѣла и пѣла вокругъ нихъ, окропленная живительною влагой, озаренная солнцемъ весны: широкая даль рѣчнаго разлива, сладкій шелестъ молодыхъ дубовъ, соловей, урчавшій въ кустѣ дикой малины, мимо котораго, когда на померкавшемъ небѣ загоралась первая звѣздочка, проѣзжали они на возвратномъ пути въ усадьбу...

XXIV.

Они ѣхали такимъ образомъ однажды рядомъ, въ большомъ обществѣ. Сидѣвшій спиною къ нимъ по другой сторонѣ линейки Духонинъ, вдохновленный красотою вечера, читалъ нѣмецкіе стихи сосѣдкѣ своей, Надеждѣ Ѳедоровнѣ:

— Ich hatte einst ein schönes Vaterland.
Das Eichenbaum
Wuchs dort so hoch, die Veilchen nickten sanft,—
Das war ein Traum,—

донеслось до слуха ихъ.

— Это изъ Гейне... И прелестно! молвилъ Гундуровъ.

Духонинъ продолжалъ:

— Es küsste mich auf deutsch, und sprach auf deutsch:
(Man glaubt es kaum
Wie schön es klanh) „ich liebe dich“...
Das war ein Traum!...

— Здѣсь... *въ отечествѣ*, лучше! проговорила вдругъ Лина какъ бы про себя, какъ бы отвѣчая на какой-то свой собственный, не выговоренный вопросъ.

У Гундурова забилось сердце,—онъ вспомнилъ тотъ первый ихъ разговоръ,—это былъ теперь для него отвѣтъ на то, до чего еще безсознательно допытывался онъ тогда...

— *Лучше*, Елена Михайловна? повторилъ онъ, стараясь заглянуть ей въ лицо,—лучше?...

Но она не отвѣчала его взгляду. Ея синіе, задумчивые

глаза глядѣли впередъ на бѣдное селеніе, на которое они держали путь; хилыя очертанія его почернѣвшихъ соломенныхъ крышъ вырисовывались уже отчетливо изъ-за пригорка въ багровыхъ лучахъ заката...

— Да, сказала она, не оборачиваясь и откидывая вуаль, которую вѣтеръ прижималъ къ ея лицу,—тамъ, въ Германіи, въ Европѣ,—все такъ узко... Покойный папа говорилъ: тамъ перегородки вездѣ поставлены... А здѣсь... Здѣсь какимъ-то безбрежьемъ пахнетъ...

— У васъ удивительныя свои выраженія, княжна! воскликнулъ Гундуровъ.

Она опять улыбнулась, все также продолжая не глядѣть на него.

— Я знаю, я очень не хорошо говорю по-русски; я совсѣмъ еще по-писанному говорю... Но съ вами—голосъ ея чуточку дрогнулъ,—я не могу говорить не по-русски...

— Вы удивительное существо, Елена Михайловна! съ юношескимъ восторгомъ заговорилъ Сергѣй; — вы, воспитанная на Западѣ, въ чужеземныхъ обычаяхъ и понятіяхъ, вы какимъ-то чуднымъ внутреннимъ чутьемъ проникаете въ самую глубь, въ самую суть предмета... Да, въ Россію надо *вѣрить! Тамъ* все сказано, все отмѣрено, вездѣ столбы и „перегородки“ поставлены, и народы дожидаютъ, задыхаясь, въ путахъ бездушной, тѣсной, матеріальной, переживающей себя цивилизаціи... Наше будущее „безбрежно“—какъ это вы прекрасно сказали!—какъ и наша природа. Намъ, славянскому міру, суждено сказать то послѣднее слово вѣчной правды и любви, на какое уже не способенъ духъ гордыни и себялюбія западнаго человѣчества...

— А пока, засмѣялся вдругъ Духонинъ, прислушивавшійся со своего мѣста къ ихъ разговору,—а пока, любезный другъ, соберемся мы сказать это слово, мы, какъ оказывается, и самовара-то нашего выдумать не умѣли, и „народы“ наши (онъ повелъ при этомъ рукою на жалкую деревушку, мимо которой проѣзжали они,) живутъ чуть-ли не безпомощнѣе и плачевнѣе, чѣмъ это „западное человѣчество“ въ пору каменнаго вѣка.

Гундуровъ досадливо обернулся къ нему:

— Не среди мраморныхъ палатъ царственнаго Рима, молвилъ онъ съ сіяющими глазами,—не мудрецами, вѣровавшими въ его вѣчность, найдена была та божественная истина, что̀ должна была спасти и обновить погибающій міръ: возглашена была устами нищихъ рыбаковъ далекой страны, которую точно также за бѣдность ея и невѣжество презирали кичившіеся богатствомъ своимъ и культурою избранные счастливцы того вѣка!

Духонинъ нѣсколько опѣшилъ передъ этимъ неожиданнымъ, горячимъ доводомъ.

— „Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ,“ молвилъ онъ съ натянутою усмѣшкою.

Лина въ свою очередь обернулась къ нему.

— Въ этомъ, кажется, все и есть, промолвила она застѣнчиво.

— Въ чемъ это, княжна?

— Въ томъ... чтобъ *вѣрить*.

Онъ засмѣялся и развелъ руками.

— Дѣйствительно, намъ только это и остается, потому что иначе я бы могъ, въ pendant къ не очень смиренному, сказать кстати, пророчествованію друга моего Гундурова о нашемъ великомъ будущемъ, привести то, что̀ говорятъ про насъ на этомъ „погибающемъ и изживающемъ,“ по его мнѣнію, Западѣ; „fruit pourri avant d'être mûr.“

— Да, я это слышала, тихо сказала Лина, между тѣмъ какъ Сергѣй опускалъ глаза, чтобъ не выдать того чувства восторга и счастія, которыми исполняло его ея видимое единомысліе съ нимъ; — но тѣ, которые это про насъ говорятъ теперь, вѣдь у нихъ было тоже свое прошлое, и не всегда хорошо было въ этомъ прошломъ: были войны, и разореніе, и невѣжество, и рабство, какъ у насъ. Но, сколько я знаю, ни одинъ изъ этихъ народовъ не отчаявался въ своемъ будущемъ, а шелъ впередъ, надѣясь и вѣря, что со временемъ станетъ всѐ лучше и лучше...

— Конечно, быстро возразилъ Духонинъ,—потому что каждый изъ нихъ чувствовалъ въ себѣ серьезные жизненные задатки для такого лучшаго будущаго.

Она какъ бы съ невольнымъ упрекомъ покачала головой.

— А у насъ ихъ нѣтъ? И мы, въ самомъ дѣлѣ, „fruit pourri“, прежде чѣмъ еще созрѣли? Но тогда намъ остается только отказаться отъ самихъ себя и отдаться въ руки первому, кто захочетъ взять насъ и передѣлать на свой ладъ...

— Отлично, Елена Михайловна, отлично! вскликнулъ Гундуровъ.—Ну-ка, Духонинъ, кому будетъ вамъ угодно поднести насъ: Нѣмцамъ, Шведамъ, католической Польшѣ, или всѣмъ ужь имъ разомъ, на дѣлежъ?

— Выводъ вашъ, однако, княжна; я прошу вывода! сказалъ на это засмѣявшись московскій *западникъ*.

Лина заалѣла, замѣтивъ, что всѣ на линейкѣ примолкли, прислушиваясь къ ея словамъ.

— Все то же, что я уже сказала, промолвила она, опуская глаза, — Россія, мнѣ кажется, можетъ ждать великаго будущаго только отъ тѣхъ, кто будетъ твердо вѣрить въ нее, а не отчаяваться въ ней.

— Кладу предъ вами оружіе, княжна, сказалъ Духонинъ полусерьезно, полушутя, — противъ этого аргумента возраженія сейчасъ не придумаешь.

Сергѣй ничего не сказалъ, но онъ едва удержался, чтобы не соскочить съ линейки и тутъ же на-ходу припасть къ ея ногамъ...

Долго еще потомъ звенѣло волшебнымъ звукомъ въ его ухѣ каждое изъ сказанныхъ ею словъ въ этомъ разговорѣ, и повторялъ онъ ихъ съ сладостнымъ замираніемъ сердца.

„Она чувствуетъ по-русски, а мыслитъ по-европейски“, опредѣлялъ онъ себѣ Лину въ тѣ рѣдкіе часы, когда самъ онъ былъ въ состояніи *думать* о ней, а не *чувствовать* ее, — „такихъ еще у насъ долго не будетъ женщинъ... да и не однѣхъ женщинъ“... Онъ былъ правъ: тщательное, подъ руководствомъ просвѣщеннаго отца, воспитаніе за границей, серьезное чтеніе, постоянное общеніе съ высокообразованными умами, находившимися въ близкихъ сношеніяхъ съ княземъ Михайлой,—все это сказывалось въ ней чѣмъ-то не легко выражающимся словами, но проникавшимъ ее всю, какъ запахъ иныхъ, отборныхъ духовъ, чѣмъ-то невыразимо тонкимъ,

нѣжнымъ, идеальнымъ въ помыслахъ ея, въ рѣчи, въ каждомъ изъ ея движеній. Въ ней угадывалось—именно *угадывалось*—присутствіе той высшей культуры ума и сердца, что̀ такъ мало походитъ на казовую русскую образованность, на русское воспитаніе *спустя рукава*, скользящія по поверхности предметовъ и явленій и не умѣющія сладить ни съ какимъ дѣломъ и ни съ какимъ чувствомъ. И именно потому, можетъ быть, что въ ней такъ мало было русскаго воспитанія, чувствовала себя такъ *русскою* Лина; потому именно, что не скользила она по поверхности вещей, а привыкла съ-молоду вдумываться въ нихъ, ей было такъ „узко въ Германіи...“ и полюбить могла она только сына этой ея бѣдной, темной—и съ юныхъ лѣтъ неотразимо манившей ее къ себѣ своимъ „безбрежьемъ“—родины...

XXV.

Утромъ, 20-го числа, только-что послѣ перваго завтрака, исправникъ Акулинъ, еще наканунѣ вечеромъ уѣхавшій встрѣчать графа, подскакалъ на взмыленной тройкѣ къ широкому крыльцу Сицкаго. — „Ѣдутъ, ѣдутъ!“ прытко выкидывая изъ телѣги свое грузное тѣло, кричалъ онъ сдавленнымъ, будто только-что сорвался съ веревки, голосомъ слугамъ, выбѣжавшимъ въ сѣни на топотъ его лошадей,—„князю доложите, княгинѣ... сейчасъ прибудутъ... вотъ и коляска ихъ видна“...

Изъ-подо *льва*, дѣйствительно, выѣзжала и мчалась къ дому четверня подъ коляскою *графа*.

Предувѣдомленный князь Ларіонъ вышелъ ему навстрѣчу...

Тотъ, котораго въ то время коротко и многозначительно въ предѣлахъ Москвы бѣлокаменной и на всемъ пространствѣ кругомъ просто называли „графомъ“, былъ лѣтъ шестидесяти съ чѣмъ-то генералъ, нѣсколько тучноватый, безусый— по формѣ Александровскаго времени, которой онъ не хотѣлъ измѣнить и въ новое царствованіе,—и лысый, по выраженію Ольги Елпидифоровны, какъ арбузъ. Эта совершенно голая голова съ тремя подвитыми вверхъ волосиками на самомъ затылкѣ, отвислыми какъ рыбьи жабры щеками, небольшими глазками и выступавшею добродушно впередъ нижнею губою, давала ему совершенно видъ стараго китайца; но въ общемъ выраженіи его облика было то, что-то *свое*, самостоятельное и достойное, чѣмъ Александровскіе люди замѣтно отличались отъ удачливыхъ *служакъ* той эпохи, къ которой относится нашъ разсказъ. *Графъ* былъ то, что называется *сынъ своихъ*

дѣлъ: бѣдный армейскій офицеръ, воспитанный, какъ самъ любилъ говорить, „на мѣдную полушку,“ онъ счастливою случайностью выдвинутъ былъ весьма рано впередъ и еще въ пору Отечественной войны считался дѣльцомъ. Сорока съ небольшимъ лѣтъ отъ роду онъ былъ уже большой человѣкъ въ служебной іерархіи, богато женатъ, получилъ графскій титулъ... Но въ годы аракчеевской силы онъ одинъ изъ весьма немногихъ имѣлъ мужество не *кланяться* временщику, въ буквальномъ значеніи этого слова,—а чрезъ нѣсколько лѣтъ затѣмъ съ министерскаго поста вышелъ въ чистую отставку вслѣдствіе того, что одно изъ его представленій не получило чаемаго утвержденія. О мелкомъ своемъ происхожденіи и первоначальной бѣдности онъ говорилъ всегда съ какою-то особенною гордостью, а тому, первому своему, давно умершему начальнику, который вывелъ его изъ темныхъ рядовъ арміи, онъ въ любимомъ своемъ имѣніи, подъ окнами своего кабинета, поставилъ въ саду бронзовый памятникъ, съ надписью: „моему благодѣтелю.“

Таковъ былъ человѣкъ, который, пробывъ въ отставкѣ цѣлыхъ 18 лѣтъ, призванъ былъ снова затѣмъ на высокую должность, которою онъ правилъ теперь,—и правилъ, какъ правили въ тѣ блаженныя времена,—съ произволомъ трехбунчужнаго паши и съ мудрою простотою Санхо-Пансы на островѣ Баратаріи.

Онъ вылѣзъ изъ коляски вслѣдъ за выскочившимъ впередъ чиновникомъ, сопровождавшимъ его, и принялся лобызаться съ княземъ Ларіономъ.

— Здравствуй, очень радъ тебя видѣть;—онъ говорилъ короткими, словно остриженными фразами, съ полнымъ отсутствіемъ всякихъ вводныхъ и придаточныхъ предложеній:—нарочно заѣхалъ; потолковать надо! Мѣста все знакомыя,—онъ глянулъ кругомъ,—въ одиннадцатомъ году были у твоего старика; съ графомъ Барклаемъ; тогда онъ еще княземъ не былъ. Что княгиня? спрашивалъ онъ, подымаясь на лѣстницу.

Все это говорилось, точно онъ акаѳистъ читалъ, подъ рядъ, безо всякаго повышенія или пониженія голоса, при чемъ его

китайское лицо сіяло добродушнѣйшею и самодовольнѣйшею улыбкою.

— Она васъ ждетъ, отвѣчалъ князь; — но прежде всего вопросъ: не хотите-ли позавтракать?

Тотъ пріостановился на ступенькѣ и приподнялъ обѣ руки ладонями кверху.

— Не хочу. Никогда не завтракаю. Что племянница?

— Слава Богу!

— Милое дитя! тѣмъ же акаѳистомъ пропѣлъ *графъ*.

— Cher comte, soyez le bienvenu chez moi, заголосила княгиня, встрѣчая его въ первой гостинной, гдѣ висѣлъ „*portrait d'ancêtres*“ — но, вспомнивъ, что „cher comte“ ни слова не понималъ ни на какомъ иностранномъ языкѣ, предложила ему завтракать по-русски.

Онъ опять поднялъ обѣ ладони кверху и опять повторилъ то же.

— Не хочу, никогда не завтракаю! А, милое дитя! И онъ пошелъ навстрѣчу входившей въ гостиную княжны; — какъ ваше здоровье?

Лина присѣла; онъ пожалъ ея тонкія руки своими обѣими, пухлыми, какъ у попа въ богатомъ приходѣ, руками.

— И шалунья тутъ же? пропѣлъ онъ опять, узнавая Ольгу Елпидифоровну, вышедшую вслѣдъ за княжной; — когда опять въ Москву? А отцу сказали, что я поручилъ?

— Сказала, прошептала барышня, и тутъ же глянула ему въ глаза своимъ забирающимъ взглядомъ.

Онъ умильно улыбнулся и погрозилъ ей пальцемъ.

— Шалунья!... Шажковъ! кликнулъ онъ черезъ спину пріѣхавшаго съ нимъ чиновника, — исправника!

Толстый Елпидифоръ стоялъ, въ ожиданіи, въ передней, крестя себя по животу и шепча отъ времени до времени: „пронеси, Господи!...“

Онъ какъ бомба влетѣлъ, по зову, въ гостиную и вытянулся въ дверяхъ, будто аршинъ проглотилъ.

— Исправникъ, запѣлъ *графъ*, — говорила тебѣ дочь, что *я* поручилъ?

— Точно такъ, ваше сіятельство! еле-слышно прошепталъ онъ сквозь засохшее отъ страха горло.

— Помни! Будешь играть, — прогоню вонъ! А шалунью въ Москву—пѣть!... говорятъ, голосъ хорошъ! Онъ погрозилъ опять бойкой барышнѣ, стараясь какъ можно лукавѣе глянуть, въ свою очередь, въ ея искрившіеся глаза.

— Monsieur Акулинъ прекрасно на сценѣ играетъ! отрекомендовала его княгиня Аглая, на которую исправникъ глядѣлъ умоляющими глазами.

— Актеръ? Это хорошо! Графиня (онъ назвалъ по имени жену свою,) очень любитъ театръ. Что̀ играете?

— *Гамлета*, ваше сіятельство! прохрипѣлъ Елпидифоръ.

— Не знаю! И *графъ* приподнялъ свои ладони.

— C'est sérieux! объяснила Аглая,—но они еще играютъ одно такое смѣшное...

— *Льва Гурыча Синичкина*, ваше сіятельство!

— А! вспомнилъ онъ и ткнулъ пальцемъ по направленію исправника,—Живокини еще играетъ?

— Точно такъ, ваше-съ... чуть не заржалъ въ отвѣтъ на милостивый вопросъ осчастливленный Елпидифоръ.

— Хорошій актеръ! поощрительно отозвалось его сіятельство;—смѣшитъ меня!...

— Не пройдемъ-ли мы ко мнѣ? предложилъ князь Ларіонъ, все время морщившійся отъ этого разговора.

— Пойдемъ; поговорить надо!... Шалунья! Онъ еще разъ погрозился пальцемъ барышнѣ и отправился, сопровождаемый княземъ, въ его покои.

Шажкова—это былъ особый типъ московскаго чиновника, служащаго изъ-за „крестишекъ,“ нѣчто среднее между Фамусовымъ и Молчалинымъ, крѣпышокъ на пѣтушьихъ ногахъ и при пѣтушьей надменности,—Шажкова увели кормить...

XXVI.

— Я твое письмо отослалъ, какъ есть, говорилъ *графъ* въ библіотекѣ, усѣвшись въ самую спинку большаго вольтеровскаго кресла и уложивъ локти по его ручкамъ, а ножки свои сдвинувъ крестъ на крестъ; онъ очень походилъ въ этомъ положеніи на индійскаго бога Вишну.

— И апробуете? спросилъ князь Ларіонъ.

— Что же, написалъ по совѣсти,—апробую!

— Я не приму никакого мѣста, связаннаго съ какими-либо полицейскими обязанностями... Не потому, что бы я отрицалъ пользу полиціи; хорошая полиція при нашемъ невѣжествѣ—все... или почти, и долго еще будетъ *все*, слегка вздохнулъ князь,—только я на нее не способенъ... Слишкомъ хорошъ, или слишкомъ дуренъ, какъ хотите... Онъ усмѣхнулся.

— Безъ полиціи нельзя! пропѣлъ *графъ*.

— Да, но и она мертвое орудіе у нихъ въ рукахъ... Поглядите, что дѣлается кругомъ: воровство, неправосудіе, отсутствіе ума вездѣ... Вотъ зачѣмъ смотрѣть, что карать, о чемъ печалиться!... А они науки боятся и образованныхъ людей преслѣдуютъ!... Припомните мое слово, съ какою-то невольною торжественностью возвысилъ голосъ князь Ларіонъ,—здоровую мысль они теперь въ подземную трубу гонятъ; въ слѣдующемъ поколѣніи она у нихъ оттуда или взрывомъ, или тайльемъ выйдетъ!...

— Знаю! Не я! отмахнулся обѣими ладонями Вишну;—у насъ въ государственномъ совѣтѣ (на его языкѣ это означало московскій англійскій клубъ,) каждый вечеръ дѣла рѣшаютъ,

приговоры... Пусть! Онъ выставилъ впередъ нижнюю губу и добродушно разсмѣялся;—опять славянофилы какіе-то есть... знаю; на Собачьей площадкѣ собираются, умные люди, государства дѣлятъ... Мнѣ пишутъ изъ Петербурга: наблюдай, чтобъ не смѣли! Я имъ пишу: вздоръ, я отвѣчаю, пусть болтаютъ! Преслѣдовать будешь,—хуже! Я мошенниковъ и шулеровъ однихъ вонъ изъ Москвы гоню!...

— До чего это доходитъ, въ какой обманъ вводятъ Государя! заговорилъ опять князь:—вотъ тутъ у насъ молодой человѣкъ есть; сосѣдъ, на профессорскую каѳедру готовился...

— Фамилія какъ?

— Гундуровъ.

— Гундуровъ? Въ Клястицкомъ гусарскомъ полку былъ одинъ Гундуровъ, маіоръ, веселая голова. Не отецъ?

— Нѣтъ, отца я зналъ, никогда военнымъ не былъ... Князь Ларіонъ разсказалъ повѣсть нашего героя.

— Пустяки! засмѣялся *графъ;*—зачѣмъ ѣздилъ въ Петербургъ? Мнѣ бы просьбу подалъ,—отпустили бы.

— Я на васъ и разсчитывалъ, съ живостью заговорилъ князь опять;—вы одни можете поправить это дѣло. А я, кашлянулъ онъ, — имѣю причины желать... Желалъ бы ему услужить...

Старикъ взглянулъ на пріятеля и словно понялъ „причины"; губы его приняли насмѣшливое выраженіе:

— Сосѣдъ? Бываетъ у васъ часто?

— Театръ этотъ у насъ затѣялся! Князь Ларіонъ сморщилъ брови...

— Отчего? Могу! Зимою Дворъ пріѣдетъ:—доложу!

— Очень вамъ благодаренъ *за него,* поспѣшилъ сказать князь;—отказъ въ паспортѣ приводилъ молодаго человѣка въ отчаяніе... Я ему совѣтывалъ... пока... по Россіи проѣхаться...

— Хорошо, пусть поѣдетъ! Ему полезно! А тебѣ я хотѣлъ сказать насчетъ тебя... Все въ твоихъ рукахъ. И сила твоя будетъ! Потому *онъ* будетъ твой (разумѣлся сильный человѣкъ, отъ котораго шли *предложенія* князю-Ларіону и съ которымъ самъ *графъ* находился въ давнишнихъ короткихъ отношеніяхъ):—породниться съ тобой хочетъ!...

— Породниться? чуть не вскрикнулъ князь Ларіонъ.

— Да, чрезъ твою княжну!

— Чрезъ Hélène?... У него сперлось дыханіе.

— Племянникъ у него, Анисьевъ графъ! продолжалъ пѣть акаѳистомъ *графъ*.

— Сынъ этой?...

— Знаю! понялъ и подмигнулъ старикъ;—шельма большая...

— И я не догадался объ этомъ въ Римѣ! съ отчаяніемъ восклицалъ внутренно князь Ларіонъ.—Этотъ Анисьевъ... началъ онъ и не могъ кончить.

— Тридцати нѣтъ, давно полковникъ, пороху не нюхалъ; очень *цѣнятъ!... Исполнитель!* Нижняя губа *графа* выставилась впередъ:—при Александрѣ Павловичѣ не такихъ выбирали! объяснилъ онъ мысль свою.

— Онъ, кажется, зимою былъ въ Москвѣ проѣздомъ, вспомнилъ князь, дрожащей рукою проводя себѣ по лбу;—я его карточку видѣлъ какъ-то. Онъ былъ у Аглаи Константиновны.

Графъ заговорилъ опять:

— Пишетъ мнѣ (все тотъ же сильный человѣкъ), что сестра его за границей съ твоей невѣсткой насчетъ этого сговорились ужь!

— Отъ меня скрыто! Въ первый разъ слышу!

— Не знаю! Ладони откинулись назадъ;—онъ пишетъ мнѣ... А все безъ тебя нельзя, ты родной дядя, опекунъ!

— А! Такъ вотъ они отчего, *предложенія!* Не служба моя нужна... государству... а роденьку къ богатой... невѣстѣ... пристроить! едва могъ говорить отъ пронимавшаго его бѣшенства князь;—торгъ мнѣ предлагаютъ: вотъ тебѣ... портфель, а... а *ее*... Такъ напишите же имъ... что... что я ни собой... ни племянницей моею, княжною Шастуновой, не торгую!... Мнѣ... отъ нихъ... ничего не нужно! Господина этого... Анисьева я не знаю и согласія моего напередъ не даю... А *тамъ*, чуть не воплемъ вылилось у него изъ груди,—я не отецъ, могутъ отдать *ее* и безъ моего согласія...

Старый Вишну невозмутимо внималъ, глядя ему прямо въ

лицо и недвижнымъ истуканомъ сидя въ глубинѣ своего кресла; только пухлые его пальцы слегка приподнимались и опускались на оконечностяхъ ручекъ...

— Какъ былъ въ двадцать лѣтъ, горячка все также! запѣлъ онъ наконецъ снова своимъ однозвучнымъ голосомъ;— сердиться зачѣмъ? Не хочешь? Сказалъ. Довольно! Я напишу ему... А теперь прощай! молвилъ онъ, разомъ подымаясь съ мѣста;—завтра въ вечеръ въ Нарцесовѣ хочу быть: тамъ у меня винокурня сгорѣла...

Князь Ларіонъ былъ такъ взволнованъ, что и не думалъ удерживать его.

— Прощай, Ларіонъ! И, выставляя заранѣе обѣ губы впередъ, старикъ подошолъ къ нему, взялъ его за оба плеча и поцѣловалъ въ обѣ щеки.

— Прощайте, почтенный другъ мой, сказалъ князь,—и благодарствуйте во всякомъ случаѣ!...

— Прощай!... Надо съ твоей княгиней проститься!...

Онъ двинулся—и вдругъ остановился:

— А что ты какъ былъ, такъ и есть,—это хорошо! Такихъ теперь мало! почему-то шепнулъ и подмигнулъ онъ князю Ларіону;—мы *настоящіе* были, вѣрные слуги! Не то, что нынѣшніе, *исполнители!* презрительно повелъ онъ губами и, покачиваясь съ боку на бокъ, бодрыми шагами вышелъ изъ библіотеки.

XXVII.

— Cher comte, неужели вы ужь насъ покидаете? томно заголосила княгиня Аглая, когда зашелъ онъ къ ней проститься въ гостиную.

— Дѣло! Надо! У меня винокурня сгорѣла! говорилъ онъ ей въ отвѣтъ, подходя *къ ручкѣ*.

— По крайней мѣрѣ, на возвратномъ пути, милый графъ, дайте мнѣ обѣщаніе пріѣхать опять; — вамъ по дорогѣ. 3-го іюня ma fille aura dix-neuf ans,—Лины рожденіе, спохватилась она,—у насъ спектакль... вы любите... Обѣщайтесь!...

— Третьяго числа? Не помню... Шажковъ! Когда намъ по маршруту мимо Сицкаго проѣзжать?

— 6-го іюня предполагается возвращеніе въ Москву, доложилъ чиновникъ;—только вы передъ тѣмъ желали провести день въ Ивановскомъ...

— Не поѣду и днемъ раньше изъ Нарцесова уѣду! Милое дитя! онъ отправился жать руки Лины въ своихъ пухлыхъ рукахъ, — хочу быть здѣсь на ваше рожденіе!... Ну, прощайте, княгиня!

— Vous êtes si gentil... вы такъ милы! голосила она, цѣлуя его въ щеку и подымаясь провожать его...

— Тутъ одна мѣщанка молоденькая изъ города—съ просьбою къ вашему сіятельству, доложилъ Шажковъ.

Онъ выставилъ свою нижнюю губу впередъ:

— Просьба? Все просьбы! О чемъ она проситъ?

— Мужъ ея выдалъ своей прежней... одной женщинѣ, запнулся чиновникъ, — два безденежныя заемныя письма на 800 рублей.

— Мошенники! протянулъ *графъ*.—Ну, теперь не имѣю время! подумавъ отвѣтилъ онъ,—скажи, чтобъ пришла, когда назадъ будемъ, третьяго числа. Я разберу!...

— Не прикажете-ли, ваше сіятельство, съ недоброю улыбочкой проговорилъ Шажковъ, — заняться до пріѣзда вашего этимъ дѣломъ Чижевскому?...

— Чижевскому? повторилъ удивленно его сіятельство;—я его отпустилъ,—къ роднымъ, на 28 дней?

— Онъ здѣсь, съ той же улыбочкой объяснилъ тотъ.

— Да, cher comte, это я виновата, вступилась княгиня,— онъ на пути заѣхалъ къ намъ, и я его удержала... il est si bon acteur!...

— Гдѣ онъ? *Графъ* сморщилъ брови.

Чижевскій, бывшій въ другой комнатѣ, вышелъ съ нѣсколько сконфуженнымъ видомъ.

— Знаетъ кошка, чье мясо съѣла! запѣлъ *графъ* полусурово, полуусмѣхаясь;—зачѣмъ прячешься?...

— Я не прячусь, съ невольнымъ смѣхомъ отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Я тебя отпустилъ къ роднымъ, а ты здѣсь! Отецъ ждетъ. Не хорошо!

— Я получилъ письмо, что отецъ уѣхалъ въ Крымъ купаться въ морѣ, поспѣшилъ объяснить Чижевскій.

— Купаться? Это хорошо для здоровья! одобрилъ *графъ*.— А матушка?

— И она съ нимъ уѣхала, немилосердно солгалъ тотъ.

— Играешь здѣсь на театрѣ? уже совсѣмъ добродушно спросилъ старикъ;—я посмотрю: не хорошо будешь играть,— подъ арестъ!... Возьми тутъ, у Шажкова, просьбу; одна мѣщанка подала; разбери, кого нужно, вызови къ моему пріѣзду, третьяго числа!... Ну, прощайте! И онъ пошелъ опять жать руку дамамъ и лобызаться съ княземъ Ларіономъ.

— Мимо проѣхало! щелкнулъ пальцами за его спиною Чижевскій, показывая въ то же время языкъ Шажкову, который ненавидѣлъ его также злобно и такъ же безпричинно, какъ Свищовъ ненавидѣлъ Гундурова...

— Шалунья! До свиданья! Пріѣду послушать, какъ поете!

отпускалъ тѣмъ временемъ старикъ Ольгѣ Елпидифоровнѣ, вызывающіе глаза которой производили на него, повидимому, нѣкоторое впечатлѣніе.

Князь Ларіонъ, проводивъ его до коляски, прошелъ прямо на половину своей невѣстки.

Она уже успѣла усѣсться въ мягкія подушки дивана своего ситцеваго кабинета и собиралась пить чай въ компаніи Зяблина.

— Мнѣ надо переговорить съ вами! коротко и рѣзко проговорилъ князь, входя и останавливаясь посреди комнаты.

— Parlez, Larion! Она подняла на него свои круглые глаза, изумленная и этимъ тономъ, и еще болѣе его посѣщеніемъ: онъ никогда еще до сихъ поръ не заходилъ въ ея покои.

— Я съ *вами* желаю говорить! подчеркнулъ онъ, ни на кого не глядя.

Зяблинъ поспѣшно всталъ со своего низкаго кресла и вышелъ.

Княгиня почти испуганно глянула ему вслѣдъ.

— Я хотѣлъ васъ спросить, какъ только остались они вдвоемъ, началъ князь Ларіонъ, — братъ-ли я вашего покойнаго мужа, опекунъ-ли я его дѣтей, или нѣтъ?

— Mon Dieu, Larion, какіе странные вопросы? Она растерянно заерзала въ своихъ подушкахъ, — qui en doute, что вы дядя и опекунъ Лины и Базиля?...

— Такъ какъ же это вы, едва сдерживаясь, говорилъ онъ, — какъ же вы, потайно отъ меня, не предваривъ ни словомъ, прячась и лукавя какъ... — онъ чуть не сказалъ „какъ горничная“,—порѣшили судьбу Hélène съ этой интригантkой... и я узнаю это только теперь, чрезъ другихъ?...

Она ужасно перепугалась.

— Je vous prie, Larion, не сердитесь! Мы съ графиней Анисьевой, à Rome, говорили, c'est vrai... И я вамъ хотѣла тогда же сказать... Но она меня просила si instamment!... я, говоритъ, боюсь, vôtre beau frère me déteste, не говорите ему теперь ничего... Она меня такъ просила, Larion, ne vous fâchez pas! Я ее послушала...

— A Hélène! вскрикнулъ князь;—вы говорили съ ней?...

— Ничего не говорила, Larion, je vous jure! съ простодушнѣйшею увѣренностью въ томъ, что такъ и слѣдовало ей поступить, отвѣтила Аглая Константиновна.

Онъ съ невыразимымъ презрѣніемъ вскинулъ на нее глаза:

— Вѣдь вы же мать! Чего другаго... но *этого* — онъ ударилъ себя по груди, — можно же отъ васъ требовать!... Не видавши человѣка въ глаза, не зная, кто, *что* онъ, вы ее, вашу дочь... такое существо, какъ Hélène, — голосъ его отъ волненія зазвенѣлъ неестественнымъ звукомъ, — вы распоряжаетесь ею, какъ кулемъ муки, по вашему капризу, какъ безсловеснымъ, у котораго ни ума, ни воли своей нѣтъ...

Аглая вдругъ ударилась въ слезы.

— Mon Dieu, Larion, развѣ я не о ея счастіи думаю? Какая еще можетъ быть для нея партія лучше?... Songez donc, *кого* онъ племянникъ! Et si bien en Cour. Une carrière... Онъ будетъ непремѣнно министромъ *avec le temps*, говорила мнѣ всегда la comtesse sa mère à Rome.

— Министромъ! злобно засмѣялся князь Ларіонъ;—а если ей, Hélène, не министра нужно, а человѣка! Понимаете вы: *че-ло-вѣ-ка!*...

— Il sera bientôt général, Larion! томно вращая своими круглыми глазами, отвѣтила она на это ему.

Точно въ грудь она его чѣмъ-нибудь ткнула...

— „Она непроходимая!... Бѣдный князь Михайло!“ невольно вспомнилась ему судьба покойнаго брата.—„Несчастная“...

Онъ не договорилъ мысленно послѣдняго имени... О себѣ самомъ онъ уже и не думалъ...

— Вы его видѣли зимою, этого господина? спросилъ онъ, насколько могъ, хладнокровнѣе.

— Да, отвѣчала она, еще всхлипывая,—онъ былъ у меня съ письмомъ отъ своей матери... Его послали въ Тамбовъ pour les recrues, vous savez, за наборомъ... Онъ уѣхалъ въ тотъ же день тогда...

— И вы его теперь *ждете?* Князь Ларіонъ горящими глазами глянулъ пристально на нее.

— Я ему говорила, что третьяго іюня рожденіе Лины... и что мы будемъ въ Сицкомъ...

— И онъ будетъ? не далъ ей договорить онъ.

— Я, право, не знаю, Larion... vous êtes si singulier, принялась она опять плакать, — я съ тѣхъ поръ не имѣю никакихъ nouvelles... ни отъ него... ни отъ его матери, la comtesse...

Она безбожно лгала: съ графиней Анисьевой она была въ непрерывной перепискѣ съ Рима, а отъ сына ея, не далѣе какъ за два дня, получила изъ Симбирска письмо, въ которомъ онъ отборнѣйшими французскими фразами извѣщалъ ее, что порученіе его приходитъ къ концу, и что онъ, пользуясь ея любезнымъ приглашеніемъ, льститъ себя радостной надеждою явиться въ Сицкое, для изъявленія ей своего глубокаго почтенія и преданности, никакъ не позднѣе 2-го іюня.

Князь Ларіонъ и не сомнѣвался, что она лгала. Но ему противно было говорить съ ней, противно смотрѣть на ея жирное, тупое лицо... „И это мать *ея!*“ пронеслось у него въ мысли...

Онъ повелъ плечами и вышелъ изъ комнаты.

Вбѣжавшая въ нее почти вслѣдъ за нимъ Ольга Елпидифоровна застала свою покровительницу еще всю въ слезахъ.

— Милочка моя, княгинюшка, голубушка, вскрикнула она, кидаясь къ ней на диванъ и принимаясь цѣловать ее, — что̀ съ вами, о чемъ вы плачете?

Та почувствовала вдругъ неодолимую потребность разсказать ей, какая она обиженная, разогорченная, несчастная женщина.

— Larion m'a fait une scène affreuse, — et pourquoi? Потому что я хочу le bonheur de mon enfant! ныла она и терла себѣ глаза кружевнымъ платкомъ.

— За Лину! тотчасъ же догадалась барышня и воспылала самымъ жаднымъ любопытствомъ узнать поводы „scène affreuse.“

— Je vous dirai tout, petite, сказала ей Аглая Константиновна,—только ты мнѣ должна дать слово, что ты ни слова никому не скажешь!

Ольга стала креститься на уголъ, что никому, никому, пока жива, не выдастъ этой тайны.

Княгиня передала ей все отъ начала, — какъ она познакомилась съ графинею Анисьевой въ Римѣ, и та „влюбилась въ Лину," и потомъ говорила ей о сынѣ, и какъ онѣ обѣ нашли, что этотъ сынъ, „qui a tout pour lui и который непремѣнно долженъ быть министромъ avec le temps", и ея дочь „feront un couple assorti",—и теперь вотъ Larion, „изъ злости къ этой бѣдной comtesse Anissief," наговорилъ ей *ужасовъ*, и что она видитъ, что онъ противится „à un mariage aussi brillant" только потому что, она, по просьбѣ графини, не сообщила ему до сихъ поръ о ихъ „projet d'alliance..."

— Вы думаете *потому*, княгинюшка? стремительно прервала ее на этомъ мѣстѣ бойкая барышня подъ новымъ внезапнымъ приливомъ той злости, которую внушалъ ей теперь князь Ларіонъ;—вы ошибаетесь: онъ и этому, и всякому другому projet de mariage Лины будетъ противиться!...

Княгиня воззрилась на нее недоумѣвая.

— Повѣрьте мнѣ, я знаю! закивала ей та;— онъ ни какого не согласится, онъ не желаетъ, чтобъ Лина вышла замужъ!

Аглая Константиновна недовѣрчиво качнула головой:

— Olga, ça-c'est une bêtise, что ты говоришь: я вѣдь знаю, Larion любитъ Лину...

— Еще бы! хихикнула барышня,—слишкомъ любитъ!...

Круглые глаза княгини растерянно заморгали: она не понимала...

— Онъ влюбленъ въ нее! скороговоркой, наклоняясь къ ней, промолвила Ольга.

— Quelle horreur! Un oncle! такъ и взвизгнула Аглая.

— Княгинюшка, милая, вскинулась съ своей стороны барышня, страшно перепугавшись вдругъ того, что только-что сказала, и тѣхъ послѣдствій, въ которыя могла вовлечь ее, по своей несомнѣнной глупости, ея покровительница,—ради Бога! ради всего святаго, чтобъ никто кромѣ васъ этого не зналъ!... Вы понимаете, я бѣдная дѣвушка... мой отецъ исправ-

никъ, онъ зависитъ отъ *графа*, а князь его другъ... А я только изъ преданности моей, изъ любви къ вамъ...

Но безграничной глупости въ русской натурѣ, какъ извѣстно, не бываетъ;—послѣ перваго взрыва цѣломудреннаго негодованія, княгиня Аглая смутно сообразила, что въ чувствѣ такого человѣка, какъ князь Ларіонъ, къ такой дѣвушкѣ, какъ Лина, „il ne doit y avoir rien de scabreux," а если онъ, дѣйствительно, „un peu amoureux de sa nièce," то это можетъ еще, пожалуй, какъ-нибудь послужить ей, Аглаѣ, въ пользу, если бы Larion вздумалъ и въ самомъ дѣлѣ упрямиться... Она поспѣшила успокоить барышню и, въ свою очередь, крестилась на уголъ, что никому не передастъ сообщеннаго ей, а Ольгу и отца ея никогда не оставитъ.

— Surtout si *la chose* reussit, многозначительно напирала она, — онъ (то есть графъ Анисьевъ) чрезъ своего дядю можетъ доставить твоему отцу гораздо лучшее мѣсто: il ne sera plus ispravnik, ma chère,—on pourra le faire gouverneur dans une province éloignée!...

Посреди этихъ изліяній послышался легкій кашель, которымъ Зяблинъ счелъ нужнымъ повѣстить о своемъ возвращеніи.

— Arrivez, arrivez! крикнула ему хозяйка, завидя его въ дверяхъ,—мы однѣ съ Ольгою.

— *Его сіятельство* давича меня такъ безцеремонно выпроводилъ... съ нѣкоторою язвительностью усмѣхнулся „бригантъ," мягко пробираясь къ нимъ, мимо всякихъ *name, dos à dos* и низенькихъ *causeuses*, которыми усѣянъ былъ кабинетъ княгини.

— Oui, и послѣ васъ il m'a fait une scène affreuse! завздыхала она опять.

Зяблинъ опустился въ кресло противъ нея, оперся подбородкомъ на обѣ руки и погрузился своими воловьими глазами въ ея бараньи глаза.

— Бѣдная! проговорилъ онъ только,—но вздохнулъ такъ, какъ могъ вздыхать развѣ одинъ Байроновской Манфредъ на своей скалѣ.

— Ça, c'est un vrai ami, Olga! томно проговорила кня-

гиня, протягивая ему черезъ столикъ съ чаемъ свою жирную руку, которую Зяблинъ благоговѣйно принялъ обѣими своими руками и принялся цѣловать палецъ за пальцемъ.

— Finissez, polisson! игриво промолвила она и отдернула ее изъ-подъ его губъ.—Онъ все знаетъ давно quant à l'affaire de Rome, кивнула она на него Ольгѣ,—mais il est discret!... И Larion объ этомъ узналъ теперь... Ему, вѣрно, сказалъ *графъ*, а тому, я теперь увѣрена, писалъ, vous savez... братъ графини, объясняла она Зяблину;—et Larion est furieux, почему я сама не пришла ему сказать тогда же, à Rome...

— Мнѣ кажется, началъ „бригантъ“ своимъ, напоминавшимъ о сдобномъ тѣстѣ, голосомъ,—что судьба княжны прежде всего зависитъ отъ ея матери...

— Je crois bien! воскликнула княгиня,—sa mère, qui l'a mise au monde!

— А потому, продолжалъ онъ,—я смѣю думать, что князь... что онъ не можетъ требовать...

— Онъ ея дядя, возразила она глубокомысленно, — son propre oncle, vous savez, и *попечитель* d'après la loi...

— Дядя не отецъ, еще мягче и опуская глаза проговорилъ Зяблинъ.

Она уперлась въ него взглядомъ, какъ бы соображая что-то очень сложное.

— Вы знаете, Larion теперь въ отставкѣ, mais... il a toujours une grande position dans le monde! пришла она къ заключенію.

Зяблинъ, проводившій дни свои въ обществѣ этой умной женщины, привыкъ къ необыкновеннымъ ходамъ ея мыслительнаго процесса.

— La position графа Анисьева, мнѣ кажется, не уступитъ княжьей, слегка усмѣхнулся онъ и глянулъ на нее изъ-подъ низу. Это значило: „при такомъ зятѣ нечего тебѣ будетъ бояться своего beau frère'a“,—и Аглая тотчасъ же это поняла, и все лицо ея словно озарилось сіяніемъ.

— Да, воскликнула она,—у него будетъ une position superbe! Я поставлю его домъ sur un pied anglais... Et la Cour viendra! даже задрожалъ ея голосъ.

„Неудавшійся бригантъ“ уныло поднялъ на нее очи; „а меня на кого же ты покинешь!“ говорили они. А думалъ онъ въ то же время слѣдующее: „главное, выдать скорѣе княжну замужъ и спустить Ларіона, а тамъ увидимъ, какъ я тебя изъ Москвы выпущу!“

— Вы также, mon ami, вы также въ Петербургъ переѣдете! Аглая протянула ему опять руку свою черезъ столъ;— et Olga aussi! Je vous prends avec moi, petite; vous n'êtes pas faite pour pourrir en province...

— Княгинюшка, милая, я съ вами готова на край свѣта! кинулась къ ней та на шею; въ глазахъ бойкой барышни такъ и замелькали гвардейскіе мундиры, богатые холостяки, завистливыя институтскія подруги, и дворъ,—дворъ, куда она „могла попасть *за голосъ*...“

— Но, княгиня,—вдругъ, среди упоенія этими золотыми снами, припомнилась ей дѣйствительность,—если Лина... если ей не понравится этотъ графъ и... можетъ быть, кто нибудь... другой ей нравится?...

Аглая Константиновна окинула ее свысока взглядомъ, усмѣхнулась и внушительно проговорила:

— Этого я не боюсь. Lina est trop bien née pour cela!

Барышня прикусила себѣ губу—и осторожно замолчала...

XXVIII.

Amantes—amentes *).

Князь Ларіонъ, выходя изъ апартаментовъ Аглаи Константиновны, встрѣтился съ проходившею къ себѣ на верхъ Надеждой Ѳедоровною.

— Не знаете-ли вы, гдѣ Hélène? спросилъ онъ ее.

— Она, кажется, въ свою комнату сейчасъ прошла...

— Сдѣлайте мнѣ одолженіе, сходите къ ней и спросите можетъ-ли она принять меня? На десять минутъ! примолвилъ онъ, почему-то считая нужнымъ назначить срокъ... Но у него сердце билось, какъ у юноши въ ожиданіи перваго свиданія... Онъ сложилъ на груди руки и прислонился къ периламъ лѣстницы...

— Княжна васъ проситъ! доложила, вернувшись отъ нея, Надежда Ѳедоровна.

Князь Ларіонъ медленными шагами поднялся по ступенькамъ. Послѣ многихъ, многихъ дней онъ теперь опять будетъ говорить наединѣ съ Линой... И тяжекъ для него будетъ этотъ разговоръ, онъ зналъ...

Подойдя къ ея двери, онъ, по заграничному обыкновенію, стукнулъ въ нее три раза пальцами.

—Войдите, дядя, послышался голосъ Лины.

Онъ вошелъ.

Ольга Елпидифоровна была права: комната Лины—ея кабинетъ — если не по удобству, то по строгости своего вида напоминалъ, дѣйствительно, монашескую келью. Полъ обтя-

*) Любящіе—безумные.

нутый верблюжьимъ сукномъ, ситцевыя занавѣси съ темнымъ узоромъ по бѣлому фону, простой дубовый столъ, съ большимъ на немъ портретомъ отца ея въ черной рамѣ, такой-же длинный шкафъ съ книгами, плетеные соломенные стулья приставленные къ стѣнамъ, а на стѣнахъ старинныя, пожелтѣвшія по краямъ, въ черныхъ же рамахъ, гравюры библейскаго содержанія,—все это свидѣтельствовало о странномъ душевномъ настроеніи у дѣвушки съ милліоннымъ приданымъ... Единственно цѣнные, но того же строгаго, религіознаго характера, предметы въ ея покоѣ представлялись въ виднѣвшемся изъ растворенныхъ дверей ея спальни старинномъ католическомъ, изящной венеціанской рѣзьбы, prie-Dieu, на которомъ лежала объемистая, переплетенная въ бархатъ, съ золотыми застежками книга — Евангеліе или Молитвословъ, — и надъ нимъ драгоцѣнное по работѣ Распятіе изъ слоновой кости на крестѣ изъ чернаго дерева... Въ углу той же спальни золоченая лампадка лила свой блѣдный пламень среди яркаго дневнаго свѣта предъ родовою, изукрашенною смарагдомъ и алмазомъ иконою Пречистой Матери Одигитріи, когда-то, послѣ казни Шастуновыхъ при Биронѣ, зарытой въ землю вѣрнымъ слугою и возвращенною имъ при Елисаветѣ послѣднему представителю ихъ рода. Князь Ларіонъ, которому она перешла по наслѣдству отъ отца, подарилъ ее Линѣ...

Она пошла къ нему навстрѣчу:

— Вамъ нужно говорить со мною, дядя?

— Да... я сейчасъ отъ твоей матери...

— Она не здорова? вскрикнула княжна.

— Здоровехонька! отвѣчалъ онъ, — рѣчь не о ней... О тебѣ!...

Онъ никакъ не могъ совладать со своимъ голосомъ: онъ ему измѣнялъ,—онъ чувствовалъ.

— Гдѣ бы у тебя сѣсть? сказалъ онъ, самъ въ эту минуту избѣгая ея глазъ,—у тебя во всей комнатѣ одно кресло.

— И садитесь на него, мнѣ все равно, гдѣ сѣсть.

Онъ подошелъ къ креслу, окинулъ взглядомъ комнату,—отыскивая мѣсто потемнѣе,—и придвинулъ его къ стѣнѣ за оконную занавѣсь.

Лина помѣстилась на стулъ у того же окна и ждала, сложивъ руки на колѣняхъ...

— Нынѣшней зимою, началъ князь,—былъ у твоей... у Аглаи Константиновны, графъ Анисьевъ, сынъ этой...

Она утвердительно кивнула.

— Ты его видѣла?

— Да!

— Говорила съ нимъ?

— Кажется... Да, конечно, говорила...

— Разговоръ этотъ, повидимому,—князь Ларіонъ, старался усмѣхнуться,—не произвелъ на тебя особеннаго впечатлѣнія?...

Она чуть-чуть пожала плечами.

— Этотъ господинъ прибудетъ теперь сюда ко дню твоего рожденія.

— Да? проговорила она съ внезапнымъ замираніемъ...

— И объ этомъ... объ этомъ,—невольно запинаясь, повторилъ князь,—я пришелъ поговорить съ тобою...

Словно зарница промелькнула въ спокойныхъ до сей минуты глазахъ Лины. Она выпрямилась на своемъ стулѣ...

— Твоя... Этого господина, выговорилъ наконецъ князь,—прочатъ тебѣ въ мужья!

— Ради Бога! Дядя! могла только выговорить Лина умоляющимъ языкомъ.

Онъ схватилъ обѣими своими ея свободную руку...

— Hélène, другъ мой, я понимаю... я зналъ... я хотѣлъ сказать... Ради Бога, не отчаявайся!...

— Ничего, дядя,... нѣтъ... я...

Она будто сжалась вся, закрыла на мигъ глаза, открыла ихъ, тихо высвободила свою руку...

— Говорите! промолвили ея блѣдныя губы.

Онъ собрался съ силами и тихо спросилъ:

— *Онъ* не по тебѣ, Hélène?

— Нѣтъ! твердо проговорила она и головой закачала.

— И былъ не по тебѣ... и *тогда*,—когда ты его увидѣла въ первый разъ? съ замирающимъ сердцемъ спросилъ опять князь Ларіонъ.

Она какъ бы поняла разомъ и то, что̀ хотѣлъ онъ сказать, и то чувство, которое побуждало его къ этому вопросу. Еле замѣтный румянецъ проступилъ сквозь снѣговую блѣдность ея ланитъ.

— И тогда, дядя! какъ бы поспѣшила она успокоить его,—и тогда!...

Онъ замолкъ, судорожно, крѣпко сжавъ вѣки, какъ бы отъ солнца...

— Годъ тому назадъ, въ эту пору, помнишь, заговорилъ онъ послѣ долгаго молчанія,— мы были въ Гмунденѣ, на возвратномъ пути изъ Италіи... Какой-то невѣдомый еще людямъ уголокъ! Ни одной души знакомой... цѣлыя три недѣли! Помнишь наши безконечныя прогулки въ лодкѣ по Траунзее?...

— Помню, беззвучно отвѣчала она.

— Вѣдь лучше было тогда, Hélène, лучше?...

Она не отвѣтила.

Онъ горько, горько улыбнулся. Безумецъ, онъ могъ хоть на мгновеніе вообразить себѣ, что отъ этого воспоминанія зазвенитъ какая-нибудь струна въ ея душѣ! Прогулки по озеру въ лунныя ночи — съ *нимъ!* Онъ такой юный, милый, интересный Шиллеровскій герой...

Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ, опять сѣлъ...

— Это рѣшено, я вижу, еще въ Римѣ, заговорила между тѣмъ Лина,—мнѣ тогда ничего не сказали, и теперь...

— Зачѣмъ тебѣ сказывать! злобно засмѣялся князь Ларіонъ;—въ *ея* просвѣщенныхъ понятіяхъ ты—вещь, или... какъ бишь это говоритъ въ *Гамлетѣ* господинъ Гундуровъ?—„звѣрь безъ разума и чувства“...

— Дядя! прервала его Лина, не подымая головы,—я васъ прошу не говорить мнѣ ничего про maman...

— Ни про...

Онъ отрѣзалъ вдругъ, какимъ-то сверхъестественнымъ усиліемъ заставилъ разомъ смолкнуть все, что̀ въ этотъ мигъ рвалось, рѣзало и клокотало въ его груди, глядя на эту опущенную, печальную, божественную головку, и тихо заговорилъ опять:

— Hélène, мнѣ не нужно тебѣ говорить: твое счастіе во сто разъ дороже мнѣ... моей никому не нужной жизни! вырвалось у него опять съ невольною горечью; — скажи мнѣ только: въ настоящемъ случаѣ разсчитываешь-ли ты на мою поддержку?

Она отвѣчала не сейчасъ:

— Да, дядя! И поднявъ на него глаза:—все, что̀ отъ васъ зависитъ, сдѣлайте!

Онъ опять замолкъ, опять страшнымъ усиліемъ овладѣлъ собою...

— Hélène, сказалъ онъ,—я требую полной откровенности. Иначе я не буду знать, какъ мнѣ дѣйствовать.

Плечи ея дрогнули, она быстро отвернулась къ окну.

— Анисьевъ не по тебѣ, продолжалъ князь Ларіонъ, — но... но есть... другой.

Она не отвѣчала.

— Я это предвидѣлъ... я хотѣлъ удалить его...

— Я знаю! прошептала Лина.

— И это... это уже такъ сильно, Hélène?...

— „Не спрашивайте!“ тоскливо сказали ея отуманившіеся глаза.

О, какимъ терзаніемъ терзалось бѣдное сердце князя Ларіона!...

Онъ имѣлъ еще силу усмѣхнуться, проговорить шутливымъ тономъ:

— Значитъ, мнѣ предстоятъ двѣ задачи: одного выпроводить, другаго *выправить*... Хорошо! Молись твоему Богу,— а я сдѣлаю, что̀ могу!...

Онъ подошелъ къ ней, подалъ ей руку... Она схватила ее, прижалась щекою къ рукаву его и тихо заплакала...

Онъ наклонился, поцѣловалъ ее въ лобъ, вышелъ... выбѣжалъ изъ ея комнаты и, дотащившись къ себѣ, повалился на диванъ, какъ раздавленный...

XXIX.

Мы пьемъ въ любви отраву сладкую,—
Но все-жь отраву пьемъ мы въ ней...
Баратынскій.

Дни бѣжали за днями. Въ обычномъ теченіи жизни въ Сицкомъ ничто наружно не измѣнилось. Все тѣ же были вкусные завтраки и обѣды, тѣ же репетиціи между этими завтраками и обѣдами и прогулки послѣ этихъ обѣдовъ, все тѣ же по вечерамъ музыка, и громкій смѣхъ, и безконечные споры Духонина съ Факирскимъ о Жоржъ-Сандѣ и Louis Blanc, и брюжжавшій, къ великой потѣхѣ публики, „фанатикъ“, и толстый Елпидифоръ, *отбывшій* грознаго начальника и съ легкою думой весь день теперь проводившій надъ своею ролью *Полонія*... О послѣдствіяхъ посѣщенія *графа* ничего не проникло въ публику. Бредившая Петербургомъ бойкая барышня хранила ввѣренную ей тайну даже отъ отца, — даже отъ Ашанина. А Ашанинымъ она увлекалась съ каждымъ днемъ все болѣе... Онъ однажды поймалъ ее одну въ актерской уборной, куда побѣжала она на минуту со сцены приколоть передъ зеркаломъ сорванную имъ для нея розу къ волосамъ, — и, не говоря ни слова, обнялъ ее и страстнымъ поцѣлуемъ поцѣловалъ въ самыя губы. Она не крикнула и, какъ въ угарѣ, чуть не шатаясь, вернулась на репетицію съ неприколотою розою въ рукѣ... И съ той минуты все чувствовала она на губахъ своихъ сладость того горячаго, перваго поцѣлуя. Ночью въ кровати, среди долго не дававшихъ ей спать всякихъ честолюбивыхъ и тщеславныхъ помышленій, образъ чернокудраго красавца возставалъ

вдругъ передъ нею, какъ живой, и наклонялся къ ней, и цѣловалъ ее въ губы,—и отъ этихъ воображаемыхъ поцѣлуевъ все млѣло и вздрагивало подъ легкимъ одѣяломъ ея роскошное молодое тѣло.

А все же она молчала и таила отъ Ашанина то, что—она знала,—должно было пасть сокрушающимъ ударомъ на голову его друга. И самую покровительственную свою руку отняла она теперь отъ этого его друга и княжны. Не въ выгодахъ бойкой барышни было болѣе „сближать“ ихъ. Ненавистному ей князю Ларіону наносился ударъ почище, чѣмъ то, чего могла она ожидать отъ любви къ княжнѣ Гундурова. Передъ нею лично открывались новые, широкіе горизонты, и, въ виду ихъ, разсуждала она, ей слѣдовало бы даже теперь всѣми зависѣвшими отъ нея средствами „мѣшать“ этому сближенію. Но Ольга Елпидифоровна въ душѣ своей относилась къ княжнѣ съ крайнимъ пренебреженіемъ. Въ ея понятіяхъ, Лина была не что иное, какъ „вялая рыба“, безъ искорки того „огня жизни“, которымъ внутренно гордилась сама барышня, и который, дѣйствительно, горѣлъ въ ней неугасаемо какою-то вѣчно брызжущею струею;—„достаточно мнѣ“, рѣшила она, „только не *помогать* имъ, а безъ меня они ни до чего не дотолкуются!“... И она отошла отъ нихъ тѣмъ легче, что Лина не замѣчала ея измѣны, какъ не замѣчала передъ тѣмъ ея услугъ. Линѣ нечего было „дотолковываться“ съ Гундуровымъ,—они понимали другъ друга безъ словъ. Она, дѣйствительно, ему *вѣрила*, какъ „вѣрила“ *Офелія* своему *принцу*, и чувствовала, что *ея* Гамлетъ никогда не скажетъ ей: „я не любилъ тебя!“... Страннымъ чувствомъ — ничего подобнаго не бывало съ нею до сихъ поръ,—исполнена она была теперь: она словно витала внѣ времени и пространства, какъ витаютъ безплотныя души, уносилась мимо бѣгущимъ мгновеніемъ, не задумываясь, не тревожась, не заботясь о будущемъ,—объ этомъ грозномъ, исполненномъ тоски и муки будущемъ, которое надвигалось къ нимъ все ближе и ближе. Она будто забыла о немъ. Ей жадно, какъ Гундурову, хотѣлось теперь также „жить, просто жить“,—и она жила, зная, что, какъ мотыльку, ей суждено было

этой жизни лишь нѣсколько краткихъ часовъ, — и не останавливаясь на этой мысли. Когда порою глаза ея встрѣчались съ глазами Гундурова, вся душа ея выливалась въ этомъ мимолетномъ взглядѣ и, мгновенно поникая взоромъ, она замирала какимъ-то неизъяснимымъ блаженствомъ, чувствуя, что и сквозь опущенныя вѣки проникали ее лучи безконечной нѣжности, лившіеся изъ его глазъ. Когда на сценѣ она говорила о „нектарѣ клятвъ“ *Гамлета*, она знала, что эти никогда не слышанныя ею отъ *него* клятвы *онъ* повторялъ ихъ въ эту минуту въ своемъ сердцѣ, стоя за кулисой и безмолвно внимая ей, — и дѣтски-лукавая улыбка каждый разъ скользила по ея губамъ, когда выходившій тотчасъ вслѣдъ за нею Зяблинъ-*Клавдіо* начиналъ, говоря про того же *Гамлета:*

— „Любовь? О нѣтъ! Онъ не любовью боленъ“...

Однажды, проходя мимо Факирскаго, разсуждавшаго на этотъ разъ съ Духонинымъ о какихъ-то университетскихъ преданіяхъ, она услышала, какъ онъ говорилъ: „Гундуровъ, напримѣръ, Гундуровъ былъ изъ ряду вонъ студентъ!“... И съ этой минуты она полюбила Факирскаго, „растрепанный видъ“ котораго ей долго не нравился, и находила предлоги каждый день заводить съ нимъ разговоръ... Съ Ашанинымъ, съ Вальковскимъ она была необычайно привѣтлива... Она любила все, что̀ любило *его*, что̀ *онъ* любилъ; она перечитывала по вечерамъ мѣста поэтовъ, о которыхъ въ продолженіи дня ему случалось упомянуть; каждый день горничная ея ставила ей на столъ большой букетъ бѣлыхъ лилій, отъ сильнаго запаха которыхъ нерѣдко болѣла у нея голова, потому что однажды, гуляя съ ней по цвѣтнику, онъ сказалъ ей, что она „непремѣнно должна любить лиліи“... Она дѣвственнымъ чутьемъ своимъ чуяла, что никто послѣ отца ея не любилъ и „не могъ бы“ полюбить ее такъ нѣжно и такъ свято. Дядя?... То же чутье всегда предваряло ее противъ его чувства къ ней, говорило ей, что обѣщанная имъ теперь „поддержка“ была съ его стороны жертва, которою томился и страдалъ онъ. Онъ послѣ того разговора съ нею словно избѣгалъ ея,—избѣгалъ всѣхъ и по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ своего по-

коя. Мать! Но она и теперь, рѣшивъ ея судьбу, не почитала нужнымъ сообщить ей объ этомъ... Самъ братъ, Вася, этотъ мальчикъ, которымъ она одна занималась въ семьѣ, при урокахъ котораго она неизмѣнно присутствовала, котораго она всѣмъ любящимъ сердцемъ своимъ старалась оградить отъ недружелюбныхъ отношеній къ нему князя Ларіона, отъ губительнаго на него вліянія материнскаго тщеславія,—онъ не любилъ ея,—она это теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь чувствовала,—не могъ любить этотъ холодный не по лѣтамъ, уже испорченный сердцемъ мальчикъ... Нѣтъ, „они были теперь вдвоемъ на свѣтѣ“ съ Гундуровымъ, съ этимъ случайнымъ *Гамлетомъ*, съ которымъ она познакомилась тому двѣ недѣли... „Кто же еще будетъ съ нами?“ какъ у испуганной голубки проносилось въ душѣ Лины, когда иной разъ ѣдкое сознаніе неизбѣжной дѣйствительности внезапно пробуждало ее изъ міра „грезъ любви первоначальной“.

— А гдѣ это наша милая тетушка (и какъ сказалось у нея эта „*наша*“, она сама не знала,)—Софья Ивановна? спросила она разъ Гундурова.

— А вы бы желали ее видѣть? вскликнулъ онъ, блеснувъ радостнымъ взглядомъ.

— Да. *За нею,* знаете, какъ-то такъ спокойно себя чувствуешь! отвѣчала Лина не ему, а своей мысли...

Онъ обожалъ ея „особенныя словечки“...

— Я за нею съѣзжу, если хотите?

— Съѣздите!

Онъ отправился въ тотъ же вечеръ и вернулся съ нею на другое утро. День былъ воскресный; княгиня съ княжною уѣхала въ церковь...

Софья Ивановна первымъ дѣломъ вытребовала къ себѣ въ комнату Ашанина.

— Ну что, каковы дѣла? Зачѣмъ онъ меня сюда привезъ? спросила она.

— Про то Аллахъ вѣдаетъ, засмѣялся красавецъ; онъ у меня совсѣмъ отъ рукъ отбился: ничего не говоритъ!

— Пріѣхалъ онъ ко мнѣ, съ невольною улыбкою молвила она,—руки цѣлуетъ, самъ чуть не прыгаетъ... И лукавить

началъ: давно не видѣлъ, говоритъ, соскучился... А я по глазамъ вижу,—не тѳ! Наконецъ объявилъ, что меня-де очень всѣ желаютъ видѣть въ Сицкомъ. Кто же эти „всѣ?“ Ужь не *эта-ли Аглая* воспылала ко мнѣ страстью? Нѣтъ, сказывается, княжна просила... Милая! Чтѳ она?... И Софья Ивановна—какъ-то безотчетно потупилась.

Ашанинъ понялъ:

— На нихъ занятно глядѣть, сказалъ онъ,—точно старинный романъ читаешь, гдѣ перваго объясненія любовниковъ ищи въ десятой части!

— А вамъ бы его въ первой же главѣ хотѣлось, а во второй—раскланялись и разошлись! живо, почти сердясь, возразила Софья Ивановна, отчего онъ и пуще разсмѣялся.

— Безъ шутокъ однако, молвилъ онъ:—по моимъ ближайшимъ наблюденіямъ, Сережа княжнѣ положительно нравится!

— Ахъ! глубоко вздохнула она,—я это замѣтила еще въ тотъ разъ, когда здѣсь была... И, признаюсь въ моей слабости, умилилась на нихъ!... А какъ пріѣхала въ Сашино, да размыслила, да соображать принялась... такъ вотъ уже осьмой день не сплю, истомилась и исплакалась до одури... Такая ужь натура дурацкая, какъ бы извинялась она,—все это равно у меня, что когда гроза: ударитъ, не боюсь, а какъ издалека наступаетъ и погромыхивать начнетъ,—смерть моя!...

— Ничего, генеральша, съ бою возьмемъ! утѣшалъ ее Ашанинъ.

— Ахъ, не говорите, не шутите такъ! прервала его Софья Ивановна,—сердце мое говоритъ, а оно меня никогда не обманывало, что не добромъ это кончится... И близко это, близко! промолвила она подъ впечатлѣніемъ какого-то страннаго предвидѣнія...

Но когда она опять свидѣлась съ Линой, услыхала этотъ тихій голосъ, глянула въ эти задумчивые лазоревые глаза, тревога ея снова затихла; она опять „умилилась“ на нее... на нихъ... Ихъ тайна еще яснѣе, быть можетъ, чѣмъ на лицѣ Сергѣя, сказывалась для Софьи Ивановны въ выраженіи *этихъ* глазъ, въ проницающихъ звукахъ *этого* голоса. Въ

нихъ, во всѣхъ движеніяхъ Лины было теперь что-то совсѣмъ новое для Софьи Ивановны,—для нея самой!—что-то разнѣженное, льнущее, молящее. Она словно ютилась, словно прижималась къ теткѣ Гундурова, словно говорила ей: „да, намъ нужна твоя любовь, твоя опора!... Втроемъ, съ тобою, какою блаженною жизнью зажили бы мы!“... И пылкое воображеніе Софьи Ивановны принималось, съ своей стороны, бредить объ этой блаженной жизни *втроемъ*, и опять начинало ей казаться, что соединенными силами они будутъ въ состояніи сломить всякое препятствіе, и что никакая „Аглаина дурь“ не устоитъ передъ молящимъ взглядомъ ея дочери...

Она прожила въ Сицкомъ цѣлыхъ два дня и почти не разлучалась съ княжной. Такъ откровенно ни съ кѣмъ еще не говорила Лина, ни съ кѣмъ такъ *хорошо* себя не чувствовала. Она взяла съ Софьи Ивановны слово вернуться „за два дня до ея рожденія, никакъ не позже“. Май былъ на исходѣ; „тотъ“, она знала, долженъ былъ пріѣхать къ этому времени,—она чувствовала, что, какъ у Офеліи, у нея подъ ногами уже обламывались вѣтви...

А князь Ларіонъ все сидѣлъ у себя и не выходилъ даже къ обѣду, и по цѣлымъ часамъ шли объ этомъ разговоры между Аглаей Константиновной и Зяблинымъ...

XXX.

Утромъ, наканунѣ дня рожденія княжны, отошла послѣдняя репетиція *Гамлета*, представленіе котораго назначено было назавтра (*Левъ Гурычъ Синичкинъ* долженъ былъ итти днемъ позднѣе). На утро ожидалось много пріѣзжихъ изъ Москвы и подмосковныхъ, долженъ былъ прибыть графъ, наѣхать сосѣдство. *Vittorio* бѣгалъ какъ угорѣлый по всему дому, осматривая комнаты, назначенныя для гостей, отдавая приказанія поварамъ, посылая гонцовъ за провизіей въ городъ. Сама хозяйка, въ заботѣ о завтрашнемъ днѣ, провела чуть не весь нынѣшній на ногахъ. Усталая, послѣ обѣда она вышла на большую, открытую, съ видомъ на дворъ, галлерею-балконъ, примыкавшую къ столовой, опустилась тамъ въ кресло и объявила: „je ne bouge plus!“ Она велѣла подать сюда кофе, разставить рядомъ съ гостиной ломберные столы для желающихъ,—и общество прикочевало на это новое мѣсто.

„Фанатикъ“ былъ безъ ногъ и очень не въ духѣ: во-первыхъ, утренняя репетиція шла вяло, и притомъ, не смотря на всѣ его настоянія, товарищи его по спектаклю рѣшительно отказались, чтобы шла она въ костюмахъ, доставленныхъ наканунѣ изъ Москвы и которые они еще наканунѣ разобрали между собой и успѣли примѣрить и уладить на себѣ; во-вторыхъ, одна изъ декорацій была еще не готова, и декораторъ едва надѣялся дописать ее къ слѣдующему полудню; въ-третьихъ, храбрый капитанъ Ранцовъ, котораго режиссеръ, не смотря на всѣ усилія, никакъ не добился „поставить на настоящую актерскую точку“, отказался наканунѣ отъ своей роли *Тыни*, а вызвавшійся замѣнить его землемѣръ Постниковъ не успѣлъ

ее еще выучить и долженъ былъ играть ее съ одной репетиціи; и наконецъ,—а это было главное, — доставшійся „фанатику“ костюмъ былъ какого-то абрикосоваго цвѣта, который, по его мнѣнію, не шелъ „красивому блондину“, какимъ онъ надѣялся появиться въ роли Розенкранца. Эта бѣда была еще поправимая, такъ какъ Василій Тимоѳеевъ, прибывшій утромъ изъ Москвы съ огромнымъ ящикомъ всякихъ париковъ и волосъ для усовъ и бороды Эльсинорскаго двора, объяснилъ ему, что, молъ, „все равно, Иванъ Ильичъ, я васъ красивымъ брюнетомъ поставить могу“; но костюмъ Вальковскаго былъ еще, кромѣ того, для него узокъ, такъ узокъ, что того-гляди могъ лопнуть по швамъ, а разставить его нельзя, запасу нѣтъ, — онъ ужь пытался. Выйти въ такомъ костюмѣ „молодцомъ“ нечего было думать, встать фертомъ, рукой за эфесъ шпаги взяться,—„а ну, какъ подъ мышками крякнетъ!...“ Оставалось одно средство,—похудѣть, по возможности, дозавтра. Любовь къ „театрику“ восторжествовала въ этомъ случаѣ даже надъ его обжорствомъ: онъ за обѣдомъ почти ничего не ѣлъ, а назавтра положилъ и вовсе не обѣдать, не завтракать, а питаться однимъ чаемъ, и даже безъ булки: „авось сойдетъ маленько жиру до вечера!...“ Объ этихъ злоключеніяхъ своихъ теперь, за неимѣніемъ другаго доброхотнаго слушателя,—онъ всѣмъ своимъ соучастникамъ въ *Гамлетѣ* успѣлъ надоѣсть этими жалобами, какъ горькая рѣдька,—онъ повѣствовалъ миѳическимъ французскимъ языкомъ старушкѣ madame Crébillon, вернувшейся наканунѣ изъ Москвы, куда она ѣздила недѣли на двѣ къ какой-то заболѣвшей пріятельницѣ, содержавшей нумера на Лубянкѣ.

— Eh bien, mon cher monsieur, говорила она ему на это,—faites élargir les coutures, voilà tout!...

— Па кутюръ! фыркалъ Вальковскій,—говорю же я вамъ, что и нья па кутюръ, па!...

— Tâchez de maigrir alors, je ne vois que ce moyen-là, расхохоталась m-me Crébillon.

— Мегриръ, се са! Я и хочу къ завтраму мегриръ. Это вы правильно сказали!... Умный народъ эти Французы! заключилъ онъ, отходя отъ нея и отправляясь гулять по саду

до цыганскаго поту", все въ тѣхъ же видахъ—„мегриръ къ завтраму"...

Шйгаревъ, въ свою очередь, потѣшалъ московскую княжну, также наканунѣ вернувшуюся изъ своей подмосковной въ Сицкое. Онъ велъ съ ней опять „серьезный разговоръ", то-есть разсказывалъ ей о братѣ. Новая варіяція на эту тему состояла въ томъ, что этотъ братъ, „служившій адъютантомъ въ Чугуевѣ", былъ необыкновенный по ловкости и неутомимости танцоръ и однажды держалъ на одномъ вечерѣ пари, что сдѣлаетъ за одинъ разъ сто туровъ вальса въ залѣ, въ которой было десять оконъ въ длину и шесть въ ширину,— и выигралъ!...

— И все съ одною дамою вальсировалъ? хохотала московская княжна.

— Какъ можно! воскликнулъ Шйгаревъ:—онъ перемѣнилъ двадцать три дамы... и двѣ изъ нихъ слегли на другой день въ постель, примолвилъ онъ, значительно взглядывая на свою собесѣдницу.

— Отъ усталости? договорила она.

Онъ только того и ждалъ:

— Нѣтъ! У одной свинка сдѣлалась, а у другой крапивная лихорадка...

На этотъ разъ княжнѣ прискучило его „оригинальничаніе", и она ушла отъ него играть въ преферансъ съ Софьей Ивановной,—которая пріѣхала „за два дня", какъ обѣщала Линѣ,—образованною окружной и Свищевымъ, который по этому случаю взялъ 25 рублей взаймы у пріятеля своего Елпидифора.

Солнце между тѣмъ сѣло, и тихая, безоблачная и безлунная лѣтняя ночь опускалась полупрозрачными тѣнями на дальнюю окрестность. Въ окнахъ флигелей, занимаемыхъ гостями, вспыхивали зажигавшіяся слугами на случай пріѣзда господъ свѣчи; пламень большаго фонаря надъ большимъ крыльцомъ дома, что приходилось подъ самымъ балкономъ, отсвѣчивалъ ярко блестѣвшею искрой на уголкѣ мѣдной гербовой доски между лапами едва уже виднаго льва, и бѣлѣли

отъ того же свѣта зеленые листы розоваго куста въ клумбѣ, разбитой среди двора...

Царственная тишина ночи словно низошла и на дѣйствующихъ лицъ нашего разсказа. Общій разговоръ смолкъ; молодежь ушла подальше, на висячія галлереи, дымить папиросами; оставшіеся разбились на мелкія группы, лѣниво перекидываясь несложными рѣчами...

Зяблинъ, прильнувъ чуть не къ самому уху хозяйки, что̀-то горячо и настойчиво нашептывалъ ей; она внимала ему, то томно улыбаясь, то вздыхая и опустивъ глаза съ какимъ-то стыдливо-счастливымъ видомъ, перебирала кольца на своихъ короткихъ и жирныхъ пальцахъ... О чемъ шла у нихъ рѣчь, мы не знаемъ. Но до чуткаго еще слуха старушки Crébillon, дремавшій неподалеку отъ нихъ на диванѣ, донеслись вдругъ ясно слѣдующія слова:

— Non, говорила разнѣженнымъ голосомъ Аглая Константиновна,—я могу полюбить мужщину... je puis avoir une faiblesse pour un homme... mais changer de nom, jamais!...

Зяблинъ такъ и отпрянулъ въ спинку своего кресла...

— Pas déjà si bête, mon Aglaé! прыснула себѣ подъ носъ старая Француженка и совсѣмъ зажмурила глаза.

— Что̀ же? говорилъ въ то же время шмыгнувшій съ галлеріи, гдѣ продолжали курить недальнозоркіе Маусъ съ Ранцовымъ, Ашанинъ, подходя къ одиноко, какъ бы въ ожиданіи его, умѣстившейся въ самомъ углу балкона бойкой барышнѣ.

— Что̀? повторила она, передразнивая его.

— Отвѣтъ?...

— Вы просите невозможнаго! отворачиваясь и краснѣя отвѣчала Ольга.

Онъ сѣлъ близко, прямо противъ нея. Колѣни его касались ея колѣнъ.

— Вы боитесь гулять ночью?

— Я ничего не боюсь! пожала она плечами.

— Кромѣ любви? протянулъ онъ.

— Развѣ вы меня такъ любите? вскинулась она вдругъ огненнымъ взглядомъ въ самую глубину его глазъ.

— Я вамъ предложилъ... не докончилъ онъ.

Изъ книгъ Кн. С. В. Ку

— Да, и я сама вамъ отказала! засмѣялась она короткимъ смѣхомъ; — но, знаете, я даже сама себя не понимаю. Мнѣ всего мало и всего хочется!...

— Кромѣ любви!... повторилъ онъ.

— Нѣтъ,—и любви, засмѣялась она опять; — только вы такой обманщикъ!

— Кто это вамъ сказалъ?

— Да, это такъ трудно видѣть!... Можетъ-быть, отъ этого самаго вы и нравитесь такъ всѣмъ женщинамъ... и мнѣ!... Да, вы мнѣ нравитесь! сказала она, глядя ему опять прямо въ глаза.

— Придете-ли вы? настаивалъ Ашанинъ, наклонясь къ ней... По лицу его пробѣжало вѣяніе ея горячаго дыханія.— Отвѣчайте, пока не вернулись ваши фофаны...

Она уткнула локти свои въ колѣни и всѣмъ лицомъ прижалась къ ладонямъ:

— Страшно! прошептала она.

— Гулять со мною страшно? проронилъ онъ какими-то бархатными звуками.

Она примолкла на мгновеніе:

— Обѣщаете-ли вы мнѣ?...

— Что!...

— Вы... знаете... проговорила она едва слышно.

— Пощадите меня! почти вскрикнулъ онъ:—я изнемогаю!...

— Вы ужасный человѣкъ! закачала головой Ольга, все не отымая ея отъ своихъ ладоней.

— Придете? спросилъ еще разъ донъ-Жуанъ.

— Да! отгадалъ онъ скорѣй, чѣмъ услышалъ.

— Въ два часа, помните, говорилъ онъ ей, едва сдерживая дрожь, которая пронимала его всего,—въ это время все въ домѣ, до послѣдней кошки, спитъ непробуднымъ сномъ, и вамъ нечего бояться... Я буду ждать, помните, во второй бесѣдкѣ, влѣво отъ цвѣтника.

Они такъ были поглощены другъ другомъ, что не видали, не слыхали, какъ мимо ихъ, блѣдная какъ полотно, скользнула по балкону Надежда Ѳедоровна Травкина, только-что отчитавшая послѣднюю почту князю Ларіону.

XXXI.

...Вся эта музыка любви...
Огаревъ.

А на противоположномъ концѣ балкона Лина и Гундуровъ пѣли свою лебединую пѣсню...

— Какъ хороша ночь! говорила она.

Она стояла, полузакрытая стоявшимъ тутъ же большимъ лимоннымъ деревомъ, отъ темной зелени котораго отдѣлялось въ сумракѣ свѣтлымъ очеркомъ ея лѣтнее кисейное платье,—стояла, слегка откинувшись затылкомъ къ угловой колоннѣ балкона.

— Да, такою ночью... Гундуровъ не продолжалъ, заглядѣвшись на нее...

Такъ прошло нѣсколько мгновеній.

— Что? спросила Лина, все не отдѣляя головы отъ колоны,—что вы начали?

— Я началъ словами, сказалъ онъ смѣясь,—которыя напомнили мнѣ совсѣмъ другое, и о своемъ я позабылъ.

— Что же напомнили? спросила она опять какимъ-то усталымъ или разсѣяннымъ голосомъ.

— Одну сцену у Шекспира, въ *Венеціанскомъ купцѣ*. Она совсѣмъ коротенькая и даже для драмы не нужная вовсе, но въ ней есть какой-то, по крайней мѣрѣ для меня, какой-то всего тебя проницающій поэтическій запахъ.... Іессика, дочь Шейлока, ушла изъ отцовскаго дома, перешла въ христіанство и вышла за Лоренцо. Они недавно женаты, безконечно счастливы... Ночь; они вдвоемъ ждутъ друзей, которые сейчасъ должны пріѣхать. Сидятъ они на скамьѣ,

въ густой аллеѣ; итальянское небо глядитъ на нихъ сквозь деревья... Сидятъ они и перекликаются, какъ соловьи. „Такою ночью“, начинаетъ то тотъ, то другой, и каждый вспоминаетъ, — онъ свѣтлыя, она темныя событія, происходившія „такою ночью“, — Кressиду и Дидону, Тизбу и Медею... „Такою ночью“, говоритъ, наконецъ, Лоренцо, „Іессика ушла отъ богача-Еврея и бѣжала за своимъ безумнымъ влюбленнымъ изъ Венеціи сюда“.—„Такою ночью,“ отвѣчаетъ она ему, „безумный Лоренцо расточаетъ Іессикѣ тысячу обѣтовъ любви, изъ которыхъ ни одинъ не оказался вѣрнымъ“. „Такою ночью“, кончаетъ онъ, „прелестная и лукавая Іессика клеветала на своего друга, который ей это прощалъ“.

Гундуровъ остановился, замѣтивъ, что княжна его не слушала. Она стояла все въ томъ же положеніи, откинувъ голову и поднявъ глаза къ загоравшемуся звѣздами небу. Лицо ея показалось ему блѣднѣе обыкновеннаго. Онъ вспомнилъ, что въ продолженіе всего дня замѣчалъ въ ней признаки какой-то сдерживаемой тревоги.

— Что съ вами? спросилъ онъ ее съ безпокойствомъ.

Лина словно проснулась, взглянула на него и тихо опустилась въ кресло, подъ темную листву дерева.

— Ничего, я задумалась... И все еще задумчивая улыбка пробѣгала по ея губамъ.

— Сергѣй Михайловичъ, заговорила она черезъ мигъ робкимъ, колеблющимся голосомъ,—вы... вы на меня не разсердитесь?...

— На васъ? вскликнулъ онъ.—Да если бы вы...

Она довѣрчиво кивнула ему головой, не давъ договорить.

— Я знаю, промолвила она, — я не о томъ... Я хотѣла спросить васъ...

— Спрашивайте, княжна! горячо вырвалось у него.—Нѣтъ ничего у меня на душѣ, чего бы я не открылъ вамъ.

— Сергѣй Михайлычъ, почти прошептала она,—я хотѣла спросить васъ: вѣрите-ли вы?

Онъ смутился въ первую минуту...

— Елена Михайловна, я полагалъ... что мои убѣжденія

вамъ извѣстны... Я Русскій: вѣрованія моего народа — мои вѣрованія.

Ее какъ бы не удовлетворилъ этотъ отвѣтъ: она обернулась на Гундурова взглядомъ, полнымъ какой-то несказанной внутренней муки:

— Да, я это знаю... Но такъ-ли вы вѣрите, Сергѣй Михайлычъ, чтобъ умѣть терпѣть и не роптать?

Онъ не успѣлъ отвѣтить.

Звонъ еще отдаленнаго колокольчика внезапно и отчетливо раздался въ эту минуту въ гулкомъ воздухѣ ночи.

— Quelqu'un nous arrive, Lina! крикнула ей со своего мѣста Аглая Константиновна съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ.

Княжна судорожно схватилась за перила балкона.

Гундуровъ, чуть не крикнувъ, кинулся къ ней...

— Слушайте... это... онъ ѣдетъ! проговорила она дрожащимъ шопотомъ.

— Кто „онъ"?... Ради Бога! чувствуя, что у него подкашиваются ноги, спрашивалъ несчастный.

Она не отвѣчала,—она слушала, будто приросши къ перилamъ этою своею судорожно-схватившею ихъ рукою...

Колокольчикъ звенѣлъ все ближе и ближе, уже ясно сливаясь съ вѣскимъ топотомъ конскихъ копытъ... И вотъ уже мѣрно и звучно звякнули они по каменной настилкѣ подъ сводомъ льва, колокольчикъ замеръ на мигъ, залился опять... Въ свѣтѣ, бившемъ отъ фонаря, мелькнула мѣдная бляха на шляпѣ сидѣвшаго бокомъ ямщика, красный воротникъ слуги на козлахъ и крутые лоснившіеся отъ пота крупы заворачивавшей кругомъ клумбы почтовой четверни.

Дорожная, помѣстительная коляска—изъ тѣхъ, что тогда назывались флигель-адъютанскими,—скрипя по песку, подкатила къ крыльцу подъ самый балконъ. Изъ нея проворно выскочилъ молодой военный въ шинели и фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, отороченнымъ бѣлыми кантами, ловко сбросилъ съ плечъ шинель на руки выбѣжавшаго слуги и съ громкимъ вопросомъ: „княгиня дома?" быстро пробѣжалъ въ сѣни.

— Онъ! отшатнувшись отъ перилъ, обернулась съ этимъ словомъ Лина къ Гундурову,—тотъ, за кого меня хотятъ отдать замужъ!...

Онъ какъ былъ, такъ и замеръ на мѣстѣ.

Губы ея шевельнулись... Она взглянула на него влажными глазами и подняла ихъ къ загоравшимся далекимъ звѣздамъ:

— Ни слезъ тамъ, ни разлуки! вырвалось у нея, и она быстрыми шагами пошла съ балкона.

— Où allez vous, Lina? встревоженно крикнула ей опять княгиня.

— Въ мою комнату! отвѣчала она, не оборачиваясь, и исчезла.

— S'arranger les cheveux! объяснила съ лукавенькою усмѣшкой Зяблину Аглая Константиновна, не замѣчая и теперь того убитаго вида, съ которымъ слушалъ ее злополучный „бригантъ“ съ самой той минуты, когда ему стало извѣстно, до какого предѣла онъ могъ разчитывать на ея „слабость къ мущинѣ“... Но она ничего теперь и замѣтить не была бы въ состояніи: ее такъ и подмывало, такъ и уносило... „Le jeune comte, le neveu de“... далѣе этого она уже ни о чемъ думать не могла... И, тяжело поднявшись съ кресла, она собственною особой пошла навстрѣчу пріѣзжему.

— Графъ Анисьевъ! громко возгласилъ бѣжавшій доложить о немъ офиціантъ.

— Кто такой? быстро отрываясь взглядомъ отъ сыгранаго хода, спросила Софья Ивановна окружную.

Та повторила фамилію.

Софья Ивановна увидѣла входившаго незнакомаго ей военнаго, услышала ликующее привѣтствіе Аглаи: „cher comte!“...

— „Вотъ онъ, Фитюлькинъ!“ кольнуло ее какъ ножомъ въ сердце, и карты запрыгали предъ ея глазами, будто камешки въ калейдоскопѣ...

Княжна между тѣмъ прошла прямо въ покой дяди.

Комнаты его были не освѣщены; только въ концѣ ихъ, сквозь открытый настежъ рядъ дверей, свѣтили зажженныя свѣчи подъ зеленымъ абажуромъ на большомъ столѣ библіо-

теки, и князь Ларіонъ, опершись щекой объ руку, читалъ у этого стола.

Онъ поднялъ глаза, услыхавъ шаги...

— Hélène! вскрикнулъ онъ, безсознательно скидывая съ головы бархатную шапочку, которой онъ прикрывалъ, по заграничной привычкѣ, свои индѣ уже рѣдѣвшіе волосы.

— Я, дядя! отвѣчала она, останавливаясь у стола противъ него съ опущенными взглядомъ и руками.

Онъ тотчасъ же догадался:

— Онъ пріѣхалъ?

— Да, сейчасъ! отвѣчала Лина.

Съ жаднымъ восхищеніемъ, съ ноющею болью въ груди глядѣлъ на нее князь Ларіонъ:

— Ты иначе бы и не вздумала навѣстить меня, узнать, живъ-ли я еще!

— Вы отъ всѣхъ удалялись, печально проговорила она,— я думала, вы... не хотите меня видѣть...

Глаза его загорѣлись мгновенно, какъ два пылающіе угля:

— Я не хочу тебя видѣть?...

Она дрогнула подъ этимъ огненнымъ взглядомъ и невольно отшатнулась отъ стола...

Онъ это замѣтилъ, поникъ головою и тяжко, тяжко вздохнулъ:

— Скажи: не могу... не въ силахъ!... Да, мнѣ тяжело, признаюсь...

— Дядя, неужели я чѣмъ-нибудь могла?... Она не договорила.

Онъ не смѣлъ поднять снова глазъ:

— Нѣтъ, но ты знаешь... въ мои годы привычка—жизнь... Вспомни, мы не разставались два года... Я былъ для тебя... я думалъ... я надѣялся... послѣ отца единственный! говорилъ онъ прерывающимся голосомъ.

— Да, дядя, тихо отвѣтила Лина,—я васъ такъ и почитала; послѣ бѣднаго папа вы одинъ были у меня.

— А теперь, теперь, прервалъ онъ неудержимымъ возгласомъ,—развѣ я одинъ?...

— Это... совсѣмъ другое!... чуть слышно промолвила она и вся зардѣлась...

— Да, конечно, это... „совсѣмъ другое!“ повторилъ онъ какъ бы про себя, язвительно и горько усмѣхаясь;—да увѣрена-ли ты, по крайней мѣрѣ, что онъ тебя любитъ? кинулъ онъ ей почти злобно.

Она гордо подняла голову:

— „А вы какъ же полагали?“ говорилъ ея не улыбавшійся взглядъ.

Онъ смущенно глянулъ на сторону и замолкъ.

— Такъ этотъ... господинъ изволилъ прибыть, говоришь ты? началъ онъ спокойнѣе,—что же мнѣ теперь дѣлать, потвоему?...

Вся краска мигомъ сбѣжала съ лица княжны:

— Этого я не знаю! также гордо и печально отвѣтила она;—вы мнѣ обѣщали... а тамъ какъ вамъ угодно будетъ!... Она повернулась и пошла...

— Hélène! Онъ кинулся за нею;—милая моя, я тебя огорчилъ!... Прости меня, — я боленъ, нервенъ... нервенъ сталъ, какъ старая баба, примолвилъ онъ съ натянутымъ смѣхомъ;—не уходи такъ! Дай руку въ знакъ прощанья!... Я сейчасъ сойду внизъ...

Она протянула ему на ходу руку—и скрылась въ темени неосвѣщенныхъ покоевъ.

Князь Ларіонъ прошелся раза три по комнатѣ, хрустя пальцами и щурясь съ какимъ-то мучительнымъ выраженіемъ, позвонилъ своего камердинера и принялся одѣваться.

Черезъ часъ времени Vittorio постучался въ двери комнаты княжны и на ея спросъ отвѣчалъ, что „madame la princesse mère“ послала его доложить ей, что чай поданъ.

Она сошла въ гостиную. Князь Ларіонъ уже былъ тамъ, одѣтый по-вечернему, во фракѣ, и велъ спокойно, нѣсколько свысока, бесѣду съ графомъ Анисьевымъ...

XXXI.

— Ma fille! Вы съ ней знакомы? проговорила княгиня при входѣ Лины, сладко улыбаясь пріѣзжему и въ то же время кидая искоса на дочь недовольный взглядъ за то, что она такъ медлила явиться.

Молодой человѣкъ поспѣшно всталъ и отвѣсилъ княжнѣ безмолвный и низкій поклонъ.

Она, въ свою очередь, учтиво отвѣтила ему наклономъ головы, повела взглядомъ кругомъ, какъ бы ища кого-то, и отошла къ игорному столу, за которымъ сидѣла Софья Ивановна.

Аглая Константиновна вспыхнула, какъ піонъ... Анисьевъ не моргнулъ бровью.

Онъ былъ мастеръ владѣть собою. Это и его тактъ, его необыкновенная смѣтливость выдвинули его по службѣ еще болѣе, чѣмъ покровительство сильнаго дяди... Анисьевъ родился честолюбцемъ. Внукъ выслужившагося гатчинскаго офицера, въ одинъ счастливый для него день необычайной милости пожалованнаго заразъ генералъ-адъютантомъ, графомъ и помѣстьемъ въ двѣ тысячи душъ въ Могилевской губерніи и затѣмъ забытаго въ какомъ-то совѣтѣ во все продолженіе слѣдующаго царствованія, — Анисьевъ лишился отца своего еще въ малолѣтствѣ. Отецъ этотъ, отставной гусаръ, „ёра и забіяка“ временъ Бурцевыхъ, во всю свою жизнь сдѣлалъ одно умное дѣло ,— а именно женился изъ-за пари, въ пьяномъ видѣ, на старой, но энергичной и умной дѣвѣ, матери нашего полковника,—и весьма скоро затѣмъ, допившись до чортиковъ,

умеръ, не успѣвъ домотать до конца своихъ могилевскихъ крестьянъ. Вдова его, при помощи своего брата, уже тогда состоявшаго въ большой милости, успѣла уплатить большую часть мужниныхъ долговъ. Сына на тринадцатомъ году отдала она въ пажескій корпусъ, отлично выучивъ его предъ тѣмъ французскому и нѣмецкому языкамъ и „хорошимъ манерамъ,“ — что и положило прочное основаніе для всѣхъ ожидавшихъ его впослѣдствіи успѣховъ въ петербургскомъ свѣтѣ. Въ корпусѣ товарищи, между которыми онъ никогда не былъ популяренъ, но изъ которыхъ всегда дѣлалъ, что хотѣлъ, предсказывали ему блестящую карьеру, а начальство постоянно отличало его, какъ „будущаго образцоваго гвардейскаго офицера.“ И онъ вышелъ имъ дѣйствительно,—вышелъ именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ разумѣли это военныя требованія того времени. Завистники — а у него было ихъ не мало,— увѣряли, что первое, чѣмъ обратилъ онъ на себя вниманіе высшаго начальства, было будто бы нѣкое соображеніе о *„ленчикѣ,“* *) изложенное-де имъ на двѣнадцати кругомъ исписанныхъ листахъ, которое по разсмотрѣніи *онаго* въ особомъ комитетѣ было-де одобрено и принято къ руководству, авторъ же его награжденъ за отличіе чиномъ внѣ правилъ. Это была, разумѣется, чистѣйшая выдумка, но въ которой Анисьевъ, со свойственною ему сообразительностью, не видѣлъ ничего для себя вреднаго,—напротивъ, и самъ, смѣясь, разсказывалъ о ней во вліятельныхъ кружкахъ... На двадцать седьмомъ году отъ роду онъ взятъ былъ изъ полка въ свиту и сразу попалъ въ „дѣльные“. Скоро стали давать ему особенно важныя, то есть, щекотливыя по существу своему порученія. Молодой дѣлецъ каждый разъ выходилъ съ торжествомъ изъ затрудненій представлявшихся ему въ этихъ случаяхъ. Никогда донесенія его не оказывались противными тому, чего ожидалось отъ нихъ; никогда сужденіе о разслѣдованномъ имъ дѣлѣ не подымалось выше пониманія тѣхъ, кѣмъ оно было ему поручаемо; никогда то, что предоставлялось ему лично „уладить“ и „утушить“, не оставалось горючимъ и разлаженнымъ. У него бы-

*) *Ленчикъ*—дерево сѣдла.

ло что-то въ родѣ верхняго чутья, которымъ угадывалъ онъ безо всякихъ постороннихъ указаній, по какому-нибудь лишь оброненному слову, нечаянно подсмотрѣнному взгляду, часто даже просто по какому-то наитію, то именно, что требовалось въ данномъ случаѣ и чего можно было ожидать въ другомъ, что должно было взять верхъ надъ чѣмъ въ данное время, кто могъ „выскочить“ или „провалиться“ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, — и необыкновенно вѣрно сообразовался съ этимъ для своихъ личныхъ честолюбивыхъ разсчетовъ. Этому чутью соотвѣтствовала въ лицѣ его особая, частью природная, частью выработанная имъ усмѣшка, въ которой наблюдатель могъ бы разгадать смыслъ всего его характера. Улыбка эта имѣла цѣлью прежде всего дать понять тому, съ кѣмъ онъ говорилъ, что онъ имѣетъ совершенно ясное и полное понятіе о предметѣ, о которомъ заводилась рѣчь, хотя бы то было объ ассирійскихъ древностяхъ или о дендрологіи; затѣмъ—что объ этомъ самомъ предметѣ онъ имѣетъ свое личное оригинальное мнѣніе, которое онъ не почитаетъ нужнымъ высказывать, и, наконецъ, что онъ не почитаетъ нужнымъ высказывать это мнѣніе вслѣдствіе высшихъ и одному ему вѣдомыхъ соображеній. Анисьевъ достигалъ своей цѣли: изъ дѣловыхъ сношеній съ нимъ нужные ему люди выносили то впечатлѣніе, что онъ весьма солидный, способный и ловкій молодой человѣкъ, которому несомнѣнно суждено „далеко пойти“. Въ петербургскомъ офиціальномъ и свѣтскомъ мірѣ никто и не сомнѣвался въ этомъ, и графиня Анисьева была лишь эхомъ этого міра, когда въ интимныхъ бесѣдахъ съ княгинею Аглаей говорила о сынѣ, какъ о „будущемъ министрѣ“.

Успѣхи его не ограничивались службой: онъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ, изъ самыхъ отличаемыхъ кавалеровъ придворныхъ и великосвѣтскихъ баловъ и *козеровъ* „избранныхъ“ гостиныхъ, танцовалъ отлично и не со *всѣми*, сыпалъ кстати фразами изъ *Revue des deux mondes*, которую читалъ неукоснительно предъ каждымъ своимъ вечернимъ выѣздомъ, рисовалъ весьма удачно благонамѣренно-остроумныя карикатуры и, по общему признанію своихъ гвардейскихъ сверстниковъ, умѣлъ „какъ никто“ носить военный мундиръ, при

самомъ строгомъ соблюденіи стѣснительной формы того времени, — тайна, и понынѣ, говорятъ спеціалисты, не каждому дающаяся. Ни у кого такъ ловко не пропускался мимо локтя толстый аксельбантъ изъ-подъ свисшаго „à la grognard“ эполета, такъ не пригнаны были „въ разъ“ суженные книзу рейтузы къ лакированному сапогу, такъ щегольски мягко не ложились складки просторнаго сюртука кругомъ высокаго и тонкаго стана. „L'extrafin de nos officiers!“ говорилъ про него самъ военный министръ, князь Чернышевъ, любуясь имъ на балѣ сквозь одноглазый золотой лорнетъ и улыбаясь по этому случаю подъ завитымъ парикомъ блестящимъ воспоминаніямъ собственнаго своего былаго.

Побѣды свои Анисьевъ считалъ дюжинами... Еще будучи камерпажомъ, говорили злые языки, онъ былъ замѣченъ

„Блестящей Ниной Воронскою,
„Сей Клеопатрою Невы,“ *)

бывшею тогда уже сильно sur le retour, но удивительно сохранившаяся „мраморная краса“ которой могла плѣнить и не семнадцатилѣтняго юношу, и пріобрѣлъ отъ нея послѣдній лоскъ, „le dernier coup de pinceau“, той лѣниво-холодной небрежности пріемовъ, того полунасмѣшливаго, полускучающаго тона рѣчи, что̀ почитались тогда высшимъ выраженіемъ свѣтской *элегантности*, и предъ которыми клали оружіе самыя неприступныя тогдашнія *львицы*...

Но, увы, не однѣ розы цвѣли въ существованіи этого „*баловня* петербургской *фортуны*“, какъ выражались еще старички въ тѣ времена: были въ немъ и тернія, и очень колючія для него тернія. Прежде всего, онъ былъ разоренъ. Доходовъ съ дѣдовскаго имѣнія, кое-какъ сохраненнаго ему матерью, оказалось съ перваго же года поступленія его въ гвардію недостаточно для того широкаго пошиба жизни, которымъ онъ счелъ нужнымъ зажить. Молодой честолюбецъ не наслѣдовалъ ни одного изъ *забубенныхъ* свойствъ своего покойнаго родителя, но въ его раннихъ разсчетахъ этотъ

*) Евгеній Онѣгинъ. Гл. VIII.

широкій train былъ необходимъ ему для того, чтобы не только сразу поставить себя на одну ногу съ крупнѣйшими представителями тогдашней богатой гвардейской молодежи, но и попасть въ число тѣхъ избранныхъ изъ нихъ счастливцевъ, блистательное будущее которыхъ, благодаря высокому іерархическому положенію ихъ отцовъ, намѣчено было, такъ-сказать, заранѣе. „Qui ose tout, a tout“, доказывалъ онъ матери, пугавшейся его расточительности: — „кто съ самаго начала заявляетъ, что онъ бьетъ на большое, тотъ его на половину уже получилъ; чтобы и мнѣ быть тѣмъ же, чѣмъ будутъ Привислянскій и Воротынцевъ, я теперь же не долженъ уступать имъ ни на шагъ!“ И онъ не уступалъ, но не прошло пяти лѣтъ, какъ долги его уже превышали цѣнность всего его имѣнія, и онъ могъ еще держаться на желаемой высотѣ, лишь благодаря большой игрѣ, которая пока везла ему довольно постоянно. Но счастье могло со дня на день измѣнить ему, и тогда... Анисьевъ не допускалъ этого „тогда“, онъ слишкомъ вѣрилъ въ себя и свою звѣзду, не допускалъ, чтобъ онъ когда-либо могъ быть вынужденъ „скатиться на салазкахъ внизъ“, какъ выражался онъ въ тайныхъ бесѣдахъ съ самимъ собою, но ему часто приходилось очень трудно... Къ тому подходило и время: ему минуло тридцать лѣтъ, пора было ему окончательно устроиться, укорениться тѣмъ, что называется un beau parti въ этомъ петербургскомъ свѣтѣ, въ которомъ и онъ, и его сильный дядя все какъ бы еще почитались пришлыми, не имѣвшими тамъ ни преданій, ни связей родства... Но задача эта была не легка при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ онъ задумывалъ ее: на половинѣ помириться онъ не могъ, ему нужно было и звонкое въ свѣтѣ имя, и большое состояніе. А онъ,—Анисьевъ зеленѣлъ отъ злости, когда думалъ объ этомъ,—онъ, какъ ни бился, все же былъ ни Привислянскій, ни Воротынцевъ; онъ говорилъ себѣ, кусая губы, что ему нельзя было, какъ они, „кинуть платокъ любимой русской невѣстѣ въ увѣренности, что она бросится подымать его“; онъ зналъ два-три дома въ Петербургѣ, гдѣ, не смотря на дворскую къ нему милость, на завидное его служебное положеніе, успѣхъ для него былъ бы

болѣе чѣмъ сомнителенъ... И онъ часто не безъ глубокой внутренней тревоги выглядывалъ, перекидывалъ въ умѣ, соображалъ... И вотъ однажды его мать, поселившаяся за границей экономіи ради, пишетъ ему изъ Рима, что она нашла ему „la perle des partis comme nom, fortune et distinction“, что эту *перлу* никто, къ счастью, въ Петербургѣ не знаетъ, и что она повела дѣло такъ, что заручилась заранѣе согласіемъ матери дѣвушки,—„une personne tout-à-fait impossible“, говорилось при этомъ въ скобкахъ о злополучной Аглаѣ, почитавшей графиню Анисьеву своимъ лучшимъ другомъ, которую (то-есть Аглаю) она совѣтуетъ сыну, когда онъ женится на дочери, какъ можно менѣе пускать къ себѣ въ домъ, „parce qu'elle est d'une bêtise tout-à-fait compromettante“. О князѣ Ларіонѣ упоминалось въ письмѣ, какъ о человѣкѣ, предъ „деспотизмомъ“ котораго, повидимому, преклоняется безропотно вся семья его брата, но съ которымъ графиня, какъ ни старалась, не могла сойтись: „c'est un homme fort rébarbatif“, писала она, „et souffrant évidemment d'une ambition rentrée.“ NB поставлено было вслѣдъ за послѣдними строками.

„Молодецъ maman“, сказалъ себѣ Анисьевъ, дойдя до этого NB,—„сейчасъ догадается, гдѣ дверь скрипитъ!“... Эта скрипучая дверь, сообразилъ онъ тотчасъ въ свою очередь, должна быть по возможности скорѣе „смазана.“ Этотъ неудобный дядя, „cet original à opinions avancées, котораго спустили тому два года,“—надо было „бросить скорѣе кость его голодному честолюбію.“ Весь вопросъ для Анисьева состоялъ единственно въ этомъ. Не смотря на свои еще молодые годы, онъ въ теченіе своей служебной и свѣтской жизни такъ мало привыкъ встрѣчаться съ человѣческимъ безкорыстіемъ, что ему и въ голову не пришло, чтобъ этотъ „оригиналъ“ въ вопросѣ о будущемъ племянницы могъ руководствоваться какими-либо не истекающими изъ его личнаго интереса соображеніями... Анисьевъ кинулся къ дядѣ. На его счастіе, „la combinaison Шастуновъ,“ предложенная имъ, имѣла, какъ оказалось, даже болѣе шансовъ на успѣхъ, чѣмъ могъ онъ надѣяться въ первую минуту.—„О немъ недавно вспоминали, какъ объ очень умномъ человѣкѣ,“ сообщилъ племяннику

сановный царедворецъ,—„*лично* онъ былъ всегда пріятенъ. Дай срокъ, я напомню при случаѣ“.

И онъ напомнилъ. Ко времени пріѣзда Шастуновыхъ въ Россію поступленіе обратно князя Ларіона на службу было въ принципѣ благосклонно допущено въ высшихъ сферахъ. Въ теченіе зимы Анисьевъ успѣлъ увидать Лину въ Москвѣ, околдовать ея матушку. Къ этому же времени дядѣ его стало видно, на какой постъ могъ бы быть предложенъ его новый protégé. Но въ виду разсчетовъ племянника опытный сановникъ представилъ дѣло такъ, чтобы „сначала пустить пробный шаръ,“ то-есть узнать черезъ третье лицо, насколько вообще готовъ принять князь Ларіонъ то, что̀ имѣютъ предложить ему, а то, молъ, онъ „пожалуй откажется, скажетъ, что усталъ, старъ, такъ чтобы какъ-нибудь не компрометироваться...“ Рѣшено было послать письмо къ *графу*, въ Москву, въ которомъ бы не заключалось ничего положительнаго. Положительное, въ планахъ дяди и племянника, должно было быть выговорено лишь тогда, когда Анисьевъ увѣрится лично, что ему со стороны князя не грозитъ никакимъ затрудненіемъ; въ противномъ случаѣ дядя бралъ на себя „похоронить“ свыше одобренную „комбинацію...“ Все было разсчитано такъ, чтобы нашъ полковникъ, посланный въ концѣ зимы съ разными порученіями въ восточную Россію, могъ на возвратномъ пути быть въ Сицкомъ къ тому времени, когда письмо дяди его къ *графу* станетъ уже извѣстнымъ князю Ларіону.

XXXII.

И вотъ онъ сидѣлъ теперь предъ княгиней Аглаей во всей своей красѣ, со своимъ аксельбантомъ черезъ локоть и слегка свисшими на грудь эполетами, со своею лоснившеюся, какъ воронье крыло, коротко остриженною головой и форменными, приподнятыми крючкомъ вверхъ усами, въ лакированныхъ сапогахъ и съ запахомъ свѣжаго, продушеннаго бѣлья,—онъ совершилъ туалетъ свой на станціи предъ Сицкимъ,—сидѣлъ съ чашкою чая въ рукѣ и, слегка картавя и какъ бы вовсе не замѣтивъ холоднаго пріема, сдѣланнаго ему Линой, сообщалъ ея матери какой-то парижскій анекдотъ, вычитанный имъ наканунѣ въ московскомъ англійскомъ клубѣ въ фельетонѣ виконта де-Лоне *).

Соль этого анекдота была для княгини Аглаи недоступна, но она смѣялась на вѣру и глядѣла на разскащика совершенно посоловѣлыми отъ восхищенія глазами, гнѣваясь въ душѣ на дочь за ея „manque d'empressement“ къ этому обворожителю и въ то же время искренно сожалѣя о томъ, что она сама себя лишаетъ удовольствія его слушать...

„Успѣетъ впрочемъ!“ утѣшала себя мысленно наша княгиня и принималась снова сладко улыбаться и глядѣть на Анисьева такъ, какъ будто онъ былъ Zuckerpüppchen, сахарная кукла, которую она вотъ-вотъ и проглотитъ сейчасъ...

Князь Ларіонъ, въ свою очередь, слушалъ Анисьева, не

*) Vicomte de-Launay; подъ этимъ псевдонимомъ писала въ то время еженедѣльные фельетоны въ газетѣ *La Presse*, издававшейся Эмиль де-Жирарденомъ, жена его, извѣстная Delphine de-Girardin.

сводя съ него глазъ, и тайная недоброжелательность ихъ выраженія не ускользнула отъ зоркаго вниманія петербургскаго карьериста. Она удивила его: „неужели же *графъ* еще ничего не успѣлъ ему сообщить?“ думалъ онъ, но его изысканная любезность, повидимому, отъ этого только удвоилась.

Князь заговорилъ о Симбирской губерніи, изъ которой возвращался молодой дѣлецъ.

— Каковъ тамъ губернаторъ? спросилъ онъ между прочимъ.

— Про то старшіе знаютъ, отвѣчалъ тотъ, заслоняя уклончивость отвѣта его шутливымъ тономъ;—лично я могу только быть ему очень благодарнымъ за содѣйствіе его всякій разъ, когда оно мнѣ было нужно.

— Вы были посланы по рекрутскому набору?

Анисьевъ молча наклонилъ голову.

— Но онъ давно конченъ...

— Я имѣлъ еще другое порученіе, коротко отвѣчалъ флигель-адъютантъ;—но объ этомъ я подъ страхомъ смертной казни говорить не дерзаю, словно договорило его лицо, которому онъ мгновенно придалъ сумрачно-строгое выраженіе.

— А губернія какъ съ нимъ ладитъ?... Онъ, кажется, еще недавно туда назначенъ?

Петербургскій воинъ склонилъ слегка голову на бокъ, потянулъ усъ во всю его длину и не то небрежно, не то значительно:

— Вамъ, вѣроятно, не безызвѣстно, князь, пропустилъ онъ сквозь сверкавшіе зубы,—что эта *прапорщичья* губернія самая неудобоуправляемая губернія во всей имперіи, и что всякому губернатору было и будетъ всегда трудно съ нею ладить.

— Отчего *прапорщичья?* спросилъ, будто удивясь, князь Ларіонъ, хотя онъ очень хорошо зналъ, что̀ значило это прозвище и кѣмъ оно было дано.

— Les mauvais plaisants называютъ ее даже *безчинною*, засмѣялся графъ Анисьевъ: — дворянство тамъ все не служащее... и какъ бы пренебрегающее службой... У нихъ даже

губернскіе предводители все подъ рядъ какіе-то поручики или титулярные совѣтники въ отставкѣ; люди они всѣ тамъ очень состоятельные... и стремятся быть *самостоятельными*, продолжалъ онъ все тѣмъ же шутливымъ тономъ.

— Что же, это еще не преступленіе, молвилъ безъ улыбки князь,—если они на мѣстѣ пользу приносятъ?...

— Очень образованные люди, впрочемъ, большею частью бывшіе въ университетѣ; за границу безпрестанно ѣздятъ... Мѣстной власти тѣмъ болѣе ухо надо востро держать! промолвилъ графъ Анисьевъ съ легкимъ пожатіемъ бровей.

— Что же, *подтянуть* ихъ? И старый дипломатъ насмѣшливо посмотрѣлъ ему въ лицо.

Петербургскій воинъ будто и не замѣтилъ укола. Онъ весело тряхнулъ эполетомъ:

— Это ужь до меня не касается!... Но противъ этихъ вѣчныхъ жалобъ дворянства на самовластіе губернаторовъ у меня есть одинъ аргументъ: voyez le cercle d'attributions des préfets en France, даже въ нынѣшней, *республиканской*, Франціи! Онъ значительно подчеркнулъ слово *республиканской*.

— Франція намъ не указъ и все, что ни шло къ намъ оттуда, было и будетъ для насъ гибелью! горячо прервалъ его князь Ларіонъ. Воспитанный въ Англіи, онъ какою-то англійскою ненавистью не любилъ Францію. — Я бы попросилъ васъ объяснить мнѣ, много-ли мы выиграли отъ наполеоновскихъ порядковъ, привитыхъ къ намъ Сперанскимъ?

Блестящій полковникъ никогда объ этомъ не думалъ, да и не имѣлъ никакого яснаго представленія о томъ, какіе такіе порядки привилъ къ намъ Сперанскій. Но онъ тотчасъ же пустилъ въ ходъ свою особую улыбку, которая должна была говорить его собесѣднику, что онъ многое имѣлъ бы представить по этому поводу, но находитъ это по нѣкоторымъ соображеніямъ неудобнымъ въ эту минуту.

— Я плохой діалектикъ, князь, со скромнымъ наклономъ головы проговорилъ онъ,—а съ вами и подавно. Я позволю себѣ замѣтить только то, что сдѣланное Сперанскимъ—совершившійся фактъ и его не передѣлаешь... Анисьевъ даже

вздохнулъ, какъ бы очень сожалѣлъ, что Сперанскій именно сдѣлалъ это. — А затѣмъ остается одно, по-моему, признать то, что̀ есть, avec une obéissance passive... И онъ вздохнулъ еще разъ.

— Et vous faites très bien, cher comte, воскликнула неожиданно Аглая Константиновна, съ тревогою слѣдившая за этимъ разговоромъ, — продолжайте такъ хорошо думать et vous ferez une belle carrière!

Точно кочергою по лбу хватила она его... „Господи!“ чуть не вскрикнулъ онъ громко и покраснѣлъ по самую маковку.

„Хороши оба!“ сказалъ себѣ князь Ларіонъ, вставая съ мѣста и отправляясь къ столу, за которымъ Надежда Ѳедоровна, безъ кровинки въ лицѣ, разливала чай по чашкамъ, едва не выпуская каждый разъ чайника изъ своихъ дрожавшихъ рукъ.

— Вы, кажется, не здоровы? сказалъ онъ, замѣтивъ ея растроенный видъ.

— Ничего-съ!... Она вдругъ засмѣялась судорожнымъ смѣхомъ: — я когда-нибудь такъ за самоваромъ и умру...

Онъ поглядѣлъ на нее съ изумленіемъ...

Она долила послѣднюю чашку и выбѣжала вонъ.

Князь хотѣлъ что-то сказать, дать приказаніе... но опустился въ кресло, задумался и забылъ.

А Аглая Константиновна, едва онъ отошелъ, наклонилась къ Анисьеву, моргая бровями, и таинственнымъ шопотомъ проговорила:

— Надѣюсь, что мы васъ теперь удержимъ... на нѣкоторое время?

Онъ опустилъ глаза и поклонился.

— Завтра, вы знаете, у насъ spectacle de société... Du sérieux: *Hamlet*... Вы знаете піесу?

— *Hamlet* de Shakspeare, кто же ея не знаетъ? И онъ снисходительно приподнялъ плечи... Онъ, впрочемъ, никогда не читалъ эту „піесу“...

— Attendez! игриво подмигнула княгиня.—Lina!

Княжна подошла:

— Графу, ma chère, будетъ, я увѣрена, очень пріятно, объявила ей совсѣмъ уже расходившаяся Аглая,—если бы ты прочла ему что-нибудь изъ твоей роли?... Le comte est un homme de goût, il jugera, хорошо-ли ты говоришь?

Лина вся вспыхнула... Смѣтливый воинъ рыцарски пришелъ къ ней тотчасъ же на помощь:

— Ни за что, княгиня! Я хочу сохранить въ цѣлости всю горячку моего восторга, toute l'incandescence d'enthousiasme dont je suis capable, вычурно выразился онъ,—къ минутѣ появленія завтра княжны на сценѣ.

Бѣдная дѣвушка повела на него невольно благодарнымъ взглядомъ.

— А кто играетъ у васъ главную мужскую роль? поспѣшилъ онъ спросить ее, чтобы не дать „невозможной“ ея матушкѣ возможности настаивать.

— Un monsieur Goundourof, un voisin de campagne, отвѣчала все-таки за нее невозможная матушка будто извинявшимся за что-то голосомъ.

Лина воспользовалась этимъ—она насилу удержала прилившія къ глазамъ ея слезы,—и отошла опять къ Софьѣ Ивановнѣ. Хозяйка и ея гость остались вдвоемъ въ углу гостиной... Разочарованный „бригантъ“ какъ сквозь землю провалился. Ашанинъ и Гундуровъ исчезли уже давно. Присутствіе новаго лица, „петербуржца“, „придворнаго“, разогнало и остальную московскую молодежь. Сама Ольга Елпидифоровна не сочла нужнымъ соваться съ перваго разу на глаза пріѣзжему и не прерывала его пріятнаго tête-à-tête съ „будущею belle maman“; бойкая особа гдѣ-то хохотала на другомъ балконѣ съ пріятельницами своими, *пулярками*, и наускивала, по обыкновенію, другъ на друга своихъ двухъ „фофановъ“, какъ называлъ Ашанинъ Мауса и Ранцева.

Послѣ чая въ гостиной, кромѣ князя Ларіона, остались лишь Свищовъ, обыгравшій въ пухъ Софью Ивановну, да пріятель его Елпидифоръ, усѣвшійся съ нимъ на шесть королей „въ пикетецъ по маленькой“... Игравшія дамы разошлись по своимъ комнатамъ. Лина пошла проводить Софью Ивановну.

— Вы давно знаете этого... графа, милая моя? спрашивала ее та по пути.

— Я его совсѣмъ не знаю, поспѣшила она отвѣтить.

— Гм... Я хотѣла сказать: ваша maman... Давно она съ нимъ знакома?

— И она его не больше знаетъ, чѣмъ я. Онъ всего разъ зимою былъ у насъ съ визитомъ... Но maman, примолвила, какъ бы объясняя что-то, Лина,—очень хорошо знакома была съ его матерью въ Римѣ...

— Въ Римѣ... съ матерью! повторила Софья Ивановна;— „вотъ оно... я предчувствовала!“ подумала она. И, дойдя до своихъ дверей:—я не знаю, куда мой Сережа дѣвался? промолвила она съ безпокойствомъ въ голосѣ.

Княжна вдругъ прижалась къ ней, обвила ея шею рукой:

— Пошлите за нимъ! дрожалъ и прерывался ея голосъ,— я боюсь... Мы съ нимъ разговаривали, когда пріѣхалъ... этотъ полковникъ... И я потомъ ушла, а когда вернулась къ чаю, его уже не было... Пошлите за нимъ! едва сдерживая слезы, повторила она.

Софья Ивановна схватила ее обѣими руками за голову и крѣпко, крѣпко поцѣловала:

— Я его сейчасъ добуду! сказала она,—а вы, моя милая, ступайте теперь назадъ!... Чтобы насъ съ вами за двухъ заговорщицъ не приняли!

Громъ уже не „погромыхивалъ“,—онъ ударилъ. Софья Ивановна владѣла опять всею силой воли, всею энергіей своею.

Она тотчасъ же послала горничную „добывать Владиміра Петровича“. Та нашла его въ ихъ общей съ Гундуровымъ комнатѣ и привела обоихъ.

Ашанинъ точно такъ же, какъ Софья Ивановна, съ первыхъ словъ княгини графу Анисьеву догадался о „Фитюлькинѣ“; онъ увелъ пріятеля своего изъ гостиной и цѣлый часъ не могъ добиться отъ него ни слова. Сергѣй проронилъ только то, что „пріѣзжаго прочатъ въ женихи княжнѣ“. Онъ все время, стиснувъ зубы и ероша волосы, проходилъ изъ угла въ уголъ своей комнаты, натыкаясь на стулья и столы... Когда они вошли къ Софьѣ Ивановнѣ, она взглянула въ его

измѣнившееся лицо и, не вымолвивъ ни слова, обняла его за голову и крѣпко поцѣловала въ лобъ, какъ княжну... Потомъ усадила и сказала:

— А теперь довольно! Приди въ себя!... Авось-либо, Богъ милостивъ, устроится!... А нѣтъ,—терпи, ты мущина!... *Она* сумѣетъ терпѣть, отвѣчаю тебѣ!...

Эти слова подѣйствовали на него болѣе, чѣмъ всѣ увѣщанія Ашанина. Онъ молча подошелъ къ теткѣ и обнялъ ее.

— Вотъ такъ-то лучше, засмѣялся его чернокудрый пріятель, обнимая его въ свою очередь: — посиди-ка съ Софьей Ивановной. А то я ужь такъ и думалъ, что мнѣ завтра придется выйти на сцену и объявить публикѣ, что обѣщанное, молъ, вамъ представленіе *Гамлета* отмѣняется, такъ какъ Гамлетъ у насъ *необманно* съ ума сошелъ!".

— Вы-то ужь отъ этого никогда не сойдете! досадливо отпустила ему на это вполголоса Софья Ивановна.

Онъ пожалъ, улыбаясь, плечами, поклонился и вышелъ.

Тетка и племянникъ просидѣли вдвоемъ далеко за полночь. Когда Гундуровъ вернулся въ свою комнату, Ашанина онъ въ ней не нашелъ, и постель его стояла не смятая.

Княжна воротилась въ гостиную въ ту минуту, когда Анисьевъ подымался съ мѣста и прощался съ хозяйкой. Трехчасовая бесѣда съ нею произвела на нашего полковника то же впечатлѣніе, какъ еслибъ его, завязавъ въ мѣшокъ, спустили катиться по крутой и каменистой горѣ: онъ чувствовалъ себя буквально разбитымъ...

А она все такъ же томно и сладко улыбалась ему:

— Да, я понимаю, вы устали съ дороги, cher comte, allez vous reposer!... Vittorio васъ проводитъ! указывала она на Италіянца, почтительно ожидавшаго у дверей.

— Прежде чѣмъ проститься съ вами, княгиня, молвилъ ей блестящій воинъ,—позвольте спросить васъ, дозволено-ли мнѣ будетъ поднести завтра вашей прелестной новорожденной ящикъ конфетъ?

— Certainement, certainement, cher comte! Наша Аглая такъ и запрыгала, моргая ему и лукаво улыбаясь: — donnez toujours, она будетъ въ восхищеніи!...

Онъ тѣмъ же молчаливымъ и глубокимъ поклономъ, какъ при первой встрѣчѣ, склонилъ предъ встрѣтившеюся съ нимъ Линой свою гладко остриженную голову, метнулъ на-ходу привычнымъ взглядомъ на исписанный пикетнымъ счетомъ столъ, за которымъ Свищовъ съ исправникомъ доигрывали шестаго короля, и, улыбнувшись нѣсколько презрительно громоздкому облику и полицейскому мундиру не замѣтившаго ухода его Елпидофора, исчезъ за Vittorio.

Лина подошла къ матери:

— Прощайте, maman!

— Я желаю вамъ сказать два слова! многозначительно раздувъ ноздри, сказала ей та на это и прошла на неосвѣщенный балконъ.

Лина послѣдовала за нею...

— Vous avez été singulièrement peu aimable avec ce charmant jeune homme! сказала Аглая Константиновна, опускаясь въ кресло.

— Я была съ нимъ учтива, какъ со всѣми, maman, тихо молвила княжна:—онъ ничего болѣе не имѣлъ права требовать отъ меня!

Аглая Константиновна нѣсколько опѣшила:—ей всегда импонировало то, въ чемъ мерещилась ей аристократическая гордость, „l'orgueil du sang,“, какъ выражалась она. „И въ самомъ дѣлѣ“, разсудила она,—„Лина не знаетъ еще ничего, она не можетъ *показать* ему первая, elle est trop bien née pour cela!...“

— Я впрочемъ, попробовала она съ другой стороны,—говорю это, жалѣя тебя! ты не слышала, comme il cause... Онъ такъ уменъ, et si gentlemanlike!...

— Онъ мнѣ не нравится! сказала просто Лина.

Та такъ и ахнула:

— Что? Ce jeune comte, le neveu de... тебѣ не нравится?

— Нѣтъ! Княжна закачала головою.

— Не... нравится! едва могла говорить Аглая Константиновна:—такъ кого же послѣ этого вамъ нужно? Un prince du sang?...

— Она сама Рюриковна, ее этимъ не удивишь? язвительно засмѣялся кто-то въ темномъ углу балкона.

Это былъ князь Ларіонъ, присутствія котораго здѣсь она не подозрѣвала, и который язвилъ ее теперь въ самое ея больное, въ самое чувствительное ея мѣсто, намекалъ на это ея собственное Раскаталовское происхожденіе, воспоминаніе о которомъ, какъ неотступный призракъ, преслѣдовало ее цѣлую жизнь, цѣлую жизнь отравляло ей всю прелесть ея милліоновъ...

— Cette „Рюриковна," c'est moi qui suis sa mère, mon prince! глубоко обиженнымъ тономъ послала она ему въ отвѣтъ.

— По акту рожденія, дѣйствительно! послышался новый смѣхъ его.

Она не поняла, но почуяла, что это было опять что-то оскорбительное для нея, но на что у нея не было отвѣта. Она замолкла, моргая въ темнотѣ своими круглыми глазами, словно выжимала изъ нихъ непослушныя на этотъ разъ слезы...

Лина стояла предъ нею ни жива, ни мертва, съ тяжелою головой, съ ноющею тоской въ груди:

— Неужели онъ думаетъ мнѣ этимъ помочь? допрашивали печальные глаза ея темный уголъ дяди.

Такъ прошло довольно много времени.

— Пора спать! сказала наконецъ княгиня, вставая и поднося руку свою къ губамъ дочери.—Nous en reparlerons! примолвила она ей шопотомъ и удалилась.

— Вы меня губите, дядя! подходя къ нему, сказала княжна.

Онъ не отвѣчалъ,—онъ зналъ, что она была права, но весь онъ теперь былъ желчь и злоба и чувствовалъ, что не могъ совладать уже съ собою...

Добравшись до своей комнаты, Лина, какъ была, упала на колѣни предъ своимъ prie-Dieu, уложила голову на сложенныя руки и тихо-тихо заплакала...

А рядомъ, за стѣной ея спальни, стояла у растворенаго окна своей комнаты Надежда Ѳедоровна Травкина и воспаленными отъ слезъ глазами жадно глядѣла куда-то въ синюю темень сада.

XXXIV.

Эта чудная ночь и темна, и свѣтла,
И огонь разливаетъ въ крови...
Щербина.

Въ домѣ все, повидимому, давно уже спало. Два глухо и долго звенѣвшіе удара пронеслись надъ садомъ съ высоты фронтона, подъ которымъ, со стороны обращенной на дворъ, какимъ-то таинственно мѣрнымъ ходомъ двигались по освѣщенному изнутри циферблату длинныя золоченыя стрѣлки большихъ часовъ, выписанныхъ княгиней изъ Англіи, „le beffroi du château“, какъ романически выражалась она. На звѣздномъ полотнѣ уже блѣднѣвшаго къ утру іюньскаго неба вырисовывались замѣтными очертаніями кудрявыя купы древесныхъ вершинъ. Но подъ густыми ихъ вѣтвями, въ глубинѣ аллей, словно чернильная волна катился и зіялъ мракъ настоящей ночи... Запахомъ жасмина и бузины пропитанъ былъ недвижный воздухъ, и только, казалось, соловей надъ рѣкою, да неугомонный кузнечикъ въ пахучей травѣ не дремали въ безмолвіи и безлюдьи заснувшаго сада.

Нѣтъ, не одни соловей да кузнечикъ... Чуть слышно скрипнула одна изъ дверей, выходившихъ изъ нижняго этажа въ садъ, и кто-то съ укутанною темнымъ платкомъ головой выскользнулъ изъ нихъ, оглянулся кругомъ и исчезъ чрезъ мигъ въ темени ближайшей аллеи.

Изъ окна Надежды Ѳедоровны вылетѣлъ слабый, мгновенно сдержанный стонъ... И снова замолкло все, и заливался, и щелкалъ надъ рѣкой одинъ влюбленный соловей...

Но вотъ опять новые звуки, заскрипѣли шаги по песку...

Мы здѣсь поемъ въ тиши весенней ночи
Лишь для того, чтобъ слушала насъ ты...

напѣвалъ чей-то молодой голосъ старинную дерптскую студенческую пѣсню Языковскихъ временъ.

— А вы потише! говорилъ другой густымъ басомъ,—а не то, пожалуй, и впрямь услышатъ, да спасибо не скажутъ!... Буяны, скажутъ, спать не даютъ!...

— Она не спитъ! возразилъ первый голосъ.

— А „она“ кто это?

— Княжна.

— Во! засмѣялся басъ:—вы почемъ знаете?

— А вотъ видите, наверху изъ-за деревьевъ свѣтитъ огонекъ: это въ ея окнахъ.

— А отличная, видать, она дѣвушка! какъ бы въ заключеніе мысленныхъ посылокъ проговорилъ басъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Прямо Жоржъ-Сандовская героиня! восторженно возгласилъ его спутникъ.

Шаги все ближе подходили къ дому...

— Кто-й-идетъ! крикнулъ вдругъ басъ, кидаясь къ кому-то, шмыгнувшему мимо его на перекресткѣ аллеи.

— Оставьте мена! послышался испуганный отвѣтъ.

— Кто вы?

— Это Надежда Ѳедоровна!... Извините, мы васъ испугали.

— А я васъ не узнаю... Такъ темно! отозвалась она.

— Это я, Факирскій! А со мною Никаноръ Ильичъ Рапцовъ.

— Зачѣмъ вы здѣсь? быстро проговорила Надежда Ѳедоровна.

— А мы съ Семеномъ Петровичемъ ко мнѣ въ Никольское ѣздили и вернулись, отвѣчалъ капитанъ; да чтобъ подъ окнами не гремѣть ночью, лошадей внизу оставили, а сами поднялись садомъ...

— Никаноръ Ильичъ, не давъ ему договорить, молвила

Надежда Ѳедоровна голосомъ, поразившимъ студента своимъ необычнымъ выраженіемъ,—пойдемте со мною!

— Куда это-съ? изумленно воскликнулъ капитанъ.

— Я вамъ скажу... потомъ... пойдемте!...

Она уцѣпилась за его руку.

— А меня не нужно? спросилъ Факирскій.

— Нѣтъ, не нужно!

— И за то спасибо! усмѣхнулся онъ про себя и пошелъ своею дорогой.

Онъ остановился у цвѣтника, разбитаго передъ большимъ балкономъ дома, отыскалъ знакомую скамейку и опустился на нее. Съ тѣхъ поръ, какъ Лина стала говорить съ нимъ, студентъ каждую ночь приходилъ садиться на эту скамейку и, опрокинувъ голову на ея деревянную спинку, неотступно глядѣлъ въ окна княжны до тѣхъ поръ, пока не исчезалъ въ нихъ свѣтъ. И благородный богъ мечтательной любви посылалъ ему за это каждую ночь одинъ и тотъ же сонъ: княжна стояла предъ нимъ на колѣняхъ и говорила ему: „возьми меня, потому что ты *народъ*, и я хочу быть *народомъ*, а онъ плакалъ и отказывался отъ нея во имя своей бѣдности, своей *святой* бѣдности“!...

— Никаноръ Ильичъ, скажите, пройдя съ капитаномъ нѣсколько шаговъ, залепетала вдругъ Надежда Ѳедоровна, — вы любите Ольгу Акулину?

— Ольгу Елпидифоровну? воскликнулъ озадаченный капитанъ...—Люблю-съ, не совру! рѣшительно отвѣтилъ онъ, подумавъ.

— Очень? Сильно?

— Даже, могу сказать, больше-съ, чѣмъ собственно жизнь свою!...

— И я, истерически зарыдала вдругъ перезрѣлая дѣва,— и я больше жизни люблю... одного человѣка!...

— Та-ак-съ! протянулъ капитанъ, не различая ея лица въ темнотѣ и размышляя: что ему дѣлать—въ случаѣ она, „съ большой этой любви своей, возьметъ да и шарахнется?—Ужь, позвольте, лучше я васъ домой отведу, предложилъ онъ ей,— въ постелькѣ своей вамъ, мнительно, поспокойнѣе будетъ!...

— И этотъ человѣкъ... Она еще крѣпче уцѣпилась за его рукавъ, — въ объятіяхъ этого человѣка теперь ваша Ольга!...

— Что-о-съ? Ольга Елпидифоровна... въ объятіяхъ!... чуть не „шарахнулся“ самъ навзничь злополучный воинъ.

— Я слышала... я знаю... они здѣсь!... Я видѣла, какъ она... Пойдемте, пойдемте! восклицала безумнымъ голосомъ дѣвица Травкина, увлекая его за собой...

— О, какъ я бѣжала... и эта темнота!... Я боялась заблудиться... и все казалось—за мною гонятся!... Я не думала, чтобы все это было такъ страшно, говорила во второй бесѣдкѣ, влѣво отъ цвѣтника, порывисто дыша и дрожа отъ волненія и ночнаго холода, Ольга, прижимаясь къ плечу счастливца Ашанина.

— Чего бояться? шепталъ онъ въ отвѣтъ, отыскивая подъ ея плащемъ и обнимая ея упругій, трепетавшій подъ его горячею рукой станъ,—мы одни... и нѣтъ въ мірѣ человѣка блаженнѣе меня въ эту минуту!...

Она накрыла рукой его жадно льнувшія къ ней губы:

— Сколькимъ женщинамъ вы это говорили? И сколькихъ обманули?...

— Всѣмъ, кромѣ тебя! страстно восклицалъ онъ, перецѣловывая одинъ за другимъ нажимавшіе ротъ его пальцы.

— О, я и не изъ тѣхъ, кого обманываютъ! Я кину первая! засмѣялась она вдругъ какимъ-то побѣднымъ молодымъ смѣхомъ...—Скажите, отчего я вамъ такъ нравлюсь? молвила она, ухватывая своими его обѣ руки и дотягиваясь глазами до высоты его сверкавшихъ во мракѣ глазъ.

— Отъ того, что лучше тебя я еще не встрѣчалъ! И онъ въ свою очередь схватилъ и потянулъ къ себѣ руки ея.

— Неправда, есть много лучше, я сама знаю! Лина меня лучше!... Но такихъ, какъ я, нѣтъ,—вотъ что! Потому я свободная!... Да, я додумалась, я свободная... Развѣ другая рѣшилась бы притти сюда, къ вамъ,—къ извѣстному, опасному?... Но я пришла... И страшно въ первый разъ, а я все же пришла! Потому, я поняла, что такое жизнь... И мнѣ ее по-

давай, всю подавай! — Она засмѣялась грудным, горячимъ смѣхомъ,—и я всего хочу, все хочу испытать... И все возьму, я свою силу знаю! Мнѣ все, все возможно, пока только у васъ, у мущинъ, искорки будутъ прыгать въ глазахъ, говоря со мной, я знаю!... А не будетъ ихъ, мнѣ все равно, я въ монастырь пойду, или яду приму, какъ ваша Травкина. Я такая, рѣшительная! Courte, mais bonne!... Но до этого еще долга пѣсня...

Ольга нагнулась вдругъ къ самому уху Ашанина и млѣющимъ голосомъ пропѣла:

Зачѣмъ грустить, зачѣмъ страдать?
Намъ жизнь для радости дана...

— Прелесть ты моя! воскликнулъ онъ, покрывая неудержимыми поцѣлуями ея наклонившееся къ нему лицо...

Они мгновенно оба отпрянули другъ отъ друга... Чьи-то слышные, спѣшные шаги скрипѣли почти подъ самою бесѣдкой...

Ашанинъ кинулся ко входу, загораживая его собою...

Ревнивые глаза старой дѣвы тотчасъ же признали его во мракѣ:

— Вотъ онъ! кинулась она съ крикомъ къ бесѣдкѣ. — Пустите меня, пустите!...

— Куда вамъ? спросилъ онъ, ухватываясь обѣими руками за косяки входныхъ дверей.

— Пустите! Я знаю, кто съ вами здѣсь... Пустите! визжала она и цѣплялась за его платье...

— Со мною никого нѣтъ, и я прошу васъ успокоиться! говорилъ Ашанинъ, стараясь сохранить все свое хладнокровіе.

— Вы лжете... безсовѣстный, она здѣсь! Ольга!... Берите ее! отчаяннымъ крикомъ крикнула она своему спутнику.

— Кто еще тутъ съ вами? вскликнулъ, дрогнувъ невольно, Ашанинъ, только теперь различая недвижно стоявшую за ней темную фигуру.

— Я, капитанъ Ранцовъ! отчетливо пробасилъ капитанъ свой чинъ и фамилію,—къ вашимъ услугамъ!

— И я къ вашимъ, когда угодно! пылко воскликнулъ

московскій донъ-Жуанъ,—только *теперь*, желалъ бы я знать, что̀ вамъ отъ меня нужно?

— Я-съ... я-съ.... пробормоталъ тотъ... Не смотря на всю боль и злость, причиненныя ему тѣмъ, что̀ узналъ онъ отъ Надежды Ѳедоровны, храбрый капитанъ сознавалъ, что роль, которую онъ игралъ теперь, была не изъ самыхъ завидныхъ. Во-первыхъ, онъ впутывался въ чужую исторію, въ чужомъ домѣ... Затѣмъ, „а если тутъ не Ольга Елпидифоровна, а какая другая барышня?“ проносилось у него блаженное сомнѣніе... А если даже,—долженъ онъ былъ сказать себѣ въ заключеніе, — и сама она тутъ, такъ вѣдь онъ ей ни отецъ, ни братъ, и вступаться за нее, „или что другое“ онъ никакого права не имѣлъ.

— Я-съ, громко вымолвилъ онъ наконецъ, — я, конечно, ничего отъ васъ требовать не могу-съ... и только вотъ по ихъ просьбѣ... Онъ разумѣлъ Надежду Ѳедоровну, которая какъ бы отъ этихъ словъ истерически зарыдала опять.

— Я не понимаю, что̀ съ вами! попробовалъ успокоить ее Ашанинъ:—здѣсь никого нѣтъ, вы можете сами въ этомъ удостовѣриться...

Онъ искалъ выиграть время: въ бесѣдкѣ былъ другой выходъ; онъ надѣялся, что Ольга успѣетъ... успѣла уже имъ воспользоваться...

— Э, пустяки! я здѣсь! къ ужасу своему, услышалъ онъ вдругъ за собою громкій смѣхъ ея: — на что̀ я вамъ, Надежда Ѳедоровна?

— Безстыдница! могла только выговорить ревнивая дѣва.

— Что̀-о? вскрикнула бойкая особа, показываясь въ дверяхъ бесѣдки, освѣщенная брежжущимъ свѣтомъ только-что занимавшейся зари:—потому что я вышла погулять въ садъ... и встрѣтилась съ Владиміромъ Петровичемъ!... А вы кто? Какое вамъ дѣло до него, съ кѣмъ онъ и гдѣ?... Кто тутъ сейчасъ кричалъ и скандалилъ?... Кто безстыдница?... Подите, похвалитесь-ка завтра *тамъ*, у княгини, вашимъ сегодняшнимъ поведеніемъ!

— Ахъ! застонала несчастная дѣва и, какъ предвидѣлъ

это храбрый капитанъ Ранцовъ, „шарахнулась“ безъ чувствъ на траву.

— Господи, первою мыслью пронеслось въ головѣ Ашанина,—а завтра у насъ *Гамлетъ* идетъ!...

— Подымите ее! съ невыразимымъ презрѣніемъ кивнула ему на бѣдную дѣву Ольга Елпидифоровна. — Капитанъ, извольте меня домой провести!...

— Эка генеральша! невольнымъ взрывомъ восхищенія ея „молодечеству“ отозвалось на душѣ капитана среди ревниваго мученія, которое бушевало въ то же самое время въ этой воинственной душѣ.

Онъ послушно подошелъ къ ней; она взяла его подъ руку:

— Пойдемте! и быстро зашагала впередъ.

Слова упрека, состраданія и все также,—еще болѣе, можетъ-быть,—горячаго къ ней чувства просились одно за другимъ на честныя уста Ранцова. Но каждое изъ нихъ казалось ему то недостаточно вѣскимъ, то слишкомъ оскорбительнымъ для нея. И онъ шелъ безмолвно рядомъ съ нею и чувствовалъ, и говорилъ себѣ это съ какою-то злобой, что изъ ихъ перелетенныхъ рукъ не ея, а его рука дрожала теперь какъ въ лихорадкѣ...

— Конечно, Ольга Елпидифоровна, началъ онъ наконецъ въ истомѣ волновавшихъ его ощущеній, — на все то есть единственно ваша воля, и я не смѣю съ моими замѣчаніями... только очень это, если дозволите мнѣ сказать, очень мнѣ сожалительно и обидно... и я бы, кажется, этого господина Ашанина въ порошокъ смололъ!...

— Что вамъ „сожалительно“, передразнила его пріостанавливаясь Ольга, — и за что бы вы его стали въ порошокъ молоть?

— Помилуйте-съ, смущенно отвѣчалъ онъ,—какъ я васъ такъ уважалъ... и какъ вы есть... барышня, и вдругъ меня зовутъ въ свидѣтели... и вы съ нимъ ночью однѣ... въ бесѣдкѣ...

— А вы къ чему шли, послушались этой змѣи... безъ жала? Какъ вы смѣли? Она топнула на него ногой.

Онъ вздохнулъ такъ, какъ будто намѣренъ былъ взобрать въ себя воздуха до самыхъ пятокъ:

— Вамъ-съ это, можетъ-быть, дерзко съ моей стороны показалось... и я, точно, безо всякаго права... это точно, Ольга Елпидифоровна! Только если вы возьмете во вниманіе, что... что человѣкъ за васъ готовъ былъ всю жизнь свою... всю душу... все свое сердце...

— Ну, еще на копѣечку! расхохоталась она.

— И все, что̀ имѣю, до послѣдней, дѣйствительно, копѣечки, за васъ положить, продолжалъ капитанъ.

— Словомъ, весь *ранецъ?* Она прыснула новымъ смѣхомъ?

Онъ разсердился, насколько былъ лишь въ силахъ разсердиться на нее:

— Если вы на счетъ фамиліи, такъ вѣдь это перемѣнить нельзя-съ! Не чужую ношу, свою-съ, дворянскую, отъ предковъ...

— Ничего фамилія, прервала она его: — у меня у самой фамилія отъ *акулы* происходитъ... и весь вашъ ранецъ, примолвила она безъ улыбки, — я бы за одинъ ужинъ проглотила... Про Клеопатру слышали?

— Какъ же-съ: царица была такая.

— Да! И она за ужиномъ жемчужину въ милліонъ цѣной велѣла растолочь и съ виномъ выпила... И я такая же Клеопатра Акуловна!... Такъ вы это сообразите, и вашу жизнь, душу, сердце и прочее приберегите для другой. А мнѣ не нужно!...

Чуть не разрыдался бѣдный капитанъ: до этой самой минуты онъ смутно на что-то надѣялся, простодушно великодушничалъ и „прощалъ ей“ въ сердцѣ своемъ... А она сама такъ рѣшительно, такъ безжалостно отвергала его теперь... теперь, когда въ его понятіяхъ она такъ нуждалась въ другѣ, въ покровителѣ...

— Насильно милъ не будешь, Ольга Елпидифоровна... и, конечно,—съ горечью прибавилъ онъ,—другой на моемъ мѣстѣ... послѣ того, что̀ сейчасъ... другой, можетъ, и самъ бы первый... отошелъ бы... Только я, Ольга Елпидифоровна, какъ

знаю, что вы пылкая и молоды, и притомъ безъ матери... безъ примѣра... Дай Богъ, чтобы вамъ господинъ этотъ Ашанинъ настоящій мужъ былъ!... Но, какъ я его вижу, не изъ чего инаго, смѣю сказать, какъ изъ моихъ настоящихъ чувствъ къ вамъ, не надѣюсь я, чтобъ и въ половину онъ васъ такъ любилъ... какъ... я... васъ люб...

Онъ не былъ въ силахъ договорить... Они доходили къ дому, на открытое мѣсто. Она глянула ему въ лицо и какимъ-то внезапно-стыдливымъ движеніемъ поднесла руку къ прическѣ, смятой страстною рукой Ашанина... „Безъ матери, безъ примѣра!“ зазвучали еще разъ голосомъ Ранцова его слова въ ея ушахъ.

— Я его женой никогда не буду! проговорила Ольга, глядя недвижно впередъ. Двѣ крупныя слезы выкатились изъ-подъ ея длинныхъ рѣсницъ...

— То есть, это какъ же-съ? недоумѣло проговорилъ капитанъ:—коли-бъ онъ вздумалъ отказаться отъ своего счастья... такъ вѣдь завсегда... заставить его можно, Ольга Елпидифоровна... Завсегда можно! грозно повторилъ онъ.

— Я сама не хочу! медленно проронила она, не перемѣняя положенія.

— Какъ же вы не хотите-съ? озадаченно глянувъ на нее, пробормоталъ капитанъ.

— Такъ, просто, не хочу! Она обернулась на него, сверкнувъ, какъ прежде, блестящими, уже высохшими глазами:—ни за васъ, ни за него, чтобы никому обидно не было! Сказала-жь я вамъ, что я Клеопатра Акуловна!... Только вы этого не поймете, милый капиташка, опять разсмѣялась она,—и не нужно! А слушать моего приказа: первое — молчать, понимаете? Второе—слушаться меня всегда, во всемъ по-прежнему, а не то я съ вами говорить перестану. Слышали? И она повела на него тѣмъ знакомымъ ему соблазнительнымъ взглядомъ, отъ котораго у него замиралъ духъ и подымались щеткой всѣ волосы на головѣ.

— Слышалъ! пробормоталъ онъ, окончательно сдаваясь.

— И отлично! Вотъ вамъ въ награду! И она протянула ему свою руку:—можете облобызать!...

Злосчастный капитанъ приложился къ ней, какъ къ святынѣ...

Она кивнула ему и исчезла.

Онъ долго глядѣлъ ей вслѣдъ...

„Эхъ, ты, судьба-мачиха!“ рѣшилъ онъ, махнувъ отчаянно рукой, и повернулъ опять къ бесѣдкѣ, гдѣ Ашанинъ тѣмъ временемъ приводилъ въ чувство чуть не уморенную имъ своею измѣной, не по лѣтамъ страстную, дѣвицу Травкину.

XXXIV.

Mich höhnt der Himmel, der bläulich und mailich—
O schöne Welt, du bist abscheulich!

Heine.

О ночь, ночь, гдѣ твои покровы,
Твой тихій сумракъ и роса?

Тютчевъ.

Князь Ларіонъ, почти вовсе лишившійся сна за послѣдніе дни, съ восходомъ солнца былъ уже на ногахъ. Онъ тотчасъ же одѣлся, по своему обыкновенію, и растворилъ окно въ садъ... Утро стояло великолѣпное... Слезинки росы сверкали алмазною пылью на стебелькахъ уже высокихъ травъ; жаворонки звенѣли въ голубомъ пространствѣ неба, и сизый туманъ шатался и бѣжалъ по заводямъ и извилинамъ дремавшей рѣки, а къ ней съ поросшаго лѣсомъ противоположнаго берега, съ вершинъ и по вѣтвямъ молодой дубовой рощи все ниже и ниже, медленно и побѣдно, спускался, словно занавѣсъ литаго золота, горячій свѣтъ восходящаго дня...

Но не было уже отклика ликовавшей природѣ въ наболѣвшемъ сердцѣ князя Ларіона.

— Еще день! вздохнулъ онъ,—еще днемъ ближе къ концу!.., Когда же?... „Умереть—уснуть!“ сказалось ему словами ненавистнаго ему теперь *Гамлета:*—а жить тяжело!... Этотъ блескъ и свѣтъ... къ чему? Они ничего, ничего мнѣ не воротятъ!...

Такое же сіяющее утро блеснуло въ его воспоминаніи. Точно вчера!... А этому тридцать слишкомъ лѣтъ... Это было въ Веронѣ. Конгрессъ кончился... Онъ ѣхалъ съ собственноручнымъ письмомъ Государя къ императрицѣ Маріи Ѳеодо-

ровнѣ. „Я нарочно избралъ тебя, зная твои способности и что тебѣ хорошо извѣстно все, что здѣсь происходило“, говорилъ ему императоръ Александръ съ тою неотразимо обаятельною улыбкой, которую видѣвшій ее разъ не забывалъ уже никогда,—„vous servirez de vivant commentaire à ma lettre. Поѣзжай съ Богомъ, а службу твою здѣсь я не забуду!...“ И вотъ почтовый штулвагенъ стоитъ у крыльца занимаемаго имъ дома противъ самаго San-Zenone—одно изъ чудъ италіанскаго зодчества... Изъ-за растворенныхъ дверей храма глухо гудитъ органъ: „a noctis phantasmatis libera nos, Domine! *) доносятся до него слова католической литіи... Пока укладываютъ его чемоданы, онъ забѣгаетъ туда взглянуть въ послѣдній разъ на эти размѣры, на эти линіи, на эти дива искусства.. Австрійскій почтарь, въ высокихъ ботфортахъ и малиновой курткѣ, уже трубитъ къ отъѣзду, и жгучее италіянское солнце выкатывается изъ-за Аппенинъ и восходитъ надъ тихою Вероной. И въ блескѣ ослѣпительнаго дня мчится онъ, бодрый и радостный, по вѣчно зеленымъ равнинамъ Ломбардіи... Неудержимо кипитъ молодая кровь, горитъ голова въ избыткѣ впечатлѣній... Искусство, Государь, честолюбивыя грезы, и это солнце, эти зеленыя равнины,—а впереди, тамъ, куда мчится онъ, подъ холоднымъ сѣвернымъ небомъ, блаженство нежданнаго свиданія, восторгъ, и слезы, и палящіе поцѣлуи любимой женщины... бѣлокурой и синеокой, какъ она, какъ Hélène!...

И еще опять воспоминаніе, еще одно, какъ она, синеокое и стройное созданіе... Miss Flora, дочь одного изъ учителей Итонской школы, въ которой онъ воспитывается съ братомъ. И ей, и ему шестнадцать лѣтъ. Но она не замѣчаетъ его, не видитъ.... И вотъ онъ въ воскресенье, такимъ же раннимъ іюньскимъ утромъ, пробирается къ скамейкѣ пансіонскаго сада, куда она ходитъ гулять съ отцомъ, и вырѣзываетъ на ней перочиннымъ ножомъ стихъ изъ нечитаемыхъ въ классѣ *Amores* Овидія: „Nec sine te, nec tecum vivere possum“ **),—и

*) Отъ призраковъ ночи помилуй насъ, Господи!
**) Ни безъ тебя, ни съ тобою жить не могу.

узнаютъ объ этомъ товарищи, и долго, неотвязчиво пристаютъ къ нему и дразнятъ этимъ несчастнымъ Овидіевымъ стихомъ... а miss Flora, встрѣтясь съ нимъ послѣ того, опускаетъ глаза и алѣетъ, но не такъ ало, какъ его собственныя, шестнадцатилѣтнія ланиты... О, волшебные молодые дни!...

— А теперь,—и болѣзненно сжалъ брови князь Ларіонъ,—теперь впереди одна темная могила, и до нея мука безъ перерыва и конца!...

Онъ судорожно надвинулъ на лобъ широкую круглую шляпу, взялъ трость и вышелъ совершать свою обычную утреннюю прогулку.

Онъ шелъ, опустивъ голову, мимо полей, равнодушный къ ихъ пышной красѣ, не замѣчая, какъ волнистою зыбью подъ набѣгами утренняго вѣтра переливалось предъ нимъ безбрежное море колосившейся ржи, какъ рѣяли надъ нею бѣлогрудыя ласточки, какъ перекликались перепела въ зеленыхъ овсахъ... Нѣтъ, онъ не глядѣлъ, не слушалъ, не хотѣлъ видѣть... Лучше ночь съ ея мракомъ и могильною тишью, чѣмъ эта безпощадно смѣющаяся надъ нимъ радость молодой жизни!...

Онъ досадливо приподнялъ плечами и вышелъ на пыльную дорогу, шедшую отъ Сицкаго къ пробѣгавшему отъ него верстахъ въ пяти шоссе.

Очевидно замѣтивъ его, ямщикъ мчавшейся навстрѣчу ему тройки осадилъ на всемъ скаку своихъ хрипѣвшихъ лошадей; изъ телѣги приподнялась толстая фигура исправника Акулина, замахала рукой, и до князя еще издалека донесся его офиціальный, подавленно храпящій крикъ:

— Графъ, ваше сіятельство, графъ ѣдутъ!

— Русское человѣчество! сказалъ себѣ почему-то князь Ларіонъ, продолжая итти по дорогѣ, не отвѣчая и не глядя на него...

Тройка поравнялась съ нимъ.

— А мнѣ ужь позвольте, ваше сіятельство, молвилъ изъ телѣги Елпидифоръ, прикладывая руку къ козырьку,—доскакать до дома. Ростиславъ Михайловичъ Чижевскій очень просили тотчасъ же предувѣдомить ихъ, чтобъ они могли встрѣтить графа...

— Сдѣлайте одолженіе, скачите, слегка усмѣхнулся князь,— вы мнѣ нисколько не нужны.

— Да и ты мнѣ не нуженъ, сказалъ себѣ подъ носъ Акулинъ, почтительно подымая еще разъ руку къ фуражкѣ, и помчался далѣе.

Еще черезъ полверсты нагнала князя Ларіона графская коляска. Старикъ не спалъ и бодро, съ видомъ знатока и любителя, поглядывалъ съ высоты своего сидѣнья и форменнаго галстука, подпиравшаго его широкій подбородокъ, на зеленя, мимо которыхъ бѣжала дорога... Стой! крикнулъ онъ, завидѣвъ пріятеля, захватилъ свою камышевую толстую палку подъ широкою слоновою ручкой и вышелъ изъ экипажа.

— Здорово, Ларіонъ! Онъ трижды прикоснулся къ его лицу своими пухлыми щеками. И, обернувшись къ ѣхавшему съ нимъ чиновнику, не знавшему, выходить-ли и ему, или оставаться въ коляскѣ:

— Шажкомъ поѣзжай впередъ! Портфель разбери!... Я съ Ларіономъ пѣшкомъ приду... Овсы у васъ хороши! не измѣняя тона, пропѣлъ онъ князю,—а рожь мелка будетъ! Скажи управляющему: сѣмена чаще мѣнять надобно!...

— А у васъ какъ? спросилъ князь Ларіонъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Винокурня сгорѣла! На двадцать тысячъ убытка! Управителя въ острогъ посадилъ; пусть судятъ! Мошенникъ! не доглядѣлъ!... Что княгиня?

— Ничего!... Все та же!—Губы князя презрительно сжались.

— А именинница?... Милое дитя!... И, не дождавшись отвѣта:—изъ Петербурга ничего не получалъ?

— Ничего!... Анисьевъ этотъ здѣсь, добавилъ, помолчавъ, князь Ларіонъ.

— Пріѣхалъ? Давно?

— Вчера вечеромъ.

— Ну, и что?

Князь помолчалъ опять...

— Княжнѣ онъ не нравится, промолвилъ онъ наконецъ.

— Ну, и не надо! пропѣлъ тотъ:—милое дитя!... Ты ему и скажи: не хочетъ!...

— За то мать... разлюбезная невѣстушка моя, безъ ума отъ него!

— Пусть сама и выходитъ! засмѣялся графъ, приподнимая кверху свои ладони и съ палкою, которая, какъ видно, на эти случаи задѣта у него была ремешкомъ за большой палецъ правой руки.—Она не умная! подмигнулъ онъ князю,— а отецъ ея, я его зналъ, плутъ былъ, а умный! Покойный Канкринъ, Егоръ Францычъ, говорилъ мнѣ: „когда, батушка, умру, на мѣсто мое сажайте мошенника этого, Раскаталова! Онъ и себя, батушка, не забудетъ, и Россію по міру не пуститъ!“...

Разговоръ, какъ всегда у нихъ, перешелъ на старое общее имъ время; вспомянуты были Двѣнадцатый годъ, Тарутино, князь Михайло Илларіоновичъ и въ заключеніе „благодѣтель“—молодой герой, графъ Николай Михайловичъ Каменскій, при которомъ графъ былъ адъютантомъ и который умеръ на его рукахъ, отравленный чашкою чая изъ рукъ жены французскаго консула въ Букурештѣ...

Такъ дошли они до дому.

— Хорошо! Весь вспотѣлъ! улыбался счастливою улыбкой графъ, входя въ отведенный ему покой — Игнатъ! кликнулъ онъ своего камердинера, — оботри и причеши!... Онъ сѣлъ предъ зеркаломъ...—Я больше не завиваюсь! почелъ онъ почему-то интереснымъ знать князю Ларіону и ткнулъ пальцемъ на три сѣдые волосика, торчавшіе у него на затылкѣ.

— Я васъ оставлю, почтенный другъ, сказалъ князь, — вы, можетъ-быть, отдохнуть захотите?

— Нѣтъ, не хочу! Въ коляскѣ выспался! пропѣлъ тотъ,— а ты ступай по своимъ дѣламъ! Я своими займусь!

Чижевскій показался въ дверяхъ комнаты.

— Ростиславъ, здравствуй! Какъ играешь на театрѣ?

— Увидите сами вечеромъ, ваше сіятельство, отвѣтилъ весело молодой человѣкъ: — въ грязь лицомъ не хлопнемся, Москвы не посрамимъ!... А вы какъ съѣздили?

— Винокурня сгорѣла! Мошенникъ управляющій! Подъ

судъ отдалъ!... А просьбу мѣщанки здѣшней разобралъ? вспомнилъ онъ.

— Какъ же-съ! И всѣхъ, кого нужно, вызвалъ.

— И гдѣ они?

— Здѣсь, ваше сіятельство, еще со вчерашняго вечера, я такъ и назначилъ на случай,—какъ и вышло теперь,—вы рано сюда пріѣдете.

— Распорядительный! мигнулъ на него графъ входившему Шажкову.

Шажковъ только губами повелъ.

Цѣлый рядъ слугъ, подъ предсѣдательствомъ Vittorio, вносили въ это время въ комнату на тяжелыхъ серебряныхъ подносахъ чай, кофе, со всевозможными къ нимъ печеньями и снадобьями и полный завтракъ изъ холодныхъ блюдъ.

— Завтракать хочете? спросилъ старикъ своихъ чиновниковъ.

— Нѣтъ-съ, для меня рано, отвѣчалъ Чижевскій,—а чаю я выпью.

— И я ничего утромъ не ѣмъ, кромѣ чай пью!—ладони торжественно приподнялись, — будемъ пить чай, а ты мнѣ про мѣщанку доложи!

— Слушаю-съ.

Они усѣлись за столъ.

XXXVI.

— Просительница, началъ Чижевскій,—Ирина Михайлова, жена серебряныхъ дѣлъ подмастерья, Степана Ѳирсова, бабенка, какъ изволите увидѣть, лѣтъ двадцати и собою весьма не дурна, усмѣхнулся молодой чиновникъ.

— Замѣтилъ! подмигнулъ на него Шажкову графъ, находившійся въ отличнѣйшемъ расположеніи духа.

Шажковъ счелъ нужнымъ цѣломудренно опустить глаза.

Чижевскій продолжалъ:

— Отецъ ея покойный торговалъ въ Москвѣ, въ рядахъ, и оставилъ кой-какія деньги. Послѣ его смерти вдова его переѣхала на житье на родину свою, въ здѣшній городъ, гдѣ у нея домъ свой. Тутъ Ирина въ прошломъ году познакомилась съ теперешнимъ супругомъ своимъ и, нѣсколько противъ воли матери, вышла за него замужъ, получивъ въ приданое тысячу рублей. Мужъ же ея до этого своего брака служилъ въ подмастерьяхъ у единственнаго здѣсь въ городѣ серебрянника, Осипа Власьева, по прозвищу Зарѣза, съ женою котораго онъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ находился... въ нѣжныхъ отношеніяхъ.

— Старая она? повелъ нижнею губой графъ.

— Не молода-съ!

— Дуракъ! засмѣялся онъ.—А векселя кому даны?

— Этой вотъ самой, Аннѣ Прохоровой Власьевой, и дѣйствительно, по всей вѣроятности, должно-быть безденежные, такъ какъ по свѣдѣніямъ, которыя я затребовалъ отъ городничаго, Ѳирсовъ въ деньгахъ не нуждался, имѣетъ тутъ же

въ городѣ отца, человѣка довольно зажиточнаго, и самъ скромный, трезвый и, по всему видно, очень глуповатый малый, котораго эта madame Зарѣзъ, что̀ называется, объѣхала со всѣхъ сторонъ. А Власьевы сами, по недостатку работы въ уѣздномъ городѣ, едва концы съ концами сводятъ.

— Сколько и на какую сумму векселя? запѣлъ графъ.

— То-есть заемныя письма,—пояснилъ Чижевскій:—коммерческихъ векселей Ѳирсовъ, какъ подмастерье, выдавать не въ правѣ.

— Все равно, обязательства далъ! На сколько?

— Одно заемное письмо въ триста, а другое въ пятьсотъ рублей. Даны въ одинъ и тотъ же день, срокомъ на девять мѣсяцевъ, и, какъ оказывается изъ сближенія цифръ, время выдачи ихъ совпадаетъ со временемъ перваго знакомства Ѳирсова съ Ириной Михайловой.

— Понимаю! Мошенники! не далъ кончить графъ,—обирали его! Женился, а они ко взысканію! А полиція съ него требуетъ!...

Точно такъ. Бѣдняга страшно перепугался,—къ отцу. Отецъ кулакъ: „я за тебя, говоритъ, не плательщикъ, самъ съ деньгами, за женою взялъ“. А женѣ и подавно не охота жертвовать своимъ приданымъ въ пользу старой любезной своего супруга.

— За что̀ жертвовать?

И графскія ладони приподнялись.

— Старикъ городничій здѣшній, изволите знать, человѣкъ хорошій. Бабенка къ нему...

— А онъ же по этой части слабъ, язвительно ввернулъ на это Шажковъ.

— Въ Малоархангельскомъ полку служилъ; подъ Денневицемъ въ Тринадцатомъ году ногу оторвало. Почтенный воинъ! строго пропѣлъ ему наставленіе графъ.

— Онъ ей и говоритъ, началъ опять Чижевскій:—и самъ я вижу, каково дѣло, только ничего въ этомъ не могу,—формальное обязательство, я по закону обязанъ взыскать.

— Законъ! Старикъ презрительно засмѣялся:—законъ у

насъ для мерзавцевъ писанъ! А какъ ихъ звать, этихъ мошенниковъ?...

— Власьевы.

— Да, Власьевы... Ты ихъ вызвалъ?

— Всѣ четверо здѣсь.

— Позови всѣхъ сюда!... Разберу!...

Чижевскій вышелъ, и въ ту же дверь вошелъ графъ Анисьевъ въ полной формѣ и съ цѣлымъ иконостасомъ русскихъ и иностранныхъ крестовъ, выпущенныхъ изъ-за каждой пуговицы его блестящаго мундира. Шажковъ при такомъ зрѣлищѣ даже позеленѣлъ отъ зависти.

— Честь имѣю къ вашему сіятельству явиться, официально проговорилъ флигель-адъютантъ, и также официально, въ пяти шагахъ отъ кресла графа, склонился предъ нимъ поклономъ.

— А, полковникъ, здравствуй! запѣлъ тотъ:—знаю, что пріѣхалъ! Вчера? Рано встаешь! Это хорошо! Чай пилъ?

— Нѣтъ еще-съ, спѣшилъ къ вамъ... И съ удовольствіемъ выпью у васъ чашку, если позволите, тотчасъ же смѣняя служебный тонъ на свѣтскій и пріятно улыбаясь, промолвилъ флигель-адъютантъ.

— Садись! Будемъ говорить! Что дядя?

— Слава Богу, здоровъ, сколько мнѣ извѣстно... Я самъ теперь изъ Симбирска...

— Знаю!... Все знаю! Старикъ многозначительно взглянулъ на него.—Письмо отъ него получилъ... О тебѣ...

Блестящій полковникъ поспѣшно потупился и осторожно, но замѣтно покосился на Шажкова.

— Андрей Ѳедорычъ, обернулся на того графъ,—потрудись сказать Чижевскому, чтобы съ просителями погодилъ! Я позову, когда нужно!...

— Я, началъ онъ тотчасъ же по уходѣ чиновника,—какъ было написано въ его письмѣ, такъ я и сказалъ!

Анисьевъ слегка пододвинулся къ нему со своимъ кресломъ:

— И, смѣю спросить, какъ это было принято?

— То-есть, это ты насчетъ Ларіона хочешь знать?

— Такъ точно!... Сколько мнѣ извѣстно, въ письмѣ этомъ князю Ларіону Васильевичу должно было быть сказано...

— Было! Я ему передалъ.

— И онъ?... не договорилъ флигель-адъютантъ и нѣсколько тревожно воззрился на своего собесѣдника.

— А онъ говоритъ, невозмутимо отвѣчалъ графъ,—что онъ самъ по себѣ, а племянница его, княжна, сама по себѣ, потому ей выходить, не ему!...

Петербургскій воинъ задумчиво потянулъ во всю его длину свой шелковистый усъ.

— Какъ же вы полагаете, послѣ довольно долгаго молчанія заговорилъ онъ,—какъ долженъ я понимать эти слова?

— Ничего не полагаю! Твое дѣло! Я ему сказалъ и отвѣтъ его говорю! А больше ничего не знаю!

Анисьевъ подвинулся еще ближе.

— Позвольте мнѣ, графъ, быть съ вами совершенно откровеннымъ?—Ваша старая дружба съ моимъ дядей...

— Старая, правда! запѣлъ голосъ:—въ Десятомъ году на Дунаѣ въ одной палаткѣ спали!...

— Я еще вчера могъ замѣтить, началъ тотъ медленно и осторожно,—замѣтить, что я князю Ларіону Васильевичу не имѣю счастья нравиться... Мнѣ это очень прискорбно, конечно, но у каждаго свой вкусъ... насильно милъ не будешь!... Тѣмъ не менѣе я смѣю полагать, что князь противъ меня ничего серьезнаго не имѣетъ—и имѣть *не можетъ*, подчеркнулъ Анисьевъ:—вы меня знаете чуть не съ самаго дѣтства, ваше сіятельство, знаете, какъ я поставленъ въ Петербургѣ, о службѣ моей слышали....

— При дворѣ любятъ, знаю!

— Я полагаю поэтому, что *никакіе* родные не могутъ видѣть въ...—онъ искалъ слова и думалъ: „какъ это трудно все выразить по-русски!“—въ искательствѣ мною руки ихъ дочери что-либо... неумѣстное и слишкомъ смѣлое съ моей стороны, домолвилъ чуть-чуть надменно блестящій полковникъ.— А между тѣмъ княжна Елена Михайловна, съ самой первой минуты, когда я увидалъ ее, успѣла внушить мнѣ такое... преданное... чувство...

— Пятьсотъ тысячъ даетъ за нею мать теперь и столько же послѣ смерти, окромя четырнадцатой части въ родовомъ имуществѣ! перебилъ его неожиданно *графъ*.

Флигель-адъютанта даже въ краску бросило. Ноздри его раздулись, онъ поднялъ на старика свои засверкавшіе глаза...

Но тотъ безмятежно и невинно сидѣлъ въ своей позѣ индійскаго Вишну, скрестивъ ножки и мѣрно подымая и опуская свои ладони на оконечностяхъ ручекъ своего кресла. Никакого лукаваго намѣренія не прочелъ, или не умѣлъ прочесть прозорливый придворный воинъ на этомъ мягкомъ, одутломъ и невозмутимомъ лицѣ... „Старое чучело!“ проговорилъ онъ про себя и счелъ за лучшее беззаботно усмѣхнуться.

— Состояніе никогда не *вредно*, конечно... Но княжна такая — онъ опять подыскивалъ, какъ бы перевести „une si admirable créature,“ и перевелъ: такое *безподобное* существо, — что, смѣю увѣрить васъ, графъ, если-бъ она была и совершенная безприданница, чувства мои къ ней были бы совершенно тѣ же...

— Это хорошо! одобрилъ Вишну,—она милое дитя!...

— Мнѣ поэтому очень было бы больно, переходя уже въ минорный тонъ, началъ опять графъ Анисьевъ, — если-бъ я дѣйствительно долженъ былъ встрѣтить на моемъ, такъ сказать, пути такое лицо, какъ князь Ларіонъ Васильевичъ... къ которому я, съ своей стороны, исполненъ величайшаго уваженія... Хотя, конечно, пропустилъ онъ вдругъ тонко-тонко, словно остріемъ иголки, — хотя у князя нѣтъ отцовскихъ правъ...

Ладони приподнялись снова:

— Замѣсто отца—дядя, опекунъ его дѣтей!

— Да-съ... но у княжны *родная* мать есть, пропустило опять такъ же тонко остріе.

— Есть! Глупая женщина! такъ же однозвучно пропѣлъ опять голосъ.

Нашего полковника нѣсколько какъ будто огорошила такая откровенность...

— Можетъ быть, промямлилъ онъ, невольно усмѣхаясь

однако воспоминанію той „невозможной“ глупости,—умственныя способности княгини, и точно, не отличаются особеннымъ блескомъ... Но она *мать*, ваше сіятельство, и уже поэтому не можетъ не желать счастія своей дочери.

— И дядя племянницѣ того же желаетъ! А она сама разсудительная, сама рѣшить можетъ!

Глаза молодаго честолюбца еще разъ тревожно поднялись и погрузились въ лицо его собесѣдника.

— Вы думаете, что... что препятствія могутъ быть со стороны княжны... *лично?* подчеркнулъ онъ не совсѣмъ твердымъ языкомъ.

— Я ничего не думаю,—я только говорю!...

Анисьеву вспомнилось вчерашнее холодное обращеніе съ нимъ Лины, которое онъ тогда приписалъ застѣнчивости... Онъ сосредоточенно уткнулся взглядомъ въ одну изъ пуговицъ графскаго сюртука.

— Ужь нѣтъ-ли у этого стараго шута съ его „Ларіономъ“ своего какого-нибудь на примѣтѣ? допытывался онъ мысленно.

Вишну все также безмятежно покоился въ своемъ креслѣ и слегка помаргивалъ вѣками,—его клонило ко сну...

— „А Ларіонъ тонкая бестія“, рѣшилъ прозорливый флигель-адъютантъ, „на мушку не клюетъ; съ нимъ, видно, не до cartes sur table... А впрочемъ... Надо вообще ближе изучить ситуацію!“...—Позвольте оставить васъ, графъ, сказалъ онъ громко, вставая съ мѣста,—у васъ, кажется, просители?...

— Ничего, я при тебѣ приму!

Старикъ поднялся въ свою очередь и, переваливаясь на ходу, пошелъ къ дверямъ звать Чижевскаго.

XXXVII.

Въ комнату, вслѣдъ за молодымъ чиновникомъ, вошли четыре вызванныя имъ лица, „къ личному разбирательству его сіятельствомъ“, какъ значилось на языкѣ тогдашнихъ порядковъ.

Первая изъ нихъ была просительница, молодка лѣтъ двадцати, одна изъ тѣхъ русскихъ побѣдныхъ головокъ, про которыхъ сложилась пѣсня:

Моя русая коса
Всему городу краса,

свѣжая, румяная, съ карими, заплаканными отъ волненія глазами, и сквозь эти слезы улыбавшаяся полусмущенною, полуудивленною улыбкой при видѣ этого лысаго, какъ колѣно, со своею добродушно выпяченною впередъ губой и офиціально приподнятыми вверхъ бровями, генерала, вершителя ея судебъ, въ которомъ она почему-то съ перваго же раза почуяла себѣ защитника и покровителя.

За нею шелъ мужъ; это былъ, какъ опредѣляла его сваха, когда высватала ему жену, „мущина въ самомъ соку, *брунетъ*, и глаза на выкатѣ“. Еще весьма молодой, но уже одутлый отъ непомѣрнаго чаепитія, *брунетъ* этотъ имѣлъ необыкновенно дураковатый и перепуганный видъ и жался за спиной жены, словно весь, всѣмъ неуклюжимъ тѣломъ своимъ, хотѣлъ уйти за ея невысокую, тонкую и юркую особу, подъ тѣнь этой ея великолѣпной русой косы, оттягивавшей своею тяжестью назадъ ея миловидную маленькую голову...

„Madame Зарѣзъ“, заимодавица, была женщина лѣтъ тридцати пяти, съ утиными носомъ и походкой, чувственно

отвислыми губами и жирною бѣлою спиной и шеей, сквозившими сквозь какую-то накинутую на нихъ вязаную косынку. Глядѣла она неподвижно впередъ маленькими, оплывшими отъ вѣчнаго лежанья глазами, равнодушная, повидимому, ко всему окружающему и прежде всего къ исходу того, за что представала теперь предъ очи грознаго московскаго владыки.

Замыкавшій шествіе мужъ ея, Осипъ Власьевъ, „серебряныхъ и иныхъ дѣлъ мастеръ“, какъ значилось на его вывѣскѣ, всклокоченная, темная и желтая фигура, съ небритымъ подбородкомъ и табакомъ подъ носомъ, въ порыжѣломъ фракѣ и засаленныхъ клѣтчатыхъ панталонахъ надъ стоптанными сапогами, выглядывалъ изподлобья травленнымъ волкомъ, бывавшимъ на своемъ вѣку и не въ такихъ передѣлкахъ. По одному виду его можно было безъ ошибки заключить, что не даромъ было дано ему прозвище „зарѣза“, и что онъ единственно замыслилъ и соорудовалъ все это дѣло векселей, выданныхъ Өирсовымъ его жирной супругѣ.

Всѣ они, войдя въ комнату, остановились у дверей въ выжидательномъ положеніи.

— Подойдите! крикнулъ имъ начальственный голосъ. И съ этими словами графъ всталъ въ свою официальную позу, то-есть, опершись лѣвою рукой о письменный столъ, заложилъ большой палецъ правой за послѣднюю пуговицу своего форменнаго сюртука и правую ногу молодцовато закинулъ за лѣвую.

Красивая Ирина бойко зашагала первая, за нею остальные... Чижевскій уставилъ ихъ рядкомъ, попарно, въ пяти шагахъ отъ его сіятельства.

Графъ зорко оглядѣлъ всю компанію:

— Зачѣмъ безденежные векселя давалъ? началъ онъ съ оника, останавливаясь грознымъ взглядомъ на пучеглазомъ „*брунетѣ*“.

Злополучный подмастерье пришелъ въ неописанное смущеніе: онъ засѣменилъ на мѣстѣ неуклюжими ступнями, завертѣлъ носомъ, зачесалъ въ затылкѣ...

— Отвѣчай! возгласилъ графъ, не дождавшись отъ него отвѣта.

— Отвѣчай, что̀ молчишь! толкнувъ его сзади въ бокъ и оборачиваясь на него сверкавшими какъ звѣзды глазами, понуждала его молодая жена.

Онъ еще разъ помялся, поежился, заерзалъ рукою въ курчавыхъ волосахъ:

— Больше *по любве*, ваше сіятельство! провозгласилъ онъ наконецъ, растерянно улыбаясь...

Власьевъ презрительно дернулъ небритымъ подбородкомъ. Супруга его безмятежно перекрестила свой неожиданно зѣвнувшій ротъ.

Ладони поднялись.

— По какой *любве*? Говори!

— Потому, Осипъ Власьичъ, началъ, переминаясь съ ноги на ногу и продолжая идіотически улыбаться, злосчастный ловеласъ, — потому они сулились мнѣ... что за ихъ безчестіе они всегда могутъ меня въ острогъ засадить...

— Дуракъ! пропѣлъ графъ.

— Вѣстимо дуракъ! И слезы брызнули разомъ изъ глазъ молодой женщины:—онъ у меня что̀ ребенокъ малый простъ, ваше сіятельство!

— Дуракъ! промолвила за нею, еще разъ зѣвнувъ и еще разъ перекрестивъ ротъ, „madame Зарѣзъ“.

— Дуракъ какъ есть! октавой ниже подтвердилъ и ея достойный сожитель.

— А ты какъ смѣлъ брать безденежные векселя? накинулся тутъ же на этого графъ.

— Я не бралъ-съ! уходя весь въ высокій воротникъ своего засаленнаго фрака, захрипѣлъ Власьевъ,—я даже ничего объ эвтомъ, ваше высоко-сіятельство, не знаю, опричь только что собственно я какъ свидѣтель, потому это дѣйствительно что онъ, какъ желательно ему было вступить въ первый законный, и что отецъ его въ деньгахъ ему отказывалъ, такъ онъ приходилъ къ моей, значитъ, женѣ просить, даже въ ноги ей кланялся несчетные разы, потому не съ чѣмъ ему было свадьбы сыграть, а какъ онъ, служимши у меня, значитъ, въ подмастерьяхъ...

— И кто же вамъ въ эвтомъ можетъ повѣрить! зазвенѣвъ

какъ колокольчикъ, полнымъ неудержимаго негодованія голосомъ прервала его Ирина,—когда не только чтобъ онъ просилъ на свадьбу у вашей жены, а сами вы постоянно, по нуждѣ своей, жалованье его заслуженное задерживали, и по сейчасъ двадцать шесть съ полтиной ему вами не додано! Бога вы не боитесь, Осипъ Власьичъ!...

— Чижевскій, запѣлъ голосъ, — написать городничему, чтобъ его на мѣсяцъ за рѣшетку посадилъ! Мошенникъ!.. Гдѣ векселя?

— При дѣлѣ, ваше сіятельство!

— Ты, добродѣтельная супруга!—графъ ткнулъ пальцемъ по направленію „madame Зарѣзъ“,—слушай! Ты грамотная?

— Грамотная! протянула она, сдерживая третій зѣвокъ.

— По векселямъ получи по копѣйкѣ за рубль! Ступай, распишись въ уплатѣ сполна!

— Батюшка, ваше сіятельство, спаситель вы нашъ! такъ и бухнулась ему въ ноги красавица Ирина, судорожно всхлипывая и покрывая поцѣлуями его пухлыя руки.

— Ну, ну, хорошо... не нужно! усмѣхнулся старецъ, наклоняясь подымать ее,—ты, я вижу, умная! Смотри, болвана отъ себя не отпускай! Чтобы не дурилъ безъ тебя!...

— Не отпущу никуда, ваше сіятельство! уже смѣялась она сквозь непросохшія слезы,—на привязи стану держать... Дай вамъ Царица Небесная много лѣтъ здравствовать!...

— Спасибо!... Очень радъ! Ступай себѣ съ Богомъ!... Чижевскій, съ добродѣтельной супруги расписку получи! А вексель отдай... Какъ тебя, востроглазая, зовутъ бишь?

— Ирина Михайлова, ваше сіятельство!

— Иринѣ Михайловой отдай! А мужъ дуракъ! „По любве“, говоритъ, мошенникамъ ограбить себя далъ! покатывался и заливался добродушнымъ смѣхомъ своимъ графъ.

— И вы такъ, ваше сіятельство, молвилъ ему, когда они остались одни, блестящій петербургскій дѣлецъ, внимательно и съ какимъ-то двусмысленнымъ подергиваніемъ губъ слѣдившій за всею этою сценой,—вы такъ даете себѣ трудъ сами разбирать всякую вздорную просьбу?

Ладони откинулись:

— Для нея не вздорная! Все ея состояніе!...

— Конечно... но я полагаю, что судъ... наконецъ полиція...

— Ничего не сдѣлаютъ! запѣлъ графъ.—Тамъ законъ! А по закону, она плати!... Бѣдному народу главное, чтобы не волокли по всѣмъ мытарствамъ... Онъ идетъ ко мнѣ! Потому, знаетъ, я сейчасъ рѣшу...

Флигель-адъютантъ все такъ же двусмысленно и осторожно усмѣхнулся.

— Нужно только, чтобы тутъ было и тутъ, указывая себѣ на грудь и на голову, закончилъ московскій правитель,—больше ничего не надобно!...

Съ такимъ несложнымъ разумѣніемъ юстиціи никакъ не могъ бы согласиться „серебряныхъ и иныхъ дѣлъ мастеръ“ Осипъ Власьевъ, по прозванію „Зарѣзъ“, который въ эту минуту, стоя въ другой комнатѣ у стола, за которымъ Чижевскій диктовалъ его супругѣ форму расписки на заемныхъ письмахъ, язвительно бормоталъ, косясь на стоявшую рядомъ красивую Ирину:

— Вовсе ограбили, значитъ!... И стыда въ людяхъ нѣту!...

— Точно что нѣту, Осипъ Власьичъ! пылко вскликнула молодая женщина; — что онъ у васъ почитай шесть годовъ за крѣпостнаго былъ, всю работу у васъ одинъ справлялъ, пока вы на боку лежали, да по трактирамъ проклажались, такъ вы за то насъ по міру пустить хотѣли. Это у васъ совѣсть называется! На экую сумму на себя подписать его заставили!

— Зналъ, что̀ писалъ, не мальчикъ! фыркнулъ Власьевъ.

— Зналъ? мой-отъ теленокъ! кивнула она на стоявшаго о бокъ ея и все такъ же глупо продолжавшаго улыбаться мужа: — вы изъ него съ супружницей-то вашей Анной Прохоровной веревки плели. Онъ вамъ не то на восемьсотъ, на восемь тысячъ подмахнулъ бы зря съ простоты своей!...

— Означенную въ семъ заемномъ письмѣ сумму деньгами сполна получила, продолжалъ диктовать Чижевскій, въ то же время прислушиваясь и любуясь огненнымъ взглядомъ и бойкою рѣчью уѣздной красавицы.

— Сполна! злобно повторилъ себѣ подъ носъ Власьевъ.

— Такъ точно-съ, извольте получить! вскинулась Ирина, торопливо доставая изъ кармана платокъ и развязывая въ немъ узелокъ съ деньгами, — восемь рублевъ... „Сполна!“ примолвила она, выкладывая деньги на столъ... Ея подвижныя, прозрачныя ноздри расширились и дрожали отъ пронимавшаго ее смѣха... — А теперь все, ваше благородіе? спросила она Чижевскаго, принимая у него изъ рукъ заемныя письма мужа.

— Все! улыбнулся онъ ей.

— И домой, значитъ, теперича можно?

— Можете, красавица моя, съ Богомъ!

Она подняла на него свои блестящіе каріе глаза и вся зарумянилась:

— Спасибо на ласкѣ вашей, миленькій баринъ, вѣкъ не забуду вашей съ его графскимъ сіятельствомъ милости... Ну, кланяйся, дурачокъ! И она воззрилась на мужа съ безмѣрно нѣжною и безконечно счастливою улыбкой: — слышалъ графскій приказъ, чтобы не отпущать тебя отъ себя? И такъ ты у меня съ нонѣшня дня и будешь ходить на бичевочкѣ, не выдержала молодая женщина и расхохоталась на радостяхъ звонкимъ, ребяческимъ смѣхомъ...

— А ты больно-то не куражься! нѣсколько обидчиво проговорилъ на это „брунетъ,“ тряхнувъ своею, какъ у барана волнистою, головой.

— Ну, ну, пойдемъ... богатырь! Она подхватила его подъ руку...—Счастливо оставаться, ваше высокородіе!...

— Оченно уже вы смѣшливы стали, Арина Михайловна! презрительно поджавъ свои отвислыя губы, отпустила ей вслѣдъ „madame Зарѣзъ.“

Ирина, сверкнувъ глазали, обернулась на нее:

— Довольно отъ васъ наплакамшись, Анна Прохоровна, будетъ! Можетъ теперича и взаправду надъ вами смѣяться начнемъ!...

— Отстань! Чего вяжешься? прохрипѣлъ, толкнувъ жену въ спину, Власьевъ:—аль прежняго восхотѣла? Шлюха!...

Они изчезли.

XXXVIII.

Тревожный сонъ поздно заснувшей наканунѣ Лины прерванъ былъ рано утромъ какими-то странными, раздававшимися по сосѣдству ея спальни звуками. Она открыла глаза, насторожила ухо... Изъ-за стѣны, отдѣлявшей ея покой отъ комнаты Надежды Ѳедоровны Травкиной, дѣйствительно слышались стоны...

Княжна быстро вскочила съ постели, окутались въ свой утренній пеньюаръ и въ туфляхъ, въ спальномъ чепцѣ, кинулась въ эту комнату, въ которую вела дверь изъ ея спальни.

Надежда Ѳедоровна, вся одѣтая, лежала у себя поперекъ постели, низко закинувъ голову къ самой стѣнѣ, и рыдала, какъ умѣютъ рыдать только однѣ женщины, раздирающимъ, неудержимымъ... и невыносимымъ рыданіемъ... .

Лина страшно перепугалась, но не потеряла присутствія духа: налила воды въ стаканъ, приподняла, не безъ нѣкотораго труда, ея завалившуюся голову и, придерживая ее одною рукой, успѣла другою влить нѣсколько капель сквозь ея судорожно сжатые зубы.

Бѣдная дѣва пришла въ себя, узнала княжну и, первымъ движеніемъ, закрыла обѣими руками свое истрепанное, посинѣвшее отъ слезъ лицо...

— Вы!... Лина... О, какой стыдъ! новымъ стономъ вырвалось у нея изъ груди.

— Надежда Ѳедоровна, милая, что̀ съ вами? допрашивала ее княжна, сжимая ей руки и заботливо вглядываясь ей въ лицо...

— Нѣтъ, ради Бога!... На спрашивайте!... Вы ангелъ... Я не достойна вашего участія... вашего присутствія здѣсь!... порывисто, вздрагивая всѣмъ тѣломъ и покрывая поцѣлуями эти захватившія ея руки Лины, говорила дѣвица Травкина.—Я... я своими безумными слезами разбудила васъ?... Ради Бога, простите!... Простите напослѣдокъ! домолвила она черезъ силу.

— Что это значитъ? Что вы хотите сказать?... Маman?... не договорила, въ свою очередь, встревоженная княжна, искренно любившая бѣдную компаньонку и которой представилось, что это отчаяніе ея и слезы были послѣдствіемъ какой-либо *сцены* съ ея матерью наканунѣ вечеромъ, послѣ того, какъ Лина ушла изъ гостинной...

— Нѣтъ! поняла и закачала головой Надежда Ѳедоровна,—я княгинѣ... всему вашему дому вѣчно благодарна останусь!... Я сама... не могу... Я недостойная!... Я погибшее... опозоренное существо!...

Лина съ ужасомъ глядѣла на нее,—глядѣла, какъ на помѣшанную...

Надежда Ѳедоровна скользнула съ постели и неожиданно очутилась у ея ногъ:

— Вы, чистая, святая, вы не поймете!... воскликнула она, обнимая ея колѣни и прижимаясь къ нимъ своимъ истерзаннымъ лицомъ;—я недостойна дышать съ вами однимъ воздухомъ... мнѣ мѣста нѣтъ болѣе здѣсь... я уйду... уйду!...

— Вы больны, милая, у васъ горячка начинается, я пошлю сейчасъ за докторомъ! молвила княжна, пробуя поднять ее съ пола.

— Нѣтъ, умоляю васъ, никакой докторъ мнѣ помочь не можетъ!... Она сама вскочила на ноги, но отъ слабости чуть не упала опять... Княжна довела ее къ креслу у окна; она опустилась въ него, безсильная и безмолвная, уронила голову на грудь и долго оставалась такъ, безъ словъ, безъ движенія...

Она мучительно переживала мучительную ночь, измѣну любимаго человѣка, торжество и глумленіе своей соперницы, все это „безуміе свое и позоръ“... Но въ то же время перезрѣлая дѣва испытывала какую-то ѣдкую сладость въ чув-

ствѣ этой муки,—она словно любовалась этимъ „позоромъ“ своимъ. Воспитанная на нездоровомъ чтеніи французскихъ книжекъ той эпохи, исполненная воспоминаній всякихъ трескучихъ фразъ и обрывковъ болѣзненныхъ мыслей, которыя заносила она изъ этихъ книгъ въ завѣтныя тетрадки, она теперь съ какою-то гордостью думала о томъ, что и у нея свой романъ,—она двадцать лѣтъ сряду мечтала о немъ,—что и на ея долю выпало „роковое, трагическое горе...“ Какъ отнестись къ этому горю, вотъ въ чемъ состоялъ для нея вопросъ въ эту минуту. Очутившись послѣ обморока одна въ саду съ Ашанинымъ, она разыграла роль *раненой львицы*, призывая небесные громы на голову своего „коварнаго искусителя“, обѣщая ему мщеніе на этомъ свѣтѣ и вѣчную кару на томъ, но, убѣдившись, что ни единая изъ ея угрозъ не пронимала его и что „коварный искуситель“, смиренно опустивъ голову, поглядывалъ на нее такъ, что вотъ-вотъ сейчасъ и фыркнетъ ей въ носъ неудержимымъ смѣхомъ, она кинулась отъ него со всѣхъ ногъ въ свою комнату и разрыдалась со злости до истерики... Придя въ себя во второй разъ въ объятіяхъ Лины, она забыла о *раненой львицѣ* и почувствовала себя Магдалиной, самобичующеюся у ногъ „чистаго, святаго существа“... Теперь наступало третье воплощеніе „трагическаго горя“ дѣвицы Травкиной. *Оберманъ*, *Лелія* *), мрачные образы *литературы разочарованія* возставали въ ея головѣ... „Да, гордость въ страданьи!“ рѣшила она и словно вся озарилась этою мыслью: подняла голову и, улыбаясь своею обычною, презрительною улыбкой,—она считала необходимымъ презирать самое себя въ эту минуту,—обернулась на княжну:

— Скажите, заговорила она,—я вамъ кажусь очень безумною?

— Мнѣ кажется, у васъ... былъ лихорадочный припадокъ, отвѣчала Лина, нѣсколько удивленная этою перемѣной тона,—и вамъ бы нужно было...

— О, я перенесу, я перенесу! не дала ей договорить

*) Романъ Ж. Санда.

та,—я буду сильна, я останусь. Я въ безпощадной битвѣ жизни!...

И, словно эта отпущенная ею фраза придала ей, дѣйствительно, силъ, она бодро поднялась съ мѣста:

— Я васъ прошу, Лина, забыть все... что происходило сейчасъ! Все это не стоитъ вашего вниманія!... Это, какъ говоритъ Гамлетъ, примолвила она съ дѣланною шутливостью,— одни лишь „сны мои, мои злые сны!“...

Княжна взглянула на нее и поблѣднѣла.

Ей вспомнилось вдругъ, что сегодня вечеромъ „они отыграютъ *Гамлета*“,—и затѣмъ „все кончено!“...

— Сегодня наше представленіе! вырвалось у нея съ глубокимъ вздохомъ.

— Да!... Мое прощанье со свѣтомъ! театрально произнесла, въ свою очередь, Надежда Ѳедоровна и закрыла глаза себѣ рукою.

Но слова эти прошли мимо ушей Лины; она думала въ эту минуту: „а завтра, что же завтра будетъ?“...

— И какое ей до меня дѣло! желчно сказала себѣ компаньонка, не дождавшись того восклицанія ужаса и печали, которымъ, по ея мнѣнію, должна была непремѣнно отвѣтить Лина на извѣщеніе о томъ, что она, Надежда Ѳедоровна Травкина, собирается „сегодняшнимъ вечеромъ прощаться со свѣтомъ“.—Извините меня, *княжна*, подчеркнула она,—я сегодня какая-то растерянная... забыла принести вамъ мое поздравленіе со днемъ вашего рожденія!...

— Ахъ, да!... Благодарю васъ, милая! выходя изъ своей задумчивости, проговорила Лина и опять участливо глянула ей въ лицо:—вамъ легче теперь стало?

— Легче, гораздо легче! Не заботьтесь обо мнѣ, прошу васъ! Я право не стою того, чтобы вы изъ-за меня лишали себя сна. Не довольно интересный *субъектъ* для этого, домолвила дѣвица Травкина все съ тою же презрительною улыбкой по собственному адресу;—отправляйтесь въ свою постельку и постарайтесь заснуть покрѣпче! Вамъ предстоитъ сегодня тяжелый день!...

— Не позвать-ли вамъ горничную? спросила княжна.

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно, ничего не нужно! Я васъ сама провожу въ вашу спальню. Я вамъ сказала,—я сильна... Envers et contre tout! примолвила она почему-то по-французски, моргнувъ своими подслѣповатыми глазами.

Она, дѣйствительно, отвела и уложила въ постель Лину и, поцѣловавъ ее въ щеку, проговорила, натянуто смѣясь:

За все, за все тебя благодарю я!...

Княжна тихо улыбнулась ей со своей подушки...

Надежда Ѳедоровна вернулась къ себѣ, заперла за собою дверь спальни и, мрачно договоривъ себѣ, сама не вѣдая къ чему:

Устрой лишь такъ, чтобы тебя отнынѣ
Не долго мнѣ еще благодарить!—

повалилась опять на свою кровать и залилась новыми, нескончаемыми слезами... Увы, дѣйствительно, какъ говорилъ Ашанинъ, „слезъ у нея было много“. Но на этотъ разъ это были искреннія,—горькія и тихія слезы. Объ *Оберманѣ* и *Леліи* она уже не думала...

XXXIX.

Княжна начинала засыпать, когда кто-то, послышалось ей, осторожно подавивъ замокъ двери изъ корридора, вошелъ въ ея кабинетъ.

— Кто тамъ? Она приподняла голову.

— Я, ваше сіятельство, отвѣчалъ голосъ ея горничной.

— Чтò такъ рано, Глаша?

— Извините, княжна, отвѣчала та, входя въ спальню,—я полагала, вы еще почивать изволите... Хотѣла къ вамъ на столикъ поставить...

— Чтò такое?

Глаша подошла къ постели, держа обѣими руками большую плетеную крытую корзинку, обвязанную голубыми лентами:

— Супризъ-съ!... Честь имѣю поздравить со днемъ вашего рожденія!...

— Это ты меня даришь, Глаша? вскликнула удивленная Лина.

— Помилуйте-съ! ухмыльнулась дѣвушка,—всѣмъ сердцемъ желала бы, да не при моихъ достаткахъ... Это отъ молодаго графа, чтò вчера пріѣхали, поспѣшила объяснить она, опуская глаза, но изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ лукаво метнула взглядомъ на княжну.

— Отъ молодаго графа? повторила, сжавъ брови, Лина:— чтò это значитъ?... Какъ ты это получила?...

— Мнѣ-съ еще съ вечера мусью Витторіо приказали поставить къ вамъ на столикъ, пока еще вы не проснулись. Сказали, на случай вы спросить изволите,—что отъ молодаго

графа проздравленіе вамъ со днемъ рожденія... Это изъ Москвы, отъ Файе конфеты, я знаю-съ, добавила Глаша съ самодовольнымъ видомъ:—въ плетушкѣ бобоньйерка богатѣйшая, а въ ней конфетъ фунтовъ десять, больше будетъ-съ, насилу держу!...

Ни словечкомъ не отозвалась на это княжна и отвернулась отъ нея головой къ стѣнкѣ.

Глаша только ротъ открыла.

Наканунѣ, за ужиномъ въ *л'офисѣ*, камердинеръ флигель-адъютанта, съ которымъ она успѣла познакомиться, подмигивая и нашептывая ей всякія лакейскія любезности, отпустилъ ей между прочимъ, что „они съ бариномъ надѣются въ Сицкомъ свое счастіе получить“. Глаша тотчасъ же смекнула, — а когда всемогущій въ домѣ Витторіо передалъ ей бонбоньйерку съ приказаніемъ поставить ее на столъ княжны *сюрпризомъ*, уже не сомнѣвалась, что молодой „красавецъ-графъ пріѣхалъ сватать ея барышню“. Въ головѣ ея, не хуже, чѣмъ у Ольги Елпидифоровны, успѣло построиться на этой основѣ цѣлое зданіе честолюбивыхъ надеждъ, отъ которыхъ она всю ночь не спала... И вдругъ „ея княжна и глядѣть-то на его *супризъ* не хочетъ“!...

Глаша уныло поглядѣла ей въ затылокъ, вздохнула и направилась въ кабинетъ со своею „плетушкой“!...

— Еще сейчасъ приходила ко мнѣ горничная генеральши, проговорила она, не доходя до дверей, — принесла отъ нихъ записку и пакетъ къ вамъ-съ...

— Гдѣ они? Что же ты не даешь ихъ мнѣ? быстро отозвалась на этотъ разъ Лина, приподымаясь съ подушекъ.

— Извольте получить-съ!

Дѣвушка поставила корзинку на туалетный столъ и, вынувъ изъ кармана письмо и небольшое что-то завернутое въ бѣлую бумагу и запечатанное большою гербовою печатью, передала ихъ княжнѣ.

— Хорошо, молвила Лина, — а теперь оставь меня, я спать хочу!...

Оставшись одна, она поспѣшила развернуть записку.

Софья Ивановна писала ей слѣдующее:

„Милая Елена Михайловна! Желаю поздравить васъ *первая* съ наступающимъ вашимъ двадцатымъ годомъ и чтобы подарокъ мой былъ *первый* въ этотъ день. Посылаю вамъ предметъ для меня дорогой и завѣтный и разставаться съ нимъ могу только для васъ. Принадлежалъ онъ покойной моей матери, женщинѣ высокаго духа и много испытанной въ своей судьбѣ. Звали ее, какъ и васъ, Еленой. Примите въ душевное себѣ укрѣпленіе и утѣшеніе, а также въ память отъ старухи искренно васъ любящей".

„Софья Переверзина".

Запечатанный пакетъ заключалъ въ себѣ уложенный въ коробочку образокъ съ изображеніемъ Воздвиженія Честнаго Креста Святою Царицей Еленой. На задней гладкой доскѣ его золотой оправы вырѣзаны были слова: *Симъ побѣдиши!*

Лучшаго подарка и болѣе кстати не могла получить Лина. Онъ являлся какъ бы дѣйствительно „во укрѣпленіе и утѣшеніе" ея послѣ этихъ конфетъ, присылка которыхъ глубоко взволновала ее и оскорбила. Она понимала, что это не имѣло значенія простой любезности. Изъ одного тона голоса ея горничной не оставалось для нея сомнѣнія, что весь домъ уже почитаетъ ее за невѣсту этого „петербургскаго адъютанта", а самъ онъ очевидно признаетъ за собою право дарить ее, какъ женихъ, „и всѣ они въ заговорѣ съ нимъ", говорила себѣ бѣдная дѣвушка: „и mamaп, и Витторіо, и Глаша,—весь домъ"!...

„Симъ побѣдиши"! прочла она еще разъ теперь. Свѣтлая улыбка скользнула по ея блѣднымъ устамъ... Она вытянула изъ-за сорочки золотую цѣпочку, на которой навѣшены были ея крестъ и медальонъ съ портретомъ и волосами покойнаго отца, пристегнула къ нимъ образокъ Софьи Ивановны, поцѣловала его, перекрестилась и, уложившись щекою на руку, заснула мгновеннымъ, младенческимъ сномъ...

Но ей не суждено было досыта выспаться въ это утро. Въ началѣ восьмаго чьи-то шаги и смѣхъ въ кабинетѣ разбудили ее опять.

— Что она, еще спитъ? спрашивалъ громко кто-то.

— Почиваютъ-съ! послышался шопотъ Глаши.

— Я не сплю! сказала княжна, недоумѣвая, съ кѣмъ это разговаривала ея горничная.

— Ah! Lina! Chère!...

И съ этими словами въ спальню ворвалась дѣвушка въ широкой соломенной шляпѣ и сѣромъ бурнусѣ на плечахъ, вся запыхавшаяся и хохочущая...

— C'est moi! Не ожидала? Не узнаешь даже, кажется? И она кинулась прямо цѣловать Лину въ постели.

Это была одна изъ ея московскихъ бальныхъ знакомыхъ, княжна Женни Карнаухова, высокая и крупная особа, съ характернымъ и веселымъ выраженіемъ лица и весьма рѣшительными, почти мужскими пріемами рѣчи и движеній. Московская молодежь звала ее „добрымъ малымъ въ юпкѣ“ и „Геничкой Карнауховымъ“. Она это знала и не только не оскорблялась, но очень гордилась этими прозвищами и вмѣняла себѣ въ какую-то обязанность быть на пріятельской ногѣ со всѣмъ міромъ. Ее вообще всѣ любили и она всѣхъ любила... Она была, дѣйствительно, очень добра сердцемъ, откровенна до глупости, легкомысленна и эгоистична, какъ всѣ *добрые малые*, и совершенно наивно убѣждена была, что не было въ мірѣ существа болѣе *нужнаго* для счастья ближнихъ, какъ она.

— Какая ты хорошенькая въ постели! A croquer! хохотала она, обнимая и тормоша Лину:—вотъ если бы тебя кто-нибудь изъ нашихъ кавалеровъ увидалъ теперь, вотъ бы влюбился!... А ты и не спрашиваешь, какъ я къ тебѣ попала такъ рано?

Бѣдная княжна съ просонковъ только глядѣла на нее недоумѣвая.

— Надо тебѣ сказать, что мы только вчера пріѣхали къ себѣ, въ Высокое. Жара, пыль, духота, а мы въ городѣ сидимъ! У maman ея вѣчный mal de dos, переѣзжать не хочетъ:—безъ Овера, говоритъ, умру! Несчастному папа каждый день сцены дѣлаетъ, ко мнѣ придирается за каждый вздоръ... Un enfer, однимъ словомъ!... Наконецъ ужь Толя—она только его и слушаетъ, — уговорилъ ее! Вчера къ обѣду пріѣхали;

папа и вспомнилъ, что мы приглашены 3-го числа къ вамъ. Вотъ и собрались пріѣхать сюда къ обѣду. А сегодня Толя велѣлъ разбудить меня чуть свѣтъ. Хочешь, говоритъ, прокатиться со мною на бѣговыхъ дрожкахъ? Поѣдемъ, говорю. Вотъ мы и поѣхали. Ѣдемъ, а лошадь у насъ молодая, Толя правитъ отвратительно, чуть въ канаву не свалилъ меня... Ужь не знаю, нарочно онъ или невзначай, только проѣхали мы верстъ, я думаю, пятнадцать и очутились наконецъ въ совершенно незнакомомъ мѣстѣ. Идетъ мужикъ; Толя его спрашиваетъ: куда ведетъ эта дорога?—Въ Сицкое, говоритъ, въ княжое.—Въ какое княжое — Шастуновское, отвѣчаетъ. — А далеко отсюда?—Съ версту будетъ... Толя хлестнулъ лошадь, она вскачь, а онъ ея ужь и удержать не можетъ... Я уцѣпилась за него, едва держусь... И мы, какъ два сумасшедшіе, прискакали къ вашему крыльцу... Et me voilà!

— Очень рада! проговорила учтиво Лина.

— Рада, не рада, а я ужь отсюда не уѣду! Я не красавица, какъ ты, но и я берегу свою шкуру, comme on dit. Хоть и придется мамашину руготню за это выдержать, все равно. Пусть себѣ Толя ломаетъ шею, если ему угодно, а я за новое путешествіе на его бѣговыхъ дрожкахъ merci! Сегодня у васъ празднество... Сколько тебѣ минуло, — девятнадцать?... Поздравляю, chère! Позволь дать тебѣ это на память:

Она сняла съ пальца бюрюзовое колечко и протянула его Линѣ.

— Не стоитъ благодарности! не дала она ей выговорить слова, — c'est une petite horreur, но я умоляю тебя носить его! Она принялась опять обнимать княжну;—ни къ кому я еще не чувствовала того, что къ тебѣ. Ты такая милая! Я воображаю, примолвила она, не останавливаясь,—какіе подарки ты получишь сегодня; мать твоя такъ богата!... А, да вотъ ужь! Отъ кого? И она бросилась къ знакомой намъ плетушкѣ, стоявшей на туалетномъ столикѣ Лины, и, безцеремонно распутавъ связывавшія ее ленты, вытащила оттуда великолѣпный китайскаго лака ящикъ, полный конфетами.

Глаша, стоявшая тутъ же, замигала ей обоими глазами.

— Что̀ такое? Секретъ? громко вскрикнула княжна Карнаухова и ухвативъ двумя пальцами за щеку улыбнувшуюся Глашу:—говори, вострyха, говори сейчасъ, отъ кого это, отъ кого?...

— Прикажете сказать, ваше сіятельство? хихикая, вполголоса спросила та свою барышню.

— Говори, что̀ за секретъ! послышался изъ-за спущенныхъ занавѣсовъ постели голосъ одѣвавшейся Лины.

— Отъ молодаго графа, отъ петербургскаго получили! объяснила тогда Глаша, продолжая лукаво улыбаться.

Такъ и привскочила пріѣзжая княжна:

— Молодой графъ? Петербургскій? Какой графъ? Изъ Петербурга прислалъ?...

— Нѣтъ-съ, они сами здѣсь, отвѣчала горничная.

— Кто здѣсь? топоча отъ нетерпѣнія, вскрикнула Женни Карнаухова.—Какъ зовутъ его?

— Анисьевъ по фамиліи, графъ, полковникъ-съ...

— Жоржъ Анисьевъ? C'est vrai ce qu'elle dit là, Lina? Женни даже перемѣнилась въ лицѣ.

— Помилуйте-съ, смѣю-ли я лгать! молвила понявшая Глаша обиженнымъ тономъ.

Княжна нервно отпихнула отъ себя конфетный ящикъ, опустилась быстрымъ движеніемъ на кресло подлѣ туалета и разомъ примолкла...

— Au fond, какое мнѣ дѣло! вскрикнула она вдругъ, какъ бы сообразивъ,—но я воображаю maman! громко и весело уже захохотала она и вскочила опять на ноги.

— Скоро ты будешь готова? крикнула она опять Линѣ, и примолвила по-англійски:—send your maid off, J have to tell you some thing *).

— Онъ сватается къ тебѣ? начала она сразу, едва остались онѣ вдвоемъ.

— Я его совсѣмъ не знаю! Лина досадливо повела плечами.

— Пожалуйста, не увѣряй, живо перебила ее княжна Карнаухова,—и не воображай себѣ, что я твоя ривалка!...

*) Отошли свою горничную, я имѣю сказать тебѣ кое-что.

Это maman себѣ вообразила и твердила мнѣ съ утра до ночи... А я всегда очень хорошо понимала, что онъ обо мнѣ не думаетъ и думать не можетъ. Ему нужно большое состояніе!... Потому что онъ со мною въ прошломъ году въ Петербургѣ два раза мазурку танцовалъ... Еще бы не танцовалъ!... Вѣдь, ты знаешь, у насъ домъ въ Москвѣ—подворье. Всѣ эти петербургскіе аксельбанты, только въ Москву ввалятся, прямо къ намъ: ѣдятъ и пьютъ, чуть не ночуютъ, пока не уѣдутъ, куда имъ надо... И все это у насъ дѣлается pour avoir, какъ говоритъ maman, des aboutissants въ Петербургѣ... И вотъ меня повезли туда, и повсюду насъ тамъ приглашали, и я на тридцати двухъ балахъ танцовала, и для этого удовольствія сдѣлали мы шестнадцать тысячъ долгу, и всѣ эти господа ужасъ какъ со мною любезны были,—а въ Москву мы вернулись ни съ чѣмъ, замужъ меня все-таки никто не взялъ, и я умру старою дѣвкой, я знаю, и maman злится на меня за это и пилитъ, несчастную, каждый день, а когда увидитъ сегодня у васъ Жоржа Анисьева, просто со свѣта меня сгонитъ!... И такая я poor soul! неожиданно всплакнула княжна,—за кого бы я хотѣла, за того меня ни за что не отдадутъ, а за кого меня мечтаютъ отдать, тѣ меня не хотятъ!...

— А тебѣ нравится... ты любишь кого нибудь, Женни? И, невольно тронутая этими словами, Лина пододвинулась къ ней.

— Люблю-ли?—крупная княжна на мигъ задумалась:—правду сказать, и сама я не знаю... Нравится онъ мнѣ, нравится, и даже очень; можетъ быть, потому именно, примолвила хмурясь она,—что maman имени его слышать не можетъ и вѣчно пилитъ меня имъ... Правда, онъ за всѣми волочится, и ничего у него за душой нѣтъ. Выходить за него замужъ я и не думаю... но еслибъ я была femme mariée, признаюсь, я не отвѣчу за себя... И она разразилась новымъ смѣхомъ.—Онъ за тобой не ухаживаетъ?

— Кто такой? спросила не понимая Лина.

— Ахъ, какая я сумасшедшая! Болтаю, болтаю и даже не говорю кто!... Онъ у васъ, играетъ съ тобою на театрѣ... И

признаюсь, — княжна понизила голосъ,—я не уѣхала теперь съ Толей домой главнымъ образомъ для того, чтобы, пока не пріѣдетъ maman, успѣть flirter un peu avec lui, договорила она, придѣлывая французское окончаніе къ непереводимому англійскому *to flirt* *)

Кто былъ этотъ счастливецъ, съ которымъ она намѣревалась *flirter* въ отсутствіи зубастой мамаши, она такъ-таки опять забыла назвать. Но Лина уже не интересовалась узнать это имя: она не понимала любви такого рода...

А Женни Карнаухова продолжала лепетать между тѣмъ:

— Скажи, душка, а у васъ съ Жоржемъ Анисьевымъ все уже кончено?

— Ничего не начиналось и кончаться нечему! спѣшила отвѣтить бѣдная дѣвушка.

— А это что же? указала ея пріятельница на ящикъ съ конфетами, — ужь если это не похоже на жениховъ подарокъ!...

— Ахъ, сдѣлай милость, избавь меня отъ этого, Женни! Возьми себѣ!...

Княжна Карнаухова подбѣжала къ ней, схватила за оба плеча и погружаясь ей глазами въ глаза:

— Такъ это ты въ самомъ дѣлѣ? Онъ тебѣ не нравится?

— Нѣтъ! такъ же рѣшительно отвѣчала ей на это Лина, какъ наканунѣ матери.

— Не нравится? повторила та,—онъ однако очень хорошъ, George Анисьевъ... Et comme il valse, chère!... Ты вѣрно слышала, что онъ много играетъ? вдругъ осѣнила ее мысль.

— Ничего я не слышала!...

— Ужасно! Въ прошломъ году у насъ онъ одному дядѣ Сергѣю тринадцать тысячъ проигралъ... Онъ съ Сухазанетомъ играетъ по десяти рублей point во что-то... Maman увѣряетъ, что его такъ любятъ à la Cour, что это ничего не значитъ, и что всѣ его долги заплатятъ... Но ты, можетъ быть, очень

---

*) To flirt, flirtation, нѣчто въ родѣ польскаго *романсованья*, кокетливо нѣжныя отношенія, преимущественно между дѣвушкой и молодымъ человѣкомъ.

хорошо дѣлаешь, что не хочешь итти за него: онъ можетъ разорить тебя, какъ ты ни будь богата... А твоя mamau какъ? За него?... Я увѣрена!... Бѣдныя мы, вѣдь воли намъ не дано,—прикажутъ, и...

Она не договорила: — Лина, вся блѣдная, опускала голову...

— А! вскрикнула княжна, — ужь приказали!... И ты не хочешь?... Погоди же, я все обдѣлаю,—я тебя спасу!...

— Нѣтъ, ради Бога, Женни, не нужно! въ свою очередь, съ ужасомъ заговорила Лина, — ничего нѣтъ, и нечего спасать меня?...

Но та чувствовала себя уже совершенно необходимою для спасенія пріятельницы:

— Нѣтъ, нѣтъ, повѣрь мнѣ, я опытна въ этихъ дѣлахъ, не бойся! Мери Ребницъ и Варю Тростинину кто выдалъ замужъ?—Я! Съумѣла устроить, съумѣю и развести!... Ты тутъ совершенно ни при чемъ будешь... Я ему дамъ почувствовать, что не совсѣмъ деликатно мущинѣ искать руки дѣвушки, которая... Одно только, вдругъ перебила она себя: — чтобъ онъ не вообразилъ, что это я изъ ревности!... Лучше всего, если бы можно было намекнуть ему, что ты другимъ человѣкомъ занята... Но кѣмъ? Никто тебѣ не нравится, ты такая холодная и равнодушная...

Отъ этихъ словъ блѣдная княжна наша внезапно вся зардѣлась и быстро отвела лицо отъ зеркала, предъ которымъ зачесывала свои золотистые волосы. Но то же зеркало выдало все это любопытствовавшему взгляду ея услужливой пріятельницы:

— Ага, есть кто-то, есть! такъ и вскинулась она, — кто? Лина, душенька, говори скорѣй, кто, кто онъ?... И она бросилась душить ее въ своихъ объятіяхъ.

Лина не выдержала,—со вчерашняго вечера это былъ цѣлый рядъ мученій,—и чего требуетъ теперь отъ нея эта непрошеная, назойливая услужница?—она заплакала...

Женни Карнаухова нежданно опустилась предъ ней на колѣни:

— Лина, душка, ну хорошо, не говори! Я понимаю ces délicatesses du coeur... Я сама отгадаю, — это даже гораздо интереснѣе!... Только знай, что я для тебя на все готова, и довѣрься моей опытности! Я только собственную судьбу не умѣю устроить, а для другихъ у меня самая легкая, самая счастливая рука... All's well, all's well, Лина! *) утѣшала она ее, похлопывая и цѣлуя въ перерывъ ея тонкія нѣжныя руки...

---

*) Все хорошо, все хорошо!...

XL.

Княгиня Аглая Константиновна еще причесывалась въ своей уборной, когда имѣвшая лестное право входить къ ней во всякое время Ольга Акулина, веселая и свѣжая какъ роза, вбѣжала поздравить ее съ „дорогою именинницей“ и донести, что кое-кто изъ „уѣзднаго звѣринца“ уже пріѣхали и расхаживаютъ по дому во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, въ ожиданіи выхода хозяйки дома.

— De vrais sauvages! презрительно вымолвила на это княгиня.—Надѣюсь, они не воображаютъ, что я измѣню для нихъ заведенный въ моемъ домѣ порядокъ? Пусть ждутъ, ils sont faits pour cela! произнесла дщерь бывшаго цѣловальника съ величественностью, которой могъ бы позавидовать „великій король,“ Louis Quatorzième du nom.

— А Надежда Ѳедоровна не тамъ? спросила она, разумѣя гостиную.

При звукѣ этого имени лицо барышни нѣсколько повело...

— Старикъ графъ также пріѣхалъ! поспѣшила сказать она, пропуская вопросъ безъ отвѣта.

— Да, мнѣ докладывали;—j'éspère que le cher prince mon beau-frère его встрѣтилъ, промолвила Аглая, раздувъ ноздри: она до сихъ поръ не могла переварить вчерашнюю „Рюриковну“ князя Ларіона.

— Онъ пріѣхалъ очень рано и уже принималъ какихъ-то просителей, сообщила барышня, — завтракалъ у себя, а теперь, сказалъ мнѣ monsieur Шажковъ, отдыхать легъ...

Хозяйка успокоилась, и мысли ея перенеслись къ другому, любезному ей предмету:

— Et le jeune comte, ты не знаешь, что онъ?... N'est ce pas qu'il est charmant, petite?... Я не понимаю, какъ это mademoiselle la princesse ma fille...

Она пріостановилась, вспомнивъ о горничной, которая вся красная отъ натуги затягивала въ эту минуту послѣднюю петлю корсета, обнимавшаго обильныя красы княгини, и тяжело вздохнула, не то отъ нажима этого корсета, не то отъ досады на „mademoiselle la princesse ma fille"...

— Я его видѣла, поспѣшила объявить Ольга (она тотчасъ же догадалась, что Лина успѣла наканунѣ дать понять матери, что Анисьевъ ей не нравится), я съ нимъ встрѣтилась... нечаянно... въ корридорѣ... Онъ выходилъ отъ графа... И такой magnifique, княгинюшка, въ своемъ чудесномъ мундирѣ, серебряное шитье, въ ботфортахъ... Сколько у него крестовъ, princesse,—я просто ахнула! Такой молодой et si bien décoré. Это просто прелесть такой—она хотѣла сказать „такой женихъ", но по примѣру своей покровительницы, тоже въ виду горничной, пріостановилась и сказала:—такой молодой человѣкъ!

— Je crois bien! И княгиня качнула вверхъ головой, смотрясь въ трюмо, предъ которымъ облекали ее теперь въ блѣдно-зеленое съ синими лентами платье, — сочетаніе цвѣтовъ, начинавшее уже въ то время почитаться возможнымъ.

— Ah, oui, chère petite, сказала она, расправляя въ то же время тонкимъ маленькимъ гребешкомъ свои густыя черныя брови, очеркомъ которыхъ „en arc de Cupidon", какъ она выражалась, очень гордилась въ свое время наша Аглая;—спроси у моей Lucrèce (въ это классически-цѣломудренное имя перекрещена была ею первая ея горничная, распрорусская Лукерья, незамужняя мать троихъ дѣтей,) картонъ съ платьемъ изъ Парижа и вели отнести княжнѣ, чтобъ она надѣла его сегодня вечеромъ: послѣ театра будутъ танцовать probablement. Скажи, что это мой подарокъ къ ея рожденію... Allez y vous-même, petite, уже сплошь по-французски и шопотомъ поручала она Ольгѣ,—и такъ отъ себя шепни ей, что ея мать, конечно, не ограничилась бы такимъ мизернымъ подаркомъ, что ты навѣрное знаешь, что у меня готова была для нея къ

сегодняшнему дню une parure en turquoises et diamants, un cadeau de six mille roubles argent! проговорила княгиня, почему-то даже надменно и строго взглянувъ при этомъ на неповинную барышню,—но что я его сегодня не дамъ ей... Она знаетъ почему!... Я положила qu'elle ne l'aura que le jour de ses fiançailles!... Si non, я его отдамъ вотъ его будущей женѣ! сказала она, увидавъ входящаго къ ней съ утреннимъ „bonjour“ сына.

— Что ты моей женѣ отдашь, мама? полюбопытствовалъ узнать одиннадцатилѣтній Basile.

— Un cadeau de six mille roubles, mon cher, если ты будешь умникъ и сдѣлаешь une belle carrière, какъ графъ Анисьевъ.

— Который вчера пріѣхалъ? Я знаю, мама. Онъ флигель-адъютантъ?

— Да, suis son exemple!...

— А я, мама, я буду очень богатъ, very, very rich?

— Да, Basile! Vous êtes un grand nom de Russie; ты долженъ быть богатъ pour le soutenir.

— А вотъ, возразилъ мальчикъ,—Лина и Семенъ Петровичъ говорятъ, что богатство это ничего, а надо самому...

— Что „самому“?

— I can't say't properly, mam' *), но это они говорятъ, что надо все самому, умнымъ быть и учиться...

— Monsieur Факирскій, это натурально,—княгиня сжала губы, — il n'a rien... Онъ долженъ самъ. Конечно, Basile, надо быть умнымъ и учиться... mais la fortune pour un grand nom... Quant à Lina, vous savez, таинственно прошептала она, нагибаясь къ барышнѣ, — у нея есть эти идеи! И глубокомысленная Аглая перебрала многозначительно пальцами предъ лбомъ:—она sous ce rapport совершенно въ отца... ce pauvre Michel! вздохнула чувствительная дама.—А ты радъ, что будешь богатъ, Basile? обратилась она опять къ сыну.

— Ужь конечно, твердо отвѣчалъ онъ, — потому я все могу себѣ купить и всѣмъ приказывать!...

---

*) Я не умѣю сказать это ясно, мама.

— Только надобно хорошо умѣть свои счеты вести, прервала его наставительно маменька, — потому что все можно потерять... Comme cela est dejâ arrivé avec la fortune des Шастуновыхъ, que j'ai sauvée! обернулась она опять къ Ольгѣ.

— Мама, вскрикнулъ Basile, Vittorio должно быть a pickpocket! *) Я ему приказалъ на мои деньги купить a great box **) для чаю, for Lina, для ея рожденія, и онъ взялъ у меня пятьдесятъ рублей, а купилъ такую гадость, что я кинулъ ему въ носъ...

— Въ носъ? засмѣялась княгиня...—Ты не долженъ этого дѣлать, Basile: Vittorio est un bon serviteur... Et puis il est Italien, pas Russe! заключила она.

И, за такимъ заключеніемъ, Аглая Константиновна оглянула еще разъ въ трюмо свое новешенькое платье, съ нахмурившимся челомъ показала горничной на какую-то складку, затѣмъ обернулась, поцѣловала сына въ лобъ и потребовала свои кольца и браслеты.

— Мама, сказалъ ей Basile, — дай мнѣ что-нибудь подарить Линѣ;—я Vittorio скверный box сломалъ...

— Зачѣмъ сломалъ! А ты теперь пойди къ садовнику и вели ему сдѣлать un beau bouquet, и отнесешь къ сестрѣ... Un garcon de vôtre nom долженъ смолоду пріучаться savoir être galant avec les dames, пріятно улыбаясь, поучала Аглая сынка.

— Petite, окликнула она тутъ же уходившую Ольгу,—ты не видѣла monsieur Зяблина сегодня?

— Нѣтъ, не видала, княгинюшка...

— Онъ вчера такъ рано исчезъ... И сегодня не прислалъ узнать о моемъ здоровьѣ... Il envoie tous les jours, vous savez... Je ne sais vraiment pas ce qu'il a? уже томно промолвила она и даже глаза опустила.

Бойкая дѣвица, добывъ картонъ у „Lucrèce", приказала нести его за собою и отправилась къ Линѣ.

---

*) Воръ.
**) Большой ящикъ.

Она не все сказала княгинѣ: она не только видѣла „le jeune comte“, она говорила съ нимъ; она не „нечаянно“, — она въ предвидѣнномъ чаяніи встрѣтиться съ нимъ очутилась въ этомъ „корридорѣ“ въ нижнемъ этажѣ, соединявшемъ сѣни съ покоями, отведенными графу, и вдоль котораго расположены были комнаты назначавшіяся для дамъ, — удобное въ ея разсчетахъ объясненіе, „въ случаѣ чего“, ея присутствія тутъ... Какъ ни храбрилась въ минувшую ночь Ольга, какъ даже силою воли ни заставила себя заснуть она по возвращеніи изъ сада, но сонъ ея отозвался пережитою ею тамъ тревогой. Стукъ графской коляски поднялъ ее въ седьмомъ часу утра. Окна ея выходили на дворъ. Она присѣла къ одному изъ нихъ, за занавѣсъ. Черезъ нѣсколько времени она увидала старика, направляющагося къ дому съ княземъ Ларіономъ; вскорѣ за тѣмъ Анисьевъ, въ каскѣ съ развѣвающимся плюмажемъ и въ шинели, накинутой на плечи, прошелъ черезъ дворъ въ сѣни главнаго корпуса... Ольга не вытерпѣла; она всегда дѣйствовала по какому-то вдохновенію, и теперь что-то будто шепнуло ей, что ей надо дать себя узрѣть и оцѣнить Анисьеву глазъ-на-глазъ прежде, чѣмъ „наѣдетъ толпа, и станутъ его рвать на всѣ стороны“... Она тотчасъ же приступила къ своему туалету безъ пособія горничной и черезъ полчаса скользнула въ сѣни, гдѣ не встрѣтила никого, кого бы могло изумить ея раннее появленіе. На ея счастіе, блестящій флигель-адъютантъ выходилъ почти въ ту же минуту отъ графа... Все вышло чрезвычайно удачно: еще на пути по довольно темному и не широкому корридору онъ увидалъ передъ собою въ падавшей изъ сѣнныхъ оконъ широкой полосѣ утренняго свѣта женское молодое, красивое существо, съ блестящими карими глазами, съ обнаженными до локтя полными руками подъ развѣвающимися, по тогдашней модѣ, рукавами. Ольга остановилась, какъ бы изумившись и какъ бы съ намѣреніемъ дать ему пройти. Онъ поспѣшилъ снять каску и сдѣлалъ быстро нѣсколько шаговъ впередъ, лѣпясь нѣсколько бокомъ къ стѣнѣ... У самаго входа въ сѣни они очутились другъ предъ другомъ...

— Pardon! низко наклоняя голову, проговорилъ Анисьевъ.

— Pardon! промолвила Ольга Елпидифоровна.—Вы кого-нибудь искали? невинно спросила она, пуская въ то же время въ ходъ свой возбудительный взглядъ изъ-подъ слегка прижмуренныхъ рѣсницъ.

— Нѣтъ, я возвращался отъ старика *графа*, пріятно улыбаясь на этотъ взглядъ, отвѣтилъ онъ,—и не знаю, право, тѣмъ-ли ходомъ?...

— Да, и этимъ можно; другой главный входъ прямо со двора. Я сама шла, хотѣла узнать s'il a tout ce qui lui faut, прибавила нарочно по-французски и нѣсколько небрежнымъ тономъ Ольга;—княгиня еще спитъ, разумѣется...

— А вы такъ рано?... Флигель-адъютантъ еще разъ пріятно улыбнулся, глядя уже во всѣ глаза на ея алыя губы, на пышныя очертанія ея плечъ, на ея матово-бѣлыя, обнаженныя до локтя руки...

„Вотъ онѣ у него *искорки!*“ мелькнуло радостнымъ сознаніемъ своей неизмѣнной „силы“ въ головѣ Ольги...

— *Я въ Петербургѣ, въ институтѣ*, поневолѣ должна была вставать рано, громко объяснила она, подчеркивая и Петербургъ, и институтъ,—привычка осталась. Я, кажется, видѣла васъ какъ-то *тамъ* у *насъ?* Когда государь пріѣзжалъ?...

— Очень можетъ быть! Мнѣ очень лестно, что воспоминаніе объ этомъ сохранилось въ вашей памяти, изящно пропустилъ нашъ полковникъ.

Она разсмѣялась во всю ширину своего рта: ты еще, молъ, настоящимъ образомъ моихъ бѣлыхъ зубовъ не видалъ!...

— А вы теперь къ намъ сюда надолго? уже совсѣмъ фамильярно обратилась она теперь къ нему;—не на сегодняшній только день?...

Лицо Анисьева приняло тотчасъ же холодное и сдержанное выраженіе.

— Не знаю, смотря по обстоятельствамъ, сухо отвѣтилъ онъ.

Но Ольгу Елпидифоровну трудно было приводить въ смущеніе сухими отвѣтами.

— А если обстоятельства будутъ *благопріятны?* протянула она, лукаво воззрясь на него.

— Для насъ-бѣдныхъ это будетъ значить, что вы будете къ намъ *благосклонны*, отшутился онъ осторожно, и со словами: „не смѣю болѣе васъ задерживать“ и новымъ учтивымъ поклономъ, проскользнулъ опять бочкомъ мимо нея въ сѣни...

„Изъ провинціальныхъ *амишекъ;* по штату фаворитка и чиновникъ особыхъ порученій хозяйки дома!“ опредѣлилъ себѣ точно и вѣрно положеніе нашей барышни въ Сицкомъ блестящій петербургскій воинъ, выходя на дворъ и надѣвая каску.—„Mais quel morceau de roi!“ подумалъ онъ тутъ же и медленно провелъ языкомъ по своимъ глянцовитымъ усамъ.—„Ее надо будетъ приручить“, рѣшилъ онъ за новымъ размышленіемъ,—„она, кажется, можетъ быть полезна“...

„У, какой же онъ долженъ быть *фейнеръ-кондитеръ*“, рѣшила въ свою очередь Ольга Елпидифоровна, оставшись одна. „А мнѣ *такіе* всегда нравились!“ И она на мигъ задумалась.—„А какъ глупа Лина предпочитать *такому* своего этого *профессора*!“...

Таковъ былъ итогъ размышленій бойкой дѣвицы, послѣ чего она опять, никѣмъ незамѣченная, вернулась въ свою комнату, раздѣлась и на этотъ разъ проспала какъ убитая до девяти часовъ.

XLI.

А теперь она шла съ „Lucrèce“ и ея картономъ къ Линѣ, сама держа въ рукѣ завернутый въ тонкую бумагу черепаховый бюваръ, недавній подарокъ ей самой Ранцова, но который она жертвовала именинницѣ, заказавъ на него предварительно въ Москвѣ золотой шифръ Лины подъ княжескою короной.

— A, la barischnia! услыхала она веселый смѣхъ, едва успѣла отворить дверь въ кабинетъ княжны;—кому ты здѣсь *глазенапы* пускаешь, говори скорѣй?...

Она узнала Женни Карнаухову, съ которою была довольно близка, такъ какъ до пріѣзда Шастуновыхъ въ Россію гостила разъ лѣтомъ у родителей ея въ подмосковной.

— Некому, душка, некому,—ты всѣхъ отбила! И она со смѣхомъ кинулась обнимать крупную княжну. — Lina, cher ange, вотъ вамъ отъ вашей maman,—она указала на картонъ,—а это мое скромное приношеніе... Она развернула свой бюваръ.

— Quelle magnificence! снова расхохоталась княжна Карнаухова, кидаясь разглядывать его.—Признайся, не сама купила? Кто далъ тебѣ, говори, кто?

Барышня наша не сконфузилась:

— И не купила, и дали, и тебѣ завидно, что изъ *твоихъ* никто тебѣ такихъ подарковъ не подноситъ! отшутилась она, смѣясь еще громче той.—Что взяла?

— Мы люди маленькіе, насъ обидѣть легко; гдѣ намъ противъ вашихъ глазенаповъ! возразила на это Женни, уже

слегка обиженнымъ тономъ.—И, главное, вѣдь я очень хорошо знаю *кто!* Вѣдь все тотъ же, „le capitan?“... Это у Толи Французъ, monsieur Lamy, ихъ такъ называетъ: „le capitan et la barischnia“, объяснила она Линѣ, которая между тѣмъ, взявъ бюваръ изъ рукъ Ольги, благодарила ее, цѣлуя;—и вообрази, эта дура до сихъ поръ не съумѣла *окрутить*ся съ нимъ!...

— Не *хотѣла*, а не „не съумѣла!“ презрительно сжавъ губы, отпарировала бойкая особа.

— И дура, дура, дура, тысячу разъ говорю, что дура!... Ah, ravissant, ravissant, ravissant!...

И съ этимъ крикомъ Женни бросилась со всѣхъ ногъ къ парижскому платью, которое опытная „Lucrèce“ приподымала осторожно въ эту минуту изъ картона. Она такъ и погрузилась жадными глазами въ разсматриваніе его рюшей и волановъ...

— Лина, шопотомъ сказала Ольга, воспользовавшись этимъ,—у меня есть къ вамъ секретъ... И она передала ей буквально порученіе княгини...

Печальная улыбка бродила по лицу Лины въ продолженіе этого разсказа.

— И все? спросила она, когда та кончила.

— Все...

Княжна тихо приподняла плечи:

— Maman, я удивляюсь, до сихъ поръ не можетъ понять, что это все не имѣетъ для меня никакой цѣны.

— Ну, признаюсь, заговорила было Ольга,—я бы на вашемъ мѣстѣ, кажется...

Она остановилась предъ холоднымъ, почти строгимъ, взглядомъ, который подняла теперь на нее Лина:

— А я васъ прошу, милая, если maman еще разъ заговоритъ вамъ объ этомъ, повторите ей мои слова: мнѣ не нужно никакихъ *парюръ*... а эту—она подчеркнула,—я надѣюсь *никогда* не получить... Вы моихъ другихъ подарковъ еще не видѣли? перемѣнила она тутъ же разговоръ и подошла къ большому столу, стоявшему посреди комнаты.

Рядомъ съ портретомъ покойнаго князя Михайлы помѣща-

лась теперь въ стоячей, тонкой работы золотой рамкѣ небольшая картина Месонье, въ одно, какъ въ большинствѣ его картинъ, лицо. Это былъ старикъ воинъ, въ одеждѣ временъ Тридцатилѣтней войны, остановившійся предъ образомъ Мадонны, вставленнымъ надъ низкимъ входомъ готической башни. Чувство мастерства исполненія почти невозможныхъ для масляной кисти деталей, отличающаго спеціально этого художника, исчезало почти здѣсь, чтобы дать всецѣло мѣсто впечатлѣнію, производимому выраженіемъ умиленія, разлитаго по всему облику стараго рейтара. Картина была прелестна...

— Это князя Ларіона даръ, я увѣрена, равнодушно сказала Ольга (она ничего не понимала въ живописи). — „Это онъ самого себя ей поднесъ, молится ей же, въ видѣ Мадонны, и ботфорты для этого на себя натянулъ“, мысленно договорила себѣ барышня и закусила губу, чтобъ удержать смѣхъ, пронимавшій ее при этой мысли.

— Да, дяди! подтвердила княжна, не отводя глазъ отъ холста.

— А это отъ кого? воскликнула Ольга, указывая на шесть богато переплетенныхъ въ синій муаръ томовъ съ надписью *Пушкинъ* и вензелемъ Лины на корешкѣ. „Офеліи отъ Эльсинорскаго двора“, прочла она вытисненное золотыми буквами на верхней обложкѣ перваго изъ этихъ томовъ.

Княжна съ блестящими глазами обернулась къ ней:

— Это мнѣ наши актеры прислали; такъ мило съ ихъ стороны!... Лучшаго подарка они мнѣ сдѣлать не могли.

Ольга развернула книгу и на первой бѣлой страницѣ прочла слѣдующее:

Отъ мрачныхъ грезъ души Гамлета
Зоветъ къ себѣ васъ міръ иной,
Онъ близокъ вамъ, онъ вамъ родной:
Княжна, вы „свѣтлаго“ поэта
Поймете *свѣтлою* душой!

— Ахъ, я помню, воскликнула она,—какъ вы какъ-то за кулисами разъ говорили, что у васъ въ переѣздахъ изъ-за границы пропалъ какъ-то Пушкинъ и что теперь изданіе все вышло, и вы не можете себѣ опять достать... И monsieur

Духонинъ еще восхищался вашему выраженію, что „Пушкинъ такой *свѣтлый*“... Это потому въ стихахъ у нихъ сказано... „*Профессоръ*, должно быть, сочинилъ, оттого она такъ и счастлива!“ подумала тутъ же барышня.

Она ошиблась: Гундуровъ былъ тутъ ни при чемъ. Мысль поднести Пушкина княжнѣ обществомъ всѣхъ актеровъ *Гамлета* принадлежала Духонину, который, не менѣе самого нашего героя, оцѣнивалъ „особенныя словечки“ княжны и взялся достать и велѣть переплести въ Москвѣ экземпляръ въ ту пору уже дѣйствительно почти ненаходимыхъ сочиненій поэта *). По его же мысли, каждый изъ участвовавшихъ въ подаркѣ приписалъ своею рукой къ печатному тексту, кто стихъ, кто строфу, кто цѣлое стихотвореніе Пушкина, не пропущенные тогдашнею цензурой въ печати, но которые тогда хранились въ памяти чуть не у каждаго. Молодые люди посвятили этой работѣ двѣ ночи сряду... Рукой Гундурова прибавлены были въ стихотворенію *Деревня* извѣстныя, опальныя тогда, строки:

Увижу-ль наконецъ народъ освобожденный
И рабство падшее по манію царя, и проч.

Ему же поручено было написать „посвященіе“ княжнѣ, но онъ не сладилъ съ нимъ: субъективное его чувство къ ней такъ и пробивалось наружу сквозь каждую накиданную имъ строку. Онъ это понималъ—и отказался рѣшительно... Попробовали было и Ашанинъ, и Свищовъ, но у обоихъ у нихъ все выходило водевильнымъ куплетомъ; ихъ забраковали. „Посвященіе“ скропалъ наконецъ землемѣръ Постниковъ, скромный молодой человѣкъ, благоговѣвшій предъ Линой, съ тѣмъ оттѣнкомъ противъ Факирскаго, что онъ видѣлъ въ ней не „Жоржъ-Сандовскую героиню“, а „святую изъ Чети-Миней“. Его стихи, не смотря на довольно плохія ихъ рифмы, были единогласно аппробованы, какъ выражающіе общее всѣмъ впечатлѣніе, производимое Линой, и за тѣмъ на вклеенномъ нарочито для этого въ книгу листѣ бристольской бумаги пе-

*) Перваго изданія.

реписаны имъ великолѣпнымъ писарскимъ почеркомъ, со всевозможными росчерками и украшеніями перомъ...

— И въ какой тайнѣ, смѣялась Ольга,—держали это они всѣ!...

Ей вспомнился при этомъ Ашанинъ... и тутъ же, невѣдомо какимъ процессомъ, пронеслось у нея въ головѣ и сказалось мысленно: „противный!“ Она сжала брови...

— Къ завтраку уже второй разъ звонили! доложила въ это время „Lucrèce“, бережно укладывавшая на стульяхъ, за отсутствіемъ дивана въ кабинетѣ княжны, ея новое платье.

— Надобно итти, тамъ ужь пріѣхали гости, сказала Лина.

На лѣстницѣ Женни Карнаухова пропустила ее впередъ и, задержавъ Ольгу за руку, прошептала ей на ухо:

— Говори, ты знаешь, *кѣмъ* она занята?

Барышня усмѣхнулась, подумала...

— Знаю! сказала она.

— Кто же, кто, говори!...

— Не могу. Угадай сама!

— И угадаю! воскликнула княжна,—а ты, дрянь, отъ меня секретничаешь!... Ну, а твой, „le capitan“, расхохоталась она опять,—здѣсь, разумѣется?

— Здѣсь! не могла не разсмѣяться и Ольга.

— Послушай, „la barischnia“, это я тебѣ серьезно теперь говорю, вспомни мое слово: tu est trop ambitieuse, — жалѣть будешь!

— Мое дѣло! отрѣзала на это дѣвица Акулина и побѣжала отъ нея въ догонку Линѣ.

XLII.

Въ столовой—Аглая Константиновна была уже тамъ,—никто еще не принимался за ѣду, ожидая новорожденную. „Эльсипорскій дворъ“ въ полномъ составѣ своемъ, съ королемъ-Зяблинымъ во главѣ, пошелъ ей на встрѣчу, едва показалась она въ дверяхъ. „Бригантъ“ шагнулъ торжественно впередъ, склонилъ голову, изящно, по-балетному изогнулъ руки и поднесъ ей въ богатомъ портбуке большой букетъ, кайму котораго составлялъ двойной рядъ бѣлыхъ розъ и лилій, а средина была набрана изо всѣхъ тѣхъ полевыхъ цвѣтовъ и травъ, которые называетъ и раздаетъ окружающимъ Офелія въ сценѣ своего безумія: васильки, павилика, ноготки, маргаритки, дикій тминъ...

— Bravo, monsieur Зяблинъ, charmant le bouquet, charmant! крикнула ему со своего мѣста княгиня.

Но, къ удивленію ея, онъ отвѣчалъ ей на это далеко не обычнымъ ему, холоднымъ, почти недовольнымъ взглядомъ, обвелъ затѣмъ глазами кругомъ, какъ бы приглашая всѣхъ ко вниманію, и, обращаясь къ Линѣ, не успѣвшей еще выговорить слова, началъ вдругъ на распѣвъ своимъ сладкимъ, напоминавшимъ о сдобномъ тѣстѣ, голосомъ:

— О роза майская, Офелія! О ты...

Это было совершенно неожиданно. Въ программѣ нашихъ молодыхъ людей Зяблинъ долженъ былъ поднести княжнѣ этотъ букетъ отъ имени ихъ всѣхъ, и только; никакой рѣчи при этомъ не предполагалось. То, что онъ былъ намѣренъ, по-

видимому, проговорить ей теперь, шло, значитъ, единственно отъ него лично, а между тѣмъ могло быть понято „остальною публикой“, какъ нѣчто сочиненное сообща, или, по крайней мѣрѣ аппробованное ими... Безпокойно, съ недовѣрчивою или насмѣшливою улыбкой на лицахъ переглянулись актеры...

— О роза майская, Офелія! О ты,
Прелестнѣйшій цвѣтокъ во всей подлунной,
Ты, что̀ тоску, и грусть, и самый адъ....

— Помилуйте, чуть не вскрикнулъ Чижевскій, — да это онъ прямо изъ моей роли валяетъ!

„Шш, шш!“ раздалось со стороны „публики“.

„Бригантъ“ будто и не слышалъ; онъ откашлянулся и невозмутимо повторилъ:

— Ты, что̀ тоску, и грусть, и самый адъ...

Онъ при этомъ показалъ рукою на грудь и пустилъ мрачнымъ взглядомъ по направленію Аглаи Константиновны.

— Все въ красоту одну преобразила,
Прими отъ насъ, прими сіи цвѣты,
Благоуханные,

и онъ провелъ рукою по лиліямъ и розамъ букета,

и свѣжіе, какъ ты!

закончилъ Зяблинъ, ткнувъ уже пальцемъ въ средину полевыхъ цвѣтовъ, и нѣжно остановилъ свои воловьи глаза на княжнѣ.

Успѣхъ привѣтствія превзошелъ всякія ожиданія его счастливаго автора. Крики „браво“ и рукоплесканія „публики“ слились съ громкимъ смѣхомъ молодежи,—но это уже былъ одобрительный, лестный для Зяблина смѣхъ...

— Очень, очень недурно-съ, говорилъ ему поощрительно Духонинъ, — и проговорено такъ щеголевато, съ этою свойственною вамъ круглотой манеръ, cette rondeur...

Зяблинъ скромно только раскланивался направо и налѣво.

— Вы меня извините, съ легкою ядовитостью отнесся онъ

къ Чижевскому,—если я позволилъ себѣ позаимствовать, дѣйствительно, нѣсколько выраженій изъ вашей роли Лаерта, почитая ихъ... подходящими къ сюжету. Но вы замѣтили, надѣюсь, что... не все же изъ вашей роли... Я, конечно, не Лермонтовъ...

— Помилуйте, я никогда васъ въ этомъ и не обвинялъ, хохоталъ въ отвѣтъ молодой чиновникъ, добродушно пожимая ему при этомъ руки...

— Il a vraiment beaucoup de talent, monsieur Зяблинъ! глубокомысленно отпустила, въ свою очередь, княгиня Аглая стоявшему подлѣ нея графу Анисьеву.

— Beaucoup, beaucoup! подтвердилъ флигель-адъютантъ, знатокомъ покачивая голову, — des images, de la pointe... de la pointe surtout! А у насъ вообще... мы какъ-то этого не умѣемъ... говорилъ онъ, внимательно слѣдя между тѣмъ взоромъ за Линой.

Она направлялась къ матери, не успѣвая отвѣчать по пути на привѣтствія и поздравленія, сыпавшіеся ей со всѣхъ сторонъ. Какъ въ туманѣ мелькнулъ предъ ней нѣсколько блѣдный, но спокойный, показалось ей, обликъ Гундурова!— она не смѣла поднять на него глазъ... Онъ также, поняла она, не пойдетъ къ ней, не станетъ привлекать на себя вниманіе въ эту минуту...

— Merci, maman, за вашъ подарокъ! Она нагнулась къ ея рукѣ...

— C'est une bagatelle, начала было Аглая Константиновна, съ намѣреніемъ по этому случаю сдѣлать дочери нѣкоторое внушеніе, но присутствіе Анисьева ее остановило:

— А графа ты не благодаришь? указала она на него съ умиленною улыбкой по его направленію,—онъ тебѣ, кажется, прислалъ...

— Очень вамъ благодарна! сказала ему Лина и медленно повела точеною своею головкой внизъ.

— А что же ты намъ его не покажешь, le cadeau du comte? уже игриво проговорила княгиня, перекидываясь отъ дочери къ молодому полковнику лукавымъ, въ намѣреніяхъ ея, взглядомъ,—voulez vous garder ses bonbons pour vous seule?

— О, безтолковая бабища! воскликнулъ мысленно флигель-адъютантъ, между тѣмъ какъ бѣдная Лина вся измѣнилась въ лицѣ...

— Княгиня, громко, почти рѣзко заговорилъ онъ,—я сгорѣлъ бы со стыда, если бы княжнѣ вздумалось обратить серьезное вниманіе на нѣсколько фунтовъ конфетъ, которыя я счелъ себѣ дозволеннымъ поднести ей, какъ дозволено это, кажется, сегодня каждому изъ вашихъ гостей? домолвилъ онъ съ большимъ тактомъ.—Ты видишь, я не навязываюсь! говорили прямо эти слова Линѣ.

Онъ второй разъ со вчерашняго дня выводилъ ее изъ труднаго, глупаго положенія, въ которое ставила ее маменька, и еще разъ должна она была заплатить ему за это благодарнымъ взглядомъ...

— Mais... j'ai dit cela pour plaisanter, mon cher comte! съ нѣсколько сконфуженнымъ смѣхомъ промолвила Аглая.— Mettons nous à table...

— Mam, J'm very angry! *) проговорилъ, подходя въ это время къ ней съ надутыми губами, князекъ, ея сынъ.

— Qu'avez vous, Basile?

— Зачѣмъ онъ,—Basile ткнулъ пальцемъ на усаживавшагося теперь за столъ Зяблина,— зачѣмъ онъ Линѣ подарилъ букетъ, когда я хотѣлъ?

— Что-жь такое; его твоему не мѣшаетъ? И княгиня подмигнула Анисьеву съ такимъ выраженіемъ, что „n'est ce pas comme il est gentil?“...

— У меня просто, а у него съ золотомъ! указалъ Basile на портбуке, который держала Лина въ рукѣ: — я не хочу, чтобы мой былъ хуже, я его бросилъ!

И онъ, чуть не плача, отправился на свое мѣсто...

— Здравствуйте, княгиня, поздравляю съ новорожденной!

— Ахъ, chère Jenny! громко удивилась хозяйка, — откуда вы?...

— Я сейчасъ вошла...

— А maman гдѣ?

---

*) Я очень сердитъ, мама.

— Она будетъ позднѣе. Меня привезъ братъ и уѣхалъ опять. Я уже давно здѣсь, разбудила pauvre Lina чуть не съ зарею, болтала и смѣялась княжна Карнаухова, посылая въ то же время дружескіе кивки знакомой молодежи по всему протяженію стола.—Они всѣ пріѣдутъ вмѣстѣ—и съ графиней Воротынцевой...

— La comtesse Tatiana Vorotintzef-Dariine? вся покраснѣвъ отъ радости, протянула Аглая во всю его длину имя этой звѣзды тогдашняго петербургскаго свѣта.—Она будетъ сюда? Изъ своего Дарьина? сегодня?

— Да! Она обожаетъ театръ. Maman ей говорила въ Москвѣ, что у васъ сегодня будетъ spectacle de société; ей ужасно захотѣлось, и maman сказала ей, что вы навѣрно будете очень рады, если она привезетъ ее къ вамъ...

— Votre mère est charmante comme toujours!... Да садитесь, Женни, chère... Гдѣ бы вамъ лучше?... Она уже и не знала, чѣмъ угодить, куда усадить это дорогую вѣстницу.

— Я вотъ сюда сяду, mercі! возгласила княжна и бухнулась на стулъ подлѣ Анисьева,—мѣсто, предназначавшееся въ мысли княгини ея дочери.

— Здравствуйте, графъ! заговорила тотчасъ же съ нимъ она:—не ожидали меня встрѣтить здѣсь?

— Тѣмъ для меня счастливѣе! отвѣчалъ онъ, учтиво наклонясь.

— А для меня тѣмъ удивительнѣе! возразила она со смѣхомъ.—Что вы здѣсь дѣлаете?

— Какъ что? Онъ, улыбаясь тоже, но холодными глазами поглядѣлъ на нее сбоку.—Какъ видите, собираюсь чай пить и любуюсь вашею вѣчною веселостью. Откуда вы ее берете?

— А вы воображали, можетъ-быть, что, увидавъ васъ здѣсь, я такъ и упаду въ обморокъ? Ошиблись! Вы не можете себѣ представить, напротивъ, какъ это мнѣ весело!...

Въ ея тонѣ было что-то, что заставило его насторожить уши.

— Что же васъ именно такъ веселитъ? спросилъ онъ.

— А то... Женни не договорила и опять принялась смѣяться.

— Давно вы знакомы въ этомъ домѣ? спросила она.

— Матушка моя очень дружна была съ княгиней за границей, счелъ нужнымъ объяснить онъ.

— И вы то же?

— Что я?

— Очень были дружны съ княгиней за границей? передразнила она его сдержанный тонъ.

— Я былъ представленъ ей нынѣшнею зимой...

— Гдѣ это?

— Въ Москвѣ.

— А! Это, когда вы у насъ такъ часто бывали?... И мнѣ объ этомъ тогда ни слова не сказали?...

— Я не смѣлъ воображать себѣ, отвѣчалъ блестящій полковникъ, пуская въ ходъ свою многозначительную улыбку,— что васъ можетъ такъ интересовать малѣйшій изъ моихъ faits et gestes...

— Ахъ, пожалуйста, вскрикнула Женни,—pas de ces airs de fat avec moi! Я нисколько въ васъ не влюблена!

— Я такою несбыточною надеждой и не льстилъ себя никогда!

— Ни я, отпустила она, взбѣшенная его хладнокровною улыбкой,—ни я... ни еще кто-то!...

— Кто же это *еще* могло бы быть? И онъ уже строго остановилъ на ней глаза.

— Не *оно*, а *она! Та*, для которой вы сюда пріѣхали! выложила ему на чистоту, смѣло выдерживая его взглядъ, крупная княжна.

„Ah, ah, cela devient sérieux!“ подумалъ флигель-адъютантъ, поводя кругомъ себя въ то же время неизмѣнившимся взглядомъ, между тѣмъ какъ Женни, отвернувшись отъ него, посылала, теперь уже слегка краснѣя, поклонъ головой и глазами Чижевскому, давно не отрывавшему отъ нея взгляда съ противоположнаго конца стола...

— Какъ хороша ваша картина, дядя, какъ я вамъ благодарна за нее! говорила, усѣвшись подлѣ князя Ларіона, Лина.

Она давно у васъ? спросила она,—и въ груди у нея болѣзненно заныло вдругъ: она только теперь, въ этомъ близкомъ разстояніи отъ него, при утреннемъ свѣтѣ, замѣтила, какъ страшно перемѣнился онъ въ эти немного дней... Кожа отвисла на впавшихъ щекахъ, угрюмо выступали посѣдѣвшія брови надъ будто убѣгавшими куда-то глазами, губы словно измѣнили своему прежнему тонкому рисунку и старчески опускались на углахъ...

— Мнѣ уступилъ ее Смирновъ зимой, отвѣтилъ онъ;—я до Мессонье небольшой охотникъ самъ... Но сюжетъ, выраженіе... Я себѣ тогда же сказалъ, что она тебѣ должна понравиться...

— Вы добрый, дядя! сказала тихо Лина, опуская глаза въ свою тарелку: ей было больно глядѣть на него...

— Ты мнѣ простила? спросилъ онъ ее черезъ мигъ еще тише и дрожащимъ голосомъ.

— За что?

— За вчерашнее?...

— Ахъ, дядя! могла только проговорить она.

— Будь снисходительна!... Тебѣ не понять... И слава Богу! точно спохватился онъ... Но сразу, вдругъ это... это тяжело...

Онъ старался улыбнуться, но рука его, державшая щипцы для сахару, никакъ не попадала въ сахарницу, словно не видѣлъ онъ ея, или пальцы его переставали уже повиноваться его хотѣнію.

Княжна взяла у него щипцы и наложила сахару въ его большую чашку.

— Спасибо!... Mon bâton de vieillesse!... И онъ засмѣялся, будто просыпаясь...—Я, кажется, вздоръ тебѣ какой-то несъ сейчасъ?... Дай срокъ,—выростемъ, поправимся какънибудь! договорилъ онъ, уже совсѣмъ овладѣвъ собою.

Графъ въ эту минуту показался въ дверяхъ столовой.

— Cher comte! возгласила хозяйка, вставая съ мѣста, — мы только-что сѣли.

Всѣ поднялись за нею...

— Садитесь, садитесь! выпятивъ впередъ губы и отмахи-

ваясь ладонями, любезно приглашалъ всѣхъ московскій правитель не прерывать для него завтрака.—Никогда не завтракаю! Зашелъ только поздравить новорожденную!... Милое дитя!...

И онъ своею быстрою, переваливавшеюся походкой пошелъ навстрѣчу спѣшившей къ нему Линѣ.

— Видите, какъ сказалъ, пріѣхалъ поздравить васъ! добродушно смѣялся онъ, пожимая и похлопывая своими пухлыми руками ея нѣжныя руки, — нарочно днемъ ранѣе изъ Нарцесова выѣхалъ!

— Я не знаю, какъ васъ за это и благодарить, графъ!

Онъ откинулъ ладони назадъ:

— Нѣтъ! Я очень радъ! Милое дитя!... А, шалунья! возгласилъ онъ, замѣтивъ быстроглазую Ольгу Акулину въ многочисленной группѣ „пулярокъ“,—Ольгу, которая до сей минуты, не отрывая взора, слѣдила издали за каждымъ движеніемъ изящнаго флигель-адъютанта.

Она вскинулась съ мѣста и побѣжала на голосъ старика. Она и въ немъ, повидимому, вызывала „искорки“: его китайское лицо размякло пуще прежняго; ладони принялись уже съ особеннымъ чувствомъ трепать и гладить ея всегда горячія руки...

— Очень радъ! Сегодня играть будете?

— Завтра, ваше сіятельство! отвѣчала она, поджимаясь и выпуская ему изъ-подъ рѣсницъ убійственнѣйшій *глазенапъ*, какъ выражалась Женни Карнаухова,—къ несчастію, только завтра!...

— Завтра? Не знаю!... Надо въ Москву!... Актеры все! засмѣялся онъ опять, обводя кругомъ стола своими узенькими глазами изъ-подъ словно-напухшихъ вѣкъ... — Ашанинъ! крикнулъ онъ, узнавая его,—пустомеля! Все шалберничаешь?

— Вашими молитвами, ваше сіятельство! комически отпустилъ ему въ отвѣтъ красавецъ, пользовавшійся почему-то особеннымъ расположеніемъ старика.

— Добрый малый! расхохотался тотъ, подмигнувъ невѣдомо къ чему при этомъ Ольгѣ Акулиной.

— Любезный графъ, обратился къ нему князь Ларіонъ

громкимъ голосомъ, со свойственною ему въ иныхъ случаяхъ нѣкоторою торжественностью,—позвольте воспользоваться вашимъ присутствіемъ въ Сицкомъ, чтобы представить вамъ одного изъ даровитѣйшихъ вашихъ московскихъ молодыхъ людей, о которомъ я впрочемъ уже имѣлъ случай говорить вамъ... Сергѣй Михайлычъ! обратился онъ къ изумившемуся Гундурову...

Онъ назвалъ его по фамиліи графу.

Молодой человѣкъ подошелъ съ нѣсколько нахмуреннымъ лицомъ. Ему крайне не нравилась эта неожиданная „выставка его на удивленіе публики“...

— Очень радъ! запѣлъ голосъ, — Ларіонъ мнѣ говорилъ. Профессоромъ *хочете* быть. Это хорошо! Отца зналъ! Майоръ, въ Клястицкомъ гусарскомъ полку служилъ. Веселая голова!

— Отецъ мой никогда въ военной службѣ не былъ, сказалъ Сергѣй.

— Не былъ? повторилъ графъ и тѣмъ же акаѳистомъ, какъ бы нисколько не принявъ это обстоятельство во вниманіе, продолжалъ о майорѣ-веселой головѣ:—подъ Фершампенуазомъ, вкатилъ себѣ лишняго,—и при этомъ графъ щелкнулъ себя пальцемъ по воротнику, — полѣзъ самъ-третей на Французовъ. Такъ его тутъ и положили... Хорошій малый былъ!... Очень радъ! сказалъ онъ еще разъ и подалъ Гундурову руку, — когда что нужно, приходи ко мнѣ! Что могу — сдѣлаю! Моя графиня будетъ очень рада. Актеръ!...

— Сергѣй Михайлычъ, я вполнѣ убѣжденъ, заговорилъ опять громко и какъ-то особенно отчетливо князь Ларіонъ, съ видимымъ намѣреніемъ, чтобъ его слышали,—принесетъ со временемъ честь и заведенію, гдѣ онъ получилъ образованіе, и городу, въ которомъ онъ родился. А потому, любезный графъ, нашъ стариковскій долгъ прокладывать такимъ молодымъ людямъ дорогу, насколько это въ нашихъ средствахъ.

— Всегда готовъ, пропѣлъ старецъ. — Ну, а теперь прощайте, словно осѣняя присутствующихъ своими поповскими ладонями, повелъ онъ ими кругомъ,—гулять иду... Знакомыя мѣста! Съ графомъ Барклаемъ (онъ тогда еще княземъ не

былъ,) въ Одиннадцатомъ году были здѣсь у твоего старика, продолжалъ онъ пѣть знакомую пѣсню князю Ларіону, провожавшему его до дверей...

Князь вернулся на свое мѣсто, подлѣ племянницы.

— Ну что, „поправились?“ спросилъ онъ ее съ почти веселою усмѣшкой.

— Онъ этого стоитъ, дядя, проговорила чуть слышно Лина.

Онъ не отвѣчалъ: онъ съ большимъ усиліемъ подавилъ вздохъ, вырывавшійся у него изъ груди...

А слова его между тѣмъ обратили на Гундурова общее вниманіе.

— Скажите, княжна, зашепталъ сосѣдкѣ своей графъ Анисьевъ, — кто этотъ фениксъ, отъ котораго, повидимому, Россія должна ждать себѣ спасенія?

— А вамъ ужь и досадно, что не отъ васъ однихъ? отрѣзала ему Женни, оборачиваясь.

Онъ помолчалъ.

— Не объясните-ли вы мнѣ, спросилъ онъ затѣмъ, — за что на меня ваши гнѣвы?

— Я вамъ сказала: я самонадѣянности не сношу.

Флигель-адъютантъ тонко улыбнулся.

— А господинъ Чижевскій не самонадѣянъ? Онъ едва замѣтно мигнулъ въ сторону молодаго человѣка, продолжавшаго переглядываться съ княжною; онъ нѣсколько знакомъ былъ съ нимъ въ Москвѣ.

Женни вспыхнула. Онъ не далъ ей время отвѣтить:

— Или это, можетъ-быть, проронилъ онъ лукаво-невиннымъ тономъ,—съ одобренія княгини, матушки вашей?

— Я васъ терпѣть не могу! чуть не взвизгнула пылкая княжна.

— Вотъ ужь до чего! протянулъ онъ тѣмъ же тономъ.

— Да, да, я не шучу... и...

— Что „и“?... Онъ глянулъ на нее изподлобья.

— Я вамъ это докажу, храбрилась Женни.

Анисьевъ улыбнулся опять:

— Благодарю. Я это запишу себѣ въ книжку.

— Что вы запишете?

— Я вотъ, изволите видѣть, княжна, очень аккуратенъ: кто что мнѣ и я что кому долженъ, веду счетъ до малѣйшей подробности... и никогда не забываю, добавилъ онъ уже безъ смѣха.

Женни покосилась на него:

— Вы мстить мнѣ собираетесь?

— Fi donc! И онъ красивымъ движеніемъ провелъ рукой по усамъ: — кто же „мстить?“ Раз-чи-ты-ваются, объяснилъ придворный воинъ.

Образъ грозной мамаши мелькнулъ въ головѣ расходившейся дѣвицы. Анисьевъ, она знала, могъ быть опаснымъ врагомъ для каждаго. „У нихъ въ домѣ съ нимъ возились, какъ съ дорогимъ сокровищемъ какимъ-то... И у папа съ нимъ какіе-то счеты... Maman никогда бы не простила, если бы“...

Княжна вдругъ ужасно перепугалась...

— Зачѣмъ вы со мною не откровенны? уже дружески ему улыбаясь, сказала она:

— А вамъ откровенность требуется и съ моей стороны?

Она поняла:

— Съ той—никакой нѣтъ, живо проговорила она.

— Будто?

— Она такая! подтвердила Женни, кивая.

— Почему же вы... знаете, что...? не досказалъ онъ.

— Догадываюсь...

— И... и кто же? не сейчасъ спросилъ онъ опять.

— Не знаю рѣшительно.

— „Не феникъ-ли ужь этотъ по ученой части?“ мелькнуло въ головѣ флигель-адъютанта:—„чего добраго! У нихъ въ Москвѣ и этотъ людъ туда же, на равной ногѣ со всѣми.“ И брови его на мигъ презрительно сжались. — И никто не знаетъ? вымолвилъ онъ какъ бы вскользь, но все тѣмъ же шопотомъ.

— Вотъ эта, кажется, знаетъ, отвѣчала также княжна,— противъ насъ, наискось... въ волосахъ пунцовая роза, выдала она Ольгу Елпидифоровну. Смѣтливая барышня поймала на-лету обращенный на нее взглядъ и многозначительно

улыбнулась: она давно угадывала, о чемъ у нихъ идетъ рѣчь...

— А, эта хорошенькая?

— Quel homme vous faites! вскликнула Женни:—съ вашими теперешними намѣреніями, а „хорошенькія“ все также у васъ на умѣ...

— Эхъ, княжна, языкъ мой — врагъ мой, наставительно замѣтилъ ей на это осторожный полковникъ, озираясь...

— Ничего, никто не слышитъ... Я предваряю васъ, сочла нужнымъ сообщить ему Женни, — она пребольшая кокетка. Отецъ ея исправникъ въ нашемъ уѣздѣ...

— Il me semble, что вы будто ссоритесь avec le comte, Jenny? крикнула ей со своего мѣста хозяйка дома съ искусственнымъ смѣхомъ: ее безпокоила эта продолжительная и, какъ ей казалось, слишкомъ „интимная“ бесѣда Женни съ блестящимъ Петербуржцемъ. Она сѣтовала на то, что онъ, „par politesse exagérée“, уступилъ мѣсто подлѣ нея, хозяйки, одному старику изъ „menu fretin“, а самъ усѣлся подалѣе и теперь болтаетъ съ этою княжной, „qui n'a pas le sou de dot“, нисколько не стараясь быть „assidu près de Lina, ma fille“...

— Мы толкуемъ съ нимъ о разведеніи цыплятъ, бойко отвѣтила ей на это княжна Карнаухова,—это мое спеціальное занятіе у насъ, въ Высокомъ.

— Toujours le mot pour rire, снисходительно ухмыльнулась княгиня Аглая и поднялась изъ-за стола.

XLIII.

Анисьевъ чувствовалъ, что „невозможная маменька“ такъ и ждетъ случая „аккапарировать его, какъ вчера“, а этого онъ боялся теперь пуще всего. Кромѣ раздирающей душу скуки, „отъ которой“, какъ выражался онъ мысленно, „можно изъ окна выскочить, а если останешься живъ, первому на улицѣ встрѣчному закатить въ рожу со злости“, — онъ ясно понималъ теперь, что ея назойливое покровительство портило его дѣла хуже всякаго чаемаго имъ соперничества... А что соперникъ ему былъ, въ томъ онъ уже не сомнѣвался. Вопросъ состоялъ теперь только, „насколько серьезенъ этотъ еще невѣдомый ему ривалъ“. Насколько могло быть серьезно чувство самой княжны, его пока мало заботило: „съ этимъ справиться всегда успѣешь“, говорила ему его ранняя житейская опытность...

— А пока уйти скорѣе и подалѣе отъ этой дуры, рѣшилъ онъ.

И, едва успѣла она встать, онъ, какъ за ширмы, скользнулъ за широкую спину старика-сосѣда и исчезъ изъ вида Аглаи прежде, чѣмъ успѣла она объ этомъ догадаться.

— Гдѣ здѣсь курятъ? спросилъ онъ съ учтивою улыбкой незнакомаго ему молодаго человѣка, вышедшаго за нимъ изъ столовой.

Это былъ Свищовъ.

— Гдѣ прикажете, поспѣшилъ отвѣтить онъ съ польщеннымъ чувствомъ: — тутъ, въ домѣ, внизу хозяйка намъ fumoir устроила, но мы больше въ саду куримъ, „подъ сводомъ неба голубымъ“...

— Что же, и прекрасно въ саду: погода чудесная!

Анисьевъ направился къ лѣстницѣ.

— Прикажете папироску?

— Благодарю васъ, у меня свои, сказалъ флигель-адъютантъ, не оборачиваясь.

Свищовъ тѣмъ не менѣе побѣжалъ за нимъ...

— Ну, ma chère, шептала между тѣмъ на ухо Лины, подбѣжавъ къ ней, княжна Карнаухова,—онъ, кажется, догадывается.

Брови Лины сдвинулись:

— Кто? О чемъ?

— Жоржъ Анисьевъ... о... о твоемъ,—ну, ты знаешь о комъ... Ты вѣдь не назвала мнѣ его?...

— Женни, сказала княжна,—разъ навсегда я прошу тебя мнѣ ни о чемъ подобномъ не говорить никогда!...

— Ахъ, ma chère, если это тебѣ не пріятно, вскликнула обиженнымъ голосомъ та,—сдѣлай милость! Для меня же лучше, одною заботой меньше!

И, быстро обернувшись, она тутъ же вскрикнула и расхохоталась, чуть не стукнувшись лбомъ съ Чижевскимъ, который давно, не менѣе чѣмъ она сама, сгоралъ желаніемъ „flirter un peu“ съ нею и подкрадывался къ ней для этой цѣли...

Въ дверяхъ столовой Лина, въ свою очередь, очутилась подлѣ Гундурова. У обоихъ у нихъ забилось при этомъ радостно сердце, какъ бы при встрѣчѣ послѣ долгой разлуки. Оба они, будто по командѣ, одновременно опустили глаза...

— Я Софью Ивановну за завтракомъ не видала; вы не знаете, что съ нею? торопливо проговорила она.

— Поздно встала и жалуется, что голова тяжела, сказалъ онъ.

— Я пойду ее навѣстить.

— Вы пойдете?... Надежда Ѳедоровна сидитъ у нея...

— Такъ что же?

Онъ не отвѣчалъ. Онъ не могъ себѣ дать отчета, для чего онъ это сказалъ. Ему только смутно казалось, что въ эту ми-

нуту, когда будетъ у тетки Лина, лучше, если бы не было тамъ Надежды Ѳедоровны...

Лина мелькомъ скользнула взоромъ по его лицу и прошла мимо.

Онъ пошелъ за остальными на балконъ, въ садъ... Вальковскій гудѣлъ уже тамъ, отфыркиваясь и отплевываясь отъ только-что сдѣланнаго Ашанинымъ предложенія „итти сейчасъ на сцену и прорепетовать кое-какіе слабыя сцены.“ Старый театральный мудрецъ и суевѣръ, онъ прежде всего почиталъ, что репетиція въ день спектакля „приноситъ несчастіе,“ а затѣмъ утверждалъ уже весьма основательно, что, хорошо или дурно пойдетъ эта репетиція, она уже тѣмъ вредна спектаклю, что утомитъ заранѣе актеровъ... Ашанинъ зналъ это также хорошо, какъ Вальковскій, но проповѣдовалъ теперь совсѣмъ иное. Онъ говорилъ, что вчерашняя репетиція *Гамлета* была нестерпимо вяла, что нужна непремѣнно еще одна, хотя бы не полная проба въ костюмахъ, чтобы не чувствовать себя въ нихъ „не собою“ вечеромъ, на спектаклѣ, и т. п. Дѣло въ томъ, что ему нужна была лично эта репетиція потому, что на нее придетъ Ольга Акулина, потому что онъ найдетъ тамъ минуту для объясненія съ этимъ „своенравнымъ созданіемъ,“—Ольга Акулина, съ которой произошло что-то необъяснимое, которая, видимо, съ неотразимымъ упорствомъ отводила отъ него глаза въ продолженіе цѣлаго завтрака, — Ольга Акулина, которая сейчасъ вотъ вскинулась и стремглавъ убѣжала отъ него прочь, когда онъ подошелъ къ ней, почти дрожа отъ волненія, онъ, Владиміръ Ашанинъ!... Какъ, думалъ онъ, едва коснувшись этой сладостной чаши, оторваться отъ нея навсегда! Не допить до дна того блаженства, когда на губахъ у него до сихъ поръ еще горитъ опьяняющій жаръ ея поцѣлуевъ?... И что это, что движетъ ее теперь: стыдъ, испугъ, досада... или, просто, одно изъ тѣхъ мгновенныхъ, капризныхъ, безсмысленныхъ противорѣчій, на которыя такъ падки женскія сердца, и съ которыми такъ легко и побѣдно справлялся до сихъ поръ московскій донъ-Жуанъ? Ашанинъ не узнавалъ самого себя: онъ былъ весь полонъ какой-то, давно ему ужь невѣдомой,

сердечной тревоги... „Да не влюбленъ-ли я ужь въ самомъ дѣлѣ?“ спрашивалъ онъ себя, вызывая на уста обычную ему насмѣшливую улыбку, но не находя въ то же время прежней насмѣшки въ глубинѣ своего существа...

Онъ горячо доказывалъ необходимость репетиціи и имѣлъ за себя большинство актеровъ: театральная зала въ Сицкомъ въ эти три недѣли успѣла сдѣлаться для нашей молодежи какимъ-то отечествомъ, которому служили они вѣрой и правдой: провести все утро безъ этой службы представлялось уже имъ какъ будто страннымъ...

„Фанатикъ“ отбивался и руками, и ногами, и ругалъ пріятеля „Володькой-безобразникомъ“ и „бревномъ несмыслящимъ“, къ великой потѣхѣ окружающихъ.

— По-моему, вмѣшался въ споръ Духонинъ,—*Гамлета* и точно надо оставить въ покоѣ до спектакля. Но вотъ на счетъ *Синичкина* (онъ игралъ въ немъ князя Вѣтринскаго,) я ужь не знаю... Неужели мы его еще разъ до завтра не прорепетуемъ?...

— Это значитъ, желчно отпустилъ на это „фанатикъ“,— изморись какъ собака утромъ на *Львѣ Гурычѣ*, а вечеромъ выходи вамъ бравымъ молодцомъ въ Розенкранцѣ?

— Такъ для тебя же выгоднѣе! Спустишь жиру съ костей, красивѣе станешь! поспѣшилъ замѣтить ему Ашанинъ, тотчасъ же сообразившій, что Ольга, игравшая главную женскую роль въ *Синичкинѣ*, обязана будетъ непремѣнно притти на репетицію.

— А и то, подумалъ „фанатикъ“, мегриръ фунтика еще на два не мѣшаетъ!...—Пожалуй, сказалъ онъ, какъ бы снисходя къ общему желанію,—*Льва Гурыча* репетичку сварганить можно черезъ часокъ времени.

Гундуровъ не слушалъ эти пренія. Закинувъ руки за спину, опустивъ голову, онъ кружилъ медленно и безшумно, какъ кружатъ звѣри въ клѣткѣ, все по одному направленію, кругомъ высокобившаго по случаю праздника фонтана въ саду, близъ котораго держали совѣщаніе его товарищи по театру. Въ немъ зрѣло какое-то намѣреніе, какое-то, видимо, не легкое для него рѣшеніе. Движеніе не вызывало крови къ его

Имп. С. Б. Ун.

лицу; она, напротивъ, вся будто приливала теперь къ его сердцу, и молодой человѣкъ безсознательно уже нѣсколько разъ подносилъ къ нему руку, какъ бы желая остановить его нестерпимое біеніе...

Онъ вдругъ остановился, поднялъ голову, сверкнулъ загорѣвшимися глазами и быстрымъ шагомъ направился по аллеѣ къ дому.

— Куда ты, Сережа? крикнулъ ему вслѣдъ Ашанинъ.

— Надо! коротко отвѣтилъ онъ, вбѣгая на мраморныя ступени балкона...

— Все это видѣлъ и слышалъ курившій тутъ же въ аллеѣ на скамьѣ „Жоржъ“ Анисьевъ, между тѣмъ какъ Свищовъ, стоя предъ нимъ и пуская дымъ своей сигары вверхъ, какъ бы не смѣя примѣшивать ея плебейскаго запаха къ аристократическому благовонію флигель-адъютантской папироски, передалъ ему съ грубымъ хохотаньемъ и подергиваньемъ плечъ о прелестяхъ нѣкоей „Марьи Ивановны“, танцовщицы, сводившей съ ума всѣхъ тогдашнихъ московскихъ балетомановъ...

— Ахъ, за тебя, Марія,

читалъ онъ нараспѣвъ посвященные этой очаровательницѣ однимъ изъ ея поклонниковъ стихи:

Ахъ, за тебя, Марія,
Пойду въ пономари я,
И гряну съ колокольни
Во всѣ страны околь...

— Это господинъ Гундуровъ, если не ошибаюсь? безцеремонно прервалъ его на полусловѣ петербургскій воинъ.

Свищовъ небрежно закинулъ голову за плечо:

— Онъ самый!...

— Готовитъ себя въ профессоры, кажется?...

— Да... изъ педантовъ!... *Les femmes savantes* Мольера помните? припуталъ невѣдомо къ чему Свищовъ.

Анисьевъ помолчалъ, закурилъ новую папироску:

— Гундуровы, вѣдь это, кажется, старая дворянская фамилія? какъ бы проронилъ онъ затѣмъ.

— Отъ Михаила будто Черниговскаго родъ ведутъ... А я, по рожѣ его судя, такъ полагаю, что развѣ отъ Чухны какого-нибудь! хихикнулъ нахалъ.

Брюзгливая усмѣшка скользнула ему въ отвѣтъ по лицу флигель-адъютанта:

— И состояніе есть?

— Прекрасное; въ нашемъ уѣздѣ душъ пятьсотъ незаложенныхъ... Въ рубашкѣ родился, болванъ! ругнулъ по этому случаю Гундурова Свищовъ, вспоминая, что назначавшіяся на уплату процентовъ за его собственное имѣніе въ опекунскій совѣтъ деньги проиграны имъ были недавно Волжинскому, и сердито швырнулъ въ цвѣты свою еще недокуренную сигару.

— Въ здѣшнемъ домѣ его, повидимому, очень цѣнятъ? тонко ухмыляясь и взглянувъ на него вскользь, пропустилъ полковникъ.

— То-есть, это вы полагаете по тому, что̀ сказалъ о немъ графу князь Ларіонъ Васильичъ! Такъ мало-ли что̀ онъ говоритъ! На то „онъ дипломатъ и языкомъ владѣетъ, чтобъ мысль свою таить“, пропѣлъ Свищовъ изъ какого-то водевиля:—а суньсяка вотъ тотъ къ нему съ чѣмъ-нибудь серьезнымъ...

— Съ чѣмъ же, напримѣръ? небрежнымъ тономъ спросилъ его собесѣдникъ.

Свищовъ осторожно оглянулся...

— Да хоть бы насчетъ сегодняшней новорожденной, сказалъ онъ, подмигивая.

— А! А развѣ?...

— Какъ же! Чортъ ему не братъ! Млѣетъ! Млѣемъ-то, по правдѣ сказать, всѣ мы соборнѣ, прервалъ себя Свищовъ,— поводъ пріѣзда Анисьева въ Сицкое былъ ему вѣдомъ, какъ и всему дому, и онъ считалъ нужнымъ отозваться какъ можно лестнѣе о княжнѣ предъ такимъ „претендателемъ“,—потому она дѣйствительно дѣвушка...

— Безподобная, сколько я понимаю! поощрительно подсказалъ придворный воинъ.

— Да-съ! Первый сортъ жёнь-персонъ и—въ нѣкоторомъ

родѣ Жуковскаго *Ундина!* разразился своимъ грубымъ смѣхомъ тотъ...—И мы всѣ, говорю, соборнѣ, предъ нею головами во прахъ, млѣемъ, знаете на благородномъ, такъ сказать, разстояніи... Ну, а онъ, губа-то не дура, въ серьезъ лѣзетъ!...

— Вотъ какъ! добродушно уже смѣялся Петербуржецъ.— И ему благосклонно внимаютъ? разсѣянно проговорилъ онъ, сощелкивая пальцемъ съ рукава упавшую на него табачную золу.

Свищовъ пріостановился отвѣтомъ: онъ соображалъ, что могло быть для него выгоднѣе: успокоить, или настращать этого блистательнаго „петербургскаго преторіанца“, съ которымъ ему страхъ какъ хотѣлось свести ближайшую дружбу...

— Это впрочемъ насъ не касается, нежданно для него заключилъ этотъ „преторіанецъ“, быстро подымаясь со скамьи:—дамскія тайны надо уважать, досказалъ онъ съ легкимъ смѣхомъ.

Онъ слегка потянулся, зѣвнулъ; его бѣлые зубы какъ-то весело при этомъ блеснули на солнцѣ изъ-подъ приподнятыхъ усовъ:

— Надо еще у себя кое-чѣмъ заняться!...

И, небрежно приподнявъ фуражку, онъ съ мѣста легкою и мѣрною походкой зашагалъ по аллеѣ, скрипя по песку лакированными сапогами.

Свищовъ только ротъ разинулъ.

XLIV.

Подъ нетерпѣливою, горячею рукой Гундурова дверь къ его теткѣ широко растворилась.

Надежды Ѳедоровны въ комнатѣ не было. На диванѣ предъ большимъ круглымъ столомъ сидѣла Софья Ивановна въ чепцѣ, съ невеселымъ лицомъ. Противъ нея, спиною къ двери, опираясь рукой о край стола, стояла Лина, собиравшаяся повидимому уходить.

Она обернулась на шумъ, увидѣла входящаго и поблѣднѣла, какъ листъ почтовой бумаги.

Онъ еще не выговорилъ слова, а она знала, зачѣмъ онъ вошелъ, чего онъ хочетъ, что̀ значило это еще невиданное ею на лицѣ его выраженіе.

И Софья Ивановна поняла тоже.

— Что̀ тебѣ нужно, Сережа? спросила она, вся выпрямляясь и хмуря брови, въ надеждѣ скрыть свое смущеніе.

Онъ какъ бы не слышалъ.

— Елена Михайловна, проговорилъ онъ едва дыша (онъ бѣгомъ, не останавливаясь, вбѣжалъ въ третій этажъ), между тѣмъ какъ она безсознательно ухватилась за рѣзную ручку стоявшаго подлѣ нея старомоднаго готическаго кресла и опускалась въ него, трепетная и безмолвная,—Елена Михайловна, повторилъ онъ,—то, что̀ я рѣшаюсь вамъ сказать... спросить васъ... Я нарочно при тетушкѣ... Она знаетъ... Въ этомъ недоумѣніи можно... можно съ ума сойти!

Онъ остановился передохнуть. Софья Ивановна подвинулась къ столу, судорожно прижимаясь грудью къ его краю и глядя на племянника широко раскрытыми глазами въ глаза.

— Тетушка все знаетъ, повторилъ онъ, — а я не могу... Эта пытка выше силъ моихъ. Я...

— Чего же ты хочешь, Сережа? лихорадочно волнуясь, не дала ему досказать Софья Ивановна.

Лина повернула къ ней голову, какъ бы приглашая ее не прерывать его. Эта минута—она была неизбѣжна. Рано или поздно, она знала, ей надо было пережить ея муку.

— До вчерашняго дня, началъ снова Сергѣй, дѣлая непомѣрныя усилія, чтобы совладать со своимъ, то-и-дѣло обрывавшимся отъ волненія голосомъ,—между нами не было сказано ни одного слова, Елена Михайловна. Но вы, вы не могли не знать... Съ первой встрѣчи, съ перваго, кажется, услышаннаго мною звука вашего голоса я... я былъ унесенъ... Я понялъ, что вы—и уже никто никогда болѣе въ жизни... Я не говорилъ... не смѣлъ, я не знаю, что̀ сильнѣе говоритъ во мнѣ: обожаніе или благоговѣніе мое къ вамъ! вырвалось у него съ неудержимою силой.

— Къ чему это, Сережа! съ мучительною тоской въ голосѣ попыталась прервать его опять Софья Ивановна, между тѣмъ какъ Лина, недвижная въ креслѣ своемъ, неотступно и жадно глядѣла на него.

— Оставьте... чуть слышно промолвила она.

— Но то, что̀ вы сказали мнѣ вчера, княжна, когда пріѣхалъ... этотъ... петербургскій... даетъ мнѣ право... Я понялъ, ваши родные выбрали, вызвали сюда этого человѣка... Но вы? ради Бога! говорите, вы сами?...

— Я не пойду за него, твердо произнесла Лина, не отводя отъ Гундурова своихъ глубокихъ, васильковыхъ глазъ.

— Не пойдете! вскрикнула Софья Ивановна и тутъ же испуганно воззрилась на племянника.

Онъ зашатался, какъ бы ошеломленный блескомъ молніи, мгновеннымъ блескомъ провидѣннаго сквозь тьму безконечнаго, лучезарнаго счастія.

Софья Ивановна вскочила съ мѣста. Лина откинулась въ спинку своего высокаго кресла и закрыла лицо обѣими руками.

Онъ совладалъ съ собою и безшумно опустился на стулъ

противъ нея, высоко дыша и съ судорожнымъ помаргиваніемъ вѣкъ, отъ котораго все предъ нимъ двоилось и какъ бы застилалось туманомъ; но голосъ его зазвучалъ ровнѣе, мысли цѣплялись послѣдовательнѣе одна за другую.

— Мы знакомы три недѣли, княжна, а для меня будто прошли года съ тѣхъ поръ, будто ни одного дня въ жизни не было у меня безъ васъ... Въ нашихъ разговорахъ съ вами, или если случалось мнѣ при васъ разсуждать съ другими, я чувствовалъ у васъ неизмѣнный откликъ на мои слова, на мои вѣрованія... Все въ васъ говорило мнѣ о сочувствіи, о довѣріи... А довѣріе, а любовь, Елена Михайловна, не это-ли называется счастіемъ на этой землѣ?

— Да перестанешь-ли ты! сама едва сдерживая слезы, топнула на него тетка:—погляди на нее!

Блѣдныя руки Лины недвижимо теперь лежали на ея колѣняхъ; она глядѣла на Гундурова съ выраженіемъ безмѣрной печали.

„Счастіе...“ Онъ смѣлъ говорить о счастіи!... Вся тщета его увлеченія говорила ему теперь въ этихъ помертвѣлыхъ рукахъ, въ этой безотрадности взгляда. Разговоръ его съ княземъ Ларіономъ припомнился ему разомъ отъ слова до слова.

Онъ кинулся къ ней.

— Елена Михайловна, ради Бога, неужели надежды нѣтъ?

— Попробуйте! проговорила она, все глядя и какъ бы не имѣя уже силы не глядѣть на него.

— Ваша матушка?...

Она тоскливо опустила голову внизъ.

— Послушайте, милые мои, вмѣшалась Софья Ивановна,— дѣло у васъ зашло такъ далеко... Господи, могла-ли я этого ожидать... такъ внезапно! Зашло такъ далеко... Пора объ этомъ поговорить толкомъ... Ахъ, ты моя дорогая, бѣдная,— не совладавъ съ собою, кинулась вдругъ Софья Ивановна на шею Лины и залилась слезами.

— Ну, довольно, довольно! Она также быстро откинулась отъ княжны, опустилась на свой диванъ, торопливо нюхнула ихъ своей золотой табакерки и съ полными еще слезъ глазами заговорила опять:—такія сцены никуда не годны; и очень

нужно было тебѣ! погрозила она пальцемъ Сергѣю. — А я вотъ что, моя дорогая, сдѣлаю, обратилась она опять къ княжнѣ,— я завтра же поговорю съ вашею матушкой. У нея могутъ быть, конечно, свои виды... Но скажемъ и такъ: Гундуровы вѣдь не съ улицы, не первые встрѣчные. Сережа родомъ Шастуновымъ не уступитъ. А богатства вашего, милая, ему не нужно, да и вамъ также, сколько я могла замѣтить. Вамъ на бѣдныхъ развѣ деньги нужны,—такъ? Такъ у насъ съ нимъ всегда на это найдется... А я всегда даже боялась большаго богатства для Сережи: совѣстно какъ-то, да и человѣкъ будто при немъ глупый становится, уже смѣялась Софья Ивановна.—Такъ я все это такъ завтра вашей maman и скажу!... Ну, а если она слишкомъ заартачится, я за князя Ларіона примусь; что бы онъ тамъ ни думалъ, а все же онъ пойметъ скорѣе, я такъ полагаю... Вы какъ думаете, милая?

— Дядя? сказала Лина, и слабый румянецъ зардѣлся на ея блѣдныхъ щекахъ:—онъ... да... онъ даже сегодня...

— Онъ васъ такъ любитъ!

— Да... любитъ, повторила она съ какою-то странною въ эту минуту задумчивостью.

— И если онъ будетъ знать... что это ваше желаніе?

— Онъ знаетъ.

— И что же?

— Онъ... Я надѣюсь... да, молвила княжна,—онъ будетъ говорить maman,

— И прекрасно! начала было Софья Ивановна.

Гундуровъ перебилъ ее,—въ душѣ его все сильнѣе теперь росла тревога:

— Елена Михайловна, ради Бога, скажите прямо: надѣетесь-ли вы на заступничество князя Ларіона Васильевича?

Она приподняла голову:

— Да, онъ заступится!...

— И... вы надѣетесь... съ успѣхомъ?

— Нѣтъ! сказала она.

— Нѣтъ?... У него сердце упало...—А... а тогда же что? пробормоталъ онъ, заикаясь...

„Вотъ оно когда пришло!“ мучительно сказалось въ душѣ Лины.

— Я противъ воли maman не пойду! услышалъ приговоръ свой Гундуровъ...

Въ глазахъ у него помутилось...

— Княжна! воскликнулъ онъ съ неудержимою страстью,— но какъ же жить тогда? Вѣдь плаха, вѣдь дыба, все легче этого!...

Лина, Лина!...

Дверь распахнулась. На порогѣ ея показалась запыхавшаяся Ольга Елпидифоровна.

— Pardon, madame! извинилась она, присѣдая предъ хозяйкою покоя и, быстро обѣжавъ взглядомъ присутствующихъ, угадывая въ общихъ чертахъ смыслъ произошедшей здѣсь сцены:—Lina, chère, васъ ищутъ по всему дому, княгиня сердится: пріѣхали Карнауховы, и съ ними эта петербургская графиня. Вотъ очаровательная женщина!... Пойдемте скорѣе, пойдемъ!...

И съ новыми „pardon, madame,“ и присѣданіемъ она ухватила изнемогшую отъ волненія и тоски Лину подъ талію, подняла ее почти силой изъ ея готическаго кресла и потащила съ собой изъ комнаты.

XLV.

Бывало, бывало,
Какъ все расцвѣтало,

слышалось изъ гостиной...

За роялемъ сидѣлъ Толя Карнауховъ, студентъ лѣтъ восемнадцати, и пѣлъ романсъ. „Музыкальность“ составляла одну изъ спеціальностей его семейства, вслѣдствіе чего даже эта вѣтвь Карнауховыхъ прозывалась въ Москвѣ „придворными фаготами“, въ отличіе отъ другой, захудалой ихъ вѣтви, члены которой носили плебейское прозвище „пучеглазыхъ“, „возковъ съ фонарями“—тожь... Толя пѣлъ съ необыкновеннымъ выраженіемъ; онъ то закатывалъ до бѣлка глаза свои въ потолокъ, то поводилъ ими кругомъ съ такимъ жалостнымъ видомъ, будто просилъ у слушателей милостыни; въ соотвѣтствіе съ этимъ и голосъ его, наусканно-страстный и хриплый не по лѣтамъ, то неистово дребезжалъ на недосягаемыхъ нотахъ, то изнывалъ до такого morendo, что можно было думать—пѣвецъ и впрямь вотъ-вотъ сейчасъ свалится, бездыханный, со стула...

Матушка его, извѣстная тогда princesse Dodo, домъ которой въ Москвѣ былъ, какъ называла она его сама, „un petit coin de Pétersbourg transporté à Moscou“, а какъ звала его дочь ея Женни (представлявшая собою вообще въ семьѣ элементъ протеста и мятежа) „подворье для петербургскихъ *акселькантовъ*“, — princesse Dodo, маленькая и сморщенная, подпершись рукой острый подбородокъ и опустивъ еще красивые глаза въ колѣни, покачивала въ тактъ пѣнію сына исхудалою головой, повязанною кружевной косынкой à la Fanchon.

„Trop de coeur, ce garcon"! вздохнула она, когда онъ кончилъ, оборачиваясь съ грустною улыбкой на давно изсохшихъ губахъ къ сидѣвшей подлѣ нея „петербургской графинѣ"...

„Весь въ меня; потому и я — trop de coeur!" словно говорили этотъ вздохъ, эта улыбка.

Она въ свое время славилась пикантною красотой и остроуміемъ. Петербургская уроженка, по смерти сановнаго отца, переселившаяся оттуда à contre-coeur съ матерью въ Москву, она оставила на берегахъ Невы довольно большое число родства и связей, „поддерживаніе" которыхъ составляло главную цѣль ея жизни... За мужа своего, богатенькаго отставнаго весельчака и картежника, вышла она по любви. Она принесла ему въ приданое свои „aboutissants à Pétérsbourg" и свои вѣчныя болѣсти, страшно ревновала его и употребляла всякія усилія и разсчеты устраивать ему по вечерамъ „выгодную партію", чтобъ удержать его дома при себѣ. Но легковѣрный „Лоло", князь Алексѣй, супругъ ея, находилъ средство измѣнять ей и въ теченіе дня, а по вечерамъ болѣе проигрывалъ, чѣмъ выигрывалъ; крупная и бунтующая Женни, не смотря на маменькины „aboutissants", уже четвертый годъ не находила себѣ мужа ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, а съ ея собственнымъ mal de dos самъ „прелестный Александръ Иванычъ Оверъ" ничего подѣлать не могъ... Princesse Dodo чувствовала себя глубоко несчастною... Одинъ Толя, старшій изъ ея сыновей, и нравственно, и наружно созданный ею во образъ свой и подобіе, котораго готовила она на службу „по дипломатической части", представлялся ей въ видѣ спасательнаго маяка, загоравшійся пламень котораго обѣщалъ ея вѣчно больному тщеславію заблистать на всю Россію никогда еще невиданными огнями...

— Trop de coeur, ce garçon! сказала она еще разъ, не дождавшись на первый отвѣта отъ своей сосѣдки.

— Gare l'anévrisme, ma chère! умѣряя мягкостью улыбки то, что по сущности должно было прійтись не по вкусу ея собесѣдницѣ, отвѣтила ей теперь графиня.

Это была въ самомъ дѣлѣ „очаровательная" женщина...

Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ она была *идоломъ* Петербурга въ полномъ значеніи этого слова. Въ ту эпоху замкнутости и нѣмоты ее всѣ знали: она была на языкѣ у всѣхъ, ее воспѣвали поэты, грезы молодежи полны были ею. Она была царицею, неоспоримою царицей граціи, изящества, моды. Отъ дворцовыхъ вершинъ и до бородача-купца, мимо котораго морознымъ яснымъ днемъ мчались ея сани по Невскому проспекту, все какъ бы чувствовало на себѣ обаяніе ея прелести, ея власти. „Графиня Воротынцева“—произносилось съ особенною улыбкой, какъ бы всѣмъ близкій, всѣмъ любезный лозунгъ... Разсказы о ней, ея мѣткія *слова* доносились до самыхъ глухихъ угловъ города, до далекихъ провинціальныхъ весей и селъ... Ея входа въ ложу ждали бывало въ театрѣ, какъ „букета“ въ фейерверкѣ, какъ нѣчто, безъ чего ни Bressant съ Louise Mayer въ „*Le démon de la nuit*“, ни эта сіяющая Михайловская зала съ ея дипломатами и министрами, съ ея свѣтскими и иными красавицами, не имѣли ни для кого ни смысла, ни цѣны, и слышно проносились сверху до нижнихъ ярусовъ, когда появлялась наконецъ она, шуршанье задвигавшихся рукъ и глухой лязгъ колецъ о бинокли, изо всѣхъ концовъ подымавшіеся на ту ложу... „Графиня Воротынцева“!...

А между тѣмъ ее даже нельзя было назвать *красавицей*, эту не высокую, смугловатую женщину, съ ея приподнятыми, какъ у сфинкса на углахъ, полустрастными, полунедовѣрчивыми темными глазами и неправильными чертами капризнаго лица... но прошло и пройдетъ еіце много лѣтъ, пока другой женщинѣ достанутся въ удѣлъ тотъ успѣхъ, тѣ дани восторженнаго поклоненія, то торжество очарованія, какія дано было испытать этой блистательной и быстро минувшей жизни... „Сердца неслись къ ея престолу“ не даромъ: она была живое существо среди окружавшихъ ее призраковъ и куколъ, и далеко отстоявшая отъ нея толпа угадывала, въ этой уносимой свѣтскимъ вихремъ женщинѣ, гордую независимость ея мысли, чувства и дѣлъ, и откликалась ей...

Годовой трауръ ея по мужѣ недавно истекъ. Она все время его провела въ своемъ Дарьинѣ, въ ста верстахъ отъ

Москвы, и въ первый разъ сегодня появлялась въ обществѣ. Она была одѣта очень просто, по-утреннему: въ лѣтнемъ, небѣленаго холста платьѣ, убранномъ лентами моднаго тогда цвѣта mauve, и съ такими же лентами на маленькомъ кружевномъ чепцѣ, приколотомъ надъ самою косой.

— Еще разъ, милый князь, говорила она сидѣвшему по другую ея сторону князю Ларіону,—какъ я рада васъ видѣть! Когда это вы оставили Петербургъ? Два года тому назадъ?... Два года! повторила она, и неуловимое чтò-то пробѣжало по ея лицу.—И встрѣчаемся сегодня здѣсь, въ тихой пристани, comme deux ermites, ayant renoncé à Satan, à ses pompes et à ses oeuvres? промолвила она съ невеселымъ смѣхомъ.

— Мнѣ давно пора, улыбнулся также невесело и князь, но вы...

— Я? Мнѣ тридцать шесть! F, i, fi, c'est fini! Къ тому же тамъ... Я никогда *туда* не вернусь! поспѣшила она досказать, какъ бы считая лишнимъ распространяться.

— Не шутя?

Она закачала головой:

— Никогда!

И странно зазвучало въ устахъ ея это восклицаніе. Въ немъ сказывалось какъ будто безповоротное и мучительное „прости“ этой исчезающей молодости, и горькая насмѣшка ея былымъ очарованіямъ, и не изсякнувшая жажда чего-то новаго, иного, еще неизвѣданнаго ею...

— А все же изъ „тихой пристани“ куда-нибудь да сбираетесь искать новыхъ бурь? спросилъ ее участливо и шутливо князь Ларіонъ:—въ какія же страны?

Она повела плечомъ:

— Chi lo sá!... *) Во всякомъ случаѣ туда, гдѣ солнце дольше грѣетъ и гдѣ дышать легче, примолвила она, освѣтивъ его горячимъ свѣтомъ своихъ умныхъ, говорившихъ глазъ.—Et vous, milord Walpole? спросила она, въ свою очередь, давая ему кличку, подъ которой онъ значился въ иныхъ петербургскихъ салонахъ.

---

*) Кто это знаетъ.

Появленіе Лины избавило его отъ скучнаго, чтобы не сказать тяжелаго для него, отвѣта... Бѣдная дѣвушка едва успѣла оправиться. Благодаря Ольгѣ Елпидифоровнѣ, быстро увлекавшей ее за собою по лѣстницамъ и корридорамъ, легкій румянецъ вернулся на ея щеки, исчезли слѣды слезъ...

— Madame la comtesse, voici ma fille que je me fais un honneur de vous présenter! съ паѳосомъ возгласила княгиня Аглая, которую князь „Лоло“, счастливый супругъ княгини Додо, потѣшалъ до сего какою-то нескончаемою московскою сплетней.

Все поднялось въ гостиной...

Графиня Воротынцева живо обернулась на своемъ креслѣ, увидала Лину и также быстро протянула ей обѣ руки.

Лина поспѣшила къ ней...

— Знаете-ли, что я васъ уже люблю! говорила ей гостья своимъ обаятельнымъ голосомъ, ласково, почти нѣжно глядя ей въ лицо и не выпуская ея рукъ.

— А васъ, графиня, вы знаете, васъ „не любить не возможно“! отвѣчала благодарно княжна двумя словами изъ извѣстнаго стихотворенія, вдохновленнаго этою прелестною женщиной,—одного изъ любимыхъ стихотвореній Гундурова.

Графиня весело замигала, продолжая любоваться ею:

— Non, vraiment, vous êtes charmante!... Садитесь подлѣ меня,—она со свойственною ей живостью откатила свое кресло назадъ и указала ей стулъ подлѣ себя,—поговоримъ!... И прошу намъ не мѣшать! замахала она Карноуховымъ, отцу и сыну, направлявшимся къ Линѣ съ цѣлью поздравленія со днемъ рожденія, между тѣмъ какъ Додо съ мѣста посылала ей ручкой въ тѣхъ же цѣляхъ привѣтственно-сердечные по намѣренію, но кисло-печальные по исполненію поцѣлуи.—Она знаетъ, что вы имѣете ей сказать, и благодаритъ васъ de confiance...

Папаша съ сыномъ расшаркались издали, смѣясь, и отошли: папаша — къ кому-то изъ сосѣдей, сынокъ — къ Ольгѣ Елпидифововнѣ, усѣвшейся за роялемъ, откуда она могла свободно и незамѣтно изучать каждое движеніе и каждую склад-

ку „неподражаемой петербургской grande dame“, какъ выражалась она о ней мысленно.

— Розалинда мечты моей, мой вамъ привѣтъ и поклоненіе! произнесъ, обращаясь къ Ольгѣ Елпидифоровнѣ, нараспѣвъ маленькій и тощій Толя, топырясь на высокихъ каблукахъ, которыми онъ молодцовато прихлопнулъ одинъ о другой, раскланиваясь предъ барышней.

— Ахъ, Боже мой, засмѣялась она:—съ какихъ это поръ я ваша Розалинда какая-то?

— Нынѣ, присно и во вѣки волковъ! отвѣтилъ Толя.

— Что такое?

— Не обращайте вниманія! Это легкая побѣжка въ цвѣтникъ Шекспировскаго остроумія. Я теперь брежу Шекспиромъ! Я утопаю въ спиртѣ — разумѣй: духѣ — безсмертнаго Шекспира. Читали вы его *Love's labours lost*, о Розалинда?

— Какое это вы старье сейчасъ пѣли? перебила его Ольга:—могли бы подновить репертуаръ... И она принялась снова изучать „петербургскую графиню“. — Вотъ ужь прелесть женщина, можно сказать! восхищалась она громко.—Надѣюсь, что вы отъ нея безъ ума, какъ и я?

Толя приложилъ правую руку къ лѣвому боку и отпустилъ стихами:

На небѣ много звѣздъ прелестныхъ,
— Альдебаранъ и Вега есть,—
Кого-то межъ сестеръ небесныхъ
Укажетъ сердце предпочесть?

— Это вы, кажется, у Пушкина украли? спросила его барышня черезъ плечо.

— У геніальнаго, въ нѣкоторомъ родѣ, буржуа, Александра Сергѣева? Могимъ-съ! Прикажете у самой туманной Діаны носъ откусить? Тоже всегда, конечно, съ моимъ удовольствіемъ...

— Послушайте, Анатолій Алексѣичъ, вы мнѣ надоѣли, сказала Ольга;—je n'aime pas ce ton! примолвила она такъ, какъ въ ея воображеніи должна была бы сказать это на ея мѣстѣ „она, эта петербургская царица“. Вы скажите лучше: знаете ли вы графа Анисьева?

— Жоржа?

— Да, кажется, его Жоржемъ зовутъ.

— Онъ мой другъ! возгласилъ безбородый студентъ.—А вы къ чему спросили, убійственноокая Розалинда?

— Я съ нимъ познакомилась.

— Гдѣ?

— Здѣсь.

— Какъ здѣсь? вскрикнулъ онъ.

— Да, онъ вчера пріѣхалъ. И смышленая особа лукаво воззрилась на юношу. Она изъ прошлогоднихъ откровенностей ей Женни очень хорошо понимала, что пріѣздъ теперь Анисьева въ Сицкое „ножъ вострый“ для Карнауховыхъ, которыхъ она въ душѣ терпѣть не могла, и ликовала про себя.

Толя вытянулъ длинное лицо, просунувъ даже между губъ кончикъ своего языка и повелъ глазами въ сторону, гдѣ сидѣла его мать. Она, ничего, видимо, еще не зная объ Анисьевѣ, расточала свои любезности и, очевидно, насчетъ ея дочери, хозяйкѣ дома, подлѣ которой усѣлась она. Женни, бывшая тутъ же въ гостиной, степенно разговаривала со старичкомъ, армейскимъ генераломъ, бригада котораго расположена въ окрестностяхъ Сицкаго.

— А гдѣ же онъ скрывается, коварный мой, но сердцу милый другъ? обратился студентъ къ барышнѣ, уже успѣвъ наладить себя на прежній шутовской пошибъ.

— Не знаю. Онъ завтракалъ съ нами, потомъ изчезъ. Я сама удивляюсь...

— Позвольте же мнѣ, о Розалинда безумной мечты, направить къ нему крылья воздружества и подошвы нетерпѣнія!

— Ахъ, сдѣлайте милость! Ступайте, ступайте и приводите его скорѣй сюда!

Онъ прошелъ мимо сестры, кинулъ ей многозначительный взглядъ, на что она, понявъ, отвѣчала ему движеніемъ губъ: „что мнѣ, молъ, дѣлать“, и вышелъ незамѣченный изъ комнаты.

— Et vous n'êtes pas heureuse, vous savez? неожиданно для Лины сказалось у петербургской гостьи послѣ четверти

часа бесѣды, въ продолженіе которой она, не отводя внимательнаго взора отъ дѣвушки, изучала каждую черту ея лица. — Я васъ не спрашиваю—чтѳ, какъ, почему, поспѣшила она прибавить, — но счастливые такъ не смотрятъ, je m'y connais.

— Счастіе—призракъ, говорятъ, отвѣчала, нѣсколько смущенно улыбаясь, но вся уже обвороженная своею собесѣдницей Лина.

— Я знаю, что его часто принималась искать и никогда не находила... Но оно есть же гдѣ-нибудь! усмѣхнулась и графиня:—и если только справедливость существуетъ на этой землѣ, оно должно сыскать васъ... Послушайте, я надѣюсь, мы будемъ теперь часто видаться; обѣщайте мнѣ, еслибъ я вамъ когда-нибудь могла пригодиться... Но нѣтъ, прервала себя она вдругъ,—вы не изъ тѣхъ, которымъ нуженъ чужой совѣтъ: вы въ себѣ самой каждый разъ найдете... А знаете, какъ вы похожи на вашего отца! вскликнула прелестная женщина, не договоривъ:—я его знала, когда мнѣ были ваши теперешніе годы, и онъ, я помню, оставилъ глубокое впечатлѣніе въ моей молодой душѣ... Вы любили его?

— Я вся до сихъ поръ еще полна имъ! вылилось у Лины въ отвѣтъ.—И теперь приношу памяти его въ жертву счастіе всей моей жизни! невѣдомо, быть-можетъ, для нея самой сказалось въ ея отуманившемся взглядѣ.

Графиня не успѣла отвѣтить.

— Ah, notre cher comte! раздалось на всю гостиную ликующее восклицаніе Аглаи Константиновны:—мнѣ не нужно, конечно, представлять его вамъ, графиня? молвила она гостьѣ, указывая на входившаго въ сопровожденіи Толи флигель-адъютанта.

XLVI.

Это былъ настоящій coup de théâtre. Княгиня Додо чуть не откинулась навзничь. Князь Лоло какъ стоялъ, такъ и замеръ. Какъ это нерѣдко бываетъ въ свѣтѣ, почтенные супруги, безо всякихъ основательныхъ причинъ, возводя свое горячее желаніе на степень чего-то положительнаго и несомнѣннаго, убѣждены были, что Анисьевъ давно занятъ ихъ Женни и рано или поздно долженъ жениться на ней. Анисьевъ, какъ ни былъ онъ тонокъ и прозорливъ, не догадывался объ этомъ, въ самонадежномъ убѣжденіи, что Карнауховымъ и въ голову не можетъ притти разсчитывать для дочери-безприданницы на такую звѣзду первой величины, какою онъ почиталъ себя и, не остерегаясь, держалъ себя на пріятельской ногѣ съ „добрымъ малымъ“-Женни, которая забавляла его своимъ „московскимъ laisser-aller.“

Утренній разговоръ съ нею за завтракомъ и этотъ тотчасъ же имъ замѣченный переполохъ ея родителей при его появленіи поставили предъ нимъ положеніе въ совершенно ясномъ свѣтѣ. Онъ внутренно весь обозлился...

— Нужна была еще эта дурацкая компликація! пропустилъ онъ себѣ сквозь зубы, и, дружески по пути кивнувъ князю Лоло, также дружески, но съ оттѣнкомъ почтительности, должной женщинѣ, и сожалѣнія къ извѣстному mal de dos, склоняясь головой издали по адресу княгини Карнауховой, Анисьевъ, не моргнувъ на убійственный взглядъ, полученный имъ отъ нея въ отвѣтъ, прошелъ, свѣтелъ и улыбаясь, прямо къ креслу графини:

— Adorable comtesse, выговорилъ онъ громко, нагибаясь и цѣлуя ей руку,—если бы милосердые боги обѣщали мнѣ въ эту минуту безсмертіе, я бы, конечно, такъ не обрадовался, какъ встрѣчая васъ столь неожиданно здѣсь!

— Je le veux bien, засмѣялась она:—что бы вы съ нимъ сдѣлали, съ вашимъ безсмертіемъ?

— Я бы употребилъ его на сооруженіе храмовъ, гдѣ бы курились вамъ ѳиміамы de fleurs d'Italie до скончанія вѣковъ.

— Какая гадость! вскликнула графиня, un encens de coiffeur?

— Il est charmant ce jeune homme, n'est ce pas? Et tant d'esprit! уже вся расплываясь въ блаженствѣ, точно заворочала круглыми глазами Аглая Константиновна, обращаясь къ сосѣдкѣ въ невинности души своей.

Если-бъ еще хоть нѣсколько минуточекъ—и злополучная Додо успѣла бы можетъ-быть совладѣть со своимъ „trop de coeur...“ Но теперь, теперь... Нѣтъ, это было свыше силъ ея!

— Charmant! повторила она шипя:—жаль только, что у него триста тысячъ долгу! пустила она какъ стрѣлу въ сердце врага.

— Tant que ça! громко вскрикнула огорошенная на первыхъ порахъ Аглая...—„Elle ment! Она сама хочетъ выдать за него свою дочь,“ осѣнило ее какъ откровеніемъ тотчасъ же вслѣдъ за этимъ. И Аглая внезапно почувствовала себя глубоко оскорбленною:—конечно, c'est beaucoup—trois cents milles de dettes, избѣгая глядѣть на обидчицу и надменно приподымая губы, заговорила она,—si le comte вздумалъ бы взять pour femme une fille qui n'a rien... Но онъ всегда можетъ разсчитывать, что богатые родители...

Додо не дала ей кончить:

— Есть богатства, княгиня, отъ крѣпкаго духа которыхъ, отчеканила ей она,—долженъ отвернуться человѣкъ, s'il a seulement des nerfs tant soit peu délicats!

Бывшая посланница этого не ожидала. „Chez moi!...“ И въ эту минуту, когда сама „la comtesse Tatiana Vorotintzef-Dariine....“ Вся багровая, растерянная, какъ безпомощная

птица подъ неотразимымъ вліяніемъ змѣинаго взгляда, она повернула голову къ своей злодѣйкѣ...

Но змѣя выпустила свой ядъ и съ дрожащими еще отъ волненія побѣды ноздрями, забывъ свой mal de dos, бодрыми и быстрыми шагами направлялась теперь къ столу, за которымъ дочь ея занимала разговоромъ стараго и нѣсколько глухаго бригаднаго генерала.

— Какъ ваше здоровье? вызывая любезную улыбку на уста и возвышая голосъ, обратилась къ нему Додо. И тутъ же:—что̀, дождалась! шопотомъ отпустила она Женни.

Скромный генералъ привсталъ и сталъ кланяться.

— Что̀ супруга ваша, Марья Никтополіоновна? И, воззрясь опять ястребомъ на дочь:—je suis morte, а ты—pas plus de coeur qu'un marbre!

— Все печенью жалуется! вздохнулъ генералъ.

— Вы бы ей Маріенбадъ посовѣтовали; мнѣ долго помогало...—Я должна была высказать все, ce que j'ai sur le coeur, этой дурищѣ скверной,—а ты...

— „Господи, что̀ же это за мученье!“ подумала Женни.— Вы бы мнѣ хоть у чужихъ дали вздохнуть свободно! не выдержавъ, прошептала она маменькѣ, въ свою очередь, и съ громкимъ вопросомъ: „Ольга, будетъ у васъ репетиція утромъ?“ устремилась къ барышнѣ, предоставивъ maman Додо занимательной бесѣдѣ скромнаго, но глухаго генерала.

— Меня звали, но я отказалась, отвѣчала на ея вопросъ Ольга.

— Почему?

— Я въ себѣ увѣрена, а остальные какъ себѣ тамъ хотятъ!

— И они всѣ на репетиціи?

— Полагаю.

— La barischnia, душка, поведи меня туда! вскликнула Женни.

— Ничего нѣтъ интереснаго. Завтра увидишь настоящее представленіе...

— Нѣтъ, нѣтъ, приставала къ ней крупная княжна,— мнѣ именно теперь хочется... Завтра мы навѣрное здѣсь не останемся: хорошо, если она меня еще сегодня не увезетъ!—

она кивнула на мать....—Пойдемъ, Ольга, прошу тебя, поведи меня!

— Да для чего это тебѣ? спросила барышня, которой чрезвычайно не хотѣлось уходить теперь изъ гостиной, гдѣ, она надѣялась, ее пригласятъ пѣть,—а пѣніемъ ея, разчитывала она, должны были быть завоеваны ей разомъ два сердца: Анисьева и „очаровательной графини“.

— Я тебѣ прямо скажу, отвѣчала стремительно Женни:—я хочу кокетничать сегодня, кокетничать à mort. Je veux faire des bêtises, нà-зло, нà-зло ей!... Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ!... Мнѣ хочется видѣть Чижевскаго, шепнула она ей на ухо,—пойдемъ, la barischnia!

— Послушай, сказала, подумавъ, Ольга Елпидифоровна,—я пойду съ тобою, но только съ двумя условіями.

— Что такое, говори скорѣй!

— Во-первыхъ, не надолго...

— Хорошо, хорошо! Дальше?

— Во-вторыхъ, ты отъ меня не отойдешь: мы все время будемъ подъ руку.

— Это къ чему? вскрикнула Женни.

— Потому, сказала та, хмуря брови, — потому, что я не хочу, чтобъ одинъ человѣкъ говорилъ со мной вдвоемъ...

— Кто такой? Княжна такъ и заходила вся.—Кто такой, говори!

— Ты его не знаешь... Ашанинъ тамъ одинъ... нехотя промямлила Ольга.

— Какъ не знаю! Онъ только у насъ не бываетъ... Ашанинъ,—il est si beau, ma chère!...

— Да... но я... я не хочу...

— Что онъ тебѣ сдѣлалъ?... Ты вѣрно...

— Ничего не „вѣрно“! Ольга Елпидифоровна вспыхнула вдругъ:—не хочу просто... ну, надоѣлъ...

Женни расхохоталась:

— Богъ тебя знаетъ, какая ты сумасбродица! вскликнула она и, просунувъ руку подъ руку барышни, направилась съ нею къ двери, скользя одною ногой по паркету впередъ, какъ бы собиралась танцовать.

Анисьевъ такъ и сыпалъ блестками своей изысканной французской рѣчи, быстро, легко и искусно переходя отъ предмета на предметъ, отъ свѣжаго петербургскаго анекдота къ лорду Пальмерстону, отъ „интригъ“ президента тогдашней французской республики къ „impressions poétiques“, вынесеннымъ имъ изъ прошлогодней Венгерской Компаніи... Его оживленіе и веселость вызывали не разъ улыбку на устахъ графини Воротынцевой. Сама Лина индѣ безсознательно усмѣхалась... Графиня незамѣтно откатила еще немного свое кресло назадъ:—блестящій флигель-адъютантъ и княжна сидѣли теперь другъ противъ друга подъ ея наблюдательнымъ взоромъ... Но Анисьевъ самъ все видѣлъ, все наблюдалъ; чѣмъ „комплицированнѣе“ казалось ему теперь его положеніе, чѣмъ болѣе опасался онъ,—съ одной стороны, какой-нибудь „компрометтантной глупости“ отъ „невозможной маменьки,“ съ другой—неожиданной выходки отъ княгини Додо, „ругань“ которой съ хозяйкою дома онъ отгадывалъ теперь издали по возбужденному выраженію ихъ лицъ, — чѣмъ, наконецъ, затруднительнѣе для него, послѣ всего, что онъ успѣлъ узнать утромъ, представлялся ему „подходъ“ къ главной цѣли его стремленій, къ этой нѣмой и равнодушно глядѣвшей на него дѣвушкѣ съ ея такими же нѣмыми для него глазами,—тѣмъ беззаботнѣе будто и ровнѣй звучалъ его голосъ, тѣмъ сдержаннѣе и покойнѣе глядѣлъ онъ на нее, на свою петербургскую собесѣдницу.

Онъ разсказывалъ теперь о цыганскихъ оркестрахъ въ Венгріи, яркими красками описывалъ ихъ костюмъ, ихъ бронзовыя лица, ихъ „extérieur osseux et blême comme celui d'un fakir de l'Inde“... Онъ былъ въ восторгѣ отъ ихъ чардашей...

Графиня Воротынцева поводила молча своими умными глазами на него, на Лину, на ея мать, къ которой какъ бы на выручку подходилъ въ эту минуту словно изъ земли выросшій, мрачный и въ голубомъ галстукѣ „Калабрскій бригантъ“, на княгиню Додо, нервно позѣвывавшую отъ неостывшей злости и отъ пріятности бесѣды съ глухимъ генераломъ, потомъ опять на этого блестящаго офицера съ его гладко выстриженною головой, съ его приторно книжною

французскою рѣчью изъ-подъ лоснившихся усовъ... Ей было уже все понятно... Что-то невеселое, какъ бы отъ близкаго и тяжелаго воспоминанія, змѣилось по угламъ ея губъ...

— Вы еще не знаете Петербурга? неожиданно спросила она Лину, останавливая на ней взглядъ, полный какого-то болѣзненнаго участія:

Лину почему-то будто холодомъ обдало...

— Нѣтъ, сказала она.

— Такъ вотъ онъ предъ вами! разсмѣялась графиня, кивнувъ на Анисьева,—dans toute sa séduisante horreur!

Блестящій воинъ... Онъ засмѣялся тоже...

— Это по поводу чардаша въ Дебречинѣ пришла вамъ эта мысль, графиня? сказалъ онъ только сквозь этотъ смѣхъ.

— Oh, à propos de bottes! отвѣчала она, пожимая плечами.

— И какъ же должна понять княжна этотъ загадочный отзывъ вашъ о Петербургѣ и о насъ грѣшныхъ, все также небрежно улыбаясь, спросилъ онъ:—во хвалу или въ порицаніе?

— Разумѣется въ похвалу, насмѣшливо отвѣтила графиня,—иначе она и обо мнѣ должна была бы составить себѣ дурное мнѣніе: я такъ долго сама возилась со всѣми вами!...

Линѣ не нужно было этого указанія: она свѣжимъ чутьемъ своимъ чуяла, изъ какого міра былъ этотъ благоухавшій предъ нею цвѣтокъ, и бѣдное сердце ея ныло до измоги...

XLVII.

Въ театрѣ шла не репетиція, а какое-то вавилонское столпотвореніе. Звонъ, гамъ, трескотня, визгъ и гулъ какъ изъ трубы. Въ оркестрѣ прибывшіе еще за два дня до этого изъ Москвы музыканты строили свои инструменты, сжавшись кучкой по своему обыкновенію, стрекотали подлѣ него „пулярки“ съ дебелою „окружной“, игравшею Раису Савишну во главѣ, готовясь пройти свои куплеты во *Львѣ Гурычѣ Синичкинѣ*. Около нихъ вертѣлся пѣтушкомъ Шйгаревъ, напѣвая имъ подъ шумокъ всякія галантерейности, за что̀ то-и-дѣло получалъ колотушки по пальцамъ отъ руки рѣшительной Eulampe. Въ креслахъ слышался наглый смѣхъ Свищова, который громко повѣствовалъ тутъ же о томъ, какъ Шйгаревъ за каждую изъ такихъ колотушекъ получалъ будто отъ той же Eulampe по пяти счетомъ поцѣлуевъ въ ламповомъ чуланѣ за сценой, куда они будто бы убѣгали послѣ каждой репетиціи... Но его никто не слушалъ; сидѣвшіе съ нимъ рядомъ и кругомъ актеры орали каждый за себя, не понимая другъ друга. Надъ ними, подъ плафономъ, какъ тысяча колокольчиковъ, звенѣли хрустальныя стеклышки большой люстры, въ которую, взобравшись на высокія лѣстницы, слуги вставляли свѣчи. На сценѣ шлепали толстые сапоги рабочихъ, слышались крики „берегись!“ стукъ и скрипъ опускаемыхъ и уставляемыхъ деревянныхъ рамъ: ставили декораціи для *Гамлета*. Вальковскій, лютый какъ звѣрь, ругался съ бутафоромъ, не озаботившимся доставить ему шпоры на сапоги для его роли Розенкранца.

— Позвольте, успокоивалъ его, подбѣгая, другъ его, режиссеръ,—на что̀ вамъ шпоры? Сапоги со шпорами у однихъ Марцелло и Бернардо, потому что они на караулѣ внѣ дворца,—а во дворцѣ всѣ въ башмакахъ.

— А меня король въ Англію съ письмомъ посылаетъ, Гамлета казнить, забылъ ты, а? Такъ я въ Англію по-бальному поѣду, въ башмакахъ, а?...

Онъ такъ ревѣлъ, что на время все смолкло кругомъ — музыканты, рабочіе, „пулярки“, самая люстра съ своими звенящими стеклышками...

— Такъ все же-съ шпоры-то вамъ на что̀? доказывалъ режиссеръ.

— Какъ на что̀? На чемъ ѣздили-то тогда? Не въ мальпостѣ, чай? На лошадяхъ ѣздили, а?

— Въ Англію-то? Изъ приморскаго города?

Все, что̀ было тутъ, разразилось бѣшенымъ хохотомъ.

„Фанатикъ“ плюнулъ, выбранилъ себя „дурнемъ“ и ушелъ въ кулису.

— Господа, позвольте, свѣженькое, сейчасъ курочка снесла! закричалъ Шѝгаревъ, вскакивая ногами на парапетъ, отдѣлявшій оркестръ отъ креселъ, и обращаясь лицомъ къ залѣ:—сидѣлъ я за завтракомъ рядомъ съ однимъ здѣшнимъ помѣщикомъ, фамилія ему Мудрецовъ. Вы, говорю я ему, происхожденія, надо полагать, греческаго?—Какъ же, говоритъ онъ мнѣ на это съ-оника, — я происхожу, говоритъ, отъ двухъ греческихъ мудрецовъ, Кирилла и Меѳодія!

— Браво, браво! раздался новый неистовый смѣхъ.

Шѝгаревъ соскочилъ на полъ, раскланялся, замяукалъ покошачьи и вернулся за новыми колотушками къ Eulatpe.

Гулъ загудѣлъ съ новою силой.

Женни и Ольга, входя, заткнули себѣ инстинктивно уши.

Ихъ тотчасъ же увидѣли, подбѣжали... Чижевскій, суетившійся въ это время какъ-то особенно усердно подлѣ Глаши, смазливой горничной Лины, подъ предлогомъ пропуска ея въ кулисы съ картонами костюма Офеліи, которые она несла въ уборную своей барышни за сцену, отпрянулъ отъ нея, какъ

отъ чудовища, едва завидѣлъ крупную княжну и, состроивъ невинное лицо, пошелъ ей навстрѣчу.

Но она уже успѣла все замѣтить и тотчасъ же принялась его за это, что̀ говорится, *шпынять* и *жучить*. Она была на это большая мастерица. Чижевскій отшучивался, краснѣлъ, начиналъ сердиться, наконецъ, обернувъ противъ нея оружіе, принялся въ свою очередь дразнить ее Анисьевымъ.

— Ольгѣ Елпидифоровнѣ чужія „нѣжности“ были очень мало забавны. Но она не отымала руки своей изъ-подъ руки Женни; она давно видѣла, какъ, не глядя на нее и будто горячо о чемъ-то препираясь съ Факирскимъ, подвигался, не торопясь, къ проходу между креселъ лукавый Ашанинъ... „Вотъ-вотъ сейчасъ подойдетъ онъ ко мнѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, а самъ золъ, какъ чортъ“, думала она, „и начнетъ со смѣшковъ“...

Донъ-Жуанъ, дѣйствительно, былъ „золъ какъ чортъ“, золъ на себя за то, что у него теперь ныло и клокотало въ душѣ „изъ-за этой дѣвчонки“, за то, что не имѣлъ силы переломить себя, не имѣлъ силы „сѣсть опять верхомъ и поѣхать“... „Я буду глупъ съ нею, я чувствую!“ повторялъ онъ себѣ съ невыразимою досадой, съ злобнымъ наслажденіемъ помышляя въ то же время, какъ онъ все-таки „свое возьметъ, накинетъ ей арканъ на шею и затянетъ, затянетъ узломъ — не порвешь!“...

„Олива“ и „лавръ“, Маусъ и Ранцовъ, были уже тутъ, подлѣ нея, съ обычными фразами, со знакомыми вздохами. Никогда еще не казались они ей такъ мелки, такъ ничтожны. „Уѣздъ!“ проговорила она мысленно, и ей становилось противно. Ей вдругъ представлялось, что она, Ольга, mademoiselle Olga d'Akouline, воспитанная въ перворазрядномъ институтѣ, прирожденная Pétersbourgeoise et demoiselle du grand monde, въ первый разъ въ жизни попала въ эту глухую провинцію, въ первый разъ видитъ эти уѣздныя лица, эти смѣшные, взъерошенные усы надо ртомъ армейскаго „капиташки“, этотъ черепъ Сократа на булавкѣ, воткнутой въ истрепанный атласный шарфъ этого бѣлесоватаго „стряпчаго“... „Стряпчій!“ — и презрительно сжимались ея губы... „А вонъ тамъ

еще лисицей, бочкомъ, крадется этотъ московскій Ловеласъ... И радъ, что у него на головѣ цѣлый ворохъ волосъ торчитъ... Такой mauvais genre, и жилетъ не по модѣ"...

— Не довольно-ли, Женни? промолвила она громко и по-французски,—насъ ждутъ въ гостиной.

Обожатели ея вскрикнули оба разомъ:

— Только васъ, значитъ, и видѣли мы! завздыхалъ, ероша волосы свои, капитанъ.

— Какія вы однако сегодня жестокія! промычалъ, уходя въ свои воротнички, „стряпчій".

Ашанинъ былъ уже отъ нихъ въ двухъ шагахъ.

Olga d'Acouline медленно приподняла глаза къ плафону, какъ бы въ первый разъ замѣтивъ изображенныхъ тамъ вакханокъ и нимфъ, и небрежно, но отчетливо произнесла по-французски же:

— Не всякій день праздникъ!...

— А „праздникомъ" называется у насъ репетиція? услышала она несносный для нея теперь, насмѣшливо-вкрадчивый голосъ „московскаго Ловеласа".

Онъ стоялъ передъ ней и смѣялся... смѣялся, какъ бы не признавая то, *чѣмъ* она себя теперь чувствовала, смѣлъ смѣяться съ этимъ кудрявымъ ворохомъ на головѣ и въ старомодномъ жилетѣ... Ее взорвало...

— Не хочу, и не будетъ! сверкнувъ зрачками, отрѣзала она, не глядя на него.

— По мнѣ и лучше! хладнокровно сказалъ на это Ашанинъ, жадно въ то же время обнимая ее всю короткимъ взглядомъ.

— Это почему? спросила вдругъ, оборачиваясь, Женни.— Présentez moi monsieur! сказала она Чижевскому... Тотъ официально произнесъ его имя...

Донъ-Жуанъ почтительно склонилъ голову...

— Почему вы думаете лучше, чтобы репетиціи не было?

— Ольгѣ Елпидифоровнѣ главное въ ней—пѣніе, а я, промолвилъ Ашанинъ смиреннымъ тономъ,—у меня слухъ очень нѣженъ, я бы боялся сегодня фальшивыхъ нотъ.

Женни расхохоталась во всю мочь.

— Я никогда въ жизни не фальшивила! мгновенно вскипятившись, воскликнула барышня.

— Та, та, та! И Маріо фальшивитъ, не то, что̀ ты!

— Я! я! едва могла говорить Ольга:—а я вотъ тебѣ покажу!

И, вырвавъ стремительно отъ нея руку свою, она кинулась со всѣхъ ногъ къ оркестру:

— Monsieur Erlanger, monsieur Erlanger!

Тонкая, сухая, съ ироническою улыбкой и узенькими, длинными усиками надъ едва намѣченною линіей губъ, голова извѣстнаго тогда дирижера Малаго московскаго театра обернулась на нее:

— Mademoiselle, à vos ordres?

— Пожалуйста, мою арію! (Она вставляла въ третье дѣйствіе *Синичкина* арію Вани *изъ Жизни за Царя:* „бѣдный конь въ полѣ палъ)“.—Allegro, и начинайте съ reprise: „къ намъ пришли Поляки“... Я хочу только показать...

— Зейчатъ, зейчасъ, mademoiselle! улыбнулся онъ ей въ отвѣтъ. Музыканты съ видимымъ удовольствіемъ отыскивали свои ноты,—они уже аккомпанировали Ольгѣ наканунѣ.—О, езлибъ у насъ въ театръ былъ такой голозъ et des yeux comme ça! говорилъ онъ самъ, прищуривая на нее свои лукавосластолюбивые глазенки и вооружаясь своею палочкой.

— Начинайте, начинайте! нетерпѣливо постукивая ногой, торопила его Ольга уже со сцены.

Смычки поднялись...

Что̀ говорится, *съ мѣста* все унесъ съ собою ея неотразимый, волшебно-страстный голосъ... Можно было все ей простить, все стерпѣть отъ нея за эти всю душу захватывавшіе и необузданные звуки... Такъ пѣть могъ только голосъ на зарѣ своей силы,—царственный богачъ, надменно расточающій свои сокровища изъ-за мгновенной прихоти... Резонансъ залы былъ великолѣпный. Словно на пылающихъ крыльяхъ разносилъ онъ этотъ голосъ въ безпредѣльную ширь... Музыканты, блестящими глазами слѣдя за пѣвицей, забыли о своихъ партіяхъ; все сильнѣе, все бойчѣй становился темпъ,—палочка Эрлангера, какъ бы помимо его воли, била неудер-

жимо по воздуху... Ашанинъ упалъ въ кресло въ какомъ-то опьяненіи.

— Я какъ Бо-жій по-солъ,

прозвенѣли, будто мѣдные колокола, одна за другой, шесть невообразимо ровно и вѣрно отчеканенныхъ нотъ,

Впереди, впере...

и, не давъ себѣ труда кончить, Ольга оборвала на полутактѣ,—и съ горящимъ лицомъ и высоко-подымавшеюся грудью:

— Что, фальшивлю! крикнула она со сцены княжнѣ Карнауховой.

— Ахъ, ты, судьба прокля... замеръ взрывъ восторга и отчаянія бѣднаго капитана Ранцова среди кликовъ и плеска всей залы...

Ольга сбѣжала внизъ и подхватила опять подъ руку Женни.

— А теперь пойдемъ, ты все теперь видѣла и слышала; сейчасъ будутъ звонить ко второму завтраку,—пора, пора!...

— Mesdames и господа, позвольте!

Къ нимъ подбѣжалъ Духонинъ:

— Извѣстно-ли вамъ насчетъ сегодняшняго обѣда?

— Что такое?

— Для актеровъ сегодня особенный столъ, къ пяти часамъ, такъ какъ, если обѣдать въ шесть со всѣми, къ восьми, когда начнется спектакль, не успѣешь ни отдохнуть, ни спокойно одѣться...

— Тѣмъ болѣе, что сегодня будутъ безъ отдыха обѣдать! сострилъ при семъ удобномъ случаѣ Шѣгаревъ.

— Я буду обѣдать со всѣми, объявила Ольга,—я не участвую въ *Гамлетѣ*.

— Какъ же такъ? вскликнула обиженно Eulampe,—вѣдь ты хотѣла, *для эффекта*, выйти съ нами вмѣстѣ въ свитѣ королевы. Вѣдь такъ условлено было, господа?

— Да, да, конечно! Ольга Елпидифоровна, что же это вы?

— Нѣтъ, я не хочу,—и такъ васъ много! Будетъ съ нея!

примолвила барышня, съ невольною гримасой по адресу отсутствующей Гертруды.

— А гдѣ она сама? спросилъ кто-то:—гдѣ Надежда Ѳедоровна? Ея не видно сегодня все утро?

— Она у себя наверху, я была у ней, отвѣчала одна изъ „пулярокъ", — она, говоритъ, была ночью очень больна и отдыхала, чтобы къ вечеру можно было ей играть...

— Пойдемъ, Женни! заторопила ее опять Ольга Елпидифоровна, топая на мѣстѣ и подталкивая ее локтемъ. Но Чижевскій снова успѣлъ завладѣть крупною княжной, у которой онъ теперь выпрашивалъ мазурку на балѣ, послѣ спектакля.

— Вѣдь вы знаете, что мнѣ за это достанется? говорила она въ отвѣтъ съ твердымъ внутренно рѣшеніемъ танцовать эту мазурку съ нимъ, во что бы ни стало.

— Да что же я такой за пугало? жалобнымъ голосомъ возражалъ онъ:—Минотавръ, людоѣдъ, Баба-Яга, чтобы меня такъ опасались?

— Хуже, хуже! хохотала Женни:—fat et suffisant! Подъ этою вывѣской всѣмъ извѣстны.

— Знаете что, княжна?

— Что?

— Мнѣ ничего не остается, какъ въ одинъ прекрасный день взять и увезти васъ!

Она разсмѣялась пуще прежняго, къ немалой досадѣ Ольги Елпидифоровны, которая не предвидѣла конца этому разговору.

— Какъ же не такъ! Увозите Линину Глашу, она, пожалуй, согласится.

— Хорошо, я увезу Глашу, а вы мнѣ дайте сегодня мазурку! предложилъ на все готовый Чижевскій.

— Ну, Богъ съ вами, возьмите! Только вотъ что: во все время, какъ будемъ сидѣть, не смѣйте смотрѣть на меня! Глаза держите все прямо предъ собой и оборачиваться ни, ни, потому что это главное—за глазами наблюдаютъ. А ротъ немножко въ сторону, ко мнѣ, и говорите! Говорить можно, кто подслушаетъ?... Ахъ, какъ петербургскіе хорошо это

умѣютъ дѣлать! вспомнила княжна съ новымъ смѣхомъ, — вотъ у Анисьева поучитесь, напримѣръ!...

— А это вы по собственному опыту знаете? спросилъ Москвичъ, прикусывая губу.

— Quel impertinent vous faites! Не хочу больше съ вами говорить!... Пойдемъ, Ольга!...

— Слава Богу! вскликнула барышня. „Въ самый разъ!“ подумала она, замѣтивъ, что Ашанинъ, оправившійся отъ нервнаго возбужденія, произведеннаго на него ея пѣніемъ, съ прежнею „противною своею улыбкой вылѣзъ откуда-то“ и направлялся опять къ ней, „сѣменя по-пѣтушьи ножками“, даже замѣтила она почему-то въ эту, очень дурную для него, минуту.

Она крѣпко прижала къ своему боку локоть Женни, чтобы „не вздумалось ей опять къ своему предмету“,—и обѣ бойкія особы выбѣжали въ корридоръ, соединявшій театръ съ главнымъ корпусомъ дома.

XLVIII.

Часы бѣжали. Отсервированъ былъ luncheon, второй завтракъ, за которымъ графъ, послѣ двухчасовой прогулки, изволилъ кушать съ большимъ аппетитомъ и чувствовалъ себя въ необыкновенно бойкомъ и галантерейномъ расположеніи духа. Онъ все время за столомъ посылалъ умильныя улыбки Ольгѣ Елпидифоровнѣ, грозилъ ей издали пальцемъ и называлъ „шалунья“, отчего она вдругъ сдѣлалась предметомъ такихъ же улыбокъ со стороны всего остальнаго мужскаго общества и кисло-сладкихъ взглядовъ со стороны большинства прекраснаго пола. Но смышленая особа держала себя на этотъ разъ безукоризненно, не замѣчала будто ни взглядовъ этихъ, ни улыбокъ и, опустивъ невинно очи, подымала ихъ лишь для скромно-благодарной улыбки по направленію благоволившаго къ ней начальства.

— Премилая особа! выразилъ по этому случаю графъ сидѣвшей о правую его руку графинѣ Воротынцевой:—поетъ прекрасно!

— Et vous savez, comtesse, de ça beaucoup! перегинаясь мимо него къ гостьѣ, многозначительно и таинственно сообщила объ Ольгѣ съ своей стороны хозяйка дома, указывая пальцемъ на свой выпуклый лобъ.

— Да? сказала графиня, вглядываясь съ мѣста въ барышню и привѣтливо улыбаясь ей, какъ только встрѣтились онѣ глазами.

— Très bien! одобрительно кивнула она затѣмъ въ отвѣтъ Аглаѣ Константиновнѣ.

Послѣ завтрака она просила представить Ольгу.

Барышня ногъ подъ собою отъ счастія не чувствовала; она млѣла и присѣдала, присѣдала и млѣла...

— У васъ, говорятъ, прелестный голосъ... Услышимъ мы васъ сегодня вечеромъ?

— Къ несчастію моему, non, comtesse! Я въ *Гамлетѣ* не играю... Но завтра я буду, буду много пѣть... А если бы вы знали, madame la comtesse,—и барышня внезапно скрестила себѣ на груди съ умоляющимъ видомъ руки,—какъ бы я была счастлива, если бы вы слышали, какъ я пою!

Въ невинныхъ грезахъ своего пылкаго честолюбія, въ этой „петербургской царицѣ“ барышня наша прозрѣвала уже лучшій для себя путь „попасть ко двору за пѣніе“.

„Петербургская царица“ словно угадала, что происходило у нея въ душѣ; она засмѣялась:

— Если вы воображаете, что я что-нибудь понимаю въ музыкѣ, вы очень ошибаетесь! Je m'entends en beaux yeux beaucoup plus qu'en musique, любезно примолвила она, глянувъ въ эти beaux yeux очарованной дѣвицы, и, поклонившись ей съ новою улыбкой, ушла въ назначенный для нея покой въ сопровожденіи княгини Додо, все еще злобной какъ сычъ и мрачный какъ воронъ.

Графъ, кушавшій кофе въ гостиной, подозвалъ и посадилъ барышню около себя,—зрѣлище, отъ коего сидѣвшая тутъ неподалеку „образованная окружная“ сочла почему-то нужнымъ закрыть лицо себѣ вѣеромъ...

— А гдѣ отецъ? невиннѣйше спрашивалъ между тѣмъ Ольгу его сіятельство.

— Онъ здѣсь, графъ! Прикажете позвать къ вамъ.

— Позовите!

Толстый Елпидифоръ, державшійся все время въ сторонкѣ, но постоянно на-чеку, выросъ какъ изъ-подъ земли.

— Дорóги у тебя хороши! Распорядительный! милостиво запѣлъ свой акаѳистъ графъ вытянувшемуся и какъ маятникъ опускавшему и подымавшему предъ нимъ свою круглую голову исправнику, приглашая въ то же время его дочь занять

прежнее свое мѣсто рядомъ съ нимъ на диванѣ:—въ одномъ только мѣстѣ тамъ, мостикъ, помнишь?

— Изволите повѣрить, ваше сіятельство, вскрикнулъ Акулинъ,—хотя изъ собственнаго кармана чини! Земля тутъ, смѣю донести, спорная, двухъ помѣщиковъ: одинъ говоритъ: „за мной не утверждено,“ а тотъ опять: „пусть, говоритъ, кто отымаетъ, тотъ и платитъ“!... А все то мѣсто гроша не стоитъ, одно болото... Такъ-съ, изъ гонора изъ пустаго тяжбу ведутъ... Что денегъ имъ стоитъ!...

— А деньги кому? нежданно заключилъ графъ:—судьѣ!

— Это совершенно такъ изволите говорить, ваше сіятельство, захлебнулся счастливымъ смѣхомъ Елпидифоръ... — Напоминаетъ это мнѣ-съ, заговорилъ онъ вдругъ, окидывая начальство зоркимъ взглядомъ и уже совершенно понявъ, какъ и чѣмъ его взять можно,—напоминаетъ мнѣ-съ, когда я еще въ полку служилъ...

— Въ гусарахъ былъ? прервалъ графъ, ткнувъ впередъ пальцемъ.

— Въ Герцога Нассаускаго уланскомъ полку въ ту пору штабсъ-ротмистромъ состоялъ, ваше сіятельство!

— Да.—Такъ что же?

— Стояли мы тогда въ благословенной Малороссіи...

Графъ засмѣялся, откинулъ ладони и, подмигивая сбоку Ольгѣ Елпидифоровнѣ:

— Хохлы! проговорилъ онъ.

— Такъ точно, ваше сіятельство, задребезжалъ за нимъ Елпидифоръ;—презабавный, изволите знать, народецъ. Такъ вотъ о нихъ-съ осмѣлюсь разсказать... Лежатъ это два такіе хохла въ лѣсочкѣ,—слышатъ, кукушка закуковала. Одинъ изъ нихъ и говоритъ другому: Грицко, а Грицко!—А ну?—Отто мини зозуля закуковала!—А отже сбрехавъ! говоритъ другой,—не тоби, а мини закуковала!—Кажу-жъ, мини, а не тоби... И вышелъ у нихъ изъ-за этого споръ, и оттаскали себя хохлы за чубы такъ, что у каждаго хохолъ другаго остался въ рукѣ...

— Дураки!... какъ ребенокъ уже хохоталъ графъ. Толстый

Елпидифоръ, дѣйствительно, въ числѣ другихъ своихъ талантовъ воспроизводилъ хохловъ неподражаемо.

— Вотъ-съ, ваше сіятельство, продолжалъ онъ,—и пошли они оба къ судьѣ, чтобъ онъ ихъ разсудилъ. Пришли, поклонились, разсказали.—Добре, говоритъ судья; клади кажный на столъ по карбованцю. Вытащили они по рублю, положили.—А ну-те-ка, каже, теперича почеломкайтеся! (это по-ихнему „поцѣлуйтесь“ значитъ, ваше сіятельство). Почеломкались.—Ну, каже, а теперичка идыть соби до дому! Поглядѣли хохлы на него, другъ на друга поглядѣли, въ затылкѣ себѣ почесали:—А больше, кажутъ, ничого й не буде, панъ судія?—А чого-жъ, говоритъ, вамъ больше! Сами видѣли! ни тоби, а и ни тоби куковала зозуля,—мини она куковала! Взялъ онъ карбованцы со стола и—положилъ себѣ въ карманъ...

— „Ни тоби“, „ни мини!“ повторилъ графъ сквозь громкій смѣхъ,—потому все судьѣ пошло. Хорошо разсказываетъ! подмигнулъ онъ снова нашей барышнѣ. И тутъ же, заложивъ большой палецъ за пуговицу сюртука:

— А что тебя губернское правленіе милуетъ? спросилъ онъ исправника офиціально шутливымъ тономъ.

Толстый Елпидифоръ игралъ уже на немъ какъ по струнамъ:

— Эхъ, ваше сіятельство, вотъ ужь у насъ гдѣ оно сидитъ, губернское правленіе! Онъ похлопалъ себя рукой по затылку:—не смѣю только утруждать...

— Ничего! Пойдемъ ко мнѣ! Я теперь свободенъ! Ты хорошо разсказываешь!... Шалунья, до свиданія! обернулся, подымаясь, старикъ къ Ольгѣ.

Она поднялась за нимъ и, словно въѣзжая своими забирающими глазами въ его китайскіе глаза:

— Я васъ обожаю, графъ! прошептала она ему.

— Шш, при отцѣ! Что подумаетъ! погрозилъ онъ ей лукаво пальцемъ на прощанье и ушелъ съ Елпидифоромъ, довольный какъ мѣдный грошъ.

Ольга поглядѣла ему вслѣдъ:

— А за это ты мнѣ папашу—полицеймейстеромъ въ Мо-

скву! рѣшила она мысленно. Она была сила:—въ этомъ она уже не сомнѣвалась теперь...

Не успѣлъ отойти графъ, какъ къ ней подошелъ Анисьевъ.

— Позвольте возобновить сегодняшнее нечаянное знакомство, сказалъ онъ, садясь на кресло подлѣ ея дивана.

Гостиная уже опустѣла; сама хозяйка ушла въ свой ситцевый кабинетъ, упросивъ Зяблина притти туда пить съ нею чай, „comme d'habitude“:—она чувствовала себя очень деморализованною послѣ схватки своей съ зубатою княгиней Карнауховой, и внезапная холодность „бригадта“, этого „vrai ami“, которому она собиралась теперь „confier toutes ses peines“,—холодность, которую она въ простодушіи своемъ никакъ себѣ объяснить не могла,—была для нея очень чувствительна. „Намъ надо объясниться!“ объявила она ему, на что Зяблинъ въ отвѣтъ мрачно опустилъ голову, уныло проговоривъ: „вы желаете повернуть кинжалъ въ ранѣ? Извольте, я готовъ!“ и отправился вслѣдъ на нею...

— Вы совсѣмъ околдовали нашего почтеннаго старца, говорилъ Ольгѣ блестящій Петербуржецъ, потягивая во всю ихъ длину свои прекрасные усы и глядя на нее съ улыбкой изподлобья.

— Я его очень люблю! съ нѣкоторою уже величественностью отвѣчала по-французски барышня. Она старалась какъ можно ближе примѣниться къ пріемамъ, къ тону рѣчи „петербургской царицы“.—И къ тому онъ такой смѣшной, правда? промолвила она уже совсѣмъ по-уѣздному.

— Я его очень уважаю! сказалъ сдержанно флигель-адъютантъ.

— О, разумѣется,—и я!... Успѣли вы приглядѣться здѣсь? спросила она его вдругъ.

— Къ чему?

Ольга лукаво улыбнулась:

— Къ тому, что можетъ васъ здѣсь интересовать...

— Приглядываюсь, протянулъ Анисьевъ съ легкимъ наклоненіемъ головы и любезнымъ взглядомъ въ ея сторону.

Она совсѣмъ уже позабыла про величественность...

— Разказывайте это другимъ! расхохоталась она на всю гостиную:—я, надо вамъ сказать, умна!...

— И потому, что вы умны, вы думаете, что я не могу...

Онъ не договорилъ, остановленный выраженіемъ ея пристально остановившихся на немъ глазъ.

— Только не въ эту минуту! быстро промолвила она.

Анисьевъ опустилъ на мигъ вѣки и, принимаясь улыбаться опять:

— Вы не только умны, началъ онъ,—вы, говорятъ, всевѣдущи и всемогущи.

— А кто это „говорятъ?“.

— Слухами земля полнится...

— А слухи—съ языка Женни Карнауховой?

— Помилуйте, я никого не называю! почти испуганно вскликнулъ полковникъ.

— И не нужно! съ новымъ смѣхомъ возразила барышня,—вы сами говорите, что я всевѣдущая... Всемогущая—нѣтъ, далеко нѣтъ! вздохнула,—но... но совѣтъ, договорила она послѣ минутнаго перерыва,—всегда могу дать и *хорошій*...

Брови Анисьева сдвинулись; онъ недовѣрчиво поднялъ на нее глаза.

— Напримѣръ? проронилъ онъ.

Она какъ бы на мигъ заколебалась...

— Сказать?

— Прошу!

— И... и не разсердитесь?

— Смѣю-ли? проговорилъ онъ учтиво.

— А если скажу,—послушаетесь?

— Смотря по тому... уклончиво сказалъ онъ.

Ольга Елпидифоровна окинула кругомъ себя бѣглымъ взглядомъ, наклонилась къ нему и прошептала:

— *Здѣсь* вы ничего не сдѣлаете!...

Анисьевъ не ожидалъ этого такъ прямо, такъ рѣшительно... „За кого она?“ пронесся у него въ головѣ вопросъ...

Она будто тотчасъ же сообразила говорившее въ немъ сомнѣніе:

— Надо, чтобъ *онъ* въ Петербургъ переѣхали, поспѣшила она досказать...—Но какъ это сдѣлать?...

— Въ Петербургъ? повторилъ безотчетно Анисьевъ, пристально глядя ей въ лицо.

— Ахъ, Боже мой, воскликнула она, — вы, можетъ-быть думаете, что я нарочно... Ну, какъ же это васъ увѣрить!... Повѣрьте хоть тому, что сама я такъ и рвусь въ Петербургъ!

— А! А развѣ и вы?...

— Да, меня беретъ княгиня...

— Вы очень дружны... съ княжной... Еленой Михайловной? съ разстановкой вымолвилъ флигель-адъютантъ.

— Д-да, съ такою же разстановкой отвѣчала барышня,— дружна... Настолько, по крайней мѣрѣ...

— Чтобы... подговорилъ онъ.

— Насколько это будетъ *для васъ* нужно! заключила она съ нѣсколько насилованнымъ на этотъ разъ смѣхомъ.

Онъ замолкъ, погруженный въ размышленіе и все продолжая избока глядѣть на нее...

— Такъ вы полагаете — въ Петербургъ? сказалъ онъ черезъ мигъ, подымая голову и съ прояснившимся взглядомъ.

— Непремѣнно! сказала барышня.

— Потому что?... онъ ждалъ отвѣта.

— Потому что, тамъ не будетъ...

— Господина Гундурова? спокойно договорилъ онъ за нее.

— Вы знаете?

Онъ утвердительно повелъ головою.

Ольга всплеснула руками:

— Ахъ, какъ пріятно, когда человѣкъ, съ которымъ имѣешь дѣло, такой умный!...

— Не трудно, сказалъ онъ съ легкимъ поклономъ и почти презрительною усмѣшкой:—это, кажется, le secret de la comédie...

— А теперь будьте еще умнѣе, вскликнула барышня, — устройте такъ, чтобы мы уѣхали въ Петербургъ!

Она въ пылу интереснаго для нея разговора присаживалась все ближе и ближе къ нему; ея круглое, полное плечо почти касалось молодаго человѣка.

— А вы, проговорилъ онъ вдругъ сдержаннымъ, еле слышнымъ шопотомъ, — а вы мнѣ будете очень благодарны, если я вамъ это устрою?

— Ужасно! вырвалось у нея при этой радостной мысли.

— Помните же! сказалъ онъ на это такъ, что барышня нежданно смутилась, и рѣсницы ея опустились, какъ бы сами собою.

Когда она подняла ихъ опять, Анисьевъ стоялъ предъ нею, стройный и изящный, и со своею спокойною улыбкой спрашивалъ ее:

— Вы не изволите знать, какой лучшій способъ отправить отсюда письмо на почту?

— Если что-нибудь нужное, живо отвѣтила Ольга,—лучше отдайте папа: онъ отошлетъ его съ нарочнымъ.

— Я бы не хотѣлъ его безпокоить, учтиво отговаривался нашъ полковникъ.

— Почему же?—Она протянула ему руку:—вѣдь мы теперь союзники?...

Онъ оглянулся, быстро прижалъ выше кисти эту обнаженную руку къ горячимъ губамъ и еще быстрѣе вышелъ изъ пустой гостиной...

Вернувшись въ свою комнату, онъ сѣлъ за столъ и писалъ вплоть до самаго обѣда.

XLIX.

Къ обѣду наѣхала въ Сицкое новая компанія гостей, преимущественно изъ тогдашнихъ московскихъ свѣтскихъ *жёнъ премьеровъ*. Пріѣхали два друга, князь Хохолковъ и Мишель Луповъ, веселые и любезные *завсегдатели* гостиныхъ и будуаровъ; пріѣхали двоюродные братцы, Костя Подозеринъ, ужасно похожій на стерлядь, соревнователь Толи Карнаухова по части пѣнія чувствительныхъ и юныхъ романсовъ, и Савва Роллеръ, побѣдитель сердецъ и умникъ, котораго прозывали „l'illustre étranger", на томъ основаніи, что родомъ былъ онъ изъ Волоколамскаго уѣзда и ни на какомъ иностранномъ нарѣчіи не объяснялся. За ними небрежною походкой, ласково улыбаясь большими сѣрыми глазами и такими же большими, мягкими губами, плелся Петя Толбухинъ, милѣйшій лѣнтяй и англоманъ, про котораго въ то время пѣлся куплетъ:

Вотъ, какъ будто съ парохода,
Master Piter Tolboukine,
Отпустила ему мода
Бакенбарды въ поларшинъ, и т. п.

Явился какой-то куда-то проѣзжавшій дипломатъ, служившій одно время подъ начальствомъ князя Михаила Шастунова, господинъ съ крючковатымъ носомъ и испитымъ лицомъ, вслѣдствіе чего графиня Воротынцева тутъ же прозвала его „un perroquet malade", — а за нимъ весьма смахивавшій на Татарченка, маленькій, черненькій артиллеристъ, состоявшій вѣчно въ отпуску, немолчный болтунъ, хрипунъ и хохотунъ, извѣстный во всѣхъ углахъ Россіи подъ кличкою „Сеньки",

лестнаго уменьшительнаго, которое суждено ему было нести отъ дѣтства и до старости лѣтъ...

Онъ и Костя Подозеринъ тотчасъ же присосѣдились къ Толѣ Карнаухову, съ которымъ и сѣли на концѣ стола, подалѣе отъ взоровъ „начальственнаго синклита“ какъ выражались они...

Пили они много, еще болѣе врали. „Mon cher, mon cher!“ то-и-дѣло среди пчелинаго жужжанія трапезовавшей толпы, взрывался неудержимо хриплый голосъ артиллериста, и графъ, знавшій всѣхъ и каждаго, взглядывалъ въ ихъ сторону и, поднявъ ладони, произносилъ своимъ акаѳистомъ: „вѣчно Сенька шумитъ, пустая башка“...

Многолюдный и безконечный обѣдъ, не смотря на это, прошелъ довольно скучно; ему не доставало того общаго, дружнаго оживленія какое вносило обыкновенно, въ будничныя трапезы Сицкаго молодое общество нашихъ лицедѣевъ. Для нихъ часомъ ранѣе сервированъ былъ особый столъ въ одномъ изъ флигелей дома. Французъ-поваръ княгини превзошелъ себя за то въ этотъ день. „Menu fretin“ уѣздныхъ сосѣдей никогда еще въ жизни не чувствовали на языкѣ своемъ вкуса такихъ соусовъ, не глатывали такихъ *come*, „въ которые чортъ его знаетъ что положено—рыба или бекасъ, никогда такъ много не приходилось имъ поглощать и жевать такъ мало... Зато князь Лоло, тонкій гастрономъ, послѣ каждаго блюда прикладывалъ пальцы ко рту и посылалъ ими знаки лестнаго одобренія по адресу хозяйки, самодовольно улыбавшейся ему въ отвѣтъ со своего предсѣдательскаго мѣста. Наша княгиня чувствовала себя опять въ вожделѣнномъ расположеніи духа. Экспликація со „vrai ami“ покончилась, надо полагать—къ обоюдному ихъ удовольствію, такъ какъ вслѣдъ за нею „бригантъ“, отправившись за актерскій столъ, сѣлъ на свое мѣсто съ особеннымъ, не то таинственнымъ, не то сосредоточеннымъ, видомъ и, замѣтивъ, что предъ его приборомъ стоитъ бутылка какого-то сотерна, строго взглянулъ на офиціанта и коротко отрѣзалъ: „подать мнѣ *моего* рейнвейна!“ а княгиня Аглая по пути изъ своего ситцеваго кабинета въ столовую все время, не то томно, не то стыдливо,

улыбалась стѣнамъ... Въ столовой змѣя-Додо, какъ ни въ чемъ не бывало, подошла къ ней съ восторженными комплиментами насчетъ ея великолѣпной argenterie. — „Elle vient de Storr et Mortimer!“ тотчасъ же объявила ей Аглая Константиновна, забывая свои обиды и мгновенно переносясь мыслью къ незабвенному Шиптоунткасслю... И опять теперь, сидя на своемъ хозяйскомъ мѣстѣ, насыщала она зрѣніе ослѣпительнымъ видомъ этого своего серебра, стекла и nappes damassées, мрачно почтительными физіономіями своихъ офиціантовъ, перемѣнявшихъ тарелки и разливавшихъ вина въ стаканы со внушительностью жрецовъ, совершающихъ священнодѣйствіе, золотымъ и серебрянымъ шитьемъ „de la maison de l'Empereur“ на воротникахъ обоихъ „comtes“, стараго и молодаго, восхитительнымъ „toilette parée“ своей петербургской гостьи, „la comtesse Tatiana“, и проч., и въ сладкомъ торжествѣ повторяла мысленно: „non, cela n'était pas plus cossu chez les Deanmore!“ прислушиваясь въ то же время съ достодолжнымъ вниманіемъ къ интересному разсказу сидѣвшаго одесную ея графа о томъ, какъ „его графиня“ любитъ собакъ.

По другую его руку сидѣла по-прежнему графиня Воротынцева, посадившая подлѣ себя съ другой стороны, вмѣсто имѣвшаго занять это мѣсто князя Лоло, Софью Ивановну Переверзину. Лина познакомила ихъ предъ обѣдомъ. Оказалось, что графиня много слышала про нее отъ одной своей тетки, которую она очень любила и которая была одного выпуска изъ Смольнаго и очень дружна съ Софьей Ивановной. Онѣ съ перваго взгляда очень понравились другъ другу: свѣтская петербургская женщина оцѣнила сразу оригинальность и прямоту этой пожилой, образованной провинціалки, отъ которой такъ и вѣяло тономъ и привычками, складомъ ума старинной „bonne société“... Онѣ не переставали разговаривать между собой въ продолженіе всего обѣда, вслѣдствіе чего, едва успѣли встать изъ-за стола, вся семья Карнауховыхъ, съ Толи въ томъ числѣ, сочла нужнымъ представиться Софьѣ Ивановнѣ „en qualité de voisins“, и княгиня Додо, вызвавъ на уста очаровательнѣйшую изъ улыбокъ своихъ минувшихъ временъ, просила дозволенія посѣтить ее въ

Сашинѣ. Графъ Анисьевъ, съ своей стороны, узнавъ отъ Женни, что она тетка Гундурова, не переставалъ изучать ее украдкой во все продолженіе стола и изъ этого изученія вынесъ такого рода понятіе, что это „старуха, съ которою, пожалуй, придется считаться“...

Самъ онъ сидѣлъ, по назначенію хозяйки, между обѣими княжнами, Линой и Женни, и на этомъ жгучемъ пунктѣ велъ себя съ искусствомъ опытнѣйшаго стратега. Онъ такъ равномѣрно поворачивалъ свою глянцовитую голову то направо, то налѣво, такъ аккуратно распредѣлялъ свои улыбки между обѣими своими сосѣдками, такъ безпристрастно дѣлилъ между ними цвѣты своего остроумія, что все это могло бы быть взвѣшено на аптекарскихъ вѣсахъ, и самый зоркій взглядъ не въ состояніи былъ бы подмѣтить, на какую сторону склонялись эти вѣсы. Но стороны за то относились къ своему центру далеко не равномѣрно: добродушная Женни весело смѣялась и болтала взапуски за нимъ; его блестящія рѣчи шли мимо ушей все такъ же нѣмой и глухой теперь ко всему Лины. Она ничего не ѣла... Какой-то туманъ разстилался предъ ея глазами... Участіе петербургской гостьи, бесѣда съ нею не успокоили,—они какъ-бы еще усилили ея грусть и тревогу... „Какъ онъ долженъ страдать!“ проносилась въ сотый разъ у нея въ головѣ все та же мысль. И тутъ же приходилъ ей на память какой-то стихъ изъ ея роли Офеліи... „А затѣмъ какъ?... Забыла!... Боже мой, если я вдругъ на сценѣ не вспомню реплики“!... Она глядѣла прямо предъ собой: все въ томъ же туманѣ мелькали предъ ней озабоченное лицо Софьи Ивановны и рядомъ съ нимъ, приподнятые на углахъ, живые, темные глаза...

„Она знала папа... ей были тогда мои годы“... Дрожь пробѣжала по спинѣ Лины. Предъ нею рисовалась большая высокая комната съ уходящими въ темь углами, мраморная доска стола съ карселемъ подъ зеленымъ абажуромъ, уставленная стклянками, и рядомъ, на подушкахъ, подъ приподнятымъ пологомъ, исхудалый, тонкій, незабвенный профиль... „Искупи меня, искупи меня, грѣшнаго“! сквозь надрывающій кашель, вся замирая, разслушивала она его слова...

— Давно никто не внушалъ мнѣ къ себѣ такого сердечнаго чувства, какъ эта дѣвушка! говорила въ то же время про нее графиня Воротынцева своей сосѣдкѣ: — et pauvre enfant, я пари держу, — elle doit avoir une grosse épine à travers le coeur... Вы знаете что? спросила она поспѣшно, пораженная выраженіемъ лица, съ которымъ слушала ее Софья Ивановна.

— Знаю, отвѣчала та,—и съ радостью, примолвила она съ обычною своею живостью, — сейчасъ отдала бы все, что остается мнѣ жить, чтобы вытащить эту занозу изъ ея... и еще другаго сердца!...

L.

Актерскій обѣдъ былъ также не веселъ. Одинъ неизмѣнный шутъ Шйгаревъ потѣшалъ „пулярокъ“ своимъ гаерничаньемъ и анекдотами, которымъ онъ, впрочемъ, самъ хохоталъ гораздо болѣе, чѣмъ его слушательницы. Зяблинъ, вообще не говорливый, пилъ теперь свой рейнвейнъ съ такимъ глубокомысліемъ, будто рѣшалъ въ головѣ задачу изъ дифференціальнаго исчисленія. Вальковскій отстранялъ нетерпѣливою рукою каждое изъ подаваемыхъ ему блюдъ, жадно вбирая въ то же время широко открывавшимися ноздрями ихъ соблазнительный запахъ, злобно вздыхая и волкомъ глядя кругомъ себя: онъ уже два раза предъ обѣдомъ примѣрялъ свой костюмъ Розенкранца, — „въ таліи ничего, сходится, а вотъ подъ мышками, того и гляди...“ — нѣтъ, онъ не имѣлъ права обжираться!... Между Духонинымъ и Факирскимъ начались было обычныя имъ пренія, на сей разъ на тему о „пресыщеніи въ любви,“ по поводу одного пользовавшагося тогда большою извѣстностью французскаго романа *Marianne*, но разговоръ не клеился, и послѣ какого-то циническаго замѣчанія вмѣшавшагося тутъ Свищова объ отношеніяхъ къ автору его, Jules Sandeau, „госпожи George Sand, позаимствовавшей половину фамиліи любезнаго для сочиненія себѣ псевдонима“, смолкъ и вовсе. Студентъ даже не вспылилъ, какъ то обыкновенно случалось; онъ былъ озабоченъ съ самаго утра, съ той минуты, когда поводъ пріѣзда „петербургскаго преторіанца“ былъ ему повѣданъ тѣмъ же Свищовымъ... Черныя тучи заволакивали теперь радужное небо соціально-романиче-

скихъ мечтаній, въ которыхъ вѣчно витало воображеніе юноши. Въ этихъ золотыхъ мечтаніяхъ онъ давно, какъ мы уже знаемъ, „отказался отъ княжны, во имя своей бѣдности, своей святой бѣдности,“ — отказался „для другаго, болѣе совершеннаго, болѣе достойнаго ея“... Онъ не сомнѣвался, что Гундуровъ любитъ ее; онъ угадывалъ „растерзанною душой“, что и она любитъ Гундурова,—и всего себя передавалъ имъ на жертву, ничего, ничего не требуя для себя, лишь бы когда нибудь она узнала и сказала бы, что онъ умѣлъ быть ей преданъ, какъ Ральфъ Индіанѣ, какъ Мазаччіо любовницѣ Гораса *) „И онъ ненавидѣлъ теперь“ всѣмъ естествомъ своимъ „этого“ раздушеннаго военнаго царедворца изъ Петербурга, „этого“ представителя офиціальной лжи и свѣтской безнравственности, пріѣхавшаго смутить свѣтлый міръ ихъ человѣческихъ отношеній.“ „Да, ты человѣкъ, тебѣ по праву участіе братьевъ твоихъ по духу, говорилъ себѣ Факирскій, участливымъ и безпокойнымъ взглядомъ слѣдя за Гундуровымъ и стараясь вычитать на его лицѣ „настоящія ощущенія его внутренняго я...“ Герой нашъ упорно молчалъ; отъ него не ускользали ни эти пытливые взгляды студента, ни едва сдерживаемая, злонасмѣшливая улыбка на нахальныхъ устахъ Свищова каждый разъ, какъ глаза ихъ встрѣчались. И участіе это, и недоброжелательность равно злили его, равно оскорбляли; въ немъ пробудилась какая-то особенная чуткость, какая-то нервная угадчивость, которой онъ не зналъ за собой до сихъ поръ. Онъ до вчерашняго дня жилъ въ какомъ-то сіяющемъ пространствѣ надъ облаками, между своею ролью Гамлета и любовью къ княжнѣ, слѣпой и глухой на все, что внѣ этого происходило кругомъ его. Сегодня *внутреннія очи* его открывались будто въ первый разъ:—непрошенные и безсильные друзья, презрѣнные, но жестокіе завистники, неодолимые предразсудки, настоящее положеніе его въ этомъ домѣ, вся эта „дѣйствительность, какъ она есть“, представала теперь предъ нимъ въ неумолимо ясныхъ чертахъ. „Онъ попалъ сюда не какъ равный къ равнымъ, а въ каче-

*) *Indiana*, *Horace*, романы Ж. Санда.

ствѣ скомороха, имѣющаго позабавить на мгновеніе толпу праздныхъ свѣтскихъ людей, съ которыми у него нѣтъ ничего общаго, да и которые сами не признаютъ его *своимъ*... Онъ долженъ былъ это понять съ самаго начала,—князь Ларіонъ далъ это ему почувствовать *тогда же*, въ томъ разговорѣ послѣ первой репетиціи,—но онъ безумно увлекся тогда"... „Сама она во глубинѣ души своей", спрашивалъ онъ себя въ мучительномъ сомнѣніи, „признаетъ-ли она *законность* чувства своего къ нему? Въ собственномъ сознаніи ея не есть-ли это слабость, увлеченіе, отъ котораго она заранѣе готова отказаться *изъ послушанія* къ матери..." „Попробуйте!" сказала она ему... она на него возлагала эту обязанность; сама она не надѣялась, не думала, не бралась за такую попытку. Она и не допускала для себя возможности борьбы за это чувство... Борьбы? „Съ кѣмъ, противъ чего?" И новое смущеніе западало въ душу молодаго человѣка. „Съ матерью, противъ родительскаго авторитета!" отвѣчалъ онъ себѣ съ новою мукой... Въ правѣ-ли онъ былъ требовать, гоже-ли ему было *желать* даже, чтобъ она „пошла на это?" Куда же дѣвалось то, что было ему самому донынѣ такъ дорого, чему онъ такъ безусловно вѣрилъ до сихъ поръ? Гдѣ же эти его идеалы старорусской, христіанской, *по-божески* живущей и мыслящей семьи? Не говорилъ-ли онъ самъ ей наканунѣ, что вѣрованія его—вѣрованія его народа? А теперь что же,—бездна между словомъ и дѣломъ? Онъ самъ предложитъ ей итти съ нимъ подъ вѣнецъ безъ материнскаго благословенія...

„Ну, а нѣтъ, тогда что же? Стиснуть зубы, смириться—„смиреніе сила", приводила *она* ему слова покойнаго отца,—уѣхать скитаться по Россіи, попробовать, въ самомъ дѣлѣ, не размыкаетъ-ли его личную печаль общее народное горе?!.. Да, „но какъ же жить?" вскипало у него новымъ взрывомъ, какъ же жить безъ нея? Гдѣ та пустыня и гдѣ то горе, казалось ему, что могли бы заставить его забыть ее и это горе? Покинуть, бѣжать, потому что въ ихъ дикихъ, въ ихъ рабскихъ понятіяхъ ему нѣтъ здѣсь мѣста по табели о рангахъ! Но она его любитъ, любитъ!... Развѣ онъ при этомъ

не побѣдитъ, не осилитъ!... И губы его слагались въ презрительную улыбку; онъ пронзительнымъ, чуть не вызывающимъ взглядомъ обводилъ кругомъ стола, словно искалъ повода выместить на комъ-нибудь сознаваемое имъ оскорбленіе...

— Да что ты все молчишь сегодня? придрался онъ наконецъ къ сидѣвшему подлѣ него Ашанину, нѣмому, какъ и онъ, съ самаго начала обѣда.—О чемъ ты думаешь?

Красавецъ поднялъ на него глаза, встряхнулъ, какъ бы просыпаясь, шапкой своихъ черныхъ густыхъ волосъ и засмѣялся:

— А думалъ я вотъ сейчасъ о томъ, отвѣтилъ онъ, пристально взглянувъ на пріятеля,—что мы какъ разъ съ тобою находимся сегодня въ томъ настроеніи духа, чтобы тебѣ играть Гамлета, а мнѣ, Горація, давать тебѣ реплику.

— Ничего ты о моемъ „настроеніи“ не знаешь! досадливо отрѣзалъ ему на это Гундуровъ.

— Слушаю-съ, ваше королевское высочество, смиренно отвѣтилъ Горація.

LI.

Не успѣвъ допить послѣ обѣда своей чашки кофе, или, вѣрнѣе, успѣвъ только отъ поспѣшности обжечь имъ себѣ губы, Вальковскій, сосредоточенный, нервный и злой, какъ бывало съ нимъ предъ каждымъ представленіемъ, сидѣлъ уже въ большной мужской уборной театра за сценой, гдѣ парикмахеръ, другъ и наперсникъ его, Василій Тимоѳеевъ, съ двумя помощниками разбирали на столахъ привезенные ими изъ Москвы парики и волоса для спектакля.

— Ну, Вася, орудуй! говорилъ онъ, опускаясь въ кресло предъ однимъ изъ зеркалъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ комнаты.

— Слушаю-съ, Иванъ Ильичъ, отвѣчалъ, подбѣгая, Василій Тимоѳеевъ не безъ нѣкотораго подобострастія, — онъ его ужасно боялся.

— А какъ изволили порѣшить насчетъ себя, торопливо примолвилъ онъ, суетясь около своихъ картоновъ: — блондиномъ или брюнетомъ прикажете васъ поставить?

Вальковскій глубокомысленно уперся взглядомъ въ зеркало.

— А ты меня среднимъ колеромъ пусти,—шантре потемнѣе, да чтобъ и не совсѣмъ черно. По костюму соображай; цвѣтъ видѣлъ, чортъ его душу знаетъ какой,—не то апельсинъ, не то крымское яблоко!

— Слушаю-съ, Иванъ Ильичъ! И тѣмъ же подобострастнымъ шопотомъ: — прикажете въ такомъ родѣ, какъ у Ивана Васильевича Самарина, къ примѣру, въ *Серафимѣ де-Лафайль?* предложилъ „Вася“.

— Пожалуй! Да гляди, малюй такъ, чтобы мнѣ не хуже Володьки Ашанина быть,—настоящимъ придворнымъ красавцемъ, только въ глаза маленечко злодѣя пусти! Понялъ, а?...

Уборная тѣмъ временемъ наполнялась народомъ. Слуги вносили костюмы, бѣлье, туалетныя и умывальныя принадлежности актерокъ. Эрлангеръ съ режиссеромъ пришли послѣ обѣда прикурнуть на полчасика на имѣвшемся тутъ широкомъ и мягкомъ диванѣ. Въ углу, за ширмами, скрываясь отъ насмѣшливыхъ взоровъ, уже пыхтѣлъ толстый Елпидифоръ-Полоній, натягивая на себя трико и чулки, нарочно заказанные имъ въ Москвѣ на свои слоновыя ноги, и въ которые онъ спѣшилъ облечься, подмываемый тою же театральною лихорадкой, какою страдалъ поклонникъ его, Вальковскій. Въ другомъ углу старикъ Ѳедосѣй Гундурова уставлялъ другія ширмы кругомъ пространства, занятаго имъ для одѣванія барина, радѣя объ этомъ не столько для удобства, сколько въ видахъ приличія. Землемѣръ Постниковъ, за отказомъ Ранцова имѣвшій исполнять *Тѣнь*, шагалъ озабоченно вдоль комнаты, полугромко повторяя роль, которую едва только успѣлъ выучить. Самъ храбрый капитанъ взялся играть теперь Рейнольда, слугу Полонія, вся роль котораго состоитъ изъ дюжины кратчайшихъ репликъ въ единственной сценѣ, данной ему съ его господиномъ, но такъ тревожился за нее, такъ боялся забыть подать эти реплики во-время, что и теперь пришелъ еще разочекъ до спектакля „провѣрить себя“ и репетовалъ свою сцену, стоя передъ ширмами, съ невидимымъ за ними Акулинымъ.

Въ началѣ осьмаго нагрянули и остальные актеры, а съ ними Толя Карнауховъ, вмѣнявшій себѣ, разумѣется, въ обязанность быть „страстнымъ театраломъ“. Онъ былъ *на ты* съ Чижевскимъ, нѣсколько знакомъ съ Духонинымъ и Ашанинымъ, а чрезъ нихъ перезнакомился тутъ же со всею труппой, начавъ съ главнаго дѣйствующаго лица, Гундурова, которому просилъ онъ Чижевскаго представить его, какъ „своему *сеніору* по alma mater, университету, и собрату по старушкѣ Мельпоменѣ“. Гундуровъ ничего не отвѣтилъ ему на это, холодно пожалъ протянутую имъ руку и ушелъ за ширмы,

говоря про себя: „все та же порода Анисьевыхъ“!... Злость и тоска все сильнѣе накипали на душѣ Сергѣя. „И на что имъ *Гамлетъ? Что имъ Гекуба и что они Гекубѣ?*“... говорилъ онъ себѣ съ нервною, подергивавшею губы его улыбкой. „За то же, какъ и скверно сыграю я имъ сегодня“. Такая же нервная дрожь пробѣгала у него по тѣлу. Во рту было невыносимо сухо.

— Не хотите-ли вы къ намъ придворнымъ „безъ рѣчей“ въ королевскую свиту, — у насъ тутъ лишніе костюмы есть? предложилъ Свищовъ Карнаухову.

— Въ самомъ дѣлѣ? Толя такъ и вскинулся.

— Впору имъ будетъ одинъ, точно! сказалъ портной, присланный съ костюмами отъ Петра Степанова, мѣряя его глазомъ.

Студентскій сюртукъ и галстухъ Толи уже летѣли на полъ.

— Николай Игнатьевичъ, заговорилъ изъ-за своихъ ширмъ Акулинъ, — не знаете, старичокъ нашъ, Василій Григорьичъ здѣсь? Я нарочно просилъ княгиню дозволить ему пріѣхать. Потому для него послушать *Гамлета*—пенсіи не нужно!

— Здѣсь, здѣсь, отвѣтилъ Свищовъ,—сидитъ, старый трубадуръ, одинъ-одинехонекъ въ пустомъ театрѣ, сіяетъ своей лысиной въ ожиданіи, когда люстру зажгутъ.

— Это Юшковъ, Василій Григорьичъ, смотритель училища? спросилъ капитанъ Ранцовъ,—первый нумеръ-старина, скажу вамъ-съ!

— Идеалистъ! засмѣялся Елпидифоръ:—Жуковскаго *Эолову арфу* читаетъ, обливается! „Владыка Морвены„... Очень это для него чувствительно...

Актеры спѣшили одѣваться. Словно полотно подъ быстрою рукой живописца, сѣроватый фонъ уборной убирался съ каждою минутой все богаче и пестрѣе яркими цвѣтами атласныхъ колетовъ и бархатныхъ мантій, бликами золота по шитью, кистямъ, эфесамъ шпагъ, мелканіемъ вѣющихъ перьевъ на высокихъ беретахъ. Самыя лица, наружности, какъ бы красивѣли и облагораживались подъ необычнымъ покроемъ иныхъ, болѣе живописныхъ временъ. Одинъ злополучный Розен-

кранцъ-Вальковскій, размалеванный по его указанію „придворнымъ красавцемъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ „злодѣемъ“, выходилъ, по выраженію Ашанина, „не то полишинель, не то лубочный чортъ“. Самъ Ашанинъ, въ бѣломъ пополамъ съ пунцовымъ атласномъ колетѣ и такихъ же haut de chausses, въ пунцовой бархатной мантіи и беретѣ подъ панашемъ изъ бѣлыхъ марабу, былъ невыразимо красивъ.

— Послушайте, голубчикъ, говорилъ ему торопливо Духонинъ, помѣшанный на „сценической правдѣ“, — что вы въ этомъ уборѣ заполоните на смерть сердца всѣхъ нашихъ зрительницъ, о томъ спора нѣтъ; но подумайте, годится-ли такое великолѣпіе „бѣдному, незнатному другу Гамлета?—Вѣдь это прямо въ текстѣ сказано...

— А вы объясните имъ, зрительницамъ: принцъ Гамлетъ въ траурѣ по отцѣ; такъ онъ, молъ, съ плеча своего старое платье все отдалъ донашивать другу своему, Горацію, отвѣчалъ со смѣхомъ красавецъ, откровенно любуясь на себя въ зеркало.

— Ваня, крикнулъ онъ съ мѣста Вальковскому,—вспомни, сдѣлай милость, въ сценѣ твоей и Гильденштерна съ Гамлетомъ опять въ дурацкомъ азартѣ твоемъ не наступать на Сережу такъ, что ему хоть въ кулису отъ тебя уходить приходится!

— А ты бы, отгрызся Вальковскій,—лучше за Свищовымъ глядѣлъ, когда онъ въ вашей сценѣ съ *Тѣнью* говоритъ Гамлету:

Я бѣдствія отечества предвижу, принцъ,

и въ порывѣ чувства хлопъ наотмашь принца по животу!

— А что жь это „бѣдствіямъ отечества“ мѣшаетъ? нагло захихикалъ тутъ же Свищовъ.

— А то, что я буду покорнѣйше просить васъ умѣрять необузданность вашихъ движеній, когда вы на сценѣ со мной! неожиданно для него выговорилъ ему Гундуровъ, выступая изъ-за ширмъ, за которыми одѣвался.

— Что же это такое,—наставленіе? попробовалъ было захорабриться онъ.

— Принимайте, какъ хотите! отрѣзалъ въ отвѣтъ Сергѣй, блеснувъ глазами и безсознательно дѣлая шагъ впередъ.

Изо всѣхъ концовъ уборной испуганно обернулись на него взгляды товарищей: они такъ мало ожидали отъ него этого рѣзкаго, вызывающаго тона...

Онъ былъ уже одѣтъ въ своемъ траурномъ костюмѣ Гамлета, съ неподвязаннымъ, по традиціи, спускавшимся съ одной ноги чулкомъ и длинными концами подвязки на другой, въ вырѣзномъ, низко лежавшемъ подъ свободно двигавшеюся высокою бѣлою шеей шитомъ воротничкѣ, и съ чернымъ по колѣна плащомъ, небрежно падавшимъ съ лѣваго плеча. Опущенные свѣтлые усы и легкая бородка клиномъ, удлинняя лицо, придавали ему какую-то сурово-болѣзненную вдумчивость; темный, слегка проведенный тушью, очеркъ по бровямъ и подъ нижними вѣками усугублялъ блескъ и игру зрачковъ: сѣрые глаза Гундурова казались совсѣмъ черными... Весь обликъ его въ этомъ видѣ выражалъ какое-то скорбное величіе, смѣсь прирожденной, законной горделивости и удрученія безконечною, неисходною тоской...

Съ перваго взгляда на него подъ этимъ обликомъ всѣмъ будто сказалось, что онъ имѣетъ право на эту поразившую ихъ надменную и раздраженную рѣчь...

Свищовъ не нашелъ слова отвѣтить, да и не успѣлъ бы... Вальковскій сорвался съ кресла, на которое уже одѣтаго посадилъ его опять подъ щетку Василій Тимоѳеевъ, и съ недофабренною бровью кинулся къ пріятелю:

— Сережа, гляди же, если ты теперь съ этою божественною рожей да не сыграешь мнѣ такъ, чтобы всѣхъ Гарриковъ за поясъ заткнуть, я тебя задушу!...

— А цѣпь же ваша гдѣ, Гундуровъ? подбѣжалъ къ нему съ другой стороны съ этимъ вопросомъ Духонинъ.

— Цѣпь? У меня никакой цѣпи нѣтъ, отвѣтилъ онъ, недоумѣвая.

— Помилуйте, да вѣдь это классическая необходимость для Гамлета,—цѣпь съ портретомъ на ней отца въ медальонѣ, какъ же это вы забыли? Надо бѣжать сейчасъ достать гдѣ-нибудь!...

— Не это-ли вотъ самое, что̀ требуется? спросилъ убиравшій за ширмами Ѳедосѣй,—сейчасъ генеральша прислала и съ записочкой.

Онъ подалъ ее барину. Софья Ивановна писала:

„Тебѣ нуженъ къ костюму медальонъ на цѣпи. Княжна вспомнила и посылаетъ. Береги особенно, въ немъ портретъ отца ея въ молодости“.

— Ну, вотъ и чудесно! говорилъ Духонинъ, между тѣмъ какъ Сергѣй вынималъ требуемое изъ коробки, сопровождавшей записку.—Это принадлежитъ тетушкѣ вашей?

Гундуровъ судорожно, почти грубо вырвалъ цѣпь изъ рукъ Духонина, накинулъ ее себѣ на шею и засунулъ медальонъ между пуговицъ колета, въ боязни, чтобы тому не вздумалось открыть его...

Благовоспитанный Москвичъ недоумѣвая поднялъ на него глаза:

— Что̀ съ вами, Гундуровъ?

Сергѣй схватилъ его за обѣ руки:

— Ради Бога, не сердитесь!... Я... я самъ не знаю, что̀ со мною дѣлается!...

Злоба душила Свищова. Ему надо было отомстить, „взять свое“ за претерпѣнное имъ сейчасъ униженіе... Онъ нашелъ:

— Ну, батенька, обратился онъ къ Карнаухову, — вотъ посмотрите на нашу Офелію! Предваряю заранѣе: сердечко на привязи держите!

Толя, которому въ это время подклеивали бороду, рванулъ головой вверхъ такъ, что вся борода осталась въ рукѣ парикмахера, и возгласилъ на распѣвъ:

Благоговѣю богомольно
Передъ святыней красоты!

— Да-съ, захихикалъ на это Свищовъ,—счастливъ этотъ преторіанецъ петербургскій,

Святыни сей ближайшій обладатель!

— Развѣ это рѣшено? тревожно воскликнулъ Толя; онъ

раздѣлялъ всѣ иллюзіи своихъ родителей относительно возможности брака сестры его съ Анисьевымъ.

— И вѣчно этотъ вашъ вздоръ и выдумки! заволновался Факирскій, одѣвавшійся въ углу рядомъ съ Шѝгаревымъ. — Откуда вы это взяли?

— Есть много на землѣ, мой другъ Факирскій,
Что и не снилось мудрости твоей!

задекламировалъ, продолжая хохотать, нахалъ. — Я полагаю, во всякомъ случаѣ, что для княжны эта „выдумка“ нисколько не обидна.

— Почему вы такъ полагаете-съ? воскликнулъ студентъ, кипятясь и избѣгая въ то же время встрѣтиться глазами съ Гундуровымъ.

— А потому полагаю-съ, что она цѣну должна себѣ знать... Да и вамъ бы, кажется, знать надлежало, юноша прекрасный, что такія золотыя пташки не про нашихъ московскихъ соловьевъ!...

— А про петербургское воронье, по-вашему? пылко воскликнулъ изъ другаго угла Духонинъ.

Свищовъ торжествовалъ:

— Э, батенька, лаяться-то всѣ мы мастера! А вы взгляните-ка на него: тридцати безъ малаго лѣтъ, — полковникъ, царскій адъютантъ, съ тверди небесной всѣ созвѣздія себѣ на грудь перевелъ... А мы съ вами ну-ка-сь?...

— Такъ вы бы... началъ было студентъ...

— Бросьте, не стóитъ! громко и презрительно остановилъ его Духонинъ.

— А будь я испанскимъ королемъ, господа, неожиданно заговорилъ Шѝгаревъ, въ ожиданіи свободнаго мѣста у зеркала, сидѣвшій, весь уже одѣтый, на диванѣ, съ поджатыми ногами и какимъ-то полотенцемъ, скрученнымъ чалмой кругомъ головы, — я бы непремѣнно для Свищова орденъ сочинилъ:

— Не американскаго-ли попугая? спросилъ тотъ, насмѣшливо оглядывая его свѣтлозеленый костюмъ.

— Жирно будетъ, не по чину тебѣ! возразилъ шутъ; —

нѣтъ, братъ, сочинилъ бы я для тебя паука большаго креста,—да паутина у тебя дрянь: комаренокъ, и тотъ насквозь ее прорветъ...

Онъ ошибался, — крылья Гундурова завязли въ этой паутинѣ. Слова Свищова, что̀ называется, добивали его. Громко, циническими устами, выговорено было о немъ теперь то, о чемъ онъ думалъ съ самаго утра,—то сужденіе, какое произнесетъ „весь свѣтъ“, когда „претензіи“ Гундурова станутъ вѣдомы этому свѣту. „Такія пташки не про московскихъ соловьевъ“, каковъ онъ, повторитъ этотъ безсмысленный свѣтъ, скажутъ всѣ эти „жалкіе“, эти „пустые люди“... А она?... Она прислала ему сейчасъ этотъ медальйонъ... Но она „должна знать себѣ цѣну!“... О, какъ это все тяжело, унизительно, обидно!..

Молодыя, чуткія сердца еще сильнѣе способны ощущать страданіе, чѣмъ радость. Чувство жгучей, невыносимой боли охватило все существо Гундурова... О, куда уйти, куда уйти отъ него!... Онъ поводилъ кругомъ моргавшими глазами, спрашивая себя, не кинуть-ли все сейчасъ, вмѣсто сцены велѣть заложить коляску, и съ мѣста отправиться въ путь подальше, подальше, гдѣ бы онъ могъ все забыть, гдѣ бы имени ея никто не произносилъ предъ нимъ.

— Господа, доложилъ входя режиссеръ,—княгиня прислала спросить: пора-ли гостямъ въ залу театра? Безъ четверти восемь!

Суета поднялась въ уборной:

— Мы сейчасъ готовы!...

— Я нѣтъ, я нѣтъ, испуганно восклицалъ Маусъ, игравшій Гильденштерна,—не могу до сихъ поръ усовъ добиться!

— Сею минутой, сею минутой! чирикалъ, мечась какъ угорѣлый по комнатѣ, Василій Тимоѳеевъ.

— „Прощай, прощай, прощай, и помни обо мнѣ!“ договаривалъ себѣ мелкою дробью изъ своей роли землемѣръ-*Тѣнь*, облеченный въ панцырь и шлемъ, украшенный двумя по бокамъ его крылами, согласно рисункамъ Ретча, и съ пристегнутымъ къ задней сторонѣ этого шлема сѣроватымъ плащемъ, окутывавшимъ его всего.

— А король-то нашъ, лорды и господа, король нашъ какъ великолѣпенъ!

Зяблинъ въ малиновомъ бархатѣ и горностаѣ, съ брилліантами, ушитыми въ формѣ короны кругомъ шляпы подъ страусовыми перьями, въ цѣпи изъ изумрудныхъ кабошоновъ, на которой висѣла огромная алмазная съ изумрудами же звѣзда ордена Льва и Солнца, полученная когда-то княземъ Михайломъ Шастуновымъ въ Персіи (княгиня Аглая щедро снабдила всѣми этими драгоцѣнностями „vrai ami“ на спектакль, сказавъ ему только: „vous en aurez soin, n'est ce pas?“). Зяблинъ, сіяющій, важный и молчаливый, выступалъ какъ на пружинахъ въ своихъ королевскихъ башмакахъ.

— Браво, браво, superbe!...

— Va — а-а-а superba, va superba! заоралъ тутъ же Шйгаревъ изъ *Семирамиды*.

— Сыны волшебнаго искусства, возгласилъ Толя, подбѣгая къ столу, на которомъ стояло вино въ серебряныхъ холодильникахъ, — легкую выпивку предъ *Гамлетомъ* не учинить-ли?

— Можно, можно...

— Для куражу-съ не мѣшаетъ, примолвилъ храбрый капитанъ Ранцовъ, котораго отъ волненія начинала бить лихорадка. — Не прикажете-ли вамъ? наливая себѣ бокалъ шампанскаго, обратился онъ къ Вальковскому.

Но „фанатикъ“ не слушалъ; онъ весь поглощенъ былъ въ созерцаніе физіономіи Полонія, которую домалевывалъ Василій Тимоѳеевъ.

— Экая вѣдь придворная шельма, дѣйствительно, вышелъ! восклицалъ онъ восторженно.

— Елпидифоръ Павлычъ, просилъ подбѣгая Чижевскій, которому очень шелъ его синій съ золотомъ костюмъ,—ради Бога, не забудьте реплики въ нашей сценѣ: „тебя вѣдь ждутъ, что̀ медлить“... А то вы приметесь каждый разъ обнимать меня...

— Разчувствуюсь—и забуду! Ужь не говорите! И толстякъ отчаянно махнулъ рукой;—ражъ ужь у меня такой! Повѣрите, такое со мной дѣлается, будто въ самомъ дѣлѣ съ род-

нымъ сыномъ разстаюсь,—плачу!... А вы, Ростиславъ Михайлычъ, сдѣлайте божескую милость, ущипните меня тутъ хорошенько за локоть!...

— Ущипну непремѣнно! хохоталъ тотъ...

— Господа, донесъ, вбѣгая опять, режиссеръ,—публика отправилась въ залу!...

— Идемъ, идемъ!...

Все двинулось изъ уборной.

— Гамлетъ, крикнулъ Гундурову въ дверяхъ Толя Карнауховъ, мрачно насупивъ брови и ударяя рукой по своему фіолетоваго цвѣта колету,—Гамлетъ, я вамъ глубоко завидую!

— Христе Боже, благослови! бормоталъ на ходу Полоній-исправникъ, несчетно крестя себя по животу...

LII.

Красивая, высокая, веселая, съ ея блестящею люстрой и расписнымъ плафономъ, зала театра сверху до низу горѣла огнями и была уже на половину полна. Городъ отстоялъ отъ Сицкаго не далѣе какъ верстъ на десять и, пользуясь дозволеніемъ Аглаи Константиновны, склонившейся на настоятельныя доказательства нашихъ актеровъ, „что чѣмъ болѣе зрителей, тѣмъ веселѣе играть“, все, что имѣло только средства къ передвиженію, прибыло оттуда на представленіе въ Сицкое. Уѣздное чиновничество съ женами и дочерьми, — иные съ десятилѣтними ребятами,—занимали всѣ заднія ряды креселъ, перешептываясь межъ собой и то-и-дѣло оглядываясь на большую дверь противъ сцены, откуда съ боязливымъ нетерпѣніемъ ждался ими выходъ хозяйки и „всѣхъ этихъ ея аристократовъ“. Въ углу три учителя уѣзднаго училища жадно вычитывали афишу спектакля, усердно отирая платками свои страшно вспотѣвшіе лбы; они пришли пѣшкомъ изъ города со своимъ смотрителемъ. Это былъ невысокаго роста человѣкъ лѣтъ пятидесяти, казавшійся старѣе своихъ лѣтъ по глубокимъ морщинистымъ складкамъ, бороздившимъ его круглое широкое лицо подъ ворохомъ густыхъ и всклокоченныхъ сѣдыхъ волосъ, и гораздо моложе ихъ по совершенно юношескому блеску большихъ, открытыхъ, необычайно свѣтлыхъ и благодушныхъ какихъ-то глазъ. Онъ стоялъ самъ посреди небольшой группы молоденькихъ офицеровъ артиллерійской бригады, штабъ которой находился въ городѣ, и толковалъ имъ, сіяя этими своими большими юношескими гла-

зами, „о значеніи *Гамлета* въ исторіи человѣческаго творчества“. Самъ онъ уже двѣ недѣли готовился „къ торжеству“, перечтя раза три сряду строку за строкой имѣвшагося у него въ переводѣ Вронченко *Гамлета* и все, что̀ могъ онъ найти о немъ въ пыльномъ хламѣ давно забытыхъ студенческихъ тетрадокъ и старыхъ журналовъ, что̀ громоздились по окнамъ и угламъ его холостой, безпорядочной, насквозь прокуренной Жукова табакомъ квартиры...

— Вѣдь это событіе, господа, событіе, говорилъ онъ, потирая себѣ весело руки и громко смѣясь отъ предвкушавшагося имъ наслажденія,—*Гамлетъ*, исполняемый образованными людьми, — образованными, господа, не забудьте, которымъ слѣдовательно каждое слово его должно быть понятно и дорого. До-ро-го, да-съ, это именно соотвѣтствующее здѣсь выраженіе, ибо въ Шекспирѣ, какъ въ Гомерѣ, какъ въ Библіи, каждое слово лучъ солнца, въ каждомъ море свѣта и міръ мысли, господа!...

Артиллеристы сосредоточенно, съ опущенными головами, внимали ему, занятые впрочемъ не столько моремъ свѣта Шекспира, сколько тѣмъ, что ихъ батарейный командиръ, находившійся въ числѣ *гостей* и обѣдавшій въ Сицкомъ, долженъ былъ представить ихъ тутъ, въ залѣ театра, хозяевамъ дома, и какъ бы поэтому „держать имъ себя такъ, чтобы показаться не хуже какого-нибудь *пустаго* графа или князя“.

Музыканты сидѣли уже всѣ въ оркестрѣ у пульпетовъ, съ разложенными на нихъ нотами своихъ партій. Эрлангеръ, позѣвывая и усмѣхаясь тонкими губами, лѣниво переговаривался съ первою скрипкой, обернувшись къ ней въ-полоборота со своего дирижерскаго мѣста.

Въ воздухѣ струился крѣпкій запахъ только-что прокуренныхъ слугами духовъ.

— Пш... пш... донеслось изъ глубины залы...

Все разомъ въ ней обернулось на входныя двери...

Витторіо махалъ оттуда дирижеру бѣлымъ платкомъ.

Музыканты ухватились за свои инструменты. Эрлангеръ

поднялся, окинулъ глазами оркестръ, медленно приподнялъ палочку надъ своею чистенькою, гладко подчесанною головой...

Раздались первые такты полонеза *Жизни за Царя*, и подъ его звуки, подъ руку съ графомъ въ звѣздахъ на гвардейскомъ мундирѣ Финскихъ стрѣлковъ, милостиво помахивая головой направо и налѣво въ отвѣтъ оробѣлымъ улыбкамъ и поклонамъ вскочившей на ноги при появленіи ихъ публики, вошла княгиня Аглая Константиновна, величественная и счастливая, какъ царица,—вѣрнѣе же, какъ жирный котъ, любимецъ барыни, жмурящійся круглыми глазами на солнце, между тѣмъ какъ босоногая Палашка раболѣпно чешетъ ему пальцами за ухомъ... За нею, попарно, шла толпа гостей: графиня Воротынцева подъ руку съ княземъ Ларіономъ, Софья Ивановна съ бригаднымъ генераломъ, тридцатилѣтняя московская княжна съ княземъ Лоло, княгиня Додо съ командиромъ артиллерійской батареи, еще молодымъ и красивымъ полковникомъ, недавно назначеннымъ изъ гвардіи, къ которому тотчасъ же и обратились, съ полуиспуганнымъ, полувопросительнымъ выраженіемъ, глаза его юныхъ подчиненныхъ, но который съ своей стороны, чуть замѣтно сморщившись и тутъ же низко наклонясь къ лицу своей дамы, прошелъ, какъ бы не видя ихъ. Московскіе жень-премьеры отыскали себѣ также дамъ въ числѣ московскихъ помѣщицъ-сосѣдокъ, попавшихъ въ почетный легіонъ гостей ея сіятельства, и хохотъ „Сеньки“, шедшаго рядомъ съ какою-то хорошенькою блондинкой, уже гремѣлъ на всю залу... Графъ Анисьевъ, со своимъ иконостасомъ крестовъ изъ-за каждой пуговицы флигель-адъютантскаго мундира, велъ хохочущую Женни не то небрежно, не то внимательно слушая ея торопливыя рѣчи и угадывая въ то же время, по выраженію особаго любопытства въ обращавшихся на него со всѣхъ сторонъ взглядахъ, что поводъ пріѣзда его въ Сицкое не былъ тайною даже для этого мелкаго, невѣдомаго ему уѣзднаго общества...

Гости размѣстились въ первыхъ рядахъ креселъ. Въ одной изъ двухъ ложъ театра, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ пространства, занимаемаго оркестромъ, усѣлись князекъ и mister Ноксъ съ англійскимъ томикомъ Шекспира въ рукѣ,

по которому готовился слѣдить за представленіемъ. Въ другую ложу ушла madame Crébillon, съ тайнымъ намѣреніемъ „faire un petit bout de sieste“ въ темномъ углу ея...

— Прекрасный театръ, — лучше чѣмъ у меня! Еще старикъ князь строилъ, знаю! Вкуса много имѣлъ! пѣлъ акаѳистомъ графъ подъ тактъ заливавшагося полонеза, не садясь еще и одобрительно озираясь кругомъ.

Княгиня Аглая блаженно улыбалась.

— И какъ это удачно cette vraie draperie du portail, говорила ей, въ свою очередь, графиня Воротынцева, занимая мѣсто рядомъ съ графомъ и усаживая подлѣ себя Софью Ивановну,—мягко, элегантно и богато на взглядъ...

Вмѣсто писанной по полотну драпировки, какъ это обыкновенно водится въ театрахъ, порталъ сцены задрапированъ былъ, по мысли Ашанина, отъ самаго потолка настоящею пунцовою шерстяной матеріей, отороченною длинною бахрамой и перехваченною въ подлежащихъ мѣстахъ толстымъ, витымъ пополамъ съ золотомъ, пунцовымъ же снуромъ съ огромными на концахъ его кистями. Передній занавѣсъ былъ сдѣланъ изъ той же матеріи на сборкахъ и подбирался, какъ стора, на снуркахъ. За нимъ былъ уже другой, писанный занавѣсъ (изображавшій домъ въ Сицкомъ со стороны сада), который предназначенъ былъ къ опусканію послѣ сценъ *Гамлета*, за которыми слѣдуетъ перемѣна декорацій. Матерчатый занавѣсъ долженъ былъ опускаться по окончаніи каждаго акта.

— Лишняя роскошь! откидывая вѣеромъ ладони, отозвался графъ на похвальный отзывъ графини Воротынцевой.

Княгиня Аглая съ самодовольно-лукавою улыбкой подмигнула ему глазкомъ.

— Это у меня потомъ все на мебель во флигеля пойдетъ, сообщила она ему, какъ бы по секрету, наклоняясь къ уху его.

— Разсчетъ, это хорошо! И щеки старца запрыгали отъ веселаго смѣха.—Отца знамъ! Разсчетомъ милліоны нажилъ!... И дочь такая же! промолвилъ онъ уже съ тѣмъ особымъ оттѣнкомъ добродушія, благодаря которому не было возможно-

сти на него сердиться, и онъ съ своей стороны имѣлъ возможность говорить людямъ всегда все, что ему хотѣлось...

Словно гранату взорвало предъ нашей княгиней... Опять, опять, — третій разъ со вчерашняго вечера, — объ этихъ несчастныхъ Раскаталовскихъ милліонахъ!... „И дочь такая же...“ Она, княгиня Шастунова, она—„такая же?...“ О, это ужасно, этого перенести нельзя!... „А этотъ старый шутъ какъ ни въ чемъ не бывало“...

И злополучная хозяйка, злобно кусая себѣ губы, словно вся ушла въ свое кресло, безмолвная и глухая на все, что двигалось кругомъ ея...

LIII.

А по той сторонѣ занавѣса, на сценѣ, лихорадочно волнуясь, режиссеръ, уже съ крупными каплями пота на лбу и пересохшими губами, то быстро перебѣгая отъ одного лица къ другому, то внезапно пятясь ступнями назадъ, чтобы лучше судить объ общей картинѣ, устанавливалъ актеровъ, участвовавшихъ въ первомъ явленіи *Гамлета*. Какъ уже извѣстно нашему читателю, открывающая драму Шекспира сцена появленія *Тѣни* на террасѣ Эльсинорскаго дворца попала въ число урѣзокъ, предложенныхъ княземъ Ларіономъ, и представленіе начиналось прямо со сцены во дворцѣ. На двухъ поставленныхъ на возвышеніи съ высокими вырѣзными спинками готическихъ креслахъ, по лѣвую руку отъ зрителя, возсѣдали теперь рядомъ король-Зяблинъ и королева-Надежда Ѳедоровна въ брилліантовой діадемѣ на головѣ и шитой золотомъ бѣлой атласной юпкѣ подъ такою же расшитою по зеленому бархату traîne, въ которой представала на куртаги въ нѣмецкой резиденціи русская посланница Fürstin Aglaia von Schastunof. Глаза перезрѣлой дѣвы горѣли необычнымъ имъ блескомъ надъ подрумяненными щеками; „все кончено, и мнѣ все равно“, казалось, говорило не то презрительное, не то смиренное выраженіе ея поджатыхъ губъ. (Предъ нею только-что мелькнула въ дальней кулисѣ высокая фигура Ашанина, тщательно, съ своей стороны, избѣгавшаго попасть ей на глаза)... Четыре хорошенькіе мальчики-пажи (сыновья и племянники „образованной окружной“) въ голубыхъ колетахъ, поставленные попарно по обѣимъ сторонамъ королевской че-

ты, держали на рукахъ ихъ длинныя, тяжелыя бархатныя мантіи. За ними, растянутыя полукругомъ къ глубинѣ сцены, стояли, съ „образованною окружной“ во главѣ, Eulampe и остальныя пулярки въ вырѣзныхъ лифахъ и длиннохвостыхъ, разноцвѣтныхъ платьяхъ, изображая собою придворныхъ дамъ. Полукругъ замыкали Полоній съ сыномъ, а за дамами, какъ бы фонъ картины, составляла кучка „придворныхъ“, состоявшая изъ Вальковскаго, Мауса, Шигарева, Духонина съ Факирскимъ и случайнаго новобранца, Толи Карнаухова... Вся правая сторона сцены оставлена была свободною для Гамлета, одиноко погруженнаго въ свою печаль во все продолженіе вступительной рѣчи короля и послѣдующаго разговора его съ Лаэртомъ.

— Позвольте, сударыня, попросить васъ сомкнуться немножко, суетился режиссеръ,—чтобы просвѣтовъ поменьше было: не эффектно!... А вы, господа, напротивъ, пошире маленечко... Да посвободнѣе, посвободнѣе позы-съ!... Тутъ бы-съ на первомъ планѣ, у кресла королевы...

— Чего тамъ тебѣ еще? рявкнулъ изъ кучки Вальковскій, подмываемый нетерпѣніемъ начать скорѣе.

— Да кого-нибудь изъ дамъ нужно бы...

— Ольгу поставьте, Ольгу Акулину, закричала Eulampe,—у нея настоящій, отъ княгини, придворный, шитый хвостъ...

— Да гдѣ же онѣ-съ, я ихъ не вижу? спрашивалъ торопливо режиссеръ, обѣгая кругомъ глазами...

— Она съ нами одѣвалась... Она вышла съ нами... Ольга, Ольга! заголосили разомъ всѣ *пулярки*...

— Стрекоза! фыркнулъ опять Вальковскій, не смущаясь сосѣдствомъ Акулина, отца этой „стрекозы“.

Режиссеръ прянулъ за кулису...

Не смотря на рѣшительный отказъ ея утромъ участвовать въ свитѣ королевы, Ольга Елпидифоровна послѣ разговора своего съ графомъ Анисьевымъ возгорѣла вдругъ самымъ пылкимъ желаніемъ, не дожидаясь завтрашняго торжества своего, „какъ пѣвицы“, показать себя ему сегодня же со стороны красоты, и притомъ „въ придворномъ шлейфѣ“,—такъ, меч-

тала она, „какая я буду, когда меня за голосъ ко двору“... Костюмъ же былъ давно готовъ, перешитъ и прилаженъ на нее изъ другой бывшей traîne de cour княгини Аглаи Константиновны, щедро отворившей на этотъ случай домочадицамъ своимъ тяжелые кованые сундуки, хранившіе безчисленные ея уборы... Ольга облеклась въ это темнолиловое съ золотомъ, обшитое кружевами, бархатное платье, изъ котораго свободно и высоко выступали ея круглыя плечи, приколола къ темнымъ волосамъ брилліантовую бабочку, взятую ею у княжны Лины, и съ глубокимъ внутреннимъ восхищеніемъ, улыбнувшись себѣ въ этомъ пышномъ нарядѣ въ зеркало, вышла изъ уборной вслѣдъ за *пулярками*.

Тяжесть бархатнаго шлейфа, который вмѣсто того, чтобы взять его на руку, она тянула за собою по корридору, безпрестанно оборачиваясь на него съ ребяческимъ наслажденіемъ, замедляла ея шаги. Ея подруги строились уже на сценѣ, когда она еще подходила къ обитой ковромъ лѣсенкѣ, которая вела за кулисы.

Она подобрала свой хвостъ и, обремененная имъ, медленно и неловко ворочаясь, стала взбираться по довольно крутымъ ступенькамъ...

Кто-то сверху протянулъ ей руку въ бѣлой перчаткѣ.

Она, не глядя, уцѣпилась за нее и поднялась.

— Mercі! сказала она машинально, машинально подняла вѣки...

Предъ нею стоялъ Ашанинъ, сіяя страшнымъ огнемъ устремленныхъ на нее глазъ, и красивый, какъ молодой богъ.

Такимъ показался онъ ей въ этихъ яркихъ цвѣтахъ, подъ этою мантіей, этими складками необычной, фантастической одежды... Это было что-то внезапное, непредвидѣнное и волшебное, чему она противустоять была не въ силахъ.

— Ахъ, какъ вы хороши! воскликнула она, всплеснувъ руками и восторженно глядя ему въ лицо.

— Что ты со мной дѣлаешь! едва могъ его языкъ проговорить въ свою очередь,—его била лихорадка... — Что ты со мной дѣлаешь! сказалъ онъ еще разъ, наклоняясь къ самому ея лицу и жаднымъ движеніемъ ухватывая ея руку...

— Ольга Елпидифоровна, пожалуйте скорѣе, пожалуйте! летѣлъ къ ней съ этимъ крикомъ навстрѣчу режиссеръ, чуть не сбивъ съ ногъ ламповщика, попавшагося ему навстрѣчу.

Она вырвалась и побѣжала на сцену...

Гундуровъ тѣмъ временемъ, все съ тѣмъ же нервнымъ помаргиваніемъ вѣкъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ лица, разгуливалъ по оставленному для него свободному пространству сцены. Такъ же тоскливо было у него на душѣ, но эта тоска какъ бы все выше и выше подымалась теперь, выливаясь изъ рамокъ его личныхъ ощущеній. Она какъ бы владѣла имъ теперь безо всякой субъективной причины, безо всякаго положительнаго повода, а какъ бы произвольно избравъ его сосудомъ, изъ котораго должна была изливаться она. Онъ испытывалъ ея муку и словно припомнить не могъ, откуда налетѣла она въ его душу, какъ не помнитъ расходившаяся волна того вѣтра, что̀ наканунѣ поднялъ ее изъ глуби моря... То, что̀ предстояло ему теперь, сейчасъ, эта безконечная, безнадежная скорбь человѣка-Гамлета, это была его скорбь, онъ уже не могъ отдѣлить ея отъ того чего-то особеннаго, лично ему принадлежавшаго, изъ котораго изошла она... Тотъ, болѣе дѣйствительный, чувствовалъ онъ, чѣмъ сама дѣйствительность, міръ правды искусства захватывалъ и уносилъ его... Сквозь занавѣсъ, отдѣлявшій его отъ этихъ „людей, собравшихся глазѣть на него“, доносились сквозь звуки музыки назойливое жужжаніе ихъ „пустыхъ рѣчей“, ихъ „безсмысленный смѣхъ“... и все выше, выше подымалось въ немъ надъ этою „людскою толпой“ чувство той „человѣческой“, безконечной скорби къ правдѣ искусства. И ничего, кромѣ этого чувства, будто и не существовало никогда въ его душѣ...

„Кто снесъ бы бичъ и посмѣянье вѣка,
Безсилье правъ, тирановъ притѣсненье,
Обиды гордаго, забытую любовь,
Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ,
Когда бы могъ насъ подарить покоемъ
Одинъ ударъ?“

читалъ онъ безсознательно громко изъ своего знаменитаго монолога, самъ какъ бы летя на крыльяхъ этихъ выговариваемыхъ имъ словъ.

— Полнехонько-съ! съ веселою улыбочкой и тѣмъ особымъ шопотомъ, которымъ говорятъ за кулисами, обратился къ нему декораторъ, стоявшій рядомъ съ занавѣщикомъ у перваго плана, откуда сквозь узкій просвѣтъ между занавѣсомъ и порталомъ видна ему была зала.

Гундуровъ почти злобно взглянулъ на него. „Къ чему эти нелѣпыя слова?“ какъ бы сказало что-то внутри его...

— Гамлетъ, на ваше мѣсто, пожалуйте! сказалъ, подбѣгая къ нему, режиссеръ, покончившій съ установкой Ольги Елпидифоровны съ ея „придворнымъ хвостомъ“ у кресла королевы.

Сергѣй занялъ свое мѣсто, скрестилъ руки, все также безсознательно, высокомѣрно и горько улыбаясь...

Режиссеръ торопливо попятился опять назадъ ступнями, окидывая теперь взглядомъ весь ансамбль скомпонованной имъ картины, и одобрительно качнулъ головой подъ заключительный тактъ тутъ же смолкнувшаго полонеза...

— Готово-съ? спросилъ онъ.

На всѣхъ лицахъ пробѣжало нервное движеніе,—то невольное и неизбѣжное движеніе страха, испытываемаго даже ветеранами сцены предъ торжественною минутой поднятія занавѣса. Никто не отвѣтилъ...

Отвѣта и не ожидалось. Режиссеръ подбѣжалъ къ занавѣсу, опущенному предъ самой будкой суфлера:

— Тутъ? прошепталъ онъ, нагибаясь къ самому полу, зная напередъ, что суфлеръ на мѣстѣ, но исполняя все по обычаю.

Занавѣсъ чуть-чуть заволновался, и изъ-подъ него выдвинулась на половину суфлерская книжка.

Режиссеръ еще разъ обернулся къ актерамъ, медленно поднялъ и опустилъ затѣмъ голову и руки, какъ дѣлаютъ это запѣвалы военныхъ пѣсенниковъ, и на цыпочкахъ выбѣжалъ въ кулису...

Перья на беретахъ „придворныхъ“ дрогнули какъ-то разомъ. Исправникъ-Полоній съ растерянным лицомъ воззрил-

ся вдругъ на Зяблина-Клавдіо. Вальковскій схватился за эфесъ шпаги. Ольга Елпидифоровна поднесла руку къ бриллiантовой бабочкѣ, воткнутой въ ея косу, какъ бы справляясь, тутъ-ли она...

Три удара сапога о-полъ раздались слѣва въ кулисѣ. Медленно и безшумно взвился на своихъ кольцахъ матерчатый занавѣсъ и, съ легкимъ колебаніемъ длинной бахромы, подобрался красиво густыми фестонами подъ складки портала...

LIV.

Ta douleur est nôtre douleur à tous, Hamlet...
G. Sand.

Міръ иной,
Свободный, свѣтлый, безграничный,
Какъ рай лежитъ передо мной.
Языковъ.

Съ поднятіемъ занавѣса вся зала словно колыхнулась головами впередъ. За мгновенно наступившею тишиной пронеслось на мигъ нѣчто похожее на шелестъ вѣтра въ листьяхъ; постановка картины произвела надлежащее впечатлѣніе...

За тѣмъ всѣ глаза устремились на Гамлета.

Прежде всего такъ поразителенъ былъ этотъ одинокій траурный костюмъ противу той роскошной пестроты и блеска... Затѣмъ онъ самъ...

— C'est vôtre neveu? торопливымъ шопотомъ и не оборачиваясь спросила Софью Ивановну графиня Воротынцева, какъ бы боясь потерять его изъ глазъ.

Софья Ивановна чуть-чуть кивнула головой. Она сама глядѣла, не переводя дыханія...

Онъ стоялъ въ-полоборота, скрестивъ руки, съ полуопущенными вѣками, ничего не видя—и видя все: тѣсную кучку слугъ, жадно толпившуюся въ глубинѣ залы у растворенныхъ дверей, ряды головъ неестественно тянувшихся впередъ, и чѣмъ ближе, тѣмъ ярче алчный блескъ направленныхъ на него зрачковъ, и выпяченную, какъ бы вопрошающую, губу лысаго старца въ серебряныхъ густыхъ эполетахъ, и приподнятые углы глазъ незнакомой ему, прекрасно и вдумчиво

вглядывавшейся въ него женщины, а за нею другіе глаза, серьезные и внимательные, не отрывавшіеся отъ него, глаза Анисьева... Онъ видѣлъ все и—ничего не видѣлъ: то, что отствѣчивалось въ его зрачкахъ, не вызывало никакого сознательнаго представленія въ его мозгу; это были какія-то точки, линіи, какія-то формы существъ, до которыхъ ему не было никакого дѣла, и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ сливались въ одно что-то цѣлое, вѣское и подчиненное ему,—что-то, надъ чѣмъ онъ долженъ былъ властвовать и уже властвовалъ: онъ это чувствовалъ. Это что-то безличное, сливающееся въ его сознаніи, оно напередъ было уже подкуплено имъ и боялось за него теперь, какъ мать за сына,—боялось тѣхъ недочетовъ, которые могли ожидать это напередъ, на вѣру даруемое ему сочувствіе; онъ это понималъ какимъ-то особымъ, новымъ для него ощущеніемъ, какимъ-то тѣснымъ родствомъ его съ ощущеніями этой же, въ тоже время безличной для него толпы... А между тѣмъ что было у нея общаго съ тѣмъ неопредѣлимымъ состояніемъ гнетущей и блаженной тоски, съ тѣмъ небывалымъ подъемомъ всего его существа, которые таились теперь подъ его еще безмолвнымъ и понурымъ обликомъ?... „И чего они боятся?“ думалъ онъ какъ-то вскользь, — и еще презрительнѣе, еще высокомѣрнѣе сжимались его блѣдныя, нѣмыя губы...

— Сколь намъ ни драгоцѣнна память брата,
Похищеннаго смертью,

началъ король-Зяблинъ своимъ увѣреннымъ, тягучимъ, *сдобнымъ* голосомъ. Онъ исполненъ былъ важности и самодовольства...

— Исправникъ! пропѣлъ вдругъ шопотомъ графъ, узнавая Акулина подъ стариковскимъ парикомъ Полонія, и съ засіявшимъ лицомъ наклонился сообщить эту радость сосѣдкѣ своей, княгинѣ; для него какъ бы вся соль дѣла заключалась въ томъ, что вотъ, молъ, какъ хитро перерядился, а я его все-таки узналъ.

Взбѣшенная на него Аглая, не оборачиваясь, промычала себѣ что-то подъ носъ.

Клавдіо, договоривъ свое вступленіе, перешелъ прямо (о посольствѣ Корнелія и Волтиманда къ Фортинбрасу было выкинуто,) къ Лаерту:

— Мы слышали, что у тебя есть просьба къ намъ.
Скажи, чего желаешь ты? Мы поспѣшимъ
Исполнить...

Чижевскій, отдѣлясь отъ группы „придворныхъ," бодрымъ, статнымъ шагомъ своихъ длинныхъ ногъ подошелъ на близкое разстояніе отъ кресла короля, красивымъ движеніемъ сдернулъ беретъ съ головы и, почтительно склонивъ ее, заявилъ о своемъ желаніи ѣхать во Францію.

— Мой! Хорошо играетъ? запѣлъ все тѣмъ же шепоткомъ графъ, наклонясь на этотъ разъ къ сосѣдкѣ своей съ лѣвой стороны.

Графиня Воротынцева не отвѣчала.

Старецъ сложилъ ладони на животъ и, добродушно выпятивъ опять свою нижнюю губу, воззрился снова на исправника-Полонія.

— Къ тебѣ теперь я обращаю рѣчь,
Мой братъ и мой любезный сынъ, Гамлетъ!

молвилъ король.

У Софьи Ивановны ёкнуло сердце. Все, что было въ залѣ, невольно притаило духъ...

Первыя слова *Гамлета:* „Немного больше брата, меньше сына", говоримыя имъ въ сторону, сказаны были нѣсколько тихо,—ихъ не дослышали въ послѣднихъ рядахъ. Смотритель училища приставилъ обѣ свои ладони за уши: у него билось сердце не хуже, чѣмъ у Софьи Ивановны...

Но когда, въ отвѣтъ на слова дяди,

„Зачѣмъ такія облака печали на лицѣ?"

принцъ, повернувъ къ нему это свое печальное лицо, проговорилъ:

— Такъ близко къ солнцу радости—могу-ли
Одѣть себя печали облакали, государь?

по всему театру пробѣжалъ тотъ едва слышный, вырывающійся невольно, шопотъ одобренія, по которому вѣрнѣе всего опредѣляется мѣра правды въ тонѣ и намѣреніи актера.

— Такъ, такъ! Сквозь скорбь иронія, а сквозь иронію затаенная ненависть къ кровосмѣсителю дядѣ, — такъ, вѣрно! шепталъ, сіяя глазами, старикъ смотритель, оборачиваясь къ учителямъ, сидѣвшимъ за нимъ въ креслахъ.

Очередь была теперь за Гертрудой. Она тоже увѣщевала сына „оставить печаль“ и перестать „искать во прахѣ благороднаго отца“.

Никто изъ слышавшихъ ее на репетиціяхъ не узналъ Надежды Ѳедоровны. Откуда бралась у нея теперь эта натуральность и вѣрность интонаціи, откуда это что-то неожиданно-проницающее въ ея глухомъ, однозвучномъ голосѣ, какимъ всѣ его знали до сихъ поръ? Слова: „Таковъ нашъ жребій, всѣхъ живущихъ, умирать“, проговорила она такъ, что Ашанинъ, стоявшій въ кулисѣ за нею и пожиравшій оттуда глазами восхитительную спину Ольги Елпидифоровны, поблѣднѣлъ подъ своими румянами. „А ну, какъ если она и въ самомъ дѣлѣ помереть вздумаетъ!...“ пронеслось въ головѣ московскаго Донъ-Жуана...

Гамлетъ покорно склонился предъ волей короля-дяди, не согласнаго на новый отъѣздъ его въ Виттенбергъ; король за это обѣщалъ, что „въ честь ему раздастся громъ орудій“, а самъ „онъ къ облакамъ внесетъ заздравный кубокъ“, и поднялся за этими словами съ кресла вмѣстѣ съ королевой.

Тутъ произошло маленькое смятеніе. Зяблинъ, исполненный величественностью своего королевскаго званія, счелъ нужнымъ воздѣть на себя мантію, чтобъ уйти со сцены съ достодолжною помпой. Но пажики, державшіе ее, не бывъ заранѣе предварены объ этомъ, сконфузились и при томъ были слишкомъ малы, чтобы приподнять ее до плечъ его величества. Выручилъ Толя Карнауховъ: съ находчивостью и ловкостью совершенно придворными онъ выбѣжалъ изъ кучки товарищей, выхватилъ мантію изъ пажескихъ рученокъ и съ глубокимъ поклономъ возложилъ ее на датскаго владыку.

— Да это мой сынъ! раздался въ первомъ ряду креселъ

радостно удивленный смѣхъ княгини Додо, между тѣмъ какъ на сценѣ королева-Надежда Ѳедоровна сконфуженно оглядывалась, не зная, надѣвать-ли и ей мантію, или нѣтъ.

Ольга Елпидифоровна, стоявшая подлѣ ея кресла, исполнилась вдругъ, въ виду глядѣвшей на нее публики,—она была убѣждена, что главнымъ образомъ на нее смотрятъ,—неслыханнаго великодушія: она по примѣру Толи взяла мантію изъ рукъ пажей и, живописно округливъ локти, надѣла ее на плечи перезрѣлой дѣвы.

И затѣмъ дворъ, безъ дальнѣйшихъ приключеній и въ должномъ порядкѣ, вѣя перьями и шурша длинными платьями дамъ, удалился за кулисы при громѣ рукоплесканій,—имъ же подали знакъ пухлыя ладони совершенно довольнаго тѣмъ, что онъ узналъ исправника, подъ старческимъ парикомъ, графа.

Гамлетъ остался одинъ...

Онъ сдѣлалъ два стремительные шага впередъ, остановился, сжалъ до боли пальцы опущенныхъ рукъ, поднялъ глаза:

— О, еслибъ вы, души моей оковы,
Испарились въ туманъ, росою пали!
Иль еслибъ ты, Судья земли и неба,
Не запретилъ грѣха самоубійства!...

Голосъ Гундурова не плакалъ, какъ заставлялъ его плакать Гаррикъ въ этомъ первомъ, удивительномъ монологѣ, который по разнообразію оттѣнковъ и силѣ драматической экспрессіи стоитъ гораздо выше болѣе всѣмъ извѣстнаго, высоко художественнаго, но резонерскаго по характеру: „Быть иль не быть“... Онъ не плакалъ этотъ молодой, звенѣвшій какъ натянутая струна и полный неожиданныхъ изгибовъ голосъ, онъ весь дрожалъ гнѣвомъ еще свѣжихъ впечатлѣній, безумнымъ отчаяніемъ свѣтлой души, на зарѣ дней пораженной первымъ и уже нестерпимымъ ударомъ...

— Два мѣсяца! Нѣтъ, даже и не два,
Какъ умеръ онъ, монархъ столь благородный!
Такъ пламенно мою любившій мать,
Что и небесъ неукротимымъ вѣтрамъ

Не дозволялъ лица ея касаться!...
Покинь меня, воспоминаній сила!
Ничтожность *), женщина, твое названье!

Такого горячаго, быстраго темпа, какимъ лились эти строки изъ этихъ молодыхъ устъ, князь Ларіонъ, „видѣвшій *Гамлета* на всѣхъ театрахъ Европы“, не слыхалъ никогда, и этотъ юный русскій диллетантъ, какъ предсказывалъ князю Ашанинъ въ первый день ихъ пріѣзда въ Сицкое, „удовле творялъ“ его теперь дѣйствительно болѣе, чѣмъ Мекриди и Кемблъ, или тотъ Нѣмецъ, которому внималъ онъ на Веймарскомъ театрѣ изъ ложи директора Гёте. Его самого словно захватывало, словно уносило отъ личныхъ терзаній къ той общей, безконечной человѣческой скорби, — уносила эта геніальная художественная правда въ этой искренней, лишенной всякаго эмфаза, чисто русской передачѣ.

— Одинъ короткій, быстротечный мѣсяцъ!

говорилъ Гундуровъ, все сильнѣе и сильнѣе увлекаясь:

И башмаковъ еще не износила,
Въ которыхъ шла, въ слезахъ, какъ Ніобея,
За бѣднымъ прахомъ моего отца!
О небо! Звѣрь безъ разума, безъ слова,
Грустилъ бы долѣе!...

Онъ не совладалъ съ одолѣвшею его силой ощущенія; рыданіе, неудержимое дѣтское рыданіе вырвалось изъ груди Сергѣя... Онъ только успѣлъ выхватить платокъ изъ кармана и погрузить въ него свое облитое потокомъ слезъ лицо.

Опытнѣйшій актеръ не сумѣлъ бы произвести такого впечатлѣнія. Зала словно застонала вся ему въ отвѣтъ... Въ заднихъ рядахъ вскочили. „Божественно, божественно!“ всхлипывая, громко восклицалъ всклокоченный сѣдой смотритель...

---

*) *Frailty, thy name is woman.* Frailty, французское, отъ того же корня, *fragilité*, передается въ нѣмецкихъ переводахъ *Гамлета* не совсѣмъ близкимъ словомъ *Schwachheit* (слабость), а русскими переводчиками уже совсѣмъ невѣрно, словами *ничтожество*, *ничтожность*, между тѣмъ какъ, кажется, въ нашемъ языкѣ имѣется довольно близкій переводъ этого слова: — *хрупкость*.

— Онъ никогда не будетъ въ состояніи продолжать такъ! промолвила, оборачиваясь къ Софьѣ Ивановнѣ, графиня. — Я понимаю, какъ вы должны его любить! воскликнула она тутъ же, съ улыбкой заглядывая ей въ лицо.

— Я этого ожидала... Это со вчерашняго вечера готовилось! прошептала вся блѣдная Софья Ивановна.

О, если бы могъ видѣть Гундуровъ,—не видѣвшій ничего теперь, кромѣ того предъ собою, чего-то сплошнаго и безличнаго, надъ чѣмъ властвовалъ онъ этимъ блаженно-пронимавшимъ всего его чувствомъ Гамлетовской безконечной печали,—если бы видѣлъ онъ выраженіе тѣхъ лазоревыхъ, отуманенныхъ глазъ, что̀ глядѣли на него изъ-за второй направо кулисы, за которою съ падавшими на грудь длинными локонами золотистыхъ волосъ кругомъ прелестнаго лица, съ подобраннымъ на руку шлейфомъ своего придворнаго, голубаго шелковаго платья, стояла въ ожиданіи своего выхода Офелія!... Она тоже знала, *чѣмъ* вызвано было это внезапное, прорывавшееся у „ея принца“ рыданіе... Она стояла, ухватившись за раму холста, боясь упасть и не замѣчая, не слыша, какъ предлагалъ ей стоявшій подлѣ нея декораторъ сѣсть на подвинутый имъ стулъ и не „салить“ свѣжихъ перчатокъ объ эту раму...

Онъ не видѣлъ ея,—онъ успѣлъ оправиться подъ шумъ не прерывавшихся аплодисментовъ и, уже сдерживаясь, вспомнивъ, что ему еще предстояли въ этомъ актѣ двѣ сильныя сцены, дочелъ свой монологъ до конца. Заключительныя, извѣстныя слова его:

„Скорбѝ, душа моя. Уста должны молчать!“ *)

Гундуровъ проговорилъ по традиціи Кина, приложивъ палецъ къ губамъ, значительно понизивъ голосъ и подозрительно оглянувшись кругомъ,—что̀ вышло очень эффектно и вызвало новыя рукоплесканія.

Рукоплесканіями же встрѣченъ былъ выходъ Ашанина-Го-

*) But break, my heart, for I must hold my tongue. Буквально: Но, сердце, разорвись, языкъ сдержать я долженъ!

раціо, въ сопровожденіи Свищова, игравшаго Марцелло. Не одни женскіе глаза съ живымъ удовольствіемъ привѣтствовали появленіе чернокудраго красавца подъ его блистательнымъ костюмомъ, сіявшаго какимъ-то добродушнымъ самодовольствомъ и счастіемъ жизни, нисколько не соотвѣтствовавшими теперь смыслу того характера, который имѣлъ онъ изображать, но которыя, онъ зналъ, неизмѣнно вызывали къ нему симпатіи публики каждый разъ, какъ появлялся онъ на сценѣ. Ничего другаго ему и не нужно было никогда; за то такъ и презиралъ его, какъ актера, грубый, но дѣйствительно страстный фанатикъ искусства, Вальковскій.

— Добрый малый! Хорошо играетъ! обратился съ новою счастливою улыбкой графъ къ своей сосѣдкѣ слѣва; — собою очень хорошъ!

— Д-да, отвѣтила графиня, — похожъ немножко на Италіянца съ шарманкой... но хорошъ!

Ашанинъ на этотъ разъ—что рѣдко съ нимъ бывало,— зналъ свою роль безукоризненно и велъ ее, со внѣшней стороны глядя, безупречно, то есть, подавалъ реплики безъ запинки, игралъ все время, то есть изображалъ глазами, лицомъ, движеніями вниманіе и участіе къ тому, что говорилъ онъ и что говорили бывшіе съ нимъ на сценѣ; очень вѣрнымъ тономъ передалъ Гамлету о появленіи тѣни отца его на террасѣ замка... Но это былъ „не Горацio“, коротко замѣтилъ старикъ-смотритель, обернувшись къ товарищамъ-учителямъ, которые съ такимъ же неотступнымъ вниманіемъ, какъ и онъ самъ, прислушивались къ каждому слову актеровъ. Когда же на первый вопросъ Гамлета, зачѣмъ онъ оставилъ ученіе въ Виттенбергѣ, онъ отвѣчалъ ему:

„Изъ лѣности, мой добрый принцъ“,

съ такимъ естественно веселымъ и беззаботнымъ видомъ, что игноранты драмы принялись въ залѣ апплодировать, подкупленные этою естественностью, Вальковскій, стоявшій за кулисами рядомъ съ исправникомъ, плюнулъ и сказалъ: „свинья!“...

Свищовъ тоже старался какъ можно больше играть и, хотя ему во всей сценѣ приходилось сказать ровно три

слова, предавался отчаяннѣйшимъ тѣлодвиженіямъ и такъ нажимался при этомъ на Горація, какъ бы желая отнять у него слово и заговорить самъ, что Ашанинъ, всегда бывшій на сценѣ, какъ дома, безцеремонно отпихнулъ его наконецъ отъ себя локтемъ, вслѣдствіе чего въ залѣ черненькій артиллеристъ, прозывавшійся „Сенькой“, рявкнулъ вдругъ громкимъ хохотомъ, тутъ же впрочемъ остановленнымъ энергическими шт! его сосѣдей.

По окончаніи явленія Гундуровъ и Ашанинъ побѣжали въ уборную надѣвать сапоги, въ которыхъ они должны были явиться въ сценѣ съ *Тѣнью*.

— Княжна вышла! сказалъ по пути красавецъ;—слышишь, какъ отбиваютъ себѣ тамъ руки?...

Вся эта „отбивавшая себѣ руки“ толпа зрителей глядѣла теперь на появившуюся Офелію, какъ будто каждый изъ нихъ былъ страшно въ эту минуту влюбленъ въ нее. Ея тихая, безплотная какая-то прелесть неотразимо чаровала все и всѣхъ...

— Ангелъ съ гробницы самого Шекспира! не успѣла она еще отворить ротъ, вскликнулъ восторженно смотритель, опредѣляя этимъ то ощущеніе какой-то скорбной нѣжности, которое вызывала она въ немъ.

„Très distinguée!“ думалъ въ то же время графъ Анисьевъ, внимательно, въ свою очередь, смотря на княжну и представляя себѣ тотчасъ же, какое она будетъ производить лестное для него впечатлѣніе на маленькомъ балѣ въ Эрмитажѣ...

Княгиня Аглая недовольными глазами глядѣла на туалетъ дочери:

„Le corsage trop plat, pas de jeu d'épaules! Безъ меня никогда одѣться не съумѣетъ!...“

— Какъ мила! шептали въ то же время во всѣхъ углахъ залы.

Замѣтная для зрителя въ минуту выхода ея изъ кулисы подъ руку Лаерта нѣкоторая робость въ ней не исчезла съ первыми выговореными словами, какъ это часто случается на театрѣ, но какъ бы опредѣлила свой характеръ: то былъ не страхъ дебютантки, а природная робость той идеальной,

болѣзненно-чуткой и нѣжной натуры, той „*sweet* Ophelia“, какою изобразилъ ее Шекспиръ. Сотни не отрывавшихся отъ нея глазъ не смущали ея,—она ихъ не видѣла...

Ей и не изъ-за чего было смущаться: она не играла роли, она чувствовала такъ себя самое въ томъ, что вложено Шекспиромъ въ уста дочери Полонія. Съ перваго дня репетиціи, со своею крайнею добросовѣстностью, она у всѣхъ, кого считала компетентнымъ, спрашивала совѣта, указаній, поправки того, что казалось ей иной разъ неточно или неудачно выражаемымъ ею,—и никто ни разу не нашелъ случая ее поправить... Да, она была сама Офелія; тѣ едва тронутыя геніальною кистью черты, которыми намѣчены ея чувство и отношенія къ Гамлету, дорисовывались ея наружностью, выраженіемъ глазъ ея и устъ, тѣми неуловимо нѣжными оттѣнками задержекъ и прерываній голоса, съ какими давала она свои короткіе отвѣты на торопливыя, безпокойныя допытыванія отца...

„Онъ о любви мнѣ говорилъ, но такъ
Былъ нѣженъ, такъ почтителенъ и робокъ...“

Да, этотъ онъ, „почтительный и робкій“, онъ говорилъ ей о любви, а она ему всѣмъ сердцемъ внимала,—вотъ что сказалось разомъ въ душѣ каждаго изъ зрителей. Графиня Воротынцева, не отрывая отъ нея глазъ, поймала руку Софьи Ивановны и крѣпко сжала ее,—она знала все теперь... Анисьевъ закусилъ губу... Аглаю Константиновну словно кольнуло что-то. „Est ce bien convenable ce que dit là Lina, что ей дѣлали des déclarations d'amour?“ тревожно вдругъ пронеслось въ ея многодумной головѣ, и въ недоумѣніи она стала торопливо отыскивать глазами князя Ларіона, сидѣвшаго одиноко въ крайнемъ креслѣ перваго ряда, у ложи, гдѣ безмятежно почивала madame Crébillon. Но выраженіе его лица показалось ей въ эту минуту такимъ страдальческимъ и растеряннымъ, что она совсѣмъ перепугалась и, заворочавъ своими круглыми глазами, уперла ихъ въ толстые эполеты графа, словно просила у нихъ теперь совѣта и помощи. Но блаженный владѣлецъ этихъ эполетъ весь поглощенъ былъ въ

созерцаніе комической, переряженной фигуры исправника-Полонія, который, юрко переступая на своихъ толстыхъ ногахъ, подмигивая, пришептывая и покряхтывая, читалъ свои практическія сентенціи отъѣзжающему сыну и допрашивалъ дочь, при чемъ его подвижное, плутовато-наивное лицо удивительно передавало малѣйшій оттѣнокъ, намекъ, каждое намѣреніе произносимыхъ имъ словъ. По всей залѣ пробѣжалъ неудержимый смѣхъ, когда онъ, остерегая Офелію отъ „свѣтящейся, но не грѣющей страсти“ Гамлета, склонилъ неожиданно голову на бокъ, поднялъ обѣ руки и полушопотомъ, какъ бы весь сомлѣвъ отъ почтительности, произнесъ:

Принцъ молодъ, и ему, какъ принцу,
Простительно,

и тотчасъ затѣмъ, обернувшись на дочь, задвигалъ грозно пальцемъ по воздуху и примолвилъ:

Тебѣ-жъ, Офелія, никакъ!

— Смѣшной! пропѣлъ графъ, съ расплывшеюся отъ удовольствія физіономіей повертываясь къ княгинѣ, и ничего ему не сказали ея вопросительные, глупо ворочавшіеся глаза...

LV.

Гундуровъ между тѣмъ сидѣлъ въ уборной одинъ, въ ожиданіи перемѣны декораціи (всѣ остальные актеры толпились за кулисами, любуясь Офеліей и Полоніемъ)... Странное дѣло, онъ, самъ себѣ не отдавая отчета въ этомъ, какъ бы избѣгалъ княжны. Онъ какъ бы боялся вернуться къ своему я, къ своимъ субъективнымъ ощущеніямъ, спуститься съ высоты того душевнаго настроенія, которое владѣло имъ теперь... Все, что проговорено было имъ сейчасъ тамъ, на тѣхъ доскахъ, предъ тѣми людьми, жадно глядѣвшими на него, все это онъ переживалъ, перечувствовалъ опять, вспоминая каждое слово, жестъ свой, голосовой оттѣнокъ, и какъ на такомъ-то мѣстѣ онъ заранѣе зналъ, что ему зааплодируютъ, и каждый разъ именно на этомъ мѣстѣ ему апплодировали... и какъ вырвались у него неожиданно эти слезы, и онъ не смутился, и боялся только, какъ бы, утирая ихъ платкомъ, не размазать себѣ лицо, и это вдругъ такъ чудесно вышло... А впереди сколько еще такихъ мѣстъ ему предстоитъ, гдѣ непремѣнно, непремѣнно...

Звонъ колокольчика къ перемѣнѣ донесся до него со сцены.

Занавѣсъ съ изображеніемъ дома и сада въ Сицкомъ упалъ предъ зрителями; на сценѣ на мѣсто пилястровъ залы выдвинулись кулисы съ вырѣзными вѣтвями деревьевъ, опустилось въ глубинѣ прекрасно написанное полотно освѣщеннаго Эльсинорскаго замка съ дальнимъ видомъ моря, *пратикабль* рѣшетки мигомъ окружилъ террасу... Гундуровъ побѣ-

жалъ на сцену... Предъ нимъ на пути успѣли только мелькнуть голубое платье и чьи-то глаза, какъ бы недоумѣло глядѣвшіе на него изъ кулисы...

Явленіе съ *Тѣнью* прошло весьма удачно. Постниковъ не тянулъ,—чего было испугался Гундуровъ,—и произвелъ требуемое впечатлѣніе ужаса. Всѣ вѣскія мѣста и переходы Гамлета „вытанцовались", по выраженію Вальковскаго, у нашего героя отлично. Публика уже всецѣло завоевана была имъ, и въ наступившемъ затѣмъ антрактѣ старикъ-смотритель, сіяя своими юношескими, влажными отъ волненія глазами, доказывалъ окружавшей его публикѣ изъ города, что Мочаловъ былъ *„чудный*, крупный, но неотесанный алмазъ, а этотъ высокодаровитый и всесторонне развитый образованіемъ юноша — граненый брилліантъ, блескъ котораго далъ ему, Василію Григорьеву Юшкову, возможность заглянуть въ остававшіяся для него невѣдомыми до сихъ поръ душевныя глуби Гамлета-Датчанина"...

По окончаніи акта Сергѣй напрасно искалъ глазами за кулисами мелькнувшее предъ нимъ голубое платье; его уже тамъ не было... Онъ ушелъ опять въ уборную, — ему было ужасно жарко, хотѣлось пить, перемѣнить бѣлье...

Тамъ ждали его непритворные восторги Вальковскаго и надутыя, какъ мыльный пузырь, безсодержательныя и неотступныя фразы Толи, и рукожатія, и поздравленія, и протянутые отовсюду бокалы, — весь этотъ гамъ и пѣна молодаго увлеченія, радости, удачи... И здѣсь, чувствовалъ онъ опять, онъ былъ центръ всего этого возбужденія; какъ тамъ надъ толпой онъ властвовалъ,—властвовалъ „во имя благороднѣйшихъ и возвышеннѣйшихъ задачъ человѣческаго духа", думалъ онъ, выражаясь мысленно привычнымъ ему языкомъ профессорской лекціи,—властвовалъ, въ дѣйствительности, въ силу успѣха, предъ которымъ все клонитъ голову, и котораго не переноситъ никто...

Свищовъ былъ не въ силахъ перенести успѣхъ нашего героя.

Онъ морщился, дергалъ плечомъ, фыркалъ, сообщая въ углу всякія критическія замѣчанія объ игрѣ Гундурова прія-

телю своему, исправнику, который, въ своемъ качествѣ „актера въ душѣ“, выслушивалъ, разумѣется, съ удовольствіемъ колкости и брань по адресу собрата по искусству. Гундуровъ отгадывалъ, что говорилось о немъ по сдержаннымъ улыбочкамъ Акулина, по ядовитымъ взглядамъ, которые кидалъ на него Свищовъ. Громко произнесенное Свищовымъ имя, ненавистное имя графа Анисьева, донеслось до его слуха... Ему опять стало гадко до тошноты. О, какъ вся эта „мерзость и ложь дѣйствительности“ была далека отъ только-что испытанныхъ имъ блаженныхъ ощущеній, „правды искусства!“...

Онъ вышелъ изъ уборной въ корридоръ, изъ котораго одна дверь выходила въ садъ, отворилъ ее и очутился на воздухѣ. По небу бѣжали темныя тучи, собирался дождь... Гундуровъ въ своемъ костюмѣ Гамлета опустился на каменное крылечко, вбирая въ грудь уже полный влажности ночной воздухъ...

За кулисами между тѣмъ, въ глубинѣ сцены, на которой оставались одинъ только декораторъ съ рабочими, и ставилась новая перемѣна для втораго дѣйствія, Ашанинъ прерывающимся отъ волненія голосомъ и съ низко наклоненною къ ней головой велъ торопливую бесѣду съ Ольгой Акулиной. Онъ маневрировалъ предъ тѣмъ такъ ловко, что она, по уходѣ изъ кулисъ всѣхъ остальныхъ актеровъ, очутилась въ полутемномъ углу у послѣдней занавѣси, а онъ стоялъ предъ ней, застилая ее отъ взглядовъ ламповщиковъ и рабочихъ и не давая ей возможности уйти иначе, какъ когда самъ онъ посторонится и дастъ ей дорогу.

— Вы знаете, говорилъ онъ, — что я безумно, безумно, да... Я... никогда еще такъ сильно... безумно люблю тебя. И вы тоже, казалось... Я не виноватъ, что вчера эта дура... А ты сегодня... За что? Я чуть съ ума не сошелъ... Оля, Олечка, прелесть моя!...

Она держала предъ собою руку, какъ бы готовясь оттолкнуть все ближе и ближе надвигавшееся къ ней лицо его. Но полная грудь ея высоко приподымала шитый золотомъ лифъ ея придворнаго платья, и будто такимъ же золотомъ сверкавшія искры пробѣгали въ ея карихъ, широко раскрытыхъ и влажныхъ глазахъ... Она вся еще была подъ обаяніемъ того

волшебнаго міра, въ который чувствовала себя вовлеченною съ той минуты встрѣчи съ Ашанинымъ у лѣсенки на сцену... Этотъ міръ, сказывалось и ей, былъ лучше, выше дѣйствительности; это былъ міръ ея первыхъ институтскихъ мечтаній, ея романсовъ и любимыхъ французскихъ романовъ, съ ихъ замаскированными женщинами, шелковыми лѣстницами, блескомъ скрещенныхъ шпагъ и „роковыми“ страстями подъ бархатомъ и атласомъ. Онъ будто воочію теперь осуществлялся для нея этотъ міръ, вѣялъ изъ-за этого раскрашеннаго полотна, изъ-за этихъ задернутыхъ голубоватою кисеей таинственно мерцающихъ лампъ. Предъ нею стоялъ и жегъ ее пламеннымъ взглядомъ „безумно“ любившій ее красавецъ, ловкій, пылкій и отважный, точь-въ-точь тотъ герой въ *La Dame de Monsorreau* *), которымъ она еще недавно восхищалась...

— Ахъ, какъ вы хороши въ этомъ костюмѣ! говорила она ему опять, какъ бы не умѣя теперь ничего болѣе сказать и дѣлать, какъ говорить это и любоваться имъ...

— Ты хороша, какъ сама красота, Оля, божество мое! воскликалъ онъ;—ты опять моя, ты меня любишь... Ты придешь опять, да?... Сегодня ночью, сюда, въ театръ... Я все изучилъ: тебѣ сверху изъ твоей комнаты прямо только спуститься по лѣстницѣ въ корридоръ, я буду тамъ ждать тебя... Во всей этой части флигеля ни сторожа, ни живой души нѣтъ... Да, ты придешь, придешь?...

Онъ изъ-подъ мантіи обнялъ своимъ атласнымъ рукавомъ ея упругую талію, притянулъ къ себѣ...

Она безмолвно, все шибче и шибче дыша высокою грудью, потупила свои влажные глаза...

— А теперь только разъ, разъ! шепталъ онъ, чувствуя, какъ у его груди билось ея сердце...

Губы ея прижались къ его губамъ...

— А теперь довольно, пустите... пусти! вскликнула она вдругъ,—могутъ замѣтить!...

Она отпихнула его, выпростала шлейфъ изъ угла, подо-

*) Романъ А. Дюма

брала его на руку и побѣжала прямо, вдоль кулисъ, еще не отдавая себѣ ясно отчета въ томъ, что дѣлала. Она остановилась у передней занавѣси и приникла пылавшимъ лицомъ къ просвѣту, сквозь который видна была зала.

Прежде всего кинулся ей въ глаза блестящій флигель-адъютантъ. Онъ стоялъ въ первомъ ряду, спиной къ сценѣ, и разговаривалъ съ „петербургскою царицей“. Онъ нѣсколько разъ повертывалъ голову и, усмѣхаясь, какъ бы ожидалъ, показалось ей, не увидитъ-ли онъ ея именно тутъ, на томъ мѣстѣ, откуда она глядѣла на него...

Она долго такъ, нѣсколько сгорбившись и осторожно выдвигая чуть-чуть голову въ просвѣтъ, стояла у этой занавѣси. За нею, наклонясь надъ ея спиной, какъ бы для того, чтобы видѣть тоже, стоялъ Ашанинъ и пьянѣлъ отъ близости ея роскошнаго, съ запахомъ свѣжести и ириса молодаго тѣла...

Ольга какъ-то внезапно выпрямилась, обернулась,—Ашанинъ посторонился... Она прошла на пустую сцену, остановилась...

— Послушайте, сказала она тихо и оглядываясь,—я васъ обманывать не хочу, я не приду... Я не могу! быстро примолвила она, глянувъ на его оторопѣвшія черты, на его побѣлѣвшія губы,—не могу! сказала она еще разъ,—я вамъ ужь говорила, я такая... капризная. Вы красивый, да, вы мнѣ нравитесь... но у меня другое, совсѣмъ другое, вы мнѣ только мѣшать будете!... Я васъ прошу, пожалуйста, не сердитесь, но я не могу, не могу!... И вы мнѣ больше никогда, никогда не говорите!...

И, какъ птица съ мѣста, она разомъ вскинулась, повернулась и, подобравъ шлейфъ, со всѣхъ ногъ побѣжала со сцены.

— Ольга, гдѣ ты была? Я шла искать тебя, вскликнула бѣжавшая ей навстрѣчу по корридору Eulampe.

— Ахъ, тамъ все этотъ Ашанинъ со своими глупостями! засмѣялась ей въ отвѣтъ барышня.

— Нѣтъ, душка, расхохоталась, въ свою очередь, рѣши-

тельная „пулярка“,—онъ такой восхитительный сегодня, ему сегодня все можно!...

Ольга перебила ее:

— А прочія гдѣ?

— Въ уборной, тамъ чай поданъ...

Онѣ пошли туда. Но въ то же время раздался колокольчикъ, призывавшій актеровъ на сцену ко второму дѣйствію. Изъ уборной вышла Офелія, участвующая въ первомъ его явленіи, и прошла молча мимо Ольги.

— Какъ вы блѣдны, Лина! вскрикнула барышня, воззрясь на нее,—вы не румянились?

— Нѣтъ, коротко проговорила княжна,—мнѣ и надо быть блѣдной...

„Да“, подумала, поглядѣвъ ей вслѣдъ, Ольга,—„она тутъ говоритъ отцу, что ее перепугалъ сумасшедшій Гамлетъ... Но она и сама по себѣ разстроена... И этотъ тоже!“ добавила она мысленно, замѣтивъ входившаго изъ сада въ корридоръ Гундурова, „видно, плохо приходится!...“

И она безсердечно усмѣхнулась...

LVI.

Второе дѣйствіе прошло почти до конца еще удачнѣе перваго: лицедѣи наши стояли теперь твердо на ногахъ и между ними и зрителями чувствовалась уже та незримая, но живая связь, при которой все выходитъ у актера какъ бы само собою, ладится и говорится ловко, естественно и эффектно, а зритель какъ-бы самъ дѣлается участникомъ въ томъ оживленіи, какое видитъ онъ предъ собою на сценѣ. Полоній не сходитъ съ подмостковъ въ продолженіе всего этого втораго дѣйствія, и Елпидифоръ Павловичъ Акулинъ имѣлъ тутъ полную возможность разыграться на просторѣ, окончательно очаровать начальство и показать себя во всемъ разнообразіи оттѣнковъ его роли въ этомъ дѣйствіи, начиная со сцены со слугой, котораго Полоній отправляетъ въ Парижъ „съ хитрымъ наставленіемъ“, какъ „сторонкой, да обходомъ, да уловкой всю истину провѣдать о Лаертѣ“ (причемъ храбрый капитанъ Ранцовъ два раза сбился съ реплики), и кончая забавными разглагольствіями его о сумасшествіи Гамлета изъ-за любви къ его дочери, сначала въ сценѣ съ нею (гдѣ княжна была прелестна,)—и потомъ въ разговорѣ съ королемъ и королевой. Его неподдѣльное оживленіе, искренность его комизма сообщались зрителямъ и возбуждали въ нихъ какое-то ликованіе. Зала отвѣчала смѣхомъ чуть не на каждое его слово; графъ веселился, какъ ребенокъ, а старикъ-смотритель съ блаженною улыбкой на лицѣ то-и-дѣло оборачивался на своихъ учителей, одобрительно кивая и подмигивая.

Сцена съ актерами и слѣдующій за нею монологъ Гамлета (чтò онъ Гекубѣ, и чтò ему Гекуба“) принадлежали къ тѣмъ

мѣстамъ роли, надъ которыми Гундуровъ наиболѣе работалъ, и которыя казались ему настолько имъ „осиленными“, что онъ монологъ часто и вовсе пропускалъ на репетиціяхъ, какъ вещь совсѣмъ готовую и которую, молъ, не стоитъ повторять. Вальковскій, особенно любившій это мѣсто и знавшій издавна, еще съ Москвы, какъ читалъ его Сергѣй, съ особеннымъ наслажденіемъ готовился прослушать его теперь „въ настоящемъ видѣ“... Но ожиданія его сбылись не совсѣмъ. Весь предыдущій разговоръ съ отцомъ Офеліи и актерами герой нашъ велъ очень хорошо, съ требуемою ироніей и сдерживаемымъ чувствомъ глубокой внутренней горечи. На слова Полонія, что онъ актеровъ „угоститъ по достоинству“, отвѣтъ Гамлета: „Нѣтъ, прими ихъ лучше, ибо если каждаго принимать по достоинству, много-ли останется, кто не стоилъ бы оплеухи?“ вылился у него съ такимъ ѣдкимъ презрѣніемъ, что нашего исправника, на котораго въ эту минуту вольно или невольно Гундуровъ прямо уставился глазами, всего даже покоробило, тѣмъ болѣе, что въ заднихъ рядахъ креселъ, гдѣ сидѣли городскіе жители, раздался смѣхъ и громкіе аплодисменты, въ которыхъ толстый исправникъ имѣлъ основаніе видѣть какъ-бы нѣкоторую гражданскую демонстрацію противъ него. Но съ перваго стиха монолога Гундуровъ не попалъ въ тонъ, взялъ миноромъ и слишкомъ высоко. Нужнаго crescendo не вытанцовалось. Чтобы поправиться, ему нужно было передохнуть, дать паузу послѣ словъ: „А я“, за которыми идетъ самоосужденіе и самобичеваніе Гамлета („Ничтожный я, презрѣнный человѣкъ“), но онъ сконфузился, сознавая, что предыдущее говорено было все невѣрно, и продолжалъ безъ передышки, какъ-бы уже съ тѣмъ только, чтобы договорить скорѣе до конца. Вышло крикливо и вмѣстѣ съ тѣмъ вяло. Когда онъ кончилъ, послышались рукоплесканія, но ему было совершенно понятно, что это была учтивость одна, а не заслуженное одобреніе. Онъ, злобно кусая себѣ губы, выскочилъ въ кулису, едва упалъ предъ нимъ занавѣсъ, и прямо наткнулся на стоявшаго тамъ Вальковскаго, который глядѣлъ на него съ такимъ видомъ, будто сейчасъ готовился побить его.

— Что, братъ, скажешь, скверно? невольно вырвалось у Сергѣя.

— Не Гамлетъ, а губошлепъ какой-то вышелъ у тебя, вотъ и весь тебѣ сказъ! свирѣпо отпустилъ ему въ отвѣтъ „фанатикъ“, отворачиваясь отъ него и уходя.

У Гундурова зарябило въ глазахъ. Онъ схватился рукой за кулису... Ему въ эту минуту совершенно ясно представилось, что „теперь все, все пропало!...“ Онъ „обезчещенъ, опозоренъ“ въ глазахъ всѣхъ, всей этой толпы... Какъ онъ смѣется теперь надъ нимъ этотъ... этотъ... „петербургскій преторіанецъ!“ безсознательно повторялъ онъ внутренно прозвище, которымъ Свищовъ обозначилъ графа Анисьева... О, трижды проклятъ будь тотъ день, когда онъ послушался Ашанина, пріѣхалъ сюда, отдалъ себя на всѣ эти муки,—муки эти представлялись ему чѣмъ-то большимъ, страшнымъ, съ какими-то чудовищными клещами, захватившими каждый закоулокъ его существа,—но что вмѣстѣ съ тѣмъ въ тысячу разъ легче было, казалось ему, переносить, чѣмъ это вотъ сейчасъ самому себѣ нанесенное имъ „поруганіе“...

— Сережа, поди сюда! сказалъ ему чей-то голосъ.

— Что тебѣ нужно? вспыльчиво огрызся онъ, узнавая Ашанина, тотораго только-что внутренно предавалъ проклятію.

Но тотъ такъ настойчиво повторилъ „пойдемъ!“ глядя на него всѣмъ горячимъ блескомъ своихъ черныхъ глазъ, что Гундуровъ, молча, какъ-бы подъ магнетическимъ вліяніемъ, послѣдовалъ за нимъ.

Они дошли до лѣсенки, спускавшейся со сцены.

— Куда же это, ко всѣмъ имъ? спросилъ останавливаясь Сергѣй, разумѣя уборную.

— Нѣтъ, пойдемъ въ садъ.

— Я ужь тамъ былъ, безсознательно пробормоталъ Гундуровъ.

— Погоди меня тутъ минуточку, промолвилъ Ашанинъ, выводя его на знакомое уже Сергѣю крылечко:—я сейчасъ!...

Онъ исчезъ и чрезъ мигъ вернулся съ бутылкой шампанскаго въ одной рукѣ и стаканомъ въ другой.

— Выпей! сказалъ онъ, наливая.

Тотъ отстранилъ рукой стаканъ:

— Не хочу!

— Выпей, тебѣ нужно! настаивалъ красавецъ.

— Какая нужда? Съ горя, что-ли, пьянствовать! закричалъ Гундуровъ.

— Ничего, не пьянствовать! Я бутылку цѣлую сейчасъ выпилъ залпомъ,—хоть-бы въ одномъ глазу. А нервы подвинтить тебѣ надо. Пей, говорю! Вальковскій—дуракъ, ты на слова его плюнь, а подвинтиться тебѣ все-таки надо. Пей!...

Гундуровъ глянулъ на него, протянулъ руку и осушилъ стаканъ до дна.

— Ну, вотъ и хорошо! сказалъ Ашанинъ.—Больше тебѣ не нужно... А теперь слушай!

Свѣжій-ли воздухъ ночи, или это сейчасъ выпитое имъ вино, но Гундурову дѣйствительно словно полегчало. Онъ оперся головой объ обѣ ладони, приготовясь слушать.

— Не повезло намъ здѣсь съ тобою, Сережа, заговорилъ нежданно его пріятель, и спьяна-ли, или отъ глубоко прохватившаго его чувства — Гундуровъ не былъ въ состояніи разобрать въ эту минуту,—слезы слышались въ его голосѣ;— не повезло намъ, повторилъ онъ,—я это вижу и готовъ бы теперь, кажется, руку себѣ отрубить дать, чтобы ни ты, ни я никогда не пріѣзжали сюда...

— Отвратительно!... И все ты! вскакивая съ мѣста и схватываясь за голову, вскликнулъ взрывомъ Гундуровъ, котораго отъ этого живого эхо только-что пережитыхъ имъ ощущеній съ новою силой подняло всего опять.

— Ну да, я, одинъ я! Виноватъ, каюсь!... Только ты погоди, дай мнѣ сказать... Мнѣ, можетъ-быть, твоего не легче... А ты только выслушай!

— Что тамъ еще слушать!

— А вотъ! Ты мнѣ что вотъ въ третьемъ дѣйствіи говоришь:

„Я за то тебя люблю,
Что ты терпѣть умѣешь. Въ счастьи,
Въ несчастьи равенъ ты, Горацio!“

Хорошія эти слова, или нѣтъ, по-твоему?

— Ну, хорошо, знаю, довольно! крикнулъ на это Сергѣй.

— А если знаешь, такъ этого только и нужно... Честь нашу соблюсти намъ нужно! пояснилъ Ашанинъ, махнувъ какъ-то неестественно рукой.

— Это какъ-же ты разумѣешь „честь соблюсти?“ спросилъ Гундуровъ, хмурясь и внезапно краснѣя.

— Очень просто — по... покончить надо! сказалъ красавецъ, какъ-бы съ нѣкоторымъ затрудненіемъ шевеля языкомъ,—отрѣ... Фу, ты, Боже мой! прервалъ себя онъ, вскакивая съ мѣста въ свою очередь,—неужели я пьянѣть начинаю!... Такъ нѣтъ же, этого не будетъ, не хочу *ей* и этого удовольствія доставить, чтобы нарѣзался я изъ-за нея!... Не думай этого, Сережа, я въ полномъ разсудкѣ говорю тебѣ: да, покончить, отрѣзать... нож... ножницами, понимаешь, все разомъ... нож-ни-цами... Ты знаешь что?... ни тебѣ, ни мнѣ надежды нѣтъ... порѣшили насъ, понимаешь?... Она сказала: „Не могу“... не могу! подчеркнулъ онъ со злобнымъ хихиканьемъ,—ну и чортъ съ ней! Гордость нужна, Сережа, мы съ тобой не хуже какихъ-нибудь...

Дверь изъ корридора поспѣшно отворилась вдругъ, и въ ней показался режиссеръ.

— Сергѣй Михайлычъ, пожалуйте! Сейчасъ занавѣсъ, третій актъ. Всѣ ужь на сценѣ; вашъ выходъ во второмъ явленіи.

Ашанинъ мигомъ встрепенулся:

— Ступай, ступай, Сережа, а за меня не бойся, не сконфужусь! Только ты себя подвинти...

Гундуровъ поспѣшилъ за режиссеромъ. Онъ вдругъ опять почувствовалъ себя всецѣло Гамлетомъ, „порѣшеннымъ“, ледянымъ, закаменѣлымъ Гамлетомъ...

LVII.

Онъ сталъ въ кулисѣ направо, въ ожиданіи своего выхода. На сценѣ уже занимали свои мѣста готовые начинать король и королева, Полоній съ дочерью и Розенкранцъ съ Гильденштерномъ. Княжна въ своемъ голубомъ платьѣ стояла къ нему спиной. При этомъ видѣ сердце ёкнуло у Гундурова; онъ тутъ-же нахмурился и опустилъ глаза... Она, въ свою очередь, какъ-бы отличивъ легкіе шаги его въ шумѣ двигавшихся за кулисами всякихъ тяжелыхъ ступней, быстро повернула голову въ его сторону. Но въ то же время режиссеръ ударилъ въ ладони, взвился занавѣсъ,—и Офелія съ опущенными руками и рѣсницами замерла на своемъ мѣстѣ.

Подозрительный Клавдіо, смущенный признаками умопомѣшательства племянника, пригласилъ его, по совѣту Полонія, съ цѣлью дать ей свиданіе съ принцемъ, при которомъ король съ ея отцомъ—„законные шпіоны“—будутъ незримо присутствовать,

> „Чтобъ разсудить потомъ по разговору,
> Любовь-ли къ ней свела съ ума Гамлета,
> Иль что другое“.

Безмолвно выслушиваетъ она двойную волю владычныхъ надъ нею лицъ, государя ея и отца, какъ-бы только покорствуя ей, какъ-бы безучастная сама къ тому, что имѣется въ виду этою волей, равнодушная съ-виду къ тѣмъ причинамъ Гамлетова безумія, изъ которыхъ всѣ, кромѣ одной, должны на самомъ дѣлѣ растерзать ей сердце... Только подъ конецъ сцены, когда предъ уходомъ своимъ королева обращается къ

ней со словами („Убитая горемъ“ Надежда Ѳедоровна произнесла ихъ съ большимъ чувствомъ):

— Офелія, дай Богъ,
Чтобъ красота твоя была причиной
Безумства сына моего! Надѣюсь,
Что качества души твоей прекрасной
Его на путь обычный возвратятъ
Для счастья васъ обоихъ!—

у Офеліи вырывается одна коротенькая фраза, освѣщающая мгновеннымъ свѣтомъ все, что происходитъ въ эту минуту въ душѣ ея:

„Королева,
Я бы хотѣла, чтобъ случилось такъ!“ *)

Лина произнесла эту фразу почти шопотомъ, внезапно для нея самой дрогнувшимъ голосомъ, но выраженіе его было такъ трогательно,—но то, чего искала эта бѣдная, любящая душа Офеліи, сказалось въ немъ такъ неотразимо, что графиня Воротынцева еще разъ молча пожала руку своей сосѣдкѣ, Софьѣ Ивановнѣ, Анисьевъ впился глазами въ княжну, князь Ларіонъ закрылъ глаза рукой и принялся слегка тереть ихъ, какъ-бы давая отдохнуть зрѣнію, утомленному яркимъ освѣщеніемъ сцены.

Гундуровъ не слушалъ... или не хотѣлъ слушать. Онъ весь поглощенъ былъ своею ролью; ему сейчасъ приходилось выходить со знаменитымъ „Быть или не быть“... .

Онъ вышелъ, закинувъ лѣвую руку за спину и прижимая большой палецъ правой къ губамъ; обнаженная голова его была низко опущена, небрежно подвязанная мантія, чуть держась на плечѣ, падала до самой земли, длинные волосы спускались на грудь. Жадно глянула на него изъ-за своей книги Офелія, сидѣвшая у третьей кулисы на противоположной мѣсту его выхода сторонѣ сцены, и невыразимою тоской захолонуло ей сердце. „Боже мой!“ проговорила она про себя, невольно прижмуривая вѣки.

---

*) Madam, I wish it may. У Полеваго совершенно не точно: „Если-бъ я могла...“

— Великолѣпенъ! послышалось въ заднихъ креслахъ чье-то вырвавшееся неудержимо восклицаніе, и тутъ же за нимъ вслѣдъ послѣдовавшее энергическое „шт“ со стороны учительской компаніи, пока Гамлетъ медленными шагами подвигался къ рампѣ... Мертвая тишина объяла разомъ залу.

Прочелъ Гундуровъ монологъ дѣйствительно „великолѣпно“. Онъ опять—онъ это понималъ,—парилъ надъ толпой и держалъ ее въ своей власти всѣмъ этимъ высокимъ подъемомъ мысли, которой онъ былъ выразителемъ. Онъ былъ теперь хозяинъ каждаго оттѣнка своего голоса, каждаго движенія своего. Онъ торопилъ или сдерживалъ падавшія изъ устъ его слова, замолкалъ и начиналъ снова, не заботясь о томъ, какое онъ впечатлѣніе произведетъ на зрителей, и зная въ то же время напередъ, что онъ именно скажетъ такъ, какъ нужно для наибольшаго на нихъ впечатлѣнія. Божественная сила вдохновенія уносила его снова на своихъ безплотныхъ крылахъ...

— Умереть—уснуть...
Уснуть?

повторилъ онъ, оборвалъ и, послѣ длинной паузы, уронивъ усталымъ жестомъ скрещенныя руки, самъ поднялъ голову и, глядя впередъ недвижными, какъ-бы потухшими, глазами, заговорилъ опять:

— Но если сонъ видѣнья посѣтятъ?
Что за мечты на смертный сонъ слетятъ,
Когда стряхнемъ мы суету земную?...

Вышло это необыкновенно эффектно. Мурашки побѣжали по спинамъ зрителей. Даже блестящій петербургскій флигель-адъютантъ не могъ удержаться отъ возгласа одобренія и, наклонившись къ уху сидѣвшей подлѣ него Женни Карнауховой, прошепталъ: „Безподобный въ самомъ дѣлѣ актеръ этотъ господинъ профессоръ!“ Впечатлительная Женни не отвѣчала: она не отрываясь глядѣла на Гундурова и говорила себѣ, что, „конечно, Чижевскій est baaucoup plus beau въ своемъ синемъ костюмѣ, но что она понимаетъ, что можно влюбиться и въ *этого*“.

Лина ничего себѣ не говорила, но, чѣмъ глубже входилъ Сергѣй въ свою роль Гамлета, чѣмъ сильнѣе увлекало ее самое его исполненіе, тѣмъ больнѣе и больнѣе захватывала грудь ея невыразимая тоска.

Но вотъ онъ кончилъ и, взглянувъ мелькомъ на нее, проговорилъ въ сторону:

— Прелестная
Офелія!... О нимфа, помяни
Мои грѣхи въ твоихъ святыхъ молитвахъ!...

Взрывъ апплодисментовъ, вызванный монологомъ, замеръ разомъ вслѣдъ за этими словами Гамлета. Всѣ, знакомые и незнакомые съ драмой, почуяли, что насталъ самый интересный, самый „занимательный“ моментъ ея.

Офелія тихо поднялась съ мѣста и подошла къ нему, къ рампѣ...

— Мой добрый принцъ,
Какъ провели вы эти дни? Здоровы-ль вы?

Онъ глядѣлъ на нее... но она не узнавала этихъ глазъ...

Благодарю покорно, я здоровъ,

отвѣчалъ ей Гамлетъ, — настоящій, не то безумный, не то безсердечный, безпощадный Гамлетъ...

Руки у нея дрожали. Она занесла ихъ на затылокъ, отомкнула фермуаръ, закрѣплявшій концы жемчужнаго ожерелья, тремя длинными нитями спускавшагося ей на грудь, и, перекинувъ ихъ черезъ голову, протянула Гамлету:

— Уже давно желала я отдать
Вамъ то, мой принцъ, что вы на память мнѣ
Когда-то дали. Я прошу васъ взять
Это теперь обратно.

Онъ отвернулся, хмурясь:

— Я не возьму.
Я никогда и ничего вамъ не дарилъ.

„Точно все это въ-правду, въ-правду!“ проносилось все тревожнѣе въ головѣ Лины.

Она печально закачала головой:

— Нѣтъ, ваша свѣтлость знаетъ хорошо,
Что вы меня дарили—и *съ словами,*
Которыхъ сладкій запахъ придавалъ
Вещамъ двойную цѣну. Запахъ тотъ
Теперь изчезъ *). Возьмите же назадъ!
Для сердца благороднаго не дорогъ
Подарокъ отъ того, кто насъ не любитъ.

Но все такъ же сурово, все такъ же безпощадно глядѣлъ на Офелію Гамлетъ.

— А, а, заговорилъ онъ, согласно съ тѣми пропусками и замѣнами, которые, какъ извѣстно читателю, слажены были въ кабинетѣ князя Ларіона въ первые дни постановки *Гамлета* въ Сицкомъ: „Ты безкорыстная красавица?“

— „Что хотите вы сказать, принцъ?“

— „А то, что красота и безкорыстіе не совмѣстны. Я любилъ тебя когда-то.“

О, какъ знакомъ былъ ей тотъ оттѣнокъ его голоса, съ которымъ онъ произносилъ *это* до нынѣшняго дня! Какъ часто ночью, просыпаясь внезапно, казалось ей, что этотъ голосъ стоялъ надъ ней, шепталъ надъ самымъ ея ухомъ эти знакомыя ей слова: „я любилъ тебя,“ и она засыпала опять, счастливая и улыбающаяся, повторяя: „да, любилъ... *любитъ*“...

А теперь ни тѣни тѣхъ прежнихъ, сокровенныхъ звуковъ... Боже мой, что же это такое, что такое?...

Она всею глубиной своихъ глазъ глянула ему прямо въ лицо и проговорила, едва сдерживая пронимавшую ея дрожь:

---

*) And, with them, *words of so sweet breath comos'd*
As made the things more rich: *the ir per fume lost*,
Take these again.

Этотъ поэтическій оборотъ Офеліиной рѣчи или вовсе не передается въ русскихъ переводахъ, или передается слабо и неточно, какъ у Кронеберга:

Дарили вы съ словами,
Которыхъ *смыслъ* цѣну вещей удвоилъ.
Букетъ изчезъ,—возьмите-жь ихъ назадъ.

— „Ваша свѣтлость, дѣйствительно, заставили меня вѣрить этому.“

Онъ понялъ (и у него были руки холодны какъ ледъ, но въ ушахъ его, словно звонъ погребальнаго колокола, стояли слова полупьянаго Ашанина: „надо отрѣзать ножницами... надежды нѣтъ!“)... И онъ въ отвѣтъ ей все такъ же глядѣлъ на нее безцвѣтными, свинцовыми глазами:

— „А не надо было вѣрить... Я не любилъ тебя!“

Она безсознательно поднесла руку къ груди, закинула назадъ голову и замирающимъ голосомъ произнесла:

— „Тѣмъ болѣе я была обманута!“...

Шопотъ одобренія пробѣжалъ по залѣ изъ конца въ конецъ ея, но никто не заплескалъ: лихорадочное любопытство оковывало зрителей. „Совсѣмъ даже на театръ не похоже,' а точно правда,“ какъ бы сказывалось въ сознаніи каждаго.

Княгиня Аглая, красная какъ кумачъ, глядѣла на дочь, растерянно моргая круглыми глазами.—„Mais c'est tout à fait inconvenable ce rôle de Lina, une demoiselle qu'on a trompée“! разсуждала она мысленно,—„que va penser le jeune comte et puis cette princesse Dodo qui est si méchante!“ Ей страшно было пошевелиться: она такъ и ждала удара не съ той стороны, такъ съ другой...

А блѣдный Гамлетъ въ растрепанной одеждѣ, съ падавшими на лобъ волосами и выраженіемъ холоднаго отчаянія на лицѣ, говорилъ въ это время на сценѣ:

— „Ступай въ монастырь! Зачѣмъ создавать на свѣтъ грѣшниковъ? Я самъ пополамъ съ грѣхомъ человѣкъ добродѣтельный, однако могу обвинить себя въ такихъ вещахъ, что лучше бы мнѣ на свѣтъ не родиться. Я гордъ, мстителенъ, честолюбивъ, готовъ на зло, и только воли у меня не достаетъ сдѣлать все дурное, что̀ могу придумать дурнаго... Къ чему такимъ тварямъ, какъ я, ползать между небомъ и землею? Мы обманщики всѣ до одного; не вѣрь никому изъ насъ! Иди въ монастырь! Прощай!“

Онъ быстрыми шагами отошелъ отъ нея къ выходу.

„Гордъ, золъ, мстителенъ!“ словно ударами молота отзывалось въ потрясенномъ существѣ Лины:—да, онъ съ утра

избѣгалъ меня. Онъ не можетъ простить, что̀ я ему сказала утромъ... Но, Боже мой, неужели онъ не понимаетъ, не понимаетъ?...

И, всплеснувъ руками, она тѣсно, крѣпко прижала ихъ къ груди и воскликнула по тексту роли:

— О, исцѣлите его, власти небесныя!

Но Гамлетъ еще не кончилъ, ему надо было добить ее своими жестокими уколами...

— Когда ты выйдешь замужъ, вотъ тебѣ въ приданое мое проклятіе, заговорилъ онъ опять, такъ же быстро возвращаясь на нее и заглядывая ей прямо въ лицо растерянно тусклыми глазами: — будь чиста какъ ледъ, бѣла какъ снѣгъ, ты не уйдешь отъ клеветы. Ступай въ монастырь! Прощай! Или если ты непремѣнно хочешь выйти замужъ, выбери пошляка; умные люди знаютъ, какихъ чудовищъ вы изъ нихъ дѣлаете... Поди! Ни слова!... Это свело меня съ ума.. Въ монастырь! И скорѣе! Прощай!

Онъ кинулся со сцены, не помня себя, съ чувствомъ чего-то ужаснаго, нечеловѣческаго, будто только-что совершеннаго имъ...

— Splendid indeed! раздался на всю залу горловой голосъ мистера Нокса, все время сидѣвшаго уткнувшись носомъ въ своего карманнаго Шекспира, рядомъ съ воспитанникомъ своимъ, зѣвавшимъ во всю мочь.

— Сережа, Гаррикъ, богъ, очарованіе! хрипѣлъ Вальковскій, бросаясь къ пріятелю съ раскинутыми руками. Тотъ его толкнулъ въ грудь такъ, что „фанатикъ“ чуть не свалился, и побѣжалъ, самъ не зная, куда несли его ноги.

— Да онъ просто удивительный актеръ, вашъ племянникъ! воскликнула подъ гулъ поднявшихся рукоплесканій княгиня Додо, сидѣвшая по другой рукѣ Софьи Ивановны Перевертзиной.

— Онъ мнѣ противенъ! нежданно для нея самой, съ сердцемъ отрѣзала на это та, не отрывавшаяся глазами отъ Офеліи.

Княгиня Додо разсмѣялась. Она не поняла...

А Аглая Константиновна, все такая же красная и растерянная, шептала въ то же время своему сосѣду:

— Я нахожу очень глупо совѣтовать дѣвушкѣ итти въ монастырь! и я, certainement, никогда не позволила бы моей дочери. Une jeune personne comme il faut должна выйти замужъ, и не за „пошляка“, comme dit ce monsieur, а за умнаго et un homme bien né.

— Это театръ, а не настоящее! пропѣлъ ей на это въ утѣшеніе графъ, какъ съ амвона.

Лина стояла одна на сценѣ, держась рукой за высокую спинку готическаго кресла. У нея двоилось въ глазахъ... Она начала:

— О, что за благородный омрачился духъ!
Утѣха, цвѣтъ и упованье царства,
Ума и нравовъ образецъ,—все, все погибло!...
А мнѣ, ничтожнѣйшей, мнѣ суждено,
Весь нектаръ клятвъ его вкусивши, видѣть,
Какъ свѣжей юности краса исчезла,—
Цвѣтокъ весны, подъ бурею увядшій!
О, горе мнѣ! Что видѣла я прежде—
И что теперь!

У нея едва хватило силы договорить до конца... Занавѣсъ упалъ. Она добралась до кулисы, опустилась на стулъ, случившійся тутъ, и, улыбаясь чрезъ силу, чуть слышно проговорила кинувшимся къ ней изо всѣхъ угловъ съ испуганными лицами актерамъ:

— Ничего, ничего, устала немножко... но, ради Бога, стаканъ воды!...

Зала тѣмъ временемъ стонала отъ восторженныхъ кликовъ и плесковъ.

LVIII.

Что думалъ, что чувствовалъ въ это время князь Ларіонъ? Каждое слово, каждый жестъ племянницы рѣзали ему какъ ножомъ сердце. Предъ нимъ за этимъ разыгрывавшимся на сценѣ разрывомъ Шекспировскаго Гамлета съ Офеліей проходила новая перипетія той интимной любовной повѣсти, отъ которой онъ вотъ уже сколько времени проводилъ безсонныя, мучительныя ночи. Онъ это угадывалъ въ каждомъ этомъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ Лины, въ оттѣнкахъ голоса Гундурова, которые и князь Ларіонъ, какъ Лина, не узнавалъ теперь. Онъ не зналъ, какъ могла знать это Софья Ивановна, что приключилось между ними, но для него было очевидно, что то глубокое внутреннее страданіе, которое прозрѣвалъ онъ за игрой Лины, она испытывала его въ эту минуту не изъ-за Гундурова, а чрезъ него... И въ возмущенномъ сердцѣ своемъ князь Ларіонъ не умѣлъ бы сказать себѣ теперь, за что онъ болѣе ненавидѣлъ этого, стоявшаго предъ нимъ мрачнаго, „увядшаго подъ бурею“ Гамлета: за то-ли, что такъ беззавѣтно любила его Офелія, или за то, что его безпощадное отреченіе отъ нея находило у него такіе искренніе, такіе настоящіе звуки?...

Онъ одинъ съ Софьей Ивановной среди всей этой залы понималъ, какой смыслъ давало словамъ Офеліи личное чувство Лины; понималъ, что она изнемогала, договаривая ихъ,— и онъ, едва дождавшись окончанія слѣдовавшаго за этимъ монологомъ разговора Клавдія съ Полоніемъ, послѣ котораго падалъ занавѣсъ и слѣдовалъ довольно продолжительный пе-

рерывъ предъ сценой театра, поднялся съ мѣста и исчезъ за дверью, которая мимо ложи, гдѣ безцеремонно продолжала похрапывать старушка Crébillon, вела въ корридоръ, а изъ него на сцену.

Наступившій перерывъ былъ назначенъ заранѣе временемъ подавать чай, и процессія слугъ выступала въ это время въ залу изъ глубины большихъ входныхъ дверей, неся чай со всѣми принадлежностями на великолѣпныхъ серебряныхъ подносахъ и двигаясь впередъ стройными рядами по тремъ проходамъ,—между креслами, среднимъ и боковыми вдоль стѣнъ, у которыхъ оставалось еще настолько пространства, что къ нимъ могли быть приставлены наперед столики и стулья для тѣхъ, кто желалъ пить чай съ наибольшимъ удобствомъ.

Театральная зала чрезъ мигъ обратилась въ салонъ. Составились кружки, группы.

— Albo dies notanda lapillo, какъ говоритъ Горацій, день, который слѣдуетъ отмѣтить бѣлымъ камнемъ! горячо объяснялъ старикъ смотритель собравшимся кругомъ него учителямъ;—да, нынѣшній вечеръ я почитаю лучшимъ днемъ моей жизни; эта Офелія, господа, цѣлое откровеніе!...

Его манишка и длинные концы высоко повязаннаго бѣлаго галстука были еще влажны отъ слезъ, капавшихъ на нихъ изъ его глазъ въ продолженіе всей предыдущей сцены. Нѣжный голосъ княжны, ея Перуджиніевская головка вызывали изъ глубины его души всѣ лучшія воспоминія, всѣ заоблачные идеалы той романтической поры, которой принадлежалъ онъ еще всѣмъ существомъ своимъ, обливаясь и понынѣ слезами, какъ въ дни молодости, надъ „Минваною“ Жуковскаго, по разсказамъ о немъ исправника Акулина...

— Mon cher, mon cher... Louise Mayer... Rachel! слышались въ другомъ концѣ залы гоготъ, хрипъ и неизбѣжный смѣхъ черненькаго артиллериста, носившаго прозваніе „Сеньки.“

Къ усѣвшейся съ чашкой за столикъ у самаго оркестра графинѣ Воротынцевой, съ непроницаемымъ выраженіемъ на красивомъ лицѣ, съ загадочною улыбкой подъ прикрученными, лоснящимися усами, подошелъ графъ Анисьевъ. Княгиня Додо,

завидѣвъ его приближеніе, быстро отвернулась отъ графини, съ которой только-что бесѣдовала, и обратилась съ какимъ-то разговоромъ къ Софьѣ Ивановнѣ, безмолвной, сосредоточенной и не двигавшейся со своего кресла.

— Признаюсь, началъ флигель-адъютантъ,—я никакъ себѣ представить не могъ, чтобы спектакль любителей могъ дойти до такого совершенства. On y goûte les émotions d'une véritable scène et...

Графиня не дала ему кончить. Прелестная женщина еще вся была подъ дѣйствительнымъ впечатлѣніемъ тѣхъ „émotions", о которыхъ онъ говорилъ, но свойство которыхъ у него, она понимала, далеко не походило на то, что̀ чувствовала она сама. Она прямо глянула въ лицо Анисьева и быстрымъ шопотомъ проговорилъ ему въ отвѣтъ:

— C'est qu'il s'y joue un véritable drame, mais vous n'en êtes par le héros, je suis bien fâchée de vous le dire.

Онъ даже не моргнулъ, какъ ни досадливо въ первую минуту кольнула его тщеславіе эта неожиданная откровенность, глянулъ ей, въ свою очередь, прямо въ глаза и, учтиво наклоняясь, проговорилъ отчетливо и съ нѣкоторымъ какъ-бы бравурнымъ оттѣнкомъ въ выраженіи:

— J'en serai le paladin, madame la comtesse!

— Въ самомъ дѣлѣ? вскликнула она, проницательно уставясь на него: — въ такомъ случаѣ я возвращаю вамъ мое уваженіе.

И она, засмѣявшись, протянула ему руку. Онъ галантно прикоснулся къ ея перчаткѣ своими раздушенными усами и, улыбаясь съ весело-беззаботнымъ видомъ:

— Повѣрьте, графиня, сказалъ онъ громко, какъ-бы съ намѣреніемъ, чтобы разговаривавшія подлѣ нихъ княгиня Додо и Софья Ивановна Переверзина могли его слышать,— повѣрьте, что чортъ не такъ черенъ, какъ рисуютъ его вообще.

— Ah, mon Dieu, кто это рисуетъ здѣсь un si affreux personnage? игриво воскликнула, направляясь въ это время къ своей почетной гостьѣ, княгиня Аглая Константиновна.

— Вы слышали, милый графъ, о комъ онъ сейчасъ го-

ворилъ?... продолжала она жантильничать, обращаясь къ сопровождавшему ее графу.

— Слышалъ! тотчасъ же нашелся отвѣтить тотъ:—пустяки, никакого чорта нѣтъ: однихъ дѣтей пугаютъ!

И онъ осклабился во всю ширину своего добродушнаго, оголеннаго лица.

Графиня Воротынцева расхохоталась какъ ребенокъ.

— Браво, графъ, вы сдѣлали удивительное открытіе! Я тоже всегда была того мнѣнія, что чорта нѣтъ, и даже въ дѣтствѣ никакихъ его когтей ни роговъ не боялась...

Ея подвижное лицо вдругъ перемѣнило выраженіе:

— Оттого, можетъ-быть, домолвила она, слегка сжимая брови, — я такъ и не нравилась тѣмъ, кто думалъ меня пугать ими.

Старикъ лукаво подмигнулъ ей:

— Потому всегда была умная и язычекъ ни предъ кѣмъ не уступалъ!

Онъ ее ужасно потѣшалъ всегда.

— Вотъ мы съ вами всегда были друзья, снова засмѣялась она, — а вы на меня клевещете. Я только никогда не терпѣла—ни чтобы прижимали, ни чтобы кланялись, и всегда откровенно говорила это.

— Знаю! Все знаю! Милая женщина! протянулъ онъ, взявъ ее руку и принимаясь похлопывать по ней своими пухлыми ладонями.

Онъ также тѣшился какъ ребенокъ отъ сознанія, что онъ такъ любезенъ, и находчивъ, и остеръ, и ведетъ такой свѣтскій разговоръ съ этою „милою женщиной“...

А княгиня Аглая сондировала тѣмъ временемъ блестящаго петербургскаго воина.

— Я увѣрена, cher comte, qu'en parlant du diable, вы думали о дурныхъ совѣтахъ, que ce prince Hamlet donne à la jeune personne dont ma fille joue le rôle? спрашивала она его, стараясь улыбаться какъ можно тоньше и глядѣть на него какъ можно глубже.

— „Дурные совѣты“? повторилъ онъ, не понимая или

притворяясь, что не понимаетъ:—какіе же это совѣты, княгиня?

— Вы слышали: чтобъ она шла въ монастырь et toutes sortes de bêtises semblables!

Анисьевъ весело засмѣялся:

— Смѣю думать, княгиня, что въ числѣ дурныхъ совѣтовъ, которые можетъ подавать monseigneur le diable, ему еще никогда не приходило въ голову направить кого-либо именно въ монастырь.

Она нѣсколько опѣшила, но приняла тутъ же таинственно глубокомысленный видъ и заговорила, значительно понижая голосъ:

— Нѣтъ, cher comte, я говорю вамъ это потому, что, entre nous, Лина... она и такъ... Elle a sans cela le goût de la vie dévote.

Эти слова заставили его на мгновеніе призадуматься. „Еще клинъ“! промелькнуло у него въ головѣ. Но онъ, все такъ же невозмутимо улыбаясь, слегка нагнулъ голову и примолвилъ:

— Что же, княгиня, это такой вкусъ, предъ которымъ можно только преклониться.

— Ну да, cartainement, поспѣшила она сказать на это,— я сама, je tiens beaucoup moi même à ma religion, но вы знаете, не надобно, comme on dit, черезъ край.

Анисьевъ беззаботно повелъ плечами:

— Не буду съ вами спорить, княгиня, но я въ жизни держался всегда золотаго правила: „vivons et laissons vivre“ и никогда не раскаивался въ этомъ.

LIX.

Still better and worse.
Ophelia

Лины за кулисами князь Ларіонъ уже не засталъ. Тамъ толпилось много народа, шла большая суетня, слышались громкіе разговоры, крики, смѣхъ. Весь Эльсинорскій дворъ былъ тутъ въ сборѣ, въ ожиданіи общаго выхода его въ сценѣ *театра*. У первой кулисы одиноко и задумчиво стоялъ Гундуровъ, скрестивъ руки и безцѣльно глядя на сцену... Князь Ларіонъ, невольно сжавъ брови, быстро прошелъ мимо него: ему менѣе всего было желательно въ эту минуту быть поставленнымъ въ необходимость говорить съ нимъ, „подносить ему комплименты на счетъ его игры“. Но Гундуровъ не замѣтилъ его, не обернулся. Замѣтилъ Ашанинъ, стоявшій неподалеку и двинулся прямо къ князю.

— Вы бы желали видѣть княжну, ваше сіятельство? спросилъ онъ, тотчасъ же сообразивъ все. (Лицо у него еще было красное, хотя онъ только-что цѣлое ведро воды велѣлъ себѣ вылить на голову, но пьяное возбужденіе успѣло уже совершенно соскочить съ него).

— Да. Ея здѣсь нѣтъ?

— Она прошла къ себѣ въ уборную. И, предупреждая вопросъ, который князь Ларіонъ какъ-бы медлилъ выговорить:—У нея, кажется, голова немножко закружилась, промолвилъ Ашанинъ съ успокоивающею улыбкой.

— Какъ бы пройти къ ней? сказалъ на это торопливо князь, кивнувъ на загромождавшую проходъ толпу актеровъ, не замѣчавшихъ его.

— А вотъ тутъ чрезъ сцену. Позвольте, я васъ проведу.

Онъ вывелъ князя въ актерскій корридоръ и указалъ въ глубинѣ его отдѣльную уборную Лины.

„Я опять, кажется, маху далъ, думалъ онъ тѣмъ временемъ:—и бѣдовый же этотъ Сережа, право! У него сейчасъ трагедія выходитъ. Какъ бы имъ только теперь обоимъ хватило силы дотянуть до конца представленія... А какъ божественны были они оба сейчасъ!...

Князь стукнулъ пальцами въ дверь уборной.

— Кто тамъ? послышался голосъ. Но это былъ не голосъ Лины, и вслѣдъ за вопросомъ въ полуотомкнувшейся двери показалась соблазнительная фигура дѣвицы Акулиной.

— Ахъ, князь! Сейчасъ, сейчасъ! вскрикнула она и исчезла опять за прихлопнутою ею дверью.

Цѣлая вѣчность прошла затѣмъ, казалось князю Ларіону...

Наконецъ въ корридоръ вышла опять барышня, старательно затворяя за собою дверь.

— Къ Линѣ нельзя теперь, объяснила Ольга Елпидифоровна, не совсѣмъ смѣло глядя на князя, который вотъ уже третья недѣля какъ „не хотѣлъ ее знать:“—она... поправляетъ свой туалетъ и проситъ васъ зайти къ ней потомъ...

— Что значитъ „потомъ?“ прервалъ ее князь.

— Послѣ сцены, которая сейчасъ пойдетъ, когда она вернется опять сюда; но она васъ проситъ при этомъ...

Князь опять не далъ ей докончить:

— Она не здорова? вскликнулъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, князь, не бойтесь ничего! Она только немножко устала, ей надо совершенно успокоиться, торопливо объяснила барышня и какимъ-то загадочнымъ тономъ, который и бѣсилъ, и безпокоилъ въ то же время князя Ларіона.

— При ней никого нѣтъ? вскликнулъ онъ еще разъ.

— Ея горничная и я, князь, проговорила съ достоинствомъ барышня;—ей и не нужно никого; она, я вамъ говорю, сейчасъ выйдетъ на сцену; ее только безпокоитъ одно, чтобы вы, а особенно княгиня, не подумали, что съ нею что-нибудь случилось; она такъ и просила вамъ сказать, чтобы вы зашли

къ ней послѣ этой сцены, потому что, говоритъ, ей можетъ-быть нужно будетъ попросить у васъ одного совѣта.

Князь воззрился не нее пристально и тревожно. Но Ольга Елпидифоровна глядѣла такою невинностью, что онъ тотчасъ же понялъ, что продолжать съ нею разговоръ безполезно.

— Хорошо, скажите ей, я приду,—коротко отрѣзалъ онъ, сухо поклонившись и уходя.

Въ концѣ корридора ждалъ его Ашанинъ и провелъ прежнимъ путемъ черезъ сцену до дверей залы. Но князь не вернулся на свое мѣсто въ креслахъ, а зашелъ въ ложу m-me Crébillon, проснувшейся къ чаю, и усѣлся рядомъ съ нею.

Эрлангеръ между тѣмъ подалъ оркестру знакъ своею палочкой. Заиграли какой-то маршъ, въ продолженіе котораго гости успѣли допить свои чашки, а слуги отобрать и унести ихъ обратно тѣмъ же торжественнымъ шествіемъ. Зрители разсѣлись по своимъ мѣстамъ. Красная занавѣсь подобралась еще разъ на своихъ фарфоровыхъ кольцахъ. Гамлетъ вышелъ на сцену, читая наставленіе актерамъ, которыхъ изображали Постниковъ, Духонинъ и Факирскій. За этимъ слѣдовала сцена съ Горація, а за нею, при звукахъ снова раздавшагося марша, вышла торжественнымъ шествіемъ къ представленію королевская чета, въ сопровожденіи всего своего двора.

Полоній велъ подъ руку дочь... Князь Ларіонъ весь обратился въ зрѣніе.

Княжна шла бодро, со спокойнымъ лицомъ и легкою краской на этомъ лицѣ (Ольга Елпидифоровна убѣдила ее подрумяниться передъ выходомъ); выраженіе глазъ ея было настолько печально, насколько это требовалось для Офеліи въ эту минуту. Все обстояло, какъ слѣдуетъ, и княгиня Аглая, благосклонно взглянувъ на дочь, подумала даже: „cela fera très bien à la cour“ и самодовольно улыбнулась.

Клавдіо и Гертруда заняли свои королевскія кресла налѣво отъ зрителей. По сторонамъ ихъ стала толпа „пулярокъ“ и ближе всѣхъ къ авансценѣ Ольга Елпидифоровна, которую капитанъ Ранцовъ, преобразившійся въ придворнаго безъ рѣчей и стоявшій тутъ же рядомъ съ Толей Карнауховымъ, пожиралъ совершенно осоловѣлыми отъ страсти глазами. *Гора-*

цію-Ашанинъ, вмѣстѣ съ Розенкранцомъ и Гильденштерномъ, перешли на другую сторону сцены, у кресла, занятаго Офеліей.

Гамлетъ направился къ ней. Какъ болѣзненно забилось у нея опять сердце!...

— Сядь подлѣ меня, любезный сынъ! крикнула ему Гертруда съ своего мѣста.

— Нѣтъ, матушка, отвѣчалъ онъ ей въ-полоборота, — тутъ есть магнитъ, который тянетъ меня къ себѣ.

И пока Полоній, съ комическимъ подмигиваніемъ кивая на него, шепталъ королю: „Ого, слышали?“ онъ, съ опущенными глазами и насилованною улыбкой проговорилъ, остановившись предъ Офеліей:

— Позволено-ли мнѣ будетъ присѣсть у вашихъ ногъ?

— Если вамъ угодно, ваша свѣтлость, проговорила она, такъ же, какъ онъ, не подымая глазъ.

Онъ сѣлъ на полъ, рядомъ съ ея кресломъ, въ классической позѣ, приподнявъ угломъ правое колѣно и ухватившись за него обѣими руками.

— А какое наслажденіе, продолжалъ иронически Гамлетъ,— покоиться у ногъ прелестной дѣвушки!

— Что вы хотите сказать этимъ? спросила Офелія.

— Ничего, коротко отрѣзалъ онъ въ отвѣтъ.

— Вы веселы, принцъ? И глубокій вздохъ вырвался у нея безсознательно при этомъ.

— Кто? Я?

— Да, вы, ваша свѣтлость.

— О, само собою, я вашъ единственный шутъ!...

„Нѣтъ, это невозможно, невозможно!“ говорила себѣ мысленно Лина, трепетно прислушиваясь къ его голосу: „что же думаетъ онъ обо мнѣ, Боже мой!“...

Изъ-за занавѣси, отдѣлявшей театръ отъ сцены, выскользнулъ Факирскій въ костюмѣ актера.

— А, вотъ и *прологъ*! молвилъ Гамлетъ.

— Для нашего представленія
Просимъ вашего снисхожденія.
Не потеряйте терпѣнія!

прочелъ актеръ.

— Что же это такое? засмѣялся принцъ:—прологъ или надпись кольца?

— Да, оно кратко, молвила Офелія.

— Какъ женская любовь, злорадно подчеркнулъ Гамлетъ.

„Какъ мужская развѣ, какъ твоя любовь!“ протестовала вся душа Лины...

— Что съ вами, ради Бога? прошептала она, какъ только раздернулась занавѣсь театра, и Духонинъ—театральный король,—громко и съ напыщенностью, нѣжно устремивъ глаза на подругу свою, образованную окружную“, заговорилъ:

— Ужь тридцать разъ звѣзда ночей средь облаковъ
Собой означила двѣнадцать мѣсяцовъ
Съ тѣхъ поръ, какъ насъ союзъ любви и Гименея
Сердцами съединилъ и т. д.

Она все время ждала этой минуты; она пересилила лихорадку, пронявшую ее вслѣдъ за первою ея сценой съ Гамлетомъ, чтобы подъ шумъ разговора на театрѣ имѣть возможность обмѣняться нѣсколькими словами съ Гундуровымъ; она не хотѣла видѣть дядю прежде этого; отъ этого, казалось ей, зависитъ все ея будущее...

Сергѣй это предчувствовалъ; онъ зналъ напередъ, что именно теперь, когда онъ будетъ сидѣть у ея ногъ во время представленія, она будетъ просить его объясниться, и что ему надо будетъ отвѣтить... Что отвѣтить? Зналъ-ли онъ самъ, что происходило въ немъ? способенъ-ли онъ былъ разобраться среди хаоса ощущеній, бурею ходившихъ въ его душѣ? Онъ, казалось ему, умеръ-бы сейчасъ съ наслажденіемъ у этихъ ногъ, лобызая слѣды этого нѣжнаго, чистаго и страдающаго за него созданія,—онъ понималъ, онъ видѣлъ, что она безконечно страдала,—но въ то же время вся желчь и отчаяніе, неотразимо влекущія Гамлета наносить неповинной Офеліи ударъ за ударомъ, кипѣли въ его груди. Никогда такъ не благоухали для него поэтическій обликъ и душевная прелесть этой Офеліи, и чѣмъ нестерпимѣе была для него мука мысли о разрывѣ съ нею, тѣмъ злѣе и безпощаднѣе готовъ онъ былъ терзать ее вмѣстѣ съ самимъ собою новыми муками...

Онъ перемѣнилъ позу, какъ подобало, чтобы слѣдить за

представленіемъ. Онъ полулежалъ теперь спиной къ публикѣ и опираясь на ладонь правой руки. Онъ въ этомъ положеніи могъ видѣть только сбоку лицо княжны, но могъ удобно и неслышимо для другихъ говорить съ нею.

— Со мною тѳ, княжна, промолвилъ онъ на ея вопросъ,— что я будто самъ себѣ читаю отходную теперь.

— Зачѣмъ вы это говорите! быстро возразила она.—Ничего еще не кончено...

— Да, желчно сказалъ онъ на это,—пока я для здѣшнихъ хозяевъ только актеръ на сценѣ, случайный скоморохъ, меня отсюда не выгонятъ,—не такъ-ли?

— Зачѣмъ вы это говорите! повторила она съ безмѣрною тоской:—развѣ я тоже...

Она не договорила и вся вспыхнула подъ своими румянами.

Въ другую минуту онъ прыгнулъ бы съ пятаго этажа за это слово. Теперь оно показалось ему лишнею каплей яда въ кубкѣ и такъ уже отравленныхъ надеждъ его.

— Вы, княжна, горько и торопливо прошепталъ онъ,— вы „должны знать себѣ цѣну“, вы „не про такихъ соловьевъ“, какъ какой-нибудь несчастный магистрантъ, „безъ положенія въ обществѣ“, какъ я.

— Кто это вамъ сказалъ? Глаза ея блеснули. Она тутъ же отвернула ихъ по направленію *театра*, встрѣтившись взглядомъ съ глазами Анисьева, усѣвшагося теперь за спиной ея матери и неотступно глядѣвшаго на нее.

— Все равно кто! Вы сами сегодня утромъ предрекли мнѣ, чего я въ правѣ ожидать.

— Чтѳ поняли вы изъ моихъ словъ, чтѳ? замирая прошептала она въ свою очередь, все также продолжая глядѣть на представленіе.

— Понялъ, что былъ сонъ, а теперь настало пробужденіе, язвительно подчеркнулъ Гундуровъ.—Виноватъ, они кончаютъ, сейчасъ моя реплика, промолвилъ онъ тутъ же, останавливая этими словами всякое возраженіе съ ея стороны.

Она и не возражала.

Злодѣй Луціано, изображаемый Факирскимъ, подкрался

тѣмъ временемъ къ спящему театральному королю и, проговоривъ діаконскимъ басомъ:

Волшебный ядъ, спѣши докучну жизнь пресѣчь
И порази его, какъ будто вражій мечъ!

наклонился къ нему, представляя, что вливаетъ ему въ ухо отраву... Клавдіо-Зяблинъ, въ избыткѣ усердія, не дождался слѣдующихъ за этимъ объяснительныхъ словъ Гамлета и вскочилъ съ мѣста съ растерянным выраженіемъ на лицѣ. Но это придало только болѣе оживленія сценѣ. Княжна, боясь пропустить свою реплику, крикнула совсѣмъ уже испуганнымъ голосомъ: „Король встаетъ!“ Полоній въ свою очередь, позабывъ о двухъ слѣдующихъ за этимъ фразахъ Гамлета и королевы, кинулся впередъ, отчаянно махая руками: „Прекратите представленіе! Огня, огня, огня!“ И все бывшее на сценѣ, за исключеніемъ Гамлета и Горація, въ настоящемъ безпорядкѣ, тѣснясь и набѣгая другъ на друга, исчезло разомъ за кулисами...

Гундуровъ приподнялся на колѣняхъ съ пола и, еще не вставая на ноги:

— А! раненый олень лежитъ,
А лань здоровая смѣется,

началъ онъ и, не докончивъ, залился истерическимъ, нескончаемымъ хохотомъ... Онъ не былъ въ силахъ сдержать себя, свои до-нельзя возбужденные нервы... Ашанинъ испугался не на шутку:

— Что съ тобою? довольно, Сережа, успокойся! шепталъ онъ по-театральному, подходя къ нему и не зная, что дѣлать...

Эффектъ для зрителей вышелъ поразительный. Загремѣвшимъ „браво!“ не предвидѣлось конца, какъ и этому надрывающему смѣху Гамлета.

— Даже страшно! проговорила графиня Воротынцева.

Софья Ивановна сидѣла, сжавшись, вся заледенѣлая отъ страха.

— Одинъ заснулъ, другой не спитъ,
И такъ на свѣтѣ все ведется,

договорилъ, справившись наконецъ съ собою, Гундуровъ, поднялся на ноги и, самъ не отдавая себѣ въ этомъ отчета, мгновенно съ высоты сцены обвелъ всю залу изъ-подъ сжатыхъ бровей какимъ-то надменнымъ, повелительнымъ взглядомъ, какъ бы приглашая ее ко вниманію.

Все смолкло разомъ. Только графъ Анисьевъ, чуть-чуть улыбнувшись, промолвилъ мысленно:

— Mâtin! Quel air de matamore!

Представленіе пошло своимъ чередомъ. Въ ложѣ m-me Crébillon князя Ларіона уже не было.

LX.

О ты, послѣдняя любовь,
Ты и блаженство, и безнадежность!
Тютчевъ.

— Лина, Лина! кричала, бѣжа за нею въ догонку по коридору съ распущеннымъ хвостомъ шлейфа, Ольга Акулина.

Княжна не отвѣчала, добралась до своей уборной и опустилась на стоявшую тамъ кушетку, прижмуривъ глаза и безсильно уронивъ руки на колѣни.

Ольга вбѣжала за нею:

— Вамъ опять дурно, Лина?

— Нѣтъ, нѣтъ... сейчачъ пройдетъ... Это у меня съ утра, я вамъ говорила... Мнѣ не дали выспаться сегодня... Я опять немножко устала, вотъ и все, говорила черезъ силу княжна, стараясь объяснить свое изнеможеніе самою обыкновенною причиной.

Настоящую причину тонкая барышня знала очень хорошо, съ той минуты, когда застала утромъ Лину съ Гундуровымъ въ комнатѣ его тетки, но не почитала нужнымъ давать это понимать княжнѣ. Она хлопотала теперь только о томъ, чтобы показать ей какъ можно болѣе дружбы и заботы и, какъ выражалась она мысленно, „не насиловать, а вызывать“ этимъ ея довѣріе.

— Ну, конечно, это ничего и сейчасъ пройдетъ! поддакивала она ей;—вы бы еще выпили fleur d'orange, оно вамъ помогло предъ этимъ.

— Не прикажете-ли, я сейчасъ къ княгининой Лукерьѣ

Ильинишнѣ сбѣгаю? предложила горничная Лины, Глаша, находившаяся тутъ:—у нихъ есть капли, лавровыя прозываются, гораздо пользительнѣе супротивъ флердоранжа; княгиня завсегда употребляютъ противъ невровъ.

— Laurier cérise, сказала Ольга, — да, да, это очень хорошо! Сбѣгай, Глаша!

Глаша побѣжала и тутъ же вернулась:

— Князь Ларіонъ Васильевичъ къ вашему сіятельству, спрашиваютъ, могутъ-ли васъ видѣть!

— Дядя? молвила прибодряясь Лина: — проси, проси!... Мнѣ надо будетъ поговорить съ нимъ, Ольга, примолвила она.

— Это, значитъ, мнѣ удалиться надо? тотчасъ же перевела нахмуриваясь барышня.

— Не сердитесь, прошу васъ, милая! поспѣшила сказать княжна.

— Сердиться! Я! вскликнула Ольга Елпидифоровна, тотчасъ же принимаясь улыбаться;—развѣ я не своя у васъ въ домѣ? Можете не стѣсняться!

— Она подобрала свой хвостъ и направилась къ двери. Пропустивъ въ нее входившаго князя Ларіона, она вышла въ корридоръ и тутъ же шмыгнула въ сосѣднюю большую общую дамскую уборную, въ которой она предъ этимъ одѣвалась съ „пулярками“, и гдѣ въ эту минуту не было никого. Изъ маленькой уборной Лины вела туда прямо дверь, запертая теперь на замокъ, но сквозь которую она надѣялась услышать весьма удобно разговоръ дяди съ племянницей.

— А это не мѣшаетъ на всякій случай! рѣшила въ головѣ своей барышня.

— Hélène, ты больна? первымъ словомъ сказалось входя у князя Ларіона. И онъ быстрыми шагами подошелъ къ ней.

— Нѣтъ, дядя, нѣтъ, совсѣмъ не больна, спѣшно заговорила она, — а сердце немножко жметъ, какія-то ноги слабыя... Вы знаете, у меня и въ Ниццѣ это бывало, когда...

— Когда ты чѣмъ-нибудь душевно была разстроена! досказалъ князь.

— Нѣтъ, нѣтъ, просто отъ движенія, или когда не высплюсь... И я теперь хотѣла просить васъ объ одномъ...

— Что̀ такое, говори скорѣе?

Онъ придвинулъ къ кушеткѣ стулъ и сѣлъ, тревожно глядя ей въ глаза.

— Вотъ видите, у меня тамъ, въ слѣдующемъ актѣ, сцена сумасшествія и пѣть надо...

— Ну да, знаю!

— Но я боюсь... Я чувствую, у меня силъ нѣтъ, я могу остаться совсѣмъ безъ голоса... Что̀ же тогда?

— Не пѣть, не выходить, выкинуть вонъ совсѣмъ! пылко вскликнулъ на это князь Ларіонъ.

— Но какъ же сдѣлать, дядя? Вѣдь это всѣ знаютъ, ждутъ, это испортитъ спектакль...

— Да что̀ же дороже? прерывая ее, почти кричалъ онъ:— твое здоровье, или этотъ безсмысленный спектакль, за который... за то только, что я его дозволилъ, слѣдовало бы меня, слѣпаго безумца, повѣсить!...

— Дядя, за что̀ же вы себя браните, пролепетала Лина, болѣзненно моргая вѣками:—чѣмъ представленіе наше виновато, что у меня здоровье такое дрянное?

— Здоровье! повторилъ онъ. И, мгновенно стихая, заговорилъ тихо и печально:—Hélène, что̀ мнѣ нестерпимо больно, это то̀, что я лишился всякаго твоего довѣрія, всей твоей прежней дружбы ко мнѣ!...

Она глядѣла на него, вся смущенная... Онъ продолжалъ:

— Зачѣмъ таишься ты отъ меня, для чего скрываешь?... Неужели я тебя не знаю, неужели ты могла думать, что я не понялъ, не отгадалъ все... Здоровье? сказала ты. О, моя бѣдная! развѣ я не вижу, что не физическая оболочка, а вся бѣдная душа твоя измучилась въ продолженіе этого проклятаго спектакля... Я не знаю, что̀ у васъ предъ этимъ происходило съ *нимъ*,—князь какимъ-то судорожнымъ движеніемъ махнулъ рукой,—но вѣдь онъ все время тамъ кололъ, мучилъ, терзалъ тебя, не такъ-ли?

Она не выдержала:

— Мучилъ, терзалъ! чуть слышно повторила она и, прижавъ обѣ руки къ лицу, съ глухимъ рыданіемъ откинулась головой въ спинку кушетки.

Князь Ларіонъ скользнулъ со своего стула внизъ, припалъ къ ея колѣнямъ и, оторвавъ эти блѣдныя руки ея отъ лица, сталъ покрывать ихъ жадными, безумными поцѣлуями...

— Дядя, что вы, что вы дѣлаете! вскликнула въ ужасѣ Лина, порывисто вставая съ мѣста и падая снова въ полномъ безсиліи.

Онъ всталъ, провелъ безотчетно рукой по растрепавшимся волосамъ и лихорадочнымъ голосомъ промолвилъ:

— Я склонился къ твоимъ ногамъ, какъ сдѣлалъ бы это предъ древней мученицей, идущею на смерть... съ тѣмъ, примолвилъ онъ въ неудержимомъ порывѣ своей страстной натуры,—чтобы растерзать потомъ ея палача!...

— О, ради Бога, дядя, прошептала Лина, сжимая руки,— не говорите такъ!

— Да скажи ты мнѣ, вскрикнулъ онъ, сверкая глазами,— за что ты его любишь?... За что, Hélène? повторилъ онъ мягче, сдерживая себя и снова садясь подлѣ нея.—Вѣдь онъ гордый, холодный человѣкъ, не смотря на кажущуюся способность къ увлеченію. Недаромъ онъ такъ хорошо играетъ Гамлета, добавилъ князь Ларіонъ съ улыбкой, скривившею его губы на сторону:—они всѣ такіе, эти здѣшніе ультра-Руссы и Славяне, насмотрѣлся я на нихъ; у нихъ прежде всего голова, уставъ, доктрина, они страсти не вѣдаютъ и не допускаютъ...

— Я и не хочу „страсти!“ какъ бы вырвалось у княжны.

— Не хочешь! повторилъ онъ,—да, ты ее боишься.—Онъ еще разъ горько улыбнулся.—Ты хочешь страдать и переносить безропотно и безмолвно, и чтобы тотъ, кого ты любишь, точно такъ же любилъ тебя, страдалъ и переносилъ—и молчалъ... Только Гамлетъ твой, на бѣду, не рыцарь нѣмецкой баллады, а Москвичъ въ до-Петровской мурмолкѣ новѣйшихъ ученій... Мнѣ невѣдомо, повторяю, что, какое объясненіе происходило между вами, но, очевидно, онъ знаетъ, что твоя мать имѣетъ для тебя избраннаго ею жениха и не склонна промѣнять его на господина Сергѣя Михайловича Гундурова, и онъ дѣлаетъ тебя отвѣтчицей за это оскорбленіе его безграничнаго московскаго самолюбія... Хорошъ влюбленный! закончилъ,

вставая, князь Ларіонъ со злобнымъ, перерывистымъ хохотомъ:— нѣтъ, Елена Михайловна, такъ не любятъ!...

Его рѣчи жгли ее: ей нечѣмъ было опровергнуть ихъ...

— Какъ же любятъ, какъ, скажите! проговорила она съ безмѣрною тоской.

— Какъ? повторилъ онъ, быстро оборачиваясь на нее и окутывая ее такимъ огненнымъ взглядомъ, что Лина почувствовала его сквозь опущенныя вѣки и невольно дрогнула.— Я не знаю, какъ въ состояніи любить эти умники вашего поколѣнія. Но знаю, что, будь я на его мѣстѣ, я съумѣлъ бы добыть тебя, хотя бы для этого нужно было моря плавмя-переплыть и взрывать горы на воздухъ! Ты была бы моею женой, имѣй я противъ себя сто тысячъ матерей и всѣ силы земныя имъ въ придачу!

— И принудили бы меня, вымолвила Лина, подымая на него съ мучительно вопрошающимъ выраженіемъ свои лазоревые глаза,—принудили бы нарушить завѣтъ, мольбу умирающаго отца, вашего брата...

— Нѣтъ отца, нѣтъ матери, нѣтъ постороннихъ чувствъ для того, кто любитъ! тѣмъ же страстнымъ тономъ рѣчи продолжалъ князь Ларіонъ:—есть кумиръ, которому безъ возврата отдается все, что до этого могло быть свято и дорого: долгъ, спокойствіе, вѣрованія, жизнь...

— Это не любовь, а грѣхъ и преступленіе! прервалъ его трепетный голосъ Лины.

— Хотя бы такъ, хотя бы преступленіе...

Онъ не договорилъ. Его возбужденіе какъ бы вдругъ смирили безпорочные звуки этого голоса, но желчь еще не улеглась въ немъ.

— Все зависитъ, какъ смотрѣть на вещи... Въ данномъ случаѣ вы, кажется, можете быть спокойны оба, промолвилъ онъ тономъ шутки, плохо скрывавшимъ злое намѣреніе его словъ:—твой Гамлетъ, очевидно, никакого преступнаго дѣйствія отъ тебя не потребуетъ... Но за то, повидимому, и отъ него особыхъ жертвъ ты ожидать не полагаешь... Все это впрочемъ безполезные разговоры, оборвалъ князь,—отъ нихъ никакого прока, кромѣ того, что ты, кажется, еще болѣе раз-

строилась... Появляться тебѣ на сцену въ этомъ состояніи совершенно не возможно. Надо объ этомъ сейчасъ сказать режиссеру...

Лина тревожно задвигалась.

— О, если-бъ я чувствовала хоть немножко больше силы... Что подумаютъ? Сочтутъ капризомъ, или, хуже, что я въ самомъ дѣлѣ больна; maman испугается, не будетъ знать, что дѣлать. Всѣ эти гости... Я для всѣхъ буду un trouble-fête.

— Вздоръ! сказалъ князь Ларіонъ:—девять десятыхъ этихъ гостей и не догадаются, что изъ драмы выкинута сцена. Твоя мать, если не сказать ей, что ты больна, никогда объ этомъ не подумаетъ. Что касается до твоихъ „капризовъ", то ces messieurs et dames, играющіе съ тобою, надѣюсь, настолько должны были тебя узнать, чтобы быть увѣренными, что ты на безсмысленные капризы не способна, подчеркнулъ онъ. — А чтобы вообще никакимъ толкамъ повода не подавать, совѣтую тебѣ, когда ты совершенно отдохнешь, переодѣться въ твою toilette de soirée и притти въ залу къ концу представленія.

— Ко всѣмъ туда? воскликнула испуганно Лина.

— Нѣтъ; войди въ ложу къ M-me Crébillon, чтобы тебя видѣли только. Этого достаточно... Что это такое? прерывая себя, спросилъ князь, указывая на пузырекъ, который вернувшаяся Глаша протягивала въ эту минуту своей барышнѣ.

— Для невровъ капли, ваше сіятельство, отвѣтила горничная.

— Ну, вотъ и хорошо... для „невровъ", повторилъ съ невольною усмѣшкой князь. — Успокойся, Hélène, а я сейчасъ переговорю съ режиссеромъ.

И онъ, холодно кивнувъ племянницѣ, вышелъ изъ уборной.

По его уходѣ Лина еще долго лежала недвижимо на своей кушеткѣ. На нее нашла какая-то апатія, временный застой всякаго чувства и помысла. Глаза ея были закрыты, и Глаша подумала, что она спитъ. А въ головѣ ея княжны проносились въ это время механическимъ процессомъ мозга какіе-то туманные очерки лицъ и картинъ, обрывки какихъ-то фразъ, смыслъ которыхъ она уловить не могла... „Seule

au monde“, прошепталъ вдругъ безсознательно ея языкъ... Она силилась понять, связать это съ чѣмъ-то, что опять уходило отъ нея въ какую-то неуловимую даль... „Seule au monde“... Да, у maman на столѣ желтая книжка... „Seule au monde“... *).

---

*) Романъ того времени, г-жи де-Бавръ или Сувестра подъ этимъ заглавіемъ.

LXI.

Ольга Елпидифоровна изъ-за тонкой двери, за которою прижалась она, не проронила ни единаго слова изъ разговора дяди съ племянницей... Онъ взволновалъ ее и какъ бы даже тронулъ отчасти. Въ ея подвижномъ воображеніи, не способномъ останавливаться долго ни на одномъ изъ испытываемыхъ ею впечатлѣній, пронесся цѣлый рядъ торопливыхъ помысловъ самаго разнорѣчиваго свойства. На мигъ что-то въ родѣ жалости въ княжнѣ сказалось въ ней. „Несчастная эта Лина однако“, подумала она,—„три у нея воздыхателя, и ничего изъ этого не выходитъ: одинъ — дядя родной, другой желаетъ получить ее только изъ-за денегъ, а третій и любитъ, да взяться не умѣетъ... Впрочемъ сама она ничего не умѣетъ“, рѣшила тутъ же барышня, „только терпѣть и страдать по-нѣмецки; онъ (то-есть князь Ларіонъ) совершенную правду сказалъ ей: кто чего сильно хочетъ, для того нѣтъ препятствія... Онъ бы ее, дѣйствительно, со дна морскаго добылъ... А, право, этого старика можно серьезно полюбить за его страстность“... И при этомъ на такое же краткое мгновеніе пронеслось въ головѣ Ольги, что вѣдь могла же *она* быть на мѣстѣ Лины, что *ей* могъ говорить все то, что она сейчасъ слышала, этотъ князь, этотъ „важный человѣкъ“. Но все это предъ нею впереди, — Ольга не сомнѣвалась въ этомъ: она сказала себѣ, что ей надо une position dans le monde, и она добьется ея. Ей бы только попасть въ Петербургъ. Она теперь видѣла вблизи настоящую grande dame и поняла, какую именно tenue надо имѣть въ этомъ большомъ

свѣтѣ. Нѣтъ, — барышня всѣмъ тѣломъ обернулась на большое трюмо, стоявшее въ уборной, и съ широкою улыбкой оглянула себя тамъ съ ногъ до головы, — не съ такими глазами и плечами (въ неотразимости побѣды этихъ плечъ надъ каждымъ даннымъ мущиной барышня вѣрила такъ же твердо, какъ въ то, что солнце каждый день выходитъ съ одной стороны и уходитъ съ другой), и при ея умѣ (въ умѣ своемъ Ольга Елпидифоровна была такъ же непоколебимо увѣрена, какъ въ томъ, что лѣтомъ растетъ трава, а зимой выпадаетъ снѣгъ), можно „остаться на бобахъ“ (дѣвица Акулина мысленно далеко не всегда выражалась элегантно). Чѣмъ лучше ея Сашенька Василинина и Ольга Чубейко, ея институтскія подруги? А одна за генерала—и не простаго, а гвардейскаго,— другая даже за графа, молодаго и богатаго, вышли... А теперь, когда она „умѣла такъ умно сдѣлать“, что этотъ вліятельный петербургскій „favori de la cour“, этотъ „neveu de son oncle“, какъ говоритъ княгиня, ея союзникъ, чего не въ правѣ она ожидать для себя!... И, подъ напоромъ новаго охватившаго ее ощущенія, она, блистая глазами, вскинула головой по направленію Лининой уборной и проговорила чуть не вслухъ: „А вотъ мы еще посмотримъ, mademoiselle la princesse, кому изъ насъ двухъ болѣе повезетъ въ жизни!... Понавѣдаться однако, что̀ она тамъ дѣлаетъ?“

Выбравшись на цыпочкахъ изъ уборной, барышня наша направилась къ комнатѣ Лины.

— Шт! зашукала, идя ей поспѣшно на встрѣчу, Глаша, едва успѣла Ольга отворить дверь, — започивали, кажется!...

Княжна не спала, но она нисколько не жаждала въ эту минуту присутствія Ольги: она не откликнулась.

— Ну, и прекрасно, и не буди, пусть себѣ спитъ! молвила барышня, отступая въ корридоръ.

Глаша вышла за нею:

— Не знаю только, когда имъ переодѣться потребуется, это когда они *сумасшедшую* изъ себя представлять будутъ, пояснила она смѣясь,—чтобъ успѣли. Главное насчетъ цвѣтовъ. Потому все болѣе настоящіе. Нашъ учитель (она разумѣла Факирскаго) съ землемѣромъ однихъ этихъ васильковъ

да маргаритокъ нанесли съ поля копну цѣлую, такъ это же каждый цвѣтокъ особо ужь на княжнѣ прикалывать понадобится...

— Авось и не понадобится! прервала барышня словоохотливую горничную и безъ дальнѣйшихъ объясненій побѣжала за кулисы.

LXII.

Тамъ опять тѣсно толпилась вся трупна нашихъ любителей, безмолвно и внимательно прислушиваясь къ раздавшимся со сцены голосамъ Гундурова и Надежды Ѳедоровны.

— Что̀ идетъ? спросила Ольга, подходя къ одной изъ группъ.

— Идетъ божественнѣйшій перлъ человѣческаго творчества, о Розалинда! пустилъ ей напыщенно въ отвѣтъ стоявшій тутъ Толя Карнауховъ,—идетъ сцена Гамлета съ матерью, и оба они великолѣпны!...

— Позвольте, господа, позвольте! послышался въ то же время шопотъ торопливо пробиравшагося въ тѣснотѣ режиссера, — выходъ *Тѣни* сейчасъ; позвольте пройти! *Тѣнь*! Гдѣ *Тѣнь*?

— Здѣсь я, здѣсь! отвѣчалъ голосъ землемѣра Постникова, только-что успѣвшаго опять преобразиться въ свой костюмъ призрака, съ его крылатымъ шишакомъ и длинною сѣрою мантіей.

— Пожалуйте, пожалуйте поближе! Господа, mesdames, ради Бога, не высовывайтесь такъ, васъ видно зрителямъ, и пройти вѣдь нельзя! охрипшимъ и растерянным голосомъ молилъ несчастный режиссеръ, обливаясь потомъ.

А со сцены все рѣзче и суровѣе доносились упреки Гамлета матери:

— Гдѣ былъ твой умъ? Гдѣ былъ разсудокъ?
Или слѣпая ты была, когда
Въ болото смрадное разврата пала?...

Не говори мнѣ о любви: въ твои лѣта
Любовь уму послушною бываетъ...
Когда и старость падаетъ такъ страшно,
Что-жь юности осталось? Страшно,
За человѣка страшно мнѣ!...

— Вотъ ужь правда! чуть не громко фыркнула Ольга Елпидифоровна подъ-ухо храбраго капитана Ранцова, благодаря которому удалось ей найти удобное мѣсто впереди, между второю и третьею кулисами.

— Чего-съ? оторопѣло спросилъ капитанъ.

— Что въ ея годы объ амурахъ давно пора забыть! пояснила барышня, смѣло воззрившись при этомъ въ лицо своему обожателю, и тутъ же пустила избока „глазкомъ“ на Ашанина, стоявшаго отъ нея въ двухъ шагахъ и неотступно глядѣвшаго на сцену.

Бѣдный капитанъ весь покраснѣлъ отъ воспоминанія и опустилъ глаза. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ красавца: онъ будто и не слыхалъ задорныхъ словъ барышни, не замѣтилъ даже ея сосѣдства...

„А какъ золъ-то внутренно, какъ золъ!“ промолвила она мысленно и слегка закусила себѣ губу, не то, чтобы не разсмѣяться этой внутренней его „злости“, не то отъ досады, что онъ ея наружно не показывалъ.

— О Гамлетъ,
Ты очи обратилъ мнѣ внутрь души,

говорила между тѣмъ Надежда Ѳедоровна—Гертруда, и съ такимъ задушевнымъ, захватывающимъ выраженіемъ, что сама барышня вдругъ вся обратилась во вниманіе:

— И я увидѣла себя въ такихъ кровавыхъ,
Въ такихъ смертельныхъ язвахъ... Нѣтъ спасенья!...

Она и Гундуровъ неслись какъ на тучахъ, на мрачныхъ тучахъ проникавшаго ихъ обоихъ чувства безнадежной скорби и отреченія...

— Убійца,
Злодѣй, рабъ, шутъ вѣнчанный, воръ,
Укравшій жизнь у брата и его корону

Тихонько утащившій подъ полой,
Бродяга... И этому злодѣю,
Стыдъ женщины, супруги, матери забывъ,
Могла отдаться ты!...

говорилъ онъ ей, задыхаясь отъ внутренняго волненія:

— Ахъ, замолчи! Какъ острые ножи,
Слова твои мнѣ сердце растерзали!
Умолкни, ради Бога, сынъ мой!

проговорила она въ отвѣтъ, простирая къ нему руки, поразительно вѣрнымъ движеніемъ тоски и отчаянія, и упала въ кресло, закрывъ себѣ лицо этими руками.

„Господи!“ пронеслось въ головѣ Ашанина,—„да изъ нашего представленія, дѣйствительно, какая-то трагедія для всѣхъ насъ вышла!“

И въ первый разъ со вчерашней ночи что-то жуткое, ѣдкое, уколъ совѣсти по отношенію къ этому бѣдному, оскорбленному имъ созданію, такъ неожиданно трогательно передающему теперь свою роль Гертруды, примѣшалось къ поглощавшей его всего до сихъ поръ мысли объ Ольгѣ Акулиной.

Онъ мотнулъ головой и ушелъ изъ кулисы подальше и отъ нея, и отъ этой „растерзанной“ матери Гамлета...

А „трагедія“ въ это время грозила принять весьма комическій оборотъ. Изъ кулисы вышла *Тѣнь*, сдѣлала медленно шагъ впередъ, другой... остановилась...

Гамлетъ въ неописанномъ ужасѣ схватилъ себя за голову:

— Спаси меня, закрой меня крылами
Сонмъ небожителей святыхъ!..
Чего ты хочешь, образъ благородный?
Ты не съ укоромъ-ли явился къ сыну
За медленность его въ отмщеньи? Говори!

— Не позабудь!...

заговорила *Тѣнь*, попыталась двинуться еще на шагъ—и не могла. Что-то тамъ, въ кулисѣ, держало ее за край мантіи; мантія эта теперь представляла видъ натянутой острымъ угломъ полы садовой палатки... Режиссеръ, замѣтивъ, кинулся на-земь отрывать ее отъ гвоздя въ деревѣ кулисы, за кото-

рый зацѣпилась она. Но было поздно: неопытный землемѣръ испуганно обернулся назадъ—взглянуть, что̀ его тамъ держитъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ рванулъ тѣломъ впередъ. Дешевая матерія плаща не выдержала, и добрая половина его осталась на жертву гвоздю... Черненькій артиллеристъ такъ и покатился со смѣху въ своемъ креслѣ. „Шт! шт!“ отвѣчали ему изо всѣхъ угловъ залы... Окончательно растерявшійся Постниковъ замеръ, какъ рыба, не слыша суфлера и забывъ все, что̀ слѣдовало ему сказать далѣе... Такіе эпизоды убійственны для настроенія и актеровъ, и публики... Къ счастію, Гундуровъ былъ такъ возбужденъ ролью, что внезапное отупѣніе *Тѣни* смутило его лишь на нѣсколько секундъ, и, перескочивъ чрезъ нѣсколько фразъ и слѣдующую за ними реплику королевы, онъ воскликнулъ, весьма находчиво измѣняя слова два въ текстѣ:

— О, не гляди *безмолвно* такъ и странно!
Поколебать мою рѣшимость можешь ты...

Надежда Ѳедоровна, въ свою очередь, не сбилась отъ этого, и горячая сцена между сыномъ и матерью пошла тѣмъ же нервнымъ, лихорадочнымъ, захватывавшимъ зрителей ходомъ... Только злополучная *Тѣнь* никакъ не рѣшилась теперь тронуться съ мѣста, будто все еще пришпиленная къ своему гвоздю, и только послѣ троекратнаго, отчаяннаго въ своемъ шопотѣ, взыванія режиссера изъ кулисы: „Да уходите же, уходите, ради Бога!“ двинулась къ выходной двери скорымъ маршемъ, не совсѣмъ пригожимъ для призрака...

— Онъ совсѣмъ сконфузился, бѣдняга, пробормоталъ скороговоркой режиссеръ стоявшему теперь подлѣ него Вальковскому, тревожно слѣдя за уходившимъ: — того гляди, еще споткнется на-ходу о ноги Полонія!

Вальковскій ничего не отвѣтилъ. Онъ глядѣлъ чернѣе тучи и вслѣдствіе этого „безобразія“ порваннаго плаща *Тѣни*, и потому, какъ узналъ онъ сейчасъ, что Офелія охрипла, а сцена сумасшествія „похѣрена“... „Уложили, значитъ, совсѣмъ спектакль“, повторилъ онъ себѣ подъ-носъ въ мрачномъ отчаяніи...

Землемѣръ-*Тѣнь*, благополучно миновавъ ноги Полонія, вышелъ въ двери задней декораціи, а оттуда пустился опрометью въ мужскую уборную, гдѣ, сорвавъ шлемъ свой съ головы, кинулся лицомъ внизъ на диванъ и залился горчайшими слезами. Въ ушахъ бѣднаго молодаго человѣка невыносимо гудѣли этотъ чей-то хриплый, раздавшійся между зрителями хохотъ и послѣдовавшіе вслѣдъ за нимъ со всѣхъ сторонъ *шт*, которые онъ въ тревогѣ своей объяснялъ не какъ протестъ противъ такого неумѣстнаго смѣха, а какъ настоящее *шиканье* по его адресу... „О, Боже мой“, стояло колѣмъ въ его головѣ,— „попасть въ такой знатный домъ, выйти на сцену предъ такими аристократами и показать себя имъ такимъ пошлякомъ!...“

Полоній между тѣмъ, огромное туловище котораго смогъ только на половину вытащить изъ-за ковра пронзившій его шпагою Гамлетъ, лежалъ, видимый по поясъ зрителямъ и съ головой за этимъ ковромъ,—и чувствовалъ себя очень неловко. Его одолѣвала пыль, отъ которой ему, мочи нѣтъ, какъ чихнуть хотѣлось, и онъ дѣлалъ неимовѣрныя усилія, чтобъ удержаться отъ этого. „Кабы не пузо проклятое, ничего-бы“, разсуждалъ онъ самъ съ собою,—„а то вѣдь, всего его, какъ гору встряхнетъ, на всю залу хохотъ подымешь... На счетъ графа это даже и въ линію вышло-бы, потому для него, что̀ Шекспиръ, что̀ балаганъ,—одинъ толкъ; потѣшился бы, лишній бы разъ спасибо сказалъ... да предъ прочими совѣстно, предъ искусствомъ...“

— О мать моя, прости мнѣ,

говорилъ въ это время Гундуровъ, и, звенѣвшій, какъ мѣдная струна, въ безпощадныхъ упрекахъ матери голосъ его зазвучалъ вдругъ теперь безконечно нѣжными, болѣзненно проницающими нотами. Онъ подошелъ къ ней, схватилъ ея руку и прижался къ ней блѣднымъ лицомъ своимъ:

— Прости!
Я былъ къ тебѣ жестокъ, безчеловѣченъ,
Но это отъ любви. Такъ надо было!...

— О, какъ это хорошо, какъ хорошо! раздалось въ зад-

нихъ рядахъ громкое восклицаніе совершенно обезумѣвшаго отъ восторга старика-смотрителя...

Но вотъ и конецъ сцены.

— Спокойной ночи!

проговорилъ Гамлетъ матери и отошелъ къ трупу Полонія:

— А этого я спрячу дурака...
Что̀ молчаливъ такъ сталъ,

молвилъ онъ, склоняя слегка надъ нимъ голову и усмѣхаясь скорбно ироническою усмѣшкой,—

Такъ скроменъ, такъ угрюмъ, скажи, пріятель,
Ты цѣлый вѣкъ болтавшій безъ умолку?

Онъ наклонился, схватилъ Полонія за ноги и нервнымъ движеніемъ, самъ себѣ не отдавая въ томъ отчета, дернулъ его впередъ съ такою силой, что у исправника въ глазахъ позеленѣло и парикъ слетѣлъ съ его головы.

— Пойдемъ! Съ тобой что̀ много толковать!...
Спокойной ночи, матушка!

договорилъ Гамлетъ, не выпуская изъ рукъ эти высоко приподнятыя имъ ноги Полонія, которыя сжималъ онъ, что̀ есть мочи, всѣми мускулами своихъ пальцевъ, и кивая вполоборота изнемогшей отъ словъ его королевѣ...

— Занавѣсъ, занавѣсъ! отчаянно крикнулъ, махая руками, режиссеръ, увидавъ со своего мѣста, что еще немножко, и Полоній предстанетъ безъ парика и весь истерзанный на лицезрѣніе публики.

— Сергѣй Михайлычъ, да отпустите, ради Бога! раздался вмѣстѣ съ шумомъ падающаго занавѣса судорожный хрипъ толстаго Елпидифора, тщетно пытавшагося приподняться на рукахъ и высвободить свою голову изъ-подъ мотавшагося по лицу его края ковра, подъ которымъ оно какъ-разъ очутилось.

Гундуровъ разжалъ руки, и пятки исправника шлепнулись объ полъ...

— Браво, браво! Гамлета, Гамлета! неистово кричали тѣмъ временемъ въ залѣ.

— Одолѣли! жалобно завылъ Полоній, тяжело приподымаясь съ земли съ помощью приспѣвшаго къ нему режиссера. Онъ выхватилъ платокъ изъ кармана и принялся, мотая и головой, и руками, отчаянно чихать и сморкаться.

— Ради Бога, извините меня! бормоталъ сконфуженно Сергѣй.

— Да вы никакъ ссориться вздумали! крикнулъ, кидаясь къ нимъ, Вальковскій. — Сережа, да понимаешь-ли ты, что это такой актеръ, такой, что ему всѣ пальчики перецѣловать можно!... А ты, братъ, я тебѣ скажу, это послѣднее „Спокойной ночи, матушка“, сказалъ такъ, что тебѣ Мочаловъ въ подметки не годился бы! Такъ прошла сцена, такъ прошла!... И Надежда Ѳедоровна... Кабы только не этотъ чортъ-землемѣръ!... А знаешь-ли ты, перемѣняя вдругъ тонъ, могильнымъ голосомъ заговорилъ онъ,—знаешь-ли, что Офелія тю-тю?

— Что такое? Гундуровъ весь поледенѣлъ...

— Говорятъ, охрипла, пѣть не можетъ: не выйдетъ болѣе! Понимаешь-ли ты, все *сумасшествіе* вонъ! Половину драмы и такъ ужь выкинули, а наконецъ и совсѣмъ доканали!

И онъ даже плюнулъ отъ избытка негодованія.

— Она сама... не хочетъ? черезъ силу выговорилъ Сергѣй.

— Онѣ у себя въ уборной, не выходили... не совсѣмъ себя хорошо чувствуютъ, кажется, шопотомъ объяснилъ ему режиссеръ, отирая рукавомъ градомъ струившіяся со лба его капли.

— За... занемогла?

— Не должно быть, чтобы настоящимъ образомъ больны, а такъ, можетъ, разстроились какъ-нибудь. Извѣстно, существо нѣжное, цвѣточекъ настоящій... Я впрочемъ ничего не знаю, поспѣшилъ осторожно добавить закулисный дипломатъ,— а только князь Ларіонъ Васильевичъ сами приходили за кулисы въ началѣ этого дѣйствія и сказали мнѣ, что княжна охрипла, и что ея двѣ сцены въ четвертомъ актѣ придется выкинуть...

— Гамлета, Гамлета! продолжали стонать въ залѣ.—Гертруду, Гертруду! присоединился къ этому новый вызовъ.

— Сергѣй Михайлычъ, я прикажу сейчасъ занавѣсъ, просятъ-съ... Господа, mesdames, позвольте со сцены! засуетился опять режиссеръ, относясь къ толпѣ актеровъ, хлынувшей тѣмъ временемъ изъ-за кулисъ.

— Не надо! вскликнулъ нетерпѣливо и озираясь Гундуровъ:—Надежда Ѳедоровна ушла, я безъ нея не выйду!

— Онѣ тутъ, сейчасъ были... Королева, Надежда Ѳедоровна! За кулисами, должно быть, уйти далеко не успѣли...

Онъ кинулся за нею.

Она, дѣйствительно, съ дрожащими отъ усталости ногами пробиралась за кулисы, слабо улыбаясь на сочувственные ей возгласы и плески „пулярокъ“, визжавшихъ и прыгавшихъ по пути ея. Въ узкомъ проходѣ за сценой она прямо натолкнулась на Ольгу Акулину.

— Извините! учтиво промолвила Надежда Ѳедоровна.

Ольга небрежно кивнула головой въ отвѣтъ и прижала къ колѣнямъ свою бархатную юбку, чтобы дать ей пройти.

Она прошла... и остановилась.

— Простите мнѣ, Ольга Елпидифоровна! нежданно проговорила она, низко склоняя предъ нею голову.

Ольга вспыхнула вся:

— Что это значитъ?

— Я прошу васъ простить мнѣ, повторила та,—если вы почитаете меня въ чемъ-нибудь виноватою предъ вами.

— Къ чему вдругъ эти объясненія? фыркнула свысока барышня.

— Къ тому, Ольга Елпидифоровна, что мы, вѣроятно, никогда уже болѣе не встрѣтимся съ вами... на сценѣ — на сценѣ жизни, договорила Надежда Ѳедоровна такимъ разбитымъ и смиреннымъ голосомъ, что наша дѣвица уставилась на нее растерянными глазами.

„Что она“, проносилось у нея въ головѣ:—„рисуется, или въ самомъ дѣлѣ?...“

— Надежда Ѳедоровна, пожалуйте, пожалуйте, публика

проситъ! кричалъ, несясь къ ней со всѣхъ ногъ, режиссеръ:— васъ и Гамлета... Пожалуйте!...

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно! я не хочу... не пойду! испуганно отмахивалась она.

— Нельзя-съ, никакъ нельзя, неучтиво противъ публики, пожалуйте! настаивалъ онъ.

— Ступайте, ступайте, Надежда Ѳедоровна, васъ зовутъ, хлопаютъ ужасъ какъ: Гертруду, Гертруду! Гундуровъ безъ васъ выходить не хочетъ... Ступайте! оглушалъ ее съ другой стороны крикъ налетѣвшихъ со всѣхъ сторонъ „пулярокъ“...

Къ рампѣ, рука-объ-руку, подошли блѣдный какъ полотно Гамлетъ и зелено-желтая подъ своими румянами его мать...

LXIII.

Представленіе съ этой минуты быстро пошло къ концу. Вѣсть, что княжна болѣе не появится, что она настолько не хорошо себя чувствуетъ (никому, какъ предвидѣлъ это князь Ларіонъ, въ голову не пришло, чтобъ это было съ ея стороны капризомъ), что сцены безумія Офеліи, которыми такъ восхищались наши актеры на репетиціяхъ, должны быть выкинуты, вылила какъ бы цѣлый ушатъ холодной воды на сценическое возбужденіе ихъ. Всѣ какъ бы вдругъ почувствовали, что интересъ спектакля теперь изсякъ весь и что его надо поскорѣе кончить.

Положено было вслѣдствіе этого изо всего четвертаго дѣйствія оставить сцену *возмущенія*, въ которой Лаертъ, во главѣ народа, является требовать мести за смерть отца, и слѣдующее затѣмъ объясненіе съ королемъ. О судьбѣ Офеліи зрители должны были узнать изъ коротенькаго сообщенія Горація королевѣ въ началѣ акта о постигшемъ ея безуміи и изъ разсказа самой королевы о ея смерти, въ концѣ дѣйствія. Такъ какъ изъ послѣдняго дѣйствія изъята была еще ранѣе сцена *на кладбищѣ*, составляющая болѣе половины его, то изъ него также уцѣлѣла въ сущности лишь большая сцена *поединка*, съ предшествующимъ ей разговоромъ Гамлета съ Горація и Озрикомъ. Осталось такимъ образомъ спектакля всего на какія-нибудь сорокъ минутъ, включая сюда и перемѣну декораціи между актами.

Чижевскій своею статною наружностью и горячею рѣчью произвелъ въ своей роли Лаерта — одной изъ благодарнѣйшихъ для сколько-нибудь даровитаго жёнпремьера,—надлежащее впечатлѣніе на зрителей и получилъ не мало апплодис-

ментовъ. Пылкая Женни окончательно влюбилась въ него на этотъ вечеръ, и все время, глядя на его оживленное лицо и быстрые каріе глаза, особенно ярко сверкавшіе изъ-подъ надвинутаго на лобъ темносиняго берета съ обматывавшимся кругомъ большимъ бѣлымъ перомъ, говорила себѣ, что если-бъ онъ тутъ же послѣ спектакля, въ этомъ костюмѣ, подвелъ ее къ дорожной каретѣ и сказалъ: „хотите сейчасъ въ Америку?“ она бы крошечку прижмурилась, сказала бы „au petit bonheur!“ вскочила и—поѣхала бы съ нимъ...

Девять десятыхъ аристократическихъ гостей княгини Аглаи Константиновны, какъ предвидѣлъ это князь Ларіонъ, и не догадались о сдѣланныхъ въ драмѣ урѣзкахъ, но непоявленіе Офеліи въ данную, лихорадочно ожидавшуюся имъ минуту повергло старика-смотрителя, а за нимъ всю его учительскую компанію, въ настоящее отчаяніе.

— Милосердые боги, шепталъ старикъ, нещадно теребя дрожащими отъ волненія пальцами свои всклоченные волосы,— кто же имѣлъ жестокость лишить насъ этой божественной сцены, и какъ она сама, эта фея, эта эльфа, этотъ поэтическій сонъ наяву, какъ она рѣшилась отнять у насъ это наслажденіе!... Господи, да ужь не дай Богъ, не случилось-ли чего съ нею? волновался онъ все болѣе и болѣе.

— Вотъ она, вотъ! прошепталъ за нимъ одинъ изъ учителей.

Онъ привскочилъ съ живостью осьмнадцатилѣтняго юноши:

— Гдѣ она? Что вы?

— Въ ложѣ налѣво, вотъ... въ обыкновенномъ платьѣ...

Въ ложу madame Grébillon вошла, дѣйствительно, Лина...

„Дядя правъ“, рѣшила она, прійдя въ сознательное состояніе послѣ долгаго забытья, въ которомъ оставили мы ее,— „надо имъ показаться, а то подумаютъ, я, и Богъ знаетъ какъ, не здорова.“ И, поднявшись съ кушетки, она, къ немалому удивленію Глаши, приказала ей собрать всѣ нужныя принадлежности туалета и итти за нею наверхъ въ ея комнату, переодѣваться.

— Готово, все здѣсь, ваше сіятельство, молвила поспѣшно

Глаша, указывая на газъ, кисею и живые цвѣты къ ея костюму безумной Офеліи.

— Нѣтъ, нѣтъ, я на сцену ужь болѣе не выйду, оставь платье здѣсь, только цвѣты захвати, отвѣчала она, подавляя вздохъ,—я надѣну то платье, которое подарила мнѣ сегодня maman къ вечеру: оно вѣдь у меня тамъ, въ комнатѣ... Скорѣе, пожалуйста, Глаша!

Ей хотѣлось уйти скорѣе, пока всѣ актеры еще на сценѣ; ее мучила мысль, что надо было бы съ ними объясниться, просить извиненія за слабость свою, усталость...

Ольга Елпидифоровна, первая, разумѣется, кинувшаяся въ ея уборную по окончаніи 3-го дѣйствія, не застала ея уже тамъ.

Къ слѣдующему антракту княжна была готова и спустилась въ театръ по большой лѣстницѣ, все такъ же избѣгая встрѣчи съ товарищами своими по представленію.

Князь Ларіонъ, давно и тревожно ожидавшій ее, поспѣшно всталъ при ея появленіи, предлагая ей знакомъ занять его мѣсто напереди ложи.

— Ахъ, нѣтъ, дядя, пожалуйста!... смущенно прошептала она, отступая...

Но ее уже всѣ успѣли замѣтить, всѣ глаза устремились на нее. Княгиня Додо, вызвавъ на лицо свое сладчайшую изъ своихъ древнихъ улыбокъ, приподняла высоко руки и, усиленно кивая острымъ подбородкомъ, зааплодировала ей кончиками пальцевъ. „Офелія, браво!“ рявкнулъ напрямикъ, увидавъ это, Сенька Водоводовъ. За нимъ грянула вся остальная публика...

— Это шипы успѣха; нечего дѣлать, подойди, Hélène! проговорилъ съ насилованною усмѣшкой князь Ларіонъ, взялъ ее легонько за локоть и подвелъ къ рампѣ ложи.

Она хотѣла остаться еще Офеліей и въ своемъ toilette de soirée. Золотистые волосы ея обвивала, падая сзади длинными концами своими до самаго пояса, та же гирлянда изъ полевыхъ цвѣтовъ, что̀ предназначалась для ея сцены безумія; васильки и маргаритки, нарванные для нея въ полѣ Факирскимъ и Постниковымъ, обильно раскидывали свои синіе и бѣлые

лепестки по серебристо-легкой ткани ея парижскаго платья изъ шелковаго газа; она держала въ слегка-дрожавшей рукѣ букетъ, поднесенный ей утромъ нашими актерами и сохранившійся свѣжимъ подъ мокрымъ платкомъ, которымъ велѣла она тщательно покрыть его Глашѣ тогда же... Въ этой четыреугольной вызолоченной рамкѣ ложи, отдѣляясь отъ ея темномалиноваго фона свѣтлымъ пятномъ своего воздушнаго облика, со своею тонкою, полусклонившеюся головкой и робкою улыбкой на сомкнутыхъ устахъ, она на всѣхъ произвела впечатлѣніе какого-то очаровательнаго изображенія весны, молодости, поэзіи,—задумчивой и неотразимой поэзіи...

Сама Аглая Константиновна возчувствовала это обаяніе и, обернувшись къ флигель-адъютанту, сидѣвшему за ея кресломъ, самодовольно прошептала ему:

— N'est ce pas qu'elle est fort bien ma fille?

— Adorable! отвѣтилъ онъ съ искреннимъ увлеченіемъ.

Она многозначительно и лукаво скользнула взглядомъ по его лицу и ухмыльнулась, довольная, какъ школьникъ пряникомъ.

Онъ чуть-чуть улыбнулся тоже:

„Ты, милая моя", думалъ онъ", хуже медвѣдя басни; десять враговъ лучше, чѣмъ твое усердство... Я воображаю поэтому, какъ тебѣ понравится штука, которую я намѣренъ выкинуть тебѣ завтра!"...

И онъ погрузился въ глубокое размышленіе.

По той сторонѣ занавѣса появленіе Лины — о чемъ мигомъ распространилось между нашими актерами,—произвело настоящее ликованіе. Княжна была общею любимицей, кумиромъ всѣхъ и каждаго. Вѣсть о томъ, что она занемогла, не можетъ болѣе играть, возбудила къ тому же между „пулярками" ужасную боязнь за предстоявшій балъ, который могъ не состояться вслѣдствіе этого нездоровья „de la fille de la maison". Какъ запрыгали онѣ за то теперь, какъ завизжали, какъ кинулись неизбѣжнымъ гуртомъ къ просвѣту между занавѣсомъ и порталомъ съ противоположной ея ложѣ стороны кулисъ, откуда явственно могли видѣть Лину, какими радостными кивками, какими широкими улыбками на свѣжихъ

деревенскихъ лицахъ привѣтствовали онѣ ее оттуда, насѣдая другъ на друга и рукоплеща изо всей силы рукъ!..

Ольга Елпидифоровна глядѣла тоже на княжну, но съ инымъ чувствомъ. Она любовалась ея нарядомъ и злилась на нее за него. Это было именно „une toilette de saison“, пригодное для лѣта, не слишкомъ нарядное и не слишкомъ „простенькое“ платье. Ольга же должна была надѣть на этотъ самый вечеръ настоящій бальный туалетъ, — платье той же Лины, надѣванное ею разъ въ Москвѣ прошлою зимой и перешедшее отъ нея къ барышнѣ въ числѣ многихъ другихъ „défroques Лины“, какъ выражалась свысока Аглая Константиновна о каждомъ разъ-надѣванномъ туалетѣ дочери. „И это сейчасъ замѣтятъ, и онъ (все тотъ же графъ Анисьевъ), и эта петербургская grande dame, и догадаются, что я только и могу порядочно одѣваться съ плеча этой княжны aux grands sentiments. Господи, когда же я буду въ состояніи одѣваться сама, какъ я хочу!“... Впрочемъ, тутъ же утѣшила себя барышня: „мой туалетъ все-таки гораздо эффектнѣе этого, и я буду въ немъ такая gentille, что всѣ мущины съ ума сойдутъ по мнѣ!“... И, объявивъ кругомъ, что она въ послѣдней сценѣ участвовать не намѣрена и что „могутъ тамъ убивать другъ друга безъ нея“, она торопливо побѣжала къ себѣ наверхъ облекаться въ это, дѣйствительно, черезчуръ „эффектное“, изъ бѣлаго тюля, отдѣланное пунцовымъ бархатомъ, платье и въ вѣнокъ изъ большихъ пунцовыхъ розъ, которыя чрезвычайно шли къ характеру ея вызывающей красоты.

— Подвиньтѣсь, Сережа, шепнулъ Ашанинъ Гундурову въ минуту, когда занавѣсъ поднялся еще разъ, и они вдвоемъ должны были выйти на сцену; — ты слышишь, княжна въ залѣ, все обстоитъ благополучно.

Но это пріятельское ободреніе не было въ состояніи поднять настроеніе Сергѣя на тотъ уровень всецѣлаго самообладанія, или горячаго сценическаго увлеченія, при которыхъ равно, хотя разными путями, актеръ овладѣваетъ своимъ зрителемъ. Словно пудовыя вериги оттягивали ему плечи, глаза его заволакивалъ какой-то туманъ, языкъ съ трудомъ воро-

чался въ гортани, руки не слушали его и какъ бы сами собою падали устало внизъ послѣ каждаго усилія его поднять ихъ. Сцена съ Горація, въ которой Гамлетъ вернувшійся изъ Англіи является особенно возбужденнымъ и какъ бы совершенно готовымъ „казнить злодѣя, замышлявшаго погубить его“, и слѣдующій за этимъ разговоръ съ Озрикомъ, гдѣ онъ ѣдко преслѣдуетъ своими насмѣшками эту придворную „стрекозу“ и „сороку“, прошли крайне неудовлетворительно; въ двухъ мѣстахъ онъ даже спуталъ реплику и чутъ не сбилъ съ толку Шйгарева, актера бывалаго и никогда не терявшагося на подмосткахъ. Шйгаревъ-Озрикъ вывезъ всю сцену на своихъ плечахъ. Онъ представлялъ собою совершенную противоположность исправника-Полонія. Насколько тотъ былъ кругловато-грузенъ, широко-смѣшонъ, „фальстафенъ“ по наружности, какъ выразился про него старикъ-смотритель, настолько птичье, худое и узкое лицо Шйгарева, его короткое туловище и длинныя, поджарыя, какъ спицы, ноги напоминали забавно тощій обликъ изможденнаго танцмейстера; насколько въ исполненіи Акулина за льстивою и суетною болтовней Полонія можно было разпознавать прирожденную ему плутоватость и смѣтливость, развитую долгимъ навыкомъ придворной жизни, настолько Шйгаревъ умѣлъ изобразить въ Озрикѣ типъ чистокровнаго царедворца, лишеннаго всякой способности самобытнаго сужденія, сознательно убѣжденнаго, что мнѣніе владычнаго надъ нимъ лица, каково бы оно ни было, должно быть непререкаемо, и что вся его задача въ жизни состоитъ лишь въ томъ, чтобъ эти мнѣнія сильныхъ міра повторять и поддакивать имъ какъ можно почтительнѣе, глубокомысленнѣе и щеголеватѣе... Пустѣйшій шутъ въ дѣйствительной жизни, Шйгаревъ на сценѣ превращался въ серьезнаго, тщательно отдѣлывающаго каждое мѣсто своей роли комика, которымъ нельзя было не любоваться. Любовался имъ особенно петербургскій флигель-адъютантъ, изо всего числа предстоявшихъ зрителей имѣвшій, въ своемъ качествѣ homme du métier, наиболѣе возможности судить, насколько царедворецъ Озрикъ былъ вѣренъ дѣйствительности...

Нервное изнеможеніе Гундурова, которое не могло не

быть замѣченнымъ публикой и приписывалось большинствомъ ея простой физической усталости, нашло какъ бы себѣ объясненіе въ словахъ Гамлета предъ сценой поединка, въ которыхъ, помимо ея воли, выливается у этой чуткой натуры сознаніе предсмертной тоски, охватившей ее: „Ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ тяжело на сердцѣ; это вздоръ, а между тѣмъ какое-то грустное предчувствіе,—женщину оно могло бы испугать“... Слова эти у Сергѣя сказались отъ души: ему, дѣйствительно, было невыносимо тяжело... И вслѣдъ за ними глаза его совершенно безсознательнымъ движеніемъ направились на мигъ въ сторону ложи, въ которой княжна, смущенная сдѣланною ей овацiей, усѣлась теперь въ полутьму за объемистымъ туловищемъ m-me Crébillon, упросивъ дядю занять свое прежнее мѣсто. Она въ свою очередь съ напряженнымъ вниманіемъ глядѣла на Гамлета. Взгляды ихъ встрѣтились... Трудно сказать, какимъ новымъ ощущеніемъ отозвалось это во внутреннемъ сознаніи нашего героя, но онъ какимъ-то мгновеннымъ усиліемъ скинулъ съ себя свинцовую тяжесть, лежавшую до этой минуты неодолимымъ гнетомъ на всемъ его существѣ... Словно послѣднимъ сіяніемъ освѣтило эти предсмертныя минуты Гамлета. Глаза его блеснули; пробужденная внезапно энергія и спокойная рѣшимость сказались въ отчетливыхъ звукахъ его голоса, когда, въ отвѣтъ на предложеніе Горацiо пойти сказать королю, что Гамлетъ не расположенъ въ эту минуту фехтовать съ Лаертомъ, онъ произнесъ: „Нѣтъ! Я смѣюсь надъ предчувствіями; и воробей не погибнетъ безъ воли Провидѣнія... Никто не знаетъ, что̀ теряетъ онъ, такъ что̀ за важность потерять рано? Будь, что̀ будетъ!“

„Будь, что̀ будетъ!“ мысленно повторила Лина, болѣзненно прижмуривая вѣки отъ острой боли, которая вдругъ заколола у нея въ полости сердца, и осторожно, чтобъ не замѣтили этого сосѣди ея въ ложѣ, поднесла къ этому мѣсту руку, нажимая ею, сколько было у нея силы.

LXIV.

Конченъ пиръ, умолкли хоры,
Опорожнены амфоры,
На главахъ вѣнки измяты..

Тютчевъ.

The rest is silence.

„Все остальное молчаніе“, проговорилъ *Гамлетъ* свои удивительныя послѣднія слова...

— Покойной ночи, милый принцъ! Спи мирно
Подъ хоры ангеловъ святыхъ!

прочелъ надъ опрокинувшимся навзничь тѣломъ его Горація-Ашанинъ. Занавѣсъ упалъ. Драма отыграна.

Послѣдовало все то, что̀ неизмѣнно слѣдуетъ за этимъ въ любительскихъ спектакляхъ: вызовы „всѣхъ, всѣхъ“, суетня на сценѣ, выходъ труппы стадомъ предъ рампу, крики „браво“ и „charmant,“ женскіе покровительственные кивки и воздушные поцѣлуи снизу, неестественно почтительные поклоны поощряемыхъ сверху, топотня мужскихъ ногъ, оглушительный говоръ и неизбѣжный хохотъ безъ смысла и конца.

Лина скользнула къ двери ложи, едва упалъ занавѣсъ.

— Ты куда, на сцену? спросилъ въ догонку ей князь Ларіонъ.

— Нѣтъ, пройтись, мнѣ жарко...

И она убѣжала въ корридоръ отъ этихъ криковъ и вызововъ.

Не поклонами и благодарными улыбками—проклятіями готовъ былъ отвѣчать Гундуровъ со своей стороны на шумные восторги рукоплескавшей ему толпы. Съ этими, сейчасъ

выговоренными имъ, послѣдними словами Гамлета отыграна была и его роль въ Сицкомъ: „молчаніе“ дѣйствительно должно было наступить для него послѣ этихъ трехъ недѣль испытанныхъ имъ здѣсь блаженства и муки; — одна только эта мысль стояла у него въ головѣ теперь.

А онъ кланялся тѣмъ временемъ вмѣстѣ съ товарищами своими по спектаклю, глядя прямо предъ собою, ни на комъ не останавливая взгляда и ясно различая въ то же время необычно разстроенное лицо тетки, упиравшейся на руку все той же, незнакомой ему, привлекательной женщины съ приподнятыми, какъ у сфинкса, углами глазъ, пристально устремленныхъ на него. Софья Ивановна дѣлала ему какіе-то знаки головой, которые онъ понялъ тотчасъ же, какъ приглашеніе притти переговорить съ нею какъ можно скорѣе.

Но менѣе всего чувствовалъ онъ въ этомъ потребность. Не „говорить съ людьми“, уйти какъ можно дальше отъ нихъ, „въ пустыню“, „во мракъ“ тянуло его теперь опять...

Вызовы наконецъ смолкли; занавѣсъ упалъ въ послѣдній разъ. Все побѣжало со сцены. Гундуровъ не торопился; онъ опустился въ кресло, на которомъ только-что пронзенъ былъ имъ шпагой Клавдіо-Зяблинъ, опустилъ голову и забылся.

— Сережа, что же ты? молвилъ Ашанинъ, внимательно наблюдавшій за нимъ все время,—переодѣваться пойдемъ!

— Куда? отвѣтилъ онъ какъ съ просонья.

— Въ уборную. Куда же?

— Нѣтъ, я не пойду. Ступай переодѣнься, а когда кончишь, пошли Ѳедосѣя къ намъ въ комнату; я тамъ...

— А пока-то что же ты?

— Мнѣ воздуху хочется; я выйду въ садъ.

Но онъ не вышелъ и, опустивъ снова голову, забылся еще разъ въ своемъ креслѣ.

Рабочіе начинали гасить лампы. Длинныя тѣни побѣжали отъ кулисъ. Запахло чадомъ, копотью и ламповымъ масломъ. Какое-то надрывающее запустѣніе охватывало этотъ міръ писаннаго полотна, полный сейчасъ жизни, звуковъ, опьяненія... Вотъ мѣсто, гдѣ онъ сидѣлъ у *ея* ногъ во время представленія, гдѣ онъ былъ съ нею „такъ жестокъ, безчеловѣ-

ченъ"... Вотъ и тотъ, уже потонувшій въ темени уголъ за первою кулисой, откуда онъ глядѣлъ на нее въ день считки *Гамлета*, и въ первый разъ глаза ея остановились на немъ... Все это „пережито",—и нѣтъ, нѣтъ уже всему этому возврата...

— Пойдемъ, Сережа, говорилъ возвращаясь Ашанинъ: — Ѳедосѣя я отправилъ къ намъ въ комнату съ твоимъ платьемъ, а я ужь заодно съ тобою...

Гундуровъ поднялся молча. Они спустились въ корридоръ, а оттуда въ садъ.

Небо расчистилось. Миріады звѣздъ глядѣли сквозь прогалины тихо шатавшихся надъ головами ихъ листьевъ...

На поворотѣ къ ихъ флигелю Гундуровъ повернулъ вправо.

— Куда же ты? крикнулъ ему пріятель.

— Ашанинъ, сдѣлай милость, оставь меня хоть на минуту одного, отвѣтилъ онъ, останавливаясь съ едва сдерживаемымъ нетерпѣніемъ.

— Я нисколько не намѣренъ навязывать тебѣ свое общество, Сережа, возразилъ тотъ,—но ты знаешь, что насъ всѣхъ ждутъ тамъ, наверху, что изчезать намъ въ эту минуту неудобно и неучтиво, что, наконецъ, главное, ты подашь этимъ поводъ Софьѣ Ивановнѣ серьезно безпокоиться...

— Я все это знаю, тоскливо перебилъ его Гундуровъ, — и успѣю явиться туда во-время и никому безпокойства не причиню. Но дай ты мнѣ, ради Бога, передохнуть на свободѣ одному, дай притти въ себя, собраться съ мыслями...

— Какъ знаешь, Сережа, вздохнулъ Ашанинъ, — только если ты чрезъ полчаса не вернешься переодѣться, я, воля твоя, пойду искать тебя съ фонаремъ.

Но Гундуровъ, не дослушавъ его, ушелъ въ темень боковой аллеи.

LXV.

Толпа гостей княгини исчезала за большою входною дверью театральной залы. Здѣсь оставались еще кое-кто изъ городской публики, ожидавшей, когда пройдутъ „всѣ эти аристократы“, чтобы выйти на свободѣ въ большія сѣни дома, гдѣ ожидали ее, въ свою очередь, дремля и сопя на лавкахъ въ темномъ углу за лѣстницей, невзрачные слуги и кухарки съ барскими шинелями и бурнусами на колѣняхъ. Смотритель Юшковъ со своими учителями держался у самаго выхода, почтительно и со счастливою улыбкой на устахъ отвѣшивая старомодные поклоны каждой изъ проходившихъ мимо него парѣ избраннаго общества Сицкаго: онъ считалъ долгомъ учтивости выразить этимъ благодарность хозяевамъ дома „за высокое эстетическое наслажденіе, которое дозволено ему было вкусить“...

— Погодимъ, шепталъ онъ своимъ молодымъ сослуживцамъ, державшимся вообще гораздо болѣе сдержанно, чѣмъ онъ, и наровившимъ теперь уйти скорѣе,—авось-либо удастся и кого-нибудь изъ превосходнѣйшихъ исполнителей увидать вблизи: Гамлета, божественную Офелію... Душа такъ и проситъ излиться предъ ними...

Судьба, какъ видно, не хотѣла отказать ему въ этомъ удовольствіи. Божественная Офелія вышла въ эту минуту въ залу изъ боковой двери подлѣ ложи, въ которой предстала она въ послѣдній разъ его „очарованнымъ взорамъ“,—вышла, остановилась на мигъ, замѣтивъ эту еще неуспѣвшую разойтись публику, и робко, замедляя шаги, двинулась наконецъ мимо креселъ.

Старый энтузіастъ обдернулъ жилетъ, провелъ торопливо рукой по вороху сѣдыхъ своихъ кудрей и, отдѣлясь шага на два отъ своей компаніи, браво сталъ на пути княжны, глядя на нее во всѣ свои большіе, голубые, восторженные глаза.

Она поняла, что этотъ незнакомый ей старичекъ съ добродушнымъ и чрезвычайно симпатичнымъ лицомъ хочетъ непремѣнно lui faire son petit bout de compliment, и что этого избѣгнуть нельзя, и со своею тихою улыбкой подошла къ нему, привѣтливо кланяясь увѣнчанною полевыми цвѣтами головкой.

Онъ торопливо и низко склонилъ голову, въ свою очередь, шаркнулъ при этомъ ножкой и заговорилъ:

— Княжна Елена Михайловна, не осудите невѣдомаго вамъ *индивидуя* за несоблюденіе, быть-можетъ, принятыхъ въ высшемъ свѣтѣ приличій, а примите во вниманіе лишь то неодолимое побужденіе, которое даетъ ему смѣлость навязаться вамъ, такъ-сказать, со своимъ разговоромъ... Смотритель ***скаго уѣзднаго училища, Василій Григорьевичъ Юшковъ, поспѣшилъ онъ объявить ей свое званіе и еще разъ шаркнулъ ножкой.

— Я очень рада, пролепетала княжна.

Онъ глядѣлъ на нее восхищенными глазами... Ему такъ много, много хотѣлось бы сказать ей... Но онъ боялся ей наскучить, да и при томъ волненіи, которое одолѣвало его, онъ чувствовалъ, что не найдетъ надлежащихъ словъ.

— Не смѣю утруждать васъ долгою рѣчью, княжна Елена Михайловна, торопливо проговорилъ онъ: — объемлющее меня чувство вылью, такъ-сказать, въ двухъ краткихъ словахъ: я *видѣлъ* Шекспировскую *Офелію*, видѣлъ *васъ*, — могу теперь умереть спокойно!

Въ этой преувеличенности, въ этомъ необычномъ для ея уха эмфазѣ выраженія слышалась такая внутренняя искренность, что Лина почувствовала себя глубоко тронутою. Она протянула ему руку.

— Благодарю васъ за ваши добрыя слова! Я ихъ, конечно, принять на свой счетъ не смѣю; я почти въ первый разъ играла на сценѣ, и если вышло хорошо, то просто потому,

кажется, что такая ужь роль... Каждая, я увѣрена, на моемъ мѣстѣ сыграла бы точно такъ же, какъ я...

Старикъ почтительно приподнялъ ея руку, чуть-чуть прикоснулся вытянутыми губами къ облегавшей ее перчаткѣ и такъ же почтительно опустилъ ее.

— Каждая? повторилъ онъ и—закачалъ головой.—Нѣтъ-съ! осмѣлюсь возразить вамъ. *Типъ*, наружный, такъ сказать, смыслъ Офеліи извѣстенъ, дѣйствительно, и его, пожалуй, передать въ состояніи каждая образованная и даже просто смышленая театральная актриса. Но вы-съ, вы дали намъ *душу* Офеліи прозрѣть, княжна Елена Михайловна, а за нею и собственную вашу душу... Тутъ-съ не искусство одно, тутъ нѣчто еще высшее говоритъ въ человѣкѣ и человѣку...

Лина вся зардѣлась вдругъ и сжала на мигъ болѣзненно брови.

Онъ замѣтилъ и очень смутился... Но она замѣтила это, въ свою очередь, и поспѣшно проговорила:

— Я рада, что вы на меня не сердитесь.

— За что̀ это, помилуйте! Онъ руками всплеснулъ.

— За то, что я не доиграла Офеліи, лишила васъ удовольствія дослушать ея роль до конца... Но я не могла, право; я осталась безъ голоса, говорила Лина, подымая на него свои смущенные и печальные глаза, — мое здоровье не особенно крѣпко.

— Не дай Богъ! Да хранитъ васъ весь сонмъ ангеловъ небесныхъ! вырвалось испуганно изъ груди старика-смотрителя... И со смерти князя Михайлы, никакой еще человѣческій голосъ не звучалъ для Лины такъ безкорыстно, такъ отечески нѣжно...

— Какой вы добрый! воскликнула она, въ свою очередь, въ невольномъ порывѣ... Они были теперь одни въ опустѣвшей окончательно залѣ. Онъ совершенно растерялся, заморгалъ вѣками, подъ которыми уже проступали крупныя капли слезъ...

Дверь подлѣ ложи, изъ которой вышла Лина, отворилась опять широко и шумно, и изъ нея вылетѣла во всей пунцо-

вости своихъ розъ, бархата и торжествующаго вида неизбѣжная Ольга Акулина.

— Лина, вы еще здѣсь? Какъ я рада, мы войдемъ туда вмѣстѣ! крикнула она ей черезъ всю залу. — И никого, кромѣ васъ, продолжала она, оглянувшись и застегивая на ходу длинную бальную перчатку (она разсчитывала застать еще хвостъ знакомой ей уѣздной публики, которой была далеко не прочь пустить лишній разъ пыль въ глаза своимъ трескучимъ туалетомъ)... Ахъ, Василій Григорьичъ, здравствуйте! проговорила она свысока, подходя къ разговаривавшимъ и не отрываясь взглядомъ отъ своей перчатки,—я не знала, что вы попали также въ число нашихъ зрителей. Какъ вы находите, не правда-ли, очень удалось?

— Чрезвычайно, сударыня, отвѣтилъ старикъ, знавшій ее давно по городу и далеко не питавшій сочувствія къ ея самонадѣянности и претензіямъ;—ваше участіе въ драмѣ было въ особенности замѣтно, насмѣшливо промолвилъ онъ въ видѣ шутки.

Она громко разсмѣялась:

— Мое участіе... Меня вѣдь только для виду пригласили выйти на сцену сегодня. А вотъ къ завтраму я сама приглашаю васъ сюда, на мой бенефисъ. Я играю въ *Львѣ Гурычѣ Синичкинѣ* и много пою. Услышите, не раскаетесь!...

Старикъ поклонился холодно и молча.

Барышня покосилась на него:

— Или, можетъ-быть, колко отпустила она,—послѣ княжны вы почитаете меня уже совершенно не стоющею вниманія.

Этотъ намекъ на его какую-то будто-бы искательность задѣлъ старика за живое; онъ даже покраснѣлъ весь:

— Напрасно, милостивая государыня, вы такъ полагаете: вниманія заслуживаете вы вполнѣ и отъ каждаго, а въ древнемъ мірѣ могли бы, смѣю думать, даже большую извѣстность пріобрѣсти.

— Это что же такое „въ древнемъ мірѣ?“ Вы всегда какими-то притчами выражаетесь! молвила пренебрежительно Ольга.

— А то это значитъ, сударыня, что въ мірѣ языческомъ,

въ противность тому, чему научило насъ христіанство, женская личность превозносима была почти исключительно за ту внѣшнюю, такъ сказать, тѣлесную, прелесть, коею могла она отличаться отъ другихъ, а не за тѣ высшіе, духовные дары, которые для насъ составляютъ ея лучшее украшеніе.

Отвѣчать на этотъ урокъ грубостью барышня наша въ присутствіи Лины не посмѣла. Она почла за лучшее разсмѣяться еще разъ:

— Ну да, да, извѣстно, вамъ все „крылья нужны, въ лазурь неба уноситься", какъ говоритъ мой отецъ... Пойдемте, Лина, насъ давно наверху ждутъ! не ожидая отвѣта, воскликнула она, продѣвая руку подъ руку княжны.

Лина тихо высвободила свою.

— Я надѣюсь, Василій Григорьичъ, сказала она,—что наше знакомство такъ не кончится. Если не завтра, то вы быть-можетъ найдете въ другой день время посѣтить насъ? Я была бы очень рада.

Онъ глянулъ на нее вдругъ снова увлажившимися глазами.

— Княжна Елена Михайловна, проговорилъ онъ,—позвольте мнѣ отклонить такое лестное для меня ваше предложеніе.

— Почему такъ? удивилась Лина.

— Человѣкъ я темный, забытый въ своемъ углу, княжна, да и самъ, почитай, забывшій въ немъ и то малое, что̀ зналъ (онъ печально махнулъ рукой); для барскихъ палатъ, а тѣмъ паче для высокообразованныхъ лицъ интереснаго собою ничего представить не могу... Но повѣрьте, что мнѣ до послѣдняго вздоха хватитъ воспоминанія о томъ, что̀ дали вы мнѣ перечувствовать и прозрѣть въ нынѣшній божественный вечеръ...

— Я съ вами не могу спорить, сказала Лина,—но мнѣ очень будетъ жаль, если я васъ болѣе не увижу...

Юный восторгъ засіялъ опять въ его большихъ голубыхъ глазахъ.

— Княжна, если бы когда-нибудь и чѣмъ-нибудь я могъ вамъ послужить, завѣряю васъ Всемогущимъ Создателемъ, что

во всякое время дня или ночи стану у вашего порога ждать вашихъ приказаній.

— Не приказаній, нѣтъ... Но ваши слова я буду помнить. Спасибо вамъ! промолвила вдумчиво Лина, протягивая ему руку еще разъ, и, не давъ ему поцѣловать ее, дружески сжала его твердые старческіе пальцы.

— Странная какая вы, Лина, говорила ей Ольга Елпидифоровна вслѣдъ за этимъ разговоромъ, подымаясь рядомъ съ нею по лѣстницѣ, — на чтò вамъ нуженъ этотъ старый трубадуръ?

— Кто такой? спросила сжимая брови княжна.

— Да этотъ блаженный философъ нашъ, Юшковъ. Его всѣ такъ въ городѣ называютъ: „трубадуръ“, а не то еще „Эолова арфа“... Вы такія ужь были съ нимъ любезныя!...

— Это вамъ не нравится? молвила сухо Лина.

— Ахъ, Боже мой, вскрикнула обиженно барышня,—мнѣ совершенно все равно! Только я нахожу, что онъ совсѣмъ не вашего общества и ужасно скучный со своими „такъ-сказать“ и нескончаемыми фразами. Конечно, у васъ свои особенныя понятія, но у него вѣдь другаго разговора нѣтъ, какъ „идеалъ“, „искусство“, „Пушкинъ“, „долгъ челов.“...

Она оборвала на полусловѣ, сообразивъ, что все это подходило именно къ тѣмъ „понятіямъ“, которыя значились у нея въ головѣ подъ общимъ заглавіемъ: „grands sentiments“ княжны Лины Шастуновой.

Княжна молчала. Она никогда не входила ни въ какія разсужденія съ Ольгой Елпидифоровной...

А „старый трубадуръ“ тѣмъ временемъ, скрыпя широкими сапогами по крупному песку краснаго двора Сицкаго, въ компаніи своихъ учителей, говорилъ имъ растроганнымъ и дрожащимъ шопотомъ:

— Не отъ міра сего эта Офелія, господа, не отъ міра сего!...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

PG
3467
M327
1885
t.3=4

Markevich, Boleslav Mikhailovich
Polnoe sobranie sochinenii
3=4

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY